Маркъ Твэнъ.

Жизнь на рѣкѣ Миссисипи.

Переводъ съ англійскаго

Льва Уманца.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1907.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Рѣка и ея исторія.

Рѣка Миссисипи стоитъ того, чтобы ознакомиться съ ней; это не только мѣстная рѣка, имѣющая значеніе для своей территоріи, — но она интересна также во многихъ другихъ отношеніяхъ. Если мы причислимъ къ ней и Миссури—главнѣйшій притокъ ея, то она по справедливости можетъ считаться длиннѣйшей рѣкой во всемъ свѣтѣ: она простирается на четыре тысячи триста миль! Можно съ увѣренностью сказать, что при этомъ Миссисипи самая извилистая рѣка въ мірѣ, такъ какъ все ея теченіе, равное длинѣ четыремъ тысячамъ тремъ стамъ милямъ, простирается по сравнительно небольшой территоріи: по прямой линіи отъ ея истоковъ до устья считается шестьсотъ семьдесятъ пять миль. Русло ея содержитъ въ себѣ воды втрое болѣе, нежели рѣка св. Лаврентія, въ двадцать пять разъ больше, нежели Рейнъ, и въ триста шестьдесятъ восемь разъ болѣе, чѣмъ Темза. Никакая другая рѣка не обладаетъ столь обширнымъ воднымъ бассейномъ—она орошаетъ собою двадцать восемь штатовъ и территорію, начиная отъ Делавэра, находящагося на берегу Атлантическаго океана, и отъ той мѣстности, которая лежитъ между нимъ и Идаго, до береговъ Тихаго океана: пространство это занимаетъ сорокъ пять градусовъ долготы. Миссисипи принимаетъ въ себя и затѣмъ изливаетъ въ заливъ воду пятидесяти четырехъ рѣкъ, впадающихъ въ нее и судоходныхъ, и около сотни рѣкъ, не столь глубокихъ, по которымъ могутъ, однакоже, двигаться плоты и барки. Площадь этого виднаго бассейна гораздо болѣе площади Англіи, Шотландіи, Ирландіи, Франціи, Испаніи, Португаліи, Германіи, Австріи, Италіи и Турціи,— вмѣстѣ взятыхъ! И вся эта площадь отличается плодородіемъ, въ особенности долина Миссисипи!

Рѣка эта замѣчательна еще и въ другомъ отношеніи: вмѣсто того, чтобы расширяться по направленію къ устью, какъ это бываетъ обыкновенно, она все болѣе и болѣе суживается и притомъ становится все глубже. Нѣсколько ниже впаденія въ нее рѣки Огіо, приблизительно въ среднемъ ея теченіи, ширина ея въ половодье достигаетъ одной мили; по мѣрѣ приближенія къ морю, глубина эта все уменьшается, такъ что около „проходовъ“ (the Passes) она не превышаетъ мили. При впаденіи Огіо глубина ея равна восьмидесяти семи футамъ, а затѣмъ, по направленію къ морю, глубина эта возрастаетъ и около самаго устья достигаетъ ста двадцати девяти футовъ.

Также и прибыль и убыль воды въ Миссисипи особенно замѣчательны въ нижнемъ ея теченіи, а не въ верхнемъ. Прибыль эта почти однообразна до самаго Натшеца (находящагося на разстояніи 360 миль выше устья); она равна приблизительно пятидесяти футамъ, а при Байонъ-ля-Фуршѣ вода прибываетъ на двадцать четыре фута; близъ новаго Орлеана только на пятнадцать, а у самаго устья — всего на два съ половиной!

Въ одномъ журналѣ, издающемся въ Новомъ Орлеанѣ, подъ названіемъ „Jimes Democrat“, была напечатана статья, гдѣ говорится, на основаніи изслѣдованій опытныхъ инженеровъ, что Миссисипи ежегодно несетъ въ Мексиканскій заливъ около четырехсотъ шести милліоновъ тоннъ ила и грязи; вслѣдствіе этого капитанъ Маріотъ назвалъ эту рѣку „Большой Клоакой“, — Great Sewer. Вся эта грязь, если бы она обратилась въ твердую массу, составила бы громадный цилиндръ, въ цѣлую милю въ поперечникѣ и въ сто сорокъ одинъ футъ вышины.

Грязь эта, накопляясь постепенно, точно такъ же постепенно увеличиваетъ территорію рѣки. Она увеличила ее на цѣлую треть противъ прежняго за два столѣтія, т.-е. съ тѣхъ поръ, какъ рѣку стали серьезно изслѣдовать, и она заняла свое мѣсто въ исторіи. По мнѣнію спеціалистовъ, прежде устье Миссисипи лежало близъ теперешняго пункта Батонъ-Ружъ, гдѣ прерывается линія холмовъ, а остальныя двѣсти миль, лежащія между Батонъ - Ружемъ и Мексиканскимъ заливомъ, представляютъ собою наносную почву, образовавшуюся благодаря этой нанесенной рѣкою грязи и илу. Судя по этимъ даннымъ, можно вывести, что территорія эта существуетъ болѣе ста двадцати тысячъ лѣтъ, что вполнѣ вѣроятно; эта полоса земли самая юная, самая позднѣйшая по происхожденіи.

Миссисипи обладаетъ еще однимъ удивительнымъ свойствомъ: она дѣлаетъ огромные скачки, перерѣзая при этомъ ближайшіе

перешейки земли, то расширяясь, то суживаясь. Случалось, что она дѣлала прыжокъ въ тридцать миль; перерѣзы эти имѣли курьезныя послѣдствія, превращали иной разъ прирѣчные города во внутренніе и наоборотъ; иногда передъ городомъ появлялись насыпи и отмели, а рѣка обходила ихъ вслѣдствіе такого прыжка, хотя прежде она текла передъ самымъ городомъ, отдѣляя его отъ ближайшаго лѣса. Теперь этотъ лѣсъ оказывался въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ городомъ. Напримѣръ, городъ Дельта лежалъ на цѣлыхъ три мили выше Виксбурга; а не такъ давно прыжокъ рѣки измѣнилъ это отношеніе, и Виксбургъ очутился на двѣ мили ниже Дельты.

Оба эти прирѣчные города, благодаря такому скачку рѣки, очутились на другой территоріи; прыжки эти иногда подшучиваютъ и надъ законами и надъ обычаями страны. Напримѣръ, предположимъ, вы живете сегодня въ штатѣ Миссисипи, а за ночь рѣка сдѣлаетъ прыжокъ, и вы вмѣстѣ съ землей, на которой живете, очутитесь въ сосѣднемъ штатѣ, въ Луизіанѣ, и должны, разумѣется, подчиниться его мѣстнымъ законамъ и постановленіямъ.

Въ былое время подобный курьезъ произошелъ въ верхней части теченія рѣки, и, благодаря такому прыжку, рабъ, жившій въ штатѣ Миссури, превратися въ свободнаго гражданина штата Иллинойса.

Такими прыжками Миссисипи измѣняетъ не только положеніе мѣстности, но вліяетъ также и на жителей ея, производя чисто физическія измѣненія, отодвигая ихъ туда и сюда. Напримѣръ, близъ Гардъ рѣка течетъ на двѣ мили западнѣе того мѣста, гдѣ она протекала прежде, и такимъ образомъ мѣстность, бывшая прежде въ штатѣ Луизіана, теперь лежитъ въ штатѣ Миссисипи. Почти вся та полоса, по которой двѣсти лѣтъ тому назадъ проплылъ Ла-Салль, простирающаяся на тысячу триста миль, теперь представляетъ сухую землю, тогда какъ въ его время здѣсь протекала рѣка Миссисипи. По нѣкоторымъ мѣстамъ она течетъ вправо противъ прежняго, по другимъ—влѣво.

Илъ и грязь, накопляясь въ устьѣ Миссисипи, составляютъ наносный слой; въ образованіи этого слоя принимаетъ также участіе и теченіе морскихъ волнъ,—работа прилива и отлива,—такъ, напр., островъ св. Пророка лѣтъ тридцать тому назадъ занималъ площадь въ тысячу пятьсотъ акровъ, а теперь, благодаря наносу почвы, площадь эта увеличилась на семьсотъ акровъ.

Теперь коснемся исторіи Миссисипи. Америка повсюду, во всѣхъ книгахъ, называется „Новымъ Свѣтомъ“, и поэтому

мы привыкли думать, что у насъ въ Америкѣ нѣтъ ничего стараго, какъ будто все новое.

Обыкновенно считаютъ, что де-Сото былъ первый изъ европейцевъ, первый *бѣлый*, увидѣвшій Миссисипи.

Это было въ 1542 г.; фактъ этотъ самъ по себѣ очень мало говоритъ намъ; но если сравнимъ эту дату съ другими историческими фактами, то этотъ годъ многое намъ освѣтитъ совершенно иначе: такъ, напр., въ 1542 г., когда де-Сото впервые увидалъ Миссисипи, Игнатій Лойола, основатель іезуитскаго ордена, былъ еще въ неизвѣстности, и іезуитскій орденъ только что за два года передъ тѣмъ былъ основанъ.

Марія Стюартъ, королева Шотландіи, еще не родилась на свѣтъ, Екатерина Медичи была ребенкомъ, королева англійская Елизавета не достигла совершеннолѣтія, Кальвинъ, Бенвенуто Челлини, императоръ германскій Карлъ V—достигли славы, и каждый изъ нихъ старался передѣлывать исторію согласно своему вкусу. Маргарита, королева наварская, писала въ это время свой сборникъ легкомысленныхъ разсказовъ: Гептамеронъ, а также нѣсколько другихъ книгъ религіознаго содержанія. Гептамеронъ пережилъ другіе ея труды, а религіозныя книги Маргариты совершенно забылись въ настоящее время: это показываетъ, что фривольные разсказы и остроуміе переживаютъ религіозныя темы. Въ то время, впрочемъ, религіознымъ вопросомъ не интересовались въ Европѣ. Былъ созванъ знаменитый „Тридентскій соборъ“; инквизиція подвергала людей преслѣдованію, сжигала ихъ, казнила „еретиковъ“: она надѣялась вразумить Европу и заставить христіанъ вести нравственный и религіозный образъ жизни—съ помощью огня и меча! Генрихъ VIII, король англійскій, упразднилъ монастыри, отобралъ монастырскія имущества, ввелъ въ Англіи реформацію и завелъ у себя гаремъ. Де-Сото посѣтилъ Миссисипи за два года до смерти Лютера, за одиннадцать лѣтъ до сожженія Сервета (открывшаго кровообращеніе), за тридцать лѣтъ до Варѳоломеевской ночи. Въ это время Рабле еще не выпускалъ въ свѣтъ своего Гаргантюа, Донъ-Кихотъ еще не былъ написанъ Сервантесомъ, Шекспиръ еще не родился на свѣтъ, и прошло еще сто лѣтъ, прежде чѣмъ англичане услыхали имя Оливера Кромвеля!

Несомнѣнно, что открытіе Миссисипи представляетъ собою фактъ уже давно совершившійся; это обстоятельство бросаетъ нѣсколько иной свѣтъ на пресловутую „новизну“ нашей страны и придаетъ ей видъ древности и солидности, какъ и всякой другой антикварной вещи.

Де-Сото совершилъ путешествіе внизъ по теченію рѣки и умеръ; патеры и солдаты похоронили его; въ то время предполагали, что эти патеры и солдаты умышленно преувеличивали размѣры рѣки, разъ въ десять, если не больше, такъ какъ въ ту эпоху дѣйствительно существовалъ такой обычай. Это побудило испанцевъ также отправиться туда, для изслѣдованія тѣхъ же мѣстностей.

Но тутъ произошло нѣчто удивительное: патеры и солдаты, вернувшись домой, не вызвали особеннаго интереса своими разсказами о Миссисипи; рѣка эта такъ и оставалась неизслѣдованной въ теченіе многихъ лѣтъ, что намъ теперь кажется невѣроятнымъ, при нашей современной дѣятельности и страсти къ изслѣдованіямъ.

Послѣ того, какъ Сото побывалъ на Миссисипи, прошло еще почти двадцать пять лѣтъ, и родился Шекспиръ; великій поэтъ прожилъ пятьдесятъ лѣтъ съ небольшимъ и умеръ, прахъ его болѣе пятидесяти лѣтъ пролежалъ въ землѣ, и только тогда, наконецъ, появился второй бѣлый—европеецъ, пожелавшій взглянуть на Миссисипи. Наши современники не стали бы дожидаться сто тридцать лѣтъ, чтобы взглянуть на такое чудесное явленіе. Если кто-нибудь откроетъ крошечную рѣчонку близъ сѣвернаго полюса, то Европа и Америка тотчасъ снарядитъ, по крайней мѣрѣ, пятнадцать экспедицій, сопряженныхъ съ огромными издержками; первая отправится для изслѣдованія новооткрытой рѣки, а остальныя—будутъ посланы на розыски одна за другой и будутъ другъ за другомъ гоняться.

На американскомъ берегу Атлантиды уже болѣе полутораста лѣтъ существовало населеніе бѣлыхъ людей; они имѣли сношеніе съ индѣйцами; въ южной части эти бѣлые—испанцы—грабили индѣйцевъ, старались поработить, обращая въ христіанство.

Неподалеку отъ нихъ, ближе къ сѣверу, распоряжались англичане, продавали туземцамъ бусы, сукно, а также виски (англійскую водку) и распространяли просвѣщеніе; французы поселились въ Канадѣ, также вводили просвѣщеніе самымъ примитивнымъ способомъ, посылали туземцамъ своихъ миссіонеровъ; такимъ образомъ они привлекли большинство населенія въ городъ Квебекъ, а потомъ въ Монреаль, гдѣ и покупали у туземцевъ дорогіе рѣдкіе мѣха. Естественно, что этимъ европейцамъ случалось не разъ слышать отъ туземцевъ о существованіи большой-большой рѣки на далекомъ западѣ; но извѣстія эти были смутны, неопредѣленны—они не знали ничего точнаго о величинѣ, протяженіи этой рѣки и о мѣстности, орошаемой

ею. Эта таинственность, неопредѣленность свѣдѣній должна бы, кажется, возбудить въ нихъ особенное любопытство, но на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не случилось.

Никто этой рѣкой не заинтересовался, она никому не была нужна! Де-Сото словно наткнулся на н е случайно, неожиданно: онъ и не искалъ ее въ этой мѣстности, а потому и самъ не придавалъ ей важнаго значенія.

Наконецъ уже французъ, по имени Ла-Салль, рѣшился заняться изслѣдованіемъ этой рѣки.

Обыкновенно такъ случается, что если кто схватится за мысль, которой всѣ долго пренебрегали, то ему тотчасъ станутъ подражать, и многіе пойдутъ по его слѣдамъ.

Такъ было и въ данномъ случаѣ.

Естественно, что самъ собою возникаетъ вопросъ: для чего имъ понадобилась рѣка, которой совершенно пренебрегали предыдущія поколѣнія. Вѣроятно, они надѣялись съ помощью этой рѣки открыть новый путь, которымъ можно будетъ воспользоваться. Въ то время предполагали, что Миссисипи впадаетъ въ Калифорнскій заливъ, и поэтому представляетъ удобный кратчайшій путь изъ Канады въ Китай. Впрочемъ, другіе въ то же время предполагали, что она впадаетъ въ Атлантическій океанъ или же въ Виргинское море.

II.

Рѣка и ея изслѣдователи.

Ла-Салль получилъ нѣкоторыя важныя привилегіи, благосклонно дарованныя ему раздутой памяти королемъ Людовикомъ XIV. Между прочимъ, ему предоставлялось право изслѣдованія мѣстностей, какъ близлежащихъ, такъ и отдаленныхъ, а также строить форты; расходы по постройкамъ онъ долженъ былъ принять на себя, но взамѣнъ этого пользовался разными выгодами и преимуществами, тѣмъ или другимъ способомъ, между прочимъ, онъ получилъ монополію на торговлю буйволовой кожей. Въ нѣсколько лѣтъ своего пребыванія здѣсь онъ истратилъ почти всѣ свои деньги, совершая опасные рейсы между Монреалемъ и тѣмъ фортомъ, который онъ самъ построилъ въ Иллинойсѣ, и тогда уже, наконецъ, снарядилъ экспедицію въ такомъ видѣ, что она могла рѣшиться предпринять плаваніе по Миссисипи.

Въ то же самое время другіе предприниматели такъ же интересовались этимъ вопросомъ и были счастливѣе его. Въ 1673 году купецъ Джоліетъ и патеръ Маркетъ проѣхали черезъ

всю территорію къ берегамъ Миссисипи. Они двигались тѣмъ путемъ, гдѣ лежатъ „Великія Озера"; отъ Зеленаго берега они ѣхали въ челнокахъ, по Лисьей рѣкѣ и Висконсину. Патеръ Маркетъ далъ торжественный обѣтъ, что если св. Дѣва поможетъ ему открыть великую рѣку въ день Непорочнаго Зачатія, то онъ назоветъ ее рѣкой „Непорочнаго Зачатія",—въ честь св. Дѣвы. Маркетъ исполнилъ свою клятву. Въ тѣ времена путешественники всегда ѣздили въ сопровожденіи духовныхъ лицъ, и при де-Сото также было двадцать четыре патера. Ла-Салль имѣлъ ихъ также нѣсколько человѣкъ при себѣ. Экспедиція нерѣдко терпѣла нужду въ мясѣ, въ одеждѣ, но всѣ предметы, необходимые для совершенія мессы, у нихъ всегда были въ изобиліи.

Патеры были всегда готовы, по словамъ одного современнаго писателя, „объяснять дикарямъ, что ихъ ожидаетъ за гробомъ геенна огненная".

17 іюня 1673 года лодки Маркета и Джоліета достигли того пункта, гдѣ въ Миссисипи впадаетъ рѣка Висконсинъ. Вотъ что говоритъ мистеръ Бэркманъ:

„На ихъ пути лежалъ широкій и быстрый потокъ, скрывавшійся въ лѣсу". Далѣе онъ прибавляетъ:

„Свернувъ къ югу, они начали грести внизъ по рѣкѣ, при полной тишинѣ, окружавшей ихъ,—такъ какъ вокругъ не было замѣтно никакихъ человѣческихъ слѣдовъ".

Большой „Рѣчной Котъ" (Кэтъ-фишъ) преслѣдовалъ челнокъ Маркета и пугалъ его. Туземцы еще раньше предупреждали путешественниковъ, что они предпринимаютъ очень опасное плаваніе, такъ какъ въ этой рѣкѣ живетъ особый демонъ

„Звукъ трубы этого демона,—утверждали они,—раздается на дальнее разстояніе, и этотъ трубный гулъ низвергаетъ всѣ живыя существа въ пропасть, гдѣ таится обиталище этого злого духа".

Мнѣ самому случалось видѣть миссисипскаго „Рѣчного Кота", болѣе шести футовъ длиной и вѣсомъ въ двѣсти пятьдесятъ фунтовъ. Если котъ, преслѣдовавшій лодку Маркета, былъ похожъ на того, котораго я видѣлъ, то онъ не даромъ принялъ его за рѣчного демона, издающаго трубные звуки!

Вотъ, наконецъ, понемногу стали появляться по берегамъ буйволы, щипавшіе траву по прибрежнымъ лугамъ. Маркетъ описываетъ ихъ свирѣпый, дикій видъ и глупое, безсмысленное выраженіе глазъ, устремленныхъ на путешественниковъ. Густая, пышная грива почти закрываетъ имъ глаза, мѣшая смотрѣть.

Путешественники осторожно подвигались впередъ. Ночью они приставали къ берегу, разводили костеръ, готовили ужинъ. Потомъ, погасивъ огонь, садились снова въ шлюпки и продолжали плыть по теченію рѣки. Проплывъ небольшое разстояніе, они бросали якорь и ложились спать въ лодкахъ, не выходя на берегъ, поставивъ одного изъ спутниковъ въ качествѣ караульнаго до самаго утра.

Такъ шелъ день за днемъ, ночь за ночью; цѣлыхъ двѣ недѣли подъ рядъ они не встрѣтили ни одного человѣческаго существа. Кругомъ по всей рѣкѣ царила наводящая ужасъ, грозная тишина. Берега Миссисипи и до нашего времени отличаются пустынностью по большей части ея протяж нія.

Но въ концѣ второй недѣли отъ начала ихъ плаванія путешественники, какъ Робинзонъ Крузо, замѣтили слѣды человѣческихъ ногъ на прибрежной грязи; это обстоятельство не мало смутило ихъ; ихъ предостерегали раньше, что туземцы, живущіе по берегамъ Миссисипи, дики и свирѣпы, подобно водянымъ демонамъ, и по обыкновенію безжалостно нападаютъ на всѣхъ чужеземцевъ, не ожидая никакихъ объясненій, безъ разговоровъ. Однакоже Маркетъ и его спутники, выйдя изъ лодокъ, направились по слѣдамъ, надѣясь встрѣтить человѣческія существа, которымъ принадлежали эти слѣды. И, дѣйствительно, они нашли индѣйцевъ, которые встрѣтили ихъ радушно и гостепріимно. Гостепріимство ихъ выражалось при этомъ довольно своеобразно: индѣйскій вождь снялъ съ себя покрывавшія его тѣло лохмотья и явился передъ гостями въ натуральномъ видѣ!.. Ихъ угощали рыбой, дичью, мясомъ, между прочимъ, и собачьимъ, и всѣ эти кушанья, ради гостепріимства и утонченной вѣжливости, сами запихивали въ ротъ своему гостю, собственными пальцами, ужъ, конечно, безъ перчатокъ!

На слѣдующее утро вождь индѣйцевъ, въ сопровожденіи шестисотъ своихъ соплеменниковъ, проводилъ путешественниковъ до берега рѣки и дружелюбно съ ними распрощался.

На скалистыхъ склонахъ, повыше того мѣста, гдѣ теперь расположенъ городъ Альтона, они нашли нѣсколько грубыхъ изображеній, сдѣланныхъ индѣйцами; они подробно описали эти фигуры. Немного ниже, по теченію, „потокъ желтой грязи вливался въ воды Миссисипи, поперекъ ихъ спокойнаго, плавнаго теченія; потокъ этотъ пѣнился, шумѣлъ, брызгалъ и увлекалъ въ своемъ теченіи вѣтви, сучья и даже стволы вырванныхъ съ корнемъ деревьевъ“. Это было устье Миссури—„этой дикой рѣки, которая, по словамъ путешественника, несется бѣшенымъ потокомъ и протекаетъ по невѣдомымъ, дикимъ

странамъ, ввергая свои бурныя волны въ тихое, спокойное лоно своей миролюбивой, нѣжной сестры, т.-е. рѣки Миссисипи“.

Наконецъ они достигли устья Огіо, миновали прибрежные тростники; здѣсь имъ пришлось вести войну съ москитами; потомъ опять они плыли день за днемъ, изнемогая отъ жары, и дремали подъ тѣнью полотнянаго шатра. Далѣе они встрѣтили другое индѣйское племя, которое также обошлось любезно съ ними. Затѣмъ наши путешественники достигли устья Арканзаса, гдѣ встрѣтили воинственное племя индѣйцевъ-дикарей, которые хотѣли было схватить ихъ и умертвить. Но европейцы обратились съ мольбой къ св. Дѣвѣ, послѣ чего сраженіе обратилось въ веселое пиршество.

Путешественники, къ удовольствію своему, убѣдились, что Миссисипи впадаетъ вовсе не въ Калифорнскій заливъ и не въ Атлантическій океанъ. Они и раньше это предполагали, что рѣка эта впадаетъ въ Мексиканскій заливъ. Отсюда они повернули обратно и повезли новыя извѣстія въ Канаду. Однакоже предположеніе еще не составляетъ доказательства; точныя данныя удалось добыть только Ла-Саллю. Сначала его преслѣдовали несчастія и неудачи, одна за другой, но потомъ (1681) ему удалось снарядить экспедицію. Въ концѣ зимы этого года онъ самъ, вмѣстѣ со своимъ лейтенантомъ Тонти, сыномъ извѣстнаго Лоренцо Тонти (который изобрѣлъ такъ называемыя тонтины *), направился внизъ по теченію Иллинойса въ сопровожденіи восемнадцати человѣкъ индѣйцевъ, которыхъ онъ привезъ съ собою изъ Новой Англіи и двадцати трехъ французовъ. Они двинулись по льду замерзшей рѣки, пѣшкомъ, таща за собою свои лодки, поставивъ ихъ на полозья.

Близъ озера Пейора они нашли не замерзшую воду и, свернувъ по направленію къ югу, устремились къ Миссисипи. Имъ пришлось двигаться среди глыбъ плавающаго льда; затѣмъ они миновали устье Миссури, далѣе—устье Огіо, и такъ шли все дальше и дальше, двигаясь вдоль пустынныхъ болотъ, расположенныхъ по берегамъ рѣки, и 24 февраля достигли третьяго Чиказаусскаго утеса; здѣсь они остановились и построили фортъ Прюдомъ.

---

*) *Тонтины*—страховыя учрежденія, основанныя на томъ принципѣ, что каждый членъ общества (*Тонтины*) пользуется дивидендомъ до своей смерти, *пожизненно*. Съ его смертью число пайщиковъ уменьшается, слѣд. дивидендъ на долю каждаго *увеличивается*; по этому пайщикъ, пережившій всѣхъ остальныхъ сочленовъ, получаетъ самый крупный капиталъ. Въ 1763 г. *Тонтины* были запрещены во Франціи.

„Затѣмъ,—продолжаетъ мистеръ Бэркманъ,—они снова сѣли на лодки, и по мѣрѣ того, какъ они двигались впередъ отъ одного пункта до другого, понемногу открывали все болѣе и болѣе невѣдомыя доселѣ тайны Новаго Свѣта. Они приближались при этомъ къ царству Весны. Теплый, ароматный воздухъ, солнечный свѣтъ, нѣжная листва растеній, распускающіеся цвѣты—все это предвѣщало близкое пробужденіе природы.

Мало-по-малу, день за днемъ, они миновали большія извилины рѣки и пріѣхали къ устью Арканзаса какъ разъ во время, т.-е. какъ предполагали. Здѣсь ихъ встрѣтили туземцы, какъ когда-то Маркета; сначала они относились къ нимъ съ воинственнымъ крикомъ, но потомъ обошлись съ иностранцами весьма дружелюбно, такъ какъ тѣ заявили имъ о своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ. Здѣсь ла-Салль, къ великому восторгу дикарей, водрузилъ крестъ съ изображеніемъ французскаго герба и овладѣлъ всей страной отъ имени французскаго короля; патеры и духовенство санкціонировали этотъ грабежъ пѣніемъ священныхъ гимновъ. Патеры при этомъ объясняли дикарямъ таинства христіанской вѣры, ради спасенія ихъ заблудшихъ душъ, объясняли, конечно, знаками, пантомимой. Такимъ образомъ они какъ бы обѣщали имъ небесную награду за тѣ земныя блага, которыя у нихъ отнимали, хотя небесныя блага были сомнительны, а земныя—вполнѣ существенны и осязательны. Итакъ, съ помощью пантомимы Ла-Саллю удалось убѣдить этихъ дѣтей природы, присягнуть на вѣрность королю Людовику XIV. При видѣ этой колоссальной ироніи никто даже не улыбнулся!

Все это совершилось какъ разъ въ той мѣстности, гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ городъ и здѣсь же, на берегу большой рѣки, былъ водруженъ крестъ, который эмблематически выражалъ переходъ страны во власть короля. Путешествіе Маркета и Джоліета, имѣвшее цѣлью открытіе новой рѣки, окончилось на томъ пунктѣ, гдѣ со временемъ былъ построенъ городъ Наполеона. Де-Сото также началъ отсюда свое плаваніе какъ разъ отъ того пункта, гдѣ впослѣдствіи былъ выстроенъ городъ Наполеона — Арканзасъ. Такимъ образомъ оказывается, что съ этимъ пунктомъ связано нѣсколько историческихъ событій—это одно изъ самыхъ удивительныхъ совпаденій, какія только когда-либо случались наблюдать въ исторіи. Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, Франція совершила грабежъ, присвоивъ себѣ чужую собственность—всю окрестную мѣстность,—и здѣсь же Наполеонъ отдалъ ее обратно,—только не прежнимъ владѣльцамъ, а ихъ бѣлымъ наслѣдникамъ и преемникамъ—американцамъ!

Между тѣмъ путешественники причаливали къ разнымъ пунктамъ: то тамъ, то здѣсь „они проѣзжали мѣстности, впослѣдствіи получившія историческое значеніе, посѣтили Виксбургъ и „Великій Заливъ“, побывали также у величаваго индѣйскаго монарха, въ странѣ Техэ; въ столицѣ этого властителя были дома, построенные изъ смѣси соломы съ глиняными кирпичами, высушенными на солнцѣ; подобные дома, строившіеся въ тѣ времена гораздо лучше многихъ современныхъ построекъ, которыя мы находимъ въ этой мѣстности. Во дворцѣ монарха была зала для аудіенціи въ сорокъ футовъ въ діаметрѣ; въ этой-то залѣ онъ и принялъ Тонти, окруженнаго свитой, состоявшей изъ шестидесяти старцевъ въ бѣлыхъ одеждахъ. Въ городѣ былъ также посвященный солнцу храмъ, окруженный стѣной, выстроенной изъ грязи и ила, и украшенный черепами убитыхъ враговъ.

Далѣе они посѣтили и городъ Натшецъ, построенный индѣйцами вблизи того мѣста, гдѣ теперь находится современный городъ, носящій то же названіе. „Здѣсь они нашли политическій и религіозный деспотизмъ: привилегированный классъ населенія, по убѣжденію туземцевъ, происходитъ будто бы отъ самого солнца, и этому божеству посвященъ особый храмъ и горитъ священный огонь“.

Однако же имъ уже пора было возвратиться домой; на родинѣ они получили большія льготы и привилегіи; въ то время короля Людовика XIV уже не было въ живыхъ. Черезъ нѣсколько дней Ла-Салль гордо стоялъ подъ сѣнью водруженнаго имъ креста, которымъ приводилъ окружающую мѣстность подъ власть французскаго монарха; это было тамъ, гдѣ воды рѣкъ сливаются вмѣстѣ, стремясь изъ Делавэра, изъ Итаски, изъ горъ, окаймляющихъ берега Тихаго Океана, гдѣ эти воды соединяются съ рѣками Мексиканскаго залива; его миссія была выполнена, и выполнена чудеснымъ, блестящимъ образомъ. Мистеръ Бэркманъ заканчиваетъ свой увлекательный разсказъ слѣдующими строками:

„Въ это время французское правительство получило составленный на пергаментѣ списокъ своихъ новыхъ обширныхъ пріобрѣтеній: плодородныя долины Техаса, огромный бассейнъ рѣки Миссисипи, начиная отъ ея холодныхъ, сѣверныхъ истоковъ до знойныхъ береговъ залива, отъ покрытыхъ растительностью горныхъ цѣпей Аллеганскихъ—вплоть до пустынныхъ, безплодныхъ вершинъ Скалистыхъ горъ, страну саваннъ и лѣсовъ, выжженныхъ солнцемъ пустынь и сочныхъ пастбищъ на обильныхъ травою преріяхъ, — массу водъ, тысячу рѣкъ и ручьевъ, гдѣ живутъ тысячи различныхъ воинственныхъ пле-

менъ,—все это перешло подъ скипетръ Версальскаго султана, и все это совершено съ помощью слабаго человѣческаго голоса, который неслышенъ даже на разстояніи полумили.

III.

Фрески изъ прошлаго.

Теперь рѣка была, повидимому, совершенно подготовлена, такъ что на ней могла начаться жизнь и дѣятельность. Однакоже населеніе распредѣлялось по ея берегамъ необыкновенно медленно, и на заселеніе ихъ потребовалось столько же времени, какъ и на самое открытіе и изслѣдованіе рѣки.

Послѣ первыхъ изслѣдованій Миссисипи прошло 70 лѣтъ, и только тогда на берегахъ ея появилось первоначальное населеніе бѣлыхъ—европейцевъ,—такого населенія, которое сколько-нибудь заслуживало вниманія. Прошло еще 50 лѣтъ, прежде чѣмъ на рѣкѣ явились первыя торговыя суда. Между первымъ изслѣдованіемъ Миссисипи, предпринятымъ Ла-Саллемъ, и той эпохой, когда она стала, наконецъ, служить путемъ сообщенія, дорогой для торговыхъ сношеній, прошло не мало времени: въ Англіи за это время смѣнились одинъ за другимъ семь королей; американцы пріобрѣли независимость; короли Людовикъ XIV и XV умерли и успѣли уже сгнить подъ землей. Французская монархія потерпѣла крушеніе во время бури великой революціи, а Наполеонъ стяжалъ себѣ славу, о немъ говорили повсюду. Да, прошло не мало времени: по правдѣ сказать, въ ту эпоху люди не очень-то торопились: это были какія-то черепахи или улитки.

Первоначально торговля производилась на плоскодонныхъ баркахъ, на баржахъ; суда эти двигались вплоть до Новаго Орлеана, начиная отъ верховьевъ рѣки; тамъ они обмѣнивались товарами и отправлялись обратно; весь этотъ путь, взадъ и впередъ, совершался въ девять мѣсяцевъ. За это время торговля и сношенія стали усиливаться, такъ какъ давали заработокъ цѣлымъ толпамъ грубыхъ, но сильныхъ людей: это были люди невоспитанные, безъ всякаго образованія, но отважные, отличавшіеся выдержкой и стоицизмомъ, который такъ необходимъ для моряка. Эти грубые пьяницы напоминали теперешнихъ жителей Нижняго, подгорнаго Натшеца; это были неутомимые работники, драчуны, моты, пьяницы; они охотно пропивали послѣднія деньги и оставались безъ гроша. Тѣмъ не менѣе, между ними часто встрѣчались люди честные и вѣрные своему слову, неспособные солгать и

обмануть; иные отличались даже какимъ-то особымъ величіемъ души.

Понемногу стали появляться паровыя суда. Однакоже въ теченіе первыхъ 15 или 20 лѣтъ мѣстные жители продолжали спускаться внизъ по рѣкѣ на баржахъ первобытной конструкціи, а на пароходахъ они поднимались только вверхъ по Миссисипи, противъ теченія; въ Новомъ Орлеанѣ хозяева обыкновенно продавали свои суда и возвращались обратно уже на палубѣ парохода, въ качествѣ пассажировъ.

Нѣсколько времени спустя число пароходовъ увеличилось; они были такъ многочисленны, что забрали въ свои руки всю мѣстную торговлю, паруснымъ и гребнымъ судамъ пришлось совсѣмъ уступить имъ мѣсто и исчезнуть. Судовщики, хозяева прежнихъ баржъ, поступали кочегарами на пароходы; а если кто не находилъ себѣ подходящаго мѣста, то отправлялся на службу на плоскодонныхъ судахъ и угольныхъ баржахъ, которыя строились въ лѣсахъ исключительно для плаванія по притокамъ Миссисипи.

Въ періодъ процвѣтанія пароходства на рѣкѣ встрѣчались въ изобиліи не одни только паровыя суда, но также и угольныя баржи и плоты; хозяева ихъ были такіе же грубые и неотесанные люди, какъ и тѣ, о которыхъ я упомянулъ выше. Я помню, какъ мимо нашей деревни, по имени Ганнибалъ, ежегодно проплывала длинная-длинная, почти въ цѣлую милю, процессія, состоявшая изъ такихъ плотовъ и баржъ. Они были окрашены въ бѣлую краску, и отъ нихъ издали доносился пріятный, сладковатый запахъ. На каждой баржѣ помѣщалась толпа рабочихъ, человѣкъ двадцать или даже больше; на плотахъ устраивались хижины, чтобы укрыться отъ бури. Я помню, какъ эти судовщики сурово обращались съ другими, помню ихъ грубый разговоръ, приводившій меня въ ужасъ. Я былъ тогда еще мальчикомъ, и вмѣстѣ съ другими товарищами мнѣ случалось проплывать вплавь по рѣкѣ съ тѣмъ, чтобы вскарабкаться незамѣтно на одинъ изъ плотовъ и проѣхать на немъ треть или четверть мили до своего берега, а потомъ вернуться домой.

Чтобы ярче изобразить характеръ и разговоры этихъ судовщиковъ, я хочу привести главу изъ одной книги, которую я пишу уже шесть лѣтъ и, быть-можетъ, проработаю надъ нею еще лѣтъ пять или шесть. Въ этой книгѣ разсказывается судьба бѣднаго мальчика, сына одного пьяницы, Гэка Финна; этотъ мальчикъ бѣжалъ отъ преслѣдованій отца и доброй вдовы, намѣревавшейся сдѣлать изъ него честнаго, порядочно воспитаннаго юношу. Вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ и невольникъ этой вдовы, по

имени Джимъ. Они нашли старый, полуизломанный плотъ и пустились въ путь. Вода стояла высоко, это было лѣтнее время.

Путешественники хотѣли доѣхать до Каиро, гдѣ невольникъ надѣялся стать свободнымъ гражданиномъ въ свободномъ штатѣ, но по случаю сильнаго тумана они нечаянно проѣхали Каиро, не замѣтивъ его. Вскорѣ они увидали свою ошибку. Тогда Гэкъ рѣшился направиться къ большому плоту, плывшему передъ ними. Они хотѣли во мракѣ взобраться на этотъ плотъ и подслушать разговоръ судовщиковъ.

Изъ этого разговора они разсчитывали почерпнуть необходимыя для нихъ свѣдѣнія.

Но вы знаете сами, что юноши не любятъ долго дожидаться, если имъ чего-нибудь захотѣлось. Мы начали обсуждать этотъ планъ, и Джимъ заявилъ, что въ такую темную ночь мы ничѣмъ не рискуемъ: насъ, навѣрное, не могутъ замѣтить съ плота, и мы можемъ взобраться на бортъ и подслушать разговоръ плотовщиковъ. Навѣрное, они будутъ говорить о Каирѣ, такъ какъ они также разсчитываютъ посѣтить этотъ городъ, чтобы купить тамъ виски (водки) и провизіи. У Джима была удивительно сообразительная голова: для негра онъ былъ очень смышленъ. Онъ всегда умѣлъ придумать хорошій планъ, когда это было нужно.

Я вскочилъ поспѣшно, снялъ все, что было на мнѣ надѣто, и бросился въ воду, стараясь плыть по направленію огонька, виднѣвшагося на плоту. По мѣрѣ того, какъ я сталъ приближаться къ нему, моя храбрость нѣсколько остыла, я сталъ двигаться осторожнѣе и медленнѣе. Однакоже все шло прекрасно: никого не было замѣтно на плоту. Я поплылъ вдоль борта плота и вскорѣ увидалъ, что посрединѣ его горитъ яркій огонь; очутившись наравнѣ съ этимъ мѣстомъ, я сталъ карабкаться и, взобравшись на плотъ, тихонько пробрался между связками какой-то клади, на противоположную сторону, не освѣщенную фонаремъ. На вахтѣ сидѣло тридцать человѣкъ. Они пили изъ оловянной кружки и ковша, передавая ихъ другъ другу. Одинъ изъ нихъ пѣлъ или, вѣрнѣе, сказать хрипѣлъ. Такая пѣсня, конечно, совсѣмъ не годилась бы для пѣнія въ изящномъ салонѣ. Онъ издавалъ носовые звуки, гнусавилъ и вытягивалъ послѣднее слово каждой строки. По окончаніи пѣсни послышались воинственные крики судовщиковъ, затѣмъ была начата другая пѣсня; она начиналась слѣдующими строками:

У насъ въ селѣ была красотка,
Была мила, тиха, смирна,
Жила съ супругомъ нѣжно, кротко.
Сосѣдъ подумалъ: „Вотъ находка,
Мнѣ, право, по сердцу она!“

Сосѣдъ все пѣлъ ей нѣжно, кротко:
„Моей, моей ты стать должна!"
У насъ въ селѣ жила красотка:
Для мужа чис ая находка,
Такая милая жена!..

И такимъ образомъ онъ тянулъ цѣлыхъ четырнадцать строфъ. Когда онъ дошелъ до пятнадцатой строфы, то одинъ изъ присутствующихъ сказалъ:

— Твое пѣніе похоже на мычаніе старой коровы. Пощади насъ, избавь отъ него и прекрати эту безобразную музыку.

А другой прибавилъ:

— Дай намъ покой! Не мучь насъ!

Третій совѣтовалъ пѣвцу прогуляться.

Этими замѣчаніями они такъ его раздразнили, что онъ дошелъ почти до бѣшенства и сталъ изрыгать отчаянныя проклятія, грозя переколотить этихъ „воровъ".

Казалось, всѣ они были готовы броситься на него и растерзать, но самый рослый изъ нихъ обратился къ остальнымъ, говоря:

— Сидите смирно, джентльмены! Оставьте его мнѣ: это моя добыча!

При этомъ трижды подпрыгнулъ на мѣстѣ, каждый разъ ударяя пятками одна о другую. Подбросивъ кверху оленью куртку, отдѣланную бахромой, онъ воскликнулъ:

— Вы можете считать, что его страданія кончены!

Съ этими словами онъ опять сдѣлалъ прыжокъ въ воздухѣ и прибавилъ:

— Я старый, окованный желѣзомъ и покрытый мѣдной броней „трупн ıхъ дѣлъ мастеръ". Я дѣлаю щепы изъ дикарей Арканзаса. Взгляните на меня! Я тотъ, кого называютъ „скоропостижною смертью" и „великимъ отчаяніемъ". Ураганъ породилъ меня на свѣтъ, я явился сюда во время бури и землетрясенія: я сводный братъ холерѣ. Взгляните на меня: я съѣдаю въ одинъ присѣстъ девятнадцать аллигаторовъ и выпиваю боченокъ водки, когда чувствую себя въ добромъ здоровьѣ; а когда не совсѣмъ здоровъ, то съѣдаю мертвое тѣло. Однимъ своимъ взглядомъ я разрушаю скалы; мой голосъ заглушаетъ громы небесные! Гупъ-гупъ! Отступите назадъ, дайте мнѣ просторъ, котораго я достоинъ. Кровь — это обычный мой напитокъ, стоны умирающихъ — самая пріятная для меня музыка! Устремите на меня ваши взоры, джентльмены! Склонитесь предо мною, затаите ваше дыханіе: дайте мнѣ развернуться, дайте разойтись моей силѣ во всю ширь!

Потомъ онъ началъ ходить вдоль и поперекъ, качая головой и съ гордостью взирая на окружающихъ. Онъ выпячивалъ

грудь, разводилъ въ разныя стороны огромными руками и повторялъ нѣсколько разъ:

— Гупъ! Гупъ! Я самый кровожадный сынъ самаго дикаго шакала, который когда-либо былъ на свѣтѣ!

Затѣмъ онъ снова наклонился впередъ, потомъ откинулъ голову назадъ и продолжалъ:

— Склоните ваши головы! Приближается царство горя и несчастій! Удержите меня здѣсь, я чувствую, что сила моя начинаетъ дѣйствовать. Я сынъ грѣха, я чадо преступленія; не пускайте меня, не давайте мнѣ подниматься, не дайте унестись отсюда! Не взирайте на меня простыми, невооруженными глазами! Вы должны вооружиться закопченными стеклами, чтобы не ослѣпнуть, взирая на меня! Когда на меня нападаетъ игривый стихъ, то я употребляю вмѣсто невода географическую сѣть, состоящую изъ меридіановъ и параллельныхъ круговъ; я забрасываю ее въ океанъ и ловлю китовъ! Молніей я чешу себѣ волосы, я засыпаю подъ рокотъ небеснаго грома! Когда мнѣ холодно, я подогрѣваю Мексиканскій заливъ и купаюсь въ его водахъ. Если мнѣ жарко, я обмахиваюсь вмѣсто вѣера южной африканской бурей, свирѣпствующей на экваторѣ. Когда меня мучитъ жажда, я высасываю влагу изъ облака небеснаго, словно изъ губки! Когда я голоденъ, я обхожу земной шаръ, и голодъ идетъ вслѣдъ за мною! Гупъ! Гупъ! Склоните головы! Я простираю руку, возлагаю руку на лицо солнца, и наступаетъ мракъ ночной!..

Потомъ онъ снова подпрыгнулъ и, ударивъ пятками другъ о друга, воскликнулъ:

— Преклоните головы! Грядетъ любимое Чадо Горя!

Послѣ этого явился изъ толпы одинъ изъ товарищей, котораго остальные звали Бобъ. Онъ подошелъ къ Чаду Бѣдствій, но тотъ оттолкнулъ его, и вотъ они схватились другъ съ другомъ и стали вертѣться и кружиться по палубѣ, словно изступленные. Бобъ изрыгалъ проклятія и осыпалъ ругательствами Чадо Горя, а тотъ, въ свою очередь, не отставалъ отъ него въ этомъ искусствѣ. Во время этой схватки Бобъ сбилъ съ Чада Горя шляпу и отбросилъ ее на нѣсколько шаговъ; Чадо также сбилъ съ противника шапку, украшенную лентами; тогда тотъ заявилъ, что этого онъ уже никакъ не ожидалъ, и что онъ не намѣренъ прощать оскорбленія, и Чадо Горя долженъ помнить, что скоро ему придется поплатиться самой лучшей своей кровью.

— Это такъ же вѣрно, какъ то, что я живу на свѣтѣ!— подтвердилъ Бобъ.

На это Чадо возразилъ:

— А я тебя предостерегалъ, чтобы ты никогда въ жизни не осмѣливался попадаться на моемъ пути, и если теперь я ужъ, пожалуй, готовъ пощадить тебя,—то это единственно ради твоей жены и дѣтей, если только у тебя есть жена и дѣти!..

Послѣ этого оба противника разошлись въ разныя стороны, потрясая головами, словно они оба сдѣлали хорошее дѣло.

Въ эту минуту изъ толпы выскочилъ небольшого роста товарищъ съ черными усами и воскликнулъ:

— Эй, вы, презрѣнные трусы! Вернитесь-ка сюда, давайте-ка, я васъ обоихъ хорошенько отколочу!..

И съ этими словами онъ приступилъ къ дѣлу. Одному далъ затрещину, а другого сбилъ съ ногъ. Не прошло и двухъ минутъ, какъ они валялись на полу и рычали, словно псы. Остальные товарищи хлопали въ ладоши и кричали радостно:

— Ну-ка, ну-ка, трупныхъ дѣлъ мастеръ! Снимись-ка съ якоря, пустись въ путь!

— Задай ему трезвона! Чадо Горя!—кричалъ другой.

— Экій молодчина, этотъ Дэви! прибавилъ третій. А маленькій Дэви обругалъ своихъ противниковъ ничтожными трусами; по его словамъ, они недостойны ѣсть изъ этой посуды съ собаками и пить вмѣстѣ съ неграми.

Между тѣмъ Бобъ и Чадо Горя пожали другъ другу руку, и сдѣлали это чрезвычайно торжественно, объявивъ, что глубоко уважаютъ другъ друга. Потомъ они обмыли въ рѣкѣ свои окровавленныя физіономіи; водворился порядокъ и тишина, такъ какъ плотъ долженъ былъ сейчасъ переѣхать черезъ отмель.

Я стоялъ молча и неподвижно съ четверть часа и принужденъ былъ нюхать табачный дымъ, такъ какъ одинъ изъ плотовщиковъ оставилъ неподалеку свою дымящуюся трубку.

Когда плотъ миновалъ опасную отмель, они всѣ снова вернулись на прежнія мѣста и стали пить, болтать и пѣть пѣсни. Одинъ изъ нихъ пиликалъ на старой скрипкѣ, остальныя подтягивали пѣсню, кружась по палубѣ.

Одна изъ пѣсней начиналась такъ:

„Какъ пріятна, какъ сладка
Эта жизнь плотовщика!..“

Пѣсню эту пѣли хоромъ; потомъ начались безконечные разговоры о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, касавшіеся всевозможныхъ вопросовъ: говорили о свиньяхъ, о разныхъ породахъ и характерахъ ихъ; говорили о женщинахъ и различныхъ ихъ продѣлкахъ; о пожарахъ и способахъ ихъ тушенія; о помѣшаныхъ и о способахъ лѣченія ихъ. Говорили также о томъ, какъ много всякихъ заботъ и хлопотъ у короля, и

сколько онъ получаетъ дохода. Потомъ говорили, какъ устраивать кошачьи бои. Говорили о томъ, что надо дѣлать, если у васъ случится обморокъ. Затѣмъ коснулись различія между рѣками съ мутной водой и рѣками сь прозрачной водой. Тотъ, котораго остальные звали Эдъ, сказалъ, что мутная вода Миссисипи гораздо полезнѣе для питья, нежели свѣтлая вода Огіо.

— Если взять кружку этой воды, то на днѣ ея наберется осадка на полдюйма или на три четверти, слѣдовательно, она нисколько не лучше воды изъ рѣки Огіо.

„Чадо Горя“ совершенно согласился съ его мнѣніемъ.

— Посмотрите-ка на кладбища!—прибавилъ онъ.—Они вамъ могутъ кое-что разсказать поучительное; деревья на кладбищѣ въ Цинциннати очень мало растутъ, не вытягиваются въ вышину, а въ Сенъ-Луи они, наоборотъ, доходятъ до восьмисотъ футовъ вышины! Эта разница зависитъ отъ того, какую воду пили лежащіе тамъ покойники при жизни! Цинциннатскіе покойнички служатъ хорошимъ удобреніемъ почвы!

Говорили также о томъ, что вода изъ Огіо не смѣшивается съ водою изъ Миссисипи.

При этомъ Эдъ прибавилъ:

— Если вы посмотрите на сліяніе этихъ рѣкъ, когда въ Миссисипи половодье, а въ Огіо вода стоитъ низко, то замѣтите цѣлую полосу свѣтлой воды по всему восточному берегу; эта полоса тянется на сто миль или даже больше; а лишь только вы отойдете отъ берега на четверть мили, тотчасъ увидите, что въ срединѣ течетъ вода значительно мутнѣе сосѣдней полосы.

Потомъ они обсуждали вопросъ, какъ предохранить табакъ отъ сырости, и, наконецъ, коснулись вопроса о загробномъ мірѣ и о привидѣніяхъ. Каждый изъ нихъ сообщалъ случаи, слышанные имъ отъ другихъ; тогда Эдъ сказалъ:

— Что же вы слушаете чужіе разсказы, господа? Пусть кто-нибудь разскажетъ то, что ему случилось видѣть собственными глазами. Хотите, я вамъ разскажу кое-что изъ собственной жизни? Вотъ послушайте-ка.

„— Лѣтъ пять тому назадъ,—продолжалъ онъ,—я служилъ на одномъ плоту, такомъ же большомъ, какъ и этотъ.

„Вотъ однажды я сижу на вахтѣ, а ночь была свѣтлая лунная; сижу я и смотрю; вдругъ подходитъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей, по имени Дикъ Ольбрайтъ; онъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ я сидѣлъ, потомъ всталъ, пошелъ къ самому краю плота, нагнулся, умылъ себѣ лицо и, снова приблизившись ко мнѣ, сѣлъ, набилъ трубку и сказалъ:

„— Я думаю, что мы уже доѣхали до усадьбы Миллера?

„— Да,—отвѣчалъ я.

„Тогда онъ положилъ въ сторону трубку, облокотился головой на руку и сказалъ:

„— А я думалъ, что мы проѣхали больше! Теперь мы должны бы быть ниже по теченію.

„— Я и самъ такъ разсчитывалъ,—отвѣчалъ я,—когда пришелъ на вахту. Цѣлыхъ шесть часовъ мы стояли на мѣстѣ, да вотъ уже шесть часовъ, какъ мы двигаемся, но мнѣ говорили, что здѣсь плотъ долженъ итти медленнѣе прежняго за послѣдній годъ, хотя все обстоитъ благополучно.

„Въ отвѣтъ на это онъ проворчалъ что-то и сказалъ:

„— Ну, въ прежнее время этого не могло бы быть, онъ шелъ бы быстрѣе. Но, дѣйствительно, за послѣдніе два года теченіе здѣсь стало медленнѣе!

„Послѣ этого онъ нѣсколько разъ вставалъ и опять садился на мѣсто и все время смотрѣлъ на землю, что меня удивило. Иногда бываетъ, что мы машинально, невольно подражаемъ другимъ, не замѣчая того. Такъ случилось и со мною: я также сталъ смотрѣть на воду и вдругъ увидалъ предметъ, плывшій то вдали отъ нашего плота, то нѣсколько позади.

„— Что это такое?—спросилъ я.

„— Ничего! Такъ, пустая бочка,—отвѣтилъ онъ угрюмо.

„— Пустая бочка?—воскликнулъ я съ удивленіемъ.—Какъ можешь ты на такомъ разстояніи разсмотрѣть ее? Если такъ, подзорная труба совсѣмъ не нужна тебѣ!

„— Впрочемъ, я навѣрное не знаю,—замѣтилъ Дикъ.—Я думаю, что это бочка, и больше ничего, а навѣрное ничего не знаю.

„— Да,—сказалъ, я — можетъ-быть, это и бочка, а можетъ-быть, что-нибудь совсѣмъ другое! На такомъ разстояніи никто не могъ бы опредѣлить точно.

„— Пойдемъ на вахту,—замѣтилъ онъ.—Намъ больше нечего дѣлать здѣсь.

„— Конечно, Дикъ Ольбрайтъ,—отвѣчалъ я.—Я думаю, этотъ предметъ долженъ догнать насъ.

„На это онъ ничего не отвѣтилъ.

„Я думалъ, что это не бочка, а собака; она устала отъ долгаго плаванія. Наконецъ мы доѣхали до „перекатовъ"; когда нашъ плотъ въѣхалъ на отмель, то странный предметъ сталъ все приближаться къ намъ, и его было ясно видно при лунномъ свѣтѣ. И дѣйствительно, клянусь святымъ Георгіемъ, это была бочка. Я былъ такъ удивленъ, что воскликнулъ:

„— Какъ могъ ты узнать, что это такое, Дикъ Ольбрайтъ? Вѣдь тогда она была на полмили отъ насъ?!.

„— Почемъ я знаю!—проворчалъ Дикъ.

„— Нѣтъ, ты долженъ объяснить мнѣ,—настаивалъ я.

„Тогда онъ сказалъ:

„— Хорошо, я скажу тебѣ; я зналъ впередъ, что это бочка, я видалъ ее и раньше; и другіе товарищи видали ее; они говорятъ, что это проклятая волшебная бочка.

„Тогда я созвалъ остальныхъ вахтенныхъ и сообщилъ имъ слова Дика. А между тѣмъ бочка все плыла наравнѣ съ нами, не подплывая ближе. Она была на разстояніи футовъ двадцати отъ насъ... Одинъ изъ товарищей предложилъ было взять ее на плотъ, но остальные не соглашались на это. Дикъ Ольбрайтъ увѣрялъ, что появленіе бочки—дурное предзнаменованіе, что она принесетъ несчастіе. Капитанъ плота не вѣрилъ этому и говорилъ, что бочка только случайно могла нагнать насъ, такъ какъ попала въ болѣе быстрое теченіе, и, конечно, она должна скоро отъ насъ отстать.

„Послѣ этого мы заговорили о разныхъ другихъ предметахъ, потомъ стали пѣть. Между тѣмъ уже приближался разсвѣтъ. Небо покрылось облаками, а бочка продолжала плавать все на прежнемъ мѣстѣ. Пѣсня не могла развеселить насъ, всѣ были удручены и молчали. Кто-то попробовалъ посмѣяться и пошутить, но на его шутку никто даже не улыбнулся. Потомъ опять всѣ примолкли. Облака сгущались; намъ всѣмъ было, какъ говорится, не по себѣ. Бочка, какъ черное пятно, виднѣлась все на прежнемъ мѣстѣ. Вдругъ поднялся сильный вѣтеръ, засверкала на небѣ молнія; громъ загремѣлъ,—и разразилась сильная буря. Вдругъ одинъ изъ нашихъ плотовщиковъ споткнулся на ходу и сломалъ себѣ ногу. Всѣ были такъ поражены этимъ случаемъ, что не знали, что и подумать. А между тѣмъ, молнія продолжала сверкать ежеминутно, озаряя колыхавшуюся на водѣ бочку. Мы пристально смотрѣли на нее. Когда стало свѣтло и наступило утро, бочка совсѣмъ скрылась изъ нашихъ глазъ.

„Въ теченіе всего дня бочка больше не показывалась, и мы, конечно, не жалѣли о ней нисколько.

„На слѣдующую ночь, часу въ десятомъ, когда всѣ смѣялись, шутили, разговаривали, злополучная бочка опять появилась недалеко отъ плота. Разговоры и шутки тотчасъ прекратились, всѣмъ стало опять не по себѣ. Всѣ молчали и, сидя неподвижно, смотрѣли на таинственную бочку. Небо опять покрылось облаками. Всю ночь бушевала жестокая буря. Одинъ изъ нашихъ плотовщиковъ споткнулся, упалъ и вывихнулъ себѣ ногу. На разсвѣтѣ бочка снова исчезла, но такъ странно пропала изъ вида, что никто не замѣтилъ, какъ и куда она скрылась.

„Весь слѣдующій день мы всѣ были молчаливы и трезвы. Я не хочу этимъ сказать, чтобы никто не пилъ вина; нѣтъ, этого не было; но каждый пилъ отдѣльно, въ одиночку, пожалуй, даже больше, чѣмъ обыкновенно, но общей попойки не было. Всѣ были угрюмы и молчаливы.

„При наступленіи сумерекъ опять мы всѣ расположились вокругъ костра, но сидѣли тихо, молча. Пѣсенъ и разговоровъ не было; всѣ смотрѣли въ одну сторону, ожидая появленія бочки. Вотъ она явилась опять на прежнемъ мѣстѣ. Опять поднялась буря и бушевала всю ночь. Вѣтеръ завывалъ съ страшною силой, словно дикій шакалъ; было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Дождь лилъ потоками, молнія сверкала, гремѣлъ оглушительный громъ. Молнія озаряла рѣку и плотъ; рѣка бушевала съ страшной силой. Капитанъ приказалъ было сняться съ якоря и тронуться дальше, но никто не послушался его: работники не хотѣли приниматься за дѣло въ такую страшную ночь; плаваніе въ такую бурю было бы дѣломъ рискованнымъ. Но вотъ, послѣ страшной молніи, разразился ужасающій громовой ударъ; этимъ ударомъ было убито двое изъ нашихъ товарищей и еще двое получили серьезныя поврежденія. Вы хотите знать, какія именно поврежденія? Представьте себѣ: они также споткнулись и вывихнули ноги. Что же касается бочки, то она стояла на мѣстѣ, мы видѣли ее въ тѣ мгновенія, когда ее озаряла молнія. Потомъ она опять исчезла. Въ этотъ день никто не могъ ничего ѣсть за завтракомъ, всѣ сходились маленькими кучками и шопотомъ переговаривались. Къ Дику Ольбрайту всѣ отнеслись чрезвычайно холодно, непривѣтливо; очень сдержанно пожали ему руку и почти не разговаривали съ нимъ. Когда онъ подходилъ къ какой-нибудь группѣ, то всѣ отстранялись и расходились въ разныя стороны отъ него. Капитанъ велѣлъ собрать всѣ наши лодки и привязать ихъ вокругъ капитанской каюты.

„При наступленіи вечера всѣ опять стали тревожно дожидаться появленія бочки. Нѣкоторые изъ насъ хотѣли убить Дика Ольбрайта, такъ какъ онъ видалъ эту бочку раньше, во время другой поѣздки, и зналъ, что она приноситъ какое-нибудь несчастье. Одни предлагали выбросить его съ плота въ волны, а другіе утверждали, что готовы сами броситься въ рѣку, только бы не видѣть больше проклятой бочки.

Но разговоры скоро окончились; всѣ столпились въ кучу и стали ожидать появленія бочки. Она опять появилась и, доплывъ до прежняго мѣста, остановилась. Тогда капитанъ сказалъ:

„— Вотъ что, ребята, вѣдь вы не дураки полоумные, да и не малыя дѣти; мнѣ вовсе не пріятно, чтобы эта проклятая бочка преслѣдовала насъ вплавь до Новаго Орлеана! Но что намъ дѣлать, чтобы избавиться отъ нея? По-моему, самое лучшее, взять ее да и сжечь, мы этимъ положимъ конецъ нашимъ несчастьямъ! Я самъ сейчасъ схвачу ее и втащу на плотъ.—И, не дожидаясь отвѣта, онъ бросился въ рѣку и поплылъ по направленію къ бочкѣ.

„Черезъ нѣсколько минутъ онъ пригналъ ее къ плоту и вытащилъ изъ воды. Когда ее вскрыли и выбили дно, то тамъ оказался маленькій голый ребенокъ: это былъ сынъ Дика Ольбрайта.

„— Это мой милый, дорогой малютка! — воскликнулъ онъ.— Это мой Чарльзъ Вильямъ Ольбрайтъ, мой погибшій сынъ.

„При этомъ онъ говорилъ несвязно, волновался, словно ему что-то сжимало горло. Онъ разсказалъ намъ, что жилъ прежде на берегу рѣки, у него была жена и сынъ. Однажды ночью ребенокъ сильно кричалъ, онъ хотѣлъ усмирить его и нечаянно задушилъ. Убивать его онъ вовсе не хотѣлъ; это вышло случайно! Потомъ онъ положилъ его въ бочку, и жена не успѣла вернуться и узнать о его преступленіи. Потомъ онъ отправился на сѣверъ и сталъ плотовщикомъ; бочка часто преслѣдуетъ его. Онъ прибавилъ, что появленіе ея предвѣщаетъ какое-нибудь несчастье, что обыкновенно она предвѣщаетъ страшную грозу и бурю, во время которой гибли нѣсколько человѣкъ. Потомъ бочка на нѣсколько времени исчезала и опять появлялась. Товарищи рѣшили убить Дика, но онъ умолялъ подождать еще одну ночь; онъ увѣрялъ, что теперь уже четверо пострадали, поэтому всѣ несчастья должны окончиться. Но плотовщики уже приготовили лодку, чтобы посадить въ нее Дика и умертвить по закону Линча. Но онъ, не дожидаясь этого, схватилъ ребенка и, прижавъ его къ своей груди, бросился въ рѣку. При этомъ онъ горько плакалъ... Съ тѣхъ поръ онъ исчезъ, никто больше не видалъ его!“

— А кто это горько плакалъ,—спросилъ Бобъ:—самъ Дикъ или ребенокъ?

— Конечно, Дикъ! Вѣдь я же вамъ говорю, что ребенокъ былъ мертвый. Онъ погибъ за три года передъ тѣмъ. Какъ же онъ могъ плакать!

— Ну, положимъ, это еще ничего не значитъ, и мертвецъ могъ плакать! А ты вотъ что скажи, какъ же это трупъ могъ за три года сохраниться, не сгнилъ въ водѣ?

— Вотъ ужъ этого я не знаю, какъ это могло случиться! Я вамъ разсказалъ, что самъ видѣлъ, а больше я ничего не знаю.

— А что они потомъ сдѣлали съ бочкой? — допрашивалъ Чадо Горя.

— Они ее швырнули въ рѣку, и она тотчасъ же пошла ко дну, словно кусокъ свинца.

— А что у этого ребенка волосы вылѣзли или нѣтъ?

— А похоже было на то, что мальчикъ былъ задушенъ?

— А на бочкѣ было клеймо выжжено? — спросилъ Билль.

— А есть ли у тебя свидѣтельство, документъ насчетъ этого происшествія?—спросилъ Джимми.

— Ужъ не ты ли, Эдвинъ, былъ однимъ изъ этихъ убитыхъ?—насмѣхался Дэви.

— Нѣтъ, онъ былъ за обоихъ убитыхъ!—сострилъ Бобъ.— Они такъ всѣ перетрусили, что не могли распознать, который изъ нихъ убитъ, который—живъ!

— А знаешь, Эдуардъ, не лучше ли тебѣ принять лѣкарства? Ты не чувствуешь, что ужасно поблѣднѣлъ? У тебя болѣзненный видъ, ты совсѣмъ боленъ!

— Слушай-ка, Эдди,—замѣтилъ Джимми,—не сохранился ли у тебя кусокъ дерева отъ этой бочки, покажи его намъ, и мы тебѣ повѣримъ.

— Вотъ что, товарищи, — замѣтилъ Билль, — насъ здѣсь всего тринадцать; раздѣлитесь поровну, по шести человѣкъ, а лишняго я скручу, вы ужъ съ нимъ сами расправитесь.

Эдъ пришелъ въ бѣшенство отъ этихъ насмѣшекъ и заявилъ, что и самъ сумѣетъ отлично расправиться со всякимъ; послѣ этого онъ отошелъ въ сторону, ворча какое-то ругательство.

Въ это время Чадо Горя пошелъ бродить по плоту и направился туда, гдѣ лежала кладь. Тутъ онъ наткнулся какъ разъ на меня. Я стоялъ, прижавшись къ углу, совершенно голый; мое тѣло успѣло просохнуть и обогрѣться. Коснувшись неожиданно моего голаго тѣла, онъ машинально отдернулъ руку и отскочилъ назадъ, воскликнувъ:

— Ахъ!

Потомъ онъ закричалъ товарищамъ:

— Эй, вы, принесите скорѣе огня, здѣсь забралась змѣя величиной въ цѣлую корову!

Остальные плотовщики прибѣжали съ фонарями и окружили меня цѣлой толпой.

— Выходи-ка отсюда, негодяй!—кричалъ одинъ изъ нихъ.

— Ты кто таковъ?—спросилъ другой.

— Зачѣмъ ты забрался сюда? Отвѣчай живѣй, а не то мы швырнемъ тебя въ рѣку!

— Да что съ нимъ церемониться, — прибавилъ кто-то. — Схватить его за пятки да и выбросить!

Я такъ перепугался, что стоялъ передъ ними и дрожалъ всѣмъ тѣломъ; потомъ я упалъ на колѣни и умолялъ пощадить меня.

— Проклятый воришка!—воскликнулъ Чадо Горя.—Швырнуть его поскорѣе, да и дѣло съ концомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — возразилъ Бобъ, — лучше сначала вымажемъ ему все тѣло съ головы до ногъ синей краской, а потомъ и швырнемъ!

— Ладно, ладно! — обрадовались остальные. — Принеси-ка, Джимми, ведро съ краской.

Краску тотчасъ принесли, Бобъ взялся за кисть; толпа хохотала, радуясь этой продѣлкѣ, многіе хлопали въ ладоши, а я не выдержалъ и зарыдалъ. Мои слезы, повидимому, повліяли на Дэви, и онъ произнесъ, обращаясь къ товарищамъ:

— Оставьте его, ребята! Это еще маленькій щенокъ, если кто прикоснется къ нему, того я самъ размалюю!

Съ этими словами онъ грозно взглянулъ на окружающихъ. Нѣкоторые были недовольны такимъ оборотомъ дѣла и ворчали что-то, однакоже Бобъ не рѣшился противорѣчить и положилъ въ сторону свою кисть.

— Подойди сюда поближе, къ огню,—скомандовалъ Дэви,— и объясни, зачѣмъ ты къ намъ пожаловалъ?

Когда я вышелъ на средину плота, дрожа всѣми членами отъ страха, онъ продолжалъ, осматривая меня:

— Садись-ка вотъ сюда, посерединѣ, да разскажи, сколько времени ты простоялъ здѣсь?

— Четверть минуты, сэръ, не болѣе!

— Почему же все твое тѣло такое сухое? Можно ли такъ скоро высохнуть?

— Не знаю, сэръ! Это всегда такъ бываетъ, я всегда скоро обсыхаю.

— А какъ тебя звать?

Мнѣ не хотѣлось называть свое настоящее имя, и я не зналъ, что ему отвѣтить, какъ вдругъ меня осѣнила внезапная мысль:

— Меня зовутъ—Чарльзъ Вильямъ Ольбрайтъ!.. — прошепталъ я.

Они разразились громкимъ хохотомъ, что меня нѣсколько ободрило; я сообразилъ, что въ веселомъ настроеніи они будутъ добрѣе и снисходительнѣе.

Нахохотавшись вдоволь, Дэви проговорилъ:

— Этого быть не можетъ, Чарльзъ Вильямъ Ольбрайтъ! Ты не успѣлъ бы вырасти за пять лѣтъ; въ то время ты былъ еще малымъ ребенкомъ.

— Говори всю правду, и тебѣ никто не сдѣлаетъ вреда, если ты самъ не сдѣлалъ ничего дурного. Говори, какъ тебя звать?

— Алэкъ Гопкинсъ, сэръ!

— Ну, ладно! Откуда ты къ намъ явился?

— Съ большого торговаго судна, сэръ! Оно стоитъ на якорѣ, тутъ недалеко, около отмели. Я родился на этомъ суднѣ. Мой отецъ постоянно ѣздитъ взадъ и впередъ по рѣкѣ, онъ занимается торговлей; онъ велѣлъ мнѣ доплыть до вашего плота и попросить васъ, когда вы будете въ Каиро, повидаться тамъ съ мистеромъ Джонасомъ Тёрнэромъ и сказать ему...

— Врешь ты, любезный!

— Нѣтъ, сэръ, не вру... Отецъ сказалъ...

— А что сказала бабушка?—перебилъ онъ меня.

Они опять захохотали на эту шутку. Я попробовалъ было продолжать мой фантастическій разсказъ, но они прервали меня.

— Слушай-ка,—сказалъ Дэви,—ты напугался, мальчуганъ, поэтому городишь всякій вздоръ; скажи правду, живешь ты на торговомъ суднѣ или на сушѣ?

— Это правда, сэръ! Оно стоитъ тамъ, близъ отмели. Только я вовсе не тамъ родился. Это наша первая поѣздка.

— Ну, вотъ видишь, теперь ты заговорилъ иначе! Зачѣмъ же ты явился къ намъ на плотъ? Вѣрно, собирался стянуть что-нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ, сэръ, я ничего не укралъ. Мнѣ хотѣлось просто прокатиться на плоту; всѣ наши мальчики такъ дѣлаютъ.

— Да, это вѣрно,—замѣтилъ онъ.—Зачѣмъ же ты притаился, спрятался?

— Плотовщики гонятъ насъ вонъ, если замѣтятъ, вотъ я и притаился.

— Да, это они, дѣйствительно, дѣлаютъ, потому что мальчишки воруютъ товаръ! Слушай-ка, если мы тебя отпустимъ, ты вернешься домой?

— Вернусь, сэръ, повѣрьте мнѣ!

— Ну, ладно, отправляйся, только впередъ не попадайся и не разыгрывай изъ себя дурака! Не забудь этого, а не то плотовщики, пожалуй, располосуютъ все твое тѣло, такъ что оно покроется синими и черными рубцами!..

Разумѣется, я не сталъ съ ними прощаться и поспѣшно прыгнулъ въ воду и поплылъ къ берегу; я былъ радъ, что легко отдѣлался. Вскорѣ послѣ моего возвращенія домой

Джимъ пошелъ взглянуть на плотъ, но онъ уже скрылся изъ виду.

Мальчикъ не получилъ свѣдѣній, ради которыхъ онъ забрался на плотъ; но этотъ разсказъ характеризуетъ нравы плотовщиковъ того времени.

Теперь я перехожу къ тому періоду жизни Миссисипи, который отличается развитіемъ пароходства; этотъ періодъ, по моему мнѣнію, представляетъ наибольшій интересъ. Тутъ создается и начинаетъ развиваться удивительная, чудная наука лоцманскаго искусства. Я увѣренъ, что нигдѣ на всемъ свѣтѣ не было ничего подобнаго.

IV.

Хочу стать юнгой!..

Когда я былъ мальчикомъ, то всѣ мои товарищи, бывшіе въ нашей деревнѣ *), сгорали желаніемъ сдѣлаться со временемъ пароходчиками; это былъ честолюбивый замыселъ, свойственный положительно всѣмъ моимъ сверстникамъ. Правда, честолюбіе наше временами устремлялось и на разныя другія поприща, но ихъ увлеченія были только случайными, временными, тогда какъ стремленіе къ лоцманству было постоянно и неизмѣнно. Когда въ нашу деревню пріѣзжалъ циркъ со своей труппой, то мы всѣ стремились стать клоунами; потомъ мы мечтали сдѣлаться пиратами. Но всѣ эти мечты забывались очень скоро, и только мечта о лоцманствѣ не покидала наши души.

Ежедневно одинъ разъ къ нашей гавани причаливали два украшенныхъ флагами „пакетбота“, одинъ съ низовьевъ— изъ Сенъ-Луи, а другой съ верховья рѣки—изъ Кеокука. Объ этомъ событіи всѣ знаютъ уже заранѣе и всѣ ожидаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ и нетерпѣніемъ. Послѣ отплытія парохода во всей деревнѣ чувствуется какая-то пустота, затишье; это отражается не только на мальчикахъ, но и на взрослыхъ. Съ тѣхъ поръ прошло столько лѣтъ, а между тѣмъ я представляю себѣ подобный моментъ совершенно ясно и живо, словно это случилось вчера. На яркомъ солнцѣ нашъ городокъ дремлетъ въ лучахъ лѣтняго утра; улицы почти совершенно пусты, въ конторахъ сидятъ чиновники—клэрки— и дремлютъ. Нѣкоторые изъ нихъ уперлись затылками въ стѣну, а другіе свѣсили головы на грудь. Время отъ времени

*) Дер. Ганнибалъ на Миссури.

пролетитъ стая голубей. А между тѣмъ чудная Миссисипи, величавая, пышная Миссисипи плавно и гордо течетъ въ своихъ берегахъ. Волны ея блестятъ въ лучахъ солнца. А на другой сторонѣ, на противоположномъ ея берегу, виднѣется густой лѣсъ. Кругомъ царитъ тишина и спокойствіе... Но вотъ вдали, далеко-далеко, виднѣется тонкая струйка голубоватаго дыма. Мало-по-малу она становится все виднѣе и виднѣе и, наконецъ, обращается въ густое облако дыма. На берегу раздается громкій возгласъ караульнаго негра:

— Пароходъ идетъ!—восклицаетъ онъ.

И тотчасъ весь городъ словно преображается; все просыпается отъ глубокаго сна. Начинается движеніе и оживленіе. Клэрки въ конторахъ протираютъ глаза, изъ домовъ выходятъ жители, и всѣ стремятся къ одному пункту, на пристань. Всѣ взоры устремляются на приближающійся пароходъ. Словно это какое-то чудное явленіе, которое они всѣ видятъ первый разъ въ своей жизни. Пароходъ, дѣйствительно, представляетъ величественную картину. Длинный, узкій, остроконечный! На немъ двѣ палубы, верхняя и нижняя, и стеклянная каюта для рулевого. Верхняя палуба также устроена крытая, а весь пароходъ ярко раскрашенъ разными красками. На палубѣ такая масса пассажировъ, что она кажется вся черной отъ людской толпы. Капитанъ величественно стоитъ у колокола, спокойный и гордый, и всѣ устремляютъ на него завистливые взоры. Изъ трубы парохода выдѣляется густой дымъ... Вотъ капитанъ подалъ знакъ, колеса сразу остановились, пароходъ даетъ задній ходъ. Колеса дѣлаютъ нѣсколько поворотовъ обратно, вода съ шумомъ пѣнится подъ ними. Еще мгновеніе—и пароходъ остановился неподвижно у самой пристани. Начинается шумъ, суета, движеніе,—одни идутъ на палубу, другіе сходятъ съ парохода на пристань. Носильщики выносятъ и вносятъ грузы, взадъ и впередъ снуютъ матросы. Пароходъ стоитъ неподвижно съ четверть часа, но прошло назначенное время, труба опять задымилась, раздался сигналъ, судно отчалило отъ нашей пристани.

И снова весь городъ погрузился въ прежнюю дремоту. Мой отецъ былъ мировымъ судьей, и поэтому я наивно воображалъ, что онъ имѣетъ власть надъ жизнью и смертью своихъ согражданъ и, конечно, тотчасъ повѣситъ всякаго, кто осмѣлился бы оскорбить его. Такое положеніе въ моихъ глазахъ, конечно, составляло важную привилегію, распространившуюся и на меня; однакоже, несмотря на это, и я, по примѣру прочихъ товарищей, мечталъ сдѣлаться пароходчикомъ, судовщикомъ. Чтобы достигнуть этого, необходимо было сначала

поступить на чужой пароходъ въ качествѣ каютъ-юнги; тогда я буду носить бѣлый фартукъ и салфетку сбоку. Всѣ товарищи будутъ видѣть меня въ этомъ костюмѣ и завидовать мнѣ. Вскорѣ затѣмъ я сдѣлаюсь декъ-юнгой, буду стоять на вахтѣ, держать въ рукахъ свертокъ каната... Но все это были мечты, однѣ мечты, и осуществить ихъ было чрезвычайно трудно?. Между тѣмъ, пока я мечталъ, одинъ изъ моихъ товарищей поступилъ на пароходъ. Онъ уѣхалъ, и мы долго ничего не слыхали о немъ. Наконецъ онъ однажды прiѣхалъ на пароходѣ, на которомъ служилъ въ качествѣ „стрикера“, т.-е. помощника кочегара. Прибытiе его всполошило до глубины души всѣхъ товарищей, учениковъ воскресной школы. Этотъ „стрикеръ“ былъ свѣтскiй, шлифованный юноша, а я былъ полудикарь, застѣнчивый и грубый, не имѣвшiй никакого положенiя въ свѣтѣ; мы всѣ, разумѣется, страшно завидовали ему, когда онъ являлся въ нашъ городъ. Когда рейсы кончились и его отпустили со службы, этотъ мальчикъ началъ щеголять по нашему городу въ своемъ нарядѣ, а во время разговора употреблялъ то и дѣло разные пароходные термины, словно забывая, что намъ, простымъ смертнымъ, совершенно непонятенъ этотъ жаргонъ. Онъ такъ смѣло, увѣренно говорилъ о старбортѣ и лаббортѣ, что мы возненавидѣли его и отъ души желали, чтобы онъ погибъ. О городѣ Сенъ-Луи онъ разсказывалъ такiя подробности, словно прожилъ тамъ много лѣтъ.

Во время разговора онъ то и дѣло говорилъ:

— Когда я шелъ по Фуръ-Стриту... или когда я проходилъ мимо Плантерсъ-Гоуза...

Онъ такъ и сыпалъ подобными фразами.

Однажды онъ разсказывалъ о пожарѣ, который случился благодаря тому, что на одномъ суднѣ, *на Старомъ Миссури*, какъ онъ выражался, загорѣлся случайно хворостъ. При этомъ онъ разсказывалъ, сколько домовъ сгорѣло въ этотъ день.

— Пространство, охваченное огнемъ, — говорилъ онъ, — въ нѣсколько разъ превосходитъ вашъ городокъ; на этой площади могло бы помѣститься нѣсколько такихъ ничтожныхъ городишекъ.

Двое или трое изъ нашихъ мальчугановъ долго пользовались всеобщимъ уваженiемъ за то, что побывали въ Сенъ-Луи и имѣли нѣкоторое смутное понятiе о достопримѣчательностяхъ этого города. Но теперь ихъ слава померкла съ тѣхъ поръ, какъ явился къ намъ нашъ бывшiй товарищъ, пароходный „стрикеръ“. У него всегда водились деньги и была помада для волосъ; онъ носилъ серебряные часы, а брюки подтягивалъ ремнемъ вмѣсто помочей. Онъ былъ предметомъ всеобщаго

восторга, но зато мы его страшно ненавидѣли и завидовали ему. Дѣвушки нашего мѣстечка любовались имъ, такъ что онъ смѣло могъ „заткнуть за поясъ“ любого изъ нашихъ щеголей. Когда пароходъ, на которомъ онъ служилъ, снова двинулся въ путь, и онъ, наконецъ, покинулъ насъ, мы всѣ вздохнули свободно и успокоились послѣ цѣлаго мѣсяца тревоги и волненій. Но прошла недѣля, и онъ опять вернулся, и въ слѣдующее воскресенье явился въ церковь, блистая своимъ нарядомъ, какъ настоящій герой; мы всѣ считали, что судьба крайне несправедлива къ намъ.

Подобное всеобщее увлеченіе оказало свои плоды: всѣ юноши стали стремиться на пароходную службу; сынъ нашего пастора сдѣлался машинистомъ, сыновья почтмейстера и доктора—кочегарами, сынъ оптоваго торговца виномъ поступилъ на пароходъ буфетчикомъ; четверо сыновей одного богатаго торговца и два сына судьи сдѣлались лоцманами. Мѣсто лоцмана считалось однимъ изъ самыхъ лучшихъ общественныхъ положеній. И, дѣйствительно, хотя вообще оклады были въ то время невелики, лоцманъ получалъ около двухсотъ пятидесяти долларовъ въ мѣсяцъ (т.-е. 250 р.), такъ что его двухмѣсячное жалованье было равно годовому окладу пастора. Но многихъ изъ насъ родители положительно не отпускали на пароходную службу, въ томъ числѣ и меня.

Наконецъ я бѣжалъ изъ дома, давъ себѣ слово вернуться домой только тогда, когда сдѣлаюсь лоцманомъ и явлюсь къ родителямъ въ полномъ блескѣ славы и величія.

Но это были мечты, а достигнуть этого было далеко не такъ-то легко. Я наводилъ справки на нѣкоторыхъ судахъ, стоявшихъ въ гавани, не найдется ли мѣста на пароходѣ, но мнѣ отвѣчали холоднымъ отказомъ; конечно, я не долженъ былъ съ самаго начала мѣтить такъ высоко, прямо въ лоцманы, но я утѣшалъ себя, представляя, какъ со временемъ я сдѣлаюсь извѣстнымъ, уважаемымъ повсюду лоцманомъ, и у меня будетъ въ карманѣ туго набитый кошелекъ; тогда я убью этихъ дерзкихъ матросовъ, осмѣлившихся отнестись ко мнѣ такъ холодно и пренебрежительно.

V.

Испытанія лоцманскаго юнги.

Но черезъ мѣсяцъ свѣтлая надежда начала совершенно покидать меня; однакоже мнѣ было стыдно возвратиться домой ни съ чѣмъ, ничего не добившись. Я былъ въ это время въ

Цинциннати и ужо думалъ, нельзя ли найти себѣ какое-нибудь другое занятіе, отказавшись отъ мечты сдѣлаться лоцманомъ. Мнѣ случилось прочесть въ газетахъ объ экспедиціи, посланной для изслѣдованія рѣки Амазонки; въ статьѣ говорилось, что экспедиція эта, благодаря разнымъ затрудненіямъ и препятствіямъ, не могла вполнѣ изслѣдовать нѣкоторую часть этой территоріи, занимающую пространство около четырехъ тысячъ миль отъ устья рѣки. Отъ Новаго Орлеана до Цинциннати считается всего тысяча пятьсотъ миль, и тамъ, въ Цинциннати, я надѣялся найти подходящее судно. У меня въ это время было всего тридцать долларовъ, и я рѣшился пуститься въ путь для изслѣдованія береговъ Амазонки; вотъ все, къ чему я пришелъ за это время: на подробностяхъ поѣздки я не останавливался, не думалъ о нихъ. Такимъ образомъ, упаковавъ свой чемоданъ, я взялъ билетъ до Орлеана на старомъ пароходѣ, носившемъ названіе „Пауль Джонсъ". Каюта этой старой, полинявшей и уже потасканной посудины, была предоставлена въ мое распоряженіе; другихъ пассажировъ, кромѣ меня, не было; болѣе опытные и благоразумные путешественники не рѣшались ѣхать на такомъ старомъ, плохомъ суднѣ.

Когда мы пустились въ путь и достигли рѣки Огіо, я почувствовалъ, что для меня начинается новая жизнь, новое существованіе; я самъ словно переродился и сталъ какимъ-то особымъ существомъ, достойнымъ высокаго уваженія въ моихъ собственныхъ глазахъ. Я былъ теперь *путешественникомъ*.

Это слово я произносилъ особенно аппетитно, смакуя его, какъ еще никогда не произносилъ раньше. Я былъ въ восторгѣ, что, наконецъ, посѣщу новыя страны. Это сознаніе облагораживало мою душу, изгоняя изъ нея всѣ неблагородныя, низменныя чувства. Я смотрѣлъ съ чувствомъ состраданія на всѣхъ тѣхъ, кто не былъ путешественникомъ, хотя къ этому состраданію примѣшивалась доля презрѣнія. Когда мы останавливались на пристаняхъ, у деревень и лѣсныхъ складовъ, я выходилъ на палубу и беззаботно облокачивался на рѣшетку, окружающую машинную камеру; я былъ увѣренъ, что мѣстные деревенскіе жители завидуютъ мнѣ и любуются на меня. Если же они меня не замѣчали, то я притворно чихалъ, чтобы обратить на себя ихъ вниманіе. Когда я убѣждался, что они замѣтили меня, я снова принималъ разсѣянный видъ, зѣвалъ, потягивался, показывая этимъ, что не обращаю никакого вниманія на окружающее и занятъ исключительно своимъ путешествіемъ.

Цѣлый день я ходилъ безъ шляпы, нарочно снявъ ее, чтобы мое лицо поскорѣе загорѣло и обвѣтрѣло, и тогда у меня

будетъ видъ настоящаго стараго путешественника. Черезъ два дня кожа на лицѣ значительно пожелтѣла и потеряла прежнюю свѣжесть. Въ это время я очень желалъ бы, чтобы на меня полюбовались наши деревенскіе юноши и дѣвушки.

Наконецъ мы достигли Луизвиля или, лучше сказать, остановились въ окрестностяхъ этого города. Наткнувшись на отмель, мы принуждены были простоять здѣсь нѣсколько дней. Я начиналъ живо чувствовать свою духовную связь съ экипажемъ парохода: капитанъ казался мнѣ вторымъ отцомъ, а матросы—родными братьями. Въ моемъ сердцѣ все росла гордость, и я чувствовалъ къ этимъ людямъ необыкновенную нѣжность. Я и не подозрѣвалъ, что гордый пароходчикъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на меня, ничтожнаго деревенскаго юношу, какъ презрѣнно кажется ему мое самомнѣніе.

Болѣе всего мнѣ хотѣлось сблизиться съ нашимъ лоцманомъ и оказать ему хоть какую-нибудь услугу. Наконецъ случай къ этому представился; однажды я услыхалъ шумъ и бѣготню на носовой палубѣ: тамъ производилась какая-то починка; цѣлая толпа матросовъ вышла на палубу и была занята своимъ дѣломъ, и я вертѣлся тутъ же.

Вдругъ лоцманъ крикнулъ:

— Ну-ка, подайте сюда рычагъ отъ кабестана!

Я подбѣжалъ къ нему и сказалъ:

— Позвольте, я вамъ принесу, вы только скажите мнѣ, гдѣ его найти.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ глубочайшимъ изумленіемъ: если бы какой-нибудь босякъ-тряпичникъ предложилъ русскому императору исполнить важное дипломатическое порученіе, то тотъ былъ бы удивленъ не менѣе моего лоцмана.

— Пожалуй, принесите,—отвѣчалъ онъ.—Только какъ бы вамъ самимъ не полетѣть къ чорту въ преисподнюю!

И съ этими словами онъ продолжалъ свою работу съ такимъ озабоченнымъ видомъ, словно ему предложили рѣшить самую головоломную задачу.

Я отошелъ отъ него и цѣлый день провелъ въ уединеніи, въ своемъ углу. Даже къ обѣду я не спустился и пришелъ только къ ужину, когда всѣ покончили трапезу. Теперь я уже не чувствовалъ себя членомъ этой пароходной семьи, какъ это было прежде. Я ненавидѣлъ теперь этого лоцмана и въ то же время любовался имъ и завидовалъ.

Это былъ человѣкъ гигантскаго роста съ сильной, развитой мускулатурой, съ длинной, густой бородой. На правой рукѣ его было нататуировано изображеніе женщины красной краской,

а на лѣвой — также женская фигура, только синяя, а не красная; по бокамъ этихъ фигуръ были нататуированы синіе якори съ краснымъ канатомъ. Ругаться онъ былъ большой мастеръ. Я старался быть поближе, чтобы послушать его разговоръ и страшныя проклятія, которыя такъ и сыпались изъ его устъ.

Онъ сознавалъ себя важной персоной и заставлялъ другихъ чувствовать это. Даже отдавая самое ничтожное приказаніе, онъ говорилъ густымъ басомъ, словно изъ бочки, сопровождая свои слова страшными ругательствами. Мнѣ невольно приходило въ голову сравненіе, какъ отдалъ бы то же приказаніе обыкновенный фермеръ. Если, напримѣръ, фермеръ пожелалъ бы передвинуть скамейку, онъ скажетъ:

— Джемсъ или Вильямъ, будьте добры, кто-нибудь изъ васъ подвиньте эту скамью.

А лоцманъ, если бы былъ на мѣстѣ фермера, сказалъ бы такъ:

— Эй, вы, живѣе поворачивайтесь, да не спите же, проклятые! Чего ротъ разинули! Не зѣвать! Сюда, сюда! Живѣе! Да двигайте же, чортъ васъ задери! Олухи проклятые, похоронныя клячи! Скоты, идіоты безмозглые!..

Мнѣ ужасно хотѣлось и самому научиться такимъ прекраснымъ выраженіямъ.

Когда непріятное впечатлѣніе отъ приключенія моего съ лоцманомъ стало изглаживаться, я рѣшился сближаться понемногу съ болѣе скромными членами экипажа; такъ, я постарался познакомиться съ ночнымъ вахтеннымъ. Сначала онъ сторонился отъ меня, но когда я подарилъ ему трубку, онъ отнесся ко мнѣ благосклоннѣе; онъ позволялъ сидѣть рядомъ съ нимъ у большого колокола на верхней вахтѣ, порой бесѣдовалъ со мной. Особенной говорливостью онъ не отличался, и я ловилъ каждое его слово. Онъ называлъ мнѣ разные мысы и острова, мимо которыхъ мы плавно скользили въ тихую ночь. Потомъ онъ началъ разсказывать о самомъ себѣ, о своей жизни. Для человѣка, получающаго ничтожное жалованье—шесть долларовъ въ недѣлю, онъ казался слишкомъ сантиментальнымъ или скорѣе могъ бы показаться, если бы я не былъ такъ молодъ и неопытенъ. Но я съ жадностью слушалъ его рѣчи, не обращая вниманія на его грубый, не культурный способъ выраженія. Это былъ неудачникъ, терпѣвшій удары судьбы, — человѣкъ обиженный, и этого для него было достаточно. Когда онъ начиналъ рѣчь о своихъ невзгодахъ, на глазахъ его блестѣли слезы, и я также плакалъ съ нимъ. Онъ говорилъ, что онъ былъ сынъ англійскаго графа или ольдермэна; навѣрное онъ не помнилъ; ему казалось, что

отецъ его былъ и графъ и ольдермэнъ въ то же время. Отецъ любилъ его, а мать возненавидѣла. Еще ребенкомъ его помѣстили въ коллегію, въ какую именно, онъ этого не помнилъ. Потомъ отецъ его умеръ, а мать взяла его изъ коллегіи и присвоила себѣ все наслѣдство. Послѣ этого знакомые его отца, дворяне, приняли въ немъ участіе и помѣстили на одинъ пароходъ въ качествѣ фельдшерскаго ученика. Тутъ начались его приключенія; онъ разсказывалъ, какъ ему приходилось переносить испытанія, и отъ этихъ разсказовъ, какъ говорится, волосъ становился дыбомъ; случалось ему и самому совершать низкіе поступки. А я сидѣлъ, разиня ротъ, и слушалъ его съ жадностью.

Это былъ простой, совершенно необразованный полудикарь изъ Иллинойса; онъ наслушался и начитался разныхъ приключеній, и всѣ эти разсказы примѣнялъ къ самому себѣ, такъ что, наконецъ, ему стало казаться, будто бы онъ въ дѣйствительности все это испыталъ и пережилъ. Конечно, его могли слушать только такіе неопытные юноши, какимъ былъ я въ то время.

VI.

Продолженіе моихъ испытаній.

Близъ Луизвиля намъ пришлось простоять цѣлыхъ четыре дня, благодаря мели, а потомъ встрѣтились другія препятствія и затрудненія, такъ что нашъ пароходъ „Пауль Джонсъ“ шелъ отъ Цинциннати до Новаго Орлеана цѣлыхъ двѣ недѣли. У меня было много свободнаго времени, и я поэтому имѣлъ полную возможность познакомиться съ однимъ лоцманомъ; онъ взялся учить меня искусству управлять судномъ. Это придало моему путешествію особую прелесть. Кромѣ того, къ намъ на бортъ былъ взятъ изъ состраданія еще одинъ юноша. Онъ взялъ у меня взаймы шесть долларовъ, обѣщая возвратить въ тотъ самый день, когда мы доѣдемъ до цѣли нашей поѣздки; но, вѣроятно, онъ погибъ или же забылъ о своемъ долгѣ, такъ какъ ушелъ и уже больше не являлся; первое предположеніе, кажется мнѣ, вѣроятнѣе; онъ разсказывалъ, что родители его люди зажиточные, и если онъ взялъ мѣсто на палубѣ, то исключительно потому, что тамъ не такъ душно, какъ въ каютѣ.

Вскорѣ я узналъ два обстоятельства: во-первыхъ, что суда будутъ ходить къ устью Амазонки еще не скоро, черезъ нѣсколько лѣтъ, во-вторыхъ, что оставшихся у меня десяти долларовъ, конечно, не хватитъ на задуманное мною путеше-

ствіе, даже если бы я рѣшился дожидаться, когда откроются рейсы въ ту сторону. Поэтому мнѣ пришлось подумать о другой карьерѣ. Нашъ пароходъ „Пауль Джонсъ“ долженъ былъ ѣхать теперь въ Сенъ-Луи. Я приставалъ къ моему лоцману, и, наконецъ, черезъ три дня онъ согласился уступить моимъ просьбамъ и взялся учить меня лоцманскому искусству, чтобы я хорошо зналъ всю рѣку, начиная отъ Новаго Орлеана до Сенъ-Луи; за это я обѣщалъ уплатить ему пятьсотъ долларовъ изъ того жалованья, которое я со временемъ буду получать, когда поступлю на мѣсто. Я думалъ, что изучить дно рѣки на протяженіи тысячи двухсотъ миль не представляетъ большого затрудненія. Но если бы только я могъ предполагать, сколько препятствій и затрудненій предстоитъ мнѣ преодолѣть, я не взялся бы за такую задачу, у меня не хватило бы на это мужества. Я думалъ, что обязанность лоцмана состоитъ лишь въ томъ, чтобы направлять свое судно во время плаванія, но никакъ не предполагалъ, что при такомъ длинномъ пути это дѣло не легкое.

Пароходъ отчалилъ отъ Новаго Орлеана въ четыре часа пополудни, и наша очередь на вахтѣ должна была продолжаться до восьми часовъ вечера. При отъѣздѣ мистеръ Биксби, мой руководитель, сказалъ, что мы должны держаться какъ можно ближе къ другимъ судамъ.

— Правьте такъ близко къ сосѣднимъ пароходамъ, чтобы негдѣ было яблоку упасть, совсѣмъ вплотную!—сказалъ онъ.

Я взялся за колесо руля, и мое сердце усиленно забилось отъ волненія. Мнѣ казалось, что при такой близости мы непремѣнно зацѣпимъ за бортъ сосѣдняго судна, и вотъ, во избѣжаніе этого, я сталъ отдалять нашъ пароходъ отъ другихъ судовъ. Я былъ увѣренъ, что мой наставникъ слишкомъ рискуетъ, но я долженъ предупредить опасность и поступить иначе. Черезъ минуту нашъ „Пауль Джонсъ“ былъ уже далеко отъ остальныхъ судовъ, а еще черезъ минуту Биксби громко выразилъ мнѣ свое неудовольствіе, при чемъ рѣзко порицалъ меня за мою трусость. Меня это сильно покоробило, однакоже я не могъ не любоваться, видя, какъ мой начальникъ энергично, плавно перебѣгаетъ съ одной стороны колеса на другую, какъ близко мы подходили къ сосѣднимъ судамъ, и какъ искусно онъ маневрировалъ рулемъ. При этомъ онъ пояснилъ мнѣ, что при движеніи вверхъ по рѣкѣ надо держаться ближе къ берегу, ибо тамъ теченіе слабѣе, а двигаясь по теченію рѣки, „внизъ“, надо держаться средины. Я рѣшилъ въ душѣ, что буду лоцманомъ только на тѣхъ пароходахъ, которые спускаются „внизъ“, а вверхъ по рѣкѣ пусть ведутъ другіе лоцманы.

Время отъ времени мистеръ Биксби обращался ко мнѣ и произносилъ короткую фразу:

— Вотъ это—шестимильный пунктъ.

Я соглашался съ нимъ и пропускалъ его слова мимо ушей. Черезъ нѣсколько времени онъ говоритъ:

— Вотъ это—двѣнадцатимильный пунктъ!

Я снова соглашался, но ничего не понималъ, что это за пункты. Они казались мнѣ одинаковыми. Я все ожидалъ, что онъ перемѣнитъ разговоръ, но нѣтъ, онъ все повторялъ свои замѣчанія о пунктахъ, потомъ, съ особенной нѣжностью посмотрѣвъ на берегъ, сказалъ:

— Здѣсь кончается стоячая вода, около этой группы китайскихъ деревьевъ. Теперь мы двинемся поперекъ, наперерѣзъ!

И мы двинулись наперерѣзъ. Раза два-три онъ передавалъ мнѣ управленіе колесомъ, но у меня дѣло не шло на ладъ. Я слишкомъ ужъ приближался къ берегу или же слишкомъ удалялся, такъ что онъ снова высказывалъ свое неудовольствіе.

Наконецъ наша „вахта“ окончилась; мы поужинали и легли спать.

Въ полночь яркій свѣтъ фонаря блеснулъ мнѣ въ глаза, и вахтенный сторожъ сказалъ:

— Иди же, поворачивайся!

И съ этими словами онъ ушелъ. Я не могъ понять, что это значитъ; недолго думая, я закрылъ глаза и снова задремалъ, стараясь уснуть. Черезъ нѣсколько минутъ вахтенный снова подошелъ ко мнѣ. На этотъ разъ онъ грубо разбудилъ меня. Это меня раздосадовало.

— Чего ты безпокоишь меня ночью?—спросилъ я.—Чего тебѣ надо? Неужели мнѣ не спать по ночамъ?

На это вахтенный замѣтилъ:

— А тебѣ это не по вкусу!? Тѣмъ лучше! Я очень радъ! Помощникъ сторожа грубо засмѣялся и сказалъ, обращаясь къ вахтенному:

— Видно, онъ очень деликатнаго сложенія! Надо дать ему соску въ ротъ да прибавить сахару, да еще присадить нянюшку, чтобы она его убаюкивала.

Вскорѣ послѣ этого явился и самъ мистеръ Биксби, а еще черезъ минуту я, полуодѣтый, держа въ рукахъ остальныя принадлежности моего костюма, поспѣшно взбирался по ступенькамъ лѣстницы къ лоцманской рубкѣ. Биксби шелъ сзади и дѣлалъ мнѣ внушенія.

На воздухѣ было прохладно,—слишкомъ прохладно, чтобы вставать ночью и выходить на палубу; это была одна изъ подробностей, которую я совершенно упустилъ изъ виду, когда

взялся за изученіе лоцманскаго дѣла. Конечно, я отлично зналъ, что пароходы ходятъ и ночью, но мнѣ не приходило въ голову, что для этого кто-нибудь долженъ подниматься ночью съ постели. Теперь я сталъ подозрѣвать, что лоцманское искусство вовсе не такъ привлекательно и романтично, какъ мнѣ казалось раньше; оно было слишкомъ реально и требовало усилій и работы.

Ночь была темная, нѣкоторыя звѣзды уже исчезли съ небеснаго свода. Старый штурманъ высокаго роста стоялъ у руля и пристально уставился въ подзорную трубку на какую-то звѣзду. Берега были съ обѣихъ сторонъ недалеко отъ насъ, но я положительно не могъ разглядѣть ихъ,—было такъ темно, и мнѣ казалось, что они далеко-далеко!

— Мы причалимъ къ плантаціи Джонса! — замѣтилъ штурманъ.

Мнѣ хотѣлось отомстить, хотѣлось отплатить мистеру Биксби за его неумѣстную шутку, за то, что онъ заставилъ меня вставать ночью; удобное время нашелъ онъ, чтобы разыскивать плантаціи Джонса! Онъ, кажется, соображаетъ, что можетъ ночью видѣть такъ же ясно, какъ и днемъ! Ну, посмотримъ, какъ-то онъ найдетъ ее.

— Къ которому краю плантаціи?—спросилъ Биксби штурмана: къ нижнему или къ верхнему?

— Къ верхнему,—отвѣчалъ тотъ.

— Я бы не рѣшился на это! Здѣсь много подводныхъ свай, выступающихъ изъ-подъ воды. Не лучше ли будетъ причалить къ нижнему концу? Прошу васъ, правьте къ нижнему.

— Слушаю-съ, сэръ! Только ужъ если Джонсъ будетъ недоволенъ этимъ, я не отвѣчаю!

Рулевой поступилъ такъ, какъ приказывалъ Биксби.

Я началъ немного успокаиваться. Я видѣлъ человѣка, который не только берется найти ночью плантацію, но, мало того, можетъ найти любой изъ ея концовъ! Мое удивленіе все росло и росло. При этомъ мнѣ хотѣлось задать ему одинъ вопросъ:

„Неужели онъ такой оселъ, что разсчитываетъ ночью, въ полномъ мракѣ, найти плантацію! Да вѣдь они всѣ кажутся одинаковы, и гдѣ ужъ тутъ разбирать верхніе и нижніе концы!!!"

Но я не рѣшился произнести этотъ вопросъ вслухъ, такъ какъ зналъ по опыту, что они неохотно отвѣтятъ мнѣ.

Между тѣмъ мистеръ Биксби причалилъ судно къ берегу, направляя его такъ же легко и свободно, словно это было днемъ, а не ночью! При этомъ онъ напѣвалъ пѣсню:

Отецъ Небесъ!
Ложится тѣнь...
Ужъ свѣтъ исчезъ,
И гаснетъ день!..

Мнѣ казалось въ эту минуту, что я на всю жизнь попалъ въ руки къ какимъ-то неутомимымъ, неугомоннымъ преслѣдователямъ и гонителямъ. А между тѣмъ, мистеръ Биксби обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Какъ называется первый пунктъ, лежащій выше Новаго Орлеана?

— Не знаю,—отвѣчалъ я.

— Вы не знаете?—повторилъ онъ.

Его насмѣшливый тонъ уязвилъ меня.

Я вскочилъ и хотѣлъ было отвѣтить, но не нашелъ ничего лучшаго, какъ повторить:

— Я этого не знаю!

— Отлично! Если такъ, то скажите мнѣ названіе слѣдующаго за нимъ пункта.

Я опять отвѣчалъ, что не знаю.

— Превосходно! Ну, если такъ, то назовите хоть какой-нибудь пунктъ изъ тѣхъ, которые я вамъ называлъ.

Но я и этого не могъ сдѣлать.

— Это ужасно!—воскликнулъ онъ.—Ну, слушайте: что вы знаете о двѣнадцатимильномъ пунктѣ?

— Я и этого не знаю!

— И этого не знаете!—воскликнулъ онъ, повторяя мои слова и передразнивая мою манеру говорить:—Что же вы послѣ этого знаете?

— Я... Я... ничего... не знаю!

— О, да! Я вполнѣ этому вѣрю! Клянусь тѣнью великаго Цезаря! Вы—самый глупый и нелѣпый человѣкъ! Пустѣйшая голова, какую я когда-либо встрѣчалъ! Да поможетъ мнѣ Моисей! И какъ могло вамъ прійти въ голову сдѣлаться лоцманомъ! Вы столько же знаете въ лоцманскомъ дѣлѣ, какъ старая корова!..

Потомъ онъ началъ немного успокаиваться; это былъ чрезвычайно нервный, раздражительный человѣкъ, онъ перебѣгалъ съ одной стороны колеса на другую, словно полъ подъ его ногами былъ раскаленъ докрасна! Нѣсколько минутъ онъ весь кипѣлъ, въ душѣ его клокотала буря. Потомъ онъ вновь набросился на меня:

— Какъ вы думаете, зачѣмъ я сообщалъ вамъ эти свѣдѣнія о различныхъ пунктахъ?

Я смотрѣлъ на него, дрожа всѣмъ тѣломъ, а потомъ словно самъ сатана подтолкнулъ меня, и я сказалъ:

— Я думалъ, что это только такъ, чтобы поддержать разговоръ...

Его опять взорвало. Онъ весь кипѣлъ и ругался такъ отчаянно, что, я думаю, въ эту минуту ничего не видалъ передъ собою отъ бѣшенства. (Въ это время мы пересѣкали рѣку.) Страшныя проклятія такъ и сыпались изъ его устъ... Открывъ окно, онъ высунулъ голову наружу, и вновь полился неистощимый потокъ самыхъ отчаянныхъ ругательствъ, какихъ я раньше отъ роду не слыхивалъ!.. Чѣмъ рѣзче и сильнѣе становились выраженья, тѣмъ болѣе голосъ мистера Биксби все возвышался и возвышался...

Наконецъ онъ закрылъ окно. Запасъ его брани [истощился, и онъ успокоился. Черезъ минуту онъ обратился ко мнѣ снова и проговорилъ самымъ любезнымъ, вѣжливымъ тономъ:

— Мой милый юноша! Вамъ непремѣнно надо завести себѣ маленькую записную книжку и вносить туда понемногу все, что я вамъ буду говорить: это единственный способъ пріобрѣсти необходимыя для лоцмана свѣдѣнія: для этого необходимо знать всю рѣку наизусть; вы должны знать ее твердо, какъ азбуку!

Это было для меня непріятное открытіе, такъ какъ моя память не была обременена никакими познаніями, она представляла собою бѣлый листъ бумаги. Но это обстоятельство не обезкуражило меня; мистеръ Биксби былъ отчасти правъ, и я согласился послушаться его.

Между тѣмъ онъ дернулъ за звонокъ колокола. Ночь была черна, какъ чернила. Я чувствовалъ, что мы задѣваемъ бортомъ за берегъ я былъ увѣренъ, что мы сейчасъ наткнемся на что-нибудь или сядемъ на мель.

Вдругъ съ верхней палубы раздался невидимый голосъ:

— Это что такое, сэръ?—спрашивалъ кто-то.

— Это? Это—плантаціи Джонса!—отвѣчалъ мистеръ Биксби.

Я былъ готовъ держать пари, что это вовсе не плантаціи Джонса, но все-таки не сказалъ ни слова и сталъ ждать, что будетъ дальше. Биксби легко и ловко управлялъ рулемъ, и черезъ минуту судно было у самаго берега.

На бакѣ былъ зажженъ фонарь, и кто-то изъ нашихъ служащихъ выскочилъ на берегъ. Потомъ послышался чей-то голосъ; очевидно, кто-то разговаривалъ съ самимъ мистеромъ Джонсомъ, вышедшимъ встрѣчать пароходъ.

Черезъ минуту мы снова плыли посреди тихой, спокойной рѣки. Я былъ вполнѣ увѣренъ, что Биксби *случайно* причалилъ къ плантаціи Джонса,—въ такую темную ночь нельзя было видѣть ея!

Мы поплыли дальше и прошли уже около восьми сотъ миль вверхъ по теченію. Я немного научился править рулемъ, въ особенности днемъ, а по выходѣ изъ Сенъ-Луи сталъ привыкать и къ ночному плаванію. Я послушался совѣта и завелъ себѣ записную книжку, куда вписалъ всѣ названія пунктовъ, городовъ, мѣстечекъ. Но все это пестрѣло на бумагѣ, а въ головѣ у меня было попрежнему пусто. Мое сердце сжималось тоской при мысли, что я прошелъ только половину рѣки! Мы съ Биксби попрежнему стояли на вахтѣ четыре часа днемъ и четыре часа ночью, а въ промежуточные часы у меня въ книжкѣ были пробѣлы, такъ какъ въ эти часы я спалъ, начиная съ самаго отплытія.

Въ Новомъ Орлеанѣ мистеръ Биксби рѣшился перейти на другое судно; это былъ большой хорошій пароходъ. Лоцманская рубка казалась на такой высотѣ, что когда я стоялъ тамъ, мнѣ казалось, будто бы я взобрался на гору. Я даже удивлялся, какъ я могъ раньше считать несчастнаго „Пауля Джонса“ большимъ судномъ,—онъ былъ такъ малъ въ сравненіи съ нашимъ пароходомъ. На „Паулѣ Джонсѣ“ рубка была кое-какъ сколочена изъ теса и представляла тѣсную конуру, а тутъ—лоцманская каюта была похожа на какой-то стеклянный храмъ. Она была такъ просторна, что въ ней можно было танцовать. Окна были украшены занавѣсками съ золотыми полосками по красному фону, здѣсь былъ также удобный диванъ съ кожаною подушкой. Кромѣ того, была устроена особая скамейка для лоцманскихъ гостей. Полъ былъ обтянутъ блестящей клеенкой, и для холоднаго зимняго времени былъ устроенъ красивый каминъ. Я пришелъ къ выводу, что положеніе лоцмана на хорошемъ суднѣ, дѣйствительно, представляетъ много комфорта. На пароходѣ я нашелъ всюду удивительную чистоту и даже роскошь; это меня очень радовало. Осматривая общій залъ для пассажировъ, я невольно восторгался: тутъ была роскошная мебель, и даже висѣли масляныя картины извѣстныхъ художниковъ. Залъ освѣщался множествомъ свѣчей. Помѣщеніе для служащихъ также было очень чисто и удобно; буфетъ былъ прекрасный и хорошо снабженный, а самъ буфетчикъ напоминалъ настоящаго джентльмена; помѣщеніе для паровыхъ машинъ также было великолѣпно. Служащихъ былъ цѣлый батальонъ. Огонь ярко блестѣлъ изъ цѣлаго длиннаго ряда печныхъ жерлъ, а надъ печами помѣщалось восемь котловъ! Машины были громадныя! Но всего этого не опишешь! Мнѣ не случалось до сихъ поръ нигдѣ видѣть такого великолѣпія, роскоши и комфорта. Прислуги было также множество,—вся она была благовоспитана, выдержана,

вѣжлива и, обращаясь ко мнѣ, называла меня „сэръ", что очень льстило моему самолюбію; словомъ, я чувствовалъ себя вполнѣ довольнымъ и счастливымъ.

VII.

Завершеніе моего воспитанія.

Когда я вернулся въ лоцманскую каюту, Сенъ-Луи былъ уже далеко отъ насъ и его не было видно. Нѣкоторыя части рѣки были записаны въ моей памятной книжкѣ, но разобраться въ этомъ хаосѣ было далеко не легко. Теперь мнѣ приходилось слѣдить за моими записями въ обратномъ порядкѣ. Мнѣ пришлось теперь плыть внизъ по теченію, тогда какъ раньше я двигался вверхъ по рѣкѣ. На меня опять напала тоска; оказывается, что приходится изучать рѣку дважды: внизъ по теченію и вверхъ противъ теченія! Это двойной трудъ!

Въ лоцманской каютѣ собралось нѣсколько человѣкъ лоцмановъ, чтобы „посмотрѣть на рѣку", какъ они выражаются. Та часть рѣки, которая носитъ названіе *верхней* (около двухсотъ миль, между Сенъ-Луи и Каиромъ), отличается низкою водой. Миссисипи часто мѣняетъ свое русло, поэтому лоцманы высаживаются въ Каирѣ и спѣшатъ хорошенько ознакомиться съ рѣкой въ то время, какъ ихъ суда стоятъ нѣсколько дней въ гавани.

Нѣкоторая часть работы по изслѣдованію русла исполняется бѣдными людьми, которые рѣдко имѣютъ постоянное мѣсто: они постоянно бродятъ и снуютъ по пристани, чтобы наняться въ лоцманы на незначительный проѣздъ или же предлагаютъ свои услуги въ случаѣ болѣзни какого-нибудь постояннаго лоцмана. Они часто отправляются „взглянуть на рѣку".

Осматривать ее съ самаго парохода—представляетъ большое удобство: это гораздо дешевле, чѣмъ жить на берегу и платить за номеръ въ гостиницѣ. На суднѣ они считаются гостями, и ничего не платятъ. Если судно отличается хорошимъ буфетомъ, то подобные гости бываютъ назойливы и становятся не въ мѣру требовательны и жадны. Однакоже всѣ эти лоцманы-гости бываютъ очень полезны, такъ какъ всегда, и лѣтомъ и зимой, и днемъ и ночью, охотно сходятъ съ судна, садятся въ шлюпки и отправляются изслѣдовать дно рѣки, если представляется въ этомъ надобность. Поэтому постоянные лоцманы принимаютъ такихъ гостей очень охотно.

Всѣ лоцманы — неутомимые говоруны. Когда они сойдутся вмѣстѣ, они только и говорятъ, что о рѣкѣ, такъ всѣ инте-

ресуются этой темой, всѣмъ имъ она близка сердцу. Настоящій истый лоцманъ вообще ни о чемъ и ни о комъ не станетъ поддерживать бесѣду; они гордятся своей профессіей, и гордость эта не уступаетъ гордости королей.

Во время нашей поѣздки на нашемъ пароходѣ набралось множество такихъ свободныхъ лоцмановъ, и всѣмъ было довольно мѣста въ нашей палатѣ. Два или три изъ нихъ были въ шляпахъ, въ щегольскихъ, новыхъ рубашкахъ, носили булавки въ галстукахъ, перчатки, патентованные кожаные сапоги. Они правильно говорили по-англійски, держали себя съ большимъ достоинствомъ, присущимъ званію лоцмана. Другіе были одѣты побѣднѣе, скромнѣе и на головахъ носили высокія, остроконечныя войлочныя шляпы, какія были въ модѣ во времена Кромвеля.

Я чувствовалъ себя полнымъ ничтожествомъ среди этого избраннаго общества: я былъ униженъ и подавленъ ихъ величіемъ. Я былъ еще такъ не опытенъ, что не могъ даже помогать у рулевого колеса, когда требовалось ловко и быстро измѣнять направленіе судна.

Прислушиваясь къ ихъ разговору, я старался научиться отъ нихъ чему-нибудь полезному.

Я помню, какъ однажды одинъ изъ нихъ спросилъ другого:

— Джимъ, какъ тебѣ удалось пройти Плумъ-Пунктъ?

— Это было ночью, — отвѣчалъ Джимъ. — Я придерживался пути, указаннаго мнѣ шкиперомъ *Діаны*, потомъ повернулъ, не доѣзжая до деревянной сваи, потомъ шелъ прямо, прямо, параллельно хлопчатой плантаціи, пока не прошелъ Плумъ-Пунктъ.

— А удобенъ этотъ путь?

— Да, ничего, только пришлось поработать порядкомъ!

Тогда другой шкиперъ замѣтилъ:

— При мнѣ вода стояла выше. Второй рифъ я перешелъ поперекъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ большая свая, тамъ была глубина четыре безъ четверти!

Одинъ изъ щеголеватыхъ и гордыхъ лоцмановъ замѣтилъ на это:

— Я не хочу порицать вашихъ лоцмановъ, но по-моему у Плумъ-Пункта воды вполнѣ достаточно, и переѣздъ въ этомъ мѣстѣ — сущіе пустяки.

И пошли у нихъ споры и разговоры!

Прислушиваясь къ ихъ бесѣдамъ, я пришелъ къ убѣжденію, что я долженъ непремѣнно изучить названія всѣхъ городовъ, расположенныхъ по берегу, деревень, пунктовъ, всѣхъ подробностей и мелочей, и даже плантацій и лѣсовъ. Лоцманское искусство — не легкое дѣло! Это какая-то тарабарщина!

Когда наступили сумерки, мистеръ Биксби ударилъ въ большой колоколъ (это означало сигналъ для причаливанія), а капитанъ выбѣжалъ изъ каюты и взглянулъ вопросительно на старшаго лоцмана.

— Мы простоимъ всю ночь, капитанъ,—сказалъ Биксби.

— Ладно,—отвѣчалъ капитанъ.

Этимъ разговоръ и окончился. Пароходъ причалили къ берегу и привязали. Я удивился, видя, что лоцманъ распоряжается такъ, не спрашивая согласія капитана. Послѣ ужина я легъ спать, нѣсколько огорченный всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ въ теченіе дня. Записная книжка вся такъ и пестрѣла названіями городовъ, деревень, мѣстечекъ, но когда я заглядывалъ туда, въ головѣ у меня начиналась путаница. Ночью я надѣялся отдохнуть, но не могъ уснуть до утренней зари, и всю ночь меня давилъ какой-то кошмаръ.

Утромъ я чувствовалъ усталость и упадокъ духа. Мы должны были двигаться на всѣхъ парахъ. Дѣло шло недурно, главное, намъ необходимо было „выйти изъ рѣки", т.-е. миновать Каиро, до наступленія ночной темноты. Но „партнеръ" (т.-е. помощникъ) мистера Биксби посадилъ насъ на мель, и мы простояли тутъ такъ долго, что едва ли могли достигнуть устья раньше наступленія сумерекъ. Эта задержка представляла особенное неудобство для лоцмановъ, бывшихъ у насъ въ гостяхъ, такъ какъ хозяева судовъ, на которыхъ они служили, ожидали ихъ къ извѣстному, и имъ пришлось бы ожидать въ случаѣ значительнаго замедленія. Они даже не знали, когда имъ удастся вернуться обратно на свои пароходы, и это ихъ, конечно, сильно безпокоило. Когда пароходъ идетъ вверхъ, противъ теченія, то для лоцмановъ убыль воды не можетъ имѣть особеннаго значенія; темнота также не составляетъ большого препятствія; ему страшенъ въ этомъ случаѣ только сильный туманъ. Но рейсы внизъ по теченію—совсѣмъ другое дѣло: пароходъ несется силою теченія и иногда оказывается въ самомъ безпомощномъ, безнадежномъ положеніи, такъ какъ вода уноситъ его впередъ своимъ напоромъ, подгоняя его... Поэтому по ночамъ, при низкой водѣ, суда обыкновенно избѣгаютъ совершать рейсы, изъ опасенія попасть на мель.

Однакоже надежда еще не совсѣмъ покинула насъ: если мы пройдемъ островъ Гэтъ до наступленія вечера, то главная опасность уже останется позади. Цѣлый день мы постоянно смотрѣли на часы, мѣрили лотомъ глубину рѣки. Разговоры велись исключительно объ островѣ Гэтѣ; надежда то пропадала, то снова возвращалась въ нашихъ сердцахъ. Такое на-

пряженное, тягостное настроеніе длилось нѣсколько часовъ. Тревога лоцмановъ невольно заразила и меня, я такъ же безпокоился, пройдемъ ли мы Гэтъ; я такъ волновался, что мнѣ очень хотѣлось хоть на минуту сойти на берегъ и вздохнуть свободно, полной грудью, съ тѣмъ, чтобы потомъ опять со свѣжими силами двинуться въ путь. Правильное чередованіе вахтенныхъ теперь было нарушено. Эта часть рѣки была хорошо знакома каждому изъ нашихъ лоцмановъ, такъ какъ имъ случалось не разъ проходить ее на суднѣ. Несмотря на это, оба наши лоцмана не покидали лоцманской рубки.

За часъ до захода солнца Биксби взялся за рулевое колесо, а мистеръ В. отошелъ отъ руля; въ послѣдніе полчаса всѣ мы стояли, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за стрѣлкой часовъ; каждый изъ насъ держалъ въ рукахъ часы, устремивъ глаза на циферблатъ. Мы стояли молча, не говоря ни слова. Наконецъ кто-то изъ насъ глубоко вздохнулъ и произнесъ:

— Вотъ онъ островъ Гэтъ, недалеко отсюда, и мы все-таки не можемъ его обойти.

Всѣ захлопнули крышки своихъ часовъ, почти въ одно и то же время. Каждый изъ насъ со вздохомъ проворчалъ:

— Какъ жаль, что мы не пріѣхали сюда на полчаса раньше: тогда мы бы успѣли.

На всѣхъ напало полное отчаяніе. Иные хотѣли было уже удалиться, но такъ какъ звонокъ къ причаливанію все еще не раздавался до сихъ поръ, то они рѣшились подождать еще немного. Наши гости-лоцманы постороннихъ судовъ съ недоумѣніемъ поглядывали другъ на друга. Всѣ мы невольно сгруппировались вокругъ мистера Биксби; въ это время солнце уже скрылось совсѣмъ, на небѣ заблестѣли звѣзды. Кругомъ царила тишина. Эта тишина и всеобщее молчаніе тяготили насъ. Вдругъ мистеръ Биксби дернулъ веревку колокола, и въ тишинѣ пронеслись два мягкіе, звучные, плавные удара... Послѣ непродолжительнаго молчанія снова прозвучалъ колоколъ. Съ верхней палубы послышался окрикъ:

— Носовой лотъ! Кормовой лотъ!

Стали раздаваться перекликиванія лотовыхъ, а передатчики повторяли ихъ одинъ за другимъ:

— Мѣрка три... мѣрка три безъ четверти! Два съ половиной... Мѣрка два... Безъ четверти два...

Биксби взялъ оба колокольные каната и дернулъ ихъ: въ отвѣтъ на этотъ сигналъ послышался шумъ внизу, въ машинномъ отдѣленіи. Паръ сталъ съ громкимъ свистомъ выходить черезъ отвернутый кранъ. Пароходъ убавилъ ходу.

Окрики „лотовыхъ“ не прекращались и производили странное, фантастическое впечатлѣніе въ этомъ сумракѣ. Лоцманы всей толпой сошлись на вахтѣ и шопотомъ переговаривались. Биксби казался спокойнѣе всѣхъ остальныхъ: отойдя отъ рулевого колеса, онъ сѣлъ на ступеньку лѣстницы. Вдругъ судно закачалось въ разныя стороны. Казалось, нашъ пароходъ качался на бурныхъ волнахъ безбрежнаго моря, которое вотъ-вотъ сейчасъ поглотитъ насъ. Вдругъ въ тишинѣ раздался голосъ:

— Хорошо! Первая мель пройдена!

Послѣ небольшой паузы другой голосъ проговорилъ:

— Корма идетъ правильно! Клянусь св. Георгіемъ!..

— Судно переходитъ!—произнесъ кто-то.

Кто-то пробормоталъ:

— О, это было прекрасно! Поистинѣ прекрасно!..

Машина перестала работать, теперь ихъ несло только теченіемъ рѣки. Звѣзды исчезли съ небеснаго свода. Подобный переѣздъ въ темнотѣ представляетъ дѣло трудное и рискованное. Всѣ сердца словно замерли въ эту минуту. Вдругъ я увидалъ вдали что-то темное, это были очертанія гористаго острова Гэта. Черезъ минуту мы вошли въ полосу рѣки, отбрасываемую этимъ островомъ. Опасность была очень серьезна... Я совершенно задыхался отъ волненія: мнѣ хотѣлось что-нибудь сдѣлать, помочь кому-нибудь, спасти наше судно отъ крушенія. Между тѣмъ мистеръ Биксби стоялъ у руля молча и серьезно, внимательно наблюдая за ходомъ судна. Всѣ лоцманы тѣснились сзади него, нажимая другъ на друга плечами.

Въ это время кто-то прошепталъ:

— Нѣтъ, судно не выдержитъ этого!..

Вода все убывала: становилось все мельче и мельче, *лотовой* продолжалъ выкрикивать мѣру глубины...

— Восемь... съ половиной... Восемь футовъ! Восемь! Семь съ полови...

Въ эту минуту мистеръ Биксби далъ сигналъ для предупрежденія машиниста и черезъ говорную трубу сказалъ:

— Стойте крѣпко!

— Слушаю, сэръ,—отвѣчалъ тотъ.

— Семь съ половиной... Семь футовъ! Шесть съ половиной!..

Киль нашего судна коснулся дна рѣки. Биксби громко зазвонилъ и крикнулъ въ трубу:

— Дайте ходъ самый быстрый, мы должны пользоваться каждымъ дюймомъ!—Потомъ онъ крикнулъ помощнику:

— Вытаскивайте его! Тащите!

Пароходъ двигался по самому песку, касаясь килемъ песчаной мели. Каждую минуту намъ грозила серьезная опасность... Но вдругъ мы почувствовали, что треніе киля о песокъ прекратилось, и судно пошло гладко и плавно, оно теперь плыло уже свободно по водѣ, мы подошли такъ близко къ острову, что касались бортомъ прибрежныхъ кустарниковъ. Въ одномъ мѣстѣ надо было обойти затонувшій пароходъ, и мы могли бы сами подвергнуться крушенію, если бы налетѣли на это подводное препятствіе. Въ пять минутъ могъ погибнуть весь пароходъ, стоимость котораго простиралась до двухсотъ пятидесяти тысячъ долларовъ (около 300 тысячъ рублей), а также весь грузъ, бывшій на немъ, и, быть-можетъ, погибъ бы и экипажъ, полтораста человѣкъ, считая вмѣстѣ съ пассажирами.

Послѣднюю похвалу мистеру Биксби я слышалъ отъ одного изъ нашихъ гостей-лоцмановъ; онъ пробормоталъ, словно разговаривалъ самъ съ собой:

— Клянусь тѣнью смерти, это блестящій лоцманъ!

VIII.

Измѣреніе глубины рѣки. Необходимыя для лоцмана свѣдѣнія.

Прошло не мало времени, и оно показалось мнѣ довольно скучнымъ, прежде чѣмъ я успѣлъ, наконецъ, набить свою голову названіями разныхъ мѣстечекъ, городовъ, пунктовъ. Вся эта смѣсь представляла невообразимый хаосъ, какую-то неодушевленную массу. Закрывая глаза и стараясь припомнить себѣ эти имена и пункты, я невольно пропускалъ миль по десяти на каждыя пятьдесятъ и сознавалъ, что, пожалуй, могъ бы справиться съ небольшимъ судномъ и вести его отъ Новаго Орлеана внизъ по рѣкѣ, если бы только можно было заставить его перескакивать черезъ всѣ мало знакомыя мнѣ мѣста, соотвѣтствующія пробѣламъ въ моей памяти. Но вскорѣ оказалось, что это было съ моей стороны излишнимъ самомнѣніемъ. Мистеръ Биксби скоро отрезвилъ меня.

Однажды онъ меня спросилъ:

— Какую форму имѣетъ узелъ Вальнутъ?

Ужъ лучше бы онъ спросилъ меня, какое мнѣніе имѣла моя бабушка о протоплазмѣ? Этотъ вопросъ привелъ меня втупикъ. Я подумалъ съ минуту и отвѣчалъ, что не знаю, какова форма Вальнута и есть ли у него какая-либо особенная форма. Онъ

разгорячился и началъ браниться и кричать, пока его пылъ не остылъ. Наконецъ онъ сказалъ:

— Мой милый юноша, вѣдь вы должны знать наизусть форму всей рѣки и ея береговъ: тогда вы можете управлять судномъ въ ночную пору при абсолютной темнотѣ. Если вы не знаете этого, то вамъ мало пользы отъ остальныхъ вашихъ свѣдѣній. Вѣдь форма одного и того же предмета бываетъ не одинакова ночью и днемъ.

— Но какъ изучить это? Я думаю, даже на сушѣ это не легко,—возразилъ я.

— А какимъ же образомъ, — отвѣчалъ онъ, — вы можете ночью пройти ощупью по коридору вашего собственнаго дома? Вѣдь вы не видите стѣнъ, однакоже знаете наизусть расположеніе всего коридора.

— Значитъ, я долженъ изучить наизусть всѣ изгибы, всѣ эти тысячи и милліоны различныхъ признаковъ, всѣ прибрежныя мѣстности безконечной рѣки и помнить ихъ такъ же отчетливо, какъ комнаты своего дома?

— Вы должны знать ихъ гораздо лучше и тверже, чѣмъ собственный домъ.

— Клянусь жизнью, это ужъ слишкомъ.

— Я не хочу васъ обезкураживать, однакоже...

— Ну, хорошо, я согласенъ, постарайтесь начинить мою голову всѣми этими свѣдѣніями; все равно, раньше или позже, это необходимо.

— Въ томъ-то и дѣло, что этого невозможно сдѣлать сразу: это надо изучить постепенно; въ свѣтлую ночь, когда блестятъ звѣзды на небѣ, бываютъ длинныя тѣни отъ разныхъ предметовъ, и если вы не знаете вполнѣ точно форму береговъ, то поневолѣ будете вертѣться и лавировать передъ каждой группой кустовъ, такъ какъ благодаря длинной тѣни, бросаемой ими, вы примете ихъ за какой-нибудь большой мысъ, который надо объѣхать. Каждую минуту вы будете чего-нибудь избѣгать тамъ, гдѣ нѣтъ ни малѣйшей опасности. Предположимъ, вы будете итти на разстояніи пятидесяти ярдовъ отъ берега, а вамъ надо держаться отъ него на разстояніи только пятидесяти футовъ. При длинныхъ тѣняхъ вы не увидите выступовъ, выдающихся пунктовъ, слѣдовательно, вамъ необходимо узнать впередъ, гдѣ именно они расположены, а по формѣ прибрежья вы догадаетесь, что дошли до того или другого пункта. Теперь посмотримъ, что бываетъ, наоборотъ, въ темную ночь, когда, какъ говорится, „хоть глазъ выколи“. Въ темнотѣ рѣка представляетъ совсѣмъ другую форму, нежели при свѣтѣ звѣздъ. Берега въ этомъ случаѣ кажутся вамъ прямыми линіями, а

вѣдь вы уже впередъ знаете, что этого быть не можетъ. Вы направляете судно туда, гдѣ вамъ представляется прямая, цѣльная стѣна (вы впередъ знаете, что это не прямая стѣна, а цѣлый рядъ изгибовъ и извилинъ), и вдругъ эта мнимая стѣна словно разступается передъ вами, даетъ вамъ дорогу и вы свободно проходите дальше. Представьте, что, кромѣ темноты, на рѣкѣ стоитъ еще туманъ; тогда берега кажутся совершенно безформенными, расплывчатыми. Такой туманъ можетъ хоть кого сбить съ толку и поставить втупикъ самаго опытнаго лоцмана. Наконецъ лунный свѣтъ также значительно выравниваетъ кажущіяся очертанія береговой линіи. Вотъ видите, другъ мой!

— О, довольно, довольно, не продолжайте больше, пожалуйста! — воскликнулъ я. — Неужели мнѣ придется изучать наизусть эту рѣку при всевозможныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, которымъ и счету нѣтъ? Если набить всѣмъ этимъ свою голову, вѣдь это просто отупѣешь!

— Напротивъ того, вамъ придется изучить только форму береговъ, а управлять судномъ вы должны согласно именно этой постоянной, единственной формѣ, которая будетъ у васъ въ головѣ, а вовсе не руководиться формой кажущейся и измѣнчивой при разныхъ условіяхъ.

— Я попробую изучить ее,—сказалъ я.—Но когда я овладѣю ею, можно ли вполнѣ полагаться на эти познанія? Не могутъ ли берега опять измѣниться?

Но онъ не успѣлъ мнѣ отвѣтить, какъ вдругъ на вахту явился мистеръ В.

— Биксби, — сказалъ онъ, — вы должны осмотрѣть внимательно всю мѣстность близъ острова Президента, а также вверхъ по рѣкѣ, до острова Стараго Гэна и Чайкенса. Берега тутъ очень извилисты и часто измѣняютъ свою форму. Теперь вы можете подняться до старой сикоморы, по ту сторону ея *).

Такимъ образомъ я тотчасъ же получилъ отвѣтъ на мой вопросъ объ измѣнчивости береговой линіи. Здѣсь были нѣкоторыя части побережья, часто мѣняющія свои очертанія. Въ головѣ моей опять началась путаница. Мнѣ казалось, что для того, чтобы стать хорошимъ лоцманомъ, необходимо изучить, во-первыхъ, точно и твердо форму береговъ, а во-вторыхъ, переучивать эту форму каждый день снова, такъ какъ она постоянно измѣняется.

---

*) Быть-можетъ, это и не необходимо, но думаю, все же не лишнимъ будетъ объяснить, что терминъ *по ту сторону* обозначаетъ *между* сикоморой и берегомъ. *М. Тв.*

Въ этотъ день мы стояли на вахтѣ до полуночи. Сохранился старинный обычай, что при смѣнѣ дежурныхъ лоцмановъ они непремѣнно перекидываются нѣсколькими фразами. Лоцманъ новый (смѣняющій товарища) гаситъ сигару и надѣваетъ перчатку для управленія рулемъ, а уходящій (смѣняющійся) говоритъ короткую фразу, въ родѣ слѣдующей:

— Кажется, что на верхнемъ бакѣ вода стала мельче, близъ Гэль-Пункта; нижній лотъ показываетъ двѣ съ четвертью мѣрки, а другой—двѣ мѣрки *).

— Да, я думаю, этотъ пунктъ обмелѣлъ въ сравненіи съ предыдущимъ рейсомъ. Встрѣчныя суда попадались?

— Да, встрѣтился пароходъ на траверсѣ, но онъ прошелъ бакъ, я его не разсмотрѣлъ путемъ. Я бы принялъ его за *Сонни Зоузъ*, если бы только не косое окошко передъ трубой; тамъ его не было.

Остальной разговоръ продолжался въ томъ же духѣ. Когда смѣняющій (вновь пришедшій на смѣну) лоцманъ берется за рулевое колесо, то его партнеръ (т.-е. уходящій товарищъ) заявляетъ, что судно въ данную минуту проходитъ тотъ или другой изгибъ и стоитъ наравнѣ съ той или другой плантаціей или лѣсомъ.

Этотъ обычай—своего рода вѣжливость, но мнѣ онъ казался положительной необходимостью. На этотъ разъ мистеръ В. опоздалъ на двѣнадцать минутъ, и это считается между лоцманами не только невѣжествомъ, нарушеніемъ этикета, но даже серьезнымъ проступкомъ. Мистеръ Биксби ни слова не сказалъ партнеру и удалился молча изъ лоцманской рубки.

Я былъ смущенъ этимъ обстоятельствомъ. Ночь была очень темная; мы проходили широкую часть рѣки, а мистеръ Биксби оставилъ своего товарища въ полномъ невѣдѣніи относительно того, гдѣ мы теперь проходимъ; такое невѣдѣніе могло оказаться гибельнымъ для судна и для насъ всѣхъ; мнѣ хотѣлось какъ-нибудь помочь этому горю, хотѣлось сдѣлать указанія мистеру В., чтобы онъ видѣлъ, что онъ не покинутъ и не остался одинокъ въ безпомощномъ положеніи. Я стоялъ поодаль и ожидалъ, когда же онъ спроситъ меня, въ какомъ мѣстѣ мы идемъ? Но мистеръ В. посмотрѣлъ на темный небесный сводъ и не сказалъ ни слова.

„Экій гордый, чортъ возьми,—думалъ я.—Онъ, кажется, рѣшится скорѣе насъ всѣхъ погубить, чѣмъ спросить совѣта и одолженія у такого ничтожества, какимъ онъ меня считаетъ“.

---

*) Т.-е. двѣ сажени. Двѣ съ четвертью мѣрки соотвѣтствуютъ $2^1/_4$ саженямъ, т.-е. $13^1/_2$ футамъ. Три мѣрки=тремъ саженямъ. *М. Тв.*

Усѣвшись на скамью, я рѣшился остаться на вахтѣ, пока этотъ сумасбродъ стоитъ у руля.

Но вскорѣ я безсознательно погрузился въ дремоту; когда я проснулся, на вахтѣ стоялъ уже мистеръ Биксби; въ это время свѣтало; было четыре часа утра, и все обошлось благополучно. Только я самъ чувствовалъ себя плохо: у меня былъ сильный ломъ въ костяхъ.

Когда Биксби спросилъ, зачѣмъ я такъ долго оставался на воздухѣ, я отвѣчалъ, что желалъ оказать услугу мистеру В. и объяснить ему, гдѣ мы теперь идемъ.

Я разсчитывалъ, что мистеръ Биксби одобритъ меня, но ошибся.

— Если васъ хорошенько изучить,—сказалъ онъ,—то окажется, что вы ужасный глупецъ. Такихъ глупцовъ я еще и не видывалъ. Скорѣе вы какой-то особый видъ осла, нежели человѣкъ. Чего же ему, по-вашему, не доставало? Что ему еще надо было знать?

— Ему надо было знать, какое это мѣсто рѣки, гдѣ онъ сталъ на вахту.

— Я же говорилъ вамъ, что лоцману рѣка должна быть знакома такъ же хорошо и подробно, какъ собственный домъ.

— Если мнѣ надо итти коридоромъ своего дома и я знаю, что нахожусь именно въ коридорѣ, то, конечно, я могъ бы найти вѣрный путь; но если ночью меня приведутъ на средину того же коридора и не скажутъ, что это за комната, то какъ я могу догадаться и найти вѣрный путь?

— Да, но на рѣкѣ вы, навѣрное, найдетесь и будете это знать.

— Значитъ, хорошо, что я ничего не сказалъ ему?

— Прекрасно сдѣлали! Иначе онъ выбросилъ бы васъ за окошко и тѣмъ самымъ нанесъ бы матеріальный ущербъ пароходу, по крайней мѣрѣ, долларовъ на сто.

Я былъ радъ, что избѣжалъ такого столкновенія, такъ какъ судохозяева не любятъ тѣхъ, кто бываетъ причиной какихъ-нибудь убытковъ для ихъ кармана и портятъ пароходное имущество.

Я сталъ тщательно изучать рѣку и ея очертанія, стараясь усваивать и запоминать признаки, ускользавшіе прежде отъ моего вниманія; въ этомъ и состоитъ главная задача и опытность изученія рѣки. Когда я усваивалъ форму какого-нибудь остраго берегового носа или косы, мнѣ уже казалось, что я словно фотографировалъ въ моей памяти его внѣшность, но вдругъ, по мѣрѣ приближенія къ носу или косѣ, они расплывались совершенно и теряли прежнюю форму; мысъ превра-

4*

щался въ низкую отмель. Если бы на краю мыса росло дерево, мнѣ показалось бы, что оно составляетъ часть лѣса и растетъ на краю берега. Холмъ, лежащій на берегу, такъ же измѣняетъ свои очертанія, такъ что его очень трудно узнать. Однимъ словомъ, при подъемѣ противъ теченія всѣ предметы на берегахъ казались совершенно иными, нежели при рейсѣ внизъ по теченію. Когда я сказалъ объ этомъ мистеру Биксби, онъ возразилъ мнѣ:

— Въ этомъ-то именно и состоитъ сущность всѣхъ нашихъ примѣтъ и пунктовъ. Если бы видимыя очертанія не измѣнялись каждыя пять минутъ, то это было бы большое несчастье для насъ; тогда мы не могли бы никогда оріентироваться; эти-то признаки, едва замѣтные, и даютъ намъ возможность точно опредѣлить, какой пунктъ рѣки мы проплываемъ. Иначе мы совсѣмъ сбились бы съ толку, если бы всѣ берега были одинаковы. Чтобы уяснить это, возьмемъ примѣръ: хотя бы это самое мѣсто, гдѣ мы теперь идемъ; пока вотъ этотъ холмъ представляется въ видѣ *одного* холма съ одной вершиной, я спокойно иду прежнимъ путемъ, но въ тотъ моментъ, какъ вершина его раздѣлится на два отдѣльныя острея, дѣло уже измѣняется; я знаю, что при малѣйшей неосторожности могу попасть на мель и зацѣпить штарбортомъ за отмель или даже удариться о подводный камень. Если этотъ холмъ снова не измѣнитъ очертаній, то при недосмотрѣ рулевого можетъ произойти страшнѣйшее крушеніе.

Очевидно, что изученіе всѣхъ очертаній было еще недостаточно само по себѣ. Надо было приспособиться, чтобы знать, какъ слѣдуетъ дѣйствовать въ темныя ночи, когда всѣ берега теряютъ всякую обычную форму. Черезъ нѣсколько времени я къ этому сталъ понемногу привыкать и уже почти считалъ себя опытнымъ лоцманомъ, но мистеръ Биксби снова разочаровалъ меня.

— Какова была глубина въ срединѣ рейса, близъ Голля?

Такой вопросъ показался мнѣ обиднымъ.

— Да вѣдь лотовые постоянно измѣряютъ глубину во время каждаго рейса,—возразилъ я.—Развѣ можно помнить всѣ цифры, которыя они выкрикиваютъ каждые полчаса?

— Да, мой милый юноша, вы должны ихъ помнить. Вы должны знать всѣ мелководныя мѣста и точную цифру глубины въ футахъ, во всѣхъ этихъ пяти сотняхъ мелкихъ мѣстъ, расположенныхъ между Сенъ-Луи и Новымъ Орлеаномъ. Мало того, глубина во время одного рейса не должна быть вами смѣшиваема съ глубиной того же самаго мѣста въ другую поѣздку; ваша память должна хранить ихъ отдѣльно, не смѣшивая.

— Ну,—сказалъ я,—едва ли мнѣ удастся достигнуть этого. Скорѣе я буду вынужденъ отказаться отъ лоцманской профессіи,—это выше моихъ силъ и способностей.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не говорите этого! — воскликнулъ онъ. — Если ужъ я взялся выучить васъ, то достигну этого во что бы то ни стало! Мое правило такое: или я выучу его, или убью!

IX.

Степени и достоинства лоцманскаго искусства.

Съ такимъ человѣкомъ лучше было не спорить, всякіе доводы не привели бы ни къ чему. Я старался напрягать свою память и запоминать глубину различныхъ мелкихъ мѣстъ. Мнѣ случалось видать лоцмановъ, смотрѣвшихъ на поверхность рѣки словно въ открытую книгу: они, какъ по книгѣ, читали въ ней то, что имъ было нужно. Но эта книга ничего не говорила мнѣ: я не умѣлъ читать по ней...

Наконецъ настало время, когда Биксби нашелъ меня до нѣкоторой степени подготовленнымъ, такъ что я могъ начать практиковаться въ этомъ чтеніи по водной поверхности.

— Видите эту длинную линію,—сказалъ онъ,—она лежитъ на поверхности воды! Подъ этой линіей, можно сказать навѣрное—лежитъ рифъ, и притомъ — отвѣсный, какъ стѣна. Подъ рифомъ — песчаная отмель, также отвѣсная. Сбоку воды достаточно, но на самой вершинѣ рифа—ея очень мало, тутъ очень мелкое мѣсто. Если ударитесь въ отмель, то носъ судна врѣжется въ песокъ. Видите, эта полоска кончается, словно обшита бахромой, а далѣе она совсѣмъ исчезаетъ, сглаживается.

— Вижу, вижу,—отвѣчалъ я.

— Вотъ это—самое мелкое мѣсто, это вершина рифа. Поднимитесь къ вершинѣ, это не принесетъ никакого вреда; потомъ вы можете итти вдоль рифа, какъ вдоль стѣны,—тутъ теченіе среднее.

Я слѣдилъ за его указаніями, пока мы не подошли къ бахромѣ, на которую онъ указывалъ. Тогда Биксби сказалъ:

— Ждите моего распоряженія. Пароходъ долженъ подняться на самый гребень рифа... Стойте, стойте! Держитесь крѣпко! Спускайте же, спускайте!..

Съ этими словами онъ схватилъ рулевое колесо съ другой стороны и сталъ помогать мнѣ; корма начала понемногу опускаться, и въ такомъ положеніи мы продержались нѣсколько секундъ. Сначала пароходъ какъ будто не слушался руля, но затѣмъ онъ „легъ“ на штарбортъ и поднялся на верхушку

(гребень) рифа. Сзади со дна шипѣла пѣна длинной, широкой полосой.

— Ну, смотрите, теперь будьте внимательны! Если не будете держать судно крѣпко въ рукахъ, то оно можетъ ускользнуть! Постепенно поднимайте его къ самой вершинѣ, ему приходится теперь бороться, при толчкахъ оно скользитъ... Ну, вотъ хорошо! Теперь вы поднялись на самый „баръ“. Вода, спускаясь съ гребня, образуетъ водовороты, — вотъ видите эти тонкія полосы на самой поверхности, — онѣ развѣтвляются, словно вѣеръ?!. Вотъ это и есть водовороты, подъ ними лежатъ рифы: остерегайтесь ихъ вершинъ, идите рядомъ съ ними, вплотную! Смотрите внимательно! Не торопитесь къ этому тихому, гладкому мѣсту—оно словно саломъ подернулось: здѣсь мелко, нѣтъ даже и девяти футовъ, какъ бы не сѣсть на мель. Говорю же вамъ, смотрите внимательно, впередъ смотрите!.. Вы прямо туда правите!.. Стопъ! Назадъ, дайте задній ходъ!..

Зазвонилъ колоколъ — и въ отвѣтъ на этотъ звонъ машинисты выпустили изъ трубы бѣлые столбы густого пара. Но уже было поздно: мы налетѣли на самый „баръ“. Полосы пѣны изъ-подъ колесъ исчезли внезапно; кругомъ настала тишина, передъ носомъ судна прокатилась „мертвая зыбь“. Пароходъ легъ на „бакбортъ“ и дотащился съ трудомъ до другого берега, словно перепуганное на смерть живое существо...

Въ это время были, по крайней мѣрѣ, за цѣлую милю отъ того мѣста, гдѣ намъ слѣдовало бы быть. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ усилій, намъ удалось направить судно какъ слѣдуетъ.

На другой день Биксби обратился ко мнѣ съ вопросомъ, знаю ли я, какъ надо править судномъ на слѣдующемъ переѣздѣ.

— Надо держаться внутренняго края, проходя надъ подводной скалой,—отвѣчалъ я,—пройти потомъ мимо дровяного склада Гёггинса и пройти въ поперечномъ направленіи...

— Отлично! Я сейчасъ долженъ отлучиться и вернусь къ вамъ скоро, еще вы не достигнете слѣдующей мели.

Съ этими словами онъ ушелъ, но долго не возвращался. Онъ сидѣлъ внизу, въ каютѣ, когда я огибалъ рифъ; въ это время судно вошло въ такую часть рѣки, которая казалась мнѣ нѣсколько опасною. Между тѣмъ мистеръ Биксби, тайно отъ меня, спрятался за трубой и продолжалъ наблюдать за моими дѣйствіями, такъ что я не зналъ этого и не подозрѣвалъ. Я шелъ впередъ, вполнѣ гордясь тѣмъ, что онъ оставилъ меня одного управлять рулемъ на такой продолжительный

срокъ и въ такомъ трудномъ переѣздѣ. При этомъ я нѣсколько волновался, но старался показать видъ, что я совершенно спокоенъ и даже безпечно посматривалъ по сторонамъ, подражая въ этомъ отношеніи опытнымъ лоцманамъ, и въ томъ числѣ самому мистеру Биксби. Потомъ я оглянулся назадъ, чтобы посмотрѣть, сколько мы уже прошли, а когда снова взглянулъ впередъ, то пришелъ въ ужасъ и страшно смутился: сердце меня такъ и замерло; передо мною тянулся цѣлый рядъ опасныхъ рифовъ. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать, и совершенно потерялся. Не рѣшаясь, какъ поступить, я дернулъ ручку рулевого колеса, такъ что оно содрогнулось; пароходъ круто свернулъ въ сторону, но передъ нами лежалъ другой такой же рифъ! Эти рифы словно преслѣдовали насъ! Я опять свернулъ въ сторону и снова наткнулся на рифъ. Я уже пересталъ соблюдать осторожность и летѣлъ впередъ, ничего не помня отъ волненія. Крушеніе было неминуемо! А между тѣмъ Биксби все не возвращался. Я хотѣлъ было дернуть веревку звонка, чтобы остановить судно, но это было бы малодушіемъ, почти преступленіемъ. „Ужъ лучше,—думалъ я,—нарушить правила, чѣмъ подвергать пароходъ страшному крушенію!“ И съ этой мыслью я дернулъ веревку и поднялъ такой оглушительный звонъ, какого, навѣрно, никогда не случалось слышать машинистамъ. Машина остановилась, дали задній ходъ, и наша корма чуть не врѣзалась въ лѣсистый противоположный берегъ рѣки.

Въ ту же минуту самъ мистеръ Биксби показался на палубѣ; онъ былъ спокоенъ и невозмутимъ. Я посмотрѣлъ на него съ чувствомъ благодарности, какъ на своего спасителя. Мой страхъ и всѣ опасенія мгновенно исчезли съ его появленіемъ. Кажется, я готовъ былъ переплыть Ніагару, лишь бы мистеръ Биксби стоялъ въ это время на палубѣ. А онъ, между тѣмъ, вынулъ изо рта зубочистку и, держа ее двумя пальцами, какъ сигару, подошелъ ко мнѣ. Въ это время мы подъѣзжали къ дереву, низко наклонившемуся надъ водой; пассажиры были перепуганы внезапной остановкой и моимъ отчаяннымъ трезвономъ и стали бѣгать по палубѣ взадъ и впередъ, въ сильной тревогѣ.

Биксби сказалъ мнѣ мягко и спокойно:

— Стойте! Дайте ходъ назадъ.

Судно стало двигаться снова...

— Если вамъ кричатъ, если васъ окликаютъ, мой милый юноша,—продолжалъ онъ,—то вы должны трижды ударить въ колоколъ, прежде чѣмъ причалить; это необходимо, чтобы машинистъ могъ приготовиться и принять мѣры.

Я покраснѣлъ, видя, что онъ подсмѣивается надо мной, и отвѣчалъ, что меня никто не окликалъ.

— Васъ никто не окликалъ? Такъ, значитъ, вы сдѣлали остановку, чтобы запастись дровами?

— И дровъ намъ не надо запасать,—отвѣчалъ я.

— Такъ зачѣмъ же вы позвонили, если такъ?

— Я хотѣлъ избѣгнуть страшнаго рифа!

— Что вы! Да тутъ на цѣлыя три мили нѣтъ ни одного рифа!

— Но я видѣлъ рифъ! — воскликнулъ я.

— Что вы! Если такъ, то идите черезъ него!

— Вы такъ приказываете?

— Да, конечно!

— А если это невозможно?

— Все равно, идите впередъ, я беру отвѣтственность на себя!

Я бы отъ души желалъ, чтобы судно сѣло на мель или же произошло бы крушеніе, тогда какъ за минуту передъ тѣмъ я стремился всей душой спасти его.

Вотъ я направилъ его прямо на рифъ...

Мы проскользнули черезъ него, какъ по маслу.

Я задыхался отъ волненія и злобы.

— Ну, что,—спросилъ мистеръ Биксби,—вы теперь замѣчаете разницу? Вѣдь это былъ наносный песчаный рифъ, а не настоящій; этотъ рифъ производится вѣтромъ.

— Да, теперь я вижу различіе. Но на видъ его трудно отличить отъ настоящаго рифа. Какъ же отличить ихъ одинъ отъ другого?

— Я не могъ бы вамъ объяснить этого теоретически. Этого надо достигать практикой. Со временемъ вы научитесь отличать ихъ, но объяснить, какъ это дѣлается, едва ли сможете сами.

Онъ говорилъ правду; съ теченіемъ времени я научился читать на поверхности воды, какъ въ открытой книгѣ, но это была мертвая книга, написанная непонятнымъ языкомъ для пассажировъ, непосвященныхъ въ тайну этихъ письменъ. Она словно разоблачала мнѣ свои тайны, говорила со мною живымъ, человѣческимъ голосомъ.

И это не изъ тѣхъ книгъ, которыя откладываются въ сторону по прочтеніи; нѣтъ, она открываетъ вамъ безконечно все новыя, невѣдомыя доселѣ тайны. На протяженіи двухъ тысячъ миль въ ней не было ни одной страницы, которую вы пропустили бы, оставили бы безъ вниманія. Еще нѣтъ на свѣтѣ и не было ни одной такой книги, написанной на человѣче-

скомъ нарѣчіи, которая бы поглощала до такой степени все ваше вниманіе, захватывала бы всю вашу душу. А для тѣхъ, кто не умѣетъ читать въ этой книгѣ, она не имѣетъ интереса. Пассажиры только любовались прекрасными картинами, озаренными солнцемъ и осѣненными небесными тучами, плывшими по дальнему горизонту.

Да, ознакомившись со всѣми подробностями и мелочами, научившись свободно и легко читать въ этой книгѣ, я сдѣлалъ большое пріобрѣтеніе, но... но я потерялъ при этомъ многое! И то, что я потерялъ, никогда уже больше не вернется, сколько бы я ни прожилъ на свѣтѣ. Да, для моего взора пропала вся прелесть, вся иллюзія, вся поэзія и красота этой величавой картины, поэзія жизни природы. У меня до сего дня остается въ памяти одно чудное мгновенье — роскошный закатъ солнца, которымъ мнѣ случилось любоваться еще въ самомъ началѣ моего странствованія. Громадное пространство водной поверхности было залито кровавымъ пурпуромъ; нѣсколько ближе къ намъ, этотъ красный отливъ превращался въ золотистый, и по этой красной поверхности плавали уединенныя пятна. Это были куски и обломки дерева, чурбаны и сучья. Въ сторонѣ тянулась длинная полоса, направленная вкось; еще далѣе вода пѣнилась и шумѣла, отливая опаломъ. Лѣвый берегъ рѣки, заросшій густой растительностью, давалъ длинную полосу тѣни, и эта тѣнь прорѣзалась косыми яркими лучами заходящаго свѣтила... Всѣ эти предметы, окружающіе меня, каждую минуту мѣняли свою окраску, ихъ видъ измѣнялся словно по волшебству.

Я стоялъ на палубѣ, пораженный этимъ величественнымъ, чуднымъ зрѣлищемъ; весь міръ представлялся мнѣ въ невѣдомомъ, новомъ свѣтѣ; у себя дома я не видывалъ ничего подобнаго.

Но наступилъ день, когда я совершенно пересталъ обращать вниманіе на чудныя картины, на удивительные эффекты освѣщенія, на сочетаніе лучей и тѣни... Если мнѣ случалось всматриваться въ подробности картины заката, то исключительно только съ извѣстной практическою цѣлью; видя красныя облака, я ожидалъ перемѣны вѣтра, плавающіе чурбаны указывали на подъемъ уровня воды, косыя полосы на поверхности показывали, что подъ ними скрываются подводные рифы...

Итакъ, для меня исчезла вся романическая сторона этихъ красотъ природы. Теперь, смотря на нихъ, я старался сдѣлать съ ихъ помощью практическій выводъ.

И съ тѣхъ поръ я сталъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ смотрѣть на врачей; какъ часто случается, что докторъ, видя

нѣжный румянецъ на щекахъ изящной, прекрасной паціентки,— румянецъ, плѣняющій взоры не посвященныхъ, угадываетъ въ немъ симптомъ страшнаго, неизлѣчимаго недуга, быть-можетъ, смертельнаго! И вся прелесть миловиднаго личика приводитъ въ ужасъ опытнаго врача, видящаго въ этомъ румянцѣ начало близкаго конца. И не задумывается ли при этомъ подобно мнѣ и врачъ? Не задумывается ли надъ вопросомъ, не потерялъ ли онъ слишкомъ много, утративъ прежнюю свою иллюзію?..

X.

Гонка.—Изгибы Миссисипи.

Тѣ изъ моихъ читателей, которые оказали мнѣ любезность прочесть предыдущія главы этой книги, касающіяся лоцманскаго дѣла, навѣрное, выразятъ свое удивленіе и невольно спросятъ, зачѣмъ я такъ долго и подробно распространялся по этому вопросу. Почему я возвожу искусство лоцмана на степень науки. Да, я стремился къ этому, главнымъ образомъ, въ предыдущихъ главахъ, но сознаю, что не вполнѣ достигъ этой цѣли. Я хотѣлъ доказать, что это наука, и притомъ въ высшей степени сложная, и изучить ее вполнѣ можно не иначе какъ фактическимъ путемъ, а именно, плавая по рѣкѣ на суднѣ. Тѣ рѣки, русло которыхъ песчано или каменисто, не представляютъ такихъ рѣзкихъ перемѣнъ, ихъ русло измѣняется постепенно, едва замѣтно. Ихъ можно довольно точно и подробно изучить, но совсѣмъ другую картину представляютъ рѣки, подобныя Миссисипи или Миссури: берега ихъ измѣняются ежедневно, выступы, косы, мысы мѣняютъ свою форму, перемѣщаются съ одного пункта на другой. Песчаныя отмели никогда не остаются въ покоѣ, даже русла ихъ перемѣщаются, дѣлаютъ скачки и передвигаются; при этомъ рѣка иногда засоряется, и всѣ эти перемѣны необходимо умѣть угадывать, и даже темною ночью, не только днемъ, безъ всякаго фонаря или маяка. На протяженіи четырехъ тысячъ миль на этой убійственной рѣкѣ вы не встрѣтите ни одного фонаря ни одного „бакана“ *). Я описываю всѣ эти подробности, потому что знаю, что никто изъ ѣздившихъ по этой рѣкѣ не описалъ этихъ подробностей, хотя бы самъ и ознакомился съ ними практически. Если бы эта тема устарѣла, я не рѣшился бы утомлять читателя, но, принимая во вниманіе ея новизну и

*) Это касается періода времени, когда написанъ этотъ разсказъ, но теперь (т.-е. 1882 г.) обстоятельства измѣнились. *М. Тв.*

интересъ, я разберу ее подробно. Когда я основательно освоился съ названіями и положеніемъ главныхъ выдающихся „опознательныхъ“ пунктовъ побережья, такъ что хорошо помнилъ очертанія прибрежной линіи и могъ бы даже начертить ее на бумагѣ, начиная отъ Сенъ-Луи вплоть до Новаго Орлеана, а потомъ, когда изучилъ глубину всѣхъ мелкихъ мѣстъ, то думалъ, что мое лоцманское воспитаніе совершенно окончено.

Я сдвинулъ шапку набекрень и усѣлся къ рулевому колесу съ трубкой въ рукахъ.

Между тѣмъ мистеръ Биксби спокойно наблюдалъ за мною. Однажды онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Какова высота этого рифа?

— Почемъ я знаю, сэръ! Отъ насъ до него три четверти мили!

— Гмъ! У васъ слабые глаза! Да, очень слабое зрѣніе! Если такъ, то посмотрите въ подзорную трубу!

Я взялъ трубу и посмотрѣлъ.

— Не могу опредѣлить навѣрное,— сказалъ я,— но думаю, что высота этого рифа фута полтора!

— Полтора! Да что вы! Тутъ будетъ цѣлыхъ шесть! Какова была высота въ предыдущую поѣздку?

— Не знаю, я не отмѣчалъ этого.

— Не отмѣчали? Какъ такъ? Надо было отмѣтить.

— Зачѣмъ это?

— Какъ зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы знать всѣ подробности, касающіяся этого мѣста. Во-первыхъ, это дастъ вамъ понятіе о положеніи уровня воды въ рѣкѣ, а во-вторыхъ, вы можете тогда сравнить, прибавилась вода или убавилась!

— Но это мнѣ скажутъ лотовые, которые всегда производятъ измѣренія глубины.

— Лотовые могутъ васъ обмануть, а рифъ ужъ не обманетъ, и дастъ вамъ возможность провѣрить ихъ показанія. Въ предыдущій разъ тутъ было десять футовъ глубины, а теперь только шесть. Что это обозначаетъ по-вашему?

— Обозначаетъ, что вода прибыла!

— Такъ! А что, какъ по-вашему, вода продолжаетъ прибывать или же уменьшается?

— Прибываетъ!—отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь!—замѣтилъ Биксби.

— Я увѣренъ, сэръ, что я правъ! Я готовъ держать пари! Вотъ тутъ много пловучихъ стволовъ, которые несутся по теченію.

— Отъ повышенія воды дерево коробится, отрывается съ мѣста и начинаетъ плыть по теченію, когда повышеніе уже

окончилось,—возражалъ мистеръ Биксби.—Да вотъ постойте, мы убѣдимся въ этомъ, дойдя до поворота. Вотъ видите узкую полоску на водѣ? Она показываетъ линію осадковъ и образовалась тогда, когда вода стояла выше, чѣмъ теперь. Пловучія бревна направляются къ берегу, а рифъ какъ бы отталкиваетъ ихъ, давая другое направленіе. Теперь вода дошла до корней этого ствола. Замѣтьте это!

— Какое же значеніе это имѣетъ?

— Это указываетъ, что теперь здѣсь глубина около семи футовъ на протяженіи ста трехъ ярдовъ.

— Но вѣдь сто три ярда значительный путь!

— Да и на немъ есть не мало рифовъ. Воды здѣсь довольно, но мы не можемъ сказать навѣрное, сколько потребуется времени для прохожденія этого протяженія. Вода можетъ и подняться, пока мы пройдемъ его. На сколько футовъ судно сидитъ въ водѣ?

— Корма—на шесть футовъ, а носъ—на шесть съ половиной.

— Я вижу, вамъ кое-что все-таки извѣстно,— одобрилъ Биксби.

— Но какая мнѣ польза отъ этого знанія, если рѣка постоянно измѣняется, и въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ глубина ея бываетъ различна въ разное время! И это бываетъ на протяженіи тысячи двухсотъ миль!

— Вы должны это знать, чтобы вѣрно управлять рулемъ

Этотъ разговоръ сильно взволновалъ меня.

— А что вы скажете объ этихъ водопадахъ?—спросилъ я.—Ихъ тутъ много или мало?

— Конечно, не мало. Я думаю, вамъ случалось встрѣчать ихъ и раньше. Если вода будетъ повышаться, мы перейдемъ черезъ нихъ, перескочивъ свободно черезъ мели, которыя при низкой водѣ выступаютъ изъ-подъ воды, напоминая собою крыши домовъ. Въ этомъ случаѣ надо направлять судно въ промежутки между этими гребнями, быстро, на сильныхъ парахъ, перейти черезъ плавающія бревна и совершить какъ можно скорѣе весь этотъ путь, на этомъ пространствѣ. Я думаю, что всѣ надводныя части островковъ, лежащихъ между Новымъ Орлеаномъ и Канролхомъ, будутъ намъ ясно видны.

— Если такъ, то я снова постараюсь удвоить мои практическія свѣдѣнія.

— Да, постарайтесь учетверить ихъ.

— Кажется,—замѣтилъ я,—что, принявшись за такое трудное дѣло, я просто лишился разсудка.

— Да, это вѣрно, но когда вы его изучите вполнѣ, то разсудокъ вернется къ вамъ.

— Ну, едва ли я когда-нибудь изучу его вполнѣ,—усомнился я.

— А я увѣренъ, что изучите.

Вскорѣ я снова спросилъ его:

— Могу ли я тогда управлять пароходомъ ночью, если буду хорошо знать форму и очертанія береговъ?

— Разумѣтся, — отвѣчалъ мистеръ Биксби, — но для этого необходимо основательно изучить и держать въ памяти всѣ рифы, всѣ мели и не смѣшивать ихъ другъ съ другомъ. Не забудьте также еще одного совѣта, если вы вошли въ расщелину между двумя рифами, то не надо давать заднiй ходъ, стремясь выйти обратно, вы хуже рискуете застрять; ужъ лучше въ этомъ случаѣ итти впередъ, стараясь проскользнуть между двумя мелями. Иначе вамъ придется ждать повышенія уровня. Мы насчитываемъ около пятидесяти такихъ мѣстъ, которыя бываютъ проходимы только въ исключительныхъ случаяхъ, а именно, когда вода стоитъ высоко.

— Какая пріятная перспектива меня ожидаетъ! — воскликнулъ я съ горечью.

— Конечно, очень пріятная. Не забывайте же, что я говорилъ: войдя въ такую „щель", вы должны итти впередъ безъ остановки. Эти щели очень узки, въ нихъ нельзя сдѣлать поворота; при этомъ замѣтьте, что на вершинѣ рифа вода словно накопляется понемногу, такъ что глубина ея постоянно мѣняется.

— Значитъ, мнѣ каждый разъ придется сызнова изучать „посадку" киля?

— Конечно, это необходимо. Смотрите же, пересѣкайте эту отмель! Чего же вы стали среди рѣки?

Въ теченіе слѣдующихъ мѣсяцевъ я увидалъ много необыкновенныхъ и страшныхъ вещей. Но въ тотъ день, какъ у насъ былъ вышеприведенный разговоръ, мы встрѣтили значительное мѣстное повышеніе уровня. Вся рѣка была покрыта плавающими бревнами, чурками, вѣтвями и даже цѣлыми деревьями, и обходить всѣ эти препятствія было далеко не легко. Мы даже принуждены были пріостановить дѣйствіе паровой машины и шли просто по теченію рѣки, лавируя съ помощью руля. Ночью бываетъ очень трудно различить издали бѣлые чурбаны, они становятся ясно видны только на близкомъ разстояніи, а вдали ихъ можно и не замѣтить.

При этомъ повышеніи уровня съ верховья Миссисипи мимо насъ проносились баржи, угольныя барки изъ Питсбурга, а также плоты изъ Бозей-Коунти и изъ разныхъ другихъ мѣстъ, лежащихъ выше по теченію рѣки. По общепринятому обычаю,

всѣ судовщики и плотовщики, попавъ въ такое безпомощное положеніе, когда ихъ несетъ быстрое теченіе и они не могутъ ничего предпринять противъ этого, должны зажигать огни на своихъ плотахъ, во избѣжаніе столкновеній, чтобы пароходы могли обойти ихъ, не наткнувшись. Но обычай этотъ иной разъ и не соблюдается. Въ одну изъ темныхъ ночей передъ самымъ носомъ у насъ вспыхнулъ огонекъ и кто-то крикнулъ:

— Чего же ты лѣзешь зря или не видишь! Ахъ ты, кривоглазая мартышка!

Когда мы подошли ближе, то пламя нашихъ печей озарило плоскодонное судно; на палубѣ стоялъ судовщикъ, сильно махая руками и жестикулируя. Мы хотѣли послать къ нему нашихъ матросовъ, но тотъ встрѣтилъ ихъ самыми отчаянными ругательствами. Онъ увѣрялъ, что поѣдетъ въ Новый Орлеанъ и тамъ подастъ на насъ жалобу въ судъ. При этомъ онъ утверждалъ, что мы налетѣли на него по нашей винѣ, а не по его недосмотру, такъ какъ у него на баржѣ будто бы былъ зажженъ огонь, какъ это требуется обычаемъ. Но онъ, разумѣется, лгалъ, такъ какъ на суднѣ не было не только огня, но даже и караульнаго, да и самъ-то онъ былъ сильно пьянъ, и въ это время сидѣлъ за картами. Въ другой разъ, проѣзжая мимо самаго берега, въ одну изъ тѣхъ ночей, когда, какъ говорится, „хоть глазъ выколи", мы чуть не налетѣли на плотъ, шедшій изъ Бозей-Коунти. На плоту ѣхала цѣлая семья и везла грузъ разныхъ фруктовъ и другихъ товаровъ. Мы почти наткнулись на нихъ, но, услыхавъ музыку, во-время успѣли дать задній ходъ и такимъ образомъ избѣжали столкновенія. Тогда вся эта милая семья высыпала на палубу,—тутъ были представители обоего пола, были женщины и дѣти, старики и юноши, и всѣ они завопили и стали ругаться, „кто во что гораздъ", пока мы не отъѣхали отъ нихъ на значительное разстояніе.

Въ другой разъ судовщикъ съ нагруженной углемъ барки выстрѣлилъ въ нашу лоцманскую каюту въ отместку за то, что мы осмѣлились обогнать его въ узкомъ мѣстѣ рѣки.

XI.

Я беру нѣсколько дополнительныхъ уроковъ.

Въ періодъ значительнаго повышенія уровня воды подобныя встрѣчи съ чужими судами представляютъ довольно крупную непріятность и опасность. Намъ приходилось пересѣкать одинъ

за другимъ рифы и мелкіе водопады; а иной разъ на самой вершинѣ проходимаго нами рифа намъ случалось наталкиваться на какой-нибудь плотъ или баржу; тогда насъ осыпали градомъ отборной ругани.

Порой, когда мы двигались по срединѣ рѣки, осторожно выбирая путь среди густого ночного тумана, окружающая насъ глубокая тишина внезапно нарушалась рѣзкими звуками желѣзныхъ и мѣдныхъ кастрюль, и какъ разъ передъ носомъ нашего судна появлялся длинный-длинный плотъ, который лишь съ трудомъ можно было разсмотрѣть сквозь густую завѣсу тумана; намъ было не до того, чтобы вступать въ споръ и препирательства съ хозяевами плота, мы не обращали на нихъ вниманія, а тотчасъ подавали сигналъ машинистамъ и старались на всѣхъ парахъ поскорѣе удалиться отъ непріятнаго сосѣдства.

Благодаря сильному повышенію уровня, я словно очутился въ совершенно новомъ, не знакомомъ для меня мірѣ. Слѣдуя прежнимъ путемъ, теперь мы встрѣчали глубокія мѣста и проходили безъ малѣйшаго затрудненія тамъ, гдѣ прежде, въ предыдущій рейсъ, должны были искусно лавировать и едва не касались дна килемъ нашего судна. Отмели, выступавшія изъ воды на десять футовъ, теперь оказывались совершенно покрыты ею, такъ что трудно было даже представить себѣ, что по этимъ мѣстамъ еще такъ недавно могла ступать человѣческая нога.

На одномъ островѣ мы нашли жалкія человѣческія жилища, бѣдныя лачуги и поломанныя изгороди, возвышавшіяся надъ уровнемъ воды на одинъ или на два фута. Старики и старухи, хозяева этихъ жалкихъ хижинъ, сидѣли на порогѣ своихъ обиталищъ, ежась отъ холода, упершись локтями въ колѣни, молча и неподвижно, и пережевывали табакъ (по мѣстному обычаю), сплевывая слюну своими беззубыми челюстями. Остальные обитатели вмѣстѣ съ домашними животными нашли себѣ пріютъ на плоскодонныхъ судахъ, прикрѣпленныхъ канатами. Тамъ они варили себѣ пищу, ѣли, пили, спали въ теченіе всего періода повышенія воды, продолжающагося иногда нѣсколько недѣль. Когда вода нѣсколько спадала, они снова возвращались въ свои ветхія, жалкія лачуги. Благодаря холоду и сырости, имъ приходилось согрѣваться усиленнымъ движеніемъ, моціономъ. Такія половодья бываютъ обыкновенно дважды въ годъ: въ декабрѣ и въ іюнѣ. Первое—бываетъ благодаря повышенію воды въ Огіо, а второе—вслѣдствіе подъема ея въ самой Миссисипи. Эти жалкія существа всегда радуются прибытію какого-нибудь парохода: они смотрятъ на него съ любопытствомъ, разиня ротъ.

Близъ одного такого острова мы увидали цѣлое дерево, вырванное съ корнемъ; оно лежало на водѣ, заграждая намъ путь. Поэтому мы принуждены были на нѣкоторое время остановиться и бросить якорь, пока, наконецъ, матросамъ не удалось удалить это препятствіе.

Въ періодъ разлитія рѣки весь путь на протяженіи между Каиромъ и Батонъ-Ружъ не представляетъ никакихъ серьезныхъ препятствій. По берегамъ рѣки тянутся густые лѣса, и только изрѣдка встрѣчаются одинокія фермы и дровяные склады: вы двигаетесь словно между двумя заборами. Но между Батонъ-Ружемъ и Новымъ Орлеаномъ уже совсѣмъ другое дѣло: тутъ разливъ рѣки достигаетъ цѣлой мили въ ширину, и притомъ она очень глубока, мѣстами около двухсотъ футовъ. Берега ея покрыты сахарными плантаціями на протяженіи около сотни миль. Кое-гдѣ виднѣются отдѣльныя вершины „Китайскихъ“ деревьевъ; лѣсъ, служащій для стройки, по большей части совсѣмъ вырубленъ. При наступленіи холода плантаторы собираютъ жатву. Потомъ отдѣляютъ отбросы, такъ называемый *багассъ*, складываютъ его въ кучу и зажигаютъ. Во многихъ другихъ странахъ, гдѣ произрастаетъ сахарный тростникъ, этотъ *багассъ* употребляется вмѣсто топлива на сахарныхъ заводахъ.

По обоимъ берегамъ Миссисипи, какъ величавые сторожа, возвышаются насыпи, вышиною въ десять-пятнадцать футовъ. Они отстоятъ отъ береговой линіи на разстояніи около ста футовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколько ближе. Вотъ именно это пространство между насыпями, представляющее собою нѣчто въ родѣ коридора, наполняется удушливымъ дымомъ отъ горящаго *багасса*! Можете себѣ представить, какъ пріятно плыть въ это время на пароходѣ между двумя рядами зловонныхъ костровъ, а ужъ въ особенности въ ночное время! Вамъ кажется, что передъ вами безбрежное, безконечное море, такъ какъ насыпей вы не видите въ темнотѣ, а свѣтъ костровъ ослѣпляетъ васъ и не даетъ различить очертаній берега. Такимъ образомъ вамъ очень трудно оріентироваться.

Вамъ кажется, что вы идете очень близко къ берегу, а на самомъ дѣлѣ онъ отъ васъ на разстояніи, по крайней мѣрѣ, полумили! И если вы наткнетесь на что-нибудь и поломаете трубу парохода, то вамъ остается только слабое утѣшеніе въ сознаніи, что этого можно было ожидать! Одинъ большой пароходъ изъ Виксбурга наткнулся ночью на сахарную плантацію, и ему пришлось простоять на мѣстѣ цѣлую недѣлю. Я предполагалъ уже окончить эту главу, но вспомнилъ одну курьезную подробность, которую хочу разсказать читателю. Эта по-

дробность имѣетъ близкое отношеніе къ лоцманскому искусству. При мнѣ на Миссисипи былъ одинъ хорошій лоцманъ, по имени мистеръ X; онъ былъ подверженъ сомнамбулизму, и припадки этой болѣзни бывали съ нимъ какъ разъ именно тогда, когда онъ волновался, проходя опасное мѣсто по рѣкѣ. Въ эти періоды сомнамбулизма онъ вставалъ по ночамъ, прохаживался и совершалъ удивительные поступки. Однажды ему случилось поступить помощникомъ къ Джону Айлеру, лоцману одного крупнаго пассажирскаго парохода, изъ Новаго Орлеана. Во время перваго рейса Айлеръ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, но все-таки время отъ времени выходилъ на палубу, видя, что мистеръ X. ложился на кровать и засыпалъ. Однажды ночью они подходили къ городу Елена, въ штатѣ Арканзасѣ. Вода стояла низко и переѣздъ представлялся не легкимъ. Айлеръ хотѣлъ было уже позвать помощника, мистера X., чтобы тотъ пособилъ ему въ этомъ трудномъ мѣстѣ, какъ вдругъ мистеръ X. самъ, безъ его зова, вошелъ въ лоцманскую каюту. Въ подобныя темныя ночи лоцманы никогда не зажигаютъ огня. Извѣстно, что если смотрѣть изъ освѣщенной комнаты въ уличную темноту, то вы ничего не разглядите, но стоитъ лишь погасить свѣчи въ комнатѣ, и вамъ тотчасъ же станутъ болѣе или менѣе видны всѣ находящіеся на улицѣ предметы. Такъ и въ этомъ случаѣ. Въ темныя ночи лоцманы даже не курятъ, такъ какъ свѣтъ отъ зажженной папироски, проникая сквозь щели лоцманской рубки, можетъ имѣть неблагопріятное вліяніе. Иногда лоцманы приказываютъ даже прикрывать отверстія печей въ машинномъ отдѣленіи, чтобы отъ парохода не исходило никакого свѣта. Мистеръ X., войдя въ каюту лоцмана, сказалъ какимъ-то страннымъ голосомъ:

— Я посижу вмѣсто васъ! Пустите меня, я проведу пароходъ.

При такой темнотѣ Айлеръ не могъ разсмотрѣть его лица и не обратилъ особаго вниманія на странный голосъ мистера X.

— Это очень любезно, — отвѣчалъ онъ,— я охотно уступлю вамъ мѣсто: я усталъ, и, кромѣ того, въ такомъ мракѣ я ничего не вижу и правлю наудачу.

Айлеръ присѣлъ на скамейку, а X., словно привидѣніе, сталъ къ рулю и сталъ вертѣть колесо вправо и влѣво, да вѣдь какъ ловко, словно это была не темная ночь, а ясный, солнечный день. Айлеръ смотрѣлъ на него во всѣ глаза и, наконецъ, воскликнулъ:

— Фу, чортъ возьми! Я воображалъ, что умѣю хорошо править рулемъ, но теперь я вижу, что я только ученикъ! Вотъ это—настоящій артистъ своего дѣла!

Мистеръ X. не отвѣтилъ на это ничего, продолжая управлять рулемъ. Потомъ онъ далъ звонокъ въ машинное отдѣленіе, чтобы тамъ ослабили дѣйствіе пара. Потомъ посмотрѣлъ назадъ, взглянулъ впередъ, чтобы дать себѣ ясный отчетъ, въ какомъ положеніи находится пароходъ. Вода стала мельчать, и X. приказалъ совсѣмъ остановить дѣйствіе машинъ, оставивъ судно плыть по теченію. Пройдя мелкое мѣсто, онъ снова приказалъ пустить въ ходъ машину и продолжалъ ловко работать рулевымъ колесомъ. Онъ дѣйствовалъ такъ ловко, съ такимъ изумительнымъ искусствомъ и умѣніемъ, что пароходъ проскользнулъ по самымъ мелкимъ „перекатамъ", не коснувшись дна! Такимъ образомъ онъ миновалъ всѣ трудные рифы и вступилъ въ полосу половодья, и тамъ уже понесся на всѣхъ парахъ.

Айлеръ вздохнулъ и сказалъ:

— Вотъ это настоящее искусство! Едва ли кто видалъ подобныхъ лоцмановъ на Миссисипи: я бы не повѣрилъ этому, если бы самъ не былъ этому свидѣтелемъ и не видѣлъ собственными глазами! Вотъ это такъ искусство. Чортъ возьми!

Мистеръ X. все продолжалъ молчать. Тогда Айлеръ сказалъ:

— Подождите меня еще одну минуту, я спущусь внизъ, выпью чашку кофе и вернусь сюда!

Черезъ минуту, когда онъ сидѣлъ въ буфетѣ и пилъ кофе, одинъ изъ вахтенныхъ открылъ дверъ и крикнулъ:

— А кто же сидитъ у руля, сэръ?

— Какъ кто?—возразилъ Айлеръ,—мистеръ X.!

— Если такъ, то поторопитесь скорѣе къ рулю, тамъ нѣтъ никого!

Они оба бросились къ рулю, шагая черезъ три ступеньки по лѣстницѣ... У руля не было никого! Пароходъ летѣлъ впередъ, предоставленный на произволъ судьбы. Вахтенный удалился, а самъ Айлеръ бросился къ рулевому колесу, позвонилъ въ колоколъ, чтобы машинисты дали заднiй ходъ, и предупредилъ этимъ крушеніе: опоздай онъ еще на одну минуту, пароходъ съ пассажирами и грузомъ налетѣлъ бы на всѣхъ парахъ на другой буксирный пароходъ!

Черезъ нѣсколько времени караульный, бывшій на вахтѣ, вернулся и спросилъ Айлера:

— Когда этотъ лунатикъ пришелъ къ рулю, развѣ онъ вамъ не сказалъ, что онъ спалъ въ это время.

— Нѣтъ, ничего не сказалъ.

— А между тѣмъ, онъ спалъ какъ разъ въ эту минуту! Я видѣлъ, какъ онъ прохаживался по борту парохода такъ же

спокойно и легко, какъ мы съ вами гуляемъ по тротуару. Я снялъ его съ борта и уложилъ въ постель; онъ опять поднялся и сталъ лазить по канатамъ и снастямъ и все это продѣлывалъ въ глубокомъ снѣ.

— На будущее время я ужъ не оставлю его одного, если у него случится припадокъ сомнамбулизма. Я думаю, это бываетъ нерѣдко,—замѣтилъ Айлеръ! Но если бы вы только видѣли, господа, какъ онъ велъ судно мимо Елены! Это что-то необыкновенное, небывалое! Я не видалъ ничего подобнаго! Если онъ такъ управляетъ судномъ сонный, что онъ могъ бы сдѣлать, если бы былъ мертвый!..

XII.

Зондированіе рѣчного дна.

Въ періоды сильнаго паденія уровня мы измѣряли глубину рѣки съ помощью лота. Особенно важно это въ мелкихъ, опасныхъ для судна мѣстахъ: это бываетъ тогда, когда киль почти „царапаетъ дно“, т.-е. касается дна или же почти касается, такъ что между килемъ и поверхностью песка остается всего лишь нѣсколько дюймовъ. Въ этомъ случаѣ отъ лоцмана требуется особенная осторожность и вниманіе. Обыкновенно мы производили такое зондированіе въ нѣсколькихъ самыхъ мелкихъ мѣстахъ, почти въ каждую изъ нашихъ поѣздокъ, если замѣчали, что уровень воды понизился.

Зондированіе производится слѣдующимъ образомъ: пароходъ причаливаютъ къ берегу и привязываютъ какъ разъ противъ мелкаго мѣста рѣки, по которому ему придется итти. Лоцманъ, не занятый вахтою, беретъ своего ученика или помощника, а также нѣсколько матросовъ, иногда съ ними идетъ кто-либо изъ команды, и всѣ они садятся на шлюпку; въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на пароходѣ имѣется особый *яликъ для зондированія,* но подобные ялики представляютъ довольно рѣдкую роскошь.

Итакъ, они садятся на шлюпку и ѣдутъ искать болѣе глубокаго форватера, лоцманъ слѣдитъ въ зрительную трубку за всѣми эволюціями шлюпки и даетъ приказаніе:

— Попробуй выше!

Или:

— Спустись пониже!

На самой близкой дистанціи поверхность воды нельзя совершенно ясно окинуть взоромъ: она бываетъ особенно хорошо видна на нѣкоторомъ отдаленіи, и въ этомъ отношеніи

напоминаетъ масляную картину, которая также на извѣстномъ разстояніи производитъ лучшій эффектъ. Но команда не всегда бываетъ нужна, иногда обходятся и безъ нея. Когда шлюпка нашла самое мелкое мѣсто, лоцманъ измѣряетъ глубину съ помощью шеста, длиною въ десять или двадцать футовъ, и даетъ приказаніе:

— Лечь на старбортъ!—кричитъ онъ.

Или:

— Положите судно на ларбортъ!

Или же, наконецъ, приказываетъ итти прежнимъ ходомъ, не мѣняя уклона:

— Итти попрежнему! Ладно!

Иногда, дойдя до самаго мелкаго мѣста, лоцманъ командуетъ:

— Поставьте *баканъ*.

Лодка опять продолжаетъ итти внизъ по теченію.

Если лоцманъ не вполнѣ удовлетворенъ произведенными измѣреніями, то онъ самъ измѣряетъ вторично сомнительное мѣсто. Если въ этомъ случаѣ онъ найдетъ болѣе удобное для постановки бакана мѣсто, выше или ниже по теченію, то передвигаетъ баканъ на это новое мѣсто. Когда все измѣрено какъ слѣдуетъ, то лоцманъ приказываетъ перестать грести, гребцы въ шлюпкѣ дружно поднимаютъ весла по бокамъ лодки, такъ что концы веселъ висятъ въ воздухѣ, по прямой линіи... Съ парохода подаютъ свистокъ, чтобы этимъ показать, что условный сигналъ (подъемъ веселъ) замѣченъ. Иногда всѣ эти эволюціи достигаютъ цѣли, и пароходъ благополучно доходитъ по мелководью; но иной разъ, несмотря на всѣ усилія и хлопоты, онъ садится на мель и сидитъ такимъ образомъ нѣсколько часовъ, а иногда и дней.

Иногда бакана вовсе не употребляютъ, обходясь безъ него. Тогда яликъ двигается впереди, передъ носомъ парохода, а тотъ двигается по его слѣдамъ. Когда измѣреніе (зондированіе) дна производится въ ясный лѣтній день или въ лунную ночь, то бываетъ очень весело, кругомъ слышатся шутки, разговоры, смѣхъ, а зимою, въ холодъ и вьюгу, конечно, уже не до шутокъ.

Баканъ представляетъ собою не что иное, какъ простую доску, длиною въ четыре или пять футовъ. Къ одному концу ея прикрѣплена подъ прямымъ угломъ другая, болѣе короткая доска, торчащая кверху, тогда какъ первая лежитъ на землѣ; такимъ образомъ баканъ (иначе называемый *буемъ*) весьма похожъ на обыкновенную школьную скамейку, у которой одна ножка отломана, а сама она перевернута вверхъ ногами. Ба-

канъ прицѣпляется къ рифу съ помощью тяжелаго камня, вмѣсто якоря. При сильномъ теченіи вода можетъ унести его или опрокинуть. Къ вершинѣ бакана (т.-е. къ торчащей надъ водою доскѣ) прикрѣпляется фонарь (картонный) со вставленной въ него свѣчкой, который бываетъ видно за цѣлую милю или даже болѣе; тусклый огонекъ фонаря свѣтится въ ночной мглѣ.

Поѣздки для зондированія доставляютъ необыкновенное удовольствіе лоцманскимъ ученикамъ: они смотрятъ на нихъ, какъ на необыкновенное, интересное приключеніе, не лишенное опасности. И дѣйствительно, это такъ весело сидѣть въ шлюпкѣ, на рулѣ и смотрѣть, какъ сзади пѣнятся волны. Особенно пріятны такія поѣздки въ ясный солнечный день. Ученикъ отдаетъ приказанія гребцамъ: это такъ пріятно, такъ весело, такъ лестно для самолюбія!

— Клади на старбортъ!— кричитъ юнга.—Вся команда повинуется ему.

А между тѣмъ вся публика, всѣ пароходные пассажиры собираются толпою смотрѣть на васъ. Всѣ взоры устремлены на молодого лоцманскаго ученика: они слѣдятъ за всѣми маневрами шлюпки съ самымъ живѣйшимъ интересомъ; глаза ихъ не отрываются отъ фонаря, укрѣпленнаго на кормѣ ялика, который свѣтится издали сквозь ночной мракъ...

Въ одну изъ нашихъ поѣздокъ на пароходѣ была дѣвушка лѣтъ шестнадцати, очень хорошенькая; она постоянно сидѣла въ нашей каютѣ вмѣстѣ съ дядей и теткой. Я влюбился въ нее.

Ученикъ мистера Торнбурге, Томъ Г., также воспылалъ въ ней страстью. Сначала мы были съ нимъ пріятели, но съ этихъ поръ стали соперниками и врагами. Я старался всѣми силами выставить себя героемъ въ глазахъ этой дѣвушки и разсказывалъ ей о своихъ похожденіяхъ и приключеніяхъ. Томъ такъ же добивался взаимности и, повидимому, успѣлъ въ этомъ. Онъ также прикрашивалъ свои разсказы о разныхъ житейскихъ испытаніяхъ.

Однажды была назначена поѣздка для зондированія на 21 число. Она должна была начаться въ десятомъ часу ночи. Въ это время почти никто изъ пассажировъ не ложится спать. Вахту держалъ Торнбургъ, поэтому завѣдывать поѣздкой приходилось не ему, а мистеру Биксби, моему начальнику. Мы всѣ любили нашъ яликъ, служившій для этихъ поѣздокъ: онъ былъ легокъ и очень *ходокъ*. Въ немъ помѣщалось двѣнадцать человѣкъ гребцовъ.

Одинъ изъ учениковъ уже былъ посланъ, чтобы передать приказъ матросамъ.

21 числа мы причалили пароходъ къ берегу и стали готовиться къ поѣздкѣ. Насталъ вечеръ, благодаря мраку, рѣка казалась необычайно широка, такъ что съ непривычки трудно было различить противоположный берегъ. Пассажиры очень интересовались этой поѣздкой.

Проходя черезъ машинное отдѣленіе, я увидалъ Тома и, чтобы какъ-нибудь кольнуть его, сказалъ:

— Какъ вы рады, я думаю, что вамъ не придется ѣхать съ нами!

Онъ пошелъ было дальше, но остановился и отвѣтилъ:

— Сходите за измѣрительной вѣхой и возьмите ее сами, я хотѣлъ было принести ее, но это дѣло ваше, а не мое!

— Да я и не просилъ васъ безпокоиться о ней!—возразилъ я.—Она уже въ яликѣ!

— Ошибаетесь! Ее недавно выкрасили заново, и она сушится около дамской каюты.

Я бросился скорѣе за вѣхой, а когда вернулся назадъ, то въ эту самую минуту услыхалъ возгласъ командира:

— Отчаливай, ребята!

Я оглянулся кругомъ и посмотрѣлъ на траппъ: изящный, легкій яликъ отчаливалъ уже отъ парохода. Безсовѣстный Томъ сидѣлъ у руля и держалъ въ рукахъ измѣрительную вѣху, за которой я, глупецъ, бѣгалъ къ дамской каютѣ. Молодая дѣвушка, о которой я говорилъ выше, прошептала:

— Ахъ, какъ это, должно-быть, страшно ѣхать ночью въ маленькомъ яликѣ, и какая темнота!

Мнѣ было такъ обидно и досадно, что, кажется, лучше бы ужъ меня просто побили. Въ злобѣ я удалился въ лоцманскую каюту. Свѣтъ отъ фонаря, бывшаго на нашемъ яликѣ, сталъ удаляться и исчезать воململракѣ. Мистеръ Торнбургъ далъ сигнальный свистокъ, судно дало задній ходъ и двинулось впередъ. Мы шли быстрымъ ходомъ и приблизились къ дальнему огоньку.

— Ого, — воскликнулъ Торнбургъ, — видно, фонарь на баканѣ погасъ!

Машину остановили, но вскорѣ потомъ фонарь былъ зажженъ, мы снова пошли впередъ.

— Я не понимаю,—проворчалъ лоцманъ,—что это значитъ, я думалъ, что фонарь ужъ стоитъ твердо на рифѣ, а теперь онъ очутился гораздо лѣвѣе.

Мы продолжали двигаться среди черной, непроглядной ночи, по направленію къ отдаленному огоньку.

Вдругъ мистеръ Торнбургъ схватилъ веревку колокола и сильно дернулъ ее. Раздался тревожный звонъ.

— Чортъ возьми, — воскликнулъ лоцманъ, — да это нашъ яликъ!

Внизу, подъ самымъ носомъ парохода, раздался страшный крикъ, потомъ трескъ, очевидно, произошло крушеніе. Мы налетѣли на нашъ измѣрительный яликъ и опрокинули его.

— Скорѣе! — кричалъ Торнбургъ. — Мы задѣли яликъ колесомъ. Скорѣе бѣгите спасать, узнайте, кто убитъ?!.

Въ ту же минуту я бросился на палубу. Оказалось, что мой начальникъ, мистеръ Биксби, былъ живъ и невредимъ, а также и большинство матросовъ. Они замѣтили опасность въ ту минуту, когда было уже поздно, такъ что свернуть съ дороги они уже не успѣли бы, когда пароходъ налетѣлъ на нихъ, они уже приготовились къ этому толчку: они схватились за канатъ и попрыгали въ воду. Ихъ тотчасъ вытащили на палубу наши матросы. Яликъ былъ втянутъ подъ киль парохода и разбитъ вдребезги.

Однакоже двоихъ изъ нашихъ людей мы не досчитывались: кромѣ того, Томъ также исчезъ. Это обстоятельство сильно смутило всѣхъ и взволновало: пассажиры также съ живѣйшимъ участіемъ относились къ этому грустному извѣстію. Они столпились у *шкафута*; тутъ были дамы и дѣвушки, и въ томъ числѣ та самая дѣвица,—она была страшно взволнована и блѣдна.

— Бѣдный юноша,—вздыхали дамы,—несчастный мальчикъ!

Тотчасъ снарядили другую шлюпку на поиски за пропавшими людьми. Вдругъ гдѣ-то вдали раздался крикъ, кто-то просилъ помощи. Пловцы, очевидно, спаслись,—публика ободряла ихъ криками. Шлюпка наша направилась совсѣмъ въ другую сторону, и часть пассажировъ отчаянно кричала гребцамъ, чтобы они воротились назадъ. Пловцы уже приблизились къ намъ, но, очевидно, силы стали покидать ихъ.

— Бѣдные мальчики!—говорили въ толпѣ пассажировъ.— Неужели они погибли!

Въ это время снизу кто-то крикнулъ у самаго борта парохода:

— Дайте канатъ, я могу взобраться!

На этотъ возгласъ пассажиры отвѣчали ободряющимъ крикомъ. Пловцу бросили канатъ, и вскорѣ надъ бортомъ показалась чья-то голова. Это былъ Томъ!

Онъ весь дрожалъ и хромалъ, вода лилась съ него ручьями.

Среди пассажировъ раздался радостный крикъ, всѣ вздохнули съ облегченіемъ.

Между тѣмъ яликъ успѣлъ вернуться и отправился разыскивать двухъ другихъ матросовъ; но ихъ не нашли: вѣроятно, ихъ втянуло подъ самый пароходъ.

Томъ спасся, благодаря находчивости: вмѣсто того, чтобы схватиться за канатъ, онъ просто нырнулъ подъ пароходъ и этимъ спасся. Ничего особенно геройскаго тутъ, конечно, не было, и я могъ бы поступить такъ же, но всѣ восхваляли его, прославляли и восхищались, словно героемъ. Дѣвица, плѣнившая меня, весь остальной путь восхищалась этимъ „героемъ", но я уже не огорчался этимъ, такъ какъ теперь моя любовь съ досады обратилась въ ненависть.

Мистеръ Биксби потомъ объяснилъ мнѣ, какъ все это случилось: дѣло въ томъ, что лоцманъ парохода принялъ во тьмѣ фонарь, бывшій на яликѣ, за фонарь бакана, и смѣло направился на него. Биксби, утвердивъ баканъ, отъѣхалъ и сталъ дожидаться, чтобы не подвергаться опасности. Потомъ, видя, что фонаря на баканѣ уже нѣтъ, онъ предположилъ, что пароходъ уже проѣхалъ дальше. Но онъ сообразилъ, что пароходъ долженъ ихъ подождать, чтобы снова взять ихъ на бортъ, и поэтому поспѣшилъ къ пароходу: въ темнотѣ онъ почти налетѣлъ на него, а лоцманъ парохода налетѣлъ на яликъ, принявъ его за баканъ. Такъ произошло крушеніе. Въ послѣднюю минуту, передъ самымъ толчкомъ, онъ крикнулъ людямъ:

— Схватывайтесь за канаты, ребята, и прыгайте въ воду!

Они такъ и сдѣлали...

XIII.

Что требуется отъ хорошаго лоцмана.

Однакоже я уклонился отъ моей первоначальной цѣли, которую поставилъ себѣ въ первыхъ главахъ этого разсказа; я хотѣлъ было изложить и обстоятельно выяснить все, что требуется отъ хорошаго, дѣльнаго лоцмана. Прежде всего, самое главное, онъ долженъ развить свою память; она должна быть доведена до полнаго совершенства. Онъ долженъ *знать* навѣрное, что его ожидаетъ въ томъ или другомъ случаѣ, онъ не можетъ предполагать либо то, либо другое; нѣтъ, онъ долженъ знать, долженъ навѣрное сказать, какъ надо поступать въ данномъ случаѣ. Лоцманское искусство поэтому представляетъ самую точную науку. Какъ смѣялись надъ лоцманами, которые говорили: „Я думаю", или „Я полагаю"; онъ долженъ говорить: *я знаю*. Трудно представить себѣ всю массу самыхъ

мелкихъ, ничтожныхъ подробностей, которыя онъ долженъ помнить, и всѣ эти мелочи разбросаны на каждомъ шагу, на протяженіи всей рѣки, т.-е. тысячи двухсотъ миль. Вообразите, что вы очутились на одной изъ самыхъ крайнихъ улицъ Нью-Йорка и ходите по ней взадъ и впередъ, чтобы изучить и запомнить всѣ находящіеся на ней дома, каждую мелочь каждаго дома, каждое окно, дверь, каждый фонарный столбъ; это дастъ вамъ нѣкоторое понятіе о задачѣ лоцмана, который долженъ изучить Миссисипи и притомъ изучить съ такой точностью, чтобы, не рискуя ничѣмъ, вести судно и днемъ и ночью. Въ случаѣ опасности онъ обязанъ своей находчивостью спасти его и найти выходъ изъ затруднительнаго положенія. Принимая также во вниманіе, что берега и дно рѣки безпрерывно мѣняются, всѣ эти перемѣны необходимо знать или во-время угадать и предусмотрѣть.

Поэтому память для лоцмана самое важное качество. Впрочемъ, надо замѣтить, что сначала все это кажется чрезвычайно трудно, почти недостижимо, а потомъ, по мѣрѣ упражненія, всѣ подробности укладываются въ головѣ и запоминаніе ихъ не кажется такимъ труднымъ, какъ вначалѣ.

Я думаю, что память хорошаго лоцмана сама по себѣ представляетъ одно изъ интереснѣйшихъ явленій въ мірѣ. Если вы изучили Библію и Новый завѣтъ такъ, чтобы прочесть и то и другое наизусть, и притомъ съ начала до конца и съ конца до начала, начавъ съ какого угодно любого мѣста, которое вамъ укажутъ наудачу, то это все-таки не сравнится съ тѣмъ безконечнымъ матеріаломъ, который долженъ храниться въ головѣ хорошаго лоцмана на Миссисипи. Не подумайте, что я преувеличиваю,—нѣтъ, любой лоцманъ согласится со мной.

Удивительно, до какой емкости можетъ развиться память лоцмана. Возьмите человѣка, обладающаго самой обыкновенной памятью, и пусть онъ сдѣлается лоцманомъ; черезъ нѣсколько лѣтъ его память будетъ представлять собою нѣчто феноменальное. Но эта способность будетъ развита *исключительно въ сферѣ тѣхъ вопросовъ, тѣхъ интересовъ, съ которыми онъ постоянно, ежедневно имѣетъ дѣло.*

Въ тотъ періодъ судоходства, когда на Миссури повысили лоцманскіе оклады, мистеръ Биксби, мой учитель, занялся этимъ дѣломъ; онъ очень скоро изучилъ всѣ мельчайшія подробности и особенности береговъ; проѣхавъ одинъ только разъ по рѣкѣ, разъ ночью и разъ днемъ, онъ могъ уже смѣло править рулемъ при дневномъ свѣтѣ. Проѣхавъ ее вторично взадъ и впередъ, онъ уже безошибочно управлялъ рулемъ и ночью.

Одно время я служилъ въ качествѣ штурмана подъ начальствомъ одного лоцмана, обладавшаго изумительной памятью; мистеръ Биксби помѣстилъ меня къ нему на непродолжительный срокъ. Я увѣренъ, впрочемъ, что онъ родился съ этой удивительной способностью, и только отчасти развилъ ее упражненіемъ. Его звали Броуномъ.

Однажды кто-то упомянулъ имя извѣстнаго лоцмана; услыхавъ это имя, мистеръ Броунъ воскликнулъ:

— О, да! Я знавалъ его! Это рыжій малый съ маленькимъ шрамомъ на шеѣ. Онъ служилъ когда-то въ *Южной торговой компаніи* цѣлыхъ полгода. Я ѣхалъ съ нимъ однажды. Въ этотъ разъ въ верховьяхъ вода была низка, не болѣе шести футовъ. Судно „Генри Блэкъ" сѣло на мель, *Джорджъ Элліортъ* поломалъ руль при крушеніи парохода *Сенфлауръ*.

— Но Сенфлауръ не потонулъ, пока...

— Я знаю, знаю, когда онъ затонулъ! Это было года три передъ этимъ, 2 декабря. Капитаномъ на немъ былъ Аза Гарди, а его братъ, Джонъ, старшимъ помощникомъ. Это было первое его плаваніе на этомъ суднѣ. Черезъ недѣлю Томъ Джонсъ разсказывалъ мнѣ все это въ Новомъ Орлеанѣ. Онъ былъ капитаномъ на „Сенфлаурѣ". Капитанъ Гарди поранилъ себѣ ногу гвоздемъ 6 іюля и потомъ умеръ 15 числа того же мѣсяца. Его братъ Джонъ скончался черезъ два года, 3 марта, отъ рожистаго воспаленія. Я никогда не знавалъ братьевъ Гарди; они были родомъ изъ Аллеганъ; но люди, знавшіе ихъ, передавали мнѣ. Они говорили такъ же, что капитанъ Гарди и лѣтомъ и зимой носитъ всегда полотняную куртку; въ первый разъ онъ былъ женатъ на Джэнъ Шукъ, изъ Новой Англіи, которая послѣ умерла въ пріютѣ для умалишенныхъ; у нея была какая-то наслѣдственная психическая болѣзнь. Она была урожденная Гортонъ, изъ Лексингтона, въ штатѣ Кентукки.

И такъ далѣе и такъ далѣе. Подобныя бесѣды продолжались часами. Лоцманы помнятъ малѣйшія подробности, мелочи, не имѣющія иной разъ никакого значенія, а важныя подробности оставляютъ безъ вниманія. Память ихъ хранитъ подробности не исключительно только касающіяся ихъ спеціальности, но и изъ совершенно другихъ областей знанія. Начнетъ онъ вамъ разсказывать о ничтожномъ, полученномъ имъ письмѣ, прибавитъ при этомъ подробнѣйшую біографію автора письма, жизнеописаніе его родныхъ, чадъ и домочадцевъ, и все это со всѣми мельчайшими подробностями, нисколько для васъ не интересными. Вообще я замѣчалъ, что люди съ такой развитой памятью рѣдко умѣютъ отличать важное отъ несуще-

ственнаго, интересное отъ неинтереснаго. Такая память — положительное несчастье!

Кромѣ памяти, лоцману необходимо обладать еще двумя важными качествами: здравымъ смысломъ и рѣшительностью; необходима также и смѣлость, чтобы не потеряться въ виду опасности. Мужество можно развить: начать можно съ самымъ ничтожнымъ запасомъ этого качества, и со временемъ онъ не поблѣднѣетъ ни передъ какой опасностью. Что же касается здраваго смысла, то этого нельзя сказать: это свойство нашего мозга; тутъ уже надо имѣть заранѣе запасъ его, иначе никогда не сдѣлаешься хорошимъ лоцманомъ.

Мужество вырабатывается у молодыхъ людей тогда, когда имъ приходится „держать вахту“ совершенно самостоятельно, такъ что вся отвѣтственность ложится на нихъ. Когда ученикъ изучилъ всѣ подробности рѣки, онъ смѣло ведетъ судно днемъ ли, ночью ли, все равно, и ему кажется, что поддерживающее его мужество находится въ немъ самомъ, въ его душѣ. Но съ незнающими бываетъ совсѣмъ иначе. Лишь только руководитель уходитъ отъ руля, мужество его совершенно покидаетъ, такъ что онъ сознаетъ, что чья-то посторонняя сила, находящаяся *внѣ его,* поддерживаетъ его и одушевляетъ. Онъ оказывается неподготовленнымъ къ тѣмъ случайностямъ, которыя можетъ встрѣтить на рѣкѣ. Самая ничтожная опасность можетъ совершенно смутить его и испугать насмерть. Поэтому опытные лоцманы понемногу пріучаютъ своихъ учениковъ смотрѣть въ глаза опасности, прибѣгая для этого къ различнымъ пріемамъ и хитростямъ. Любимый способъ состоитъ въ томъ, чтобы поднять насмѣхъ кандидата въ хорошіе лоцманы, поставить его въ дурацкое положеніе.

Мистеръ Биксби поступалъ со мною точно такъ же, и вотъ теперь, когда уже прошло столько лѣтъ, я даже во снѣ краснѣю, когда вспомню, какъ я былъ тогда трусливъ и малодушенъ.

Въ это время я научился уже порядочно управлять рулемъ, такъ что мистеръ Биксби часто оставлялъ меня совершенно одного, только изрѣдка приходя въ лоцманскую рубку и давая нѣкоторыя указанія. Въ темныя и бурныя ночи онъ присаживался къ рулевому колесу и помогалъ мнѣ своими совѣтами. Я былъ такъ увѣренъ въ себѣ, что если бы меня спросили, могу ли я провести судно отъ Каира до Новаго Орлеана, то я счелъ бы такой вопросъ обиднымъ для себя. И вотъ однажды передъ самымъ поворотомъ, когда надо было обогнуть одинъ изъ острововъ, мистеръ Биксби подошелъ къ рулю и сказалъ:

— Я на одну минуту спущусь внизъ, въ каюту; я думаю, предстоящій объѣздъ вамъ хорошо знакомъ и не затруднитъ васъ?

Его слова показались мнѣ обидными. Этотъ объѣздъ былъ однимъ изъ самыхъ легкихъ. Опасности не было никакой. Глубина въ этомъ мѣстѣ была такъ значительна, что сѣсть на мель было невозможно.

— Сумѣю ли я править въ этомъ мѣстѣ? Конечно, я могъ бы проѣхать, закрывши глаза.

— А какова здѣсь глубина?—спросилъ онъ.

— Да здѣсь не достанешь до дна во всякомъ случаѣ. Нечего и измѣрять глубину. Тутъ помѣстится цѣлая колокольня.

— Вы такъ думаете?

Тонъ, какимъ былъ произнесенъ этотъ вопросъ, нѣсколько поколебалъ мою рѣшимость и возбудилъ сомнѣніе. Изъ его словъ я заключилъ, что онъ не вполнѣ увѣренъ въ моемъ искусствѣ. Послѣ этого онъ удалился, не прибавивъ ни слова. Я взволновался. А между тѣмъ мистеръ Биксби послалъ приказъ лотовымъ, чтобы они слѣдили за ходомъ судна и, кромѣ того, поставилъ нѣсколькихъ помощниковъ наблюдать за моими дѣйствіями, но такъ, чтобы я этого и не подозрѣвалъ. Черезъ нѣсколько времени вдругъ, я вижу, на верхней палубѣ явился капитанъ, а за нимъ шкиперъ, а потомъ и его помощникъ. Каждую минуту кто-нибудь проходилъ на верхнюю палубу, и не успѣлъ я провести судно къ острову, тамъ уже набралось человѣкъ пятнадцать. Я не могъ понять, что это значитъ.

Вдругъ капитанъ спросилъ:

— А гдѣ же мистеръ Биксби?

— Онъ отправился внизъ, сэръ.

Моя фантазія, напуганная словами Биксби, стала работать, и на каждомъ шагу я воображалъ грозную опасность. Увѣренность моя совершенно исчезла, какъ не бывало. Наконецъ я такъ взволновался, что хотѣлъ было уже дернуть веревку колокола, чтобы дать сигналъ къ остановкѣ машины. Я взялся за веревку, но быстро отдернулъ руку. Черезъ минуту я снова схватилъ веревку и слегка позвонилъ. Звонъ былъ едва слышенъ. Между тѣмъ капитанъ вмѣстѣ съ шкиперомъ воскликнули:

— Измѣрьте скорѣе глубину съ помощью лота!

Для меня это былъ ударъ. Не помню, какъ я управлялъ колесомъ руля, но останавливаться все-таки не рѣшался, пока не видѣлъ явной опасности. Вдругъ лотовый крикнулъ:

— Глубина четыре!

Четыре фута. А я-то воображалъ, что тутъ дна не достанешь.

У меня захватило дыханіе.

— Три!—крикнулъ лотовый.—Безъ четверти три.

Тутъ я такъ перепугался, что отчаянно дернулъ звонокъ.

— Безъ четверти три!.. Два!—крикнулъ лотовый.

И черезъ минуту прибавилъ:

— Полтора фута!

Я былъ въ полномъ отчаяніи и совершенно потерялся.

Въ эту минуту тихо отворилась дверь лоцманской рубки и ко мнѣ вошелъ мистеръ Биксби; онъ смотрѣлъ на меня и улыбался. Толпа, бывшая на верхней палубѣ, разразилась громкимъ хохотомъ. О, какъ обиденъ былъ для меня этотъ смѣхъ! Это все была шутка, подстроенная надо мною мистеромъ Биксби. Но какъ я могъ повѣрить ей? Какъ я поддался на хитрость?

Я опять далъ сигналъ, чтобы пустить машины, и сказалъ:

— Это вы, сэръ, сыграли злую шутку надо мной?

— Да, я хотѣлъ дать вамъ полезный урокъ. Вѣдь вы знаете, что здѣсь глубина страшная, дна не достанешь?

— Конечно, зналъ.

— А если вы твердо знали это, то не должны были позволять, чтобы кто-нибудь могъ поколебать вашу увѣренность. Не забудьте этого случая на будущее время. Проходя опаснымъ мѣстомъ, не будьте трусомъ; этимъ вы ничего не выиграете.

Да, это былъ, дѣйствительно, хорошій урокъ, и я никогда его не забуду.

XIV.

Достоинства и степени лоцманскаго искусства.

Въ предыдущихъ главахъ этой книги я старался выяснить читателямъ, въ чемъ именно состоитъ искусство опытнаго лоцмана; я стремился при этомъ доказать, что это — наука и въ высшей степени интересная наука, достойная изученія. Не удивительно, что я полюбилъ это дѣло отъ души и горжусь этой профессіей; да оно и понятно; но какая другая спеціальность не даетъ вамъ такой полной, неограниченной свободы и независимости: въ тѣ времена лоцманъ былъ самымъ независимымъ человѣкомъ. Даже короли, управляющіе цѣлой страной, въ сущности далеко не свободны: они не болѣе какъ слуги парламента, подчиняющіеся требованіямъ націи. Члены парламента также зависимы: они ограничены законами конституціи. Редакторъ любой газеты также связанъ: онъ долженъ держаться принциповъ партіи, къ которой принадлежитъ органъ, и очень рѣдко ему случается высказываться вполнѣ

откровенно, да и то лишь отчасти; всѣ свои мнѣнія онъ не рѣшится высказать,—иначе его упрекнутъ въ измѣнѣ своей партіи, своимъ единомышленникамъ. Писатели—также слуги публикѣ, они должны угождать ей; правда, иной разъ мы пишемъ совершенно искренно, но прежде, чѣмъ ваша статья попадетъ въ печать и явится на судъ публики, вы повѣрьте, многое въ ней перемѣните, „сгладите", какъ говорится. У каждаго мужчины, женщины, даже ребенка есть свой хозяинъ, начальникъ, отъ котораго онъ зависитъ. Что же касается лоцмана на Миссисипи, то у него нѣтъ господина, нѣтъ повелителя.

Пока судно стоитъ у пристани, капитанъ можетъ горделиво красоваться на верхней палубѣ и отдавать кое-какія приказанія. Но лишь только судно вышло въ путь, тутъ уже главнымъ руководителемъ является не капитанъ, а лоцманъ: онъ полновластный хозяинъ парохода и можетъ сдѣлать съ нимъ все, что ему заблагоразсудится: можетъ вести его впередъ, можетъ причалить къ берегу, смотря по тому, что онъ находитъ удобнѣе въ данный моментъ. По законамъ Соединенныхъ Штатовъ, никто не имѣетъ права дѣлать какія бы то ни было указанія и замѣчанія лоцману парохода во время движенія судна, и въ этомъ отношеніи онъ является безконтрольнымъ монархомъ, свободнымъ и независимымъ *на дѣлѣ*, а не *на словахъ* только, такъ какъ короли и монархи независимы только на словахъ. Мнѣ случилось однажды видѣть, какъ молодой лоцманъ, лѣтъ восемнадцати, управляя большимъ пароходомъ, велъ его такъ неискусно, что ему угрожала серьезная опасность, а старый опытный лоцманъ сидѣлъ рядомъ и молчалъ, не рѣшаясь дѣлать ни малѣйшаго замѣчанія; такое вмѣшательство было бы, конечно, полезно въ этомъ случаѣ, но его никакъ нельзя было допустить,—это создало бы *прецедентъ* и дало бы новые и впредь другимъ лоцманамъ вмѣшиваться со своими совѣтами. Капитанъ также всегда очень вѣжливо относится къ лоцманамъ, его примѣру слѣдуютъ также и пассажиры и всѣ остальные служащіе на пароходѣ. Я не видалъ ни одного матроса, который заискивалъ бы передъ какими-нибудь высокопоставленными посѣтителями парохода, передъ знатными иностранцами. Въ концѣ-концовъ лоцманы привыкаютъ отдавать приказанія повелительнымъ тономъ, не прибѣгая къ вѣжливой формѣ.

Я помню, какъ неловко бывало мнѣ самому, когда я, по привычкѣ, отдавалъ приказаніе въ деликатной формѣ: такой способъ не принятъ у лоцмановъ, они говорятъ рѣзко и повелительно.

Въ то былое время, которое я описываю, на одинъ рейсъ отъ Сенъ-Луи до Новаго Орлеана и обратно требовалось, по крайней мѣрѣ, двадцать пять дней. Изъ этого общаго числа надо исключить семь или восемь дней, когда пароходъ стоялъ на пристани, для сдачи груза и упаковки новаго товара, такимъ образомъ лоцману приходилось работать всего дней восемнадцать, считая оба конца. Во время стоянки въ Новомъ Орлеанѣ или Сенъ-Луи оба лоцмана ровно ничего не дѣлали, они пользовались полной свободой, тогда какъ остальные служащіе работали, сколько хватало силъ; лоцманы гуляли по городу, словно обезпеченные джентльмены, и продолжали получать прежній окладъ, какъ и во время плаванія. Когда судно причаливало къ гавани, они тотчасъ удалялись и пропадали на все время стоянки; они являлись обратно только тогда, когда судно было готово къ отплытію, и раздавался послѣдній звонокъ къ отчаливанію.

Если капитанъ судна дорожилъ тѣмъ или другимъ лоцманомъ, стяжавшимъ себѣ громкую извѣстность, то онъ не жалѣлъ ничего, чтобы удержать его у себя на службѣ. Я помню, что жалованіе лоцмана на верховьяхъ Миссисипи доходило до четырехсотъ долларовъ въ мѣсяцъ; одинъ капитанъ во время холоднаго времени, когда рѣка замерзла, продолжалъ платить своему лоцману полный окладъ, хотя судоходство прекратилось на это время. Они дѣлали это затѣмъ, чтобы удержать его у себя на слѣдующій сезонъ. Надо замѣтить, что въ тѣ времена жизнь была дешевле и четыреста долларовъ въ мѣсяцъ это былъ слишкомъ роскошный окладъ. Рѣдко кто получилъ бы столько на суднѣ, занимаясь какой-нибудь другой спеціальностью. Когда лоцманы заѣзжали въ нашу деревню, ихъ встрѣчали какъ важныхъ, почетныхъ гостей. Лоцманы считаютъ большимъ удобствомъ для себя ничего не дѣлать во время стоянки судна на пристани и дорожить этимъ обычаемъ, дающимъ имъ полную свободу,—въ особенности это важно для тѣхъ, которые живутъ по берегамъ Миссисипи. Этимъ свободнымъ временемъ они пользовались для того, чтобы совершить еще добавочный рейсъ, одиночную поѣздку, на другомъ пароходѣ, по вольному найму. Имъ платили обыкновенно за такіе одиночные рейсы по девятисотъ долларовъ! Приведу для примѣра образчикъ разговора между пароходчикомъ и нанимаемыми имъ „свободными" лоцманами.

— Послушайте-ка, господа!—говоритъ хозяинъ судна.—Я намѣтилъ совершить маленькую поѣздочку къ верховьямъ рѣки, мнѣ понадобятся ваши услуги на одинъ мѣсяцъ. Сколько это будетъ стоить?

— Восемьсотъ долларовъ за рейсъ!—отвѣчаетъ лоцманъ.

— О, Господи, Творецъ небесный! Если вы требуете этакую сумму, такъ ужъ лучше возьмите себѣ мою посудину и отдайте мнѣ ваше жалованіе! Право, это будетъ для меня выгоднѣе!

Замѣчу кстати, что судовщики пользовались большимъ или меньшимъ почетомъ въ глазахъ сосѣднихъ жителей (а также до извѣстной степени „въ собственныхъ") въ зависимости отъ величины и качества парохода, которымъ владѣлъ тотъ или другой хозяинъ. Понятно, что и лоцманамъ было особенно лестно служить на такомъ пароходѣ, какъ „Алэкъ Скоттъ" или „Великій Моголъ". Не только матросы, фельдшера, но даже негры-кочегары, служившіе на большомъ пароходѣ, пользовались особымъ почетомъ. Однажды посторонній оскорбилъ негра, служившаго на такомъ суднѣ. Тотъ отвѣтилъ ему рѣзко.

— Да ты кто такой,—дерзко воскликнулъ обидчикъ,—чтобы со мной разговаривать?

Но негръ нисколько не смутился. Онъ принялъ важную осанку, и въ голосѣ его звучало сознаніе собственнаго достоинства.

— Кто я?—сказалъ онъ.—Я—кочегаръ на пароходѣ „Алэкъ Скоттъ". Я топлю на немъ главную печь: „I fire de middle do",—проговорилъ онъ на своемъ ломаномъ нарѣчіи, т.-е.: „I fire the middle door!"

И этого было достаточно!

На „Великомъ Моголѣ" былъ цырюльникъ, молодой человѣкъ, негръ, пользовавшійся особеннымъ почетомъ со стороны мѣстныхъ жителей; когда онъ приходилъ къ кому-нибудь въ гости, то это посѣщеніе производило сенсацію. Молодые люди въ Новомъ Орлеанѣ часто по вечерамъ сидѣли на скамейкахъ, у воротъ домовъ. И вотъ вдругъ вы видите по улицѣ бѣжитъ какая-нибудь почтенная женщина и кричитъ:

— Эй, Мари-Анна, иди скорѣе домой, къ намъ пришелъ цырюльникъ съ „Великаго Могола"!—Она кричитъ это громко, чтобы всѣ слышали и позавидовали ея счастью.

Въ числѣ лоцмановъ, пользовавшихся независимостью, я припоминаю особенно одного, по имени Стефена В. Онъ былъ способный малый, хорошій товарищъ. При этомъ онъ умѣлъ поставить себя независимо, былъ хорошо знакомъ со своимъ дѣломъ. При всемъ томъ онъ не умѣлъ копить и беречь деньги, такъ что состоялъ въ долгу у всѣхъ лоцмановъ и даже капитановъ: онъ совершенно не придавалъ значенія деньгамъ и бросалъ ихъ безъ счету; онъ былъ говорливъ и не любилъ сидѣть долго на мѣстѣ. Одни одобряли его за это, другіе порицали. Однажды послѣ рейса съ однимъ добродушнымъ ка-

питаномъ, У. негръ былъ отставленъ отъ должности, что удивило многихъ, знавшихъ его. Капитанъ У. содрогался при одномъ воспоминанiи о немъ. Вотъ, что онъ разсказывалъ потомъ по этому поводу:

— Избави меня Господь взять на службу такого дикаго человѣка! Я ни за что теперь не согласился бы на это! Онъ вѣчно болтаетъ, свищетъ, ругается. Отъ него никому нѣтъ покоя даже ночью: онъ вдругъ начинаетъ выть, безъ всякой надобности, а ради собственнаго развлеченiя. Нерѣдко онъ мнѣ не давалъ спать этимъ *пѣнiемъ*. У него ни къ кому и ни чему нѣтъ уваженiя. Онъ обращался за панибрата даже со мной, называлъ меня просто Джонни. А то, бывало, притащитъ кошку и начинаетъ пилить на скрипкѣ. Кошка воетъ благимъ матомъ, скрипка визжитъ,—хоть святыхъ вонъ выноси! Просто терпѣнiя нѣтъ съ этимъ бѣшенымъ нахаломъ. Вы можете себѣ представить: онъ летѣлъ на всѣхъ порахъ у самаго опаснаго поворота, близъ Чико. Я такъ перепугался, что всталъ съ постели и началъ молиться,—вижу, послѣднiй конецъ пришелъ! Ужъ и не знаю, какъ мы пролетѣли невредимо: видно, Господь спасъ! Я никогда не встрѣчалъ подобнаго дикаря, онъ особенно любитъ свистать и выть по ночамъ. А когда я сдѣлалъ ему замѣчанiе, онъ говоритъ: „Уходи, пожалуйста, въ каюту, да впередъ старайся быть послушнымъ, не спорь со мной и не противорѣчь!“ А! Каково вамъ это покажется!..

Одинъ солидный капитанъ изъ Новаго Орлеана пригласилъ Стефена на свой пароходъ: въ это время Стефенъ по обыкновенiю сидѣлъ безъ гроша въ карманѣ. Капитанъ предложилъ ему окладъ въ сто двадцать пять долларовъ въ мѣсяцъ, т.-е. ровно половину того, что онъ получалъ обыкновенно. Стефену непрiятно было бы, если бы объ этомъ узнали другiе, и онъ просилъ хранить эту сдѣлку втайнѣ. Но капитанъ разсказалъ другимъ, хвастаясь, какъ дешево ему удалось залучить на службу хорошаго лоцмана. Стефенъ узналъ объ этомъ, но ничего не сказалъ капитану. Понятно, что такое пониженiе платы заставляло товарищей смотрѣть на Стефена съ нѣкоторымъ презрѣнiемъ,—онъ не долженъ былъ соглашаться на это. Пароходъ двинулся въ путь. Около полудня капитанъ посмотрѣлъ, что дѣлаетъ его новый лоцманъ: оказалось, что Стефенъ преспокойно сидитъ у руля, сложа руки, и посвистываетъ пѣсенку, вовсе не заботясь объ управленiи судномъ. Капитанъ хотѣлъ было напомнить ему о его обязанности, но не рѣшился на это изъ деликатности: такое вмѣшательство было бы нарушенiемъ общепринятаго этикета. Потомъ капитанъ удалился въ свою каюту, не сказавъ ни слова. Черезъ нѣсколько времени онъ

снова вышелъ на верхнюю палубу; смотритъ, Стефенъ опять сидитъ, сложа руки. Онъ сталъ безпокоиться и рѣшился, наконецъ, замѣтить ему:

— Какъ, по-вашему, рѣка въ хорошемъ состояніи?

— По-моему, въ хорошемъ! Фарватеръ здѣсь свободенъ.

— Да и теченіе, кажется, довольно сильное!

— Ну, ужъ этого нельзя сказать! Здѣсь оно хуже, чѣмъ было раньше!

— Почему бы вамъ не держаться ближе къ берегу, чѣмъ итти посрединѣ рѣки?—продолжалъ капитанъ.

— Конечно, ближе къ берегу было бы лучше,—невозмутимо отвѣчалъ нахальный лоцманъ,—только дѣло-то въ томъ, что здѣсь можно итти спокойно, сложа руки, а тамъ надо работать рулемъ. Здѣсь глубина страшная, и до дна не достанешь! Ужъ будьте увѣрены въ этомъ!

Капитанъ сильно обезпокоился такимъ поведеніемъ лоцмана. На слѣдующій день онъ опять вышелъ на верхнюю палубу и видитъ: Стефенъ сидитъ у руля и посвистываетъ такъ же беззаботно, какъ и вчера, какъ ни въ чемъ не бывало. Видитъ капитанъ, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ и можетъ кончиться плохо. Вдругъ около самаго берега промчалось легкое судно, обогнавшее ихъ пароходъ. А Стефенъ все продолжаетъ держаться средины рѣки.

Наконецъ капитанъ серьезно сказалъ ему:

— Мистеръ Стефенъ, развѣ нельзя держаться поближе къ берегу?

— Я думаю, можно?! Но навѣрное не знаю!—отвѣчалъ лоцманъ.

— Какъ не знаете? Вѣдь тутъ глубина достаточная?!

— Вѣроятно, достаточная! А Богъ ее знаетъ!

— Это странно!—воскликнулъ капитанъ, теряя терпѣніе.—Вѣдь вы видѣли, какъ другое судно легко проскользнуло у берега? Почему же другіе лоцманы знаютъ, какая тамъ глубина, а вы не знаете? Значитъ, вы знаете меньше, чѣмъ они?!.

— Я? Меньше, чѣмъ они!—вскричалъ Стефенъ. — Никогда! Но они получаютъ двѣсти пятьдесятъ долларовъ въ мѣсяцъ, а я только сто двадцать пять! Вотъ я и обнаруживаю вамъ мои познанія только на сто двадцать пять долларовъ! По цѣнѣ и товаръ!

Капитану пришлось уступить и согласиться съ этимъ доводомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Стефенъ обогналъ своихъ соперниковъ и показалъ имъ, какъ онъ ловко правитъ рулемъ, такъ что имъ пришлось любоваться его спиной, — спиной лоцмана, достойнаго двухсотпятидесяти долларовъ!

XV.

Монополія лоцмановъ.

Однажды мой патронъ, мистеръ Биксби, управляя рулемъ на пароходѣ „Алэкъ Скоттъ", проходилъ очень опасное, узкое мѣсто на рѣкѣ, приближаясь къ острову Кэтъ-Айлэнду. Оба лота были въ дѣйствіи безпрерывно, измѣренія производились ежеминутно,—опасность была велика, что всѣ затаили дыханіе. Капитанъ парохода, человѣкъ чрезвычайно нервный, раздражительный, видя, что судно такъ тихо двигается, не выдержалъ и крикнулъ ему:

— Мистеръ Биксби, пожалуйста, прибавьте ходу, иначе мы не выйдемъ на рифъ!

Это замѣчаніе мистеръ Биксби словно пропустилъ мимо ушей, не слыхалъ его въ эту минуту. Но потомъ, когда опасность прошла, то онъ разразился страшной бранью! Такой брани, такихъ ругательствъ я отроду не слыхивалъ. Капитанъ долженъ былъ промолчать, такъ какъ онъ нуждался въ лоцманѣ, а не то онъ такъ же не остался бы у него въ долгу: не такой былъ человѣкъ.

Объяснивъ значеніе лоцмана и его обязанности, считаю нужнымъ замѣтить, какое мѣсто занимали лоцманы среди прочаго пароходнаго персонала. Упомяну также о той организаціи, которую они создали для огражденія своихъ преимуществъ и правъ; это одно изъ самыхъ прочныхъ, тѣсныхъ организацій, какую когда-либо создавали люди.

За послѣднее время плата лоцману полагалась двѣсти пятьдесятъ долларовъ въ мѣсяцъ, но по мѣрѣ развитія судоходства число лоцмановъ возрасло, и плата значительно понизилась; причина этого, конечно, понятна: ужъ очень много развелось хорошихъ лоцмановъ. Лоцманамъ хотѣлось имѣть помощниковъ, юнгу и рулевого, который бы обучался подъ его руководствомъ и безплатно исполнялъ бы его работу, тогда какъ самъ онъ сидитъ на вышкѣ и куритъ трубку. У лоцмановъ въ большинствѣ случаевъ есть сыновья, родственники, племянники, также стремящіеся стать лоцманами. И вотъ, лишь только подобный ученикъ (рулевой) оказывалъ значительный успѣхъ въ управленіи судномъ, то его экзаменовали два лоцмана и выдавали аттестатъ на управленіе пароходомъ; аттестатъ выдавался за подписью рѣчного инспектора Соединенныхъ Штатовъ. Больше ничего ему не было нужно,—этимъ кончались всѣ формальности, больше не требовалось никакихъ удостовѣреній, онъ считался отнынѣ прекраснымъ лоцманомъ.

И вотъ естественно, что такое безконечное количество новоиспеченныхъ аттестованныхъ лоцмановъ способствовало пониженію жалованья. Старые лоцманы замѣтили свою ошибку, но было уже поздно; они сами создали себѣ серьезныхъ конкурентовъ. Надо было парализовать это непріятное явленіе, не выгодное для нихъ. Самое лучшее въ подобномъ случаѣ составить сплоченную организацію, союзъ. Но создать союзъ было не такъ-то легко; много толковали объ этомъ, хлопотали, но не пришли ни къ какимъ результатамъ, пока за это дѣло не взялось нѣсколько старыхъ, болѣе опытныхъ лоцмановъ, и имъ удалось кое-чего достигнуть. Они выхлопотали отъ правительства привилегію съ особыми полномочіями. Вновь учрежденный союзъ носилъ названіе „Благотворительная ассоціація для лоцмановъ“. Они избрали штатъ служащихъ, секретарей, пополнили уставъ, собрали капиталъ и опредѣлили окладъ лоцману не менѣе двухсотъ пятидесяти долларовъ въ мѣсяцъ. Но—увы!—такое жалованіе можно было назначать въ теоріи, на бумагѣ, а на практикѣ такого высокаго оклада никто не хотѣлъ имъ давать! Въ уставѣ были, между прочимъ, добавочные параграфы, расширявшіе въ значительной степени дѣятельность ассоціаціи. Эти статьи привлекали много новыхъ членовъ. Всякій лоцманъ предпочиталъ во время „мертваго сезона“ получать двадцать пять долларовъ въ мѣсяцъ, чѣмъ сидѣть безъ копейки. Членскій взносъ вначалѣ не превышалъ двѣнадцати долларовъ. Тѣ, кто были безъ мѣста, освобождались отъ уплаты членскаго взноса.

Согласно правиламъ устава, вдовы умершихъ лоцмановъ получали пенсію въ размѣрѣ двадцати пяти долларовъ ежемѣсячно, да еще на каждаго ребенка полагалась нѣкоторая сумма; умершаго хоронили на общественный счетъ. Этотъ параграфъ привлекъ отовсюду самыхъ старыхъ, дряхлыхъ, никуда негодныхъ инвалидовъ, уже забытыхъ всѣми лоцманами; они являлись въ контору ассоціаціи и записывались въ члены; иные приходили на костыляхъ, другихъ несли на носилкахъ, везли въ телѣжкахъ, всѣ они тянулись вереницей къ одному пункту.

Такимъ образомъ въ члены союза попали самые дряхлые, безпомощные, а многіе здоровые и полезные люди совсѣмъ не записались въ члены. Благодаря этому надъ обществомъ стали всѣ смѣяться. Всѣ подшучивали надъ уставомъ союза, по которому всякій членъ долженъ былъ платить десятую часть своего жалованья ежемѣсячно, въ пользу общей кассы, а остальные, ни на что неспособные, пользуются подачкой, какъ въ богадѣльнѣ. Говорили, что союзъ собралъ всѣхъ калѣкъ и

инвалидовъ, чтобы этимъ открыть свободу дѣйствій новымъ, здоровымъ и способнымъ лоцманамъ.

Съ открытіемъ навигаціи оклады стали увеличиваться. Отъ ста долларовъ жалованье возросло до ста двадцати и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ до полутораста. Нѣкоторые судовщики являлись въ контору союза и предлагали лоцманамъ поступить на пароходъ на два, на три рейса, говоря, что не мѣшало бы этимъ господамъ взглянуть на рѣку, чтобы не забыть ее окончательно. Однакоже союзъ былъ доволенъ такимъ положеніемъ дѣла. Нерѣдко въ союзъ поступали и хорошіе лоцманы, которымъ, какъ говорится, не везетъ. Понемногу, съ развитіемъ навигаціи, оклады снова повысились до двухсотъ пятидесяти долларовъ и остановились на этой цифрѣ. Зима приближалась, навигація разрасталась все больше и больше, множество судовъ направлялось туда и сюда, и въ Ил и ойсу, по Миссури и Миссисипи, куда привлекала ихъ обширная торговля Новаго Орлеана. Спросъ на лоцмановъ значительно усилился. И вотъ наступило для нихъ время отмщенія. Пароходчики поняли, что безъ лоцмановъ они обойтись не могутъ, и пришлось имъ обратиться къ союзу, чтобы тамъ пригласить хорошихъ опытныхъ лоцмановъ. Нѣкто N первый обратился въ контору союза и сказалъ:

— Вы не видѣли отъ насъ ничего хорошаго, господа, поэтому я первый обращаюсь къ вамъ, не дожидаясь, чтобы вы протянули намъ руку. Возьмите задатокъ и приходите управлять моимъ судномъ. Я ухожу въ полдень.

— Хорошо! Только вы скажите, кто будетъ моимъ помощникомъ, вторымъ лоцманомъ.

— Я пригласилъ I. С.

— Ну, такъ я не согласенъ! С. не принадлежитъ къ союзу.

— Такъ что же такое?

— Я не могу!

— Вы не желаете работать вмѣстѣ съ хорошимъ лоцманомъ потому только, что онъ не членъ союза?

— Да!

— Вотъ какой вздоръ! Я думалъ, что, приглашая васъ, дѣлаю вамъ любезность! А вы вздумали артачиться! Предписывать мнѣ какія-то тамъ условія! Неужели такъ гласитъ правило устава?

— Разумѣется!

— Позвольте взглянуть!

Ему показали уставъ; оказалось, что таково было правило.

— Что же дѣлать, если такъ? Мистеръ С. приглашенъ мною на весь сезонъ.

— Я вамъ могу доставить другого лоцмана, — предложилъ секретарь, — онъ будетъ къ полудню у васъ на пароходѣ.

— Но мистеръ С. потребуетъ жалованье за сезонъ?

— Это ужъ не наше дѣло. Въ ваши дѣла мы не вмѣшиваемся.

Капитану было очень досадно, но дѣлать было нечего: пришлось согласиться уплатить жалованье С. и взять лоцмана изъ союза. Общество теперь уже взяло перевѣсъ.

Теперь уже смѣялись не надъ нимъ, а надъ судохозяевами. Почти ежедневно съ этихъ поръ тому или другому капитану приходилось со слезами на глазахъ отказывать своему прежнему лоцману, не состоявшему членомъ союза, и приглашать новаго члена общества, съ бранью и проклятіями. Черезъ нѣсколько времени всѣ должности были замѣщены членами союза лоцмановъ. Естественно, что отставленные лоцманы собирались жестоко отомстить за себя, когда наступитъ удобное время!..

Надо замѣтить, что въ уставѣ союза было, между прочимъ, одно строгое правило: ни одинъ изъ членовъ союза не имѣлъ права давать какія бы то ни было указанія относительно состоянія рѣки другому лоцману, не принадлежащему къ союзу. Въ ту эпоху нѣкоторые пароходчики брали лоцмановъ членовъ, а другіе—не состоящихъ въ союзѣ, и число тѣхъ и другихъ было почти равное. Казалось бы, что значеніе и силы тѣхъ и другихъ должны бы быть такъ же равны, но на дѣлѣ оказалось иначе. Въ каждомъ городѣ, расположенномъ у рѣки по всему побережью, изъ конца въ конецъ, были устроены особыя стоянки. Тутъ же помѣщались складочные амбары для грузовъ и особыя помѣщенія для пассажировъ. У каждой такой стоянки былъ устроенъ большой ящикъ, запиравшійся особымъ замкомъ, употребляемымъ только въ почтовомъ вѣдомствѣ Соединенныхъ Штатовъ. Обществу стоило большихъ хлопотъ получить отъ правительства разрѣшеніе на устройство подобныхъ ящиковъ и замковъ. У каждаго члена союза хранится ключъ отъ этого замка; вотъ по этому ключу можно было узнать члена союза. Если посторонній проситъ свѣдѣній относительно фарватера, то обладатель ключа не отдаетъ его, и притомъ держитъ *особымъ способомъ* и вѣжливо отклоняетъ предложенный вопросъ.

Каждый членъ союза имѣетъ у себя пакетъ съ бланками, на которыхъ дѣлаетъ помѣтки о состояніи рѣки послѣ каждаго плаванія.

Эти бланки имѣютъ приблизительно такой видъ:

Пароходъ *„Великая Республика“*.

Лоцманы: Джонъ Джонсъ и Томасъ Броунъ.

Перегонъ.	Зондированіе.	Мѣрки.	Особыя отмѣтки.

Эти бланки заполняются понемногу, день за днемъ и опускаются въ вышеупомянутые особые ящики, запертые ключами. Такъ, напр., по окончаніи переѣзда (перегона) до Сенъ-Луи, ставятся отмѣтки въ такомъ родѣ:

„С.-Луи: Девять съ половиной (т.-е. футовъ). Проходя близъ хлопчатыхъ плантацій, выше лѣсного склада, пока не поднимешься до праваго рифа, а далѣе—правѣе поперекъ рѣки“.

Въ графѣ *Особыя отмѣтки* записывается, напримѣръ, слѣдующее:

„Иди какъ можно ближе къ прибрежнымъ тростникамъ. Это важно“.

Лоцманъ опускаетъ бланкъ въ Каирѣ, отмѣтивъ на немъ особенности поѣздки, вынимаетъ изъ этого же ящика нѣсколько другихъ подобныхъ бланковъ, на которыхъ уже сдѣланы помѣтки другими лоцманами, его товарищами, проѣхавшими перегонъ *„Каиръ-Мемфисъ“*. Прочтя ихъ внимательно, онъ кладетъ ихъ назадъ въ ящикъ и возвращается на палубу. Теперь ему не опасны случайности, онъ съ ними ознакомился, и легко можетъ вести судно, не подвергая его опасности.

Изъ этого вы можете составить себѣ понятіе о томъ, какія преимущества и удобства достигаются подобной системой, особенно если принять въ соображеніе, что эта часть рѣки на протяженіи тысячи двухсотъ миль почти ежедневно измѣняетъ свое теченіе. Прежде лоцману приходилось видѣть трудныя мѣста всего разъ или два въ мѣсяцъ, и ему надо было справляться съ этими затрудненіями, какъ умѣетъ, а теперь всѣ эти опасныя мѣста, отмели, рифы находились отнынѣ какъ бы подъ наблюденіемъ сотни глазъ, которые сообщали вамъ

свои замѣчанія, давая возможность впередъ знать, что васъ ожидаетъ. Свѣдѣнія эти были самыя свѣжія, получались они тотчасъ же, не позже, какъ черезъ сутки. Если изъ этихъ замѣтокъ, находимыхъ въ ящикѣ, оказывалось, что на пути предстоитъ опасность, то лоцманъ имѣетъ возможность заранѣе, во-время обдумать, какъ обойти ее и что предпринять въ данномъ случаѣ: она не представляетъ для него неожиданности, а это—огромное преимущество. Въ такихъ случаяхъ лоцманъ, видя другое судно, подаетъ условный сигналъ, на который ему отвѣчаютъ такъ же свисткомъ. Если лоцманы обоихъ пароходовъ члены союза, то пароходы идутъ далѣе рядомъ, и недоразумѣнія и сомнѣнія рѣшаютъ сообща, общими силами, помогая другъ другу, дѣлясь обоюдно самыми свѣжими свѣдѣніями, мельчайшими подробностями, подчасъ весьма важными.

Если лоцманъ довелъ судно до Новаго Орлеана или до Сенъ-Луи, то онъ обязанъ составить подробное, обстоятельное донесеніе о поѣздкѣ и представить его въ управленіе союза. Онъ вѣшаетъ это донесеніе на стѣну, въ пріемной конторы союза, и тогда только можетъ спокойно удалиться домой, къ своей семьѣ. Въ пріемной собираются лоцманы и тамъ бесѣдуютъ объ общихъ дѣлахъ, что ихъ особенно интересуетъ, и ужъ, конечно, главнымъ образомъ о рѣкѣ, о состояніи дна, русла, береговъ. Когда лоцманъ возвращался изъ рейса, его разспрашивали съ живѣйшимъ интересомъ, онъ передавалъ имъ самыя *новыя новости*, разрѣшалъ ихъ недоразумѣнія и сомнѣнія. Въ другихъ профессіяхъ случается, что мастеръ „закрывъ лавочку", предается другимъ, постороннимъ интересамъ, здѣсь же этого не бываетъ: лоцманъ ни о чемъ другомъ не можетъ говорить, кромѣ своей спеціальности,—онъ преданъ ей душой и тѣломъ. Они постоянно стараются усовершенствоваться въ своей профессіи. Важно также и то, что, благодаря конторѣ союза, лоцманы не теряли времени и хлопотъ на пріисканіе себѣ мѣста: пароходчики обращались со своими запросами прямо въ контору.

Понятно, что лоцманы, не принадлежавшіе къ этому „союзу", находились въ самомъ невыгодномъ положеніи. У нихъ не было такого удобнаго помѣщенія, комнаты, гдѣ они могли бы собираться вмѣстѣ и дѣлиться свѣдѣніями и новостями; у нихъ не было бланковъ съ донесеніями на пристаняхъ, они не узнавали свѣжихъ новостей. Имъ приходилось довольствоваться познаніями, полученными за недѣлю предъ самой поѣздкой, а быть-можетъ, и дней за десять. При хорошемъ уровнѣ воды съ этимъ можно было еще мириться, но при низкой водѣ было

очень трудно избѣгнуть серьезныхъ опасностей. Благодаря этому случалось, что такіе „несоюзные" лоцманы топили суда, чего не случалось съ „союзными". Судохозяева, нанимавшіе „несоюзныхъ", поняли свою ошибку и стали брать „союзныхъ" лоцмановъ. Вскорѣ вышло формальное предписаніе отъ правительства, чтобы судохозяева нанимали въ лоцманы только членовъ союза, а остальныхъ уволили бы со службы. Это была страшная власть, сильнѣе самого правительства, хотя она скрывалась въ тѣни,—власть, стоящая за трономъ. Главная инициатива принадлежала, конечно, акціонерамъ, заинтересованнымъ въ прибыляхъ.

Бороться было бы немыслимо. И вотъ всѣ „несоюзные„ лоцманы покинули пароходы и остались на сушѣ. Нѣкоторые изъ публики полагали, что тутъ была стачка обществъ съ акціонерами, но ничего подобнаго не было, это понятно само собой. Они поняли выгоды системы донесеній, благодаря которой пароходы не подвергались такому риску, а потому и стали приглашать членовъ союза, которые руководились этими „донесеніями".

Лоцманы, не принадлежавшіе къ союзу, начали роптать. Но они ничего не могли сдѣлать, имъ оставалось только поступить въ союзъ, заплативъ по двѣнадцати долларовъ. Ихъ очень удивило, когда они узнали, что въ уставѣ появились новыя статьи; благодаря этимъ новымъ пунктамъ, членскій взносъ возвысился до пятнадцати долларовъ и, кромѣ того, съ новыхъ членовъ взимали десять процентовъ съ мѣсячнаго оклада, который лоцманъ получалъ со времени учрежденія общества вплоть до дня вступленія въ союзъ. Эта сумма иногда достигала высокой цифры, —до трехъ-четырехсотъ долларовъ. Пока не были внесены всѣ деньги, общество не давало никакихъ свѣдѣній. Въ члены принимали по выборамъ: иному приходилось дожидаться мѣсяцами, пока онъ попадетъ въ члены. Баллотировку нельзя было производить, благодаря отсутствію многихъ членовъ союза, ушедшихъ въ плаваніе, а возвратиться они могли еще не скоро. Безъ нихъ баллотироваться было нельзя, такъ какъ по уставу каждый членъ союза долженъ подать голосъ за или противъ какого кандидата. Вскорѣ большинство лоцмановъ поступило въ члены союза, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ, озлобленныхъ противъ этого общества; они согласились скорѣе остаться безъ куска хлѣба, чѣмъ вступить въ союзъ, который они ненавидѣли отъ всей души. Имъ приходилось очень трудно, рѣдко кто рѣшался брать ихъ на службу.

Черезъ нѣсколько времени союзъ объявилъ, что жалованіе лоцманамъ должно полагаться въ пятьсотъ долларовъ въ мѣ-

сяцъ. Образовалось нѣсколько филіальныхъ отдѣленій союза, и всѣ они процвѣтали. Такъ, былъ отдѣлъ „Красной рѣки“, гдѣ жалованіе возрасло до семисотъ долларовъ ежемѣсячно. Тѣ десять упрямцевъ, не желавшихъ подчиниться союзу, теперь рѣшили вступить членами, но тутъ возникли новыя преграды: имъ пришлось платить за все время, когда они состояли лоцманами, со дня образованія союза, и даже за тотъ періодъ, когда они были безъ мѣста! Но и эти затрудненія были улажены. Оставался только одинъ упрямецъ, упорствовавшій дольше другихъ, но и онъ, наконецъ, подчинился и поступилъ въ союзъ, уплативъ очень крупную сумму, а именно: шестьсотъ двадцать пять долларовъ!

Теперь дѣла общества процвѣтали, у него была полная касса. Вскорѣ всѣ лоцманы на Миссисипи стали членами союза, и не осталось ни одного „несоюзника“. Къ уставу своему союзъ прибавилъ еще новую статью, по которой лоцманы не имѣли права брать въ обученіе постороннихъ лицъ въ теченіе пяти лѣтъ, но и по прошествіи этого срока брать учениковъ могутъ не отдѣльные лоцманы, а самъ союзъ, притомъ на особыхъ строго опредѣленныхъ условіяхъ: ученикъ долженъ быть не моложе восемнадцати лѣтъ, долженъ отличаться хорошимъ характеромъ, да еще принадлежать къ хорошей, почтенной семьѣ. Онъ представляетъ свидѣтельство о прохожденіи первоначальной школы, вноситъ тысячу франковъ за право обученія и долженъ состоять ученикомъ до тѣхъ поръ, пока половина всѣхъ членовъ союза не признаетъ его достойнымъ званія лоцмана; тогда онъ получаетъ свидѣтельство.

Предсѣдатель союза и секретарь перемѣщаютъ учениковъ съ одного судна на другое, согласно своимъ соображеніямъ, по правиламъ, строго установленнымъ.

Количество вдовъ и сиротъ росло ежедневно, такъ что приходилось выдавать значительныя суммы на пенсіи, но зато возрасталъ и капиталъ союза. Союзъ хоронилъ лоцмановъ на свой счетъ, и въ случаѣ надобности посылалъ своихъ членовъ для розысковъ трупа погибшаго во время крушенія товарища; такіе розыски иной разъ стоили не дешево, до тысячи долларовъ.

Далѣе общество лоцмановъ учредило страховку: оно обезпечивало не только своихъ сочленовъ на случай смерти главы семейства, но и владѣльцевъ пароходовъ, которые подвергались риску въ случаѣ крушенія.

Такимъ образомъ союзъ лоцмановъ оказывался самымъ сильнымъ, несокрушимымъ, одной изъ сильнѣйшихъ монополій въ мірѣ Согласно законамъ Соединенныхъ Штатовъ, никто не

имѣлъ права получить званіе лоцмана безъ согласія на это двухъ опытныхъ лоцмановъ, а такія свидѣтельства отнынѣ имѣли право выдавать только члены союза. Понятно, что съ этихъ поръ перестали появляться новые лоцманы „со стороны“, такъ сказать *экстерны*. Старые лоцманы постепенно съ каждымъ годомъ умирали или же становились неспособными къ работѣ,—и мѣста оставались незанятыми.

Единственнымъ препятствіемъ, стоявшимъ между союзомъ и абсолютной властью, оказались теперь капитаны и собственники пароходовъ. Общество лоцмановъ объявило заранѣе (за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ), что съ перваго сентября 1861 г. окладъ лоцмана будетъ полагаться въ пятьсотъ долларовъ въ мѣсяцъ. Тогда хозяева пароходовъ увеличили провозную плату за каждый пудъ груза („фрахтъ“), мотивируется это тѣмъ, что имъ необходимо вознаградить свои издержки по содержанію и найму лоцмановъ. Фермеры и торговцы, отправители грузовъ, выражали, что пять *центовъ* съ каждаго куля зерна не составитъ большого убытка, но если принять во вниманіе, что когда случается отправлять до сорока тысячъ кулей, то это составляетъ почтенную цифру расхода, и подобная надбавка съ лихвой превосходитъ расходы по найму лоцмановъ.

Судохозяева и капитаны основали собственный союзъ и рѣшили повысить жалованіе капитанамъ до пятисотъ долларовъ ежемѣсячно, чтобы принудить фермеровъ повысить провозную плату (фрахтъ). Такая мысль могла и удасться и дать хорошіе результаты, если уже первое предпріятіе удалось такъ блистательно. Новый союзъ постановилъ, что если кто найметъ лоцмана, не принадлежащаго къ союзу, то долженъ заплатить штрафъ и тотчасъ уволить его. Штрафъ былъ опредѣленъ въ пятьсотъ долларовъ. Многіе штрафы были уплачены. Капитаны стремились внушить лоцманамъ, чтобы они не служили у капитановъ, не принадлежащихъ къ числу членовъ союза; но тѣ рѣшили отклонить это предложеніе и избавить себя отъ такого стѣснительнаго обязательства.

Какъ я уже раньше упомянулъ, лоцманскій союзъ считался одной изъ сильнѣйшихъ, непоколебимѣйшихъ монополій въ цѣломъ свѣтѣ. Однакоже и ему суждено было распасться и исчезнуть: вскорѣ была построена новая желѣзная дорога, по берегу Миссисипи, черезъ штаты: Тенесси и Кентукки, къ сѣвернымъ пунктамъ, куда стала стекаться масса пассажировъ; понятно, что пароходство пострадало отъ этого. Далѣе началась война, затормозившая успѣхи судоходства на много лѣтъ. Лоцманы остались безъ дѣла съ пустыми руками. А между тѣмъ жизнь становилась дороже и дороже, и вотъ въ одинъ

прекрасный день главный кассиръ общества Сенъ-Луи „запустилъ лапу“ въ денежный сундукъ союза, да и поспѣшилъ скрыться съ кругленькой суммой. Это значительно подорвало средства союза. Далѣе ко всѣмъ важнымъ береговымъ пунктамъ была проведена желѣзная дорога,—это также способствовало паденію судоходства. Какой-то предприниматель построилъ дюжину паровыхъ судовъ, но всѣ они оказались плохонькими буксирными пароходами; онъ разсчитывалъ перевозить на нихъ грузы въ Новый Орлеанъ.

И вотъ, словно по волшебству, въ самое короткое время исчезло съ лица земли „Общество лоцмановъ“, а съ ними вмѣстѣ исчезло и благородное лоцманское искусство!..

XVI.

Статистическія данныя.

Прежде существовалъ издревле установленный обычай, чтобы суда отплывали отъ пристани Новаго Орлеана въ пятомъ часу пополудни. Поэтому съ трехъ часовъ начинали поджигать смолу (что служило сигналомъ къ разведенію паровъ), и жители могли полюбоваться живописной картиной, этимъ густымъ чернымъ дымомъ, поднимавшимся къ небу высокими столбами. Этотъ черный, какъ уголь, дымъ тянулся далѣе, разстилаясь надъ всѣмъ городомъ. На каждомъ суднѣ красовался особый флагъ, развѣвавшійся на флагъ-штокѣ, а иногда еще и другой, висѣвшій на кормовой части. Нѣсколько сотенъ матросовъ шумѣли, сновали взадъ и впередъ и, исполняя команду, усиливали всеобщее оживленіе. На пристани уже были сложены цѣлые ряды бочёкъ и ящиковъ, предназначенныхъ для отправки. Пассажиры торопились на пристань въ сопровожденіи знакомыхъ и родственниковъ. Всѣ толкались, суетились, тѣснились, и давка бывала такъ сильна, что многіе сомнѣвались, доберутся ли они живыми къ своей цѣли. Дамы спѣшили со своими саквояжами и ридикюлями, иныя догоняли мужей, второпяхъ роняли и теряли свои вещи и багажъ. Раздавался стонъ и плачъ дѣтей, и всѣ эти звуки сливались въ смутный гулъ. Тутъ же негры провозили по пристани телѣжки, скрипѣвшія колесами.

Чтобы дать свободный ходъ отплывающему судну, остальныя суда отступали назадъ и раздвигались. Наплывъ гражданъ, спѣшившихъ полюбоваться отчаливающимъ пароходомъ, былъ такъ великъ, что они не помѣщались на палубахъ другихъ свободныхъ судовъ. И вотъ, наконецъ, пароходы одинъ за

другимъ начинаютъ отъѣзжать отъ пристани, выпуская клубы пара и дыма, развѣвая флагами. Раздается команда, пушечный выстрѣлъ, зрители машутъ платками и шляпами.

Вся эта величавая процессія тянется вдаль по рѣкѣ. Въ былыя времена бывало, когда два парохода одинаковой силы отчаливали отъ пристани, чтобы итти вперегонку на призъ, собиралась безчисленная толпа зрителей полюбоваться на это состязаніе судовъ. Особенно много народа собиралось къ вечеру, зажигались костры, и экипажъ обоихъ пароходовъ начиналъ пѣсню. Гонка судовъ была, дѣйствительно, иногда чрезвычайно эффектна. Публика считала эту забаву довольно опаснымъ спортомъ. Опасности, въ сущности, онъ представляетъ мало, такъ какъ машинистъ судна отлично знаетъ, какой „maximum“ давленія пара можетъ выдержать его „машина“; онъ только слѣдитъ за тѣмъ, чтобы все было въ исправности, осматриваетъ и контролируетъ предохранительные клапаны котловъ и остальныя принадлежности.

Въ ту эпоху, когда особенно процвѣтало судоходство на Миссисипи, такъ называемую „Flush Times“, гонка пароходовъ представляла особенно интересное событіе, привлекая всеобщее вниманіе. О днѣ гонокъ объявляли заранѣе, за нѣсколько недѣль впередъ. Это объявленіе приводило въ движеніе всѣхъ обитателей долины Миссисипи. Тутъ уже все забывалось, всѣ остальные интересы отходили на второй планъ; забывалась и политика и торговые вопросы; всѣ только и говорили о предстоящихъ гонкахъ. Когда наступалъ назначенный день, оба парохода были уже наготовѣ. Весь лишній грузъ удалялся съ парохода, такъ какъ онъ увеличиваетъ непроизводительно тяжесть судна. Кромѣ того, выносились всѣ предметы, которые могли бы затруднить пароходъ въ случаѣ, если бы онъ сѣлъ на мель. Когда впослѣдствіи происходила гонка судовъ: „Эклипсъ“ и „Шотвелль“, то пришлось снимать золоченый гербъ, висѣвшій между трубами „Эклипсъ“. Говорятъ, что ради избавленія отъ лишней тяжести капитанъ выбросилъ свои перчатки и даже... обрилъ себѣ всю голову.

Конечно, я считаю эти разсказы преувеличенными, едва ли имъ можно вѣрить.

На тѣ суда, которыя отправлялись на состязаніе, не принимали груза и не пускали пассажировъ. Останавливались они только въ крупныхъ городахъ. Плоты съ углемъ и другимъ грузомъ должны были по первому сигналу сворачивать въ сторону и давать дорогу гонщикамъ; на такихъ гоняющихся пароходахъ полагалось двойное количество пароходной прислуги, чтобы работа не задерживалась.

Когда все было готово къ гонкѣ, два крупныхъ парохода выходили на средину рѣки и стояли нѣсколько времени на мѣстѣ, словно подстерегали, выслѣживая другъ друга, какъ дѣлаютъ это враги, приготовляющіеся къ бою. Изъ трубъ вылетали клубы чернаго дыма, наполняя гарью все окружающее. Кругомъ толпился народъ, зрители тѣснились на берегу, на крышахъ домовъ, на сосѣднихъ судахъ. На протяженіи болѣе тысячи миль всѣ берега Миссисипи были усѣяны народомъ; жители прибрежныхъ городовъ и деревень высыпали встрѣчать несущіеся пароходы и привѣтствовать „гонщиковъ". Пароходъ на всѣхъ парахъ несся мимо нихъ. Дымъ разстилался по берегу. Вотъ пароходъ приближается, раздаются пушечные выстрѣлы, и „гонщикъ", не останавливаясь, несется далѣе.

Эти суда не останавливались ни на мгновеніе на всемъ протяженіи отъ Новаго Орлеана до Сенъ-Луи, а если и останавливались на минуту, то лишь исключительно въ крупныхъ пунктахъ.

По большей части бываетъ, что эти пароходы идутъ все время въ виду другъ у друга, не теряя изъ виду соперника. Иногда они шли рядомъ нѣкоторое время. Наиболѣе искусный лоцманъ, конечно, опережалъ своего товарища-конкурента. Если лоцманъ искусный, а ученикъ его (или помощникъ) не особенно силенъ въ этомъ дѣлѣ, то по ходу машины можно угадать, кто въ данную минуту руководитъ рулемъ. Управленіе рулемъ, какъ извѣстно, представляетъ очень трудную задачу.

Впрочемъ, надо замѣтить, что ходъ судна зависитъ не отъ одного только лоцмана; здѣсь играетъ роль и устройство самаго судна; бываютъ такіе неповоротливые, тяжелоходные пароходы, что никакой лоцманъ не заставитъ ихъ итти какъ слѣдуетъ. Однажды мнѣ случилось ѣхать на такомъ суднѣ, и мы шли такъ медленно, что, наконецъ, забыли, когда мы вышли изъ пристани. Напримѣръ, пароходъ *Джонъ Ро* обладалъ очень тяжелымъ ходомъ и, наконецъ, потонулъ въ „Мадридскомъ изгибѣ"; о гибели его хозяинъ узналъ лишь нѣсколько лѣтъ спустя. Наиболѣе быстрымъ рейсомъ считался рейсъ изъ Новаго Орлеана въ Сенъ-Луи и обратно—въ шестнадцать дней. Для сравненія вотъ нѣкоторыя данныя:

Отъ Новаго Орлеана до Великаго залива мы совершали въ четыре дня (триста сорокъ миль); а „Эклипсъ" и „Шотвелль" дѣлали его потомъ въ *одинъ* день. На перегонъ № 63 (семьсотъ миль) „Эклипсъ" и „Шотвелль" проходили въ два дня, а мы употребляли на тотъ же перегонъ девять дней. Пароходъ, извѣстный подъ названіемъ „Дж. М. Вайтъ", пришелъ изъ Новаго Орлеана въ Каиръ въ три дня, шесть часовъ и сорокъ

четыре минуты (впрочемъ, этотъ рекордъ сомнителенъ. Авторитетные люди утверждаютъ, что онъ употребилъ на этотъ переѣздъ трое сутокъ, восемь часовъ, т.-е. на 1 часъ и 16 минутъ болѣе).

Рекорды наиболѣе извѣстныхъ рейсовъ:

От Новаго Орлеана до Натшеца 268 миль.

Года.	Названія судовъ.	Дни.	Часы.	Мин.
Въ 1814.	Пароходъ „Орлеанъ“ прошелъ все пространство въ	6	6	40
Въ 1814.	Пароходъ „Comet“ прошелъ все пространство въ	5	10	—
Въ 1817.	Пароходъ „Вашингтонъ“ прошелъ все пространство въ	4	—	—
Въ 1819.	Пароходъ „Парагонъ“ прошелъ все пространство въ	3	8	—
Въ 1838.	Пароходъ „Натшецъ“ прошелъ все пространство въ	1	17	—
Въ 1844.	Пароходъ „Султана“ прошелъ все пространство въ	—	19	45
Въ 1851.	Пароходъ „Магнолія“ прошелъ все пространство въ	—	19	50
Въ 1853.	Пароходъ „Эллипсъ“ прошелъ все пространство въ	—	19	47
Въ 1855.	Пароходъ „Новый Натшецъ“ прошелъ все пространство въ	—	17	40

XVII.

„Прорѣзи“ Миссисипи. — Стефенъ.

Эти сухія подробности имѣютъ большое значеніе. Эти данныя необходимы, чтобы объяснить себѣ одну изъ удивительныхъ особенностей Миссисипи, а именно, укороченіе и измѣненіе ея протяженія. Если бросить на полъ яблочную шкурку, срѣзанную спирально, то она, упавъ на полъ, приметъ видъ, напоминающій Миссисипи съ ея изгибами; рѣка тянется на тысячу миль отъ Каиро и Иллинойса къ Новому Орлеану и представляетъ здѣсь изогнутую линію, и только незначительные отрѣзки ея имѣютъ прямолинейное направленіе. А къ сѣверу отъ Каиро уже нѣтъ такихъ сильныхъ изгибовъ, рѣка течетъ тамъ по скалистой мѣстности, которая не такъ легко поддается вліянію воды.

Извилины Миссисипи иногда отличаются значительной крутизной и напоминаютъ въ большинствѣ случаевъ очертаніе

подковы. Если вы сойдете съ парохода въ началѣ извилины и пойдете пѣшкомъ сухимъ путемъ по прямой линіи къ другому концу, то успѣете дойти гораздо ранѣе, нежели придетъ пароходъ (проходящій десять миль въ часъ) и вы успѣете еще отдохнуть до его прихода. Нѣкоторые плантаторы, владѣнія которыхъ лежатъ далеко отъ воды, пользуются хитростью, дождавшись сильнаго прилива воды въ рѣкѣ, чтобы сдѣлать свои плантаціи прибрежными; это значительно повышаетъ ихъ цѣнность. Во время высокой воды они прорываютъ каналы въ узкомъ перешейкѣ, вода устремляется внутрь страны, и утромъ на слѣдующій день совершается чудо: плантація, лежащая далеко отъ берега, становится прибрежной. А тѣ плантаціи, которыя лежали на берегу, теперь оказываются уже на огромномъ островѣ; если этотъ островъ обмелѣетъ, что непремѣнно должно случиться, то пароходы уже не могутъ подойти къ плантаціи, и она теряетъ прежнюю стоимость.

Потомъ въ этихъ узкихъ мѣстахъ были поставлены сторожа, и если кого-либо ловили на мѣстѣ преступленія за рытьемъ такого рва, то уже во второй разъ едва ли удавалось найти удобный случай для такой продѣлки.

Прошу кстати замѣтить слѣдующее относительно этихъ каналовъ: когда-то былъ перешеекъ противъ порта Гѣдсонъ (въ Луизіанѣ); въ самомъ узкомъ мѣстѣ онъ былъ не болѣе полумили шириной, и его можно пройти пѣшкомъ въ четверть часа. Если же поплывете на пароходѣ, то придется ѣхать тридцать пять миль. Въ 1722 году рѣка сама прорвала перешеекъ и такимъ образомъ стала короче на тридцать пять миль. Точно такое же явленіе мы замѣчаемъ и у мыса Блэкъ Гоукъ; это случилось въ 1699 году. Наконецъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ была сдѣлана „прорѣзь ниже устья Красной рѣки при Раккурси, вслѣдствіе чего рѣка укоротилась на двадцать восемь миль. Если вы ѣдете въ наши дни, начиная отъ самой южной изъ этихъ трехъ „прорѣзей“, по направленію къ самой сѣверной, то вамъ приходится проѣхать только семьдесятъ миль. А прежде, за 176 лѣтъ назадъ, путешественникамъ между этими же трактами приходилось дѣлать сто пятьдесятъ восемь миль. Такимъ образомъ рѣка укоротилась на восемьдесятъ восемь миль на такомъ небольшомъ отрѣзкѣ своего теченія.

Даже въ мое время образовалось, на моихъ глазахъ, нѣсколько „прорѣзей“; напримѣръ, у острова Гѣррикана, у острова № 100, у Арканзаса, у пункта Наполеона, у Вальнутъ-Бенда, у Консиль-Бенда. Эти „прорѣзи“ укоротили Миссисипи еще на 67 миль. Не такъ давно „прорѣзь“, образовавшаяся у Американскаго поворота, укоротила ее на десять миль.

Такимъ образомъ, сто семьдесятъ шесть лѣтъ тому назадъ, протяженіе рѣки отъ Каиро до Новаго Орлеана составляло 1.250 миль, а послѣ „прорѣзи“ 1772 года ея длина въ этомъ мѣстѣ стала меньше, а именно, 1.180 миль. Послѣ „прорѣзи“ у Американскаго поворста — только 1040 миль; рѣка укоротилась еще на 67 миль. Теперь длина ея равна всего 973 милямъ.

Въ теченіе промежутка времени въ 176 лѣтъ Нижняя Миссисипи уменьшилась въ длинѣ на 242 мили, что составляетъ цѣлую милю съ третью на каждый годъ. Изъ этого каждый обладающій здравымъ разумомъ и не слѣпой человѣкъ можетъ заключить, что въ древній оолитическій, силурійскій періодъ длина Миссисипи составляла милліонъ триста тысячъ миль; это было ровно милліонъ лѣтъ тому назадъ. Семьсотъ сорокъ два года спустя длина Нижней Миссисипи должна еще болѣе уменьшиться и не будетъ превышать одной и три четверти, такъ что Каиро и Новый Орлеанъ будутъ лежать рядомъ, и у нихъ будетъ общее управленіе, одни и тѣ же ольдермэны. Расчетъ такого рода чрезвычайно заманчивъ.

Когда вода заливаетъ въ каналы, о которыхъ я упоминалъ выше, то всѣ жители прибрежья должны подниматься и уходить дальше. Вода прорѣзываетъ побережье, словно ножомъ. Когда каналъ расширяется на 12 или 15 футовъ, то катастрофа становится неизбѣжной, и никакая сила не можетъ препятствовать притоку воды. Если ширина достигнетъ ста ярдовъ, то берегъ начинаетъ отставать, отпадать слоями, толщиною въ полъ-акра. Быстрота потока, окружающаго подобные отслоившіеся острова, достигаетъ пяти миль въ часъ. Я находился на суднѣ, которое впервые проходило черезъ новую „прорѣзь“ близъ Американскаго поворота, но намъ никакъ не удавалось провести его. Это было въ полночь, погода была невыносимая, гремѣлъ громъ, завывалъ вѣтеръ. Теченіе въ этой „прорѣзи“ достигало, по нашимъ соображеніямъ, пятнадцати миль въ часъ. Наши лучшіе пароходы идутъ 12 — 13 миль въ часъ при спокойной водѣ. Стараться войти въ „прорѣзь“ было съ нашей стороны неблагоразумно. Но мистеръ Броунъ былъ человѣкъ упрямый и самолюбивый. Мы дѣлали попытку четыре раза, но все неудачно. Вѣтеръ и толчки судна валили насъ съ ногъ, потокъ потянулъ насъ къ лѣсу на двѣ мили ниже „прорѣзи“, и мы едва выбрались; вся прибрежная полоса была затоплена разливомъ. Черезъ нѣсколько дней ширина „прорѣзи“ достигла трехъ четвертей мили, и суда прошли свободно. Путь укоротился на десять миль.

Старая „прорѣзь“ Раккурси сократила рѣку на 28 миль. Съ этой „прорѣзью“ связано интересное преданіе. Говорятъ, будто бы одинъ пароходъ пошелъ обычнымъ путемъ и обогнулъ изгибы, такъ какъ лоцманъ не зналъ объ этой новой „прорѣзи“. Ночь была темная, берега были видны плохо. Старый поворотъ началъ наполняться водой, судно отошло отъ таинственнаго „рифа“, но тутъ же наткнулось на другой рифъ, уже настоящій. Лоцманы напугались, стали ругаться, и имъ показалось, что они попали въ заколдованный кругъ, изъ котораго никогда не смогутъ выбраться. Преданіе говоритъ, будто бы это судно и до сихъ поръ является, какъ видѣніе, близъ этого поворота, и лоцманы въ темныя ночи смутно видятъ его очертанія въ дальнемъ туманѣ. Сквозь сумракъ свѣтится огонекъ на кормѣ волшебнаго судна, слышенъ шумъ машины, глухо доносятся стоны лоцмановъ...

За неимѣніемъ болѣе подходящихъ данныхъ, прошу у читателей разрѣшенія добавить нѣсколько словъ о знакомомъ намъ лоцманѣ Стефенѣ, чтобы закончить эту главу.

Стефенъ такъ много задолжалъ, что у всѣхъ лоцмановъ и у капитановъ были его векселя; долговъ онъ не платилъ, а только переписывалъ ежегодно заемныя письма. Уже никто изъ знакомыхъ не вѣрилъ ему ни гроша, поэтому пришлось искать новыхъ заимодавцевъ, которые не знали бы его.

И вотъ ему посчастливилось найти одного молодого человѣка, по имени Петсъ (имя это вымышленное, хотя дѣйствительная фамилія этого юноши начиналась также на букву У *). Петсъ сдѣлался лоцманомъ, получилъ хорошее мѣсто, и вотъ, когда онъ пришелъ въ контору за жалованьемъ, туда явился и Стефенъ. Благодаря своему краснорѣчію, ему удалось какимъ-то образомъ выудить у Петса все его жалованье за истекшій мѣсяцъ, т.-е. 250 долларовъ. Остальные лоцманы узнали объ этомъ, и прежніе кредиторы Стефена злорадно посмѣивались. Юный и довѣрчивый Петсъ никакъ не предполагалъ, что Стефенъ сознательно лгалъ ему, обѣщая отдать долгъ черезъ недѣлю. По прошествіи этого срока онъ напомнилъ Стефену, но тотъ попросилъ его подождать еще недѣлю. Но и черезъ недѣлю Петсъ не получилъ ровно ничего. Петсъ началъ преслѣдовать должника, прося и требуя уплаты взятой у него суммы, но все это было безполезно. Стефенъ озлобился на Петса и рѣшился отдѣлаться отъ него, и вотъ онъ нашелъ

---

*) Буква У (произносится *уай*,) находится въ самомъ концѣ англійскаго алфавита. *Пр. переводч.*

вѣрный способъ: онъ сталъ самъ преслѣдовать своего кредитора, и куда бы тотъ ни являлся, онъ тотчасъ приставалъ къ нему, надоѣдая своей болтовней. Теперь уже Петсъ сталъ бѣгать отъ своего должника; если онъ сидѣлъ въ трактирѣ съ товарищами, то спѣшилъ ув сти ихъ въ другую комнату, лишь только появлялся Стефенъ. Поймавъ Петса гдѣ-нибудь при публикѣ, Стефенъ пожималъ ему руку и говорилъ:

— Боже мой, кого я вижу! Я думалъ, вы меня замѣтили и торопился, чтобы поймать васъ! А то вы уйдете отъ меня! И вотъ я васъ засталъ наконецъ. Позвольте мнѣ взглянуть на васъ, другъ мой! Вы все такой же прекрасный, благородный юноша!

И, обращаясь къ друзьямъ Петса, онъ добавлялъ:

— Посмотрите на него, господа! Вѣдь это настоящая картина! Другіе называютъ его картиной, а по-моему это цѣлая панорама! Да, господа, настоящая панорама! Какъ жаль, мой милый, что вы не попались мнѣ вчера! Не далѣе какъ вчера у меня было отложено ровно двѣсти пятьдесятъ долларовъ, чтобы отдать вамъ! Я вездѣ искалъ васъ, но не могъ найти, я ждалъ васъ у Плантерса, начиная съ шести часовъ вечера до двухъ часовъ сегодняшняго дня, при этомъ ничего не ѣлъ и не отдыхалъ. Моя жена говоритъ:

„— Гдѣ,—говоритъ,—ты пробылъ всю ночь?

„А я говорю:

„— О, этотъ долгъ тяготитъ мою душу!

„А она отвѣчаетъ:

„— Всю жизнь,—говоритъ,—не видала ни разу, чтобы кто-нибудь принималъ такъ горячо къ сердцу свои долги, какъ ты!

„— Это ужъ у меня такой характеръ,—говорю я.—Ужъ я и самъ тутъ ничего не могу подѣлать,—самого себя перемѣнить невозможно!

„Тогда она посовѣтовала мнѣ отдохнуть:

„— Ложись,—говоритъ,—успокойся, отдохни немного!

„—Нѣтъ, — говорю, — я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока этотъ бѣдный, благородный юноша не получитъ обратно своихъ денегъ.

„Такъ я и просидѣлъ всю ночь, не ложась спать, а нынче утромъ мнѣ сказали, что вы поѣхали въ Новый Орлеанъ на пароходѣ „Великій Моголъ". Я былъ такъ пораженъ, что у меня просто ноги подкосились,—я прислонился къ стѣнѣ и зарыдалъ. Но пришелъ хозяинъ дома, у котораго я стоялъ, и прогналъ меня:

„— Нельзя,—говоритъ,—рыдать у моего дома!

„Мнѣ казалось, что весь міръ вооружился противъ меня, и мнѣ ужъ не стоитъ болѣе жить на свѣтѣ. Мои нравственныя муки, испытанныя въ теченіе цѣлаго часа, не поддаются никакому описанію! Черезъ часъ послѣ этого я встрѣтилъ Джима Вильсона и отдалъ ему 250 долларовъ въ счетъ моего долга! И тогда я только вспомнилъ, что вы были здѣсь! А я не отдалъ вамъ ничего! А теперь у меня нѣтъ ни гроша! Но клянусь вамъ, что заплачу завтра же мой долгъ! Это такъ же вѣрно, какъ то, что я стою на этомъ самомъ мѣстѣ, на этой каменной плитѣ! Да вотъ постойте, я сдѣлаю замѣтку на этой самой плитѣ, на полу! Клянусь, что принесу деньги сюда, завтра въ полдень. Постойте, другъ мой, дайте мнѣ еще разъ посмотрѣть на васъ!..“

И вотъ все въ такомъ же родѣ! Это такъ надоѣло Петсу, что онъ не зналъ, какъ ему избавиться отъ должника, даже жизнь стала ему въ тягость. Должникъ преслѣдовалъ его, описывая свои жестокія страданія, которыя онъ испытывалъ, сознавая, что до сихъ поръ не заплатилъ ему.

Стефенъ подстерегалъ своего кредитора даже на улицѣ и тотчасъ набрасывался на него, лишь только тотъ выходилъ изъ дома.

Въ бильярдной залѣ Богарта собирались обыкновенно всѣ лоцманы. Тамъ они играли и бесѣдовали о разныхъ новостяхъ, касающихся рѣки. И вотъ однажды Петсъ сидѣлъ тамъ, и вдругъ является Стефенъ. Когда всѣ лоцманы, бывшіе въ городѣ, собрались въ бильярдной, Стефенъ явился посреди нихъ и бросился на шею къ Петсу.

— Какъ я радъ, какъ счастливъ, видя васъ, дорогой мой!— воскликнулъ онъ. — Вѣдь я помню, что долженъ вамъ! Джентльмены, — обратился онъ къ лоцманамъ, — сумма моихъ долговъ велика, она доходитъ до сорока тысячъ долларовъ. Но я заплачу, заплачу! И даже нашелъ способъ, какъ уплатить долги!

Петсъ подумалъ было, что, наконецъ, получитъ свои деньги, и радость озарила его лицо.

— Да, господа, — продолжалъ Стефенъ, — я начну уплачивать мои долги... въ алфавитномъ порядкѣ фамилій моихъ кредиторовъ!

Услыхавъ это обѣщаніе, бѣдный Петсъ прошепталъ:

— Ну, я думаю, что если такъ, то онъ не доберется и до буквы С при жизни! Когда дойдетъ очередь до меня, то меня призовутъ для полученія долга *тамъ*, въ лучшемъ мірѣ!..

XVIII.

Я беру еще нѣсколько добавочныхъ уроковъ.

Въ продолженіе всего періода времени моего обученія мнѣ случалось работать на разныхъ суднахъ и съ разными лоцманами, поэтому я имѣлъ возможность заручиться значительной опытностью. Мистеръ Биксби не всегда считалъ удобнымъ брать меня съ собой туда, куда его приглашали, и порой мнѣ приходилось, оставаясь его ученикомъ, состоять подъ начальствомъ другихъ лоцмановъ, и это послужило мнѣ на пользу, такъ какъ давало возможность ознакомиться съ пріемами управленія судномъ,—пріемами, усвоенными другими. Мало того, имѣя дѣло съ различными людьми, я поневолѣ долженъ былъ присматриваться къ нимъ и приноровляться къ разнымъ характерамъ и особенностямъ каждаго; я познакомился съ разными типами, съ біографіями этихъ людей. Служа на сушѣ, мнѣ пришлось бы потратить гораздо болѣе времени на подобное ознакомленіе, быть-можетъ, лѣтъ около сорока, чтобы пріобрѣсти такую же опытность и способность распознавать характеры. Я этимъ не хочу сказать, что знанія эти сдѣлали меня способнымъ, быть, такъ сказать, судьей надъ людьми, — нѣтъ, — для этого надо родиться, этому нельзя научиться.

Въ это время я научился многому и въ особенности сознаю, что ранняя опытность развила во мнѣ вкусъ, руководившій мною впослѣдствіи въ моихъ литературныхъ знаніяхъ. Встрѣчая талантливо обрисованный характеръ въ какой-нибудь повѣсти, я живо интересуюсь имъ, потому что мнѣ случалось встрѣчать такой типъ въ жизни, въ дѣйствительности, во время моихъ странствованій по рѣкѣ.

Воскрешая мысленно типы, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло, я прежде всего вспоминаю фигуру мистера Броуна, который служилъ со мною на пароходѣ „Пенсильванія". Я упоминалъ о немъ и раньше, въ одной изъ предшествующихъ главъ. Это былъ человѣкъ уже не первой молодости, худощавый, высокаго роста; лицо у него было „лошадиное", онъ былъ круглый невѣжда, скупой, злонамѣренный, а къ своимъ сослуживцамъ и подчиненнымъ относился тиранически, такъ что я приходилъ на вахту съ тяжелымъ чувствомъ на душѣ, хотя бы передъ наступленіемъ моей очереди я былъ веселъ и оживленъ, но, когда приходилось итти дежурить у колеса, я чувствовалъ себя очень скверно, и сердце было, какъ говорится, не на мѣстѣ.

Я помню, какъ я явился къ нему впервые. Въ это время наше судно спускалось внизъ по рѣкѣ изъ Сенъ-Луи. Я вошелъ въ лоцманскую рубку съ трепетомъ сердечнымъ, хотя въ душѣ гордился тѣмъ, что состою неофиціально помощникомъ лоцмана на этомъ знаменитомъ пароходѣ. Въ эту минуту Броунъ сидѣлъ у рулевого колеса. Я вошелъ, остановился и хотѣлъ поклониться, лишь только онъ повернетъ ко мнѣ голову; но онъ даже не взглянулъ на меня; мнѣ показалось только, что онъ покосился на меня слегка, но онъ вторично уже не взглянулъ на меня, и я рѣшилъ, что это мнѣ только показалось.

Пароходъ шелъ по опасному, „трудному" мѣсту, поэтому я тотчасъ присѣлъ къ колесу, съ цѣлью помогать Броуну. Мы долго молчали—минутъ десять. Потомъ только командиръ повернулся ко мнѣ и окинулъ меня взоромъ съ головы до ногъ. Осмотръ этотъ продолжался долго, по крайней мѣрѣ, минутъ пятнадцать, какъ мнѣ показалось. Послѣ того онъ снова повернулся къ колесу. Черезъ нѣсколько минутъ опять повернулся въ мою сторону и сказалъ:

— Вы—ученикъ Ораса Биксби?

— Да, сэръ,—отвѣчалъ я.

Онъ помолчалъ и черезъ минуту спросилъ:

— А ваша фамилія?

Я сообщилъ ему свое имя, тотъ повторилъ его вслухъ. Кажется, мое имя онъ вѣчно забывалъ, потому что за нѣсколько мѣсяцевъ нашей совмѣстной службы онъ ни разу не назвалъ меня по фамиліи, а всякій разъ только кричалъ:

— Эй, вы, пойдите сюда!

Потомъ онъ отдавалъ приказаніе.

Когда я сообщилъ ему мою фамилію, онъ спросилъ:

— Вы гдѣ родились?

— Во Флоридѣ, сэръ, округъ Миссури.

Онъ опять помолчалъ и снова спросилъ:

— Давно вы на рѣкѣ?

Я сообщилъ, сколько времени состою ученикомъ.

Настала новая пауза.

Черезъ минуту онъ опять спросилъ:

— А откуда ваши башмаки?

Я сообщилъ и это.

— Протяните ногу!

Я протянулъ ногу. Онъ всталъ, отступилъ шага на два и сталъ разсматривать мои башмаки съ самымъ глубокимъ вниманіемъ. Въ это время онъ почесывалъ голову, сдвинувъ свою конусообразную шапку, въ родѣ сахарной головы; потомъ, по окончаніи чесанія, онъ пробормоталъ:

— Ладно! Чортъ подери!

И съ этими словами онъ снова принялся за колесо.

Что значила эта фраза: „чортъ подери“ и къ чему собственно относилась, я не понялъ, да и до сихъ поръ не понимаю.

Послѣ этого разговора наступило мрачное, тяжелое молчаніе, словно мы находились въ комнатѣ тяжело больного.

Черезъ нѣсколько времени лошадиная физіономія Броуна повернулась ко мнѣ. Я просто не узналъ ея—до такой степени она измѣнилась: лицо его было красно, какъ огонь, всѣ мускулы были приведены въ движеніе.

Вдругъ онъ крикнулъ:

— Эй, вы! Вы хотите цѣлый день сидѣть тутъ?

Я былъ такъ пораженъ этимъ возгласомъ, что вскочилъ съ мѣста и отпрыгнулъ на средину комнаты, словно отъ электрическаго удара. Придя въ себя, я произнесъ:

— Я не получилъ приказаній, сэръ!

— Не получили приказаній!—закричалъ онъ.—Вотъ это прекрасно! Вамъ нужны приказанія! Ахъ, вы! Сынъ благородныхъ родителей! Дворянинъ! Ваши родители были дворяне, рабовладѣльцы! Мы учились въ школѣ! Ахъ, чортъ меня возьми, я научу васъ, какъ дожидаться приказаній! Чортъ бы побралъ ваши чортовскія приказанія! Отойдите же, чортъ васъ побери, отъ руля!

(Въ эту минуту я, дѣйствительно, совершенно безсознательно приблизился къ колесу). Я отошелъ отъ руля и стоялъ неподвижно, какъ ошеломленный этимъ дикимъ нападеніемъ.

— Чего вы тамъ стоите! Возьмите черпакъ и снесите на тендеръ. Только живѣе! не копайтесь тамъ цѣлый день.

Я взялъ черпакъ и пошелъ за угольями.

Когда я возвращался къ лоцманской рубкѣ, то услыхалъ крикъ Броуна:

— Чего вы копаетесь такъ долго? Куда вы пропали?

— Я не зналъ дороги...

— Не зналъ дороги! Прекрасно, чортъ возьми! Не знали чортовской дороги, чортъ ее возьми! Затопите жаровню!

Я сталъ класть уголья въ жаровню.

Онъ наблюдалъ все время за мной, словно котъ, подстерегающій мышонка.

— Да возьмите лопату, сгребите уголья! Чортъ васъ возьми! Никогда я еще не видалъ чортовскаго человѣка, такого чортовски глупаго, который не умѣетъ, чортъ побери, затопить жаровню, чортъ ее возьми совсѣмъ!..

И вотъ подобныя пріятныя бесѣды бывали каждый разъ, когда онъ стоялъ на вахтѣ. И такъ въ теченіе нѣсколькихъ

мѣсяцевъ! Каждый разъ, какъ я уже сказалъ, идя на вахту, я дрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ страха. Въ его присутствіи, даже въ темныя ночи я чувствовалъ на себѣ непріятный взглядъ его желтыхъ глазъ; я зналъ, что обладатель ихъ зорко слѣдитъ за мной, подстерегая мои движенія, чтобы придраться къ чему-нибудь и излить на меня свой ядъ.

Такъ, иногда онъ говорилъ:

— Эй, сюда! Возьмите колесо!

А черезъ минуту кричалъ:

— Да нѣтъ, нѣтъ. Отпустите его, отпустите!

Затѣмъ неожиданно вскакивалъ со скамьи, схватывался за ручку колеса и самъ начиналъ его вертѣть во всѣ стороны.

Другого лоцманскаго ученика звали Джорджъ Ричи; ему жилось легче, нежели мнѣ, такъ какъ его патронъ Джорджъ Айлеръ былъ добрый, хорошій человѣкъ, совершенно не похожій на Броуна. Иногда Ричи садился на скамью и, подражая пріемамъ моего патрона, копировалъ его манеру очень забавно:

— Эй, вы!—кричалъ онъ.—Берите колесо! Хватайте его! Отпустите же! Ахъ, чортъ васъ раздери, о чемъ вы тамъ задумались? Ну, такъ, такъ! Я этого такъ и ждалъ! Я говорилъ, что не надо подниматься на рифъ! Уйдите скорѣй отъ руля!

Иногда мнѣ хотѣлось избить Броуна, но я сознавалъ, что отъ этого только ухудшится мое положеніе.

Однажды мы приближались къ Новому Мадриду. Судно было сильно нагружено. Мы съ Броуномъ сидѣли у колеса, по обѣимъ сторонамъ его. Онъ изрѣдка взглядывалъ на меня, и я отлично понималъ, что это обозначаетъ: навѣрно, онъ хотѣлъ сдѣлать мнѣ головомойку за какую-нибудь оплошность. Меня интересовало, какъ онъ начнетъ, въ какихъ выраженіяхъ набросится на меня? Вотъ онъ отодвинулся назадъ, отошелъ отъ колеса и проговорилъ обычнымъ ворчливымъ тономъ:

— Эй, вы! Ну-ка, сумѣете ли вы повернуть его (т.-е. судно).

Я зналъ впередъ, что это только предлогъ, чтобы осыпать меня бранью и проклятіями; какъ бы я ни повернулъ судно, я все равно не угодилъ бы ему, онъ бы разбранилъ меня во всякомъ случаѣ. А между тѣмъ онъ стоялъ сзади и пристально смотрѣлъ на меня; я смутился, конечно, и не зналъ, что мнѣ дѣлать. Я сталъ круто поворачивать судно, но въ то же мгновеніе замѣтилъ злорадный зеленоватый блескъ въ глазахъ Броуна и поспѣшилъ исправить свою ошибку. Затѣмъ я сдѣлалъ поворотъ нѣсколько выше, чѣмъ слѣдовало, но и эту оплошность во-время поправилъ; потомъ я сдѣлалъ еще нѣсколько ошибокъ, но мнѣ во-время удалась ихъ исправить. Наконецъ я такъ измучился и усталъ отъ этого нервнаго на-

пряженія, что перестал отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и сдѣлалъ очень крупный промахъ; я далъ судну спуститься слишкомъ низко, прежде чѣмъ успѣлъ начать заворотъ руля.

Броунъ торжествовалъ!

Онъ весь покраснѣлъ отъ злобы. Однимъ прыжкомъ подскочилъ ко мнѣ, схватилъ за руку и отбросилъ въ сторону, потомъ самъ повернулъ колесо и разразился страшными ругательствами. Чего только я ни наслушался въ этотъ разъ. Какіе страшные неслыханные эпитеты летѣли по моему адресу. Раза два я уже ждалъ, что онъ начнетъ сыпать проклятія. Но онъ воздерживался отъ проклятій; считалъ ихъ грѣхомъ, за который придется отвѣтить въ будущей жизни и, быть-можетъ, попасть въ геенну огненную, во власть сатаны!

Это была невозможная, страшная сцена!

Улегшись въ постель, я мысленно убивалъ Броуна семнадцатью различными способами.

XIX.

Броунъ и я обмѣниваемся любезностями.

Послѣ этого мы совершили съ нимъ еще два рейса. Во время третьей поѣздки я находился въ сильномъ безпокойствѣ. Броунъ правилъ рулемъ, а я стоялъ у колеса, чтобы помогать ему. Мой младшій братъ Генри вышелъ на верхнюю палубу и крикнулъ Броуну, чтобы онъ причалилъ къ берегу, согласно приказанію капитана. Но, вѣроятно, Броунъ не слыхалъ его словъ по случаю сильнаго вѣтра, да къ тому же онъ былъ немного глуховатъ (хотя никогда въ этомъ не сознавался); разумѣется, если бы у меня было двѣ головы, я повторилъ бы ему слова брата, но у меня она всего одна, и я не рѣшился промолвить ни слова.

Мы проѣхали то мѣсто, гдѣ надо было причалить.

Капитанъ Клинфельтеръ вышелъ на палубу и спросилъ:

— Что же вы не поворачиваете, сэръ? Развѣ Генри вамъ ничего не передавалъ?

— Ничего, сэръ.

— Какъ? А я посылалъ его, чтобы онъ сказалъ вамъ.

— Онъ ничего не сказалъ, — повторилъ Броунъ.

— А вы слышали приказъ? — спросилъ меня капитанъ.

Мнѣ, конечно, не хотѣлось вмѣшиваться въ это дѣло, но уклониться отъ отвѣта было уже нельзя.

— Да, сэръ, — отвѣчалъ я.

Я зналъ, что Броунъ возразитъ на это.

— Зажмите ротъ! — закричалъ онъ яростно. — Вы не могли слышать ничего подобнаго.

Я послушался и закрылъ ротъ.

Черезъ нѣсколько времени братъ Генри вошелъ въ лоцманскую каюту. Это былъ добрый, безобидный мальчикъ, и мнѣ стало жаль его при мысли, что Броунъ заклюетъ его безъ жалости.

Броунъ набросился на него.

— Эй, вы! Что вы не сказали мнѣ, что надо причалить въ плантаціи?

— Я сказалъ, сэръ.

— Вы лжете! — воскликнулъ Броунъ, приходя въ ярость.

— Вы сами лжете! — крикнулъ я, выходя изъ себя. — Онъ сказалъ вамъ, что надо остановиться.

Броунъ былъ такъ пораженъ моимъ неожиданнымъ и дерзкимъ заступничествомъ, что въ первую минуту не могъ произнести ни слова. Но потомъ онъ опомнился и закричалъ:

— Вонъ отсюда! И вы также убирайтесь!

По лоцманскому уставу я долженъ былъ повиноваться. Генри повернулся къ двери и хотѣлъ выйти, но въ эту минуту Броунъ схватилъ огромный, тяжелый кусокъ угля и замахнулся на него.

Я былъ такъ возмущенъ этимъ, что, не помня себя отъ негодованія, схватилъ стулъ и ударилъ имъ Броуна съ такой силой, что тотъ растянулся на полу.

Я совершилъ страшное преступленіе. Нанести оскорбленіе лоцману во время исполненія имъ служебныхъ обязанностей,— это было неслыханно, и меня ожидала ужасная кара, какъ преступника. Но я уже не владѣлъ собой и, подбѣжавъ къ лежавшему на полу Броуну, сталъ колотить его, не помня себя отъ злобы. Уже не знаю, долго ли это продолжалось, вѣроятно, мнѣ показалось это дольше, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Я облегчилъ мое накипѣвшее сердце и наконецъ оставилъ его въ покоѣ. Онъ вскочилъ на ноги и бросился къ колесу. Все время, пока мы дрались, пароходъ летѣлъ на всѣхъ парахъ съ быстротой пятнадцати миль въ часъ. Къ счастью, Орлиный узелъ былъ свободенъ на протяженіи двухъ миль, и никакого несчастья не произошло. Мы счастливо отдѣлались, такъ какъ пароходъ могъ налетѣть на рифъ и разбиться вдребезги.

Броунъ бѣглымъ взоромъ осмотрѣлъ судно и, увидавъ, что опасности нѣтъ, взялъ подзорную трубу и велѣлъ мнѣ выйти изъ каюты лоцмана. Но я уже не обращалъ на него вниманія

и не боялся его; я не послушался и не удалился, а началъ иронически критиковать его произношеніе и строй рѣчи. Онъ былъ родомъ изъ Пенсильваніи, и я доказывалъ ему прелести чистаго англійскаго нарѣчія въ сравненіи съ пенсильванскимъ. Онъ былъ не силенъ въ подобныхъ вопросахъ и не поддержалъ этого спора, хотя его оригинальный говоръ также не лишенъ былъ своеобразной прелести, особенно когда дѣло касалось разныхъ ругательствъ: тутъ онъ былъ мастеръ своего дѣла. Потомъ я сѣлъ на скамью. Шумъ свалки привлекъ вниманіе экипажа; насъ окружили служащіе, и среди ихъ я замѣтилъ лицо почтеннаго капитана Клинфельтера.

„Ну, — подумалъ я, — теперь я пропалъ; онъ не проститъ мнѣ этой продѣлки“.

Я зналъ, что капитанъ былъ добрѣйшій старикъ и относился къ намъ, какъ добрый отецъ, но все-таки мое преступленіе было уже слишкомъ серьезно, чтобы я могъ надѣяться на снисхожденіе.

Я сталъ соображать, что меня теперь ожидаетъ, какая кара должна постигнуть лоцманскаго ученика, затѣявшаго драку съ лоцманомъ, своимъ начальникомъ, въ то самое время, когда судно, нагруженное товаромъ и пассажирами, несется черезъ рифы и мели съ страшной быстротой, никѣмъ не управляемое. Я такъ боялся наказанія, что рѣшилъ при первой остановкѣ выйти на берегъ и ускользнуть. Я уже вышелъ изъ лоцманской рубки, чтобы спрятаться гдѣ-нибудь, но въ эту минуту услыхалъ голосъ капитана: онъ звалъ меня къ себѣ.

— Идите за мной, — проговорилъ старикъ.

Онъ привелъ меня въ свою каюту, и мы остались одни, глазъ на глазъ. Онъ сѣлъ на кресло, а я стоялъ передъ нимъ. Устремивъ на меня пристальный взоръ, онъ спросилъ:

— Вы прибили мистера Броуна?

Я смиренно и тихо отвѣчалъ:

— Да, сэръ.

— Вы знаете, что это очень серьезный проступокъ?

— Да, сэръ.

— Вы знаете, что судно неслось внизъ по теченію, черезъ мели и рифы, и цѣлыхъ пять минутъ никто не управлялъ имъ?

— Да, сэръ.

— Вы первый ударили его?

— Да, сэръ.

— Чѣмъ вы ударили?

— Стуломъ, сэръ.

— И сильно ударили?

— Порядочно, сэръ.

— Вы повалили его на полъ?

— Да, сэръ, онъ упалъ.

— И вы продолжали бить его? Вы сдѣлали что-нибудь послѣ этого?

— Да, сэръ.

— Что же вы дѣлали?

— Я колотилъ его, сэръ.

— Колотили его?

— Да, сэръ.

— Какъ вы колотили? Сильно?

— Да, пожалуй, что и сильно, сэръ.

— Ну, я очень радъ этому, чертовски радъ! — воскликнулъ капитанъ. — Только никому не говорите, что я сейчасъ сказалъ. Вы совершили важный проступокъ, вы могли бы отплатить ему тамъ, на сушѣ, а не на суднѣ. Теперь можете итти да никому не передавайте объ этомъ. Не забывайте, что вы совершили тяжкій проступокъ.

Я былъ очень доволенъ, что отдѣлался такъ легко. Когда я затворилъ за собой дверь капитанской каюты, то слышалъ, какъ капитанъ ударилъ себя руками по колѣнямъ и засмѣялся.

Броунъ, кончивъ свою вахту, подошелъ къ капитану, разговаривавшему въ это время съ пассажирами, и высказалъ свое нежеланіе служить вмѣстѣ со мною, прося высадить меня на берегъ въ Новомъ Орлеанѣ.

— Я не буду управлять рулемъ, пока этотъ мальчишка находится на суднѣ.

— Вы можете не встрѣчаться съ нимъ; когда вы будете на вахтѣ, онъ не будетъ дежурить, — отвѣчалъ старикъ.

— Но я вовсе не желаю съ нимъ служить; или пусть онъ уйдетъ, или я уйду.

— Никто вамъ не мѣшаетъ сдѣлать это, — отвѣчалъ капитанъ. — Лучше ужъ вы удалитесь, если такъ.

И послѣ этого старикъ продолжалъ свой разговоръ съ пассажирами.

До Новаго Орлеана было недалеко. Остальное время съ этого мгновенія я чувствовалъ себя, какъ отпущенный на свободу невольникъ. Когда мы причаливали и останавливались въ разныхъ пунктахъ, я слушая, какъ Джорджъ Айлеръ игралъ на флейтѣ или какъ онъ читалъ вслухъ Гольдсмита и Шекспира, которыхъ онъ уважалъ, какъ святыню, какъ Библію. Иногда мы играли съ нимъ въ шахматы, и я могъ бы обыграть его не разъ, если бы у него не было привычки брать обратно свой ходъ и дѣлать новый, что совершенно измѣняло исходъ партіи.

XX.

Въ Новомъ Орлеанѣ мы пробыли трое сутокъ, но капитану не удалось подыскать другого лоцмана, чтобы замѣнить Броуна, поэтому онъ предложилъ мнѣ помѣняться съ Айлеромъ, т.-е. чтобы я дежурилъ днемъ, самостоятельно правя судномъ, а Айлеръ — ночью; но я не рѣшился взять на себя такое отвѣтственное дѣло, не чувствуя себя достаточно опытнымъ, поэтому Броунъ остался попрежнему лоцманомъ „Пенсильваніи", а я долженъ былъ удалиться на другое судно. Капитанъ далъ мнѣ рекомендацію къ капитану парохода „А. Т. Лэси", который шелъ въ Сенъ-Луи, съ тѣмъ, чтобы потомъ обратно взять меня къ себѣ, на „Пенсильванію", когда Броунъ будетъ замѣненъ новымъ лоцманомъ.

Накануне отплытія „Пенсильваніи", мы съ братомъ Генри сидѣли ночью и долго разговаривали о разныхъ крушеніяхъ; странно, что мы коснулись этой темы, которой раньше не касались никогда. Мы и не подозрѣвали, что одному изъ насъ грозитъ такая страшная катастрофа, намъ это и въ голову не приходило. На пароходѣ образовалась течь, которая могла имѣть гибельныя послѣдствія, но они должны были обнаружиться только съ теченіемъ времени, когда настанетъ роковой моментъ.

„Лэси" отчалилъ отъ берега черезъ два дня послѣ отхода „Пенсильваніи", а еще черезъ два дня мы причаливали къ Гринвиллю, а въ это время кто-то воскликнулъ въ топкѣ:

— „Пенсильванія" сгорѣла при „Корабельномъ островѣ", и погибло пятьдесятъ человѣкъ.

Вечеромъ въ тотъ же день въ пунктѣ „Наполеонъ" (въ Арканзасѣ) вышли добавочныя телеграммы при одной мемфисской газетѣ, и тамъ были упомянуты подробности крушенія. О моемъ братѣ также упомянулось: было сказано, что онъ не пострадалъ.

Плывя внизъ по рѣкѣ, мы получили еще добавочное свѣдѣніе. Въ газетѣ говорилось о моемъ братѣ, будто онъ раненъ и состояніе его безнадежно. Подробныя свѣдѣнія мы получили уже только въ Мемфисѣ. Это была очень грустная исторія.

Было шесть часовъ утра; день былъ жаркій. „Пенсильванія" тихо двигалась по рѣкѣ, придерживаясь направленія въ сторону отъ Читъ-Айлэнда (Корабельнаго острова), миль на шесть пониже Мемфиса. Судно шло съ половинной скоростью и тянуло на буксирѣ за собою большой плотъ съ лѣсомъ, хотя, впрочемъ, лѣсъ былъ уже почти весь выгруженъ, и плотъ

былъ почти пустъ. Джорджъ Айлеръ сидѣлъ въ лоцманской каютѣ и былъ, повидимому, одинъ въ эту минуту. Второй машинистъ съ кочегаромъ были въ машинномъ отдѣленіи. Джорджъ Блэкъ, мистеръ Вудъ, мой братъ и остальные юнги спали въ это время, а также и пароходный плотникъ, машинистъ и штурманъ. Капитанъ Клинфельтеръ сидѣлъ въ парикмахерской комнатѣ, и цырюльникъ собирался брить его. Пассажиры большею частью были въ своихъ каютахъ и спали, хотя нѣкоторые уже проснулись. Видя, что плотъ, который они тянули на буксирѣ, почти пустъ, Айлеръ распорядился пустить усиленный паръ и итти полнымъ ходомъ... Вдругъ изъ восьми бывшихъ на суднѣ котловъ лопнуло четыре, произошелъ страшный оглушительный взрывъ и трескъ, по крайней мѣрѣ, вся передняя треть судна взлетѣла на воздухъ и снова, съ трескомъ и громомъ, обрушилась внизъ на палубу, превратившись въ безформенную массу какого-то мусора и обломковъ... Черезъ минуту судно вспыхнуло!..

Пассажировъ сила взрыва отбросила въ сторону, многіе попадали въ воду, въ числѣ ихъ былъ мистеръ Вудъ, мой братъ Генри и плотникъ. Плотника отбросило и повалило на матрацъ и вмѣстѣ съ матрацемъ отнесло на семьдесятъ пять футовъ отъ судна, въ воду. О лоцманѣ Броунѣ и Джорджѣ Блэкѣ, главномъ юнгѣ, не было ничего извѣстно. Въ парикмахерской осталось кресло съ сидящимъ на немъ Клинфельтромъ, который не получилъ никакого поврежденія. Цюрюльникъ также не былъ раненъ: онъ былъ такъ пораженъ, что стоялъ съ бритвою въ рукѣ, не зная, что дѣлать, безсмысленно озираясь и не произнося ни слова отъ ужаса.

Джорджъ Айлеръ, видя, что трубы повреждены и летятъ кверху, понялъ, что случилось. Закрывъ лицо полами кафтана, онъ прижалъ ихъ рукой, чтобы дымъ и пары не попали ему въ носъ и въ ротъ; потомъ онъ усѣлся на котлѣ, который остался цѣлъ, а кругомъ носились облака дыма и горячаго пара. Многіе, дышавшіе этимъ паромъ, задохлись и погибли, а ему онъ не повредилъ, такъ какъ не попадалъ въ дыхательные органы. Послѣ того онъ поспѣшилъ выбраться на свѣжій воздухъ; когда паръ и дымъ нѣсколько разсѣялся, онъ вернулся осторожно въ свою каюту, тамъ не торопясь собралъ свои шахматныя фигурки и отдѣльныя части флейты и вытащилъ ихъ наружу.

Между тѣмъ огонь все распространялся и охватывалъ бо̀льшее и бо̀льшее пространство. Кругомъ раздавались крики, стоны, мольбы о помощи; одни были обварены кипяткомъ и паромъ, другіе задавлены обломками снастей. Тутъ, между прочимъ,

погибъ одинъ пасторъ, а также молодой человѣкъ лѣтъ пятнадцати, сынъ французскаго адмирала. Оба штурмана хотя также были обварены, но оставались на мѣстахъ. Потомъ они пододвинули къ пароходу плотъ изъ-подъ бревенъ и начали переносить на него раненыхъ; такимъ образомъ капитанъ съ помощью штурмановъ перенесъ на плотъ всѣхъ пострадавшихъ, и тамъ они были въ полной безопасности.

Когда Генри и мистеръ Вудъ упали въ воду, то сначала оба хотѣли было плыть къ берегу, такъ какъ здѣсь было недалеко, около ста ярдовъ*): Генри думалъ, что онъ не раненъ (какое непонятное заблужденіе), и потому рѣшилъ вернуться на пароходъ, чтобы помогать спасать раненыхъ. Поэтому онъ вернулся обратно, а мистеръ Вудъ поплылъ къ берегу.

Между тѣмъ пожаръ все болѣе разыгрывался, многіе изъ пострадавшихъ были придавлены обломками, досками, снастями и не могли высвободиться; они отчаянными воплями взывали о помощи. Всѣ средства къ прекращенію огня оказались тщетными, тогда матросы взяли топоры и стали рубить снасти, чтобы освободить погребенныхъ...

Но вскорѣ огонь перешелъ также и на плотъ изъ-подъ лѣса, куда были перенесены раненые; плотъ отрѣзали отъ горящаго судна, и онъ понесся внизъ, по теченію рѣки; пароходъ также плылъ вдоль по рѣкѣ, словно пылающій, подвижной костеръ. Плотъ былъ прикрѣпленъ у острова Читъ-Айланда, здѣсь эти несчастные оставались цѣлый день подъ лучами палящаго солнца, безъ медицинской помощи. Потомъ ихъ отвезли на пароходѣ въ Мемфисъ, гдѣ имъ оказали необходимую помощь. Братъ Генри въ это время лежалъ безъ сознанія. Раны его, по осмотру врача, оказались смертельными, и поэтому они занялись другими больными, еще не столь безнадежными.

Сорокъ человѣкъ пострадавшихъ положили на койки въ городской залѣ г. Мемфиса. Мемфисскія дамы, дѣвицы приходили утѣшать больныхъ, приносили цвѣты, фрукты, разные напитки, сидѣли съ ними и старались развлекать, какъ могли, заботливо за ними ухаживая. Сюда собрались почти всѣ врачи Мемфиса, студенты-медики дежурили при больныхъ по очереди. Граждане прислали деньги на содержаніе этого временнаго госпиталя, многіе жертвовали лѣкарство, бѣлье, бинты. Подобныя крушенія случались и раньше близъ Мемфиса, и жители города уже привыкли къ нимъ и знали, какъ поступать въ такихъ случаяхъ, исполняя высокую миссію милосерднаго самарянина.

---

*) Ярдъ=шести аршинамъ и тремъ вершкамъ. *Прим. переводчика.*

Когда я вошелъ въ огромную залу, меня поразило странное зрѣлище: больные, перевязанные бинтами, лежали на койкахъ, поставленныхъ въ два ряда. Зрѣлище было тяжелое, угнетающее. Я пробылъ тамъ шесть дней...

Докторъ Пейтонъ, старшій врачъ, и въ то же время прекраснѣйшій человѣкъ, обладающій всѣми качествами души, заслужившими ему славу благороднаго и самоотверженнаго дѣятеля, старался всѣми силами спасти бѣднаго Генри. Поврежденія, полученныя имъ при крушеніи, были, дѣйствительно, смертельны, какъ было написано въ газетѣ.

На шестой день къ вечеру въ его омраченномъ умѣ витали фантастическія картины и образы, уносившіе его далеко отъ окружающей дѣйствительности... Онъ схватился за одѣяло своими безсильными, безкровными пальцами... Часъ его наступилъ... Бѣдный, бѣдный мальчикъ!..

XXI.

Перерывъ въ моей біографіи.

Когда настало время, я получилъ свидѣтельство и сдѣлался настоящимъ лоцманомъ. Жизнь моя складывалась благопріятно, не было никакихъ непріятностей; мѣста, на которыхъ я служилъ, были выгодны и удобны, и я уже былъ увѣренъ, что всю жизнь проведу на пароходахъ, правя рулемъ, катаясь вверхъ и внизъ по Миссисипи. Но когда началась война, торговля и пароходство прекратилось на время, и мнѣ пришлось остаться безъ дѣла.

Я былъ принужденъ искать другихъ средствъ къ существованію. Одно время я работалъ въ рудникахъ Сіерра-Невады, потомъ сталъ газетнымъ корреспондентомъ, потомъ опять работалъ въ розсыпяхъ Калифорніи; затѣмъ мнѣ пришлось стать странствующимъ корреспондентомъ и побывать на Сандвичевыхъ островахъ, потомъ я странствовалъ по Европѣ, побывалъ и на востокѣ. Наконецъ я сталъ писателемъ, началъ издавать книги и попалъ въ число другихъ извѣстностей въ Новой Англіи.

Такимъ образомъ вотъ въ короткихъ словахъ, что мнѣ пришлось испытать и прожить въ теченіе двадцати долгихъ медленно тянувшихся годовъ, которые прошли съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ выглядывалъ изъ окна лоцманской рубки.

Теперь я буду продолжать мою біографію.

XXII.

„Revenons à nos moutons!"

Послѣ двадцатилѣтняго отсутствія мнѣ пришло страстное желаніе снова взглянуть на эту рѣку, на пароходы и суда, на людей, съ которыми я когда-то былъ такъ хорошо знакомъ и оставилъ на такой долгій срокъ! И вотъ я рѣшился снова вернуться на Миссисипи. Для компаніи я прихватилъ съ собою попутчиковъ: стенографа и поэта; стенографъ былъ нуженъ, чтобы дѣлать замѣтки. И вотъ въ срединѣ апрѣля мѣсяца мы пустились въ путь, по направленію къ западу.

Замѣтки мои я предполагалъ напечатать когда-нибудь. При этомъ я сообразилъ, что если меня на рѣкѣ узнаютъ, то это меня значительно стѣснитъ, придется отвѣчать на всевозможные разспросы, и полной свободой я не буду уже пользоваться. Поэтому я рѣшился путешествовать инкогнито, перемѣнивъ прежнее имя. Я до сихъ поръ не могу понять, какимъ образомъ преступники, скрывающіеся подъ вымышленнымъ именемъ, могутъ легко усвоить его себѣ и почти забыть старое прозвище. Назваться какимъ-нибудь Смитомъ или Джонсомъ самое удобное потому, что эти имена попадаются на каждомъ шагу, ихъ легко запомнить, но зато эти самыя имена чрезвычайно легко забываются, и когда васъ спрашиваютъ, какъ васъ зовутъ, то въ вашемъ мозгу явится какое-нибудь другое имя, а именно то, какое нужно, вы не вспомните. Какъ удается преступникамъ удержать въ памяти свое новое имя и всегда держать его наготовѣ, — это ужъ ихъ тайна. Что касается меня, то я не совершилъ никакого преступленія, и мнѣ незачѣмъ скрываться, но если бы я былъ преступникомъ, то предпочелъ бы не носить никакой клички!

Мы вышли изъ вагона Пенсильванской желѣзной дороги въ 8 часовъ утра 18 апрѣля.

Вечеромъ. Разговоръ зашелъ о костюмахъ. Грація ихъ и живописность постепенно уменьшались по мѣрѣ удаленія отъ Нью-Йорка.

Эту замѣтку я нашелъ между моими бумагами. Въ какую бы сторону вы ни поѣхали отъ Нью-Йорка, повсюду вы замѣтите это явленіе: къ востоку ли, къ югу, или къ западу. Проснувшись утромъ и выйдя на палубу, вы можете судить о пройденномъ разстояніи по степени граціи костюмовъ, на сколько эта грація и изящество уменьшились за это время, вы замѣтите это по костюмамъ новыхъ пассажировъ. При этомъ я говорю не о женщинахъ только, но и о мужчинахъ. Эта

особенность зависитъ не отъ покроя, а отъ способа ношенія, это что-то неопредѣлимое, ускользающее отъ точнаго наблюденія. И въ провинціи вы часто встрѣтите дамъ и мужчинъ, заказывающихъ одежду у лучшихъ нью-йоркскихъ портныхъ, но опытный глазъ сразу отличитъ провинціала. У нью-йоркскихъ уроженцевъ природная грація, особый стиль, которыхъ не пріобрѣтешь и не добьешься никакимъ костюмомъ, и никакой портной не можетъ придать вамъ этой граціи.

Апрѣля 19. Нынче утромъ мы въѣхали въ страну бородатыхъ людей; нѣкоторые здѣшніе жители носятъ также усы, но лишь немногіе, и усы попадаются только случайно кое-гдѣ.

Какъ странно встрѣтить этотъ устарѣлый обычай носить бороду. Словно вы встрѣчаетесь со старымъ знакомымъ, котораго давно считали умершимъ. Борода встрѣчается на всемъ пространствѣ этой мѣстности и сопровождается удивительной, непоколебимой вѣрой въ библейскіе разсказы: жители вѣрятъ глубоко въ исторію Адама и сотворенія міра, и никакія ученыя теоріи не въ состояніи поколебать этой вѣры.

Послѣ полудня. На станціи желѣзной дороги бродяги ходятъ, заложивъ обѣ руки въ карманы брюкъ. Достойно замѣчанія, что въ другихъ мѣстахъ они иногда вынимаютъ изъ кармана одну руку, а здѣсь—никогда. Эта особенность часто мѣстная, такъ сказать географическая.

Въ другихъ мѣстахъ они часто стоятъ на одной ногѣ, почесывая ее носкомъ поднятой ноги. Здѣсь не замѣтите такой дѣятельности. Здѣшніе бродяги стоятъ неподвижно, что придаетъ имъ зловѣщій видъ.

Это важно, ибо бродяги опредѣляютъ характерную особенность мѣстности. Далѣе мы попали въ область табачныхъ плантацій. Эта область когда-то была очень обширна, а теперь значительно сократилась.

Далѣе стали попадаться пассажиры въ сапогахъ. Выше сапоги встрѣчаются рѣдко, а здѣсь, какъ общее правило. Въ другихъ округахъ Соединенныхъ Штатовъ они увязли вмѣстѣ съ грязью за ненадобностью. Надо надѣяться, что они со временемъ выведутся изъ употребленія и въ грязныхъ деревушкахъ, когда тамъ будутъ устроены хорошія чистыя мостовыя.

Въ десять часовъ вечера мы дошли до Сенъ-Луи.

Въ отелѣ я назвался вымышленнымъ именемъ, стараясь придать себѣ самый развязный видъ. Конторщикъ помолчалъ, потомъ посмотрѣлъ на меня почтительно, какъ на какую-нибудь знатную особу, и сказалъ: „Хорошо, я знаю, какое помѣщеніе вамъ потребуется!“ Такое начало не обѣщало въ перспективѣ ничего особенно пріятнаго для обманщика, скрывающагося подъ

чужой фамиліей. Спустившись въ общую залу, я встрѣтилъ тамъ двухъ старыхъ знакомыхъ. Не досадно ли, разные самозванцы, имѣющіе нужду скрывать свое имя, преспокойно странствуютъ по свѣту, а я, не совершившій ничего дурного, каждую минуту смущаюсь и боюсь, чтобы меня не узнали!

Одна подробность намъ не понравилась, а именно: пароходъ уходитъ дальше на слѣдующій день, а мы предполагали прожить въ Сенъ-Луи цѣлую недѣлю! „Южный" отель оказался хорошей гостиницей, здѣсь мы могли бы пріятно провести время и устроиться съ комфортомъ. Отель былъ довольно великъ, содержали его въ чистотѣ и порядкѣ. Украшенія весьма скромны и не рѣжутъ глазъ, какъ въ Пальмеръ-Гоузѣ (въ Чикаго). Бильярды, правда, напоминаютъ старый, допотопный періодъ, да и шары точно такъ же, но это не нарушаетъ прелести: даже пріятно полюбоваться древностями.

Въ бильярдной особенно удивило меня полное отсутствіе лоцмановъ и вообще лицъ, принадлежащихъ къ „рѣчному персоналу". Ихъ всегда можно узнать, если бы даже они приходили, переодѣвшись въ другой костюмъ; ихъ легко отличить отъ простыхъ смертныхъ по манерѣ держаться, по разговору и по баснословной расточительности. Въ былое время, когда я служилъ на пароходѣ, всѣ клубы и общественныя мѣста были наполнены судовщиками, и особенно они изобиловали въ бильярдныхъ, гдѣ изъ сотни посѣтителей, навѣрное, тридцать человѣкъ принадлежали къ рѣчному персоналу. Теперь было уже не то, и вообще судовщики уже не играли прежней выдающейся роли въ обществѣ. Прежде они обращались къ хозяевамъ, похлопывая ихъ по плечу и называли: „Билль, или Джо, или Томъ"; теперь подобная фамильярность уже была не въ модѣ. Слава лоцмановъ померкла противъ прежняго за эти двадцать лѣтъ.

Вернувшись домой, я нашелъ у себя въ комнатѣ молодого человѣка, по имени Роджерсъ. Онъ былъ очень огорченъ и хныкалъ. Его собственно звали не Роджерсомъ, да и не Декстеромъ и не Томсономъ; но онъ отзывался на любое изъ этихъ именъ, когда къ нему обращались.

Я спросилъ, о чемъ онъ горюетъ.

— Да помилуйте! Развѣ можно пить такую воду! Вѣдь это не вода, а помои, какое-то мѣсиво!

— Вы не можете это пить?

— Конечно, не могу! Я бы выпилъ, пожалуй, если бы у меня была еще подъ руками чистая вода, чтобы потомъ прополоскать ротъ послѣ этой грязи.

За мое отсутствіе составъ воды въ Миссисипи нисколько не измѣнился. И едва ли когда онъ измѣнится. Эта мутность зависитъ оттого, что въ изгибахъ рѣки происходитъ быстрое теченіе, поднимающее песокъ со дна, а земля на берегахъ обсыпается и смѣшивается съ водой. Если стаканъ съ водой отстоится, то на днѣ осядетъ мутный слой грязи, а надъ нимъ будетъ чистая вода, которую можно пить. Осадокъ на днѣ стакана можно съѣсть, такъ какъ онъ утоляетъ голодъ. Но мѣстные жители обыкновенно поглощаютъ и то и другое вмѣстѣ, не дожидаясь, пока вода отстоится. Дѣйствительно, этотъ осадокъ содержитъ очень много питательныхъ частицъ и можетъ поддерживать организмъ. Иностранцу трудно привыкнуть къ этой грязной кашѣ, къ этому мутному пойлу, но кто привыкнетъ къ нему, тотъ всегда отдастъ ему предпочтеніе передъ обыкновенной водой.

На другой день мы ѣздили по городу подъ сильнымъ дождемъ. Городъ, на мой взглядъ, мало измѣнился; впрочемъ, надо замѣтить, что здѣсь, какъ и въ Лондонѣ или Питсбургѣ перемѣны не бросаются въ глаза, такъ какъ все новое принимаетъ очень скоро старый видъ, благодаря дыму и копоти.

Городъ сильно разросся, въ немъ насчитывалось теперь до 400 тысячъ жителей. Дыма и копоти было много, какъ и прежде, но жители нисколько не жаловались, вовсе не считая это неудобствомъ; они привыкли къ этому. Теперь этотъ дымъ показался мнѣ немного рѣже, прозрачнѣе прежняго.

Если хорошенько присмотрѣться, то перемѣны найдутся, въ особенности въ архитектурѣ жилыхъ домовъ. Построено много новыхъ, красивыхъ зданій, согласно современнымъ требованіямъ.

Главная перемѣна, замѣченная мною въ городѣ,—это „Лѣсной паркъ“. Онъ былъ насажденъ самой природой, а жители только позаботились устроить дорожки, посыпавъ ихъ пескомъ. Жители Сенъ-Луи болѣе, чѣмъ остальные американцы, стараются украшать свой родной городъ.

Когда я впервые былъ здѣсь, я могъ бы купить весь Сенъ-Луи за шесть милліоновъ долларовъ, но тогда я не сдѣлалъ этого, и досадно, при видѣ разросшагося города, что я тогда не рѣшился совершить эту покупку. Но у меня были въ то время основательныя причины, препятствовавшія этой коммерческой сдѣлкѣ.

Одинъ шотландецъ, по имени Чарльзъ Августъ Муррей, писавшій о Сенъ-Луи лѣтъ 40—50 тому назадъ, говоритъ: „Улицы здѣсь узки, плохо вымощены, плохо освѣщены“. Улицы эти и до сихъ поръ узки и плохо вымощены, но освѣщеніе значительно улучшилось противъ прежняго.

Въ то время „Новая Католическая Церковь“ была лучшимъ и наиболѣе замѣтнымъ зданіемъ во всемъ городѣ. Муррей любовался этимъ классическимъ портикомъ, украшеннымъ колокольней, хотя портикъ этотъ маловатъ по своему масштабу; онъ украшенъ многочисленными орнаментами, приведшими въ восторгъ Муррея, такъ что онъ сознаетъ себя „не въ силахъ описать и изобразить его красотъ“. Одинъ нѣмецъ-туристъ, увидавъ колокольню и портикъ, воскликнулъ:

— Ба! Да это очень напоминаетъ колонки, служащія подпорками для кровати.

Муррей былъ радъ этому сравненію.

Въ настоящее время въ Сенъ-Луи множество прекрасныхъ общественныхъ зданій, и небольшая церковь, которой городскіе жители прежде такъ гордились, давно потеряла прежнее значеніе. Впрочемъ, Муррей не былъ бы пораженъ этими перемѣнами, если бы онъ вернулся въ этотъ городъ. Онъ и тогда предсказывалъ ему блестящую будущность.

По мѣрѣ того, какъ мы двигались дальше, я все болѣе приходилъ къ убѣжденію, что городъ сильно разроссся съ того времени, какъ я въ послѣдній разъ былъ здѣсь. Я замѣчалъ значительныя перемѣны въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, которыхъ я не замѣтилъ съ перваго взгляда, и эти перемѣны и улучшенія, несомнѣнно, обнаруживали прогрессъ и дѣятельность мѣстнаго населенія.

Самая существенная перемѣна коснулась гавани Сенъ-Луи. Здѣсь я ожидалъ встрѣтить множество судовъ, но нашелъ ихъ немного. Мнѣ было тяжело видѣть это; этотъ фактъ находился, очевидно, въ связи съ отсутствіемъ лоцмановъ въ мѣстныхъ бильярдныхъ; очевидно, судовщиковъ и лоцмановъ въ Сенъ-Луи было очень мало, а быть-можетъ, и вовсе не было. Поэтому и на пристани было такъ мало пароходовъ: 5 — 6 штукъ, не болѣе. Кое-гдѣ виднѣлись спавшіе на пристани негры, опьяненные „виски“; кругомъ стояла полная тишина, наводившая уныніе и тоску.

> Въ слезахъ онъ горестно шепталъ:
> „О старый, грозный, бурный валъ!
> И вы, былые корабли,
> Куда вы скрылись и ушли?..“

Буксирные пароходы, а также и желѣзнодорожное сообщеніе произвели сильное вліяніе и сдѣлали свое дѣло. Надъ нами тянулся огромный, длинный мостъ. Мостовая вдоль набережной была въ очень плохомъ состояніи, напоминая собою старый городъ. Но уже теперь я не слышалъ скрипа повозокъ, на которыхъ возили грузы на пристань, не было толпы, суеты,

движенія и уличнаго шума, какъ въ былыя времена. Прежняя жизнь словно вымерла.

Пароходство на Миссисипи началось въ 1812 году. Лѣтъ черезъ 30 достигло наибольшаго процвѣтанія, а еще черезъ 30 лѣтъ рухнуло и прекратилось. Какое крупное дѣло и какъ недолго оно существовало. Конечно, нельзя сказать, чтобы оно совершенно погибло, прекратилось, но ужъ въ сравненіи съ прежнимъ временемъ его теперешнее состояніе можно назвать ничтожнымъ, не имѣющимъ значенія; оно еще существуетъ на Миссисипи, но въ ничтожныхъ размѣрахъ, такъ что его можно назвать мертвымъ, погибшимъ.

XXIII.

Инкогнито.

Я рѣшилъ заранѣе посѣтить всѣ города, лежащіе между Новымъ Орлеаномъ и Сенъ-Луи, и для этого мнѣ приходилось дѣлать незначительные переѣзды на пакетботахъ. Прежде это было бы нетрудно выполнить, лѣтъ 20 тому назадъ, потому что тогда они ходили очень часто, а теперь промежутки между пакетботами стали чрезвычайно продолжительны, что представляло значительное неудобство.

Поѣздку свою я рѣшилъ начать со старыхъ французскихъ поселеній, а именно Святой Женевьевы и „Каскаскія", лежащихъ ниже Сенъ-Луи на шесть миль. Судно, отходившее въ эту сторону, называлось *Грэндъ Тоуэръ* („Большой Тоуэръ"); это былъ большой пакетботъ. Мы пошли взглянуть на этотъ пароходъ. Краснокожій мальчуганъ объяснилъ, что судно отправится въ путь, если будетъ достаточно груза, а въ противномъ случаѣ останется, чтобы дождаться извѣстнаго количества клади.

— Что же, имѣется ли въ виду какой-нибудь грузъ?

— Судно пришло только нынче утромъ,—отвѣчалъ мальчикъ.

Онъ не могъ сказать намъ, будетъ грузъ или нѣтъ, и когда наберется его достаточно: можетъ-быть, завтра, а можетъ-быть, и позже; этотъ отвѣтъ сильно обезкуражилъ насъ; намъ это было совсѣмъ неудобно. Потомъ оказалось, что на пристани было еще одно судно, по имени *Гольдъ Достъ*; оно должно было отчалить въ пять часовъ. Поэтому мы рѣшились взять билеты до Мемфиса, и уже отказались отъ первоначальной мысли побывать и погостить въ разныхъ пунктахъ.

Судно оказалось довольно чистымъ и удобно устроеннымъ. Купивъ нѣсколько книгъ для чтенія отъ скуки, мы усѣлись

на палубѣ. Торговецъ книгами оказался ирландцемъ. Это былъ добродушный, говорливый старикъ. Онъ объяснилъ, что живетъ въ Сенъ-Луи уже тридцать четыре года, и за все это время еще ни разу не побывалъ на противоположной сторонѣ рѣки. Разговоръ его оказался очень интереснымъ, въ немъ часто встрѣчались классическія имена. Вообще онъ былъ интереснѣе тѣхъ книгъ, которыми торговалъ. Когда разговоръ случайно коснулся пива, то ирландецъ воскликнулъ:

— О, сэръ, ирландцы никогда не пьютъ его и не могутъ пить; они предпочитаютъ *виски*, такъ какъ они сами сдѣланы изъ мѣди, а мѣдь растворяется отъ пива, а отъ виски, напротивъ того, только крѣпнетъ и полируется; виски имъ полезно, а пиво — вредно.

Въ восемь часовъ мы пустились въ путь внизъ по рѣкѣ. Сначала пароходъ двигался во меракѣ, придерживаясь берега, но потомъ былъ внезапно зажженъ электрическій фонарь, который яркимъ свѣтомъ озарилъ прибрежныя строенія. Стало свѣтло, какъ днемъ. Прежде, въ мое время, этого не бывало; это было полезное нововведеніе, такъ какъ прежніе смоляные факелы страшно чадили и дымили и давали гораздо меньше свѣта. Меня поразила также быстрота, съ какой теперь налаживается траппъ; прежде для этого приходилось созывать человѣкъ двадцать пароходной прислуги; они возились очень долго, а теперь все это сооруженіе дѣлается быстро; подъемный траппъ въ одну минуту спускается внизъ, и все это производится легко двумя людьми. Мнѣ пришло въ голову, что всѣ эти приспособленія можно было бы сдѣлать и раньше, но прежде этого не было; понадобилось столько лѣтъ, чтобы примѣнить ихъ къ дѣлу; это показываетъ, какъ апатична, инертна человѣческая натура.

Въ два часа утра мы, наконецъ, окончательно двинулись въ путь; въ шесть часовъ мы проходили мимо Скалистаго мыса, гдѣ расположено зданіе пакгауза; зданіе это теперь полуразрушено и заброшено. Вокругъ него я замѣтилъ 2—3 жилыхъ строенія; вообще здѣсь очень мало признаковъ жизни. Я удивился, что это мѣсто рѣки совершенно незнакомо для меня. Не можетъ быть, чтобы я забылъ окрестныя побережья. Форма берега вовсе не соотвѣтствовала тому, какъ я себѣ ее представлялъ. Это очень удивило меня и опечалило.

Здѣсь съ нашего судна высадился на берегъ одинъ щеголеватый джентльменъ и леди, а съ ними двѣ барышни, весьма изящно одѣтыя; при нихъ было нѣсколько саквояжей изъ русской кожи.

Меня удивило, что такіе состоятельные, свѣтскіе люди высаживаются въ такомъ глухомъ мѣстѣ; здѣсь не было ни ка-

реты, никакого другого экипажа, и имъ пришлось пробираться пѣшкомъ по извилистому проселку.

Но вскорѣ мое недоумѣніе разсѣялось. Оказалось, что эта свѣтская компанія возвращалась въ большой городъ, лежащій неподалеку отъ рѣки, въ нѣсколькихъ миляхъ. Но припомнить имя этого города я также не могъ, и это меня также огорчило и раздосадовало. Потомъ я подумалъ, что это, должно-быть, Сенъ-Женевьевъ, и догадка моя оправдалась.

Вотъ что сдѣлала эта странная, своенравная рѣка: она соорудила громадныя насыпи передъ самымъ городомъ, — насыпи ни для кого ненужныя, и онѣ разобщили его съ рѣкой, такъ что отнынѣ онъ сталъ сухопутнымъ городомъ. А между тѣмъ онъ могъ бы процвѣтать и имѣть большое торговое значеніе, находясь на побережьѣ. Здѣсь жили французы, и его часто посѣщали всѣ путешественники, ѣздившіе отъ Квебека до устья Миссисипи; при этомъ они продолжали оставаться на французской территоріи подъ защитой родныхъ законовъ.

Потомъ я вошелъ на верхнюю палубу и взглянулъ на лоцманскую рубку.

XXIV.

Мое инкогнито обнаруживается.

Пристально всмотрѣвшись въ лицо сидѣвшаго на вахтѣ лоцмана, я вполнѣ успокоился: онъ былъ мнѣ совершенно незнакомъ и поэтому не могъ знать меня. А между тѣмъ, пока я его разсматривалъ, онъ такъ же пристально смотрѣлъ на меня. Послѣ этого предварительнаго осмотра я сѣлъ на скамейку, а онъ продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ.

Все, что было въ лоцманской каютѣ, было мнѣ очень хорошо знакомо, кромѣ трубы съ расширеннымъ устьемъ, помѣщавшейся на особой стойкѣ.

Осмотрѣвъ ее внимательно, я спросилъ, что это значитъ, и какое ея назначеніе?

— А это для того, чтобы лучше слышались звонки изъ машиннаго отдѣленія.

Приспособленіе это было, дѣйствительно, удобно, и я опять подумалъ, что напрасно раньше никто не догадался устроить его.

Пока я размышлялъ объ этомъ, лоцманъ обратился ко мнѣ и спросилъ:

— А какъ бы вы думали, для чего устроенъ этотъ канатъ?

Я постарался уклониться отъ прямого отвѣта, чтобы не выдать свое инкогнито.

— Вы въ первый разъ попали въ лоцманскую каюту?— спросилъ онъ.

Я опять отвѣчалъ уклончиво:

— А вы откуда?

— Изъ Новой Англіи.

— Вы въ первый разъ попали на Западъ?

Я постарался опять избѣжать прямого отвѣта.

— Если вамъ интересно,—продолжалъ онъ,—то я могу вамъ объяснить назначеніе всѣхъ этихъ предметовъ.

Я сказалъ, что буду очень радъ.

— Вотъ эти,—сказалъ онъ, указывая на канаты,—служатъ для того, чтобы подать сигналъ въ случаѣ пожара; а это— шнурокъ къ звонку, если надо позвать капитана. Такимъ образомъ онъ разсказалъ всѣ подробности, не упустивъ случая и переврать кое-что и прибавить отъ себя.

Я съ чувствомъ поблагодарилъ его за сообщенныя имъ подробности и занесъ въ свою памятную книжку. Онъ былъ такъ тронутъ этимъ, что продолжалъ выгружать свои свѣдѣнія и сообщать ихъ мнѣ. Потомъ я уже сталъ бояться, какъ бы онъ не прервалъ нить своихъ измышленій, но онъ все продолжалъ и продолжалъ въ томъ же духѣ. Такимъ образомъ онъ коснулся, наконецъ, необыкновенныхъ диковинокъ, которыя можно встрѣтить на рѣкѣ.

— Вотъ видите, — сказалъ онъ, между прочимъ, указывая на холмъ, выдававшійся изъ воды, это остатокъ скалы; когда я впервые проходилъ это мѣсто,—тутъ былъ высокій утесъ, футовъ въ шестьдесятъ высоты и въ двѣ мили длиною! А теперь его смыло водой.

При этихъ словахъ онъ тяжело вздохнулъ.

Мнѣ очень хотѣлось обличить его во лжи и сконфузить, но я удержался до болѣе удобнаго случая; мнѣ казалось, что обличить его просто—этого слишкомъ мало, онъ не заслуживаетъ такого снисхожденія.

Когда мимо насъ проѣхалъ старый плотъ, довольно страшнаго вида, похожій на ящикъ, мой лоцманъ обратилъ на него мое вниманіе, показывая, впрочемъ, видъ, что для него такое явленіе не представляетъ ничего новаго:

— Это ящикъ для алигаторовъ!—сказалъ онъ.

— Для алигаторовъ? Какое же его назначеніе?

— Для ловли крокодиловъ, алигаторовъ,—повторилъ онъ.

— Развѣ ихъ такъ много на рѣкѣ?

— Да, прежде было не мало! Но теперь ихъ сплавили туда, ближе къ устью, хотя, впрочемъ, и теперь еще они попадаются въ своихъ излюбленныхъ мѣстечкахъ, особенно при мел-

ководіи, напр., при Плумъ-Пунктѣ, при островѣ *Стэкъ*, да и въ другихъ мѣстахъ: ихъ такъ и называютъ алигаторскими колоніями.

— Неужели они препятствуютъ судоходству? — продолжалъ я свои разспросы.

— Да, въ прежнее время сильно препятствовали, особенно при низкой водѣ; почти каждый разъ приходилось имѣть съ ними дѣло.

Мнѣ казалось, что настало время обличить его, но я опять удержался и сказалъ:

— А вѣдь это, должно-быть, довольно-таки страшно!

— Да. Для лоцмана это препепріятная штука, доложу вамъ! Эти проклятые алигаторы мѣшаютъ намъ чертовски. Они постоянно плаваютъ вокругъ, не любятъ лежать на мѣстѣ. Любой рифъ вы легко можете узнать по наружнымъ очертаніямъ даже издали: песчаный рифъ, или наносный, или какой тамъ хотите, а крокодиловый рифъ ни за что не отличить. Да и лоцмановъ-то такихъ мало, которые могутъ сразу опредѣлить и узнать близость алигаторовъ. Для этого необходимо обладать особымъ чутьемъ, талантомъ, и *научить* этому положительно невозможно. Вотъ кто изъ нихъ обладаетъ этимъ чутьемъ, я вамъ могу назвать: Бернъ Торнбургъ, Дэкъ Джолли, Сквайръ Белль, Горасъ Биксби, Маджоръ Доунингъ, Джорджъ Айлеръ, всѣ они, можно сказать, крокодильные лоцманы перваго сорта! Они могутъ вамъ издали указать на алигатора, они „чуютъ“ его, какъ всякій христіанинъ чуетъ запахъ *виски*. Желалъ бы я, чтобы у меня было столько долларовъ, сколько алигаторовъ они могутъ *учуять* на разстояніи полутора мили! За это искусство имъ платятъ хорошее жалованіе, долларовъ по пятисотъ въ мѣсяцъ. Изъ-за крокодиловъ иной разъ простоишь на мѣстѣ всю ночь; а эти лоцманы, о которыхъ я упомянулъ, нисколько не затрудняются присутствіемъ крокодиловъ, они не обращаютъ на нихъ никакого вниманія; ихъ ничто не остановитъ, они опасаются только тумана! А крокодилы для нихъ пустое дѣло.

— Но я думаю, — сказалъ я, — истребить ихъ трудно: прогонятъ ихъ отсюда, а они явятся въ другомъ мѣстѣ, а потомъ опять могутъ вернуться на прежнія любимыя мѣста.

— Если бы вы были такъ же опытны, какъ я по этой части, то вы бы этого не сказали! Какъ только алигаторовъ начнутъ ловить и истреблять, они тотчасъ исчезаютъ и больше уже не возвращаются на старыя мѣста. Надо вамъ сказать, что ихъ не только разгоняютъ, но и ловятъ и отправляютъ въ Новый Орлеанъ, а правительство извлекаетъ изъ нихъ пользу!

— Что же изъ нихъ дѣлаютъ?

— Изъ крокодиловой кожи изготовляютъ сапоги для арміи, сэръ; такимъ образомъ и крокодилы не мѣшаютъ судоходству, да и солдатики наши получаютъ хорошую, прочную обувь! Ловля крокодиловъ находится въ рукахъ казны, это правительственная монополія, такъ что крокодилы считаются собственностью казны; вы можете, пожалуй, срубить дерево и заплатите за это штрафъ, а если убьете крокодила, то совершаете этимъ государственное преступленіе и можете жестоко поплатиться за него. Хороша демократія! Какъ вамъ это понравится!

— Случается ли, что отъ крокодиловъ бываютъ несчастія?

— Уже давно, сэръ, не было несчастныхъ случаевъ.

— Такъ зачѣмъ же существуютъ *крокодильныя суда*?

— Ради полицейскаго надзора, и больше ничего. Полицейскіе надзиратели ѣздятъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ. Но крокодилы *чуютъ* приближеніе такого судна, какъ бродяга чуетъ близость полисмена. Какъ только они видятъ, что судно приближается, такъ сейчасъ скрываются, спѣшатъ удрать въ прибрежные тростники и лѣса.

Покончивъ эти подробности о жизни крокодиловъ, онъ коснулся историческихъ фактовъ изъ былого времени и сообщилъ нѣсколько случаевъ, происшедшихъ на знакомыхъ ему судахъ; на нѣкоторыхъ подробностяхъ онъ останавливался съ особенной любовью и съ удовольствіемъ сообщалъ свѣдѣнія о своихъ любимыхъ пароходахъ.

— Я былъ лоцманомъ на пароходѣ „Циклонъ“! Въ этотъ разъ онъ совершалъ свой послѣдній рейсъ, потомъ онъ погибъ во время крушенія; капитанъ на немъ былъ Томъ Баллу, самый знаменитый, можно сказать, безсмертный лгунъ, какого я когда-либо знавалъ! Онъ ни о чемъ не могъ говорить, чтобы не соврать! Его привычка въ лжи приводила въ недоумѣніе и наводила ужасъ! Наконецъ я ушелъ отъ него, мнѣ это стало невыносимо. Пословица говоритъ: „Каковъ попъ, таковъ и приходъ *)“, и если бы служили подъ начальствомъ такого человѣка, то и на васъ падаетъ подозрѣніе, что и вы подобны ему! Это такъ же вѣрно, какъ то, что мы съ вами сидимъ здѣсь и разговариваемъ! Жалованіе полагалось хорошее, но я рѣшилъ, что жалованіе вещь не важная, если можетъ пострадать репутація, — добрая слава дороже всякаго жалованія! Я ушелъ, и мнѣ не пришлось жалѣть объ этомъ. Нѣтъ ничего

*) „Like master—like man“, буквально: каковъ хозяинъ, таковы и служащіе. *Прим. переводчика.*

дороже доброй молвы! Не такъ ли? Нашъ капитанъ былъ страшный эгоистъ, его эгоизма хватило бы на семерыхъ, и весь этотъ эгоизмъ гнѣздился въ его черепѣ; онъ оттягивалъ его затылокъ назадъ, такъ что капитанъ всегда поднималъ носъ кверху.

„Иные думали, что это отъ тщеславія, но я увѣренъ, что это происходило отъ лукавства и хитрости.

„Если бы вы взглянули на его ноги, то подумали бы, что въ немъ девятнадцать футовъ роста, но этого на самомъ дѣлѣ не было. Если бы ноги его были созданы раньше остального тѣла, то, дѣйствительно, пропорціонально ногамъ, онъ долженъ бы быть девятнадцати футовъ вышины, но этого не было; онъ былъ ростомъ только въ пять футовъ и десять дюймовъ. Таковъ онъ былъ, таковъ и остался. Если бы у него отнять его лживость, то онъ оказался бы не выше вашей шляпы!

„Отнимите у него лукавство,—и отъ него ужъ вовсе ничего не останется! Нашъ пароходъ „Циклонъ" былъ очень легокъ на ходу и превосходно слушался руля, это было самое легкое и послушное судно, когда-либо сидѣвшее въ водѣ. Поставьте его посреди рѣки въ половодье, и пустите на произволъ, оно само пойдетъ какъ слѣдуетъ, имъ не надо было даже править. Править имъ было такъ же легко, какъ вести счетъ голосовъ республиканцевъ на выборахъ въ Южной Королинѣ. Однажды раннимъ утромъ, на разсвѣтѣ, это было во время послѣдняго рейса, который совершалъ „Циклонъ", руль былъ снятъ, его отдали въ починку, а я ничего и не зналъ объ этомъ; мы отчалили отъ дровяного склада, я направилъ пароходъ внизъ по рѣкѣ совершенно спокойно. Когда мы прошли двадцать три мили и прошли четыре извилины...

— Какъ!—перебилъ я его.—Безъ руля!?.

— Ну да! Безъ руля! Старый капитанъ Томъ пришелъ и говоритъ, что напрасно я ѣду въ такую темную ночь...

— Въ темную ночь?—снова перебилъ я.—Какъ же вы сейчасъ говорили...

— Мало ли, что я говорилъ! Да, да! было темно, словно насъ окружила „тьма египетская", хотя вскорѣ взошла луна...

— Или вѣрнѣе солнце,—подсказалъ я.—Вѣдь вы вышли на разсвѣтѣ. Это было раньше вашего ухода отъ капитана за то, что онъ любилъ лгать?

— Да, раньше, задолго до моего ухода.

— Но въ этотъ рейсъ судно погибло, какъ вы сказали?

— О, нѣтъ, это случилось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

— Значитъ, судно сдѣлало *два* послѣднихъ рейса, такъ какъ вы говорили...

Тогда онъ отошелъ отъ рулевого колеса, тяжело перевелъ дыханіе и сказалъ:

— Послушайте (и при этомъ онъ назвалъ меня настоящимъ именемъ), возьмите-ка руль и успокойтесь!.. Вы хотѣли разыграть роль чужеземца и наивнаго простака. А я сейчасъ же узналъ васъ, еще не успѣли вы сказать нѣсколькихъ словъ. Только я не могъ понять, къ чему вамъ скрываться! Вы хотѣли заставить меня высказаться, а я васъ перехитрилъ и самъ заставилъ васъ обнаружить свою настоящую спеціальность! Возьмитесь за колеса, да впередъ старайтесь получше играть вашу роль, а не то вамъ придется работать за лоцмана!

Такимъ образомъ окончилось мое инкогнито! Это случилось за шесть часовъ до прибытія въ Сенъ-Луи! Впрочемъ, я не особенно досадовалъ: мнѣ уже давно, съ самаго начала поѣздки, хотѣлось взяться за руль. Тутъ я убѣдился, что если я забылъ рѣку, то не отвыкъ управлять рулемъ. И эта работа доставила мнѣ большое удовольствіе!

XXV.

Отъ Каира до Гекмана.

Вся мѣстность, по которой приходится проѣзжать отъ Сенъ-Луи до Каира, чрезвычайно живописна и отличается разнообразіемъ видовъ. Она простирается на двѣсти миль. Съ палубы парохода вы невольно любуетесь красивыми пейзажами и зелеными, цвѣтущими лугами. Путешествіе началось благополучно, солнечная, ясная погода вполнѣ благопріятствовала намъ, а вѣтерокъ подгонялъ наше судно.

На берегу мы видѣли издали желѣзнодорожную линію, ведущую въ Честеръ (Иллинойсъ). Въ Грэндъ Тоуэръ также проложена желѣзная дорога, и еще одна линія — на мысъ Жерардо.

Грэндъ Тоуэръ получилъ свое названіе оттого, что вокругъ него возвышаются скалы, напоминающія какія-то башни и замки (*Tower*—значитъ *башня)*; это самая живописная мѣстность на всемъ этомъ пути. Недалеко отъ Тоуэра высится *Чортова печь*—огромная скала, которая названа такъ, вѣроятно, потому, что похожа на что угодно, между прочимъ, пожалуй, и на печь. Есть также Чортовъ столъ. Эта скала отличается плоской, гладкой вершиной, на которой возвышается камень, напоминающій бокалъ по своей формѣ. Эта скала возвышается на пятьдесятъ или шестьдесятъ футовъ надъ уровнемъ рѣки. Рядомъ съ ней лежитъ глубокая пропасть, украшенная цвѣ-

тами, кустарниками и цѣлыми гирляндами цвѣтовъ. Плоская поверхность напоминаетъ дѣйствительно столъ, могущій служить какъ для чорта, такъ и для христіанина.

Далѣе вы встрѣчаете Чортовъ локоть, Чортовъ гипподромъ и много другихъ подобныхъ названій: всѣхъ и не припомнишь.

Грэндъ Тоуэръ былъ когда-то дѣятельнымъ, цвѣтущимъ городомъ, но онъ довольно-таки загрязнился. Мнѣ пріятно было посмотрѣть на его старинныя улицы. „Дядя Момфоръ", старшій помощникъ на нашемъ суднѣ, разсказывалъ, что этотъ городъ сильно пострадалъ отъ наводненія.

Въ городѣ, по его словамъ, приготовляютъ очень хорошую известь, самую лучшую во всемъ Западномъ краѣ, и поэтому городъ и кажется такимъ неопрятнымъ.

— Вы знаете, — прибавилъ онъ, — на фермѣ никогда нѣтъ молока, потому что весь запасъ распродается, а на сахарной плантаціи нѣтъ ни куска сахару. Такъ и здѣсь вы не найдете извести, чтобы побѣлить дома, такъ какъ ее вывозятъ.

Оба эти замѣчанія показались мнѣ совершенно справедливыми.

— Надо вамъ сказать, — прибавилъ Момфордъ, — что эти люди, обрабатывающіе известку, чрезвычайно религіозны.

Кэпъ (мысъ) Жерардо расположенъ по отлогости холма и также довольно живописенъ. Въ городѣ есть іезуитская коллегія; строеніе украшено башенками и куполомъ. По словамъ Момфорда, тамъ преподаютъ предметы очень серьезно и основательно. Была и другая школа, построенная наподобіе столоваго погребка, въ которомъ торчатъ разныя бутылочки и обѣденныя принадлежности. „Дядя Момфордъ" прибавилъ, что „городъ отличается особенно религіознымъ видомъ", но я этого положительно не нахожу. Это показываетъ, какъ легко мы видимъ подъ вліяніемъ нашей предвзятой идеи то, что намъ хочется, но чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

„Дядя Момфордъ" тридцать лѣтъ прослужилъ штурманомъ на Миссисипи. Онъ человѣкъ практическій и умный, подчиненные его любятъ; онъ справедливъ, добродушенъ и наблюдателенъ. Онъ напомнилъ мнѣ доброе старое время лоцманства. Похаживаетъ себѣ взадъ и впередъ и поругивается, восхищая сердца приверженцевъ старыхъ обычаевъ, уже теперь исчезнувшихъ безвозвратно.

— Чего вы спите! Живѣе, не копайтесь! Что же вы не сказали, что у васъ заднія ноги разбиты параличомъ!..

Онъ твердъ характеромъ, хотя кротокъ и справедливъ. Вскорѣ общество „Anchor Line" намѣрено ввести обязательный мундиръ для лоцмановъ: голубой сюртукъ съ большими пуговицами; воображаю, какъ это измѣнитъ весь внѣшній видъ!

Давно бы пора ввести форму на пароходахъ; въ былое время пассажиръ, не видя никакихъ отличительныхъ признаковъ, ошибался и принималъ капитана за повара, а лоцмана — за парикмахера. Теперь уже подобныя ошибки и недоразумѣнія немыслимы; по формѣ вы сейчасъ опредѣлите, какую должность занимаетъ данный субъектъ.

Городъ Ѳивы, расположенный въ началѣ „Грэндъ Шэнъ", не подвергся особеннымъ перемѣнамъ. Это мѣсто рѣки довольно опасное для пароходовъ. Здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаются подводные камни и скалы, затрудняющіе плаваніе; многіе пароходы нашли себѣ здѣсь могилу и покоятся на днѣ рѣки мертвымъ сномъ; въ числѣ ихъ и мой милый *Пауль Джонсъ,* на которомъ я впервые служилъ. Въ особенности здѣсь опасно проходить ночью. „Пауль Джонсъ" наткнулся на подводную скалу и пошелъ ко дну, какъ ключъ, такъ мнѣ передавалъ дядя Момфордъ. При этомъ онъ прибавилъ, что главной причиной несчастья было присутствіе на палубѣ патера и сѣрой кобылы. Такое сочетаніе чрезвычайно опасно для парохода.

— Конечно, — сказалъ онъ, — есть такіе невѣжественные, темные люди, которые ничему подобному не вѣрятъ, смѣются надъ этими примѣтами и называютъ ихъ суевѣріемъ, предразсудкомъ. Но я увѣренъ, что этимъ господамъ не случалось никогда ѣздить на пароходѣ, на которомъ помѣщается сѣрая кобыла и патеръ, иначе они не то бы заговорили. А мнѣ самому случалось. Такъ это было, я вамъ скажу, просто ужасно; мы сломали руль, чуть-чуть не потонули въ виду самаго берега, такъ что пришлось выбросить патера за бортъ. Его потомъ кое-какъ выудили и спасли. Вотъ какая исторія. Онъ, впрочемъ, потомъ сознался, что самъ былъ виноватъ во всемъ этомъ. Я помню это происшествіе такъ живо, какъ будто это случилось не далѣе, какъ вчера.

Да, подобное сочетаніе — сѣрая кобыла и патеръ-проповѣдникъ — представляетъ собою нѣчто поистинѣ фатальное; эта вѣрная примѣта и предвѣщаетъ несчастье. На первый взглядъ это, быть-можетъ, покажется страннымъ, необъяснимымъ, но этотъ фактъ подтверждается множествомъ наблюденій и свидѣтельствъ, такъ что сомнѣваться въ этомъ было бы совершенно безразсудно. Я самъ отлично помню, какъ друзья нашего капитана предупреждали его, упрашивая, чтобы онъ не бралъ на пароходъ патера и сѣрую кобылу, но онъ не послушался ихъ добрыхъ совѣтовъ, и что же бы вы думали! Въ тотъ же самый день (а можетъ-быть, и на слѣдующій, хотя, помнится, въ тотъ самый), капитанъ напился пьянъ, упалъ и

расшибся, такъ что его принесли домой замертво. Все это совершенно вѣрно.

Отъ острова Гэта теперь не осталось и слѣда. Я не помню теперь, гдѣ именно онъ помѣщался, но, кажется, между Сенъ-Луи и Каиромъ. Эта часть рѣки, около Гэта, одна изъ самыхъ опасныхъ.

Миновавъ Коммерчъ и спускаясь внизъ по теченію, я также замѣтилъ значительныя измѣненія. Домъ-Рокъ былъ когда-то у самаго берега, а теперь оказался посрединѣ рѣки. Около устья также много острововъ исчезло безслѣдно; ихъ смыло теченіемъ. Каиръ стоялъ на своемъ старомъ мѣстѣ, но пришлось его объѣхать вокругъ, чтобы причалить къ самой пристани. Приближаясь къ Каиру, едва не утопили чужой пароходъ, который не обращалъ вниманія на наши сигнальные свистки и не уступалъ намъ дорогу. Къ счастью, нашъ лоцманъ успѣлъ во-время подать знакъ, чтобы машинистъ далъ задній ходъ, и мы избѣжали опаснаго столкновенія.

Каиръ—оживленный и веселый городъ и совсѣмъ непохожъ на описаніе, сдѣланное когда-то Диккенсомъ. Здѣсь есть школы, магазины, каменные дома. Отъ Каира желѣзная дорога проложена внутрь страны. Положеніе его у двухъ рѣкъ способствуетъ процвѣтанію торговли. Утромъ слѣдующаго дня мы прошли Колумбъ, Кентукки и уже приблизились къ Гекману; этотъ красивый городокъ расположенъ на вершинѣ живописнаго холма. Здѣсь начинается область табачныхъ плантацій, и Гекманъ ведетъ обширную торговлю табакомъ. Для удобства сообщенія горожане строятъ желѣзнодорожную линію, но, по мнѣнію „дяди Момфорда“, это не достигнетъ желанной цѣли; напротивъ того, торговля табакомъ разовьется теперь по всей линіи желѣзной дороги, а прежде она вся сосредоточивалась въ самомъ Гекманѣ.

XXVI.

Подъ огнемъ.

Между прочимъ мы разговорились о войнѣ, такъ какъ въ это время наше судно вступило на ту территорію, гдѣ не такъ давно происходили военныя дѣйствія. Мы были невдалекѣ отъ города Колумба, поэтому разговоръ невольно коснулся славной битвы при Бельмонтѣ. Многіе изъ лицъ, бывшихъ въ это время на нашемъ суднѣ, были когда-то сами свидѣтелями этого грознаго событія. Одинъ изъ лоцмановъ же самъ принималъ активное участіе въ этомъ сраженіи, такъ какъ въ то время былъ лоцманомъ на пароходѣ конфедератовъ.

Мнѣ хотѣлось ознакомиться съ тѣмъ, что испытываетъ человѣкъ, когда ему впервые приходится принимать участіе въ битвѣ, хотя бы онъ былъ только зрителемъ и смотрѣлъ на кровавую драму изъ окна своей лоцманской рубки. Онъ сидитъ тамъ одиноко, вокругъ него нѣтъ ни единой души, никто не замѣтитъ, какъ онъ поблѣднѣлъ отъ страха, никто не упрекнетъ его въ малодушіи и трусости, и такимъ образомъ повѣствованіе нашего лоцмана представляло для меня живѣйшій интересъ, такъ какъ въ исторіи всегда остаются пробѣлы, и эти-то именно пробѣлы и пропуски онъ могъ дополнить своимъ разсказомъ:

Первая битва лоцмана.

Вотъ что онъ намъ разсказалъ.

Это случилось 7 ноября; битва началась въ семь часовъ утра. Я былъ лоцманомъ на суднѣ, носившемъ названіе R. H. W. Hill (Голль). Мой партнеръ (т.-е. товарищъ по управленію рулемъ) сказалъ, что пойдетъ взглянуть на сраженіе и звалъ меня вмѣстѣ съ собой. Я сказалъ, что посмотрю на битву изъ окна лоцманской рубки, тогда онъ назвалъ меня трусомъ и ушелъ.

Битва представляла страшное зрѣлище. Генералъ Чатамъ приказалъ солдатамъ снять мундиры и сложить ихъ въ кучу. Потомъ онъ крикнулъ:

— За мной, ребята! Или побѣдимъ или умремъ!

Я слышалъ эти слова, сидя въ рубкѣ. Послѣ этого генералъ Чатанъ поскакалъ впередъ, а за нимъ и весь его отрядъ. Старый, сѣдовласый генералъ Пиллоу, на бѣломъ конѣ, дрался, какъ юноша, во главѣ своихъ воиновъ. Понемногу федералисты начали тѣснить инсургентовъ; тѣ бросились бѣжать, спасаясь и ища себѣ пристанища. Я сидѣлъ на окнѣ лоцманской рубки, свѣсивъ ноги. Каждый изъ нихъ заботился только о самомъ себѣ; самъ чортъ вмѣшался въ эту битву. Вдругъ что-то просвистѣло мимо моего уха; я подумалъ, что это пуля, слѣзъ съ окна и сталъ смотрѣть, уже стоя на полу. Тотчасъ же послѣ этого ядра начали летать и свистать около меня со всѣхъ сторонъ. Три ядра попали въ машинное отдѣленіе и испортили трубу, одно ядро ударило въ уголъ крыши лоцманской рубки; кругомъ такъ и летали ядра и пули. Ужасная была минута; я уже раскаялся, зачѣмъ я пришелъ сюда, лучше бы я сидѣлъ дома. Тогда я легъ на полъ на порогѣ лоцманской каюты, а выстрѣлы становились все чаще и чаще. Тогда я проползъ дальше и спрятался за большую печь въ каютѣ. Но выстрѣлы такъ и сыпались и начали попадать въ печку, за которой я сидѣлъ; тогда я рѣшился уйти, чтобы меня не убили. Капитанъ стоялъ на палубѣ рядомъ съ однимъ майо-

ромъ изъ Мемфиса. Это была отчаянная голова: я слышалъ, какъ онъ сказалъ ему: „Лоцманъ убитъ“. Тогда я пробрался по сторонѣ старборта, вскарабкался повыше и сталъ наблюдать. Вижу, ставни окна пробиты въ пятнадцати мѣстахъ. А между тѣмъ выстрѣлы такъ и сыпались кругомъ и попадали въ воду, словно ливень. Я рѣшилъ, что лучше уйти подальше. И вотъ я спустился и опять пробрался къ двери. Тѣмъ временемъ они схватили моего партнера; смотрю, они тащатъ его къ лоцманской каютѣ, а по бокамъ два солдата. Кто-то сказалъ, что я убитъ. Тогда онъ увидалъ меня и крикнулъ: „Да вѣдь онъ не убитъ!“ Съ этими словами онъ рванулся и выскользнулъ изъ рукъ этихъ людей, которые держали его, и убѣжалъ. Мы просидѣли тамъ до трехъ часовъ пополудни и тогда только намъ удалось уйти по-добру, по-здорову.

Когда я увидалъ моего партнера, я сказалъ:

— Разскажи мнѣ всю правду по чести, по совѣсти. Гдѣ ты былъ, когда пошелъ смотрѣть на битву?

— Я былъ въ люкѣ, — отвѣчалъ онъ.

Все время я страшно боялся и трусилъ, но никто не зналъ, что я перечувствовалъ въ эти часы. Потомъ генералъ Полькъ хвалилъ меня за храбрость. Я, конечно, ничего не возражалъ ему, хотя въ душѣ подумалъ, что совсѣмъ не заслуживаю такихъ похвалъ. Пусть его остается при своемъ мнѣніи! Да и прилично ли мнѣ было возражать генералу и спорить съ нимъ!

Черезъ нѣсколько времени я заболѣлъ и поѣхалъ на *Теплыя Воды*; пока я былъ тамъ, командиры войсковыхъ частей приглашали меня къ себѣ на службу, присылали мнѣ письма. Но я уклонился отъ этихъ приглашеній, говоря, что еще не успѣлъ оправиться послѣ болѣзни. Разумѣется, я не сказалъ, что трушу, о моемъ страхѣ такъ никто и не узналъ. Такъ за мной и осталась репутація храбраго человѣка.

Эта исторія была разсказана съ полной простотой и откровенностью. Но дядя „Момфордъ“ говорилъ мнѣ, что лоцманъ вовсе не такой трусъ, какъ это можно подумать изъ его разсказа, такъ какъ дальнѣйшее его поведеніе вовсе не показываетъ, чтобы онъ былъ такъ малодушенъ.

Вскорѣ мы проѣхали мимо острова № 8. Мнѣ случилось разговориться съ однимъ пассажиромъ; это былъ представительный мужчина, съ умнымъ, интеллигентнымъ выраженіемъ лица.

Мы съ нимъ также заговорили сначала о войнѣ, а потомъ онъ разсказалъ мнѣ о семейной враждѣ, которая царитъ между сосѣдними владѣльцами въ этой мѣстности. Эта такъ назы-

ваемая *feud* напоминаетъ корсиканскую *вендетту*, *Vendetta corsa*. Нигдѣ въ другихъ мѣстностяхъ не бываетъ такой ожесточенной семейной вражды.

— У насъ, — сказалъ онъ, — такая ненависть встрѣчается на каждомъ шагу; она переходитъ изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Въ особенности ожесточенно враждовала Ватсона съ Дарнеллами. Изъ-за чего началась вражда, это никому уже теперь неизвѣстно, ни имъ самимъ, такъ какъ началась она нѣсколько поколѣній тому назадъ, давно-давно. Одни говорятъ, что предокъ Дарнелловъ поссорился съ пращуромъ Ватсоновъ изъ-за какой-то коровы, которую тотъ не хотѣлъ ему продать, другіе говорятъ—изъ-за лошади; во всякомъ случаѣ первоначальный поводъ къ враждѣ былъ самый ничтожный, пустячный, и уже, конечно, они поссорились не изъ-за денегъ, такъ какъ обѣ семьи обладаютъ огромными средствами. Болѣе шестидесяти лѣтъ тянулась эта вражда, кровь текла ручьями и съ той и съ другой стороны. Каждый годъ какой-нибудь членъ той или другой семьи платился за эту ненависть своей жизнью. При встрѣчѣ Ватсона съ кѣмъ-нибудь изъ Дарнелловъ непремѣнно происходила схватка, имѣвшая печальный исходъ; мужчины убивали мужчинъ, юношей, даже дѣтей, дѣти-подростки убивали женщинъ и такъ далѣе; взрослый мужчина убилъ въ лѣсу 12-лѣтняго мальчика изъ враждебной семьи, и онъ былъ вынужденъ такъ поступить, такъ какъ иначе тотъ самъ застрѣлилъ бы его. Обѣ семьи каждое воскресенье бывали въ церкви; въ этой мѣстности всѣ вообще жители чрезвычайно религіозны. Дарнеллы и Ватсоны принадлежали къ одному церковному приходу. Церковь была расположена такимъ образомъ, что одна ея половина, одинъ придѣлъ былъ выстроенъ на территоріи, принадлежащей штату Кентукки, а другой — на территоріи Тенесси. Каждое воскресенье обѣ враждующія семьи пріѣзжали въ церковь. Мужчины, дѣти, дамы въ праздничныхъ нарядахъ, и вотъ одна семья располагалась въ правомъ придѣлѣ, а другая—въ лѣвомъ. Мужчины и мальчики прислоняли ружья къ стѣнѣ придѣла и складывали руки съ молитвой, возносясь душой къ Престолу Всевышняго. Но одинъ изъ членовъ семьи не молился и не преклонялъ колѣнъ: онъ стоялъ настороже на случай внезапнаго нападенія. Самъ я этого не видалъ, я не бывалъ въ этомъ храмѣ, но такъ мнѣ разсказывали очевидцы.

Лѣтъ двадцать или двадцать пять тому назадъ былъ слѣдующій случай: одна изъ враждующихъ семей умертвила юношу лѣтъ девятнадцати, принадлежащаго къ другой семьѣ. Не помню навѣрное, были ли это Дарнеллы и Ватсоны, или же

двѣ другія семьи. Юноша поѣхалъ изъ дому верхомъ. Враги внезапно окружили его; тогда онъ соскочилъ съ лошади и сталъ отстрѣливаться, враги отступили, и онъ думалъ, что ранилъ кого-либо изъ нихъ. Однакоже они снова окружили его и стали тѣснить къ рѣкѣ; онъ бросился въ воду и поплылъ по теченію. Они все время стрѣляли въ него, и онъ не успѣлъ доплыть до парохода, одинъ изъ выстрѣловъ нанесъ ему смертельную рану. Я слышалъ это отъ Ванди Маршаля— капитана этого самаго парохода, на которомъ юноша думалъ спастись!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ семейство Дарнелловъ стало такъ малочисленно, что отъ него остался только старикъ и два сына; они рѣшились совсѣмъ уѣхать изъ этой мѣстности. И вотъ они собрались и стали дожидаться парохода, который долженъ былъ причалить къ этому острову. Ватсоны какимъ-то образомъ узнали про это намѣреніе и явились также въ то самое время, когда оба сына съ женами собирались сѣсть на пароходъ. Завязалась ожесточенная схватка, оба Дарнеллы были убиты. Старикъ Дарнеллъ бросился на врага и закололь его. Друзья убитаго Ватсона открыли огонь и начали стрѣлять въ старика, осыпали его градомъ пуль и покончили съ нимъ.

Провинціалъ, отъ котораго я слышалъ эти подробности, былъ, видимо, человѣкъ состоятельный, выросшій въ довольствѣ и комфортѣ; но это не мѣшало ему выражаться крайне неправильно. Конечно, это происходило не отъ невѣжества, а просто по привычкѣ. На Западѣ, среди интеллигентнаго общества, очень принято выражаться неправильно, многіе изъ этихъ провинціаловъ вставляютъ французскія слова и выраженія. Положимъ, людей правильно, грамматически пишущихъ очень немного, они всѣ болѣе или менѣе невѣжественны, но все же не до такой степени, чтобы говорить неграмотно: очевидно, это дѣлается сознательно, а не отъ недостатка познаній. Если уже образованные люди привыкаютъ къ этому, и такія выраженія не рѣжутъ имъ ухо, и они даже не замѣчаютъ этого,— то это доказываетъ, что большинство смотритъ на это снисходительно и становится совершенно равнодушнымъ, ихъ слухъ не оскорбляется подобнымъ нарушеніемъ грамматики.

Что касается мѣстности, мимо которой мы проѣзжали, то у острова № 10 сильно измѣнилась на мой взглядъ. Островъ также измѣнился и сталъ какъ будто ближе къ берегу штата Кентукки. Съ парохода видѣть его нельзя простымъ глазомъ, надо взять подзорную трубу. Во время войны онъ имѣлъ важное значеніе и былъ укрѣпленъ основательно.

Повороты и изгибы рѣки въ этой мѣстности попадаются очень часто

Новый Мадридъ имѣетъ видъ вовсе непривлекательный; здѣсь попрежнему царитъ тишина, какъ и въ мое время. Говорятъ, наводненіе 1812 года произвело большой убытокъ; меня это удивило, такъ какъ берегъ здѣсь очень высокъ,— достигаетъ пятидесяти футовъ, и наводненіе мнѣ кажется невозможнымъ. А между тѣмъ все побережье, отъ Каира до устья рѣки, было затоплено водой: рѣка разлилась на семьдесятъ миль въ ширину. Въ это время погибло много добра, были также и человѣческія жертвы. Вся жатва была затоплена и уничтожена водой, дома и постройки смыло. Люди и скотъ, оставшіеся безъ пристанища, искали убѣжища въ болѣе высокихъ мѣстахъ и въ лѣсахъ. Несчастнымъ бездомнымъ скитальцамъ пришлось перенести много нужды и страданій. Правительство и частныя лица оказали имъ поддержку и помощь.

Поля и посѣвы нѣсколько мѣсяцевъ оставались подъ водою, такъ что убытки, принесенные наводненіемъ, дѣйствительно громадны!..

XXVII.

Нѣкоторые важные матеріалы.

Подъѣзжая къ Новому Мадриду, мы встрѣтили два парохода. За разъ встрѣтить два паровыя судна—это большая рѣдкость въ наше время, такъ какъ теперь въ этомъ отношеніи на Миссисипи замѣчается большое оскудѣніе. Видъ рѣки, пустынный и мрачный, наводитъ уныніе. Передъ вами простирается безконечная пелена водъ, и только изрѣдка, время отъ времени, это однообразіе нарушается проходящими судами. Теперь Миссисипи своимъ однообразнымъ теченіемъ напоминаетъ символъ вѣчности.

Тотчасъ послѣ войны 1812 года Америку начали посѣщать европейскіе туристы, въ особенности англичане. Сначала появились отдѣльныя личности, эти туристы одинъ за другимъ, въ теченіе многихъ лѣтъ посѣщали Миссисипи, а потомъ каждый изъ нихъ издавалъ книгу, въ которой изображалъ свои впечатлѣнія. Книги были написаны правдиво, разумно, дѣльно, и доброжелательно, но высказываемые въ нихъ взгляды совершенно противорѣчили понятіямъ нашихъ предковъ, тогдашнихъ американцевъ. При первомъ взглядѣ на подобныя путевыя записки вы видите, что, по мнѣнію автора, Миссисипи не подвергалась никакимъ перемѣнамъ съ тѣхъ поръ, какъ евро-

пейцы стали посѣщать наши страны, и осталась въ прежнемъ положенiи. Замѣчательно, что производимыя этой рѣкою впечатлѣнiя были весьма различны; описать нѣсколько дѣйствительныхъ фактовъ гораздо легче, нежели правильно передать испытываемое нами впечатлѣнiе. Капитанъ Базиль Голль, писавшiй замѣтки лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, высказывается слѣдующимъ образомъ:

„Я увидалъ впервые то, что давно жаждалъ видѣть, и нахожу, что вполнѣ вознагражденъ этой чудной картиной за мое дальнее путешествiе. Я любовался рѣкой, пока не стемнѣло окончательно, такъ что предметы стали сливаться во мракѣ. Но надо посѣтить одно и то же мѣсто разъ десять, чтобы вполнѣ понять всю прелесть и величiе этой картины.

Далѣе слѣдуютъ впечатлѣнiя, описанныя мистрисъ Троллопъ. Она писала въ томъ же году, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Голля (въ 1827 г.). Вотъ что она пишетъ:

„Первымъ признакомъ нашего приближенiя къ материку было появленiе грандiознаго теченiя, цѣлаго величаваго потока, вливавшаго мутную воду въ волны Мексиканскаго залива (по которому мы плыли въ это время. Впаденiе Миссисипи въ заливъ производитъ тяжелое впечатлѣнiе; это такая удручающая и угнетающая душу картина, что если бы Данте видѣлъ ее хоть разъ въ своей жизни, то онъ воспользовался бы ею и изобразилъ свою Болджу по этому образцу. Одинокiй предметъ выдается надъ бурной поверхностью рѣки: это мачта давно потонувшаго корабля, погибшаго при переправѣ черезъ рифъ. Эта вершина мачты стоитъ одиноко, какъ нѣмая свидѣтельница крушенiя, какъ пророчица грядущихъ бѣдствiй“.

Вотъ, какъ описываетъ свои впечатлѣнiя Августъ Муррей, лѣтъ семь спустя.

„Когда вы подниметесь вверхъ по этой могучей рѣкѣ миль на 50 или на 100 отъ ея устья, и ваше воображенiе нѣсколько освоится, а также и зрѣнiе привыкнетъ къ окружающей обстановкѣ, только тогда вы поймете вполнѣ все величiе и мощь этой чудной картины! Вы поймете, что эта рѣка оплодотворяетъ своими водами безконечную равнину, унося на своихъ волнахъ трофеи своихъ безчисленныхъ побѣдъ, на ней несутся цѣлые лѣса, оторванные съ корнями отъ родной почвы, они образуютъ острова, на которыхъ со временемъ возникнутъ цѣлыя колонiи поселенцевъ. При этомъ вамъ приходитъ на мысль, что раньше, чѣмъ дойти до этого мѣста, эти воды пронеслись черезъ пространство въ 2 или 3 тысячи миль, и имъ еще предстоитъ промчаться болѣе тысячи миль, чтобы достигнуть океана!“

Далѣе, интересны также замѣтки Александра Макея.

„Миссисипи!—восклицаетъ онъ:—какое удивительное волненіе я испытывалъ, впервые попавъ на ея могучее лоно!

Какъ часто, бывало, когда я былъ еще школьникомъ, а потомъ молодымъ человѣкомъ, я мечталъ объ этой рѣкѣ, которая несется безконечнымъ бурнымъ потокомъ, среди лѣсовъ, полей, плантацій, и уноситъ въ своемъ теченіи всѣ воды, которыя вливаются въ нее, словно обильную дань океану. И вотъ теперь эта самая рѣка несется предо мною, поражая своимъ величавымъ теченіемъ, а я несусь по ней на пароходѣ! Она поражаетъ меня, какъ одно изъ самыхъ величавыхъ явленій природы!“

Лѣтъ двѣсти тому назадъ на Миссисипи пріѣхалъ путешественникъ Ла-Салль, первый изъ иностранныхъ піонеровъ, предтеча европейскихъ туристовъ; онъ проѣхалъ вдоль по рѣкѣ, руководя экспедиціей, и имя этого піонера не будетъ забыто никогда, пока существуетъ на свѣтѣ рѣка Миссисипи. Вотъ что пишетъ по этому поводу Паркманъ, одинъ изъ участниковъ экспедиціи Ла-Салля:

„Ихъ поѣздка приближалась къ концу. Шестого апрѣля рѣка развѣтвилась на три рукава, на три широкихъ русла. Ла-Салль поѣхалъ по западному рукаву, д'Отрей—по восточному, а Тонти—по среднему. Вода, отличавшаяся слегка соленымъ вкусомъ, теперь стала совершенно соленою, какъ морская, вѣтеръ сталъ крѣпчать по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ океану. Но вотъ, наконецъ, онъ достигъ громаднаго залива; это была необозримая пустынная поверхность; на ней не видно было вдали ни одного паруса, ни одного судна, словно эта масса воды отдѣлилась отъ хаотической массы и застыла въ своемъ безмолвіи“...

Ла-Салль водрузилъ колонну на сушѣ, въ память мирнаго завоеванія страны. Французы служили мессу, пѣли Te Deum laudamus („Тебя Бога хвалимъ“), Exaudiat (Господи, услыши насъ), и гимнъ: Domine, salvum fac regem, Господь, спаси и сохрани государя! А въ это время туземцы Новой Англіи и индѣйцы смотрѣли на нихъ въ нѣмомъ изумленіи...

Потомъ раздались выстрѣлы изъ мушкетовъ; путешественники громко прочли воззваніе: отъ имени короля они овладѣли этой страной и окаймляющею ее рѣкой. Отнынѣ она принадлежала французамъ. На колоннѣ была высѣчена надпись:

Людовикъ Великій, король Франціи и Наваррскаго королевства, девятаго апрѣля 1682.

Жители Новаго Орлеана хотѣли было отпраздновать въ 1882 году двухсотлѣтній юбилей этого важнаго и славнаго

событія, но имъ этого не удалось исполнить, такъ какъ необходимыя для этого торжества средства (да и энергію) пришлось истратить на болѣе существенныя нужды: какъ разъ въ это время произошло страшное наводненіе, разлившаяся рѣка затопила берега на огромное пространство и погубила множество народа, нанеся при этомъ огромные матеріальные убытки, причиняя всюду гибель и опустошеніе!..

XXVIII.

Дядя Момфордъ.

Мы плыли внизъ по рѣкѣ цѣлый день; вода стояла довольно высокая. Въ прежнія времена, когда судоходство процвѣтало, при такой высокой водѣ мы встрѣтили бы и обогнали бы множество плотовъ, да, по крайней мѣрѣ, дюжину угольныхъ барокъ, но теперь рѣка стала пустынной, мы не встрѣтили ничего подобнаго. За весь день намъ попался навстрѣчу только одинъ единственный пароходъ. Да, одинъ, — и ни болѣе ни менѣе! Онъ стоялъ въ тѣни на отдыхѣ, у лѣсистаго берега, при устьѣ рѣки Обіона; взглянувъ въ зрительную трубку, я сдѣлалъ интересное открытіе: пароходъ былъ названъ *моимъ* именемъ! Какая честь для меня! А я до сихъ поръ и не зналъ, что существуетъ судно, носящее мое имя: администрація пароходной компаніи не сообщила мнѣ объ этомъ!

Я нашелъ большую перемѣну, приближаясь къ острову № 21. Это былъ когда-то обширный островъ и лежалъ въ срединѣ теченія, а теперь онъ почти сливается съ берегомъ и уже пересталъ быть островомъ въ истинномъ значеніи этого слова.

Уже смеркалось, когда мы доѣхали до опаснаго и страшнаго Плумъ-Пункта. Но теперь онъ уже не представляетъ такой опасности, какъ прежде; на протяженіи многихъ миль рѣка освѣщена фонарями, словно городская улица, такъ что издали напоминаетъ многолюдную процессію съ факелами, длинный, безконечный *факельцугъ*. Фонари поставлены на каждомъ поворотѣ, правительство позаботилось устроить лампы, ярко освѣщающія путь. Теперь уже вамъ не приходится двигаться въ полномъ мракѣ; или впереди или сзади васъ горитъ фонарь, озаряя вашъ путь. Можно сказать даже, что тутъ слишкомъ много фонарей. Лоцману гораздо удобнѣе и легче управлять рулемъ при свѣтѣ, нежели въ полномъ мракѣ, какъ это было прежде; при этомъ соблюдается сбереженіе денегъ и времени, такъ какъ по освѣщенной рѣкѣ можешь ѣхать гораздо быстрѣе и подвергаешь пароходъ меньшему риску потерпѣть крушеніе!

Конечно, благодаря этимъ нововведеніямъ, должность лоцмана значительно потеряла прежній поэтическій характеръ, въ ней не осталось ничего романтическаго. Теперь опасности стало меньше, и поэтому и отъ лоцмана не требуется такого искусства. Прежде, бывало, ѣдешь въ темную ночь, пересѣкаешь пороги, наскакиваешь на препятствія, и у тебя все время душа не на мѣстѣ,—все время вниманіе напрягается до послѣдней степени, когда вы прокладываете себѣ путь по узкому опасному фарватеру. Ну, а теперь опасности почти никакой и нѣтъ; вы ѣдете какъ по ярко освѣщенной городской улицѣ. Горасъ Биксби и Георгъ Ритчи вдвоемъ начертили подробную карту, на которой точно обозначены всѣ извилины Миссисипи, всѣ его пороги. При этомъ они изобрѣли особую таблицу, которая даетъ ключъ къ пользованію картой, и получили патентъ на свое изобрѣтеніе. Съ помощью этой карты всякій неопытный лоцманъ можетъ смѣло и спокойно управлять пароходомъ, и даже при туманѣ онъ не подвергаетъ судно серьезному риску: въ прежнія времена такая безопасность вовсе не существовала!

Благодаря этому уравненію рѣчного дна, уничтоженію отмелей, а также яркому свѣту, проливаемому многочисленными фонарями, да еще съ подробной картою въ рукахъ, управленіе судномъ на Миссисипи въ наше время не представляетъ никакого затрудненія: лоцманъ спокойно сидитъ у руля словно у себя дома, въ мягкомъ креслѣ. Но зато уже и романтическая сторона этого путешествія потеряла двѣ трети прежней прелести и привлекательности.

И вотъ, на ряду съ этими современными примѣненіями и нововведеніями, пароходное товарищество „Anchor Line“ (*Анкоръ Лайнъ*) сдѣлало еще одно нововведеніе, а именно: повысило жалованіе капитанамъ судовъ такъ, что оклады капитановъ теперь превышаютъ жалованіе, получаемое лоцманами. Но „компанія“ не остановилась на этомъ, она издала постановленіе, въ силу котораго лоцманы должны безотлучно находиться на своихъ пароходахъ и не отлучаться на берегъ даже во время стоянки судна на якорѣ, чего прежде не было; въ былые дни лоцманы пользовались полной свободой, пока пароходъ разгружался и вновь нагружался на пристани. Прежде лоцманы считались, такъ сказать, „аристократами“ рѣчного міра, а теперь лоцманъ не можетъ уйти отдохнуть, пока рабочіе не нагрузятъ нѣсколько тысячъ тоннъ клади, хотя при этомъ ему совершенно нечего дѣлать. Онъ долженъ сидѣть безотлучно въ лоцманской каютѣ. Теперь лоцманы лишились прежняго почета, съ ними обращаются какъ съ простыми матросами

или юнгами. Правительство лишило нашу специальность романтическаго элемента, и пароходное товарищество отняло у насъ преобладающее значенiе и прежнiя льготы.

Знаменитый когда-то „Плумъ-Пунктъ“ сократилъ прежнiй видъ, но, разумѣется, и онъ освѣщенъ яркими фонарями, и вдоль берега поставлены столбы, на которыхъ укрѣплены лампы. Такъ распорядилась комиссiя Соединенныхъ Штатовъ. Служащiе въ комиссiи механики и техники носятъ на мундирахъ особыя „отлички“; погоны отличаютъ ихъ отъ простыхъ пароходныхъ служащихъ, кромѣ того, они пользуются привилегiей, имъ открытъ свободный доступъ на всѣ „компанiйскiе“ пароходы. Въ разныхъ мѣстахъ эти механики устроили стоки для воды и водоотводныя канавы, чтобы регулировать притокъ воды. Но если вамъ хорошо извѣстна Миссисипи, то вы сразу поймете, что никакiя комиссiи, никакiя компанiи и товарищества не въ состоянiи обуздать этой могучей рѣки. Очень трудно подчинить ее власти человѣка и заставить изливать свои воды туда, куда мы желаемъ, и если Миссисипи захочетъ затопить берега, едва ли комиссiя спасетъ ихъ отъ грознаго наводненiя! Однакоже мѣстные инженеры не допускаютъ и мысли, чтобы они не могли справиться съ рѣкой: они вполнѣ увѣрены, что могутъ предписывать ей свои правила и законы, и она подчинится ихъ предписанiямъ; они отводятъ рѣку туда или сюда, согласно своимъ соображенiямъ, а остальные, простые смертные, должны молчать, видя ихъ „плодотворную“ работу, и дожидаться, пока „ученые“ закончатъ свои полезные труды. Близъ устья Миссисипи капитанъ Идсъ соорудилъ дамбы и плотины, о которыхъ прежде никто и не мечталъ. Пожалуй, иной скажетъ, что *комиссiя* можетъ измѣнить орбиты небесныхъ тѣлъ и дать имъ новое направленiе, если ужъ она претендуетъ заставить Миссисипи повиноваться нашимъ предписанiямъ и вести себя благоразумно и сдержанно.

По этому вопросу мнѣ приходилось много бесѣдовать съ дядей Момфордомъ,—и я намѣренъ передать вамъ его взгляды съ стенографической точностью.

Я пропустилъ здѣсь только тѣ замѣчанiя, которыя относятся къ отдѣльнымъ личностямъ и по моему мнѣнiю ничего не добавляютъ къ полнотѣ и точности его разсказа, сохранивъ все наиболѣе важное и существенное.

Впечатлѣнiя дяди Момфорда.

Вотъ что сказалъ дядя Момфордъ:

„Я состоялъ лоцманомъ въ теченiе тридцати лѣтъ и изучилъ рѣку подробно и основательно. Быть-можетъ, я бы изучилъ

ее лучше, если бы побывалъ въ *Вестъ-Пунктѣ*, но я этому не вѣрю! Попробуйте-ка схватить руками бочку, утыканную гвоздями! Не такъ-то это легко! Тутъ никакая теорія не поможетъ! Конечно, за четыре года въ этой школѣ можно многому научиться по книгамъ, но только по книгамъ! А я предпочелъ изучать дѣло на практикѣ, а не по книжкамъ. И никакія науки не помогутъ имъ въ изученіи нашей Миссисипи. Вѣдь они привыкли изучать ничтожныя, жалкія европейскія рѣчонки, въ которыхъ вода прозрачна, такъ, что дно видно насквозь; такія рѣки не представляютъ особенной трудности: ихъ можно отводить какъ вамъ угодно, можно строить плотины, сооружать всевозможныя запруды, измѣнять направленія въ какую вамъ угодно сторону, можно пріостанавливать ихъ теченіе гдѣ вамъ заблагоразсудится. И они, поступая такъ, совершенно правы, но вѣдь тѣ рѣки не похожи на нашу Миссисипи! И вотъ они приступаютъ къ нашей рѣкѣ съ полною увѣренностью въ своихъ силахъ и знаніи дѣла и съ самыми лучшими, съ самыми благородными намѣреніями! Но, однакоже, у нихъ дѣло не спорится. Прочли бы они, что говорится въ Экклезіастѣ, въ главѣ седьмой: я думаю, этихъ словъ достаточно, чтобы наставить ихъ на разумъ: „Смотри на дѣйствіе Божье, ибо кто можетъ выпрямить то, что онъ сдѣлалъ кривымъ?“ Вонъ, напримѣръ, у Чортова острова они хотѣли поправить теченіе въ одну сторону, а рѣка стремилась въ другую. Что же они сдѣлали? Соорудили каменную стѣнку? Да развѣ она остановится передъ стѣнкой! Что значитъ для нея каменная ограда!? Она просочится черезъ нее! Быть-можетъ, они тогда построятъ другую, поплотнѣе, которая выдержитъ напоръ? Ну, едва ли! Это, пожалуй, можно сдѣлать тамъ, въ верхнемъ теченіи, но ужъ никакъ не въ нижнемъ! Точно такъ же въ низовьяхъ, на „нижней рѣкѣ“, они устроили нѣсколько запрудъ, чтобы отвести воду отъ берега! Превосходно! Но развѣ она не можетъ подняться выше этихъ сооруженій или же прорѣзать себѣ новое русло. Конечно, можетъ! А развѣ они въ состояніи запрудить всѣ такіе прорѣзы и отмели? Если такъ, то имъ придется купить всю эту мѣстность, по которой течетъ Миссисипи, и устроить новую Миссисипи, передѣлать всю рѣку заново, по-своему! Это обойдется дешевле! Да и всѣ эти нововведенія ни къ чему не послужатъ. Вонъ тамъ, пониже, они построили двойной рядъ свай, который тянется посрединѣ сухой отмели, на полмили въ длину, а при низкой водѣ эти сваи торчатъ надъ поверхностью рѣки на цѣлыхъ сорокъ футовъ! Ну, какъ вы думаете, какая можетъ быть польза отъ нихъ? Разумѣется, ни малѣйшей!..

„А посмотрите, что они сдѣлали около Милликенскаго узла?!.. Здѣсь сдѣланъ „прорѣзъ“, такъ что городъ Виксбургъ сталъ внутреннимъ городомъ, а прежде былъ прибрежнымъ—онъ стоялъ на самой рѣкѣ! Рѣка теперь сдѣлала поворотъ такъ, что пароходъ не можетъ уже причалить къ нему, а если и можетъ, то развѣ только во время половодья!

„Правительство затрачиваетъ массу денегъ на улучшеніе русла Миссисипи, а между тѣмъ, скажите, какая отъ этого польза? Кому это нужно? Прежде, когда не было такихъ фонарей и всего этого освѣщенія, которое устроено теперь, когда не было цѣлаго ряда яркихъ лампъ, начиная отъ Сенъ-Поля вплоть до Новаго Орлеана, тогда по рѣкѣ проѣзжало ежегодно до четырехъ тысячъ пароходовъ и до десяти тысячъ угольныхъ баржъ и всевозможныхъ торговыхъ судовъ, а тогда мели и рифы попадались каждый шагъ, дно рѣки было усѣяно ими, какъ спина кабана усѣяна щетиной. А теперь, когда рѣка освѣщена фонарями, когда тратятся десятки тысячъ на улучшеніе рѣчного дна, теперь на рѣкѣ встрѣтите дюжины три пароходовъ да нѣсколько десятковъ баржъ и торговыхъ судовъ. А между тѣмъ всѣ рифы сглажены, срыты, берега подровнены, и барка ѣдетъ по рѣкѣ такъ спокойно и безопасно, словно попала въ царствіе небесное. И вотъ, помяните мое слово, со временемъ на Миссисипи не останется ни одного парохода, ни одной баржи, ни одного плота. Комиссія все это „реорганизуетъ“, такъ что судоходство не будетъ представлять никакого затрудненія, никакой опасности; всѣ дни недѣли для лоцмановъ превратятся въ воскресенія, и имъ останется только посѣщать воскресныя школы. *О сыны погибели, дѣти грѣха и неправды!..*“

Въ продолженіе нашей поѣздки до Новаго Орлеана и обратно мнѣ не разъ случалось разговаривать по поводу этого вопроса съ разными личностями,—съ пароходчиками, плантаторами, журналистами, чиновниками, служащими въ рѣчной комиссіи,—и всѣ они высказывали самыя разнообразныя, иногда противоположныя мнѣнія, такъ что трудно на чемъ-нибудь остановиться. Привожу нѣсколько примѣровъ:

1) Нѣкоторые твердо вѣрятъ, что рѣчная комиссія своими работами произведетъ серьезныя и основательныя улучшенія, дно рѣки станетъ глубже, берега будутъ, дѣйствительно, гарантированы отъ наводненій и т. д.

2) Иные утверждаютъ, что комиссія должна затрачивать капиталы исключительно только на сооруженіе набережной, и отъ этого можно ожидать существенной пользы.

3) Третьи говорятъ, что сооруженіе набережной ровно ни къ чему не послужитъ; чѣмъ выше будетъ набережная, тѣмъ болѣе повысится и рѣчное дно, такъ что деньги будутъ затрачены непроизводительно.

4) Нѣкоторые требуютъ, чтобы излишекъ рѣчной воды во время половодья и наводненій отводился черезъ особый каналъ въ озеро Борнъ, и вѣрятъ въ успѣхъ этого плана.

Но лишь только вы услышите одно изъ этихъ мнѣній, стоитъ вамъ заговорить съ кѣмъ-нибудь по сосѣдству, и тотчасъ вы услышите совершенно противоположный взглядъ, такъ что положительно трудно найти двухъ людей, которые бы сходились во мнѣніяхъ по этому вопросу.

Вѣроятно, улучшеніе дна Миссисипи представляетъ собой только теорію, неосуществимую утопію. Вопросъ этотъ интересуетъ всѣхъ жителей, въ особенности къ югу отъ Каира, и они безпрестанно толкуютъ объ этомъ, если имъ надоѣстъ бесѣдовать о войнѣ, которая также служитъ любимѣйшей темой разговоровъ. Каждая изъ вышеприведенныхъ теорій имѣетъ на своей сторонѣ не мало партизановъ, но, какъ я уже сказалъ, трудно опредѣлить съ точностью, сколько именно голосовъ стоятъ за ту или другую теорію.

Всѣ согласны только относительно одного пункта, который имъ всѣмъ кажется неопровержимымъ. Если сѣверо-американскій конгрессъ согласится произвести аппропріацію, то можно ожидать колоссальной пользы и выгоды. Положимъ, что это вѣрно. Но это аппропріація должна быть произведена въ достаточныхъ размѣрахъ, иначе она не принесетъ пользы. Будемъ надѣяться, что ихъ упованія когда-нибудь осуществятся, и что ожидаемая польза дѣйствительно будетъ достигнута!

Вотъ что, между прочимъ, говоритъ газета „Коммерческій Вѣстникъ Цинциннати“:

„Буксирный пароходъ „Джонъ Вильямсъ“ находится въ плаваніи по направленію къ Новому Орлеану, при немъ тридцать двѣ большихъ баржи, которыя онъ тянетъ на буксирѣ. На баржахъ находится грузъ въ шестьсотъ тысячъ бушелей (каждая бушель содержитъ семьдесятъ шесть фунтовъ); грузъ состоитъ изъ топлива, и такое огромное количество груза никогда еще не доставлялось за одинъ разъ въ Новый Орлеанъ. Стоимость провоза, считая по три цента за каждую бушель, составитъ 18 тысячъ долларовъ. Для доставки его на мѣсто по желѣзной дорогѣ потребуется тысяча восемьсотъ вагоновъ, считая 333 бушеля на каждый вагонъ. Доставка по желѣзной дорогѣ обойдется 180 тысячъ долларовъ, если класть 10 долларовъ за тонну, т.-е. на 162 тысячи дороже, нежели

доставка по рѣкѣ. Грузъ изъ Питсбурга доставленъ будетъ въ Новый Орлеанъ въ 14 или 15 дней. Если же везти его по желѣзной дорогѣ, то потребуется сотня полныхъ поѣздовъ, считая по 80 вагоновъ въ каждомъ, и эта доставка займетъ цѣлое лѣто.

Такимъ образомъ выходитъ, что доставка по рѣкѣ будетъ стоить на 162 тысячи долларовъ дешевле, а при этомъ потребуетъ въ шесть разъ меньше времени. А если такъ, то, очевидно, стоитъ заняться улучшеніемъ и развитіемъ судоходства по Миссисипи. Это понятно и ясно всякому, даже не понимающему толка въ коммерческихъ соображеніяхъ!..“

XXIX.

Нѣсколько образцовыхъ типовъ.

„Мы миновали область *Плумъ-Пунктъ* и обогнули *Крэгъ-Хэдъ* („Скалистый Мысъ“), а потомъ прошли мимо форта Пиллау, который когда-то прославился своей страшной бойней во время войны. Эта рѣзня по справедливости должна занимать первое мѣсто въ лѣтописяхъ Америки. Конечно, въ Европѣ бывали еще болѣе ужасныя, болѣе кровопролитныя стычки, но даже и въ Европѣ они считаются рѣдкимъ явленіемъ, и чтобы найти битву, подобную вышеупомянутой, намъ пришлось бы вернуться въ далекія времена и перелистать исторію Европы; подобную рѣзню можно найти развѣ только въ эпоху великихъ подвиговъ знаменитаго „героя“ — Ричарда Львиное Сердце.

Но возвращаюсь опять къ вопросу о рѣкѣ. Въ прежнія времена русло направлялось выше острова № 37, близъ Брэндивейнскаго переката, и спускалось обратно къ острову № 39. Послѣ этого теченіе направлялось внизъ, къ порогу Фогельмэнъ, лежащему въ Чортовомъ локтѣ. Часть этого отрѣзка рѣки измѣнила свой прежній видъ, такъ что рѣка теперь укоротилась въ этомъ мѣстѣ на четыре или на пять миль. Этотъ районъ теперь носитъ названіе „Centennial Island“ (Ченченіаль Айлэндъ).

Существуетъ преданіе, будто бы островъ № 37 служилъ когда-то главнымъ мѣстопребываніемъ знаменитаго разбойника Муреля Ганга, прославившагося своими преступленіями. Подъ его командой состояла цѣлая многочисленная шайка, занимавшаяся грабежомъ, воровствомъ, конокрадствомъ, похищеніемъ черныхъ невольниковъ и разными подлогами. Это было лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ. Когда мы проѣхали дальше и при-

ближались къ Сенъ-Луи, то пассажиры заговорили о знаменитомъ Джемсѣ, который былъ убитъ агентомъ губернатора Миссури. Поэтому газеты были наполнены извѣстіями и подробностями объ этомъ разбойникѣ, всѣ интересовались имъ, и брошюры съ его біографіей и описаніемъ его разбойническихъ подвиговъ продавались повсюду на улицахъ. По мнѣнію современныхъ газетъ, это былъ человѣкъ единственный въ своемъ родѣ. Но, по моему мнѣнію, это совершенно ошибочно, такъ какъ Мурель нисколько не уступаетъ ему своими злодѣяніями и преступленіями, своей дерзостью, жадностью, хищничествомъ, жестокостью и подлостью. Скромный геній Джемса удовлетворялся мелкимъ воровствомъ, онъ былъ мелочной разбойникъ, а Мурель занимался этимъ дѣломъ *оптомъ*, въ большихъ размѣрахъ, „en gros". Джемсъ грабилъ проѣзжихъ путешественниковъ и купцовъ, прибрежныхъ жителей и пассажировъ поѣздовъ, а Мурель задумалъ поднять грандіозное возмущеніе негровъ и овладѣть съ ихъ помощью Новымъ Орлеаномъ. Джемсъ съ полудюжиной своихъ клевретовъ—ничтожество въ сравненіи съ этимъ злодѣемъ, задумавшимъ возмутить цѣлое племя, овладѣть культурными центрами; подъ его начальствомъ было болѣе тысячи такихъ же наглыхъ, безсовѣстныхъ негодяевъ, которые дали торжественный обѣтъ всюду причинять горе и зло.

Чтобы пояснить читателямъ, какова была эта личность, приведу нѣсколько выдержекъ изъ книги, теперь уже забытой; она напечатана лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ.

„Морель былъ самый ловкій и искусный плутъ. Онъ одѣвался странствующимъ пасторомъ во время своихъ путешествій, и когда произносилъ проповѣди, то умѣлъ *тронутъ до слезъ* сердца своихъ слушателей. Слушая его проповѣди, крестьяне забывали о своемъ хозяйствѣ и о лошадяхъ, которыя оставались на произволъ судьбы безъ всякаго присмотра, а тутъ-то и пользовались клевреты этого разбойника. Воруя лошадей въ одномъ штатѣ и продавая ихъ въ другомъ, онъ въ сущности совершалъ самое ничтожное преступленіе, въ сравненіи съ остальными его злодѣйствами. Болѣе существеннымъ его занятіемъ было сманиванье рабовъ отъ ихъ владѣльцевъ; онъ подстрекалъ невольниковъ къ бѣгству отъ одного хозяина къ другому. Вотъ какимъ образомъ совершалась эта выгодная операція: разбойники уговаривали негра бѣжать отъ хозяина, и въ то же время продавали его другому владѣльцу, но отъ этого второго хозяина негръ также бѣжалъ, они продавали его третьему; а чтобы вознаградить его за сообщество и помощь, они давали ему половину вырученной суммы и обѣ-

щали помочь ему бѣжать на свободную территорію, гдѣ онъ, по ихъ словамъ, станетъ вполнѣ свободнымъ гражданиномъ. Понятно, что такія условія принимались рабами охотно; они надѣялись получить свободу и деньги. Но расчеты ихъ оказывались ошибочными, такъ какъ при малѣйшей опасности эти разбойники убивали несчастнаго раба и топили его, чтобы онъ не могъ явиться свидѣтелемъ противъ нихъ на судѣ. За перепроданнаго такимъ способомъ невольника они обыкновенно выручали три, четыре тысячи долларовъ. Если бы случилось, что ихъ воровство обнаружилось, а они еще не успѣли его умертвить, то они и въ этомъ случаѣ умудрялись избѣгнуть уголовной кары. Они сознавались на судѣ, что укрывали бѣглаго негра, но они будто бы не знали, что о его бѣгствѣ офиціально заявлено, а объявленіе это было сдѣлано уже послѣ, при этомъ обѣщана награда тому, кто доставитъ бѣжавшаго обратно къ хозяину. Такое объявленіе даетъ право всякому, нашедшему пропавшую собственность, взять ее къ себѣ, такъ что негръ какъ бы на время сталъ ихъ собственностью *по довѣренности*, и если они продали его, то совершили лишь гражданское преступленіе,—нарушеніе довѣренности, а отнюдь не уголовное, которое судится гораздо строже. Нельзя не дивиться, какимъ образомъ обокраденные Мурелемъ владѣльцы не расправились съ нимъ по-своему, судомъ Линча, но это объясняется тѣмъ, что у него была очень многочисленная шайка болѣе тысячи человѣкъ, и всѣ эти негодяи стояли другъ за друга и въ случаѣ опасности защищали другъ друга. Шайка эта дѣлилась на два разряда: первый разрядъ состоялъ изъ старшинъ, членовъ совѣта, руководившихъ дѣйствіями шайки, но сами они не принимали активнаго участія въ этихъ продѣлкахъ. Число этихъ старшинъ доходило до 400. Остальные разбойники были дѣятельными исполнителями плановъ, выработанныхъ совѣтомъ старшинъ, ихъ было до 600 человѣкъ; они подвергались серьезной опасности, исполняя эти планы и предначертанія, но, несмотря на это, получали ничтожную долю въ барышахъ. Мѣстомъ собраній разбойниковъ была назначена узкая полоса побережья, недалеко отъ Арканзаса. Здѣсь же они скрывали и сманенныхъ ими негровъ, которые прятались въ прибрежныхъ камышахъ и болотахъ“.

Шайка эта наводила паническій ужасъ на окрестныхъ жителей. Разбойники были такъ ловки, что ихъ никто не могъ поймать. Однажды одинъ юноша, по имени Стюартъ, видѣлъ, какъ Мурель увелъ двухъ негровъ съ плантаціи. Стюартъ познакомился съ начальникомъ разбойниковъ, сумѣлъ пріобрѣсти

всеобщее довѣріе этихъ негодяевъ и даже попалъ въ члены совѣта. Черезъ него-то и открылись всѣ ихъ продѣлки и злодѣянія. Стюартъ помогъ поймать ихъ; разбойниковъ судили, и Муреля приговорили къ заключенію въ тюрьмѣ на 14 лѣтъ. Многіе говорили, что Стюартъ поступилъ нечестно, иные даже собирались убить его, и ему пришлось спасаться бѣгствомъ изъ южныхъ штатовъ.

Изъ доноса Стюарта оказалось, что многіе *почтенные* граждане, пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ, принадлежали также къ шайкѣ мошенниковъ. Понятно, что имъ вовсе не пріятны были подобныя обличенія, и они старались по возможности дискредитировать показанія Стюарта, набросить тѣнь на его личность, старались опровергнуть его свидѣтельства; но это имъ не удалось, и слѣдствіемъ было обнаружено, что все, что говорилъ молодой человѣкъ, было совершенно вѣрно. Самъ Мурель сознался, что имѣлъ намѣреніе возбудить возстаніе среди невольниковъ противъ бѣлыхъ, овладѣть рабами, захватить и ограбить Новый Орлеанъ со всей прилежащей территоріей.

Вотъ какъ самъ Мурель разсказывалъ о своемъ замыслѣ:

„Однажды я собралъ моихъ приверженцевъ въ домѣ одного изъ моихъ друзей въ Новомъ Орлеанѣ. Послѣ трехдневнаго совѣщанія мы пришли къ окончательному заключенію вызвать возстаніе черныхъ рабовъ, и для этого намъ надо было собрать ихъ возможно больше, чтобы разсчитывать на успѣхъ. Каждому члену общества было поручено особое спеціальное дѣло. Я самъ пошелъ пѣшкомъ въ Натшецъ, чтобы тамъ воровскимъ манеромъ раздобыть себѣ лошадь. Прошло четыре дня, а удобнаго случая для похищенія коня все не представлялось. На пятый день я такъ усталъ, что остановился на берегу рѣки отдохнуть, освѣжиться и утолить жажду. Вдругъ я вижу, по дорогѣ скачетъ всадникъ на хорошей лошади. Когда онъ подъѣхалъ поближе, я увидалъ, что это былъ путешественникъ. Я подошелъ, навелъ на него дуло пистолета и велѣлъ сойти съ коня; онъ повиновался, исполнилъ требуемое, а я взялъ лошадь подъ уздцы и повелъ ее къ рѣчкѣ, а ему самому велѣлъ итти впередъ. Потомъ я приказалъ ему раздѣться совершенно и стать передо мной безъ рубашки, совершенно обнаженнымъ.

„— Если ты собираешься умертвить меня,—сказалъ онъ,— то позволь сначала помолиться.

„— Некогда мнѣ дожидаться!—отвѣчалъ я.

„Онъ опустился на колѣни, чтобы помолиться, а я прострѣлилъ его пулей навылетъ. Бросивъ обнаженный трупъ въ

рѣку, я обшарилъ карманы его платья и нашелъ тамъ четыре сотни долларовъ и тридцать семь центовъ, а также разные бумаги и документы; мнѣ было не до нихъ, я не сталъ разбирать ихъ. Всѣ эти бумаги и шапку его я бросилъ также въ воду. Сапоги всадника я взялъ себѣ: они были новые и пришлись мнѣ по ногѣ. Свои старые сапоги я бросилъ въ рѣку. Послѣ этого я сѣлъ на его коня и поѣхалъ въ Натшецъ.

„Съ помощью моего сообщника Креншау мнѣ удалось раздобыть четырехъ лошадей, и мы съ нимъ отправились въ Джорджіо. Съ нами вмѣстѣ ѣхалъ еще одинъ юноша, который побывалъ въ Тенесси, чтобы закупить свиней, но не купилъ ничего, такъ какъ свиньи стали дороже прежняго. Изъ этого мы заключили, что при немъ есть деньги. Креншау подмигнулъ мнѣ, и я далъ ему мой кнутъ, на концѣ котораго была привязана свинцовая гирька, около фунта вѣсомъ. Креншау подкрался очень ловко къ нашему спутнику и ударилъ его сзади по головѣ, такъ что тотъ упалъ замертво. Обшаривъ его карманы, мы нашли въ нихъ тысячу двѣсти долларовъ, потомъ взяли трупъ молодого человѣка и бросили въ канаву, а лошадь увели съ собой; конь былъ хорошій, онъ стоилъ, по крайней мѣрѣ, двѣсти долларовъ.

„Въ дорогѣ мы съ нимъ немного позамѣшкались, а въ то же время одинъ изъ сообщниковъ нашихъ отправился въ сосѣднюю деревню и увидалъ тамъ объявленіе о пропавшемъ невольникѣ-негрѣ, въ объявленіи были описаны также всѣ примѣты пропавшаго. (Негръ этотъ былъ спрятанъ у насъ въ потаенномъ мѣстѣ). Въ ту же ночь мы отвели его къ сосѣдней рѣкѣ, и Креншау застрѣлилъ его. Внутренности мы вынули, а трупъ похоронили въ сторонѣ отъ проселочной дороги.

„Намъ случалось перепродавать одного и того же негра нѣсколько разъ и выручать такимъ способомъ до двухъ тысячъ долларовъ. Преслѣдовать насъ никто не могъ; владѣлецъ долженъ сначала найти бѣглеца, указать, гдѣ онъ укрывается, прежде чѣмъ начать слѣдствіе. А мы не допускали до этого; предвидя опасность, мы умерщвляли негра, а трупъ бросали въ рѣку,—тамъ онъ становился добычей алигаторовъ и черепахъ. Много тамъ лежитъ труповъ и скелетовъ, и никто не найдетъ своихъ бѣжавшихъ рабовъ!“

Вскорѣ мы подъѣхали къ Мемфису, въ окрестностяхъ котораго, во время гражданской войны, происходили кровавыя схватки. Въ одной изъ схватокъ принимали участіе двое моихъ

знакомыхъ, подъ начальствомъ которыхъ я когда-то служилъ. Одинъ изъ нихъ, мистеръ Биксби, былъ лоцманомъ на пароходѣ флота Конфедератовъ, а другой мистеръ Монгомери, командиръ союзнаго флота. Они участвовали въ войнѣ и оказали большія услуги отечеству, благодаря своей храбрости.

Подъѣзжая къ Мемфису, мы стали просить капитана, чтобы онъ остался на „Гольдъ-Дöстѣ" до самаго Виксбурга, т.-е. до конца этого рейса, такъ какъ перемѣна капитана сопряжена съ разными неудобствами. Я хотѣлъ побывать въ городѣ „Наполеонѣ" (Арканзасъ), но это можно было исполнить, не покидая парохода „Гольдъ-Дöстъ".

Шлюпка, отправленная въ Мемфисъ, оставалась тамъ до самаго утра, и мы хорошо осмотрѣли городъ и успѣли познакомиться съ нимъ. Это красивый городъ съ правильными улицами. Населеніе его уменьшилось противъ прежняго, благодаря недавно бывшей здѣсь эпидеміи. Много народа погибло, а многіе бѣжали, испугавшись заразы. Всѣ дѣла были болѣе или менѣе въ застоѣ, улицы были пусты, какъ это прежде бывало только по воскресеньямъ.

Вотъ какъ описываетъ эту эпидемію одинъ нѣмецъ-туристъ въ книгѣ, озаглавленной:

„Mississipi-Fahrten", von Ernst von Hesse-Wartegg. Leipzig: „Путешествіе по Миссисипи", Эрнста фонъ-Гессе-Вартэга, (см. гл. VII):

„Въ августѣ мѣсяцѣ, — пишетъ онъ, — эпидемія желтой лихорадки достигла значительной степени; каждый день умирало множество народа. Много домовъ было заколочено досками, въ нѣкоторыхъ по вечерамъ зажигали только маленькія лампы. Нерѣдко въ одномъ домѣ было по нѣскольку мертвецовъ!

„Страшное бѣдствіе! Болѣзнь очень быстро уносила въ могилу самыхъ крѣпкихъ, цвѣтущихъ людей! На улицахъ въ публичныхъ садахъ лежали несчастные, захваченные неожиданнымъ припадкомъ злокачественной лихорадки. Изрѣдка слышался шумъ и грохотъ поѣзда, летящаго съ страшной быстротой мимо зараженнаго смраднымъ ядомъ города!.."

Теперь прежняя жизнь вошла въ свою колею. Количество населенія превышаетъ сорокъ тысячъ человѣкъ. Главная промышленность города—хлопчатобумажное производство. Но теперь это уже совсѣмъ не тотъ Мемфисъ, который видѣла когда-то и описала мистрисъ Троллопъ. Она говоритъ, что Мемфисъ при ней состоялъ изъ одной улицы, очень длинной и грязной, съ деревянными строеніями по обѣ стороны. Это было около 25 лѣтъ тому назадъ.

Вотъ что она говоритъ по поводу гостиницы, гдѣ она останавливалась:

„Столъ былъ накрытъ на 50 персонъ, и почти всѣ приборы были заняты гостями, утолявшими свой аппетитъ въ полной тишинѣ, молча и торопливо, такъ что едва мы успѣли начать обѣдъ, какъ они уже окончили его. За столомъ слышался только стукъ ножей и вилокъ и „чавканіе“ челюстей и т. д.“.

„Подъ словами *и т. далѣе* почившая писательница подразумѣваетъ еще одно слово, которое она старается умалчивать. Впрочемъ, въ слѣдующемъ описаніи пароходнаго обѣда она употребила это неизящное словцо, нисколько не обинуясь; ей пришлось завтракать на пароходѣ въ обществѣ мѣстныхъ аристократовъ и плантаторовъ, которые поразили ее своей странностью; вотъ что она пишетъ по этому поводу:

„Та вѣжливость и учтивость, которыя приняты у насъ въ Европѣ, здѣсь совершенно отсутствуютъ! Меня поразила поспѣшность, съ которой они поглощаютъ мясо и разныя другія блюда! Ихъ странный разговоръ и дикое произношеніе коробило меня и въ особенности возмущала меня привычка плевать прямо на полъ, не стѣсняясь, и иногда плевки попадаютъ прямо на платье сосѣдки. Они обыкновенно кладутъ мясо ножомъ въ ротъ, при чемъ запихиваютъ себѣ въ пасть половину лезвея. Потомъ ковыряютъ въ зубахъ перочинными ножами, вмѣсто зубочистокъ. Какъ все это не похоже на деликатныя манеры и обычаи аристократіи *Стараго Свѣта*...

XXX.

Путевые эскизы.

Миновавъ Мемфисъ, вы въѣзжаете въ многоводную и глубокую полосу рѣки; это обиліе воды замѣтно даже по берегамъ, такъ какъ вода заливаетъ сушу по сторонамъ русла на значительное пространство. Мѣстами глубина доходитъ до двухъ саженей слишкомъ. Повсюду вода приноситъ съ собою гибель и разрушеніе; она портитъ и смываетъ постройки прибрежныхъ жителей, и имъ приходится сооружать все снова; эта картина разрушенія, грустная и унылая, тянется на сотни миль. Порой вы проѣзжаете мимо лѣса, который тянется на далекое пространство по берегу рѣки, и тутъ уже не встрѣтите ни жилищъ, ни фермъ, ни плантацій. Смотритель, обязанный наблюдать за маяками, обязанъ иногда совершать дальнія поѣздки въ темныя, глухія ночи, при вѣтрѣ во время сильнаго волненія, и эти поѣздки сопряжены съ значительною опасностью. Обыкновенно

эту обязанность исполняютъ мужчины, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ замѣняютъ женщины, если ихъ мужья оказываются въ отсутствіи или же больны. Отъ правительства отпускается масло для поддержки огня въ маякахъ; жалованье этимъ сторожамъ полагается незначительное—десять или пятнадцать долларовъ въ мѣсяцъ. За эти деньги они обязаны наливать масло, ухаживать за фонарями, постоянно чистить ихъ и держать въ опрятномъ видѣ, чтобы они всегда правильно функціонировали. Для развозки масла правительство посылаетъ особый пароходъ однажды въ мѣсяцъ. Этотъ же пароходъ развозитъ и жалованіе сторожамъ.

Вся область Чипъ-Айлендъ (Корабельный островъ) обильна лѣсомъ и мало населена. Теперь уже это не островъ, какъ было прежде, такъ какъ бывшій островъ приблизился къ берегу, и теперь ходятъ поѣзда тамъ, гдѣ прежде ходили пароходы!

Далѣе мы достигаемъ области кочующихъ негровъ. Прежде они, бывши рабами, никогда не перекочевывали на новыя мѣста, а теперь, получивъ свободу, то и дѣло, что переселяются. Они живутъ въ той или другой мѣстности, какъ говорится, „пока живется“; но лишь только на нихъ нападаетъ охота къ странствованію, они тотчасъ покидаютъ свои пепелища и стремятся уѣхать въ другую мѣстность. Упаковавъ наскоро свои пожитки, они берутъ мѣсто на пароходѣ; но при этомъ они не имѣютъ въ виду достигнуть какого-нибудь опредѣленнаго пункта; нѣтъ, они ѣдутъ, пока хватаетъ денежнаго запаса; хватитъ денегъ на пятьдесятъ миль,—прекрасно,—они ѣдутъ пятьдесятъ миль, а хватитъ на двадцать,—ѣдутъ только двадцать, и тутъ вылѣзаютъ на берегъ и поселяются до слѣдующаго раза, пока страсть къ путешествію не потянетъ ихъ дальше. Надо замѣтить, что эти негры никогда не разстаются со своими собаками, и ведутъ ихъ съ собою, куда бы они ни ѣхали. Они ни за что не разстанутся съ ними и тащатъ ихъ на веревкахъ, хотя собаки не всегда охотно повинуются своимъ владѣльцамъ, и втащить собаку на палубу иногда стоитъ большихъ хлопотъ. Случается иногда, что негръ забудетъ на берегу грудного младенца, но собаку никогда!..

Приведу кстати поучительный анекдотъ о томъ значеніи, какое имѣетъ репутація, и какъ оно вліяетъ на общее мнѣніе. Однажды мимо берега проходилъ пароходъ „Эклипсъ“, славящійся быстротой своего хода. Старый негръ, сидя на берегу, занимался своимъ дѣломъ и не обратилъ вниманія на проходившее судно.

— Сейчасъ прошло судно, дядюшка!—замѣтилъ ему кто-то изъ окружающихъ.

— А? Что? Прошло судно?

— А знаешь, какъ этотъ пароходъ называется?

— А какъ?

— Это—Эклипсъ!

— Да что ты говоришь! А я былъ готовъ побиться объ закладъ, что это просто сверкнула молнія!

Приведу нѣсколько подробностей, живо характеризующихъ мѣстные нравы и ихъ грубость и жестокость. Во время наводненія рѣка совершенно смыла ограду, принадлежавшую владѣльцу *А*, и перенесла ее на территорію сосѣда, по имени *Б*, а заборъ, принадлежавшій мистеру *Б*, унесла на землю, принадлежавшую *А*. И вотъ мистеръ *А* пришелъ къ сосѣду и говоритъ:

— Знаете что, сосѣдъ: чѣмъ намъ ссориться, оставимъ это все, какъ есть: пусть моя ограда остается на вашей землѣ, а вашъ заборъ—на моей, я буду пользоваться вашей загородкой, а вы—моимъ заборомъ.

Но *Б* въ отвѣтъ на это не выразилъ своего согласія. Онъ хотѣлъ, чтобы ему во что бы то ни стало вернули его собственность.

Вотъ однажды *А* пришелъ, чтобы взять обратно свой заборъ, тогда *Б* бросился на него и воскликнулъ:

— Оставь! Или я убью тебя.

Съ этими словами онъ поднялъ револьверъ.

Но *А* отвѣчалъ:

— Со мною нѣтъ никакого оружія, я не могу защищаться.

Чтобы не нападать съ револьверомъ на безоружнаго, мистеръ *Б* бросилъ револьверъ и, вынувъ, изъ кармана ножъ, бросился снова на *А* и однимъ ударомъ перерѣзалъ горло сосѣду.

Несчастный *Б*, обливаясь кровью, упалъ на землю, но у него хватило силы доползти до револьвера, брошеннаго его врагомъ. Онъ схватилъ его и выстрѣлилъ въ нападавшаго. Мистеръ *Б* былъ убитъ наповалъ. Такимъ образомъ *А* отомстилъ своему убійцѣ.

На слѣдующее утро мы добрались до Кентукккскаго „узла“, гдѣ не такъ давно разыгралась страшная драма. Капитанъ По завелъ себѣ маленькій паровой ботикъ, чтобы кататься на немъ вмѣстѣ съ своей женой. Ботикъ наткнулся на пловучую сваю; тогда капитанъ бросился въ каюту, чтобы разбудить спавшую тамъ жену. Дверь была заперта; капитанъ схватилъ топоръ и хотѣлъ пробить стѣну каюты. Молодая женщина лежала на верхней койкѣ и спала. Капитанъ изо всей силы съ размаха ударилъ топоромъ, лезвее котораго пробило стѣнку каюты и вонзилось прямо въ голову спящей...

Это трагическое обстоятельство такъ и осталось невыясненнымъ.

Теперь этотъ узелъ отличается обиліемъ воды, такъ какъ рѣка сдѣлала здѣсь „*прорѣзъ*“ и проложила новое русло на небольшомъ пространствѣ. Теперь Вальнутъ-Бендъ не отличается такимъ обиліемъ пароходовъ, какъ это было когда-то въ старину.

Затѣмъ мы посѣтили Елену, а также вновь рожденный городъ—Арканзасъ-Сити, о которомъ я раньше не слыхалъ. Онъ образовался благодаря желѣзнодорожному пути и здѣсь же лежатъ поселенія, подъ названіями: *Литль Рокъ* (Малая скала) *Missisipi—River* и „*Texas Railroad*“; они расположены на самой рѣкѣ. Мы спросили одного изъ пассажировъ, здѣшняго постояннаго жителя, что это за городъ, и каково его значеніе. Онъ сначала призадумался, какъ человѣкъ, подыскивающій въ умѣ наиболѣе подходящее и опредѣленное слово для выраженія своей мысли, и потомъ сказалъ:

— Этотъ городъ нѣчто въ родѣ трубы для стока нечистотъ, для всей этой мѣстности.

Это опредѣленіе совершенно вѣрно. Здѣсь столько грязи, что если бы насталъ когда-нибудь неурожай на этотъ продуктъ, то этотъ городъ могъ бы снабжать грязью весь округъ цѣлыхъ сто лѣтъ! Здѣсь цѣлыя залежи ея! Непочатый уголъ! Неистощимый запасъ! На улицахъ попадаются болота стоячей воды, а на нихъ плаваютъ грубыя лодки. Но здѣсь есть кое-какая промышленность: около города устроена мельница для обработки зеренъ хлопчатника. Подобной мельницы я никогда еще въ жизни не видалъ.

Въ мое время зерна хлопчатника не представляли почти никакой цѣнности, а теперь они продаются по 12—13 долларовъ за тонну (бочку). Масло, получаемое изъ этихъ зеренъ, не обладаетъ ни запахомъ ни цвѣтомъ. Мѣстные жители обрабатываютъ его и приготовляютъ имитацію другихъ растительныхъ маслъ, суррогаты ихъ. Наиболѣе предпріимчивые аферисты отсылаютъ это масло въ Италію, а тамъ наклеиваютъ на бочки новые этикеты съ надписью „Оливковое масло“—и снова пересылаютъ обратно въ Америку, гдѣ оно продается подъ видомъ *оливковаго,* и ужъ, конечно, за него берутъ втрое дороже. Сначала итальянское правительство не обращало особаго вниманія на такую остроумную операцію, но, наконецъ, нашло, что это можетъ повредить его собственной торговлѣ, и обложило ввозъ американскаго хлопчатаго масла въ Италію особою предохранительною пошлиной.

Городъ Елена расположенъ въ живописной мѣстности, но наводненіе и здѣсь произвело многочисленныя опустошенія.

Цѣлыя улицы и дома наполнены были полужидкою грязью, мутной водой и тиной, и стѣны буквально облѣплены ею, съ самаго основанія вплоть до крышъ. Повсюду на улицахъ виднѣются черныя массы грязи и мѣстами лужи грязной воды до сихъ поръ не просохли. Вообще надо замѣтить, что въ этой мѣстности наводненія такъ же опустошительны и убыточны, какъ и крупные пожары.

Елена считается вторымъ городомъ Арканзаса по количеству народонаселенія; здѣсь насчитывается до пяти тысячъ жителей. Окрестности Елены чрезвычайно плодоносны, и жители занимаются хлопчатобумажнымъ производствомъ. Отсюда каждый годъ вывозятъ до 60 тысячъ тюковъ хлопчатника. Два желѣзнодорожныхъ пути подходятъ къ самому городу, который считается торговымъ и промышленнымъ центромъ обширной территоріи. Процвѣтаютъ также литейные заводы, мельницы для производства масла, торговля разными машинами и мануфактурными издѣліями. Денежные обороты ежегодно простираются до 4 милліоновъ долларовъ, по вычисленію, сдѣланному въ газетѣ „*Times-Democrat*“.

XXXI.

Отпечатокъ пальца и что изъ этого вышло.

Мы подъѣзжали въ это время къ городу Наполеонъ, въ Арканзасѣ. Я сталъ невольно раздумывать о моемъ путешествіи. День былъ ясный и знойный, и мнѣ пришло въ голову, что путешествіе при солнечной жарѣ доставляетъ немного удовольствія: гораздо пріятнѣе и спокойнѣе ѣхать въ прохладѣ, и если пожертвовать нѣкоторыми привычками и удобствами, то можно совершать переѣзды по ночамъ, что было бы гораздо пріятнѣе; въ ночное время вы будете избавлены отъ сотни любопытныхъ глазъ, слѣдящихъ за вами въ теченіе цѣлаго дня. Дойдя до такого вывода, я сообщилъ его моимъ попутчикамъ.

Найдя ихъ въ моей каютѣ, я предложилъ имъ, не лучше ли будетъ остановиться въ Наполеонѣ и велѣть вынести на берегъ нашъ багажъ? На это они возражали мнѣ, не соглашаясь съ моимъ планомъ.

— Вѣдь вы же сами согласились ѣхать на этомъ пароходѣ, — говорили они. — Почему же теперь вы перемѣнили мнѣніе?

Но всѣ ихъ возраженія были не основательны и не убѣдили меня. Изъ ихъ словъ выходило, что если человѣкъ сдѣ-

лалъ одну глупость или оплошность, то ужъ непремѣнно долженъ сдѣлать и другую. А по-моему, лучше остановиться на первой и не совершать второй!

Я объяснилъ имъ, что такая перемѣна въ моихъ планахъ была не случайная; она явилась результатомъ продолжительныхъ размышленій и соображеній, поэтому они не должны порицать меня за легкомысліе. Истинной причиной такой перемѣны было одно обстоятельство, о которомъ я разсказалъ имъ:

Въ концѣ прошедшаго года мнѣ пришлось прожить нѣсколько времени въ Мюнхенѣ (въ Баваріи). Въ ноябрѣ я жилъ въ „пансіонѣ“, принадлежащемъ г-жѣ Дальменеръ, въ Карлштрассе, и мнѣ надо было ежедневно ходить на занятія, за цѣлую милю отъ этой улицы. По моей просьбѣ, какъ она сама, такъ и ея дѣти ежедневно разговаривали со мною по-нѣмецки, такъ какъ я хотѣлъ напрактиковаться въ этомъ языкѣ. Однажды случайно зашелъ въ одинъ изъ мѣстныхъ „морговъ“. *Моргъ* — это не что иное, какъ особое помѣщеніе, куда приносятъ всѣхъ мертвецовъ, найденныхъ на улицахъ и не опознанныхъ полиціей; трупы лежатъ тамъ до тѣхъ поръ, пока врачи не констатируютъ ихъ смерть, и это иногда продолжается долго, такъ какъ бываютъ случаи летаргіи, когда мнимые покойники оживаютъ. На этотъ случай, къ пальцу трупа привязываютъ веревку, соединенную съ колокольчикомъ, находящимся въ комнатѣ сторожа, неотлучно присутствующаго при этой „Мертвецкой“. Если *покойникъ* проснется, оживетъ, то малѣйшее движеніе пальца тотчасъ извѣститъ объ этомъ сторожа.

Огромная зала мертвецкой наводитъ уныніе и гнетущую тоску. Я увидалъ тридцать шесть труповъ, завернутыхъ въ чистыя, бѣлыя покрывала; они были положены въ три ряда. Были тутъ и дѣтскіе трупы, украшенные цвѣтами.

Мнѣ невольно пришло въ голову, какъ тяжело должно быть здѣсь дежурному сторожу, среди этой мрачной, печальной обстановки. Въ ночной унылой темнотѣ ему могло что-нибудь померещиться, и онъ самъ, пожалуй, можетъ умереть отъ испуга.

На слѣдующій день я разсказалъ хозяйкѣ о произведенномъ на меня впечатлѣніи и сообщилъ мои мысли.

— Если хотите,—отвѣчала она,—я могу васъ познакомить съ человѣкомъ, который нѣсколько лѣтъ прослужилъ сторожемъ при мертвецкой.

Этотъ живой человѣкъ былъ похожъ больше на мертвеца: лицо было длинное, вытянутое, съ погасшими, впалыми глазами. Длинныя костлявыя руки были сложены крестомъ на

груди. Когда вдова окликнула его, онъ открылъ было глаза; но черезъ минуту снова закрылъ ихъ и слегка махнулъ рукой. Она объяснила ему, что я иностранецъ и желалъ бы побесѣдовать съ нимъ; тогда онъ скользнулъ по моему лицу потухающимъ, мертвеннымъ взоромъ.

Вскорѣ я съ нимъ познакомился ближе. Сначала я заговориль съ нимъ по-нѣмецки, съ грѣхомъ пополамъ, но онъ отвѣчалъ на чистомъ англійскомъ языкѣ. Наши бесѣды касались различныхъ вопросовъ, но онъ избѣгалъ говорить о вдовахъ и дѣтяхъ. Когда случалось упомянуть о какой-нибудь женщинѣ или ребенкѣ, то его глаза сначала выражали нѣжность, а потомъ снова потухали, и въ нихъ свѣтилось что-то злобное, недоброе. Потомъ онъ совершенно умолкалъ, словно ничего не видѣлъ и не слышалъ, что происходило вокругъ. Тогда я прощался и уходилъ, но онъ и этого не замѣчалъ.

Мѣсяца черезъ два я подружился и довольно близко сошелся съ этимъ сторожемъ, котораго звали Карлъ Риттеръ. Однажды я пришелъ къ нему, и лишь только онъ поздоровался со мною, какъ пригласилъ меня сѣсть и выслушать его разсказъ.

Исповѣдь умирающаго.

Вотъ что онъ разсказалъ мнѣ:

„Я никому ничего не разсказывалъ до сихъ поръ, но теперь хочу сообщить вамъ, потому что чувствую приближеніе смерти. Вы какъ-то разъ говорили, что собираетесь посмотрѣть на Миссисипи, вотъ такъ я вамъ и разскажу мою исторію, она имѣетъ отношеніе къ вашей рѣкѣ. Когда будете близъ Наполеона въ Арканзасѣ, непремѣнно остановитесь въ этомъ городѣ и сдѣлайте то, о чемъ я васъ прошу. Впрочемъ, я впередъ увѣренъ, что вы это сдѣлаете, когда узнаете всю мою исторію.

Постараюсь излагать ее какъ можно короче, такъ какъ у меня осталось мало времени. Я сообщалъ вамъ, какъ я поселился въ Америкѣ, но еще ни разу не говорилъ, что былъ женатъ. Да! Моя жена была милая, добрая, прекрасная женщина! Маленькая дочь моя была вылитая мать, и мы были счастливы, счастливы вполнѣ!

Однажды въ ночь, передъ концомъ войны, я внезапно проснулся отъ тяжелаго сна, похожаго на летаргію, и сразу почувствовалъ, что въ комнатѣ пахнетъ хлороформомъ. Я былъ связанъ по рукамъ и ногамъ и не могъ пошевелиться. Я сталъ присматриваться и различилъ двоихъ людей, хозяйничавшихъ въ нашей квартирѣ.

— Я говорилъ, что убью ее, если она начнетъ кричать,— проговорилъ одинъ изъ нихъ.

Тогда другой сказалъ умоляющимъ, плачущимъ голосомъ:

— Вѣдь ты говорилъ, что мы только свяжемъ ихъ, ограбимъ, но не причинимъ никакого вреда этимъ несчастнымъ...

— Молчи и не хнычь, — прервалъ первый. — Я поневолѣ измѣнилъ первоначальное рѣшеніе. Ты старался спасти ихъ и сдѣлалъ все, что отъ тебя зависѣло, а теперь помоги мнѣ обшарить комнаты. Твоя совѣсть не должна упрекать тебя!

Они оба были въ маскахъ и одѣты неграми; у одного изъ нихъ былъ въ рукахъ круглый фонарь, и при его слабомъ свѣтѣ я замѣтилъ, что у его товарища не достаетъ на правой рукѣ большого пальца. Они долго обшаривали бѣдную мою хижину, но ничего не могли найти.

— Подожди,—сказалъ старшій разбойникъ, — еще успѣемъ! Пусть онъ самъ скажетъ намъ, гдѣ у него хранятся деньги! Развяжи ему ротъ, разбуди его.

Очевидно, они говорили обо мнѣ.

Тогда младшій возразилъ:

— Хорошо, я согласенъ исполнить это, только ты не убивай его!

— Ладно, ладно, только пусть онъ не шумитъ, а не то...

Они вдвоемъ подошли было ко моей постели, но въ ту же минуту снаружи послышались шаги, голоса и лошадиный топотъ. Очевидно, мимо хижины проѣзжали солдаты.

Вдругъ раздался выстрѣлъ.

— Ты слышишь! Это голосъ капитана, клянусь св. Георгіемъ!—прошепталъ негодяй. Въ ту же минуту они въ испугѣ бросились бѣжать.

Солдаты сдѣлали еще нѣсколько выстрѣловъ, потомъ конскій топотъ сталъ удаляться и стихать. Все умолкло.

Несмотря на всѣ мои усилія, я не могъ освободиться отъ стягивавшихъ меня веревокъ. Я пролежалъ такимъ образомъ три часа, которые показались мнѣ цѣлою вѣчностью!

Наконецъ я кое-какъ освободился отъ веревокъ, расправилъ отекшіе члены и пошелъ въ сосѣднюю комнату. На полу были разбросаны разныя вещи. Между прочимъ, я увидалъ на полу бумагу, это былъ документъ, на которомъ остался отпечатокъ пальца разбойника. На постели лежала моя жена и дочь безъ всякихъ признаковъ жизни!

Я рѣшилъ отомстить за смерть этихъ дорогихъ существъ.

Но какъ поступить? Съ чего начать? Обратиться къ властямъ, къ закону? Нѣтъ, я рѣшилъ дѣйствовать самъ не прибѣгая къ ихъ помощи. Разумѣется, эти разбойники были солдаты и, вѣроятно, не новобранцы, а старые служаки. Но я никому не сказалъ ни слова о моихъ догадкахъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ: „Это голосъ капитана, клянусь св. Георгіемъ!“ Вотъ тотъ, который произнесъ эту фразу, и долженъ поплатиться своей жизнью!

Въ двухъ миляхъ отъ моей хижины стояли постоемъ два полка, я думалъ, что капитанъ Блеклей въ эту ночь проходилъ мимо нашего поселка съ небольшимъ отрядомъ воиновъ; это дало мнѣ полную увѣренность, что убійца принадлежалъ къ этому самому отряду и служилъ въ его ротѣ.

Но я не торопился и началъ дѣйствовать обдуманно и осторожно. Въ ту же ночь я устроилъ себѣ особый нарядъ изъ разныхъ лохмотьевъ и надѣлъ синія очки, чтобы скрыть подъ ними выраженіе моихъ глазъ. Когда войско вышло снова въ походъ, то рота капитана Блеклея была отправлена за сотню миль отъ нашего поселенія, къ городу Наполеону. Лишь только рота пришла на мѣсто, я уже ожидалъ ее тамъ.

Чтобы сблизиться съ солдатами, я занялся особой спеціальностью—гаданіемъ на картахъ, и охотно предсказывалъ судьбу всѣмъ гарнизоннымъ солдатамъ. Но, понятно, что больше всего я слѣдилъ за ротой капитана Блеклея. Вскорѣ я перезнакомился со всѣми солдатами этой роты и не разъ оказывалъ имъ разныя услуги.

Мой пріемъ былъ очень простъ: я намазывалъ большой палецъ правой руки моего кліэнта краской и приглашалъ его сдѣлать отпечатокъ этого пальца на бумагѣ. Я зналъ, что линіи, едва замѣтныя на кожѣ, никогда, всю жизнь не могутъ измѣниться, и по этимъ извилинамъ надѣялся найти преступника, оставившаго оттискъ пальца на моемъ документѣ, когда онъ рылся въ моихъ бумагахъ и вещахъ. Нѣтъ на свѣтѣ двухъ людей, у которыхъ эти линіи совпадали бы вполнѣ. Мнѣ говорилъ объ этомъ одинъ французъ, глубоко вѣрившій своей теоріи и объяснившій ее всѣмъ знакомымъ.

Каждую ночь я запирался въ свой комнатѣ и тщательно изучалъ оттиски разныхъ пальцевъ моихъ кліэнтовъ, приходившихъ въ теченіе дня. И часто мною овладѣвало отчаяніе, мнѣ казалось, что онъ никогда не попадется ко мнѣ въ руки, тотъ, кого я искалъ.

— Я никогда не найду этого пальца! — воскликнулъ я, теряя надежду.

Но я не бросалъ начатаго дѣла и, наконецъ, дождался полнаго успѣха. Я нашелъ убійцу моей жены. Это былъ рядовой

изъ роты капитана Блеклея, по имени Францъ Адлеръ. Еще за нѣсколько минутъ передъ этимъ я не зналъ, кто убилъ мою жену и дочь, а теперь я поймалъ его, нашелъ и даже знаю, какъ его зовутъ! Чтобы окончательно убѣдиться въ моей догадкѣ, я употребилъ слѣдующую хитрость.

Въ ротѣ капитана Блеклея былъ другой солдатъ, у котораго не хватало большого пальца на правой рукѣ. Очевидно, это былъ товарищъ убійцы, удерживавшій его и просившій не совершать злодѣянія. Когда онъ пришелъ ко мнѣ, я отвелъ его въ сторону и сказалъ:

— Я изучилъ черты и линіи вашихъ пальцевъ и вижу, что вамъ грозитъ серьезная опасность, поэтому хотѣлъ сообщить вамъ объ этомъ наединѣ, чтобы никто не слышалъ нашего разговора. Вы вмѣстѣ съ Адлеромъ, будущность котораго я также хорошо изучилъ, совершили преступленіе,—вы убили женщину и ребенка! Вамъ грозитъ смерть!

Онъ задрожалъ, услыхавъ эти слова, бросился предо мною на колѣни и сталъ умолять и оправдываться.

— Клянусь вамъ,—стоналъ онъ,—что не я совершилъ преступленіе, я старался удержать моего товорища, чтобы онъ не убивалъ ихъ, но мнѣ не удалось это!

Мнѣ только это и было нужно. Я узналъ все, чего добивался. Я готовъ былъ удалиться, но Кругеръ схватилъ меня за одежду и умолялъ спасти его отъ смерти.

— У меня есть десять тысячъ долларовъ,—умолялъ онъ.— Возьми ихъ себѣ спаси меня, научи, что мнѣ дѣлать; изъ этихъ денегъ часть принадлежитъ двоюродному брату Адлеру, но ты можешь взять себѣ всю сумму. Мы спрятали эти деньги, лишь только поселились здѣсь. Но потомъ я перевелъ въ другое мѣсто. Эта сумма у насъ вся въ золотыхъ монетахъ, такъ что ее очень трудно взять съ собой и унести, поэтому я, рѣшившись бѣжать со службы, отдалъ ее на храненіе одной женщинѣ, которая обѣщала принести ихъ мнѣ въ назначенное мѣсто. Мы съ ней условились, что если я не успѣю указать ей, гдѣ спрятано сокровище, то отдамъ ей вотъ эти часы, въ нихъ спрятана маленькая записка, и въ ней указано это мѣсто. Вотъ эти часы, возьмите ихъ себѣ, пусть эти деньги принадлежатъ вамъ.

Съ этими словами онъ старался сунуть мнѣ въ руку часы, но въ ту же минуту недалеко отъ насъ я замѣтилъ Адлера; боясь, чтобы тотъ не догадался о нашемъ разговорѣ, я сказалъ Кругеру:

— Теперь мнѣ некогда, оставьте часы пока у себя. Не безпокойтесь, никто не причинитъ вамъ никакого зла, только

не мѣшайте мнѣ, я долженъ объявить Адлеру, что его ожидаетъ.

Послѣ этого я началъ гадать Адлеру и наговорилъ ему массу разныхъ подробностей о его судьбѣ, и потомъ прибавилъ, что самое существенное я долженъ сказать ему не теперь, а ночью, когда онъ будетъ стоять на караулѣ, за городскими воротами. На этомъ мы разстались.

Почти въ самую полночь я вышелъ за городъ разузнать „пароль", чтобы меня пропустила стража. Одинъ изъ нихъ уже окликнулъ:

— Кто идетъ?

Но я тотчасъ сказалъ ему пароль и прибавилъ:

— Это я, гадальщикъ.

Потомъ я подошелъ къ моему врагу, и не говоря ни слова, прокололъ ему грудь моимъ кинжаломъ.

— „Ja wohl!" — воскликнулъ я со смѣхомъ, когда онъ падалъ.

Это былъ послѣднiй, самый трагическiй моментъ его судьбы. Онъ упалъ съ лошади и схватился за меня; я вырвался изъ его рукъ, но очки, мои синiя очки, остались у него. Лошадь бросилась въ сторону и понесла, и онъ повисъ одной ногой въ стремени.

Послѣ этого я убѣжалъ въ лѣсъ, считая, что очень легко отдѣлался; въ рукахъ убитаго остались только мои очки, какъ улика противъ меня.

Послѣ этого я долго мыкался по свѣту; порой у меня бывала работа, а порой и не было, да я и не искалъ никакого опредѣленнаго дѣла; жизнь тяготила меня, какъ невыносимое бремя, и я только и желалъ,—поскорѣе умереть. Такъ прошло лѣтъ десять.

Четыре года тому назадъ я сталъ замѣтно слабѣть, мое здоровье было подорвано. Я поѣхалъ въ Мюнхенъ и сталъ искать работы; тутъ вскорѣ мнѣ предложили мѣсто сторожа при мертвецкой. Эта служба мнѣ понравилась, она соотвѣтствовала моему мрачному настроенiю, и я чувствовалъ себя хорошо въ обществѣ покойниковъ. Однажды ночью—года два тому назадъ, я услыхалъ звонокъ, очевидно, одинъ изъ мертвецовъ очнулся и пришелъ въ себя.

Сначала эта мысль поразила меня, и я вздрогнулъ, но потомъ, собравшись съ силами, я пошелъ въ залу, гдѣ лежатъ трупы. Въ срединѣ залы я увидалъ одного покойника, который приподнялся со своего ложа и сидѣлъ, качая головой въ разныя стороны. Это зрѣлище поразило меня и оледянило мою кровь!

Я подошелъ и посмотрѣлъ прямо въ его лицо: Боже мой, что я испыталъ въ эту минуту! Это былъ не кто иной, какъ мой смертельный врагъ, Адлеръ!

Я видѣлъ, что онъ страдалъ невыносимо. Его положеніе было ужасно: представьте себѣ—проснуться среди труповъ! Что онъ долженъ былъ испытать въ эту минуту?! Увидавъ меня, онъ съ признательностью взглянулъ мнѣ въ глаза, ожидая помощи: увидавъ у меня въ рукѣ пузырекъ съ укрѣпляющимъ лѣкарствомъ, онъ думалъ, что я принесъ его, чтобы помочь ему. Но я спряталъ пузырекъ и сказалъ:

— Ну, Францъ Адлеръ, умоляй этихъ мертвыхъ спасти тебя: быть-можетъ, они тебя послушаютъ и помогутъ тебѣ, а отъ меня не жди пощады и помощи!

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но губы его сжались отъ ужаса; хотѣлъ поднять руку, но онѣ были связаны, какъ и у остальныхъ покойниковъ.

— Кричи же, Францъ Адлеръ, кричи, — продолжалъ я, — разбуди мертвыхъ своимъ крикомъ, авось, они помогутъ тебѣ! Осталось немного времени, торопись! Когда ты съ братомъ убивалъ женщину съ ребенкомъ, то они также кричали, звали на помощь, но ты все-таки убилъ ихъ! Это были моя жена и дочь! А я тогда былъ такъ же связанъ, какъ ты теперь, — помнишь ты это? Слышишь, кто-то идетъ по улицѣ, кричи же, Адлеръ, зови на помощь, скорѣе!.. Нѣтъ, шаги удаляются — тебѣ никто не поможетъ! Ты опоздалъ! „Да, — продолжалъ свой разсказъ бывшій сторожъ, мнѣ было тяжело смотрѣть на его страданія, но я съ наслажденіемъ мучилъ и терзалъ его еще больше:

— Бѣдный Кругеръ,—продолжалъ я, — хотѣлъ спасти мою жену и дочь, и я отблагодарилъ его за это великодушіе; одна женщина помогла ему бѣжать и скрыться. Я убѣдилъ его обокрасть тебя!

Въ эту минуту я замѣтилъ выраженіе удивленія на лицѣ умирающаго.

— Что ты удивляешься?—спросилъ я.—Развѣ это неправда? Развѣ онъ не убѣжалъ?

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Такъ гдѣ же онъ?—настаивалъ я.—Или онъ убитъ?

Онъ кивнулъ головой утвердительно.

— Кто же могъ убить его! Ужъ не я ли?—воскликнулъ я въ ужасѣ.

Умирающій опять утвердительно кивнулъ головой.

Да, теперь я понялъ свою ошибку: второпяхъ я умертвилъ кинжаломъ того, кто защищалъ мою жену и ребенка, а настоящій убійца оставался безнаказаннымъ. О, я несчастный!

Я закрылъ лицо руками и горько заплакалъ.

Но вдругъ я услыхалъ хрипѣніе, похожее на сдавленный хохотъ. Я взглянулъ на моего врага: его голова свѣсилась внизъ, онъ задыхался.

Долго продолжалась эта агонія. Онъ былъ крѣпкаго сложенія и долго боролся со смертью. Я принесъ стулъ, взялъ газету и сѣлъ рядомъ, дожидаясь его смерти. Потомъ мнѣ стало холодно, и я выпилъ двѣ рюмки вина.

Когда я принесъ бутылку, умирающій подумалъ, что это для него, такъ какъ случалось, что самые слабые больные нѣсколько оживлялись отъ глотка подкрѣпляющей влаги. Но я, разумѣется, не далъ ему ни капли.

Онъ долго страдалъ въ агоніи. Послѣ звонка, произведеннаго имъ при пробужденіи, до его смерти прошло три часа и шесть минутъ!

Онъ убилъ мою жену и мою дочь, и едва не вырвался изъ объятій смерти! Но я снова толкнулъ его туда, въ могилу!

Вскорѣ послѣ этого я заболѣлъ и слегъ въ постель. Поправившись, я пошелъ въ мертвецкую, чтобы навести справки объ Адлерѣ; оказалось, что онъ уже похороненъ. Сообразивъ, что у него должны были храниться нѣкоторыя вещи, принадлежавшія когда-то Кругеру, его двоюродному брату, я сталъ ихъ разыскивать. Но вещи по смерти Адлера были проданы, остались только какія-то письма, бумаги и старый хламъ, никуда негодный. Я все-таки пріобрѣлъ эти бумаги и, разбирая старыя письма, узналъ, что у Кругера былъ сынъ, единственный наслѣдникъ, оставшійся послѣ него. Это былъ, какъ видно изъ писемъ, человѣкъ уже не первой молодости, лѣтъ подъ тридцать, вдовецъ; у него было нѣсколько человѣкъ дѣтей; онъ жилъ въ Мангеймѣ, на Кенигштрассе, № 14.

Потомъ я началъ разыскивать часы, въ которыхъ была запрятана записка; по этой запискѣ можно было найти мѣсто, гдѣ спрятаны деньги. Но съ часами вышла довольно странная исторія: долго я ихъ разыскивалъ, изъѣздилъ ради нихъ почти половину Германіи и, наконецъ, нашелъ ихъ. Я былъ очень радъ этому, но, когда я открылъ крышку, тамъ не оказалось никакой записки! Конечно, маленькій клочокъ бумаги не могъ столько времени сохраняться! Такимъ образомъ я бросилъ мысль о десяти тысячахъ, которыя хотѣлъ найти, чтобы передать сыну Кругера.

Но вотъ, представьте мое удивленіе! Въ прошедшую ночь, чувствуя приближеніе смерти, я сталъ готовиться къ послѣднему концу. Я хотѣлъ было сначала сжечь всѣ оставшіяся у меня письма, но потомъ сталъ ихъ пересматривать, и вдругъ

нашелъ среди этихъ писемъ клочокъ бумаги, который искалъ такъ долго по всей Германіи. Вотъ эта записка!

„Въ центрѣ города есть каменный домъ, на углу Орлеанской и Рыночной улицъ. Уголъ зданія ближе къ зданію суда. Камень третій, рядъ четвертый. По штукатуркѣ снаружи не трудно найти“.

„Возьмите эту записку,—продолжалъ умирающій Риттеръ,—и сохраните ее. Отъ Кругера я зналъ, что камень, о которомъ здѣсь сказано, подвижной, его можно приподнять; онъ же говорилъ мнѣ, что деньги лежатъ въ сѣверной части, въ фундаментѣ зданія, ближе къ третьему камню, если считать съ западной стороны. Послѣднія слова записки прибавлены нарочно, чтобы сбить съ толку и навести на ложный слѣдъ, если бы записка попала въ чужія руки. Конечно, Кругеръ не желалъ, чтобы Адлеръ овладѣлъ этой суммой и принялъ эту предосторожность. Умоляю васъ,—продолжалъ онъ,—если вы отправитесь на Миссисипи, разыщите эти деньги и перешлите ихъ сыну Кругера, Адлеру Кругеру, адресъ его здѣсь также приложенъ. Онъ станетъ богатымъ человѣкомъ, а я буду спокойно спать въ могилѣ, сознавая, что исполнилъ долгъ благодарности по отношенію къ сыну того человѣка, который старался спасти мою жену и ребенка. Я самъ, собственной рукой умертвилъ его, а между тѣмъ въ душѣ готовъ былъ всѣми силами служить ему и угождать, насколько хватитъ силъ!..“

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Рѣшеніе важнаго вопроса.

Вотъ, что разсказалъ мнѣ Риттеръ, и я передалъ этотъ разсказъ моимъ спутникамъ.

Водворилось молчаніе. Подумавъ немного, оба мои пріятеля стали говорить горячо и убѣжденно, удивляясь странности всего этого происшествія. Но потомъ они стали понемногу успокоиваться, наконецъ, замолчали совсѣмъ и погрузились въ раздумье.

Послѣ продолжительнаго молчанія Роджерсъ воскликнулъ:

— Десять тысячъ долларовъ, вы говорите!?

И, помолчавъ еще минуту, повторилъ:

— Да! Десять тысячъ! Сумма хорошая!..

— Вы думаете отдать ему эту сумму?—спросилъ поэтъ.

— Разумѣется! — воскликнулъ я. — Тутъ не можетъ быть сомнѣнія.

Онъ помолчалъ опять и прибавилъ:

— Пошлете всѣ эти деньги? А я думалъ было...

— Конечно, всѣ! А то какъ же?

Я хотѣлъ прибавить къ этому еще что-то, но потомъ передумалъ и воздержался. Мнѣ пришли въ голову разныя мысли, отвлекшія все мое вниманіе. А въ это время мои спутники продолжали свою бесѣду, но я не слушалъ ихъ, погрузясь въ свои размышленія. Я только услыхалъ послѣднія слова, сказанныя однимъ изъ нихъ:

— Да, я согласенъ съ вами,—сказалъ Роджерсъ:—этого вполнѣ довольно, да и едва ли это принесетъ ему пользу!

— Конечно,—подтвердилъ поэтъ,—по-моему это даже болѣе, нежели достаточно! Можно бы и поменьше! Вѣдь это составитъ пять тысячъ! Да это ему хватитъ на цѣлую жизнь! Я думаю даже, что деньги принесутъ ему не пользу, а вредъ, онѣ

окончательно его разорятъ. Пожалуй, онъ броситъ свое прежнее скромное занятіе, закроетъ магазинъ, начнетъ пьянствовать, будетъ грубо обращаться съ дѣтьми, которыя лишились матери, своей заступницы, и будетъ падать все ниже и ниже!..

— Да вы правы,—прибавилъ Роджерсъ,—я видалъ такіе примѣры. Чтобы разорить человѣка, дайте ему денегъ, и онъ разорится, истратитъ и послѣднія сбереженія; сначала мы можемъ дать ему третью часть всѣхъ этихъ денегъ! А потомъ, недѣль черезъ шесть!

— Нѣтъ! ужъ лучше скажите: черезъ шесть мѣсяцевъ!—воскликнулъ я, выходя изъ своего раздумія.—Да развѣ онъ будетъ дожидаться шесть недѣль! Что вы говорите!

— Конечно, не станетъ,—подтвердилъ Томсонъ;—я самъ издавалъ книги по этому вопросу... И будьте увѣрены, что, какъ бы ни была велика сумма наслѣдства, онъ, навѣрное, спуститъ все состояніе.

— И зачѣмъ башмачнику столько денегъ!—прибавилъ Роджерсъ.—Положимъ, онъ живетъ спокойно въ Мангеймѣ, онъ окруженъ соотвѣтственной средой, такими же, какъ и онъ, работниками, людьми одинаковаго развитія и образа мыслей. И вдругъ это наслѣдство нарушитъ правильное теченіе его жизни, вырветъ его изъ этой среды, у него появятся новыя желанія, новые вкусы, стремленія, новыя привычки, и онъ не устоитъ противъ соблазна! У него въ рукахъ будетъ десять тысячъ долларовъ!

— Или вѣрнѣе десять тысячъ чертей!—прибавилъ я съ жаромъ.—Каждый долларъ будетъ тянуть его, увлекать на путь погибели и порока!

— Да, да,—подтвердилъ мой собесѣдникъ;—если мы желаемъ ему добра, то вовсе не должны нарушать его обычный образъ жизни; мы этимъ совершили бы преступленіе противъ чести и нравственности. Мы должны поступить какъ-нибудь иначе!..

Итакъ, этотъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно; мы не отошлемъ ему этихъ денегъ, потому что они развратятъ его, и это будетъ плохая услуга съ нашей стороны.

Но въ то же время я замѣтилъ, что мои спутники разсчитываютъ получить также часть этой суммы, надѣясь, что я подѣлюсь съ ними поровну. Но я вовсе не намѣренъ былъ дѣлиться съ ними.

— Если вы вдвоемъ получите половину этой суммы, то должны считать себя счастливцами!—воскликнулъ я.

— Ну, нѣтъ,—возразилъ Роджерсъ;—я имѣю полное право на половину этихъ денегъ: мнѣ первому пришло въ голову, что не слѣдуетъ отдавать ихъ башмачнику!

11*

— А я,—воскликнулъ другой,—только что хотѣлъ высказать эту же самую мысль, но вы меня опередили, и я не успѣлъ сказать, что у меня было на умѣ!

— Ну, нѣтъ, нѣтъ!—возразилъ я.—Что бы вы ни говорили, но не забудьте, что безъ меня вы никогда не нашли бы этихъ денегъ, значитъ, главная заслуга въ этомъ случаѣ принадлежитъ мнѣ: мнѣ же должна принадлежать и половина суммы!

Долго мы спорили, потомъ стали браниться, и, наконецъ, подрались, и довольно горячо, такъ что всѣмъ намъ досталось порядкомъ.

Уйдя отъ моихъ спутниковъ, я постарался нѣсколько оправиться отъ волненія и, подойдя къ капитану, попросилъ, чтобы онъ высадилъ меня въ Наполеонѣ.

— Вы хотите высадиться?—съ удивленіемъ переспросилъ капитанъ.

— Да, я хочу сойти съ парохода!

— Въ Наполеонѣ?

— Ну, да!

Онъ засмѣялся, потомъ, видя, что я не шучу, прибавилъ:

— Вы это серьезно говорите?

— Конечно, серьезно!

Капитанъ взглянулъ на лоцмана и проговорилъ:

— Дядя Момфордъ! Вотъ этотъ господинъ хочетъ высадиться у города Наполеона!

— Вотъ такъ ловко! Клянусь святымъ Георгіемъ!—воскликнулъ дядя Момфордъ.

— Что же васъ удивляетъ?—спросилъ я, теряя терпѣніе.—Развѣ никто не можетъ высадиться въ Наполеонѣ?

— Ха-ха-ха! Конечно, не можетъ!

— Да почему же, наконецъ! Объясните мнѣ!

— Да потому, что Наполеонъ давно не существуетъ. Онъ погибъ во время наводненія!

— Какъ! Неужели весь городъ смыло водой? И дома, и церкви, и банкирскія конторы?!.

— Положительно все смыло! Въ четверть часа все исчезло! Не осталось и слѣдовъ отъ прежняго селенія. Вотъ та мѣстность, гдѣ стоялъ бывшій городъ Наполеонъ!

— Да, я знаю эту мѣстность,—отвѣтилъ я,—но странно, что я ничего не зналъ о случившемся.

Страшно и печально было смотрѣть на это разрушеніе. Миссисипи катилась среди бывшихъ улицъ населеннаго города, гдѣ двадцать лѣтъ назадъ была оживленная жизнь, дѣятельность, торговля! Такъ внезапно погибъ городъ, гдѣ было оживленное движеніе, гдѣ я встрѣтилъ когда-то самую красивую

дѣвушку въ моей жизни, гдѣ были присутственныя мѣста, почта, банки! Самый цвѣтущій городъ по рѣкѣ Миссисипи! Здѣсь, въ этомъ самомъ городѣ, двадцать лѣтъ назадъ, мы узнали впервые о гибели парохода *Пенсильванія*. И этотъ прекрасный городъ смытъ, исчезъ съ лица земли, и теперь сталъ добычей рѣчныхъ рыбъ! И ничего не осталось на его мѣстѣ!..

II

Отдыхъ и этика.

Относительно острова № 74, расположеннаго невдалекѣ отъ Наполеона, Миссисипи оказалась особенно капризной и своенравной, словно насмѣхаясь надъ всѣми законами природы. Когда штатъ Арканзасъ былъ отдѣленъ пограничной чертой, то граница эта простиралась „до середины рѣки", какъ было сказано въ официальномъ актѣ; но эта середина не представляетъ собою строго опредѣленной линіи, такъ что граница эта подвержена постояннымъ измѣненіямъ. Граница штата Миссисипи представляетъ собою также весьма измѣнчивую линію. Островъ № 74 принадлежалъ штату Арканзасъ. Но потомъ рѣка образовала *прорѣзъ,* такимъ образомъ островъ былъ отдѣленъ отъ остальной территоріи Арканзаса и теперь не принадлежитъ ни тому ни другому штату. А между тѣмъ островъ этотъ довольно большой, около 4 тысячъ акровъ; благодаря этой новой прорѣзи, онъ сталъ свободенъ отъ податей, не платя ихъ ни тому ни другому штату; жители этого острова какъ будто лишены гражданской родины, у нихъ нѣтъ отечества.

Островъ № 92 также принадлежалъ прежде Арканзасу, но, благодаря новой прорѣзи, перешелъ на территорію штата Миссисипи. Одинъ виноторговецъ, устроивъ здѣсь винный складъ, нажилъ большія деньги, такъ какъ ему не пришлось платить торговыхъ пошлинъ за право продажи вина: въ Арканзасѣ въ тѣ времена была свободная, безпатентная продажа водки (виски).

Мы продолжали ѣхать по рѣкѣ въ полномъ одиночествѣ, ни пароходовъ ни плотовъ почти не попадалось на дорогѣ. Мѣстность по берегамъ была однообразна и пустынна: по бокамъ тянулись лѣса, кругомъ стояла тишина, кое-гдѣ попадались небольшія строенія, хижины, которыя теперь находились уже на самомъ берегу, такъ какъ прорѣзь отодвинула отъ нихъ рѣку, протекавшую мимо нихъ.

Послѣ того, какъ городъ Наполеонъ сталъ добычею рѣчныхъ рыбъ, сталъ процвѣтать и расширяться городъ Гринвилль; тамъ насчитывалось болѣе трехъ тысячъ жителей, а торговый обо-

ротъ достигалъ двухъ съ половиною милліоновъ долларовъ. Теперь этотъ все болѣе процвѣтаетъ и благоденствуетъ.

На пароходѣ было много разговоровъ о Сухопутной Калгоунской Кампаніи, такъ какъ отъ этого общества можно было ждать хорошихъ результатовъ. Нѣкій полковникъ Калгоунъ, внукъ извѣстнаго государственнаго дѣятеля, устроилъ общество, синдикатъ, который и пріобрѣлъ значительный участокъ земли близъ рѣки, въ Арканзасѣ и въ *Чико*, всего нѣсколько десятковъ тысячъ акровъ; они рѣшили засѣять ее хлопчатникомъ и производить работу на наличныя средства, притомъ пріобрѣтать товаръ отъ первыхъ рукъ и производить торговлю собственнымъ продуктомъ. На купленной ими землѣ они рѣшили поселить негровъ, обезпечить ихъ всѣми необходимыми продуктами, пищей, жилищемъ, и, кромѣ того, выплачивать имъ 8—10 долларовъ изъ чистой прибыли; все это дѣлали съ той цѣлью, чтобы пріохотить ихъ и удержать отъ перехода на другія мѣста. Если предпріятіе дастъ благопріятные результаты, то учредители компаніи предполагаютъ основать банкъ въ Гринвиллѣ, съ тѣмъ, чтобы выдавать ссуды рабочимъ, взимая за это шесть процентовъ въ годъ.

Главная бѣда плантаторовъ состояла именно въ томъ, что у нихъ почти никогда не было запасныхъ капиталовъ для веденія дѣла, поэтому имъ приходилось продавать жатву еще на корню, чтобы расплатиться этими деньгами съ рабочими. При этомъ комиссіонеры, устраивавшіе эти операціи, требовали *за рискъ* крупный куртажъ, а это было уже совсѣмъ невыгодно для хозяевъ.

Кромѣ того, здѣсь производятъ свои операціи ловкіе и жадные евреи: благодаря отсутствію наличныхъ денегъ, бѣдняги негры покупаютъ у нихъ въ кредитъ все необходимое для себя и своихъ женъ и дѣтей; за эту услугу они должны расплачиваться съ лихвой; евреи берутъ въ залогъ будущую жатву, такъ что, въ концѣ-концовъ, все имущество несчастныхъ негровъ переходитъ въ жадныя руки евреевъ, и бѣдняки, какъ оказывается, трудятся исключительно для нихъ, и тѣ обогащаются на ихъ счетъ, загребая жаръ чужими руками.

Прежде нерѣдко обращеніе плантаторовъ съ неграми было грубое, суровое; никакое проявленіе чувства симпатіи положительно не допускалось, считалось вреднымъ, излишнимъ. За послѣднее время эти отношенія стали значительно гуманнѣе, и надо надѣяться, что когда всѣ увидятъ, что подобная гуманность не вредитъ дѣлу, а отъ нея выигрываетъ и хозяинъ и рабочій, то и остальные плантаторы послѣдуютъ доброму и полезному примѣру.

III.

Интересныя сообщенія.

Вотъ и городъ *Стэкъ*; я помню его, онъ лежитъ тотчасъ послѣ Луизіаны, которая представляетъ собою первый встрѣчающійся на пути характерный городъ изъ числа южныхъ городовъ. Лежитъ онъ въ низменномъ мѣстѣ и окруженъ деревьями и зеленью. Въ городѣ царитъ скука и однообразіе; дѣятельности такъ мало, что здѣсь „словно постоянно празднуютъ воскресеніе". Эти слова были съ большимъ чувствомъ сказаны дядей Мумфордомъ, а ужъ разъ дядя Мумфордъ это сказалъ,—значитъ это вѣрно!

Одинъ изъ нашихъ пассажировъ, мистеръ Г., передавалъ мнѣ не мало весьма интересныхъ подробностей, касающихся этого города; разсказъ его былъ полонъ самыхъ невѣроятныхъ деталей, такъ что я съ трудомъ вѣрилъ ему; прежде онъ былъ шкиперомъ на Миссисипи, а теперь жилъ себѣ спокойно въ Арканзасѣ и имѣлъ собственный пароходъ, онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ нами въ Виксбургъ именно для того, чтобы встрѣтить свое судно, которое должно было пройти по рѣкѣ Сенфлауръ. Между прочимъ онъ говорилъ, что Арканзасъ могъ бы процвѣтать гораздо болѣе, если бы ему не повредили своими разсказами путешественники, увѣрявшіе, будто бы въ Арканзасѣ такая масса злобныхъ москитовъ, что тамъ почти невозможно жить; благодаря этимъ разсказамъ, путешественники, по его словамъ, стали избѣгать этого города. На самомъ же дѣлѣ, говоритъ мистеръ Г., москиты вовсе не такъ страшны и не такъ многочисленны: ихъ укусы безвредны, и вообще это самыя невинныя, оклеветанныя насѣкомыя! Онъ заступался за нихъ, какъ за родныхъ братьевъ.

— Вотъ въ Гровиденси,—такъ дѣйствительно, москиты не дадутъ вамъ вздохнуть спокойно!—продолжалъ онъ, при чемъ серьезно утверждалъ, что тамъ москиты достигаютъ огромныхъ, колоссальныхъ размѣровъ; онъ назвалъ ихъ „colossi". Два такихъ „колосса" могутъ, какъ онъ утверждалъ, искусать насмерть собаку, а четверо окончательно взбѣсить взрослаго человѣка, самаго хладнокровнаго, и если несчастному не оказать помощи своевременно, то онъ погибнетъ подъ ихъ натискомъ. Они его положительно *доконаютъ*, какъ онъ выражался. При этомъ онъ прибавилъ, что въ Гровиденси политическая и общественная жизнь совершенно не существуетъ: „Имъ тамъ не до политики! Они все время должны поневолѣ бороться съ проклятыми москитами! До того ли имъ!".. Называя

этихъ насѣкомыхъ наглыми и безсовѣстными, онъ разсказывалъ удивительныя подробности.

Другой пассажиръ, его пріятель, также разсказывалъ разныя приключенія, но при этомъ мистеръ Г. прерывалъ его и останавливалъ.

— Ну, батенька мой, вы лучше скиньте двадцать пять процентовъ; вы ужъ слишкомъ хватили черезъ край! Умѣрьте вашъ пылъ, мой милый! Когда излагаете факты, то надо ихъ сокращать, затягивать въ корсетъ, а не давать имъ разрастаться на просторѣ.

Потомъ, черезъ нѣсколько времени, онъ опять вмѣшивался въ разговоръ.

— Ахъ, голубчикъ, вамъ надо будетъ захватить съ собой два буксирныхъ парохода съ запасомъ свѣжей воды, чтобы разбавлять ею всѣ ваши исторіи, которыя вы разсказываете! Вы поймите хорошенько, что если ваши слушатели намѣрены составить книгу о нашей странѣ, то вѣдь имъ необходимы факты, только голые факты, а не легенды и розсказни!

Потомъ, отведя меня въ сторону, онъ прибавилъ:

— Вы не думайте, что я пристрастенъ, но увѣряю васъ, что онъ слишкомъ склоненъ къ преувеличенію. Однажды онъ разсказалъ мнѣ такую невѣроятную исторію, что у меня... распухло лѣвое ухо! Да вѣдь какъ! Его до такой степени раздуло, что оно закрывало мнѣ глазъ и я ничего не видѣлъ съ лѣвой стороны, а когда было жарко, то я могъ имъ обмахиваться словно вѣеромъ! И это продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, пока оно не приняло нормальнаго размѣра!..

IV.

Виксбургъ во время войны.

Въ прежнее время мы причаливали къ Виксбургу подъ самымъ городомъ, но теперь приходится проѣхать дальше, внизъ по рѣкѣ, и затѣмъ вновь подняться противъ теченія, чтобы добраться до него. Пароходы вынуждены дѣлать такой обходъ благодаря тому, что Виксбургъ отрѣзанъ отъ прежняго пункта рѣки неожиданною *прорѣзью*. Рѣка, сдѣлавъ эту прорѣзь, измѣнила русло, такъ что Виксбургъ сталъ уже не прибрежнымъ городомъ, а внутреннимъ, и къ нему приходится пробираться сухимъ путемъ. Подобныя оказіи случались и съ другими прибрежными городами: Оцеолой, Сентъ-Женевьевой, и др.

И до сихъ поръ еще Виксбургъ сохранилъ на себѣ слѣды пережитой имъ осады. До сихъ поръ видны земляныя работы,

укрѣпленія, блиндажи, слѣды бомбъ и ядеръ на деревьяхъ и стѣнахъ, глубокіе подземные ходы въ глиняныхъ пещерахъ. Пещеры эти оказались чрезвычайно полезными во время шестинедѣльной осады въ 1863 году, такъ какъ служили надежнымъ пріютомъ для жителей, не принимавшихъ участія въ бою, особенно для женщинъ и дѣтей. Они не служили постояннымъ мѣстомъ жительства, но лишь временной защитой; пещеры эти вырыты въ холмахъ и имѣютъ видъ длинныхъ коридоровъ, развѣтвляющихся наподобіе буквы *игрекъ*. Жизнь за это время почти совсѣмъ заглохла въ городѣ. Вотъ какіе матеріалы мнѣ удалось собрать отъ очевидцевъ.

Населеніе города состояло изъ 27 тысячъ солдатъ и 3 тысячъ мирныхъ гражданъ. За все время осады городъ былъ отрѣзанъ отъ остального міра, сообщеніе прекратилось, съ моря ему угрожали непріятельскія сила, а со стороны моря—грозныя батареи. Торговля и промыслы почти совершенно прекратились, прекратились также и торговыя сдѣлки, купля и продажа собственности и недвижимости. Никто болѣе не пріѣзжалъ въ городъ, никто не уѣзжалъ, такъ что некого было встрѣчать дружескимъ привѣтомъ, некого провожать добрымъ напутственнымъ словомъ. Утромъ, за завтракомъ, граждане не читали газетъ, потому что газеты не доставлялись почтой въ осажденный городъ, и, благодаря ихъ отсутствію, жители не имѣли ни малѣйшаго понятія о томъ, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ. Это очень тяжело,—не знать, что творится въ другихъ мѣстахъ, это большое лишеніе! Не показывалась вдалекѣ тонкая струйка голубоватаго дыма, предвѣстница приближенія парохода, а на станціи желѣзной дороги не слышно было грома и грохота приходящихъ и отходящихъ поѣздовъ. Въ городѣ царила тишина, все было тихо и спокойно, никто не шумѣлъ, не было суетливой толпы на улицахъ и площадяхъ, и лишь время отъ времени эта тишина нарушалась грознымъ гуломъ смертоносныхъ орудій...

Дороговизна наступила небывалая: все продавалось дорого. За боченокъ муки платили 200 долларовъ, боченокъ сахару—30 долларовъ, жерновой хлѣбъ—10 долларовъ за одинъ *бушелъ*; свинина—5 долларовъ за фунтъ, а за галлонъ рома платили цѣлыхъ сто долларовъ! (*)

*) Галлонъ англійскій (винный)—Wine-Gallon равенъ (приблизительно) 4, 6 литра; литръ=2½ бутылкамъ; *бушель* (мѣра сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ) равенъ 8 галлонамъ; долларъ равенъ (приблизительно) 2 р. 25 к., такимъ образомъ 1 галлонъ рома, т.-е. 10 бутылокъ, стоилъ 225 руб.

(Примѣч. переводчика).

На улицахъ не встрѣчалось подводъ и возовъ съ провизіей и фруктами. Да бѣднымъ жителямъ немного и нужно было, чтобы поддержать свое существованіе!..

Въ первые дни осады мы прятались въ наше подземелье даже нѣсколько раньше, чѣмъ слѣдовало бы. Въ одинъ изъ первыхъ дней я забылъ захватить съ собою дѣтей, и Мари побѣжала за ними, несмотря на опасность, угрожавшую ей. Приведя дѣтей въ пещеру, она была такъ потрясена, что упала безъ чувствъ. Спустя двѣ или три недѣли послѣ этого, однажды утромъ, бомба разорвалась *около* нея, обрызгала ее землей, пылью и грязью и сорвала съ ея головы шиньонъ. Но она сохранила свое спокойствіе и не теряла присутствія духа, остановилась и подняла осколокъ разорвавшейся бомбы.

Изъ этого можете заключить, насколько мы привыкли къ окружавшей насъ опасности. Мы, то-есть большинство мужчинъ, наблюдали за стрѣльбой, и по звуку, производимому разрывнымъ снарядомъ, привыкли довольно точно опредѣлять, угрожаетъ ли намъ отъ него какая-нибудь опасность. Если снарядъ разрывался какъ разъ надъ нашими головами, то мы стояли неподвижно, такъ какъ въ это время двигаться опасно. На улицахъ и повсюду были видны осколки гранатъ и ядеръ. Почти всѣ стекла въ окнахъ зданій были разбиты, и дома напоминали собою безглазые черепа.

По воскресеньямъ у насъ совершалась церковная служба, въ особенности въ началѣ осады. Звукъ органа нерѣдко сливался со свистомъ гранатъ и грохотомъ ядеръ. Однажды во время возвращенія изъ церкви произошелъ несчастный случай, единственный за все время шестинедѣльной осады: я встрѣтился съ однимъ изъ моихъ пріятелей, котораго давно не видалъ. Крѣпко пожавъ ему руку, я сказалъ:

— Приходите-ка къ намъ сегодня ночью, въ наше подземелье, мы съ вами выпьемъ по кружкѣ ви...

Я хотѣлъ было сказать *виски*, но не успѣлъ договорить. Въ ту же секунду со свистомъ разорвалась граната, и рука моего пріятеля, оторванная отъ тѣла, такъ и осталась въ моей рукѣ. Это былъ, какъ я уже сказалъ, единственный подобный случай, и за все остальное время никто изъ насъ не пострадалъ.

Подземелье наше порою было до такой степени полно народа, что намъ было душно и тѣсно. Иногда въ нашемъ помѣщеніи набиралось человѣкъ 12 или 15. Воздухъ былъ до того спертъ, что свѣча едва горѣла и оплывала. Въ одномъ изъ подземелій однажды ночью родился ребенокъ. Вы представьте себѣ только! Вѣдь это похоже на то, какъ если бы онъ родился въ запертомъ сундукѣ.

Раза два случилось, что въ нашъ погребъ набиралось до шестнадцати человѣкъ; иногда бывало только двѣнадцать, но все-таки намъ было очень тѣсно и душно. Когда бывало восемь человѣкъ, то мы чувствовали себя недурно, какъ будто бы подземелье было приспособлено именно для такого количества жителей. Постоянный голодъ, болѣзни и непрерывный страхъ расшатывали наше здоровье, такъ что многіе по окончаніи осады ослабѣли и не могли приняться за прежнюю свою работу. Многіе погибли вскорѣ послѣ осады, а иные во время самой бомбардировки, такъ какъ не въ состояніи были вынести спертаго воздуха подвала и продолжительной голодовки. Однажды ночью граната пробила отверстіе надъ нашими головами, и мы были очень довольны этимъ, такъ какъ притокъ воздуха усилился и намъ легче стало дышать. Послѣ этого мы уже сами сдѣлали два отверстія, а раньше мы не догадывались объ этомъ.

Вы спрашиваете, ѣли ли мы мясо муловъ? Нѣтъ, во время осады этого не случалось, только въ послѣдніе два дня пришлось прибѣгнуть къ этому мясу, которое показалось намъ довольно вкуснымъ. Впрочемъ, когда голоденъ, — такъ все покажется вкусно!

Очевидецъ осады, разсказывающій мнѣ всѣ эти подробности, началъ было даже вести ежедневно свой дневникъ, но онъ прекратилъ его послѣ шестого дня. Въ первый день онъ написалъ восемь страницъ мелкаго шрифта, на второй—только пять, на третій—всего одну страницу, и то разгонистымъ почеркомъ, на четвертый—три-четыре строчки, въ пятый и шестой день—по одной строчкѣ, на седьмой онъ совершенно оставилъ его, потому что пребываніе въ Виксбургѣ, несмотря на весь свой ужасъ, стало однообразнымъ и скучнымъ, и не представляло уже болѣе никакого интереса для записокъ.

Исторія осады Виксбурга для большинства читателей представляетъ значительно большій интересъ, нежели исторія другихъ городовъ. Она полна разнообразія, всевозможныхъ приключеній, порой весьма курьезныхъ и живописныхъ. Виксбургъ болѣе всякаго другого прирѣчнаго города видѣлъ разныя случайности войны и ея перепитіи, какъ на сушѣ, такъ и на водѣ. Ему пришлось перенести осаду, подвергаться подкопамъ, взрывамъ, бомбардировкѣ и пострадать отъ голода, болѣзней и плѣна.

Въ Виксбургѣ находится также одно изъ лучшихъ національныхъ кладбищъ. На большой рѣшеткѣ, окружающей его, находится слѣдующая надпись:

„Здѣсь покоятся въ мирѣ 16.000 патріотовъ, умершихъ за свою родину 1861—65 г.". Кладбище это отличается красивымъ

мѣстоположеніемъ на возвышенной мѣстности, откуда открывается прекрасный видъ на рѣку и на всѣ окрестности. Возвышенность эта устроена на широкой террасѣ, къ которой ведутъ извилистыя тропинки и дорожки. На кладбищѣ много цвѣтовъ и полутропическихъ растеній; кромѣ того, въ одномъ концѣ его растетъ первобытный дѣвственный лѣсъ. Его оставили такъ, какъ онъ росъ раньше, и онъ продолжаетъ развиваться во всей своей дѣвственной прелести. Повсюду видна рука національнаго правительства, которое, устроивъ это кладбище основательно и прочно, продолжаетъ о немъ заботиться.

Мы ѣхали по извилистой дорогѣ. На протяженіи почти двухъ миль дорога эта проложена въ глубинѣ долины, между двумя отвѣсными скалами, и ущелье напоминаетъ искусственный туннель, только безъ свода. Между прочимъ мы посѣтили памятникъ, воздвигнутый на томъ мѣстѣ, гдѣ генералъ Пембертонъ сдалъ Виксбургъ генералу Гранту. Памятникъ этотъ вылитъ изъ металла, чтобы онъ долѣе могъ противостоять вліянію непогоды, тогда какъ впервые онъ былъ сдѣланъ изъ мрамора. Однакоже его фундаментъ значительно осѣлъ, хотя построенъ изъ кирпича. Фундаментъ этотъ украшенъ цвѣтами, посаженными въ изобиліи вокругъ него, что придаетъ ему живописный видъ.

За четверть мили отъ города, на самой дорогѣ, одинъ краснокожій, встрѣтившійся намъ, съ гордостью показывалъ намъ осколокъ бомбы, попавшей въ его хижину во время осады.

Виксбургъ—городъ дѣловой, и жители его отличаются энергіей и трудолюбіемъ, однакоже онъ не лишенъ разныхъ увеселеній. Притомъ же онъ служитъ центромъ торговли между рѣками Язу и Сенъ-Флауръ. Отъ этого пункта идутъ во всѣ стороны желѣзнодорожные пути, пересѣкая земледѣльческіе районы, что обѣщаетъ ему со временемъ блестящую будущность и большое торговое значеніе.

Повидимому, во всѣхъ приречныхъ городахъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ, у жителей составилось такое убѣжденіе, будто бы рельсовые пути непремѣнно должны способствовать процвѣтанію торговли и промышленности, и что отъ этого зависитъ благополучіе населенія. Согласно этой идеѣ, жители стараются о развитіи желѣзнодорожной сѣти. Они увѣрены, что черезъ двадцать лѣтъ произойдутъ значительныя перемѣны въ „*Долинѣ*“, что населеніе значительно увеличится, а вмѣстѣ съ нимъ увеличится и благосостояніе, улучшится также и нравственность, и общее настроеніе станетъ либеральнѣе, такъ какъ подобный либерализмъ, по ихъ мнѣнію, представляетъ

естественный результатъ благопріятныхъ перемѣнъ. А между тѣмъ, если судить по теперешнему состоянію этого города, и сравнить его съ прежнимъ, нельзя не сдѣлать вывода, что прирѣчный городъ какъ будто умышленно замедляетъ свое прогрессивное развитіе: жители его не стремятся вернуться къ процвѣтанію пароходства, возвышая портовую пошлину. На приходящія суда наложена такая высокая пошлина, что имъ стало невыгодно причаливать ради двухъ или трехъ пассажировъ, или для нагрузки незначительнаго количества товара. И вмѣсто того, чтобы поощрять промышленность и привлекать ее къ своему городу, они сами вредятъ и задерживаютъ ея развитіе. Имъ было бы гораздо выгоднѣе, если бы причаливало большее количество судовъ, хотя бы по пониженной пошлинѣ, нежели незначительное количество по высокой. И вотъ такая-то система практикуется отъ Новаго Орлеана до Сенъ-Поля.

Намъ чрезвычайно хотѣлось прокатиться вверхъ по рѣкѣ Язу (Iazoo) и Сенъ-Флауръ, такъ какъ эта мѣстность во всякое время года чрезвычайно интересна, а теперь интересъ этотъ еще болѣе возросъ, такъ какъ слѣды наводненія видны здѣсь въ своей полной силѣ. Но мы узнали, что на обратномъ пути намъ придется дожидаться Орлеанскаго парохода цѣлый день, а можетъ быть и болѣе, и поэтому отказались отъ нашего намѣренія.

Теперь я хочу разсказать вамъ одну исторію, которую я слышалъ на пароходѣ сегодня ночью. Она чрезвычайно интересна, потому я и помѣщаю ее здѣсь, хотя она и не имѣетъ прямого отношенія къ моему повѣствованію. Мнѣ разсказалъ ее одинъ пассажиръ, профессоръ коллегіи. Разговоръ нашъ начался разсужденіемъ объ лошадяхъ, потомъ перешелъ на астрономію, затѣмъ коснулся суда Линча, который практиковался въ Виксбургѣ надъ шулерами лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, затѣмъ перешелъ къ вопросу о разныхъ предразсудкахъ и снахъ. Было уже за полночь, когда наша бесѣда коснулась вопроса о свободной торговлѣ и протекціонизмѣ.

V.

Разсказъ профессора.

Это было очень давно,—началъ онъ.—Въ то время я еще не служилъ профессоромъ въ коллегіи. Я былъ скромнымъ молодымъ человѣкомъ и занималъ должность сельскаго землемѣра. Цѣлый міръ лежалъ передо мной, и я началъ было искать себѣ какую-либо подходящую профессію. И вотъ, наконецъ,

мнѣ удалось заключить контрактъ по надзору за большой дорогой, которая ведетъ къ рудникамъ, въ Калифорніи. Мнѣ пришлось ѣхать туда моремъ, и путешествіе это заняло три—четыре недѣли. На пароходѣ было много пассажировъ, но я мало съ ними разговаривалъ. Я очень любилъ читать и мечтать, поэтому избѣгалъ случайныхъ бесѣдъ, чтобы предаваться моимъ любимымъ занятіямъ. Тутъ же на палубѣ было трое профессіональныхъ картежниковъ. Это были грубые и не симпатичные люди. Я никогда съ ними не разговаривалъ, и они, повидимому, удалялись отъ остальныхъ пассажировъ. Цѣлые дни и ночи они проводили на верхней палубѣ за картежной игрой, и мнѣ случалось иногда, проходя мимо двери, случайно взглянуть туда; дверь всегда оставалась полуоткрытой, такъ какъ въ ихъ помѣщеніи было чрезвычайно накурено и дымно. Кромѣ нихъ на палубѣ былъ еще одинъ пассажиръ, рѣшившійся, повидимому, со мной познакомиться. Должно-быть, я ему понравился; онъ былъ такъ любезенъ со мной, что если бы я уклонился отъ разговора, то могъ бы оскорбить его, а мнѣ вовсе не хотѣлось его обижать. Въ его любезности и простотѣ было что-то чрезвычайно симпатичное; видно, это былъ человѣкъ добродушный и сердечный. Звали его мистеръ Джонъ Бэкусъ. По его одеждѣ и внѣшнему виду я тотчасъ догадался, что это былъ фермеръ, пріѣхавшій изъ дальнихъ лѣсовъ какого-нибудь западнаго штата, вѣроятно, изъ Огіо. И впослѣдствіи, когда мы съ нимъ разговорились и сблизились, то оказалось, что я не ошибся. Я былъ очень доволенъ этимъ результатомъ моей наблюдательности и постарался еще болѣе сблизиться съ нимъ, чтобы провѣрить свои наблюденія.

Каждый день послѣ завтрака онъ приходилъ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ съ нимъ гуляли по палубѣ. Изъ его разсказовъ я узналъ понемногу всѣ подробности его жизни, его занятія, его планы на будущее, его семью, знакомство, политическія убѣжденія. Но въ то же время, разсказывая о себѣ, онъ ничего не разспрашивалъ о моихъ занятіяхъ и планахъ и вообще о моей жизни. Онъ отличался добродушіемъ и находчивостью, и мнѣ нравилось, что онъ такъ сдержанъ и не разспрашиваетъ меня ни о чемъ. Однажды я ему сообщилъ о тріангуляціи. Этотъ землемѣрный терминъ чрезвычайно понравился ему, и онъ спросилъ, что это значитъ. Я объяснилъ ему, и послѣ этого онъ сталъ называть меня *Тріангль*.

Видъ рогатаго скота приводилъ его въ восторгъ. Все, что касалось этого вопроса, вызывало его интересъ. При упоминаніи о коровѣ или быкѣ его глаза загорались, и онъ становился краснорѣчивъ, болтая безъ-умолку; пока мы ходили по

палубѣ, я все слушалъ, а онъ говорилъ. Онъ зналъ, повидимому, всѣ породы скота, одинаково любилъ ихъ и какъ будто ласкалъ, говоря о нихъ съ особенной любовью и симпатіей. Когда вопросъ о скотоводствѣ былъ совершенно исчерпанъ и я начиналъ говорить о моей спеціальности, о разныхъ научныхъ вопросахъ, то мои глаза оживлялись, а его взоры потухали, я становился краснорѣчивъ, а онъ умолкалъ. Жизнь казалась для меня веселой и радостной, а ему, повидимому, становилась тяжкимъ бременемъ.

И вотъ однажды онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Будьте такъ добры, Тріангль, пойдемте въ каюту, я хочу поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ.

Я тотчасъ пошелъ съ нимъ, и мы спустились въ каюту. Онъ оглянулся вокругъ, чтобы убѣдиться, что мы одни, и тщательно заперъ дверь. Когда мы сѣли на диванъ, онъ началъ:

— Я намѣренъ сдѣлать вамъ одно предложеніе, которое будетъ выгодно для насъ обоихъ, если только вы согласитесь. Вы говорили, что ѣдете въ Калифорнію; вѣроятно, не для забавы, а для дѣла? И я точно такъ же. Я думаю, что вы могли бы оказать мнѣ большую услугу. Нужно вамъ сказать, что уже въ теченіе многихъ лѣтъ я откладывалъ деньги, и теперь везу ихъ съ собою.

Открывъ свой чемоданъ, изъ-подъ цѣлой кучи разныхъ предметовъ и бѣлья онъ вытащилъ небольшую сумку и, показавъ ее мнѣ, снова прикрылъ платьемъ, и, заперевъ чемоданъ на ключъ, продолжалъ шопотомъ:

— Онѣ всѣ здѣсь, десять тысячъ желтенькихъ кругляччковъ. Мои милые доллары! Такъ вотъ въ чемъ состоитъ моя идея,— слушайте хорошенько: все то, что мнѣ извѣстно по вопросу о скотоводствѣ, не стоитъ большого вниманія, но мы съ вами можемъ нажить хорошія деньги. Я знаю, и вы, конечно, хорошо знаете, что при размежеваніи остаются нѣсколько полосъ земли, такъ называемыя „клинья", которыя достаются на долю землемѣровъ безплатно. Вы можете сдѣлать такъ, чтобы всѣ эти клинья, которымъ не придаютъ никакой цѣны, пришлись на самые лучшіе, плодородные участки. Вы получите ихъ даромъ и продадите ихъ мнѣ, а я вамъ заплачу вашу долю чистыми денежками...

Мнѣ было очень непріятно, что я долженъ былъ разочаровать его, но я не въ состояніи былъ удержаться и воскликнулъ:

— Милостивый государь, я не принадлежу къ числу подобныхъ землемѣровъ! Вамъ придется обратиться къ другому. Поговоримъ лучше о чемъ-нибудь иномъ.

Мнѣ жаль было видѣть, какъ онъ смутился и сталъ оправдываться. При этомъ онъ сталъ увѣрять, что въ его предложеніи нѣтъ ничего оскорбительнаго или предосудительнаго, такъ что я поспѣшилъ успокоить его и старался увѣрить, что этотъ разговоръ останется между нами.

Въ это время мы проѣзжали мимо Акапулько. Когда мы вышли на палубу, то на пароходъ начали принимать цѣлый грузъ рогатаго скота.

Въ ту же минуту Бэкусъ куда-то удалился, и я совсѣмъ забылъ о нашемъ разговорѣ. Но вскорѣ онъ опять появился и, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— Посмотрите, мой милый Тріангль, какое впечатлѣніе эти животныя произвели бы въ Огіо. Вѣдь мои сосѣди лопнули бы отъ зависти, если бы увидали, что у меня такіе быки и коровы.

Всѣ пассажиры парохода вышли на палубу. Въ числѣ ихъ было и трое картежниковъ.

Бэкусъ зналъ ихъ и, замѣтивъ ихъ присутствіе, продолжалъ разговоръ о рогатомъ скотѣ. Я замѣтилъ, что шулера подошли къ нему и завязали разговоръ. Сначала одинъ, потомъ другой, наконецъ и третій. Я остановился невдалекѣ и сталъ прислушиваться. Разговоръ все оживлялся и становился, повидимому, интереснымъ. Потомъ Бэкусъ отошелъ было отъ нихъ, но одинъ изъ шулеровъ послѣдовалъ за нимъ и взялъ его подъ руку. Я слышалъ, когда они проходили мимо меня, какъ мой скотоводъ проговорилъ:

— Да вѣдь я этимъ совсѣмъ не занимаюсь, сэръ. Я уже вамъ говорилъ про это нѣсколько разъ, и теперь повторяю, что не намѣренъ рисковать.

Эта фраза меня успокоила, я понялъ, что онъ еще не потерялъ разсудка и самообладанія.

Однакоже я замѣтилъ во время переѣзда изъ Акапулько въ Санъ-Франциско, что шулера нѣсколько разъ подходили къ моему пріятелю, и о чемъ-то очень оживленно разговаривали съ нимъ. Однажды я предостерегъ его отъ знакомства съ подобными людьми, но онъ совершенно спокойно отвѣтилъ:

— О нѣтъ. Они приглашаютъ меня поиграть съ ними, такъ себѣ, для развлеченія. Эта игра не серьезная.

Мало-по-малу подвигаясь впередъ, мы доѣхали до Санъ-Франциско въ назначенное время. Была темная ночь и дулъ сильный вѣтеръ. Я стоялъ на палубѣ одинъ. Часовъ въ десять вечера я спустился внизъ. Какая-то знакомая фигура проскользнула мимо меня изъ каюты, занятой шулерами, и скрылась въ окружающей темнотѣ. Я вздрогнулъ. Меня это не-

пріятно поразило, такъ какъ я узналъ Бэкуса. Очевидно, это былъ онъ. Я пошелъ было вслѣдъ за нимъ, чтобы разыскать своего спутника, но мнѣ не удалось его найти. Но вдругъ я увидалъ его. Въ это время онъ направлялся въ гнѣздо картежныхъ шулеровъ. Неужели онъ соблазнился и согласился на ихъ предложеніе? Но если такъ, то зачѣмъ же онъ спускался внизъ, въ каюту? Не затѣмъ ли, чтобы взять свой мѣшокъ съ деньгами; это было очень возможно. Приложивъ глаза къ дверной щели, я увидалъ непріятную сцену, поразившую меня. Вмѣсто того, чтобы читать и мечтать, я долженъ былъ бы употребить всѣ мои старанія, чтобы слѣдить за нимъ, и удержать его отъ этого опаснаго соблазна. Онъ сидѣлъ за карточнымъ столомъ, рядомъ съ нимъ стояла бутылка шампанскаго и, очевидно, вино стало уже производить на моего *скотовода* сильное вліяніе. Онъ похваливалъ *сидръ*, какъ онъ называлъ шампанское, и, очевидно, вошелъ во вкусъ. Скотоводъ наливалъ себѣ одинъ стаканъ за другимъ и добросовѣстно выпивалъ, между тѣмъ, какъ его товарищи только показывали видъ, что пьютъ, а на самомъ дѣлѣ, какъ я замѣтилъ, выливали его на полъ, себѣ черезъ плечо.

Эта сцена стала мнѣ невыносима, и я вновь пошелъ на палубу и сталъ прислушиваться къ шуму вѣтра. Но, несмотря на всѣ мои усилія, я не могъ забыть, что происходитъ тамъ внизу, и черезъ нѣсколько минутъ снова спустился, чтобы наблюдать за игрой. Это повторялось нѣсколько разъ, и всякій разъ я видѣлъ, что Бэкусъ сидитъ за столомъ и все болѣе хмелѣетъ. Онъ попрежнему пилъ добросовѣстно, тогда какъ они попрежнему выливали вино на полъ. Мнѣ было такъ тяжело, что не могу и сказать вамъ! Навѣрное, это была самая непріятная ночь, какую мнѣ приходилось провести въ моей жизни.

Но у меня оставалась еще единственная и послѣдняя надежда, что, когда мы причалимъ къ мѣсту назначенія, игра сама по себѣ прекратится. Я горячо молился, чтобы пароходъ шелъ какъ можно быстрѣе. Наконецъ мы доѣхали до пункта, извѣстнаго подъ именемъ „Золотыя ворота“ — Гильденъ-Гэтъ! Признаюсь, я очень обрадовался, видя, что мы уже причаливаемъ, и тотчасъ побѣжалъ къ проклятой двери и взглянулъ въ каюту! Увы!—въ маленькой комнаткѣ все было попрежнему. Глаза Бэкуса налились кровью, онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и продолжалъ игру. Очевидно, онъ значительно опьянѣлъ. Лицо его искосилось, голосъ охрипъ отъ опьянѣнія, и все его грузное тѣло покачивалось на стулѣ, какъ пароходъ на волнахъ въ бурную ночь. Пока сдавали карты, онъ выпилъ еще стаканъ.

Я замѣтилъ, какъ онъ взглянулъ на свои карты, и глаза его загорѣлись мрачнымъ огнемъ. Шулера наблюдали за нимъ и подавали другъ другу какіе-то таинственные знаки, которые я отлично замѣтилъ.

— Сколько картъ?—спросилъ одинъ.

— Ни одной,—отвѣчалъ Бэкусъ.

Одинъ изъ этихъ негодяевъ, по имени Генкъ Уиллей, бросилъ карты на столъ, и остальные послѣдовали его примѣру. Игра началась. Сначала они ставили небольшіе куши,—по одному или по два доллара. Бэкусъ сталъ горячиться и поставилъ *орелъ*, то-есть монету въ десять долларовъ. Увидавъ такой кушъ, Уиллей сначала какъ будто колебался, а потомъ сказалъ:

— Ну, ладно, пусть идетъ десять долларовъ.

Послѣ этого Бэкусъ поставилъ двадцать долларовъ, а Уиллей замѣтилъ на это:

— Я вижу, что вы хотите повысить игру. Не лучше ли поставить сотню?

Съ этими словами онъ улыбнулся и хотѣлъ взять деньги.

— Оставьте, не трогайте!—воскликнулъ Бэкусъ пьянымъ голосомъ.

— Какъ? вы хотите и это *покрыть?*

— Вы говорите *покрыть?* Да, я согласенъ на это. Я положу еще сотню посверхъ этого.

Онъ опустилъ руку въ карманъ сюртука и вынулъ требуемую сумму.

— Такъ это по-вашему игра *по маленькой*. Я вижу, вы все увеличиваете ставку, и она уже дошла до пяти сотенъ,—замѣтилъ Уиллей.

— Пять сотенъ,—тѣмъ лучше,—сказалъ опьянѣвшій *скотоводъ*, совершенно теряя самообладаніе.

Онъ снова вынулъ деньги и прибавилъ ихъ къ остальной кучѣ. Трое заговорщиковъ съ трудомъ скрывали свой восторгъ, видя, что игра имъ удалась. Кучка золота мало-по-малу возрастала. Дѣло дошло до того, что на столѣ уже лежало десять тысячъ долларовъ. Тогда Уиллей положилъ на столъ мѣшокъ съ монетами и произнесъ иронически:

— Пять тысячъ долларовъ, мой милый пріятель! Что вы на это скажете?

— Я согласенъ и на это,—отвѣчалъ Бэкусъ, и положилъ свой мѣшокъ съ деньгами рядомъ съ кучкой золота.—Какая у васъ карта?

— Четыре короля, *безумецъ* вы этакій!—воскликнулъ Уиллей. Съ этими словами онъ положилъ на столъ свои карты и протянулъ руку къ деньгамъ.

— Четыре *туза, ослы* (*) вы этакіе,—прогремѣлъ страшнымъ голосомъ Бэкусъ. Съ этими словами онъ одной рукой накрылъ кучу монетъ, а въ другой блеснулъ револьверъ.—Я самъ— профессіональный шулеръ и слѣдилъ за вами во все время поѣздки.

Въ эту минуту пароходъ подходилъ къ пристани, и наше путешествіе было окончено.

Да, очень печальныя вещи совершаются иногда на свѣтѣ. Одинъ изъ этихъ трехъ шулеровъ былъ соучастникъ самого Бэкуса и помогъ ему обыграть двухъ остальныхъ.

Черезъ недѣлю послѣ того я встрѣтился съ нимъ на улицѣ Монгомерри.

— Мой милый Тріангль,—сказалъ онъ,—я прошу васъ не придавать никакого значенія нашему разговору о плодородныхъ *клиньяхъ*. По правдѣ сказать, я ровно ничего не понимаю въ скотоводствѣ, и все, что вы отъ меня слышали, я узналъ въ теченіе самаго короткаго времени, передъ тѣмъ какъ сѣсть на пароходъ. Если я высказывалъ восторгъ при видѣ рогатаго скота, то этимъ я отвлекалъ ихъ вниманіе, отводилъ ихъ глаза, чтобы ихъ поймать. И мнѣ это удалось, какъ вы знаете, а теперь это мнѣ уже больше не нужно.

На слѣдующій день я разстался съ пароходомъ Гольдъ-Дестъ и съ его экипажемъ, въ надеждѣ, что когда-нибудь снова встрѣчусь со всѣми ими, но судьба судила совершенно иное!

VI.

Гибель Гольдъ-Деста.

Спустя три мѣсяца послѣ этого, а именно 8 августа, того же года я сидѣлъ однажды за письменнымъ столомъ и писалъ предыдущія главы. Мнѣ принесли газету изъ Нью-Йорка, въ которой я прочелъ слѣдующую телеграмму:

„Страшное трагическое происшествіе! Семнадцать человѣкъ убито во время взрыва на пароходѣ „Гольдъ-Дестъ“.

Далѣе слѣдовала телеграмма отъ 7 августа изъ Гекмана, въ которой я прочелъ слѣдующее:

„На пароходѣ „Гольдъ-Дестъ“ взорвался котелъ, это было въ три часа дня, тотчасъ послѣ того, какъ пароходъ отплылъ отъ Гекмана. Сорокъ восемь человѣкъ пострадало отъ горячаго пара, и семнадцать человѣкъ погибло. Судно причалило

*) Въ подлинникѣ — непереводимая игра словъ: — Four aces, you ass! Ace — *тузъ*, и ass — *оселъ*. *(Примѣч. переводч.)*

къ берегу у самаго города. Благодаря помощи жителей, пассажиры были высажены на берегъ, а также и служащіе на пароходѣ, и всѣхъ ихъ перевезли въ частные дома и отели. Двадцать четыре человѣка помѣщено въ складахъ Голькомба; здѣсь за ними учрежденъ тщательный уходъ и при первой же возможности они будутъ перевезены въ болѣе удобное помѣщеніе".

Послѣ этого былъ помѣщенъ списокъ всѣхъ пострадавшихъ и погибшихъ. Въ числѣ семнадцати убитыхъ находился также и буфетчикъ. Въ числѣ раненыхъ были: капитанъ, главный юнга, второй юнга, а также второй и третій помощники, также мистеръ Грей—лоцманъ и множество изъ числа служащихъ.

Въ отвѣтъ на частную телеграмму намъ сообщили, что никто изъ нихъ не былъ опасно раненъ, кромѣ мистера Грея. Вскорѣ были получены извѣстія, въ которыхъ эти сообщенія подтверждались. Между прочимъ, тамъ писали, что положеніе мистера Грея улучшилось и есть надежда на выздоровленіе. Но потомъ пришло извѣстіе, что состояніе его безнадежно, и, наконецъ, пришло извѣстіе о его смерти. Многіе очень жалѣли его. Это былъ хорошій человѣкъ, чрезвычайно любезный и отзывчивый, онъ былъ достоинъ лучшей участи.

VII.

Красивый домъ.

Мы сѣли на пароходъ въ Цинциннати, чтобы ѣхать въ Новый Орлеанъ.

Извѣстный писатель Диккенсъ отрицалъ, будто бы пароходы на Миссисипи отличаются величіемъ и красотой, однакоже мѣстные жители называютъ ихъ пловучими дворцами и приходятъ въ восторгъ отъ нихъ. Этимъ названіемъ они выражаютъ свое изумленіе передъ грандіозными сооруженіями.

Я согласенъ съ Диккенсомъ, но и обыватели также правы по-своему. Конечно, если Диккенсъ сравнивалъ эти суда съ королевскими алмазами и брильянтами или съ какими-нибудь другими драгоцѣнными предметами, то ихъ нельзя назвать особенно великолѣпными. Въ этомъ отношеніи онъ правъ. Но большинство людей сравниваютъ вещи съ другими, видѣнными ими, и въ этомъ отношеніи они также правы. Такъ въ сравненіи съ другими пароходами, суда на Миссисипи, дѣйствительно, могутъ показаться роскошными, поэтому я также ихъ не виню. Суда нельзя сравнивать ни съ какими зданіями, находящимися на сушѣ, ни съ жилыми домами, ни съ самыми роскошными

гостиницами. И въ этомъ отношеніи, пожалуй, было бы правильно примѣнить къ нимъ названіе пловучихъ дворцовъ. Для тѣхъ, которые живутъ въ Новомъ Орлеанѣ и Сенъ-Луи, можетъ-быть, эти пароходы и не показались бы великолѣпными дворцами, но для большинства мѣстныхъ жителей, обитающихъ по обоимъ берегамъ между Сенъ-Луи и Батонъ-Ружемъ, могутъ, дѣйствительно, показаться пышными зданіями. Эти пароходы до нѣкоторой степени соотвѣтствуютъ ихъ мечтамъ и ихъ представленію о величіи и роскоши.

Въ каждомъ поселкѣ и каждомъ городѣ, на протяженіи всего берега, встрѣчаются красивые дома, принадлежащіе наиболѣе богатымъ гражданамъ. Описать ихъ очень нетрудно: широкій покрытый травой дворъ, обнесенный заборомъ и выкрашенный бѣлой краской; большой четырехугольный домъ въ два этажа, съ портикомъ, напоминающій древній греческій храмъ, съ той только разницей, что капители на колоннахъ Коринфскаго ордена здѣсь не изъ мрамора, а изъ бѣлой сосны, и покрыты масляной краской. У двери желѣзный молотокъ; дверная ручка сдѣлана изъ красной мѣди, совершенно потерявшей свой блескъ отъ недостатка полировки. Вы входите прежде всего въ большую переднюю, не оклеенную обоями; изъ передней проходите въ гостиную. Эта комната—длиной футовъ пятнадцать, а иногда и болѣе; на полу обыкновенно лежитъ шерстяной коверъ. Здѣсь вы увидите круглый столъ изъ краснаго дерева, а на немъ возвышается лампа съ зеленымъ бумажнымъ абажуромъ; подъ лампой лежитъ небольшой коврикъ, сплетенный изъ зеленой шерсти,—работа самой хозяйки дома и ея дочери; нѣсколько книгъ расположены съ большой тщательностью, согласно плану, унаслѣдованному еще отъ предковъ, и тщательно соблюдаемому. Тутъ вы найдете сочиненія Оссіана, Алонзо и Меллиса, быть-можетъ встрѣтите Айвенго, а также альбомъ, наполненный разными стихотвореніями. Иногда попадаются альбомы съ изліяніями дружбы и въ нихъ встрѣчаются рисунки, довольно неискусные и безсодержательные, по большей части уже выходящіе теперь изъ моды „Медзотинто“. Здѣсь также вы увидите каминъ, составляющій непремѣнную принадлежность подобной гостиной, а на каминной доскѣ возвышается букетъ изъ фруктовъ и цвѣтовъ, сдѣланный изъ гипса или изъ воска и грубо раскрашенный, по всей вѣроятности, для того, чтобы онъ походилъ на настоящіе фрукты. Въ большинствѣ случаевъ встрѣчаются персики, хотя, несмотря на окраску, они совсѣмъ не похожи на натуральные. Каминная доска сдѣлана по большей части изъ дерева. По самой серединѣ, надъ каминомъ, виситъ какая-нибудь группа, по большей части изображающая пере-

ѣздъ Вашингтона черезъ рѣку Делаверъ. А на стѣнѣ, надъ самой дверью, красуется копія этой же самой картины, сдѣланной изъ разныхъ шерстей, вышитой по канвѣ кѣмъ-нибудь изъ членовъ семьи—женою или дочерями хозяина. Но исполнена она такъ наивно, что Вашингтонъ, если бы увидалъ ее, вѣроятно, призадумался бы, совершать ли ему этотъ переѣздъ? Кромѣ того, въ той же комнатѣ стоитъ фортепіано, а на немъ гитара. На фортепіано лежатъ ноты въ переплетахъ и безъ переплета. Въ числѣ нотъ чаще всего встрѣчаются „Битва при Прагѣ“, „Птичій вальсъ“, „Арканзаскій путешественникъ“, „На пустынномъ островѣ Святой Елены“, „Марсельскій гимнъ“ и тому подобное, а также „На житейскихъ волнахъ“, „Морской лебедь“ и другіе. Гитара обыкновенно такъ разстроена и дребезжитъ, что при малѣйшемъ толчкѣ кажется, вотъ-вотъ сейчасъ заиграетъ сама испанское фанданго.

Разныя изображенія украшаютъ стѣны, между прочимъ, здѣсь висятъ рамки съ вышитыми по канвѣ изреченіями, являющіяся какъ бы прототипомъ нашихъ современныхъ изреченій, въ родѣ: „Боже, благослови нашъ домъ“, „God bleessour Home“ и т. п. Встрѣчаются ландшафты и разныя картины, нарисованныя молодыми хозяйками, дочерьми хозяина,—красными и черными карандашами, изображеніе озеръ, парусныя лодки. Есть также „Переходъ Наполеона черезъ Альпы“, могила (его же) на островѣ Св. Елены. Красуется также картина, изображающая отца семейства—„папа“, держащаго въ рукахъ книгу, а именно: „Сводъ конституціонныхъ законовъ Соединенныхъ Штатовъ“. Мать семейства—„мама“ сидитъ съ гитарой, украшенной голубыми лентами. Портреты барышень ихъ, когда онѣ были еще дѣтьми. Одна изображена съ игрушечной лошадкой въ рукахъ, другая съ котенкомъ, играющимъ клубкомъ шерсти. Лица у нихъ полныя, свѣжія, румяныя. Противъ нихъ висятъ портреты бабушки и дѣдушки, когда дѣдушкѣ было тридцать лѣтъ, а ей было двадцать: они оба въ старомодныхъ костюмахъ, съ высокими воротниками, какъ носили въ старину. Лица ихъ выглядываютъ изъ темнаго фона, словно окружены какой-то тьмой египетской,—фонъ, очевидно, почернѣлъ отъ времени. Подъ стекломъ красуется букетъ изъ восковыхъ цвѣтовъ. Въ углу—этажерка, далѣе собраніе различныхъ мундштуковъ для куренія. Тутъ же, нѣсколько далѣе, портреты дядюшекъ и тетушекъ, кузеновъ, братьевъ, кузинъ и остальной родни. Вдоль стѣнъ чинно разставлены стулья, обитые волосяной матеріей, на окнахъ простыя бѣлыя занавѣски. Въ спальняхъ на полу лежатъ узкіе половики. Кровати не отличаются ни малѣйшей роскошью; комнаты эти рѣдко про-

вѣтриваются. Маленькое зеркало украшаетъ стѣну; у окна красуется старый письменный столъ, у стѣнъ—простые деревянные стулья. На столѣ въ спальнѣ обыкновенно стоитъ подсвѣчникъ со свѣчой, а рядомъ съ нимъ щипцы для сниманія нагара; свѣчи обыкновенно сальныя. Что касается удобствъ, то на нихъ не обращено особаго вниманія: такъ, напр., въ домахъ мѣстныхъ жителей вы не встрѣтите ванны.

Вотъ каковы, въ общихъ чертахъ, дома состоятельныхъ домовладѣльцевъ въ окрестностяхъ Новаго Орлеана до самаго Сенъ-Поля. Понятно поэтому, что граждане, привыкшіе къ такимъ помѣщеніямъ, невольно приходятъ въ самый искренній восторгъ при видѣ роскошной палубы, съ комфортомъ устроенныхъ каютъ и вообще всего того относительнаго блеска, который они встрѣчаютъ на современныхъ пароходахъ: въ сравненіи съ ихъ собственными помѣщеніями, такая обстановка можетъ, дѣйствительно, показаться имъ роскошной, поэтому они и называютъ пароходы „пловучими дворцами“.

VIII.

Мануфактура и фальсификація.

Близъ Виксбурга, въ той мѣстности, гдѣ рѣка отличалась прежде особенными извилинами, теперь она течетъ свободно и плавно; это измѣненіе произошло благодаря внезапно появившейся „прорѣзи“, какъ мы говорили подробно въ одной изъ предыдущихъ главъ. Прежняя длина этого отрѣзка уменьшилась вдвое, изъ семидесяти миль осталось только тридцать пять, остальное протяженіе осталось въ сторонѣ. Благодаря этому городъ Дельта лежитъ по сосѣдству съ Виксбургомъ, сталъ теперь прирѣчнымъ, тогда какъ прежде онъ лежалъ на сушѣ. Набережная въ Дельтѣ покрыта молодой, зеленой растительностью, и со временемъ эти молодые побѣги разрастутся, образуютъ густую чащу и совершенно скроютъ изъ виду весь городъ, который и безъ того стоитъ въ уединеніи.

Далѣе, въ назначенное согласно расписанію время мы прошли Грэндъ-Гольфъ (Большой Заливъ) Родней, прославившійся во время послѣдней войны, и, наконецъ, достигли Натшеца; это послѣдній изъ городовъ, лежащихъ въ холмистой мѣстности, такъ какъ Батонъ Ружъ лежитъ уже не на холмахъ, а сплошь расположенъ на возвышенности, на плоскогорьи. Часть Натшеца, лежащая у подножія холмовъ, почти не измѣнилась за послѣднія два десятилѣтія. Если судить по описанію путешественниковъ, то можно думать, что и за

шестьдесятъ лѣтъ онъ измѣнился весьма мало; все тотъ же невзрачный, ничтожный городишко. За нимъ укрѣпилась очень плохая репутація; въ прежнее время, когда здѣсь ходили старинныя суда и потомъ начали ходить пароходы, жители этого города отличались пьянствомъ, грубостью нравовъ, кутежами, кулачными боями и нерѣдко убійствами. Но другая часть города чрезвычайно привлекательна, она носитъ названіе Верхняго или Нагорнаго Натшеца; она всегда была привлекательна. Даже мистриссъ Троллопъ писала когда-то въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, признавая привлекательныя стороны этого города (въ 1827 году).

Вотъ ея собственныя слова:

„Въ нѣкоторыхъ пунктахъ возвышенность прерывается отвѣсными „прорѣзями", спусками, представляющими промежутки, перерывы между нагорными участками. Городъ Натшецъ расположенъ въ чрезвычайно живописной гористой мѣстности. Зеленый холмъ, на которомъ онъ лежитъ, представляетъ живописный, картинный контрастъ съ отдаленной темной массой лѣса, окружающаго холмъ со всѣхъ сторонъ. Здѣсь встрѣчается множество пальмъ, апельсиновыхъ деревьевъ и безконечная масса пышныхъ цвѣтовъ. Все это придаетъ городу видъ какого-то оазиса среди пустыни. Натшецъ самый верхній сѣверный пунктъ созрѣванія грунтовыхъ апельсиновъ, сѣвернѣе они уже не зрѣютъ".

Натшецъ соединенъ желѣзнодорожной линіей съ сосѣдними городами. Здѣсь, какъ и въ Виксбургѣ, приготовляютъ искусственный ледъ: ежедневно изготовляютъ около 30 тоннъ (бочекъ) льда. Прежде этотъ продуктъ считался роскошью, драгоцѣнностью въ Натшецѣ и въ Виксбургѣ, и былъ не всегда доступенъ даже для богатыхъ людей; теперь онъ продается дешево и каждый можетъ покупать его когда угодно.

Въ Новомъ Орлеанѣ я побывалъ въ ледяной фабрикѣ, но не встрѣтилъ ничего замѣчательнаго: фабрика представляетъ обширное строеніе, въ концѣ котораго помѣщаются паровыя машины и трубы; на взглядъ онѣ похожи на фарфоровыя, по на самомъ дѣлѣ сдѣланы изъ желѣза; амміакъ, проходящій черезъ эти трубы, покрываетъ ихъ толстымъ слоемъ льда, толщиной въ нѣсколько дюймовъ. Въ помѣщеніи такъ жарко, что нѣтъ надобности надѣвать верхнее платье; при такой температурѣ, казалось бы, ледъ долженъ таять, но этого не бываетъ благодаря тому, что температура внутри этихъ трубъ чрезвычайно низка; она охлаждается съ помощью амміака.

Тутъ же рядомъ, на полу, расположены жестяные сосуды вышиною въ два фута и въ одинъ футъ діаметромъ, сверху

открытые. Они наполнены чистой, свѣжей водой. Вокругъ этихъ коробокъ во время фабрикаціи льда помѣщается соль и разныя другія вещества, благодаря которымъ вода замерзаетъ. Амміакъ въ газообразномъ состояніи способствуетъ также замерзанію и превращаетъ воду въ ледъ. Но самый процессъ составляетъ секретъ для меня, такъ какъ я не понялъ его сущности. Когда вода начинаетъ понемногу замерзать, то работники встряхиваютъ и взбалтываютъ слегка каждый сосудъ. Вѣроятно, это дѣлается для того, чтобы освободить воду отъ примѣси воздушныхъ пузырьковъ. Затѣмъ являются другіе работники, которые уносятъ эти жестянки. Потомъ они опускаютъ ихъ въ горячую воду, чтобы ледъ сразу отсталъ отъ стѣнокъ, и, наконецъ, выкладываютъ цилиндрическіе куски льда на особыя платформы и отпускаютъ въ продажу. Куски эти получаются твердые и чистые, какъ хрусталь. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замораживаютъ букеты цвѣтовъ, красивыя тропическія растенія; въ другихъ вы видите нарядно одѣтыя французскія куклы и разные другіе красивые предметы. Подобныя льдины предназначаются для помѣщенія на торжественныхъ парадныхъ обѣдахъ и въ гостиницахъ, чтобы охлаждать слишкомъ высокую температуру комнатъ. Эти предметы, заключенные въ ледяную кору, совершенно ясно видны, благодаря полной ея прозрачности. Мнѣ говорили, что фабрика отправляетъ ледъ цѣлыми вагонами въ Новый Орлеанъ и оттуда еще дальше, при чемъ за тонну платятъ шесть или семь долларовъ, что даетъ фабрикѣ значительный барышъ. Если это такъ, то, по моему мнѣнію, было бы очень полезно устроить подобныя же фабрики и на сѣверѣ, потому что здѣсь мы не можемъ получать льда по такой цѣнѣ и переплачиваемъ значительно дороже.

По обоимъ берегамъ Миссисипи произошли значительныя перемѣны, которыхъ, конечно, можно было отчасти ожидать. Однакоже я никакъ не ждалъ, чтобы городъ Натшецъ сдѣлался мануфактурнымъ центромъ, подобно другимъ сосѣднимъ городамъ, и чтобы они были соединены такъ скоро желѣзной дорогой. Говоря о мануфактурѣ и о промышленности, я не могу не упомянуть объ одномъ разговорѣ, который мнѣ пришлось слышать на палубѣ цинциннатскаго парохода. Однажды я случайно проснулся послѣ безпокойнаго сна, и вдругъ слышу шумъ голосовъ надъ самымъ ухомъ. Я прислушался. Невдалекѣ отъ меня разговаривали двое; повидимому, разговоръ коснулся большого наводненія. Я взглянулъ на нихъ въ открытое окно. Оба собесѣдника сидѣли за завтракомъ другъ противъ друга, и кромѣ никого не было вокругъ.

Вскорѣ они прекратили разговоръ о наводненіи и коснулись другихъ вопросовъ. Изъ ихъ бесѣды я понялъ, что они были когда-то колольщиками льда. Одинъ былъ родомъ изъ Цинциннати, другой — изъ Новаго Орлеана. Это были люди грубые, но чрезвычайно энергичные какъ въ своемъ разговорѣ, такъ и въ движеніяхъ. Ихъ божествомъ былъ, повидимому, *долларъ*, ихъ религіей—нажива.

— Что касается вотъ этого,—сказалъ тотъ, который былъ изъ Цинциннати, — то могу сказать навѣрное, что этотъ продуктъ нашего производства. — И съ этими словами онъ взялъ на кончикъ ножа кусокъ масла.—Взгляните вотъ на это и попробуйте. Только попробуйте хорошенько, разжуйте и просмакуйте... Ну, что? Какъ вы теперь находите? Что вы скажете? Вы скажете — масло? Да разразитъ меня громъ, если это не чистѣйшій олеомаргаринъ! Да, сэръ, это не что иное, какъ олеомаргаринъ! Пожалуй, вы примете это и за масло, клянусь святымъ Георгіемъ, даже и эксперты могутъ подумать то же, что и вы. Мы отправляемъ цѣлую массу пароходовъ на востокъ. И въ этомъ продуктѣ, клянусь вамъ, наберется едва ли всего фунтъ настоящаго коровьяго масла. Теперь наступилъ періодъ маргарина, а настоящее масло исчезло почти совсѣмъ и вскорѣ вы, вѣроятно, не найдете ни одной унціи его, чтобы полакомиться, ни въ одномъ отелѣ на Миссисипи и въ долинѣ Огіо, развѣ только въ самыхъ крупныхъ городахъ. Маргаринъ—это очень доходная статья. Мнѣ случалось побывать во всѣхъ городахъ, начиная отъ Цинциннати до Натшеца, и я вездѣ получалъ заказы на этотъ выгодный продуктъ.

Далѣе онъ продолжалъ распространяться еще нѣсколько минутъ на счетъ преимуществъ маргарина, наконецъ житель Новаго Орлеана прервалъ его и сказалъ:

— Да, поддѣлка эта выгодна! Это вѣрно, имитація хорошая! Но, я думаю, другая поддѣлка также не уступаетъ ей. Вотъ, напримѣръ, теперь поддѣлываютъ оливковое масло, приготовляя его изъ зеренъ хлопчатника, и достигаютъ такихъ результатовъ, что его очень трудно отличить отъ настоящаго.

— Вы совершенно правы,—возразилъ первый.—Эта промышленность тоже была очень выгодна одно время. Зерна хлопчатника прежде вывозились въ Европу, въ особенности во Францію и Италію, а потомъ оттуда ихъ привозили обратно, но уже съ европейскимъ торговымъ клеймомъ. Такимъ образомъ здѣсь его продавали, какъ продуктъ европейскаго происхожденія. Но теперь Франція и Италія прекратили эту коммерцію, потому что она имъ не выгодна. Онѣ наложили слишкомъ

высокую пошлину за провозъ этого продукта, такъ какъ вовремя спохватились, и въ настоящее время торговля этимъ поддѣльнымъ оливковымъ масломъ не представляетъ большой выгоды.

— Неужели это такъ?—спросилъ собесѣдникъ.—Вотъ подождите одну минуту.

И съ этими словами новоорлеанецъ поспѣшилъ въ свою каюту и, вернувшись оттуда съ двумя бутылками, сказалъ:

— Вотъ попробуйте, осмотрите эти бутылки! Одну изъ нихъ я привезъ изъ Европы, а другая никогда не была вывезена изъ нашей страны. Поэтому въ одной изъ нихъ находится настоящее оливковое масло изъ Европы, а въ другой— поддѣльное, пріѣхавшее изъ Европы, но приготовленное изъ хлопчатника у насъ, въ Америкѣ, уже побывавшее въ Европѣ и тамъ перемѣнившее свое имя. Ну, что вы объ этомъ скажете? Между ними нѣтъ никакой разницы, да и никто не замѣтитъ разницы. Наша фирма, занимающаяся этимъ дѣломъ въ Новомъ Орлеанѣ, поступаетъ нѣсколько иначе: мы наливаемъ въ тонну хлопчатнаго масла нѣсколько капель настоящаго оливковаго, которое привезено изъ Европы; вотъ эти-то нѣсколько капель и придаютъ хлопчатному маслу особый ароматъ, такъ что его не отличишь отъ настоящаго. Бутылки съ этикетками мы скупаемъ по невысокой цѣнѣ и вливаемъ въ нихъ нашъ продуктъ. Я согласенъ, что торговля маргариновыми издѣліями, быть-можетъ, и выгодна, но все же она не можетъ сравниться съ подобной операціей. Наше масло раскупается всюду, начиная отъ Мексиканскаго залива до самой Канады. Это дѣло вѣрное и прибыльное.

Житель Цинциннати слушалъ его съ интересомъ и видимымъ восторгомъ. Потомъ они помѣнялись визитными карточками и встали изъ-за стола; тогда житель Цинциннати спросилъ:

— А что, у васъ есть бланки вашей фирмы?.. Какъ вы это устраиваете?

Но отвѣта я не слыхалъ.

Вскорѣ послѣ этого мы прошли портъ Гёдсонъ, гдѣ когда-то разыгрался самый страшный эпизодъ послѣдней войны; здѣсь была ночная битва между флотами Фаррагета и конфедератами, 14 апрѣля 1863 г., а два мѣсяца спустя здѣсь же произошла замѣчательная сухопутная битва, продолжавшаяся цѣлыхъ восемь часовъ и отличавшаяся страшной жестокостью и кровопролитіемъ; результатомъ ея было оттѣсненіе соединенныхъ войскъ съ большимъ урономъ.

IX.

Замки и культура.

Баттонъ-Ружъ въ это время былъ весь въ цвѣтахъ, подобно юной невѣстѣ. Я могу даже сказать, что цвѣтовъ было болѣе, нежели полагается въ этомъ случаѣ, такъ что онъ напоминалъ скорѣе оранжерейную теплицу. Этотъ округъ принадлежитъ уже къ самымъ южнымъ странамъ Америки. Роскошныя магноліи близъ Капитолія Вашингтона были въ полномъ цвѣту и отличались необыкновенно густой зеленой листвой и ослѣпительно бѣлымъ цвѣтомъ. Онѣ ласкаютъ взоры, но на нихъ пріятно смотрѣть только издали, такъ какъ ароматъ ихъ слишкомъ ужъ удушливъ, и если вы заснете вблизи такого цвѣтника, то можете задохнуться во снѣ и болѣе уже не проснуться. Да, это былъ настоящій югъ, такъ какъ здѣсь начинаются сахарныя плантаціи, которыя тянутся на огромномъ пространствѣ. Въ разныхъ мѣстахъ тутъ виднѣются сахарныя мельницы и жилища негровъ. Вы чувствуете, что надъ головою у васъ печетъ тропическое солнце, и весь воздухъ пропитанъ тропическимъ зноемъ.

Съ этого же пункта начинается самое отрадное, райское житье для лоцмана: русло рѣки расширяется до самого Новаго Орлеана; воды здѣсь много, и она глубока отъ одного берега вплоть до другого; здѣсь нѣтъ никакихъ мелей, отмелей и какихъ бы то ни было рифовъ, такъ что пароходъ идетъ по свободному пути.

Я думаю, что сэръ Вальтеръ Скоттъ долженъ нести на себѣ отвѣтственность за построеніе Капитолія, потому что, въ противномъ случаѣ, трудно себѣ представить, что кому-либо могло прійти въ голову строить здѣсь такіе маленькіе замки, если бы современное ему поколѣніе не увлекалось чтеніемъ его рыцарскихъ романовъ. Это было два поколѣнія тому назадъ; въ то время въ Америкѣ увлекались его произведеніями; и до сихъ поръ еще на югѣ не совсѣмъ избавились отъ этого могучаго вліянія. То восхищеніе и удивленіе, которое было возбуждено его героями къ рыцарскимъ приключеніямъ, описаннымъ въ его романахъ, и до сихъ поръ еще не совсѣмъ улеглось на югѣ. И я думаю, что чтеніе это имѣло разслабляющее вліяніе на душу читателей, хотя въ настоящее время здѣсь уже чувствуется атмосфера чисто практическаго девятнадцатаго вѣка, — вѣка локомотивовъ и электричества. Вотъ почему всѣ эти зданія представляютъ собою подражаніе и притомъ довольно слабое и кажутся совершенно неумѣстными.

Впрочемъ, въ Баттонъ-Ружѣ встрѣчается немного построекъ, напоминающихъ средніе вѣка. Здѣсь особенно замѣчателенъ одинъ домъ, это такъ называемая „женская коллегія"; слѣдующая замѣтка можетъ дать о немъ понятіе!

„Зданіе института давно было извѣстно какъ образецъ красивой архитектуры и изящнаго вкуса. Посѣтители приходили въ восторгъ, видя сходство этого строенія съ древними средневѣковыми замками, съ ихъ башнями, зубчатыми стѣнами и обвитыми плющемъ арками".

Превратить замокъ въ школу это очень романтично, точно такъ же, какъ было бы романтично, если бы превратили гостиницу въ замокъ.

Однакоже такое превращеніе и подражаніе не отличается особенно строгимъ вкусомъ. Теперь я приведу еще отрывокъ о женской коллегіи въ Кентукки.

„Предсѣдатель коллегіи долженъ быть непремѣнно уроженецъ юга. Онъ долженъ быть южанинъ по своему воспитанію и по своимъ чувствамъ. Учителя должны быть также южанами по внутреннимъ убѣжденіямъ; исключенія допускаются только въ пользу европейцевъ по крови, но рожденныхъ и воспитанныхъ на югѣ Сѣверной Америки. Молодыя дѣвушки будутъ воспитываться согласно строгимъ правиламъ и убѣжденіямъ южанъ; онѣ должны быть чистоплотны, должны отличаться религіозностью и женственностью. Открывъ такую первоклассную коллегію въ южныхъ штатахъ, мы рекомендуемъ ее вниманію всѣхъ южанъ и надѣемся, что она оправдаетъ свою репутацію и привлечетъ къ себѣ ихъ покровительство".

Однакоже очень жаль, что устроители этой женской коллегіи совершенно упустили изъ виду одинъ интересный фактъ, помѣщенный въ изданіи „Соединенная Пресса". Вотъ что мы тамъ находимъ.

„Ноксвилль, Тенесси, 19 октября. Сегодня утромъ, въ десять часовъ, были убиты: генералъ Іосифъ Мабрей, Томасъ О'Конноръ и другіе. Ссора началась еще вчера послѣ обѣда. Генералъ Мабрей напалъ на О'Коннора съ угрозою смерти. Сцена эта происходила въ открытомъ мѣстѣ, и майоръ О'Конноръ сказалъ, что здѣсь нельзя рѣшать своихъ личныхъ споровъ. Въ отвѣтъ на это Мабрей возразилъ, что противникъ его не долженъ жить на свѣтѣ. Повидимому, Мабрей былъ вооруженъ, а О'Конноръ — безъ оружія. Поводомъ, къ ссорѣ, какъ говорятъ, былъ переходъ какой-то недвижимости изъ собственности Мабрея во владѣніе О'Коннора. Вечеромъ того же дня Мабрей прислалъ сказать противнику, что онъ умертвитъ его на глазахъ у всѣхъ, нисколько не стѣсняясь. Утромъ

слѣдующаго дня О'Конноръ стоялъ у дверей Національнаго банка, въ которомъ занималъ мѣсто предсѣдателя. Генералъ Мабрей прохаживался по противоположной сторонѣ улицы Гей, гдѣ помѣщается банкъ. Когда О'Конноръ хотѣлъ вернуться въ помѣщеніе банка, внезапно раздался выстрѣлъ, который былъ направленъ въ генерала. Тотъ упалъ, обливаясь кровью,— онъ былъ раненъ въ лѣвый бокъ. Вторымъ выстрѣломъ О'Конноръ ранилъ генерала въ бедро. Затѣмъ О'Конноръ хотѣлъ было скрыться въ зданіе банка, но снова раздался выстрѣлъ: Джозефъ Мабрей, сынъ раненаго генерала, выбѣжалъ изъ-за угла зданія, но О'Конноръ не замѣтилъ его; тотъ выстрѣлилъ и ранилъ О'Коннора въ правую сторону груди. Выстрѣлъ прошелъ навылетъ и вышелъ въ противоположную сторону, близъ сердца. Когда молодой Мабрей прицѣливался, О'Конноръ также повернулся, выстрѣлилъ и ранилъ юношу въ правое подреберье. Мабрей упалъ, получивъ нѣсколько ранъ; упалъ также мертвымъ и О'Конноръ. Юноша хотѣлъ подняться, но тотчасъ же испустилъ духъ. Вся эта сцена продолжалась нѣсколько минутъ, и никто изъ убитыхъ не успѣлъ передъ смертью произнести ни слова. Изъ постороннихъ зрителей одинъ прохожій былъ раненъ въ ногу, другой— въ руку; четверо другихъ также пострадали, такъ какъ ихъ одежда была пробита пулями. Происшествіе это произвело тревогу и панику; на улицѣ Гей собралась толпа народа. Нужно добавить, что генералъ и его сынъ, за нѣсколько дней передъ этимъ, были оправданы судомъ по обвиненію въ убійствѣ Моисея Лёсби, и дона Лёсби, которыхъ они умертвили нѣсколько нѣдѣль тому назадъ. Уилльямъ Мабрей былъ убитъ дономъ Лёсби вскорѣ послѣ Рождества. Майоръ Томасъ О'Конноръ былъ президентомъ въ механическомъ Національномъ банкѣ и считался однимъ изъ самыхъ богатыхъ людей въ Соединенныхъ Штатахъ". Свѣдѣнія эти я заимствую изъ журнала „Соединенная Пресса". (См. Associated Press Telegram).

Приведу еще случай, характеризующій мѣстные нравы южанъ. (Случай этотъ я заимствую изъ газеты „Memphis Avalanche").

„Однажды профессоръ Шэрпъ, изъ Замервилля, въ штатѣ Тенесси, преподаватель женской коллегіи, человѣкъ *спокойный и чрезвычайно благородный*, услыхалъ, что его зять, капитанъ Бертонъ, угрожаетъ убить его. Еще ранѣе этого Бертонъ умертвилъ одного человѣка, а другого ранилъ, вонзивъ ему кинжалъ въ грудь. Узнавъ объ этомъ, профессоръ вооружился двухствольнымъ оружіемъ и отправился искать своего зятя. Вскорѣ онъ нашелъ его въ одной изъ бильярд-

ныхъ залъ и, подойдя къ нему, раздробилъ ему черепъ. Противникъ упалъ мертвымъ, и присутствующіе вполнѣ одобрили его поступокъ, такъ какъ въ виду угрожавшей ему опасности онъ не могъ поступить иначе и защитить самъ себя, не полагаясь на помощь закона.

Около этого же времени двое юношей изъ Сѣверной Каролины поссорились изъ-за одной дѣвицы и вызвали другъ друга на поединокъ. Ихъ друзья старались ихъ помирить, но это имъ не удалось. И вотъ 24 апрѣля враги встрѣтились на общественной дорогѣ; одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ толстую палку, у другого былъ топоръ. Тотъ, который сражался палкой, дрался отчаянно, защищая свою жизнь, но его храбрость не имѣла желаннаго успѣха: ловкій ударъ топора вышибъ палку у него изъ рукъ, и черезъ минуту онъ упалъ на землю мертвымъ.

Около того же времени произошелъ и третій подобный же случай. Два молодыхъ человѣка изъ штата Виргиніи служили въ желѣзной лавкѣ приказчиками; это было въ Чарлотзвиллѣ. Однажды они вздумали побороться, но эта мирная забава перешла въ ссору и, наконецъ, въ драку. Одинъ изъ нихъ, Петеръ Дикъ, бросилъ Чарльзу Роду горсть перцу; тотъ потребовалъ, чтобы товарищъ извинился, но товарищъ не согласился, и они рѣшили драться на дуэли. За позднимъ временемъ трудно было достать пистолеты, поэтому они рѣшились драться на ножахъ, которыми рѣжутъ мясо. Драка эта окончилась очень печально: Чарльзъ Родъ упалъ на полъ, раненый въ животъ. Когда Дика арестовали, то онъ былъ очень огорченъ и сожалѣлъ о происшедшемъ. Я слышалъ отъ одного корреспондента изъ Таунтона, сотрудника „Филадельфійской Прессы“, будто бы были приняты всѣ мѣры, чтобы замять это дѣло. (Extracts from the „Public Journals“).

Отъ самаго Баттонъ-Ружа и далѣе тянутся по обоимъ берегамъ обширныя и многочисленныя сахарныя плантаціи, захватывающія собою широкую полосу побережья, такъ что задніе ихъ края доходятъ вплоть до кипарисовыхъ лѣсовъ, виднѣющихся на горизонтѣ. Берега эти, впрочемъ, довольно оживлены, такъ какъ вслѣдъ за плантаціями вы встрѣчаете ряды домовъ и разныхъ строеній: они расположены такъ близко другъ къ другу, что рѣка становится похожей на городскую улицу. Коегдѣ встрѣчаются барскія помѣстья съ хорошими барскими домами — „мануарами“, какъ ихъ называютъ французы, дома эти украшены портиками, и вокругъ нихъ посажены тѣнистыя деревья и цѣлые сады. Объ этой мѣстности писали многіе путе-

шественники; мнѣніе нѣкоторыхъ изъ нихъ я привожу здѣсь. Вотъ что писала г-жа Троллопъ.

„Плоскіе берега Миссисипи тянутся до Новаго Орлеана, на нѣсколько миль. Путешественникъ съ удовольствіемъ любуется этими стройными, величественными пальмами и широколистыми померанцевыми деревьями, темною зеленью „каменныхъ ду бовъ...“

А вотъ что говоритъ капитанъ Базиль Голль:

„Весь округъ, прилегающій къ рѣкѣ Миссисипи, въ южной части штата Луизіаны, густо населенъ плантаторами сахарнаго тростника. Дома плантаторовъ представляютъ оживленную и веселую картину, благодаря окружающимъ ихъ зеленымъ лужайкамъ, густымъ садамъ и сосѣднимъ съ ними деревнямъ, населеннымъ черными невольниками“.

Надо замѣтить, впрочемъ, что эта мѣстность почти не измѣнилась за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ. Перемѣнилась только окраска домовъ и ихъ внѣшнія украшенія. Теперь уже не красятъ ихъ бѣлой краской, и они имѣютъ какой-то желтоватый видъ. Всѣми этими перемѣнами мы обязаны войнѣ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, когда я здѣсь часто странствовалъ по обязанностямъ службы, вся эта мѣстность блестѣла чистыми, бѣлыми домиками, и дѣйствительно имѣла такой нарядный видъ, какъ это описываютъ путешественники, бывшіе здѣсь полстолѣтія назадъ, въ 1827 году.

Надъ этими путешественниками мѣстные обитатели нагло смѣялись, разсказывая имъ сказки. Потомъ эти небылицы попадали безъ всякой провѣрки въ книги, написанныя этими наивными туристами, и авторовъ поднимали насмѣхъ за ихъ довѣрчивость. Такъ, напр., туземцы увѣряли г-жу Троллопъ, будто бы крокодилы страшно кровожадны и часто забираются въ хижины бѣдняковъ: однажды аллигаторъ пробрался къ одному негру и съѣлъ женщину и пятерыхъ ребятъ.

Г-жа Троллопъ не сообразила, что одной взрослой женщины было бы уже совершенно достаточно, чтобы удовлетворить аппетитъ какого угодно прожорливаго аллигатора, но эти лгуны прибавили еще пятерыхъ дѣтей, имъ показалось мало одной женщины! Эти книги, издаваемыя туристами, „очевидцами“, производили сильное впечатлѣніе, намъ даже трудно теперь представить, какъ онѣ вліяли на публику; а между тѣмъ книга капитана Голля написана человѣкомъ умнымъ, образованнымъ, вполнѣ порядочнымъ, сострадательнымъ, честнымъ! Но и она подобна остальнымъ въ этомъ отношеніи!..

X

Южная столица.

Приближаясь къ Новому Орлеану, я узналъ знакомыя мѣстности: общій видъ остался все тотъ же; если вамъ случалось посѣщать Лондонъ, то, вѣроятно, вы ѣздили не разъ по воздушнымъ трамваямъ, проходящимъ по крышамъ домовъ: изъ окна вагона вы видите лишь верхнюю часть зданія, а нижніе и средніе этажи вамъ совсѣмъ не видны. Подобное явленіе замѣчается при половодіи въ Новомъ Орлеанѣ и его округѣ; вода поднимается вплоть до вершины насыпи, а долина, лежащая за насыпью, очень глубока,—она напоминаетъ огромный ровъ или канаву; поэтому, когда судно движется по рѣкѣ, съ палубы вы видите только крыши домовъ и верхніе этажи.

На верхнемъ концѣ города расположены склады соли, построенные изъ кирпича, наружный видъ ихъ остался все такой же, какъ былъ и при мнѣ, двадцать лѣтъ назадъ. Но владѣлецъ складовъ значительно разбогатѣлъ. Обогащеніе это совершилось словно колдовствомъ, какъ будто у него была волшебная лампа Аладина *), онъ легъ спать небогатымъ человѣкомъ, а проснулся богачомъ; во время войны соль такъ вздорожала, что каждый мѣшокъ соли превратился у него въ мѣшокъ золота.

Суда съ грузомъ стоятъ у пристани, но число пароходовъ сильно уменьшилось, сравнительно съ прежнимъ.

Видъ города почти все тотъ же. Территорія его нѣсколько расширилась, населеніе также выросло. Но улицы также грязны и пыльны, грязные каналы попрежнему издаютъ зловоніе.

Улица „Канала" нѣсколько улучшилась противъ прежняго и оживилась: здѣсь всегда много прохожихъ, ѣздятъ омнибусы, экипажи, а къ вечеру на балконахъ и верандахъ вы видите изящно, по послѣдней модѣ одѣтыхъ дамъ и джентльменовъ.

Особой архитектурой эта улица не отличается, да и вообще весь городъ въ этомъ отношеніи не можетъ похвастать. Особенно интересны здѣсь только кладбища. Такое отсутствіе архитектурнаго стиля въ большомъ населенномъ городѣ можетъ показаться страннымъ, однакоже это такъ. Зданіе таможни отличается большими размѣрами, но скорѣе напоминаетъ тюремный замокъ. Хотя оно построено изъ гранита, но архитектурой своей, вообще внѣшнимъ видомъ она уступаетъ любому

*) См. „Тысяча и одна ночь" (пр. пер.).

самому простому газометру. Оно было построено до начала послѣдней войны. Архитектура въ Америкѣ раньше войны была почти не знакома, она возникла уже послѣ нея. Въ этомъ отношеніи Новый Орлеанъ остался попрежнему некрасивымъ, ему не посчастливилось, такъ какъ если бы тамъ случился большой пожаръ, отъ котораго погибъ бы значительный участокъ города, то вѣрно вновь построенные дома отличались бы болѣе современнымъ вкусомъ. Подобное явленіе мы замѣчаемъ въ Чикаго и въ Бостонѣ. „Выгорѣвшій" кварталъ въ Бостонѣ прежде не отличался изящной архитектурой, а послѣ пожара всѣ дома выстроены на новый ладъ, вся внѣшность его выиграла отъ этого: пожаръ способствовалъ ей много въ украшеніи!

Впрочемъ, кое-гдѣ и въ Новомъ Орлеанѣ начинаютъ строить болѣе современныя зданія: напр., можно указать на здѣшнюю „Хлопчатую биржу", это красивое и обширное зданіе въ современномъ духѣ.

Въ самомъ городѣ не мало умныхъ и интеллигентныхъ жителей. Внѣшній видъ города не гармонируетъ съ настроеніемъ и духомъ обывателей: это такой же контрастъ, какъ между сномъ и бодрствованіемъ. Очевидно, тутъ встрѣчаются сѣмена будущаго прогресса, но они еще не успѣли пустить корни и дать плоды. Когда-то здѣсь въ уличныхъ канавахъ была стоячая, грязная вода, а теперь ее вычерпываютъ три раза въ день большими машинами, такъ что въ нѣкоторыхъ канавахъ вода всегда чистая, проточная. Санитарныя требованія также не забыты. Въ гигіеническомъ отношеніи Новый Орлеанъ считается однимъ изъ лучшихъ городовъ, здѣсь рѣдко бываетъ эпидемія желтой лихорадки. Городъ этотъ обладаетъ хорошими путями сообщенія, что имѣетъ важное значеніе для промышленности и торговли, здѣсь есть желѣзная дорога и природный путь—обширная и глубокая рѣка Миссисипи. Что касается освѣщенія, то электричества здѣсь больше, нежели въ Нью-Йоркѣ, электричествомъ освѣщается не только „улица Канала", но и весь берегъ на протяженіи цѣлыхъ пяти миль. Есть также нѣсколько клубовъ, и нѣкоторые изъ нихъ учреждены лишь очень недавно. Телефоны также проведены здѣсь по всѣмъ концамъ города. Журналистика здѣсь процвѣтаетъ. Насколько я помню, прежде газеты не особенно раскупались, теперь же пресса сдѣлала большіе успѣхи, на нее не щадятъ крупныхъ затратъ; жители жаждутъ новостей и готовы платить за нихъ щедро. Здѣсь газеты и журналы существуютъ не только для развлеченія праздныхъ умовъ, для переливанія изъ пустого въ порожнее, но и составляютъ насущную потребность: это серьез-

ная и дѣльная отрасль литературы. Могу, между прочимъ, указать на слѣдующій примѣръ: въ газетѣ „Современный демократъ“ („Times-Democrat“), отъ 26 августа 1882 года помѣщенъ отчетъ о торговомъ оборотѣ за цѣлый годъ всѣхъ крупныхъ городовъ, лежащихъ на берегахъ Миссисипи, отъ Новаго Орлеана до Сенъ-Поля, т.-е. на протяженіи огромнаго пространства, двухъ тысячъ миль! Отчетъ содержитъ сорокъ страницъ по семи столбцовъ на каждой, слѣд. 280 столбцовъ; каждый столбецъ содержитъ 1.500 словъ, что составитъ въ общей суммѣ 420 тысячъ словъ. Такимъ образомъ отчетъ этотъ почти равенъ цѣлой *трети* этой книги, которую вы читаете въ настоящую минуту. Какая противоположность между прессой и архитектурой Новаго Орлеана!

Впрочемъ, я говорю объ архитектурѣ и внѣшнемъ видѣ городскихъ, общественныхъ зданій; это совсѣмъ не относится къ архитектурѣ частныхъ, собственныхъ домовъ. Частные дома здѣсь деревянные (т.-е. въ американской части города), и видъ ихъ вполнѣ приличный; они окрашены бѣлой краской, по обыкновенію, украшены широкими террасами и верандами, подпертыми изящными, стройными колоннами. Обыкновенно эти дома возвышаются среди обширной луговины, и они отличаются живописнымъ видомъ на зеленомъ фонѣ лужайки, окруженные пышными и яркими цвѣтами. При красивой внѣшности они отличаются также удобствомъ внутренняго устройства.

Къ сожалѣнію, видъ дома портится „цистерною“, это большая зеленая бочка, стоящая у угла дома, для стока дождевой воды: колодцевъ здѣсь мало, а рѣчная вода не годится для питья и варки кушанья, поэтому жители собираютъ съ крышъ дождевую воду. Въ Новомъ Орлеанѣ нѣтъ также погребовъ и могилъ, городъ построенъ на „искусственномъ“ грунтѣ. Объ отсутствіи могилъ едва ли горюетъ кто-либо изъ живыхъ, а мертвые—ужъ и подавно!

XI.

Гигіена и чувства.

Они хоронятъ своихъ мертвыхъ въ гробницахъ подъ сводами, построенными на поверхности земли; нерѣдко этимъ сводамъ придаютъ наружную форму домовъ, или же строятъ ихъ наподобіе храма; ихъ дѣлаютъ иногда изъ мрамора; нѣкоторые изъ нихъ украшены скульптурой и разными архитектурными орнаментами. Эти кладбища, такъ называемые *города мертвыхъ*, содержатся въ чистотѣ и порядкѣ. Вокругъ большин-

ства гробницъ вы увидите красивые сады со множествомъ цвѣтовъ, а у дверей, у самыхъ сводовъ, расположены вазы съ водой, въ которыя ставятъ свѣжіе цвѣты и растенія родственники умершихъ, жены и дѣти. Цвѣты эти мѣняются очень часто, почти каждый день. Большинство гробницъ украшено иммортелями, такъ какъ эти цвѣты не требуютъ особеннаго ухода и прекрасно растутъ, гдѣ бы ихъ ни посадили; онѣ сами заботятся о себѣ лучше, нежели мы могли бы позаботиться о нихъ, и охраняютъ такимъ образомъ память объ умершихъ. При этомъ онѣ всегда чисты, свѣжи и прочнѣе всякихъ желѣзныхъ памятниковъ. Благодаря присутствію цвѣтовъ, видъ кладбища теряетъ свою грустную, печальную картину и представляется веселымъ и жизнерадостнымъ.

Въ ясные солнечные дни здѣсь бѣгаютъ маленькія ящерицы, такъ называемыя хамелеоны; онѣ ловко скользятъ по мрамору гробницъ и сводовъ и разыскиваютъ себѣ насѣкомыхъ, которыми питаются. Извѣстно, что хамелеоны часто мѣняютъ свой цвѣтъ и наружность, и въ этомъ отношеніи чрезвычайно похожи на людей; цвѣтъ ихъ мѣняется въ то время, когда они чуютъ опасность.

Я хотѣлъ кончить на этомъ мѣстѣ описаніе кладбища, но думаю, что не безынтересно будетъ привести нѣсколько мнѣній разныхъ спеціалистовъ объ этомъ вопросѣ. Докторъ Юліусъ Лемуанъ, занимавшійся врачебной практикой въ теченіе пятидесяти лѣтъ, говоритъ слѣдующее:

„Погребеніе тѣлъ людей, умершихъ отъ эпидемическихъ болѣзней, портитъ атмосферу и заражаетъ ее, а также и воду, не только зародышами, происходящими отъ обычнаго посмертнаго разложенія, но также и своимъ специфическимъ ядомъ, зародышами разныхъ недуговъ, тѣмъ самымъ ядомъ, который былъ причиною смерти.

„Газы, испаряющіеся отъ разлагающихся труповъ, поднимаются изъ глубины къ поверхности земли, проникая слой отъ восьми до десяти футовъ глубины, какъ это обыкновенно бываетъ съ углероднымъ газомъ, и мы не имѣемъ никакихъ средствъ, чтобы предотвратить подобное распространеніе этого вреднаго элемента.

Во время эпидеміи, бывшей въ Новомъ Орлеанѣ, въ 1853 году, по увѣренію доктора Бертона, въ четвертомъ округѣ города смертность доходила до четырехсотъ пятидесяти человѣкъ на тысячу. Цифра эта вдвое превосходила цифры другихъ участковъ. Въ четвертомъ участкѣ было три кладбища, на которыхъ въ общей сложности въ этомъ году было похоронено до трехъ тысячъ труповъ.

Въ 1828 году профессоръ Біанки утверждалъ, что вторичное появленіе чумной заразы въ Моденѣ произошло вслѣдствіе того, что жителямъ пришлось вырывать землю изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ когда-то, триста лѣтъ тому назадъ, были похоронены умершіе отъ этой же заразы люди. Мистеръ Куперъ такъ же объясняетъ причины эпидеміи и говоритъ при этомъ, что лишь только были раскопаны кладбища, гдѣ погребались чумные больные, такъ эпидемія тотчасъ же появлялась („Сѣверо-Американское обозрѣніе", № 3, томъ 135).

Въ одномъ рефератѣ, который былъ прочитанъ въ медицинскомъ обществѣ въ Чикаго въ защиту сжиганія труповъ („кремаціи") докторъ Чарльзъ В.-Парди сопоставляетъ нѣкоторые факты и дѣлаетъ сравненія, замѣчая при этомъ, что общество беретъ на себя большую отвѣтственность, а также и тяжелое бремя тѣмъ самымъ, что хоронитъ въ землю заразныхъ больныхъ.

„Въ Соединенныхъ Штатахъ,—говоритъ онъ,—на похороны тратится огромное количество денегъ, даже больше, чѣмъ на общественныя школы. Въ 1880 году похороны въ общей сложности обошлись этой странѣ въ такую сумму, какая была бы достаточна для того, чтобы уплатить всѣ коммерческія обязательства обанкротившихся купцовъ. Сумма эта равняется приблизительно по его счету 8630 фунтамъ стерлинговъ и съ этимъ капиталомъ банкроты могли бы начать новыя дѣла. Расходы, употребленные страной на похороны, превышаютъ стоимость всего золота и серебра, произведеннаго въ Соединенныхъ Штатахъ за 1880 годъ.

„Нужно при этомъ замѣтить, что въ эту сумму не входитъ еще расходъ на покупку земли для могилъ, а также расходъ на памятники. Не мѣшаетъ прибавить, что земля, благодаря близости кладбища, также обезцѣнивается, что составляетъ значительные убытки, которые уже трудно исчислить и выразить въ цифрахъ. Если принять въ соображеніе всѣ эти подробности, то получится такая крупная цифра, какая намъ и въ голову не приходитъ! Для человѣка богатаго, конечно, все равно,—быть ли сожженнымъ по смерти или похороненнымъ, что же касается церемоніи сжиганія труповъ, то его можно сдѣлать въ высшей степени торжественнымъ, въ родѣ того, какъ это дѣлается у индусовъ. Они называютъ этотъ обрядъ *Сутти*. А для бѣднаго человѣка сжиганіе труповъ будетъ легче и выгоднѣе, такъ какъ обойдется дешевле—въ четыре или пять долларовъ (т.-е. отъ восьми до десяти рублей на наши деньги). Если сжиганіе труповъ будетъ введено во всеобщій обычай, то это избавитъ насъ отъ лишняго и ненужнаго унаваживанія

земли. Человѣкъ, зарабатывающій въ теченіе года пятьсотъ—шестьсотъ долларовъ, притомъ женатый и имѣющій дѣтей, считаетъ расходъ по похоронамъ своихъ родныхъ чрезвычайно обременительнымъ. Въ то время, когда я писалъ предыдущія главы, одинъ мой знакомый, человѣкъ семейный и чрезвычайно занятой, но получавшій небольшое вознагражденіе, имѣлъ несчастье лишиться ребенка. Для того, чтобы отыскать гробъ подешевле, онъ цѣлый день бѣгалъ по городу съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ и, наконецъ, нашелъ соотвѣтствующій гробъ за двадцать шесть долларовъ (52 рубля). Понятно, что подобная сумма надолго должна отозваться на его бюджетѣ и матеріальномъ благосостояніи!

XII.

Искусство погребенія.

Вскорѣ послѣ этого я встрѣтилъ на улицѣ одного знакомаго, котораго не видалъ лѣтъ шесть или семь. Мы съ нимъ разговорились, и я передаю нашъ разговоръ въ общихъ чертахъ.

— Послѣдній разъ вы мнѣ показались грустнымъ и даже какъ будто постарѣли, а теперь вы веселы и шутите. Объясните мнѣ эту перемѣну?—спросилъ я.

Въ отвѣтъ на это онъ вынулъ свою карточку и подалъ мнѣ. На карточкѣ было написано: „И. Б., гробовщикъ“. Затѣмъ онъ весело сдвинулъ шапку набекрень и воскликнулъ:

— Да, теперь дѣла идутъ хорошо!.. Мнѣ пришлось много претерпѣть. Тяжелое было время! Когда вы знавали меня, я былъ агентомъ въ страховомъ обществѣ, но пожары бывали такъ часто, что компанія совершенно разорилась, и вотъ я занялся совсѣмъ другимъ дѣломъ. Вѣдь люди умираютъ каждый день, они не дожидаются для этого удобнаго случая, а мы приготовляемъ для нихъ гроба и хоронимъ.

— Скажите, пожалуйста, — сказалъ я, — развѣ фабрикація гробовъ такъ выгодна? Вообще, сколько вы можете получить прибыли отъ каждой штуки?

— Какъ же не выгодна! — воскликнулъ онъ и, слегка подмигнувъ мнѣ лѣвымъ глазомъ, съ лукавой улыбкой продолжалъ.—Вотъ видите, на свѣтѣ есть одна вещь, которая порой бываетъ очень дорога, когда она необходима. Эта вещь единственная на свѣтѣ, безъ которой покупатель не можетъ обойтись. Въ любомъ другомъ магазинѣ, посмотрѣвъ товаръ, онъ скажетъ: „Я поищу въ другомъ мѣстѣ, можетъ-быть, найду дешевле и лучше, и если не найду, то вернусь къ вамъ“. А

здѣсь онъ этого не скажетъ, и если ему нужно орѣховый ящикъ, то онъ не возьметъ дубовый или сосновый, а если нужно изъ краснаго дерева, то не возьметъ орѣховый, и даже не возьметъ и краснаго дерева, если ему нуженъ металлическій гробъ съ серебряной крышкой и бронзовыми ручками! Это—единственный товаръ, за который не приходится торговаться, и вы избавлены отъ необходимости десять разъ приходить за платой; вамъ заплатятъ тотчасъ же и не станутъ особенно торговаться. Да, занятіе гробовщика это самое вѣрное и прибыльное! Вы подумайте только: богачъ непремѣнно пожелаетъ имѣть что-нибудь очень хорошее, давайте ему самый лучшій гробъ. Вы снимаете мѣрку и приготовляете ему роскошный гробъ по высокой цѣнѣ. Что касается бѣдняковъ, то всякій гробъ для нихъ будетъ хорошъ. Да вотъ я вамъ разскажу одинъ случай: однажды ко мнѣ приходитъ мистриссъ о'Флаэрти, какъ говорится „новоиспеченная вдова",—съ заплаканными глазами; указывая на одинъ гробъ, она говоритъ:

— Вотъ этотъ сколько стоитъ?

— Тридцать девять долларовъ, мадамъ,—отвѣчаю я.

— Ахъ, это очень дорого! Но мой Пэтъ долженъ быть похороненъ какъ джентльменъ, какимъ онъ и былъ всегда при жизни.

— Конечно, сударыня!—замѣтилъ я.

— Я не могу отказать ему въ этой почести, хотя бы для этого мнѣ пришлось лишиться всѣхъ пальцевъ на рукахъ. Я возьму этотъ гробъ, сэръ.

— Да, мадамъ,—сказалъ я,—дѣйствительно, этотъ гробъ очень хорошъ. Если хотите, мы обобьемъ его атласомъ, и тогда онъ будетъ стоить шестьдесятъ пять долларовъ. Точно такой же гробъ заказанъ для мистриссъ О'Шаунесси.

— Ахъ, эта Шаунесси!.. Она покупаетъ такой же гробъ, чтобы отправить своего стараго пьяницу въ преисподнюю.

— Точно такъ, сударыня.

— Нѣтъ, нѣтъ! Мой Пэтъ, навѣрное, попадетъ прямо на небо, поэтому я попрошу васъ сдѣлать все, все какъ слѣдуетъ, я уже не гонюсь за цѣной. Лучше я ужъ немножко прибавлю, только ужъ, пожалуйста, чтобы все было сдѣлано хорошо.

Воспользовавшись этимъ случаемъ, я сообщилъ ей, что мистриссъ Шаунесси затратила пятьдесятъ четыре доллара на наемъ лошадей и разныхъ погребальныхъ украшеній, такъ какъ, повидимому, она хочетъ похоронить своего покойнаго супруга, какъ настоящаго герцога. Она заказала четыре лошади и самую лучшую колесницу; такія похороны устраиваютъ

только для настоящихъ герцоговъ, хотя онъ вовсе никогда не былъ герцогомъ. Нужно вамъ сказать, что орлеанцы очень любятъ тратить на похороны родныхъ огромныя суммы, такъ что потомъ готовы голодать цѣлыхъ два года. Благодаря этому, пасторъ даже запретилъ имъ устраивать слишкомъ пышныя похороны; онъ разрѣшаетъ имъ брать только одну пару лошадей, а иной разъ только одну лошадь.

— Хорошо, — сказалъ я, — если вы такъ наживаете въ обыкновенное время, то что же бываетъ во время эпидеміи?

Въ отвѣтъ на это онъ покачалъ головой и сказалъ:

— Ну, нѣтъ, эпидемію мы не очень любимъ; зараза плохо оплачивается. Я не говорю, конечно, чтобы это было совсѣмъ не выгодно, но въ этомъ случаѣ плата далеко не соотвѣтствуетъ ожидаемой пропорціи. Я вижу, вы меня не совсѣмъ понимаете?

— По правдѣ сказать, не понимаю.

— А вотъ подумайте.

— И придумать не могу, въ чемъ тутъ дѣло?

— А вотъ видите, здѣсь есть двѣ важныхъ подробности.

— Какія именно?

— Одна изъ нихъ—бальзамированіе.

— А другая?

— Ледъ.

— Какимъ же образомъ?

— А вотъ слушайте, я вамъ объясню: если умираетъ какой-нибудь обыватель, то мы кладемъ его на ледъ, иногда на одинъ день, на два и даже на три, — въ ожиданіи прибытія родственниковъ. Понятно, что ледъ довольно скоро таетъ, а мы ставимъ высокія цѣны на этотъ продуктъ. Кромѣ того, не дешево стоятъ также и расходы на прислугу по наблюденію за покойникомъ. А во время эпидеміи мы къ этому не прибѣгаемъ. Покойниковъ везутъ на кладбище какъ можно скорѣе, лишь только онъ умретъ; тутъ уже и рѣчи нѣтъ ни о какомъ льдѣ, а уже тѣмъ болѣе о бальзамированіи. Въ обыкновенное время, если вы видите, что семья довольно состоятельная и можетъ хорошо заплатить, вы предлагаете ей набальзамировать покойника тѣмъ или инымъ способомъ и указываете нѣсколько разныхъ манеровъ. На самомъ-то дѣлѣ есть всего два способа, но вы говорите такъ нарочно, чтобы пустить пыль въ глаза. Разумѣется, родственники болѣе или менѣе состоятельные, выбираютъ самый дорогой способъ, это уже всегда такъ бываетъ. Теперь представьте себѣ, какъ

они поступаютъ во время эпидеміи; ужъ, конечно, тутъ о бальзамированіи нѣтъ и помина. Вотъ поэтому-то эпидемія не можетъ принести намъ большихъ барышей. Однако, извините,— прибавилъ онъ, — я съ вами заболтался. Если представится случай, не обойдите меня своей практикой.

Я не удерживалъ его болѣе, и онъ съ веселымъ, беззаботнымъ видомъ пошелъ дальше.

Но оставимъ пока вопросъ о похоронахъ. Что касается меня, то я надѣюсь, что мой трупъ будетъ сожженъ. Однажды я сообщилъ объ этомъ нашему пастору, и онъ сказалъ на это слѣдующее:

— Если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, то не сталъ бы объ этомъ и думать.

Да, хорошо ему говорить! А я такъ вполнѣ увѣренъ, что вся моя семья воспротивится сожженію, если я заранѣе не позабочусь объ этомъ.

XIII.

Окрестности и виды города.

Старая французская часть Новаго Орлеана была когда-то испанской и въ настоящее время не представляетъ никакого сходства съ американской частью, лежащей по ту сторону главнаго торгово-промышленнаго центра. Всѣ дома здѣсь построены какъ бы въ кучѣ и соединены другъ съ другомъ; всѣ они расположены по одному плану, только съ небольшими варіаціями. Всѣ дома покрыты штукатуркой, а снаружи украшены верандами, окружающими ихъ со всѣхъ сторонъ и загороженными желѣзными перилами. Вся прелесть этихъ построекъ состоитъ въ разнообразіи ихъ окраски, и въ особенности въ тѣхъ цвѣтныхъ пятнахъ, которыя образовались на стѣнахъ, благодаря непогодамъ и дождямъ. Эти пятна придаютъ имъ живописную прелесть; они такъ гармонируютъ со всѣми окружающими ихъ предметами, что безъ нихъ самые дома потеряли бы всю свою прелесть; они кажутся такъ же необходимыми, какъ яркіе цвѣта, окрашивающіе облака, при закатѣ солнца. Это украшеніе чрезвычайно оригинально, и ему трудно было бы подражать искусственно; ничего подобнаго въ остальныхъ городахъ Америки я не встрѣчалъ.

Желѣзныя перила верандъ составляютъ особую спеціальность; иногда онѣ такъ легки, такъ прозрачны, словно кружево. Въ серединѣ обыкновенно дѣлается вензель или монограмма самаго изящнаго и красиваго стиля. Въ старину рѣшетки эти

были лучшей работы, но теперь подобная роскошь встрѣчается рѣдко и цѣнится очень высоко. Старинныя рѣшетки пріобрѣтаются только любителями въ качествѣ антикварной рѣдкости. Во всей этой части города обыватели живутъ довольно праздно, по примѣру своего великаго автора, южно-американскаго генія, написавшаго *The Grandissimes*. Въ этомъ авторѣ вся Южная Америка нашла своего великаго изобрѣтателя, своего замѣчательнаго художника, который мастерской рукой воспроизвелъ всю внутреннюю домашнюю жизнь этой страны и всю ея исторію. И дѣйствительно, говоря по правдѣ, я нахожу, судя по своему собственному опыту, что непривычный глазъ и свободный не предвзятый умъ можетъ по его книгѣ изучить эту жизнь лучше и яснѣе, нежели по собственнымъ наблюденіямъ.

Когда вы ходите по стариннымъ кварталамъ въ сопровожденіи книги мистера Кэбля, то вамъ кажется, что какъ будто онъ вмѣсто васъ смотритъ, наблюдаетъ и описываетъ все то, что достойно замѣчанія, и такой обзоръ доставляетъ вамъ большое удовольствіе; у васъ въ умѣ складывается правильный взглядъ на вещи и предметы, вы обращаете вниманіе на наиболѣе выдающіяся черты, а остальныя мелкія подробности дополняете собственнымъ воображеніемъ. Это напоминаетъ нѣсколько, какъ будто близорукій чужестранецъ путешествуетъ по Альпійскимъ горамъ въ сопровожденіи дальнозоркаго и опытнаго проводника, указывающаго ему наиболѣе интересные пункты горизонта.

Мы посѣтили также и старинную гостиницу Сенъ-Луи, которая теперь занята городскимъ управленіемъ, но я здѣсь не встрѣтилъ ничего особеннаго, достойнаго вниманія.

Мы посѣтили также и уважаемый всѣми соборъ и разбитый передъ нимъ скверъ. Соборъ этотъ мраченъ и вызываетъ религіозное настроеніе, а скверъ, напротивъ того, имѣетъ очень веселый видъ, и въ немъ нѣтъ ничего религіознаго. Тутъ растутъ померанцовыя деревья и повсюду цвѣтутъ различные кустарники. Отъ собора мы направились далѣе, въ болѣе отдаленную часть города. Здѣсь населеніе менѣе густо, и нерѣдко встрѣчаются типы простонародья съ дѣтьми и коровами. Побывали мы также и на кладбищѣ. Здѣсь, какъ говорятъ, похороненъ прахъ знаменитаго когда-то пирата, но мы уже не пошли смотрѣть на его могилу, а повѣрили на слово нашему проводнику. Этотъ знаменитый древній пиратъ славился когда-то своей кровожадностью и многочисленными убійствами, совершенными имъ. Несмотря на всѣ его преступленія, народъ относился къ нему съ большимъ уваженіемъ, и

не только народъ, но и высшіе классы. Говорятъ, что со временемъ этотъ разбойникъ увлекался политической карьерой, и ему удалось добиться званія ольдермэна. Понятно, что ольдермэномъ онъ былъ очень плохимъ, и населеніе, помня его подвиги, относилось къ нему недовѣрчиво и даже сторонилось отъ него; но когда онъ умеръ, то на его могилѣ поставили памятникъ, и память его окружили прежнимъ уваженіемъ; это уваженіе относилось, конечно, не къ ольдермэну, а къ бывшему славному пирату.

Оттуда мы проѣхали нѣсколько миль по болотамъ. Вдоль дороги, поднимавшейся въ гору, по одну сторону тянулся густой лѣсъ, а по другую—каналъ. Кое-гдѣ время отъ времени попадались поросшія мохомъ кипарисы, напоминавшіе собою яблони на японскихъ картинахъ. Нерѣдко попадались аллигаторы, зашедшіе сюда изъ рѣки. Мѣстами попадались живописныя фигуры поселянокъ; нѣкоторыя изъ нихъ, наклонившись надъ водой, безмолвно, неподвижно слѣдили за своими поплавками, дожидаясь, когда рыба клюнетъ.

Такимъ образомъ, подвигаясь мало-по-малу мы достигли Вестъ-Энда. Въ этой мѣстности множество отелей. Построены они большей частью по плану загородныхъ дачъ и окружены верандами, которыя омываются синими волнами озера Пончертрайна. Мы обѣдали на широкой верандѣ, висящей надъ самой водой, и за обѣдомъ намъ подавали мѣстную рыбу, которая здѣсь чрезвычайно славится подъ именемъ „помпано".

Ежедневно сюда стекается масса любопытныхъ, особенно по вечерамъ. Они пріѣзжаютъ въ Вестъ-Эндъ и въ Испанскій фортъ, здѣсь обѣдаютъ, наслаждаются музыкой и прогулками при электрическомъ свѣтѣ. Иной разъ катаются по озеру на лодкахъ и развлекаются разными способами.

Нѣсколько времени спустя намъ опять представился случай попробовать знаменитой рыбы „помпано". Это было въ одномъ изъ городскихъ клубовъ; здѣсь ее приготовляютъ самымъ лучшимъ способомъ, и она оправдала свою громкую славу. Вмѣстѣ съ рыбой намъ подали рѣчныхъ раковъ; блюдо это намъ показалось чрезвычайно вкуснымъ, изысканнымъ и аппетитнымъ.

Какъ на западѣ, такъ и на югѣ не такъ давно появилось новое учрежденіе, называемое „Метельной Бригадой". Бригада эта состоитъ изъ молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ однообразный форменный костюмъ и представляющихъ собою нѣчто въ родѣ пѣхотнаго войска, вооруженнаго метлами, вмѣсто оружія. Войско это представляетъ очень красивый видъ; если бы оно появилось на сценѣ театра при свѣтѣ электрическихъ огней

то это оригинальное зрѣлище произвело бы волшебное впечатлѣніе. Своими метлами онѣ исполняютъ всевозможные военные артикулы съ необыкновенной ловкостью; я видѣлъ, какъ онѣ дѣлали разныя движенія самыя трудныя и замысловатыя, но только вовсе не мели улицъ. Этого я ни разу не видалъ, хотя убѣжденъ, что онѣ могли бы научиться даже и этому искусству; это ясно изъ того, чему онѣ уже научились. Быть-можетъ, онѣ когда-нибудь достигнутъ такого искусства, что пройдутъ церемоніальнымъ маршемъ черезъ главную городскую улицу и по всѣмъ прилегающимъ переулкамъ. И это зрѣлище было бы, дѣйствительно, чрезвычайно красиво и вызвало бы всеобщее одобреніе, но едва ли онѣ сами согласятся на это!

Въ артиллерійскомъ зданіи Вашингтона мы присутствовали на ученіи, и намъ удалось видѣть нѣсколько интересныхъ военныхъ воспоминаній. Между прочимъ, здѣсь виситъ картина, изображающая послѣднее свиданіе Джексона съ генераломъ Ли. Оба героя сидятъ верхомъ на лошадяхъ; на картинѣ изображенъ тотъ моментъ, когда Джексонъ подъѣхалъ къ генералу и разговаривалъ съ нимъ. Картина имѣетъ большое значеніе, въ особенности потому, что дѣйствующія лица изображены точно, согласно портретамъ; но, подобно многимъ другимъ историческимъ картинамъ, она теряетъ свою цѣну вслѣдствіе отсутствія подписи; на этой подписи можно было бы написать слѣдующее:

„Первое свиданіе Ли съ Джексономъ“.

Или же написать такъ:

„Послѣднее свиданіе Ли съ Джексономъ“.

Или же, напримѣръ, такъ:

„Джексонъ представляется генералу Ли“.

Хотя можно было бы измѣнить подпись въ такомъ смыслѣ:

„Джексонъ принимаетъ приглашеніе генерала Ли на обѣдъ“.

Или же:

„Джексонъ отклоняетъ приглашеніе генерала Ли на обѣдъ и благодаритъ за честь“.

Или же такъ:

„Джексонъ одерживаетъ великую побѣду“.

А можно бы и такъ:

„Джексонъ вызываетъ Ли на бой“

Единственно, что можно сказать по поводу этой картины, такъ это то, что на ней изображены эти два лица и можно сдѣлать такое заключеніе вполнѣ безошибочно: „Здѣсь изображены Ли и Джексонъ“. Художникъ могъ бы назвать это и первымъ свиданіемъ, и послѣднимъ, и какимъ угодно. Под-

пись подъ картиной, на мой взглядъ, придаетъ ей особо важное значенiе. Такъ, напримѣръ, я помню, въ Римѣ я видѣлъ картину, передъ которой наивные зрители останавливались и проливали слезы умиленiя и скорби. Она изображаетъ „Беатриче Ченчи наканунѣ казни". Вотъ что значитъ подпись! Если бы ея не было, то при видѣ этой дѣвушки, изображенной на картинѣ, вы бы никакъ не подумали, что это Беатриче наканунѣ казни, и никто бы не сталъ проливать слезы; вы бы просто сказали, что это изображена дѣвушка съ мѣшкомъ и больше ничего.

Тутъ же я услыхалъ полузабытую мною южную интонацiю и южное произношенiе, которое я когда-то такъ любилъ, и оно произвело на меня попрежнему свое чарующее впечатлѣнiе. Говоръ южанъ напоминаетъ музыку, по крайней мѣрѣ, это музыка для меня, такъ какъ я родился самъ на югѣ. Интеллигентные южане никогда не произносятъ буквы „р" въ серединѣ слова или въ концѣ его, а только въ началѣ. Такимъ образомъ вмѣсто „сэръ" они говорятъ „сэ", вмѣсто „диннеръ"— говорятъ „дине", вмѣсто „говернеръ" произносятъ „говено" и такъ далѣе. При этомъ они сохранили старинную, весьма симпатичную привычку употреблять часто слово „сэръ"; привычка эта уже давно отброшена на сѣверѣ. Вмѣсто того, чтобы коротко и отрывисто сказать „да" или „нѣтъ", южане говорятъ: „да, сэръ" или „нѣтъ, сэръ". Помимо всего этого мы встрѣтили здѣсь еще одну особенность, которая стоитъ того, чтобы ради нея нарочно съѣздить въ Новый Орлеанъ. Эта особенность состоитъ въ томъ, что здѣсь часто употребляютъ слово „ланьяпъ" и произносятъ его какъ два отдѣльныя слова „лани-япъ"; они говорятъ, что это слово испанское. Въ первый день мы услыхали его случайно, на второй день уже отъ многихъ, на третiй мы поняли, что оно значитъ, а на четвертый уже сами употребляли при случаѣ. Слово это обозначаетъ чтò-либо, употребленное въ излишней мѣрѣ, и распространилось оно изъ испанскаго квартала по всему городу; оно значитъ также прибавку къ чему-либо, какъ у насъ говорятъ, „не въ счетъ абонемента". Такъ, напримѣръ, если слуга или служанка покупаетъ что-либо въ лавкѣ, то, уплативши деньги, обращается къ хозяину съ просьбой:

— Дай намъ еще что-нибудь въ видѣ „ланьяпа".

И хозяинъ, вмѣсто отвѣта, подаетъ или дешевую сигару или мотокъ нитокъ или что-нибудь подобное, что не составляетъ большой цѣнности, а между тѣмъ доставляетъ большое удовольствiе подобному покупателю.

Когда васъ приглашаютъ выпить стаканъ вина, но вы отвѣчаете, что вы уже достаточно выпили и уже больше не въ силахъ, тогда собесѣдникъ говоритъ:

— Еще хоть рюмочку, какъ ланьяпъ!

Если какой-нибудь франтъ ухаживаетъ за дѣвицей и, наговоривъ ей слишкомъ много комплиментовъ, замѣчаетъ, что это ей непріятно, то вмѣсто того, чтобы извиниться въ своей неумѣстной любезности, онъ говоритъ коротко:

— Ну, это ужъ для ланьяпа!

Это слово вообще употребительно здѣсь повсюду во всѣхъ подобныхъ случаяхъ.

XXIV.

Спорты на югѣ

На сѣверѣ очень рѣдко случается, чтобы начался разговоръ о войнѣ. Это бываетъ, можетъ-быть, разъ въ мѣсяцъ, можетъ-быть, разъ въ недѣлю, но уже никакъ не чаще; и никогда разговоръ о войнѣ не можетъ служить на сѣверѣ преобладающей темой. Причина этому очень ясна: если вы приглашаете гостей на обѣдъ, то въ числѣ приглашенныхъ, быть-можетъ, будетъ нѣсколько джентльменовъ, служившихъ когда-либо въ войскѣ, но большинство, конечно, никогда не было въ военной службѣ, и потому военный разговоръ не можетъ тянуться цѣлый вечеръ и заинтересовать все общество. Если при этомъ случится, что въ числѣ гостей есть и дамы, то ужъ можно навѣрное сказать, что разговоръ о военныхъ событіяхъ не будетъ интересовать ихъ.

На югѣ мы встрѣчаемъ совершенно иныя условія: почти каждый мужчина, котораго вы встрѣчаете въ обществѣ, побывалъ на войнѣ и каждая женщина видѣла войну своими глазами. Это было такъ недавно, и поэтому интересъ, представляемый военными событіями, всегда близокъ ихъ сердцу, а остальныя темы бесѣды считаются какъ бы случайными, мимолетными. Иногда бываетъ, что самое скучное, натянутое общество въ одно мгновеніе оживляется и становится сообщительнымъ, лишь только кто-либо упомянетъ о военныхъ дѣйствіяхъ. И всѣ эти разговоры, конечно, дадутъ вамъ больше понятія о войнѣ и о томъ бѣдствіи, которое съ ней сопряжено, нежели всевозможные книги и мемуары, которые вы читаете у себя въ кабинетѣ, сидя у камина.

Однажды вечеромъ одинъ джентльменъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Вы, вѣроятно, замѣчаете, что мы очень часто говоримъ о войнѣ. Это не потому, что у насъ нѣтъ другихъ темъ для бесѣды, а потому, что этотъ вопросъ для насъ самый интересный и животрепещущій. Кромѣ того, есть и другія причины такого горячаго отношенія къ нему: каждый изъ насъ болѣе или менѣе испыталъ на себѣ бѣдствія войны, каждый изъ насъ принималъ въ ней участіе такъ или иначе и вынесъ изъ ней большее или меньшее знакомство съ военнымъ дѣломъ; какой бы интересный разсказъ вы ни начали,—повѣрьте, что всякій разговоръ непремѣнно приведетъ къ вопросу о войнѣ.

Недалеко отъ насъ сидѣлъ одинъ поэтъ. Какъ разъ въ ту минуту онъ заговорилъ не о войнѣ, а о лунѣ.

Гость, съ которымъ я разговаривалъ, замѣтилъ мнѣ:

— Вы слышите, онъ говоритъ о лунѣ, но этотъ разговоръ слишкомъ далекъ отъ насъ и мало интересуетъ наше общество, и вы увидите, что онъ непремѣнно перейдетъ на вопросъ о войнѣ.

Между прочимъ, поэтъ замѣтилъ, что луна какъ будто измѣнилась на его взглядъ, что свѣтъ мѣсяца на экваторѣ нѣсколько иной, нежели на сѣверѣ, и когда онъ былъ въ Новомъ Орлеанѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ...

Въ эту минуту кто-то съ другого конца комнаты прервалъ его:

— Я вамъ могу это объяснить,—сказалъ новый собесѣдникъ.—Ваше замѣчаніе напоминаетъ мнѣ одинъ анекдотъ: говорятъ, что со времени войны все измѣнилось, иное къ лучшему, иное къ худшему; но, конечно, только люди брюзгливые да вѣчно всѣмъ недовольные видятъ только перемѣну къ худшему. Къ числу такихъ людей принадлежала одна негритянка, про которую разсказываютъ слѣдующее: когда кто-то въ ея присутствіи сказалъ: „Какая у васъ прекрасная луна“, то негритянка съ глубокой горестью вздохнула и воскликнула:

— Ахъ, сэръ, если бы видѣли нашу луну до войны! Тогда она была еще лучше!

И дѣйствительно, разговоръ о войнѣ опять возобновился. Поэтъ принималъ въ немъ участіе и придалъ ему поэтическій оттѣнокъ. Кто-то упомянулъ о томъ, что самый цвѣтъ луны на сѣверѣ и на югѣ не совсѣмъ одинаковый; отчего это можетъ происходить,—дѣйствительно ли есть разница въ свѣтовыхъ лучахъ или же это просто игра воображенія? Отъ луннаго свѣта разговоръ перешелъ къ разнымъ способамъ искусственнаго освѣщенія. Потомъ кто-то вспомнилъ, что во время

войны Фаррагутъ подошелъ близко къ непріятелямъ, и что было такъ темно, что почти ничего не было видно, но онъ, однакоже, не велѣлъ зажигать огня, чтобы его флотъ не могъ служить мишенью для непріятельскихъ выстрѣловъ. Такимъ образомъ опять зашелъ разговоръ о войнѣ, который и продолжался цѣлый вечеръ.

Я былъ очень доволенъ этимъ, такъ какъ разговоръ объ этомъ предметѣ въ устахъ людей, видѣвшихъ войну собственными глазами, всегда интересенъ.

Въ Новомъ Орлеанѣ мы посѣтили также бой пѣтуховъ. Это было въ субботу, послѣ полудня. Раньше этого мнѣ никогда не случалось видѣть этой забавы. На это зрѣлище собрались мужчины и мальчики всѣхъ возрастовъ и національностей, а также и разнаго цвѣта кожи. Но я не замѣтилъ здѣсь этихъ возбужденныхъ, кровожадныхъ лицъ, о которыхъ я слыхалъ прежде, и меня это очень удивило. До начала боя можно было подумать, что всѣ эти зрители собрались не на кровожадный бой, а на общую молитву; но лишь только начался самый бой, то даже съ завязанными глазами вы могли бы сказать безошибочно, что здѣсь совершается нѣчто варварское и безобразное, судя по этимъ страшнымъ, возбужденнымъ и кровожаднымъ возгласамъ.

Негръ и бѣлый человѣкъ вышли на арену, каждый съ своей стороны; вся остальная публика толпилась кругомъ. Пѣтухи были принесены въ мѣшкахъ; когда подали сигналъ, ихъ вынули оттуда и начали горячить и ласкать; потомъ ихъ подводятъ другъ къ другу и, наконецъ, выпускаютъ на арену. Большой черный пѣтухъ набросился на маленькаго сѣраго пѣтушка и началъ бить его своей шпорой по головѣ; сѣрый пѣтухъ отвѣчалъ ему съ большимъ задоромъ. Кругомъ поднялся шумъ, слышались возгласы, которые уже такъ и не смолкали до самаго конца боя. Стоголосая толпа шумѣла и волновалась. Черезъ нѣсколько минутъ я уже думалъ, что скоро наступитъ конецъ, и что пѣтухи не выдержатъ такого кровопролитія, такъ какъ оба они уже были истощены, обливались кровью и были при послѣднемъ издыханіи. Они даже падали отъ изнеможенія, но потомъ снова поднимались, но имъ не позволяли довести дѣло до конца; ихъ хозяева подстрекали ихъ, и никто не желалъ смерти того или другого противника. Какъ негръ, такъ и бѣлый поощряли ихъ къ бою, лили на нихъ воду тонкой струею и время отъ времени, взявъ ихъ на руки, дышали на нихъ, чтобы вернуть ихъ къ жизни, потомъ снова пускали ихъ на арену. Я не въ состояніи былъ досидѣть до конца этой кровавой битвы. Сдѣлавъ надъ собою

усиліе, я заставилъ себя смотрѣть, насколько былъ въ силахъ, но долго выдержать я не могъ и откровенно сознался моему спутнику, что это зрѣлище производитъ на меня удручающее впечатлѣніе. Мы встали и ушли. Впослѣдствіи мы узнали, что черный пѣтухъ палъ въ бою, отбиваясь отъ непріятеля до послѣдняго издыханія.

Очевидно, что мѣстные жители находятъ особенное удовольствіе въ этомъ кровавомъ зрѣлищѣ, такъ какъ охотно забавляются этимъ боемъ. Я не видалъ еще никогда ни одного народа, который бы съ такимъ наслажденіемъ предавался этому *спорту*; онъ привлекаетъ одинаково какъ сѣдовласыхъ старцевъ, такъ и десятилѣтнихъ мальчиковъ. Во время этого боя они совершенно забываютъ все на свѣтѣ. На мой взглядъ это занятіе одно изъ самыхъ кровавыхъ и отвратительныхъ, подобно охотѣ на лисицъ.

Мы присутствовали также однажды на *бѣгѣ муловъ*. Этотъ бѣгъ мнѣ понравился болѣе, нежели состязаніе какихъ бы то ни было другихъ животныхъ. Всѣ лучшія мѣста на этихъ бѣгахъ были заняты *представительницами прекраснаго пола и мѣстной аристократіей*. Эти слова принадлежатъ не мнѣ лично, а мѣстному газетному репортеру одного южнаго ежедневнаго изданія. Это выраженіе онъ примѣняетъ постоянно; онъ произноситъ его по двадцать разъ въ день или, вѣрнѣе сказать, двадцать тысячъ разъ въ день, смотря по тому, какъ это требуется. Фразу эту онъ употребляетъ, когда приходится говорить объ уважаемыхъ мужчинахъ и женщинахъ; для подобныхъ случаевъ у него нѣтъ другого болѣе соотвѣтственнаго выраженія, и эта фраза никогда не утомляетъ его, а, напротивъ, пріятно ласкаетъ слухъ. Я думаю, что если бы онъ жилъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, напримѣръ, въ Палестинѣ, во времена Христа, то онъ никогда бы не сказалъ *масса народа, а все рыцарство и всѣ красавицы Палестины собрались слушать нагорную проповѣдь*. Весьма возможно, что эта фраза утомляетъ многихъ изъ его читателей, и они желали бы, чтобы онъ перемѣнилъ ее, но онъ въ этомъ отношеніи остается непреклоненъ.

Читатели новоорлеанской газеты любятъ слогъ строгій, сжатый, и уже совсѣмъ не цвѣтистый, но когда дѣло касается сообщеній мѣстнаго корреспондента, то для него они дѣлаютъ исключеніе. Для примѣра приведу нѣсколько случаевъ.

Газета „Современный Демократъ“ послала въ прошломъ году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, цѣлый пароходъ, который причалилъ къ одной изъ приречныхъ деревень. Капитанъ этого парохода пригласилъ прибрежныхъ жителей, не желаютъ ли они совер-

шить прогулку на его суднѣ; тѣ приняли приглашеніе и сѣли на палубу; тогда пароходъ направилъ свой путь въ каналъ, этимъ дѣло и кончилось. Издатель газеты ничего больше и не требовалъ, какъ только сообщенія этого простого факта, но мѣстный корреспондентъ, повидимому, совершенно не согласенъ съ нимъ и придерживался въ данномъ случаѣ тоже своей любимой системы. Вотъ какъ онъ описалъ это событіе:

„Рано утромъ въ субботу избранныя красавицы и высшій свѣтъ этого мѣстечка осчастливили своимъ присутствіемъ нашу каюту, и нашъ маленькій пароходъ, радуясь и гордясь своей драгоцѣнной ношей, направился далѣе къ каналу“.

Для сообщенія этого факта было бы достаточно десяти словъ, а онъ написалъ вмѣсто этого нѣсколько строкъ, благодаря своей всегдашней привычкѣ.

Да, по правдѣ сказать, женщины на югѣ служатъ большимъ препятствіемъ и помѣхой для корреспондента-мужчины. Онѣ нерѣдко сбиваютъ его съ толку; ради нихъ онъ, какъ говорится, теряетъ равновѣсіе. Пока вопросъ не коснулся женщинъ, онъ бываетъ ровенъ и спокоенъ и говоритъ очень сдержаннымъ тономъ, но лишь только на сцену являются женщины, онъ сейчасъ же теряетъ свое спокойствіе, его разсудокъ омрачается, его слогъ становится витіеватымъ, и онъ самъ какъ будто глупѣетъ. Прочтя вышеприведенную выдержку, вы, можетъ-быть, подумаете, что это вовсе неопытный корреспондентъ, а только ученикъ, и что онъ изучаетъ Вальтеръ-Скотта для того, чтобы *со временемъ* самому стать писателемъ, а сейчасъ онъ даже не знаетъ, какъ взяться за это дѣло. Напротивъ того, въ серьезныхъ и дѣльныхъ корреспонденціяхъ, касающихся болѣе важныхъ вопросовъ, онъ вамъ докажетъ свою полную способность, свой умъ и умѣнье писать дѣльно и основательно, яснымъ и простымъ слогомъ, но опять-таки до тѣхъ поръ, пока дѣло не коснулось женщинъ, онѣ портятъ ему все дѣло и лишаютъ его обычнаго достоинства. Приведу еще примѣръ.

„Около четырехъ часовъ пополудни на южной сторонѣ небосклона стали собираться мрачныя и грозныя тучи, подулъ сильный вѣтеръ; съ залива и намъ угрожала опасность, возраставшая съ каждой минутой. Въ такую погоду нельзя было отчаливать, и мы должны были стоять на пристани. Вѣтеръ грозно потрясалъ величавые дубы, а надъ нами простиралось темное, грозовое небо; мракъ сгущался все болѣе и болѣе, и, навѣрное, на палубѣ было немного лицъ, которыя желали бы пуститься въ путь въ такую мрачную и опасную погоду“.

Я нахожу, что все это сказано хорошо и сжато, но и въ этомъ случаѣ придется упомянуть о женщинахъ и объ отно-

шеніи къ нимъ корреспондента. Вотъ, напримѣръ, одна выдержка, въ которой говорится о бѣгѣ муловъ.

„Намъ давно не приходилось видѣть такого пышнаго собранія прекраснаго пола, какъ это было на-дняхъ. Женщины Новаго Орлеана всегда отличаются особой прелестью, но онѣ никогда не бываютъ такъ очаровательны, какъ именно весной, когда онѣ одѣты въ пышные костюмы и вносятъ своимъ присутствіемъ неизъяснимый ароматъ свѣжести и духовной чистоты. Всѣ мѣста и эстрады были наполнены ими, такъ что мы, мужчины, имѣли возможность, прохаживаясь мимо нихъ, приближаться къ этимъ чуднымъ существамъ и испытывали то, что испытывала Пэри у запертыхъ вратъ рая, и размышляли, какими драгоцѣнными дарами мы могли бы себѣ пріобрѣсти милость и счастье быть допущенными въ это избранное общество. На груди и на плечахъ у этихъ эѳирныхъ созданій красовались цвѣта ихъ избранныхъ рыцарей, и эти любимцы не должны бы были появляться на мулахъ, не производившихъ вовсе романтическаго впечатлѣнія. Если бы не мулы, то можно было бы подумать, что мы присутствуемъ на одномъ изъ блестящихъ турнировъ легендарнаго короля Артура и рыцарей *Круглаго стола*“.

На первомъ заѣздѣ было тринадцать муловъ. Тутъ были представители разныхъ породъ, различнаго сложенія, разной походки и внѣшнихъ качествъ. Одни изъ нихъ были красивы, другіе не представляли ничего особеннаго, у иныхъ шерсть была гладкая, у другихъ—мохнатая, взъерошенная; одни были веселы и жизнерадостны, другіе—мрачны и задумчивы. Иные мулы полагали, вѣроятно, что ихъ ведутъ на кровавую войну, другимъ этотъ спортъ представлялся легкомысленнымъ развлеченіемъ, или просто шуткой, а третьи считали это серьезнымъ дѣломъ. Каждый изъ нихъ дѣйствовалъ согласно своему взгляду и убѣжденію. Въ результатѣ является полное отсутствіе гармоніи и единства, но оно вполнѣ вознаграждается чрезвычайно живописнымъ разнообразіемъ и интересомъ этого зрѣлища.

Наѣздники были все молодые люди изъ лучшаго общества. Быть-можетъ, читатель удивится, почему мѣстныя леди оказываютъ такое вниманіе этому зрѣлищу и присутствуютъ на скромныхъ бѣгахъ муловъ. Объясняется это именно тѣмъ, что всѣ присутствующіе на нихъ принадлежитъ къ избранному кругу, и спортъ этотъ считается моднымъ въ Новомъ Орлеанѣ.

Бѣга муловъ представляютъ одно изъ самыхъ оживленныхъ и лучшихъ удовольствій въ теченіе всего года. Наѣздники одѣваются въ жокейскіе костюмы, чрезвычайно живописные и разнообразные, сшитые изъ шелка и бархата.

На мой взглядъ самое интересное удовольствіе представляетъ гонка пароходовъ. Это самый любимый мой спортъ. Какъ пріятно смотрѣть, какъ два судна на всѣхъ парахъ несутся рядомъ, выпуская клубы бѣлаго или чернаго дыма и оставляя за собой длинный слѣдъ на поверхности воды. Это состязаніе такъ пріятно волнуетъ кровь, такъ возбуждаетъ нервы, что въ сравненіи съ нимъ всевозможные бѣга и лошадей и муловъ кажутся безцвѣтными и лишенными интереса.

XV.

Очарованія и очарователи.

Величайшимъ событіемъ въ Новомъ Орлеанѣ считается вторникъ на масленицѣ, такъ называемый „Марди-Гра", какъ окрестили его французы. Но мы не могли на немъ присутствовать, такъ какъ опоздали. Двадцать четыре года тому назадъ мнѣ случилось видѣть мистическую процессію *Комуса*, гдѣ присутствовали рыцари и дворяне, одѣтые въ шелковое платье съ пышными золотыми украшеніями. Костюмы эти были заказаны въ Парижѣ спеціально для этого дня и для этой ночи.

Въ этомъ шествіи участвовали всевозможные исполины, карлики и чудовища, и всѣ они медленно, безмолвно двигались вдоль улицъ, не произнося ни одного слова, при свѣтѣ дымныхъ факеловъ, таинственно мерцавшихъ во мракѣ. Говорятъ, что такое зрѣлище за послѣднее время стало еще разнообразнѣе, еще пышнѣе. Главнымъ лицомъ въ этой процессіи является царь *Рex*, но какъ имя этого царя, такъ и имена всѣхъ остальныхъ участниковъ процессіи остаются неизвѣстными для публики. Всѣ они принадлежатъ къ избранному обществу и гордятся тѣмъ, что принимаютъ участіе въ этой торжественной процессіи. Если они соблюдаютъ тайну и никто не знаетъ имена исполнителей разныхъ ролей, то это дѣлается исключительно ради приданія большей романтичности всей этой процессіи. Празднованіе этого *сырнаго вторника* на масленицѣ сохранилось здѣсь еще со времени владычества французовъ и испанцевъ. Еще не такъ давно торжество это праздновалось только въ Новомъ Орлеанѣ, но оттуда оно проникло и въ другіе города,—въ Сенъ-Луи, Мемфисъ и Бальтимору; теперь оно достигло уже самыхъ крайнихъ предѣловъ. Торжество это едва ли можетъ пустить глубокіе корни на сѣверѣ, гдѣ народъ отличается большей практичностью; романтизмъ здѣсь едва ли привьется. Если же оно и можетъ проникнуть на сѣверъ, то лишь на самое короткое время. Сущность празднества все-таки

состоитъ въ романтической подкладкѣ, а вовсе не въ комической сторонѣ дѣла. Если у всѣхъ этихъ королей, рыцарей и ихъ свиты отнять таинственность и романтизмъ, то празднество это очень скоро исчезло бы даже и на югѣ; но тутъ оно удерживается благодаря романтизму, совершенно исчезнувшему въ Сѣверной Америкѣ и въ Лондонѣ; всѣ юмористическія изданія въ родѣ *Пэка* и *Пончa* набросились бы на него и высмѣяли бы самымъ безпощаднымъ образомъ, если бы кто-нибудь вздумалъ воскресить его на лондонскихъ улицахъ.

Упоминая о преступленіяхъ, совершенныхъ французской революціей и Бонапартомъ, нельзя не вспомнить также о двухъ явленіяхъ, смягчающихъ до нѣкоторой степени ихъ вину: революція разбила цѣпи стараго режима и прежней клерикальной партіи и превратила націю изъ рабовъ въ свободныхъ людей, а Бонапартъ ставилъ личныя качества людей выше ихъ аристократическаго происхожденія и цѣнилъ своихъ избранниковъ исключительно по уму и способностямъ. Этотъ благодѣтельный переворотъ произведенъ французской революціей и Бонапартомъ и смягчаетъ нанесенный имъ вредъ, такъ что миръ остается у нихъ въ долгу и до сихъ поръ за оказанную имъ важную услугу, благодаря которой теперь онъ идетъ далѣе все впередъ и впередъ по пути свободы, гуманности и прогресса.

Затѣмъ появился сэръ Вальтеръ Скоттъ, который своими чарами и мощью своего таланта задержалъ на время нахлынувшія волны прогресса и даже повернулъ ихъ назадъ. Онъ заставляетъ современный миръ полюбить грезы и призраки, онъ создаетъ ложное понятіе о религіи и о нравственности, восхваляя и изображая въ чарующемъ свѣтѣ отжившее и нелѣпое рыцарство, которое давно уже сгнило и похоронено самимъ обществомъ. Вальтеръ Скоттъ принесъ много зла, пожалуй, даже больше, чѣмъ кто-либо изъ другихъ писателей. Большинство современныхъ читателей уже пережили это зло, или хотя большую часть его, хотя далеко не всѣ, но у насъ, на югѣ, это зло еще и до сихъ поръ процвѣтаетъ, хотя и не такъ упорно, какъ во время предыдущаго поколѣнія. На югѣ геній и цивилизація девятнадцатаго столѣтія такъ удивительно и странно переплетаются съ цивилизаціей среднихъ вѣковъ, описанной Вальтеръ Скоттомъ, что практическая и полная здраваго смысла современная работа нисколько не мѣшаетъ проявленію дикихъ привычекъ среднихъ вѣковъ.

Здѣсь нерѣдко бываютъ дуэли,—наслѣдіе рыцарской эпохи; часто слышатся витіеватыя напыщенныя рѣчи, полныя романтизма и пустословія; нерѣдко проявляются факты самосуда, который уже давно пора бы похоронить навѣки. Благодаря

Вальтеръ-Скотту характеръ южанъ представляетъ удивительную смѣсь чисто современныхъ чертъ со средневѣковыми особенностями; если бы не было этого задерживающаго вліянія, то мѣстное общество далеко бы ушло впередъ, быть-можетъ, на цѣлое столѣтіе. Благодаря Вальтеръ Скотту, всякій джентльменъ уже до войны величалъ себя или майоромъ, или полковникомъ, или генераломъ, и по милости знаменитаго англійскаго писателя всѣ у насъ придавали необыкновенное значеніе титуламъ, чинамъ и разнымъ декоративнымъ украшеніямъ. Онъ одинъ создалъ здѣсь всевозможные ранги и сословія и внушилъ обществу уваженіе и поклоненіе передъ этими безсмысленными кастами.

Сэръ Вальтеръ Скоттъ въ значительной степени способствовалъ выработкѣ южнаго характера въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ до войны, и на него даже падаетъ отвѣтственность за самую войну. Конечно, страннымъ покажется взваливать вину въ такомъ крупномъ событіи на покойнаго писателя и странно увѣрять, что не будь Вальтеръ Скотта— не было бы и войны, но я убѣжденъ, что въ значительной степени это вѣрно, и доказательствомъ можно привести нѣсколько весьма вѣскихъ доводовъ. Южане во время американской революціи владѣли рабами точно такъ же, какъ и южане гражданской войны, но первые изъ нихъ похожи на вторыхъ такъ же, какъ англичане похожи на французовъ. Измѣненіе характера южанъ можетъ-быть приписано съ большимъ основаніемъ вліянію Вальтеръ Скотта, скорѣе нежели вліянію какого бы то ни было другого писателя, или же какого-нибудь другого фактора общественной жизни.

Изъ нѣскольких хотя и немногочисленныхъ признаковъ можно вывести заключеніе, какъ глубоко это вліяніе и какъ прочно оно держится. Если взять періодъ развитія литературы на югѣ и на сѣверѣ за послѣдніе сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ, то мы замѣтимъ, что вся литература наполнена самой пустой, цвѣтистой болтовней, романтизмомъ и сентиментальностью; и все это оказывается подражаніемъ романамъ Вальтеръ Скотта какъ относительно способа выраженія, такъ и стиля. Такой видъ литературы считался аристократическимъ, избраннымъ по всей странѣ. На югѣ появилось столько же извѣстныхъ крупныхъ литераторовъ, какъ и на сѣверѣ, если принимать во вниманіе разницу въ количествѣ населенія.

Но вотъ, наконецъ, произошелъ переворотъ, и теперь уже болѣе не представляется удобнаго случая для такого соревнованія между сѣверомъ и югомъ. На сѣверѣ уже заброшенъ и забытъ этотъ романтическій витіеватый слогъ, а южные пи-

сатели всѣ еще продолжали придерживаться его нѣкоторое время, такъ что спросъ на ихъ произведенія значительно уменьшился. Понятно, что на югѣ число литературныхъ талантовъ нисколько не менѣе, нежели въ другихъ странахъ, но понятно такъ же и то, что произведенія ихъ не въ состояніи вынести конкуренціи съ произведеніями сѣверныхъ писателей и англійскихъ авторовъ. Писатели юга какъ будто пишутъ не для настоящаго времени, а для прошедшаго поколѣнія и во всѣхъ своихъ романахъ прибѣгаютъ къ устарѣлымъ формамъ, къ отжившему языку. Но если южный писатель излагаетъ свои мысли легко и свободно на современномъ англійскомъ языкѣ, то сочиненіе его навѣрное будетъ имѣть успѣхъ, оно обойдетъ всю Америку и Англію и даже будетъ издано нѣмецкими фирмами. Въ доказательство приведу сочиненія Кэбля и Дяди Ремуса. Они оба южные писатели, но пишутъ не южнымъ языкомъ. На югѣ есть три или четыре литературныхъ имени, но вмѣсто трехъ, четырехъ ихъ могло бы быть гораздо болѣе, такъ какъ тамъ нѣтъ недостатка въ талантахъ, и, конечно, это такъ и будетъ, когда вліяніе Вальтеръ Скотта совершенно прекратится.

Любопытно сравнить, какъ иногда отдѣльныя книги могутъ производить значительное вліяніе. Самое сильное вліяніе на нашу литературу произвели двѣ книги: *Донъ-Кихотъ* Сервантеса и *Айвенго*—Вальтеръ-Скотта; первое вліяніе было благотворное, а второе, напротивъ того, вредное.

XVI.

Дядя Ремусъ и мистеръ Кэбль.

Мистеръ Джоль Чендлеръ Гаррисъ (Дядя Ремусъ) долженъ былъ пріѣхать изъ Атланты въ семь часовъ утра, въ субботу, и мы отправились къ нему навстрѣчу. Мы не могли бы не найти его въ толпѣ пріѣзжихъ, потому что изъ достовѣрнаго источника знали описаніе его наружности. Намъ сказали, что это человѣкъ маленькаго роста, рыжеволосый и съ веснушками на лицѣ, при этомъ онъ отличается удивительной застѣнчивостью. Но подъ этой невзрачной наружностью и угловатыми манерами *Дядя Ремусъ* хранитъ прекрасныя, высокія качества ума и сердца.

Однажды дѣти мистера Кэбля съ любопытствомъ выбѣжали въ залу, чтобы посмотрѣть на пришедшаго къ нимъ знаменитаго человѣка, котораго считали оракуломъ и мудрецомъ, но они пришли въ отчаяніе, увидавъ его, и совершенно разочаровались. Увидавъ, что онъ рыжій, они воскликнули:

— А вѣдь мы воображали, что онъ сѣдой старикъ! А онъ рыжій!

Чтобы доставить имъ удовольствіе, была принесена книга Дяди Ремуса *Far-Baby*, и самъ Дядя Ремусъ долженъ былъ прочесть ее имъ, но потомъ онъ отказался читать, такъ какъ былъ слишкомъ застѣнчивъ и никогда не читалъ вслухъ своихъ собственныхъ произведеній. Мистеръ Кэбль и я нарочно читали ему вслухъ нѣкоторыя мѣста изъ нашихъ книгъ, стараясь показать ему, что это вовсе не такъ ужъ трудно, но онъ все-таки не соблазнился нашимъ примѣромъ и положительно отказался читать свои произведенія, чѣмъ лишилъ насъ удовольствія послушать его творенія въ чтеніи самого автора. Такимъ образомъ намъ пришлось читать самимъ *Brer Rabbit*.

По всей вѣроятности, мистеръ Гаррисъ могъ бы отлично подражать произношенію мѣстныхъ негровъ, не хуже всякаго другого, такъ какъ онъ былъ большой мастеръ изображать ихъ въ книгахъ. Мистеръ Кэбль вставлялъ въ свои произведенія французскія фразы и произносилъ ихъ въ совершенствѣ.

Въ двухъ случаяхъ мистеръ Кэбль былъ приведенъ въ затруднительное и смѣшное положеніе, благодаря тому, что привелъ французскія имена, которыя ему будто бы приходилось встрѣчать между гражданами Новаго Орлеана. Онъ бралъ эти имена изъ древней жизни или же самъ придумывалъ ихъ; если же они и существовали когда-либо, то ужъ давно перестали употребляться въ настоящее время. Я ужъ не помню, какія имена это были, но вышло такъ, что въ числѣ окружающихъ нашлись люди, носившіе какъ разъ эти самыя имена, и имъ такое совпаденіе показалось оскорбительнымъ: описанныя въ книгѣ дѣянія могли привлечь на нихъ всеобщее вниманіе и повредить ихъ репутаціи. Поэтому они хотѣли конфисковать книгу, которая на ихъ взглядъ бросаетъ тѣнь на ихъ честь.

Однажды и мнѣ самому, вмѣстѣ съ моимъ сотрудникомъ Уорнеромъ, пришлось испытать почти то же самое, когда мы написали книгу *Золотой Вѣкъ*. Тамъ встрѣчается одна личность, которую мы назвали Селлерсъ; не помню, какое было прозвище у этого Селлерса вначалѣ, но мой сотрудникъ его не одобрилъ и предложилъ назвать эту личность Эсколь Селлерсъ. Мнѣ сначала это очень не нравилось, такъ какъ, на мой взглядъ, къ этому не было никакого повода. Онъ возразилъ на это, что однажды, когда-то давно, онъ встрѣтилъ личность, носившую подобное же имя, гдѣ-то на Дальнемъ Западѣ, и что теперь, конечно, этого человѣка уже нѣтъ на свѣтѣ; при этомъ онъ прибавилъ:

— Это было двадцать лѣтъ назадъ, и можно сказать навѣрное, что наша книга даже не попадетъ ему и въ руки, но то названіе, которое вы хотѣли дать этой личности, довольно опасно, такъ какъ Селлерсовъ встрѣчается много, и противъ насъ поднимутъ искъ многочисленные противники. Что же касается *Эсколъ* Селлерса, то это имя вполнѣ безопасно.

Такимъ образомъ мы остановились на этомъ имени,—и что же вышло: когда книга появилась въ свѣтъ, то черезъ недѣлю къ намъ явился чрезвычайно красивый и статный аристократъ изъ числа бѣлыхъ, самый красивый, какого я когда-либо встрѣчалъ, и, вынувъ изъ кармана бумагу, предъявилъ намъ уголовное преслѣдованіе, такъ что намъ пришлось просить его особаго разрѣшенія, и въ слѣдующихъ изданіяхъ мы обязались измѣнить это имя, названіе нашего героя *Мёрбэрри* Селлерсъ.

XVII.

Сахаръ и почтовая такса.

Однажды какъ-то я встрѣтилъ на улицѣ моего стараго знакомаго, котораго очень желалъ видѣть, Гораса Биксби, прежняго моего лоцмана и начальника, а въ настоящее время—капитана крупнаго парохода, носящаго имя „Городъ Баттонъ-Ружъ“. Мистеръ Биксби былъ все такимъ же, какъ и прежде: та же высокая, стройная фигура, тѣ же густые кудри, та же вѣрность взгляда и соотвѣтственная ей вѣрность руки. Я узналъ въ немъ также и прежнюю военную выправку. Во всей его фигурѣ было мало перемѣнъ—онъ не потерялъ и не выигралъ ни одного дюйма. Удивительная вещь: мы разстались, когда ему было тридцать пять лѣтъ, и встрѣтились черезъ двадцать два года, но онъ былъ все такимъ же тридцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ. Я думаю, что ничего подобнаго раньше мнѣ не случалось видѣть.

Его пароходъ въ это время только что причалилъ. Я дожидался его нѣсколько дней, предполагая вмѣстѣ съ нимъ вернуться въ Сенъ-Луи. Капитанъ и я присоединились къ обществу дамъ и джентльменовъ, гостей майора Вуда, и вмѣстѣ съ ними спустились на 50 миль внизъ по рѣкѣ, на сахарныя плантаціи, принадлежавшія бывшему губернатору Вормута. Ниже города, невдалекѣ отъ него, стояли старыя никуда негодныя барки и пароходы, которыхъ я раньше никогда не видалъ; они всѣ были построены въ мое отсутствіе. Это даетъ нѣкоторое понятіе о непрочности пароходовъ на Миссисипи и о кратковременности ихъ службы. Въ шести миляхъ ниже

города находится кирпичная колонна, которая выдѣляется изъ-за густой листвы магнолій и оливокъ; она воздвигнута въ благодарность всей націи, какъ памятникъ воспоминанія битвы при Новомъ Орлеанѣ и побѣды Джексона надъ британцами въ 1815 г., 8 января. Война была кончена, враждебныя націи заключили миръ, а въ Новомъ Орлеанѣ не получено еще было извѣстій объ этомъ мирѣ. Если бы въ то время былъ устроенъ подводный телеграфъ, то не было бы пролито въ тотъ день столько невинной крови, не погибло бы столько жизней, и, можетъ-быть, Джексонъ не сдѣлался бы президентомъ. Несчастіе, принесенное войной 1812 г., было поправимо до нѣкоторой степени, что же касается до президентства Джексона, то это зло уже ничѣмъ нельзя было вернуть.

Плантаціи Вормута занимаютъ огромное пространство, и гостепріимство, которое онъ оказываетъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ его обширнымъ владѣніямъ. Здѣсь мы въ первый разъ видѣли, какъ работаютъ паровые машинные плуги.

Плантаціи занимаютъ 2.600 акровъ, 650 изъ нихъ заняты сахарнымъ тростникомъ, а остальныя—померанцевыми деревьями; всѣхъ деревьевъ здѣсь насчитываютъ до пяти тысячъ. Сахарный тростникъ обрабатывается согласно современному научному методу. Въ прошломъ году сахарныя плантаціи дали значительный убытокъ—около сорока тысячъ долларовъ. Остальныя подробности, сообщенныя мнѣ, я теперь уже забылъ. Въ нынѣшнемъ году ожидаютъ, что плантаціи дадутъ около 1.200 тоннъ сахара, такимъ образомъ прошлогодній убытокъ будетъ вознагражденъ. Обработка этихъ плантацій по современному методу даетъ на каждый акръ по двѣ тонны продукта болѣе, нежели въ прежнее время.

Канализаціонные рвы также устроены вокругъ плантацій и наполнены небольшими раками, которыхъ здѣсь называютъ „фидлеръ". Эти животныя очень осмотрительны: какъ только они услышатъ шумъ, то тотчасъ же начинаютъ двигаться въ противоположную сторону. Они нерѣдко проникаютъ въ плотину и разрушаютъ ее понемногу.

Большой сахароваренный заводъ весь наполненъ разными трубами, баками, цистернами и фильтрами; здѣсь помѣщается также множество машинъ. Процессъ приготовленія сахара чрезвычайно интересенъ. Прежде всего тростникъ кладутъ въ центрофуги и выжимаютъ изъ него сокъ, потомъ этотъ сокъ переливается въ выпаривающій снарядъ, чтобы очистить его отъ тонкихъ волоконъ; потомъ онъ процѣживается черезъ костяной фильтръ для очищенія отъ алкоголя; послѣ этой очистки его еще разъ прогоняютъ черезъ особый резервуаръ

для отдѣленія патоки; потомъ этотъ сокъ сгущаютъ съ помощью гранулированія въ особой трубкѣ; послѣ этого его пропускаютъ черезъ воздушный насосъ, чтобы выкачать изъ него воздухъ; послѣ этой послѣдней операціи онъ уже готовъ на продажу. Всѣ эти подробности я написалъ по памяти. На словахъ все это кажется такъ просто и ясно, но на дѣлѣ—очень сложно. Фабрикація сахара представляетъ одно изъ самыхъ трудныхъ производствъ на всемъ свѣтѣ. Приготовить его вполнѣ правильно и хорошо — почти невозможная вещь. Если вы хотите сами испробовать это дѣло, то на практикѣ обнаружится, что не найдется двухъ людей изъ двадцати, которые приготовляли бы его совершенно чисто, безъ всякихъ примѣсей.

Посѣтивъ эти плантаціи, мы хотѣли спуститься внизъ до самаго устья рѣки, чтобы посмотрѣть на грандіозное сооруженіе капитана Ида, на такъ называемую *дамбу*, благодаря которой рѣка сжимается между двумя стѣнами, вслѣдствіе чего русло ея углубляется на двадцать шесть футовъ. Но потомъ мы отложили эту поѣздку до другого раза, потому что рѣка въ этомъ мѣстѣ заслонена отъ взоровъ постройками, такъ что совершенно невидима.

Мы хотѣли посѣтить также *лоцманскій поселокъ* и всѣ постройки, относящіяся къ нему, возведенныя на сваяхъ. Сообщеніе съ нимъ производится на лодкахъ и небольшихъ баркахъ. Здѣсь всѣ жители, даже маленькіе дѣвочки и мальчики отлично владѣютъ весломъ такъ же, какъ другія дѣти—велосипедами. Мѣстныхъ жителей можно назвать поэтому земноводными существами.

Мы хотѣли посѣтить еще много другихъ замѣчательныхъ мѣстъ, но такъ какъ намъ не хватило времени, и пора было возвращаться домой, то мы отложили эти визиты. На обратномъ пути намъ навстрѣчу дулъ легкій вѣтеръ, и нашу поѣздку можно было бы назвать очаровательной и романтической, если бы она не была нарушена постояннымъ шумомъ буксирнаго парохода, который такъ непріятно раздражаетъ слухъ.

По возвращеніи обратно, мужская компанія отправилась на палубу, чтобы покурить и взглянуть на рѣку. Здѣсь собралось нѣсколько человѣкъ опытныхъ лоцмановъ, и мнѣ удалось узнать отъ нихъ, какая судьба постигла моихъ старыхъ знакомыхъ и друзей, съ которыми я когда-то ѣздилъ по рѣкѣ. Между прочимъ мнѣ сказали, что одинъ изъ моихъ пріятелей сталъ заниматься спиритизмомъ и сдѣлался ярымъ спиритомъ. Болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ онъ однажды получилъ письмо отъ своего умершаго родственника черезъ посредство одного нью-іоркскаго медіума по имени Манчестеръ. Когда-то

я былъ у этого Манчестера и хорошо помню его. Нужно прибавить, что вся эта почтовая пересылка обходилась недешево; почтовый тарифъ возрасталъ по мѣрѣ возрастанія дистанціи: изъ мѣстнаго „райскаго“ почтоваго учрежденія въ Нью-Йоркъ пять долларовъ, а изъ Нью-Йорка въ Сенъ-Луи— три цента. Я помню мистера Манчестера, когда былъ у него вмѣстѣ съ нѣсколькими пріятелями, и одинъ изъ нихъ хотѣлъ узнать что-нибудь о своемъ умершемъ дядѣ. Этотъ дядя скончался при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ: страшный ураганъ унесъ его отъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, на разстояніи трехъ миль; это случилось шесть лѣтъ назадъ. Этимъ циклономъ его ударило объ дерево, вырванное съ корнемъ этимъ же вихремъ; дерево было очень высоко, около шестидесяти пяти футовъ высоты. Такого удара онъ не вынесъ и умеръ, и вотъ мой пріятель хотѣлъ поговорить съ нимъ на спиритическомъ сеансѣ при посредствѣ мистера Манчестера. Умершій дядя моего друга писалъ отвѣты, пользуясь для этого рукой самого Манчестера. Я думаю, что онъ былъ сознательнымъ плутомъ и обманщикомъ; если же онъ не былъ такимъ, то я готовъ его оправдать.

Вопросъ. — Гдѣ вы находитесь?

Отвѣтъ. — Въ духовномъ мірѣ.

В. — Счастливы ли вы?

О. — Очень счастливъ, вполнѣ счастливъ.

В. — Чѣмъ вы занимаетесь?

О. — Разговоромъ съ друзьями и съ другими духами.

В. — А еще чѣмъ?

О. — Больше ничѣмъ, все остальное излишне.

В. — О чемъ вы разговариваете?

О. — Мы говоримъ о томъ, какъ мы счастливы, говоримъ также о нашихъ друзьяхъ, оставленныхъ на землѣ, и какъ повліять на нихъ, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми.

В. — Когда ваши друзья переселятся въ духовный міръ, о чемъ вы будете говорить съ ними? о томъ только, что вы счастливы? или еще о чемъ?

На этотъ вопросъ отвѣта не послѣдовало. Это нужно понимать такъ, что духи не желаютъ отвѣчать на легкомысленные вопросы.

В. — Почему духи, занимающіеся такимъ легкомысленнымъ препровожденіемъ времени и такими пустыми разговорами, высказываютъ свое неудовольствіе, когда къ нимъ обращаются съ легкомысленными вопросами?

На этотъ вопросъ также не послѣдовало отвѣта.

В. — Желали ли бы вы вернуться на землю?

О. — Нѣтъ.

В. — Можете ли вы поклясться въ этомъ?

О. — Да.

В. — Что вы кушаете?

О. — Мы не ѣдимъ.

В. — Что вы пишете?

О. — Мы не пишемъ.

В. — Что вы курите?

О. — Мы не куримъ.

В. — Что вы читаете?

О. — Мы не читаемъ.

В. — Всѣ ли добрые попадутъ туда, гдѣ находитесь вы?

О. — Да.

В. — Теперь вы знаете мой образъ жизни; не можете ли вы дать мнѣ наставленіе, или прибавить что-нибудь отъ себя?

На этотъ вопросъ также не послѣдовало отвѣта.

В. — Когда вы умерли?

О. — Я не умеръ, а удалился.

В. — Ну, все равно, когда вы удалились? Давно ли вы находитесь въ области духовъ?

О. — У насъ не существуетъ никакихъ измѣреній времени.

В. — Да, въ вашемъ теперешнемъ положеніи вы безразлично относитесь къ числамъ и мѣсяцамъ, но вѣдь это не относится къ вашему прежнему земному существованію. Въ то время вы признавали числа и дни; вотъ объ одномъ изъ такихъ дней я васъ и спрашиваю. Вы удалились въ одинъ изъ этихъ дней одного изъ годовъ.

О. — Вѣрно.

В. — А если такъ, то назовите мнѣ день и мѣсяцъ?

(Въ это время карандашъ запрыгалъ въ рукѣ медіума, и все его тѣло какъ будто бы содрогнулось отъ судорогъ). Черезъ нѣсколько минутъ медіумъ намъ объяснилъ, что духи часто забываютъ даты, и для нихъ эти мелочи не имѣютъ никакого значенія.

В. — Такъ, значитъ, они также забыли дату своей смерти и своего перехода въ духовный міръ?

Очевидно, это такъ и было.

В. — Все это чрезвычайно интересно. Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, въ какомъ году это было?

(Медіумъ снова весь затрясся, словно его схватила судорога). Наконецъ онъ намъ опять объяснилъ, что духъ забылъ годъ своей смерти.

В. — Это просто поразительно! Позвольте мнѣ сдѣлать еще одинъ послѣдній вопросъ прежде чѣмъ уйти, — сказалъ мой

пріятель,—и больше я ужъ не буду васъ безпокоить. Отвѣтьте мнѣ, умерли ли вы естественной смертью, или же погибли жертвой какой-нибудь катастрофы.

Отвѣтъ послѣ долгаго колебанія и продолжительныхъ судорогъ:

— Я умеръ естественной смертью.

На этомъ кончилось наше свиданіе. Мой пріятель сказалъ медіуму, что его дядя при жизни, когда еще находился въ этомъ бренномъ мірѣ, отличался выдающимся умомъ и очень хорошей памятью, которая ему никогда не измѣняла. При этомъ онъ высказалъ сожалѣніе, что дядюшка не взялъ съ собою въ духовный міръ всѣхъ своихъ духовныхъ способностей, потому что тогда бы все остальное населеніе невидимыхъ сферъ удивились бы его памяти и его духовнымъ силамъ; такимъ образомъ онъ могъ бы тамъ имѣть перевѣсъ надъ остальными.

Вотъ каковъ былъ мистеръ Манчестеръ! А между тѣмъ у него было множество кліэнтовъ, да и до сихъ поръ у него ихъ не мало. Онъ получаетъ письма отъ спиритовъ изъ всѣхъ странъ земного шара, со всѣхъ концовъ духовнаго міра, и передаетъ эти письма тѣмъ, кому онѣ предназначены, съ помощью почты Соединенныхъ Штатовъ, за извѣстную плату. Эти письма наполнены всевозможными совѣтами и наставленіями; несмотря на то, что духи, дающіе совѣты, вовсе не отличались особо умственнымъ развитіемъ, однакоже люди, получающіе эти совѣты, считаютъ своимъ долгомъ свято имъ слѣдовать. Нѣкоторые изъ этихъ кліэнтовъ Манчестера совѣтуются съ духами, какимъ образомъ усовершенствовать колеса желѣзнодорожныхъ вагоновъ, другіе — о разныхъ другихъ вопросахъ. Конечно, быть-можетъ, это и легкомысленно съ точки зрѣнія загробнаго міра, но уже во всякомъ случаѣ подобные совѣты интереснѣе и практичнѣе, нежели бесѣда о томъ, *какъ мы счастливы..*

XVIII.

Эпизоды изъ жизни лоцмановъ.

Изъ продолжительныхъ бесѣдъ съ моими пріятелями я узналъ, что нѣкоторые изъ знакомыхъ лоцмановъ, плававшихъ по рѣкѣ, оставили свое прежнее занятіе и занялись фермерствомъ. Они взялись за это дѣло не потому, чтобы чувствовали къ нему какое-нибудь особенное сердечное влеченіе или способность къ земледѣлію; нѣтъ, на это были другія причины. Несомнѣнно, что жизнь фермера казалась имъ привлекательной,

такъ какъ даетъ возможность пользоваться свободой, не опасаясь вторженія постороннихъ людей, и никому не подчиняться. Быть-можетъ, они избрали это занятіе потому, что, проѣзжая на пароходѣ въ темную и бурную ночь, любовались издали на привѣтливые огоньки, одиноко свѣтящіеся въ томъ или другомъ домѣ фермера. И эти пріюты казались имъ такими прелестными, тихими, полными очарованія. Эти огоньки, казалось имъ, озаряли мирное убѣжище, гдѣ царитъ тишина и спокойствіе, а быть-можетъ, даже и счастье. И вотъ мало-помалу въ ихъ воображеніи возникла соблазнительная картина этой тихой, мирной жизни, вдали отъ всякихъ бурь и тревогъ, и они мечтали объ этомъ спокойномъ существованіи, какъ о тихой завидной пристани послѣ бурной, полной заботъ и волненій жизни.

Но я никогда не слыхалъ, чтобы кто-нибудь изъ этихъ фермеровъ пользовался большимъ успѣхомъ въ своихъ предпріятіяхъ. Такимъ образомъ не ферма поддерживала ихъ, а они поддерживали свои фермы, такъ что хозяйство ихъ не окупалось. Весною ежегодно эти фермеры, бывшіе лоцманы, куда-то исчезали съ рѣки, удалялись на свои фермы, и ихъ уже никто болѣе не видалъ вплоть до первыхъ холодовъ. Потомъ они снова появлялись въ одеждѣ изъ домашней ткани, снова поступали лоцманами на то или другое судно, такъ какъ безъ лоцманскаго жалованья имъ пришлось бы плохо: имъ приходилось выплачивать изъ него долгъ, сдѣланный лѣтомъ, во время фермерства. Такимъ образомъ на цѣлые полгода они опять становились рабами рѣки.

Одинъ изъ подобныхъ лоцмановъ купилъ себѣ ферму, но не поселился на ней, а сдалъ ее въ аренду опытному агроному на слѣдующихъ условіяхъ: хозяинъ, то-есть лоцманъ, будетъ получать одну треть дохода, а агрономъ будетъ брать себѣ двѣ трети. Но когда жатва была снята, арендаторъ заявилъ, что урожай въ этомъ году былъ очень плохъ, земля почти ничего не родила, такъ что на долю хозяина ничего не пришлось. Такимъ образомъ выходитъ, что ферма принесла только *двѣ трети* дохода, которую арендаторъ и взялъ себѣ, какъ было условлено.

Съ нѣкоторыми изъ такихъ хозяевъ приключались разные курьезы, случалось иногда, что счастье благопріятствовало имъ. Такъ, капитанъ Монгомерри, съ которымъ я когда-то вмѣстѣ правилъ рулемъ, когда онъ былъ еще лоцманомъ, впослѣдствіи былъ назначенъ командиромъ конфедеративнаго флота. Въ большомъ сраженіи при Мемфисѣ его судно пошло ко дну, а онъ бросился вплавь къ берегу, пробился черезъ солдатъ и

такимъ образомъ спасся отъ смерти. Это былъ человѣкъ холодный и спокойный, его хладнокровіе ничѣмъ нельзя было возмутить. Однажды, когда онъ былъ капитаномъ судна *Крешентъ-Сити,* я долженъ былъ вести судно на пристань Новаго Орлеана и съ минуты на минуту ждалъ приказанія съ верхней палубы, но приказа все не было и не было. Тогда я остановилъ колесо и съ этой минуты моя власть и отвѣтственность кончилась. Былъ вечеръ, шляпа капитана висѣла на колоколѣ, но самого его не было. Капитанъ былъ всегда очень аккуратенъ, и безъ него я не рѣшался дать звонокъ. При такихъ обстоятельствахъ я долженъ былъ предоставить судно на произволъ судьбы; я такъ и сдѣлалъ. Пароходъ продолжалъ двигаться впередъ и понемногу приближался къ кормамъ сосѣднихъ пароходовъ, стоявшихъ впереди насъ. Я ждалъ столкновенія съ минуты на минуту. Шляпа, висѣвшая на колоколѣ, не шевелилась, а капитана все не было. Рѣшительная секунда наступала. Я волновался и не зналъ, что дѣлать. Я видѣлъ, что капитанъ не поспѣетъ во-время, и катастрофа была неизбѣжна, но черезъ секунду капитанъ успѣлъ-таки явиться. Въ эту минуту наше судно чуть-чуть уже не врѣзалось въ корму другого парохода.

— Ходъ назадъ,—крикнулъ капитанъ.

Я далъ задній ходъ, потомъ опять повернулъ руль, такъ что мы двинулись впередъ и въ одну секунду пролетѣли какъ разъ мимо самой кормы сосѣдняго судна.

По поводу этого обстоятельства капитанъ не сдѣлалъ мнѣ ни малѣйшаго замѣчанія; онъ только сказалъ, что я и впредь долженъ такъ же поступать, и что въ слѣдующій разъ, при подобныхъ же обстоятельствахъ, нужно держаться такой же тактики.

Одинъ изъ нашихъ лоцмановъ, котораго я знавалъ когда-то прежде, погибъ славной и честной смертью: на пароходѣ, гдѣ онъ служилъ, начался пожаръ, но онъ продолжалъ оставаться у колеса до тѣхъ поръ, пока не довелъ судна до берега и пока всѣ пассажиры не вышли благополучно на землю. Отъ сильныхъ ожоговъ онъ значительно пострадалъ, такъ что умеръ черезъ два или три часа послѣ этого, но своей самоотверженностью онъ спасъ весь экипажъ и пассажировъ.

Исторія лоцмановъ на Миссисипи представляетъ шесть или семь примѣровъ подобнаго добровольнаго мученичества. Можно насчитать около пятидесяти такихъ случаевъ, когда самоотверженные лоцманы, спасая пассажировъ, спасались и сами, но въ иныхъ случаяхъ было уже слишкомъ поздно, и они погибали славной смертью. Не было ни одного примѣра, чтобы

лоцманъ, видя серьезную опасность, покидалъ свой отвѣтственный постъ, ради спасенія своей жизни, если, оставшись на посту, могъ бы спасти остальную публику. Этотъ фактъ достоинъ, чтобы о немъ упомянуть; онъ достоинъ также и того, чтобы написать о немъ крупными буквами. Лоцманскіе ученики точно такъ же презираютъ всякую опасность, касающуюся ихъ ремесла, и предпочитаютъ погибнуть какой угодно смертью, лишь бы не навлечь на себя позора своимъ малодушіемъ. Подобное великодушіе и самоотверженность до такой степени вкоренились въ нравы лоцмановъ, что даже самые юные и неопытные изъ нихъ ни за что не покинутъ руля и согласятся скорѣе умереть, чѣмъ позорно оставить свой постъ. На кладбищѣ въ Мемфисѣ покоится одинъ юноша, погибшій на Бѣлой рѣкѣ, спасая жизнь другихъ. Это случилось нѣсколько лѣтъ назадъ: видя опасность, онъ заявилъ капитану, что если успѣетъ, то доведетъ пароходъ до песочной отмели, и тогда всѣ пассажиры будутъ спасены, причалить же къ отвѣсному берегу нѣтъ никакой возможности, такъ какъ въ этомъ случаѣ весь экипажъ съ пассажирами, навѣрное, погибнетъ. И вотъ онъ рѣшился достигнуть мели. Когда бросили якорь, то оказалось, что мѣсто это очень мелкое, такъ что всѣ пассажиры безпрепятственно и безопасно спаслись, пройдя бродомъ, только несчастный юноша, выходя изъ судна, получилъ страшные ожоги. Говорятъ, что капитанъ предлагалъ ему покинуть свой постъ раньше, но тотъ непреклонно оставался на своемъ мѣстѣ и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я не пойду отсюда! Если я уйду, то всѣ погибнутъ, если же останусь, то всѣ спасутся! Я предпочитаю остаться.

На пароходѣ было около двухсотъ человѣкъ и всѣ они спаслись, кромѣ лоцмана. Этому юному герою поставили памятникъ на кладбищѣ въ Мемфисѣ, и я хотѣлъ было посѣтить его, но, по недостатку времени, долженъ былъ отложить это посѣщеніе до другого раза.

Изъ разговоровъ на нашемъ буксирномъ пароходѣ я узналъ также, что лоцманъ Дикъ Кеннетъ умеръ: онъ погибъ близъ Мемфиса.

Многіе другіе лоцманы, которыхъ я зналъ когда-то, пали во время войны: двое или трое были убиты выстрѣлами у самаго колеса. Одинъ изъ моихъ близкихъ пріятелей, съ которымъ сдѣлалъ я нѣсколько поѣздокъ, погибъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ трагическимъ образомъ: однажды онъ вышелъ изъ дому, направляясь въ отдаленную часть города за получкой денегъ; съ тѣхъ поръ онъ уже не возвращался домой:

предполагаютъ, что его ограбили разбойники, убили и бросили въ рѣку. Бенъ Торнбургъ также умеръ уже давно. Одинъ изъ его учениковъ едва не погибъ, благодаря своему легкомыслію; однажды одинъ пассажиръ изъ Арканзаса привелъ на палубу огромнаго медвѣдя и привязалъ его на цѣпь на верхней палубѣ. Ученикъ Торнбурга не имѣлъ покоя, ему хотѣлось узнать, что будетъ дѣлать медвѣдь, если его освободить; и вотъ онъ, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, забрался на верхнюю палубу и, развязавъ цѣпь, выпустилъ звѣря на свободу. Любопытство его было немедленно удовлетворено: медвѣдь бросился на него и сталъ гоняться за нимъ по всей палубѣ, при чемъ напугалъ до смерти всѣхъ пассажировъ и даже стражу. Онъ бросался по всѣмъ каютамъ, во всѣ углы, такъ что всѣ попрятались отъ ужаса. Когда, наконецъ, владѣлецъ медвѣдя поймалъ его и привязалъ, то оказалось, что весь пароходъ какъ будто бы вымеръ: на палубѣ не было никого, словно всѣ провалились подъ полъ.

Мнѣ говорили также, что одинъ изъ старыхъ моихъ знакомыхъ лоцмановъ умеръ у самаго колеса мгновенной смертью отъ разрыва сердца. Это было въ 1869 году; въ это время капитанъ, бывшій на верхней палубѣ, замѣтилъ, что судно безъ всякой надобности поворачиваетъ къ берегу. Онъ крикнулъ лоцману, но не получилъ отвѣта, тогда онъ спустился внизъ и увидалъ, что тотъ лежитъ безъ движенія на полу.

Съ мистеромъ Биксби также случилось несчастье: сильнымъ вѣтромъ его сбросило въ воду на Мадридской мели, однакоже онъ не пострадалъ, тогда какъ другой лоцманъ, его товарищъ, погибъ въ волнахъ.

Георгъ Ричи тоже былъ сброшенъ съ парохода близъ Мемфиса; его оторвало отъ колеса бурнымъ вихремъ и, упавъ въ рѣку, онъ совершенно лишился силъ; вода была очень холодна, онъ схватился зубами за тюкъ хлопка и плылъ вмѣстѣ съ нимъ, пока его не подхватили и не вытащили на палубу. Товарищи распаковали тюкъ съ хлопкомъ и закутали его этой самой ватой, чтобы согрѣть несчастнаго, и такимъ образомъ доставили невредимо въ Мемфисъ. Теперь онъ служитъ однимъ изъ помощниковъ мистера Биксби на пароходѣ Баттонъ-Ружъ.

Въ жизни одного пароходнаго клерка, теперь уже умершаго, случилось романическое происшествіе, хотя нѣсколько грубоватое, но все же вполнѣ романическое. Когда я знавалъ его, тогда это былъ человѣкъ весьма находчивый, при этомъ добродушный и привѣтливый, готовый всякому услужить, но изъ его услугъ не выходило, къ сожалѣнію, ничего дѣльнаго, такъ какъ онъ былъ довольно легкомысленъ. Въ одномъ изъ за-

падныхъ городовъ Америки жилъ какой-то богатый иностранецъ со своей женой; при нихъ жила также молодая дѣвушка не то въ качествѣ воспитанницы, не то въ качествѣ прислуги. Нашъ пароходный клеркъ познакомился съ ней, они полюбили другъ друга, и она не въ силахъ была противиться искушенію. Этого клерка звали Джорджъ Джонсонъ; на самомъ дѣлѣ его звали иначе, но я назову его такъ, ради соблюденія инкогнито. Богатый иностранецъ, узнавъ объ ихъ грѣхѣ, выгналъ молодую дѣвушку изъ дому. Тогда они рѣшились солгать ему и сказали, будто бы они уже обвѣнчались: гнѣвъ старика немного смягчился, и онъ благословилъ ихъ бракъ. Послѣ этого они продолжали прежнія отношенія, хотя и не были обвѣнчаны. Вскорѣ послѣ этого старикъ овдовѣлъ, а вслѣдъ за женою умеръ и самъ. Семейные друзья собрались хоронить его; на этомъ собраніи присутствовалъ также и Джорджъ Джонсонъ съ своей мнимой супругой. Когда завѣщаніе вскрыли, то оказалось, что богачъ оставилъ все свое состояніе госпожѣ Джорджъ Джонсонъ.

Но, къ сожалѣнію, такой особы, носившей подобное имя, на самомъ дѣлѣ не существовало. Молодая особа не была замужемъ и потому не имѣла права на наслѣдство. Тогда молодые грѣшники рѣшились поступить совершенно легкомысленно: они поспѣшили обвѣнчаться и устроили такъ, что ихъ брачный контрактъ былъ подписанъ заднимъ числомъ, какъ будто они были обвѣнчаны уже раньше. Но родственники покойнаго не оставили этого дѣла; они подали искъ въ судъ и обвинили молодыхъ людей за поддѣлку документовъ. Весь этотъ процессъ разорилъ ихъ совершенно, такъ что, хотя они обвѣнчаны самымъ законнымъ образомъ, однакоже не имѣютъ никакихъ средствъ и бѣдствуютъ.

Вотъ какіе факты передали мнѣ во время этой поѣздки. Подобныя совпаденія бываютъ въ жизни, но рѣдко встрѣчаются въ современныхъ романахъ.

XIX.

Оригиналъ Джэкобсъ.

Между прочими разговорами у насъ зашла бесѣда о капитанѣ Исаіи Селлерсъ, умершемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Это былъ человѣкъ умный, способный, его всѣ уважали какъ на рѣкѣ, такъ и по всему побережью. Онъ былъ человѣкъ высокаго роста, хорошаго сложенія и отличался красивой наружностью; даже и въ преклонномъ возрастѣ у него сохра-

нились совершенно черные волосы, какъ у индѣйца; глаза отличались удивительной зоркостью, и въ этомъ отношенiи онъ не уступалъ юношамъ, а рука никогда не дрожала, такъ что онъ крѣпко держалъ колесо. Твердостью характера и силой воли онъ также не уступалъ молодымъ людямъ. Это былъ, какъ говорится, патрiархъ всего нашего лоцманскаго братства. Когда-то онъ служилъ лоцманомъ на простыхъ судахъ, когда еще не были введены пароходы. На пароходъ онъ поступилъ раньше всѣхъ другихъ лоцмановъ, такъ что его можно считать однимъ изъ старѣйшихъ пароходныхъ лоцмановъ. Поэтому онъ пользовался большимъ уваженiемъ и зналъ это, однакоже не обращалъ на это большого вниманiя и не придавалъ значенiя, нисколько не гордясь такой заслугой.

Послѣ смерти онъ оставилъ дневникъ, но, вѣроятно, этотъ дневникъ относился не къ первымъ его поѣздкамъ, такъ какъ первыя паровыя суда явились на нашей рѣкѣ только въ 1811 году. Въ этомъ году впервые пароходный винтъ взволновалъ воды Миссисипи. Черезъ нѣсколько времени послѣ его смерти одинъ изъ корреспондентовъ газеты „Республиканецъ“ изъ Сенъ-Луи привелъ въ этомъ изданiи нѣсколько выдержекъ изъ его дневника. Вотъ что онъ пишетъ:

„Въ 1825 году, въ февралѣ, онъ былъ на пароходѣ „Ремблеръ“ изъ Флоренцiи и въ теченiе этого года совершилъ три поѣздки въ Новый Орлеанъ, туда и обратно. Ѣздилъ также въ Нешвиль и возвращался оттуда на пароходѣ „Карроль“. Во время своей службы на этомъ пароходѣ капитанъ Селлерсъ ввелъ въ употребленiе особый сигналъ для измѣренiя глубины, а именно звонокъ, тогда какъ прежде звонки не употреблялись, и лоцманы обыкновенно говорили рабочимъ, находящимся внизу, когда слѣдовало измѣрять глубину.

Въ 1827 году мы встрѣчаемъ его на пароходѣ „Президентъ“. Это было большое судно въ 285 тоннъ, которое совершало рейсы между Смитландомъ и Новымъ Орлеаномъ. Потомъ въ 1828 году онъ былъ на пароходѣ *Юбилей*, и на немъ въ первый разъ прiѣхалъ въ Сенъ-Луи. Въ маѣ 1836 года, а именно 26-го числа, онъ выѣхалъ изъ Питсбурга на пароходѣ *Прерiя*. Пароходъ этотъ вмѣщалъ 400 тоннъ и отличался тѣмъ, что на немъ была устроена обширная парадная каюта, какой до тѣхъ поръ никогда еще не видѣли въ Сенъ-Луи. Въ 1857 году онъ ввелъ въ употребленiе особый сигналъ при встрѣчѣ пароходовъ; этотъ сигналъ съ нѣкоторыми измѣненiями вошелъ въ употребленiе на всѣхъ судахъ, и даже былъ сдѣланъ обязательнымъ особымъ законодательнымъ актомъ, утвержденнымъ на конгрессѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы

встрѣчаемъ весьма интересныя даты разныхъ историческихъ событій и отмѣтки на поляхъ дневника. Такъ напримѣръ:

„Въ мартѣ 1825 года генералъ Лафайетъ выѣхалъ изъ Новаго Орлеана въ Сенъ-Луи на пароходѣ низкаго давленія, носившемъ названіе „Натшецъ“.

„Въ январѣ 1828 года изъ Новаго Орлеана выѣхалъ двадцать одинъ пароходъ, чтобы ознаменовать торжественную встрѣчу по случаю пріѣзда генерала Джексона въ этотъ городъ.

Въ 1830 году пароходъ „Сѣверный Американецъ“ совершилъ рейсъ изъ Новаго Орлеана въ Мемфисъ въ шесть дней“. Въ ту эпоху такой переѣздъ считался очень быстрымъ: со временемъ этотъ же самый путь совершался уже въ два дня и десять часовъ.

„Въ 1831 году рѣка „Красная“ сдѣлала *прорѣзъ.*

„Въ 1832 году пароходъ Гэдсонъ совершилъ рейсъ отъ Бѣлой Рѣки до города Елены въ теченіе двѣнадцати часовъ; разстояніе это равняется семидесяти пяти милямъ.

Въ 1839 году образовалась *прорѣзъ* такъ называемая „Great Horsehoe“.

Когда капитанъ Селлерсъ приближался къ лоцманамъ, которые вели бесѣду между собою, то всѣ въ ту же минуту умолкали, и разговоръ прекращался. Обыкновенно среди лоцмановъ были и молодые люди и старые. Опытные лоцмана, конечно, хвастались передъ неопытными своими великими подвигами, своей продолжительной службой, знаніемъ дѣла и нерѣдко ставили втупикъ молодыхъ товарищей. Понятно, что эти господа любили иной разъ и преувеличить пережитыя ими опасности и прихвастнуть иной разъ своими подвигами и храбростью, но когда приближался капитанъ Селлерсъ, то они невольно умолкали при этомъ дѣйствительно опытномъ и храбромъ лоцманѣ. Его называли *сыномъ древности*, и это былъ единственный представитель старой эпохи, и всѣ эти хвастуны невольно смущались въ его присутствіи. Всѣ съ восторгомъ слушали его разсказы и воспоминанія о разныхъ островахъ, которые уже въ это время не существовали, о тѣхъ *прорѣзяхъ,* которыя когда-то сдѣлала рѣка. Это было такъ давно, что никто изъ современныхъ лоцмановъ не только не зналъ объ нихъ, но даже и не слыхалъ.

Не разъ случалось, что этотъ старый лоцманъ являлся въ лоцманскую каюту, смущая даже опытныхъ служакъ своими разсказами. Если вѣрить этимъ сообщеніямъ, то онъ всегда прибавлялъ нѣсколько лишнихъ лѣтъ, упоминая о какомъ-нибудь исчезнувшемъ островѣ; это придавало его разсказамъ

особую прелесть. Но никогда онъ не разсказывалъ различно объ одномъ и томъ же островѣ, никогда не путалъ никакихъ подробностей, никогда не называлъ такого острова, который еще существуетъ, или о которомъ могли бы слышать лоцманы позднѣйшаго поколѣнія. Въ этихъ разсказахъ онъ не опускалъ даже самыхъ малѣйшихъ подробностей, при этомъ онъ никогда не говорилъ *штатъ Миссисипи*; нѣтъ, онъ выражался такъ: „Когда штатъ Миссисипи находился тамъ, гдѣ теперь находится штатъ Арканзасъ" и т. д. Онъ не говорилъ также „штатъ Луизiана или Миссури", а всегда старался опредѣлить мѣсто вполнѣ точно, поэтому онъ выражался такъ: „когда Луизiана находилась нѣсколько выше по теченiю рѣки", или же „въ то время, когда штатъ Миссури находился рядомъ со штатомъ Иллинойсъ".

Этотъ старый джентльменъ не обладалъ литературными способностями, однакоже порой писалъ коротенькiя статейки, въ которыхъ заключались интересныя свѣдѣнiя о состоянiи уровня воды въ рѣкѣ, и отсылалъ эти статейки въ одинъ изъ журналовъ Новаго Орлеана. Онъ подписывалъ ихъ псевдонимомъ *Маркъ Твэнъ*. Конечно, эти статьи были очень полезны, объ этомъ, разумѣется, и говорить нечего, но, дѣлая свои сообщенiя объ уровнѣ рѣки въ данный моментъ, старый капитанъ прибавлялъ нѣкоторыя свѣдѣнiя, въ родѣ, напримѣръ, того,—была ли въ этомъ мѣстѣ вода высока или низка въ то же самое время года, сорокъ девять лѣтъ тому назадъ, когда онъ въ первый разъ совершалъ свои рейсы по рѣкѣ. Кое-гдѣ онъ дѣлаетъ замѣчанiя объ исчезнувшихъ островахъ и прибавляетъ: „Если память мнѣ не измѣняетъ, то островъ этотъ исчезъ въ 1807 году". Вотъ эти-то примѣчанiя, относящiяся къ отдаленному перiоду, и заключаютъ въ себѣ особый ядъ и горечь для старыхъ лоцмановъ; они нерѣдко поднимали насмѣхъ статьи Марка Твэна.

Однажды случилось такъ, что одна изъ этихъ статей послужила главнымъ матерiаломъ для моей первой статьи, помѣщенной въ журналѣ. По поводу этой статьи мнѣ пришлось бесѣдовать съ Селлерсомъ, и я написалъ довольно обширную замѣтку отъ восемьсотъ до тысячи словъ, такъ какъ моя фантазiя сильно разыгралась. Въ это время я былъ еще только ученикомъ. Мою замѣтку я показалъ нѣсколькимъ лоцманамъ, и они постарались ее напечатать въ журналѣ „True Delta", издававшемся въ Новомъ Орлеанѣ. Это было очень досадно, потому что статья никому пользы не принесла, а только глубоко оскорбила добраго человѣка: я посмѣялся надъ этимъ старикомъ, и это его очень обидѣло. Такой поступокъ съ моей

стороны показался ему ужаснымъ и непростительнымъ, и онъ былъ совершенно правъ. Я только впослѣдствіи узналъ, какъ обидно, какъ тяжело слышать порицаніе себѣ въ печати.

Капитанъ Селлерсъ съ этого дня сдѣлалъ мнѣ особую честь: онъ сталъ меня презирать и глубоко ненавидѣть. Если я говорю о сдѣланной мнѣ чести, то это не пустыя слова съ моей стороны: заслужить его презрѣніе,—презрѣніе такого выдающагося человѣка, какъ капитанъ Селлерсъ, это чего-нибудь да стоитъ, и я очень гордился этимъ. Конечно, заслужить любовь такого человѣка и уваженіе съ его стороны это тоже считалось очень почетнымъ, но заслужить его ненависть и злобу — это еще почетнѣе.

Онъ никогда больше не печаталъ статей въ періодическихъ изданіяхъ и никогда не подписывался Маркомъ Твэномъ. Когда я узналъ по телеграфу о смерти Селлерса, я былъ въ то время на берегу Тихаго океана. Въ это время я былъ новоиспеченнымъ журналистомъ, и мнѣ нуженъ былъ какой-нибудь псевдонимъ. Такимъ образомъ я присвоилъ себѣ эту кличку стараго судохода и приложилъ всѣ старанія, чтобы это прозвище пользовалось болѣе или менѣе почетной репутаціей. Насколько мнѣ удалось это, объ этомъ пусть судятъ другіе, я же судить не берусь.

Капитанъ очень любилъ свою профессію и гордился ей. Еще при жизни онъ заказалъ себѣ надгробный памятникъ. Монументъ этотъ высѣченъ изъ мрамора и изображаетъ капитана стоящимъ у руля. Послѣ его смерти этотъ памятникъ былъ поставленъ на кладбищѣ Бельфонтенъ, въ Сенъ-Луи. Я нахожу, что онъ достоинъ этого почета: онъ никогда бы не оставилъ своего мѣста у руля, и на памятникѣ онъ именно изображенъ исполняющимъ свой священный долгъ. Этотъ человѣкъ не отступилъ бы передъ опасностью, онъ согласился бы скорѣе погибнуть, сгорѣть, обратиться въ пепелъ, если бы этого требовалъ долгъ!

Самое лучшее, что намъ пришлось видѣть на Миссисипи, это электрическое освѣщеніе Новаго Орлеана вечеромъ. Мы приближались на нашемъ буксирномъ пароходѣ къ городу, и передъ нами предсталъ ярко освѣщенный берегъ, на которомъ горѣло болѣе пяти тысячъ электрическихъ шаровъ. Зрѣлище это было поистинѣ прекрасно и восхитительно.

XX.

Воспоминанія.

Мы вышли изъ Сенъ-Луи на пароходѣ „Городъ Баттонъ-Ружъ“ въ прекрасный жаркій день. Я хотѣлъ было поговорить съ нѣкоторыми изъ моихъ спутниковъ, а также съ лоцманами

и хозяевами пароходовъ, но общественная городская жизнь такъ увлекла меня, что мнѣ осталось всего не болѣе пяти минутъ, чтобы перекинуться нѣсколькими словами съ двумя или тремя судоходчиками.

Я сидѣлъ на скамейкѣ въ то время, когда раздалась команда „дать задній ходъ", которая обыкновенно раздается передъ тѣмъ, какъ капитанъ воскликнетъ: „Все въ порядкѣ, впередъ". Этотъ обычай принятъ изстари, и способъ этотъ былъ мнѣ очень хорошо знакомъ. Изъ пароходной трубы валилъ густой, черный дымъ, и это было такъ же, какъ въ старину. Всѣ эти подробности напомнили мнѣ мою прежнюю службу на пароходахъ, и мнѣ казалось даже, какъ будто въ моей жизни на рѣкѣ не было никакого перерыва, какъ будто я никогда и не удалялся отсюда. Лоцманскій ученикъ направлялъ пароходъ между другими судами. Капитанъ Биксби помѣстился въ лоцманской каютѣ. Мои нервы были сильно напряжены, и мнѣ казалось, что разстояніе между нашимъ пароходомъ и остальными было слишкомъ велико, но вотъ капитанъ самъ взялся за руль и подвинулъ нашъ пароходъ къ другимъ судамъ. Такимъ образомъ разстояніе между нами значительно сократилось. Такъ было четверть вѣка тому назадъ, это была милость, которую онъ оказалъ мнѣ тогда на этомъ же самомъ мѣстѣ, когда я впервые отходилъ отъ этой самой пристани Новаго Орлеана. Мнѣ было чрезвычайно пріятно видѣть, какъ все это повторилось сызнова, точь въ точь такъ же, какъ и тогда.

Мы дошли до Натшеца (триста миль) въ двадцать два съ половиною часа, это было наивысшей быстротой, какую мнѣ случалось видѣть на этомъ переѣздѣ.

На слѣдующее утро я вышелъ на палубу вмѣстѣ съ четырехчасовой вахтой. При этомъ я наблюдалъ, какъ Ричи, несмотря на туманъ, вполнѣ удачно проходилъ черезъ повороты рѣки, руководясь картой береговъ, которая была составлена мистеромъ Биксби въ сотрудничествѣ съ нимъ самимъ. На эту рѣчную карту они получили привилегію (патентъ). Польза, приносимая этой картой, была очевидна.

Понемногу туманъ сталъ разсѣиваться, и деревья, росшія по берегамъ, отражались на гладкой поверхности рѣки. Отраженія эти казались гораздо чернѣе, чѣмъ самыя деревья въ натурѣ. Общій видъ этой картины былъ чрезвычайно интересенъ и красивъ, и я съ любопытствомъ наблюдалъ отраженіе этихъ фантастическихъ деревьевъ среди разсѣивавшагося тумана.

Приближаясь къ Натшецу, намъ пришлось вынести сильную бурю съ громомъ. Другая подобная буря насъ застигла въ Виксбургѣ, а третья на пятьдесятъ миль ниже Мемфиса. Эти

грозы были очень сильны и я никогда не могъ вполнѣ привыкнуть къ нимъ. Третья гроза сопровождалась сильнѣйшимъ вѣтромъ и вихремъ. Когда мы замѣтили приближающуюся грозу, то пристали къ берегу, укрѣпили пароходъ, и всѣ удалились съ палубы, кромѣ меня; я остался въ лоцманской рубкѣ. Вѣтеръ дулъ такъ сильно, что молодыя деревья гнулись въ разныя стороны. Порывы вѣтра слѣдовали другъ за другомъ, ломая вѣтви и шумя листвой, такъ что на водѣ виднѣлись волны, то зеленыя, то бѣлыя, смотря по тому, въ какую сторону были обращены листья качавшихся деревьевъ, такъ какъ нижняя сторона листьевъ была бѣлая, то и волны принимаютъ при отраженіи бѣлый цвѣтъ. Эти разноцвѣтныя волны стремились другъ за другомъ, точно подгоняли одна другую. Всѣ онѣ были окрашены какимъ-то еще добавочнымъ свинцово-сѣрымъ цвѣтомъ, да и вся рѣка казалась свинцовой какъ вблизи отъ насъ, такъ и вдали, и даже бѣлый мысъ, вдающійся въ воду, казался темнымъ въ эту минуту. На всемъ окружающемъ лежала мрачная тѣнь.

Раскаты грома слышались почти безпрерывно, молнія сверкала съ одного края неба до другого. Этотъ шумъ и громъ и яркій очень быстро прекращающійся свѣтъ производили на меня впечатлѣніе ужасающее и въ то же время восхитительное;— мнѣ было и весело и страшно. Дождь лилъ безпрерывно, громъ раздавался все ближе и ближе, молнія сверкала все чаще, вихрь все усиливался и вырывалъ съ корнемъ цѣлыя деревья, бросая ихъ въ пучину. Лоцманская рубка трещала, качалась, и казалось, что вотъ вотъ ее сорветъ съ мѣста и снесетъ въ воду. При такомъ вихрѣ и мракѣ я не могъ взглянуть на часы и потому пошелъ внизъ узнать, который часъ.

Мнѣ случалось много слышать и читать объ альпійскихъ грозахъ, но тѣ, которыя я видѣлъ самъ на Альпахъ, конечно, не могутъ сравниться съ тѣми, какія бываютъ въ долинѣ Миссисипи. Быть-можетъ я не видалъ самыхъ сильныхъ грозъ на Альпахъ, во всемъ ихъ ужасѣ и величіи, но если онѣ не уступаютъ грозамъ Миссисипи, то я нисколько не жалѣю о томъ, что не видѣлъ ихъ, и вовсе не желалъ бы ихъ испытать.

Во время этой самой поѣздки я видѣлъ маленькій островъ („Дѣтскій островъ"), длиною въ одну милю, который образовался въ промежутокъ времени за послѣднія пятнадцать лѣтъ.

Когда буря кончилась, то начался рядъ необыкновенно темныхъ ночей, но этотъ мракъ составлялъ рѣзкую противоположность съ тѣми мѣстами, гдѣ мы останавливались. Въ мѣстахъ нашихъ стоянокъ все было ярко освѣщено, благодаря

электрическому свѣту, горѣвшему на нашемъ пароходѣ. Птицы, видя это яркое освѣщеніе, просыпались и порхали по вѣткамъ, и нѣкоторыя изъ нихъ даже начинали пѣть, принимая электрическій свѣтъ за солнечный. Вотъ до какой степени свѣтъ вліяетъ на природу!

Вообще я долженъ сказать, что путешествіе на такомъ прекрасномъ пароходѣ, съ полнымъ комфортомъ, представляетъ большое удовольствіе и удобство. Я сожалѣю только, что оно было такъ непродолжительно и поспѣшно. Однакоже во время этого пути мнѣ посчастливилось увидаться со многими прежними знакомыми, конечно, кромѣ тѣхъ, которыхъ уже болѣе не существовало на свѣтѣ. Я нашелъ почти всѣхъ ихъ, кромѣ одного. Случай, бывшій съ этимъ послѣднимъ, навелъ меня на мысль, какъ иногда ничтожныя обстоятельства имѣютъ серьезныя послѣдствія и могутъ повліять на всю нашу жизнь.

Когда этотъ товарищъ былъ въ ученьи у кузнеца въ нашей деревнѣ, а я ходилъ въ школу, двое молодыхъ англичанъ посѣтили сосѣдній съ нашей деревней городъ и прожили тамъ нѣсколько дней. Однажды, въ присутствіи деревенскихъ мальчиковъ, они устроили состязаніе на шпагахъ, нѣчто въ родѣ дуэли во вкусѣ временъ короля Ричарда III. На это состязаніе собралось множество народа, на немъ присутствовали также и деревенскіе мальчики, между прочими здѣсь былъ также и ученикъ кузнеца. З̣рѣлище это ему такъ понравилось, что въ немъ зародилось непреодолимое желаніе поступить на сцену и вотъ онъ исчезъ изъ деревни и бѣжалъ въ Сенъ-Луи. Спустя нѣсколько времени, я встрѣтилъ его. Онъ стоялъ на углу улицы, заложивъ одну руку за спину, а другой рукой подпиралъ себѣ подбородокъ.

Въ этой величественной позѣ онъ стоялъ задумавшись, словно обсуждалъ какой-то рѣшительный шагъ. Вѣроятно, въ эту минуту онъ воображалъ себя въ роли Отелло или какого-нибудь другого драматическаго лица, и ему казалось, что проходившая мимо толпа любовалась его трагической позой.

Я подошелъ къ нему и началъ его уговаривать, чтобы онъ спустился съ облаковъ на землю, но все было безуспѣшно. Онъ категорически объявилъ мнѣ, что состоитъ членомъ театра въ улицѣ Вальнутъ. Ему хотѣлось показать видъ, что онъ говоритъ объ этомъ совершенно равнодушно, но я видѣлъ, что онъ чрезвычайно волнуется и гордится своимъ новымъ званіемъ. При этомъ онъ сообщилъ, что ему поручили роль въ драмѣ *Юлій Цезарь* и просилъ меня непремѣнно прійти въ театръ посмотрѣть на его игру. Ему не зачѣмъ было и просить меня, конечно, я бы и безъ того пошелъ, узнавъ, что онъ играетъ,

и развѣ только смерть могла бы помѣшать мнѣ въ этомъ намѣренiи. Встрѣча съ нимъ удивила меня.

„Какъ странно, — думалъ я, — прежде когда-то мы считали этого мальчика очень недалекимъ малымъ, и вотъ онъ появляется въ большомъ городѣ, на сценѣ, при большомъ стеченiи публики, гдѣ его талантъ и способности будутъ высоко оцѣнены! Здѣсь его принимаютъ съ восторгомъ и осыпаютъ почестями".

Но, побывавъ въ театрѣ, я былъ удивленъ тѣмъ, что ни на афишѣ ни на сценѣ я не видалъ моего товарища; о немъ не было даже и помину. Встрѣтивъ его на слѣдующiй день, я подошелъ къ нему, но прежде, чѣмъ я успѣлъ спросить его о чемъ бы то ни было, онъ воскликнулъ:

— Вы видѣли меня вчера?!

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—васъ не было на сценѣ.

Онъ взглянулъ на меня съ удивленiемъ и сказалъ:

— Какъ же! Я тамъ былъ! Я игралъ роль одного изъ римскихъ солдатъ.

— Котораго же именно?

— Да какъ же вы ихъ не видали? Эти солдаты ходили взадъ и впередъ по сценѣ, а потомъ стали длиннымъ рядомъ въ глубинѣ.

— Такъ вы, значитъ, играли римскую армiю!—воскликнулъ я.—Вотъ эти самые оборвыши въ грязныхъ лохмотьяхъ, которые махали тонкими деревянными мечами, и когда маршировали по сценѣ, наступали другъ другу на пятки.

— Вотъ! Вотъ! Эти самые! Я игралъ роль одного изъ этихъ солдатъ и стоялъ предпослѣднимъ въ ряду. Прежде я стоялъ послѣднимъ, а теперь меня повысили!

Впослѣдствiи я узналъ, что этотъ бѣднякъ такъ и остался на всю жизнь „римскимъ солдатомъ" на сценѣ и игралъ эту роль въ продолженiе тридцати четырехъ лѣтъ! Но иногда ему давали выходныя роли; онъ былъ очень доволенъ, когда ему поручали выйти на сцену и сказать: „Милордъ, карета подана!"

Если же къ этимъ короткимъ словамъ приходилось что-нибудь прибавить, то у него не хватало умѣнья, память ему измѣняла, и онъ не въ силахъ былъ выполнить роль,—онъ путался и терялся. Нужно добавить, что этотъ несчастный болѣе тридцати четырехъ лѣтъ безпрерывно изучалъ роль Гамлета въ надеждѣ, что когда-нибудь ему придется сыграть ее.

И вотъ эту злополучную карьеру онъ избралъ чисто случайно, благодаря тому, что молодые англичане посѣтили нашу деревню много лѣтъ назадъ. Если бы не они, если бы не ихъ спектакль, увлекшiй его, какое добро и пользу могъ бы при-

нести этотъ юноша, принимая во вниманіе его терпѣніе и настойчивость. Но онъ всю жизнь былъ „римскимъ солдатомъ", и какимъ жалкимъ, несчастнымъ солдатомъ.

Дня черезъ два мы достигли Сенъ-Луи. Я пошелъ пѣшкомъ прогуляться по городу и, когда только достигъ улицы Фортъ-Стритъ, мнѣ попался навстрѣчу какой-то человѣкъ съ сѣдой головой. Онъ пристально посмотрѣлъ на меня, проходя мимо, и потомъ, пройдя нѣсколько шаговъ, снова посмотрѣлъ на меня, и, наконецъ, подойдя ко мнѣ, довольно рѣзко спросилъ:

— Ну-ка, посмотрите на меня! Нашли ли вы, что искали?

Сначала я подумалъ, что это какой-нибудь маніакъ, помѣшанный на своемъ изобрѣтеніи, но потомъ я узналъ его, и, овладѣвъ своимъ волненіемъ, постарался скрыть смущеніе, и мягко, чтобы не оскорбить его, сказалъ:

— Я немного опоздалъ, но сію минуту иду туда!.. Пойдемте вмѣстѣ!

Тогда онъ смягчился и заявилъ, что читалъ мое имя въ газетахъ и бросилъ всѣ свои дѣла, чтобы повидаться со мной; при этомъ онъ рѣшилъ найти меня или умереть. Онъ сказалъ, что требуетъ отъ меня удовлетворительнаго отвѣта, или же убьетъ меня въ противномъ случаѣ. Впрочемъ, мнѣ показалось, что его суровый тонъ былъ скорѣе напускной, а не искренній.

Эта неожиданная встрѣча перенесла меня въ Сенъ-Луи за тридцать лѣтъ назадъ. Я прожилъ тамъ цѣлую недѣлю въ гостиницѣ, и моимъ сосѣдомъ по номеру былъ этотъ самый субъектъ. Въ то время онъ былъ еще молодой. Намъ случалось вдвоемъ наблюдать на улицахъ враждебныя столкновенія, борьбу и даже убійства, происходившія во время возстанія. Однажды вечеромъ мы пришли въ оружейную залу, гдѣ собралось около двухсотъ юношей, которые сошлись сюда для того, чтобы взять оружіе и итти противъ мятежниковъ подъ начальствомъ опытнаго офицера. И вотъ мы пошли; было около десяти часовъ ночи, когда насъ извѣстили, что сильная толпа повстанцевъ собралась въ нижней части города. Мы тотчасъ же отправились туда. Ночь была очень жаркая, и мой мушкетъ сильно меня обременялъ. Чѣмъ болѣе мы подвигались къ мѣсту битвы, тѣмъ жарче мнѣ становилось, и тѣмъ болѣе усиливалась моя жажда. Я шелъ какъ разъ сзади моего пріятеля. Наконецъ жажда стала невыносима, и я попросилъ его на минуту подержать мой мушкетъ, пока я схожу напиться. Я передалъ ему ружье и вернулся домой. Но я нисколько о немъ не безпокоился, такъ какъ зналъ, что онъ хорошо вооруженъ и вполнѣ можетъ защититься. Если бы я

сомнѣвался въ этомъ, то доставилъ бы ему еще и другое ружье. На слѣдующее утро я покинулъ городъ. И вотъ этотъ суровый господинъ случайно встрѣтилъ мое имя въ газетномъ листкѣ въ Сенъ-Луи и побѣжалъ искать меня. Не забудьте при этомъ, что съ того времени прошло болѣе тридцати лѣтъ, такимъ образомъ и онъ и я уже успѣли состариться. Если бы онъ не встрѣтилъ меня на улицѣ, то я бы никогда не узналъ, что съ нимъ случилось, и какая судьба постигла его. Очевидно, что онъ слѣдилъ за мной болѣе, чѣмъ я за нимъ, и его свѣдѣнія были обстоятельнѣе.

Однажды въ понедѣльникъ, приблизительно около того же времени, когда мы посѣтили Сенъ-Луи, мѣстная газета „Глобъ-Демократъ“ обнародовала на своихъ столбцахъ статистическія свѣдѣнія относительно количества посѣтителей воскресныхъ школъ и церковныхъ службъ. Изъ этой статьи явствуетъ, что на церковныхъ службахъ въ Сенъ-Луи въ воскресенье присутствовало 19.448 человѣкъ; въ воскресныхъ школахъ побывало въ этотъ день 23.102 ребенка. Такимъ образомъ изъ четырехсотъ тысячъ населенія въ общей сложности 42.550 человѣкъ относятся съ уваженіемъ къ религіи и къ наукѣ. Я прочелъ эти статистическія данныя въ болѣе сокращенной формѣ въ телеграммѣ журнала „Союзная Пресса“ и сохранилъ эти цифры для памяти; изъ нихъ видно, что населеніе Сенъ-Луи стало гораздо религіознѣе, нежели было въ мое время. Но, если хорошенько разобраться въ этихъ цифрахъ, то я думаю, что тутъ произошла нѣкоторая ошибка или преувеличеніе: въ городѣ никогда не можетъ быть больше 150 тысячъ католиковъ, слѣдовательно, остальныя 250 тысячъ состоятъ изъ протестантовъ; изъ этихъ 250 тысячъ, согласно телеграммѣ, о которой идетъ рѣчь, посѣщаютъ церковь и воскресныя школы только 26.362 человѣка, а изъ ста пятидесяти тысячъ католиковъ посѣщаютъ школы и церковь 116.188 человѣкъ.

XXI.

Клеймо преступника.

Однажды мнѣ пришло въ голову: „Какъ бы мнѣ разыскать мистера Броуна?“

Мнѣ хотѣлось открыть одну тайну, которая свято хранилась въ моемъ сердцѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, и теперь она уже стала меня тяготить. Когда мнѣ пришла въ голову эта мысль, то я тотчасъ же рѣшился привести ее въ исполненіе и предпринять небольшую экскурсію.

При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, девять лѣтъ тому назадъ, я сказалъ самому себѣ: если мнѣ случится когда-либо снова посѣтить Сенъ-Луи, то я непремѣнно разыщу мистера Броуна, того самаго купца, который торгуетъ зерновымъ хлѣбомъ, и попрошу, чтобы онъ оказалъ мнѣ честь, позволилъ пожать ему руку.

Обстоятельства, при которыхъ было дано это обѣщаніе, были слѣдующія:

Однажды одинъ изъ моихъ друзей, принадлежавшій къ духовному сословію, пришелъ ко мнѣ вечеромъ и сказалъ:

— Сейчасъ я получилъ замѣчательное письмо, но, чтобы вы могли понять его смыслъ, я долженъ вамъ пояснить его въ краткихъ словахъ. Письмо это написано бывшимъ воромъ и гнуснымъ бродягой, человѣкомъ дурно воспитаннымъ, полнымъ невѣжества и преступнымъ. Но теперь, благодаря Бога, онъ направленъ на добрый путь, какъ вы сами въ этомъ можете убѣдиться. Письмо это написано по адресу нѣкоего Вилльямса, который тоже былъ прежде воромъ и мошенникомъ. Онъ былъ осужденъ на девять лѣтъ заключенія въ мѣстную тюрьму за свои преступленія. Вилльямсъ былъ очень дерзкій мошенникъ и занимался своимъ ремесломъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, но, наконецъ, былъ пойманъ въ ту самую минуту, когда, ворвавшись въ домъ къ одному богатому человѣку съ револьверомъ въ рукахъ, требовалъ, чтобы тотъ выдалъ ему восемь тысячъ долларовъ государственными бумагами. Этотъ Вилльямсъ принадлежалъ къ избранному классу; онъ окончилъ курсъ въ коллегіи Гарварда и при этомъ происходилъ изъ почтенной семьи, родомъ изъ Новой Англіи; отецъ его былъ духовнаго званія. Когда Вилльямса посадили въ тюрьму, то чрезъ нѣсколько времени онъ замѣтилъ, что его здоровье пошатнулось,—ему грозило полное истощеніе отъ чахотки. Сидя въ заключеніи, онъ часто размышлялъ о прежней жизни, и на него напало раскаяніе за совершенныя имъ преступленія. Онъ искалъ утѣшенія въ религіи и сдѣлался глубоко вѣрующимъ христіаниномъ. Много городскихъ дамъ, узнавъ объ этомъ обращеніи, начали посѣщать его, стараясь ободрить несчастнаго словами и добрыми совѣтами и укрѣпить въ немъ зарождающуюся вѣру. Около того же времени онъ познакомился въ тюрьмѣ съ другимъ заключеннымъ Джекомъ Гентомъ. Какъ разъ въ это время былъ вынесенъ приговоръ, и согласно этому приговору, какъ я уже говорилъ вамъ, онъ былъ осужденъ на девять лѣтъ заключенія въ мѣстной тюрьмѣ. Вотъ это письмо, которое я вамъ показываю и намѣренъ прочесть, написано Джекомъ Гентомъ, оно-то и было поводомъ

къ моему разсказу. Знакомство это, какъ вы вскорѣ убѣдитесь, имѣло благопріятныя послѣдствія для Джека. Когда кончился его срокъ заключенія, то онъ поѣхалъ въ Сенъ-Луи и оттуда уже написалъ это письмо Билльямсу, оно не дошло до того, кому назначалось. Тюремное начальство перехватило его, но у нихъ не хватило смѣлости уничтожить эту рукопись, до такой степени она ихъ взволновала. Они читали это письмо нѣкоторымъ лицамъ, оно попало также въ руки нѣкоторыхъ изъ посѣщавшихъ его дамъ, о которыхъ я говорилъ раньше. Между прочимъ, его читалъ также одинъ изъ моихъ друзей—пасторъ. Онъ прочелъ его и разсказалъ мнѣ его содержаніе. Когда онъ говорилъ о немъ, то невольныя слезы сжимали ему горло. Онъ обѣщалъ доставить копію, и вотъ эту копію я принесъ теперь вамъ. Въ ней сохранены всѣ особенности языка въ томъ видѣ, какъ это письмо было написано въ оригиналѣ; сохранился даже воровской жаргонъ, который во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ попадается, объясняется въ особыхъ примѣчаніяхъ, сдѣланныхъ тюремнымъ начальствомъ.

Вотъ это письмо:

„Сенъ-Луи, 9 іюня 1872 года.

„Мистеръ Виллямсъ или лучше сказать мой другъ Чарли, если только я осмѣлюсь называть васъ этимъ именемъ, вѣроятно, вы удивитесь, получивъ отъ меня это письмо, но надѣюсь, что вы не разсердитесь. Я хочу поблагодарить васъ за то, что вы говорили мнѣ, и за то, что я, благодаря вамъ, сдѣлался лучше, чѣмъ былъ прежде.

„Я много размышлялъ о вашихъ словахъ,—мнѣ оставалось еще пять мѣсяцевъ до окончанія срока, и я убѣдился, что вы совершенно правы, что я непремѣнно долженъ отказаться отъ прежней жизни, въ тотъ день, когда меня должны были выпустить изъ тюрьмы. Вы сказали, что я долженъ остерегаться отъ „хапанья“ (т.-е. воровства) и посовѣтовали мнѣ мѣсяца три пожить въ деревнѣ, гдѣ я могъ бы заняться работой. Полицейскій агентъ далъ мнѣ билетъ на проѣздъ и вотъ все время дороги я думалъ о вашихъ наставленіяхъ, но мнѣ трудно было побороть самого себя. Пріѣхавъ въ Чикаго я „стибрилъ“ у одной старушки „котенка“ (т.-е. укралъ кошелекъ изъ кармана), но тотчасъ же раскаялся въ своемъ поступкѣ. Старуха уже вышла изъ вагона; тогда я, подойдя къ ней, спросилъ: не потеряла ли она чего-нибудь? Она пошарила въ карманѣ и сказала, что, дѣйствительно, кожаный бумажникъ кто-то „свистнулъ“ (т.-е. укралъ). Тогда я подалъ ей ея кошелекъ, и она поблагодарила меня, думая, что я нашелъ его и возвращаю ей; при этомъ она назвала меня честнымъ

человѣкомъ, а я поспѣшилъ удалиться. По выходѣ изъ вагона у меня въ карманѣ остался одинъ долларъ и двадцать пять центовъ; на эти деньги я могъ жить безъ работы цѣлыхъ три дня и въ это время я надѣялся найти какое-нибудь мѣсто на суднѣ или на пароходѣ. Къ вечеру третьяго дня я истратилъ послѣдніе десять центовъ, купивъ на нихъ два „кружка" (широкіе круглые пароходные бисквиты). Теперь я не зналъ, что мнѣ дѣлать дальше, и подумалъ, что придется поневолѣ „нырять въ глубину" (т.-е. шарить по чужимъ карманамъ). Но тутъ же я вспомнилъ о вашихъ добрыхъ словахъ и совѣтахъ и началъ молиться Богу, чтобы онъ помогъ мнѣ найти какой-нибудь заработокъ и не допустилъ меня до грѣха. Помолившись, я пошелъ по улицѣ и вдругъ услыхалъ шумъ и крики. Оглянувшись, я увидѣлъ экипажъ: лошади неслись во всю прыть, а въ экипажѣ сидѣло двое дѣтей. Я бросился къ лошади и, схвативъ ее за узду, остановилъ бѣшенаго коня и держалъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не успокоился. Вскорѣ подошелъ джентльменъ, хозяинъ экипажа, и, видя, что дѣти цѣлы и невредимы, отъ души обрадовался, благодарилъ меня и предложилъ банковый билетъ въ пятьдесятъ долларовъ. Я былъ такъ взволнованъ этимъ неожиданнымъ происшествіемъ, что стоялъ, какъ пораженный громомъ, и не могъ ничего сообразить и ничего отвѣтить. Тогда онъ спросилъ, не ушибла ли меня лошадь, а я въ эту минуту молился Богу, чтобы Онъ помогъ мнѣ найти подходящій отвѣтъ. И вотъ въ эту самую минуту мнѣ пришло въ голову попросить у него работы; при этомъ я сказалъ, что возвращу назадъ его банковый билетъ. Но онъ отвѣчалъ, чтобы я оставилъ его у себя и больше не возвращался къ этому вопросу, и спросилъ, умѣю ли я ухаживать за лошадьми. Я отвѣчалъ, что мнѣ приходилось служить въ конюшняхъ и чистить лошадей и экипажи. Онъ сказалъ, что нуждается въ такомъ человѣкѣ и можетъ платить шестнадцать долларовъ въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ. Въ тотъ же самый вечеръ, когда я сидѣлъ въ маленькой комнатѣ около конюшни, мнѣ снова пришло въ голову все то, что вы мнѣ говорили, и я размышлялъ о необыкновенномъ случаѣ, происшедшемъ со мной. На слѣдующій день мнѣ принесли одежду, а также Библію. Съ тѣхъ поръ каждое утро и каждый вечеръ я читалъ эту книгу и вспоминалъ все то, чему вы научили меня. Черезъ недѣлю послѣ того, какъ я поступилъ въ конюхи, мой хозяинъ мистеръ Броунъ зашелъ въ мою комнату и засталъ меня за этимъ чтеніемъ. Онъ спросилъ, христіанинъ ли я. Я сказалъ ему, что *нѣтъ*. Тогда онъ снова спросилъ, почему же я читаю не газеты и книги, а Библію?

Вотъ тутъ-то, Чарли, я сообщилъ ему, какъ я сидѣлъ въ тюрьмѣ, разсказалъ все, что зналъ о васъ, и все, что со мной случилось, и какъ вы навели меня на добрый путь. Однимъ словомъ, я не скрылъ отъ него ничего, и, разсказавъ всю мою прошлую жизнь, просилъ не гнать меня, а оставить на испытаніе на три мѣсяца, въ теченіе которыхъ я постараюсь заслужить его расположеніе и довѣріе. Мистеръ Броунъ оставилъ меня у себя и долго бесѣдовалъ со мной, какъ добрый любящій отецъ. Теперь я ужъ ничего не боюсь; если меня узнаетъ кто-либо изъ прежнихъ знакомыхъ, знающихъ мою прошлую жизнь, и сообщитъ объ этомъ мистеру Броуну, то мнѣ это не страшно: онъ меня не прогонитъ. На слѣдующій день онъ позвалъ меня въ свою библіотеку и сталъ давать наставленія, совѣтовалъ учиться, и самъ обѣщалъ заниматься со мной ежедневно по два часа. Потомъ онъ далъ мнѣ учебникъ ариѳметики, грамматики, географіи и тетрадь для письма. Каждый вечеръ онъ занимается со мной, и я хожу на общую молитву, а по воскресеньямъ посѣщаю воскресную школу и слушаю уроки закона Божія, благодаря чему я лучше сталъ понимать все то, что говорится въ Библіи.

„Теперь, Чарли, прошло два мѣсяца изъ тѣхъ трехъ, которые были даны мнѣ на испытаніе, какъ я уже вамъ сказалъ, и, вѣроятно, Богъ услышалъ мою молитву. Вы также обѣщали молиться за меня, и Богъ мнѣ помогаетъ, и надѣюсь, что проститъ всѣ мои согрѣшенія. Я всегда прибѣгаю къ Нему за помощью, изливаю предъ Господомъ мои чувства и душевныя стремленія. Я люблю ходить въ церковь, и это доставляетъ мнѣ больше удовольствія, чѣмъ разныя свѣтскія развлеченія, тогда какъ прежде было совершенно обратное. Мѣсяцъ тому назадъ пасторъ предлагалъ мнѣ окончательно присоединиться къ церкви, но я сказалъ, что хочу подождать, что, быть-можетъ, я ошибся въ истинныхъ моихъ чувствахъ и недостаточно подготовленъ для этого шага. Но теперь я чувствую, что Господь призываетъ меня въ свое лоно, и мое присоединеніе къ церкви совершится въ первое воскресенье іюля мѣсяца. Дорогой другъ мой, я желалъ бы высказать вамъ все, что я чувствую, но я не умѣю такъ хорошо, какъ слѣдовало бы, выразить это письменно. Вы знаете, что я научился писать, только сидя въ тюрьмѣ, простите мнѣ мои ошибки и безграмотность. Вы знаете также, что я родился и выросъ среди бѣдняковъ и жилъ въ бѣдной обстановкѣ, пока не убѣжалъ изъ дому. Я не знаю навѣрное, кто былъ мой отецъ и мать, и дѣйствительно ли имя, которое я ношу, принадлежитъ мнѣ. Я думаю, что любое имя мнѣ годится, и потому я при-

нялъ ваше имя, такъ какъ вы его не будете носить по выходѣ изъ тюрьмы. Я взялъ ваше имя еще и потому, что всегда думаю о васъ болѣе, чѣмъ о комъ-либо другомъ, и надѣюсь, что вы не разсердитесь на меня за это. Я откладываю ежемѣсячно въ банкъ по десяти долларовъ; теперь у меня накопилось около тридцати долларовъ вмѣстѣ съ тѣми двадцатью пятью, которые я отложилъ изъ пятидесяти, данныхъ мнѣ моимъ благодѣтелемъ, и если вы нуждаетесь въ деньгахъ, то увѣдомьте меня, я могу вамъ дать часть этой суммы, а если нужно, то и всю ее; эти деньги принадлежатъ вамъ. Я желалъ бы, чтобы вы увѣдомили меня о себѣ, какъ вы живете; посылаю вамъ рецептъ одного хорошаго лѣкарства. Я не знаю, чего вы желали бы, чтобы я прислалъ вамъ. Мнѣ хотѣлось бы повидаться съ вами, побывать у васъ. По праздникамъ я буду присылать вамъ какого-нибудь лакомства. На слѣдующей недѣлѣ мистеръ Броунъ переведетъ меня въ свой магазинъ въ качествѣ носильщика и прибавитъ жалованья, когда я ознакомлюсь съ дѣломъ. Я забылъ сказать вамъ, что я занимаюсь также въ воскресной школѣ. Занятія тамъ бываютъ въ воскресенье послѣ обѣда. Кромѣ того, я завербовалъ туда еще семерыхъ мальчугановъ, двое изъ нихъ знаютъ столько же, сколько и я зналъ когда-то, до поступленія сюда Я буду очень радъ, если они чему-нибудь научатся; впрочемъ, я и самъ не очень-то грамотенъ, но если они научатся читать, то я буду очень доволенъ. Скажите Меку и Гарри, чтобы они пріѣхали ко мнѣ, когда кончится ихъ срокъ, я постараюсь найти для нихъ хорошее мѣсто. Извините меня за длинное письмо и за попадающіяся въ немъ ошибки. Желалъ бы видѣть васъ лично и побесѣдовать съ вами, такъ какъ не умѣю выразить въ письмѣ всего того, что сказалъ бы на словахъ. Надѣюсь, что теплая погода полезна для вашихъ легкихъ; вы меня всегда пугали, когда говорили о близкой смерти. Передайте привѣтъ моимъ товарищамъ и разскажите, какъ я здѣсь живу. Всѣ здѣсь обращаются со мной очень хорошо и ласково. Мистеръ Броунъ напишетъ вамъ когда-нибудь особо. Я надѣюсь, что вы мнѣ также пришлете вѣсточку въ отвѣтъ на это письмо вашего преданнаго и вѣрнаго друга

„Ч. В.,

котораго вы знали подъ именемъ *Джека Гента*.

„Посылаю вамъ карточку мистера Броуна. Письмо ко мнѣ адресуйте на его имя“.

Да, это было истинное краснорѣчіе, настоящее, непреодолимое краснорѣчіе безъ всякихъ прикрасъ, которыя были бы

здѣсь излишни. Мнѣ никогда не случалось быть тронутымъ до такой степени, читая какую-либо другую рукопись. Тотъ, который читалъ это письмо, не выдержалъ, и голосъ его дрожалъ. Мой добрый пріятель хотѣлъ прочесть его нѣсколькимъ постороннимъ лицамъ, чтобы привыкнуть и подготовиться, прежде чѣмъ прочесть его публично. Но ему не удалось овладѣть своимъ волненіемъ; при многочисленномъ собраніи, когда онъ сталъ читать, слушатели отъ всей души увлеклись искреннимъ содержаніемъ письма, а самъ пасторъ нѣсколько разъ долженъ былъ останавливаться, такъ какъ у него захватывало голосъ отъ волненія.

Слухъ объ этомъ письмѣ распространился по всему городу. Священникъ, о которомъ я говорилъ, многимъ показывалъ его, и вотъ однажды пришелъ къ нему товарищъ и попросилъ на время дать ему эту рукопись. Онъ снялъ съ нея копію, и однажды, въ воскресенье, прочелъ проповѣдь въ присутствіи двухъ тысячъ слушателей, и здѣсь это письмо произвело потрясающее впечатлѣніе, такъ что присутствующіе заливались слезами. Тогда мой знакомый пасторъ вставилъ нѣкоторыя мѣста изъ него въ свою проповѣдь и также произнесъ ихъ передъ своими прихожанами въ воскресенье, и на этотъ разъ впечатлѣніе было очень сильное: все собраніе плакало, какъ одинъ человѣкъ. Во время лѣтнихъ каникулъ мой пріятель отправился въ одну изъ мѣстностей, славящихся рыбной ловлей, по сосѣдству съ Сѣверной Британіей, и взялъ проповѣдь съ собою, разсчитывая, что, когда представится случай, онъ произнесетъ ее. И вотъ однажды его просили сказать рѣчь въ церкви. Маленькій храмъ былъ совершенно полонъ народа. Въ числѣ присутствующихъ былъ докторъ Д. Ж. Голлэндъ; кромѣ того, покойный мистеръ Сеймуръ, сотрудникъ нью-йоркской газеты „Таймсъ“, мистеръ Педжъ, извѣстный филантропъ и представитель „Общества трезвости“, и, кажется, сенаторъ Фрей, изъ Мена. Чудодѣйственное письмо произвело и здѣсь обычное впечатлѣніе, всѣ были такъ тронуты, что плакали навзрыдъ. Слезы текли по щекамъ доктора Голлэнда, и то же самое можно было сказать обо всѣхъ присутствующихъ. Мистеръ Педжъ былъ до такой степени взволнованъ, на него напалъ такой восторгъ по поводу письма, что онъ тутъ же сказалъ, что не будетъ имѣть покоя, пока не совершитъ путешествія въ ту самую тюрьму, гдѣ содержался преступникъ, и не увидитъ собственными глазами того человѣка, который способенъ былъ внушить несчастному товарищу такія высокія мысли и возвышенныя чувства.

Мой пріятель, когда вернулся обратно въ свой приходъ, поминалъ почти еженедѣльно по воскресеньямъ объ этой пропо-

вѣди и о знаменитомъ письмѣ, произведшемъ такое магическое впечатлѣніе. Однажды я попросилъ у него позволенія напечатать его въ одномъ журналѣ и сообщить въ статьѣ, какой славой оно пользовалось когда-то, но мнѣ этого не позволили сдѣлать; многіе снимали копіи съ письма для себя, но никто не желалъ видѣть его напечатаннымъ. Между прочимъ, такая копія была послана и на Сандвичевы острова, а также и въ другія отдаленныя мѣстности.

Чарльзъ Додлей Уорнеръ присутствовалъ однажды въ церкви во время чтенія и видѣлъ, какъ всѣ были тронуты; какъ вдругъ, по окончаніи чтенія, онъ подошелъ къ пастору и обратился къ нему съ вопросомъ.

— Увѣрены ли вы, сэръ, что письмо это подлинно и не представляетъ собою поддѣлки?

Это было первое подозрѣніе, высказанное постороннимъ по поводу письма. Послѣ этого довѣріе къ нему было уже до нѣкоторой степени подорвано, и идолъ сталъ колебаться. Въ толпѣ послышался ропотъ и кто-то изъ присутствующихъ произнесъ:

— Какъ? Вы сомнѣваетесь въ немъ? Что же наводитъ васъ на такое подозрѣніе?

— Я не знаю, — отвѣчалъ Уорнеръ. — Мнѣ кажется только, что это само письмо говоритъ за себя; уже въ самомъ слогѣ его я вижу что-то подозрительное: оно написано слишкомъ хорошо для безграмотнаго человѣка, не привыкшаго излагать свои мысли письменно. Я думаю даже, что оно было написано человѣкомъ вполнѣ образованнымъ и литературнымъ.

Когда пасторъ вернулся домой изъ церкви, онъ тотчасъ написалъ своему знакомому, также пастору, жившему въ томъ городѣ, гдѣ когда-то содержался въ тюрьмѣ Билльямсъ и гдѣ произошло его чудесное обращеніе на путь истины. Онъ просилъ товарища разузнать объ этомъ письмѣ и, кромѣ того, просилъ также, чтобы одному писателю (а именно мнѣ) было дано разрѣшеніе напечатать его въ одномъ изъ періодическихъ изданій. Вотъ какой отвѣтъ былъ полученъ на этотъ запросъ:

„Мой дорогой другъ, въ подлинности этого письма не можетъ быть сомнѣнія. Такъ называемый Билльямсъ дѣйствительно сидитъ въ государственной тюрьмѣ. Капелланъ тюремной церкви также нисколько не сомнѣвается въ подлинности рукописи. Это письмо было послано одной изъ учительницъ воскресной школы или же самимъ капелланомъ государственной тюрьмы, навѣрное не могу вамъ сказать. Эти дамы очень огорчены, что письмо получило такую большую огласку, и говорятъ даже, что это можетъ повредить Билльямсу. какъ

нарушеніе довѣрія. Что касается напечатанія его въ журналѣ, то я не могу дать разрѣшенія печатать его съ собственными именами. Если мѣсто дѣйствія и имена будутъ замѣнены другими, замаскированными, тогда его можно печатать, при этомъ пусть авторъ пошлетъ свою статью въ какой-нибудь журналъ, издающійся не въ нашей странѣ. При такихъ условіяхъ я могу разрѣшить ему это.

P. S. Вилльямсъ и до сихъ поръ содержится въ тюрьмѣ. Онъ присужденъ на 9-лѣтнее тюремное заключеніе. Онъ былъ боленъ и ему грозила чахотка, но за послѣднее время я не имѣю о немъ никакихъ свѣдѣній. Учительница, о которой упомянуто выше, иногда навѣщаетъ его и ведетъ съ нимъ переписку".

Письмо это пришло нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ мистеръ Уорнеръ выразилъ свое подозрѣніе въ подлинности рукописи. Теперь уже никто не обращалъ особеннаго вниманія на это подозрѣніе, основанное только на внутреннемъ убѣжденіи и на слогѣ самого документа. Я получилъ разрѣшеніе напечатать его съ условіемъ измѣнить имена дѣйствующихъ лицъ и названіе мѣстности. Для этой цѣли я выбралъ одинъ изъ австралійскихъ журналовъ, разсчитывая, что Австралія находится очень далеко отъ Америки. За все это время мистеръ Педжъ высказывалъ сильное волненіе. Въ тюрьму онъ не ѣздилъ, какъ сначала предполагалъ, а послалъ знаменитое письмо капеллану тюрьмы и, по всей вѣроятности, потребовалъ также какихъ-нибудь объясненій. Отвѣтъ капеллана былъ посланъ ему четырьмя днями позднѣе вышеприведеннаго письма, въ которомъ утверждается его подлинность, и моя статья еще не была вполнѣ окончена, когда отвѣтъ этотъ попалъ въ мои руки. Подлинный отвѣтъ лежитъ предо мной, и я привожу его здѣсь цѣликомъ. Очевидно, что онъ основанъ на самыхъ неоспоримыхъ фактахъ. Вотъ это письмо:

„Государственная тюрьма, Канцелярія Капеллана, 11 іюня 1873 года.

„Дорогой братъ Педжъ, къ этому письму я прилагаю копію, присланную вами. Я боюсь, что подлинность письма едва ли можетъ быть подтверждена. Изъ нея явствуетъ, что письмо было адресовано къ одному изъ нашихъ заключенныхъ. Всѣ получаемыя ими письма и записки тщательно прочитываются, въ канцеляріи, прежде чѣмъ попадутъ въ руки заключенныхъ и если бы такое письмо попало въ руки начальства, то о немъ трудно было бы забыть. Кромѣ того, прибавлю, что Чарльзъ Вилльямсъ вовсе не похожъ на истиннаго христіанина; напротивъ того, это человѣкъ буйный, разнузданный и расточитель-

ный. Отецъ его служитъ въ качествѣ священника въ ново-евангелическомъ приходѣ; имя и фамилія его вымышленныя. Я очень радъ, что имѣю возможность удовлетворить ваше любопытство и познакомиться съ вами, хотя заочно. Для васъ я приготовляю цѣлую лекцію, касающуюся подробностей тюремной жизни; эта лекція будетъ прислана и въ ваши страны. Изъ нея видно, какъ жизнь представляется сквозь тюремныя рѣшетки".

Такимъ-то образомъ кончилась эта маленькая драма. Мою несчастную статью я бросилъ въ печь; всѣ копіи, снятыя съ знаменитаго письма, кромѣ той, которая хранилась у меня, очень быстро куда-то исчезли. Съ нѣкоторыхъ поръ самое воспоминаніе о письмѣ было навѣки похоронено, и вспоминать о немъ было даже небезопасно.

Я хочу привести нѣсколько словъ въ объясненіе: оказывается, что Джекъ Гентъ, мнимый авторъ этого письма, былъ совершенно вымышленнымъ лицомъ. Вилльямсъ, получившій ученую степень въ Гарвардѣ, какъ объ этомъ было сказано раньше, былъ сынъ священника и писалъ это письмо къ самому себѣ. Вѣроятно, ловкимъ способомъ онъ сумѣлъ передать это письмо кому-нибудь, находящемуся внѣ тюрьмы, и эти личности, принимавшія въ немъ участіе, по всей вѣроятности, ободряли его, видя въ немъ намѣреніе обратиться на путь истины. А между тѣмъ это письмо могло произвести хорошее вліяніе, думали они, и сомнѣваться въ его подлинности никто не будетъ: кому же нужно доискиваться до истины? Публика, конечно, будетъ тронута такимъ глубокимъ раскаяніемъ и, быть-можетъ, найдутся люди, которые обратятся къ тюремному начальству и къ вліятельнымъ лицамъ съ просьбою освободить бѣднаго заключеннаго, страдающаго чахоткой раньше времени.

А въ письмѣ была помѣщена маленькая подробность: тамъ было сказано, что будто оно случайно попало не туда, куда было назначено, и главная подтасовка состояла въ томъ, что въ немъ была приписка:

„Надѣюсь, что теплый климатъ принесетъ пользу вашему разстроенному здоровью; я былъ пораженъ, когда вы говорили о близкой смерти".

Всѣ эти мелочи были написаны съ извѣстнымъ расчетомъ. Расчетъ былъ именно на нѣжныя сердца, которыя не могли не замѣтить этой грустной подробности, касающейся болѣзни узника. Всякое доброе сердце смутится, видя, что узникъ, обратившійся на путь истины, больной и близкій къ смерти, томится въ заключеніи, за тюремной рѣшеткой, и всякому придетъ въ голову, нельзя ли содѣйствовать его освобожденію?

Девять лѣтъ тому назадъ, при первоначальномъ чтеніи этого письма я тоже былъ глубоко тронутъ имъ, и это письмо казалось мнѣ единственнымъ въ своемъ родѣ, какого я никогда не читалъ. Вотъ это-то и побудило меня съѣздить въ Сенъ-Луи къ мистеру Броуну и посѣтить его, если мнѣ случится когда-либо побывать въ этомъ городѣ. Но теперь, пріѣхавъ въ Сенъ-Луи, я, конечно, не подумалъ разыскивать мистера Броуна, такъ какъ эта личность, въ высшей степени симпатичная, благородная и великодушная, была не что иное, какъ плодъ фантазіи изобрѣтательнаго и талантливаго мошенника Вилльямса, „сына пастора, получившаго ученую степень въ коллегіи Гарварда“.

XXII.

Родина.

Послѣ этого мы взяли мѣста на пароходѣ „Кампаніи Сенъ-Луи и Сенъ-Поль“ и поѣхали вверхъ по рѣкѣ.

Когда я былъ мальчикомъ, я въ первый разъ увидалъ Миссури, устье котораго лежало въ 22 или 23 миляхъ отъ Сенъ-Луи. Измѣреніе это не вполнѣ точное, но, по крайней мѣрѣ, такъ говорили лоцманы. Обычные на рѣкѣ береговые наносы отодвинули его еще на восемь миль противъ прежняго. Лоцманы увѣряютъ, что въ теченіе пяти лѣтъ рѣка сдѣлаетъ еще нѣсколько прорѣзей, и тогда разстояніе между Сенъ-Луи и Миссури еще болѣе сократится — оно не будетъ превышать десяти миль.

Когда наступили сумерки, мы миновали большой торговый городъ Альтону въ штатѣ Иллинойсъ. Передъ самымъ разсвѣтомъ слѣдующаго дня мы были близъ Луизіана, въ штатѣ Миссури. Въ мое время этотъ городъ представлялъ собою небольшой поселокъ. Это была группа скученныхъ строеній и небольшихъ домовъ, а теперь это огромный торговый центръ, къ которому проведенъ желѣзнодорожный путь. Повидимому, всѣ города въ этой сторонѣ сдѣлались желѣзнодорожными центрами, такъ что трудно узнать эту мѣстность тому, кто здѣсь давно не бывалъ. Здѣсь устроены также высокіе длинные мосты черезъ рѣку, которые представляютъ очень эффектный видъ; они всѣ освѣщены электрическими фонарями, блестящими ночью на дальнее разстояніе.

Въ семь часовъ утра мы достигли деревни Ганнибала на Миссури, гдѣ когда-то прошло мое дѣтство. Мнѣ случалось бывать здѣсь мимоѣздомъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, а въ другой разъ лѣтъ шесть назадъ, но оба раза я былъ тамъ на

короткое время, которое даже нельзя принимать въ соображеніе. У меня осталось въ памяти только одно воспоминаніе изъ того періода времени, когда я былъ еще мальчикомъ и родина представлялась мнѣ такою, какой я оставилъ ее двадцать девять лѣтъ назадъ. Такое представленіе о ней сохранилось у меня и доселѣ; я легко могу вызвать въ своей фантазіи эту былую картину, словно она запечатлѣлась на фотографической пластинкѣ. На родной берегъ я вступилъ съ глубокимъ чувствомъ человѣка, вышедшаго изъ могилы цѣлое столѣтіе спустя послѣ своей смерти. Теперь я ясно понимаю, что чувствуютъ узники парижской Бастиліи, когда ихъ выпускаютъ на свободу, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тяжелаго заключенія. Парижъ имъ кажется и знакомымъ и чуждымъ, такъ какъ за это время въ немъ должны были произойти многочисленныя и замѣтныя перемѣны. То же самое было и со мной. Я видѣлъ новые дома, но они не вызывали въ моей фантазіи того впечатлѣнія, какое должны были бы вызвать, и напротивъ того сквозь ихъ прочныя каменныя кирпичныя стѣны я видѣлъ тѣ исчезнувшія строенія, которыя стояли когда-то на ихъ мѣстѣ, и эти фантастическіе виды представлялись предъ моимъ духовнымъ взоромъ съ удивительной ясностью.

Это было въ воскресенье утромъ. На улицахъ была тишина, и прохожихъ почти не было. Я шелъ по этимъ безлюднымъ тротуарамъ, и весь городъ представлялся мнѣ такимъ, какимъ онъ былъ когда-то прежде, но не такимъ, какимъ я засталъ его въ дѣйствительности. Я мысленно привѣтствовалъ бывшіе здѣсь когда-то предметы и обстановку, которыхъ теперь уже не было, но они съ прежней силой и ясностью жили въ моемъ воображеніи. Весь городъ точно вставалъ предо мной въ какой-то волшебной панорамѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ былъ во время моего дѣтства. Я припоминалъ все, что было тогда, со всѣми мельчайшими подробностями. И вотъ, когда я взошелъ на священный холмъ, предо мною представилась обширная картина и я невольно сказалъ самому себѣ:

„Многіе изъ тѣхъ людей, которыхъ я зналъ когда-то въ дѣтствѣ, спятъ теперь въ этомъ мирномъ убѣжищѣ, и души ихъ переселились въ лучшій міръ. Я думаю и надѣюсь, что они перенеслись въ иное мѣсто".

Все то, что я видѣлъ предъ собою и все то, что представлялось въ моемъ мозгу, невольно переносило меня въ тѣ свѣтлые дни, когда я былъ ребенкомъ. Мнѣ казалось, словно я спалъ все это время и видѣлъ какой-то фантастическій сонъ. Но мои размышленія скоро вернули меня къ дѣйствительности, и я сказалъ самому себѣ:

„Я вижу тамъ около пятидесяти старыхъ домовъ; въ каждый изъ нихъ я могъ бы взойти и навѣрное засталъ бы тамъ мужчину или женщину, уже немолодыхъ, состарившихся, наплодившихъ кучу дѣтей. Эти самые люди были когда-то дѣтьми во время моего дѣтства, а быть-можетъ, въ то время ихъ даже не было на свѣтѣ; и въ ту минуту, когда я переходилъ порогъ ихъ жилища будучи мальчикомъ, ихъ старая бабушка была юной, цвѣтущей невѣстой“.

Далѣе я прошелъ къ мѣсту, откуда разстилается роскошный видъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ Миссисипи. Я нахожу, что это самое красивое мѣсто на всей этой рѣкѣ; быть-можетъ, это мной нѣсколько преувеличено и слишкомъ субъективно, такъ какъ на протяженіи восьмисотъ миль между Сенъ-Луи и Сенъ-Полемъ все побережье представляетъ почти сплошную цѣпь чудныхъ ландшафтовъ. Возможно, что я сужу о своей родинѣ пристрастно. По крайней мѣрѣ, мнѣ эта мѣстность кажется самой красивой и живописной, и для меня это достаточно. Чудные пейзажи не измѣнились до сихъ поръ со времени моего дѣтства; они не измѣнились, какъ измѣнились мои друзья и знакомые, они остались все такими же чудными живописными и юными, такими же свѣжими и привлекательными, они попрежнему ласкаютъ взоръ, плѣняютъ душу и возвышаютъ сердце.

Недалеко отъ этого мѣста я встрѣтилъ одного стараго джентльмена, вышедшаго на утреннюю прогулку. Я подошелъ къ нему, и мы разговорились: сначала говорили о погодѣ, а потомъ коснулись и другихъ вопросовъ. Я не могъ припомнить его лицо; онъ сказалъ мнѣ, что живетъ здѣсь уже двадцать восемь лѣтъ. Такимъ образомъ оказалось, что онъ пріѣхалъ въ это мѣсто послѣ моего удаленія, и я поэтому никогда не видалъ его. Мы разговорились о разныхъ вопросахъ, коснулись также и различныхъ личностей. Между прочимъ, я спросилъ объ одномъ мальчикѣ, который когда-то въ мое время посѣщалъ воскресную школу.

— Онъ получилъ дипломъ и почетный отзывъ, окончивъ курсъ въ одной изъ западныхъ коллегій,—замѣтилъ мой собесѣдникъ,—потомъ онъ много странствовалъ по свѣту, но ему ни въ чемъ не было успѣха. Со временемъ мы потеряли его изъ виду и, вѣроятно, онъ совсѣмъ пропалъ.

— Это былъ не глупый мальчикъ,—замѣтилъ я,—его считали многообѣщающимъ ребенкомъ.

— Да,—сказалъ старикъ,—но на дѣлѣ вышло совсѣмъ иначе. Тогда я спросилъ еще объ одномъ мальчикѣ, который считался самымъ способнымъ въ нашей деревенской школѣ, когда я тамъ учился.

— Онъ также получилъ ученую степень и хорошо кончилъ курсъ, но судьба отнеслась къ нему сурово, ему приходилось испытывать житейскія битвы и бури. Онъ погибъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такъ какъ не въ силахъ былъ вынести этой борьбы.

Тогда я спросилъ еще объ одномъ ребенкѣ, подававшемъ блестящія надежды.

— Вотъ этотъ имѣлъ успѣхъ и всегда будетъ имѣть его, я думаю,—замѣтилъ мой собесѣдникъ.

Тогда я спросилъ объ одномъ юношѣ, который пришелъ въ городъ, чтобы получить спеціальное образованіе.

— Онъ бросался изъ стороны въ сторону, прежде чѣмъ найти себѣ спеціальность и остановиться на ней,—сказалъ старикъ.—Отъ медицины онъ переходитъ къ законовѣдѣнію, отъ законовѣдѣнія опять къ медицинѣ; потомъ хватался за разные другіе предметы. На нѣкоторое время онъ исчезъ, потомъ опять вернулся съ молодой женой. Потомъ онъ сталъ предаваться излишествамъ, пьянству, началъ шулерничать. Жену онъ отвезъ къ ея отцу вмѣстѣ съ двумя дѣтьми, а самъ отправился въ Мексику. Тамъ онъ спускался все ниже и ниже, и умеръ въ крайней нищетѣ. Послѣ него не осталось ни цента на покупку савана, и одинъ другъ похоронилъ его на свой счетъ.

— Жаль, жаль,—сказалъ я,—это былъ хорошій и талантливый юноша съ добрымъ сердцемъ; я такихъ встрѣчалъ немного

Потомъ я назвалъ еще одного мальчика.

— Вотъ этотъ живетъ отлично. Онъ поселился въ нашемъ городѣ; онъ женатъ, у него дѣти, и дѣла его идутъ хорошо.

Такой же отзывъ онъ далъ и о нѣкоторыхъ другихъ юношахъ.

Затѣмъ я назвалъ двухъ или трехъ дѣвочекъ изъ нашей школы.

— Первыя двѣ,—сказалъ онъ,—живутъ здѣсь. Онѣ обѣ замужемъ и имѣютъ дѣтей, а третья умерла дѣвицей нѣсколько лѣтъ назадъ.

Наконецъ, нѣсколько смутившись, я произнесъ имя той, которая когда-то впервые привлекла мое дѣтское сердце.

— Она живетъ прекрасно,—отвѣчалъ старикъ,—три раза была замужемъ, двухъ мужей похоронила, а съ третьимъ развелась. Я слышалъ, она въ четвертый разъ хочетъ выйти замужъ за какого-то старика изъ Колорадо. Дѣтей она повсюду возитъ съ собою.

Потомъ онъ отвѣтилъ мнѣ на нѣсколько другихъ вопросовъ и отвѣты его были кратки.

— Убитъ на войнѣ,—отозвался онъ объ одномъ мальчикѣ.

Когда я назвалъ другого, онъ сказалъ:

— Съ нимъ случилось чрезвычайно курьезное происшествіе: весь городъ, кажется, считалъ его круглымъ дуракомъ, совершеннымъ идіотомъ, ну, попросту сказать, осломъ изъ ословъ. Всѣ знали это и даже высказывали открыто. И что бы вы думали: этотъ самый глупецъ сдѣлался первымъ законовѣдомъ и адвокатомъ во всемъ штатѣ Миссури. Это такъ же вѣрно, какъ то, что я демократъ.

— Неужели?!.—воскликнулъ я.

— Совершенно вѣрно, я вамъ сказалъ чистѣйшую правду!

— Какъ же вы себѣ это объясняете?

— Какъ я объясняю? По-моему, это очень просто; тутъ не нужно никакихъ объясненій. Если вы пошлете дурака въ Сенъ-Луи, самаго отчаяннаго дурака, не говорите только никому, что онъ дуракъ, и *они* никогда этого не замѣтятъ. Если бы я зналъ дурака, приводящаго въ отчаяніе родителей своей глупостью, я далъ бы имъ добрый совѣтъ—послать его учиться въ Сенъ-Луи. Это самый лучшій рынокъ во всемъ свѣтѣ для такого рода товара.

— Но, можетъ-быть, — сказалъ я, — жители деревни Ганнибалъ ошибались, считая его глупымъ, а жители Сенъ-Луи были совершенно правы, считая его умнымъ.

— О, нѣтъ! Этого уже никакъ не могло быть!—воскликнулъ старикъ.—Вѣдь здѣшніе обыватели знали его съ колыбели, они знали его въ тысячу разъ лучше, нежели жители Сенъ-Луи. Этого-то ужъ никакъ не могло быть! Если у васъ найдется въ числѣ знакомыхъ человѣкъ, изъ котораго ничего не можетъ выйти, присылайте его въ Сенъ-Луи.

Я спросилъ его еще о разныхъ лицахъ, которыхъ когда-то зналъ. Нѣкоторые изъ нихъ умерли, другіе — уѣхали изъ города, третьи—пользовались успѣхомъ и благополучіемъ; иные дошли почти до нищеты, но въ большинствѣ онъ давалъ свѣдѣнія довольно утѣшительныя.

— Онъ живетъ недурно, — говорилъ онъ. — Онъ поселился здѣсь, въ городѣ, вмѣстѣ съ дѣтьми.

Потомъ я спросилъ его о миссъ N.***

— Она умерла въ лѣчебницѣ для психическихъ больныхъ три-четыре года тому назадъ, ни разу не приходя въ себя.

Оказалось, что это была цѣлая драма: нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ вздумали подшутить надъ этой особой и ночью напугали ее. Когда она сидѣла и читала книгу у себя въ комнатѣ, онѣ вошли къ ней; одна изъ шалуній была одѣта въ саванъ, а лицо вымазала сажей. Подойдя сзади къ подругѣ, читавшей книгу, она положила руку ей на плечо. Когда та обернулась, это ее такъ поразило, что она въ судорогахъ

упала на полъ. Можетъ показаться страннымъ, какъ еще такъ недавно люди вѣрили въ привидѣнія и явленія духовъ; однакоже это совершенно вѣрно.

Потомъ я освѣдомился еще о нѣсколькихъ лицахъ и, наконецъ, спросилъ о самомъ себѣ.

— Ну, объ этомъ нечего безпокоиться! Онъ живетъ отлично. Тоже круглый дуракъ! Вотъ бы кого послать въ Сенъ-Луи, ему бы жилось еще лучше. Тамъ онъ пошелъ бы далеко!..

Я былъ очень доволенъ въ эту минуту, что въ началѣ разговора назвался передъ этимъ господиномъ мистеромъ Смитомъ и скрылъ свое настоящее имя.

XXIII.

Прошедшее и настоящее.

Оставшись одинъ наединѣ съ самимъ собою, я опять сталъ вспоминать прошлое и припоминать дома и жилища, наиболѣе знакомые мнѣ въ отдаленной части города, стараясь представить себѣ ихъ прежній видъ, который они имѣли во время моего дѣтства. Между прочими строеніями я узналъ домъ отца Лема Гаккетта (это имя вымышлено). Мои мысли въ эту минуту перенеслись далеко назадъ, болѣе нежели на цѣлое поколѣніе, а именно въ тотъ періодъ жизни, когда всѣ обстоятельства кажутся вовсе не естественнымъ результатомъ предыдущихъ событій и общихъ законовъ жизни, а, наоборотъ, слѣдствіемъ какихъ-то не вполнѣ понятныхъ явленій; эти явленія иногда кажутся намъ случайными и мѣстными.

Когда я еще былъ ребенкомъ, Лемъ Гаккеттъ въ одно изъ воскресеній утонулъ. Онъ игралъ на плоскодонномъ суднѣ и свалился въ воду; не умѣя плавать, онъ тотчасъ же пошелъ ко дну. Въ эту ночь это былъ единственный мальчикъ, спавшій непробуднымъ сномъ, потому что всѣ остальные не спали, благодаря ужасной грозѣ, разразившейся надъ нашимъ городомъ. Мы бодрствовали и вспоминали нашу жизнь и наши грѣхи. Отъ раскатовъ грома стекла въ окнахъ дребезжали, вѣтеръ завывалъ съ неимовѣрной силой, и дождь стучалъ по стекламъ, и казалось, вихрь хотѣлъ сорвать крыши домовъ. Яркая молнія бороздила темныя тучи и сверкала каждую минуту. Раскаты грома наводили на меня ужасъ; мнѣ казалось, что буря должна разрушить нашъ домъ, и я невольно припоминалъ не только мои собственные грѣхи, но и проступки всѣхъ моихъ товарищей, потому что мнѣ казалось, что это Божье наказаніе, по-

стигающее насъ всѣхъ за наши преступленія. Мнѣ казалось, что наступаетъ конецъ міра: я вскочилъ съ постели и, сидя на кровати, дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Эта ночь казалась мнѣ безконечной. Я думалъ, что, пока я здѣсь сижу, многіе изъ моихъ товарищей уже убиты страшной молніей. Мнѣ казалось это настолько важнымъ, и такое наказаніе я считалъ заслуженнымъ, и потому я давалъ себѣ клятву, что, если доживу до утра, то, начиная съ слѣдующаго дня, буду вести болѣе праведную жизнь: каждый праздникъ буду ходить въ церковь, постоянно буду посѣщать воскресную школу, помогать бѣднымъ и больнымъ, хотя, по правдѣ сказать, въ нашемъ городѣ и не было такихъ бѣдняковъ, которымъ требовалась бы постоянная помощь. Но чтобы быть добрымъ, необходимо помогать несчастнымъ, и я давалъ себѣ слово не оставлять ихъ безъ помощи. Кромѣ того, я далъ себѣ слово влiять на хорошую сторону и на другихъ мальчиковъ моего возраста, наставлять ихъ на путь истины, предостерегать отъ излишнихъ шалостей, внушать имъ повиновеніе родителямъ и старшимъ. Наконецъ я рѣшилъ ходить по пивнымъ лавкамъ и проповѣдывать пьяницамъ, чтобы они воздержались отъ своей дурной привычки. И, въ концѣ концовъ, я рѣшился сдѣлаться миссіонеромъ.

Страшная гроза продолжалась до самаго утра, и когда я заснулъ, то буря уже значительно стихла. Предъ тѣмъ, какъ предаться сну, я помолился за несчастнаго Лема Гаккетта, которому пришлось умереть безъ покаянія. Проснувшись на слѣдующій день, я чувствовалъ себя очень хорошо. Оказалось, что всѣ окружающіе были живы и здоровы, и гроза никому не причинила вреда. Весь мой страхъ и ночная тревога оказались напрасными,—они были слѣдствіемъ неожиданной и ужасной смерти Лема, которая потрясла меня до глубины души. Погода стояла прекрасная, и я рѣшилъ, что вовсе нѣтъ никакой надобности начинать новую, благочестивую жизнь. Но въ теченіе двухъ дней я все-таки старался воздерживаться отъ всякихъ шалостей и разныхъ дурныхъ поступковъ, а потомъ сталъ шалить попрежнему, и все вошло въ старую колею. Я совершенно забылъ данный мною обѣтъ исправиться и вступить на путь истины. Вплоть до слѣдующей грозы я чувствовалъ себя очень хорошо.

Слѣдующая гроза разразилась черезъ три недѣли послѣ первой, и обстоятельства, сопровождавшія ее, были аналогичны. Послѣ полудня въ тотъ самый день утонулъ одинъ юноша, по имени *Детчи*. Этотъ Детчи учился въ нашей воскресной школѣ и былъ родомъ нѣмецъ, за что и получилъ свое прозваніе. Это былъ хорошій, добрый мальчикъ, обладавшій уди-

вительной памятью. Однажды онъ поразилъ всѣхъ, не только всѣхъ насъ, товарищей, но и всю деревню, произнеся наизусть, безъ запинки, три тысячи стиховъ изъ Библіи. И какъ разъ на слѣдующій день онъ погибъ, утонувъ въ рѣкѣ.

Обстоятельства, сопровождавшія его смерть, произвели на всѣхъ необычайное впечатлѣніе. Мы всѣ, мальчишки, купались въ нашей мутной, грязной рѣкѣ, въ которой была на днѣ довольно глубокая яма, и бочары пользовались этой ямой для того, чтобы погружать туда обручи для бочекъ, которыя и опускались футовъ на двѣнадцать глубины. И вотъ однажды мы стали нырять, состязаясь въ искусствѣ, чтобы испытать, кто дольше можетъ оставаться подъ водой. Чтобы не вынырнуть на поверхность, мы придерживались за эти обручи, прикрѣпленные длинными жердями. Бѣдный Детчи никакъ не могъ выполнить этой задачи: онъ не въ состояніи былъ долго продержаться подъ водой и всякій разъ выплывалъ на поверхность. Вѣроятно, онъ не зналъ нашей уловки, а мы всякій разъ смѣялись надъ нимъ, когда онъ показывался изъ воды. Наконецъ онъ сказалъ намъ:

— Будьте такъ добры, не смѣйтесь надо мной и не мѣшайте мнѣ. Отойдите подальше отъ берега.

Тогда мы всѣ отвѣчали на это:

— Хорошо, Детчи; ныряй, а мы будемъ смотрѣть.

Послѣ этого Детчи нырнулъ въ воду, а мы, мальчики, вмѣсто того, чтобы считать время, пока онъ будетъ нырять, послѣдовали примѣру одного изъ товарищей и забрались въ кусты, росшіе вдоль берега, и притаились за ними. Въ это время мы представляли себѣ, какъ будетъ удивленъ бѣдный нѣмецъ, когда вынырнетъ изъ воды и увидитъ, что берегъ совершенно пустъ. Какъ я, такъ и мои товарищи едва сдерживались отъ смѣха, представляя себѣ его смѣшную фигуру. Между тѣмъ прошло уже нѣсколько минутъ, а бѣднякъ не появлялся изъ воды. Тогда одинъ изъ насъ, раздвинувъ вѣтви, вылѣзъ изъ кустарника и съ удивленіемъ воскликнулъ:

— Что же это онъ не вылѣзаетъ изъ воды?

При этихъ словахъ нашъ смѣхъ прекратился.

— Знаете что, ребята,—сказалъ одинъ изъ насъ,—это что-то странно.

— Да,—добавилъ другой,—эта шутка можетъ кончиться плохо.

Послѣ этого послышались еще два или три замѣчанія, и мы всѣ замолкли; смѣхъ и шутки прекратились. Мы были поражены отсутствіемъ Детчи. У насъ вытянулись лица, и мы поблѣднѣли, а иные перепугались очень серьезно. Между тѣмъ

на водѣ никто не показывался. Тогда мы тихонько вышли изъ воды и, ставъ на берегу, стали переглядываться.

— Нужно, чтобы кто-нибудь пошелъ и посмотрѣлъ, не тамъ ли онъ,—замѣтилъ одинъ мальчикъ.

Это было совершенно основательно, но никто не рѣшался взять на себя такое опасное порученіе.

Тогда кто-то предложилъ:

— Если такъ, то бросимте жребій.

Мы такъ и сдѣлали. Бросили жребій, который и палъ на меня. Тогда я бросился въ рѣку и нырнулъ, но вода была такая мутная, что я ничего не могъ разсмотрѣть. Я только почувствовалъ, что вокругъ меня торчатъ какіе-то шесты и жерди, которые придерживали мокнувшія въ рѣкѣ ободья. Въ ту же минуту я машинально схватилъ чью-то руку: она была холодна какъ у мертвеца. При этомъ я не услыхалъ никакого звука, рука была неподвижна и безжизненна. Я такъ испугался, что съ ужасомъ оттолкнулъ ее отъ себя.

Несчастный мальчикъ застрялъ между двумя ободьями и, вѣроятно, не въ силахъ былъ освободиться. Я тотчасъ поспѣшилъ вынырнуть и разсказалъ товарищамъ о своемъ открытіи. Нѣкоторые изъ нихъ отлично знали, что его можно вытащить и откачать, и такимъ образомъ вернуть къ жизни, но никому и въ голову не пришло сдѣлать это. Мы не могли ничего предпринять—до такой степени мы были поражены; мы не знали, что дѣлать, и потому ничего не дѣлали. Тѣ, которые были поменьше, жалобно плакали и рыдали, а мы, постарше, поспѣшили одѣться и разбѣжались въ разныя стороны, чтобы сообщить всѣмъ о происшедшемъ несчастьѣ. Но никто изъ насъ и не подумалъ вернуться назадъ, чтобы узнать, чѣмъ это кончилось. Мы всѣ поспѣшили домой, и тамъ глубоко раскаивались въ нашихъ грѣхахъ, мысленно обѣщая себѣ начать новую жизнь.

Между тѣмъ наступила ночь, загремѣлъ громъ и поднялся страшный вихрь. Я былъ сильно потрясенъ всѣмъ этимъ событіемъ, но никакъ не могъ понять, зачѣмъ посланъ съ неба этотъ громъ и буря. Мнѣ казалось, что это какая-то ошибка или недоразумѣніе. Всѣ стихіи какъ будто пришли въ смятеніе и грозятъ погубить все, живущее на землѣ. Сердце мое сильно билось, и я весь дрожалъ отъ страха, а между тѣмъ меня не покидала мысль, если такая ужасная судьба постигла мальчика, знавшаго наизусть три тысячи стиховъ изъ Библіи, то чего же можемъ ожидать мы, не знавшіе и пятой доли этого количества.

Въ то же время я не задавалъ себѣ вопроса, кто былъ виновникомъ этого страшнаго небеснаго гнѣва, разразившагося

надъ нами ужасной бурей. Я весь былъ поглощенъ мыслью, что если ужъ способный и благонравный Детчи, со всѣми своими совершенствами, со всѣми достоинствами погибъ такой смертью, то намъ совершенно не стоитъ заботиться о спасенiи своихъ душъ, не стоитъ начинать новую, лучшую жизнь, такъ какъ мы всѣ неизбѣжно должны погибнуть: и мнѣ также предстоитъ гибель, несмотря на все мое старанiе и ра каянiе! Наконецъ эта страшная ночь прошла, гроза пронеслась и наступилъ ясный день. Черезъ мѣсяцъ я забылъ обо всѣхъ этихъ происшествiяхъ и жилъ попрежнему беззаботно и весело.

Идя по городу по направленiю къ гостиницѣ, я узналъ тотъ самый домъ, въ которомъ жилъ, когда былъ мальчикомъ. Тѣ, кто жилъ тамъ теперь, принадлежали къ цвѣтной расѣ, и во время моего дѣтства ихъ продавали и покупали за деньги; они цѣнились по пятьсотъ долларовъ *за душу*.

Послѣ завтрака я опять пошелъ гулять и посѣтилъ нѣкоторыя воскресныя школы, сравнивая ихъ со школами былыхъ временъ и съ тою, въ которой я когда-то учился грамотѣ. Близъ одного изъ общественныхъ садовъ въ мое время возвышалась скромная церковь, выстроенная изъ кирпича. Она носила названiе „Ковчегъ Сiона", и я нерѣдко посѣщалъ ее, когда ходилъ въ воскресную школу. Мѣстность эту я нашелъ легко, но старой церкви уже не было на этомъ мѣстѣ; вмѣсто нея возвышалось новое зданiе.

Я замѣтилъ, что ученики воскресныхъ школъ одѣты теперь лучше, чѣмъ въ былое время, и вообще они не походили на своихъ предшественниковъ, и лица ихъ казались мнѣ совершенно чуждыми и незнакомыми. Но, тѣмъ не менѣе, они внушали мнѣ живѣйшiй интересъ. Если бы я былъ не мужчина, а дѣвушка, то навѣрное заплакалъ бы слезами умиленiя при мысли, что всѣ эти юноши и дѣвочки—наши преемники и занимаютъ то самое мѣсто, которое когда-то занимали мы. При этомъ я вспомнилъ многихъ изъ моихъ бывшихъ товарищей, которыхъ я любилъ, которые были мнѣ когда-то дороги по той или другой причинѣ. Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ! Боже мой! Гдѣ-то они теперь?

Я былъ очень благодаренъ начальству школъ, которое позволило мнѣ осмотрѣть одну изъ нихъ и ознакомиться съ ея воспитанниками. Престарѣлый завѣдующiй „суперинтендентъ", бывшiй въ мое время мальчикомъ и ученикомъ воскресной школы, тотчасъ узналъ меня, а я завелъ бесѣду съ дѣтьми о разныхъ пустякахъ, чтобы скрыть свое волненiе.

Нужно замѣтить, что я не обладаю способностью произноить рѣчи безъ подготовки, и потому я избѣгалъ всякаго слу-

чая, который могъ бы къ этому представиться. Оттуда я прошелъ въ слѣдующую болѣе многочисленную воскресную школу и болѣе обширную. Оттуда я вышелъ на террасу, чтобы посмотрѣть на дѣтей, толпившихся кругомъ, которыя представляли собою живописное зрѣлище. Въ эту минуту я не могъ припомнить ни одной изъ обычныхъ въ этихъ случаяхъ темъ, не могъ завести никакого подходящаго къ случаю разговора, какъ это обыкновенно дѣлали посѣтители школъ въ мое время. Мнѣ было это очень непріятно, потому что въ бесѣдѣ съ мальчиками я могъ бы дольше оставаться въ школѣ и лучше изучилъ бы ея современное положеніе.

Я не замѣтилъ также, былъ ли въ каждой изъ этихъ школъ свой „примѣрный мальчикъ". Въ мое время въ каждой школѣ былъ только одинъ такой образцовый мальчикъ, онъ не похожъ былъ на другихъ и по своему костюму и поведенію; напротивъ того, онъ отличался отъ нихъ какъ своей внѣшностью, такъ и внутренними качествами. По большей части такой „образцовый" мальчикъ былъ пустымъ фатомъ. Такой безупречный образцовый ученикъ служилъ какъ бы вѣчнымъ укоромъ для всѣхъ остальныхъ, онъ былъ предметомъ поклоненія всѣхъ родителей, въ особенности матерей, и предметомъ ненависти для сыновей. Со временемъ я узналъ, какая судьба постигла примѣрнаго мальчика моей школы, но я не хочу входить въ подробности, такъ какъ это мнѣ было бы непріятно; скажу только, что онъ имѣлъ большой успѣхъ въ жизни.

XXIV.

Мѣстные обычаи, кровавая месть и разныя другія подробности.

Во время моего трехнедѣльнаго пребыванія въ этомъ городѣ я просыпался рано каждое утро, и мнѣ всякій разъ казалось, что я до сихъ поръ маленькій мальчикъ, потому что всѣ прежнія лица представлялись мнѣ попрежнему юными, какими были когда-то, въ минувшее время. А когда я ложился спать вечеромъ, то мнѣ казалось, что будто я прожилъ цѣлое столѣтіе, до такой степени всѣ эти лица постарѣли и одряхлѣли.

На каждомъ шагу меня встрѣчали неожиданности. Я долго не могъ приноровиться къ дѣйствительному положенію вещей. Я встрѣчалъ нерѣдко молодыхъ дѣвушекъ, которыя на первый взглядъ какъ будто совсѣмъ не измѣнились; онѣ были такими, какими я зналъ ихъ прежде. Но эти дѣвушки оказывались дочерями тѣхъ самыхъ особъ, которыхъ я зналъ въ юности, а

иногда и внучками. Если кто-нибудь скажетъ вамъ, что пятидесятилѣтняя дама стала бабушкой, то вамъ это не покажется страннымъ. Но если вы услышите, что та дѣвочка, которую вы знали въ юности, имѣетъ теперь внучатъ, то вамъ кажется это какъ будто совершенно невѣроятнымъ и вы невольно спрашиваете себя, какимъ образомъ маленькая дѣвочка можетъ сдѣлаться бабушкой. Нужно нѣсколько времени, чтобы освоиться съ такими явленіями, чтобы выяснить себѣ этотъ фактъ и понять, что если вы сами состарѣлись, то и прежніе ваши друзья не сохранили прежней молодости, что время повліяло также и на нихъ.

Бо́льшую перемѣну я замѣтилъ въ женщинахъ, нежели въ мужчинахъ. Мнѣ случалось встрѣчать нѣкоторыхъ мужчинъ, которые за эти тридцать лѣтъ измѣнились очень мало, тогда какъ жены ихъ значительно состарѣлись. Это были добрыя женщины, а доброта иногда очень тяжело отзывается на человѣкѣ, она ранѣе старитъ его.

Здѣсь же, въ городѣ, жилъ одинъ шорный мастеръ, котораго я хотѣлъ повидать, но оказалось, что онъ уже умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Обыкновенно этотъ мастеръ однажды или дважды въ день появлялся на улицѣ, закутанный въ свой плащъ, и куда-то торопливо бѣжалъ. Всѣ знали, что онъ спѣшитъ встрѣчать приходящій пароходъ, а между тѣмъ всѣ знали также, что этотъ шорникъ Джонъ Стевели никого особенно не поджидалъ съ этимъ пароходомъ — ни друзей, ни знакомыхъ, ни какихъ-либо товаровъ, такъ что прибытіе парохода было для него совершенно безразлично. Это всѣ знали, но ему это было все равно. Всю свою жизнь онъ ждалъ, что ему навѣрное пришлютъ съ однимъ изъ пароходовъ ста тысячъ тоннъ сѣдельнаго товара, и такимъ образомъ онъ прождалъ всю свою жизнь. Я и теперь совершенно ясно представляю себѣ, какъ онъ бѣжалъ по улицѣ по направленію къ пристани съ развѣвающимся по вѣтру плащомъ. О немъ нерѣдко упоминалось даже въ мѣстномъ юмористическомъ листкѣ.

Но главнымъ героемъ моей юности былъ одинъ плотникъ, жившій въ нашемъ городѣ. Онъ былъ ужасный лжецъ, но я по неопытности вѣрилъ всѣмъ его разсказамъ. Это былъ лжецъ романтическій, сентиментальный, и онъ внушалъ мнѣ какое-то невѣдомое удивленіе и въ то же время страхъ. Какъ теперь помню ту минуту, когда онъ въ первый разъ удостоилъ меня своимъ довѣріемъ, въ это время онъ строгалъ какое-то бревно и постоянно останавливался и глубоко вздыхалъ, бормоча что-то себѣ подъ носъ, что именно, я никакъ не могъ понять. Время отъ времени онъ произносилъ совершенно ясно:

— Боже мой, вѣдь это его кровь!

Я со страхомъ смотрѣлъ на него, и мнѣ казалось, что онъ совершилъ какое-то ужасное преступленіе. Наконецъ онъ обратился ко мнѣ и шопотомъ произнесъ:

— Мой юный другъ, умѣете ли вы хранить тайну?

Я отвѣчалъ, что, конечно, умѣю.

— Мрачную и страшную тайну?!

Я опять подтвердилъ, что буду свято хранить ее.

Если такъ, — сказалъ онъ, — то я сообщу вамъ нѣкоторые эпизоды изъ моей жизни. Я чувствую потребность облегчить мою измученную душу, и если мнѣ не удастся это, то я долженъ умереть.

Затѣмъ онъ снова предупредилъ меня, что я долженъ быть „безмолвенъ какъ могила“, и, наконецъ, сообщилъ, что руки его „обагрены кровью многихъ жертвъ“. Затѣмъ онъ отложилъ въ сторону рубанокъ и, мрачно взглянувъ на свои руки, сказалъ:

— Вотъ, взгляните, этими самыми руками я отправилъ на тотъ свѣтъ всѣхъ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ было цѣлыхъ тридцать человѣкъ!

Я почувствовалъ непреодолимое состраданіе къ этому несчастному, а онъ въ короткихъ словахъ разсказалъ мнѣ обо всѣхъ убійствахъ, совершенныхъ имъ, и потомъ началъ разсказывать подробно о первомъ изъ нихъ, при этомъ онъ въ точности описалъ мнѣ, какія мѣры онъ принималъ, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе въ совершенныхъ преступленіяхъ. Потомъ онъ разсказалъ о второмъ убійствѣ, о третьемъ и т. д. Всѣ эти убійства онъ совершалъ, какъ онъ говорилъ, однимъ и тѣмъ же ножомъ, и при этомъ онъ показалъ мнѣ это страшное оружіе; это былъ изогнутый остроконечный кинжалъ.

На первый разъ онъ разсказалъ мнѣ о шести убійствахъ, и я, вернувшись домой, долго думалъ о немъ и о его страшныхъ преступленіяхъ; въ особенности я размышлялъ о нихъ въ праздничное время и не могъ отдѣлаться отъ тяжелыхъ представленій. Онъ казался мнѣ какимъ-то героемъ и производилъ чарующее впечатлѣніе. Но мало-по-малу мнѣ бросились въ глаза двѣ подробности: во-первыхъ, убійства, совершаемыя имъ, производились во всѣхъ частяхъ свѣта, а во-вторыхъ, всѣ его жертвы носили имя *Линча.* Онъ разсказывалъ мнѣ каждую субботу объ убійствѣ того или другого Линча, и это настолько возбудило мое любопытство, что я, наконецъ, пересилилъ свой страхъ и спросилъ, почему его жертвы носили одну и ту же фамилію.

На это мой герой отвѣчалъ, что рѣшился никому изъ живыхъ существъ не открывать этой тайны, но мнѣ онъ готовъ

открыть ее, такъ какъ вѣритъ мнѣ безусловно и желаетъ ничего не скрывать изъ своей жизни. Изъ его словъ я узналъ, что когда-то онъ любилъ одну дѣвушку, „которая была слишкомъ чиста и прекрасна для земли“, и она отвѣчала ему такой же любовью „и привязалась къ нему со всей силой чистой и благородной души“. Но у него былъ соперникъ „низкій злодѣй“ по имени *Арчибальдъ Линчъ*, который поклялся, что она будетъ принадлежать ему, или же онъ „обагритъ свои руки въ непорочной крови ея сердца“. Плотникъ, какъ онъ говорилъ, „не придавалъ значенія этимъ угрозамъ, отдаваясь всей душой грезамъ юной любви, и повелъ свою возлюбленную къ алтарю“. Но въ то время, когда ихъ начали вѣнчать, и священникъ простеръ руки надъ ихъ головами, чтобы благословить юную чету, злодѣй бросился на несчастную, и его невѣста упала, обагряясь кровью, къ ногамъ жениха. Что же сдѣлалъ женихъ? Онъ выхватилъ кинжалъ изъ ея сердца и, склонясь на колѣни надъ ея трупомъ, поклялся, „что посвятитъ всю свою жизнь на истребленіе проклятаго рода Линчей и уничтожитъ всѣхъ, которые носятъ это имя“.

Такъ онъ и сдѣлалъ. Онъ началъ преслѣдовать Линчей, какъ охотникъ преслѣдуетъ дичь, и преслѣдованіе это продолжалось двадцать лѣтъ. Для своихъ убійствъ онъ употреблялъ тотъ самый ножъ, которымъ была убита его невѣста, и всякій разъ, убивая кого-либо изъ Линчей, онъ вырѣзывалъ этимъ ножомъ кровавый знакъ на его лбу; этотъ знакъ имѣлъ видъ креста, глубоко вырѣзаннаго на кожѣ.

— Всей Европѣ, Америкѣ, Китаю, Сіаму извѣстенъ этотъ „знакъ таинственнаго мстителя“. Онъ извѣстенъ также подъ тропиками, какъ и на полюсахъ; онъ извѣстенъ въ пустыняхъ Азіи такъ же, какъ и въ цивилизованныхъ странахъ Европы. Вездѣ, вездѣ, куда бы ни проникалъ какой-нибудь членъ семейства Линчей, онъ умиралъ страшной смертью, и на его лбу всѣ видѣли этотъ таинственный знакъ, и всѣ, видя его, говорили: это знакъ „страшнаго мстителя“, это его дѣло, *онъ* былъ здѣсь. Вы, конечно, — прибавилъ онъ, — слышали объ этомъ таинственномъ мстителѣ. Вотъ онъ стоитъ передъ вами! Это я! Но подождите, не говорите никому ни слова о томъ, что я сказалъ вамъ. Вскорѣ весь городъ будетъ пораженъ, найдя бездыханный трупъ, и на его челѣ вы увидите опять этотъ страшный знакъ, и всѣ будутъ содрогаться и шептать: „*онъ* былъ здѣсь, этотъ *страшный мститель*“. И когда вы придете сюда, то я исчезну, пропаду безслѣдно, и вы меня уже болѣе не увидите.

Несомнѣнно, этотъ несчастный маніакъ прочелъ извѣстную въ то время книгу „Jibbenainosay“ и заимствовалъ оттуда

подробности этихъ страшныхъ убійствъ, при этомъ онъ вообразилъ себя героемъ всѣхъ описанныхъ тамъ преступленій. Но въ то время эта книга была мнѣ незнакома и всѣ его фантазіи я принималъ за чистую монету, нисколько не подозрѣвая, что это литературная кража, *плагіатъ!*

Въ нашемъ городѣ жилъ также одинъ человѣкъ по имени Линчъ, и чѣмъ болѣе я думалъ обо всѣхъ этихъ преступленіяхъ, тѣмъ болѣе волновался; мнѣ казалось, что я обязанъ спасти его и предупредить. Я не могъ спать отъ волненія, такъ что, наконецъ, рѣшился и пошелъ къ нему. Подъ страшнымъ секретомъ я разсказалъ Линчу объ ожидавшей его участи. Я убѣждалъ его бѣжать какъ можно скорѣе изъ города и былъ увѣренъ, что онъ такъ и сдѣлаетъ, но, къ удивленію моему, онъ только разсмѣялся и не выразилъ ни малѣйшаго желанія бѣжать. Онъ повелъ меня туда, гдѣ работалъ плотникъ. Сдѣлавъ ему строгій выговоръ, велѣлъ стать на колѣни и просить прощенія. Съ этой минуты все очарованіе, производимое разсказчикомъ, совершенно исчезло, я уже пересталъ считать его героемъ. Но этотъ мнимый герой, производившій на меня такое впечатлѣніе и оказавшійся простымъ лгуномъ и фантазеромъ, былъ возмущенъ поступкомъ Линча, и, когда тотъ удалился, онъ разразился ужасными проклятіями и угрозами. Онъ махалъ своимъ знаменитымъ кривымъ ножомъ и клялся, что отомститъ ему, но клятвы эти уже теперь не дѣйствовали на меня, теперь я уже не считалъ его героемъ и не вѣрилъ ему. Однакоже я долженъ сознаться, что этотъ фантазеръ обладалъ истиннымъ дарованіемъ; нѣкоторыя изъ своихъ мнимыхъ убійствъ онъ разсказалъ такъ живо, съ такимъ драматическимъ талантомъ, что имъ невольно вѣрилось, и я до сихъ поръ помню всѣ его разсказы со всѣми подробностями.

Населеніе города Ганнибала измѣнилось настолько же, насколько и самый городъ. Теперь это уже не деревня, какимъ онъ былъ прежде, это довольно порядочный городъ, обладающій муниципальнымъ совѣтомъ, водопроводомъ и ужъ, вѣроятно, значительнымъ долгомъ. Населеніе простирается до пятидесяти тысячъ; улицы здѣсь довольно хорошо вымощены. Устроены также желѣзныя дороги, около полдюжины, которыя сходятся къ этому торговому пункту. Здѣсь есть также складочное мѣсто для товаровъ, большое зданіе, постройка котораго стоила до ста тысячъ долларовъ. Въ мое время здѣсь почти не было торговли, только изрѣдка приходили пароходы и высаживали немногочисленныхъ пассажировъ; иной покупатель пріѣдетъ за покупкою партіи морскихъ *котовъ*, а теперь торговля значи-

тельно повысилась, такъ что въ этомъ отношенiи городъ сталъ неузнаваемъ.

Недалеко отъ города течетъ такъ называемая медвѣжья рѣка, названная такъ потому, что здѣсь встрѣчались когда-то медвѣди въ большомъ количествѣ. Рѣка эта почти заслонена отъ взоровъ зрителей высокими постройками и только опытный человѣкъ можетъ разыскать ее. Бывало въ дѣтствѣ я аккуратно каждое лѣто тонулъ въ этой рѣкѣ, но меня всякiй разъ вытаскивали и откачивали и послѣ этого запрещали купаться въ ней, но запрещенiе это скоро опять забывалось. Въ одно время здѣсь свирѣпствовала эпидемiя лихорадки.

Между прочимъ въ милѣ или въ двухъ отъ города находится интересная гробница, которую я хотѣлъ было посѣтить, но отложилъ этотъ визитъ по недостатку времени. Сначала она представляла собою просто сводъ, но еще въ то время, когда я былъ мальчикомъ, владѣлецъ превратилъ его въ роскошный мавзолей для своей дочери, умершей на четырнадцатомъ году. Тѣло бѣднаго ребенка было положено въ мѣдный цилиндръ, наполненный спиртомъ, и цилиндръ этотъ былъ подвѣшенъ къ своду въ вертикальномъ положенiи, въ одномъ изъ проходовъ гробницы. Крышка цилиндра была съемная, и говорятъ, что многiе изъ туристовъ низшаго разбора снимали ее и, приподнявъ трупъ дѣвочки, осматривали ея лицо и дѣлали по этому поводу свои замѣчанiя.

XXV

Юридическiе вопросы.

Бывшая когда-то на Медвѣжьей рѣкѣ скотобойня теперь совершенно исчезла, точно такъ же, какъ исчезла и тюрьма, стоявшая когда-то по сосѣдству съ ней. Одинъ изъ гражданъ спросилъ меня:

— Вы помните, какъ извѣстный въ городѣ пьяница Джимъ Финнъ былъ сожженъ насмерть въ этой тюрьмѣ?

Обратите вниманiе, какъ иногда факты со временемъ искажаются, благодаря несовершенству людской памяти! Этотъ Финнъ вовсе не былъ сожженъ въ тюрьмѣ, а умеръ самъ, своей смертью, упавъ въ припадкѣ бѣлой горячки въ яму для дубленiя кожъ; такимъ образомъ онъ самъ предалъ себя самосожженiю. Говоря, что онъ умеръ своей смертью, я не хочу, конечно сказать, что эта смерть была нормальной, и что онъ долженъ былъ умереть именно такимъ образомъ. Впрочемъ, жертвою тюрьмы сталъ не мѣстный гражданинъ, а иностра-

нецъ, чужеземецъ, безвредный бродяга, хватившій слишкомъ много виски. Эта исторія мнѣ очень хорошо знакома, и я хочу возстановить факты, какъ они были въ дѣйствительности. Вотъ какъ это случилось:

Однажды вечеромъ этотъ бродяга шелъ вдоль улицы съ трубкою въ зубахъ и приставалъ къ прохожимъ, прося огня. Но прохожіе не особенно любезно отвѣчали на его просьбу. Мальчишки толпились вокругъ него, смѣялись и дразнили; я былъ также въ числѣ ихъ и также смѣялся. Но вотъ этотъ чужеземецъ повернулся и, обращаясь къ толпѣ, просилъ, чтобы его оставили въ покоѣ, и замѣтилъ при этомъ, что онъ человѣкъ одинокій и у него нѣтъ никого знакомыхъ во всемъ городѣ. Эти подробности меня такъ тронули, что мнѣ стало стыдно, и я тотчасъ побѣжалъ и принесъ ему спичекъ. Потомъ я вернулся домой и легъ спать. На душѣ у меня было неспокойно, я былъ сильно взволнованъ. Черезъ нѣсколько времени, приблизительно черезъ часъ онъ былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму нашимъ смотрителемъ, который назывался въ то время *маршаломъ;* имя это слишкомъ почетно для простого констебля, но уже таковъ былъ его титулъ. Было два часа, на разсвѣтѣ, когда на деревнѣ раздался набатъ, возвѣщавшій о пожарѣ. Всѣ бросились смотрѣть на это зрѣлище, я также вскочилъ съ постели. Несчастный бродяга неудачно воспользовался моими спичками: съ помощью ихъ онъ поджегъ соломенную постель, на которой валялся въ тюрьмѣ, и вся его каморка озарилась яркимъ пламенемъ. Когда я добѣжалъ до пожарища, около двухсотъ человѣкъ мужчинъ и женщинъ стояли кругомъ. Они всѣ ужасались и о чемъ-то оживленно разговаривали. За желѣзной рѣшеткой стоялъ несчастный узникъ, прося помощи. На яркомъ фонѣ зарева фигура его казалась чернымъ пятномъ. Маршала стали искать, но нигдѣ не могли его найти, а между тѣмъ ключъ отъ камеры былъ у него. Посторонніе зрители хотѣли было взломать дверь, но засовъ былъ крѣпокъ и не поддавался ихъ напору. Несчастный, стоявшій у рѣшетки, погибъ, задохнувшись въ пламени. Онъ сгорѣлъ заживо, какъ говорятъ свидѣтели, но я не могъ долѣе оставаться и убѣжалъ. И долго послѣ того мнѣ мерещилась вся эта сцена, мнѣ казалось, что я вижу лицо заключеннаго и слышу его крики. Меня поразило все это тѣмъ болѣе, что я приписывалъ вину этого несчастія себѣ, мнѣ казалось, что онъ сгорѣлъ благодаря даннымъ мной спичкамъ; если бы не спички, то ничего бы и не случилось. Я былъ увѣренъ, что если узнаютъ объ отдаленной связи между мною и этимъ пожаромъ, то меня, навѣрное, арестуютъ и, вѣроятно,

повѣсятъ. Если кто начиналъ говорить о происшедшемъ пожарѣ, то я весь вздрагивалъ и слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, предполагая, что подозрѣніе падаетъ на меня и скоро все можетъ открыться. Какое-нибудь слово, сказанное безъ умысла, приводило меня въ ужасъ, и въ такомъ напряженномъ состояніи я долго находился, а для десятилѣтняго мальчика это было слишкомъ тяжело.

Во все время моихъ душевныхъ страданій я не обратилъ вниманія только на одно обстоятельство. Оказалось, что ночью я бредилъ и разговаривалъ во снѣ, чего я никакъ не могъ подозрѣвать. Но вотъ однажды ночью я проснулся и вдругъ вижу около моей постели стоитъ мой младшій братъ, съ которымъ я спалъ въ одной комнатѣ.

— Что случилось?—спросилъ я.

— Ты такъ громко говоришь во снѣ, что не даешь мнѣ спать.

Тогда я приподнялся на постели и спросилъ:

— Что я говорилъ? Да говори же скорѣе, что я говорилъ?

— Да ничего особеннаго.

— Ты лжешь, ты, вѣрно, что-нибудь знаешь?

— Что такое я знаю?

— Ты самъ понимаешь, *о чемъ* я говорю.

— О чемъ?.. Я не понимаю, что ты спрашиваешь. Я думалъ, что ты нездоровъ, или съ тобой что-нибудь случилось дурное. Теперь ты проснулся, я пойду спать.

Съ этими словами онъ ушелъ; очевидно, онъ хотѣлъ спать. А я долго поворачивался съ боку на бокъ и не могъ заснуть. Меня безпокоила мысль, *что* я могъ сказать во снѣ, *что* онъ узналъ изъ моихъ словъ. И эта мысль приводила меня въ отчаяніе. Наконецъ я рѣшился разбудить его и какъ-нибудь окольнымъ путемъ разузнать, что такое я говорилъ во снѣ. Я подошелъ къ нему и, взявъ его за плечо, спросилъ:

— Представь себѣ, что кто-нибудь пришелъ бы къ вамъ пьяный.

— Какой вздоръ ты говоришь. Я никогда не бываю пьяный.

— Я не говорю, что ты пьяный, глупецъ ты этакій. Я говорю: кто-нибудь другой. И вотъ вообрази, что онъ пришелъ пьяный и сталъ просить у тебя ножъ или томагаукъ или пистолетъ, и ты дашь ему и забудешь сказать, что онъ заряженый?

— Развѣ можетъ быть томагаукъ заряженъ?

— Да не томагаукъ. Я вовсе не сказалъ томагаукъ, я говорю пистолетъ. Не прерывай меня разными глупыми вопросами, потому что дѣло очень серьезно. Тутъ былъ убитъ одинъ человѣкъ.

— Какъ, у насъ въ городѣ?

— Ну, да, у насъ въ городѣ.

— Говори, говори, я не буду тебя прерывать.

— Ну, такъ вотъ вообрази, что ты забылъ ему сказать, чтобы онъ былъ остороженъ, такъ какъ твой пистолетъ заряженъ. Онъ ушелъ отъ тебя и застрѣлился этимъ самымъ пистолетомъ, конечно, онъ сдѣлалъ это неумышленно, такъ какъ былъ пьяный и не зналъ, что онъ заряженъ. Какъ по-твоему,— это убійство?

— Нѣтъ, это самоубійство.

— Нѣтъ, нѣтъ, я говорю не про его дѣйствія по отношенію къ самому себѣ, я спрашиваю о твоемъ поступкѣ по отношенію къ нему. Можно ли считать тебя убійцей этого человѣка потому только, что ты далъ ему заряженый пистолетъ и забылъ предупредить объ этомъ.

Въ отвѣтъ на это братъ нѣсколько времени подумалъ и сказалъ:

— Да, пожалуй. Я думаю, что я былъ бы въ этомъ случаѣ виновенъ, можетъ-быть, даже и въ убійствѣ. Но я не могу тебѣ сказать навѣрное, я не знаю.

Такой отвѣтъ вовсе не успокоилъ меня; это было слишкомъ неопредѣленно; я хотѣлъ прямого рѣшенія.

— Я разсказалъ тебѣ это въ видѣ предположенія,—прибавилъ я,—но теперь разскажу тебѣ истинное происшествіе. Ты знаешь, почему тотъ человѣкъ сгорѣлъ въ тюрьмѣ?

— Нѣтъ.

— Приходило ли тебѣ это въ голову?

— Нѣтъ, никогда.

— Ты можешь поклясться въ этомъ?

— Клянусь тебѣ.

— Если такъ, то я тебѣ разскажу, какъ это случилось. Этотъ человѣкъ просилъ, чтобы ему дали спичекъ закурить трубку. Одинъ мальчикъ далъ ему спичекъ. Тотъ бродяга этими самыми спичками подпалилъ солому, на которой спалъ, и сжегъ такимъ образомъ самого себя.

— Развѣ это *такъ* было?

— Да, это было такъ. Теперь скажи, можно ли считать мальчика убійцей? Какъ по-твоему?

— Подожди, дай подумать. Бродяга былъ пьянъ...

— Да, онъ былъ пьянъ.

— Очень пьянъ?

— Очень.

— И мальчикъ зналъ это?

— Да, мальчикъ зналъ это.

Братъ задумался, и долго длилось молчаніе. Наконецъ онъ произнесъ свое строгое и суровое сужденіе.

— Если человѣкъ былъ пьянъ, и мальчикъ зналъ это, то, конечно, онъ убійца этого человѣка. Это вѣрно!

Холодная дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу; мнѣ казалось въ эту минуту, я чувствую то, что долженъ испытывать человѣкъ, которому объявляютъ смертный приговоръ. Я поджидалъ еще, что скажетъ мнѣ братъ; я былъ увѣренъ, что знаю впередъ, что онъ скажетъ, и былъ совершенно правъ.

— Я знаю этого мальчика!—сказалъ онъ.

Я ничего не нашелся отвѣтить на это, потому ничего и не сказалъ; я только молчалъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Тогда братъ прибавилъ:

— Да, прежде чѣмъ ты дошелъ до середины своего разсказа, я уже отлично зналъ, кто этотъ мальчикъ: это былъ *Бенъ Кунцъ*.

При этихъ словахъ я словно воскресъ и пришелъ въ себя, какъ будто смертный приговоръ былъ отмѣненъ.

— Какимъ образомъ ты узналъ объ этомъ?—спросилъ я.

— Да ты же разсказалъ мнѣ, когда бредилъ во снѣ.

Тогда я подумалъ про себя: „какъ хорошо все это вышло, это очень хорошая привычка — бредить во снѣ, нужно развивать ее въ себѣ“.

Тогда братъ прибавилъ:

— Когда ты спалъ, то все бредилъ о какихъ-то спичкахъ. Сначала я не придавалъ этому никакого значенія, но теперь, когда ты началъ мнѣ разсказывать о сгорѣвшемъ человѣкѣ, то я вспомнилъ твой бредъ и вспомнилъ также, что ты два или три раза упомянулъ имя Бена Кунца. Изъ этого я и заключилъ, что виновникъ всего этого именно онъ, а не кто другой, и что благодаря Бену тотъ человѣкъ и сгорѣлъ.

Я вполнѣ одобрилъ его удивительную сообразительность.

— А что,—спросилъ онъ,—ты донесешь на него передъ судомъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—пусть это послужитъ ему хорошимъ урокомъ. Я буду слѣдить за нимъ, и если онъ остановится на этомъ и не будетъ совершать другихъ преступленій, то я также ничего не скажу. Пусть онъ не говоритъ со временемъ, что я его выдалъ.

— Какой ты добрый и великодушный,—замѣтилъ братъ.

— Да, я стараюсь быть добрымъ,—сказалъ я,—съ каждымъ человѣкомъ можетъ случиться несчастье...

Теперь, когда я взвалилъ свою ношу на чужія плечи, всѣ мои страхи совершенно прекратились, и я успокоился.

За день до нашего отъѣзда изъ Ганнибала я узналъ одну интересную подробность отъ моего пріятеля кучера, жившаго

въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города. Онъ принадлежалъ къ цвѣтной расѣ. Ему было приказано пріѣхать за мной въ Паркъ-Отель въ половинѣ восьмого вечера, но онъ опоздалъ и пріѣхалъ къ десяти часамъ. Въ свое извиненіе онъ сказалъ:

— Въ деревнѣ время идетъ гораздо медленнѣе, нежели въ городѣ, и вы, сударь, конечно, успѣете попасть во-время. Иной разъ идешь въ воскресенье въ церковь, идешь, идешь да и попадешь къ серединѣ проповѣди. Разсчитать время очень трудно.

Такимъ образомъ я потерялъ два съ половиной часа, но узналъ интересную подробность, ради которой стоило потерять цѣлыхъ четыре!

XXVI.

„Архангелъ“.

Нѣсколько сѣвернѣе отъ Сенъ-Луи, начиная отъ самаго города, замѣтны признаки интеллигентнаго и практическаго населенія нашего культурнаго XIX вѣка. Народъ тутъ не спитъ, а работаетъ, и благопріятные результаты этой дѣятельности видны повсюду, замѣтны на всемъ и отражаются, главнымъ образомъ, на жизненныхъ удобствахъ и на благосостояніи, которое встрѣчается повсюду.

Самый несомнѣнный примѣръ этого представляетъ городъ Квинсей. Здѣсь вездѣ вы встрѣчаете красивые, прочно построенные дома; кромѣ того, здѣсь интересуются наукой, литературой, искусствомъ и другими духовными вопросами такъ же, какъ и прежде.

Что же касается мѣстечка Маріона, то онъ представляетъ исключеніе. Благодаря какимъ-то страннымъ обстоятельствамъ, онъ пошелъ обратнымъ путемъ, и представляетъ регрессивное развитіе. Прежде, бывало, онъ обѣщалъ достигнуть цвѣтущаго состоянія, такъ что его уже начали называть *городомъ*, но предсказаніе это не оправдалось. Когда я видѣлъ это село въ первый разъ 35 лѣтъ тому назадъ, то здѣсь была только одна единственная улица и нѣсколько домовъ, около полдюжины. Теперь на этой улицѣ стоитъ только одинъ домъ, да и тотъ находится въ такомъ жалкомъ состояніи. Это скорѣе руина, нежели жилой домъ, такъ что можно ожидать, что и онъ послѣдуетъ за своими остальными товарищами и свалится въ рѣку.

Несомнѣнно, что городъ Маріонъ расположенъ слишкомъ близко къ Квинсею, и это содѣйствовало его паденію. Кромѣ того, есть еще и другія причины неуспѣха; онъ построенъ на низменной мѣстности и на грязной, илистой почвѣ, ниже вы-

сокаго уровня воды, тогда какъ городъ Квинсей расположенъ на склонѣ холма, въ высокой мѣстности.

Въ самомъ началѣ Квинсей имѣлъ видъ образцоваго города Новой Англіи. Тамъ были хорошія широкія улицы, очень чистые нарядные дома и всевозможныя коммерческія постройки и магазины; былъ также обширный паркъ и разныя другія увеселенія, читальня, нѣсколько коллегій, библіотека, красивая и дорого стоившая церковь и, наконецъ, обширное зданіе суда, съ большимъ окружавшимъ его скверомъ. Населеніе города достигало тридцати тысячъ человѣкъ. Есть здѣсь и нѣсколько фабрикъ и факторій, а также и мануфактурныхъ заведеній по разнымъ спеціальностямъ, и все это сдѣлано на широкую ногу, въ грандіозныхъ размѣрахъ.

Города Ла-Гранжъ и Кентонъ тоже обѣщаютъ со временемъ развиться и процвѣтать. Но я забылъ упомянуть объ Александріи. Мнѣ говорили, что этотъ городъ теперь находится подъ водой, но надѣются, что она лѣтомъ спадетъ и городъ будетъ виденъ.

Городъ Кеокукъ мало измѣнился, такъ что его легко узнать. Я жилъ здѣсь въ 1857 году, и тогда этотъ городъ отличался необыкновенно шумной жизнью. Этотъ пунктъ былъ необыкновенный по своимъ событіямъ, жизнь здѣсь шумѣла и процвѣтала. Всѣ занимаются какой-нибудь спекуляціей, что-нибудь покупаютъ и продаютъ, исключая вдовъ и пасторовъ. Населеніе города теперь достигаетъ до пятнадцати тысячъ и возрастаетъ по мѣрѣ возрастанія общаго благосостоянія. Мимо этой мѣстности мы проѣзжали ночью, такъ что трудно было разсмотрѣть подробности, что насъ очень огорчило, такъ какъ Кеокукъ славится живописнымъ видомъ. Несомнѣнно, что съ того времени, какъ я бывалъ здѣсь, Кеокукъ еще болѣе украсился. Если уже тогда было пріятно здѣсь жить, то теперь еще пріятнѣе: онъ обнаруживаетъ прогрессъ, а не регрессъ.

Въ мое время проектировали устроить здѣсь каналъ. Длина его должна была быть восемь миль, и онъ долженъ былъ обходить рѣчные пороги. Ширина его теперь, когда онъ уже сдѣланъ, достигаетъ трехсотъ футовъ, а глубина нигдѣ не спускается ниже шести футовъ. Устройство канала стоило отъ четырехъ до пяти милліоновъ. Каменная кладка, изъ которой построена набережная канала, отличается необыкновенной прочностью и величіемъ, и, какъ мнѣ кажется, должна быть такъ же прочна, какъ и древніе римскіе водопроводы.

Побесѣдовавъ часъ, другой съ нашими старыми друзьями, мы вновь двинулись по рѣкѣ. Много лѣтъ тому назадъ Кеокукъ былъ главнымъ мѣстомъ дѣйствія нѣкоего странствующаго ге-

нія *Генри Клая Дена.* Мнѣ только разъ случилось видѣть его, но о немъ очень много говорили въ то время, когда я тамъ жилъ. Вотъ что я узналъ о немъ.

Въ юности онъ былъ очень бѣденъ и не получилъ никакого образованія, но образовалъ самъ себя, сидя на тротуарной тумбѣ въ Кеокукѣ. Онъ сидѣлъ на тумбѣ всегда съ книгой въ рукахъ, не обращая никакого вниманія на прохожихъ, и все время читалъ, почти безъ перерыва, только изрѣдка вставалъ, чтобы размять отекшія ноги. Когда онъ кончалъ чтеніе книги, то бралъ другую; кончивъ эту, бралъ третью и такъ далѣе. Его удивительная память сохраняла все прочитанное. По одеждѣ онъ походилъ на простого рабочаго съ пристани, и, конечно, никто не могъ думать, чтобы въ этой головѣ было столько ума и познаній.

Отъ природы онъ былъ одаренъ удивительнымъ ораторскимъ талантомъ, который онъ со временемъ развилъ практикой и упражненіями. Темой его рѣчей были всегда разные политическіе вопросы, и онъ славился краснорѣчіемъ на пятнадцать миль въ окружности. Всѣ фермеры говорили о немъ съ восторгомъ и съ необыкновеннымъ уваженіемъ. Во время рѣчей онъ не пользовался никакими замѣтками, не заготовлялъ никакихъ плановъ или конспектовъ для своихъ *спичей*, а говорилъ по вдохновенію, словно какой-то неизсякаемый источникъ краснорѣчія заключался въ его душѣ. Въ 1862 году нѣкій мистеръ Клейгельтъ, сынъ одного изъ жителей Кеокула, разсказывалъ мнѣ о слѣдующемъ случаѣ, бывшемъ съ этимъ Деномъ. Вотъ какъ онъ мнѣ передавалъ объ этомъ.

Въ 1861 году всѣ жители Кеокука отличались воинственнымъ настроеніемъ, и вотъ однажды былъ назначенъ большой митингъ. Одинъ почтенный иностранецъ отдалъ для этого митинга свой домъ. Когда тамъ собралось мн го народа, то всѣ увидѣли, что на эстрадѣ, приготовленной для ораторовъ, никого нѣтъ. Толпа стала выказывать нетерпѣніе, такъ что начался уже скандалъ; въ этой толпѣ были люди обоего пола. При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ завѣдующій митингомъ случайно увидалъ Дена, сидѣвшаго на своемъ камнѣ съ книгой въ рукахъ. Онъ тотчасъ бросился къ нему и, увидавъ, что тотъ разрѣшаетъ какую-то сложную задачу, вырвалъ книгу у него изъ рукъ и, насильно стащивъ съ тумбы, повелъ въ зданіе, гдѣ собрался народъ. Тутъ онъ ему сказалъ, что онъ обязанъ произнести рѣчь и спасти страну.

Толпа затихла и стала ожидать, что онъ скажетъ, устремивъ взоры на эстраду. И вдругъ на эстрадѣ показалась знакомая всѣмъ фигура. Это былъ Денъ. Въ стоптанной обуви, въ рва-

ной одеждѣ, въ лохмотьяхъ, съ оторванными пуговицами, въ разстегнутой рубашкѣ, съ чернымъ платкомъ, повязаннымъ на шею въ видѣ банта. При этомъ на немъ былъ короткій пиджакъ, видимо, чужой, а на головѣ — военная фуражка. Этотъ удивительный ораторъ поднялся на эстраду и обвелъ взоромъ всѣхъ присутствующихъ, но еще не произнесъ ни слова. Всѣ съ удивленіемъ глядѣли на него, а несчастный оборванецъ стоялъ на эстрадѣ, продолжая испытующимъ взоромъ всматриваться въ окружающихъ. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ, всѣ недоумѣвали; наконецъ раздался смѣхъ; на другомъ концѣ залы его подхватили, и вскорѣ все зданіе наполнилось шумомъ и хохотомъ.

Но вдругъ странный субъектъ отступилъ шагъ назадъ, снялъ свою солдатскую фуражку и, махнувъ ею, заговорилъ. Онъ говорилъ чрезвычайно обдуманно, вѣско и рѣшительно, но никто не слушалъ его, всѣ хохотали и перекидывались насмѣшливыми замѣчаніями. Ораторъ не обращалъ на это никакого вниманія и продолжалъ свою рѣчь, все болѣе и болѣе одушевляясь. Понемногу крики и шумъ стали затихать, публика стала прислушиваться къ словамъ, и вскорѣ водворилась такая тишина, что раздавался только голосъ Дена, метавшій громы и молніи. Передъ пораженной толпой слова и фразы лились бурнымъ потокомъ съ его пламенныхъ устъ. Въ порывѣ вдохновенія онъ сорвалъ черный платокъ и, отбросивъ его въ сторону, продолжалъ громить все и всѣхъ своими бурными рѣчами. Черезъ минуту онъ такъ вдохновился, что сбросилъ съ себя пиджакъ, а затѣмъ и жилетку, и такъ, полураздѣтый, продолжалъ говорить передъ изумленной толпой. Рѣчь его была подобна раскаленной лавѣ и бурному пламени. Въ эту минуту онъ напоминалъ Везувій, который выбрасываетъ огонь, камни и золу и потрясаетъ землю своимъ изверженіемъ. А пораженная толпа стояла передъ невиданнымъ ораторомъ, выражая ему свое удивленіе и восторгъ громкими возгласами, махая носовыми платками, а затѣмъ затаила дыханіе, не произнося ни слова, чтобы не заглушить его вдохновенной рѣчи.

— Когда Денъ взошелъ на каѳедру, — прибавилъ Клейгельтъ,—то зрители думали, что это вырвавшійся изъ больницы помѣшанный, а когда онъ сошелъ съ эстрады, то всѣ уже считали его какимъ-то свѣтлымъ архангеломъ, духомъ, сошедшимъ съ неба на землю.

Берлингтонъ также очень живописный городъ. Въ немъ насчитываютъ около двадцати пяти тысячъ жителей. Онъ стоитъ на холмѣ. Населеніе отличается воздержностью, трезвостью и строго придерживается обнародованнаго тамъ билля, которымъ

абсолютно воспрещается ввозъ, покупка и продажа, а также и употребленіе какихъ бы то ни было крѣпкихъ напитковъ. Всѣ напитки, извѣстные человѣческому роду, кромѣ воды, здѣсь абсолютно запрещены. Такая строгая мѣра вполнѣ одобряется всѣми благоразумными людьми этого штата.

Берлингтонъ также идетъ по пути современнаго прогресса, въ особенности въ вопросахъ, касающихся городского управленія. Тутъ устроено пожарное депо, котораго нѣтъ даже и въ такомъ большомъ городѣ, какъ Новый Орлеанъ. Здѣсь остались также и старинные обычаи, а именно независимая система управленія.

Въ Берлингтонѣ, какъ и во всѣхъ городахъ, расположенныхъ въ верхнемъ теченіи рѣки, воздухъ отличается свѣжестью и чистотой, и дышать здѣсь пріятно и легко. Недавно здѣсь построенъ большой оперный театръ, совершенно непохожій на обычныя въ этомъ случаѣ мрачныя зданія, въ которыхъ совершаются театральныя представленія въ другихъ городахъ, подобныхъ Берлингтону по своимъ размѣрамъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣли времени, чтобы выйти на берегъ въ Мускатинѣ, но мы видѣли его съ парохода при яркомъ дневномъ освѣщеніи. Много лѣтъ тому назадъ я также былъ здѣсь, но съ тѣхъ поръ трудно узнать этотъ городъ; онъ сильно измѣнился. Въ мое время это было маленькое мѣстечко, а теперь это настоящій городокъ. Но это мѣстечко мнѣ памятно тѣмъ, что тутъ однажды я встрѣтилъ одного помѣшаннаго; это случилось въ воскресенье. Гуляя въ полѣ, я столкнулся съ этимъ субъектомъ. Увидавъ меня, онъ вынулъ большой ножъ, какой употребляютъ мясники, спрятанный у него въ голенищѣ, и сказалъ, что убьетъ меня, если я тотчасъ же не соглашусь признать его единственнымъ сыномъ сатаны. Разумѣется, я съ нимъ не спорилъ и постарался его успокоить, сказавъ, что вполнѣ признаю его единственнымъ членомъ этой знаменитой фамиліи. Но мой отвѣтъ его не вполнѣ удовлетворилъ; онъ требовалъ, чтобы я призналъ, что онъ одинъ имѣетъ право называться сыномъ дьявола, что онъ *единственный* сынъ его. Онъ такъ грозно замахивался своимъ ножомъ, что я не сталъ спорить изъ-за такой мелочи и вполнѣ съ нимъ согласился. Послѣ этого я постарался скрыться отъ него и такимъ образомъ спасъ свою шкуру. Вскорѣ послѣ того онъ отправился къ своему батюшкѣ и съ тѣхъ поръ уже болѣе не возвращался; я надѣюсь, что онъ и до сихъ поръ обрѣтается тамъ.

Этотъ городъ Мускатинъ мнѣ очень памятенъ, такъ какъ я здѣсь любовался когда-то солнечнымъ закатомъ въ ясный лѣтній день. Мнѣ не случалось никогда и нигдѣ видѣть подобной

величественной картины. На поверхности рѣки, при заходѣ солнца, отражаются и переливаются всѣ чудныя и волшебныя краски, какія только существуютъ въ мірѣ, отъ самаго нѣжнаго блѣдно-желтаго опала, который потомъ переходитъ въ блѣдно-розовый цвѣтъ, потомъ становится гуще, и понемногу, постепенно переходитъ въ красный, въ ярко-красный и, наконецъ, въ пурпуровый, который ослѣпляетъ взоръ своимъ блескомъ и въ то же время невольно приводитъ васъ въ восторгъ и трепетъ. Вся эта мѣстность по верховью Миссисипи отличается удивительно красивымъ заходомъ солнца, такъ что эту страну можно назвать „страной солнечнаго заката", и не одна изъ другихъ мѣстностей не заслуживаетъ такого названія. Говорятъ, что и восходъ солнца представляетъ здѣсь удивительную картину, величественную и прекрасную, но я не могу объ этомъ судить; мнѣ не случалось его видѣть.

XXVII.

На верховьяхъ Миссисипи.

Теперь намъ часто попадались на пути крупные города, расположенные близко другъ отъ друга, а между ними тянулись цѣлые ряды фермъ, такъ что въ промежуткахъ за городами уже не было пустырей, какъ въ другихъ мѣстахъ. Нашъ пароходъ понемногу вступалъ въ большой и густо населенный округъ сѣверо-запада. Здѣсь живетъ независимое племя, заботящееся о самомъ себѣ, и имѣетъ на это полное право, такъ какъ это люди культурные, просвѣщенные, и въ каждомъ, даже маленькомъ, мѣстечкѣ вы встрѣтите школу, коллегію, книжный магазинъ, читальню и даже свою мѣстную газету. Всѣ эти сограждане живутъ согласно и подчиняются однажды установленному закону. О будущности этого племени можно совершенно не безпокоиться—оно вполнѣ обезпечено!

Этотъ районъ совершенно новый, такъ что можно сказать, что онъ переживаетъ періодъ младенчества. Но по всему тому, что мѣстные жители сдѣлали во время своего младенчества, пока у населенія еще „не прорѣзались зубы", если можно такъ выразиться, вы можете судить о томъ, *что* они сдѣлаютъ со временемъ, когда вполнѣ достигнутъ періода зрѣлости. Мѣстность эта до такой степени нова и невиданна, что многіе туристы совсѣмъ не знаютъ ее и никогда не посѣщали раньше. Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ какой-нибудь чужестранный туристъ, проѣзжая по рѣкѣ между Сенъ-Луи и Орлеаномъ, возвращался домой и издавалъ книгу въ полной увѣренности,

что онъ видѣлъ всю рѣку отъ начала до конца, или, вѣрнѣе сказать, все то, что достойно его вниманія; но ни въ одной изъ этихъ книгъ не упоминается объ округѣ Верхняго Миссисипи. Происходитъ это оттого, что никто изъ авторовъ-туристовъ не посѣщалъ эти мѣста раньше, прежде чѣмъ здѣсь были построены всѣ эти города и селенія. Послѣдній изъ этихъ туристовъ (1878 года) сдѣлалъ также, согласно традиціямъ, обычную поѣздку, и увѣрялъ, что никогда не слышалъ ничего, достойнаго вниманія, относительно мѣстности, расположенной къ сѣверу отъ Сенъ-Луи.

А между тѣмъ здѣсь было много, достойнаго вниманія. Здѣсь выросли и развились многіе города, которые проектировались наканунѣ, а выстраивались, какъ говорится, на другой день. И въ каждомъ изъ этихъ городовъ насчитывалось теперь отъ полуторы до пяти тысячъ жителей. Здѣсь находится Мускатинъ, имѣющій десять тысячъ жителей, и Винона—тоже съ десятью тысячами; Рокъ-Айлендъ имѣетъ двѣнадцать тысячъ, Лакъ-Розъ—тоже двѣнадцать тысячъ, Берлингтонъ—двадцать пять тысячъ жителей, Дэбэкъ—тоже двадцать пять тысячъ и Давенпортъ—тридцать тысячъ, Сенъ-Поль—пятьдесятъ восемь тысячъ и, наконецъ, Миннеаполь—шестьдесятъ тысячъ и даже болѣе.

Я долженъ прибавить, что населеніе Сенъ-Поля и Миннеаполя возрасло до такой крупной цифры сравнительно очень недавно, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; теперь эти оба города, вѣроятно, стали еще болѣе густо населены. Недавно въ одной газетѣ мнѣ пришлось встрѣтить статью, въ которой вычислено это населеніе и указаны цифры — 71.000 въ Сенъ-Полѣ, а въ Миннеаполѣ 78.000.

Мы взглянули также и на Давенпортъ, тоже очень красивый городъ, возвышающійся на вершинѣ холма, что, впрочемъ, можно сказать и обо всѣхъ этихъ городахъ; всѣ они выстроены на холмахъ и отличаются чистотой, порядкомъ и красотой, производя пріятное впечатлѣніе на глазъ и успокоивая духъ. У индѣйцевъ есть преданіе, будто Маркеттъ и Джольетъ въ 1673 г. расположились на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ городъ Давенпортъ. Слѣдующіе бѣлые, пріѣзжавшіе сюда, посѣтили эту страну значительно позже, а именно въ 1834 г., это почти черезъ 170 лѣтъ. Давенпортъ, такимъ образомъ собралъ, 30.000 жителей въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ. Въ этомъ городѣ ходитъ въ школу такое число дѣтей, которое превышаетъ количество всего населенія, бывшаго двадцать три года назадъ. Почти вдоль всей набережной устроены газетныя конторы, зданія для учебныхъ заведеній, всевозможныя фабрики. Здѣсь есть телеграфъ, телефонъ,

электрическіе звонки, пожарное депо, очень хорошо устроенное, четыре пары машинъ для тушенія пожара и тридцать церквей. Давенпортъ представляетъ собою офиціальную резиденцію обоихъ епископовъ, католическаго и епископальнаго.

Какъ разъ противъ Давенпорта лежитъ цвѣтущій городъ Рокъ-Айлендъ; онъ расположенъ недалеко отъ верхнихъ пороговъ.

Оба города соединяются большимъ желѣзнодорожнымъ мостомъ, однимъ изъ тридцати мостовъ, расположенныхъ на Миссисипи между Сенъ-Луи и Сенъ-Полемъ.

Очаровательный островъ Рокъ-Айлендъ длиною въ три мили, а шириною въ полмили, принадлежитъ Соединеннымъ Штатамъ, и правительство превратило его въ прекрасный паркъ, гдѣ природная красота соединяется съ искусственной. Весь этотъ лѣсъ, бывшій сначала дикимъ, разросся теперь поперечными аллеями, тянущимися на нѣсколько миль. Въ самомъ центрѣ этого парка возвышаются обширныя и высокія зданія, видныя сквозь чащу деревьевъ; ихъ всѣхъ числомъ десять, и каждое изъ нихъ занимаетъ цѣлый акръ земли. Въ нихъ помѣщаются казенныя мастерскія, такъ какъ въ Рокъ-Айлендѣ находится національный арсеналъ и производится оружіе.

Мы продолжали двигаться вверхъ по рѣкѣ и всюду любовались красивыми ландшафтами и видами, единственными въ этой мѣстности по всему протяженію Миссисипи. Далѣе мы подъѣхали къ городу Молина, который служитъ центромъ мануфактурной дѣятельности и промышленности. Далѣе слѣдуютъ Клинтонъ и Лайонсъ, тоже большой центръ, гдѣ расположены складочныя мѣста строительныхъ матеріаловъ. Потомъ мы достигли Дюбека, изобилующаго минеральными богатствами; здѣсь открыты свинцовые рудники, которые тянутся на большое пространство. Въ Дюбекѣ много фабрикъ, гдѣ производятся земледѣльческія орудія. Тутъ же, между прочимъ, я познакомился съ однимъ агентомъ и разговорился съ нимъ.

Все это протяженіе рѣки въ этой мѣстности изобилуетъ древними индѣйскими преданіями. Недалеко отъ Дюбека возвышается скала, извѣстная подъ именемъ „Мертвая голова“ (Tete de Mort Geath'shead). На вершину этого утеса въ былыя времена, какъ говорятъ, французы ввели нѣсколькихъ индѣйцевъ и предложили имъ на выборъ, броситься внизъ и погибнуть, или же умереть съ голода. Въ числѣ ихъ былъ одинъ замѣчательный индѣецъ, по имени Блекъ Гоукъ, человѣкъ извѣстный своей храбростью и находчивостью. Его имя прославилось повсемѣстно; послѣ его смерти онъ былъ похороненъ по христіанскому обряду, но съ нѣкоторыми видоизмѣ-

неніями, согласно индѣйскимъ обычаямъ. Его трупъ былъ одѣтъ въ христіанское военное платье, и въ рукахъ онъ держалъ трость; однакоже въ могилу его опустили не лежа, а въ сидячемъ положеніи; могила его находится близъ мѣстечка Де-Муанъ. Нужно замѣтить, что по индѣйскимъ обычаямъ вмѣстѣ съ вождемъ хоронили и его любимаго коня.

Намъ бросилось въ глаза то обстоятельство, что въ Дюбекѣ вода имѣетъ какой-то особый цвѣтъ—зеленовато-оливковый, и при солнечныхъ лучахъ она кажется полупрозрачной. Въ это время было половодье, и вода казалась мутной, обыкновенной, такъ какъ была смѣшана съ прибрежной грязью и иломъ.

Величественные горы и утесы, окружающіе берегъ и выступающіе изъ воды по всей этой мѣстности, невольно приковываютъ взоры зрителя своей красотой и разнообразіемъ контуровъ, а также мягкостью и живописностью растительности. Зелень начинается почти у самаго берега, а далѣе идутъ уже склоны горъ, озаренные разнообразными оттѣнками. Нѣкоторыя скалы совершенно бурыя, другія — желтыя, зеленыя. У подошвы этихъ склоновъ извивается рѣка, словно змѣя, и кое-гдѣ на поверхности выступаетъ лѣсистая живописная трава. Вдали виднѣются прибрежныя деревни, села, дремлющія среди окружающей зелени. Кругомъ нихъ все тихо и спокойно, и тишина эта нарушается только шумомъ и громомъ приближающагося поѣзда, который виденъ съ палубы парохода почти на всемъ протяженіи отъ Сенъ-Луи до Сенъ-Поля. Вновь построенные рельсовые пути значительно подорвали пароходную торговлю. Помощникъ капитана, служившій на нашемъ суднѣ еще до постройки желѣзныхъ дорогъ, былъ когда-то клеркомъ на пароходѣ и разсказывалъ, что въ былое время количество пассажировъ было болѣе значительно; публики иногда бывало такъ много, что она не помѣщалась на пароходѣ; что же касается грузовъ, то имъ приходилось ждать очереди по нѣсколько дней. Капитаны и владѣльцы пароходовъ держали себя болѣе гордо и независимо, нежели теперь, и не любили много разговаривать. Онъ прибавилъ также, что между капитанами стараго времени и теперешними онъ замѣчаетъ большую разницу.

Вотъ причаливаетъ къ берегу большое судно, и капитанъ держитъ себя такъ гордо и величаво, какъ будто онъ, какъ говорится, проглотилъ аршинъ. Руки украшены козловыми перчатками, а на головѣ проборъ тянется до самаго затылка. Съ берега къ нему подходитъ какой-то человѣкъ и почтительно обращается къ этой величавой особѣ.

— У меня двадцать восемь тоннъ пшеницы, — говоритъ онъ,—не будете ли вы такъ любезны, г-нъ капитанъ, принять ихъ на ваше судно.

— Я могу взять только двѣ,—отвѣчаетъ капитанъ.

А теперь дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе: капитанъ не изображаетъ господина и повелителя, какъ это было прежде; онъ снимаетъ свой старый поношенный картузъ, оглядывается кругомъ, низко кланяется, улыбается, растягивая ротъ до самыхъ ушей, и во время этихъ поклоновъ его спина гнется. Увидавъ знакомаго на берегу, онъ обращается къ нему съ привѣтствіемъ.

— Ахъ, г-нъ Смитъ,—говоритъ онъ,—какъ я радъ васъ видѣть. У васъ такой хорошій видъ, я надѣюсь, вы совершенно здоровы?.. Я никогда еще не видалъ васъ такимъ веселымъ и радостнымъ. Какъ идутъ ваши дѣла? Нѣтъ ли у васъ груза для нашего судна?

— Нѣтъ, у меня ничего нѣтъ,—отвѣчаетъ Смитъ.

Съ этими словами онъ нахлобучиваетъ шапку и повернувшись спиной къ капитану, обращается къ кому-либо изъ знакомыхъ, не обращая на того никакого вниманія.

— Да, — прибавилъ клеркъ, — теперь время измѣнилось. Прежде капитаны поднимали голову высоко и поворачивали спину, и разные Смиты въ нихъ заискивали, а теперь, наоборотъ, Смиты задираютъ носъ и поворачиваютъ спины, а капитаны у нихъ заискиваютъ. Прежде не было отбоя отъ грузовъ и пассажировъ, а теперь всѣ эти пассажиры предпочитаютъ ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ и перевозить свой грузъ такимъ же способомъ.

Мы встрѣчали не мало плотовъ съ лѣсомъ, но этотъ способъ доставки значительно измѣнился и принялъ современный характеръ. Прежде плотовщики были люди веселые, безпечные, любившіе забаву и веселыя пѣсни; они пѣли и плясали почти всю ночь до разсвѣта, любили выпить и повеселиться. Теперь уже не требуется такъ много рабочихъ для плотовъ, и тѣ, которые нанимаются, имѣютъ угрюмый видъ; это люди серьезные, очевидно, исполняющіе тяжелую работу.

Когда мы проѣхали мимо пороговъ въ темной ночи, то берегъ рѣки освѣщался электрическимъ свѣтомъ; какъ сзади, такъ и спереди все было погружено во мракъ, и только то мѣсто, гдѣ мы идемъ, ярко освѣщено. Мы плывемъ дальше, приближаясь къ повороту, изгибающемуся между двумя густыми стѣнами древесной листвы, которая почти касается боковъ нашего судна. Благодаря яркому освѣщенію электрическихъ прожекторовъ, вы видите каждый отдѣльный листокъ, каждую

вѣтку, каждую струйку воды словно днемъ! Все это производитъ эффектъ чрезвычайно красивый и оригинальный.

Далѣе мы прошли такъ называемую „Собачью степь" („Prairie du Chien"). Здѣсь была когда-то стоянка отца Маркетта. Послѣ этого черезъ нѣсколько часовъ мы достигли Ла-Кросса. Въ этомъ городѣ насчитываютъ тысячъ двадцать жителей; улицы здѣсь освѣщаются также электричествомъ; онѣ застроены красивыми и обширными зданіями, невольно внушающими уваженіе. Хотя въ это время погода стояла ненастная и шелъ дождь, но мы воспользовались нѣсколькими свободными часами для осмотра города, такъ какъ онъ вполнѣ стоитъ этого.

XXVIII.

Легенды и пейзажи.

На пристани Ла-Кроссъ къ намъ прибавилось нѣсколько лишнихъ пассажировъ; въ числѣ ихъ былъ одинъ престарѣлый джентльменъ, когда-то пріѣхавшій въ эту мѣстность вмѣстѣ съ первыми ея поселенцами. Онъ очень гордился своимъ давнишнимъ пребываніемъ здѣсь, что очень естественно на мой взглядъ. Между прочимъ, онъ сказалъ:

— Здѣсь, въ этой мѣстности, вы найдете прекрасные ландшафты между Сенъ-Полемъ и Ла-Кроссомъ. Вотъ, напримѣръ, могу указать вамъ на мысъ Королевы; тамъ находится холмъ, возвышающійся на семьдесятъ футовъ высоты. Онъ представляетъ такое зрѣлище, которое достойно особеннаго вниманія, и едва ли гдѣ-либо въ окрестностяхъ вы найдете что-либо подобное! Здѣсь есть также островъ Тремпло, единственный во всей Америкѣ; онъ представляетъ собою цѣлую гору съ крутыми скатами. Объ этой горѣ, отличающейся своей высотой, часто упоминается въ индѣйскихъ народныхъ преданіяхъ. Здѣсь водится масса гремучихъ змѣй, и когда этотъ островъ освѣщается лучами восходящаго солнца, то представляетъ такую величественную картину, какую вы никогда не забудете, если вы ее видѣли хотя разъ. Далѣе, за этой скалой, тянутся чудные роскошные луга, простирающіеся выше Виноны, а далѣе расположены такъ называемые „тысяча острововъ". Они покрыты яркой зеленой травой, такой густой и сочной, какой вы не встрѣтите нигдѣ. Вамъ кажется, какъ будто тамъ набросано тысячи мягкихъ подушекъ. Это зрѣлище поистинѣ замѣчательное!

Я не буду приводить легендъ, разсказанныхъ имъ, хотя онѣ трогательны и достойны вниманія, такъ какъ онѣ не произво-

дили на насъ сильнаго впечатлѣнія. Послѣ этого отступленія въ область легендъ мой собесѣдникъ снова вернулся къ живописнымъ окрестностямъ и описалъ мельчайшія подробности, начиная съ „Тысячи Острововъ“ до самаго Сенъ-Поля. Онъ помнилъ наизусть имена всѣхъ мѣстностей и, очевидно, такъ легко запоминалъ ихъ и такъ краснорѣчиво описывалъ, что въ душѣ моей возникло подозрѣніе.

Впрочемъ, я не буду говорить, каково было это подозрѣніе; приведу лучше разсказъ самого джентльмена.

— На десять миль выше Виноны находится городъ Фонтенъ, Fountain City, куда мы и должны прiѣхать. Онъ расположенъ у подножія высокаго утеса, напоминающаго своей формой остроконечную стрѣлу. Утесъ этотъ вершиною утопаетъ въ небесной глубинѣ и тамъ къ нему прикасаются крылья ангеловъ. Затѣмъ,—продолжалъ онъ,—мы плывемъ по серебристой водѣ среди роскошной природы. Наши сердца наполняются радостнымъ умиленіемъ и необычайнымъ восторгомъ. Такимъ образомъ мы проходимъ двѣнадцать миль до горы Вернонъ, достигающей шестисотъ футовъ вышины. На этой горѣ покоятся руины когда-то славнаго и роскошнаго отеля, построеннаго чуть ли не на самыхъ облакахъ. Эти развалины представляютъ собою единственный остатокъ города, когда-то цвѣтущаго, но теперь совершенно исчезнувшаго. Затѣмъ мы все продолжаемъ двигаться впередъ и проходимъ Чимней-Рокъ. Эта скала имѣетъ также шестьсотъ футовъ вышины. Затѣмъ мы причалили у Меніеска, и невольно взоры наши были привлечены чудной картиной,—это былъ высокій мысъ, поднимающійся на пятьсотъ футовъ. Эта гора представляетъ собою правильную длинную пирамиду; форма ея совершенно коническая, всѣ склоны покрыты густымъ лѣсомъ, а вершина также пирамидальная внушаетъ благоговѣніе къ дивнымъ созданіямъ природы. Съ ихъ высоты, на которыхъ захватываетъ духъ и кружится голова, передъ вами разстилается чудный видъ на лѣса, холмы и долины на нѣсколько десятковъ миль въ окружности. Какая рѣка своими красотами можетъ сравниться съ этимъ роскошнымъ ландшафтомъ, лежащимъ у вашихъ ногъ, который виденъ вамъ съ этой небывалой вышины. Дѣвственная дикость этихъ мѣстъ, уединеніе и тишина наводятъ невольно на величественныя мысли и на возвышенныя чувства, которыя охватываютъ васъ неизреченнымъ изумленіемъ и на всю жизнь остаются въ вашей душѣ.

Далѣе мы видимъ Голову Льва и Голову Львицы, которыя высѣчены изъ камня рукой самой природы, чтобы украсить эту мѣстность и всю лежащую передъ ней рѣку.

Во всю ширину рѣки передъ вами разстилается чудный видъ. Тутъ есть холмы, покрытые лѣсомъ до самой вершины, есть и равнины, между которыми особенно славится знаменитая Вабаска—„городъ святыхъ водъ“, гдѣ многіе больные получаютъ исцѣленіе, а дальше лежитъ несравненное озеро Пепинъ, столь прекрасное, что туристъ не можетъ оторвать отъ него своихъ восхищенныхъ взоровъ.

Такимъ образомъ мы двигаемся все дальше. Въ назначенное время мы достигаемъ славныхъ вершинъ „Сахарной Головы“ и „Скалы Дѣвы“. Нѣкоторые суевѣрные люди, романтически настроенные, увѣряютъ, что здѣсь иногда слышится чей-то голосъ; говорятъ, что кто въ сумракѣ подъѣзжаетъ къ этой скалѣ, тотъ слышитъ звуки нѣжной музыки, слышитъ напѣвы давно погибшей Виноны, любимицы индѣйцевъ, о которой часто упоминается въ ихъ легендахъ и пѣсняхъ.

Фронтенекъ, который виденъ среди тумана, также привлекаетъ взоры туристовъ, въ особенности лѣтомъ. Далѣе слѣдуетъ Редъ-Вингъ, т.-е. „Красное Крыло“, а еще далѣе „Брильянтовая Гора“. Въ особенности производитъ впечатлѣніе эта послѣдняя скала, отличающаяся своимъ величавымъ уединеніемъ. Далѣе идетъ Прескотъ и Сенъ-Круа—„Гора святого креста“. Еще далѣе появляются зданія и колокольни Сенъ-Поля, этого южнаго вождя сѣвера, идущаго гигантскими шагами по пути прогресса, этого хоругвеносца высшей современной культуры, пробивающаго путь съ сѣкирою въ рукѣ, посредствомъ разныхъ коммерческихъ предпріятій онъ искореняетъ всякое невѣжество, темноту, преступленія и деспотизмъ...

Тутъ я перебилъ его и спросилъ:

— А что, вы всегда путешествуете съ панорамой?

— Да, я прежде занимался этимъ.

Мое подозрѣніе совершенно оправдалось.

— Вы и до сихъ поръ путешествуете такимъ образомъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, я оставилъ этотъ промыселъ до болѣе благопріятнаго сезона. Я надѣюсь собрать хорошій матеріалъ, чтобы издать спутникъ туриста, который будетъ напечатанъ одной компаніей книгопродавцевъ Сенъ-Луи, спеціально для путешественниковъ, которые ѣдутъ по этой желѣзнодорожной линіи.

— Вы упомянули о давно погибшей Винонѣ, объ этой любимицѣ индѣйцевъ, имя которой встрѣчается въ ихъ пѣсняхъ и преданіяхъ, не она ли — эта „Дѣва Скалы“ или же это два разныхъ существа, соединенныхъ въ одной легендѣ?

— Да, эта легенда чрезвычайно трагическая и страшная, — сказалъ онъ. — Это самая знаменитая, самая патетическая и трогательная изъ всѣхъ легендъ на Миссисипи.

Мы просили его разсказать ее. Онъ исполнилъ охотно наше желаніе, и вотъ что онъ разсказалъ намъ:

— Недалеко отъ Лекъ-Сити,—началъ джентльменъ,—возвышается знаменитая скала, извѣстная подъ именемъ „Скалы Дѣвы"; теперь это ни болѣе ни менѣе, какъ красивое мѣстечко, славящееся своими живописными ландшафтами, но оно интересно также благодаря тому событію, отъ котораго получило свое имя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ это мѣсто было любимымъ убѣжищемъ для индѣйскаго племени Сіу, такъ какъ здѣсь они находили обильную добычу на охотѣ и въ рыбной ловлѣ. Здѣсь всегда было много индѣйцевъ, и ихъ всегда можно было встрѣтить здѣсь. Они пріѣхали сюда только на время. И вотъ между ними была одна семья, принадлежавшая къ племени Вабаско. *Венона* (перворождная) это было имя одной дѣвушки, обѣщавшей выйти замужъ за юношу, принадлежавшаго къ ея племени, но жестокіе родители хотѣли отдать ее насильно за другого знаменитаго воина. День свадьбы былъ уже назначенъ, и Винона согласилась на просьбы родителей и рѣшилась пойти на гору, чтобы нарвать цвѣтовъ для предстоящаго обряда бракосочетанія. Она взошла на самую вершину и оттуда стала упрекать родителей въ ихъ жестокосердіи. Затѣмъ она спѣла погребальную пѣсню и, бросившись съ вершины, задавила *ихъ* на-смерть.

— Кого раздавила на-смерть? — спросилъ я. — Родителей?

— Да, да, родителей! Это, дѣйствительно, ужасное происшествіе, трагическій поступокъ, какъ вы сами это видите.

На рѣкѣ Миссисипи насчитываютъ около пятидесяти различныхъ вершинъ, которыя носятъ названіе „Прыжокъ влюбленныхъ". Съ этихъ вершинъ бросилась та или другая несчастная влюбленная дѣвушка, принужденная родителями выйти за нелюбимаго человѣка. Въ остальныхъ случаяхъ дѣвицы эти гибли, а въ этомъ случаѣ она погубила родителей, такъ что легенда разрѣшилась вполнѣ справедливой развязкой. Но, можетъ-быть, вы спросите, что же стало съ самой Виноной? Она долго была въ неутѣшномъ горѣ отъ своего трагическаго поступка, но потомъ пришла въ себя и удалилась изъ этого фатальнаго мѣста; потомъ она отыскала своего милаго и вышла за него замужъ. Они уѣхали въ отдаленный округъ, гдѣ были очень счастливы, хотя она нерѣдко плакала и горевала, что такая трагическая развязка лишила ее материнской любви и отеческой защиты.

Нашъ разсказчикъ замѣтилъ, что почти всѣ индѣйскія легенды похожи одна на другую, и что всѣ эти мѣста изобилуютъ подобными разсказами. Между прочимъ, онъ замѣтилъ, что мистеръ Скулькрафтъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ собралъ и издалъ нѣсколько лучшихъ индѣйскихъ сказаній, но, вѣроятно, теперь эта книга уже не существуетъ въ продажѣ, такъ какъ она вся разошлась въ этомъ изданіи. Особенно интересна легенда, касающаяся Гіаваты. Мистеръ Лонгфелло могъ бы съ большимъ успѣхомъ переложить эти легенды въ стихи. Между прочимъ, старый джентльменъ упомянуль также о легендѣ „Мертвая Голова", которую, впрочемъ, онъ плохо помнилъ, поэтому совѣтовалъ мнѣ достать книгу Скулькрафта, рекомендуя прочесть ее и говоря, что я тамъ найду много интереснаго матеріала.

Впослѣдствіи я нашелъ эту книгу. Джентльменъ былъ совершенно правъ: нѣкоторыя изъ собранныхъ тамъ легендъ, дѣйствительно, чрезвычайно интересны, а въ особенности двѣ изъ нихъ, а именно, „Пибонъ и Зигвунъ", а другая „Не умирающая Голова". Первую изъ нихъ я приведу здѣсь, ее пріятно читать въ оригинальной формѣ, безъ всякихъ прикрасъ. Эта первобытная поэма невольно производитъ впечатлѣніе даже безъ всякихъ украшеній, которыя придаютъ поэтическій ритмъ и риѳму.

Вотъ одна изъ этихъ легендъ, называемая Пибонъ и Зигвунъ.

Однажды одинъ старикъ сидѣлъ одиноко въ своей хижинѣ, на берегу замерзшей рѣки. Зима приближалась къ концу, и у него почти совсѣмъ вышло топливо. Старикъ казался очень дряхлымъ и въ полномъ отчаяніи; волоса его посѣдѣли отъ старости, а всѣ его суставы тряслись. День за днемъ онъ проводилъ въ полномъ уединеніи, не слыша ничего, кромѣ порывовъ бури, которая вздымала цѣлыя облака недавно выпавшаго снѣга.

Однажды, когда костеръ его совсѣмъ угасъ, на порогѣ хижины появился молодой юноша; глаза его сіяли, а на устахъ была улыбка, въ рукахъ горѣла яркая свѣча, озарившая всю хижину. Подойдя къ старику, онъ остановился.

— Сынъ мой, — сказалъ старикъ, — я очень счастливъ, что вижу тебя здѣсь, въ моемъ жилищѣ. Разскажи, *что* ты видѣлъ въ иноземныхъ краяхъ? Проведемъ вмѣстѣ эту ночь, а я разскажу тебѣ о моихъ подвигахъ, о храбрости и обо всемъ, что мнѣ удалось исполнить. Мы забавимъ другъ друга своими разсказами.

Съ этими словами старикъ вынулъ изъ мѣшка старинную трубку странной формы, и, наполнивъ ее табакомъ, насыпалъ смѣси изъ разныхъ сушеныхъ листьевъ и подалъ гостю. Потомъ онъ продолжалъ:

— Когда я подую, рѣка останавливаетъ свое теченіе, и вода становится твердой, какъ камень!

— А когда я подую, — отвѣчалъ юноша, — всѣ поля и луга покрываются пышнымъ цвѣтомъ.

— Когда я потрясу своими сѣдыми кудрями, земля покрывается снѣгомъ, листья съ деревьевъ падаютъ по моему произволу и мое студеное дыханіе гонитъ ихъ далеко, далеко. Птицы также улетаютъ въ отдаленныя страны, всѣ животныя прячутся отъ моего дыханія, земля мерзнетъ и становится тверже камня!

— А я какъ встряхну моими кудрями, — возразилъ юноша, — на землю падаетъ теплый благодатный дождь, растенія словно выползаютъ изъ земли, они выглядываютъ изъ почвы, словно глазки мотылька, съ наслажденіемъ взирая на свѣтъ Божій. Мой голосъ созываетъ къ себѣ лѣсныхъ птицъ и звѣрей, отъ моего теплаго дыханія ледъ растопляется въ рѣкахъ, и снова текутъ оттаявшіе потоки. Вездѣ, гдѣ я прохожу, раздаются звуки сладкой музыки, вся природа радуется и торжествуетъ.

Вся ночь прошла въ этихъ разговорахъ, и солнце заиграло яркими лучами, по всей землѣ разлилось тепло. Старикъ началъ умолкать понемногу и, наконецъ, совсѣмъ умолкъ. На кровлѣ его жилища послышалось пѣніе птицъ, а у порога хижины вновь зажурчалъ потокъ, и земля стала украшаться свѣжей зеленой травой.

При дневномъ свѣтѣ юноша понялъ, кто былъ его собесѣдникъ. Взглянувъ на него пристально, онъ узналъ ледяное лицо Пибона (зима). Цѣлый потокъ лился изъ очей старика и по мѣрѣ того, какъ солнце подымалось все выше и выше, все его тѣло таяло понемногу, становилось все меньше, и, наконецъ, онъ совершенно исчезъ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ была его хижина, остался только маленькій цвѣтокъ, бѣлый цвѣтокъ съ розовой каемкой, одно изъ самыхъ раннихъ растеній этой мѣстности, онъ называется Мискодидъ.

„Не умирающая Голова“ представляетъ собою отдѣльный разсказъ, полный разныхъ перипетій, происшествій, чудесныхъ событій, такъ что очень трудно его изложить въ короткихъ словахъ.

XXIX.

Заключеніе.

Наконецъ мы достигли Сенъ-Поля, и въ этомъ пунктѣ окончилось наше путешествіе по Миссисипи. Этотъ городъ служитъ крайнимъ пунктомъ, откуда начинается навигація. Отъ Новаго

Орлеана до Сенъ-Поля мы проѣхали двѣ тысячи миль; весь этотъ путь мы прошли на пароходѣ въ десять дней. Если бы мы ѣхали по желѣзной дорогѣ, то, вѣроятно, употребили бы менѣе времени на этотъ переѣздъ, такъ какъ отъ Сенъ-Луи до Ганнибала (разстояніе въ сто двадцать миль) по желѣзной дорогѣ можно проѣхать въ семь часовъ.

Осень уже приближалась. Когда мы прибыли въ Новый Орлеанъ, розы и магноліи начали осыпаться и вянуть, въ Сенъ-Полѣ былъ снѣгъ. Въ Новомъ Орлеанѣ намъ случилось наблюдать, не дуетъ ли сухой вѣтеръ съ сосѣдняго кратера, а здѣсь обыкновенно наблюдаютъ за состояніемъ ледниковъ.

Эти подробности, касающіяся статистики, я привелъ не затѣмъ, чтобы удивить кого-нибудь, а только для того, чтобы указать, какая разница существуетъ между климатами двухъ мѣстъ, лежащихъ на разныхъ параллельныхъ кругахъ, на разстояніи двухъ тысячъ миль другъ отъ друга! И это очень естественно! Мнѣніе мое я буду поддерживать, несмотря на увѣренія нѣкоторыхъ газетъ. Такъ, въ одной изъ нихъ разсказывается, словно о какомъ-то чудѣ, съ прибавленіемъ множества восклицательныхъ знаковъ, что въ то время, когда на сѣверѣ, въ февралѣ мѣсяцѣ, приходится замерзать отъ снѣга и мороза, на югѣ начинаютъ цвѣсти фруктовыя деревья, и весна вступаетъ въ свои права. Конечно, объ этомъ можно упомянуть ради курьеза, но повторять это постоянно изъ года въ годъ— пріемъ довольно сомнительный, и газета только можетъ потерять въ своемъ интересѣ для читателей, если она будетъ говорить одно и то же.

Однако я уклонился отъ темы и потому возвращаюсь къ ней. Сенъ-Поль—удивительный городъ! Такъ, множество большихъ, величественныхъ зданій, но видъ ихъ здѣсь какой-то странный. Тутъ есть почтамтъ, построенный тридцать шесть лѣтъ назадъ. Про перваго почтмейстера въ Сенъ-Полѣ разсказываютъ необыкновенную исторію, а именно: будто бы пр' полученіи письма онъ отправлялся верхомъ въ Вашингтонъ, чтобы справиться, *что* ему дѣлать съ этимъ письмомъ. Два самые крайніе пункта въ Сенъ-Полѣ построены въ настоящемъ году. Относительно населенія города мѣстныя газеты, въ особенности „Пресса Піонеровъ", приводятъ нѣкоторыя подробности: въ 1882 году осенью населеніе достигало 71.000; число полученныхъ писемъ за первую половину этого года доходило до 1.209.387; за послѣдніе три четверти года построено новыхъ домовъ 989, и стоимость ихъ опредѣляется въ 3.186.000 долларовъ. За послѣдній годъ всѣ эти вновь выстроенные дома увеличили городской доходъ на 4.500.000 долларовъ. Главная

сила Сенъ-Поля заключается въ его торговыхъ оборотахъ, этотъ городъ можно вполнѣ назвать мануфактурнымъ; за послѣдній годъ (1881) его торговый оборотъ достигалъ цифры 52.000.000 долларовъ.

Въ городѣ есть таможня; есть также красиво выстроенный и дорого стоившій „капитолій", построенный на мѣстѣ прежняго, который давно сгорѣлъ. Городъ этотъ считается главнымъ пунктомъ въ штатѣ. Здѣсь не мало также богатыхъ церквей красивой архитектуры; деньги на постройку ихъ пожертвованы богатыми протестантами. Есть также школы и библіотеки. Въ Сенъ-Полѣ насчитывается три публичныхъ библіотеки и общее число книгъ въ нихъ простирается до сорока тысячъ томовъ. Школъ же всѣхъ болѣе сотни, и городъ издерживаетъ ежегодно около 70.000 на уплату жалованья учителямъ и наставникамъ.

Станція желѣзной дороги снабжена роскошно устроеннымъ вокзаломъ; вокзалъ этотъ необыкновенно великъ. Городъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, около семисотъ футовъ выше уровня моря. Изъ любой изъ его улицъ можно любоваться прекраснымъ видомъ на всю окрестность. Пріятно думать, что первымъ піонерамъ цивилизаціи и культуры и ея вожаковъ были вовсе ни желѣзныя дороги, ни газеты, ни журналы, ни воскресныя школы, ни даже миссіонеры; нѣтъ, цивилизація здѣсь возникла и распространилась благодаря *виски*. Это было дѣйствительно такъ. Если вы вникнете въ дѣло, то убѣдитесь, что это правда. Миссіонеры прибыли сюда уже послѣ того, какъ *виски* сдѣлало свое дѣло; когда они пріѣхали, виски была уже давно извѣстна между жителями. Вслѣдъ за виски обыкновенно является бѣдный эмигрантъ съ топоромъ въ рукахъ, съ заступомъ и косой. Вслѣдъ за нимъ приходитъ торговецъ, потомъ разный сбродъ отовсюду, потомъ разные субъекты, шуллера, самые отчаянные люди, которымъ жилось на родинѣ плохо, составляющіе подонки общества, потомъ являются бойкіе и расторопные покупщики, пріобрѣтающіе землю за самую ничтожную сумму, потомъ приходятъ покупатели-арендаторы, поселенцы, наконецъ возникаетъ и мѣстная газета, толкующая о цивилизаціи, о желѣзныхъ дорогахъ, о мѣстныхъ нуждахъ. Люди принимаются за трудъ, воздвигаютъ церкви и, наконецъ, тюрьму. Тутъ уже можно сказать, что цивилизація окончательно водворилась, и во всемъ этомъ главнымъ двигателемъ и руководителемъ была *виски*. И этотъ піонеръ появился на этомъ мѣстѣ, гдѣ построенъ Сенъ-Поль, въ 1837 году. Одинъ житель Канады, по имени Пьеръ Парранъ, построилъ первую хижину и началъ продавать виски индѣйцамъ, и вотъ каковы получились результаты отъ этой первобытной торговли!

Все, что сказано мною о процвѣтаніи торговли, о быстромъ прогрессѣ и благоденствіи въ Сенъ-Полѣ, можно повторить и относительно другого города, сосѣдняго съ нимъ *Миннеаполиса*, нужно только прибавить, что послѣдній городъ нѣсколько обширнѣе перваго.

Оба города находятся на разстояніи десяти миль одинъ отъ другого, но они очень быстро расширяются, такъ что, вѣроятно, вскорѣ сольются въ одномъ общемъ управленіи и будутъ имѣть одного и того же мэра. Когда они соединятся такимъ образомъ, то населеніе ихъ возрастетъ до 250 тысячъ, если только ихъ ростъ будетъ совершаться въ такой же прогрессивной мѣрѣ, какъ и теперь, и тогда трудно будетъ сказать, гдѣ начинается одинъ городъ и гдѣ кончается другой. И вотъ такимъ-то образомъ нужно ожидать, что этотъ центръ населенія, построенный въ началѣ навигаціи на Миссисипи, будетъ со временемъ соперничать по числу жителей съ другимъ крупнымъ центромъ, находящимся въ томъ пунктѣ, гдѣ эта навигація прекращается, то-есть съ Новымъ Орлеаномъ

Миннеаполисъ расположенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Святого Антонія впадаетъ въ Миссисипи. Водопадъ этой рѣки пересѣкаетъ самую рѣку поперекъ, паденіе равно 82 футамъ. Сила этого паденія примѣняется для промышленныхъ цѣлей; хотя это и полезно, но, съ другой стороны, очень жаль, такъ какъ бурный водопадъ потерялъ всю свою прежнюю прелесть, и мы уже лишены этого величаваго зрѣлища дикой природы.

Водопадъ приводитъ въ движеніе шестьдесятъ водяныхъ мельницъ, которыя перемалываютъ ежедневно около двухъ милліоновъ тоннъ самаго лучшаго зерноваго хлѣба; около двадцати лѣсопильныхъ заводовъ, приводимыхъ въ дѣйствіе этимъ же самымъ водопадомъ, доставляютъ до двухсотъ милліоновъ квадратныхъ футовъ пиленыхъ досокъ. Есть также особыя мельницы для шерсти, для хлопчатой бумаги, для писчей бумаги, для растительнаго масла. Есть мастерскія для выработки гвоздей, бочекъ и всевозможныхъ подобныхъ издѣлій. Какъ въ Сенъ-Полѣ, такъ и здѣсь мукомольныя мельницы примѣняютъ новый способъ, онѣ вальцуютъ зерна, а не мелютъ.

Въ Миннеаполисѣ находится пунктъ соединенія шестнадцати желѣзнодорожныхъ вѣтвей, и по этимъ линіямъ ежедневно пріѣзжаетъ и уѣзжаетъ около 65 тысячъ пассажировъ. Здѣсь такъ же, какъ и въ Сенъ-Полѣ, процвѣтаетъ журнальная пресса; здѣсь выходятъ три большихъ ежедневныхъ газеты, десять еженедѣльныхъ изданій и три ежемѣсячныхъ журнала.

Есть также и университетъ, гдѣ обучается четыреста студентовъ. Нужно замѣтить, что городъ, стараясь распространить

просвѣщеніе, не ограничивается одними только мужчинами, заботы его простираются и на женскій полъ. Здѣсь устроено шестнадцать публичныхъ школъ, постройка которыхъ обошлась въ пятьсотъ тысячъ долларовъ. Въ нихъ насчитывается около шести тысячъ учениковъ и учеництъ, около ста тридцати учителей и учительницъ. Въ городѣ есть церкви, числомъ до семидесяти, и, кромѣ того, нѣсколько церквей находятся въ проектѣ. Оборотный капиталъ мѣстныхъ банковъ достигаетъ трехъ милліоновъ долларовъ, а ежегодный торговый оборотъ всего года—до пятидесяти милліоновъ долларовъ.

Невдалекѣ отъ Сенъ-Поля и Миннеаполиса лежитъ нѣсколько интересныхъ пунктовъ. Изъ нихъ особенно заслуживаетъ вниманія фортъ Снеллингъ; эта крѣпость занимаетъ прибрежный утесъ, возвышающійся на сто футовъ. Упомяну также о красивомъ водопадѣ Минегага и объ озерѣ Бѣлаго Медвѣдя. Водопадъ этотъ очень извѣстенъ, такъ что описывать его я не стану; озеро Бѣлаго Медвѣдя менѣе извѣстно публикѣ. Здѣсь живутъ лѣтомъ состоятельные люди, переѣзжая сюда на дачу. Здѣсь есть и клубъ, а мѣстный отель снабженъ всѣми современными усовершенствованіями. Лѣтомъ здѣсь очень пріятно и удобно; жители имѣютъ возможность заниматься охотой и рыбной ловлей и совершать пріятныя прогулки. Близъ Сенъ-Поля и Миннеаполиса можно насчитать до дюжины мѣстечекъ, въ которыхъ можно съ удовольствіемъ провести лѣто. Самымъ аристократическимъ мѣстомъ считается „озеро Бѣлаго Медвѣдя“, о которомъ существуетъ особая легенда. Эта легенда излагается въ путеводителѣ; я приведу ее безъ всякихъ комментарій въ томъ видѣ, какъ она помѣщена въ этой книгѣ.

Легенда объ озерѣ Бѣлаго Медвѣдя.

Каждую весну, вотъ уже цѣлое столѣтіе, а быть-можетъ, и съ тѣхъ поръ, какъ тутъ живетъ краснокожая нація, индѣйцы приходятъ на этотъ островъ для собиранія кленоваго сахара.

По словамъ преданія, много лѣтъ назадъ тутъ жилъ одинъ воинъ, полюбившій дочь своего вождя и поклявшійся ей въ вѣрности. Дѣвушка отвѣчала ему полной взаимностью, но родители не хотѣли согласиться на ихъ счастіе. Старый вождь находилъ, что этотъ воинъ недостаточно храбръ, а его жена говорила, что влюбленный юноша не болѣе какъ баба.

Однажды, когда садилось солнце, и луна начала уже выплывать на темное небо, юный воинъ, взявъ свирѣль, вышелъ въ поле и сталъ пѣть свою любимую пѣсню о любви. Перья на его головномъ уборѣ колыхались при дуновеніи легкаго вѣтерка. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ сѣлъ у стараго дерева и, поднеся свирѣль къ губамъ, началъ играть свою пѣсню. Въ это

время покрывало соскользнуло съ плеча и упало на снѣгъ; онъ хотѣлъ было поднять его, но чья-то невидимая рука накинула его ему на плечи. Эта рука принадлежала его возлюбленной; она была его ангеломъ-хранителемъ. Дѣвушка сѣла подлѣ него, и они были счастливы. Далѣе въ легендѣ говорится, что бѣлый медвѣдь, воображавшій, что повсюду зима, какъ въ полярныхъ странахъ, предпринялъ путешествіе на югъ. Онъ дошелъ до озера, носящаго теперь его имя, и по глубокому снѣгу добрался до острова. Но наши влюбленные оставили свой прежній пріютъ и укрылись на вѣтвяхъ громаднаго вяза, склонившагося надъ водой (это самое дерево и до сихъ поръ стоитъ на томъ же мѣстѣ и возбуждаетъ всеобщее любопытство и интересъ). Влюбленные боялись быть открытыми и потому говорили шопотомъ. Когда пришло время вернуться домой, дѣвушка спустилась съ дерева, но въ ту же минуту раздался страшный крикъ, который услыхали индѣйцы. Дѣвушка оступилась, запуталась въ покрывалѣ, и, упавъ, попала прямо въ объятія медвѣдя. На ея крикъ собрались индѣйцы, мужчины, женщины и дѣти, но помочь они не могли, такъ какъ были безоружны; они только стояли и кричали, выражая этимъ свое горе и безсиліе. Между тѣмъ бѣлое чудовище держало ее въ своихъ страшныхъ лапахъ. Вдругъ раздался ужасный, оглушительный крикъ. Воинъ, сидѣвшій на деревѣ, бросился спасать свою возлюбленную и, схвативъ ножъ, однимъ прыжкомъ очутился около медвѣдя. Тогда медвѣдь замахнулся своей косматой лапой и повалилъ ихъ обоихъ на землю. Однакоже юношѣ удалось вонзить свой ножъ въ сердце медвѣдя и убить его на мѣстѣ.

Въ эту ночь никто не спалъ, всѣ индѣйцы собрались и радостно плясали вокругъ трупа убитаго звѣря. Теперь воинъ доказалъ свою храбрость, и раньше, чѣмъ взошла слѣдующая луна, онъ уже имѣлъ возможность открыто прижать къ своему сердцу свою возлюбленную. Такимъ образомъ они соединились узами любви, и дѣти ихъ еще долго играли на шкурѣ бѣлаго медвѣдя, а озеро получило отъ него свое имя. *Кис-си-мена* и *Ка-го-ка* всю жизнь не могли забыть страшнаго звѣря, благодаря которому они соединились неразрывными узами, хотя этотъ звѣрь чуть было не отправилъ ихъ въ лучшій міръ.

Вся эта легенда представляетъ собою нѣчто странное: дѣвушка падаетъ съ дерева, покрывало также падаетъ, медвѣдь хватаетъ ее и ласкаетъ, воинъ бѣжитъ къ хижинѣ, беретъ ножъ, лѣзетъ на дерево, прыгаетъ на медвѣдя! Но представьте себѣ положеніе дѣвушки въ объятіяхъ медвѣдя, вмѣстѣ съ покрываломъ. Возлюбленный вонзаетъ свой ножъ въ медвѣдя

и спасаетъ—*кого?* ее или покрывало? Объ этомъ сказано не ясно. Быть-можетъ, переживая всю эту сцену, вы волнуетесь о судьбу покрывала, и, когда вы ожидаете развязки, васъ оставляютъ въ невѣдѣніи! Но, сколько бы вы ни старались добиться, вы такъ и не узнаете, кому досталось знаменитое *покрывало*. Любой мертвецъ сумѣетъ написать легенду получше этой; конечно, не недавно умершій, а такой, который скончался недѣлю или двѣ тому назадъ!

Отсюда мы сѣли на поѣздъ и поѣхали домой. Черезъ нѣсколько часовъ мы очутились въ Чикаго, этомъ удивительномъ городѣ, гдѣ постоянно гоняются за духами и преслѣдуютъ какія-то невозможныя, недостижимыя цѣли. Этотъ городъ представляетъ собою постоянную новость, онъ вѣчно измѣняется, и всякій разъ вы не узнаете того Чикаго, который видѣли въ предыдущій пріѣздъ.

Пенсильванская желѣзная дорога привезла насъ въ Нью-Йоркъ безъ остановокъ на пути, и въ этомъ пунктѣ окончилось мое путешествіе на протяженіи пяти тысячъ миль,—это пріятное путешествіе, какого раньше я никогда не совершалъ.

КОНЕЦЪ.

Маркъ Твэнъ.

Искры американскаго юмора.

Очерки и разсказы.

Переводъ В. Готвальта.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1907.

Мои часы.

Поучительная маленькая исторiя.

Мои превосходные новые карманные часы вѣрой и правдой служили мнѣ полтора года. За все это время они не отставали и не бѣжали впередъ, они ни разу не остановились и не были въ починкѣ. Я считалъ ихъ положительно непогрѣшимыми и былъ убѣжденъ въ томъ, что весь ихъ организмъ неразрушимъ. Случилось, однако, что я забылъ ихъ завести, и ночью они остановились. Это меня такъ разстроило, будто въ этомъ было какое-нибудь предзнаменованiе, пророчество бѣдъ и несчастiй. Но постепенно я успокоился, поставилъ часы „по усмотрѣнiю" и отогналъ отъ себя мрачныя предчувствiя. На другой день я зашелъ въ первый попавшiйся часовой магазинъ въ городѣ, чтобы попросить поставить мои часы по вѣрному времени. Часовщикъ взялъ ихъ у меня изъ рукъ и перевелъ стрѣлку. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Часы отстаютъ на четыре минуты. Надо передвинуть регуляторъ.

Я старался удержать его, старался объяснить ему, что мои часы ходятъ безукоризненно. Все было напрасно. Этотъ идiотъ видѣлъ и понималъ только то, что часы отстали на четыре минуты и что поэтому надо передвинуть регуляторъ; пока я въ испугѣ плясалъ вокругъ его стола и умолялъ оставить мои часы въ покоѣ, онъ съ злораднымъ наслажденiемъ совершилъ свое ужасное дѣло. И вотъ мои часы побѣжали впередъ. Съ каждымъ днемъ они бѣжали все быстрѣе и быстрѣе. И не прошло еще недѣли, какъ часы уже захворали тяжелой формой горячки, пульсъ ихъ бился со скоростью ста пятидесяти. Черезъ два мѣсяца мои бѣдные часы оставили далеко за собой всѣ другiе часы въ городѣ и опередили календарь дней на тринадцать. Они уже бѣжали по ноябрю и радовались первому снѣгу въ то время, какъ на деревьяхъ еще трепетала октябрьская листва. Я бѣжалъ за часами, путался въ расплатахъ за квартиру, въ оплатѣ счетовъ и, наконецъ, выбился изъ силъ.

Я снесъ часы къ часовщику въ починку. Онъ спросилъ меня, чинилъ ли я ихъ когда-нибудь раньше.

— Нѣтъ, — сказалъ я, — до сихъ поръ въ этомъ не было никакой надобности.

Тогда въ его глазахъ блеснуло злорадство. Онъ жадно открылъ крышки часовъ, зажалъ въ правый глазъ какой-то стаканчикъ и погрузился въ разсматриваніе механизма. Черезъ нѣкоторое время онъ заявилъ, что часы надо почистить, смазать и урегулировать.

— Зайдите черезъ недѣльку, — добавилъ онъ.

Я зашелъ черезъ недѣльку. Послѣ чистки, смазки и регулированія мои часы стали ходить все тише и тише и, наконецъ, ихъ маятникъ сталъ стучать такъ же медленно, какъ маятникъ башенныхъ часовъ. Мнѣ не удавалось поспѣть на поѣздъ, когда надо было ѣхать; я опаздывалъ на дѣловыя свиданія и не попадалъ къ обѣду. Постепенно я возвратился ко вчерашнему дню, затѣмъ къ прошлой недѣлѣ. Мои часы неуклонно растягивали три дня на четыре и не обращали на мои протесты ровно никакого вниманія. Наконецъ я отсталъ отъ человѣчества недѣли на полторы и увидѣлъ себя совершенно одинокимъ. Мнѣ показалось, что у меня въ груди зашевелилось нѣчто въ родѣ родственнаго чувства къ муміямъ, хранящимся въ музеяхъ, и родилось желаніе вступить съ ними въ разговоръ. Я опять пошелъ къ часовщику. Онъ на моихъ глазахъ разобралъ часы по колесикамъ и потомъ заявилъ, что цилиндръ „распухъ".

— Черезъ три дня часы будутъ въ порядкѣ.

Черезъ три дня часы стали ходить приблизительно хорошо. Я говорю „приблизительно", потому что они имѣли обыкновеніе полсутокъ летѣть впередъ съ головокружительной скоростью, при чемъ они такъ пыхтѣли, шипѣли, сопѣли и чихали, что я не слышалъ своихъ собственныхъ мыслей. За это время ихъ не могли бы догнать ни одни часы въ мірѣ. Но зато въ теченіе второй половины сутокъ часы постепенно переходили въ такое состояніе апатіи, что ихъ свободно догоняли тѣ часы, которыхъ они раньше перегнали. Благодаря такой остроумной системѣ, къ концу сутокъ мои часы приходили какъ разъ во-время вмѣстѣ со всѣми другими часами. Словомъ, въ общемъ мои часы проходили сутки не быстрѣе и не медленнѣе, чѣмъ всѣ другіе часы, и ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не могъ бы сказать, что они не отвѣчаютъ своему назначенію. Однако такая система, при всемъ ея остроуміи, представляетъ собою для часовъ весьма сомнительную добродѣтель, а потому я снова отправился къ часовщику. Онъ нашелъ, что

сломана ось. Я ему выразилъ свою радость по поводу того, что съ часами не случилось ничего болѣе серьезнаго. Откровенно говоря, я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія объ этой оси, но мнѣ не хотѣлось выказать передъ посторонним человѣкомъ свое невѣжество.

Часовщикъ починилъ ось, но то, что они отъ этого выиграли съ одной стороны, они проиграли съ другой. Дѣло въ томъ, что теперь они ходили нѣкоторое время, потомъ вдругъ останавливались. Отдохнувъ немного, они снова пускались въ путь, при чемъ дѣлали это вполнѣ по своему усмотрѣнію. И всякій разъ, когда часы начинали итти, они „отдавали назадъ“, какъ плохое ружье. Нѣсколько дней я носилъ подъ жилетнымъ карманомъ небольшую подушку, чтобы защитить себя отъ ударовъ, но потомъ мнѣ это надоѣло и я снова пошелъ къ часовщику.

Онъ разобралъ мои часы на мелкіе кусочки, долго передвигалъ ихъ подъ увеличительнымъ стекломъ и, наконецъ, нашелъ какую-то неисправность въ маятникѣ.

Когда онъ снова собралъ часы и завелъ ихъ, они пошли довольно хорошо, кромѣ развѣ того маленькаго неудобства, что каждыя десять минутъ обѣ стрѣлки имѣли обыкновеніе складываться, какъ ножницы, и продолжать путь вмѣстѣ. При этомъ, конечно, величайшій мудрецъ не могъ бы по нимъ узнать, который часъ. Я опять отправился къ часовщику. На этотъ разъ оказалось, что стекло надѣто неправильно, что пружина не въ порядкѣ и еще что-то, чего я теперь уже не припомню. Онъ починилъ часы, и послѣ этого они стали выполнять свои обязанности вполнѣ удовлетворительно, за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ случаевъ, когда, проходивъ спокойно часовъ восемь, они начинали капризничать. Тогда внутри ихъ вдругъ раздавалось жужжаніе, а стрѣлки начинали кружиться съ такой быстротой, что казались сплошнымъ туманнымъ кругомъ.

Однажды, совершивъ такую головокружительную прогулку, стрѣлки вдругъ остановились окончательно, при чемъ внутри часовъ раздался глухой ударъ. Скрѣпя сердце, я опять понесъ ихъ къ часовщику, но на этотъ разъ уже къ другому. Въ то время, когда онъ разбиралъ мои часы, я намѣревался подвергнуть его строгому перекрестному допросу, потому что эта исторія начинала мнѣ серьезно надоѣдать. За часы я заплатилъ двѣсти долларовъ, а за починку переплатилъ чуть ли не двѣ тысячи. Взглянувъ на часовщика попристальнѣе, я вдругъ узналъ въ немъ своего стараго знакомаго, бывшаго пароходнаго механика, и притомъ механика далеко не изъ лучшихъ.

Онъ осмотрѣлъ мои часы съ такимъ же глубокомысліемъ, съ какимъ ихъ осматривали другіе часовщики, и съ такой же самоувѣренностью произнесъ свой приговоръ.

Онъ сказалъ:

— Въ нихъ слишкомъ много пара. Надо немного прикрыть входной вентиль.

Тогда я на мѣстѣ раздробилъ ему черепъ и велѣлъ похоронить его на свой счетъ. Мой дядя Вилльямъ (онъ теперь умеръ, царство ему небесное), обыкновенно говорилъ, что хорошая лошадь хороша только до тѣхъ поръ, пока она слушается возжей, а хорошіе часы хороши только тогда, если они не побывали въ рукахъ часовщика. Тотъ же дядя съ удивленіемъ спрашивалъ, куда дѣваются всѣ тѣ несчастные котельщики, паяльщики, сапожники, механики, слесаря и кузнецы, которымъ не повезло въ ихъ ремеслѣ. Но на этотъ вопросъ никто не могъ отвѣтить дядѣ.

Политическая экономія.

— Политическая экономія представляетъ собою основу всякаго хорошаго правительства. Самые мудрые люди всегда неизмѣнно посвящали ей...

Здѣсь меня прервали и сообщили, что внизу у дверей стоитъ какой-то человѣкъ, который желаетъ со мною переговорить. Я сошелъ внизъ и спросилъ незнакомца, что ему угодно, причемъ все время старался сдерживать бурно несшіяся въ моей головѣ политико-экономическія мысли, грозившія прервать всѣ преграды и выступить изъ береговъ. Въ душѣ я желалъ, чтобы незнакомецъ лежалъ на днѣ канала, подъ какимъ-нибудь тяжелымъ камнемъ. Я весь горѣлъ, а онъ былъ совершенно холоденъ. Онъ сказалъ, что очень извиняется за причиненное мнѣ безпокойство, но что онъ слышалъ, будто мнѣ нужно нѣсколько громоотводовъ.

— Такъ, такъ... продолжайте. Что еще?—воскликнулъ я.

Онъ сказалъ, что ему ничего не нужно, кромѣ какъ поставить эти громоотводы у меня на крышѣ. Я очень мало понимаю въ хозяйственныхъ дѣлахъ. Всю свою жизнь я провелъ въ гостиницахъ и пансіонахъ, а потому, какъ вообще люди съ подобнымъ багажомъ опыта, я стараюсь (передъ посторонними, конечно) казаться опытнымъ хозяиномъ. Поэтому я небрежно сказалъ, что уже давно собираюсь поставить на своей

крышѣ шесть или восемь громоотводовъ. Незнакомецъ встрепенулся и съ заботливымъ вниманіемъ взглянулъ мнѣ въ глаза. Но мой взглядъ былъ ясенъ, какъ солнечный лучъ. Я подумалъ, что если я и сдѣлаю какую-нибудь ошибку, то онъ не долженъ прочесть ее у меня на лицѣ.

Онъ радостно заявилъ, что работу у меня предпочтетъ всякой другой работѣ въ городѣ.

— Превосходно! отвѣчалъ я и бросился отъ него, чтобы снова погрузиться въ политическую экономію. Но онъ удержалъ меня вопросомъ, сколько именно я желаю поставить громоотводовъ, въ какихъ мѣстахъ они должны стоять, и какіе шесты я предпочитаю. Это, конечно, былъ критическій вопросъ для человѣка, который не привыкъ хозяйничать, но я рѣшилъ быть храбрымъ до конца, чтобы онъ не могъ заподозрить во мнѣ новичка. Поэтому я предложилъ ему поставить восемь „шестовъ", всѣ размѣстить на крышѣ, и при этомъ выбрать самый лучшій матеріалъ. На это онъ возразилъ, что „простой" матеріалъ можно поставить по двадцати центовъ за футъ, „обтянутый мѣдью"—по двадцати пяти центовъ, „съ цинковыми пластинками, изогнутый въ видѣ спирали"—по тридцати центовъ. Этотъ изогнутый матеріалъ, по его словамъ, удерживаетъ молнію въ любой моментъ, независимо отъ того, куда она направляется, онъ „предупреждаетъ ея намѣреніе и дѣлаетъ ея дальнѣйшее движеніе апокрифическимъ". Я сказалъ, что „апокрифическимъ" очень хорошее слово, особенно имѣя въ виду его происхожденіе, однако исключительно съ филологической точки зрѣнія, но что мнѣ больше нравится матеріалъ, изогнутый въ видѣ спирали. Поэтому я предложилъ ему поставить мнѣ этотъ матеріалъ. Тогда онъ заявилъ, что можно обойтись двумястами пятьюдесятью футами матеріала, но если работать вполнѣ добросовѣстно и создать лучшіе громоотводы въ городѣ, вызвать восторгъ справедливыхъ и несправедливыхъ, заставить всѣ партіи признать, что онѣ никогда, съ тѣхъ поръ, какъ на землѣ существуютъ громоотводы, не видали болѣе симметричной и гипотетичной системы громоотводовъ, то, пожалуй, пойдутъ и всѣ четыреста футовъ, хотя онъ, конечно, постарается по возможности быть экономнымъ. Я попросилъ его поставить всѣ четыреста футовъ и создать самые удивительные громоотводы, но только оставить меня при этомъ въ покоѣ и не мѣшать работать. Наконецъ я отъ него отдѣлался. Около получаса мнѣ еще понадобилось, чтобы направить потокъ моихъ политико-экономическихъ мыслей въ надлежащее русло, и послѣ этого я могъ продолжать:

— ...самыя богатыя сокровища своего генія, свой жизненный опытъ и свои знанія. Великія свѣтила науки о торговомъ правѣ, представители идеи международнаго братства, философы всѣхъ вѣковъ, всѣхъ цивилизацій и націй, отъ Заратустры до Гораца Грили..

Здѣсь меня снова прервали и попросили сойти внизъ, чтобы еще разъ переговорить съ громоотводчикомъ. Я побѣжалъ внизъ. Во мнѣ кипѣли и бурлили дивныя мысли, облеченныя въ такія величественныя слова, что каждое изъ нихъ состояло изъ внушительной процессіи слоговъ. И вотъ мы опять стояли другъ противъ друга, онъ—спокойный и вѣжливый, я—лихорадочно возбужденный. Онъ стоялъ въ удобной позѣ Родосскаго колосса. Одна его нога придавила мои нѣжныя туберозы, а изъ-подъ другой выглядывали анютины глазки. Его шляпа была сдвинута на затылокъ, одинъ глазъ прищуренъ, а другой критически и съ видимымъ наслажденіемъ оглядывалъ среднюю трубу на моей крышѣ. Онъ сказалъ, что здѣсь все обстоитъ настолько хорошо, насколько только можно пожелать, и добавилъ:

— Судите сами, видѣли ли вы когда-либо что-нибудь болѣе живописное, чѣмъ *восемъ* громоотводовъ на *одной* трубѣ?

Я отвѣтилъ, что, насколько мнѣ помнится, я не видалъ въ жизни ничего лучшаго. Онъ восторженно заявилъ, что съ такой красотой могутъ сравниться развѣ только Ніагарскіе водопады. Для того, чтобы сдѣлать изъ моего дома верхъ красоты, по его глубокому убѣжденію, было бы необходимо украсить еще и боковыя трубы, чтобы такимъ образомъ „придать роскошному зрѣлищу успокаивающее взоръ равновѣсіе, которое смягчало бы естественное возбужденіе при первомъ взглядѣ зрителя“. Я спросилъ его, изъ какой книги онъ вычиталъ это краснорѣчіе, и гдѣ можно достать такую книгу. Онъ былъ, видимо, польщенъ, улыбнулся и сказалъ, что подобное краснорѣчіе не пріобрѣтается чтеніемъ, и что только близкое знакомство съ молніей можетъ позволить человѣку безнаказанно пользоваться такими изящными оборотами рѣчи. Затѣмъ онъ нѣкоторое время соображалъ и, наконецъ, заявилъ, что для указанной имъ цѣли будетъ достаточно размѣстить на моей крышѣ еще восемь громоотводовъ и для этого, по его мнѣнію, было бы достаточно пятьсотъ футовъ матеріала. Онъ еще добавилъ, что въ своей смѣтѣ на первые восемь громоотводовъ онъ немного „ошибся“, потому что на нихъ пойдетъ немного больше матеріала, чѣмъ онъ разсчитывалъ, приблизительно футовъ на сто.

Я ему сказалъ, что мнѣ очень дорого время, что я хотѣлъ бы, наконецъ, покончить съ этимъ дѣломъ и заняться своей работой. На это онъ мнѣ возразилъ:

— Видите ли, я могъ бы поставить вамъ восемь громоотводовъ и спокойно уйти. Такъ на моемъ мѣстѣ поступили бы многіе люди. Но я не таковъ. Я говорю себѣ: я совсѣмъ не знаю этого человѣка, но я скорѣе умру, чѣмъ поступлю съ нимъ несправедливо. На этомъ домѣ слишкомъ мало громоотводовъ, и я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока я не поступлю съ нимъ такъ, какъ хотѣлъ бы, чтобы поступали со мной, пока я не скажу ему этого. Незнакомецъ, я исполнилъ свой долгъ; и если упрямый и дефлогистичный вѣстникъ неба ударитъ въ вашъ...

— Хорошо, хорошо, довольно!—прервалъ я его.—Поставьте еще восемь громоотводовъ, возьмите еще пятьсотъ футовъ матеріала, изогнутаго въ видѣ спирали, дѣлайте все, что хотите, но только постарайтесь вообще сдерживать ваши чувства въ границахъ, указанныхъ общепринятой разговорной рѣчью. Итакъ, мы съ вами уговорились окончательно, и я могу опять приняться за работу!

Я цѣлый часъ сидѣлъ и старался направить мои мысли на ту точку, на которой меня прервали. Наконецъ мнѣ это удалось, и я продолжалъ писать:

— ...работали надъ этой задачей, и самые великіе изъ нихъ встрѣтили въ ней достойнаго противника, который послѣ каждаго пораженія вновь поднимался, свѣжій и улыбающійся. Великій Конфуцій сказалъ, что онъ предпочелъ бы быть хорошимъ политико-экономомъ, чѣмъ начальникомъ полиціи. Цицеронъ часто говорилъ, что политическая экономія представляетъ собою перлъ творчества человѣческаго генія, и даже нашъ Грили выразился хотя и неопредѣленно, но очень убѣдительно, что политическая...

Здѣсь меня опять позвалъ громоотводчикъ. Я сошелъ внизъ въ состояніи, близкомъ къ отчаянію. Онъ заявилъ, что скорѣе готовъ былъ бы умереть, чѣмъ побезпокоить меня безъ серьезной надобности, но разъ онъ взялъ заказъ и отъ него ждутъ, что онъ выполнитъ работу изящно и правильно, и разъ онъ окончитъ работу и усталость заставитъ его отдохнуть, что для него теперь необходимо, и если онъ передъ отдыхомъ взглянетъ на свою работу и сразу увидитъ, что всѣ его расчеты сдѣланы неправильно, и если разразится гроза, а этотъ домъ, который его лично очень интересуетъ, останется подъ защитой всего только шестнадцати громоотводовъ...

— Замолчите наконецъ!—крикнулъ я.—Поставьте сто пятьдесятъ громоотводовъ! Поставьте на кухню! Дюжину на сарай! Десятокъ на корову! Одинъ на кухарку! Поставьте ихъ вездѣ, гдѣ есть свободное мѣсто! Пусть весь мой домъ выглядитъ,

какъ покрытая цинковыми пластинками, изогнутая въ видѣ спирали, окованная серебромъ, щетина! Работайте! Изведите весь матеріалъ, который вамъ удастся достать, и, если не хватитъ громоотводовъ, берите сваи, колесныя оси, желѣзные прутья, ружейные стволы, все, что пригодится для созданія вашей проклятой красоты, все, что можетъ дать покой моему пылающему мозгу и моей истерзанной душѣ!

Этотъ экземпляръ желѣзной невозмутимости выслушалъ меня совершенно спокойно, кротко улыбаясь. Онъ изящнымъ движеніемъ поправилъ свои манжеты и заявилъ, что теперь ему надо торопиться.

Давно пора! Прошло цѣлыхъ три часа. Теперь спрашивается, достаточно ли я успокоился для того, чтобы писать на благородную тему о политической экономіи. Я не могъ устоять противъ искушенія, потому что изъ всей философіи въ мірѣ она ближе и дороже всего для моего сердца. Итакъ, я сталъ продолжать:

— ...Экономія есть лучшій изъ даровъ, ниспосланныхъ небомъ человѣчеству. Въ то время, когда легкомысленный, но талантливый Байронъ жилъ въ изгнаніи, въ Венеціи, онъ какъ-то сказалъ, что если бы ему дали возможность начать жизнь сначала, то онъ посвятилъ бы всѣ свои трезвые часы просвѣтленія не писанію вольнодумныхъ и легкомысленныхъ стиховъ, но составленію статей по политической экономіи. Вашингтонъ любилъ эту дивную науку; съ ней неразрывно связаны такія имена, какъ Бэкеръ, Беквитъ, Юдсонъ, Смитъ; и даже самъ великолѣпный Гомеръ сказалъ въ девятой книгѣ Иліады:

Fiat justitia, ruat coelum
Post mortem unum, ante bellum
Hic jacet hoc, ex-parte res,
Politicum e-conomico est.

Величіе изложенія древняго поэта, на ряду съ удачными его выраженіями и красотой созданныхъ имъ образовъ, выдѣлили эти строки и сдѣлали ихъ болѣе знаменитыми, чѣмъ какія-либо другія изъ...

Здѣсь опять появился громоотводчикъ.

— Молчите! Ни слова... ни одного слова! Скажите лишь, сколько я вамъ долженъ, а затѣмъ въ моемъ домѣ погрузитесь въ вѣчное, ненарушимое молчаніе. Девятьсотъ долларовъ? Это все? Получите чекъ. По нему заплатитъ любой приличный банкъ въ Америкѣ. Почему собралась толпа людей, тамъ на улицѣ? Что? Они любуются на громоотводы? Чортъ возьми, развѣ они никогда въ жизни не видали громоотводовъ. Вы

говорите, что они никогда не видали столько громоотводовъ на одной крышѣ? Гмъ... надо сойти внизъ и поближе познакомиться съ проявленiями этого народнаго невѣжества.

Черезъ три дня.—Мы всѣ выбились изъ силъ, цѣлые двадцать четыре часа наша громоотводная щетина служила пищей для разговоровъ и любопытства буквально всего города. Театры пустовали, потому что всѣ ихъ приманки и чудеса сценической техники были безсильны въ сравненiи съ моими громоотводами. Наша улица днемъ и ночью была запружена густой толпой зрителей, изъ которыхъ многiе нарочно прiѣхали изъ провинцiи, чтобы полюбоваться невиданнымъ зрѣлищемъ. Мы всѣ вздохнули свободнѣе только на второй день, когда разразилась гроза, и молнiя „направила стопы свои на домъ мой", какъ выражается историческiй бытописатель Флавiй. Молнiя разомъ очистила улицу. Черезъ пять минутъ уже не было ни души въ окружности полуторы мили около моего дома; но приблизительно на этомъ почтительномъ разстоянiи были усѣяны людьми всѣ крыши, окна и карнизы высокихъ домовъ. И, дѣйствительно, было чѣмъ полюбоваться, потому что если соединить вмѣстѣ всѣ звѣздные дожди, прибавить къ нимъ всѣ фейерверки мiра за полстолѣтiя и бросить эту бездну огня на мою безпомощную крышу, то все-таки не получится то чудо пиротехники, которое окружило тогда мой домъ ослѣпительнымъ блескомъ и ярко выдѣлило его среди сумерекъ грозы. По точному подсчету, молнiя въ продолженiе сорока минутъ ударила въ мой домъ семьсотъ шестьдесятъ четыре раза, но каждый разъ она неизмѣнно встрѣчала на своемъ пути одного изъ моихъ вѣрныхъ хранителей-громоотводовъ, скользила по хитро проложенной спирали и скрывалась въ землѣ прежде, чѣмъ успѣвала сообразить, въ чемъ дѣло. И за всю эту бомбардировку съ моей крыши слетѣла всего только одна черепица, да и то лишь потому, что одну секунду молнiя нѣсколько разъ ударяла сразу во всѣ громоотводы. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ мiръ, не было видано ничего подобнаго. Цѣлый день и цѣлую ночь никто изъ насъ не смѣлъ высунуть изъ дома голову, потому что разъяренное электричество немедленно сбривало всѣ волосы и голова дѣлалась голой, какъ бильярдный шаръ. Едва ли надо упоминать о томъ, что за это время никто не рѣшился выйти изъ дома. Однако всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, и постепенно закончилась эта страшная бомбардировка, потому что въ тучахъ надъ нами больше не осталось даже слѣдовъ электричества, которое могли бы притянуть къ себѣ мои ненасытные громоотводы.

Тогда я рискнулъ выйти на улицу, собралъ вокругъ себя нѣсколько храбрыхъ рабочихъ, и мы не ѣли и не пили до тѣхъ поръ, пока мои владѣнія не были совершенно очищены отъ этой ужасной рати. Мы оставили только три громоотвода на крышѣ дома, одинъ—на кухнѣ и одинъ—на сараѣ, и они стоятъ на своихъ мѣстахъ до сихъ поръ. Только теперь люди рѣшились снова показаться на нашей улицѣ. Здѣсь я еще замѣчу, что въ то ужасное время я не продолжалъ свою политико-экономическую статью. И даже теперь мои нервы и мой мозгъ еще недостаточно успокоились, чтобы снова начать прерванную работу.

Не нужно ли кому?—Лица, которымъ нужно три тысячи двѣсти одиннадцать футовъ громоотводнаго матеріала, изогнутаго въ видѣ спирали, съ цинковыми пластинками, лучшаго качества, и тысячу шестьсотъ тридцать наконечниковъ, обтянутыхъ серебромъ, все въ хорошемъ видѣ (правда, бывшее въ употребленіи, но все-таки вполнѣ соотвѣтствующее своему назначенію), могутъ сдѣлать выгодное дѣло, если они обратятся къ издателямъ этой книги.

Прыгающая лягушка.

Сначала на англійскомъ языкѣ. Потомъ на французскомъ. Потомъ перекроенъ на цивилизованный языкъ, при помощи неблагодарной, кропотливой и трудной работы.

Даже преступникъ требуетъ, чтобы къ нему относились справедливо; если же несправедливость обрушивается на человѣка, не сдѣлавшаго ничего дурного, то онъ, разумѣется, можетъ принять всѣ доступныя ему мѣры, чтобы возстановить свои попранныя права. Мое вниманіе привлекла къ себѣ статья, напечатанная около трехъ лѣтъ тому назадъ въ французскомъ журналѣ „Revue des deux Mondes“, гдѣ авторъ говоритъ объ американскихъ юмористахъ. Я—одинъ изъ тѣхъ американскихъ юмористовъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой статьѣ, и этимъ объясняется моя жалоба.

Статья написана очень ловко. Этимъ вообще отличаются всѣ французскія статьи: въ нихъ обыкновенно все такъ перепутано, что читатель, бросившись въ пучину одного предло-

женія, не знаетъ, удастся ли ему выбраться оттуда живымъ или нѣтъ. Очень хорошая статья. Авторъ въ ней говоритъ по моему адресу много любезностей и похвалъ, за что я ему сердечно признателенъ. Но я не понимаю, зачѣмъ онъ, въ концѣ-концовъ, весь свой трудъ испортилъ несчастнымъ фортелемъ? Дѣло въ слѣдующемъ: онъ говоритъ, что моя „Прыгающая лягушка"—исторія очень веселая, но что онъ все-таки не можетъ понять, какъ люди могутъ надъ ней смѣяться до слезъ, и... онъ тутъ же начинаетъ переводить мой разсказъ на французскій языкъ, съ цѣлью доказать своимъ соотечественникамъ, что здѣсь, собственно говоря, нѣтъ ничего особенно смѣшного. Здѣсь-то и начинается моя жалоба, потому что въ дѣйствительности онъ мой разсказъ не перевелъ; онъ просто все перепуталъ; его произведеніе похоже на мою „Прыгающую лягушку" такъ же мало, какъ я—на градусъ долготы. Однако одно мое голословное утвержденіе еще не можетъ служить доказательствомъ; поэтому я ниже печатаю французскій текстъ, чтобы читатель самъ могъ судить, правъ я или нѣтъ. Я иду даже дальше. Чтобы призвать себѣ въ судьи и всѣхъ тѣхъ, кто волею судебъ не владѣетъ французскимъ языкомъ, я не остановился передъ чудовищной массой труда и кропотливости, чтобы дать точный переводъ этого французскаго перевода. И долженъ сознаться, что я при этомъ совершенно переутомился, потому что цѣлыхъ пять дней и пять ночей почти не отдыхалъ. Я не говорю по-французски, но все-таки перевожу съ этого языка очень хорошо, хотя и не быстро. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ я почти не имѣлъ случая широко примѣнять свой французскій языкъ. Я прошу читателя пробѣжать сначала мой первоначальный текстъ „Прыгающей лягушки, а затѣмъ прочесть французскій текстъ или же мой точный его переводъ. При этомъ я прошу обратить особое вниманіе на то, какъ французъ относится къ грамматикѣ. По моему убѣжденію, я въ жизни не видѣлъ ничего худшаго въ этомъ родѣ, и, тѣмъ не менѣе, французовъ называютъ „утонченной" націей. Если бы у меня былъ сынъ и составлялъ фразы такъ, какъ этотъ французъ, то я бы постарался ощутительно внушить ему неудобства такой „утонченности". Такъ вотъ, „Прыгающая лягушка" въ моемъ первоначальномъ текстѣ читается такъ:

Знаменитая прыгающая лягушка изъ графства Калаверасъ.

По просьбѣ одного моего пріятеля, который прислалъ мнѣ письмо съ востока, я посѣтилъ добродушнаго, болтливаго стараго Симона Уилера, чтобы навести справки о пріятелѣ

моего пріятеля, Леонидѣ Смилей, и въ результатѣ получилось слѣдующее:

Въ глубинѣ души я подозрѣваю, что Леонидъ Смилей вообще не существуетъ, что мой пріятель никогда не зналъ человѣка, носящаго это имя; вѣроятно, онъ лишь предполагалъ, что если я спрошу стараго Уилера о Леонидѣ Смилей, я ему напомню его безпутнаго пріятеля *Джима* Смилей, послѣ чего онъ немедленно примется испытывать мое долготерпѣніе какимъ-нибудь сумасброднымъ воспоминаніемъ о Джимѣ,—воспоминаніемъ, для меня столько же безполезнымъ, сколько скучнымъ и длиннымъ. Если онъ, дѣйствительно, имѣлъ такое намѣреніе, то цѣль его была достигнута.

Я нашелъ Симона Уилера мирно дремлющимъ въ креслѣ, около печи, въ полуразвалившемся кабачкѣ заброшенныхъ Энгельскихъ копей. Я замѣтилъ, что онъ отличается полнотой и обладаетъ плѣшью, что его спокойное лицо привлекаетъ къ себѣ какимъ-то смѣшаннымъ выраженіемъ доброты и наивности. Онъ сразу встрепенулся и пожелалъ мнѣ добраго здоровья. Я сказалъ ему, что одинъ изъ моихъ пріятелей поручилъ мнѣ навести у него справку объ его любимомъ другѣ дѣтства, по имени Леонидъ Смилей,—молодомъ священникѣ Леонидѣ Смилей, который, какъ слышалъ мой пріятель, нѣкоторое время жилъ на Энгельскихъ копяхъ. Я еще добавилъ, что мистеръ Уилеръ меня чрезвычайно обяжетъ, если онъ сообщитъ мнѣ какія-либо свѣдѣнія объ этомъ священникѣ Леонидѣ Смилей.

Симонъ Уилеръ оттѣснилъ меня въ уголъ, загородилъ тамъ своимъ кресломъ, потомъ усѣлся и методично началъ монотонный разсказъ, который я передаю здѣсь, вслѣдъ за этимъ предисловіемъ. Онъ ни разу не улыбнулся, не нахмурилъ лба. Ни одного раза онъ не измѣнилъ того журчащаго тона, которымъ онъ началъ первую фразу, и я не замѣтилъ у него и тѣни воодушевленія. Но весь его безконечный разсказъ былъ проникнутъ какой-то особой серьезностью и прямой откровенностью, которая мнѣ ясно давала понять, что онъ далекъ отъ мысли видѣть въ своей повѣсти смѣшныя стороны, что онъ относится къ ней, какъ къ дѣлу, несомнѣнно, серьезному, и удивляется геніальной хитрости и находчивости обоихъ героевъ. Я терпѣливо выслушалъ его своеобразный разсказъ и ни раза не перебилъ его.

— Священникъ Леонидъ... гмъ... священникъ Ле... да, здѣсь когда-то жилъ человѣкъ, по имени Джимъ Смилей, это было зимой 49..., а можетъ-быть, и весной 50 года... не могу сказать навѣрное, но непремѣнно около того времени; я помню

отлично, что онъ пришелъ на копи, когда еще не была кончена большая водопроводная труба. Ну, какъ бы тамъ ни было, а все-таки онъ былъ у насъ самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ. И всегда былъ жаденъ до споровъ. Онъ бился о закладъ по поводу всего, чего угодно, только бы было съ кѣмъ биться. А если онъ ужъ никакъ не могъ найти противника, то онъ попросту мѣнялъ свое прежнее мнѣніе и начиналъ спорить противъ себя. Онъ соглашался на какія угодно условія, только бы побиться о закладъ. И притомъ ему всегда везло, неслыханно везло; онъ почти всегда выигрывалъ. Онъ былъ всегда наготовѣ и ловилъ удобные моменты. О чемъ бы при немъ ни заговорили, онъ непремѣнно бился о закладъ, и притомъ, какъ я только что сказалъ, онъ становился на сторону любого мнѣнія. Если были у насъ бѣга, то къ концу ихъ вы могли его видѣть или богачомъ или нищимъ. Если устраивалась собачья травля, онъ ставилъ на собачью травлю; на пѣтушиномъ бою онъ держалъ пари за пѣтуховъ, дрались кошки—онъ и на кошекъ бился о закладъ. Ей Богу, если на заборѣ сидѣли двѣ птички, то онъ сейчасъ же спорилъ о томъ, какая изъ нихъ раньше улетитъ. Онъ бывалъ всегда у насъ на собраніяхъ, и онъ держалъ пари на священника Уокера, котораго онъ считалъ лучшимъ пастыремъ душъ и, правда, хорошій былъ человѣкъ Уокеръ. Да, бывало, увидитъ Джимъ лѣсного клопа и сейчасъ споритъ, сколько времени клопу понадобится, чтобы доползти туда, куда ему нужно, и если кто-нибудь принималъ пари, такъ Джимъ былъ готовъ итти за клопомъ хоть въ Мексику, только бы узнать, куда онъ ползетъ и скоро ли доползетъ.

Здѣсь Джима Смилей знаютъ многіе и могутъ вамъ поразсказать про него. Право, онъ такой былъ сумасбродъ, обо всемъ спорилъ безъ разбора! Разъ жена священника Уокера долго хворала, и всѣ ужъ думали, что она не встанетъ; такъ вотъ какъ-то утромъ Смилей спрашиваетъ священника, какъ здоровье его жены, а тотъ отвѣчаетъ, что благодареніе безконечной милости Господней, ей теперь много лучше, и выздоровленіе идетъ такъ быстро, что съ Божьей помощью она скоро и совсѣмъ будетъ здорова. Такъ что же вы думаете, Смилей, не подумавши, и тутъ заявилъ:

— Я спорю на два съ половиною доллара, что она все-таки умретъ!

Была у этого Смилея кобыла, мальчишки ее одромъ звали, да только, знаете, это они напрасно, шутили только, потому что она все-таки хорошо бѣгала, и онъ съ ней много денегъ выигралъ. Положимъ, бѣгала-то она не очень шибко, и бывало

все или одышка у нея или просто она не въ настроенiи, а то чахотка или что-нибудь другое подобное съ ней сдѣлается. Ну, они ей обыкновенно дадутъ впередъ двѣсти-триста ярдовъ (ярдъ=около $20^1/_2$ вершковъ), а потомъ сами же легко ее и перегонятъ дорогой; но только къ концу пути она начинала волноваться, дѣлала отчаянныя усилiя, скакала сопя и хрипя, ногами поднимала больше пыли, чѣмъ всякая другая лошадь, и съ неимовѣрнымъ шумомъ и грохотомъ все-таки приходила къ цѣли всегда на голову впереди другихъ.

А то былъ у него маленькiй песъ; если посмотрѣть на него со стороны, такъ можно подумать, что цѣна ему ломаный грошъ, и что онъ годенъ развѣ только на то, чтобы шляться, огрызаться и таскать, что плохо лежитъ. А вотъ подите же, какъ только, бывало, на него объ закладъ побьются, такъ совсѣмъ другой песъ сдѣлается; нижняя челюсть выдвинется впередъ, будто бугшпритъ парохода, зубы оскалитъ такъ, что они блестятъ, какъ расплавленный чугунъ въ доменной печи. И другая собака тогда могла нападать на него, кусать его, бросать черезъ себя, Жаксонъ—этого пса звали Жаксонъ—Жаксонъ какъ-будто даже былъ очень доволенъ и не ждалъ ничего другого лучшаго. Ставки на его противника удвоивались, и опять удвоивались, пока уже больше и ставить нечего было; тогда Жаксонъ вдругъ схватывалъ своего противника зубами за ляжку задней ноги и оставался висѣть. Онъ, знаете, не кусалъ, не грызся, а только захватывалъ зубами, зажималъ, какъ клещами и оставался висѣть до тѣхъ поръ, пока не бросали вверхъ губку [1]), хоть бы ему годъ провисѣть пришлось.

Смилей всегда выигрывалъ на своемъ Жаксонѣ, до тѣхъ поръ, пока въ одинъ прекрасный день ему не пришлось имѣть дѣло съ противникомъ, который выставилъ собаку безъ заднихъ ногъ (ноги были отрѣзаны). Когда дѣло дошло до рѣшительнаго момента, и Жаксонъ хотѣлъ выкинуть свою любимую штуку, онъ сразу увидѣлъ, что его обманули и что онъ, такъ сказать, сидѣлъ у другой собаки уже въ карманѣ. Онъ былъ пораженъ, обезкураженъ, не пробовалъ защищаться и, конечно, получилъ хорошую трепку. Онъ посмотрѣлъ на Смилея взглядомъ, которымъ будто хотѣлъ сказать: мое сердце разбито, и въ этомъ виноватъ ты, потому что ты выпустилъ меня противъ собаки безъ заднихъ ногъ, за которыя я могъ бы ухва-

---

[1]) Въ Америкѣ на собачьихъ травляхъ губку, служащую для смыванiя крови, бросаетъ вверхъ хозяинъ той собаки, которая неоспоримо побѣждена, въ знакъ того, что травля окончена.

титься, а ты знаешь, что въ этомъ мой главный козырь. Затѣмъ онъ еще проковылялъ нѣсколько шаговъ, легъ и околѣлъ. Ахъ, хорошій былъ песъ этотъ Жаксонъ, и онъ создалъ бы себѣ имя, если бы остался живъ, потому что для этого у него были всѣ данныя, онъ былъ геній, я это знаю навѣрное, хотя у него не было случая вполнѣ выказать свои способности; вѣдь невозможно же, чтобы собака примѣняла въ борьбѣ такія уловки, какъ онъ, если у нея нѣтъ таланта.

Мнѣ всегда дѣлается грустно, когда я вспоминаю послѣднюю борьбу Жаксона и печальный ея исходъ.

У этого Смилея были таксы, пріученныя къ ловлѣ крысъ, боевые пѣтухи, кошки и проч., такъ что его нельзя было удивить новымъ закладомъ: что бы вы ни предложили, у него навѣрное оказывалось то же самое. Однажды онъ поймалъ лягушку, принесъ ее домой и заявилъ, что намѣренъ заняться ея воспитаніемъ. И дѣйствительно цѣлые три мѣсяца онъ просидѣлъ на своемъ дворикѣ и училъ лягушку прыгать. И можете повѣрить, онъ ее выучилъ! Джимъ слегка ударялъ лягушку по спинѣ, и въ слѣдующее мгновеніе она уже мелькала въ воздухѣ, будто подброшенная пружиной, кувыркалась въ воздухѣ одинъ или даже два раза, если она удачно прыгнула, и затѣмъ при паденіи, какъ кошка, становилась прямо на ноги.

Джимъ такъ основательно обучилъ свою лягушку ловлѣ мухъ и настолько заботился объ ея постоянной практикѣ, что всякая муха, попавшая въ ея поле зрѣнія, заранѣе была обречена на гибель. Смилей утверждалъ, что для лягушки самое главное—воспитаніе, что воспитанная лягушка все можетъ сдѣлать, и я ему вѣрю. Вѣдь я же своими глазами видѣлъ, какъ онъ ставилъ Даніила Вебстеръ на этотъ самый полъ,—лягушку звали Даніилъ Вебстеръ,—и говорилъ ему:

— Мухи, Даніилъ, мухи!

И Даніилъ съ быстротой молніи прыгалъ на прилавокъ, ловилъ муху и тяжело, какъ комъ глины, шлепался обратно на полъ, послѣ чего задней лапой чесалъ у себя за ухомъ, будто онъ сдѣлалъ только то, что сдѣлала бы и всякая другая лягушка. Вы не можете себѣ представить болѣе скромную и откровенную лягушку, чѣмъ былъ Даніилъ при всѣхъ его способностяхъ.

А когда лягушкѣ приходилось прыгать на гладкой поверхности, то она однимъ прыжкомъ пролетала дальше, чѣмъ какое-либо другое животное ея вида. Вы понимаете, прыганіе на гладкой поверхности было ея спеціальностью, и Смилей поль-

зовался каждымъ случаемъ, чтобы биться объ закладъ за свою лягушку, если только у него былъ хоть грошъ въ карманѣ.

Смилей очень гордился своей лягушкой и былъ въ этомъ совершенно правъ, потому что путешественники, объѣздившіе чуть ли не весь свѣтъ, говорили, что ей уступаютъ всѣ лягушки, которыхъ имъ когда-либо приходилось видѣть.

Свою лягушку Смилей держалъ въ небольшомъ рѣшетчатомъ ящикѣ, который онъ иногда бралъ съ собой въ городъ, чтобы держать тамъ пари.

Однажды его остановилъ какой-то незнакомецъ и спросилъ его:

— Что это у васъ тамъ въ ящикѣ?

Смилей отвѣтилъ равнодушнымъ тономъ:

— Могъ бы быть попугай, а то, пожалуй, и канарейка, да только нѣтъ, это просто лягушка.

Незнакомецъ взялъ въ руки ящикъ, повертѣлъ его туда и сюда и затѣмъ замѣтилъ:

— Гмъ... правда, лягушка. А для чего она нужна?

— Ахъ! — небрежно бросилъ Смилей.—По моему мнѣнію, она нужна для одного дѣла; она прыгаетъ выше всѣхъ другихъ лягушекъ графства Калаверасъ.

Послѣ этихъ словъ незнакомецъ снова взялъ въ руки ящикъ, долго смотрѣлъ на лягушку страннымъ взглядомъ, отдалъ ящикъ Смилею и разсудительно сказалъ:

— Я не замѣтилъ у вашей лягушки ничего такого, чего не было бы и у всякой другой лягушки.

— Можетъ-быть, вы и не замѣтили,—сказалъ Смилей.—Можетъ-быть, вы что-нибудь и понимаете въ лягушкахъ, а можетъ-быть, и нѣтъ. Можетъ-быть, вы человѣкъ опытный, а можетъ-быть, и наоборотъ. Во всякомъ случаѣ у меня есть свое убѣжденіе, и я бьюсь объ закладъ на сорокъ долларовъ, что моя лягушка прыгаетъ лучше, чѣмъ какая-нибудь другая лягушка въ Калаверасѣ.

Незнакомецъ подумалъ съ минуту и затѣмъ сказалъ печально:

— Къ сожалѣнію, я здѣсь чужой и у меня нѣтъ лягушки. А если бы у меня была лягушка, то я охотно принялъ бы вашъ закладъ.

Тогда Смилей воскликнулъ:

— Идетъ! Идетъ! Если вы будете добры подержать одну минутку мой ящикъ, то я вамъ достану лягушку.

Незнакомецъ взялъ ящикъ, выложилъ сорокъ долларовъ рядомъ съ долларами Смилея и сѣлъ въ ожиданіи лягушки.

Такъ онъ сидѣлъ нѣкоторое время, погруженный въ размышленія, потомъ вынулъ изъ ящика лягушку, открылъ ей

ротъ, взялъ чайную ложку и наполнилъ лягушку дробью, наполнилъ ее по самое горло, а потомъ опустилъ на полъ.

Между тѣмъ Смилей отправился къ пруду, долго рылся въ тинѣ, наконецъ поймалъ лягушку, принесъ ее незнакомцу и сказалъ:

— Ну, если вы готовы, то ставьте свою лягушку рядомъ съ Даніиломъ, выровняйте ихъ переднія лапы, а я дамъ знакъ.

Потомъ онъ крикнулъ:

— Разъ, два, три, маршъ!

И оба слегка сзади ударили своихъ лягушекъ; новая лягушка весело запрыгала впередъ, а Даніилъ тяжело дышалъ, поднялъ плечи, какъ французъ, но ничто не помогало, онъ не могъ двинуться съ мѣста.

Такъ онъ и остался неподвижнымъ, какъ колода, будто его привинтили къ полу. Какъ вы легко себѣ можете представить, Смилей былъ страшно пораженъ, очень недоволенъ, но онъ и не догадывался о томъ, какую штуку съ нимъ сыграли.

Незнакомецъ взялъ деньги и ушелъ; въ дверяхъ онъ остановился, повѣрите ли, показалъ черезъ плечо пальцемъ на Даніила — вотъ такъ — и очень разсудительно сказалъ:

— Я не замѣтилъ у вашей лягушки ничего такого, чего не было бы и у всякой другой лягушки.

Смилей долго стоялъ неподвижно, чесалъ у себя за ухомъ и глядѣлъ на Даніила; наконецъ онъ сказалъ:

— Я не понимаю, чего ради лягушка не хотѣла... здѣсь что-нибудь да не такъ... не знаю, но она выглядитъ какой-то распухшей...

Онъ взялъ Даніила за шиворотъ, поднялъ его и воскликнулъ:

— Чортъ меня возьми, если онъ вѣситъ меньше пяти фунтовъ.

Затѣмъ онъ перевернулъ Даніила головой внизъ, при чемъ лягушка выплюнула цѣлую пригоршню дроби.

Теперь онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и чуть съ ума не сошелъ; онъ бросился за незнакомцемъ, но того и слѣдъ простылъ. И вотъ...

Въ это мгновеніе Симона Уилера кто-то позвалъ со двора, и онъ вышелъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Уходя, онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Останьтесь сидѣть, мой милый, черезъ секунду я вернусь.

Однако я полагалъ, что дальнѣйшая исторія приключеній Джима Смилея едва ли обогатитъ меня свѣдѣніями о священникѣ Леонидѣ Смилеѣ, а потому я предпочелъ уйти. Въ дверяхъ я встрѣтился съ общительнымъ Уилеромъ; онъ схватилъ меня за пуговицу и снова началъ:

— У того же Смилея была желтая, одноглазая корова, у которой вмѣсто хвоста торчалъ короткій обрубокъ, въ родѣ банана, и...

Но такъ какъ у меня не было ни времени ни охоты выслушивать повѣсть о несчастной коровѣ, то я предпочелъ откланяться.

Теперь пусть благосклонный читатель взглянетъ на слѣдующую картинку и скажетъ самъ, можно ли итти дальше въ области безцеремонной мазни:

(Изъ „Revue des deux Mondes", отъ 15 іюля 1872 года).

LA GRENOUILLE SAUTEUSE DU COMTÉ DE CALAVERAS.

„— Il y avait une fois ici un individu connu sous le nom de Jim Smiley: c'était dans l'hiver de 49, peut-être bien au printemps de 50, je ne me rappelle pas exactement. Ce qui me fait croire que c'était l'un ou l'autre, c'est que je me souviens que le grand bief n'était pas achevé lorsqu'il arriva au camp pour la première fois, mais de toutes façons il était l'homme le plus friand de paris qui se pût voir, pariant sur tout ce qui se présentait, quand il pouvait trouver un adversaire, et, quand il n'en trouvait pas, il passait du côté opposé. Tout ce qui convenait à l'autre lui convenait; pourvu qu'il eût un pari, Smiley était satisfait. Et il avait une chance! une chance inouïe: presque toujours il gagnait. Il faut dire qu'il était toujours prêt à s'exposer, qu'on ne pouvait mentionner la moindre chose sans que ce gaillard offrît de parier là-dessus n'importe quoi et de prendre le côté que l'on voudrait, comme je vous le disais tout à l'heure. S'il y avait des courses, vous le trouviez riche ou ruiné à la fin; s'il y avait un combat de chiens, il apportait son enjeu; il l'apportait pour un combat de chats, pour un combat de coqs;—parbleu! si vous aviez vu deux oiseaux sur une haie, il vous aurait offert de parier lequel s'envolerait le premier, et, s'il y avait *meeting* au camp, il venait parier régulièrement pour le curé Walker, qu'il jugeait être le meilleur prédicateur des environs, et qui l'était en effet, et un brave homme. Il aurait rencontré une punaise de bois en chemin, qu'il aurait parié sur le temps qu'il lui faudrait pour aller où elle voudrait aller, et, si vous l'aviez pris au mot, il aurait suivi la punaise jusqu'au Mexique, sans se soucier d'aller si loin, ni du temps qu'il y perdrait. Une fois la femme du curé Walker fut très malade pendant longtemps, il semblait qu'on ne la sauverait pas; mais un matin le curé arrive, et Smiley lui demande comment elle va, et il dit qu'elle est bien mieux, grâce à l'infinie miséricorde, tellement mieux qu'avec la bénédiction de la Providence elle s'en tirerait, et voilà que, sans y penser, Smiley répond: Eh bien! je gage deux et demi qu'elle mourra tout de même.

„Ce Smiley avait une jument que les gars appelaient le bidet du quart d'heure, mais seulement pour plaisanter, vous comprenez, parce que, bien entendu, elle était plus *vite* que ça! Et il avait coutume de gagner de l'argent avec cette bête, quoiqu'elle fût poussive, cornarde, toujours prise d'asthme, de coliques ou de consomption, ou de quelque chose d'approchant. On lui donnait 2 ou 300 *yards* au départ, puis on la dépassait sans peine; mais jamais à la fin elle ne manquait de s'échauffer, de s'exaspérer, et elle

arrivait, s'écartant, se défendant, ses jambes grêles en l'air devant les obstacles, quelquefois les évitant et faisant avec cela plus de poussière qu'aucun cheval, plus de bruit surtout avec ses éternuments et reniflements,— crac! elle arrivait donc toujours première d'une tête, aussi juste qu'on peut le mesurer. Et il avait un petit bouledogue qui, à le voir, ne valait pas un sou; on aurait cru que parier contre lui c'était voler, tant il était ordinaire; mais aussitôt les enjeux faits, il devenait un autre chien. Sa mâchoire inférieure commençait à ressortir comme un gaillard d'avant, ses dents se découvraient brillantes comme des fournaises, et un chien pouvait le taquiner, l'exciter, le mordre, le jeter deux ou trois fois par-dessus son épaule. Jackson, c'était le nom du chien, Jackson prenait cela tranquillement, comme s'il ne se fût jamais attendu à autre chose, et quand les paris étaient doublés et redoublés contre lui, il vous saisissait l'autre chien juste à l'articulation de la jambe de derrière, et il ne la lâchait plus, non pas qu'il la mâchât, vous concevez, mais il s'y serait tenu pendu jusqu'a ce qu'on jetât l'éponge en l'air, fallût-il attendre un an. Smiley gagnait toujours avec cette bête-là; malheureusement ils ont fini par dresser un chien qui n'avait pas de pattes de derrière, parce qu'on les avait sciées, et quand les choses furent au point qu'il voulait, et qu'il en vint à se jeter sur son morceau favori, le pauvre chien comprit en un instant qu'on s'étati moqué de lui, et que l'autre le tenait. Vous n'avez jamais vu personne avoir l'air plus penaud et plus découragé; il ne fit aucun effort pour gagner le combat et fut rudement secoué, de sorte que, regardant Smiley comme pour lui dire:—Mon cœur est brisé, c'est ta faute; pourquoi m'avoir livré à un chien qui n'a pas de pattes de derrière, puisque c'est par là que je les bats?—il s'en alla en clopinant, et se coucha pour mourir. Ah! c'était un bon chien, cet Jackson, et il se serait fait un nom, s'il avait vécu, car il y avait de l'étoffe en lui, il avait du génie, Je le sais, bien que de grandes occasions lui aient manqué; mais il est impossible de supposer qu'un chien capable de se battre comme lui, certaines circonstances étant données, ait manqué de talent. Je me sens triste toutes les fois que je pense à son dernier combat et au dénoûment qu'il a eu. Eh bien! ce Smiley nourrissait des terriers à rats, et des coqs de combat, et des chats, et toute sorte de choses, au point qu'il était toujours en mesure de vous tenir tête, et qu'avec sa rage de paris on n'avait plus de repos. Il attrapa un jour une grenouille et l'emporta chez lui, disant qu'il prétendait faire son éducation; vous me croirez si vous voulez, mais pendant trois mois il n'a rien fait que lui apprendre à sauter dans une cour retirée de sa maison. Et je vous réponds qu'il avait réussi. Il lui donnait un petit coup par derrière, et l'instant d'après vous voyez la grenouille tourner en l'air comme un beignet au-dessus de la poêle, faire une culbute, quelquefois deux, lorsqu'elle était bien partie, et retomber sur ses pattes comme un chat. Il l'avait dressée dans l'art de gober des mouches, et l'y exerçait continuellement, si bien qu'une mouche, du plus loin qu'elle apparaissait, était une mouche perdue. Smiley avait coutume de dire que tout ce qui manquait à une grenouille, c'était l'éducation, qu'avec l'éducation elle pouvait faire presque tout, et je le crois. Tenez, je l'ai vu poser Daniel Webster là sur ce plancher,—Daniel Webster était le nom de la grenouille,— et lui chanter:—Des mouches! Daniel, des mouches!—En un clin d'œil, Daniel avait bondi et saisi une mouche ici sur le comptoir, puis sauté de nouveau par terre, où il restait vraiment à se gratter la tête avec sa patte de derrière, comme s'il n'avait pas eu la moindre idée de sa supériorité. Jamais vous n'avez vu de grenouille aussi modeste, aussi naturelle, douée comme elle l'était! Et quand il s'agissait de sauter purement et simplement sur terrain plat, elle faisait plus de chemin en un saut qu'aucune bête de son espèce que vous puissiez connaître. Sauter à plat, c'était son fort! Quand il s'agis-

sait de cela, Smiley entassait les enjeux sur elle tant qu'il lui restait un rouge liard. Il faut le reconnaître, Smiley était monstrueusement fier de sa grenouille, et il en avait le droit, car des gens qui avaient voyagé, qui avaient tout vu, disaient qu'on lui ferait injure de la comparer à une autre; de façon que Smiley gardait Daniel dans une petite boîte à claire-voie qu'il emportait parfois à la ville pour quelque pari.

„Un jour, un individu étranger au camp l'arrête avec sa boîte et lui dit:— Qu'est-ce que vous avez donc serré là dedans?

„Smiley dit d'un air indifférent: Cela pourrait être un perroquet ou un serin, mais ce n'est rien de pareil, ce n'est qu'une grenouille.

„L'individu la prend, la regarde avec soin, la tourne d'un côté et de l'autre, puis il dit: Tiens! en effet! A quoi est-elle bonne?

„— Mon Dieu! répond Smiley, toujours d'un air dégagé, elle est bonne pour une chose à mon avis, elle peut battre en sautant toute grenouille du comté de Calaveras.

„L'individu reprend la boîte, l'examine de nouveau longuement, et la rend à Smiley en disant d'un air délibéré: Eh bien! je ne vois pas que cette grenouille ait rien de mieux qu'aucune grenouille.

„— Possible que vous ne le voyez pas, dit Smilev, possible que vous vous entendiez en grenouilles, possible que vous ne vous y entendiez point, possible que vous ayez de l'expérience, et possible que vous ne soyez qu'un amateur. De toute manière, je parie quarante dollars qu'elle battra en sautant n'importe quelle grenouille du comté de Calaveras.

„L'individu réfléchit une seconde et dit comme attristé:—Je ne suis qu'un étranger ici, je n'ai pas de grenouille; mais, si j'en avais une, je tiendrais le pari.

„— Fort bien! répond Smiley. Rien de plus facile. Si vous voulez tenir ma boîte une minute, j'irai vous chercher une grenouille.—Voilà donc l'individu qui garde la boîte, qui met ses quarante dollars sur ceux de Smiley et qui attend. Il attend assez longtemps, réfléchissant tout seul, et figurez-vous qu'il prend Daniel, lui ouvre la bouche de force et avec une cuiller à thé l'emplit de menu plomb de chasse, mais l'emplit jusqu'au menton, puis il le pose par terre. Smiley pendant ce temps était à barboter dans une mare. Finalement il attrape une grenouille, l'apporte, à cet individu et dit:—Maintenant, si vous êtes prêt, mettez-la tout contre Daniel, avec leurs pattes de devant sur la même ligne, et je donnerai le signal; puis il ajoute: Un, deux, trois, sautez!

„Lui et l'individu touchent leurs grenouilles par derrière, et la grenouille neuve se met à sautiller, mais Daniel se soulève lourdement, hausse les épaules ainsi, comme un Français; à quoi bon? il ne pouvait bouger, il était planté solide comme une enclume, il n'avançait pas plus que si on l'eût mis à l'ancre. Smiley fut surpris et dégoûté, mais il ne se doutait pas du tour, bien entendu. L'individu empoche l'argent, s'en va, et en s'en allant est-ce qu'il ne donne pas un coup de pouce par-dessus l'épaule, comme ça, au pauvre Daniel, en disant de son air délibéré: Eh bien! je ne vois pas que cette grenouille ait rien de mieux qu'une autre.

„Smiley se gratta longtemps la tête, les yeux fixés sur Daniel, jusqu'à ce qu'enfin il dit:—Je me demande comment diable il se fait que cette bête ait refusé... Est-ce qu'elle aurait quelque chose?... On croirait qu'elle est enflée.

„Il empoigne Daniel par la peau du cou, le soulève et dit: Le loup me croque, s'il ne pése pas cinq livres.

„Il le retourne, et le malheureux crache deux poignées de plomb. Quand Smiley reconnut ce qui en était, il fut comme fou. Vous le voyez d'ici poser sa greuouille par terre et courir après cet individu, mais il ne le rattrapa jamais, et...

(Обратный переводъ съ французскаго).

Лягушка, прыгающая изъ графства Калаверасъ.

„Имѣло разъ здѣсь одинъ индивидъ, извѣстный подъ именемъ Джима Смилей. Это было зимой 49, можетъ-быть, хорошо весной 50, я не себѣ помню не точно. То, что меня дѣлаетъ вѣрить, что это было одно или другое, это что я себѣ помню, что большой шлюзный жолобъ не былъ не конченъ, когда онъ прибылъ въ лагерь для перваго раза, но изъ всѣхъ видовъ онъ былъ человѣкъ самый лакомый до пари, который себя могъ видѣть, держа пари на все, что показывалось, когда онъ могъ найти противника, и когда онъ не находилъ, не онъ переходилъ на сторону противоположную. Все, что подходило къ другому, къ нему подходило; предположено, что онъ имѣлъ пари. Симлей былъ доволенъ. И онъ имѣлъ счастье. Счастье неслыханное! Почти всегда онъ выигрывалъ. Надо сказать, что онъ былъ всегда готовъ себя выставлять, что нельзя было упомянуть малѣйшую вещь безъ что этотъ весельчакъ предложилъ держать пари тамъ на все, равно что и взять сторону, что захотѣли бы, какъ я вамъ говорилъ все въ часъ. Если онъ тамъ имѣлъ бѣга, вы его находили богатымъ или разорившимся къ конецу; если онъ тамъ имѣлъ борьбу собакъ, онъ приносилъ свою ставку; онъ ею приносилъ для борьбы кошекъ, для борьбы пѣтуховъ; ей Богу! Если вы имѣли, видѣли двухъ птицъ на одномъ заборѣ, онъ вамъ имѣлъ предложенный держать пари, которая улетитъ первая, и если онъ тамъ имѣлъ митингъ въ лагерѣ, онъ приходилъ держать пари регулярно для священника Уокеръ, котораго онъ судилъ быть лучшимъ проповѣдникомъ окрестностей и который былъ въ дѣйствительности и честный человѣкъ. Онъ имѣлъ бы встрѣченнымъ клопа изъ лѣса въ дорогѣ, что онъ имѣлъ бы держаннымъ пари на время, которое онъ ему потребовалось бы для итти куда онъ хотѣлъ бы итти, и если вы его имѣли бы взятымъ на словѣ, онъ имѣлъ бы слѣдованнымъ клопа до Мексики, безъ себя заботить итти такъ далеко, ни о времени, что онъ тамъ потерялъ бы. Одинъ разъ жена священника Уокеръ сдѣлалась очень больной во время долго, онъ казался, что не ее спасутъ нѣтъ; но одно утро священникъ приходитъ, и Смилей ему спрашиваетъ, какъ она идетъ, и онъ говоритъ, что она есть очень лучше, благодаря безконечному милосердію, настолько лучше, что, съ благословенія Провидѣнія, она себя вытащитъ, и вотъ что, безъ тамъ думать, Смилей отвѣчаетъ:

— Прекрасно! Я бьюсь объ закладъ два и половина, что она умретъ все равно.

„Этотъ Смилей имѣлъ кобылу, которую малые называли лошадкой четверти часа, но только для шутки, вы понимаете, потому что, хорошо слышанная, она была болѣе скорая что-то! И онъ имѣлъ обыкновеніе выигрывать деньги съ этимъ животнымъ, хотя оно было съ запаломъ, не въ настроеніи, всегда взятая одышкой, коликами или сухоткой, или какой-нибудь вещью подходящей. Ей давали 2 или 300 ярдовъ при отходѣ, потомъ ее опережали безъ труда; но никогда къ концу она не преминула разгорячиться, раздражиться, и она прибывала сбиваясь, обороняясь, свои ноги тощія въ воздухѣ передъ препятствіями, иногда ихъ избѣгая и дѣлая съ этимъ болѣе пыли, чѣмъ никакая лошадь, болѣе шуму особенно съ своими чиханьями и фырканьями: кракъ! Она прибывала однако всегда первая изъ одной головы, также справедливо, что можно его измѣрить. И онъ имѣлъ одного маленькаго бульдога, который, къ его видѣть, не стоилъ нѣтъ гроша; имѣли бы вѣрить, что держать пари противъ него это было бы воровать, такъ онъ былъ обыкновененъ; но какъ только ставки сдѣланы, онъ становился одной другой собакой. Его челюсть внутренняя начинала выходить какъ весельчакъ прежняго, его зубы открывались блѣстящіе, какъ большія печи, и одна собака могла его дразнить, его кусать, его бросать два или три раза черезъ свое плечо. Джаксонъ, это было имя собаки, Джаксонъ принималъ это спокойно, какъ если онъ не себя дѣлалъ никогда ожидающимъ къ другой вещи, и когда пари бывали удваиваемы и снова удваиваемыми противъ насъ, онъ вамъ схватывалъ другую собаку аккуратъ въ суставъ ноги зада, и онъ не ее выпускалъ болѣе, нѣтъ не что онъ ее желалъ вы понимаете, но онъ себя тамъ былъ бы держащимъ до тѣхъ поръ, что бросятъ губку въ воздухъ, слѣдовало бы онъ ждалъ годъ. Смилей выигрывалъ всегда съ этимъ животнымъ тамъ; къ несчастью, они имѣютъ кончили черезъ дрессировать одну собаку, которая не имѣла не лапъ зада, потому что ихъ имѣли отпиленными, и когда вещи были на точкѣ, что онъ хотѣлъ, и что онъ пришелъ себя бросить на свой кусокъ любимый, бѣдная собака поняла въ одну минуту, что себя были издѣвались надъ ней, и что другая ее держала. Вы не имѣете никогда видѣли никого имѣть видъ болѣе сконфуженный и болѣе обезкураженный; онъ не сдѣлалъ никакого усилія, чтобы выиграть сраженіе, и былъ жестоко потрясенъ, такимъ образомъ что, смотря Смилей какъ для ему сказать. Мое сердце есть разбито, это есть твоя ошибка; зачѣмъ меня

имѣть предоставленнымъ одной собакѣ, которая не имѣетъ нѣтъ лапъ зада, потому что это есть черезъ то, что я ихъ побиваю? Онъ себя оттуда шелъ, прихрамывая, и себя положилъ для умирать. А это была одна хорошая собака, этотъ Джаксонъ, и она себѣ была бы сдѣланнымъ одно имя, если она имѣла живущей, ибо онъ тамъ имѣлъ матеріи въ немъ, она имѣла дарованіе, я это знаю, хорошо что большіе случаи ей имѣли не доставать, но онъ есть невозможно предположить, что одинъ песъ способенъ себя бить какъ онъ, извѣстныя обстоятельства будучи данными, имѣлъ бы не доставать таланта. Я меня чувствую печальнымъ всякіе раза, что я думаю объ его послѣднемъ сраженіи и о развязкѣ, что онъ имѣлъ. И хорошо! Этотъ Смилей откармливалъ таксовъ для крысъ и пѣтуховъ сраженія, и кошекъ, и всякій родъ вещей, на точкѣ, что онъ былъ всегда въ мѣрѣ вамъ держать голову, и что съ его страстью пари онъ не имѣлъ болѣе покоя. Онъ поймалъ одинъ день одну лягушку и ее унесъ къ нему, говоря, что онъ имѣлъ въ виду дѣлать ея воспитаніе; вы мнѣ повѣрите, если вы желаете, но во время трехъ мѣсяцевъ онъ не имѣетъ ничего дѣлать, что ее научать прыгать въ одномъ углу отдаленномъ своего дома. И я вамъ отвѣчаю, что онъ имѣлъ успѣть. Онъ ей давалъ маленькій ударъ черезъ задъ, и минуту потомъ вы видѣли лягушку вертѣться въ воздухѣ какъ оладья надъ плитой, дѣлать кувырканье, иной разъ два, когда она была хорошо ушедши, и снова упасть на свои лапы какъ одна кошка. Онъ ее имѣлъ дрессировать въ родѣ схватить мухъ, и ее тамъ упражнялъ продолжительно, такъ хорошо, что одна муха, чѣмъ болѣе далеко, что она показывалась, была одной мухой потерянной. Смилей имѣлъ обыкновеніе говорить, что все то, чего не хватало къ одной лягушкѣ, это было воспитаніе, что съ воспитаніемъ она могла дѣлать почти все, и я это вѣрю. Держите, я его имѣлъ видѣть класть Даніила Вебстеръ тамъ на этотъ полъ. Даніилъ Вебстеръ было имя лягушки, и ей пѣть: „Мухи! Даніилъ, мухи!“ Въ одинъ мигъ глаза Даніилъ имѣлъ вскакивать и хватать муху здѣсь, на конторкѣ, потомъ прыгать снова черезъ землю, гдѣ онъ оставался дѣйствительно себѣ чесать голову съ своей лапой зада, какъ если онъ не имѣлъ нѣтъ малѣйшей идеи о своемъ превосходствѣ. Никогда вы не имѣли видѣть лягушку такую скромную, такую естественную, одаренную, какъ она это была. И когда онъ имѣлъ дѣло прыгать чистѣйшимъ образомъ и просто на землѣ ровной, она дѣлала болѣе дороги въ одинъ прыжокъ, чѣмъ никакое животное его рода, что вы можете знать. Прыгать на гладкомъ, это было ея силой. Когда онъ

шло дѣло объ этомъ, Смилей клалъ въ кучу ставки на нее столько, что онъ ему оставался одинъ красный грошъ. Надо его признать, Смилей былъ чудовищно гордъ своей лягушкой, и онъ имѣлъ право, ибо люди, которые имѣли путешествовать, которые имѣли все видѣть, говорили, что ему сдѣлали бы несправедливость ее сравнить съ одной другой; такимъ образомъ, что Смилей сохранялъ Даніила въ одной маленькой коробкѣ жженой кости, что онъ уносилъ иногда въ городъ для какого-либо случая.

„Одинъ день, одинъ незнакомецъ посторонній къ лагерю его останавливаетъ съ его коробкой и ему говоритъ: „Что есть это, что вы имѣете же сохраненнымъ тамъ внутри?

„Смилей говоритъ однимъ видомъ безразличнымъ: „Это могло бы быть однимъ попугай или одинъ чижикъ, но это не есть ничего подобнаго, это не есть, что одна лягушка.

„Незнакомецъ ее беретъ, ее разглядываетъ со стараніемъ, ее переворачиваетъ съ одного боку и съ другого, потомъ онъ говоритъ: „Держи! Въ дѣйствительности! Къ чему есть она добра?

„— Мой Богъ!—отвѣчаетъ Смилей, всегда съ однимъ видомъ свободнымъ.—Она есть добра для одной вещи, по моему мнѣнію, она можетъ побить въ прыгая всякую лягушку графства Калаверасъ.

„Незнакомецъ подумалъ одну секунду и сказалъ, какъ огорченный: „Я не есть, что одинъ чужеземецъ здѣсь, я не имѣю лягушки; но если я ее имѣлъ одну, я держалъ бы пари.

„— Сильно хорошо,—отвѣчаетъ Смилей.—Ничего болѣе легкаго. Если вы хотите держать мою коробку одну минуту, я пойду вамъ искать одну лягушку. Вотъ же незнакомецъ, который сохраняетъ коробку, который кладетъ свои сорокъ долларовъ на эти Смилей я и кто ждетъ. Онъ ждетъ довольно долго, размышляя совсѣмъ одинъ, и вообразите вы, что онъ беретъ Даніила, ему открываетъ ротъ силой и съ одной ложки для чая его наполняетъ мелкимъ свинцомъ охоты, но его наполняетъ до подбородка, потомъ онъ ее ставитъ на землю. Смилей во время этого времени былъ рыться въ одномъ болотѣ. Наконецъ онъ ловитъ одну лягушку, ее приноситъ къ этому незнакомцу и говоритъ: „Теперь, если вы есть готовы, ставьте ее совсѣмъ противъ Даніила, съ ихъ лапами переда на одной и той же линіи, и я дамъ сигналъ; потомъ онъ прибавляетъ: „Одинъ, два, три, прыгайте!“

„Онъ и незнакомецъ трогаютъ ихъ лягушекъ за задъ, и лягушка новая принимается скакать, но Даніилъ поднимается тяжело, пожимаетъ плечами такъ, какъ одинъ французъ; къ чему хорошему? Онъ не могъ двигаться, онъ былъ посаженъ крѣпко, какъ одна наковальня, онъ не пододвигался нѣтъ

больше чѣмъ если его имѣли поставить на якорь. Смилей былъ удивленъ и отвращенъ, но онъ не сомнѣвался нѣтъ штуки, хорошо услышано. Незнакомецъ прикарманиваетъ деньги, оттуда уходитъ, и въ себя оттуда уходя есть это, что онъ не даетъ нѣтъ одного удара большого пальца черезъ на плечо, какъ такъ, бѣдному Даніилу, говоря своимъ видомъ разбитнымъ: „И хорошо! Я не вижу нѣтъ, что эта лягушка имѣла ничего лучшаго, что одна другая".

„Смилей себѣ чесалъ долго голову, глаза, устремленные на Даніила, пока это что наконецъ онъ говоритъ:

„— Я меня спрашиваю, какъ дьяволъ онъ себѣ дѣлаетъ, что это животное имѣло отказаться... Есть это что она имѣла бы что-нибудь?.. Подумали бы, что она есть распухши...

„Онъ схватываетъ Даніила черезъ кожу шеи, его поднимаетъ и говоритъ: „Волкъ меня ѣшь, если онъ не вѣситъ нѣтъ пять фунтовъ".

„Онъ его поворачиваетъ, и несчастный выплевываетъ двѣ горсти свинца. Когда Смилей узналъ то, что въ этомъ было, онъ сдѣлался, какъ сумасшедшій. Вы его видите отсюда класть свою лягушку на землю и бѣжать за этимъ незнакомцемъ, но онъ не его догналъ никогда, и..."

Журналистика въ Тенесси.

Издатель Мемфизской „Лавины" въ слѣдующихъ мягкихъ выраженіяхъ обрушивается на одного корреспондента, который выставилъ его радикаломъ: „Когда онъ писалъ первое слово, когда онъ писалъ середину предложенія, когда онъ ставилъ точки надъ своими „і", когда онъ дѣлалъ черточки надъ своими „т", когда онъ выводилъ свои періоды, онъ зналъ, что онъ строитъ фразу, насыщенную злобой и дымящую ложью... Биржевыя извѣстія".

Врачъ посовѣтывалъ мнѣ для подкрѣпленія моего здоровья переселиться въ болѣе южный климатъ, а потому я отправился въ Тенесси и получилъ мѣсто (второго редактора) газеты „Утренній блескъ и военный кличъ провинціи Джонсонъ". Когда я пришелъ въ редакцію, я нашелъ главнаго редактора сидѣвшимъ на трехногомъ стулѣ, при чемъ ноги его (редактора) лежали на столѣ изъ сосноваго дерева. Въ комнатѣ стоялъ еще одинъ сосновый столъ и колченогій стулъ, и оба были

совершенно завалены газетами, рукописями и другими бумагами. Кромѣ того, я увидѣлъ деревянную плевательницу, гдѣ лежали окурки сигаръ, и печку, дверца которой висѣла всего на одной верхней петлѣ. Главный редакторъ былъ одѣтъ въ черный суконный фракъ съ длинными фалдами и въ бѣлые полотняные панталоны. Его сапоги были изящны и хорошо вычищены. На немъ была сорочка въ складочкахъ, большое кольцо съ печатью, старомодный стоячій воротникъ и галстухъ „въ клѣтку", съ спускающимися на грудь концами. Вообще костюмъ его можно было отнести приблизительно къ 1848 году. Онъ курилъ сигару, при этомъ думалъ надъ какимъ-то словомъ, и его кудри были сильно растрепаны отъ частаго взъерошиванія рукой. Судя по его чрезвычайно мрачному выраженію, онъ какъ разъ былъ занятъ стряпней особенно трудной передовой статьи для своей газеты. Онъ поручилъ мнѣ взять и прочесть нѣсколько газетъ, а затѣмъ написать статью о „духѣ печати въ Тенесси", въ которой я долженъ былъ привести все, что найду интереснаго.

Я написалъ слѣдующее:

„Духъ печати въ Тенесси".

„Издатели „Полунедѣльнаго землетрясенія", очевидно, находятся подъ вліяніемъ недоразумѣнія относительно Бэллигекской желѣзной дороги. Въ намѣренія общества не входитъ оставить Бэццардвиль налѣво въ сторонѣ. Напротивъ, они считаютъ Бэццардвиль однимъ изъ наиболѣе важныхъ пунктовъ линіи и, слѣдовательно, не могутъ относиться къ нему съ пренебреженіемъ. Господа журналисты изъ „землетрясенія", конечно, не откажутся исправить эту неточность.

„Уважаемый Джонъ Блессомъ, талантливый редакторъ Геггинсвильской газеты „Молнія и военный кличъ свободы", вчера прибылъ въ нашъ городъ. Онъ остановился въ домѣ Ванъ-Бэренса.

Мы замѣтили, что нашъ коллега, редакторъ „Утренняго вопля" въ Медъ-Спрингсѣ, ошибочно предполагаетъ, будто избраніе Ванъ-Вертера еще не рѣшено, но онъ, несомнѣнно, успѣетъ замѣтить свою ошибку раньше, чѣмъ до него дойдутъ эти строки. Онъ, несомнѣнно, былъ введенъ въ заблужденіе неполными отчетами о выборахъ.

Мы съ удольствіемъ отмѣчаемъ, что городъ Блэтерсвиль занятъ заключеніемъ контракта съ нью-йоркскими фирмами, для замощенія своихъ почти непроходимыхъ улицъ никольскими плитками. „Ежедневное ура" очень умѣло пропагандируетъ эту мѣру и вѣритъ въ ея конечный успѣхъ".

Я передалъ главному редактору свою рукопись для сдачи въ наборъ, измѣненія или уничтоженія. Онъ просмотрѣлъ ее и его лобъ нахмурился. Его глаза бѣгали по строчкамъ, въ то время какъ лицо его приняло зловѣщее выраженіе. Я долженъ былъ понять, что въ моей статьѣ не все благополучно Вдругъ онъ вскочилъ и крикнулъ:

— Громъ и молнія! Вы думаете, что я такъ говорю объ этихъ скотахъ? Вы думаете, что моимъ подписчикамъ понравится такая тепленькая водица? Дайте-ка сюда перо!..

Никогда до тѣхъ поръ я не видѣлъ, чтобы перо съ такой злобой бѣгало и царапало по бумагѣ, такъ безжалостно вычеркивало глаголы, имена существительныя и прилагательныя. Когда онъ дошелъ приблизительно до половины моей статьи, кто-то выстрѣлилъ въ него черезъ открытое окно, и тѣмъ на секунду прервалъ однообразный скрипъ пера.

— А!—сказалъ онъ.—Это мерзавецъ Смитъ изъ „Нравственнаго Вулкана“. Вчера былъ срокъ его платежа!

Съ этими словами онъ выхватилъ изъ-за кушака морской револьверъ и выстрѣлилъ. Смитъ упалъ, раненый въ ногу. Благодаря этому, второй его выстрѣлъ тоже не попалъ въ цѣль, и его пуля изувѣчила посторонняго человѣка, именно меня. Правда, это мнѣ стоило всего лишь одинъ палецъ. Затѣмъ главный редакторъ продолжалъ вычеркивать и поправлять. Только что онъ успѣлъ кончить свою работу, какъ кто-то бросилъ въ печную трубу ручную бомбу, которая взорвалась и разнесла печь въ тысячи кусковъ. Впрочемъ, другого вреда она не причинила, если не считать нѣсколькихъ зубовъ, выбитыхъ у меня шалымъ осколкомъ.

— Печь пошла къ чорту!—замѣтилъ главный редакторъ.

Я сказалъ, что и мнѣ это кажется.

— Ну, ничего! При такой погодѣ печь мнѣ все равно не нужна. Я знаю, кто это сдѣлалъ. Я съ нимъ разсчитаюсь. Вотъ, посмотрите, какъ нужно писать статьи!

Я взялъ свою рукопись. Она была такъ изранена вычеркиваніями, что ее не узнала бы родная мать, если только у рукописи можетъ быть мать. Моя статья теперь гласила такъ:

„*Духъ печати въ Тенесси*“.

„Заядлые лгуны изъ „Полунедѣльнаго землетрясенія“, очевидно, заняты навязываніемъ благородному и рыцарскому народу одного изъ своихъ пошлыхъ и наглыхъ клеветническихъ измышленій, касающагося самаго славнаго сооруженія девятнадцатаго вѣка, Бэллигекской желѣзной дороги. Мысль, что Бэццардвиль рѣшено оставить налѣво въ сторонѣ отъ линіи дороги,

родилась въ ихъ собственномъ отвратительномъ мозгу и, вѣрнѣе сказать, въ томъ дрожжевидномъ веществѣ, которое они называютъ мозгомъ. Пусть же они сами проглотятъ свою ложь, если они хотятъ спасти свои мерзкія, разлагающіяся тѣла отъ тѣхъ тумаковъ, которые они вполнѣ заслужили.

— Оселъ Блессомъ изъ Геггенвильской газетишки „Молнія и военный кличъ свободы" опять тунеядствуетъ у насъ въ домѣ Ванъ-Бэренса.

— Мы замѣтили, что тупоумный негодяй изъ „Утренняго вопля" въ Медъ-Спрингсѣ съ своей обычной наклонностью къ лжи утверждаетъ, будто Ванъ-Вертеръ не избранъ. Священная обязанность журналистики заключается въ томъ, чтобы сѣять правду, искоренять заблужденія, воспитывать общественную нравственность, утончать и возвышать чувства, дѣлать всѣхъ людей мягче, добродѣтельнѣе, отзывчивѣе, во всѣхъ отношеніяхъ лучше и счастливѣе; и, тѣмъ не менѣе, этотъ отъявленный мерзавецъ упорно позоритъ свою великую профессію, распространяя ложь, клевету, хулу и пошлость.

— Блэтерсвиль желаетъ имѣть никольсонскую мостовую— тюрьма и богадѣльня были бы тамъ полезнѣе. Мечтать о мостовой въ жалкомъ гнѣздѣ, состоящемъ изъ двухъ винокуренъ, одной кузницы и горчичника, именуемаго газетой „Ежедневное ура"! Старый оселъ Бекнеръ, который завѣдуетъ этимъ „ура", ревётъ съ своей обыкновенной тупостью о мостовой и воображаетъ, будто онъ говоритъ умно".

— Видите, вотъ какъ надо писать, съ солью и перцемъ. А ваша дряблая журналистика только тошноту вызываетъ...

Въ это мгновеніе въ окно съ грохотомъ влетѣлъ кирпичъ и пребольно ударился въ мою спину. Я поспѣшилъ убраться изъ сферы огня и началъ чувствовать себя здѣсь лишнимъ. Главный редакторъ сказалъ:

— Это, вѣроятно, полковникъ. Я жду его уже два дня. Онъ сейчасъ явится сюда.

Онъ былъ правъ. Черезъ нѣсколько секундъ въ дверь вошелъ полковникъ съ кавалерійскимъ револьверомъ въ рукахъ.

— Милостивый государь,—сказалъ онъ,—я имѣю честь говорить съ тѣмъ трусомъ, который редактируетъ эту паршивую газету?

— Эту честь вы имѣете. Прошу садиться. Остерегитесь стула: у него только три ножки. Я полагаю, что, въ свою очередь, имѣю честь видѣть у себя гнилого лгуна, полковника Блэтерскитъ Текомзей?

— Совершенно вѣрно. Мнѣ съ вами надо немного посчитаться. Если у васъ есть время,—начнемте.

— Я, правда, долженъ кончить статью объ „утѣшительномъ прогрессѣ нравственнаго и интеллектуальнаго развитія въ Америкѣ", но это не такъ спѣшно. Пожалуйста, начинайте.

Изъ обоихъ револьверовъ выстрѣлы грянули одновременно. Главный редакторъ потерялъ прядь волосъ съ головы, и пуля полковника закончила свой полетъ въ мякоти моей ноги. Полковникъ былъ слегка раненъ въ лѣвое плечо. Они опять выстрѣлили. На этотъ разъ оба промахнулись, но я получилъ свою долю, въ видѣ раны выше локтя. При третьихъ выстрѣлахъ оказались легко ранеными оба противника, а у меня былъ прострѣленъ щиколотокъ. Послѣ этого я сказалъ, что, по моему мнѣнію, мнѣ лучше будетъ немного прогуляться, потому что здѣсь рѣшается совершенно частное дѣло и чувство деликатности не позволяетъ мнѣ дольше оставаться. Но они оба просили меня остаться, увѣряя, что я имъ совсѣмъ не мѣшаю. Пока они вкладывали въ свои револьверы свѣжіе патроны, они бесѣдовали о выборахъ и урожаяхъ, а я принялся перевязывать свои раны. Но вдругъ они опять начали оживленную перестрѣлку, при чемъ каждая пуля попадала въ цѣль, хотя я долженъ замѣтить, что изъ шести пуль пять пришлись на мою долю. Шестымъ выстрѣломъ полковникъ былъ раненъ смертельно; онъ съ тонкимъ юморомъ замѣтилъ, что теперь ему остается только откланяться, потому что у него въ городѣ дѣла. Затѣмъ онъ спросилъ, гдѣ живетъ гробовщикъ, и ушелъ.

Послѣ ухода полковника главный редакторъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Я жду гостей къ обѣду и долженъ приготовиться къ ихъ пріему. Я буду вамъ очень благодаренъ, если вы прочтете за меня корректурные оттиски и примете посѣтителей.

При мысли о пріемѣ посѣтителей мнѣ сдѣлалось не по себѣ, но у меня въ ушахъ еще гремѣли револьверные выстрѣлы и я былъ слишкомъ растерянъ, чтобы вообще что-либо возражать. Онъ продолжалъ:

— Джонсъ будетъ здѣсь въ три часа—отколотите его хорошенько! Джильспи, можетъ-быть, придетъ раньше—его вы выбросьте изъ окна. Фергёзонъ хотѣлъ зайти около четырехъ часовъ—этого вы убейте. Ну, на сегодня, думаю, будетъ довольно. Если у васъ еще останется свободное время, то можете написать ѣдкую статейку противъ полиціи—получше изругайте старшаго инспектора. Ремни для порки лежатъ подъ

столомъ, оружіе въ столѣ, патроны тамъ въ углу. Корпію и перевязочный матеріалъ найдете въ тѣхъ маленькихъ ящичкахъ. Если случится что серьезное, сойдите внизъ къ доктору Лэнцетъ. Онъ у насъ публикуется,—помогаемъ другъ другу, понимаете?

И онъ ушелъ. У меня по всему тѣлу пробѣгала дрожь. Въ теченіе слѣдующихъ трехъ часовъ я пережилъ такіе ужасы, что у меня надолго пропалъ душевный миръ и покой. Явился Джильспи, котораго я долженъ былъ выбросить въ окно, и выбросилъ въ окно меня. Въ назначенный часъ пришелъ Джонсъ, но когда я захотѣлъ его отколотить, онъ принялъ этотъ трудъ на себя. При встрѣчѣ съ незнакомцемъ, не предусмотрѣннымъ въ программѣ, я потерялъ кожу съ головы. Другой незнакомецъ, по имени Томпсонъ, оставилъ меня совершеннымъ инвалидомъ, кучкой тряпокъ.

Измученный, загнанный въ уголъ, тѣснимый цѣлой толпой редакторовъ, мошенниковъ, политиковъ и разныхъ опустившихся субъектовъ, которые бѣсновались, сыпали проклятіями и размахивали надъ моей головой оружіемъ, пока весь воздухъ не наполнился блестящей сталью, я, наконецъ, хотѣлъ отказаться отъ своего мѣста редактора, какъ вдругъ появился мой старшій товарищъ, а съ нимъ толпа фанатичныхъ, воодушевленныхъ друзей. Затѣмъ послѣдовала сцена битвы и кровопролитія, которую не въ силахъ было бы описать никакое человѣческое перо, не говоря уже о стальномъ. Нѣкоторые были застрѣлены, другіе ограблены, искалѣчены, взорваны на воздухъ, выброшены изъ окна. Поднялась буря страшныхъ проклятій, вокругъ меня пронесся хаосъ дикой, безумной военной пляски, и потомъ все было кончено. Черезъ пять минуть все погрузилось въ глубокое молчаніе; главный редакторъ, залитый кровью, и я сидѣли одни и обозрѣвали кровавые обломки, которыми былъ заваленъ полъ. Главный редакторъ сказалъ:

— Вы полюбите это мѣсто, когда привыкнете къ нему.

На это я возразилъ:

— Прошу у васъ извиненія; очень возможно, что черезъ нѣкоторое время я могъ бы научиться писать, къ полному вашему удовольствію, я въ этомъ даже увѣренъ, особенно послѣ того, какъ я немного попрактикуюсь и изучу мѣстное нарѣчіе. Но, говоря откровенно, вашъ способъ выражаться энергично имѣетъ нѣкоторыя неудобства, и, какъ вы сами видите, приходится часто прерывать работу. Сильно написанныя статьи, безъ сомнѣнія, способны возвышать читателей, но, видите ли, я не люблю возбуждать въ публикѣ такого напряженнаго вни-

манія, какое вызываете вы. Я не могу работать удовлетворительно, если меня прерываютъ такъ часто, какъ сегодня. Это мѣсто само по себѣ мнѣ очень нравится, но я не хочу принимать посѣтителей. Я согласенъ съ тѣмъ, что все пережитое мною сегодня очень ново, до извѣстной степени даже занимательно, но, по моему мнѣнію, роли распредѣлены не совсѣмъ справедливо. Кто-то стрѣляетъ черезъ окно въ *васъ*, и дѣлаетъ *меня* калѣкой. Въ печкѣ взрывается бомба для *вашего* развлеченія, а печная дверь летитъ *мнѣ* въ лицо. Вашъ другъ является, чтобы объясниться съ *вами*, а его пули продырявливаютъ мою кожу, пока не начинаютъ просачиваться наружу всѣ мои принципы. Вы идете обѣдать, а Джонсъ обрабатываетъ меня ремнемъ, Джильспи выбрасываетъ меня въ окно, Томпсонъ срываетъ съ меня платье, какой-то незнакомецъ съ безцеремонностью стараго знакомаго сдираетъ у меня съ головы кожу, а черезъ какія-нибудь пять минутъ появляются всѣ мѣстные головорѣзы въ полномъ вооруженіи и пугаютъ то, что отъ меня еще осталось, чуть ли не до смерти. Увѣряю васъ, что никогда въ жизни мнѣ еще не приходилось переживать такихъ безпокойныхъ часовъ, какъ сегодня. Я васъ, право, люблю, и мнѣ нравится ваша тихая, спокойная манера принимать посѣтителей, но вы видите, что я не привыкъ ко всему этому, для меня южное сердце слишкомъ горячо; южное гостепріимство слишкомъ расточительно для чужеземца. Строки, которыя я сегодня написалъ, въ холодныя фразы которыхъ ваша опытная рука влила горячія чувства духа печати въ Тенесси, растревожатъ новое гнѣздо осъ. Явится новая толпа редакторовъ—явятся они голодные и съѣдятъ здѣсь кого-нибудь въ видѣ завтрака. Я долженъ съ вами разстаться, потому что у меня нѣтъ желанія присутствовать при подобныхъ торжествахъ. Я пріѣхалъ на югъ ради своего здоровья и ради него же я вернусь на сѣверъ, и притомъ немедленно. Журналистика въ Тенесси слишкомъ возбуждаетъ мои нервы.

Послѣ этого мы разстались съ выраженіями обоюднаго сожалѣнія, и я легъ въ больницу.

Повѣсть о дурномъ маленькомъ мальчикѣ.

Жилъ-былъ злой маленькій мальчикъ, и звали его Джимъ, хотя злыхъ маленькихъ мальчиковъ почти всегда зовутъ Яковами, въ чемъ вы легко можете убѣдиться, если прочтете воскресныя школьныя хрестоматіи. Но, какъ это ни странно, однако этого мальчика все-таки звали Джимъ.

И у него даже не было больной матери,—той больной матери, которая отличается набожностью и страдаетъ чахоткой, которая была бы рада лечь въ могилу и отдохнуть, если бы только ее не удерживала горячая любовь къ сыну и боязнь, что когда ея не станетъ, люди будутъ къ нему холодны и жестоки. Большинство злыхъ мальчиковъ изъ хрестоматіи называются Яковами и имѣютъ больныхъ матерей, которыя учатъ ихъ говорить:

„Я сегодня усталъ, я хочу отдохнуть... и т. д.", которыя поютъ колыбельную пѣснь мягкимъ, грустнымъ голосомъ, которыя цѣлуютъ ихъ на сонъ грядущій, становятся около кроватокъ на колѣни и плачутъ. Нѣтъ, у этого мальчика ничего такого не было. Его звали Джимъ, и его мать была совершенно здорова,—ни чахоткой, ни чѣмъ-либо другимъ въ такомъ родѣ она не страдала. Ее скорѣе можно было бы назвать коренастой, крѣпышомъ и она не отличалась набожностью; кромѣ того, она совсѣмъ не дрожала за своего Джима. По ея мнѣнію, не было бы большой потерей, если бы даже онъ сломалъ себѣ шею. Она провожала его въ кроват пинками и никогда не цѣловала его на сонъ грядущій; напротивъ, она на прощанье награждала его добрыми оплеухами.

Въ одинъ прекрасный день этотъ злой мальчикъ стащилъ ключи отъ кладовой, забрался туда и запустилъ лапы въ мармеладъ. Потомъ онъ дополнилъ горшокъ дегтемъ, чтобы мать не замѣтила убыли; и, странное дѣло, у него при этомъ даже не было угрызеній совѣсти, и ничто ему не шептало:

— А развѣ хорошо, что я не слушаюсь своей мамы? А развѣ это не грѣхъ? И куда попадутъ тѣ злые маленькіе мальчики, которые таскаютъ у своихъ милыхъ, добрыхъ матерей мармеладъ?

И онъ въ одиночествѣ не опускался на колѣни и не давалъ обѣщаній исправиться, не вставалъ съ сердцемъ облегченнымъ, наполненнымъ свѣтлымъ счастьемъ, не шелъ къ своей матери и не каялся ей въ своемъ грѣхѣ, не просилъ у

нея прощенія, и она не благословляла его, со слезами гордости и признательности на глазахъ. Нѣтъ, все это продѣлываютъ другіе злые мальчики изъ книгъ, а Джимъ, какъ это ни странно, поступилъ иначе. Онъ съѣлъ мармеладъ и, какъ то подобаетъ порочному и обыкновенному мальчику, сказалъ себѣ, что это „штука вкусная". Потомъ онъ влилъ въ горшокъ дегтя и разсмѣялся при мысли о томъ, какъ „старуха будетъ бѣситься", когда откроетъ его продѣлку. А когда она ее открыла, онъ отрекся отъ всего, и она его добросовѣстно выпорола, при чемъ ревѣлъ онъ уже самолично. Вообще въ этомъ мальчикѣ все было какое-то особенное, все складывалось для него иначе, чѣмъ для другихъ злыхъ Якововъ, описанныхъ въ хрестоматіяхъ.

Однажды онъ залѣзъ на яблоню фермера Акорна, чтобы полакомиться яблоками, и сукъ подъ нимъ не подломился, Джимъ не упалъ внизъ, не сломалъ себѣ руку, его не укусила большая собака фермера, и онъ не лежалъ потомъ цѣлыми недѣлями больной въ постели, не раскаивался и не исправился. О нѣтъ! Онъ воровалъ столько яблоковъ, сколько ему хотѣлось, и всегда слѣзалъ внизъ цѣлымъ и невредимымъ; съ собакой онъ отлично справлялся, и когда она бросалась на него, онъ билъ ее кирпичомъ. Все это чрезвычайно странно, потому что ничего подобнаго никогда не случалось съ мальчиками, описанными въ маленькихъ пестрыхъ книжкахъ съ картинками, на которыхъ изображены мужчины во фракахъ, колоколоподобныхъ шляпахъ и короткихъ штанахъ, и женщины съ короткими таліями и безъ кринолиновъ. Ни въ одной хрестоматіи нельзя найти ничего подобнаго.

Какъ-то разъ онъ стащилъ въ школѣ у учителя перочинный ножикъ, а когда онъ сталъ бояться, что его поймаютъ съ поличнымъ, онъ спряталъ ножикъ въ фуражку Георга Вильсона, сына вдовы Вильсонъ, примѣрнаго, лучшаго мальчика въ деревнѣ, который всегда слушался своей матери, никогда не лгалъ и нѣжно любилъ воскресную школу. И когда ножикъ упалъ изъ фуражки на полъ, когда бѣдный Георгъ опустилъ голову и покраснѣлъ, будто отъ сознанія своей вины, а огорченный учитель обвинилъ его въ кражѣ и поднялъ надъ его плечами розгу, то среди класса не появился сѣдовласый, невозможный судья, не сталъ въ драматическую позу и не воскликнулъ:

— Пощади этого благороднаго мальчика—вонъ тамъ стоитъ трусливый злодѣй! Я проходилъ мимо школьныхъ дверей, когда уроки уже кончились, и, невидимый самъ, я видѣлъ, какъ онъ укралъ ножикъ!

И затѣмъ Джима не наказывали, а почтенный судья не говорилъ истекающимъ слезами школьникамъ проповѣди, не бралъ Георга за руку, не заявлялъ, что такой мальчикъ заслуживаетъ, чтобы его возвысили, не приказывалъ ему прійти къ себѣ, не помѣщалъ его у себя въ домѣ, не поручалъ ему мести судебную комнату, исполнять порученія, изучать законы, помогать дома по хозяйству, остальное время играть и развлекаться, но притомъ зарабатывать сорокъ центовъ (около 80 копеекъ) въ мѣсяцъ и наслаждаться безмятежнымъ счастьемъ. Нѣтъ, все это совершилось бы въ книжкахъ, а у Джима дѣлалось по другому. Въ школу не входилъ старый разсудительный судья, а потому примѣрнаго Георга благополучно пороли, и Джимъ радовался этому, потому что Джимъ, какъ извѣстно, ненавидѣлъ примѣрныхъ мальчиковъ. Онъ говорилъ, что „не выноситъ такихъ кисляевъ". Такъ грубо выражался этотъ злой, распущенный мальчикъ.

Но самое странное происшествіе случилось съ Джимомъ въ одно воскресенье, когда онъ катался на лодкѣ, и при этомъ не утонулъ, а въ другой разъ, тоже въ воскресенье, когда онъ ловилъ рыбу, его застигла гроза, и, тѣмъ не менѣе, его не убила молнія. Право, вы можете просмотрѣть всѣ дѣтскія хрестоматіи, отнынѣ и до будущаго Рождества, и все-таки не найти ничего подобнаго. О, вы тамъ прочтете, что дурные мальчики, которые по воскресеньямъ катаются на лодкѣ, всѣ безъ исключенія тонутъ и что всѣ дурные мальчики, которыхъ застигаетъ гроза, если они по воскресеньямъ ловятъ рыбу, непремѣнно гибнутъ отъ молніи. Лодки съ злыми мальчиками по воскресеньямъ опрокидываются, а если злые мальчики по воскресеньямъ ловятъ рыбу, то всегда разражается гроза. Для меня останется навсегда непонятнымъ, какимъ образомъ Джиму удалось избѣгнуть этой обычной участи всѣхъ дурныхъ мальчиковъ. Единственное рѣшеніе загадки я вижу въ томъ, что этотъ Джимъ былъ заколдованъ. Ничто его не брало. Онъ даже далъ въ звѣринцѣ слону щепотку нюхательнаго табаку, и слонъ не размозжилъ ему хоботомъ голову. Онъ лазилъ въ буфетъ за мятнымъ масломъ, и не ошибался, не пилъ азотной кислоты или „царской водки". Онъ тайкомъ бралъ у отца ружье, шелъ въ воскресенье охотиться и не прострѣливалъ себѣ три или четыре пальца.

Въ пылу злости онъ билъ свою маленькую сестренку кулакомъ по виску, и она не чахла въ длинные лѣтніе дни, не умирала съ трогательными словами прощенія, которыя удваивали бы страданія его истерзаннаго сердца. Нѣтъ, она все выдерживала. Наконецъ онъ убѣжалъ, поступилъ юнгой на

корабль, но не вернулся назадъ, чтобы очутиться на свѣтѣ печальнымъ и одинокимъ, не нашелъ всѣхъ своихъ близкихъ мирно спящими на кладбищѣ, а свое родное пепелище, въ которомъ онъ провелъ дни дѣтства золотого, обвитымъ плющемъ, но развалившимся, заброшеннымъ. О нѣтъ! онъ вернулся пьяный, какъ сапожникъ, и сразу попалъ въ участокъ.

Онъ выросъ, женился, расплодилъ большую семью, въ одинъ прескверный вечеръ разбилъ всѣмъ своимъ головы, потомъ, при помощи всевозможныхъ мошенничествъ и обмановъ, разбогатѣлъ. Теперь онъ по праву считается самымъ отъявленнымъ мерзавцемъ своей родины, всюду пользуется почетомъ и занимаетъ видное мѣсто въ высшей администраціи.

Какъ видишь, читатель, никогда не было на свѣтѣ дурного Якова, описаннаго въ дѣтскихъ хрестоматіяхъ, который имѣлъ бы столько непрерывнаго счастья, какъ этотъ многогрѣшный заколдованный Джимъ.

Повѣсть о добромъ маленькомъ мальчикѣ.

Жилъ-былъ добрый маленькій мальчикъ, и звали его Яковъ Бливенсъ. Онъ всегда и во всемъ слушался своихъ родителей, какъ бы несправедливы и неразумны ни были ихъ требованія; онъ всегда выучивалъ свои уроки и никогда не опаздывалъ въ воскресную школу. Онъ не хотѣлъ пропускать уроковъ даже тогда, когда разумъ подсказывалъ ему, что пропустить ихъ для него было бы полезнѣе всего. Ни одинъ изъ другихъ мальчиковъ не могъ понять, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, но онъ продолжалъ дѣлать то же самое. Онъ никогда не лгалъ, какую бы пользу ни сулила ему ложь. Онъ просто говорилъ, что лгать нехорошо, и этого для него было вполнѣ достаточно. Своей честностью онъ былъ положительно смѣшонъ. Вообще этотъ Яковъ бымъ самый странный мальчикъ на свѣтѣ. По воскресеньямъ онъ не рѣзвился, не разорялъ птичьихъ гнѣздъ, не давалъ обезьянамъ бродячихъ музыкантовъ раскаленныя монеты; кромѣ того, его совсѣмъ не занимали разумныя развлеченія. Другіе мальчики старались понять его и объяснить себѣ его поведеніе, но не приходили къ какому-либо удовлетворительному заключенію. Какъ я уже сказалъ, они только смутно догадывались, что онъ немного „тронутъ“, а потому

они благосклонно приняли его подъ свое покровительство и заботливо охраняли его отъ всякихъ непріятностей.

Этотъ добрый маленькій мальчикъ читалъ всѣ дѣтскія хрестоматіи и восторгался ими. Это былъ его секретъ. Онъ вѣрилъ въ добрыхъ маленькихъ мальчиковъ, описанныхъ въ книгахъ, и вполнѣ полагался на нихъ. Встрѣтить когда-нибудь такого мальчика въ жизни—было его самымъ страстнымъ желаніемъ, которое, однако, не исполнялось. Можетъ-быть, всѣ они умерли до его рожденія. Когда ему приходилось читать объ особенно добромъ мальчикѣ, онъ спѣшилъ перелистать книжку до конца разсказа, чтобы посмотрѣть, что стало съ мальчикомъ, потому что онъ охотно поѣхалъ бы за тысячи миль, чтобы только посмотрѣть на него. Но все это не помогало. Маленькій добрый мальчикъ непремѣнно умиралъ въ послѣдней главѣ, и тамъ были изображены его похороны: какъ вокругъ его могилы стояли всѣ родственники и ученики воскресной школы, въ непомѣрно короткихъ панталонахъ и черезчуръ большихъ шляпахъ, и какъ всѣ они лили слезы въ аршинные носовые платки. Такимъ образомъ его всегда ждало разочарованіе, ему никогда не удавалось увидѣть маленькаго добраго мальчика, потому что всѣ маленькіе добрые мальчики умирали къ концу разсказа.

Яковъ горѣлъ благороднымъ, честолюбивымъ стремленіемъ попасть въ дѣтскую хрестоматію. Ему хотѣлось, чтобы въ разсказѣ о немъ были картинки, на которыхъ было бы изображено, какъ онъ отказывается обманывать свою мать и какъ мать по этому случаю плачетъ отъ радости; какъ онъ стоитъ на крыльцѣ, подаетъ нищей съ шестью дѣтьми грошъ и позволяетъ ей истратить эти деньги, но не расточать ихъ, потому что расточительность—грѣхъ; какъ онъ геройски отказывается выдать злого мальчика, который всегда подкарауливаетъ его по дорогѣ въ школу на углу, бьетъ его палкой по головѣ, гонитъ его домой и кричитъ ему вслѣдъ:

— Эй! Эй!..

Попасть въ дѣтскую хрестоматію—было завѣтной мечтой маленькаго Якова Бливенса. Иногда, когда онъ вспоминалъ, что добрые маленькіе мальчики всегда умирали, имъ овладѣвало непріятное чувство. Онъ, знаете, любилъ жизнь, и для него смерть была самой непріятной стороной существованія мальчика изъ дѣтской хрестоматіи. Онъ зналъ, что быть добрымъ нездорово. Онъ зналъ, что сверхъестественная доброта мальчиковъ изъ хрестоматіи опаснѣе чахотки; онъ зналъ, что ни одинъ изъ нихъ не могъ долго выдержать своей доброты, и ему была обидна мысль, что, если онъ когда-нибудь попа-

детъ въ хрестоматію, ему не придется увидѣть ее, если же книга выйдетъ до его смерти, то исторія о немъ безъ трогательной картины похоронъ не такъ будетъ нравиться. Даже больше. Это уже будетъ совсѣмъ не настоящая хрестоматія, если въ ней не напечатаютъ того совѣта, который онъ далъ окружающимъ передъ смертью. Такимъ образомъ ему, въ концѣ-концовъ, пришлось рѣшиться дѣлать все отъ него зависящее при данныхъ условіяхъ—жить праведно, влачить свое существованіе, пока можно, и держать въ готовности предсмертную рѣчь къ тому времени, когда она понадобится.

Но не знаю, чѣмъ это объяснить, у этого добраго маленькаго мальчика все шло какъ-то несуразно; ничего у него не дѣлалось такъ, какъ у маленькихъ добрыхъ мальчиковъ изъ хрестоматій. Имъ все улыбалось, а злые мальчики лежали со сломанными ногами, что же касается его, то у него всегда не хватало какого-нибудь винтика, и все шло вкось и вкривь. Если онъ видѣлъ, что Джимъ Блэкъ воруетъ яблоки и становился подъ деревомъ, чтобы прочесть ему исторію о зломъ маленькомъ мальчикѣ, который упалъ съ сосѣдской яблони и сломалъ себѣ руку, то Джимъ дѣйствительно падалъ съ дерева, но падалѣ на *него*, ломалъ *его* руку, а самъ оставался невредимымъ. Яковъ никакъ не могъ себѣ этого объяснить; ничего подобнаго онъ не читалъ въ книжкахъ.

А разъ, когда нѣсколько злыхъ мальчиковъ такъ толкнули слѣпого, что тотъ упалъ въ лужу, и Яковъ подбѣжалъ къ нему, чтобы помочь ему подняться и получить отъ него благословеніе, слѣпой не только не благословилъ Якова, а даже ударилъ его палкой по головѣ и сказалъ, что ему придется плохо, если онъ попробуетъ еще разъ уронить его и потомъ для вида будетъ помогать ему подниматься. Такихъ случаевъ не было описано ни въ одной книжкѣ, Яковъ нарочно просмотрѣлъ ихъ всѣ. Яковъ страстно желалъ *одного*, именно: найти хромую, бездомную, голодную собаку, которую бы кто-нибудь преслѣдовалъ; чтобы онъ могъ снести ее къ себѣ домой, ласкать ее и затѣмъ пользоваться безконечной, благодарной преданностью пса. Наконецъ онъ нашелъ такую собаку и былъ вполнѣ счастливъ; онъ принесъ ее домой, накормилъ, но, когда дѣло дошло до ласкъ, собака бросилась на него, сорвала съ него штанишки и сдѣлала изъ него довольно удивительную фигуру. Яковъ снова бросился къ своимъ хрестоматіямъ, но не нашелъ въ нихъ ничего подходящаго. Собака была совсѣмъ такая же собака, какъ собаки, описанныя въ книжкахъ, но вела она себя совсѣмъ по другому. Вообще все, что ни дѣлалъ этотъ мальчикъ, приносило ему только однѣ

непріятности. Тѣ же самые поступки, за которые мальчики въ книжкахъ награждались, для него оказывались самыми невыгодными изъ всѣхъ, какіе онъ только могъ бы придумать.

Однажды шелъ онъ въ воскресную школу и увидѣлъ, что нѣсколько злыхъ мальчиковъ собираются на прогулку въ парусной лодкѣ. Онъ ужаснулся, потому что изъ книгъ ему было извѣстно, что мальчики, катающіеся въ воскресенье на лодкѣ, непремѣнно тонутъ. Онъ побѣжалъ на плотъ, чтобы предупредить ихъ, но одно бревно перевернулось подъ его ногой, онъ поскользнулся и упалъ въ рѣчку. Правда, его скоро вытащили, докторъ выкачалъ изъ него воду и мѣхами накачалъ въ него воздухъ, но онъ простудился, захворалъ и десять недѣль пролежалъ въ постели. Однако самое непонятное въ этой исторіи для него было то, что злые мальчики провели въ лодкѣ весело время и вернулись домой поразительно здоровыми и оживленными. Яковъ Бливенсъ не зналъ такого примѣра въ книгахъ; онъ просто онѣмѣлъ отъ удивленія.

Когда онъ выздоровѣлъ, онъ какъ будто былъ нѣсколько сбитъ съ толку, но все-таки рѣшилъ продолжать жить попрежнему. Онъ зналъ, что до сихъ поръ описаніе его приключеній еще не годилось для хрестоматіи, но вѣдь онъ и не достигъ возраста, необходимаго для этого, если же ему удастся вытерпѣть до нужнаго срока, то онъ надѣялся еще дать необходимый для хрестоматіи матеріалъ. Но даже если ему ничего не удастся сдѣлать, у него все-таки останется предсмертная рѣчь.

Онъ справился въ книгахъ и нашелъ, что теперь для него пришло время поступить на корабль юнгой. Онъ обратился къ одному капитану, а когда тотъ спросилъ у него рекомендаціи, онъ гордо вынулъ изъ кармана книжечку и показалъ капитану надпись: *Якову Бливенсу отъ нѣжно его любящаго учителя.* Но капитанъ оказался грубымъ, невоспитаннымъ человѣкомъ и сказалъ:

— А, чортъ возьми! Это еще не доказательство, что ты умѣешь мыть посуду и скрести палубу. Ты мнѣ не нуженъ!

Вотъ это, дѣйствительно, былъ самый чрезвычайный случай, какой только приходилось переживать Якову. Надпись учителя на книжкѣ всегда и неизмѣнно пробуждала въ капитанахъ самыя нѣжныя чувства, открывала дорогу ко всѣмъ почетнымъ, хорошо оплачиваемымъ должностямъ на корабляхъ,—да, такъ это было по описаніямъ всѣхъ книгъ, которыя онъ прочелъ. Онъ просто не вѣрилъ своимъ ушамъ и глазамъ.

И во всемъ-то не везло этому мальчику. Ничего не дѣлалось по его желаніямъ. Въ одинъ прекрасный день онъ отпра-

вился увѣщавать маленькихъ злыхъ мальчиковъ и нашелъ ихъ собравшимися въ старой чугунно-литейной мастерской. Тамъ они были заняты маленькой шуткой: связали четырнадцать или пятнадцать собакъ въ видѣ одной длинной цѣпи, и въ моментъ его прихода какъ разъ украшали ихъ хвосты пустыми бутылями изъ-подъ нитроглицерина *). Сердце Якова было тронуто. Онъ сѣлъ на большую бутыль (ибо, когда его звалъ долгъ, онъ не обращалъ вниманія на масляныя пятна), взялъ первую собаку рукой за ошейникъ и вперилъ укоряющій взоръ въ злого Тома Джонса. Но какъ разъ въ этотъ моментъ въ мастерской появился пылавшій злостью староста Уэльтеръ. Всѣ злые мальчики разбѣжались, но Яковъ Бливенсъ въ сознаніи своей невиновности остался. Онъ всталъ съ бутыли и началъ одну изъ тѣхъ прекрасныхъ маленькихъ рѣчей, напечатанныхъ въ хрестоматіяхъ, которыя всегда начинаются словами: — „О добрый господинъ!“ хотя въ дѣйствительности мальчикъ, будь онъ злой или добрый, никогда не начнетъ фразу словами: — „О добрый господинъ!“

Но староста не далъ ему продолжать. Онъ взялъ Якова Бливенса за ухо, перевернулъ его и шлепнулъ его ладонью по спинѣ. И въ то же самое мгновеніе добрый, маленькій мальчикъ пролетѣлъ сквозь крышу и помчался прямо къ солнцу, а за нимъ, какъ хвостъ дракона, полетѣли обрывки пятнадцати собакъ. И на землѣ съ тѣхъ поръ уже никто не видѣлъ ни старосты Уэльтера ни той старой чугунно-литейной мастерской; что же касается маленькаго Якова Бливенса, то ему такъ и не удалось сказать свою предсмертную рѣчь, которая стоила ему столько труда, если только онъ во время полета не сказалъ ее птичкамъ; потому что, хотя значительная часть его бренныхъ останковъ и повисла на одномъ деревѣ, въ сосѣдней провинціи, но все остальное было развѣяно на всѣ четыре стороны и долго еще нельзя было съ увѣренностью сказать, живъ ли онъ или дѣйствительно умеръ. Никогда еще ни одинъ мальчикъ не раскидывался такъ широко **).

Такъ погибъ добрый маленькій мальчикъ, который дѣлалъ все возможное, чтобы быть хорошимъ, но которому не посча-

---

*) *Нитроглицеринъ* — одно изъ самыхъ сильныхъ взрывчатыхъ веществъ, около сорока разъ сильнѣе пороха. (*Переводч.*).

**) Эта катастрофа съ нитроглицериномъ взята изъ одной газетной статьи, автора которой я съ удовольствіемъ назвалъ бы, если бы только зналъ его имя. (*Маркъ Твэнъ*).

стливилось такъ, какъ мальчикамъ изъ хрестоматій. Каждому мальчику, который когда-либо поступалъ такъ, какъ онъ, улыбалось счастье,—только не ему. Его судьба дѣйствительно замѣчательна. Ее, вѣроятно, никогда не удастся объяснить.

Ніагара.

Ніагарскіе водопады представляютъ собой отличное мѣсто для увеселительныхъ поѣздокъ. Гостиницы тамъ превосходны, а цѣны въ нихъ... не такъ, чтобы уже слишкомъ высоки.

Лучшей рыбной ловли не найти во всей странѣ. Въ другихъ мѣстностяхъ въ рѣкахъ есть мѣста, гдѣ рыба ловится лучше, и есть мѣста, гдѣ рыба ловится хуже; а на Ніагарѣ всѣ мѣста рѣшительно одинаковы по той простой причинѣ, что тамъ рыба *нигдѣ* не клюетъ. Благодаря этому счастливому обстоятельству, нѣтъ надобности бѣжать изъ-за рыбной ловли за нѣсколько миль, потому что одинаково успѣшныхъ результатовъ можно достигнуть и поблизости. Преимущества такого положенія вещей до сихъ поръ еще недостаточно выяснены публикой.

Погода лѣтомъ стоитъ прохладная, пѣшеходныя и проѣзжія дороги всѣ въ образцовомъ порядкѣ и ни одна изъ нихъ не утомляетъ. Для осмотра водопадовъ сначала плывутъ на лодкѣ внизъ по рѣкѣ приблизительно одну милю, и платятъ небольшую сумму за право смотрѣть съ крутой скалы внизъ на самую узкую часть рѣки Ніагары. Желѣзная дорога, разрѣзающая какой-нибудь холмъ, представляла бы собою зрѣлище не менѣе красивое и любопытное, если бы внизу сердито пѣнилась быстрая рѣка. Отсюда можно сойти внизъ по лѣстницѣ, состоящей изъ ста пятидесяти ступеней, и постоять около самой воды. А когда сдѣлаешь это, то удивленно спрашиваешь себя, зачѣмъ ты это сдѣлалъ, но тогда уже слишкомъ поздно.

Проводникъ будетъ въ страшныхъ краскахъ описывать, какъ онъ видѣлъ маленькій паровой катеръ „Сирена“ летящимъ внизъ по ужасной стремнинѣ, какъ въ бѣшеныхъ волнахъ исчезло сначала одно колесо, потомъ другое, въ какомъ мѣстѣ труба свалилась за бортъ, гдѣ именно началъ ломаться корпусъ суденышка... и какъ катеръ, наконецъ, все-таки преодолѣлъ опасность, послѣ того какъ онъ совершилъ неслыханное

геройство, пролетѣлъ семнадцать миль въ шесть минутъ или шесть миль въ семнадцать минутъ, право, я теперь уже не помню навѣрное, но во всякомъ случаѣ это было что-то сверхъестественное. Не жалко заплатить деньги за удовольствіе выслушать, какъ проводникъ разсказываетъ эту исторію девяти партіямъ туристовъ девять разъ подъ рядъ, какъ онъ не пропуститъ ни одного слова, ни раза не измѣнитъ оборота фразы или движенія руки.

Затѣмъ вы ѣдете черезъ висячій мостъ и вамъ предоставляется выбирать между двумя возможностями: или вы слетите въ воду, въ глубину около двухсотъ футовъ, или же вамъ на голову сверху свалится желѣзнодорожный поѣздъ. Каждая изъ этихъ возможностей непріятна уже сама по себѣ, а обѣ вмѣстѣ онѣ вызываютъ положительно чувство страданія.

Послѣ этого вы ѣдете вдоль пропасти по канадскому берегу, мимо длиннаго ряда фотографовъ, дежурящихъ около своихъ аппаратовъ и готовыхъ создать грандіозную картину изъ васъ, вашей жалкой повозки и обтянутаго кожей скелета, который вы должны считать лошадью, а грандіозная Ніагара дастъ для этой замѣчательной картины маленькій, сливающійся фонъ; и очень многіе люди обладаютъ достаточной наглостью или врожденной преступностью и поощряютъ этотъ видъ преступленія надъ природой.

Каждый день вы можете видѣть въ рукахъ этихъ фотографовъ добродѣтельныя картинки, на которыхъ изображены папа, мама, Джонни, Бобъ и Сисъ, или же нѣсколько провинціальныхъ кумушекъ; всѣ они неопредѣленно улыбаются, всѣ застыли въ заученныхъ, неудобныхъ позахъ на своихъ повозкахъ, и всѣ они своей невѣроятной глупостью рѣзко выдѣляются на фонѣ заброшенной, оттѣсненной назадъ величественной природы, покорные слуги которой—радуги, голосъ которой—громъ, чело которой, приводящее въ трепетъ простого смертнаго, окутано тучами, которая царила здѣсь въ сѣдую, безконечно давно минувшую старину, еще раньше, чѣмъ для чего-то понадобилось временно заполнить этой кучкой крохотныхъ червей одну изъ безчисленныхъ, миріадныхъ ячеекъ міра, и она будетъ царить здѣсь и тогда, когда эти черви канутъ въ Лету и самое воспоминаніе о нихъ покроется прахомъ забвенія. Положительно преступно дѣлать изъ Ніагары фонъ, на которомъ ярко выступаетъ удивительное ничтожество человѣка, но надо обладать сверхъ-человѣческимъ самодовольствомъ, чтобы сдѣлать это.

Послѣ того, какъ вы изучили поразительный „Подковообразный водопадъ“ и убѣдились въ томъ, что сдѣлали все

возможное, вы по новому висячему мосту возвращаетесь въ Америку и идете вдоль берега до того мѣста, гдѣ показываютъ „пещеру вѣтровъ“. Здѣсь я исполнилъ указанія проводника: снялъ свое платье и надѣлъ куртку и панталоны изъ непромокаемой ткани. Этотъ костюмъ очень живописенъ, но не удобенъ. Проводникъ, одѣтый такъ же, какъ и я, повелъ меня по витой лѣстницѣ, которая вилась, вилась и не переставала виться даже и послѣ того, какъ ея извилины утратили прелесть новизны, и потомъ вдругъ перестала виться, прежде чѣмъ ея извилины начали доставлять удовольствіе. Теперь мы спустились глубоко подъ выступъ скалы, но были еще довольно высоко надъ водой. Затѣмъ мы стали ползти по какимъ-то мосткамъ, состоявшимъ всего изъ *одной* доски, при чемъ отъ паденія насъ удерживали только хрупкія перильца; я ухватился за эти перильца обѣими руками, не потому, что я боялся, а потому, что я *хотѣлъ* ухватиться. Вдругъ уклонъ сдѣлался круче, мостки становились все хуже, и отъ „Американскаго водопада“ на насъ посыпался дождь брызгъ, который скоро сталъ настолько частымъ, что мы уже ничего не могли видѣть, и должны были пробираться впередъ ощупью. Тогда изъ-за водопада понесся свирѣпый вѣтеръ, который будто задался цѣлью смести насъ съ мостковъ и бросить на скалы и внизъ въ пучину. Я сказалъ, что мнѣ хотѣлось бы вернуться назадъ, но уже было поздно. Мы были почти подъ чудовищной водяной стѣной, которая съ грохотомъ низвергалась на насъ сверху, и звукъ моего голоса потонулъ въ этомъ адскомъ громѣ. Въ слѣдующій моментъ проводникъ исчезъ за пеленой брызгъ, и я послѣдовалъ за нимъ, подавленный, растерявшійся отъ непрерывнаго грома, безпомощно гонимый вѣтромъ, разбитый сплошнымъ каскадомъ брызгъ. Я никогда въ жизни не слыхалъ такой безумной, стихійной борьбы вѣтра съ водой, такого грома, рева и свиста. Кругомъ меня было темно. Я наклонилъ голову и почувствовалъ, что весь Атлантическій океанъ легъ мнѣ на плечи. Казалось, будто весь міръ разрушается. Вода неслась съ такой быстротой, что я ничего не могъ различить. Я открылъ ротъ и поднялъ голову кверху, но въ то же мгновеніе въ мою глотку влился чуть ли не весь американскій водопадъ. Если бы теперь во мнѣ оказалась течь, то я бы безвозвратно погибъ. Вдругъ я сдѣлалъ довольно непріятное открытіе: мостки кончились и если мы хотѣли имѣть подъ ногами что-нибудь твердое, то намъ оставалось только довѣриться отвѣснымъ скользкимъ скаламъ. Никогда я еще не переживалъ такого испуга, но все-таки я остался живъ. Наконецъ всѣ эти мытарства кончились, и мы снова

вышли къ дневному свѣту, гдѣ мы могли, по крайней мѣрѣ, видѣть и наблюдать хаосъ кипящей, пѣнящейся, бурлящей пад ющей массы воды. Теперь, когда я видѣлъ, какъ много было этой воды, и какъ она была далека отъ всякихъ шутокъ. во мнѣ шевельнулось раскаяніе въ томъ, что я съ ней шутилъ.

Благородный краснокожій всегда былъ моимъ другомъ и любимцемъ. Я люблю читать о немъ разсказы, романы и повѣсти. Я люблю читать о его тонкомъ умѣ, о его любви къ дикой, свободной жизни въ горахъ и лѣсахъ, о благородствѣ его мыслей, объ образной красотѣ его рѣчи, о его рыцарской любви къ его коричневой дамѣ сердца и о живописной роскоши его одежды и оружія, особенно о живописной роскоши одежды и оружія. И поэтому я былъ чрезвычайно тронутъ, когда увидѣлъ, что во всѣхъ мѣстечкахъ, прилегающихъ къ Ніагарѣ, въ окнахъ магазиновъ выставлены прелестныя работы индѣйцевъ изъ бисера, замѣчательные индѣйскіе сапоги и удивительныя игрушки, изображающія маленькихъ человѣчковъ, которые носятъ оружіе воткнутымъ въ руки и туловище и ноги которыхъ похожи на пироги съ мясомъ. Теперь я узналъ, что, наконецъ-то, мнѣ удастся встрѣтиться съ благороднымъ краснокожимъ.

И дѣйствительно, въ одномъ магазинѣ продавщица мнѣ прямо сказала, что весь товаръ въ ея магазинѣ сработанъ индѣйцами, которыхъ очень много около водопадовъ, что они очень вѣжливы и что съ ними можно говорить совершенно безбоязненно. Въ самомъ дѣлѣ, когда я подходилъ къ мосту, ведущему къ Лунному острову, я увидѣлъ такого благороднаго сына лѣсовъ, который сидѣлъ подъ деревомъ и усердно плелъ бисерный кошелекъ. На немъ была надѣта широкополая шляпа, на ногахъ красовались огромные сапоги, а во рту торчала короткая черная трубка. Передо мной былъ яркій примѣръ того, какъ соприкосновеніе съ нашей изнѣженной цивилизаціей разрушительно дѣйствуетъ на живописную роскошь наряда, который такъ естественно украшаетъ индѣйца, когда онъ живетъ вдали отъ насъ, въ своихъ родныхъ преріяхъ. Я заговорилъ съ этимъ послѣднимъ могиканомъ и сказалъ ему:

— Скажи мнѣ, счастливъ ли Ваухо-Вангъ-Вангъ изъ Уэкъ-э-Уэка? Сожалѣетъ ли великій Пестрый Громъ о военныхъ утѣхахъ, или же его сердце довольствуется мечтами о черноокихъ красавицахъ, гордости лѣсовъ и прерій? Жаждетъ ли великій Захемъ напиться крови враговъ своихъ, или же онъ довольствуется вязаніемъ бисерныхъ кошельковъ для дѣтей блѣднолицыхъ? Говори, священный пережитокъ былого величія. говори, доблестная развалина великаго прошлаго.

Доблестная развалина отвѣтила:

— Чортъ возьми! За грязнаго индѣйца вы меня принимаете, что ли, хулиганъ вы этакій! Дряблое фонарное лицо на паучьихъ ногахъ! Клянусь волынщикомъ, который игралъ передъ Моисеемъ, я васъ съѣмъ!

Я ушелъ отъ него.

Черезъ нѣкоторое время возлѣ Терпинской башни я увидѣлъ ласковую индѣйскую дѣвушку. На ней были украшенные бисеромъ сапожки изъ оленьей кожи. Она сидѣла на скамейкѣ, окруженная своими прелестными товарами. Она только что вырѣзала изъ дерева индѣйскаго вождя, отличавшагося поразительнымъ семейнымъ сходствомъ съ деревянной вѣшалкой для платья, и какъ разъ просверливала въ его туловищѣ дыру, чтобы продѣть въ нее лукъ. Я подождалъ нѣсколько секундъ и потомъ заговорилъ:

— Развѣ не тяжело на сердцѣ у дочери свободныхъ лѣсовъ? Развѣ Смѣющійся Головастикъ чувствуетъ себя одинокимъ? Или, можетъ-быть, она груститъ объ угаснувшихъ огняхъ военнаго совѣта своего племени и объ исчезнувшей славѣ своихъ предковъ? Или ея опечаленный духъ витаетъ далеко отсюда среди безконечныхъ прерій, гдѣ свободно охотился ея храбрый Поглотитель Молній? Почему же молчитъ моя дочь? Можетъ-быть, она имѣетъ что-нибудь противъ чуждаго ей блѣднолицаго?

Дочь лѣсовъ отвѣчала:

— Какъ вы смѣете оскорблять меня, Бедди Мэлонъ? Убирайтесь ко всѣмъ чертямъ, а то я сброшу вашъ дряблый трупъ въ водопадъ, сопливый прохвостъ!

Отъ нея я тоже ушелъ.

— Проклятые индѣйцы!—воскликнулъ я.—Мнѣ сказали, что съ вами можно говорить безбоязненно; но я по всему вижу, что они всѣ еще чувствуютъ себя на полѣ битвы.

Я сдѣлалъ еще попытку сойтись съ ними по-дружески, но только *одну*. Я набрелъ на ихъ таборъ, разбитый въ тѣни огромнаго дерева. Они были заняты изготовленіемъ цѣпочекъ изъ раковинъ и сапогъ изъ бисера, и я обратился къ нимъ съ рѣчью въ самомъ дружескомъ тонѣ.

— Благородные краснокожіе! Храбрые, великіе Захемы, военные вожди и несравненные кремни изъ кремней! Блѣднолицый изъ страны Заходящаго Солнца шлетъ вамъ свой привѣтъ! Ты, Благодѣтельный Хорекъ, ты, Поглотитель Горъ, ты, Рыкающій Громъ, ты, Пѣтухъ съ стеклянным глазомъ,—васъ всѣхъ привѣтствуетъ блѣднолицый изъ-за великой воды! Война и заразныя болѣзни заставили порѣдѣть ваши ряды и вашъ народъ,

когда-то великій и могучій, сталъ слабымъ и малымъ. Карты и вздорные модные расходы на мыло, которыхъ не знали ваши славные предки, опустошили ваши кошельки. Вы имѣли непріятности изъ-за того, что по своему наивному неразумѣнію присвоивали себѣ чужую собственность. То обстоятельство, что вы, въ своемъ блаженномъ невѣдѣніи, не совсѣмъ точно изобразили дѣйствительность, повредило вашей репутаціи у безсердечнаго узурпатора. Вы покупали мерзкую водку, которая давала вамъ возможность напиваться и потомъ убивать ваши семьи томогавками, которая навсегда лишила васъ вашей прежней роскошной одежды, и вотъ теперь вы здѣсь одѣты, какъ чучела, какъ подонки изъ предмѣстій Нью-Йорка. Стыдитесь! Вспомните о вашихъ предкахъ! Вспомните о ихъ славныхъ дѣлахъ! Вспомните объ Ункасѣ!—о Красной Курткѣ!—о Дневной Дырѣ!—о Вупдедудледо! Берите съ нихъ примѣръ! Соберитесь подъ моимъ знаменемъ, благородные дикари, великіе лѣсные Бекасы!

— Долой его! Разорвите эту собаку! Сожгите его! Утопите его!

Здѣсь событія развернулись съ такой быстротой, какой я еще никогда не видѣлъ. Вокругъ меня въ воздухѣ сразу мелькнули кирпичи, дубины, кулаки, сапоги и корзины съ бисеромъ... Это была какая-то сплошная молнія, но каждый ударъ попадалъ въ цѣль, и притомъ два удара ни разу не попали въ одно и то же мѣсто. Въ слѣдующее мгновеніе на меня набросилось все племя. Они сорвали у меня съ тѣла платье, переломали мнѣ руки и ноги, ударили меня по головѣ такъ, что мой черепъ сдѣлался похожимъ на кофейное блюдце, и, наконецъ, завершили свою побѣду тѣмъ, что сбросили меня въ Ніагарскій водопадъ. Тамъ я намокъ.

Девяносто или сто футовъ (около 14 саж.) я пролетѣлъ свободно, а затѣмъ обрывки моей жилетки зацѣпились о выступъ скалы и я едва не утонулъ прежде, чѣмъ успѣлъ отцѣпиться. Наконецъ я упалъ окончательно и у подножія водопада очутился въ цѣломъ мірѣ бѣлой пѣны, кипящая воздушная масса которой покрыла меня съ головой. Конечно, я попалъ въ водоворотъ. Въ немъ я кружился сорокъ четыре раза, поймалъ щепку,—каждый кругъ былъ не меньше полумили длины—сорокъ четыре раза ловилъ одинъ и тотъ же кустъ, и столько же разъ не поймалъ его, хотя всякій разъ не хватало развѣ только одного волоска. Наконецъ пришелъ одинъ человѣкъ и усѣлся около самаго куста, всунулъ въ ротъ трубку, зажегъ спичку и однимъ глазомъ сталъ слѣдить за мной, въ то время какъ другой глазъ смотрѣлъ на огонь, который онъ рукой

старался защитить отъ вѣтра. Но одинъ коварный порывъ вѣтра все-таки погасилъ его спичку. Когда я вслѣдъ за этимъ пролеталъ мимо него, онъ спросилъ меня:

— А нѣтъ ли у васъ спичекъ?

— Есть, въ жилетномъ карманѣ. Пожалуйста, помогите мнѣ выбраться отсюда.

— Ни за что на свѣтѣ.

Когда я въ слѣдующій разъ пролеталъ мимо него, я сказалъ:

— Простите нѣсколько безцеремонное любопытство утопающаго, но не найдете ли вы возможнымъ объяснить мнѣ ваше странное поведеніе?

— Съ удовольствіемъ. Я слѣдователь по мертвымъ тѣламъ, но вы, пожалуйста, изъ-за меня не торопитесь. Я могу подождать, но только мнѣ очень хочется получить спичку.

Я сказалъ ему:

— Прошу васъ на время занять мое мѣсто, пока я достану вамъ спичку.

Но онъ отказался. Такой недостатокъ довѣрія съ его стороны создалъ нѣкоторую холодность отношенія между нами, и съ этого момента я старался избѣгать его. Я разсчитывалъ такъ, что уже если мнѣ суждено погибнуть, то я постараюсь устроиться такимъ образомъ, чтобы мое тѣло попало въ руки слѣдователя съ противоположной американской стороны. Наконецъ на берегу появился полицейскій, который арестовалъ меня, потому что, по его мнѣнію, я своими громкими воплями о помощи нарушалъ общественную тишину и спокойствіе. Судья приговорилъ меня къ штрафу, но я его перехитрилъ. Мои деньги были въ панталонахъ, а мои панталоны остались у индѣйцевъ.

Такъ я избѣжалъ смерти. Теперь я лежу здѣсь въ критическомъ положеніи. Но въ критическомъ или нѣтъ, по крайней мѣрѣ, я лежу. Я весь покрытъ ранами, но самъ еще не знаю, насколько онѣ опасны, потому что докторъ еще не кончилъ опись моего тѣла. Онъ обѣщается сегодня вечеромъ закончить это дѣло. Во всякомъ случаѣ онъ думаетъ, что изъ моихъ ранъ шестнадцать опасны. До другихъ мнѣ дѣла нѣтъ. Когда я очнулся отъ обморока, я спросилъ его:

— Ужасно дикое индѣйское племя работаетъ бисерные кошельки и сапоги для городка около Ніагарскихъ водопадовъ. Вы не знаете, докторъ, откуда эти люди?

— Изъ Лиммрика. (Въ Ирландіи. *Перев.*).

Семья Вильямсъ и горловая жаба.

Написано по разсказу мистера Вильямса, очень любезнаго нью-йоркца, съ которымъ авторъ этой книги случайно встрѣтился въ дорогѣ.

... Итакъ, возвращаюсь къ своему разсказу, отъ котораго я нѣсколько уклонился въ сторону, чтобы разсказать вамъ, какія опустошенія произвела въ городѣ эта страшная и неизлѣчимая болѣзнь — горловая жаба, и какъ она довела всѣхъ матерей до послѣдней степени отчаянія. Такъ вотъ. Я обратилъ вниманіе моей жены на нашу маленькую Пенелопу и сказалъ:

— Моя дорогая, на твоемъ мѣстѣ я бы не позволилъ ребенку жевать кусокъ сосноваго дерева.

— Почему же нѣтъ, мой милый?—отвѣтила она, но въ то же время стала отнимать у ребенка дерево; дѣло въ томъ, что женщины безъ возраженія не могутъ послѣдовать никакому, хотя бы и самому разумному совѣту, т.-е. женщины замужнія.

— Моя дорогая,—сказалъ я ей,—извѣстно, что сосна принадлежитъ къ разряду наименѣе питательныхъ древесныхъ породъ, съѣдобныхъ для дѣтей.

Моя жена опустила руку, которой она только что хотѣла взять у ребенка кусокъ дерева, и сказала возбужденно:

— Ты ничего не понимаешь. Всѣ доктора утверждаютъ, что скипидаръ, который добывается изъ сосноваго дерева, очень полезенъ при слабой спинѣ и при болѣзняхъ почекъ.

— А, въ такомъ случаѣ я виноватъ. Я не зналъ, что у нашего ребенка больны почки и позвоночникъ и что докторъ предписалъ...

— Кто сказалъ, что у ребенка больны почки и позвоночный столбъ?

— Моя дорогая, ты только что сама намекнула на это!

— И не думала! Я никогда ничего подобнаго не говорила!

— Моя милая, развѣ ты не сказала всего двѣ минуты тому назадъ, что...

— Оставь меня въ покоѣ съ тѣмъ, что я сказала! Мнѣ все равно, что бы я ни сказала! Ничего съ ребенкомъ не сдѣлается, если онъ пожуетъ кусочекъ дерева, разъ ему пришла охота. Ты это отлично знаешь. И онъ *будетъ* жевать дерево. Такъ ты и знай.

— Хорошо, моя милая, не утруждай себя разговоромъ. Я вполнѣ признаю силу твоихъ доказательствъ и немедленно велю привезти два или три воза лучшаго сосноваго дерева. Пусть всѣ мои дѣти будутъ обезпечены деревомъ, пока я...

— Пожалуйста, оставь меня въ покоѣ и ступай, наконецъ, въ свою контору. При тебѣ нельзя ничего сказать, ты ко всему придерешься и сейчасъ же начнешь спорить, спорить и спорить до тѣхъ поръ, пока ты и самъ не перестанешь понимать, о чемъ ты говоришь... да, ты никогда не знаешь, — о чемъ ты говоришь!

— Совершенно вѣрно, я вполнѣ съ тобой согласенъ; но въ твоемъ послѣднемъ замѣчанiи чувствуется недостатокъ логики, который...

Но я не успѣлъ договорить, потому что и жена и ребенокъ исчезли. Вечеромъ въ тотъ же день жена вышла къ обѣду блѣдная, какъ воскъ, и воскликнула:

— О, Мортимеръ! Еще одинъ! Захворалъ маленькiй Георгiй Гордонъ.

— Горловой жабой?

— Горловой жабой.

— И надежды нѣтъ?

— Ровно никакой. О Господи, что-то съ нами будетъ?

Черезъ нѣкоторое время няня принесла нашу Пенелопу, чтобы проститься передъ сномъ и прочесть на колѣняхъ у матери обычную молитву. При словахъ „я устала, хочу спать" ребенокъ слегка кашлянулъ. Моя жена отшатнулась, будто ее смертельно ранили. Но въ слѣдующее мгновенiе она вскочила, полная той энергiи и силы, которую даетъ человѣку отчаянiе.

Она велѣла вынести кроватку ребенка въ нашу спальню и пошла, чтобы наблюдать лично за исполненiемъ своего распоряженiя, при чемъ она, конечно, взяла меня съ собой. Мы спѣшно привели все въ порядокъ. Для няни поставили кровать рядомъ, въ туалетной комнатѣ. Но тутъ моя жена вспомнила, что нашъ младшiй ребенокъ будетъ спать вдали отъ насъ. „Что, если у него ночью появятся признаки заболѣванiя?" И несчастная снова поблѣднѣла.

Послѣ этого мы перенесли дѣтскую кроватку обратно въ дѣтскую, туда же водворили и няню, а сами устроились въ сосѣдней комнатѣ. Вдругъ моя жена сказала:

— А что, если Пенелопа заразитъ малютку?

Эта мысль снова привела ее въ ужасъ, и мы всѣ поспѣшили опять вытащить кроватку изъ дѣтской, при чемъ жена такъ спѣшила, что едва не сломала кроватку.

Мы отправились въ нижній этажъ. Однако оказалось, что тамъ нѣтъ мѣста для няни, а жена утверждала, что ея опытность теперь положительно неоцѣнима. Итакъ, мы опять перекочевали въ нашу спальню. Мы чувствовали себя приблизительно такъ же, какъ гонимыя бурей птицы, которыя, наконецъ, добрались до гнѣзда. Жена поспѣшила въ дѣтскую, чтобы посмотрѣть, все ли тамъ благополучно. Она сейчасъ же вернулась обратно и въ ужасѣ заявила:

— Отчего малютка такъ крѣпко спитъ

На это я резонно отвѣтилъ:

— Моя дорогая, вѣдь она же всегда спитъ очень крѣпко.

— Я знаю, отлично знаю, но сегодня она спитъ совсѣмъ по особенному. Она... мнѣ кажется... она такъ правильно дышитъ. О, это ужасно!

— Но, моя милая, она всегда правильно дышитъ

— Да, я знаю, но сегодня въ этомъ что-то ужасное. Ея няня такъ молода и не опытна. Пусть съ ней останется Марія на случай, если что-нибудь понадобится.

— Это—превосходная мысль, но... кто же будетъ тебѣ помогать?

— Если будетъ нужно, ты поможешь. Но въ такое тяжелое время я вообще обхожусь безъ всякой помощи.

Я сказалъ, что буду самъ себя презирать, если буду спать въ то время, когда она всю ночь должна дежурить у нашей маленькой больной и мучиться безъ помощи. Но она убѣдила меня въ томъ, что здѣсь нѣтъ ничего ужаснаго. Итакъ, старая Марія снова заняла свое прежнее мѣсто въ дѣтской.

Пенелопа два раза кашлянула во снѣ.

— О, Господи! Отчего не ѣдетъ докторъ? Мортимеръ, въ комнатѣ слишкомъ жарко; да, да, слишкомъ жарко. Открой вентиляторъ, скорѣе!...

Я открылъ вентиляторъ, но въ то же время взглянулъ на градусникъ и невольно задалъ себѣ вопросъ, дѣйствительно ли слишкомъ жарко для больного ребенка, когда въ комнатѣ четырнадцать градусовъ?

Въ это время кучеръ вернулся изъ города съ извѣстіемъ, что нашъ докторъ боленъ и лежитъ въ постели. Моя жена взглянула на меня потухшимъ взоромъ и глухо произнесла.

— Это—судьба. Это—предопредѣленіе. Онъ никогда не былъ боленъ. Никогда. Мы жили не такъ, какъ мы должны были жить, Мортимеръ. Я тебѣ это всегда говорила. Вотъ теперь ты видишь результаты. Нашъ ребенокъ никогда не выздоровѣетъ. Будь доволенъ, если ты можешь простить себя; я себя никогда не прощу!

На это я отвѣтилъ, совсѣмъ не желая обидѣть жену, но въ нѣсколько необдуманныхъ выраженіяхъ, что я, собственно говоря, не нахожу, чтобы мы вели уже очень безпутную жизнь.

— Мортимеръ! Неужели ты хочешь погубить и другого ребенка?!—воскликнула она и расплакалась. Потомъ она вдругъ перестала плакать и спросила меня:

— Развѣ докторъ не прислалъ лѣкарства?

— Прислалъ,—отвѣтилъ я,—вотъ оно. Я все ждалъ, когда, наконецъ, ты позволишь мнѣ сказать хоть слово.

— Давай скорѣе сюда! Неужели ты не знаешь, что теперь дорога каждая минута? Но зачѣмъ онъ посылаетъ лѣкарство, разъ онъ знаетъ, что болѣзнь неизлѣчима.

Я замѣтилъ, что, пока въ организмѣ есть жизнь, всегда можно надѣяться.

— Надѣяться! Мортимеръ, ты такъ же мало даешь себѣ отчетъ въ томъ, что говоришь, какъ новорожденный младенецъ! Посмотри, въ рецептѣ сказано, что надо давать лѣкарство каждый часъ по чайной ложкѣ! Каждый часъ!—какъ будто у насъ впереди есть еще цѣлый годъ для спасенія ребенка! Ради Бога, Мортимеръ, скорѣе! Дай несчастной умирающей крошкѣ столовую ложку лѣкарства и попробуй хоть одинъ разъ поворачиваться поскорѣе!..

— Но, моя дорогая, я боюсь, что цѣлая столовая ложка...

— Боже мой! Да не своди ты меня съ ума!.. Вотъ, вотъ, вотъ, мое сокровище, моя радость; это—горькое лѣкарство, но оно поможетъ маленькой Нелли, поможетъ моей родной крошкѣ, и мамина крошка опять будетъ здорова. Вотъ, вотъ, вотъ, положи свою маленькую головку на мамину грудку и усни, скорѣй усни. О, я знаю, что она не доживетъ до утра! Мортимеръ, если давать ей каждые полчаса по столовой ложкѣ, то... О, ей еще надо дать белладонны... я знаю, она поможетъ... а затѣмъ волчьяго корня (аконитъ). Поди, Мортимеръ, достань! Ты только слушайся меня; ты въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаешь!..

Наконецъ мы улеглись. Дѣтская кроватка стояла около самаго изголовья моей жены. Всѣ эти волненія меня довольно сильно измучали, и минуты черезъ двѣ я заснулъ. Однако спать мнѣ не было суждено. Жена разбудила меня словами:

— Дорогой мой, ты закрылъ вентиляторъ?

— Нѣтъ.

— Я такъ и думала. Будь добръ, закрой его. Въ комнатѣ очень холодно.

Я закрылъ вентиляторъ, легъ и сразу заснулъ. Новый крикъ:

— Дорогой мой, переставь, пожалуйста, кроватку къ своей подушкѣ. Тамъ она будетъ ближе къ вентилятору. Ребенку необходимъ свѣжій воздухъ.

Я потащилъ къ себѣ дѣтскую кроватку, но столкнулся съ ковромъ и разбудилъ ребенка. Наконецъ все оказалось въ порядкѣ. Я погрузился въ тяжелую дремоту, между тѣмъ какъ жена старалась успокоить ребенка. Однако скоро чрезъ густую пелену дремоты до меня откуда-то издали донеслись слова:

— Мортимеръ, хорошо было бы достать кусочекъ гусинаго сала. Позвони, пожалуйста!

Я, не совсѣмъ еще стряхнувъ съ себя сладкій сонъ, выбрался изъ-подъ одѣяла и наступилъ на кошку, которая заявила громкій протестъ. Кошка, конечно, получила бы немедленно должное возмездіе, если бы я вмѣсто нее не попалъ ногой въ стулъ.

— Мортимеръ, ты опять разбудишь ребенка! Зачѣмъ ты зажигаешь газъ?

— Затѣмъ, что мнѣ надо осмотрѣть свою ногу. Я сильно ушибся.

— Кстати осмотри и стулъ. Я думаю, что ты его изломалъ въ куски. Бѣдная кошка, она...

— Отстань ты отъ меня съ своей кошкой! Проще всего было бы оставить здѣсь Марію. Она сдѣлала бы все гораздо лучше, чѣмъ я!

— Ай-ай, Мортимеръ! Какъ тебѣ не стыдно говорить такія вещи! Неужели ты не можешь помочь мнѣ даже въ такую тяжелую минуту, когда нашъ ребенокъ...

— Хорошо, хорошо. Я готовъ помогать тебѣ, сколько угодно. Только звонить теперь безполезно: прислуга спитъ. Скажи, пожалуйста, гдѣ у насъ стоитъ гусиное сало?

— На полочкѣ въ дѣтской. Если бы ты былъ такъ добръ пройти туда и сказать Маріи...

Я принесъ гусиное сало, улегся и снова заснулъ. Черезъ минуту меня опять разбудилъ голосъ жены:

— Мортимеръ, мнѣ, право, непріятно тебя безпокоить, но въ комнатѣ стало слишкомъ холодно. Я даже не рѣшаюсь дать ребенку лѣкарства, можетъ-быть, ты встанешь и затопишь каминъ? Тамъ все приготовлено. Только поджечь.

Я доплелся до камина, затопилъ его и сѣлъ рядомъ въ кресло. Настроеніе у меня было самое противное.

— Мортимеръ, не сиди тамъ. Ты простудишься, ложись въ постель.

Я только хотѣлъ юркнуть подъ одѣяло, какъ жена остановила меня:

— Подожди минутку. Будь добръ, дай ребенку ложку лѣкарства.

Я далъ ребенку ложку лѣкарства. Лѣкарство это было такого сорта, что послѣ его пріема ребенокъ нѣкоторое время никакъ не могъ заснуть. Моя жена воспользовалась удобнымъ случаемъ, раздѣла ребенка и съ головы до пятъ натерла его гусинымъ саломъ. Скоро я опять заснулъ, но черезъ нѣсколько минутъ меня подняли.

— Мортимеръ, въ комнатѣ дуетъ. Я чувствую это вполнѣ ясно. При болѣзни ничто такъ не вредно, какъ сквознякъ. Пожалуйста, пододвинь кроватку къ камину.

Я пододвинулъ кроватку къ камину, опять столкнулся съ ковромъ, разсердился и бросилъ его въ огонь. Жена выскочила изъ постели и спасла коверъ, при чемъ между нами произошелъ небольшой обмѣнъ мыслей. Затѣмъ я на нѣкоторое время уснулъ, но скоро мнѣ пришлось опять подняться и приготовить припарокъ изъ льняного сѣмени. Припарокъ, отъ котораго жена ждала непремѣннаго исцѣленія, положили ребенку на грудь.

Извѣстно, что дрова горятъ не вѣчно. Каждыя двадцать минутъ мнѣ надо было вставать и подбрасывать въ каминъ дровъ, а это, въ свою очередь, служило для моей жены удобнымъ предлогомъ, чтобы каждый разъ давать лѣкарство еще на десять минутъ раньше, чему она отъ всей души радовалась. Черезъ опредѣленные промежутки времени я перемѣнялъ льняные припарки и накладывалъ горчичники или пластыри всюду, гдѣ на тѣлѣ ребенка еще оставались свободныя мѣста. Къ утру весь запасъ дровъ былъ сожженъ. Жена потребовала, чтобы я отправился въ сарай и принесъ еще дровъ. Я сдѣлалъ было легкую попытку возразить, сказалъ, что таскать дрова для меня непривычно и довольно тяжело, что ребенку и такъ не холодно подъ разными припарками, горчичниками и пластырями.

— Можетъ-быть, если мы положимъ еще слой припарковъ...

Но жена здѣсь меня прервала и я отправился внизъ за дровами. Когда около камина образовалась порядочная груда дровъ, я легъ въ постель и захрапѣлъ такъ, какъ только можетъ храпѣть человѣкъ, въ конецъ измученный духовно и тѣлесно. Когда солнце уже залило нашу спальню яркими лучами, я почувствовалъ, что кто-то усиленно тянетъ меня за плечо. Когда я окончательно пришелъ въ себя, я увидѣлъ свою жену, глядѣвшую на меня дикими, почти безумными глазами. Она положительно задыхалась. Немного успокоившись, она воскликнула:

— Все кончено! Все кончено! Ребенокъ весь въ испаринѣ! Что намъ дѣлать?

— Господи, какъ ты меня испугала! Почемъ я знаю, что намъ дѣлать. Можетъ-быть, лучше всего будетъ стереть съ ребенка все сало и вынести его на свѣжій воздухъ...

— Дуракъ! намъ нельзя терять ни одной секунды! Поѣзжай въ городъ къ доктору! Поѣзжай самъ! Скажи ему, что онъ долженъ пріѣхать къ намъ, живой или мертвый!

Я поѣхалъ. Я вытащилъ бѣднаго больного человѣка изъ постели и притащилъ его къ намъ. Онъ осмотрѣлъ ребенка и сказалъ, что никакой опасности нѣтъ. Меня это очень обрадовало, но жена такъ разсердилась, будто докторъ нанесъ ей личное оскорбленіе. Докторъ сказалъ, что ребенокъ кашляетъ потому, что у него что-то застряло въ горлѣ,—послѣ такого заявленія мнѣ показалось, что жена хочетъ указать доктору на дверь,—затѣмъ докторъ сказалъ, что онъ заставитъ ребенка хорошенько откашляться, и что тогда постороннее тѣло само собою выскочитъ изъ горла. Онъ далъ Нелли какое-то лѣкарство, которое вызвало настоящій припадокъ кашля, и... ребенокъ выплюнулъ кусочекъ, очень похожій на небольшую щепочку.

— У нея нѣтъ горловой жабы,—сказалъ докторъ.—Она, вѣроятно, жевала кусочекъ дерева и проглотила щепочку. Но никакой опасности не было и нѣтъ.

— Да,—замѣтилъ я,—я вамъ вполнѣ вѣрю. Скажу даже больше: скипидаръ, который содержится въ сосновомъ деревѣ, очень полезенъ противъ нѣкоторыхъ дѣтскихъ болѣзней. Жена подтвердитъ вамъ это.

Но жена ничего не подтвердила. Она презрительно отвернулась и вышла изъ комнаты. Съ тѣхъ поръ у насъ есть полоска жизни, которой мы никогда не касаемся. И благодаря этому мы живемъ спокойно и мирно...

Изъ женатыхъ людей немногимъ привелось пережить то, что пережилъ Вильямсъ, а потому авторъ полагалъ, что читателя можетъ заинтересовать новизна такого положенія.

Какъ меня провели въ Нью-Йоркѣ.

Очень рѣдко испытываешь удовольствіе, разсказывая о себѣ неприятныя вещи, но иногда такого рода публичное покаяніе является своего рода душевной вентиляціей, облегченіемъ сердца. Я теперь хочу облегчить свое сердце, но при этомъ чувствую, что поводомъ къ покаянію служитъ скорѣе стремленіе выставить къ позорному столбу другого человѣка, чѣмъ искреннее желаніе полить цѣлительнымъ бальзамомъ мое больное сердце. (Я, правда, не знаю, что такое бальзамъ, потому что никогда не видѣлъ его, но думаю, что здѣсь это выраженіе будетъ вполнѣ умѣстно). Читатель, можетъ-быть, помнитъ, что я недавно былъ въ Нью-Йоркѣ и читалъ рефератъ молодымъ людямъ въ *** обществѣ? Словомъ, я былъ и читалъ. Въ день, когда предстояло чтеніе, я говорилъ съ однимъ изъ моихъ будущихъ слушателей; онъ разсказалъ мнѣ, что у него есть дядя, который по какой-то неизвѣстной причинѣ совершенно утратилъ способность проявлять движенія души. И со слезами на глазахъ этотъ молодой человѣкъ сказалъ:

— О, если бы онъ хоть одинъ разъ засмѣялся! О, если бы онъ хоть разъ заплакалъ!

Это меня тронуло. Чужое горе меня всегда трогаетъ.

— Приведите его съ собой на мое чтеніе, — сказалъ я.— Можетъ-быть, мнѣ удастся вамъ помочь.

— О, если бы это вамъ удалось! Если бы вы это сдѣлали— васъ стала бы благословлять вся наша семья, потому что мы всѣ его горячо любимъ. Благодѣтель! Неужели вы можете его разсмѣшить? Неужели вы можете снова вызвать слезы въ его изсохшихъ глазахъ?

Я совсѣмъ расчувствовался и сказалъ ему:

— Мой сынъ, приводите вашего почтеннаго дядюшку на мое чтеніе. Я вплету въ свой рефератъ нѣсколько шутокъ, надъ которыми онъ долженъ будетъ смѣяться, если только смѣхъ не покинулъ его безвозвратно; если же это мнѣ не удастся, то я буду говорить слова, которыя заставятъ его плакать или убьютъ его. Или то, или другое.

Послѣ этого молодой человѣкъ призвалъ на мою голову благословеніе неба и пошелъ за своимъ дядей. Онъ посадилъ его прямо передо мной, во второмъ ряду, и я началъ свое лѣченіе. Сначала я пробовалъ отпускать легкія шуточки, потомъ перешелъ къ болѣе сильнымъ. Я говорилъ плохія остроты, потчевалъ его хорошими блестками остроумія. Я выкапывалъ

старые, заплѣсневѣлые анекдоты и забрасывалъ его спереди и сзади анекдотами совершенно новыми. Я увлекся и аттаковалъ его справа и слѣва, спереди и сзади. Я пыхтѣлъ и потѣлъ, горячился и кричалъ до тѣхъ поръ, пока не охрипъ, не захворалъ, не сошелъ съ ума отъ ярости. Но ни одинъ мускулъ не шевельнулся на его лицѣ, не было замѣтно ни малѣйшаго слѣда улыбки и слезъ! Я былъ пораженъ. Наконецъ я завершилъ свое чтеніе воплемъ отчаянія—дикимъ взрывомъ остроумія, и бросилъ ему прямо въ лицо остроту, полную сверхъестественной мерзости! Затѣмъ я, окончательно измученный и растерянный, упалъ на свой стулъ.

Предсѣдатель общества подошелъ ко мнѣ, облилъ мою голову холодной водой и спросилъ:

— Отчего вы подъ конецъ такъ разстроились?

Я ему отвѣтилъ:

— Я хотѣлъ разсмѣшить того стараго болвана во второмъ ряду!

На что предсѣдатель замѣтилъ

— Вы совершенно напрасно старались, потому что онъ глухонѣмой и, кромѣ того, слѣпъ, какъ кротъ.

Теперь скажи мнѣ, читатель, хорошо ли было со стороны молодого человѣка, племянника этого старика, такимъ образомъ обманывать меня, пріѣзжаго и одинокаго? Я спрашиваю тебя, какъ человѣка и какъ брата,—хорошо это?

Отчетъ по поводу большого контракта на поставку мяса.

Здѣсь я возможно короче сообщу, какое, хотя и самое незначительное, участіе я принималъ въ этомъ дѣлѣ, которое возбудило такой интересъ въ обществѣ и наполнило газеты Стараго и Новаго Свѣта искаженными и преувеличенными свѣдѣніями.

Вся эта печальная исторія возникла слѣдующимъ образомъ.— (Я впередъ заявляю, что мой отчетъ во всѣхъ мелочахъ можетъ быть провѣренъ и доказанъ офиціальными правительственными документами)·

Джонъ Вильсонъ Мэккенси изъ Роттердама, графства Чененгъ, Нью-Джерси, теперь уже умершій, около 10 октября 1861 года заключилъ съ правительствомъ контрактъ на поставку генералу Шермэну тридцати бочекъ мяса. Отлично. Онъ поѣхалъ съ мясомъ за Шермэномъ, но когда онъ прибылъ въ Вашингтонъ, генералъ оказался уже въ Манассассѣ; Вильсонъ повезъ мясо въ Манассассу, но генералъ до его пріѣзда успѣлъ перебраться въ Нашвиль. Изъ Нашвиля ему пришлось прокатиться въ Чаттанугу, изъ Чаттануги—въ Атланту, и все-таки онъ не догналъ генерала. Изъ Атланты Вильсонъ снова пустился въ путь и гнался за генераломъ вплоть до океана, но опять опоздалъ дня на два. Онъ узналъ, что Шермэнъ сѣлъ на корабль „Городъ Квакеровъ" и отправился въ Святую землю. Вильсонъ немедленно тоже нагрузилъ на корабль свои бочки съ мясомъ, и двинулся въ Бейрутъ, надѣясь дорогой обогнать генерала. Однако, благополучно доставивъ мясо въ Іерусалимъ, онъ получилъ извѣстіе, что генералъ совсѣмъ не садился на корабль „Городъ Квакеровъ", а отправился въ преріи сражаться съ индѣйцами. Въ виду этого Вильсонъ немедленно вернулся въ Америку и направился къ сѣвернымъ Кордильерамъ. Послѣ шестидесятивосьмидневнаго утомительнаго путешествія черезъ преріи, когда Вильсонъ находился на разстояніи всего четырехъ миль отъ главной квартиры генерала, его убили томагавкомъ и скальпировали *). Мясо попало въ руки индѣйцевъ, за исключеніемъ одной бочки, которую потомъ у нихъ отняли войска Шермэна. Такимъ образомъ отважный мореплаватель даже послѣ своей смерти хотя частью выполнилъ свой контрактъ. Въ своемъ завѣщаніи, которое онъ велъ какъ дневникъ, онъ завѣщалъ этотъ контрактъ своему сыну, Вареоломею Вильсонъ. Вареоломей Вильсонъ составилъ слѣдующій счетъ:

„Соединенные Штаты должны покойному Джону Вильсону Мэккенси изъ Нью-Джерси.

За 30 бочекъ мяса, для генерала Шермэна, по 100 долларовъ за бочку	3.000	долл.
За провозъ и разъѣзды	14.000	„
Итого	17.000	„

и потомъ умеръ.

Контрактъ послѣ него достался Дж. Мартину, который пытался получить деньги, но умеръ раньше, чѣмъ ему удалось это сдѣлать. Контрактъ перешелъ въ руки Дж. Эллена; онъ тоже старался выручить деньги, но тоже прожилъ недолго. Элленъ оставилъ контрактъ и счетъ г. Роггерсу, который тоже

*) Содрали съ головы кожу съ волосами. *Переводч.*

пытался получить деньги. Онъ даже дошелъ до канцеляріи девятаго ревизора государственнаго счетоводства, но тутъ вмѣшалась смерть, все и всѣхъ уравнивающая, и не дала ему докончить начатое. Послѣ него контрактъ со счетомъ перешли въ руки одного изъ его родственниковъ въ Коннетикетѣ, нѣкоего Гопкинса, который возился съ контрактомъ цѣлыя четыре недѣли и два дня, такъ что онъ уже добрался почти до двѣнадцатаго ревизора. Дальше онъ не могъ вытерпѣть и завѣщалъ злополучный контрактъ своему дядѣ, котораго звали Джонсономъ. Но для Джонсона такое наслѣдство тоже оказалось непосильнымъ, и его послѣднія слова были:

— Не плачьте обо мнѣ, я ухожу съ радостью.

И дѣйствительно, бѣдняга ушелъ съ радостью.

Послѣ него контрактъ побывалъ еще въ семи рукахъ, но всѣ его временные владѣльцы умерли. Такимъ образомъ онъ, наконецъ, достался мнѣ.

Его мнѣ завѣщалъ одинъ родственникъ по имени Геббардъ,— Бетлемъ Геббардъ изъ Индіаны. Я долгое время былъ у него въ немилости; но въ послѣдній часъ онъ призвалъ меня къ себѣ, простилъ мнѣ все и со слезами на глазахъ передалъ мнѣ мясной контрактъ.

Здѣсь кончается исторія контракта до того момента, когда онъ перешелъ въ мои руки. Теперь я постараюсь возможно полнѣе выяснить мое участіе въ этомъ дѣлѣ. Я понесъ мясной контрактъ и счетъ за провозъ и разъѣзды къ президенту Соединенныхъ Штатовъ.

Онъ спросилъ меня:

— Что я могу для васъ сдѣлать, сэръ?

— Господинъ президентъ,—отвѣтилъ я,—около 10 октября 1861 года Джонъ Вильсонъ Мэккенси изъ графства Чеменгъ, Нью-Джерси, теперь уже покойный, заключилъ съ правительствомъ контрактъ на поставку тридцати бочекъ мяса для генерала Шермэна...

Здѣсь президентъ меня прервалъ и отпустилъ очень любезно, но вполнѣ опредѣленно. На слѣдующій день я отправился къ секретарю Штатовъ.

— Что вамъ угодно, сэръ?—спросилъ онъ меня.

Я отвѣчалъ ему:

— Ваше высочество! Около 10 октября 1861 года Джонъ Вильсонъ Мэккенси изъ графства Чеменгъ, Нью-Джерси, теперь уже покойный, заключилъ съ правительствомъ контрактъ на поставку тридцати бочекъ мяса для генерала Шермэна...

— Довольно, сэръ, довольно. Эта канцелярія не имѣетъ ничего общаго съ контрактами на поставку мяса!

Меня выпроводили. Я обстоятельно обдумалъ все дѣло и на другой день пошелъ къ морскому министру, который встрѣтилъ меня словами:

— Говорите скорѣе, сэръ, не заставляйте меня долго ждать!

Я сказалъ:

— Ваше высочество! Около 10 октября 1861 года Джонъ Вильсонъ Мэккенси изъ графства Чеменгъ, Нью-Джерси, теперь уже покойный, заключилъ съ правительствомъ контрактъ на поставку тридцати бочекъ мяса для генерала Шермэна...

Дальше мнѣ не пришлось говорить. Онъ заявилъ, что его совсѣмъ не касаются поставки мяса для генерала Шермэна. Мнѣ невольно пришла мысль о томъ, что все-таки это довольно странное правительство. Выглядѣло такъ, какъ будто оно не хотѣло платить за мясо.

На слѣдующій день я направилъ стопы свои къ министру внутреннихъ дѣлъ и сказалъ ему:

— Ваше высочество! Около 10 октября...

— Достаточно, сэръ. Я о васъ уже слышалъ. Прошу васъ удалиться и взять съ собой вашъ отвратительный контрактъ на поставку мяса. Министерству внутреннихъ дѣлъ нѣтъ никакого дѣла до снабженія арміи провіантомъ.

Удалиться-то я удалился, но при этомъ вышелъ изъ себя. Я рѣшилъ не бросать своего дѣла. Я рѣшилъ надоѣдать всѣмъ канцеляріямъ этого несправедливаго правительства до тѣхъ поръ, пока вопросъ о контрактѣ не будетъ разрѣшенъ окончательно. Я рѣшилъ, что или мнѣ заплатятъ по счету, или я погибну, какъ это сдѣлали мои предшественники. Я обращался къ управляющему почтовымъ вѣдомствомъ, осаждалъ министерство земледѣлія, подкарауливалъ предсѣдателя палаты депутатовъ. Всѣмъ имъ не было никакого дѣла до поставки мяса на армію. Послѣ этого я отправился въ канцелярію начальника палаты патентовъ и привилегій и сказалъ ему:

— Ваше превосходительство! Около 10 октября...

— Чортъ возьми! Теперь вы и *сюда* лѣзете съ вашимъ возмутительнымъ мяснымъ контрактомъ? Намъ нѣтъ *никакого* дѣла, сэръ, ровно никакого дѣла до поставокъ на армію. Ровно никакого!

— Все это хорошо... Но вѣдь долженъ же кто-нибудь заплатить за мясо; и я хочу получить свои деньги *возможно скорѣе*, или же я опечатаю вашу палату патентовъ и привилегій со всѣмъ, что въ ней есть.

— Но, дорогой мой...

— Это все равно, сэръ. По моему мнѣнію, палата патентовъ и привилегій отвѣтственна за мясо, а если и не отвѣтственна, то все-таки она должна заплатить!

Не спрашивай, что было дальше, дорогой читатель. Попросту меня поколотили. Палата патентовъ и привилегій побѣдила. Но все-таки я узналъ кое-что полезное для меня. Мнѣ сказали, что я долженъ обратиться съ своимъ дѣломъ въ казначейство.

Итакъ, я отправился въ казначейство, тамъ мнѣ пришлось прождать два съ половиною часа, послѣ чего меня допустили къ старшему казначею.

— Благородный, справедливый и достохвальный синьоръ:— началъ я. — Около 10 октября 1861 года Джонъ Вильсонъ Мэккен....

— Отлично, сэръ, отлично. Я уже слышалъ о васъ. Обратитесь къ первому счетному ревизору казначейства!

Я обратился къ первому счетному ревизору казначейства, тотъ послалъ меня ко второму ревизору, второй—къ третьему, а третій ревизоръ направилъ меня къ старшему контролеру отдѣла заготовленія солонины. Все это, по крайней мѣрѣ, было, наконецъ, похоже на дѣло. Онъ порылся въ своихъ книгахъ и въ разныхъ не подшитыхъ бумагахъ, но не нашелъ никакихъ данныхъ по моему кантракту. Затѣмъ я отправился ко второму контролеру отдѣла заготовленія солонины. Онъ тоже просмотрѣлъ свои книги и бумаги, и тоже ничего не нашелъ. Я постепенно оживалъ душой. Въ теченіе одной недѣли я добрался до шестого контролера этого отдѣленія, слѣдующая недѣля ушла на обслѣдованіе отдѣла претензій, третью недѣлю отъ начала до конца я посвятилъ отдѣлу затерянныхъ контрактовъ, потомъ перешелъ къ отдѣленію просроченныхъ счетовъ, которое я закончилъ всего въ три дня. Теперь у меня оставалось въ виду только одно: я обратился къ комиссару отдѣла остатковъ или, вѣрнѣе, къ его секретарю, потому что самъ комиссаръ отсутствовалъ. Въ канцеляріи я увидѣлъ шестнадцать молоденькихъ, хорошенькихъ барышень, которыя писали въ книгахъ, и семь счастливцевъ молодыхъ чиновниковъ, которые указывали барышнямъ, что и какъ надо писать.

Барышни улыбались черезъ плечики, а чиновники отвѣчали имъ тоже улыбками, и было весело, будто на свадьбѣ. Два или три чиновника, читавшіе газеты, посмотрѣли на меня испытующе, но затѣмъ продолжали свое чтеніе, и никто не сказалъ ни слова. Однако за время своихъ мытарствъ я успѣлъ привыкнуть къ подобнаго рода веселью вице-вспомогательныхъ младшихъ чиновниковъ, потому что наблюдалъ ихъ съ того

дня, когда я впервые вступилъ въ первую канцелярію отдѣла по заготовленію солонины, и до самаго момента, когда я вышелъ изъ канцеляріи отдѣла просроченныхъ счетовъ. Со временемъ я даже выработалъ въ себѣ способность стоять на одной ногѣ съ момента, когда я входилъ въ канцелярію и до момента, когда со мной заговаривалъ чиновникъ, при чемъ я перемѣнялъ ногу не больше двухъ-трехъ разъ.

Такъ стоялъ я и теперь. Когда я перемѣнилъ ногу четыре раза, я заговорилъ съ однимъ изъ читающихъ чиновниковъ:

— Великій хулиганъ, гдѣ находится старшій турокъ?

— О комъ вы говорите, сэръ? О комъ вы спрашиваете? Если вы имѣете въ виду начальника канцеляріи, то могу вамъ сообщить, что онъ вышелъ.

— Вернется ли онъ сегодня въ свой гаремъ?

Молодой человѣкъ нѣкоторое время безсмысленно глядѣлъ на меня, и потомъ снова углубился въ свою газету. Однако я отлично зналъ характеръ и привычки этихъ чиновниковъ. Я зналъ, что я буду спасенъ, если онъ справится съ газетами до прибытія новой нью-йоркской почты.

Теперь ему оставалось прочесть всего лишь двѣ газеты. Черезъ нѣкоторое время онъ ихъ кончилъ, сладко потянулся, зѣвнулъ и спросилъ, что мнѣ угодно.

— Знаменитый и уважаемый образецъ скудоумія! Около 10 октября 1861 года...

— Вы человѣкъ съ мяснымъ контрактомъ. Знаю. Давайте сюда ваши бумаги.

Онъ взялъ мои бумаги, просмотрѣлъ ихъ и долго рылся въ различныхъ документахъ. Наконецъ онъ открылъ Америку — въ душѣ я выразился именно такъ, нашелъ затерянный отчетъ о моемъ несчастномъ контрактѣ на поставку тридцати бочекъ мяса. Онъ нашелъ ту скалу, о которую разбилось столько моихъ предшественниковъ, даже еще не достигнувъ ея. Я былъ глубоко тронутъ и въ то же время чрезвычайно обрадованъ, я дожилъ-таки до рѣшенія завѣтнаго вопроса!

Я сказалъ голосомъ, дрожавшимъ отъ волненія:

— Дайте сюда бумаги. Теперь правительство, наконецъ, рѣшитъ все дѣло!

Но онъ сдѣлалъ рукою отрицательный жестъ и заявилъ, что прежде надо еще кое-что сдѣлать.

— Гдѣ этотъ Джонъ Вильсонъ Мэккенси?—спросилъ онъ меня.

— Умеръ.

— Когда онъ умеръ?

— То-есть, собственно говоря, онъ не умеръ, а его убили.

— Какимъ образомъ?

— Томагавкомъ.

— Кто это сдѣлалъ?

— Конечно, индѣецъ. Вѣдь не думаете же вы, что его могъ убить томагавкомъ директоръ воскресной школы?

— Нѣтъ, не думаю. Такъ вы говорите, — индѣецъ?

— Да, индѣецъ.

— А какъ звали этого индѣйца?

— Какъ его звали? А чортъ его знаетъ, какъ его звали.

— Это вамъ необходимо узнать. Кто видѣлъ, какъ убили Мэккенси?

— Не знаю.

— Значитъ, вы сами этого не видѣли?

— Очевидно, нѣтъ, разъ у меня на головѣ цѣлы волосы. Меня въ то время тамъ не было.

— Такъ откуда же вы можете знать, что Мэккенси умеръ?

— Какъ откуда?!. Я имѣю всѣ данныя для того, чтобы утверждать, что его нѣтъ на свѣтѣ. Я ни на секунду въ этомъ не сомнѣваюсь.

— Очень можетъ быть, что вы въ этомъ не сомнѣваетесь, но *намъ* этого мало, мы должны имѣть неоспоримыя доказательства, *неоспоримыя*, понимаете? Можете ли вы вызвать свидѣтелемъ того индѣйца?

— Разумѣется, не могу.

— Однако вы должны его вызвать, можетъ-быть, у васъ сохранилось орудіе убійства, — томагавкъ?

— Я его даже и во снѣ никогда не видѣлъ.

— Въ такомъ случаѣ постарайтесь достать его. Вы обязаны предъявить намъ и индѣйца и томагавкъ. Только въ томъ случаѣ, если такимъ путемъ будетъ доказана смерть Мэккенси, вы получите право обратиться къ комиссіи, которой надлежитъ разсмотрѣть ваши претензіи, и только тогда вы можете надѣяться, что ваше дѣло настолько подвинется впередъ, что вы или ваши наслѣдники со временемъ получите деньги. Но прежде всего необходимо неопровержимо доказать смерть перваго контрагента. Впрочемъ, я уже теперь могу вамъ сказать, что правительство ни въ какомъ случаѣ не уплатитъ расходы по провозу и по проѣздамъ мистера Мэккенси. Въ лучшемъ случаѣ оно заплатитъ за ту бочку мяса, которую солдаты генерала Шермэнса отняли у индѣйцевъ, да и то лишь при томъ условіи, если вамъ удастся провести законопроектъ о покровительственной системѣ. Что же касается двадцати девяти бочекъ мяса, съѣденнаго индѣйцами, то вамъ придется поставить на нихъ крестъ. Правительство за нихъ платить не станетъ.

— Позвольте! — воскликнулъ я, ошеломленный этимъ неожиданнымъ словоизверженіемъ. Значитъ, по вашему выходитъ, что правительство должно мнѣ всего лишь сто долларовъ, да и тѣ еще находятся подъ сомнѣніемъ! И это, послѣ того, какъ Мэккенси странствовалъ съ мясомъ по Европѣ, Азіи и Америкѣ, послѣ всѣхъ его заключеній и расходовъ, послѣ гибели тѣхъ невинныхъ страдальцевъ, которые раньше меня пытались получить по этому счету! Молодой человѣкъ, отчего же мнѣ не сказалъ это первый контролеръ отдѣла по заготовленію солонины?

— Потому что онъ не зналъ, насколько основательна ваша претензія.

— Но почему же мнѣ ничего не сказалъ ни второй, ни третій контролеръ? Почему объ этомъ не упомянулъ *ни одинъ* изъ всѣхъ чиновниковъ всѣхъ вашихъ отдѣленій канцелярій?

— Потому, что никто ничего не зналъ. У насъ все совершается по опредѣленному, строгому порядку. Вы сами на себѣ испытали благотворныя послѣдствія этого порядка, и добыли всѣ необходимыя для васъ свѣдѣнія. И это лучшій, единственно вѣрный путь. Правда, онъ нѣсколько длиненъ и однообразенъ, но зато всегда ведетъ къ цѣли.

— Да, если цѣлью считать смерть. По крайней мѣрѣ, до меня всѣ просители достигли именно этой цѣли. И я начинаю чувствовать, что меня ждетъ та же цѣль. Молодой человѣкъ, вы любите ту прелестную барышню, съ добрыми голубыми глазками и перомъ за ухомъ. Я вижу это по вашимъ томнымъ взглядамъ. Вы хотѣли бы на ней жениться, но вы бѣдны, и она тоже. Вотъ... дайте мнѣ вашу руку... возьмите себѣ мой контрактъ. Ступайте, женитесь и будьте счастливы! Благослови васъ небо, дѣти мои!

Вотъ все, что я знаю о контрактѣ по доставкѣ мяса, который надѣлалъ столько шума.

Чиновникъ, которому я подарилъ этотъ контрактъ, умеръ. Больше я ничего не слышалъ ни о контрактѣ, ни о комъ-либо, кто имѣлъ къ нему какое-нибудь отношеніе. Я знаю только, что если у кого-либо хватаетъ времени для того, чтобы добиваться чего-нибудь въ столицѣ, и что, если при помощи упорства и невѣроятныхъ усилій иногда удается черезъ долгое время что-либо узнать, то это же самое можно было бы безъ всякаго труда узнать въ первый же день, если бы только всѣ наши правительственныя канцеляріи были устроены хотя бы такъ же цѣлесообразно, какъ любая торговая контора.

Убiйство Юлiя Цезаря.

По сообщенiю газетнаго репортера.

Единственный достовѣрный отчетъ изъ всѣхъ когда-либо опубликованныхъ. Взятъ изъ *Вечернихъ Извѣстiй*, выпущенныхъ въ день страшнаго событiя.

Ничто на свѣтѣ не можетъ доставить газетному репортеру такого удовольствiя, какъ возможность собрать самыя подробныя свѣдѣнiя о какомъ-либо кровавомъ и таинственномъ происшествiи и затѣмъ напечатать ихъ въ газетѣ въ самомъ ужасномъ, преувеличенномъ освѣщенiи. Онъ положительно счастливъ, если ему доведется сдѣлать такую любезную его репортерскому сердцу работу, и особенно въ томъ случаѣ, когда онъ знаетъ, что всѣ другiя газеты уже печатаются, такъ что его газета будетъ единственная, которая дастъ отчетъ объ ужасномъ происшествiи.

Я въ душѣ часто сожалѣлъ, что мнѣ не довелось быть въ Римѣ репортеромъ въ то время, когда тамъ убили Цезаря,— репортеромъ вечерней газеты, и притомъ единственной въ городѣ, чтобы я могъ, по крайней мѣрѣ, на двѣнадцать часовъ опередить всѣ утреннiя газеты своей роскошной статьей, которая затмила бы всѣ статьи, когда-либо написанныя газетными репортерами. Съ тѣхъ поръ въ мiрѣ совершились другiя событiя, не менѣе сенсацiонныя, но ни одно изъ нихъ не обладало въ столь полной мѣрѣ всѣми характерными особенностями, необходимыми для выдающейся газетной статьи нашего времени, — особенностями, которыя, благодаря высокому соцiальному и политическому положенiю, благодаря извѣстности дѣйствующихъ лицъ, придали бы событiю нѣчто гигантское, сказочно величественное. Но такъ какъ мнѣ не было суждено дать своевременно отчетъ объ убiйствѣ Цезаря, то я, по крайней мѣрѣ, получилъ за это отъ судьбы рѣдкое удовлетворенiе въ видѣ возможности перевести съ латинскаго языка слѣдующiй блестящiй репортерскiй отчетъ объ этомъ событiи изъ римскихъ „Вечернихъ Извѣстiй“ того времени, второе изданiе:

„Нашъ городъ Римъ, обыкновенно отличающiйся такимъ безмятежнымъ спокойствiемъ, вчера былъ приведенъ въ состоянiе безумнаго возбужденiя, благодаря одному изъ тѣхъ

кровавыхъ побоищъ, которыя опечаливаютъ сердце и наполняютъ душу ужасомъ въ то время, какъ они вызываютъ у всѣхъ мыслящихъ людей грустныя предчувствія относительно будущности нашего города, гдѣ человѣческая жизнь цѣнится такъ страшно дешево и гдѣ возможно такъ явно и публично издѣваться надъ самыми священными законами Божескими и человѣческими. На насъ, какъ на представителяхъ печати, лежитъ грустная обязанность сообщить, что результатомъ этого побоища явилась смерть одного изъ нашихъ наиболѣе уважаемыхъ гражданъ, человѣка, имя котораго извѣстно всюду, гдѣ читается эта газета, — человѣка, распространеніе славы котораго, защита котораго отъ лжи и клеветы всегда являлись для насъ радостью и почетнымъ правомъ. Мы говоримъ о Юліи Цезарѣ, о нашемъ избранникѣ-императорѣ. Насколько мы могли возстановить истинную картину событія по противорѣчивымъ показаніямъ очевидцевъ, подробности происшествія вырисовываются въ слѣдующемъ видѣ. Главной причиной возбужденія, конечно, являются выборы. Девять десятыхъ тѣхъ печальныхъ кровавыхъ столкновеній, которыя теперь покрыли нашъ городъ несмываемымъ пятномъ позора, возникли на почвѣ ссоръ, раздоровъ, соревнованія и вражды, вызванныхъ этими проклятыми выборами. Римъ могъ бы только выиграть, если бы его полицейскіе чины могли избираться сразу на сто лѣтъ. Мы видимъ на горькомъ опытѣ, что даже выборы истребителя бродячихъ собакъ не обходятся безъ того, чтобы при этомъ не растоптали съ дюжину людей и чтобы къ утру всѣ полицейскіе участки не переполнились пьяными хулиганами. Ходятъ слухи, что когда недавно на площадяхъ было провозглашено огромное большинство голосовъ, поданнаго на выборахъ за господина Цезаря, и когда ему предлагалась корона, то даже его изумительное безкорыстіе, побудившее его трижды отказаться отъ высокой чести, не могло оградить его отъ оскорбленій такихъ господъ, какъ Каска (изъ десятаго избирательнаго округа) и другихъ наемниковъ разочаровавшагося претендента на тронъ, которые наводнили городъ, явившись изъ одиннадцатаго, тринадцатаго и другихъ избирательныхъ участковъ, расположенныхъ за чертой города. Многіе слышали, какъ эти наемники при случаѣ отзывались о поведеніи господина Цезаря насмѣшливо и даже презрительно.

Далѣе мы слышали, что многіе среди насъ считаютъ себя въ правѣ утверждать, что убійство Юлія Цезаря явилось результатомъ предварительнаго соглашенія, тщательно разработаннаго плана, измышленнаго Маркомъ Брутомъ и его пошлыми наемниками, и что планъ этотъ былъ выполненъ согласно

самой точной программѣ. Существуютъ ли для такого подозрѣнія дѣйствительно серьезныя основанія, мы предоставляемъ судить читателямъ, но съ своей стороны просимъ каждаго, до произнесенія приговора, прочесть безъ всякаго предубѣжденія, внимательно и серьезно слѣдующее точное описаніе печальнаго событія:

„Засѣданіе сената уже было открыто, и Цезарь шелъ по улицѣ къ Капитолію, разговаривая съ нѣкоторыми знакомыми, при чемъ за нимъ по обыкновенію слѣдовала значительная толпа гражданъ. Въ тотъ моментъ, когда Цезарь проходилъ мимо торговли москательными товарами Демосѳена и Туцитида, онъ замѣтилъ одному господину, котораго по вполнѣ освѣдомленнымъ источникамъ считаютъ предсказателемъ, что „пришли идеи марта“, на что тотъ отвѣтилъ:

— Да, онѣ пришли, но еще не прошли!

Въ это время подошелъ Артемидоръ, спросилъ, который часъ, и попросилъ Цезаря прочесть какую-то записку или трактатъ или вообще что-то въ этомъ родѣ, что онъ принесъ съ собой. Господинъ Децій Брутъ тоже упомянулъ о „всенижайшемъ прошеніи“, которое просилъ прочесть. Артемидоръ умолялъ Цезаря прочесть сначала его записку, потому что она, записка, касается лично его, Цезаря. Но Цезарь отвѣтилъ, что то, что касается его, онъ прочтетъ потомъ: таковъ приблизительно былъ смыслъ его словъ. Артемидоръ умолялъ и настаивалъ, чтобы его записка была прочтена немедленно *), но Цезарь отстранилъ его и отказался читать что-либо на улицѣ. Послѣ этого онъ прибылъ въ Капитолій, а за нимъ послѣдовала и вся толпа.

Приблизительно въ то же время нѣкоторыя лица слышали слѣдующій разговоръ, который, по нашему мнѣнію, стоялъ въ непосредственной связи съ послѣдующими событіями и имѣлъ для нихъ роковое значеніе. Дѣло въ томъ, что господинъ Папилій Лена замѣтилъ Георгію Кассію (извѣстенъ подъ кличкой „красавецъ Георгій“ изъ третьяго городского участка, хулиганъ, состоящій на жалованьѣ у оппозиціонной партіи), что онъ надѣется на удачный исходъ предпріятія; а когда Кассій спросилъ его, какого предпріятія, онъ прищурилъ лѣвый глазъ и сказалъ съ притворнымъ равнодушіемъ:

— Будьте здоровы!

---

*) *Къ свѣдѣнію читателей.* Вилльямъ Шекспиръ, который отъ начала до конца присутствовалъ при этой несчастной бойнѣ, сообщаетъ, что эта „записка“ попросту содержала предупрежденіе, гдѣ Цезарю открывался составленный противъ его жизни заговоръ.

И медленно направился къ тому мѣсту, гдѣ находился Цезарь. Маркъ Брутъ, котораго всѣ считаютъ предводителемъ шайки, убившей Цезаря, спросилъ Кассія, что ему сказалъ Лена. Кассій передалъ ему вышеприведенный краткій разговоръ и тихо добавилъ:

— Я боюсь, что нашъ заговоръ открытъ.

Брутъ распорядился, чтобы подлые заговорщики наблюдали за Папиліемъ, а самъ въ слѣдующій моментъ сказалъ тощему и вѣчно голодному бродягѣ Каскѣ, который пользуется въ городѣ далеко не лестной репутаціей, что надо спѣшить, потому что есть основанія опасаться неожиданныхъ препятствій. Затѣмъ онъ съ видимымъ волненіемъ обратился къ Бруту, спросилъ его, что онъ долженъ дѣлать, и поклялся, что или онъ или Цезарь не уйдетъ изъ Капитолія живымъ, что скорѣе онъ предпочтетъ самъ покончить съ собой. Въ это время Цезарь бесѣдовалъ съ нѣсколькими сельскими депутатами объ осеннихъ выборахъ и мало обращалъ вниманія на то, что дѣлалось вокругъ него. Требоній заговорилъ съ Маркомъ Антоніемъ, другомъ народа и Цезаря, и подъ какимъ-то предлогомъ отвелъ его въ сторону, а Брутъ, Децій, Каска, Цинна, Метеллій Цимберъ и другіе члены той гнусной шайки, которая теперь терроризируетъ населеніе Рима, столпились вокругъ обреченнаго на гибель Цезаря. Затѣмъ Метеллій Цимберъ сталъ на колѣни и обратился къ Цезарю съ ходатайствомъ о возвращеніи его брата изъ ссылки. Но Цезарь, не выносившій его подхалимства, наотрѣзъ отказалъ ему въ его просьбѣ. Тотчасъ послѣ Метеллія къ Цезарю обратился Брутъ, а за нимъ и Кассій съ просьбой о возвращеніи сосланнаго Публія, но Цезарь остался непреклоннымъ. Онъ сказалъ, что въ этомъ отношеніи уступки невозможны, что его рѣшеніе такъ же неизмѣнно, какъ неизмѣнно положеніе полярной звѣзды на небѣ, и затѣмъ продолжалъ развивать мысль о постоянствѣ этой звѣзды и о твердости своего характера. Потомъ онъ сказалъ, что онъ похожъ на эту звѣзду, и что, по его мнѣнію, онъ единственный человѣкъ во всемъ городѣ, который имѣетъ право сказать это о себѣ; такимъ образомъ разъ Публій сосланъ, то онъ, Цезарь, скорѣе дастъ себя повѣсить, чѣмъ вернетъ изгнанника въ Римъ.

Этимъ пустымъ поводомъ воспользовался Каска, бросился на Цезаря и намѣревался ударить его кинжаломъ, но Цезарь схватилъ его правой рукой за локоть, а лѣвой рукой изо всей силы ударилъ негодяя, который, обливаясь кровью, упалъ на землю. Послѣ этого Цезарь оперся спиною о статую Помпея и приготовился къ защитѣ. Кассій, Цимберъ и

Цинна бросились на него съ обнаженными кинжалами. Кассію удалось ранить Цезаря, но когда онъ хотѣлъ нанести второй ударъ, Цезарь ударомъ своего мощнаго кулака свалилъ его съ ногъ. Та же участь постигла и двухъ другихъ злодѣевъ. Между тѣмъ сенатъ, конечно, пришелъ въ неописуемое волненіе. Граждане, столпившіеся на галлереяхъ, дѣлали отчаянныя усилія, чтобы выбраться изъ зданія, но при этомъ закупорили всѣ двери. Приставъ и его помощники боролись съ убійцами, почтенные сенаторы отбрасывали стѣснявшія ихъ тоги, перепрыгивали черезъ скамьи и въ паническомъ ужасѣ бѣжали по коридорамъ, ища спасенія въ совѣщательной комнатѣ. Тысячи голосовъ кричали: „Полиція!.. Полиція!..“ сливаясь въ какой-то дикій хаосъ, надъ которымъ грозно господствовалъ общій ревъ толпы.

И среди этой страшной бури стоялъ великій Цезарь, прислонясь спиной къ статуѣ, какъ левъ, котораго травятъ собаки, и боролся съ нападавшими на него, не имѣя даже оружія, голыми руками, однимъ своимъ несокрушимымъ мужествомъ, которое онъ не разъ уже проявлялъ на кровавомъ полѣ брани. Требоній и Кай Легарій пытались нанести ему удары кинжалами, однако Цезарь свалилъ ихъ съ ногъ, какъ и ихъ предшественниковъ. Но когда Цезарь увидѣлъ Брута, своего стариннаго друга, приближавшагося къ нему съ смертельнымъ оружіемъ въ рукѣ, то горестное изумленіе всецѣло охватило его,—онъ опустилъ свою непобѣдимую руку, скрылъ лицо свое въ складкахъ тоги своей и принялъ предательскій ударъ, не сдѣлавъ даже попытки удержать руку убійцы. Онъ произнесъ только:

— *И ты, Брутъ?!*

И упалъ бездыханнымъ на мраморный полъ.

Утверждаютъ, что на покойномъ въ моментъ убійства было надѣто то же самое платье, которое было на немъ въ день окончательной побѣды надъ Нервійцами. Когда платье это сняли съ трупа, то оказалось, что оно было проткнуто и прорѣзано не менѣе чѣмъ въ семи мѣстахъ. Карманы были совершенно пусты. Платье будетъ выставлено для обозрѣнія, какъ доказательство того, что убійство дѣйствительно совершилось. Всѣ эти свѣдѣнія нами получены изъ самаго освѣдомленнаго источника, именно отъ Марка Антонія, общественное положеніе котораго даетъ ему полную возможность выяснить всѣ, даже мельчайшія, детали, имѣющія какое-либо отношеніе къ данному событію, приковывающему къ себѣ въ настоящее время всеобщій интересъ“.

Позднѣе было напечатано:

„Въ то время, пока слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ собиралъ понятыхъ, Маркъ Антоній и другіе друзья покойнаго Цезаря подняли трупъ и отнесли его на форумъ, а по самымъ послѣднимъ свѣдѣніямъ Антоній и Брутъ произнесли надъ трупомъ рѣчи, которыя до такой степени возбудили толпу, что въ настоящій моментъ, когда мы спѣшимъ сдать эти строки въ наборъ, полицмейстеръ принимаетъ обширныя мѣры для предупрежденія волненій, возможныхъ при подобномъ скопленіи и настроеніи уличной толпы".

Средневѣковой романъ.

I.

Разоблаченная тайна.

Была темная ночь. Въ могучемъ, древнемъ рыцарскомъ замкѣ Клугенштейновъ царила глубокая тишина. 1222 годъ кончался. Наверху, въ главной башнѣ, мерцалъ одинокій огонекъ. Тамъ происходило тайное совѣщаніе. Грозный рыцарь фонъ-Клугенштейнъ задумчиво сидѣлъ въ своемъ роскошномъ креслѣ. Черезъ нѣкоторое время онъ нѣжно произнесъ:

— Дочь моя!

Молодой человѣкъ благородной наружности, съ головы до ногъ одѣтый въ стальные рыцарскіе доспѣхи, отвѣтилъ:

— Говори, отецъ мой!

— Дочь моя! Настала минута, когда я долженъ разоблачить тебѣ тайну, которая давила тебя въ продолженіе всей твоей юной жизни. Такъ знай же, что тайна эта рождена тѣми обстоятельствами, кои теперь я открою тебѣ. Братъ мой Ульрихъ сейчасъ владѣетъ великимъ герцогствомъ Бранденбургскимъ. Отецъ нашъ на смертномъ ложѣ завѣщалъ, что если у Ульриха не родится сынъ, то наслѣдіе должно перейти ко мнѣ, но при непремѣнномъ условіи, чтобы у меня былъ сынъ. И далѣе, если волею Провидѣнія, ни у меня ни у Ульриха не будетъ сыновей, а родятся однѣ дочери, то право наслѣдія должно принадлежать Ульриху, то-есть его дочери, при условіи, чтобы она была чиста и непорочна. Если же дочь его провинилась въ чемъ-либо, то на тронъ должна взойти моя дочь, но только въ томъ случаѣ, если имя ея безупречно. И

вотъ я и супруга моя усердно молили Господа оказать намъ великую милость Свою и даровать сына, но тщетны были всѣ наши мольбы, потому что родилась ты. Я былъ въ отчаяніи. Я мысленно уже видѣлъ, какъ богатая добыча ускользала изъ рукъ моихъ, я видѣлъ, какъ дивный, волшебный сонъ расплывался въ туманѣ! А какъ страстно я надѣялся! Цѣлые пять лѣтъ наслаждался Ульрихъ радостями семейной жизни, а супруга его не подарила ему еще ни сына ни дочери.

— Но нѣтъ!—воскликнулъ я,—не все еще потеряно! Мой мозгъ внезапно осѣнила новая, спасительная мысль. Ты родилась въ полночь. Только акушерка, да шесть нянекъ знали твой полъ. Не прошло еще и часа, какъ я приказалъ всѣхъ ихъ повѣсить. На слѣдующее утро все окрестное населеніе чуть ли не обезумѣло отъ радостной вѣсти, что у рыцаря фонъ-Клугенштейнъ родился сынъ, наслѣдникъ могущественнаго Бранденбургскаго трона! Мы строго хранили нашу тайну. Въ дѣтствѣ за тобой ухаживала родная сестра твоей матери, и съ тѣхъ поръ мы уже ничего не боялись.

Когда тебѣ исполнилось десять лѣтъ, у Ульриха родилась дочь. Мы были опечалены, но все-таки возлагали большія надежды на корь, на докторовъ и на другихъ естественныхъ враговъ дѣтскаго организма, но... мы ошиблись. Мы разочаровались. Она жила, она развивалась... Да поразитъ ее Небо своимъ праведнымъ гнѣвомъ! Но... это все ничего не значитъ. Мы знаемъ, что право все-таки на нашей сторонѣ, потому что—ха-ха-ха!—потому что—развѣ у насъ родился не сынъ? И развѣ нашъ сынъ не будущій герцогъ? Нашъ дорогой, горячо любимый Конрадъ? Да, дочь моя, хотя тебѣ двадцать восемь лѣтъ, и ты женщина, но... ты всегда носила славное имя Конрада!

Теперь часъ насталъ. Время наложило свои неумолимыя руки на моего брата, онъ съ каждымъ днемъ дѣлается слабѣе и слабѣе. Заботы правителя начинаютъ тяготить его, а потому онъ желаетъ, чтобы ты пріѣхала къ нему и была герцогомъ, хотя и не по имени пока, но все-таки герцогомъ въ дѣйствительности. Твоя свита готова, дитя мое, сегодня вечеромъ ты покинешь родную кровлю.

Теперь внимательно выслушай меня. Не пророни ни одного моего слова. Есть законъ, такой же древній, какъ сама Германія, и законъ этотъ гласитъ: если женщина, не коронованная торжественно и всенародно, хоть на одно мгновеніе сядетъ на велико-герцогскій тронъ, то она должна умереть! Замѣть себѣ эти слова! Притворяйся скромной; чини судъ и расправу, сидя на креслѣ перваго министра, которое стоитъ у подножія трона. Не поднимайся на тронъ до тѣхъ поръ, пока ты не

надѣнешь на голову корону, которая оградитъ тебя отъ всего. Я не думаю, чтобы твой полъ былъ открытъ когда-либо, но само благоразумiе совѣтуетъ устраиваться настолько осторожно и предусмотрительно, насколько это возможно въ нашей призрачной земной жизни.

— О, мой отецъ! Такъ значитъ вся моя жизнь была сплошной ложью? И ради чего? Ради того, чтобы обманомъ отнять законныя права у моей ни въ чемъ неповинной двоюродной сестры? Пощади меня, отецъ мой, пощади дочь твою!

— Замолчи, неразумная! Такъ вотъ награда за ту блестящую участь, которую я хотѣлъ создать тебѣ? Клянусь прахомъ покойнаго родителя моего, эта слезливая чувствительность не подходитъ къ моему настроенiю. Сiю же минуту отправляйся къ герцогу и берегись становиться на пути моихъ плановъ и намѣренiй!

Этихъ образчиковъ разговора вполнѣ достаточно. Для насъ довольно будетъ узнать, что всѣ просьбы, мольбы и слезы благородной дѣвицы ни къ чему не привели. Ни она, ни кто-либо другой не могли тронуть окаменѣлую душу стараго рыцаря фонъ-Клугенштейнъ. И вотъ, наконецъ, за дочерью захлопнулись ворота родного замка, и она съ тяжелымъ сердцемъ отправилась въ неизвѣстную даль, окруженная непроглядной тьмой, отрядомъ вооруженныхъ вассаловъ и свитой храбрыхъ холоповъ.

Когда дочь уѣхала, старый рыцарь долго сидѣлъ, погруженный въ мрачное, молчаливое раздумье. Потомъ онъ обратился къ супругѣ своей и сказалъ:

— Любезная супруга моя, дѣла наши идутъ къ полному нашему удовольствiю. Прошло уже цѣлыхъ три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ я послалъ хитраго и красиваго графа Деццина съ его дьявольской миссiей къ Констанцiи, дочери брата моего. Если онъ потерпитъ неудачу, то судьба наша неизвѣстна, если же онъ достигнетъ успѣшнаго результата, то ничто въ мiрѣ не можетъ помѣшать дочери нашей стать, по крайней мѣрѣ, герцогиней, если только какая-нибудь темная сила помѣшаетъ ей стать герцогомъ!

— Сердце мое исполнено самыми мрачными предчувствiями, но все-таки будемъ надѣяться, что все окончится къ общему благополучiю.

— Замолчи, о женщина! Предоставь чернымъ воронамъ каркать къ бѣдѣ. Иди въ постель, спи, и пусть тебѣ приснится Бранденбургъ и герцогское величiе!

II.

Празднество и слезы.

Черезъ шесть дней послѣ событій, описанныхъ въ прошлой главѣ, столица Бранденбургскаго герцогства была наполнена роскошно вооруженными рыцарями и воинами, и на всѣхъ улицахъ раздавались громкіе крики радости вѣрныхъ подданныхъ по случаю прибытія Конрада, наслѣдника престола.

Сердце стараго герцога было полно счастьемъ, потому что красивая фигура Конрада и его благородство сразу располагали къ нему. Высокія залы герцогскаго замка были полны дворянами, которые сердечно привѣтствовали Конрада, и все казалось настолько радостнымъ и сулящимъ только одно счастье, что Конрадъ почувствовалъ, какъ его печаль и опасенія постепенно исчезали и уступали мѣсто счастливому довольству.

Но въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ замка разыгрывалась сцена совсѣмъ иного рода. У окна стояла принцесса Констанція, единственная дочь герцога. Ея глаза были красны и распухли отъ слезъ. Она была одна. Черезъ нѣкоторое время она снова начала плакать и громко сказала:

— Этотъ презрѣнный Деццинъ уѣхалъ, бѣжалъ изъ герцогства! Сначала я не хотѣла этому вѣрить, но—ахъ!—это правда, горькая правда. А какъ горячо я его любила! Я осмѣливалась любить его, хотя я знала, что отецъ мой никогда не согласится на этотъ бракъ. Я любила его, но теперь я его ненавижу! Ненавижу всей своей душой! О, что же со мною будетъ? Я погибла, погибла, погибла! О, я сойду съ ума!

III.

Обстоятельства осложняются.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Всѣ не могли нахвалиться молодымъ Конрадомъ и мудростью его правленія; всѣ восторгались снисходительностью и справедливостью его суда и той скромностью, съ которой онъ дѣлалъ свое высокое дѣло. Скоро герцогъ передалъ ему всѣ бразды правленія, а самъ сидѣлъ въ сторонѣ и съ чувствомъ горделиваго удовлетворенія слушалъ, какъ его наслѣдникъ съ кресла перваго министра объявлялъ рѣшенія и распоряженія правительства. Казалось, что человѣкъ, окруженный всеобщей любовью, почетомъ и преданностью, не

отдохнуть на камень и отъ скуки стали отбивать молоткомъ кусочки отъ камня. Разсматривая одинъ изъ кусковъ, они нашли въ немъ много золота. Впослѣдствіи этотъ камень далъ имъ золота на 800 долларовъ. Но самое важное то, что мексиканцы стали производить раскопки въ прилегающей мѣстности и нашли, можетъ-быть, самый богатый карманъ, какой когда-либо находили въ этой области. Понадобилось цѣлыхъ три мѣсяца, чтобы разработать его, и онъ далъ имъ золота на 120.000 долларовъ. А тѣ двое американцевъ, которые обыкновенно отдыхали на камнѣ, все еще бѣдствуютъ и проклинаютъ бродягъ мексиканцевъ.

XVI.

Одинъ изъ моихъ тамошнихъ товарищей, одна изъ жертвъ восемнадцатилѣтняго неустаннаго труда и тщетныхъ надеждъ, былъ самымъ симпатичнымъ изъ людей, которые когда-либо терпѣливо несли свой крестъ въ скучномъ изгнаніи, серьезный и скромный Дикъ Бэкеръ, карманный золотоискатель пріиска Мертваго Дома. Ему было сорокъ шесть лѣтъ; онъ былъ сѣдъ, какъ крыса, серьезенъ, задумчивъ, не могъ похвалиться особеннымъ образованіемъ, небрежно одѣтъ и измазанъ глиной, но сердце у него было чище всякаго золота, которое когда-либо добывала его лопата.

Когда ему не было удачи или когда у него бывало на душѣ тяжело, онъ начиналъ горевать о томъ, какъ онъ лишился удивительнаго кота, который у него когда-то былъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ ни жены ни дѣтей, мужчина съ добрымъ сердцемъ обзаводится какимъ-нибудь животнымъ, потому что нужно же когонибудь любить.

Я слышалъ, какъ онъ однажды разсказывалъ объ этомъ удивительномъ котѣ. Вотъ что онъ говорилъ:

— Джентльмены, у меня былъ здѣсь котъ, котораго звали Томъ Кварцъ, и которымъ, я думаю, и вы бы заинтересовались. Онъ жилъ здѣсь у меня восемь лѣтъ и былъ самымъ замѣчательнымъ котомъ, какого я когда-либо видѣлъ. Это былъ большой сѣрый котъ, хотя и самой обыкновенной породы, но такой умный и держалъ себя съ такимъ достоинствомъ, что даже и калифорнскому губернатору онъ не позволилъ бы обращаться съ собой фамильярно. Никогда во всю свою жизнь онъ не ловилъ крысъ, онъ былъ выше этого. Онъ никогда не интересовался ничѣмъ, кромѣ пріисковъ. Онъ зналъ въ этомъ толкъ не только больше всѣхъ остальныхъ кошекъ, но, пожалуй, больше и любого изъ насъ, а ужъ что

касается карманныхъ прiисковъ, то онъ точно для этого и былъ созданъ. Онъ копалъ послѣ меня и Джима, когда мы поднимались по холмамъ, и готовъ былъ бы бѣжать за нами хоть цѣлыхъ пять миль, если бы мы отправились такъ далеко. Онъ лучше всѣхъ умѣлъ угадывать золотоносную почву. Когда мы отправлялись на работу, онъ осматривался кругомъ, какъ будто обдумывая, вѣрно ли взято направленiе, и при этомъ смотрѣлъ такъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „ну, вы ужъ меня извините“, и, не говоря ни слова, поднималъ носъ кверху и отправлялся домой. Но если почва казалась ему подходящей, то онъ ложился и лежалъ, пока не промывали первой кастрюли; тогда онъ вставалъ, смотрѣлъ и, если тамъ было шесть или семь золотыхъ песчинокъ, онъ былъ доволенъ и затѣмъ ложился на наше платье и храпѣлъ, какъ пароходная труба, пока мы не нападали на карманъ; тогда онъ вскакивалъ и смотрѣлъ, какъ мы работали.

Но мало-по-малу насъ охватила золотая горячка... Каждый изъ васъ испыталъ это на себѣ... Каждый знаетъ, какъ велико искушенiе открыть кварцевое мѣсторожденiе золота... Джимъ не сталъ бы дѣлать ничего подобнаго, но мы не могли побѣдить искушенiя и стали рыть шахту, а Томъ Кварцъ смотрѣлъ на насъ и удивлялся, за какимъ чортомъ это намъ понадобилось. Онъ, надо вамъ сказать, и раньше былъ врагомъ всякихъ новшествъ; но постепенно сталъ привыкать къ новому способу и, наконецъ, даже дошелъ до того, что спустился въ шахту, желая собственными глазами убѣдиться, въ чемъ тутъ дѣло, и, должно-быть, ему не особенно понравилось, потому что онъ все время проводилъ въ томъ, что лежалъ свернувшись въ углу клубочкомъ, и дремалъ. Однажды, работая въ шахтѣ уже на глубинѣ восьми футовъ, мы наткнулись на такую твердую породу, что ея не брала кирка, и мы сдѣлали взрывъ, первый взрывъ съ тѣхъ поръ, какъ родился Томъ Кварцъ. Мы заложили зарядъ и отошли ярдовъ на пятьдесятъ, позабывъ, что Томъ Кварцъ остался тамъ и спитъ на мѣшкѣ. Черезъ минуту изъ отверстiя показался столбъ дыма, а затѣмъ раздался взрывъ, и кверху полетѣли камни и земля. Вмѣстѣ съ землей взлетѣлъ и нашъ Томъ и упалъ футахъ въ девяти отъ насъ... Онъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ, но видъ у него былъ ужасный... Одно ухо у него было прижато къ шеѣ, хвостъ торчалъ трубой, вѣки висѣли; онъ весь былъ покрытъ копотью и дымомъ и весь выпачканъ съ головы до ногъ. Ну, мнѣ нечего вамъ говорить, что мы даже и не пробовали извиняться, мы не могли произнести ни слова. Онъ бросилъ на себя взглядъ отвращенiя, а потомъ посмотрѣлъ на

Когда извѣстіе это дошло до рыцаря фонъ-Клугенштейна, онъ три раза взмахнулъ надъ головой своимъ косматымъ шлемомъ и воскликнулъ:

— Да здравствуетъ герцогъ Конрадъ! Потому что теперь герцогская корона отъ него не уйдетъ! Децинъ блестяще выполнилъ мое порученіе, и я достойно вознагражу этого честнаго мерзавца!

И онъ самъ сталъ широко распространять радостную вѣсть, и послѣ этого двое сутокъ въ его владѣніяхъ всѣ поголовно пѣли, плясали, пили и жгли иллюминаціи, чтобы достойно отпраздновать радостное событіе, и за все платилъ гордый, счастливый рыцарь фонъ-Клугенштейнъ.

V.

Ужасная катастрофа.

Насталъ день суда. Всѣ знатные рыцари и бароны Бранденбурга собрались въ судной палатѣ герцогскаго замка. Не осталось свободнымъ ни одного мѣстечка, гдѣ могъ стоять или сидѣть человѣкъ. Конрадъ, одѣтый въ пурпуръ и горностай, сидѣлъ на креслѣ перваго министра, а справа и слѣва отъ него возсѣдали главные судьи герцогства. Старый герцогъ строго приказалъ, чтобы его дочь судили безъ всякаго снисхожденія, а самъ, чувствуя себя совершенно разбитымъ обрушившимся на него ударомъ, слегъ въ постель. Его дни были сочтены. Конрадъ умолялъ избавить его отъ печальной обязанности судить свою преступную двоюродную сестру и умолялъ съ такой настойчивостью, будто отъ этого зависѣла его собственная жизнь, но ничто не помогло.

Изъ всѣхъ собравшихся на судъ тяжелѣе всего было на душѣ у Конрада. Счастливѣе всѣхъ чувствовалъ себя отецъ Конрада, старый баронъ Клугенштейнъ, который прибылъ въ замокъ безъ вѣдома своей дочери „Конрада“ и теперь сидѣлъ среди другихъ знатныхъ дворянъ, радуясь растущему величію и счастью своего рода. Послѣ того, какъ герольды объявили начало суда, и были выполнены другія предварительныя формальности, почтенный главный судья сказалъ:

— Подсудимая, подойдите!

Несчастная принцесса, окутанная густой вуалью, встала и подошла къ судьямъ. Главный судья продолжалъ:

— Досточтимая принцесса! Главнымъ судьямъ герцогства была подана и доказана жалоба на то, что ваше высочество внѣ священнаго брака подарили жизнь ребенку. Нашъ древній законъ караетъ такой проступокъ смертью, за исключеніемъ

всего лишь одного случая, который вамъ торжественно назоветъ нашъ высокочтимый повелитель, его высочество, правящій герцогъ Конрадъ. Поэтому внимательно выслушайте его слова!

Конрадъ нерѣшительно поднялъ скипетръ, и въ это мгновеніе женское сердце подъ царскимъ одѣяніемъ сжалось отъ жалости къ несчастной подсудимой, и на глазахъ его показались слезы. Онъ открылъ ротъ, чтобы начать рѣчь но главный судья остановилъ его словами:

— Не отсюда, ваше высочество, не отсюда! Законъ разрѣшаетъ судить члена герцогской фамиліи не иначе, какъ съ высоты герцогскаго трона!

Трепетъ наполнилъ сердце Конрада, а желѣзная фигура его отца задрожала. Конрадъ еще не былъ коронованъ, онъ, какъ женщина, не смѣлъ осквернить тронъ. Онъ медлилъ и лицо его покрылось смертельной блѣдностью. Но исхода не было. Уже онъ видѣлъ устремленные на себя изумленные взгляды. Еще секунда промедленія—и эти взгляды превратятся въ подозрительные. Итакъ, онъ поднялся на ступени трона, снова поднялъ скипетръ и произнесъ:

— Подсудимая, именемъ высокаго нашего повелителя Ульриха, герцога Бранденбургскаго, я выполняю возложенную на меня важную обязанность. Слѣдите за моими словами! По древнему закону нашей страны васъ ожидаетъ смерть, если вы не назовете своего соучастника и не предадите его въ руки палача.. Воспользуйтесь этимъ правомъ, спасите себя, пока еще не поздно. Назовите намъ отца вашего ребенка!

Торжественная тишина воцарилась среди присутствующихъ, такая глубокая тишина, что каждый слышалъ біеніе своего сердца. Затѣмъ принцесса медленно обернулась, указала пальцемъ прямо на Конрада и твердо произнесла, въ то время какъ глаза ея горѣли непримиримой ненавистью:

— Ты—отецъ моего ребенка!

Ужасное сознаніе, что онъ находится въ опасности, отъ которой нѣтъ спасенія, пронизало сердце Конрада ледянымъ холодомъ смерти. Какія силы могли спасти его? Чтобы опровергнуть обвиненіе, онъ долженъ былъ сознаться, что онъ—женщина, но въ то же время не коронованная женщина, вступившая на герцогскій тронъ, подлежала казни! И въ тотъ же самый моментъ Конрадъ и его грозный старый отецъ потеряли сознаніе и упали на полъ.

* *
*

Конецъ этой страшной, чреватой событіями исторіи не появился въ печати, да, вѣроятно, никогда и не появится въ будущемъ. Я знаю лишь одно, что я завелъ своего героя (или

свою героиню) въ такія отчаянныя дебри, что положительно не знаю, какъ мнѣ его (или ее) вывести оттуда. Поэтому я умываю руки и предоставляю ему (или ей) выбираться изъ этихъ дебрей какъ ему (или ей) угодно, или же оставаться тамъ. Для меня это безразлично. Я думалъ, что все это сдѣлается само собою, что маленькое затрудненіе рѣшится къ общему удовольствію, но теперь вижу, что я ошибся.

Нѣчто о горничныхъ.

Всѣмъ горничнымъ, какого бы возраста, какой бы національности онѣ ни были, я бросаю проклятіе отъ имени холостяковъ всего міра.

Ибо:

Онѣ непремѣнно кладутъ подушки на томъ концѣ кровати, гдѣ нѣтъ освѣщенія, такъ что, когда передъ сномъ желаешь немного покурить и почитать (старая, добрая привычка холостяковъ), то приходится держать книгу на вѣсу и въ очень неудобномъ положеніи, чтобы не ослѣпнуть отъ бьющаго прямо въ глаза свѣта.

Если утромъ онѣ найдутъ подушки на противоположномъ концѣ кровати, то онѣ отнюдь не увидятъ въ этомъ деликатное напоминаніе; о, нѣтъ, въ своемъ застывшемъ величіи, въ сознаніи своего неограниченнаго господства онѣ не чувствуютъ никакой жалости къ нашей безпомощности, оправляютъ постель непремѣнно попрежнему и въ душѣ наслаждаются тѣми мученіями, которыя причиняетъ намъ ихъ тиранія.

Каждый разъ, когда онѣ находятъ подушки не тамъ, гдѣ имъ надлежитъ пребывать, по ихъ мнѣнію, онѣ ихъ перекладываютъ вопреки всякой логикѣ, и по мѣрѣ возможности стараются испортить намъ жизнь, Господомъ данную.

Если имъ никакъ не удается лишить васъ возможности пользоваться свѣтомъ при чтеніи, то онѣ прибѣгаютъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ и попросту передвигаютъ кровать на другое мѣсто.

Попробуйте отодвинуть сундукъ на нѣсколько дюймовъ отъ стѣны, чтобы открытая крышка не падала вамъ всякій разъ на руки—онѣ непремѣнно придвинутъ его обратно къ стѣнѣ. И дѣлаютъ онѣ это нарочно.

Если вы поставили плевательницу въ опредѣленное мѣсто, гдѣ это вамъ удобно, и если это не понравилось горничной, она обязательно переставитъ ее въ другое мѣсто.

Сапоги онѣ всегда любятъ спроваживать въ такое мѣсто, гдѣ ихъ труднѣе всего достать. Особенно охотно онѣ запихиваютъ ихъ подъ кровать къ самой стѣнѣ. И дѣлаютъ онѣ это исключительно затѣмъ, чтобы заставить васъ лазить на четвереренькахъ, шарить въ темнотѣ палкой подъ кроватью и клясть свою злосчастную судьбу.

Спички онѣ ни за какія блага въ мірѣ не положатъ туда, гдѣ вамъ удобно ихъ достать. Коробка со спичками каждый день непремѣнно оказывается въ новомъ мѣстѣ, а тамъ, гдѣ она лежала наканунѣ, обязательно стоитъ стаканъ, бутылка или какой-либо другой хрупкій предметъ. Дѣлается это затѣмъ, чтобы вы, думая найти спички на обычномъ мѣстѣ, въ темнотѣ уронили и разбили что-нибудь и такимъ образомъ причинили себѣ непріятность.

Затѣмъ горничныя постоянно переставляютъ мебель. Возвращаясь вечеромъ домой, можно почти съ увѣренностью ожидать, что письменный столъ окажется тамъ, гдѣ утромъ стоялъ платяной шкапъ, и наоборотъ. Если вы утромъ оставили кресло-качалку у окна, а ведро съ водой у двери, то можете быть увѣрены въ томъ, что при возвращеніи въ темнотѣ вы упадете на качалку у двери, потомъ пойдете къ окну и сядете въ ведро съ водой. Вамъ это, конечно, будетъ непріятно, а имъ доставляетъ удовольствіе.

Имъ нѣтъ дѣла до того, гдѣ вы кладете свои вещи, онѣ ихъ перекладываютъ по-своему. Это одна изъ особенностей ихъ характера, и, кромѣ того, онѣ не могутъ обойтись безъ грубостей и возраженій.

Онѣ поднимаютъ съ пола ненужныя бумажки и старательно складываютъ ихъ на письменномъ столѣ, а при растопкѣ печи пользуются вашими рукописями и книгами. Если у васъ есть клочокъ бумаги, на который вы сердиты и отъ котораго вы, во что бы то ни стало, хотите избавиться, то, сколько вы ни будете стараться, вамъ все-таки не удастся настоять на своемъ, потому что горничная неизмѣнно будетъ класть эту бумажку на прежнее мѣсто. Это имъ доставляетъ удовольствіе. И, кромѣ того, каждая горничная расходуетъ на себя въ шесть разъ больше помады, чѣмъ мужчина, а если вы скажете, что она помаду беретъ у васъ, она непремѣнно будетъ божиться, что никогда и не видѣла вашей помады, что даже не знаетъ, есть ли у васъ вообще помада. Какое ей дѣло до наказанія въ загробной жизни? Ровно никакого!

Если вы для своего удобства оставили въ дверномъ замкѣ ключъ, то горничная снесетъ его въ контору и отдастъ конторщику. Она будетъ утверждать, что будто бы желала оградить ваше имущество отъ воровъ, но въ дѣйствительности она просто хотѣла заставить васъ лишній разъ пробѣжаться по лѣстницѣ, когда вы вернетесь домой усталымъ и жаждущимъ отдыха. Если вы не хотите бѣжать сами, то вы должны послать коридорнаго и, разумѣется, дать ему „на чай", а чаевыя деньги они, безъ сомнѣнія, дѣлятъ между собою.

Онѣ хотятъ убирать комнату, когда вы еще лежите въ постели, и лишаютъ васъ утренняго сна, но разъ вы уже встали, онѣ не показываются къ вамъ цѣлый день.

Вообще горничныя причиняютъ вамъ тысячи мелкихъ непріятностей и дѣлаютъ это исключительно по своей злостности, потому что другихъ причинъ нѣтъ.

Горничнымъ чуждо какое бы то ни было человѣческое чувство.

Если бы я могъ провести черезъ всѣ инстанціи просьбу объ уничтоженіи горничныхъ, я непремѣнно подалъ бы ее.

Какъ лѣчатъ насморкъ.

Можетъ-быть, и хорошо писать для развлеченія публики, но гораздо лучше и благороднѣе писать для поученія, для пользы читателя, для его дѣйствительнаго и осязательнаго блага. Послѣдняя цѣль побудила меня, между прочимъ, написать эту статью. Если мои строки хоть одному человѣку помогутъ избавиться отъ страданій, если онѣ хоть у одного человѣка пробудятъ въ душѣ уснувшую надежду, зажгутъ пламя радостей жизни въ его глазахъ, заставятъ его усталое сердце снова биться съ юношеской энергіей, то я буду считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ; душа моя озарится тѣмъ священнымъ восторгомъ, который долженъ испытывать христіанинъ, совершившій доброе, безкорыстное дѣло.

Такъ какъ я всегда отличался безукоризненнымъ образомъ жизни, то я съ спокойной совѣстью могу предположить, что никто изъ знающихъ меня не отвергнетъ совѣтовъ, которые я здѣсь хочу дать, никто не заподозритъ меня въ намѣреніи обмануть или посмѣяться. Пусть читатели сами ознакомятся съ моимъ способомъ лѣченія насморка, пусть они сами послѣ-

дуютъ изложеннымъ здѣсь совѣтамъ, и сами потомъ выскажутъ свое сужденіе.

Когда сгорѣлъ Бѣлый Домъ, въ Вержинія-Сити*), я потерялъ родину, счастье, здоровье и чемоданъ. Первыя двѣ потери были не особенно ощутительны, потому что очень не трудно найти себѣ новую родину безъ матери, сестры или молодой дальней родственницы, которая убирала бы грязное бѣлье и ставила на мѣсто сапоги. Объ утратѣ счастья я не горевалъ нисколько, потому что я не поэтъ, считаю счастье вещью немыслимой и не могу долго предаваться міровой скорби. Но потерять здоровье и хорошій чемоданъ—несчастье серьезное. Въ день пожара я сильно простудился вслѣдствіе моихъ отчаянныхъ усилій помочь при тушеніи. Притомъ всѣ мои мученія оказались напрасными, потому что мой планъ борьбы съ огнемъ былъ настолько сложенъ, что я едва успѣлъ его выработать къ половинѣ слѣдующей недѣли.

Когда я въ первый разъ чихнулъ, одинъ пріятель посовѣтовалъ мнѣ немедленно взять ножную ванну и лечь въ постель. Я послѣдовалъ его совѣту. Но скоро другой пріятель далъ мнѣ совѣтъ встать и принять холодный душъ. Я выполнилъ и этотъ совѣтъ. Не прошло еще и часа, какъ третій пріятель увѣрилъ меня, что слѣдуетъ „насморкъ кормить, а лихорадку морить голодомъ". Я сдѣлалъ и то и другое. Ради насморка я наѣлся до тошноты, а затѣмъ я улегся въ темнотѣ и сталъ морить лихорадку голодомъ.

Въ такихъ случаяхъ я рѣдко дѣлаю дѣло наполовину, а потомъ я ѣлъ вполнѣ добросовѣстно. Я отправился въ ресторанъ, только что открытый однимъ пріѣзжимъ. Хозяинъ ресторана въ почтительномъ молчаніи стоялъ около меня, пока я кормилъ свой насморкъ, а затѣмъ спросилъ меня, сильно ли вообще распространенъ насморкъ среди населенія Вержиніи-Сити. Я отвѣтилъ, что, кажется, за послѣднее время у насъ началось что-то въ родѣ эпидеміи насморка. Тогда онъ вышелъ на улицу и снялъ съ дверей свою вывѣску.

Когда я вышелъ изъ ресторана, меня встрѣтилъ одинъ близкій пріятель, который убѣдилъ меня въ томъ, что лучшее въ мірѣ средство противъ насморка это—стаканъ воды съ солью; воду эту надо выпить теплой и непремѣнно залпомъ. Сначала мнѣ казалось, что въ моемъ переполненномъ желудкѣ не хватитъ мѣста для стакана теплой соленой воды, но я всетаки рѣшилъ испробовать и это средство. Результатъ получился поразительный. Мнѣ въ первое время показалось, будто я отдалъ свою безсмертную душу Господу Богу.

*) Столица графства Стори, въ штатѣ Невада. *Переводч.*

Такъ какъ я пишу эту статью на пользу и поученіе страждущихъ, то я чувствую себя обязаннымъ предостерегать ихъ отъ средствъ, которыя по моимъ опытамъ оказались не дѣйствительными, а потому я не совѣтую лѣчиться соленой водой. Очень можетъ быть, что это и хорошее средство, но лично я нахожу его слишкомъ сильнымъ. Если у меня когда-нибудь опять будетъ насморкъ и мнѣ придется выбирать между стаканомъ теплой соленой воды и землетрясеніемъ, я предпочту попробовать землетрясеніе.

Когда буря въ моемъ желудкѣ, наконецъ, улеглась, и я нѣкоторое время случайно не встрѣчалъ любвеобильныхъ самаритянъ, я дѣлалъ то, что дѣлалъ при насморкѣ и раньше, т.-е. мѣнялъ почаще носовые платки. Но вотъ я встрѣтился съ одной дамой, которая только что пріѣхала изъ-за прерій. Она разсказала мнѣ, что ей пришлось жить въ странѣ, гдѣ доктора очень рѣдки, и что поэтому ей невольно пришлось пріобрѣсти довольно солидныя познанія въ врачеваніи „простыхъ“ болѣзней. Я охотно допустилъ, что она имѣла время и возможность набраться опытности, потому что на видъ ей было никакъ не менѣе ста пятидесяти лѣтъ.

Она вскипятила смѣсь изъ сладкаго сиропа, царской водки *), скипидара и еще другихъ жидкостей и посовѣтовала принимать каждые четверть часа по винному стакану этой мерзости. Но я одолѣлъ всего лишь одинъ пріемъ, и его оказалось болѣе чѣмъ достаточно. Это лѣкарство разомъ лишило меня всѣхъ основныхъ принциповъ нравственности и пробудило во мнѣ всѣ низменные инстинкты. Подъ ихъ вліяніемъ мой мозгъ создавалъ чудеса подлости, но, къ счастью, мои руки были слишкомъ слабы для выполненія всѣхъ этихъ адскихъ измышленій. Если бы цѣлый рядъ благодѣтельныхъ лѣчебныхъ мѣръ, направленныхъ противъ насморка, не подорвалъ мои силы, я въ то время, навѣрное, сталъ бы разрывать могилы и грабить покойниковъ. Какъ у всѣхъ людей, во мнѣ иногда пробуждаются животные инстинкты, которые тогда и руководятъ отдѣльными моими поступками; но до того, какъ я принялъ эту дьявольскую смѣсь, я никогда не испытывалъ такого сверхъестественнаго нравственнаго паденія и не могъ себѣ представить, чтобы подобной испорченностью можно было гордиться, а я именно гордился ею. Черезъ два дня я, однако, настолько оправился, что уже могъ приступить къ новому лѣченію. Я принялъ еще нѣсколько „вѣрно дѣйствующихъ“ средствъ и, наконецъ, загналъ насморкъ изъ носа въ легкія. Я началъ

*) Смѣсь азотной и соляной кислотъ. *Переводч.*

безпрерывно кашлять, а голосъ мой исчезъ окончательно. Я разговаривалъ какимъ-то шипящимъ басомъ, октавы на двѣ ниже моего обыкновеннаго голоса. Заснуть мнѣ удавалось лишь послѣ того, какъ я доводилъ себя кашлемъ до полнаго изнуренія; но во снѣ я начиналъ говорить, и мой дикій благопріобрѣтенный голосъ сейчасъ же снова будилъ меня.

Мое положеніе съ каждымъ днемъ ухудшалось. Мнѣ совѣтовали пить водку. Я пилъ водку. Рекомендовали подбавлять къ водкѣ малиновый сиропъ. Я подбавлялъ къ водкѣ малиновый сиропъ. Потомъ мнѣ сказали, что полезно накрошить въ водку лука. Я добавилъ къ водкѣ малиноваго сиропа и накрошилъ туда цѣлую луковицу. Но и эта хитроумная смѣсь вызвала у меня только тошноту, да, кромѣ того, дыханіе сдѣлалось короткимъ и шумнымъ, какъ у запаленной лошади, и въ довершеніе всего отъ меня на десять шаговъ разило лукомъ.

Я нашелъ, что для поправленія здоровья мнѣ необходимо путешествіе. Я отправился съ моимъ товарищемъ Вильсономъ, тоже журналистомъ, на Бигльское озеро. Мнѣ всегда доставляетъ удовольствіе воспоминаніе объ удобствахъ, съ которыми мы тогда ѣхали. Мы помѣстились въ переселенческомъ фургонѣ, при чемъ мой другъ забралъ съ собою все свое имущество, состоявшее изъ двухъ прекрасныхъ шелковыхъ носовыхъ платковъ и портрета его бабушки. На озерѣ мы катались на лодкахъ, ловили рыбу, охотились и танцовали цѣлыми днями, а ночью я усердно занимался лѣченіемъ своего насморка. Благодаря такому мудрому распредѣленію времени, у меня были использованы всѣ двадцать четыре часа въ сутки, но тѣмъ не менѣе моя болѣзнь не только не проходила, но дѣлалась все серьезнѣе.

Мнѣ посовѣтовали принимать простынныя ванны. Я никогда не отказывался пробовать новыя средства, теперь же, въ моемъ положеніи, отказываться было бы совсѣмъ неблагоразумно, а потому я рѣшилъ принимать простынныя ванны, хотя тогда я еще не имѣлъ понятія о томъ, что это за штука.

Простынную ванну мнѣ впервые пришлось принять около полуночи. Мнѣ обнажили грудь и спину, затѣмъ взяли большую простыню (тогда мнѣ казалось, что въ ней не менѣе тысячи метровъ длины), окунули ее въ воду со льдомъ и обернули меня ею такъ, что въ концѣ-концовъ я сталъ похожъ на банникъ для крѣпостной пушки.

Это—жестокое средство. Когда холодная, мокрая тряпка прикасается къ теплому тѣлу, то вздрагиваешь, какъ отъ сильнаго укола, и начинаешь ртомъ ловить воздухъ, какъ карась на сковородѣ. Мозгъ застываетъ въ костяхъ, а сердце совершенно пе-

рестаетъ биться. Мнѣ казалось, что пришелъ мой конецъ. Мой другъ Вильсонъ сказалъ, что вся эта исторія напоминаетъ ему одинъ анекдотъ съ негромъ, котораго во время крещенія пасторъ нечаянно выпустилъ изъ рукъ. Негръ плюхнулся въ воду, побарахтался тамъ, наконецъ, уже полузахлебнувшись, онъ кое-какъ выбрался на берегъ. Злой, извергая изо рта цѣлые фонтаны воды, побѣжалъ негръ по берегу и уже издали крикнулъ пастору:

— Ужъ ты кого-нибудь другого лучше такимъ дурацкимъ способомъ на тотъ свѣтъ отправляй, а я не желаю!

Такъ и не докрестили негра.

Никому я не совѣтую принимать простынную ванну, никому! Хуже такой ванны я представляю себѣ развѣ только встрѣчу съ знакомой дамой, которая по какимъ-то ей одной извѣстнымъ соображеніямъ вдругъ перестала узнавать васъ: глядитъ прямо въ глаза и не узнаетъ! Однако и простынная ванна не вылѣчила моего кашля. Тогда одна знакомая дама посовѣтовала мнѣ положить на грудь горчичникъ. И я до сихъ поръ убѣжденъ въ томъ, что горчичникъ мнѣ бы непремѣнно помогъ, если бы не мой другъ Вильсонъ. Дѣло въ томъ, что я положилъ свой горчичникъ, хорошій, дюймовъ въ 18 длины*) на ночной столикъ, гдѣ мнѣ во всякое время можно было его достать. Но Вильсонъ ночью проголодался, и... дальнѣйшее я предоставляю фантазіи читателя.

На берегу Бигльскаго озера я прожилъ около недѣли, а затѣмъ перебрался въ Спрингсъ, гдѣ, кромѣ паровыхъ ваннъ, я принималъ ужасающее количество всевозможныхъ лѣкарствъ, которыя когда-либо изготовлялись на свѣтѣ. И я думаю, что это лѣченіе, въ концѣ-концовъ, помогло бы, если бы только мнѣ не пришлось вернуться въ Вержинію-Сити, гдѣ я, несмотря на ежедневное истребленіе массы новыхъ лѣкарствъ, вслѣдствіе собственной неосторожности и простуды, еще болѣе ухудшилъ свое положеніе.

Наконецъ я рѣшилъ поѣхать въ Санъ-Франциско. Въ первый же день моего прибытія туда одна дама въ гостиницѣ дала мнѣ добрый совѣтъ выпивать каждыя сутки по квартеру**) водки. А одинъ пріятель въ городѣ рекомендовалъ мнѣ тоже пить по квартеру. Я сталъ, согласно этимъ двумъ совѣтамъ, выпивать въ сутки по два квартера водки и все-таки остался живъ.

Всѣ эти опыты разнороднаго лѣченія я съ самыми лучшими намѣреніями предлагаю благосклонному вниманію страждущихъ

*) Около 10 вершковъ. *Переводч.*

**) 1 квартъ = около 2 бутылокъ. *Переводч.*

читателей. Пусть они сами на себѣ испытаютъ эти средства! Если они даже не выздоровѣютъ, то вѣдь больше, чѣмъ умереть, они не въ состоянiи, а умирать когда-нибудь все равно придется! Значитъ, рискъ здѣсь совершенно ничтожный.

О привидѣнiяхъ.

Я снялъ себѣ въ Бродваѣ большую комнату въ огромномъ, старомъ зданiи, верхнiй этажъ котораго уже много лѣтъ стоялъ пустымъ. Тамъ давно воцарились пауки съ своими паутинами, пыль, тишина и медленное разрушенiе. Мнѣ казалось, будто я живу подъ могилами, и въ первую ночь, когда я окончательно водворился въ моемъ новомъ жилищѣ, у меня было сознанiе, что я врываюсь непрошеннымъ гостемъ въ таинственное царство смерти. Первый разъ въ жизни у меня въ душѣ шевельнулось холодное чувство суевѣрiя; и когда мнѣ пришлось, огибая темный поворотъ лѣстницы, попасть лицомъ въ клейкую ткань паутины, по всему моему тѣлу пробѣжала невольная дрожь. Мнѣ показалось, что ко мнѣ прикоснулась рука мертвеца. Я былъ очень радъ, когда, наконецъ, добрался до своей комнаты и могъ запереть за собой дверь, которая отдѣляла меня отъ этого царства смерти и тьмы. Въ каминѣ весело трещалъ огонь и я усѣлся около него съ сладкимъ чувствомъ полной безопасности. Два часа я просидѣлъ около камина, вспоминая давно минувшiя времена, вызывая въ своей памяти тѣ мѣста, гдѣ когда-то разыгрывались событiя моей жизни... я старался воскресить въ моей памяти всѣ знакомыя лица, вызвать ихъ изъ безжалостнаго тумана забвенiя... и когда рой воспоминанiй привелъ меня въ состоянiе какого-то сентиментальнаго душевнаго киселя, вѣтеръ, завывавшiй за моимъ окномъ, стихъ до жалобнаго легкаго стона, дождь, немилосердно барабанившiй въ стекла, только тихо журчалъ, и всѣ звуки, доносившiеся ко мнѣ съ улицы, постепенно замирали, дѣлались смутными, едва слышными, замирали, и, наконецъ, сливались съ тишиной, наполнявшей старый домъ...

Каминъ догоралъ. Меня охватило жуткое чувство одиночества. Я всталъ, раздѣлся, при чемъ все время старался ходить по комнатѣ неслышными шагами и вообще по возможности совсѣмъ не шумѣть, будто меня окружали спящiе враги, пробужденiе которыхъ можетъ имѣть для меня роковыя послѣд-

ствія. Потомъ я плотно завернулся въ одѣяло и сталъ прислушиваться къ шуму дождя, гулу вѣтра и слабому скрипу наружныхъ ставней. Наконецъ я уснулъ, убаюканный этими звуками.

Не знаю, долго ли я спалъ, но во всякомъ случаѣ спалъ я очень крѣпко. Вдругъ я сразу проснулся и инстинктивно почувствовалъ, что сейчасъ должно произойти нѣчто таинственное. Кругомъ царила мертвая тишина. Я ясно слышалъ біеніе своего сердца. Черезъ нѣсколько секундъ съ меня поползло одѣяло, какъ будто кто-нибудь тянулъ за него. Я лежалъ неподвижно и не смѣлъ открыть ротъ. Страхъ сковалъ меня. Одѣяло скользило дальше. Когда оно доползло до груди, я схватилъ его и съ большимъ усиліемъ натянулъ себѣ на голову. Теперь я вцѣпился въ него руками, лежалъ и ждалъ. Прошло нѣсколько секундъ и одѣяло опять поползло къ ногамъ. Я снова оттащилъ его обратно и черезъ нѣсколько секундъ снова почувствовалъ, что кто-то невидимый тянетъ его къ себѣ. Я старался удержать одѣяло, но не могъ этого сдѣлать—оно неудержимо ползло, вырвалось изъ моихъ рукъ и на этотъ разъ соскользнуло къ самымъ ногамъ. Я застоналъ. Въ отвѣтъ у моихъ ногъ тоже раздался протяжный стонъ. У меня на лбу выступили холодныя капли пота. Мнѣ казалось, что я уже умеръ. Черезъ нѣкоторое время въ комнатѣ раздались тяжелые шаги—какъ будто неуклюже двигался слонъ—во всякомъ случаѣ человѣкъ такъ ходить не можетъ. Шаги направились къ двери и, хотя она была заперта на замокъ, черезъ секунду уже шлепали по коридору. Таинственный посѣтитель мимоходомъ такъ грузно налегалъ на стѣны, что онѣ трещали и жалобно стонали. Наконецъ все смолкло, и снова настала мертвая тишина.

Когда я немного пришелъ въ себя, я сказалъ себѣ: „Это былъ просто тяжелый сонъ. Я спалъ и видѣлъ кошмаръ“.

Нѣкоторое время я еще продолжалъ лежать и думать, пока не увѣрилъ себя окончательно, что я дѣйствительно все видѣлъ во снѣ. Тогда я улыбнулся, совершенно успокоился и даже почувствовалъ приступъ неудержимой веселости. Я всталъ съ постели, зажегъ свѣчку, убѣдился въ томъ, что дверь дѣйствительно заперта на замокъ, громко разсмѣялся и сталъ набивать себѣ трубку. Я не спѣша закурилъ и только что собирался усѣсться въ спокойное кресло около камина, какъ вдругъ трубка выпала изъ моихъ рукъ, кровь застыла у меня въ жилахъ, и дыханіе остановилось. Въ золѣ камина ясно былъ виденъ отпечатокъ гигантской ноги, передъ которой моя нога казалась ножкой новорожденнаго младенца! Значитъ,

все-таки въ комнатѣ былъ кто-то, и его шаги дѣйствительно были похожи на шаги слона!

Я потушилъ свѣчку и снова легъ въ постель, скованный ледянымъ ужасомъ. Я долго лежалъ неподвижно, широко открытыми глазами глядѣлъ въ темноту и слушалъ. Наконецъ надо мной раздался протяжный шорохъ, какъ будто тамъ влекли по полу тяжелое тѣло. Потомъ это тѣло грузно упало, такъ что въ моихъ окнахъ зазвенѣли стекла. Гдѣ-то вдали раздались глухіе стуки захлопываемыхъ дверей. Отъ времени до времени въ коридорахъ слышались крадущіеся шаги. Они поднимались и опускались по лѣстницамъ, приближались къ моей двери, останавливались и снова удалялись. Въ дальнихъ коридорахъ и на лѣстницахъ гремѣли цѣпи. Я ясно слышалъ, какъ концы этихъ цѣпей со звономъ ударялись о колонныя ступени. До моего слуха смутно долеталъ говоръ. Слышались заглушенныя вскрикиванія, шорохъ невидимыхъ одеждъ, шелестъ невидимыхъ крыльевъ.

Вдругъ я почувствовалъ, что въ моей комнатѣ кто-то есть, что я не одинъ. Именно почувствовалъ, потому что видѣть я ничего не могъ. Потомъ около моей постели раздались вздохи, легкіе стоны и шопотъ. На потолкѣ, какъ разъ надъ моей головой, появились три маленькіе шара, слабо отливавшихъ фосфорическимъ блескомъ. Нѣсколько мгновеній они висѣли неподвижно, потомъ вдругъ упали. Два изъ нихъ попали мнѣ прямо въ лицо, а третій скатился на подушку. Они при паденіи разлетѣлись въ теплыя жидкія брызги. Какое-то внутреннее чувство подсказало мнѣ, что эти блестящіе шары превратились въ кровь. Я въ этомъ былъ глубоко убѣжденъ, даже не зажигая свѣта. Затѣмъ въ воздухѣ появились освѣщенныя зеленоватымъ свѣтомъ блѣдныя лица, приподнятыя руки... Онѣ нѣсколько мгновеній висѣли на воздухѣ и потомъ исчезли. Всѣ звуки смолкли. И меня снова поглотила тишина. Я ждалъ и слушалъ. Я чувствовалъ, что если я не зажгу свѣчку, то я умру отъ страха. Медленно приподнялся я на постели, но вдругъ мое лицо коснулось холодной, влажной руки. Я откинулся назадъ, какъ пораженный молніей, и почти потерялъ сознаніе. Я какъ сквозь сонъ слышалъ шелестъ платья, шаги, направлявшіеся къ двери, и потомъ все снова смолкло.

Я собрался съ послѣдними силами, кое-какъ выбрался изъ кровати и дрожащими руками зажегъ свѣчку. Свѣтъ нѣсколько успокоилъ меня. Я сѣлъ у камина и сталъ внимательно разглядывать отпечатавшійся въ золѣ таинственный слѣдъ. Вдругъ я почувствовалъ, что мои глаза застилаетъ какой-то туманъ.

Очертанія предметовъ начинали сливаться. Я взглянулъ на свѣчку—пламя сдѣлалось синимъ и какъ бы таяло въ воздухѣ. Въ то же мгновеніе въ коридорѣ снова раздались грузные шаги. Они направлялись прямо къ моей двери и по мѣрѣ ихъ приближенія пламя свѣчи дѣлалось все блѣднѣе и расплывчивѣе, такъ что, когда шаги остановились у моей двери, въ комнатѣ царилъ таинственный голубой полумракъ. Дверь не открылась, но, тѣмъ не менѣе, моего лица коснулся легкій вѣтерокъ, и я скорѣе почувствовалъ, чѣмъ увидѣлъ, что предо мной стоитъ какое-то громадное существо, сотканное изъ тумана. Я стоялъ, какъ очарованный, и глядѣлъ на этотъ туманъ. Но вотъ по немъ пробѣжали зеленоватыя струйки свѣта. Туманъ заклубился и въ немъ смутно начали вырисовываться опредѣленныя формы. Появилась рука, внизу показались двѣ ноги, потомъ выступило тѣло, и, наконецъ, изъ тумана выглянуло огромное грустное лицо. Предо мной стояла мускулистая, красивая гигантская фигура Кардифскаго великана!

Всѣ мои страхи сразу разсѣялись, потому что всякому ребенку извѣстно, что этотъ великанъ никому никогда не сдѣлалъ зла. Ко мнѣ сразу вернулось хорошее настроеніе, и даже свѣча снова загорѣлась яркимъ свѣтомъ. Вѣроятно, ни одинъ ссыльный не былъ такъ радъ пріѣзду товарища, какъ обрадовался я появленію этого милаго великана.

Я сказалъ:

— Ахъ, это ты? А я за послѣдніе два или три часа чуть не умеръ со страха. Ну, очень радъ, очень радъ видѣть тебя. Мнѣ очень жаль, что здѣсь нѣтъ стула, на которомъ ты бы могъ... постой! погоди! туда нельзя садиться!

Но уже было поздно. Я не успѣлъ его во-время удержать, онъ сѣлъ, раздался трескъ, и... онъ растянулся на полу. Никогда въ жизни я не видѣлъ, чтобы стулъ разлетался на такіе мелкіе куски.

— Постой! Нельзя! Ты мнѣ сломаешь всѣ сту...

Я опять опоздалъ. Снова раздался трескъ и отъ второго стула тоже остались однѣ щепки.

— Чортъ возьми! Этакъ ты мнѣ переломаешь всю мебель. Что ты, совсѣмъ изъ ума выжилъ? Сюда, иди сюда, дубина неотесанная!

Но всѣ мои увѣщанія ни къ чему не привели. Я едва успѣлъ разинуть ротъ, какъ онъ уже сокрушилъ мою кровать, которая, впрочемъ, вообще не могла похвалиться молодостью и здоровьемъ.

— Послушай! Ты ведешь себя непозволительно! Сначала ты являешься въ чужую комнату въ темнотѣ, топочешь какъ

лошадь, тащишь съ собою цѣлую стаю разныхъ бродячихъ привидѣній, которыя пугаютъ меня и мѣшаютъ спать, потомъ ты являешься уже при свѣтѣ, но въ такомъ костюмѣ, который, правда, порядочные люди иногда любятъ лицезрѣть въ театрѣ, но далеко не во всякомъ (на немъ красовался костюмъ Адама до грѣхопаденія). Впрочемъ, можетъ-быть, тебѣ другого костюма не полагается. Это твое дѣло. Но зачѣмъ же мебель ломать? Вѣдь отъ этого для тебя, кромѣ вреда, ничего не получится! Посмотри: ты переломилъ себѣ хребетъ, на полу валяются куски твоихъ костей. Право, мнѣ за тебя стыдно. Вѣдь вонъ какой ты верзила вытянулся, а прилично вести себя не умѣешь!

Великанъ немного подумалъ и потомъ сказалъ:

— Хорошо, я не буду больше ломать твою мебель. Но что же мнѣ дѣлать? Я не сидѣлъ ни раза ровно сто лѣтъ!

У него на глазахъ показались слезы. Мнѣ стало его жаль и я сказалъ ему:

— Ахъ ты, душа горемычная! Правда, мнѣ бы не слѣдовало говорить съ тобой такъ рѣзко. Ты, видно, сирота круглая. Ну, садись прямо на полъ — больше негдѣ, ни одна вещь здѣсь тебя не выдержитъ, да, кромѣ того, тогда намъ съ тобой удобнѣе разговаривать будетъ, а то ты ужъ очень длинный, когда сто шь. Мнѣ придется, пожалуй, лѣстницу подставлять!

Онъ сѣлъ на полъ, закурилъ мою трубку, набросилъ себѣ на плечи мое красное шерстяное одѣяло, на голову вмѣсто шлема надѣлъ мою круглую ножную ванну, вообще устроился по-домашнему. Затѣмъ, пока я затапливалъ каминъ, онъ закинулъ одну ногу на другую и протянулъ къ огню свои чудовищныя подошвы, похожія на медовыя соты.

— Что это у тебя на подошвахъ и на икрахъ?—спросилъ я.—Онѣ всѣ въ ямахъ и дырахъ!

— Это все отмороженныя болячки. Я люблю сидѣть у Ньюельской фермы, ну, и заморозилъ себѣ все тѣло вплоть до затылка.

Мы мирно болтали съ полчаса. Потомъ мнѣ показалось, что онъ выглядитъ очень утомленнымъ. Я сказалъ ему объ этомъ.

— Утомленнымъ?—переспросилъ онъ. — Что же, въ этомъ нѣтъ ничего мудренаго. Впрочемъ, ты со мной такъ хорошо обошелся, что я тебѣ сейчасъ кое-что разскажу. Видишь ли, я духъ того окаменѣлаго человѣка, который лежитъ тамъ въ музеѣ. Словомъ, я—духъ Кардифскаго великана. Понимаешь? И я не могу успокоиться до тѣхъ поръ, пока это бѣдное тѣло не будетъ опять похоронено. Какъ ты думаешь, какимъ путемъ я могу заставить людей исполнить это мое завѣтное

желаніе? Ясно, я долженъ пугать ихъ собой, являться тамъ, гдѣ лежитъ мое тѣло. Я даже попросилъ другихъ духовъ помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. И вотъ мы начали являться ночью въ музеѣ. Но—увы!—это ни къ чему не привело, потому что въ полночь въ музеѣ никого не бываетъ. Тогда мнѣ пришла мысль что я могу переправиться черезъ улицу и пугать людей въ этомъ домѣ. Я чувствовалъ, что я достигну своей цѣли, если только мнѣ удастся поговорить съ какимъ-нибудь человѣкомъ, потому что мнѣ помогали всѣ самыя энергичныя привидѣнія ада. Каждую ночь мы, дрожа отъ холода, бродили въ этихъ гнилыхъ комнатахъ, таскали цѣпи, стонали, шептались, ходили вверхъ и внизъ по лѣстницамъ, и, наконецъ, я, говоря откровенно, измучился. Но вотъ сегодня я вдругъ увидѣлъ свѣтъ въ твоей комнатѣ. Я собралъ всѣ остатки своей энергіи и принялся за дѣло почти съ прежнимъ рвеніемъ. Теперь я достигъ своей цѣли, переговорилъ съ тобою. Больше я не могу. Я, какъ ты совершенно вѣрно выразился, утомленъ, и утомленъ въ конецъ. Умоляю тебя, помоги мнѣ! Дай мнѣ хоть какую-нибудь надежду!

Я вскочилъ съ высокаго табурета, на которомъ сидѣлъ во время нашей бесѣды, и возбужденно воскликнулъ:

— Однако это переходитъ всякія границы! Это неслыханно, невѣроятно! Несчастный ты духъ окаменѣлаго урода, вѣдь всю эту кутерьму ты поднялъ напрасно! Ты старался около гипсовой копіи Кардифскаго великана а настоящій великанъ лежитъ въ Альбани (городъ въ сѣверо-американскомъ штатѣ Нью-Йоркѣ)*).

Мой собесѣдникъ медленно поднялся на ноги. Никогда еще я не видѣлъ на чьемъ-либо лицѣ выраженія такого стыда и жалкаго смущенія.

— Это правда? Честное слово?

— Честное слово.

Онъ вынулъ изо рта трубку и положилъ ее на каминъ; потомъ онъ невольнымъ движеніемъ опустилъ свои руки туда, гдѣ должны были бы находиться карманы брюкъ, задумчиво опустилъ голову на грудь и сказалъ:

— Однако и влетѣлъ же я! Никогда въ жизни не былъ въ такихъ дуракахъ! Окаменѣлый великанъ обманулъ весь міръ, а теперь онъ дошелъ до такой наглости, что обманываетъ свой собственный духъ! Сынъ мой, если у тебя въ сердцѣ найдется хоть капля жалости къ бѣдному, измученному

*) Дѣйствительно, „окаменѣлый Кардифскій великанъ", вообще фальсификація, былъ изготобленъ въ двухъ экземплярахъ, одинъ изъ которыхъ находился въ музеѣ въ Альбани, а другой въ то же время былъ выставленъ въ Нью-Йоркѣ, какъ *единственный настоящій*.

привидѣнію, то исполни мою просьбу: никому не говори объ этомъ! Представь себѣ, что бы ты чувствовалъ, если бы ты самъ оказался такимъ осломъ, какъ я!

Съ этими словами онъ исчезъ. Я слышалъ въ коридорѣ его шаги. Они загрохотали внизъ по лѣстницѣ, глухо прозвучали на улицѣ и замерли. Мнѣ было жаль этого несчастнаго неудачника, но еще больше я жалѣлъ свое одѣяло и ванну, которыя онъ по разсѣянности захватилъ съ собой.

Капитолійская Венера.

Глава первая.

(Мѣсто дѣйствія: мастерская скульптора въ Римѣ).

— О Георгъ, я люблю тебя!

— Благослови тебя за то Господь, Марія, но я не понимаю, почему такъ упорствуетъ твой отецъ?

— Видишь ли, Георгъ, онъ хорошій, онъ желаетъ мнѣ только добра, но въ его глазахъ искусство—пустое занятіе; онъ признаетъ только одну торговлю. Онъ думаетъ, что ты не можешь прокормить меня.

— Чортъ побери его мудрость—она пахнетъ чѣмъ-то въ родѣ ясновидѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, отчего я—талантливый скульпторъ, которому нечего ѣсть, а не торгашъ, не денежный мѣшокъ?

— Не унывай, мой милый Георгъ! Всѣ его предубѣжденія разсѣятся, какъ только ты добудешь пятьдесятъ тысячъ долларовъ...

— Чертей я добуду пятьдесятъ тысячъ, а не долларовъ! Я за свою конуру никакъ не могу заплатить!

Глава вторая.

(Мѣсто дѣйствія: квартира въ Римѣ).

— Милостивый государь, вы даромъ тратите слова. Я ровно ничего не имѣю противъ васъ, но я не позволю своей дочери выйти замужъ за смѣсь любви, искусства и голода, а кромѣ этого вы, я думаю, ей больше ничего не можете предложить.

— Милостивый государь, я бѣденъ, это правда. Но развѣ слава ничего не значитъ? Почтенный Беллами Фудль изъ Арканзаса называетъ мою новую статую Америки превосходнымъ произведеніемъ искусства и утверждаетъ, что мое имя должно прославиться.

— Глупости! Много понимаетъ этотъ оселъ изъ Арканзаса! Что такое слава? Главный вопросъ въ томъ, сколько денегъ можно получить за ваше мраморное пугало. Вамъ понадобилось шесть мѣсяцевъ для того, чтобы сдѣлать это пугало, а вы не можете продать его хотя бы за сотню долларовъ. Нѣтъ, милостивый государь! Покажите мнѣ пятьдесятъ тысячъ долларовъ, и тогда можете жениться на моей дочери, а иначе она выйдетъ за молодого господина Зимпера. Я даю вамъ срока шесть мѣсяцевъ. До свиданія.

— О Господи!

Глава третья.

(Мѣсто дѣйствія: мастерская скульптора)

— О Джонъ, другъ моего дѣтства! Я самый несчастный человѣкъ въ мірѣ!

— Дуракъ ты, и больше ничего.

— У меня отняли любовь, и никто не сочувствуетъ моему горю! Даже моя статуя Америки осталась равнодушной. Ея прекрасное, холодное мраморное лицо осталось неподвижнымъ!

— Ты глупъ.

— О Джонъ!

— Ты очень глупъ. Вѣдь ты же самъ сказалъ, что тебѣ дали срокъ въ шесть мѣсяцевъ!

— Джонъ, не издѣвайся надъ моимъ ужаснымъ горемъ! Если бы мнѣ дали срокъ въ шесть столѣтій, то и тогда я былъ бы такъ же безпомощенъ, какъ сейчасъ. У меня нѣтъ ни денегъ, ни имени, ни друзей, ни надежды!

— Еще разъ повторяю: ты—дуракъ! Ты—трусъ! Ты—младенецъ! У тебя впереди цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, когда съ избыткомъ хватило бы пяти!

— Ты бредишь?

— Шести мѣсяцевъ слишкомъ много для этого дѣла! Предоставь его мнѣ—я достану деньги.

— Что ты говоришь, Джонъ? Какимъ образомъ ты можешь достать для меня такую громадную сумму?

— Это мое дѣло, ты только не вмѣшивайся. Поклянись мнѣ, что ты будешь молчать, что бы я ни дѣлалъ! Поклянись, что ты не будешь мѣшать мнѣ!

— Я пораженъ... у меня кружится голова... по изволь, я клянусь!

Тогда Джонъ взялъ молотокъ и хладнокровно отбилъ статуѣ Америки носъ. Еще ударъ—отлетѣли два пальца, потомъ очередь дошла до уха, до пятки, и, наконецъ, послѣ сильнаго удара статуя лишилась одной ноги до колѣна.

Совершивъ это дѣло, Джонъ взялъ свою шляпу и молча ушелъ. Георгъ въ оцѣпенѣніи глядѣлъ на изуродованную фигуру. Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ онъ снова пріобрѣлъ способность двигаться. Затѣмъ онъ въ истерическомъ припадкѣ рухнулъ на полъ.

Скоро вернулся Джонъ. Онъ нагрузилъ на экипажъ скульптора съ разбитымъ сердцемъ и статую съ отбитой ногой, и самъ усѣлся вмѣстѣ съ ними. Онъ былъ спокоенъ и весело посвистывалъ. Скульптора онъ довезъ до его квартиры, а самъ со статуей исчезъ по направленію къ Квириналу (городской кварталъ въ Римѣ).

Глава четвертая.

(Мѣсто дѣйствія: мастерская скульптора).

— Сегодня въ два часа истекаетъ шестимѣсячный срокъ! Какое мученіе! Мнѣ не зачѣмъ жить. О, какъ бы я хотѣлъ умереть! Вчера вечеромъ я ничего не ѣлъ, сегодня не завтракалъ. Я не рѣшаюсь итти въ кухмистерскую. Я голоденъ до безумія! Мой сапожникъ неумолимъ... портной преслѣдуетъ меня по пятамъ... домохозяинъ не даетъ прохода... Несчастный я человѣкъ! Джона я не видалъ съ того страшнаго дня... „Она" при встрѣчахъ со мной всегда такъ нѣжно мнѣ улыбается, но ея каменный отецъ каждый разъ спѣшитъ повернуть ей голову въ другую сторону. Кто это опять стучится ко мнѣ? Кто меня снова преслѣдуетъ? Вѣроятно, проклятый сапожникъ! Войдите!

— Низко кланяюсь вашему сіятельству! Дай Богъ здоровья вашей милости! Я принесъ вамъ сапоги... о, не говорите о деньгахъ, это дѣло не спѣшное, я могу подождать! Я буду счастливъ, если мой высокій покровитель и въ будущемъ почтитъ меня своими заказами! Честь имѣю кланяться!

— Гм... самъ принесъ сапоги! Не требуетъ уплаты! Кланяется, какъ королю! Проситъ и впередъ заказывать! Что такое случилось? Или міръ перевернулся? Что могло... Войдите!

— Прошу покорнѣйше извинить меня за безпокойство! Я осмѣлился принести вамъ новый костюмъ, который...

— Войдите!!

— Тысячу извиненій! Я не осмѣлюсь долго безпокоить васъ своимъ присутствіемъ! Я хотѣлъ только сообщить, что я приготовилъ для васъ лучшее помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ! Эта лачуга не годится для такой особы...

— Войдите!!!

— Я позволилъ себѣ посѣтить васъ, чтобы лично довести до вашего свѣдѣнія, что въ нашемъ банкѣ блестяще возстановленъ вашъ кредитъ, и что мы будемъ счастливы, если вы найдете нужнымъ располагать любой суммой...

— Войдите!!!!

— Мой другъ! Она твоя! Она сейчасъ будетъ здѣсь! Бери ее, женись на ней, люби ее, будь счастливъ, и да благословитъ небо вашъ союзъ! Ура!..

— Войдите!!!!!

— О Георгъ, мой дорогой! Мы спасены!

— О Марія, мой ангелъ! Мы спасены... но я не знаю, кѣмъ и чѣмъ!

Глава пятая.

(Мѣсто дѣйствія: кофейная въ Римѣ),

Группа американцевъ. Одинъ изъ нихъ читаетъ въ газетѣ „Il Kannegiesserio di Roma“ и переводитъ слѣдующую статью:

Замѣчательное открытіе! — около шести мѣсяцевъ тому назадъ одинъ американецъ, по имени Джонъ Смитъ, который живетъ въ Римѣ уже нѣсколько лѣтъ, за небольшую сумму купилъ въ Кампаньѣ (окрестности Рима), противъ могилъ Сципіоновъ, маленькій клочокъ земли у обѣднѣвшаго родственника принцессы Боргезе. Господинъ Смитъ отправился затѣмъ къ бургомистру и закрѣпилъ эту землю за однимъ бѣднякомъ, американскимъ скульпторомъ Георгомъ Арнольдъ. При этомъ г. Смитъ объяснилъ, что онъ однажды причинилъ г-ну Арнольдъ убытокъ, и желаетъ его теперь возмѣстить. Г. Смитъ высказалъ также намѣреніе за свой счетъ воздѣлать этотъ участокъ земли. Мѣсяцъ тому назадъ г. Смитъ началъ тамъ необходимыя земляныя работы, и при этомъ нашелъ замѣчательную античную статую, которая по своей красотѣ превосходитъ всѣ художественныя сокровища Рима. Она представляетъ собою дивной работы женскую фигуру. Несмотря на покрывающую ее землю и вѣковую грязь, на нее нельзя смотрѣть безъ восхищенія. Къ сожалѣнію, у статуи попорченъ носъ, до колѣна отбита лѣвая нога, ухо и два пальца, по-

вреждена пятка на уцѣлѣвшей ногѣ, но въ общемъ это благородное произведеніе искусства удивительно хорошо сохранилось. Правительство немедленно приняло необходимыя мѣры. Назначена комиссія изъ знатоковъ искусства, антикваріевъ и высшихъ духовныхъ сановниковъ. Комиссіи было поручено опредѣлить стоимость статуи, для соотвѣтственнаго вознагражденія собственника земли, на которой она найдена. Какъ самый фактъ находки, такъ и засѣданія комиссіи держались въ глубокой тайнѣ до вчерашняго вечера. Вчера вечеромъ состоялось окончательное засѣданіе комиссіи, на которомъ единогласно было рѣшено, что найденная статуя изображаетъ Венеру и вышла изъ-подъ рѣзца неизвѣстнаго, но геніальнаго художника, эпохи III вѣка до Рождества Христова.

Комиссія признала статую самымъ совершеннымъ произведеніемъ искусства въ мірѣ. Стоимость ея опредѣлена въ колоссальной суммѣ, именно въ десять милліоновъ франковъ. Такъ какъ по принятымъ въ Римѣ правиламъ, правительство считается половиннымъ собственникомъ всѣхъ найденныхъ въ Кампаньѣ сокровищъ искусства, то государство должно уплатить г-ну Арнольдъ пять милліоновъ франковъ, послѣ чего статуя навсегда переходитъ въ руки правительства. Сегодня утромъ новая Венера будетъ перевезена въ Капитолій, гдѣ ей отведено мѣсто, и сегодня же комиссія передаетъ г-ну Арнольдъ папскую ассигновку на сумму въ пять милліоновъ франковъ золотомъ".

Хоръ голосовъ: „Счастье! Неимовѣрное счастье!"

Одинъ голосъ:

— Господа! Я предлагаю основать здѣсь американское акціонерное общество для скупки земель и производства раскопокъ!

Хоръ голосовъ: „Отлично! Превосходно!"

Глава шестая.

(Мѣсто дѣйствія: Римскій Капитолій, десять лѣтъ спустя).

— Дорогая Марія! Вотъ это—лучшая статуя въ мірѣ. Это „Капитолійская Венера", о которой ты такъ много слышала. Ее реставрировали лучшіе артисты Рима и уже тотъ фактъ, что они имѣли счастье работать надъ починкой этого великаго произведенія, сдѣлалъ ихъ имена безсмертными. Замѣчательно! Десять лѣтъ тому назадъ у меня въ карманѣ не было ни гроша, и, тѣмъ не менѣе, исключительно благодаря мнѣ

Римъ сдѣлался обладателемъ этого великолѣпнѣйшаго сокровища!

— Божественная Капитолійская Венера! Говорятъ, что ее цѣнятъ въ десять милліоновъ франковъ?

— Да, теперь.

— О Георгъ, какъ она прекрасна!

— Да, но когда у нея были цѣлы ноги, руки, ухо и носъ, она была еще прекраснѣе... Что это такое? У ребенка опять кашель? Марія, ты никогда не привыкнешь слѣдить за дѣтьми!

Конецъ.

Капитолійская Венера донынѣ красуется въ Капитоліи и донынѣ считается величайшимъ произведеніемъ искусства. Но, читатель, если тебѣ доведется быть въ Римѣ и зайти въ Капитолій, если ты почувствуешь признаки обычнаго умоизступленія передъ статуей Венеры, то не порти себѣ наслажденія воспоминаніями объ этой правдивой исторіи. И если ты прочтешь о томъ, что въ Сиракузѣ или въ другомъ мѣстѣ вырыли окаменѣлаго человѣка, то будь остороженъ, и не покупай его, а посовѣтуй продать его папѣ Римскому!

Какъ я редактировалъ сельскохозяйственный журналъ.

Я на короткое время долженъ былъ замѣстить редактора сельскохозяйственнаго журнала, но приступалъ къ этому съ мрачными предчувствіями. Съ такимъ же чувствомъ долженъ принять командованіе кораблемъ человѣкъ, который всегда жилъ на сушѣ и о морскомъ дѣлѣ не имѣетъ никакого понятія. Однако дѣлать было нечего, потому что обстоятельства заставляли меня хвататься за всякій заработокъ. Постоянный редакторъ уѣзжалъ въ отпускъ и я занялъ его мѣсто на тѣхъ условіяхъ, которыя онъ мнѣ предложилъ.

Я былъ очень радъ тому, что мнѣ снова удалось достать работу, и цѣлую недѣлю я работалъ съ свѣжей, неослабѣвавшей энергіей. Мы выпустили номеръ. Я провелъ слѣдующій день довольно тревожно, опасаясь какихъ-нибудь неожиданностей, вызванныхъ моей редакторской дѣятельностью, но пока

все было спокойно. Когда я вечеромъ выходилъ изъ редакціи, то на лѣстницѣ я засталъ группу взрослыхъ мужчинъ и мальчиковъ. При моемъ появленіи они, какъ по командѣ, разступились, пропустили меня, и до моего слуха долетѣлъ шопотъ:

— Это онъ... вотъ онъ...

Конечно, такое вниманіе очень польстило моему самолюбію. На слѣдующее утро меня поджидали люди не только на редакціонной лѣстницѣ, но даже на улицѣ. Всѣ глядѣли на меня съ нескрываемымъ любопытствомъ, перешептывались, качали головами, а какой-то парень громко сказалъ:

— Глаза-то какіе! Смотрите, глаза-то!

Я сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю оказываемаго мнѣ вниманія, но въ глубинѣ души я радовался и тогда же рѣшилъ написать о своихъ исключительныхъ успѣхахъ теткѣ. Пока я поднимался по лѣстницѣ, я слышалъ, что въ редакціи кто-то смѣется и оживленно разговариваетъ. Я открылъ дверь и увидѣлъ двухъ молодыхъ людей, которые, судя по ихъ здоровымъ лицамъ и одеждѣ, только-что пріѣхали изъ деревни. При видѣ меня они страшно поблѣднѣли и... выпрыгнули въ окно. Признаюсь, что это меня удивило.

Приблизительно черезъ полчаса въ редакцію пришелъ пожилой господинъ съ длинной бородой и красивымъ, строгимъ лицомъ. Онъ молча вошелъ въ мой кабинетъ и сѣлъ, не ожидая моего приглашенія. Ему, видимо, надо было со мной объясниться. Онъ поставилъ свою шляпу на полъ, а изъ бокового кармана досталъ большой шелковый платокъ, въ которомъ оказался завернутымъ послѣдній номеръ нашего журнала. Онъ бережно положилъ журналъ на колѣни и спросилъ, протирая платкомъ стекла очковъ:

— Вы новый редакторъ

— Да, я. Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?

— Скажите, пожалуйста, вы раньше когда-нибудь редактировали сельскохозяйственный журналъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.—Это мой первый опытъ

— Я такъ и думалъ. А практически сельскимъ хозяйствомъ вы занимались?

— Нѣтъ, кажется, не занимался.

— Ага... это мнѣ тоже подсказалъ мой инстинктъ!—сказалъ пожилой господинъ. Онъ надѣлъ очки, бросилъ черезъ нихъ на меня строгій взглядъ, развернулъ журналъ и сказалъ:

— Я хотѣлъ бы прочесть вамъ нѣсколько строкъ, давшихъ мнѣ поводъ для моихъ заключеній. Я попрошу васъ выслушать и сказать, вы ли написали это:

„Рѣпу никогда не слѣдуетъ рвать прямо руками, потому что это ей вредно. Рекомендуется вмѣсто того велѣть мальчику влѣзть на дерево и трясти его“.

— Ну-съ, какого вы объ этомъ мнѣнія? Вѣдь это вы писали, не правда ли?

— Да, это писалъ я. И мнѣ кажется, что въ этихъ строкахъ есть смыслъ. Я полагаю, что каждый годъ портятся милліоны мѣръ рѣпы только потому, что ее срываютъ въ полузрѣломъ состояніи, между тѣмъ какъ было бы гораздо проще послать мальчика и велѣть ему трясти дерево.

— Вашу бабушку нужно трясти, а не дерево! Развѣ рѣпа когда-нибудь росла на деревьяхъ?

— А развѣ нѣтъ? Впрочемъ, развѣ я сказалъ, что рѣпа растетъ на деревьяхъ? Это выраженіе здѣсь примѣнено, такъ сказать, фигурально. Всякій человѣкъ, понимающій сельское хозяйство, сразу пойметъ, что рѣчь идетъ о кустахъ. Это ясно.

Послѣ моихъ словъ пожилой господинъ вскочилъ, разорвалъ журналъ на мелкіе клочки, растопталъ ихъ ногами, разбилъ палкой нѣсколько вещей у меня на столѣ, выбилъ стекла въ окнѣ, заявилъ, что всякая корова смыслитъ въ сельскомъ хозяйствѣ больше, чѣмъ я, и ушелъ, сильно хлопнувъ за собой дверью. Вообще онъ велъ себя такимъ образомъ, что я подумалъ, что ему въ журналѣ что-то не понравилось. Но такъ какъ я не зналъ, что именно возбудило его неудовольствіе, то я никакъ не могъ ему помочь.

Я занялся было подготовкой матеріала для слѣдующаго номера журнала, но мнѣ опять помѣшали. На этотъ разъ вбѣжалъ какой-то длинный, тощій субъектъ съ блѣднымъ лицомъ и рѣдкими волосами, падавшими ему на плечи. Онъ неподвижно остановился среди комнаты, перегнувши впередъ туловище и вытянувъ давно небритый подбородокъ. Прошло нѣсколько секундъ. Онъ молчалъ и, очевидно, къ чему-то прислушивался. Потомъ онъ тихо подкрался къ двери, заперъ ее на ключъ и подошелъ къ моему письменному столу. Здѣсь онъ остановился, долго разглядывалъ меня съ видимымъ интересомъ, наконецъ, досталъ изъ кармана послѣдній номеръ моего журнала и сказалъ:

— Это вы писали? Прочтите мнѣ эти строки. Только ради Бога поскорѣе! Я невыносимо страдаю.

Я началъ читать; и по мѣрѣ того, какъ я переходилъ отъ строчки къ строчкѣ, мой посѣтитель замѣтно успокоивался. Его лицо, наконецъ, приняло довольное и даже веселое выраженіе. Я читалъ:

„Гуано *)—прекрасная птица, но она требуетъ очень внимательнаго ухода. На волю его слѣдуеть выпускать не ранѣе іюня мѣсяца, а въ началѣ сентября его на всю зиму необходимо помѣщать въ тепломъ птичникѣ, гдѣ онъ могъ бы спокойно высиживатъ яйца.

„Очевидно, что рожь въ настоящемъ году придется разсаживать поздно. Поэтому можно рекомендовать уже въ іюлѣ мѣсяцѣ высѣвать маисъ и сажать гречу.

О тыквѣ.—Эта ягода очень распространена между обитателями Сѣверныхъ Штатовъ. Тамъ тыкву предпочитаютъ крыжовнику, и, кромѣ того, ее употребляютъ въ качествѣ корма для рогатаго скота взамѣнъ малины. Говорятъ, что она очень питательна и прекрасно дѣйствуетъ на пищевареніе. Тыква—единственный съѣдобный плодъ изъ семейства апельсиновъ, растущихъ на крайнемъ сѣверѣ, кромѣ одного или двухъ видовъ зеленаго горошка. Въ то же время замѣчено, что тыкву рѣже сажаютъ въ садахъ, такъ какъ опытъ показалъ, что тыквенное дерево даетъ очень немного тѣни и вообще мало пригодно въ качествѣ декоративнаго растенія.

„Теперь, когда наступаетъ теплая погода и гуси начинаютъ метать икру...“

Мой посѣтитель прервалъ меня. Онъ подбѣжалъ ко мнѣ, крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Довольно. Очень, очень вамъ благодаренъ. Теперь я знаю, что я не сошелъ съ ума, ибо вы слово въ слово прочли то же, что прочелъ я самъ. Но сегодня утромъ, когда я читалъ вашъ журналъ, я сказалъ себѣ: „Несчастный! несмотря на то, что тебя всегда окружаютъ заботливые друзья, ты помѣшался!“ И я испустилъ такой дикій вопль, что его можно было бы слышать на разстояніи двухъ миль. Потомъ я бросился на улицу, чтобы убить кого-нибудь! Я зналъ, что рано или поздно мнѣ придется дойти до этого, и рѣшилъ сразу начать съ конца. Для вѣрности я еще разъ прочелъ одну изъ вашихъ замѣтокъ, потомъ зажегъ свой домъ и убѣжалъ. Я изувѣчилъ нѣсколько человѣкъ, одного загналъ на дерево, гдѣ я его еще могу сейчасъ захватить. Но мимоходомъ я заглянулъ въ вашу редакцію, чтобы окончательно удостовѣриться въ своемъ по-

*) *Гуано*—удобреніе, состоящее изъ перегорѣвшаго помета морскихъ птицъ. Встрѣчается на побережьѣ Южной Америки. *Переводч.*

мѣшательствѣ. Теперь я вижу, что я здоровъ, что вся тревога была напрасна, къ счастью для того, котораго я загналъ на дерево. До свиданія, милостивый государь, будьте здоровы; вы положительно сняли огромный камень съ моей души. Если мой умъ устоялъ противъ вашихъ сельскохозяйственныхъ статей, то я могу быть спокоенъ: ничто его не въ силахъ поколебать. Очень вамъ благодаренъ! До свиданія!

Онъ ушелъ. Мнѣ было немного не по себѣ, потому что онъ разстроилъ меня своимъ разсказомъ объ увѣчьяхъ и поджогахъ, которыхъ я все-таки могъ считать себя косвеннымъ виновникомъ. Но эти непріятныя размышленія прервалъ приходъ постояннаго редактора. Я подумалъ, что онъ напрасно не послѣдовалъ моему совѣту и не поѣхалъ въ Египетъ, потому что тогда я, по крайней мѣрѣ, имѣлъ бы достаточно времени для развитія всѣхъ моихъ литературныхъ силъ, но дѣлать было нечего. Редакторъ былъ смущенъ, грустенъ и задумчивъ.

Онъ оглядѣлъ столъ, на которомъ еще остались слѣды разрушенія, произведеннаго пожилымъ господиномъ, и сказалъ:

— Это печальная исторія, очень печальная! Банка съ клеемъ разбита, въ окнѣ выбиты стекла, исковерканы подсвѣчники... Впрочемъ, это еще не главная бѣда. Хуже всего то, что пострадала репутація журнала, и я боюсь, что мнѣ не удастся ее возстановить. Правда, никогда еще розничная продажа у насъ не шла такъ бойко, какъ сегодня. Придется даже печатать второе изданіе. Но неужели интересно прославиться изъ-за сумасшествія? Мой другъ, я долженъ вамъ сказать, что улица полна народомъ. Люди сидятъ даже на заборахъ и ждутъ васъ, потому что они считаютъ васъ сумасшедшимъ. И надо сознаться, что ваша литература даетъ имъ право на такое мнѣніе. Вы оскандалили всю печать. Чортъ возьми! Я не понимаю, какъ вамъ могла прійти въ голову дикая мысль, что вы можете редактировать сельскохозяйственный журналъ? Вѣдь вы не знакомы даже съ азбукой сельскаго хозяйства! Вы борону не отличаете отъ борозды; вы говорите о стрижкѣ коровъ; вы пишете, что хорьковъ надо разводить, потому что они отличаются веселымъ нравомъ и отлично ловятъ крысъ! Ваша замѣтка, что раковины очень любятъ музыку и лежатъ неподвижно, когда около нихъ что-нибудь играютъ — сплошная чепуха! Раковины всегда лежатъ неподвижно, понимаете ли: всегда! И наплевать имъ на вашу музыку!

— Чортъ возьми совсѣмъ! Если вы, мой другъ, поставили себѣ цѣлью жизни пріобрѣтать невѣжество, такъ вы бы лучше какой-нибудь экзаменъ сдали! Ничего подобнаго я никогда

не видѣлъ! Своей замѣткой о томъ, что торговля каштанами пріобрѣтаетъ міровое значеніе, вы можете сразу погубить любой журналъ! Вы должны немедленно оставить мѣсто редактора. Мнѣ не нуженъ отпускъ, потому что я не могу отдыхать въ то время, когда вы сидите здѣсь и дѣлаете глупости. „Устричные парки“ у васъ, напримѣръ, напечатаны въ отдѣлѣ „декоративное садоводство“. Можете итти. Никто и ничто на свѣтѣ не заставитъ меня теперь уѣхать въ отпускъ. О, зачѣмъ вы сразу не сказали мнѣ, что ничего не понимаете въ сельскомъ хозяйствѣ!?

Я слушалъ сначала спокойно, но подъ конецъ я не выдержалъ, разсердился и сказалъ ему:

— Зачѣмъ я вамъ этого сразу не сказалъ? Ахъ, вы рѣдька этакая, кочанъ салата, сынъ цвѣтной капусты! Я первый разъ въ жизни слышу такую нелѣпость. Я говорю вамъ, что я четырнадцать лѣтъ былъ редакторомъ, а теперь вдругъ вы говорите, что я не умѣю редактировать! Свекла вы послѣ этого! Да знаете ли вы, напримѣръ, кто пишетъ театральныя рецензіи. Въ газетахъ второго сорта? знаете? Ихъ пишутъ безработные сапожники и выгнанные аптекарскіе ученики, которые въ театрѣ смыслятъ ровно столько же, сколько я въ сельскомъ хозяйствѣ, ни на волосъ больше. Кто даетъ критическія статьи о новыхъ книгахъ? Люди, которые сами не написали ни одной книги. Кто пишетъ передовыя статьи по финансовымъ вопросамъ? Господа, не имѣющіе объ этомъ предметѣ ни малѣйшаго понятія. Кто въ печати кричитъ о вредѣ пьянства и рекомендуетъ воздержаніе? Люди, которые трезвыми будутъ развѣ только въ могилѣ. А кто берется за сельскохозяйственные журналы? Непризнанные таланты, которымъ не повезло съ ихъ стихотворными потугами, драмами и романами, и которые смотрятъ на сельское хозяйство, какъ на временное пристанище или дойную корову. И вы хотите учить меня редактированію! Нѣтъ, милостивый государь, я достаточно хорошо знаю это дѣло, и могу васъ увѣрить, что чѣмъ меньше человѣкъ знаетъ, тѣмъ лучше для него, потому что онъ тѣмъ громче шумитъ и тѣмъ больше получаетъ денегъ. Если бы я остался безъ всякаго образованія, если бы я не былъ совѣстливъ и застѣнчивъ, то я, можетъ-быть, уже давно составилъ бы себѣ имя въ этомъ холодномъ, бездушномъ мірѣ. Я разстаюсь съ вами. Но я ухожу съ гордымъ сознаніемъ, что я честно исполнилъ свой долгъ, что я сдержалъ данное вамъ обѣщаніе. Я говорилъ, что сдѣлаю вашъ журналъ интереснымъ для всѣхъ классовъ общества, и сдѣлалъ это. Я говорилъ, что доведу тиражъ журнала до двадцати тысячъ экземпляровъ, и я до-

стигъ бы этого, если бы вы подождали еще недѣли двѣ. И я собралъ бы вамъ лучшій классъ читателей, какой и не снился ни одному сельскохозяйственному журналу — среди нихъ не было бы ни одного мужика, ни одного субъекта, который можетъ отличить арбузное дерево отъ персиковаго куста. Если кто съ моимъ уходомъ останется въ накладѣ, такъ это вы, сорочье дерево, а не я. Прощайте!

И я ушелъ.

О птицеводствѣ *).

Птицеводство очень интересуетъ меня давно, чуть ли не съ дѣтства, а потому избраніе меня почетнымъ членомъ вашего общества отвѣчаетъ моимъ завѣтнымъ стремленіямъ.

Я изучалъ птицеводство уже въ то время, когда учился въ школѣ, и безъ всякаго хвастовства могу сказать, что семнадцати лѣтъ я зналъ лучшіе, наиболѣе быстрые способы вывода куръ, начиная съ вывода ихъ изъ курятника и до вывода со двора вообще. Когда мнѣ исполнилось двадцать лѣтъ, то у меня домашней птицы было больше, чѣмъ у кого-либо въ окрестности. Цыплята постепенно признали мой талантъ. Когда я проходилъ мимо, то пернатая молодежь обоего пола переставала копаться въ землѣ, а старые пѣтухи, только что открывшіе клювъ для радостнаго ку-ка-ре-ку, вмѣсто этого про себя шептали молитву. Я настолько опытенъ въ выводѣ куръ, что кое-какія мои свѣдѣнія по этому вопросу могли бы принести обществу пользу.

Наиболѣе распространены два способа быстраго вывода куръ, изъ нихъ одинъ пригоденъ для лѣта, а другой—для зимы. Лѣтній способъ заключается въ слѣдующемъ: ночью, часовъ около одинадцати (не позднѣе, потому что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ куры имѣютъ непріятную привычку просыпаться вскорѣ послѣ полуночи), слѣдуетъ отправиться изъ дому, при чемъ товарищъ несетъ мѣшокъ. Около курятника (не своего, а сосѣдскаго) зажигаютъ спичку и поочередно подносятъ ее къ клюву куръ, которыя послѣ этого добровольно и быстро прыгаютъ прямо въ мѣшокъ. Затѣмъ отправляются

*) Письмо это было написано обществу птицеводства, избравшему автора своимъ почетнымъ членомъ.

домой, при чемъ, глядя по обстоятельствамъ, берутъ мѣшокъ съ собой или же оставляютъ его на мѣстѣ.

Примѣчаніе. Я знаю случаи, когда очень желательно и даже необходимо оставлять мѣшокъ на мѣстѣ и возвращаться домой съ возможной быстротой, но окольными путями.

Другой способъ, зимній, нѣсколько сложнѣе: товарищъ беретъ съ собою чугунокъ съ горячими углями, самъ же куроводъ несетъ довольно длинную, узкую тесину. Примѣняется этотъ способъ въ морозную зимнюю ночь. Около курятника (опять-таки не своего, а чужого) слѣдуетъ остановиться, нагрѣть надъ углями одинъ конецъ тесины, поднять ее и слегка приложить теплымъ концомъ къ ногѣ спящей курицы. Если только это настоящая курица, то она поблагодаритъ васъ тихимъ, полусоннымъ клохтаніемъ, потомъ перешагнетъ на теплую тесину и тамъ усядется. Этимъ курица настолько способствуетъ своей смерти, что серьезно возникаетъ вопросъ, не совершаетъ ли она сознательное самоубійство второй степени. Впрочемъ, надо сказать, что объ этихъ чисто юридическихъ тонкостяхъ приходится думать потомъ, а не во время практики куроводства.

Если желательно вывести хорошаго, большого шанхайскаго пѣтуха, орущаго какъ добрый оселъ, то приходится пользоваться веревкой съ петлей на концѣ. Съ такимъ пѣтухомъ нужно обращаться, какъ съ дикимъ быкомъ: его необходимо придушить и придушить основательно, потому что, если онъ своимъ крикомъ во всеуслышаніе заявитъ о своей радости видѣть васъ, то можно быть увѣреннымъ въ томъ, что кто-нибудь помѣшаетъ продолженію этого знакомства, будь это днемъ или ночью, все равно.

Черный шпанскій пѣтухъ—птица очень красивая и дорогая. Обыкновенно онъ стоитъ около тридцати пяти долларовъ, но не рѣдки экземпляры, которыхъ цѣнятъ въ пятьдесятъ долларовъ. Даже за яйца этой породы платятъ до полутора доллара. Въ одну прекрасную темную ночь мнѣ удалось пріобрѣсти цѣлую дюжину такихъ яицъ совсѣмъ даромъ, но это, конечно, рѣдкій случай. Шпанскихъ куръ рекомендуется выводить ночью, вмѣстѣ съ гнѣздомъ. Это слѣдуетъ дѣлать потому, что шпанскихъ куръ, благодаря ихъ цѣнности, обыкновенно держатъ отдѣльно отъ другихъ. Ихъ сажаютъ въ хорошія, прочныя корзины, которыя на ночь ставятъ въ кухню. Правда, выводка шпанскихъ куръ не всегда удается, но въ кухнѣ обыкновенно можно найти разныя мелкія вещи, которыя отчасти служатъ утѣшеніемъ въ случаѣ неудачи. Такъ, однажды

я вернулся домой съ очень хорошей, новой стальной мышеловкой.

Вотъ краткія свѣдѣнія, которыя я счелъ своимъ долгомъ сообщить обществу птицеводства, съ цѣлью показать, что я по вопросамъ птицеводства обладаю не менѣе солидными знаніями, чѣмъ предсѣдатель общества. Я выражаю обществу мою глубокую благодарность за честь избранія меня почетнымь членомъ, и всегда готовъ на дѣлѣ проявить мой интересъ къ цѣлямъ общества. Я прошу господъ членовъ общества, отправляющихся на куроводство, въ любой вечеръ заходить за мной. Въ одиннадцать часовъ я всегда къ ихъ услугамъ.

Въ репортерскомъ стилѣ.

Недавно въ западной гостиницѣ состоялся великолѣпнѣйшій балъ піонеровъ. Многихъ изъ читателей, несомнѣнно, заинтересуютъ слѣдующія краткія свѣдѣнія о тѣхъ туалетахъ, которые мы замѣтили на представительницахъ прекраснаго пола.

Мистрисъ В. М. показала намъ элегантное pâte de foie gras, изготовленное спеціально для нея, и возбудила всеобщее вниманіе.

Миссъ С. сдѣлала себѣ высокую прическу, и явилась центромъ протяженія для всѣхъ кавалеровъ, а для дамъ — предметомъ общей зависти. На мистрисъ Ц. Н. были одѣты длинныя бѣлыя перчатки. Ея симпатичная скромность еще болѣе выигрывала отъ этого простого туалета, и она во всѣхъ возбуждала вполнѣ понятный интересъ.

Прелестная миссъ М. М. Б. появилась въ поразительномъ водопадѣ, и ея красота и грація покорили сердца всѣхъ присутствовавшихъ. Какъ она была хороша!

Изящная мистрисъ Л. Р. была великолѣпна съ своей новой гарнитурой зубовъ, ослѣпительный блескъ которыхъ еще болѣе выигрывалъ, благодаря обворожительной улыбкѣ.

Миссъ Р. П., всегда отличавшаяся крайней простотой туалетовъ, на этотъ разъ надѣла простой бѣлый кружевной воротничокъ, застегнутый небольшой перламутровой пуговкой. Контрастъ между этимъ застывшимъ блескомъ перламутра и сіяніемъ вѣчно искрящихся прекрасныхъ глазъ миссъ П. возбудилъ всеобщій восторгъ.

И т. д...

О парикмахерахъ.

На свѣтѣ рѣшительно все измѣняется, кромѣ только парикмахеровъ, ихъ манеръ и обстановки. Все это остается безъ перемѣны. То, что вы видѣли въ одной парикмахерской десять лѣтъ тому назадъ, вы увидите во всѣхъ парикмахерскихъ до конца вашей жизни.

Сегодня утромъ, какъ всегда, я отправился бриться. Когда я подходилъ къ парикмахерской, то съ другого конца, тоже какъ всегда, къ ней приближался какой-то человѣкъ. Я ускорилъ свои шаги, но онъ все-таки вошелъ въ дверь первымъ. Я слѣдовалъ за нимъ по пятамъ и имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ онъ занялъ единственный свободный стулъ, около котораго къ тому же стоялъ самый умѣлый парикмахеръ. Это со мной тоже происходитъ всегда. Я усѣлся у стѣны, въ надеждѣ, что мнѣ все-таки удастся дождаться, пока будетъ свободенъ другой опытный подмастерье, который уже приглаживалъ своей жертвѣ волосы. Я слѣдилъ за его работой. Я замѣтилъ, однако, что его нагоняетъ другой подмастерье, № 2. Это меня опечалило. Когда № 1 остановился на минуту, чтобы дать сдачи какому-то посѣтителю, бравшему билетъ въ ванну, и вслѣдствіе этого, конечно, отсталъ еще больше, то моя печаль перешла прямо въ ужасъ. № 1 все-таки догналъ своего товарища. Они оба почти одновременно сняли съ своихъ жертвъ бѣлыя салфетки, мазнули ими по лицамъ, чтобы стереть слѣды пудры, и... я затаилъ дыханіе отъ ожиданія, кто изъ нихъ первымъ скажетъ: „слѣдующій!“ Но вдругъ № 1 сталъ отставать. Онъ взялъ гребенку и началъ причесывать своей жертвѣ брови. Тогда я всталъ и быстро вышелъ на улицу, чтобы не попасть въ руки номеру второму. Черезъ четверть часа я вернулся. Теперь не только всѣ стулья были заняты, но у стѣны сидѣли четыре посѣтителя, ожидавшіе своей очереди. Они сидѣли молча, съ тѣмъ выраженіемъ разсѣянности и скуки, которое почему-то появляется на лицахъ всѣхъ мужчинъ, ожидающихъ очереди въ парикмахерской. Я сѣлъ на диванъ, своей жесткостью напоминавшій гранитъ, и началъ развлекаться чтеніемъ украшавшихъ стѣны объявленій; въ нихъ краснорѣчиво расхваливались всевозможныя мази и секретныя средства для крашенія, рощенія и укрѣпленія волосъ. Затѣмъ я перешелъ къ разсматриванію принадлежащихъ постояннымъ посѣтителямъ бутылокъ съ ромомъ, на которыхъ жирными буквами были напи-

саны фамиліи ихъ владѣльцевъ. Далѣе я изучилъ надписи на маленькихъ ящичкахъ съ принадлежностями для бритья абонированныхъ посѣтителей. Наконецъ я обратилъ свое вниманіе на грязныя, разорванныя грошевыя олеографіи, изображавшія кровавыя битвы, страстныхъ одалисокъ, бывшаго президента и до тошноты скучной, неизбѣжной дѣвочки, надѣвающей очки своего дѣдушки.

Въ душѣ я проклиналъ до неприличія веселую канарейку и до отчаянія надоѣдливаго попугая, безъ которыхъ въ Америкѣ, кажется, не обходится ни одна парикмахерская. Въ концѣ-концовъ я погрузился въ чтеніе прошлогодняго растрепаннаго журнала и наслаждался имъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ не крикнули: „Слѣдующій!“

Я всталъ и направился къ свободному стулу... конечно, номера второго! Со мной это всегда случается. Я робко замѣтилъ, что у меня мало времени, но онъ не удостоилъ мои слова своимъ вниманіемъ. Онъ взялъ меня за подбородокъ и подвязалъ мнѣ салфетку. Другую салфетку онъ запихнулъ мнѣ за воротничокъ рубашки у затылка. Потомъ онъ сгребъ своими лапами мои волосы и заявилъ, что ихъ надо остричь. Я сказалъ, что, по моему мнѣнію, волосы пока стричь не надо, но онъ возразилъ, что такіе длинные волосы теперь не въ модѣ, что ихъ безусловно необходимо остричь, главнымъ образомъ, сзади. Я сказалъ, что ихъ мнѣ стригли всего недѣлю тому назадъ. Онъ помолчалъ нѣсколько секундъ и потомъ презрительно спросилъ, кто меня остригъ такъ отвратительно. На это я ему отвѣтилъ:

— Вы сами!

Послѣ чего онъ, видимо, успокоился. Онъ началъ взбивать мыльную пѣну и въ то же время внимательно разглядывалъ себя въ зеркало. Иногда онъ оставлялъ мыльницу, приближался къ зеркалу и тщательно изучалъ на своемъ лицѣ какой-нибудь небольшой прыщикъ. Онъ намылилъ мнѣ одну щеку и только что хотѣлъ приняться за другую, какъ вдругъ его вниманіе привлекли двѣ собаки, погрызшіяся на улицѣ; онъ подбѣжалъ къ окну и глядѣлъ на улицу до тѣхъ поръ, пока собаки не разбѣжались. При этомъ онъ проигралъ два шиллинга другому подмастерью, который держалъ съ нимъ пари, чему я въ душѣ былъ очень радъ. Наконецъ онъ благополучно намылилъ мнѣ вторую щеку и началъ направлять бритву на старыхъ кожаныхъ помочахъ. Это занятіе продолжалось довольно долго, потому что онъ принималъ оживленное участіе въ разговорѣ о какомъ-то народномъ маскарадѣ, на которомъ онъ былъ наканунѣ, одѣтый въ красный плащъ

съ поддѣльнымъ горностаемъ. Онъ былъ очень польщенъ тѣмъ, что другіе подмастерьи дразнили его какой-то дѣвицей, которую онъ привлекъ своей особой, и потому старался по возможности продлить пріятный разговоръ. При этомъ онъ безпрестанно любовался собою въ зеркалѣ, клалъ бритву, тщательно приглаживалъ свои волосы, даже подклеилъ одинъ шаловливый локонъ на лбу. Между тѣмъ мыло засохло у меня на лицѣ и стянуло кожу въ противную, твердую маску.

Въ концѣ-концовъ онъ все-таки началъ меня брить. Онъ щипалъ мои щеки, чтобы натянуть кожу, поворачивалъ мою голову во всѣ стороны, чтобы ему было удобнѣе. Пока онъ брилъ мнѣ щеки, я кое-какъ мирился съ своимъ положеніемъ, но когда онъ принялся терзать мой подбородокъ, у меня въ глазахъ завертѣлись разноцвѣтные круги. Онъ забралъ въ руку мой носъ, чтобы ловчѣе вертѣть моей головой, и при этомъ я случайно узналъ, что часть его обязанностей состоитъ въ оправленіи керосиновыхъ лампъ. Это открытіе для меня было очень полезно, такъ-какъ я много разъ думалъ о томъ, кто именно оправляетъ въ парикмахерской лампы: самъ хозяинъ или подмастерья. За это время я развлекалъ себя тѣмъ, что старался угадать, гдѣ именно онъ меня обрѣжетъ, но я не успѣлъ еще хорошенько подумать объ этомъ, какъ онъ уже предупредилъ меня и разрѣзалъ мнѣ подбородокъ внизу. Затѣмъ онъ началъ точить свою бритву, хотя, по моему мнѣнію, ему это слѣдовало сдѣлать раньше. Я не люблю, когда меня бреютъ два раза, а потому сталъ его убѣждать положить бритву. Я боялся, что онъ мнѣ снова начнетъ брить около праваго угла рта, гдѣ одно мѣсто у меня положительно не выноситъ частаго прикосновенія, но онъ былъ неумолимъ и заявилъ, что необходимо сгладить какую-то неровность. Въ то же мгновеніе онъ проѣхался бритвой какъ разъ по больному мѣсту, и я вскрикнулъ отъ боли.

Совершивъ это, онъ намочилъ полотенце въ ромѣ и принялся хлестать меня имъ по лицу, хлестать такъ, какъ ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не станетъ мыть себѣ лицо. Потомъ онъ взялъ мокрый конецъ полотенца въ руки и сталъ бить меня сухимъ концомъ, воображая, что онъ меня обсушиваетъ. Мой порѣзъ онъ смочилъ ромомъ, затѣмъ заткнулъ его пудрой, снова смочилъ, опять заткнулъ, и, вѣроятно, продолжалъ бы эту милую игру до безконечности, если бы я не выразилъ самый рѣшительный протестъ и не попросилъ его оставить мою рану въ покоѣ. Затѣмъ онъ напудрилъ мнѣ все лицо, тѣмъ же полотенцемъ опять стеръ пудру и началъ руками перебирать мои волосы. Онъ глубокомысленно заявилъ, что мнѣ не-

обходимо, безусловно необходимо вымыть голову. Я возразилъ ему, что только наканунѣ мылъ свою голову, и это его какъ-будто успокоило. Послѣ этого онъ предложилъ мнѣ купить „Шмидтовскій составъ для волосъ". Я отказался. Онъ принялся расхваливать новые духи „Восторгъ туалета", но я отказался и отъ восторга. Тогда онъ далъ мнѣ попробовать какую-то гадость, которую онъ самъ изобрѣлъ для полосканія рта. Я отказался купить и эту гадость. Онъ все-таки не унялся и предложилъ мнѣ помѣняться съ нимъ бритвами.

Однако я былъ твердъ и отклонилъ эту, несомнѣнно, очень выгодную операцію. Онъ, видимо, обидѣлся, потому что высыпалъ на меня сразу полфунта пудры. Не только голова и туловище, но даже ноги у меня покрылись бѣлымъ налетомъ. Затѣмъ, несмотря на всѣ мои протесты, онъ жирно намаслилъ мои волосы, половину изъ нихъ вырвалъ съ корнями, остальные причесалъ и пригладилъ, зачѣмъ-то приклеилъ мнѣ лакомъ прядь волосъ ко лбу, и въ то время, когда онъ причесывалъ мои брови и пачкалъ ихъ мерзѣйшей помадой, онъ разсказывалъ мнѣ о необычайныхъ качествахъ своей пѣгой собаки. Въ концѣ-концовъ я услышалъ полуденный фабричный гудокъ, который сообщилъ мнѣ, что я опоздалъ на поѣздъ. Номеръ второй какъ разъ въ этотъ моментъ ловко сорвалъ съ меня салфетку, мазнулъ меня ею по лицу, еще разъ прошелся гребнемъ по моимъ бровямъ и весело крикнулъ: „Слѣдующій".

Странный сонъ.

Прошлой ночью я видѣлъ удивительный сонъ. Мнѣ снилось, будто я сижу на порогѣ какой-то двери (не знаю, въ какомъ городѣ) и думаю; было что-то около полуночи. Погода стояла прекрасная, воздухъ благоухалъ. Не было слышно ни одного звука, царила глубокая тишина, которую изрѣдка нарушалъ лишь отдаленный собачій лай.

Вдругъ я услышалъ на улицѣ глухой стукъ: та... та-та... та... та-та-та... та-та, будто гремѣли кости. Сначала я подумалъ, что какой-нибудь поклонникъ гремитъ кастаньетами подъ окномъ предмета своей страсти, но черезъ минуту я увидѣлъ огромный скелетъ, который былъ закутанъ въ полусгнившій саванъ, болтавшійся на костяхъ. Скелетъ съ наглухо закутаннымъ черепомъ медленно прошелъ мимо меня и исчезъ въ

темнотѣ. На одномъ плечѣ онъ несъ сломанный, изъѣденный червями гробъ, а въ другой—какой-то узелъ. Теперь я понялъ происхожденіе стука: это гремѣли локтевыя кости, ударяясь о ребра при движеніи скелета. Я долженъ сознаться, что это явленіе меня удивило. Но прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, раздались тѣ же характерные звуки, и на улицѣ показался второй скелетъ. Онъ несъ на плечѣ совершенно развалившійся гробъ и нѣсколько гнилыхъ досокъ. Мнѣ очень хотѣлось заговорить съ нимъ, но когда онъ, проходя мимо, взглянулъ на меня своими черными глазными впадинами и широко оскалилъ зубы, то это желаніе пропало. Едва исчезъ второй, какъ снова раздался тотъ же стукъ, и показался третій скелетъ. Этотъ шелъ, низко наклонившись подъ тяжестью могильнаго камня, а кромѣ того, онъ на веревкѣ тащилъ за собой ободранный гробъ. Подойдя ко мнѣ, скелетъ остановился, нѣсколько мгновеній неподвижно глядѣлъ на меня, потомъ повернулся спиной и сказалъ:

— Снимите, пожалуйста, у меня со спины эту тяжесть!

Я снялъ съ его спины камень и поставилъ на землю. При этомъ я замѣтилъ надпись: „Джонъ Вакстеръ Компенгерстъ, умеръ въ маѣ 1839 года“. Скелетъ съ усталымъ видомъ сѣлъ около меня и саваномъ отеръ потъ съ своего черепа.

— Нехорошо, очень нехорошо! — сказалъ онъ, задумчиво опираясь подбородкомъ на руку. Въ то же время онъ приподнялъ лѣвую ногу и механически сталъ скрести колѣно какимъ-то ржавымъ гвоздемъ.

— Что нехорошо?—спросилъ я.

— Все нехорошо. Лучше бы я не умиралъ!

— Вы меня удивляете. Съ вами что-нибудь случилось нехорошее?

— И вы еще спрашиваете! Развѣ вы не видите: памятникъ у меня сломанъ, гробъ развалился, саванъ весь въ лохмотьяхъ!

— Я не думалъ, что вы способны обращать вниманіе на такія вещи..

— Какъ видите, я еще не утратилъ этой способности. Впрочемъ, если вы позволите, я разскажу все по порядку.

— Пожалуйста!—сказалъ я.

— Живу я въ заброшенномъ старомъ кладбищѣ, въ концѣ этой же улицы... ну, вотъ, такъ я и зналъ! Не найдется ли у васъ какой-нибудь ниточки. Есть? Отлично. Въ такомъ случаѣ я бы очень попросилъ васъ привязать мое третье ребро снизу къ позвоночнику. О! Вы не можете себѣ представить, какъ ужасно такъ постепенно разваливаться.

При этихъ словахъ несчастный скелетъ заскрежеталъ зубами, что у него, благодаря отсутствію кожи, выходило особенно непріятно

— Итакъ,—продолжалъ онъ,—я уже нѣсколько десятковъ лѣтъ живу на заброшенномъ кладбищѣ. Я еще сейчасъ помню, съ какимъ удовольствіемъ я слушалъ, какъ удары земли надъ моимъ гробомъ дѣлались все глуше и глуше. Я сознавалъ, что теперь мнѣ можно отдохнуть, забыть всѣ тревоги и заботы. Право, я вамъ отъ души желаю возможно скорѣе испытать это чувство!

„Лѣтъ тридцать я пролежалъ на кладбищѣ, и чувствовалъ себя превосходно. Тогда кладбище еще находилось за городомъ, въ просторномъ, хорошемъ лѣсу. Надъ моей могилой вѣтерокъ шептался съ деревьями, прыгали бѣлки, красовались цвѣты. Все было отлично. Я находился въ пріятномъ обществѣ, потому что вокругъ меня лежали представители лучшихъ фамилій нашего города. Это было тогда, въ наше золотое время. А теперь? Теперь рѣшетки на нашихъ могилахъ покосились и даже упали, памятники лежатъ на боку, нигдѣ нѣтъ ни цвѣтовъ, ни чистыхъ усыпанныхъ пескомъ дорожекъ... Городъ доползъ до насъ и захватилъ насъ въ свои цѣпкія руки, и вмѣсто прежняго красиваго мѣста отдыха мы очутились на пустырѣ, который вызываетъ у живыхъ людей однѣ насмѣшки. И вотъ въ то время, когда наши потомки наслаждаются и веселятся на деньги, заработанныя нами, мы едва можемъ удержать наши развалившіяся кости! Да, наши потомки оказались неблагодарными; они не могутъ даже позаботиться о нашихъ памятникахъ, а между тѣмъ для мертвыхъ памятники значатъ очень много. На моемъ памятникѣ, напримѣръ, прежде было написано:

„*Ушелъ въ лучшій міръ, чтобы получить достойную награду*", и какъ я гордился этой надписью, какъ я любилъ читать ее! А теперь вмѣсто нея на камнѣ чернѣютъ только нѣсколько пятенъ. Въ концѣ-концовъ у насъ дѣло дошло до того, что мы одинъ за другимъ стали выселяться, а одинъ изъ насъ даже обмѣнялъ свой памятникъ на горсть стружекъ подъ голову, вмѣсто подушки".

Все время, пока бѣдняга бесѣдовалъ со мной, мимо насъ проходили цѣлыя вереницы такихъ же ободранныхъ скелетовъ, съ гробами, памятниками и прочими могильными принадлежностями. Мой собесѣдникъ многихъ изъ нихъ называлъ мнѣ по имени. Нѣкоторые подходили ко мнѣ и спрашивали, въ какомъ изъ ближайшихъ городовъ кладбища содержатся въ порядкѣ.

Вся эта исторія меня очень заняла, но въ то же время мнѣ было мучительно жаль несчастныхъ переселенцевъ. Я только что хотѣлъ имъ сказать, что сочту долгомъ напечатать статью въ ихъ защиту, какъ вдругъ закричалъ пѣтухъ и вся компанія сразу безслѣдно пропала.

Я проснулся. Моя голова свѣсилась съ постели, а такое положеніе, какъ извѣстно, особенно располагаетъ къ замысловатымъ снамъ...

Маркъ Твэнъ.

Наши простаки дома и за границей.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1907.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НАШИ ПРОСТАКИ ДОМА.

I.

Тогда, въ тѣ блаженныя времена, набобы были не рѣдкость. Каждый разъ, какъ нападали на богатую жилу, создавали одного, а то и двухъ набобовъ. Я могу даже назвать нѣкоторыхъ изъ такихъ счастливцевъ. Въ общемъ это были добродушные и довольно-таки безпечные молодцы, и нажитыя ими богатства служили на пользу общую не менѣе, чѣмъ имъ самимъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ-быть, даже и больше.

Двумъ возчикамъ, двоюроднымъ братьямъ, навязали въ уплату долга въ 300 долларовъ за перевозку грузовъ небольшой участочекъ серебрянаго рудника. Братья пригласили компаньона и, предоставивъ въ его пользу третью часть могущаго быть дохода, поручили ему производить работы, а сами продолжали возить грузы. Но имъ пришлось не долго извозничать послѣ этого: черезъ десять мѣсяцевъ рудникъ не только окупилъ всѣ расходы, но давалъ еще каждому изъ владѣльцевъ отъ 8.000 до 10.000 долларовъ чистаго дохода въ мѣсяцъ, а въ годъ по 100.000

Одинъ изъ первыхъ набобовъ, которыхъ произвела на свѣтъ Невада, носилъ на груди на 6.000 долларовъ брильянтовъ и клятвенно увѣрялъ, что онъ чувствуетъ себя глубоко несчастнымъ оттого, что не можетъ тратить деньги съ такой же быстротой, съ какой онъ ихъ получаетъ.

Другой набобъ изъ Невады хвастался, что получаемый имъ доходъ часто достигалъ 16.000 долларовъ въ мѣсяцъ; онъ очень любилъ разсказывать, какъ онъ самъ работалъ въ томъ же самомъ рудникѣ, который давалъ ему такой громадный доходъ, за пять долларовъ въ день, когда онъ только что прибылъ въ эти мѣста.

Въ этомъ серебряномъ штатѣ прославился еще одинъ изъ такихъ любимцевъ фортуны, превратившійся чуть не въ одну ночь изъ бѣдняка въ богатаго человѣка, такого богатаго, что онъ могъ предложить 100.000 долларовъ за предоставленіе ему высокаго офиціальнаго поста; но назначеніе его, однакожъ, не состоялось, впрочемъ, только потому, что его политическія убѣжденія были далеко не такъ хороши, какъ его текущій счетъ въ банкѣ.

Затѣмъ нужно упомянуть еще Джона Смита. Это былъ человѣкъ доброй души, честный и сердечный, вышедшій изъ низшихъ слоевъ общества и отличавшійся удивительнымъ невѣжествомъ. Онъ занимался извозомъ и, кромѣ того, владѣлъ маленькимъ ранчо, которое обезпечивало ему спокойную жизнь, потому что оно хотя и мало давало ему сѣна, но это сѣно продавалось на рынкѣ по 250—300 долларовъ золотомъ за тонну. Въ одинъ прекрасный день Смитъ промѣнялъ нѣсколько акровъ изъ принадлежащаго ему клочка земли на мало разработанный серебряный рудникъ на Золотомъ Холмѣ. Онъ сталъ разрабатывать жилу и построилъ маленькую незатѣйливую мельничку для дробленія руды. Черезъ полтора года онъ прекратилъ торговлю сѣномъ, потому что рудникъ сталъ давать очень крупный доходъ. Одни говорили, что онъ получалъ 30.000 долларовъ въ мѣсяцъ, а другіе увѣряли, что онъ получалъ шестьдесятъ тысячъ. Вѣрно было только то, что Смитъ сталъ очень богатымъ.

Затѣмъ онъ отправился путешествовать по Европѣ и когда вернулся назадъ, то всѣмъ и каждому разсказывалъ объ удивительныхъ свиньяхъ, которыхъ онъ видѣлъ въ Англіи, о великолѣпныхъ овцахъ, которыхъ онъ видѣлъ въ Испаніи, и о прекрасномъ скотѣ, который онъ видѣлъ въ окрестностяхъ Рима. Его приводили въ восторгъ чудеса Стараго свѣта, и онъ всѣмъ совѣтовалъ отправиться путешествовать. Онъ говорилъ, что нельзя даже и представить себѣ, какія удивительныя вещи существуютъ на свѣтѣ, пока не отправишься путешествовать. Однажды пассажиры корабля, на которомъ онъ ѣхалъ, назначили вскладчину награду въ пятьсотъ долларовъ тому, кто съ большею точностью опредѣлитъ ходъ корабля за сутки. На другой день, ровно въ полдень, каждый пассажиръ вручилъ корабельному комиссару запечатанный конвертъ. Смитъ былъ веселъ и доволенъ: онъ подкупилъ механика. Несмотря на это, право на призъ получилъ все-таки другой. Смитъ запротестовалъ:

— Нѣтъ, это несправедливо! Онъ написалъ на двѣ мили больше, чѣмъ я.

На это комиссаръ возразилъ ему:

— Мистеръ Смитъ, вы сдѣлали ошибку больше, чѣмъ кто-нибудь изъ пассажировъ. Мы прошли вч ра всего двѣсти восемь миль.

— Отлично, — сказалъ Смитъ. — Теперь вы сами попались, сэръ, потому что я написалъ двѣсти девять. Дайте-ка сюда мой листокъ. Тутъ стоитъ сначала 2, а потомъ два нолика: это будетъ 200. Вѣрно? Затѣмъ стоитъ девять; ну, а теперь, какъ ни читайте, все будетъ двѣсти девять (200.9). Поэтому, по-моему, я имѣю больше всѣхъ правъ на награду и прошу васъ выдать деньги мнѣ.

Пріискъ Гаульдъ и Кэрри занималъ пространство въ тысячу двѣсти футовъ и первоначально принадлежалъ только этимъ двумъ компаньонамъ. Мистеръ Кэрри, которому принадлежали двѣ трети пріиска, продалъ свою часть за двѣ тысячи пятьсотъ долларовъ наличными деньгами и старую клячу, которая за семнадцать дней съѣла такое количество сѣна и ячменя, что онъ, продавъ ее, только выручилъ деньги за прокормъ. Потомъ онъ же разсказывалъ, что Гаульдъ продалъ свою часть за два одѣяла и бутылку виски, которая убила девятерыхъ въ теченіе трехъ часовъ и, кромѣ того, при этомъ какой-то безобидный чужестранецъ, которому удалось только понюхать пробку, навѣки-вѣчные лишился разума. Черезъ четыре года послѣ этого пріискъ цѣнили въ Санъ-Франциско въ семь милліоновъ шестьсотъ тысячъ долларовъ золотомъ.

По землѣ одного бѣднаго мексиканца, жившаго въ простомъ шалашѣ сейчасъ же за городомъ столицы Виргиніи, струился ручеекъ, шириною въ ладонь, образовавшійся изъ ключа, который билъ изъ-подъ горы. Компанія Офиръ пріобрѣла у него источникъ въ обмѣнъ на участокъ въ сто футовъ изъ своего рудника. Эти сто футовъ оказались самой богатѣйшей частью изъ всего рудника, и черезъ четыре года послѣ обмѣна цѣна участка опредѣлялась въ 1.500.000 долларовъ.

Одинъ субъектъ, который владѣлъ двадцатью футами рудника Офиръ раньше еще, чѣмъ было обнаружено великое значеніе этого рудника, промѣнялъ свой участокъ на очень скверную лошадь. Спустя годъ или что-то въ этомъ родѣ, когда стоимость Офира достигла 3.000 долларовъ за футъ, этотъ человѣкъ, у котораго не было ни одного цента, говорилъ, что онъ можетъ служить самымъ рѣшительнымъ примѣромъ богатства и нищеты, какой когда-либо приходилось видѣть, потому что онъ ѣздилъ на лошади, стоившей шестьдесятъ тысячъ долларовъ, но въ то же время не имѣлъ средствъ купить сѣдло и потому принужденъ брать сѣдло у кого-нибудь или

же ѣздить безъ сѣдла. Затѣмъ онъ говорилъ, что если бы судьба послала ему еще и другую шестидесятитысячную лошадь, это разорило бы его въ конецъ.

Одинъ 19-лѣтній юноша, который служилъ на телеграфѣ въ Виргиніи за жалованье въ сто долларовъ въ мѣсяцъ и который, когда не могъ разобрать нѣмецкихъ именъ въ спискахъ прибывшихъ на кораблѣ изъ Санъ-Франциско, обыкновенно искусно замѣнялъ ихъ подходящими именами изъ стараго берлинскаго адресъ-календаря, разбогатѣлъ, слѣдя за проходившими чрезъ его руки пріисковыми телеграммами и покупая и продавая паи чрезъ одного пріятеля въ Санъ-Франциско. Однажды, когда изъ Виргиніи была послана депеша, извѣщавшая объ открытіи богатой жилы на большомъ пріискѣ и совѣтовавшая хранить это въ тайнѣ, пока не будетъ скуплено паевъ на значительную сумму, онъ купилъ сорокъ футовъ пріиска по двадцать долларовъ за футъ, а потомъ продалъ половину по восьмисотъ долларовъ за футъ, а остальное за двойную цѣну. Черезъ три мѣсяца онъ имѣлъ уже состояніе въ 150.000 долларовъ и отказался отъ службы на телеграфѣ.

Другой телеграфистъ, уволенный отъ службы за разглашеніе служебныхъ тайнъ, условился съ однимъ богатымъ человѣкомъ изъ Санъ-Франциско сообщить ему о результатѣ разбиравшагося въ Виргиніи процесса черезъ часъ послѣ отправленія объ этомъ телеграммы заинтересованнымъ въ дѣлѣ лицамъ, жившимъ въ Санъ-Франциско. За это ему была обѣщана крупная награда. Онъ переодѣлся возчикомъ и отправился на маленькую телеграфную станцію въ горахъ, познакомился съ телеграфистомъ и сталъ проводить цѣлые дни на телеграфѣ, покуривая трубку и жалуясь, что его повозка стала никуда негодна, и ему поэтому нельзя уѣхать, а самъ между тѣмъ внимательно прислушивался къ постукиванію аппарата, передававшаго депеши изъ Виргиніи. Наконецъ чрезъ аппаратъ прошла давно жданная депеша, извѣщавшая о состоявшемся рѣшеніи дѣла; какъ только онъ услыхалъ ее, сейчасъ же телеграфировалъ своему другу въ Санъ-Франциско:

„Надоѣло ждать. Продаю повозку и ѣду домой“.

Это былъ условный знакъ. Если бы выкинуть слово „ждать“, то это значило бы, что дѣло проиграно. Пріятель мнимаго извозчика скупилъ по дешевымъ цѣнамъ большое количество паевъ раньше, чѣмъ эта новость успѣла распространиться, и въ результатѣ богатство.

Много времени спустя послѣ того, какъ было основано общество для разработки руды въ одномъ изъ самыхъ большихъ пріисковъ въ Виргиніи, обнаружилось, что футовъ пятьдесятъ

изъ этого прiиска принадлежатъ человѣку, подписи котораго не значилось ни на одномъ изъ актовъ. Одно время пронесся слухъ, что владѣлецъ этихъ пятидесяти футовъ живетъ въ Нью-Iоркѣ, и одинъ или два спекулятора отправились на востокъ, но не нашли его тамъ. Затѣмъ пришло извѣстiе, что онъ на Бермудскихъ островахъ, и спекуляторы отправились туда, но и тамъ его не оказалось. Наконецъ узнали, что онъ въ Мексикѣ. Тогда одинъ изъ его друзей, служившiй приказчикомъ въ распивочной, отправился къ нему и купилъ у него этотъ участокъ за сто долларовъ, а затѣмъ, вернувшись, продалъ свою покупку за семьдесятъ пять тысячъ долларовъ.

Я лично былъ знакомъ съ большинствомъ набобовъ, о которыхъ я разсказывалъ, и поэтому съ цѣлью, чтобы тихоокеанская публика не могла узнать этихъ нѣкогда знаменитыхъ личностей, я умышленно, въ память прежней дружбы, уклонился отъ истины, описывая этихъ людей и различные случаи изъ ихъ жизни. Впрочемъ, они недолго были въ славѣ, и многiе изъ нихъ снова впали въ нищету и утратили извѣстность.

Въ Невадѣ былъ въ большомъ ходу разсказъ о не совсѣмъ обыкновенномъ приключенiи двухъ тамошнихъ набобовъ. Я передаю этотъ разсказъ такъ, какъ самъ слышалъ, не ручаясь за его достовѣрность.

Полковникъ Джимъ видѣлъ свѣтъ и о многомъ имѣлъ понятiе; но зато полковникъ Джэкъ выросъ въ глухомъ уголкѣ Штатовъ и затѣмъ велъ жизнь труженика и никогда не видалъ большихъ столичныхъ городовъ. И вотъ въ одинъ прекрасный день они вдругъ стали богачами и сейчасъ же рѣшили отправиться въ Нью-Йоркъ; полковникъ Джэкъ, чтобы посмотрѣть столицу, а полковникъ Джимъ, чтобы оградить своего друга отъ всякихъ напастей.

Ночью они прибыли въ Санъ-Франциско, а на другой день утромъ сѣли на пароходъ. Прибывъ въ Нью-Йоркъ, полковникъ Джэкъ сказалъ:

— Я въ свою жизнь столько слышалъ разсказовъ о каретахъ, и мнѣ теперь непремѣнно хочется проѣхаться въ одной изъ нихъ, чего бы это ни стоило.

Они вышли на набережную, и полковникъ Джимъ позвалъ извозчичiй экипажъ; но полковникъ Джэкъ остановилъ его:

— Нѣтъ, сэръ, не надо. Я не желаю ѣздить на простыхъ извозчикахъ. Я прiѣхалъ сюда провести прiятно время, а вовсе не затѣмъ, чтобъ экономить деньги. Мнѣ хотѣлось бы выкинуть какую-нибудь необыкновенную штуку. Э! Да вотъ какъ разъ то, что мнѣ нужно. Остановите-ка вонъ ту раскрашенную карету; не безпокойтесь. Всѣ расходы я беру на себя.

Тогда полковникъ Джимъ остановилъ проѣзжавшій мимо пустой омнибусъ, и они вошли въ него. Полковникъ Джимъ сказалъ:

— Ну, что, нравится вамъ это? А мнѣ, признаюсь, нѣтъ. Подушки, окна, картины... просто не знаешь, куда и дѣваться отъ нихъ. А что сказали бы наши молодцы, если бъ увидѣли, какъ мы веселимся въ Нью-Йоркѣ? Клянусь Георгомъ, мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы они увидали насъ.

Затѣмъ онъ высунулъ голову изъ окна и крикнулъ кучеру:

— Слушай, Джонни! Мнѣ нравится эта штука. Я бы не прочь такъ и всегда кататься. Я кучу, пріятель. Пусти-ка ихъ во всю прыть! Гони коней! Мы съ тобой сочтемся по совѣсти.

Кучеръ просунулъ руку за деньгами въ отверстіе въ передней стѣнкѣ омнибуса: тогда еще не было звонковъ. Полковникъ Джэкъ взялъ протянутую руку и, пожимая ее, сказалъ:

— Вы поняли меня, старина. Мы сейчасъ съ вами разсчитаемся. Взгляните-ка на эту штучку и скажите, какъ она вамъ нравится?

И онъ положилъ кучеру въ руку золотую монету въ двадцать долларовъ. Кучеръ сказалъ ему, что у него нѣтъ сдачи.

— Не надо сдачи. Мы будемъ ѣздить на всѣ деньги. Клади монету въ карманъ.

Затѣмъ, обращаясь къ полковнику Джиму, онъ прибавилъ, хлопнувъ его по ногѣ:

— А вѣдь ловко придумано. А? Пусть меня повѣсятъ, если я не буду нанимать эту штуку каждый день цѣлую недѣлю.

Омнибусъ между тѣмъ остановился и въ него вошла молодая дѣвушка. Полковникъ Джэкъ взглянулъ на нее и потомъ толкнулъ локтемъ полковника Джима.

— Не говори ни слова, — прошепталъ онъ. — Пусть себѣ ѣдетъ, если ей угодно. Тутъ мѣста довольно.

Молодая дѣвушка достала портмонэ и, вынувъ изъ него деньги, протянула ихъ полковнику Джэку.

— Это зачѣмъ? — спросилъ онъ.

— Передайте, пожалуйста, кучеру.

— Возьмите обратно ваши деньги, сударыня. Мы не можемъ допустить этого. Милости просимъ, катайтесь, сколько вамъ угодно, но мы наняли всю эту штуку и не можемъ допустить, чтобы вы заплатили хотя бы одинъ центъ.

Дѣвушка удивленно вскинула на него глазами и забилась въ уголъ. Въ омнибусъ влѣзла пожилая дама съ корзинкой и тоже подала плату за проѣздъ.

— Извините, — сказалъ полковникъ Джэкъ. — Добро пожаловать, сударыня, но мы не можемъ допустить, чтобы вы пла-

тили. Садитесь, пожалуйста, и безъ церемоніи располагайтесь здѣсь такъ же свободно, какъ если бъ ѣхали въ своемъ собственномъ экипажѣ.

Черезъ двѣ минуты вошли три джентльмена, двѣ толстыя женщины и двое дѣтей.

— Идите смѣло, друзья,— сказалъ полковникъ Джэкъ.— Не обращайте вниманія на насъ. Сюда свободенъ входъ всѣмъ желающимъ.

Потомъ онъ шепнулъ полковнику Джиму:

— Нью-Йоркъ—удивительное мѣстечко, я такого общительнаго народа не видалъ нигдѣ

Онъ не позволялъ никому платить кучеру и радушно привѣтствовалъ каждаго прибывшаго. Пассажиры очень быстро освоились съ неожиданнымъ для нихъ положеніемъ дѣла и весело приняли участіе въ этомъ забавномъ приключеніи. Вошло еще съ полдюжины пассажировъ.

— Здѣсь хватитъ мѣста на всѣхъ, — говорилъ полковникъ Джэкъ.— Идите смѣло и будьте, какъ дома. Поѣздка въ компаніи тогда особенно пріятна, когда собирается большое общество.

Потомъ онъ шепнулъ полковнику Джиму:

— Ну, развѣ не смѣлый народъ эти нью-йоркцы? А вы не замѣчаете, какъ они хладнокровны? Ихъ не удивили бы даже и ледяныя горы. Мнѣ кажется, что они такъ же спокойно стали бы взбираться и на погребальную колесницу, если бъ она имъ попалась на пути

Между тѣмъ пассажировъ все прибывало. Всѣ мѣста въ омнибусѣ были заняты, а нѣкоторые даже стояли, держась за верхнія планки. Тѣ, у кого были корзины и узлы, взбирались на крышу. Подавленный смѣхъ слышался со всѣхъ сторонъ.

— Будь я индѣецъ, если мнѣ приходилось видѣть когда-нибудь въ жизни что-нибудь подобное, — шепталъ полковникъ Джэкъ.

Вошелъ торговецъ посудой.

— Силъ моихъ нѣтъ больше, — проговорилъ полковникъ Джэкъ. — Кучеръ, стой! Сидите, сидите, леди и джентльмены! Не тревожьтесь, за все уплачено. Кучеръ, катайте этихъ людей, пока у нихъ будетъ охота кататься. Это все наши пріятели, понимаете? Везите ихъ, куда они захотятъ, а если вамъ нужно будетъ еще заплатить, приходите въ гостиницу св. Николая и мы вамъ уплатимъ. Счастливаго пути, леди и джентльмены; катайтесь себѣ, сколько вамъ угодно. Это вамъ не будетъ стоить ни одного цента.

Оба друга вышли и полковникъ Джэкъ сказалъ:

— Джимми, тутъ самый общительный народъ, какой мнѣ когда-либо приходилось видѣть. Торговецъ посудой такъ же спокойно пробирался впередъ, какъ и всѣ. Если бы мы остались тамъ, мнѣ кажется, туда забрались бы даже и негры. Клянусь Георгомъ, намъ надо будетъ забаррикадировать дверь на ночь, иначе кто-нибудь изъ нихъ непремѣнно заберется къ намъ въ спальню.

II.

Кто-то сказалъ, что для того, чтобы составить себѣ ясное понятіе объ извѣстномъ кругѣ общества, надо побывать на похоронахъ и узнать, какихъ людей оно погребаетъ съ наибольшимъ почетомъ. Я не могу утвердительно сказать, какихъ людей мы хоронили съ наибольшимъ блескомъ въ тѣ счастливыя времена,—выдающихся общественныхъ дѣятелей или же людей, прославившихся своей буйной жизнью,—возможно, впрочемъ, что къ какой бы категоріи ни принадлежалъ умершій, каждая одинаково торжественно чествовала усопшую знаменитость; изъ этого можно вывести заключеніе, что философу, слова котораго я привелъ выше, слѣдовало бы видѣть двое особенно торжественныхъ похоронъ въ Виргиніи для того, чтобы составить ясное понятіе о мѣстномъ населеніи.

Смерть Бэка Фэншау была великимъ событіемъ. Онъ былъ депутатомъ. Онъ „убилъ человѣка“ и не во время ссоры, надо замѣтить, а защищая какого-то иностранца, на котораго напало нѣсколько человѣкъ. Онъ былъ владѣльцемъ великолѣпнаго салона. Онъ былъ счастливымъ обладателемъ очаровательной помощницы-супруги, съ которой онъ могъ разстаться безъ формальнаго развода. Онъ игралъ видную роль въ пожарномъ обществѣ, а въ политикѣ былъ настоящимъ Варвикомъ. Когда онъ умеръ, въ городѣ былъ великій плачъ, особенно въ низшихъ слояхъ общества.

Слѣдствіе установило, что Бэкъ Фэншау въ припадкѣ бѣлой горячки принялъ мышьяку, всадилъ самъ въ себя пулю, перерѣзалъ себѣ горло, выпрыгнулъ изъ окна съ четвертаго этажа и сломалъ себѣ шею,—и судьи, по зрѣломъ обсужденіи обстоятельствъ дѣла, хотя и съ грустью и со слезами на глазахъ, но съ твердымъ сознаніемъ лежащаго на нихъ долга, вынесли вердиктъ „волею Божіею скончался“. Какъ бы сталъ существовать свѣтъ безъ такихъ присяжныхъ?

Къ похоронамъ дѣлались торжественныя приготовленія. Всѣ, какіе имѣлись въ городѣ экипажи, были разобраны, всѣ зданія облеклись въ трауръ, всѣ городскіе и пожарные флаги были

спущены наполовину, всѣмъ пожарнымъ приказано было явиться въ парадной формѣ, съ задрапированными чернымъ пожарными трубами. Тутъ позволимъ себѣ замѣтить, между прочимъ, что въ царство серебра стекались авантюристы всѣхъ націй, и всѣ они привезли каждый свой уличный жаргонъ, благодаря чему жаргонъ Невады сдѣлался самымъ богатѣйшимъ въ цѣломъ свѣтѣ, по обилію образныхъ выраженій, за исключеніемъ развѣ жаргона на калифорнскихъ рудникахъ, да и то въ прежнія времена. Этотъ жаргонъ былъ во всеобщемъ употребленіи въ Невадѣ. Безъ него не могъ обойтись даже проповѣдникъ, если хотѣлъ, чтобы слушатели его понимали. Такія фразы, какъ „бьюсь объ закладъ", „никакъ не возьму себѣ въ толкъ", „долой ирландцевъ къ чорту", и сотня другихъ подобныхъ этимъ выраженій стали настолько общеупотребительными, что то и дѣло срывались съ устъ въ разговорѣ и очень часто безъ всякаго отношенія къ предмету разговора.

По окончаніи слѣдствія о причинахъ смерти Бэка Фэншау собрался митингъ стриженаго братства, потому что на побережьѣ Тихаго океана при всякомъ удобномъ случаѣ собирался митингъ и говорились рѣчи. На этомъ митингѣ была постановлена резолюція, выражавшая сожалѣніе о понесенной утратѣ, и выбрано нѣсколько уполномоченныхъ, между прочимъ одного уполномоченнаго отправили депутатомъ къ пастору, симпатичному, умному, но хрупкому и нѣжному, точно только что оперившійся птенчикъ, питомцу восточной семинаріи и къ тому же совсѣмъ еще незнакомому съ пріисковымъ людомъ. Депутатъ Скотти Бриггъ отправился къ пастору, который потомъ долго разсказывалъ объ этомъ посѣщеніи. Скотти былъ рослый мужчина и въ торжественныхъ случаяхъ, подобно возложенному на него порученію, облачался въ парадную форму: на немъ была надѣта горѣвшая, какъ жаръ, каска, огненно красная фланелевая рубашка, патентованный кожаный поясъ, съ прицѣпленнымъ къ нему гаечнымъ ключомъ и револьверомъ; составлявшая необходимую принадлежность формы куртка была перекинута черезъ руку, а панталоны заправлены въ высокіе сапоги. Онъ представлялъ собою рѣзкую противоположность съ блѣднымъ студентомъ богословомъ. Тутъ, между прочимъ, надо замѣтить, что у Скотти было горячее сердце и что онъ искренно любилъ своихъ друзей и никогда не затѣвалъ ссоры, если могъ избѣжать ея. И въ самомъ дѣлѣ всѣ говорили, что если бы допросить любого изъ тѣхъ, съ кѣмъ сражался Скотти, оказалось бы, что послѣдній не былъ зачинщикомъ ссоры, а лишь помогалъ по своей сердечной добротѣ слабѣйшей сторонѣ. Съ Бэкомъ Фэншау они были старинные друзья и, во время своихъ

странствованій въ поискахъ богатства, не разъ голодали вмѣстѣ. Одинъ разъ съ ними былъ такой случай; они вступились за чужестранцевъ, которымъ приходилось плохо, и передъ битвой сбросили съ себя куртки, но когда вернулись за ними послѣ тяжело доставшейся имъ побѣды, оказалось, что чужестранцы не только убѣжали съ поля битвы, но и украли еще ихъ куртки. Но вернемся къ посѣщенію депутатомъ Скотти пастора. На него возложили тяжелую миссію, и на его лицѣ читалось глубокое горе. Принятый пасторомъ онъ сѣлъ напротивъ, поставилъ свою блестящую каску на незаконченную рукописную проповѣдь, лежавшую передъ пасторомъ, досталъ красный шелковый платокъ, нахмурилъ лобъ и тяжело вздохнулъ, какъ бы давая понять, какого рода дѣло привело его сюда. Онъ задыхался отъ волненія, и даже на глазахъ у него выступили слезы; затѣмъ, овладѣвъ собой, онъ проговорилъ мрачнымъ тономъ:

— Вы тотъ самый селезень, который крякаетъ тутъ по сосѣдству на церковной мельницѣ?

— Вы спрашиваете, кто я?.. Извините, я васъ не понимаю.

Скотти испустилъ глубокій вздохъ и со слезами въ голосѣ пояснилъ:

— Видите ли, у насъ тутъ вышелъ такой случай, и наши думаютъ, что вы, можетъ-быть, поможете намъ выкарабкаться изъ затрудненія, если мы прихватимъ васъ, т.-е. если я сумѣю это сдѣлать, и если вы въ самомъ дѣлѣ служите главнымъ приказчикомъ по божественнымъ дѣламъ.

— Я—словесный пасторъ стада, собирающагося въ ближайшую ограду.

— Въ какую?

— Я—духовный наставникъ маленькой общины вѣрующихъ, живущихъ въ ближайшихъ къ этому храму домахъ.

Скотти почесалъ голову, подумалъ съ минуту, а потомъ сказалъ:

— Вы сами поймали меня, падре, а я думалъ, что вы протянете намъ руку помощи. А по-моему, чѣмъ ломаться, лучше выложить все сразу.

— Что такое? Извините, но я, право, никакъ не могу понять, что вы хотите сказать!

— Ну, вы, должно-быть, хитрѣе меня. А, можетъ-быть, тутъ просто дока на доку нашелъ. Впрочемъ, я не сержусь на васъ, не сердитесь и вы на меня. Видите ли, одного изъ нашихъ молодцовъ списали со счета, и мы хотѣли проводить его какъ можно лучше... Ну, теперь все дѣло въ томъ, что намъ нужно,

чтобы кто-нибудь хорошенько потрезвонилъ что-нибудь такое забористое.

— Другъ мой, я положительно ничего не понимаю изъ того, что вы мнѣ говорите. Не можете ли вы разсказать мнѣ все это какъ-нибудь проще? Сперва мнѣ казалось, что я, можетъ-быть, пойму васъ, но теперь долженъ отказаться отъ этой надежды. Можетъ-быть, я скорѣе пойму васъ, если вы ограничитесь категорическимъ изложенiемъ факта, не употребляя метафоръ и аллегорiй?

Наступила новая еще болѣе продолжительная пауза. Затѣмъ Скотти сказалъ:

— Мнѣ должно-быть придется уйти ни съ чѣмъ.

— Почему?

— Вы объѣхали меня, падре

— Положительно не могу понять, что должны означать всѣ эти слова.

— Ужъ очень вы сдѣлали мудреный ходъ—вотъ, что это значитъ, а у меня, какъ на грѣхъ, нѣтъ козырей, чтобы побить вашу карту.

Удивленный пасторъ откинулся на спинку кресла. Скотти подперъ голову рукой и погрузился въ размышленiе; но затѣмъ его попрежнему печальное лицо приняло спокойное выраженiе.

— Теперь я придумалъ, вы меня сразу поймете, — сказалъ онъ;—намъ нуженъ хорошiй говорунъ. Понимаете?

— Что такое?

— Хорошiй говорунъ. Пасторъ.

— Отчего же вы не сказали этого съ самаго начала? Да, я служитель алтаря—пасторъ.

— Ну, вотъ теперь и вы заговорили! Вы увидали, что я человѣкъ темный, и осѣдлали меня. Ну, значитъ, по рукамъ!— Онъ протянулъ загорѣлую руку, схватилъ маленькую руку пастора и пожалъ ее въ знакъ братской симпатiи и горячей благодарности.

— Ну, теперь все благополучно, старина. Теперь мы живо столкуемся. Надѣюсь, вы не будете на меня сердиться... Видите ли, у насъ вышло маленькое недоразумѣнiе... Одинъ изъ нашихъ молодцовъ поплылъ вверхъ...

— Поплылъ вверхъ?

— Да... Онъ, понимаете ли, снялся съ якоря...

— Снялся съ якоря?

— Да... И взвился туда... кверху.

— А! Теперь понялъ... Онъ отправился въ ту таинственную страну, откуда уже нѣтъ возврата?

— Возврата! Какой ужъ возвратъ оттуда... Онъ умеръ, падре!

— Да; я такъ и понялъ ваши слова.

— А, вы меня поняли? Ну, а я думалъ, что это васъ только еще больше запутаетъ. Онъ, видите ли, теперь начисто умеръ...

— Начисто умеръ? Развѣ онъ уже умиралъ когда-нибудь раньше?

— Умиралъ раньше? Нѣтъ! Неужели вы думаете, что человѣкъ такъ же живучъ, какъ кошка? Нѣтъ, клянусь вамъ всѣми святыми, что онъ теперь совсѣмъ умеръ, бѣдняга, и я бы желалъ никогда не видать этого дня. Лучшаго друга, какъ Бэкъ Фэншау, и придумать нельзя. Я зналъ про него всю подноготную, а когда я узнаю человѣка такъ, какъ я узналъ его, я прилипаю къ нему, понимаете? Сколько бы вы ни искали, падре, а другого такого спекулянта вамъ бы не найти на всѣхъ шахтахъ. Никто не можетъ сказать, чтобы Бэкъ Феншау нападалъ когда сзади. Но теперь все кончено, все кончено. Его уже больше нѣтъ. Она его вычерпала до дна.

— Вычерпала до дна?

— Ну, да; смерть вычерпала его. Ну, да что толковать объ этомъ... Не стоитъ... Тяжело-таки жить на свѣтѣ, не правда ли? А и заносистый онъ былъ человѣкъ, падре! Вотъ бы вы посмотрѣли, какимъ онъ становился, когда его задѣнутъ за живое! Онъ былъ смѣльчакъ, а глаза такъ и горѣли! Попробуйте плюнуть ему въ лицо и дайте ему свободу, а потомъ посмотрите, какъ онъ весь загорится... Ужъ и ловкій же онъ былъ, бестія... Минута—и ужъ на немъ! Онъ не уступалъ ни одному индѣйцу.

— Индѣйцу? Въ чемъ?

— Въ стрѣльбѣ. Въ рукопашной схваткѣ. Въ битвѣ, понимаете. Никому не удавалось заставить его растянуться плашмя... Простите, пріятель, я, кажется, немножко зарапортовался; но это, видите ли, оттого, что мнѣ большого труда стоитъ выражаться помягче... Ну, довольно толковать объ этомъ,—пользы это все равно не принесетъ никакой... Теперь все дѣло въ томъ, чтобы вы помогли намъ законопатить его...

— Произнести надгробное слово? Присутствовать при его погребеніи?

— Погребеніе? Хорошо сказано. Да. Именно присутствовать при погребеніи—въ этомъ вся и штука. Мы хотимъ устроить такъ, чтобы всѣмъ въ носъ ударило. Онъ любилъ пожить, и потому похороны должны быть хорошія... Прочная серебряная доска на гробовой крышкѣ, шесть султановъ на катафалкъ и на козлахъ негръ въ желтой курткѣ и въ шляпѣ, хорошо это будетъ? Мы позаботимся и о васъ, падре. Мы будемъ во всѣ

глаза смотрѣть на васъ. Для васъ будетъ экипажъ; и, если вы пожелаете выйти изъ экипажа, мы остановимъ его. Мы раздобыли и насѣсть, чтобы вы могли стоять на немъ. Мы устроили все отлично, идите смѣло и трубите въ свой рожокъ. Распишите Бэка хорошенько, да не забудьте про его храбрость, потому что всѣ, кто только зналъ его, скажутъ вамъ, что онъ былъ самый безпорочный изъ всѣхъ людей, какіе только бывали у насъ на пріискахъ. Какъ бы вы его ни хвалили, не бойтесь пересолить. Онъ никогда не допускалъ несправедливости. Онъ сдѣлалъ больше всѣхъ для того, чтобъ у насъ жилось тихо и спокойно. Я самъ видѣлъ, какъ онъ проглотилъ четырехъ жирныхъ скотовъ въ какія-нибудь одиннадцать минутъ. Если бывало нужно что-нибудь устроить, онъ самъ сейчасъ же бросался куда надо, а не ждалъ, чтобъ это сдѣлалъ кто-нибудь другой. Онъ не былъ католикомъ, навѣрное даже нѣтъ. Онъ даже не любилъ ихъ. Онъ постоянно говорилъ: „Долой ирландцевъ“. Но онъ не дѣлалъ различія, когда дѣло касалось нарушенія чьихъ-нибудь правъ... Когда какіе-то бездѣльники вздумали было забраться туда, гдѣ складываютъ свои кости католики, и начали вытаскивать колья изъ ограды, онъ сейчасъ же вступился за обиженныхъ! И расчистилъ же онъ ихъ! Я самъ тамъ былъ, падре, и видѣлъ это.

— Это и въ самомъ дѣлѣ было очень хорошо... По крайней мѣрѣ, намѣреніе было хорошее... было ли это актомъ защитительнымъ или нѣтъ. Имѣлъ ли покойный какія-нибудь религіозныя убѣжденія? Чувствовалъ ли онъ себя въ зависимости отъ высшей власти или признавалъ ли, по крайней мѣрѣ, ея вліяніе?

Депутатъ снова призадумался.

— Вы меня опять приперли къ стѣнѣ, падре. Не можете ли вы повторить это еще разъ и сказать это не такъ мудрено?

— Хорошо, я постараюсь выразиться проще: принадлежалъ ли онъ какой-нибудь конгрегаціи, чуждой свѣтскихъ интересовъ и посвятившей себя всецѣло дѣламъ нравственности и благочестія?

— Опять у него девятка; мечите снова, падре.

— Какъ понять ваши слова?

— Ну, это выходитъ, что вы говорите слишкомъ мудрено для меня. Какъ только вы чуть вильнете въ сторону, я и готовъ—сѣлъ на мель. Вамъ стоитъ только закинуть удочку, и рыбка поймана; а мнѣ все нѣтъ удачи. Тасуйте карты и сдавайте снова.

— Какъ? Сдавать снова?

— Ну, да.

— Понимаю. А что онъ былъ хорошимъ человѣкомъ и...

— Вотъ теперь и я понимаю! Подождите минутку, пока я посмотрю, что у меня на рукахъ. Вы спрашиваете, хорошій ли онъ былъ человѣкъ? Такой хорошій, что и сказать нельзя. Лучше этого человѣка не было и не будетъ, падре... Вы бы до безумія полюбили этого человѣка. Онъ могъ бы изувѣчить любого силача въ Америкѣ. Ему удалось усмирить бунтъ во время послѣднихъ выборовъ раньше, чѣмъ дѣло успѣло разыграться, и тогда всѣ говорили, что онъ былъ единственный человѣкъ, который могъ сдѣлать это. Онъ дѣйствовалъ, держа гаечный ключъ въ одной рукѣ, а трубку въ другой и меньше, чѣмъ черезъ три минуты четырнадцать человѣкъ лежали на спинѣ. Онъ усмирилъ бунтовщиковъ и такъ ловко дѣйствовалъ, что ему самому не нанесли ни одного удара. Онъ всегда стоялъ за миръ и умѣлъ поддержать тишину, потому что онъ не выносилъ смутъ. Его смерть—великая потеря для города, падре. Нашимъ всѣмъ очень понравилось бы, если бы вы могли сказать что-нибудь подобное и отдать ему справедливость. Когда тутъ одинъ разъ ирландцы стали бросать камни въ окна методистской воскресной школы, Бэкъ Фэншау, по своему собственному побужденію, заперъ свой салонъ, взялъ парочку шестиствольныхъ револьверовъ и сталъ на стражу у дверей воскресной школы. Онъ сказалъ: „Долой ирландцевъ!“ И они не осмѣлились подойти. Онъ былъ самый храбрый человѣкъ въ горахъ, падре! Во всѣхъ семнадцати графствахъ никто не могъ бѣгать быстрѣе, прыгать выше, бить сильнѣе и выпивать столько виски за разъ, не проливая ни капли, какъ онъ. Вставьте и это, падре; это понравится нашимъ больше, чѣмъ все, что вы могли бы сказать. Потомъ вы можете еще сказать, падре, что онъ никогда не билъ своей матери.

— Никогда не билъ своей матери?

— Именно; многіе могутъ вамъ это подтвердить.

— Хорошо, но зачѣмъ сталъ бы онъ бить ее?

— Вотъ и я то же говорю... Ну, а есть такіе, что бьютъ.

— Но такіе люди, навѣрное, не пользуются уваженіемъ.

— Какъ вамъ сказать...

— По-моему, человѣкъ, позволившій себѣ неуважительно относиться къ своей матери, долженъ...

— Не угадалъ, падре... Я хотѣлъ сказать, что онъ никогда не бросалъ свою мать; понимаете? Онъ далъ ей домъ для житья и далъ много денегъ; онъ заботился о ней все время; а когда она лежала въ оспѣ, кто же какъ ни онъ, чортъ возьми, просиживалъ у нея ночи напролетъ и ухаживалъ за ней! Прошу прощенія, но это такъ ужъ сорвалось у меня съ языка. Вы

обошлись со мной какъ джентльменъ, падре, а я не такой человѣкъ, чтобъ оскорблять умышленно ваши чувства. Я думаю, что вы непорочны . Я думаю, что вы честный человѣкъ, падре... Я полюбилъ васъ и отколочу всякаго, кто васъ не полюбитъ... Я буду колотить его до тѣхъ поръ, что онъ самъ себя не узнаетъ. Ну, по рукамъ! (Новое крѣпкое рукопожатіе, и онъ ушелъ).

Въ надгробномъ словѣ было все, чего только могли пожелать пріятели депутата. Такихъ удивительно торжественныхъ похоронъ никогда не видали въ Виргиніи. Украшенный султанами катафалкъ, оркестръ духовой музыки, закрытые магазины, спущенные до половины флаги, безконечно длинная, медленно тянущаяся процессія разныхъ обществъ, воинскіе отряды и пожарныя команды, задрапированныя чернымъ пожарныя трубы, экипажи съ должностными лицами, граждане въ экипажахъ и пѣшіе собрали великое множество зрителей на улицахъ, на крышахъ домовъ, у оконъ; и много, много лѣтъ спустя, степень торжественности какого-нибудь зрѣлища сравнивалась съ похоронами Бэка Фэншау.

Скотти-Бриггъ, въ качествѣ близкаго друга покойника, поддерживавшаго конецъ покрова, игралъ видную роль въ печальной церемоніи. Когда послѣ проповѣди пасторъ прочелъ молитву объ упокоеніи души усопшаго, Скотти тихо, но съ чувствомъ произнесъ:

— Аминь. Долой ирландцевъ!

Послѣдняя фраза не имѣла собственно никакого отношенія къ обряду погребенія и, по всей вѣроятности, это была дань памяти усопшаго друга; потому что, по словамъ Скотти, это было любимое выраженіе Бэка.

Впослѣдствіи Скотти-Бриггъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сыновъ церкви, какихъ когда-либо приходилось видѣть въ Виргиніи. Но эта перемѣна въ немъ не уменьшила ни его великодушія ни его мужества; напротивъ, придала разумное направленіе одному и открыла широкое поле другому. Что же удивительнаго послѣ этого въ томъ, что въ его классѣ въ воскресной школѣ дѣла шли лучше, чѣмъ у другихъ? Онъ говорилъ со своими учениками на языкѣ, одинаково понятномъ всѣмъ имъ. Мнѣ посчастливилось слышать, какъ онъ за мѣсяцъ до своей смерти разсказывалъ, не „справляясь съ книгою“, прекрасную исторію Іосифа и его братьевъ. Предоставляю читателю самому судить, что это былъ за разсказъ, щедро приправленный самыми забористыми словечками жаргона, сыпавшимися изъ устъ важнаго, серьезнаго учителя; а между тѣмъ его маленькіе ученики слушали его со всепоглощающимъ

интересомъ, который показывалъ, что они тоже не сознавали, что такой языкъ не годится для разсказа изъ священной исторіи.

III.

Первыя двадцать шесть могилъ на кладбищѣ въ Виргиніи были заняты убитыми. Такъ всѣ говорили, всѣ этому вѣрили и такъ всегда будутъ говорить и вѣрить. Причина, почему совершилось столько убійствъ въ самомъ началѣ, заключалась въ томъ, что въ новомъ пріисковомъ районѣ преобладаетъ бурный элементъ, и тамъ внушаетъ почтеніе къ себѣ только тотъ человѣкъ, который убилъ кого-нибудь. Это было тамъ общеупотребительное выраженіе.

Если прибывалъ новый, никому неизвѣстный субъектъ, о немъ не справлялись, способный ли онъ, честный ли онъ, образованный человѣкъ, а только спрашивали, убилъ ли онъ кого-нибудь? Если нѣтъ, онъ падалъ въ общественномъ мнѣніи, и на него смотрѣли какъ на человѣка, не заслуживающаго никакого вниманія; если же да, то степень радушія согласовалась съ числомъ убитыхъ имъ. Съ необагренными кровью руками трудно было занять видное положеніе въ обществѣ, но если являлся человѣкъ, у котораго на совѣсти лежало душъ шесть убитыхъ, его значеніе сразу всѣми признавалось и всѣ искали знакомства съ нимъ.

Одно время въ Невадѣ адвокатъ, издатель газеты, банкиръ, атаманъ шайки разбойниковъ, шулеръ и содержатель салона занимали одинаковое положеніе въ обществѣ, т.-е. высшее. Самый дешевый и мелкій способъ сдѣлаться вліятельнымъ человѣкомъ, къ которому общество относилось бы съ уваженіемъ, заключался въ томъ, чтобы стоять за прилавкомъ, имѣть брильянтовыя запонки и такую же булавку въ галстукѣ и продавать виски. Я не ошибусь, думается мнѣ, если скажу, что содержатель салона занималъ самое видное положеніе среди другихъ членовъ общества. Его мнѣніе имѣло вѣсъ. Онъ почти навѣрное могъ сказать заранѣе, какъ пройдутъ выборы. Ни одно важное событіе не могло совершиться безъ поддержки содержателей салоновъ. Если глава самаго крупнаго салона соглашался занять какую-нибудь выборную должность—это считалось знакомъ благоволенія съ его стороны. Всѣ самыя честолюбивыя мечты сводились къ тому, чтобы сдѣлаться владѣльцемъ такого салона.

Быть содержателемъ салона и убить человѣка—значило стать знаменитостью. Поэтому читатель не удивится, конечно,

узнавъ, что не одинъ человѣкъ былъ убитъ въ Невадѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ будто бы самъ затѣвалъ ссору,—съ такимъ нетерпѣніемъ убійцѣ хотѣлось заслужить репутацію уважаемой личности въ своемъ кругу. Я зналъ двухъ юношей, которые пытались убить человѣка безъ всякаго къ тому повода, но вмѣсто того сами оказались убитыми. Слова: „Вотъ идетъ человѣкъ, который убилъ Билля Эдэмса“, были самой высокой похвалой и звучали въ ушахъ такого рода людей несравненно пріятнѣе, чѣмъ похвальныя рѣчи, какія могли бы произнести восторженныя уста.

Люди, которые убили первыхъ двадцать шесть человѣкъ, похороненныхъ на кладбищѣ, остались безнаказанными. Почему? Потому, что Альфредъ Великій, учреждая судъ присяжныхъ и зная, что это было лучшей мѣрой, чтобъ обезпечить отправленіе правосудія въ его время, не зналъ, что въ девятнадцатомъ столѣтіи условія измѣнятся настолько, что если бы онъ всталъ изъ могилы, ему пришлось бы придумывать новый порядокъ судопроизводства. Могъ ли онъ думать въ то время, что мы будемъ держаться того же порядка даже и тогда, когда обстоятельства измѣнятся настолько, что порядокъ этотъ нельзя уже будетъ считать желательнымъ и полезнымъ, какъ не могъ, навѣрное, думать, что мы, простаки, будемъ продолжать измѣрять время продолжительностью горѣнія свѣчи послѣ того, какъ изобрѣли хронометры? Въ его время новости не могли распространяться быстро, а потому тогда легко было выбрать въ присяжные надежныхъ людей, ничего не знавшихъ объ обстоятельствахъ дѣла, которое имъ предстояло разбирать; но въ наше время, благодаря телеграфамъ и газетамъ, приходится выбирать въ присяжные дураковъ и мошенниковъ, потому что установленныя имъ правила исключаютъ возможность избраніе людей честныхъ и умныхъ.

Я помню одинъ такой печальный случай, разыгравшійся въ Виргиніи и который мы называли судомъ присяжныхъ. Одинъ знаменитый разбойникъ (десперадо, какъ ихъ называютъ у насъ) убилъ мистера Б... добраго гражданина самымъ легкомысленнымъ и хладнокровнымъ образомъ. По обыкновенію, газеты были переполнены подробностями объ этомъ событіи, и всѣ, кто только умѣлъ читать, читали, конечно, объ этомъ и, какъ обыкновенно, всѣ, кто не былъ глухъ или нѣмъ или глупъ, толковали объ этомъ событіи. Составили списокъ присяжныхъ, и вотъ мистера Б. Л., выдающагося банкира и почтеннаго гражданина, стали допрашивать, какъ допрашиваютъ всѣхъ присяжныхъ въ судахъ въ Америкѣ:

— Слышали вы объ этомъ убійствѣ?

— Да.
— Разговаривали вы съ кѣмъ-нибудь по этому поводу?
— Да.
— Составили вы себѣ опредѣленное мнѣніе?
— Да.
— Читали ли вы объ этомъ дѣлѣ въ газетахъ?
— Да.
— Вы намъ больше не нужны.

Затѣмъ точно такимъ же порядкомъ были допрошены и отпущены всѣми уважаемый и почитаемый, умный и образованный пасторъ, извѣстный своей честностью и благородствомъ характера купецъ, умный, съ безупречной репутаціей управляющій рудникомъ и владѣлецъ прекрасно поставленной кварцевой мельницы. Всѣ они говорили, что людскіе толки и газетныя свѣдѣнія не могли имѣть на нихъ вліянія, и что они, принявъ присягу, вынесутъ справедливый приговоръ, руководствуясь только своей совѣстью и фактами судебнаго слѣдствія. Но такіе люди обыкновенно не пользуются довѣріемъ; только одни невѣжды и въ состояніи вынести справедливый приговоръ.

Когда такимъ образомъ были устранены всѣ достойные быть избранными, составился, наконецъ, комплектъ присяжныхъ изъ двѣнадцати человѣкъ, которые поклялись, что они никогда ничего не слыхали, не читали, не говорили и не высказывали своего мнѣнія объ убійствѣ, о которомъ зналъ даже весь скотъ въ корраляхъ, знали индѣйцы въ отдаленныхъ вигвамахъ, о которыхъ вопіяли камни на улицахъ. Комплектъ присяжныхъ состоялъ изъ двухъ десперадосовъ (разбойниковъ), двухъ завсегдатаевъ пивныхъ, троихъ кабатчиковъ, двухъ обитателей ранчо, не умѣвшихъ читать, и трехъ идіотски-глупыхъ двуногихъ ословъ. Впослѣдствіи оказалось, что одинъ изъ послѣднихъ былъ убѣжденъ, что кровосмѣшеніе и поджогъ—одно и то же.

Присяжные эти вынесли вердиктъ: „Нѣтъ. Не виновенъ". Чего же другого, впрочемъ, и можно было отъ нихъ ожидать?

Такая система избирать присяжныхъ отрицаетъ благоразуміе и честность и поощряетъ невѣжество, глупость и клятвопреступленіе. Стыдно намъ примѣнять недостойную систему только потому, что она была хороша тысячу лѣтъ тому назадъ. Въ нынѣшній вѣкъ, когда джентльменъ, занимающій видное общественное положеніе, умный и честный клянется, что онъ, помня данную клятву, не будетъ обращать вниманія ни на уличные толки ни на газетныя статьи, такой человѣкъ стоитъ ста присяжныхъ, которые будутъ клятвенно

признаваться въ своемъ собственномъ невѣжествѣ и глупости, и правосудіе было бы гораздо болѣе обезпечено въ его рукахъ, чѣмъ въ ихъ. Неужели нельзя измѣнить законъ такъ, чтобы дать умнымъ и честнымъ людямъ одинаковыя права съ глупцами и негодяями? Развѣ это справедливо отдавать предпочтеніе одному классу людей и признавать неспособнымъ другой—и это въ странѣ, которая хвалится тѣмъ, что всѣ ея граждане свободны и равны? Я имѣю право быть избраннымъ въ законодательное собраніе. Я хочу принимать участіе въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя. Я желаю, чтобы вся эта система была измѣнена такимъ образомъ, чтобы была открыта широкая дорога разуму и честности, чтобы въ рѣшеніи дѣлъ не принимали участія мошенники, идіоты и люди совсѣмъ неграмотные, но моя попытка добиться этого, я увѣренъ, потерпѣла бы полную неудачу.

Начиная эту главу, я имѣлъ въ виду сказать кое-что о разбойничьихъ продѣлкахъ десперадо въ Невадѣ въ тѣ счастливыя времена. Описывать это время и ничего не сказать о кровавой рѣзнѣ, это все равно, что описывать жизнь мормоновъ, ни словомъ не упоминая о многоженствѣ. Десперадо безбоязненно разгуливалъ по улицамъ, тѣмъ выше задирая голову, чѣмъ больше имъ совершено было убійствъ и, если онъ кивалъ кому-нибудь мимоходомъ головой, это дѣлало удостоеннаго такой чести счастливымъ на весь день. Десперадо, наиболѣе прославившійся своими кровавыми подвигами и имѣвшій свое частное кладбище, какъ тогда говорилось, пользовался особеннымъ уваженіемъ и его преимущество всѣми охотно признавалось. Когда онъ медленно шествовалъ по тротуару въ своемъ долгополомъ сюртукѣ, въ отлично вычищенныхъ сапогахъ съ тупыми носками и въ модной маленькой шляпѣ, надвинутой на лѣвый глазъ, всѣ встрѣчные почтительно разступались передъ такой великой особой; когда онъ входилъ въ ресторанъ, слуги покидали банкировъ и купцовъ и бросались къ нему, готовые исполнить каждое его желаніе; когда онъ грудью прокладывалъ себѣ дорогу чрезъ толпу, тѣ, кого онъ толкалъ, съ негодованіемъ обертывались, но, затѣмъ, узнавъ его, извинялись. Въ отвѣтъ они получали такой взглядъ, отъ котораго застывала кровь въ жилахъ, тогда какъ стоявшій за прилавкомъ завитой барашкомъ буфетчикъ, съ громадной булавкой на груди, весь сіялъ горделивымъ сознаніемъ, что онъ можетъ похвастаться передъ другими пріятельскими отношеніями съ такой знаменитостью.

— Какъ поживаете, Билли? Очень радъ видѣть васъ, дружище. Чѣмъ прикажете попотчевать васъ?.. Все того же?

Это „все того же“ означало любимый напитокъ десперадо.

Среди населенія Невады наибольшей популярностью пользовались имена именно такихъ длиннополыхъ героевъ револьвера. Ораторы, губернаторъ, крупные капиталисты и предсѣдатели судебныхъ установленій тоже пользовались до извѣстной степени извѣстностью; но эта извѣстность была ничто въ сравненіи съ извѣстностью такихъ людей, какъ Сэмъ Браунъ, Джекъ Уильямсъ, Билли Мэлигэнъ, фермеръ Пизъ, Шугарфутъ Мэйкъ, Рябой Джэкъ, Эльдорадскій Джонни, Джэкъ Мэкъ-Нэббъ, Джо Мэкъ-Джи, Джэкъ Гаррисъ, Шестипалый Пэтъ, и т. д. и т. д. Всѣ они были люди храбрые и съ удивительной беззаботностью готовы были каждую минуту поставить свою жизнь на карту.

Надо отдать имъ справедливость, впрочемъ, они совершали свои убійства преимущественно въ своей средѣ, такъ сказать, и рѣдко обижали мирныхъ гражданъ, потому что не видѣли особенной заслуги для себя въ томъ, чтобы прибавить къ своимъ трофеямъ такую пустяковину, какъ смерть человѣка, который даже и стрѣлять не умѣлъ, какъ слѣдуетъ. Они убивали другъ друга изъ-за самаго пустяшнаго оскорбленія и надѣялись и ждали, что и ихъ самихъ тоже убьютъ, потому что они считали почти постыднымъ умереть иначе, какъ „въ сапогахъ“, какъ они выражались.

Мнѣ припомнился одинъ такой случай презрительнаго отношенія десперадо къ такой мелкой дичи, какъ жизнь мирнаго гражданина. Однажды я ужиналъ поздно вечеромъ въ ресторанѣ съ двумя репортерами и однимъ маленькаго роста типографщикомъ, котораго звали, положимъ, Браунъ, потому что не все ли равно, какъ бы его ни звали? Спустя немного времени въ залу вошелъ какой-то незнакомецъ въ длиннополомъ сюртукѣ и, не замѣчая шляпы Брауна, лежавшей на креслѣ, сѣлъ на нее. Браунъ вскочилъ и накинулся на незнакомца. Тотъ улыбнулся, разгладилъ шляпу и, подавая ее Брауну, разсыпался въ извиненіяхъ и насмѣшливо умолялъ пощадить его. Браунъ сбросилъ съ себя сюртукъ и, обвиняя незнакомца въ трусости, отважно вызывалъ его на бой. Незнакомецъ прикинулся испуганнымъ и, улыбаясь, умолялъ насъ защитить его; затѣмъ лицо у него вдругъ стало серьезное, и онъ уже совершенно другимъ тономъ сказалъ:

— Джентльмены, разъ со мной хотятъ непремѣнно драться, мнѣ придется исполнить это желаніе; но я считаю долгомъ предупредить васъ, насколько это опасно, чтобы не было послѣ упрековъ. Я гораздо сильнѣе всѣхъ васъ и сейчасъ докажу вамъ это и, если мой новый другъ будетъ и послѣ этого все еще желать драки, я исполню его желаніе.

Столъ, за которымъ мы сидѣли, имѣлъ около пяти футовъ въ длину и былъ очень тяжелъ и массивенъ. Незнакомецъ попросилъ насъ придержать руками блюда; одно изъ этихъ блюдъ было широкое, овальное, и на немъ лежалъ большой кусокъ жаркого. Затѣмъ онъ сѣлъ, приподнялъ одну сторону стола, поставилъ обѣ ножки себѣ на колѣни, уцѣпился зубами за край стола, отнялъ руки и сталъ тянуть зубами столъ книзу до тѣхъ поръ, пока столъ не принялъ горизонтальное положеніе. Онъ сказалъ, что могъ бы поднять зубами боченокъ съ гвоздями. Онъ взялъ обыкновенный стеклянный бокалъ и выкусилъ изъ него полукруглый кусокъ. Затѣмъ онъ обнажилъ грудь и показалъ намъ цѣлую сѣть шрамовъ и рубцовъ—слѣды ранъ ножа и пуль, показалъ шрамы на рукахъ и на лицѣ и сказалъ, что въ тѣлѣ у него сидитъ столько пуль, что ихъ хватило бы, чтобъ отлить цѣлую свинцовую чушку. Онъ былъ вооруженъ съ головы до ногъ. Въ заключеніе онъ объявилъ, что онъ изъ Корибу, и при этомъ назвалъ хорошо извѣстное всѣмъ имя,—у насъ отъ страха душа въ пятки ушла. Мнѣ очень бы хотѣлось сказать, какъ его звали, но боюсь, что онъ придетъ и зарѣжетъ меня. Послѣ этого незнакомецъ спросилъ, продолжаетъ ли мистеръ Браунъ и теперь еще жаждать его крови. Браунъ въ ту же минуту отвѣтилъ, что ему не приходило въ голову ничего подобнаго, и предложилъ незнакомцу поужинать вмѣстѣ съ нами.

Съ разрѣшенія читателя я приведу въ слѣдующей главѣ нѣсколько примѣровъ изъ жизни нашей маленькой горной деревушки въ то давно минувшее время, когда процвѣтали десперадосы.

IV.

Слѣдующія выписки изъ газетъ дадутъ фотографически вѣрныя картины, не нуждающіяся ни въ какихъ прикрасахъ:

Ужасный смертный случай.—Вчера вечеромъ въ бильярдной, въ улицѣ С., произошла драка между депутатомъ Джэкомъ Уильямсомъ и Уильямомъ Брауномъ, результатомъ которой была смерть послѣдняго. Закончившееся такъ печально столкновеніе явилось слѣдствіемъ обостренія отношеній, ставшихъ враждебными уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Наряженное тотчасъ слѣдствіе установило слѣдующее:

Офицеръ Джоржъ Бэрдсоль подъ присягой показалъ: „Мнѣ сказали, что Уильямъ Браунъ пьянъ и пошелъ разыскивать Джэка Уильямса. Какъ только я услышалъ объ этомъ, я сейчасъ же отправился слѣдомъ за нимъ, чтобы предотвратить

столкновеніе. Я вошелъ въ бильярдную и увидѣлъ, что Билли Браунъ бѣгаетъ по комнатѣ и говоритъ, что если кто хочетъ быть свидѣтелемъ противъ него, пусть сначала подумаетъ хорошенько. Онъ говорилъ бурно, и офицеръ Перри отвелъ его на другой конецъ комнаты, чтобы поговорить съ нимъ. Браунъ не сталъ его слушать, подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ не хуже другихъ и сумѣетъ самъ о себѣ позаботиться; онъ прошелъ мимо меня въ буфетную, не знаю только, пилъ онъ тамъ или нѣтъ. Уильямсъ въ это время стоялъ у другого конца бильярда, ближе къ лѣстницѣ. Браунъ скоро вернулся изъ буфетной и опять повторилъ, что онъ не хуже другихъ; затѣмъ онъ направился къ первому отъ буфетной бильярду. Я пододвинулся поближе къ нимъ, такъ какъ боялся, что произойдетъ сраженіе. Когда Браунъ вынулъ свой пистолетъ, я хотѣлъ удержать его, но онъ успѣлъ выстрѣлить въ Уильямса, хотя я и не знаю, попалъ онъ или нѣтъ. Я дѣйствовалъ одной рукой, сначала я подтолкнулъ ему руку, а затѣмъ и вовсе отобралъ у него оружіе, но, кажется, онъ успѣлъ сдѣлать еще одинъ выстрѣлъ. Держа въ рукѣ отнятый у Брауна пистолетъ, я перешелъ къ другому концу бильярда и объявилъ, что у меня пистолетъ Брауна, и просилъ прекратить стрѣльбу. Я думаю, что всего было сдѣлано четыре выстрѣла. Мистеръ Фостеръ уходя замѣтилъ, что Браунъ убитъ наповалъ.

Четыре мѣсяца спустя въ той же газетѣ „Предпріятіе“ появилась нижеслѣдующая замѣтка, въ которой снова фигурировало имя депутата Джэка Уильямса:

Возмутительный случай грабежа. — Во вторникъ вечеромъ одинъ нѣмецъ, по имени Чарльзъ Гэртцель, инженеръ-механикъ на мельницѣ въ Серебряномъ городѣ, зашелъ въ увеселительный домъ въ улицѣ Б. Музыка, танцы и тевтонскія дѣвушки пробудили въ немъ воспоминаніе о „фатерландѣ“, и онъ скоро отдался охватившему его чувству веселья. У него, очевидно, были деньги, и онъ щедрою рукою тратилъ ихъ. Поздно вечеромъ Джэкъ Уильямсъ и Энди Блессингтонъ пригласили его сойти внизъ выпить чашку кофе. Уильямсъ предложилъ сыграть въ карты и пошелъ наверхъ поискать колоду картъ, но, должно-быть, не нашелъ картъ. На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ нѣмца и, пригрозивъ ему пистолетомъ, ударомъ кулака сбилъ его съ ногъ, а затѣмъ вытащилъ у него изъ кармана семьдесятъ долларовъ. Гэртцель не осмѣлился поднять тревогу, потому что они грозили размозжить ему голову, если онъ станетъ шумѣть и звать на помощь. Онъ до такой степени перепугался, что даже и потомъ не жаловался, пока его не

принудили къ этому его друзья. Вчера былъ отданъ приказъ объ арестѣ, но преступники успѣли уже скрыться.

Этотъ Джэкъ Уильямсъ принадлежалъ къ числу наиболѣе уважаемыхъ гражданъ и въ то же время славился, какъ самый отчаянный грабитель и разбойникъ. Про него разсказывали, что онъ не разъ съ револьверомъ въ рукахъ нападалъ ночью на мирныхъ гражданъ и бралъ съ нихъ денежныя контрибуціи.

Пять мѣсяцевъ спустя, появилось извѣстіе, что Уильямсъ убитъ въ то время, когда онъ сидѣлъ за карточнымъ столомъ: убійца просунулъ дуло ружья въ щель въ двери, и сраженный пулей Уильямсъ упалъ съ кресла. У насъ тогда разсказывали, что Уильямсъ еще задолго до смерти зналъ, что одна партія такихъ же, какъ онъ десперадо, поклялась убить его; кромѣ того, всѣ въ городѣ пророчили, что друзья и враги Уильямса сдѣлаютъ смерть его событіемъ достопамятнымъ, взаимно истребляя другъ друга *).

Пророчество это не подтвердилось, хотя въ теченіе слѣдующихъ сутокъ и произошло не мало интересныхъ событій: за это время была убита одна женщина выстрѣломъ изъ револьвера, одному мужчинѣ пращей размозжили голову и, наконецъ, изъяли изъ обращенія нѣкоего субъекта, по имени Ридеръ.

Статьи въ газетѣ „Предпріятіе“ относительно убійства Ридера не заслуживаютъ вниманія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается судебнаго персонала въ Виргиніи. Слѣдующій за симъ разсказъ объ этомъ событіи принадлежитъ мнѣ:

„Опять рѣзня и выстрѣлы. Въ нашемъ городѣ чортъ, кажется, опять сорвался съ цѣпи. На нашихъ улицахъ снова, какъ и въ прежнія времена, раздаются ружейные и пистолетные выстрѣлы и сверкаютъ ножи. Когда тишина и спокойствіе царятъ долгое время, люди не особенно спѣшатъ обагрять свои руки въ крови; но разъ кровь пролита, рѣзня и выстрѣлы слѣдуютъ безпрерывно. Третьяго дня ночью былъ убитъ Джэкъ Уильямсъ, а вчера около полудня совершилось еще одно кровавое дѣло, возникшее изъ убійства Уильямса и совершонное на той же самой улицѣ, гдѣ онъ нашелъ себѣ смерть. Началось дѣло съ того, что Томъ Ридэръ, другъ Уильямса, разговаривая съ Джоржели Гумбертомъ, въ мясной лавкѣ послѣдняго, объ убійствѣ Уильямса въ предыдущую ночь,

---

*) Десперадо утверждали, что душой заговора и убійцей Уильямса былъ одинъ изъ собратій Джо-Мэкъ-Дэси — полицейскій, котораго потомъ убили точно такимъ же образомъ.

между прочимъ, сказалъ, что по его мнѣнію, очень постыдно убивать такимъ образомъ человѣка, не пославъ ему предупрежденія. На это Гумбертъ возразилъ, что Уильямсъ получилъ такое же предостереженіе, какое онъ самъ далъ Билли Брауну, подразумѣвая человѣка, убитаго Уильямсомъ въ мартѣ. Ридеръ сказалъ, что это гнусная ложь, и что Уильямсу вовсе не дѣлали предостереженія. Тутъ Гумбертъ выхватилъ ножъ и ударилъ Ридера два раза въ спину. Въ первый разъ онъ разрѣзалъ у Ридера рукавъ сюртука, а затѣмъ ножъ скользнулъ книзу и, разрѣзавъ сюртукъ, слегка оцарапалъ спину; второй ударъ былъ сильнѣе и причинилъ болѣе опасную рану. Гумбертъ самъ отдалъ себя въ руки правосудія и вскорѣ послѣ того былъ отпущенъ судьей на поруки на его личную отвѣтственность съ тѣмъ, чтобъ онъ явился въ судъ въ шесть часовъ вечера. Тѣмъ временемъ Ридера отправили въ лѣчебницу доктора Оуэнса, гдѣ ему сдѣлали перевязку. Одна изъ его ранъ была признана очень опасной, и думали даже, что она будетъ имѣть роковыя послѣдствія. Но находившійся подъ вліяніемъ спиртныхъ напитковъ Ридеръ не чувствовалъ своихъ ранъ такъ, какъ онъ чувствовалъ бы ихъ въ иномъ видѣ; онъ всталъ и вышелъ на улицу. Онъ пошелъ въ мясную лавку и возобновилъ ссору съ Гумбертомъ, грозясь убить его. Друзья пробовали вмѣшаться, чтобы прекратить ссору и развести противниковъ. Въ ресторанѣ „Модный Свѣтъ" Ридеръ сталъ снова грозить Гумберту, и говорятъ, что онъ даже просилъ не арестовывать Гумберта, потому что онъ намѣренъ убить его. Слышавшій эти угрозы Гумбертъ вышелъ изъ ресторана и, раздобывъ себѣ двуствольное ружье, заряженное револьверными пулями, отправился разыскивать Ридера. Послѣдній въ это время тоже былъ уже на улицѣ, а слѣдомъ за нимъ шли двое или трое изъ его пріятелей, которые уговаривали его вернуться домой. Въ ту минуту, когда Ридеръ поровнялся съ заводомъ, на противоположной сторонѣ улицы показался Гумбертъ и, остановившись шагахъ въ десяти или пятнадцати отъ Ридера, крикнулъ слѣдовавшимъ за нимъ пріятелямъ: „Берегитесь! прочь съ дороги!" и едва они успѣли посторониться, какъ онъ выстрѣлилъ. Ридеръ, увидя его, хотѣлъ было спрятаться за большую бочку, которая стояла у столба подъ навѣсомъ склада Клопштока и Гарриса, но нѣкоторыя изъ пуль все-таки попали ему въ нижнюю часть груди, онъ зашатался и упалъ передъ бочкой. Тогда Гумбертъ прицѣлился и снова выстрѣлилъ, но не попалъ. Тѣмъ временемъ на улицѣ собралось много народу, и многіе, видя, что Гумбертъ взялъ ружье на прицѣлъ, кричали ему: „стой! не стрѣляй!" Рѣзня про-

изошла часовъ въ десять, стрѣльба—часовъ въ двѣнадцать. Послѣ стрѣльбы вся улица была запружена жителями той части города; нѣкоторые изъ нихъ казались сильно возбужденными и, весело смѣясь, говорили, что это имъ напоминаетъ доброе старое время шестидесятыхъ годовъ. Представители власти, Пэрри и Бэрдсоль, были недалеко въ то время, когда происходила стрѣльба, и Гумбертъ сейчасъ же былъ арестованъ и отправленъ въ тюрьму. Многіе изъ бывшихъ на улицѣ съ недоумѣніемъ переглядывались, какъ бы спрашивая другъ друга, достигла ли манія убійства, наконецъ, своего апогея, или же жажда крови все болѣе и болѣе будетъ возрастать, и дѣло дойдетъ, наконецъ, до того, что станутъ убивать всякаго, кто позволитъ себѣ нанести какую-нибудь обиду. Кругомъ шопотомъ говорили, что это еще не все и что ночью произойдетъ еще пять или шесть убійствъ. Ридера помѣстили въ городскую гостиницу „Виргинія“ и вызвали докторовъ осмотрѣть его раны. Доктора нашли, что двѣ или три пули вошли ему въ правый бокъ; одна изъ нихъ прошла сквозь легкія, а другая попала въ печень. Двѣ пули повредили ему ногу. Такъ какъ нѣкоторыя пули попали въ бочку, то вѣроятно, что этими же пулями былъ раненъ и Ридеръ, хотя раны могли быть причинены и вторымъ выстрѣломъ. Когда прекратилась стрѣльба, Ридеръ поднялся на ноги и сказалъ, улыбаясь: „Чтобы меня убить, нужно умѣть лучше стрѣлять“. Доктора считали почти невозможнымъ вылѣчить его совсѣмъ, но такъ какъ онъ былъ превосходнаго сложенія, то могъ остаться въ живыхъ, несмотря на значительное число и опасный характеръ полученныхъ имъ ранъ. Теперь городъ, повидимому, совершенно спокоенъ, какъ будто послѣдняя буря очистила нашу нравственную атмосферу; но кто можетъ сказать, въ какомъ кварталѣ собираются теперь тучи, или составляются заговоры?

Ридеръ, или, по крайней мѣрѣ, то, что осталось отъ него, пережилъ свои раны всего два дня. Гумбертъ не понесъ за это никакого наказанія.

Судъ присяжныхъ—это палладіумъ нашей свободы. Я не знаю, что такое палладіумъ, никогда не видалъ палладіума, но во всякомъ случаѣ это, безъ сомнѣнія, хорошая штука. Въ Невадѣ было убито не меньше ста человѣкъ, а можетъ быть я не ошибусь, если скажу, даже триста человѣкъ и, насколько мнѣ извѣстно, только двое были наказаны и были преданы смертной казни. Впрочемъ, четверо или пятеро убійцъ изъ числа такихъ лицъ, которыя не имѣли ни денегъ ни политическаго значенія, были наказаны тюремнымъ заключеніемъ и одинъ изъ нихъ, если не ошибаюсь, просидѣлъ въ тюрьмѣ

цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ. Въ послѣднемъ я, впрочемъ, не совсѣмъ увѣренъ, и очень возможно, что онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и меньше времени.

V.

Эти статистическія свѣдѣнія объ убійствахъ и судопроизводствѣ напомнили мнѣ объ одномъ очень необычайномъ засѣданіи суда и смертной казни, случившейся двадцать лѣтъ тому назадъ; это—отрывокъ изъ исторіи, хорошо знакомый всѣмъ старымъ калифорнійцамъ и достойный того, чтобъ о немъ знали другіе народы на землѣ, которые любятъ простой, скорый судъ, безъ всякихъ излишнихъ нелѣпостей. Я бы извинился за это отступленіе, но такъ какъ самый фактъ, о которомъ я хочу разсказать, есть самъ по себѣ уже извиненіе, и такъ какъ я постоянно уклоняюсь въ сторону, то, можетъ-быть, будетъ лучше совсѣмъ исключить всякія извиненія и не надоѣдать этимъ читателю.

Черный Нэдъ (такое прозвище лучше всякаго другого вымышленнаго подходило къ нему, такъ какъ назвать этого капитана, здравствующаго и понынѣ, его настоящимъ именемъ, я не рѣшаюсь) многіе годы водилъ корабли и бывалъ частымъ гостемъ въ Санъ-Франциско. Это былъ пылкаго нрава мужественный ветеранъ съ орлинымъ взоромъ; онъ почти всю свою жизнь провелъ на морѣ, поступивъ на службу совсѣмъ еще ребэнкомъ около пятидесяти лѣтъ тому назадъ. Онъ былъ грубый, честный человѣкъ, полный отваги, соединявшій въ себѣ наивность съ удивительнымъ упрямствомъ. Онъ отрицалъ излишнія формальности и, какъ большинство моряковъ, питалъ ненависть къ судейскому крючкотворству и былъ твердо убѣжденъ, что всѣ судейскіе только къ тому и стремятся, чтобъ обойти законъ.

Одно время онъ командовалъ кораблемъ, занимавшимся перевозкой гуано съ острововъ Хинха. У него былъ прекрасный экипажъ, но всѣхъ больше онъ любилъ своего помощника негра, котораго онъ зналъ уже много лѣтъ и котораго онъ высоко цѣнилъ. Событіе, о которомъ я хочу разсказать, случилось въ первую поѣздку капитана Нэда на острова Хинха; но слава о подвигахъ капитана опередила его, и на островахъ знали, что онъ готовъ подраться при всякомъ удобномъ случаѣ хотя бы за оброненный носовой платокъ и не допускалъ никакихъ проволочекъ. Прибывъ на острова, онъ узналъ, что главнымъ предметомъ разговора были подвиги нѣкоего Биля Нокса, служившаго помощникомъ на коммерческомъ ко-

раблѣ и наводившаго ужасъ на все населеніе. Часовъ въ девять вечера капитанъ Нэдъ одинъ одинешенекъ прогуливался при свѣтѣ звѣздъ по палубѣ своего корабля. Вдругъ какая-то фигура взобралась на палубу и подошла къ нему. Капитанъ Нэдъ спросилъ:

— Кто тамъ?

— Билъ Ноксъ, самый лучшій человѣкъ на островахъ.

— Что же вамъ надо на этомъ кораблѣ?

— Я много слышалъ о черномъ капитанѣ Нэдѣ и такъ какъ одинъ изъ насъ долженъ быть лучше другого, я пришелъ сюда и не уйду до тѣхъ поръ, пока не узнаю, что мнѣ нужно.

— Вы пришли какъ разъ туда, куда надо, я весь къ вашимъ услугамъ и сейчасъ научу васъ, какъ являться на этотъ корабль безъ приглашенія.

Онъ схватилъ Нокса, стукнулъ его спиной о гротъ-мачту, расквасилъ ему физіономію и выбросилъ его за бортъ.

Ноксъ, однако, не считалъ еще себя побѣжденнымъ. На другой день вечеромъ онъ снова явился на корабль; ему опять расквасили физіономію и отправили головой внизъ за бортъ, какъ и въ первый разъ. Это его удовлетворило.

Недѣлю спустя, когда Ноксъ кутилъ на берегу съ толпой матросовъ, въ полдень прошелъ мимо нихъ чернокожій помощникъ капитана Нэда; Ноксъ попытался затѣять съ нимъ ссору и вызвать его на драку, но негръ не желалъ ссоры и спѣшилъ уйти подальше отъ забіяки. Ноксъ преслѣдовалъ его; негръ пустился бѣжать; Ноксъ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера и убилъ его. Свидѣтелями этой сцены были человѣкъ шесть морскихъ капитановъ. Ноксъ удалился на свой корабль, засѣлъ тамъ въ маленькой каютѣ съ двумя пріятелями и объявилъ, что смерть ждетъ всякаго, кто осмѣлится проникнуть къ нему. Острова эти принадлежали Перу, а Перу было далеко, и на островахъ не только не было ни судей ни полицейскихъ, но не было даже и вообще никакихъ представителей власти, а потому некому было и арестовать преступника.

Капитанъ Нэдъ, впрочемъ, не придавалъ этому никакого значенія. Его нисколько не заботили такіе пустяки. Онъ кипѣлъ гнѣвомъ и жаждалъ возмездія. Въ девять часовъ вечера онъ зарядилъ револьверными пулями двуствольное ружье, досталъ изъ трюма пару кандаловъ, взялъ корабельный фонарь, позвалъ своего квартирмейстера и отправился съ нимъ на берегъ. Дорогой онъ сказалъ:

— Видите вы тотъ корабль въ докахъ?

— Есть, сэръ.

— Это „Венера“.

— Есть, сэръ.

— Вы... знаете меня.

— Есть, сэръ.

— Ну! Возьмите фонарь. Держите его подъ самымъ подбородкомъ. Я пойду за вами и положу это ружье вамъ на плечо, цѣлясь впередъ, вотъ такъ. Держите фонарь хорошенько, чтобы мнѣ было ясно видно все впереди васъ. Я иду на Нокса и хочу схватить его и всѣхъ остальныхъ. Если вы отступите,— ну, вы меня знаете.

— Есть, сэръ.

Въ такомъ порядкѣ они тихонько взобрались на корабль и подошли къ логовищу Нокса; квартирмейстеръ распахнулъ дверь и фонарь освѣтилъ трехъ десперадо, сидѣвшихъ на полу. Капитанъ Нэдъ сказалъ:

— Я—Черный Нэдъ. Вы всѣ у меня подъ прицѣломъ. Вы оба становитесь на колѣни въ уголъ, лицомъ къ стѣнѣ,—такъ. Биль Ноксъ, надѣньте эти кандалы; теперь подойдите поближе. Квартирмейстеръ, скрѣпите ихъ. Хорошо. Не шевелитесь, сэръ. Квартирмейстеръ, вложите ключъ въ дверь снаружи. Ну, васъ обоихъ я запру и, если вы вздумаете ломать дверь... ну, вы слышали обо мнѣ. Биль Ноксъ, идите впереди. Квартирмейстеръ, заприте дверь.

Ноксъ провелъ ночь на кораблѣ чернаго капитана въ каче ствѣ плѣнника подъ строгимъ карауломъ. На другой день утромъ капитанъ Нэдъ созвалъ всѣхъ капитановъ кораблей, стоявшихъ въ гавани, и пригласилъ ихъ присутствовать въ девять часовъ при повѣшеніи Нокса.

— Какъ! Но его еще не судили.

— Да его не судили. Но развѣ не онъ убилъ негра?

— Онъ убилъ его, это правда; но все-таки какъ же вѣшать его безъ суда?

— Судъ! Зачѣмъ же нужно его судить, разъ онъ убилъ негра?

— Капитанъ Нэдъ, этого нельзя допустить. Подумайте только, какой поднимется шумъ!

— Пусть! Онъ вѣдь убилъ негра?

— Ну, да, никто и не отрицаетъ этого, капитанъ Нэдъ, но...

— Такъ я его повѣшу, вотъ и все. Всѣ, съ кѣмъ я ни говорилъ, разсуждаютъ такъ же, какъ и вы. Всѣ говорятъ, что онъ убилъ негра, всѣ знаютъ, что онъ убилъ негра, и всякій олухъ требуетъ, чтобъ его судили за это. Я не понимаю такой чертовской глупости. Судить! Неужели вы думаете, что я имѣю что-нибудь противъ суда, разъ это можетъ доставить вамъ

удовольствіе; но только отложите это до полудня, потому что у меня будутъ полны руки дѣла, пока его похоронятъ...

Что же это значитъ? Неужели вы хотите сначала повѣсить его, а потомъ уже судить?

— Развѣ я вамъ не говорилъ, что хочу его повѣсить? Никогда я не видалъ такихъ людей, какъ вы. Какая же разница? Вы хотите его судить, ну, и судите себѣ, а будетъ ли это до казни или послѣ, это все равно,—вы вѣдь знаете, какъ пойдетъ судъ. Онъ убилъ негра. Ну, мнѣ надо итти. Если вашъ помощникъ захочетъ посмотрѣть, какъ будутъ вѣшать, захватите его съ собой. Онъ мнѣ нравится.

Такое рѣшеніе всѣхъ всполошило. Капитаны цѣлой толпой явились къ нему и просили его не вѣшать убійцу безъ суда. Они обѣщали, что составятъ судъ изъ капитановъ, пользующихся самой лучшей репутаціей; они выберутъ присяжныхъ, поведутъ дѣло, какъ слѣдуетъ, допросятъ свидѣтелей и вынесутъ безпристрастный приговоръ. Они говорили, что поступить иначе—значитъ совершить убійство, наказуемое по американскимъ законамъ. Они долго упрашивали его. Наконецъ капитанъ Нэдъ сказалъ:

— Джентльмены, я вовсе не упрямъ и не потерялъ еще разума. Я всегда старался поступать справедливо. Какъ долго это продлится?

— Вѣроятно, очень недолго.

— А могу я взять его къ себѣ и повѣсить, какъ только вы кончите?

— Если будетъ доказано, что онъ виновенъ, онъ будетъ сейчасъ же повѣшенъ.

— Если будетъ доказано, что онъ виновенъ. Великій Нептунъ, да развѣ же онъ не виновенъ? Это совсѣмъ сбиваетъ меня съ толку. Да вѣдь вы же всѣ знаете, что онъ виновенъ?

Въ концѣ-концовъ они таки убѣдили его, что не собираются ничего дѣлать тайкомъ отъ него. Тогда онъ сказалъ:

— Ну, хорошо. Вы идите, судите его, а я пойду, позабочусь объ его совѣсти и приготовлю его къ путешествію... Онъ въ этомъ очень нуждается, и я не хочу отпускать его безъ этого.

Это создавало новое затрудненіе, но они сумѣли убѣдить его въ томъ, что виновный непремѣнно долженъ предстать передъ судомъ. Затѣмъ они сказали, что пошлютъ за нимъ сторожа.

— Нѣтъ, сэръ, я предпочитаю привести его самъ, изъ моихъ рукъ онъ не ускользнетъ. Кромѣ того, мнѣ все равно надо съѣздить на корабль за веревкой.

Судъ собрался въ назначенное время, выбрали присяжныхъ, а затѣмъ появился капитанъ Нэдъ, ведя одной рукой арестованнаго, и сказалъ, чтобы судъ „снимался съ якоря и ставилъ паруса". Затѣмъ онъ устремилъ пытливый взоръ на присяжныхъ и, замѣтивъ среди нихъ двухъ пріятелей Нокса, подошелъ къ нимъ и шопотомъ сказалъ:

— Вамъ опять пришлось вмѣшаться въ это дѣло. Такъ подавайте голосъ по совѣсти, слышите? Не то послѣ этого суда будетъ еще судъ, и тогда васъ отнесутъ домой въ двухъ корзинахъ.

Это предостереженіе достигло своей цѣли. Присяжные единогласно постановили приговоръ: „Виновенъ".

Капитанъ вскочилъ со стула и сказалъ:

— Ну, идемъ, теперь ты моя добыча, молодецъ. Джентльмены, вы съ честью исполнили вашу обязанность. Приглашаю васъ всѣхъ посмотрѣть, что я сейчасъ буду дѣлать. Пожалуйте за мной въ камыши въ одной милѣ отсюда.

Судъ объявилъ ему, что имъ назначенъ уже шерифъ для повѣшенія и...

Терпѣніе капитана Нэда лопнуло. Его ярость не имѣла границъ, и вопросъ о шерифѣ болѣе уже не возобновлялся.

Когда толпа дошла до мѣста казни, капитанъ Нэдъ взлѣзъ на дерево и устроилъ висѣлицу, затѣмъ спустился на землю и накинулъ петлю на свою жертву. Потомъ онъ открылъ библію и снялъ шляпу. Выбравъ первую попавшуюся ему главу, онъ торжественно прочелъ ее низкимъ голосомъ. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Ну, теперь ты можешь отправиться вверхъ и дать о себѣ отчетъ, а чѣмъ легче у человѣка этотъ отчетъ о грѣхахъ, тѣмъ лучше для него. Очисти же себя и уноси съ собой только такой грузъ, какой пропуститъ инспекція. Ты убилъ негра?

Отвѣта не было. Наступила длинная пауза.

Капитанъ прочелъ вторую главу, останавливаясь отъ времени до времени, чтобъ усилить впечатлѣніе. Затѣмъ онъ произнесъ серьезное, убѣдительное поученіе, которое закончилъ вопросомъ:

— Ты убилъ негра?

Вмѣсто всякаго отвѣта только насмѣшливая улыбка. Капитанъ прочелъ съ чувствомъ первую и вторую главы изъ книги Бытія, выждалъ минуту, а потомъ, благоговѣйно закрывъ книгу, проговорилъ тономъ человѣка, исполнившаго свой долгъ.

— Цѣлыхъ четыре главы! Немногіе потрудились бы для тебя столько, сколько я.

Затѣмъ онъ вздернулъ осужденнаго и крѣпко затянулъ веревку; послѣ этого онъ съ полчаса постоялъ возлѣ него, держа въ рукахъ часы, а потомъ предоставилъ тѣло суду. Немного погодя, когда онъ стоялъ, созерцая неподвижный трупъ, на лицѣ его промелькнуло сомнѣніе, точно онъ почувствовалъ укоры совѣсти, и онъ, тяжело вздохнувъ, проговорилъ:

— Можетъ-быть, мнѣ слѣдовало его сжечь. Но я старался сдѣлать, какъ умѣлъ лучше.

Когда исторія объ этомъ дѣлѣ дошла до Калифорніи, она вызвала много толковъ, но не только не уменьшила популярности капитана, а наоборотъ, даже увеличила ее. Населеніе Калифорніи въ то время чинило судъ и расправу самымъ простымъ и примитивнымъ способомъ, и потому искренно восхищалось, когда гдѣ-нибудь поступали такимъ же образомъ.

VI.

Порокъ пышно развивался въ счастливые дни нашего процвѣтанія. Салоны были переполнены посѣтителями; переполнены были также полицейскія присутствія, игорные дома, различные притоны и тюрьмы, что служило неоспоримымъ признакомъ высшаго процвѣтанія не только пріисковой, но и всякой другой мѣстности. Развѣ это не такъ? Биткомъ набитое полицейское присутствіе — вѣрнѣйшій признакъ того, что торговля процвѣтаетъ и денегъ много. Есть еще и другой признакъ; онъ является послѣднимъ, но когда онъ является, тогда сразу устанавливается, что мѣстность достигла высшей степени процвѣтанія. Этотъ признакъ—появленіе литературной газеты. Въ Виргиніи появилась „Восточная еженедѣльная газета", посвященная литературѣ. Всѣхъ причастныхъ къ литературѣ людей пригласили участвовать въ ней. Редакторомъ былъ мистеръ Ф. Онъ бойко владѣлъ перомъ и, кромѣ того, славился своими мѣткими и остроумными опредѣленіями. Однажды, когда онъ былъ еще редакторомъ „Союза", онъ въ отвѣтъ на длинную статью противника, громившаго его на двухъ столбцахъ газеты, напечаталъ возраженіе всего въ одну строку, которое съ перваго взгляда, казалось, содержало торжественный и смѣлый комплиментъ: „Логика нашего противника напоминаетъ божественный покой", и предоставилъ читателю самому дополнить эту фразу изреченіемъ изъ св. писанія,—тѣмъ, что превосходитъ разумѣніе. Однажды онъ сказалъ объ одномъ маленькомъ мѣстечкѣ, жители котораго существовали только тѣмъ, что грабили случайныхъ прохожихъ, которые останавливались у

нихъ на денекъ проѣздомъ на почтовыхъ, что у нихъ въ церковномъ богослуженіи измѣнили молитву Господню и читали: „Путника нашего насущнаго даждь намъ днесь“.

Мы ожидали многаго отъ „Восточной газеты“. По обыкновенію она не могла не дать оригинальнаго романа, а потому мы рѣшили пустить въ дѣло всѣ силы нашей редакціи. М-съ Ф. была талантливая романистка высшей школы; я не знаю, какое другое названіе можно было бы дать школѣ, герои которой полны изящества и всякихъ совершенствъ. Она написала вступительную главу и вывела въ ней премилую простушку-блондинку, которая не говорила ни о чемъ, кромѣ жемчуговъ и поэзіи и которая была добродѣтельной дѣвицей до эксцентричности. Кромѣ того, она вывела еще молодого французскаго герцога, въ высшей степени утонченнаго и влюбленнаго въ блондинку. М-ръ Ф. на слѣдующей недѣлѣ выступилъ съ блестящимъ законовѣдомъ, который приводилъ въ безпорядокъ владѣнія герцога и блистательной молодой дѣвушки изъ высшаго общества, которая очаровала герцога и испортила аппетитъ блондинки. Мистеръ Д., мрачный и кровожадный сотрудникъ одной изъ ежедневныхъ газетъ, выступилъ за мистеромъ Ф. на третьей недѣлѣ и вывелъ на сцену таинственнаго розенкрейцера, который расплавлялъ металлы, велъ бесѣды съ дьяволомъ въ пещерѣ въ глухую ночь и составлялъ гороскопъ разныхъ героевъ и героинь такимъ образомъ, что сулилъ имъ много бѣдъ въ будущемъ и возбуждалъ въ публикѣ серьезный и полный ужаса интересъ къ роману. Онъ вывелъ также закутаннаго и замаскированнаго мелодраматическаго злодѣя, далъ ему жалованье и заставилъ его съ отравленнымъ кинжаломъ выслѣживать герцога. Онъ создалъ ирландскаго кучера, говорившаго грубымъ, вульгарнымъ языкомъ, и помѣстилъ его на службу къ молодой дѣвушкѣ со спеціальнымъ назначеніемъ носить billets-doux къ герцогу.

Приблизительно въ это время въ Виргиніи явился неизвѣстный никому субъектъ съ несомнѣнно литературнымъ складомъ ума. Онъ былъ такой кроткій, манеры его были такъ пріятны и милы, былъ ли онъ трезвъ или пьянъ, что всѣ, кому приходилось съ нимъ сталкиваться, дѣлались его друзьями. Онъ просилъ литературной работы, представилъ несомнѣнныя доказательства того, что умѣлъ владѣть перомъ, и мистеръ Ф. пригласилъ его помогать писать романъ. Его глава должна была слѣдовать за главой мистера Д., а моя была—слѣдующая. Что же сдѣлалъ этотъ молодецъ? Онъ ушелъ и напился пьянъ, а затѣмъ отправился къ себѣ на квартиру и сѣлъ за работу, при чемъ воображеніе его было въ состояніи хаоса, а этотъ

хаосъ въ состоянiи необычайной жажды дѣятельности. Онъ просмотрѣлъ главы своихъ предшественниковъ, нашелъ безчисленное множество созданныхъ ими героевъ и героинь, остался ими доволенъ, рѣшилъ не вводить больше новыхъ лицъ, и съ той отвагой, которую внушаетъ виски, съ любовью принялся за работу: онъ женилъ кучера на свѣтской молодой дѣвушкѣ, герцога женилъ на мачехѣ блондинки, прекратилъ жалованье десперадо, создалъ недоразумѣнiе между дьяволомъ и розенкрейцеромъ, отдалъ владѣнiя герцога законовѣду, заставилъ мучимаго совѣстью законовѣда допиться до бѣлой горячки, а потомъ кончить самоубiйствомъ, сломилъ шею кучеру, уморилъ его вдову, очутившуюся въ страшной бѣдности отъ чахотки, заставилъ блондинку броситься въ воду, оставивъ на берегу платье съ обычной приколотой на ней запиской, въ которой она прощала герцога и надѣялась, что онъ будетъ счастливъ; при этомъ она открывала герцогу, что по родинкѣ на лѣвой рукѣ онъ можетъ узнать, что онъ былъ женатъ на своей матери и погубилъ свою давно пропавшую сестру, заставилъ герцога и герцогиню покончить жизнь самоубiйствомъ, разверзъ землю и заставилъ провалиться въ нее розенкрейцера съ обычнымъ въ такихъ случаяхъ дымомъ, громомъ и запахомъ сѣры и, наконецъ, въ заключенiе пообѣщалъ въ слѣдующей главѣ заняться оставшимися въ живыхъ героями романа и разсказать, что сталось съ дьяволомъ.

Все это было написано необыкновенно гладко и, несмотря на совершенно серьезный тонъ разсказа, могло разсмѣшить всякаго до слезъ. Но остальные романисты пришли въ ярость. Наполовину трезвый чужеземецъ скромно стоялъ подъ опустошительнымъ огнемъ, кротко поглядывая то на одного, то на другого изъ нападающихъ и недоумѣвая, что такое онъ сдѣлалъ, чтобы вызвать такую бурю. Когда, наконецъ, наступило затишье, онъ сказалъ, что онъ не помнитъ точно, что именно онъ писалъ, но увѣренъ, что старался написать, какъ могъ лучше, и что его цѣлью было сдѣлать романъ не только прiятнымъ для чтенiя, но и поучительнымъ и...

Бомбардировка снова началась. Каждый разъ, когда чужестранецъ пытался умиротворить врага, онъ только ухудшалъ дѣло. Наконецъ онъ предложилъ передѣлать эту главу. Это заставило прекратить непрiязненныя дѣйствiя. Негодованiе постепенно улеглось, миръ возстановленъ, и злополучный писатель могъ безопасно удалиться въ свою цитадель. Но по дорогѣ туда онъ поддался искушенiю злого духа и снова напился. И онъ снова далъ волю охватившей его фантазiи. Онъ поставилъ дѣйствующихъ лицъ въ еще болѣе необыкновенныя положенiя,

провелъ ихъ чрезъ еще болѣе удивительныя превращенія и заставилъ ихъ вести самые странные разговоры. Передать содержаніе этой главы невозможно, такъ все въ ней было необычайно и нелѣпо; въ ней были объяснительныя примѣчанія столь же любопытныя, какъ и самый текстъ. Я помню одно мѣсто изъ „нея" и приведу его, какъ образчикъ цѣлаго. Онъ измѣнилъ характеръ блестящаго адвоката и сдѣлалъ его великодушнымъ, великолѣпнымъ малымъ, далъ ему славу и богатство и опредѣлилъ его возрастъ въ 33 года. Затѣмъ онъ заставилъ блондинку сдѣлать открытіе съ помощью розенкрейцера и мелодраматическаго злодѣя, что герцогъ любилъ только ея деньги, а самъ втайнѣ чувствовалъ склонность къ свѣтской молодой дѣвушкѣ. Она перенесла свою привязанность съ него на адвоката, который и самъ полюбилъ ее; но родители не давали согласія на этотъ бракъ; они желали имѣть зятемъ герцога, хотя и сознавались, что послѣ герцога имъ всего болѣе симпатиченъ былъ адвокатъ. Блондинка, конечно, стала чахнуть. Родители встревожились. Они просили ее выйти замужъ за герцога, но она упорно отказывалась и все тосковала. Тогда они составили такой планъ. Они предложили дочери подождать годъ и одинъ день, и если и по истеченіи этого срока она все еще будетъ чувствовать, что не можетъ выйти замужъ за герцога, то получитъ ихъ согласіе на бракъ съ адвокатомъ. Результатъ получился какъ разъ такой, какой они ожидали: она снова стала весела и къ ней вернулось здоровье. Тогда родители уговорили своего домашняго врача отправить блондинку для окончательнаго возстановленія силъ въ далекое путешествіе по морю и по сушѣ. Вмѣстѣ съ ними отправился и герцогъ. Они надѣялись, что постоянное присутствіе герцога и продолжительное отсутствіе адвоката довершитъ остальное, такъ какъ адвоката они не приглашали.

Итакъ, они сѣли на корабль, отправляющійся въ Америку. На третій день, когда морская болѣзнь дала имъ отдыхъ и позволила присутствовать за общимъ столомъ, они увидали тамъ адвоката. Герцогъ и родители молодой дѣвушки старались не дать замѣтить ихъ неловкое положеніе. Путешествіе между тѣмъ продолжалось, и корабль приближался къ Америкѣ; но вдругъ въ двухстахъ миляхъ отъ Нью-Бэдфорда на кораблѣ произошелъ пожаръ, и корпусъ корабля сгорѣлъ до ватерлиніи. Изъ всей команды и пассажировъ спаслось только тридцать человѣкъ. Они носились по морю полдня и цѣлую ночь. Въ числѣ этихъ спасенныхъ были и наши друзья. Адвокатъ, благодаря сверхъестественнымъ усиліямъ, спасъ блондинку и ея родителей, переплывая туда и обратно по двѣсти

ярдовъ и каждый разъ переправляя одного изъ нихъ (первую, конечно, ее). Герцогъ спасся самъ. Утромъ на сцену явились два китоловныхъ судна и спустили шлюпки. Погода была бурная, и усаживанiе въ шлюпки сопровождалось большими затрудненiями. Адвокатъ исполнялъ свой долгъ какъ мужчина, помогалъ блондинкѣ, ея родителямъ и нѣкоторымъ другимъ сѣсть въ лодку (герцогъ усѣлся самъ); затѣмъ какой-то ребенокъ упалъ за бортъ на противоположномъ концѣ плота: адвокатъ бросился въ воду, спасъ ребенка и вручилъ его обезумѣвшей отъ горя матери. Потомъ онъ побѣжалъ назадъ, но опоздалъ всего на нѣсколько секундъ: шлюпка съ блондинкой уже отчалила. Ему пришлось сѣсть на другую шлюпку и отправиться на другое китоловное судно. Буря становилась все сильнѣе и разогнала въ разныя стороны китоловныя суда. Когда черезъ три дня буря утихла, судно съ блондинкой очутилось въ семистахъ миляхъ къ сѣверу отъ Бостона, а другое—въ семистахъ къ югу отъ этого порта. Капитанъ судна, на которомъ ѣхала блондинка, долженъ былъ крейсеровать въ сѣверной части Атлантическаго океана и потому не могъ ни вернуться ни зайти въ какой-нибудь портъ: таковъ былъ морской законъ. Капитанъ судна, на которомъ находился адвокатъ, долженъ былъ крейсеровать на сѣверѣ Тихаго океана и тоже не могъ покинуть этого мѣста. Всѣ деньги и багажъ адвоката были въ шлюпкѣ съ блондинкой и отправились вмѣстѣ съ нею на кораблѣ, поэтому капитанъ китоловнаго судна заставилъ его работать, какъ простого матроса, чтобъ оплатить проѣздъ. Къ концу года одинъ китоловъ былъ у береговъ Гренландiи, а другой — въ Беринговомъ проливѣ. Блондинку уже давно убѣждали и почти убѣдили, что ея адвокатъ свалился за бортъ и погибъ еще раньше, чѣмъ китоловныя суда подошли къ плоту, и теперь, склоняемая мольбами родителей и герцога, она, наконецъ, дала свое согласiе и стала готовиться къ ненавистному браку. Но она не хотѣла уступить ни одного дня изъ назначеннаго срока. Недѣли тянулись одна за другой, время приближалось, были отданы приказанiя приготовлять палубу корабля для вѣнчанiя среди льдовъ и моржей. „Еще пять дней, и все будетъ кончено“. Такъ думала блондинка, вздыхая и проливая слезы. Гдѣ же ея вѣрный возлюбленный и почему онъ не является спасти ее? Въ этотъ самый моментъ онъ, взмахнувъ острогой, цѣлился въ кита въ Беринговомъ проливѣ, за пять тысячъ миль отъ Рога, — вотъ причина, почему онъ не являлся. Онъ ударилъ кита острогой, но не совсѣмъ удачно, нога его поскользнулась, и онъ упалъ въ пасть кита и спустился внизъ въ желудокъ. Пять дней онъ

былъ безъ сознанья. Потомъ онъ пришелъ въ себя и услышалъ голоса; сквозь отверстіе, продѣланное въ кожѣ кита, лились потоки дневного свѣта. Онъ вылѣзъ и удивилъ матросовъ, которые поднимали ворвань на палубу. Онъ узналъ судно, взлѣзъ на него и, увидя готовую сочетаться бракомъ чету у алтаря, воскликнулъ:

— Остановите обрядъ! Я здѣсь! Приди въ мои объятія, ты моя!

Къ этому необыкновенному образчику литературы были сдѣланы примѣчанія, въ которыхъ авторъ старался доказать, что все это было вполнѣ возможно; онъ говорилъ, что разсказъ о путешествіи кита отъ Берингова пролива къ берегамъ Гренландіи (пять тысячъ миль въ пять дней черезъ Атлантическій океанъ) онъ заимствовалъ у Чарльза Рида изъ его романа „Люби меня немного, но люби меня долго“, и находилъ, что это могло служить неопровержимымъ доказательствомъ; затѣмъ онъ приводилъ въ примѣръ пророка Іону, какъ доказательство, что человѣкъ можетъ жить во чревѣ китовомъ, и прибавлялъ, что если пророкъ могъ прожить тамъ три дня, то адвокатъ и подавно могъ пробыть пять дней.

Въ издательскомъ святилищѣ разразилась еще бо̀льшая буря, чѣмъ прежде; чужеземецъ былъ немедленно разсчитанъ, а рукопись бросили ему въ лицо. Но онъ уже и безъ того такъ затянулъ дѣло, что не было времени кому бы то ни было снова написать главу, а потому газета вышла безъ романа. Но газетка была слабенькая, и отсутствіе романа окончательно подорвало къ ней довѣріе, такъ что еще раньше, чѣмъ была готова глава для слѣдующаго нумера, „Восточная газета“ прекратила свое существованіе.

Впрочемъ, было сдѣлано усиліе воскресить ее, при чемъ предлагали дать ей новое названіе, и м-ръ Ф. увѣрялъ, что „Фениксъ“ было бы для нея самымъ подходящимъ названіемъ, потому что оно наводило бы на мысль о возрожденіи изъ пепла въ новой, еще болѣе совершенной формѣ; но какой-то франтикъ изъ одной ежедневной газетки посовѣтовалъ намъ назвать ее „Лазарь“, а такъ какъ люди вообще не особенно свѣдущи въ св. писаніи и частенько смѣшиваютъ воскресшаго Лазаря съ тѣмъ нищимъ, который просилъ у воротъ богача, то новое названіе сдѣлалось посмѣшищемъ всего города и совершенно убило газету.

Мнѣ было жаль ее, потому что я очень гордился своими отношеніями къ литературной газетѣ; гордился болѣе, можетъ-быть, чѣмъ когда-либо до тѣхъ поръ. Я написалъ для нея стихотвореніе, которое мнѣ казалось очень хорошимъ, и мнѣ

было очень грустно, что мое произведеніе, долженствовавшее появиться на первой страницѣ, такъ и не увидѣло свѣта.

VII.

Въ этой главѣ я хочу сказать поучительное слово о серебряныхъ рудникахъ, и тотъ, кто не желаетъ читать это, можетъ пропустить эту главу. Годъ 1863 былъ, пожалуй, самымъ цвѣтущимъ періодомъ въ тѣ блаженныя времена. Виргинія кишѣла людьми и повозками до такой степени, что имѣла видъ настоящаго улья, т.-е. имѣла бы въ томъ случаѣ, если бы человѣческій взоръ могъ проникнуть сквозь густую завѣсу щелочной пыли, которая обыкновенно тучами носится здѣсь лѣтомъ. Относительно этой пыли можно сказать, что если бы вы проѣхали по этой дорогѣ десять миль, то и вы и ваши лошади покрылись бы слоемъ пыли толщиною въ одну шестнадцатую дюйма и стали бы блѣдно-желтаго цвѣта, а вашъ экипажъ былъ бы покрытъ слоемъ пыли толщиною въ три дюйма. Чувствительные вѣсы, употребляемые пробирщиками, сохраняются подъ непроницаемымъ для воздуха стекляннымъ колпакомъ, но пыль да такой степени тонка, что, несмотря на это, ухитряется пробраться даже и подъ стеклянный колпакъ и портитъ вѣсы.

На ряду со спекуляціями тутъ процвѣтала и коммерція. Всѣ грузы доставлялись черезъ горы изъ Калифорніи (150 миль) частью въ товарныхъ вагонахъ, а частью въ громадныхъ фургонахъ, которые тащила длинная вереница упряжныхъ муловъ. Фургоны слѣдовали безпрерывно одинъ за другимъ, точно экипажи въ похоронной процессіи, тянувшейся лентой отъ Виргиніи до Калифорніи. Ихъ длинный путь по пустынѣ обозначался облакомъ пыли, извивавшимся, какъ змѣя. Эти фургоны брали за провозъ грузовъ на разстояніи полутораста миль по 200 долларовъ за тонну мелкихъ грузовъ и по 100 долларовъ за тонну, если нанимали цѣлый фургонъ. Одна фирма въ Виргиніи получала сто тоннъ груза въ мѣсяцъ и платила за доставку его по 10.000 долларовъ въ мѣсяцъ. Зимою доставка обходилась еще дороже. Всѣ слитки отправляли въ почтовыхъ повозкахъ въ Санъ-Франциско (обыкновенно слитокъ бывалъ величиною вдвое больше свинцовой болванки и стоилъ отъ 1.500 до 3.000 долларовъ, смотря по содержанію въ немъ чистаго золота, смѣшаннаго съ серебромъ), и доставка обходилась приблизительно въ $1^1/_4$ процента стоимости отправляемаго, т.-е. не меньше 25 долларовъ за каждый слитокъ. Мелкіе отправи-

тели платили даже по два процента. Почтовыя повозки приходили и отправлялись три раза въ день, и каждая отходящая почта увозила по одной трети тонны золота въ слиткахъ: мнѣ приходилось видѣть, какъ увозили въ день по двѣ тонны золота въ слиткахъ; но такіе случаи принадлежатъ къ числу необыкновенныхъ событій. Двѣ тонны серебра въ слиткахъ давали почти сорокъ слитковъ и за провозъ приходилось платить свыше 1.000 долларовъ. Каждая повозка беретъ, кромѣ того, не мало обыкновеннаго экстреннаго груза, а затѣмъ еще отъ пятнадцати до двадцати пассажировъ съ платой по 25—30 долларовъ съ каждаго. Въ движеніи постоянно бывало шесть почтовыхъ экипажей, и дѣла Уэльсъ, Фарго и К° процвѣтали.

Въ центрѣ Виргиніи и „Золотого холма“, на протяженіи приблизительно двухъ миль, тянулась большая комстокская серебряная жила, толщиною отъ пятидесяти до восьмидесяти футовъ и шириною въ большую улицу въ Нью-Йоркѣ, залегшая между крѣпкими скалистыми стѣнами. Я считаю необходимымъ напомнить читателю, что въ Пенсильваніи угольный пластъ шириною въ восемь футовъ считался уже широкимъ.

Виргинія была обыкновеннымъ дѣловымъ городомъ съ улицами и домами на поверхности земли, а подъ нею былъ другой шумный городъ въ нѣдрахъ земли, населеніе котораго сновало по всѣмъ направленіямъ среди запутаннаго лабиринта тоннелей, при слабомъ свѣтѣ мелькавшихъ всюду огней; вверху надъ головами висѣла громаднѣйшая рѣшетка изъ толстыхъ бревенъ и балокъ, которыя поддерживали стѣны комстокскихъ подземныхъ галлерей. Всѣ эти бревна и балки ярусами тянулись одни надъ другими до самаго верха, гдѣ ихъ уже трудно становилось различать во мракѣ. Получалось такое впечатлѣніе, какъ если бы смотрѣть сквозь хорошо очищенныя ребра и кости какого-нибудь гигантскаго скелета. Вообразите себѣ такую систему крѣпленій длиною въ двѣ мили, шириною въ шестьдесятъ футовъ и высотою выше любого церковнаго шпица въ Америкѣ. Вообразите себѣ, что эти величественныя рѣшетчатыя крѣпленія простираются по всему Бродуэю, отъ св. Николая до Уэль-Стритъ, а на немъ, какъ въ праздникъ 4 іюля, выступающихъ впереди шествія пигмеевъ, размахивающихъ флагами какъ бы съ самой верхушки колокольни церкви Св. Троицы. Все это можно себѣ представить, но едва ли можно безошибочно представить себѣ, во что обходятся бревна для крѣпленій съ той минуты, какъ ихъ срубили въ лѣсу, близъ озера Уэшо; послѣ того ихъ тащатъ вокругъ горы Дэвидсонъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ нагрузки; затѣмъ ихъ обтесываютъ съ четырехъ сторонъ, а потомъ уже спускаютъ въ

глубокій желудокъ копи и тамъ употребляютъ на крѣпленія. Двадцати громадныхъ состояній не хватило бы на то, чтобы снабдить лѣснымъ матеріаломъ для крѣпленій самую большую изъ серебряныхъ копей. Испанская пословица говоритъ, что нужно имѣть золотую розсыпь для того, чтобы начать разработку серебрянаго рудника,—и это вѣрно. Бѣднякъ, владѣющій серебрянымъ рудникомъ, жалкій нищій, если не сумѣетъ продать его.

Я назвалъ подземную Виргинію городомъ, но этотъ городъ почти весь принадлежитъ Гаульду и Керри, такъ какъ остальные мелкіе владѣльцы не могутъ итти въ счетъ. Подземныя улицы, принадлежащія имъ, имѣютъ въ длину пять миль, и въ нихъ работаетъ пятьсотъ рудокоповъ. Вообще же весь подземный городъ имѣетъ тридцать миль улицъ и пять или шесть тысячъ жителей. Въ настоящее время нѣкоторые изъ этихъ жителей работаютъ на глубинѣ 1.200 и даже 1.600 футовъ подъ Виргиніей и „Золотымъ Холмомъ“, и всѣ распоряженія отъ управляющаго рудникомъ, находящагося наверху, передаются по телеграфу. Иногда люди срываются и падаютъ въ шахту на глубину тысячи футовъ. Въ такихъ случаяхъ здѣсь существуетъ обыкновеніе наряжать слѣдствіе.

Если вы пожелаете посѣтить одинъ изъ этихъ рудниковъ, вы можете проникнуть туда чрезъ тоннель, длиною около полумили, а не то можете спуститься въ шахту, какъ стрѣла, на маленькой платформѣ. Это похоже на паденіе въ глубокій, глубокій колодецъ, но только ногами впередъ. Когда вы достигнете дна, вы берете свѣчу и пробираетесь по штольнямъ изъ одного забоя въ другой, гдѣ толпятся рудокопы; вы наблюдаете, какъ взлетаютъ вверхъ отъ взрыва глыбы камня, разсыпаясь въ мелкіе куски; это—серебряная руда; вы берете себѣ нѣсколько штукъ на память; вы съ восторгомъ осматриваете скелетообразную сѣть крѣпленій; вамъ поминутно приходитъ въ голову, что вы погребены въ нѣдрахъ земли на глубинѣ тысячи футовъ отъ дневного свѣта; вы перебираетесь изъ одной галлереи въ другую по безконечнымъ лѣстницамъ то вверхъ, то внизъ; когда ваши ноги, наконецъ, устанутъ, вы ложитесь въ небольшую вагонетку, движущуюся по галлереѣ, похожей на полуоконченную водосточную трубу, и васъ тащатъ къ дневному свѣту, при чемъ вы чувствуете, какъ будто бы васъ тащатъ изъ гроба, которому нѣтъ конца. Очутившись наверху, вы видите цѣлую толпу людей, принимающихъ и спускающихъ вагонетки и бочки и скатывающихъ руду съ возвышенія въ длинные ряды ящиковъ, вмѣщающихъ по двѣнадцати тоннъ каждый; подъ этими ящиками стоятъ вагоны, которые грузятся

рудой, выбрасываемой изъ ящиковъ чрезъ опускной люкъ внизу, а дальше по длинной улицѣ тянется вереница этихъ вагоновъ, идущихъ къ серебрянымъ мельницамъ со своимъ богатымъ грузомъ. Теперь вы можете сказать, что вы побывали тамъ. Вамъ не зачѣмъ туда спускаться снова, потому что вы все видѣли. Если вы забыли, какъ совершается обработка руды на мельницѣ и какъ получаются изъ нея слитки серебра, вы можете, если захотите, вернуться назадъ и снова возобновить все это въ памяти.

Въ рудникахъ, само собой разумѣется, случаются обвалы, и тогда интересно рискнуть спуститься туда и наблюдать за разрушительной силой осѣдающихъ горныхъ породъ. Когда-то я описалъ результаты такого наблюденія въ „Предпріятіи" и поэтому позволю себѣ привести небольшую выдержку оттуда:

Одинъ часъ въ обвалившемся рудникѣ. Вчера мы спустились въ рудникъ Офира для осмотра послѣдствій обвала. Мы не могли спуститься глубоко, потому что мѣстами обвалъ еще продолжался. Поэтому мы прошли чрезъ длинный тоннель, который ведетъ въ контору рудника Офира, а затѣмъ по цѣлой серіи длинныхъ лѣстницъ пробрались съ первой галлереи до четвертой. Пройдя по боковой штольнѣ, мы достигли „Испанской линіи", прошли пять рядовъ еще нетронутыхъ крѣпленій и увидѣли мѣсто обвала. Здѣсь царилъ такой хаосъ, какой только можно себѣ представить. Громадныя массы земли и поломанныя и расщепленныя балки загромождали всю галлерею, оставляя мѣстами щели такой величины, что въ нихъ могла бы пролѣзть развѣ кошка. Мелкая земля все еще продолжала сыпаться сверху, и одна изъ балокъ, которая защищала другія, сдвинулась при насъ со своего мѣста, показывая этимъ, что обвалъ и осѣданіе почвы еще продолжаются. Мы были въ той части „Офира", которая извѣстна подъ названіемъ „сѣверныхъ рудниковъ". Вернувшись на поверхность земли, мы вошли въ тоннель, ведущій въ центральную шахту, чтобы пройти въ главный Офиръ. Спустившись по длинному склону этого тоннеля, мы перерѣзали двѣ или три штольни и затѣмъ спустились въ глубокую шахту, изъ которой мы прошли въ пятую галлерею „Офира". Изъ бокового хода мы пробрались чрезъ небольшое отверстіе и достигли средины обвала—снова земля и обломки крѣпленій. Значительная часть второй, третьей и четвертой галлерей обвалилась и пришла въ полное разрушеніе—двѣ послѣднія въ семь часовъ предыдущаго вечера.

На перекресткѣ, около сѣвернаго конца пятой галлереи, опять груды обломковъ и, судя по этимъ обломкамъ, тутъ предстояли еще новые обвалы. Передъ началомъ обвала въ „Ис-

панской линіи" нѣсколько двѣнадцатидюймовыхъ горизонтальныхъ бревенъ были сплющены до пяти дюймовъ! Вообразите себѣ, какъ велика должна быть сила давленія, чтобы сплющить толстое бревно такимъ образомъ.

Возвращаясь по пятой галлереѣ, мы напали на уцѣлѣвшую часть Офира и прошли въ шестую галлерею, которая оказалась залитой водой на десять дюймовъ, и вернулись назадъ. Вслѣдствіе начавшихся работъ по исправленію крѣпленій, помпы были пріостановлены на два часа, и за это время высота воды поднялась до одного фута; но когда затѣмъ помпы снова пришли въ дѣйствіе, вода стала убывать. Мы снова отправились въ пятую галлерею и отыскали глубокую шахту, откуда можно было спуститься къ другой части шестой галлеріи, не залитой водой, но потерпѣли неудачу, потому что люди пошли обѣдать, и тамъ не осталось ни одного человѣка, чтобы спустить насъ. Затѣмъ мы направились по галлереѣ Соединенныхъ Штатовъ и, выбравшись наверхъ, пошли всѣ покрытые свѣчнымъ саломъ и пóтомъ, завтракать въ контору Офира

Въ 1863 г., въ періодъ расцвѣта Невады въ ней добывалось почти на 25.000.000 долларовъ серебра въ слиткахъ, что составляетъ почти по милліону на каждую тысячу жителей, а это представляло весьма значительную цифру, принимая во вниманіе, что тамъ не развито ни земледѣліе ни мануфактурное производство.*) Серебряная руда была ея основной продуктивной промышленностью.

VIII.

Пріятели не разъ говорили мнѣ, что я долженъ заставить Джима Блэйна разсказать мнѣ ужасную исторію о старомъ баранѣ его дѣда, но при этомъ всегда прибавляли, чтобъ я не заводилъ рѣчи объ этомъ, пока Джимъ не напьется до такой степени, когда у него явится говорливость. Они твердили мнѣ объ этомъ до тѣхъ поръ, пока не пробудили во мнѣ, наконецъ, желанія услышать эту исторію. Я сталъ посѣщать Блэйна, но долгое время терпѣлъ неудачу, потому что онъ хотя и часто бывалъ пьянъ, но не такъ, какъ намъ было нужно. Никогда не слѣдилъ я за настроеніемъ человѣка съ такимъ глубокимъ интересомъ, съ такимъ заботливымъ безпо-

*) Послѣ того, какъ это было напечатано, я узналъ изъ офиціальнаго источника, что приведенная выше цифра слишкомъ высока, и что добыча 1863 года не превышала 20.000.000 долларовъ.

койствомъ; никогда прежде не хотѣлось мнѣ, чтобы человѣкъ поскорѣе напился пьянъ. Наконецъ однажды вечеромъ я полетѣлъ въ его хижину, потому что узналъ, что въ это самое время онъ былъ въ такомъ состоянiи, что даже самый придирчивый человѣкъ и тотъ остался бы доволенъ—онъ былъ пьянъ, очень пьянъ, но это не мѣшало ему говорить здраво, не прерывая самого себя икотой. Когда я вошелъ, онъ сидѣлъ на пустомъ пороховомъ боченкѣ; въ одной рукѣ у него была глиняная трубка, а другой онъ призывалъ къ молчанiю. Лицо его было кругло, красно и очень серьезно, шея его была обнажена, волосы всклочены; въ общемъ и своей наружностью и своимъ костюмомъ онъ напоминалъ дюжаго рудокопа тѣхъ временъ. На сосновомъ столѣ стояла свѣча, и ея тусклый свѣтъ озарялъ „молодцовъ“, сидѣвшихъ тамъ и сямъ на сверткахъ, свѣчныхъ ящикахъ, пороховыхъ боченкахъ и т. д. Они предупредили меня:

— Тш! Не говорите ни слова: онъ сейчасъ начнетъ.

Разсказъ про стараго барана.

Я живо нашелъ себѣ мѣсто, и Блэйнъ началъ:

— Я не думаю, чтобы тѣ времена опять когда-нибудь вернулись. Такого буяна, какъ этотъ старый баранъ, никогда не бывало. Дѣдъ досталъ его въ Иллинойсѣ у одного человѣка, котораго звали Iэтсъ, Билль Iэтсъ, вы, можетъ-быть, слыхали о немъ. Его отецъ, Баптистъ, былъ деканомъ... И бѣдовый же онъ былъ человѣкъ... Тому, кто вздумалъ бы встать раньше старика Iэтса, пришлось бы вставать очень рано; это онъ запрягъ Гриновъ въ оглобли съ моимъ дѣдомъ, когда тотъ отправлялся на Западъ. Симъ Гринъ, надо думать, былъ самый паршивой овцой во всемъ стадѣ. Онъ былъ женатъ на Уилькерсонъ, на Сарѣ Уилькерсонъ... Славное она была созданiе... Она была самая лучшая телка, какiя когда-либо бывали въ старомъ Стаддэрдѣ... такъ говорили всѣ, кто ее ни зналъ. Она поднимала боченокъ муки такъ же легко, какъ я поднимаю кегельный шаръ. А какъ она умѣла провести нашего брата! Ну, да что и говорить... Когда Сайль Гаукинсъ сталъ за ней увиваться, она дала ему понять, что ни за какiя сокровища не согласится тащиться съ нимъ рядомъ. Видите ли, этотъ Сайль Гаукинсъ, нѣтъ, то былъ не Сайль Гаукинсъ, а этотъ бездѣльникъ Филкинсъ... не помню, какъ именно его звали... ну, такъ вотъ онъ пришелъ однажды вечеромъ пьяный въ церковь и крикнулъ „ура“ Никсону, потому что вообразилъ себѣ, будто онъ самый главный... Нашъ старый деканъ Фэргельсонъ всталъ и вышвырнулъ его за окно, такъ что онъ угодилъ прямо въ голову бѣдной ста-

рушкѣ миссъ Джефферсонъ. Она была добрая душа, у нея былъ стеклянный глазъ, и она часто давала его на время пріема гостей старой миссъ Вагнеръ, у которой не было такого глаза. Только этотъ глазъ былъ очень невеликъ и, когда миссъ Вагнеръ не слѣдила за нимъ, онъ повертывался въ глазной впадинѣ и выглядывалъ наружу то бокомъ, то еще какъ-нибудь, между тѣмъ, какъ другой глазъ смотрѣлъ прямо, какъ подзорная труба. Взрослые не обращали на это вниманія, но дѣти пугались и поднимали крикъ. Она пробовала обертывать его ватой, но это было еще хуже; вата выбивалась клочками, вылѣзала, и глазъ имѣлъ такой ужасный видъ, что дѣти не могли выносить этого. Онъ все вываливался у нея, и она обращала къ гостямъ пустую глазную впадину, отчего имъ становилось неловко, но сама она никогда не замѣчала, когда онъ выскакивалъ, потому что она была слѣпа на этотъ глазъ. Поэтому кто-нибудь всегда предупреждалъ ее и говорилъ: „Милая миссъ Вагнеръ, вашъ вставной глазъ выскочилъ“, и всѣмъ приходилось сидѣть и ждать, пока она опять вставитъ его. Старая Вагнеръ умѣла удивительно ловко брать взаймы. Когда у нея собирались гости посплетничать или же устраивалось засѣданіе общества доркасцевъ, она обыкновенно занимала у миссъ Хигчинсъ ея деревянную ногу, чтобы попрыгать на ней; она была значительно короче ея собственной ноги, но она не обращала на это вниманія. Она говорила, что она терпѣть не можетъ костылей, когда у нея гости, потому что на нихъ ходишь такъ медленно, а когда у нея гости и есть дѣло, она должна вставать и за всѣмъ слѣдить сама. Она была лысая, какъ кувшинъ, а потому обыкновенно занимала парикъ у миссъ Джэкопсъ,—миссъ Джэкопсъ была жена гробовщика, старой крысы, Кобуза, который имѣлъ обыкновеніе вертѣться всюду, гдѣ есть больные, ожидая добычи... Старая разсѣлина иногда просиживала цѣлые дни гдѣ-нибудь въ тѣни, на гробѣ, который, по его мнѣнію, годился для кандидата на тотъ свѣтъ и если тотъ медлилъ умирать, онъ захватывалъ съ собой съѣстные припасы и одѣяло и проводилъ цѣлыя ночи въ гробѣ. Онъ пролежалъ такимъ образомъ въ холодную погоду около трехъ недѣль передъ домомъ стараго Роббинса въ ожиданіи его смерти; послѣ того Джэкопсъ цѣлыхъ два года не могъ говорить со старикомъ за то, что тотъ „не оправдалъ его ожиданій“. Онъ отморозилъ себѣ ноги и понесъ убытокъ, потому что старику Роббинсу стало лучше и онъ выздоровѣлъ. Когда Роббинсъ снова заболѣлъ, Джэкопсъ попробовалъ обмануть его и отполировалъ тотъ же старый гробъ и захватилъ его съ собой; но старый Роббинсъ былъ слишкомъ уменъ для него;

онъ позвалъ его и притворился, что очень слабъ; онъ купилъ гробъ за десять долларовъ съ условіемъ, что Джэкопсъ долженъ будетъ вернуть деньги обратно и заплатить еще двадцать пять долларовъ, если Роббинсу не понравится гробъ, когда онъ его попробуетъ. Затѣмъ Роббинсъ умеръ, а на похоронахъ сорвалъ крышку съ гроба, всталъ въ саванѣ и объявилъ пастору, что надо прекратить службу, потому что онъ не можетъ оставаться въ такомъ гробу. Онъ, видите ли, раньше былъ однажды въ летаргіи, когда былъ молодъ, и теперь рискнулъ снова повторить это, разсчитывая, что если это ему удастся, у него будутъ деньги въ карманѣ, а если это не удастся, то онъ не потеряетъ ни цента. Клянусь Георгомъ, онъ взыскалъ съ Джэкопса деньги и выигралъ дѣло; онъ поставилъ гробъ въ своей задней гостиной и сказалъ, что теперь можно и погодить умирать. Эта продѣлка старика очень повліяла на Джэкопса. Скоро послѣ того онъ перебрался въ Индіану и уѣхалъ въ Уэльсвиль. Уэльсвиль—это мѣстечко, откуда всѣ Хогадорны. Очень хорошіе они люди. Старый сквайръ Хогадорнъ могъ выпить разбавленнаго ликеру больше, чѣмъ ктонибудь другой на свѣтѣ. Вторая жена его была вдова Биллинса, урожденная Бэкки Мартинъ; ея мать была первая жена декана Дэклэпа. Старшая дочь ея Марія вышла замужъ за миссіонера и умерла хорошей смертью: ее съѣли дикари. Они съѣли также и самого миссіонера, сжарили и съѣли. У нихъ не было такого обычая, но, какъ они говорили его друзьямъ, которые ѣздили туда за его вещами, что они пробовали обращаться съ миссіонерами иначе, но изъ этого никогда не выходило ничего хорошаго для нихъ. Его родственникамъ было непріятно, конечно, узнать, что этотъ человѣкъ пожертвовалъ своей жизнью изъ-за того, что имъ пришло въ голову произвести новый опытъ, такъ сказать. Но не даромъ говорится: „Все, что ни дѣлается, все къ лучшему". Провидѣніе, братцы, не станетъ стрѣлять холостыми зарядами. Съѣденный миссіонеръ, самъ того не подозрѣвая, обратилъ въ истинную вѣру всѣхъ язычниковъ, которымъ удалось попробовать его жаренымъ. Ничто не могло убѣдить ихъ лучше этого. Не говорите мнѣ, что это вышло случайно. На свѣтѣ ничто не дѣлается случайно. Когда мой дядя Лэмъ прислонился однажды къ лѣсамъ, не то больной, не то пьяный, какой-то ирландецъ съ „козой", полной кирпичами, упалъ на него съ третьяго этажа и переломилъ старику спину въ двухъ мѣстахъ. Тогда тоже всѣ говорили, что это просто случай, а по-моему онъ попалъ туда не случайно. Если бы его тамъ не было, ирландецъ разбился бы насмерть. Вмѣстѣ съ дядей тамъ была и его собака. Почему же

ирландецъ не упалъ на собаку? Потому что собака замѣтила бы его во-время и отбѣжала бы. А что за собака была у дяди Лэма! Это была чистокровная овчарка или вѣрнѣе помѣсь дога и овчарки, великолѣпное животное; она была раньше у пастора Хагара, у котораго дядя Лэмъ и досталъ ее. Пасторъ Хагаръ принадлежалъ къ западнымъ Хагарамъ. Его мать урожденная Уэтсонъ; одна изъ его сестеръ была замужемъ за Уилеромъ; они поселились въ графствѣ Морганъ, и тамъ онъ попалъ въ машину на ковровой фабрикѣ, и она его смолола, меньше чѣмъ въ четверть минуты. Его вдова купила ту часть ковра, куда были затканы его останки. На его похороны приходили люди за сто миль. Въ кускѣ ковра было четырнадцать ярдовъ. Она не позволила свертывать ковра и разложила его во всю длину. Церковь, гдѣ совершалось отпѣванiе, была маленькая, и одинъ конецъ гроба торчалъ изъ окна. Его гробъ не зарыли совсѣмъ въ землю, а поставили однимъ концомъ такъ, что онъ стоялъ, какъ памятникъ. Они сдѣлали надпись „тутъ... погребено... четырнадцать ярдовъ тройного ковра, въ которыхъ заключается все... что осталось отъ Уильяма Уи...

Джима Блэйна стало клонить ко сну, голова его качнулась разъ, другой, третiй, а затѣмъ опустилась на грудь, и онъ спокойно заснулъ. Слезы текли по щекамъ товарищей, они задыхались отъ смѣха еще съ самаго начала, но я на это не обращалъ вниманiя и только теперь сообразилъ, что я „попался". Потомъ я узналъ, что повѣствованiе Джима Блэйна о дѣдовскомъ баранѣ, ограничивалось всегда тѣмъ, что онъ лишь упоминалъ о немъ въ самомъ началѣ, а затѣмъ онъ больше ни слова уже не говорилъ о немъ и болталъ обо всемъ, что приходило ему въ голову, пока виски не овладѣвала имъ и онъ засыпалъ. Что же именно случилось со старымъ бараномъ его дѣда—это покрыто мракомъ неизвѣстности и до сихъ поръ, потому что никому такъ и не удалось узнать этого.

IX.

Въ Виргинiи было, конечно, много китайцевъ, это общая участь всякаго города на берегу Тихаго океана. Это совершенно безвредный народъ, когда бѣлые оставляютъ ихъ въ покоѣ или же обращаются съ ними не хуже, чѣмъ съ собаками; впрочемъ, они даже и въ противномъ случаѣ рѣдко выражаютъ свою обиду, какъ бы ни было тяжело оскорбленiе, какъ бы ни была велика несправедливость. Они спокойны, смирны, сговорчивы, не знаютъ пьянства и работаютъ весь день. Непоря-

дочный китаецъ—рѣдкость, а лѣнивыхъ не существуетъ. Пока китаецъ можетъ работать, онъ не нуждается ни въ чьей поддержкѣ; бѣлые часто жалуются, что нѣтъ работы, но китаецъ никогда не предъявляетъ такихъ жалобъ; онъ всегда умѣетъ найти себѣ работу. Онъ очень удобенъ для бѣлыхъ, даже изъ низшаго класса, потому что несетъ на себѣ отвѣтственность за большую часть ихъ грѣховъ, платитъ штрафы за ихъ мелкое воровство, отбываетъ тюремное заключенiе за ихъ грабежи, подвергавшiеся смертной казни за совершонныя ими убiйства. Бѣлый можетъ отправить китайца на тотъ свѣтъ, выступивъ противъ него передъ судомъ, но ни одинъ китаецъ не можетъ свидѣтельствовать противъ бѣлаго. Наше государство—„страна свободы“, никто этого не отрицаетъ, никто не отвергаетъ. (Можетъ-быть, потому, что мы не позволяемъ другимъ быть свидѣтелями противъ насъ). Въ то время, когда я это пишу, пришли вѣсти, что въ Санъ-Франциско среди бѣлаго дня нѣсколько мальчишекъ побили насмерть камнями беззащитнаго китайца и, что, хотя все это происходило на глазахъ толпы народа, никто не вступился за китайца.

На берегу Тихаго океана живетъ не меньше семидесяти, а можетъ-быть, даже и сто тысячъ китайцевъ. Въ Виргинiи ихъ живетъ около тысячи человѣкъ. Всѣ они ютятся въ „Китайскомъ кварталѣ“,—противъ этого они, повидимому, ничего особеннаго не имѣютъ, потому что любятъ жить всѣ вмѣстѣ. Они строятъ себѣ деревянные домики, большею частью одноэтажные, и ставятъ ихъ тѣсно одинъ съ другимъ вдоль такой узкой улицы, что по ней съ трудомъ можетъ проѣхать повозка. Ихъ кварталъ занимаетъ одну изъ городскихъ окраинъ. Главное занятiе китайцевъ въ городахъ—это стирка бѣлья. Они берутъ за стирку бѣлья $2^1/_2$ доллара за дюжину, гораздо дешевле, чѣмъ бѣлые могли бы отдавать бѣлье въ стирку въ то время. На китайскихъ домахъ то и дѣло видишь вывѣски: „Си-Юнъ, стирка бѣлья и глаженiе“; „Хонгъ-Уо, стирка“, „Сэнъ-Сингъ и Эх-Хопъ, стирка“. Домашняя прислуга, повара и т. п. въ Калифорнiи и Невадѣ большею частью китайцы. Бѣлыхъ слугъ было очень мало, а китаянокъ и совсѣмъ не было. Китайцы прекрасно исполняютъ обязанности домашней прислуги: они проворны, послушны, терпѣливы, быстро всему выучиваются и неутомимо работаютъ. Имъ не надо повторять по два раза одно и то же. Они удивительно переимчивы. Если бы китаецъ увидалъ, что его хозяинъ въ порывѣ раздраженiя изломалъ столъ и бросилъ его въ огонь, очень возможно, что онъ и самъ сталъ бы употреблять мебель на топливо.

Всѣ китайцы умѣютъ читать, писать и хорошо считаютъ, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать про всѣхъ нашихъ избирателей. Въ Калифорніи они арендуютъ небольшіе участки земли и усиленно занимаются садоводствомъ. Они выращиваютъ удивительные овощи на кучѣ песку. У нихъ ничего не пропадаетъ даромъ. Что мусоръ для бѣлаго, изъ того китаецъ такъ или иначе сумѣетъ извлечь пользу. Онъ собираетъ старыя жестянки изъ-подъ устрицъ и сардинокъ, которыя бросаютъ бѣлые, и переплавляетъ ихъ. Онъ собираетъ старыя кости и употребляетъ ихъ въ дѣло. Въ Калифорніи они добываютъ себѣ средства къ существованію также и разработкой старыхъ заброшенныхъ бѣлыми, истощенныхъ пріисковъ, куда къ нимъ разъ въ мѣсяцъ являются полицейскіе за полученіемъ такъ-называемаго налога съ иностранцевъ, котораго, однакоже, не требуютъ ни съ какихъ иностранцевъ, кромѣ китайцевъ. Этотъ налогъ иногда взыскивается и раза по два въ мѣсяцъ съ одного и того же лица, но государственная казна едва ли получаетъ что-нибудь изъ этихъ поборовъ.

Китайцы особенно почитаютъ своихъ покойниковъ и даже поклоняются своимъ усопшимъ предкамъ. Въ Китаѣ часть усадебной земли у каждаго китайца обращена въ фамильное кладбище, и это даетъ ему возможность посѣщать могилы предковъ во всякое время. Поэтому ихъ громадное государство— громадное кладбище; оно изборождено отъ центра къ окружности могилами, а такъ какъ каждый футъ земли въ Китаѣ долженъ быть обработанъ, чтобы густое населеніе не страдало отъ голода, то и мѣста, занятыя могилами, тоже обработаны, такъ какъ это не считается оскорбленіемъ памяти умершихъ. Благодаря такому почету умершихъ, китайцы особенно чувствительны къ оскорбленію мѣстъ вѣчнаго упокоенія. М-ръ Бюрлингэмъ говоритъ, что въ этомъ лежитъ главная причина противодѣйствія китайцевъ проведенію желѣзныхъ дорогъ; желѣзная дорога не можетъ пройти тамъ нигдѣ, не уничтоживъ могилъ ихъ предковъ или друзей.

Китаецъ даже и мысли не допускаетъ, что онъ можетъ наслаждаться загробной жизнью, если тѣло его погребено не въ его возлюбленномъ Китаѣ; онъ, кромѣ того, и самъ желаетъ пользоваться послѣ смерти тѣмъ же почетомъ, какой онъ оказывалъ умершимъ раньше его. Поэтому, отправляясь въ чужую страну, онъ дѣлаетъ распоряженіе, чтобы, въ случаѣ его смерти, его тѣло было отправлено обратно въ Китай; если онъ нанимается въ чужой странѣ работать по контракту, то всегда включается въ договоръ, что его тѣло будетъ отправлено въ Китай, если онъ умретъ; если правительство продаетъ партію

„кули“ иностранцу на обычный пятилѣтній срокъ, то въ контрактѣ оговаривается, что тѣла умершихъ должны быть отправлены въ Китай. Всѣ живущіе по берегамъ Тихаго океана китайцы принадлежатъ къ тому или другому изъ многочисленныхъ обществъ или организацій, которыя ведутъ списки своихъ членовъ и, въ случаѣ смерти кого-нибудь изъ членовъ, отправляютъ тѣла умершихъ на родину. Каждый корабль, отправляющійся изъ Санъ-Франциско, увозитъ грузъ китайскихъ тѣлъ или, по крайней мѣрѣ, увозилъ, пока, съ цѣлью уменьшить эмиграцію, не воспослѣдовало запрещеніе увозить тѣла умершихъ обратно въ Китай. Съ тою же цѣлью, т.-е. уменьшенія наплыва китайцевъ, всѣ они по прибытіи въ Америку подвергаются врачебному осмотру и, кромѣ того, они должны уплачивать налогъ по десяти долларовъ съ человѣка.

На что былъ похожъ китайскій кварталъ въ Виргиніи или вообще китайскій кварталъ во всякомъ городѣ на берегу Тихаго океана, можно видѣть изъ слѣдующей выдержки изъ статьи, которую я написалъ въ газетѣ „Предпріятіе“, когда я состоялъ въ ней репортеромъ.

— *Китайскій городъ.*—Китайцы обстроили свою часть города сообразно своимъ понятіямъ и такъ какъ у нихъ нѣтъ совсѣмъ экипажей, улицы у нихъ очень узкія. Въ десять часовъ вечера китайцевъ можно видѣть во всемъ ихъ великолѣпіи. Въ каждой маленькой лачугѣ, тускло освѣщенной мерцающими сальными свѣчами, виднѣется двое или трое желтолицыхъ оборванцевъ, скорчившихся на низенькихъ и короткихъ складныхъ кроватяхъ и курящихъ опіумъ, съ неподвижно устремленными впередъ тусклыми глазами. На кровати стоитъ лампочка на такомъ разстояніи, чтобы до нея можно было достать концомъ чубука; курильщикъ насаживаетъ шарикъ опіума на кончикъ проволоки, раскаляетъ его и засовываетъ его въ трубку; затѣмъ онъ подноситъ трубку къ лампѣ и начинаетъ курить до тѣхъ поръ, пока не почувствуетъ одурѣнія; тогда онъ вынимаетъ чубукъ изо рта, откидывается на спину и засыпаетъ.

М-ръ Аэ-Сингъ имѣетъ оптовый складъ гастрономическихъ товаровъ въ домѣ № 13, въ улицѣ Іэнгъ-Стритъ. У него мы видѣли большой выборъ привозимыхъ изъ Китая въ маленькихъ каменныхъ кувшинахъ цвѣтныхъ и безцвѣтныхъ винъ и водокъ, которыя намъ подавали въ изящныхъ, миніатюрныхъ фарфоровыхъ чашечкахъ, похожихъ на полоскательныя. Онъ предлагалъ намъ попробовать кушанье изъ птичьихъ гнѣздъ, а также маленькія, тоненькія сосиски, которыхъ мы могли бы проглотить сразу нѣсколько ярдовъ, если бы стали ихъ пробовать, но мы боялись, что эти сосиски начинены, чего доб-

раго, мышинымъ мясомъ, а потому и отказались. Тутъ же мы видѣли привезенныхъ изъ Китая утокъ, распластанныхъ точно греска, и затѣмъ яйца различныхъ птицъ, обмазанныя какой-то массой, предохраняющей ихъ отъ порчи въ теченіе долгаго времени.

М-ръ Хонгъ-Іо (№ 37, Чау-чау Стритъ), когда мы къ нему пришли, составлялъ планъ лотереи; впрочемъ, изъ трехъ китайцевъ одинъ непремѣнно устраиваетъ лотерею. „Томъ", безукоризненно говорившій по-англійски и служившій главнымъ и единственнымъ поваромъ въ „Территоріальномъ предпріятіи", когда это учрежденіе держало гостиницу для одинокихъ два года тому назадъ, сказалъ намъ, что китаецъ, купивъ билетъ за одинъ долларъ, выигрываетъ иногда двѣ-три сотни, а иногда и ничего не выигрываетъ; лотерея похожа на то, когда одинъ человѣкъ сражается съ семьюдесятью,—можетъ, конечно, случиться, что ему удастся побѣдить ихъ, но вѣрнѣе они побѣдятъ его.

М-ръ Си-Юнгъ держитъ складъ предметовъ роскоши въ улицѣ „Живой Лисицы". Онъ продалъ намъ очень красивые вѣера изъ бѣлыхъ перьевъ, какіе-то духи, отъ которыхъ пахло лимбургскимъ сыромъ, китайскія перья и брелоки для часовъ, сдѣланные изъ высоко цѣнимаго китайцами камня, очень твердаго и цвѣтомъ своимъ напоминавшаго внутренній покровъ морской раковины.

X

Я началъ чувствовать усталость, сидя такъ долго на одномъ мѣстѣ. Меня уже не удовлетворяло ѣздить разъ въ годъ въ Карсонъ въ качествѣ судебнаго репортера; меня не удовлетворяли ни бѣга ни выставки, повторявшіеся черезъ каждые три мѣсяца (въ долинѣ Уэшо выращивали тыквы и картофель, и власти, конечно, сочли первымъ дѣломъ устраивать обходившіяся въ десять тысячъ сельско-хозяйственныя выставки, чтобы показать на нихъ на сорокъ долларовъ тыквы). Мнѣ захотѣлось видѣть Санъ-Франциско. Мнѣ хотѣлось поѣхать куда-нибудь. Мнѣ хотѣлось... не знаю, чего мнѣ хотѣлось. У меня была просто „весенняя лихорадка", и я, главное, хотѣлъ перемѣны мѣста. Кромѣ того, совѣтъ требовалъ учрежденія самостоятельнаго штата; девять человѣкъ изъ десяти требовали учрежденія особаго управленія. Мнѣ казалось, что исполнить это требованіе,—значило бы погубить страну, потому что у нея прежде всего не было средствъ на то, чтобы содержать самостоятельное управленіе штатомъ. У меня были рудничные паи,

и я хотѣлъ ихъ продать тысячъ за сто до введенія новыхъ порядковъ и уѣхать къ себѣ раньше, чѣмъ наступитъ общее разореніе. Незадолго до этого я встрѣтилъ одного изъ бывшихъ школьныхъ товарищей, котораго я не видалъ съ тѣхъ самыхъ поръ; онъ пришелъ пѣшкомъ съ Великой рѣки и могъ служить настоящимъ олицетвореніемъ нужды. Сынъ богатыхъ родителей, онъ очутился здѣсь, въ чужой странѣ, голодный, босой, завернутый въ старую попону, въ старой шляпенкѣ безъ полей и вообще имѣлъ такой ужасный видъ, что съ успѣхомъ могъ бы изображать собой „блуднаго сына", какъ онъ, шутя, замѣтилъ. Онъ попросилъ у меня взаймы сорокъ шесть долларовъ: двадцать шесть на то, чтобъ отправиться въ Санъ-Франциско, а двадцать для чего-то другого, можетъ-быть, чтобы купить себѣ мыла, въ чемъ онъ сильно нуждался. У меня при себѣ не было столько денегъ и потому я зашелъ къ одному банкиру и занялъ у него сорокъ шесть долларовъ (на двадцать дней безъ формальной расписки). Если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ тогда, что я только черезъ два года верну банкиру эти сорокъ шесть долларовъ (я не надѣялся, чтобы блудный сынъ уплатилъ мнѣ долгъ), я почувствовалъ бы себя глубоко оскорбленнымъ, да и банкиръ тоже.

Я жаждалъ перемѣны. Я желалъ какого-нибудь разнообразія. И вотъ совершенно неожиданно оно явилось. М-ръ Гудмэнъ уѣхалъ на недѣлю и оставилъ меня въ качествѣ главнаго редактора. Это доканало меня. Въ первый день я написалъ передовую статью къ полудню. На второй день у меня не было сюжета, и я отложилъ ее до послѣ полудня. На третій день я отложилъ ее до вечера, а затѣмъ списалъ и переработалъ ее изъ американской энциклопедіи, — этого вѣрнаго друга редакторовъ во всей странѣ. На четвертый день я мечталъ до полуночи, а затѣмъ снова прибѣгнулъ къ энциклопедіи. На пятый день я напрягалъ свои мозги до полуночи, а затѣмъ заставилъ типографію ждать, пока написалъ нѣсколько ѣдкихъ строкъ по адресу шестерыхъ субъектовъ. На шестой день я работалъ до глубокой ночи и ничего не написалъ: газета вышла безъ передовой статьи. На седьмой я отказался. На восьмой вернулся м-ръ Гудмэнъ и узналъ, что ему предстоитъ шесть дуэлей: мои нѣсколько строкъ достигли цѣли.

Никто, не испытавъ на себѣ, не можетъ ясно представить, что значитъ быть редакторомъ. Легко вести городскую хронику, когда факты у васъ передъ глазами; легко дѣлать вырѣзки изъ другихъ газетъ; нетрудно сочинить корреспонденцію изъ какого-нибудь мѣста, но невыразимо тяжело писать передовыя статьи. Самое трудное, — это найти тему. Дайте редактору

тему, и статья готова; но подумайте только, какъ бы вы себя почувствовали, если бы стали выжимать свои мозги каждый день въ точеніе недѣли, а въ году такихъ недѣль пятьдесятъ двѣ. Матеріала, который каждый редакторъ ежедневной газеты въ Америкѣ даетъ въ теченіе года, хватило бы чуть не на восемь толстыхъ томовъ. Какую библіотеку можно бы составить изъ редакторскихъ статей въ двадцать или тридцать лѣтъ! А люди еще восхищаются Диккенсомъ, Вальтеръ Скоттомъ, Бульверомъ, Дюма и т. д. и удивляются, что они могли написать столько книгъ. Если бъ эти авторы написали столько томовъ, сколько пишутъ редакторы газетъ, тогда дѣйствительно было бы чему удивляться. Какъ могутъ только редакторы выдерживать такой каторжный трудъ! Съ тѣхъ поръ, какъ я пробылъ недѣлю редакторомъ, я теперь съ удовольствіемъ развертываю всякую газету, которая попадаетъ мнѣ въ руки, и, любуясь длинными столбцами передовой статьи, удивляюсь, какъ это онъ могъ столько написать.

Возвращеніе м-ра Гудмэна избавляло меня отъ этой обязанности, если только я опять не сдѣлаюсь когда-нибудь репортеромъ. Но я не могу этого сдѣлать, я не могу служить въ рядовыхъ, побывавъ генераломъ, и поэтому я хочу уѣхать куда-нибудь за границу. Какъ разъ въ это время Дэнъ, мой сотрудникъ по репортажу, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что двое гражданъ уговаривали его поѣхать съ ними въ Нью-Йоркъ и помочь продать богатый серебряный рудникъ, который они открыли и закрѣпили за собой въ новомъ участкѣ сосѣднихъ съ нами пріисковъ. Онъ сказалъ, что они предлагали уплатить ему издержки и давали ему третью часть вырученной отъ продажи суммы. Онъ отказался ѣхать. Это былъ какъ разъ тотъ случай, какого я искалъ. Я побранилъ его, что онъ не сказалъ мнѣ раньше. На это онъ возразилъ, что не зналъ, что я хочу ѣхать, а потому рекомендовалъ имъ обратиться къ Маршалю, репортеру другой газеты. Я спросилъ Дэна, нѣтъ ли тутъ плутовства. Онъ сказалъ, что они везутъ съ собой въ Нью-Йоркъ десять тоннъ руды, такой богатой, какую ему рѣдко приходилось видѣть въ Невадѣ; кромѣ того, онъ сказалъ, что они купили много лѣса для крѣпленій; но Дэнъ успокоилъ меня, сказавъ, что переговоры съ Маршалемъ поручили ему и вмѣсто него онъ устроитъ меня.

Это было великолѣпно. Я легъ спать, полный радужныхъ надеждъ, потому что никто еще до сихъ поръ не ѣздилъ на Востокъ продавать невадскій серебряный рудникъ, и поле для жатвы было свободно. Я предчувствовалъ, что такой рудникъ, какъ описывалъ Дэнъ, дастъ намъ колоссальную сумму въ

Нью-Йоркѣ и будетъ проданъ безъ затрудненій. Я не могъ спать, мое воображеніе строило воздушные замки.

На слѣдующій день я укатилъ въ почтовой каретѣ послѣ торжественныхъ проводовъ, устроенныхъ моими пріятелями, потому что если у васъ есть хоть полдюжины друзей, они пашумятъ, какъ цѣлая сотня, но не дадутъ вамъ уѣхать безъ торжественныхъ проводовъ. Дэнъ обѣщалъ не упустить ни въ какомъ случаѣ продавцовъ рудника.

Начало путешествія было ознаменовано небольшимъ инцидентомъ, который произошелъ какъ разъ передъ самымъ отъѣздомъ. Одинъ ободранный бродяга-пассажиръ вышелъ на минуту посмотрѣть, какъ станутъ бросать обычный баластъ изъ серебряныхъ кирпичей. Онъ стоялъ на мостовой, когда одинъ изъ служащихъ, неся кирпичъ, вѣсомъ фунтовъ въ сто, споткнулся и уронилъ его на ногу оборванцу. Тотъ сейчасъ же упалъ на землю и сталъ кричать и вопить. Изъ собравшейся кругомъ него толпы нѣкоторые бросились было снимать съ него сапогъ, но онъ сталъ кричать еще больше, и они отступили; потомъ онъ сталъ всхлипывать и въ промежуткахъ выкрикивалъ: „Виски! Ради Бога! Виски!“ Сейчасъ же принесли виски и влили въ него съ полпинты; это удивительно подкрѣпило его и возстановило его силы. Затѣмъ онъ попросилъ помочь ему сѣсть въ карету. Окружающіе упрашивали его показаться доктору, но онъ отказался и сказалъ, что если бъ ему дали на дорогу немного виски, чтобы смягчать приступы боли, когда они будутъ его мучить, это было бы самое лучшее. Ему принесли двѣ бутылки виски, и мы отправились. Онъ улыбался и казался такимъ довольнымъ, что я не могъ удержаться, чтобы не спросить его, какъ онъ можетъ такъ хорошо чувствовать себя съ разбитой ногой.

— Гмъ...—сказалъ онъ.—Я уже цѣлыхъ полсутокъ не пилъ ни капли и денегъ у меня не было ни одного цента. Я совсѣмъ погибалъ, и, когда уронили мнѣ на ногу слитокъ, я очень обрадовался. Нога-то у меня вѣдь деревянная.

Одинъ пьяница непремѣнно напомнитъ про другого. Одинъ джентльменъ, бывшій очевидцемъ этого случая въ калифорнійскомъ салонѣ, разсказывалъ объ этомъ при мнѣ. Одинъ субъектъ, успѣвшій уже порядкомъ нагрузиться пивомъ и прочими напитками, входитъ въ салонъ, гдѣ все стоитъ по двадцати пяти центовъ, кладетъ на прилавокъ полдоллара, спрашиваетъ виски и выпиваетъ; буфетчикъ кладетъ на мокрый прилавокъ сдачу (четверть доллара); пьяненькій протягиваетъ руку взять монету, но монета скользитъ по мокрому прилавку и не дается ему въ руки; онъ съ тѣмъ же успѣхомъ

продѣлываетъ это, на потѣху зрителей, еще разъ, а затѣмъ, сконфуженный неудачей, отталкиваетъ монету и, вздохнувъ, говоритъ: „Дайте мнѣ сигару!“

Не безъ сожалѣнія я бросилъ послѣдній взглядъ на маленькій флагъ (на самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ тридцать пять футовъ въ длину и десять въ ширину), развѣвавшійся подобно дамскому носовому платку на вершинѣ горы Дэвидсонъ, на высотѣ двухъ тысячъ футовъ надъ крышами Виргиніи, и съ грустью подумалъ, что я, вѣроятно, прощаюсь навсегда съ городомъ, гдѣ я видѣлъ такъ много интереснаго. Воспоминанія о прошломъ напомнили мнѣ объ одномъ необычайномъ происшествіи. Прошлымъ лѣтомъ въ Виргиніи вдругъ пошелъ дождь подъ вечеръ. Такое событіе само по себѣ могло взбудоражить весь городъ, потому что въ Невадѣ дождь бываетъ только зимой (въ теченіе недѣли или двухъ), но и то не такой, чтобъ изъ-за него стоило торговцамъ держать дождевые зонты для продажи. Но главное чудо было не въ дождѣ. Онъ продолжался всего пять или десять минутъ, а затѣмъ въ то время, какъ публика обсуждала это событіе, все небо вдругъ потемнѣло, какъ въ полночь. Вся восточная часть горы Дэвидсонъ, обращенная къ городу, окуталась такимъ глубокимъ мракомъ, что только близость и размѣры горы давали возможность различать ея слабыя очертанія на фонѣ неба. Взоры всѣхъ обратились къ горѣ. Вдругъ на самой вершинѣ появился язычокъ огненнаго цвѣта. Цѣлый часъ сверкалъ на горѣ этотъ огонекъ на вершинѣ, и тысячи устремленныхъ на огонь глазъ съ суевѣрнымъ страхомъ смотрѣли на него. Вдругъ кѣмъ-то распространился слухъ, что этотъ огонекъ—вѣстникъ съ театра войны, вѣстникъ побѣды. И только одинъ человѣкъ, телеграфный чиновникъ, давшій клятву хранить въ тайнѣ офиціальныя извѣстія до опубликованія ихъ въ газетахъ, только онъ одинъ и зналъ, что заходившее въ это время солнце видѣло паденіе Виксбурга и побѣду союзныхъ войскъ подъ Геттисбургомъ.

Если бы газетная монополія не запрещала малѣйшаго разглашенія извѣстій съ Востока до появленія ихъ въ калифорнійскихъ газетахъ, то сигнальный огонь на горѣ Дэвидсонъ удостоился бы неоднократныхъ салютовъ еще въ тотъ же памятный вечеръ; городъ былъ бы иллюминованъ, и всякій, хоть сколько-нибудь уважающій себя человѣкъ, непремѣнно напился бы пьянъ, какъ это было въ обычаѣ въ той странѣ дѣлать при всякихъ торжественныхъ случаяхъ. Даже теперь я не могу безъ сожалѣнія вспомнить о томъ, какой былъ упущенъ счастливый случай. Какъ хорошо могли бы мы провести время.

XI.

Мы катили черезъ равнины и долины, взбирались на Сіерру подъ самыя облака и смотрѣли внизъ на освѣщенную солнцемъ Калифорнію. Тутъ я считаю нужнымъ замѣтить, что всѣ виды въ Калифорніи слѣдуетъ смотрѣть съ извѣстнаго разстоянія; это придаетъ имъ особенную прелесть. Горы внушительны сами по себѣ своимъ величіемъ и могучей красотой вершинъ, съ какой бы точки зрѣнія на нихъ ни смотрѣть, но для того, чтобы смягчить ихъ грубыя стороны и придать яркость общему колориту, необходимо разстояніе. Калифорнійскій лѣсъ, наоборотъ, всего лучше на небольшомъ разстояніи, потому что онъ бѣденъ разнообразіемъ древесныхъ породъ и, главнымъ образомъ, состоитъ изъ краснолѣсья, сосны, ели, пихты и т. п. стоящихъ тѣсно одна къ другой съ раскинутыми, точно руки, вѣтвями, которыя какъ бы предупреждаютъ васъ, чтобы вы не вздумали нарушить безмолвіе лѣса. Тутъ воздухъ пропитанъ запахомъ смолы и скипидара. Тутъ слышатся вамъ меланхолическіе вздохи и жалобы вѣчно зеленой хвои. Тутъ все время приходится итти, не чувствуя подъ ногами почвы, по толстому слою мертвыхъ иглъ и, наконецъ, начинаешь воображать себя безплотнымъ духомъ, который несется по воздуху, не касаясь земли. Глазъ начинаетъ уставать видѣть одни только пучки хвойныхъ иглъ, и невольно съ тоскою вспоминаешь о зеленыхъ листьяхъ, ищешь мохъ или траву, чтобы поваляться, и не находишь, потому что тамъ, гдѣ нѣтъ опавшей хвои, тамъ нѣтъ ничего, кромѣ глины и грязи. Въ Калифорніи равнины, кажущіяся покрытыми мелкой травой, оказываются такими же и вблизи, но часто онѣ такими кажутся только издали, потому что высокіе стебли жесткой травы стоятъ далеко одинъ отъ другого, точно поссорившіеся, а между ними опять все тотъ же песокъ.

Мнѣ становится смѣшно, когда я слушаю разсказы туристовъ, восторгающихся вѣчно зеленой Калифорніей. Но, можетъ-быть, они умѣрили бы свои восторги, если бы знали, съ какимъ восторгомъ калифорнійцы любуются удивительнымъ богатствомъ растительности, яркостью зелени и безконечнымъ разнообразіемъ восточныхъ ландшафтовъ.

Санъ-Франциско—чудное мѣсто для жизни; но этотъ городъ красивъ и внушителенъ только издали, а вблизи замѣтно, что зданія въ немъ старинной архитектуры, что тамъ есть цѣлыя улицы, гдѣ только и видишь старые полуразвалившіеся деревянные дома, а безплодные песчаные холмы, окружающіе го-

родскія предмѣстья, слишкомъ бросаются въ глаза. Даже пріятный климатъ иногда бываетъ пріятнѣе, когда о немъ читаешь, а не испытываешь его на себѣ, потому что ясное безоблачное небо мало-по-малу теряетъ свою прелесть и хочется перемѣны, но когда наступаетъ эта перемѣна и начинаются дожди, то они тоже идутъ здѣсь очень долго. Даже такое интересное явленіе, какъ землетрясеніе, и то лучше наблюдать на разстояніи. Но относительно этого существуетъ много различныхъ мнѣній.

Климатъ въ Санъ-Франциско мягкій и удивительно ровный. Ртуть въ термометрѣ круглый годъ стоитъ приблизительно на семидесяти градусахъ *). Здѣсь спятъ подъ одной или двумя легкими простынями лѣто и зиму и никогда не употребляютъ сѣтки отъ москитовъ. Никто не носитъ лѣтнихъ нарядовъ. Вы носите черный широкій сюртукъ, если онъ у васъ есть, и въ августѣ и въ январѣ. Вамъ не приходится носить верхняго платья, но зато вамъ не надо и вѣера. Это самый пріятный климатъ, какой только можно придумать, и безъ сомнѣнія онъ самый неизмѣнный въ цѣломъ мірѣ. Вѣтеръ дуетъ здѣсь большую часть лѣтнихъ мѣсяцевъ, но тогда вы можете, если пожелаете, уѣхать въ Оклэндъ, за 3—4 мили; тамъ вѣтра нѣтъ. Снѣгъ въ Санъ-Франциско шелъ только два раза въ теченіе девятнадцати лѣтъ, но и то пролежалъ на землѣ ровно столько времени, чтобъ имъ могли полюбоваться дѣти, съ удивленіемъ спрашивавшія, что это такое.

Въ теченіе восьми мѣсяцевъ въ году небеса ясны и безоблачны и не выпадаетъ ни одной капли дождя. Но когда наступаютъ остальные четыре мѣсяца, то вамъ надо хоть украсть себѣ зонтикъ, потому что безъ него вамъ не обойтись не только въ продолженіе одного дня, но въ теченіе всѣхъ ста двадцати дней съ незначительными перерывами. Собираясь итти въ гости, въ церковь или въ театръ, никогда не смотрите на небо съ цѣлью узнать, будетъ дождь или нѣтъ, а смотрите на календарь. Если это случится зимой, то будетъ дождь, а если лѣтомъ, то дождя не будетъ. Вамъ никогда не понадобится устанавливать громоотводъ, потому что тамъ никогда не бываетъ ни грома ни молніи. А когда вы наслушаетесь въ теченіе шести или восьми недѣль каждую ночь монотоннаго шума дождя, вы отъ чистаго сердца пожелаете, чтобы хоть разъ загремѣлъ громъ, чтобы скрывающіяся за облаками молніи прорѣзали унылый небосклонъ и освѣтили его ослѣпи-

---

*) 70° по Фаренгейту = + 21¹/₉° по Цельсію = + 16⁸/₉ по Реомюру.

Пр. пер.

тельнымъ свѣтомъ хотя на одно мгновеніе. А лѣтомъ, прострадавъ мѣсяца четыре отъ блеска безжалостнаго солнца, вы готовы будете пасть на колѣни и умолять небеса послать дождь, градъ, снѣгъ, громъ, молнію. Чтобы нарушить это однообразіе, вы даже согласитесь на землетрясеніе, если нѣтъ ничего лучшаго и если есть надежда, что оно можетъ быть.

Санъ-Франциско расположенъ на песчаныхъ холмахъ, но всѣ эти холмы покрыты богатой растительностью. Всѣ самые рѣдкіе цвѣты, которые населеніе Соединенныхъ Штатовъ выводитъ съ такой терпѣливой заботливостью въ цвѣточныхъ горшкахъ, въ парникахъ, въ оранжереяхъ, растутъ здѣсь круглый годъ на открытомъ воздухѣ. Въ то время, какъ Нью-Йоркъ заваленъ снѣгомъ, калифорнійцы засыпаны цвѣтами, если только они даютъ имъ расти и не обрываютъ. Я слышалъ, что у нихъ растетъ также и самый рѣдкостный и любопытнѣйшій изъ всѣхъ цвѣтовъ, прекрасный Espiritu santo, какъ его называютъ испанцы,—или цвѣтокъ Святаго Духа, хотя мнѣ казалось, что этотъ цвѣтокъ растетъ только въ центральной Америкѣ на югѣ Панамскаго перешейка. Въ чашечкѣ этого цвѣтка виднѣется маленькое подобіе голубя, бѣлаго, какъ снѣгъ. Испанцы питаютъ къ нему суевѣрное благоговѣніе. Въ Соединенныхъ Штатахъ пробовали разводить этотъ цвѣтокъ, но всѣ попытки заставить его расцвѣсть потерпѣли неудачу.

Я гдѣ-то говорилъ о безконечной зимѣ въ Моно, въ Калифорніи, а теперь говорю о вѣчной веснѣ въ Санъ-Франциско. Если же мы проѣдемъ еще сто миль по прямой линіи, то пріѣдемъ въ Сакраменто, страну вѣчнаго лѣта. Въ Санъ-Франциско никогда не увидите ни лѣтняго платья ни москитовъ, въ Сакраменто можно видѣть и то и другое. Тамъ всегда цвѣтутъ цвѣты, тамъ люди изнемогаютъ отъ жары днемъ и ночью и тратятъ свои силы на то, чтобъ обмахиваться вѣеромъ. Тамъ очень жарко, но если вы спуститесь еще пониже въ Фортъ-Юма, вы найдете, что тамъ еще жарче. Фортъ-Юма вѣроятно, самое жаркое мѣсто на землѣ. Термометръ показываетъ тамъ сто двадцать градусовъ въ тѣни все время, за исключеніемъ тѣхъ моментовъ, когда онъ поднимается еще выше. Этотъ военный фортъ Соединенныхъ Штатовъ и его обитатели до того привыкаютъ къ ужасной жарѣ, что даже страдаютъ безъ нея. Существуетъ сказаніе (приписываемое Джону Фениксу), что тамъ умеръ однажды одинъ очень грѣшный солдатъ и, конечно, угодилъ въ самое пекло: но уже на слѣдующій день отъ него получена была телеграмма съ просьбой выслать ему его одѣяло. Въ правдивости этого сказанія не

можетъ быть никакого сомнѣнія, потому что я самъ видѣлъ мѣсто, гдѣ жилъ этотъ солдатъ. Въ Сакраменто всегда стоитъ знойное лѣто, и вы можете рвать розы, кушать землянику, мороженое, носить бѣлое полотняное платье, потѣть и задыхаться въ восемь, въ девять часовъ утра, а потомъ взять въ полдень экипажъ, закутаться въ шубу, надѣть коньки и кататься по замерзшему озеру Доннэръ, на высотѣ тысячи футовъ надъ долиной, среди вѣчнаго снѣга, который толстымъ слоемъ въ пятнадцать футовъ глубины лежитъ на горныхъ вершинахъ, поднимающихся на десять тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Васъ удивляетъ эта перемѣна! Нѣкоторые изъ насъ испытали удовольствіе, ѣдучи по Тихоокеанской желѣзной дорогѣ, проходившей по горамъ на высотѣ шести тысячъ футовъ надъ моремъ, смотрѣть внизъ съ высоты птичьяго полета на Сакраментскую долину съ ея плодородными полями, пышной листвою, серебристыми потоками, дремлющими въ дымкѣ чарующей атмосферы...

XII.

Въ долинѣ Сакраменто существовало въ то время множество покинутыхъ золотыхъ пріисковъ, и вы тамъ и теперь могли бы еще видѣть мѣстами холмы и равнины, изрытые, изрѣзанные и обезображенные жадными хищниками пятнадцать-двадцать лѣтъ тому назадъ. Эти безобразящіе природу слѣды хищнической разработки золотыхъ розсыпей можно видѣть также и на всемъ пространствѣ Калифорніи среди мертвой пустыни; вамъ едва ли придетъ въ голову, что здѣсь нѣкогда существовалъ цвѣтущій городокъ съ двумя или тремя тысячами жителей, что въ немъ издавалась газета, была пожарная команда, былъ свой духовой оркестръ, отрядъ войска изъ волонтеровъ, банкъ, гостиницы, что въ немъ устраивались торжественныя процессіи 4 іюля, что тутъ были игорные дома, прокопченные табачнымъ дымомъ, что тутъ по улицамъ сновали люди всевозможныхъ націй съ длинными бородами, что тутъ кипѣла жизнь, что тутъ, въ часы отдыха отъ тяжелой работы, ежедневно проливалась человѣческая кровь, что тутъ, словомъ, было все, безъ чего не обходится жизнь пріисковаго города. А теперь тутъ пустыня. Люди ушли, дома уничтожены и даже самое названіе города позабыто. Ни въ какой другой странѣ въ цѣломъ мірѣ города не вымирали и не исчезали такъ быстро, какъ въ золотоносныхъ областяхъ Калифорніи въ былыя времена

Населеніе такихъ городовъ въ тѣ времена было энергичное, сильное и безпокойное. Это было единственное въ своемъ родѣ населеніе, и міръ едва ли когда-нибудь увидитъ подобное этому населеніе въ другомъ мѣстѣ, потому что оно состояло изъ двухсотъ тысячъ людей, въ полномъ цвѣтѣ силъ, не безсмысленно улыбающихся глупцовъ, изящныхъ, затянутыхъ въ перчатки, слабосильныхъ, а крѣпкихъ мускулистыхъ, неустрашимыхъ молодцовъ, богато одаренныхъ всѣмъ, что даетъ возможность мужественному человѣку добиться желанной цѣли. Тутъ не было ни женщинъ, ни дѣтей, ни сѣдыхъ и дряхлыхъ стариковъ, никого, кромѣ высокихъ съ блестящими глазами и крѣпкими ногами и руками молодыхъ гигантовъ. Гдѣ же они теперь? Разбрелись по всему свѣту, или преждевременно состарились и одряхлѣли, или же пали, сраженные пулей или ударомъ ножа во время уличной схватки, или же умерли отъ обманутыхъ надеждъ и съ разбитымъ сердцемъ... исчезло все или почти все... все погибло жертвой, принесенной на алтарь золотого тельца... самое благородное всесожженіе, которое когда-либо возносило свой священный ѳиміамъ... Тяжело и больно даже вспоминать объ этомъ!

Это было удивительно хорошо подобранное населеніе... потому что лѣнивые, сонные, тупоголовые остались дома... такихъ ни къ чему не пригодныхъ людей вы никогда не найдете среди піонеровъ, изъ такого матеріала нельзя создать піонеровъ. Это-то населеніе своими смѣлыми подвигами, своей энергіей и прославило Калифорнію и, когда она преподносила міру какой-нибудь неожиданный сюрпризъ, знавшіе ей цѣну люди, улыбаясь, говорили: „На то она и Калифорнія".

Тогда было совсѣмъ особенное время! Населеніе купалось въ золотѣ, въ виски, вело кровавыя побоища, плясало фанданго и было невыразимо счастливо. Честный золотоискатель добывалъ золота на сто, на тысячу долларовъ въ день, а если онъ затѣмъ попадалъ въ игорный домъ или въ какой-нибудь другой притонъ, и счастье ему измѣняло, къ утру у него не оставалось ни одного цента. Они сами варили себѣ ветчину и бобы, пришивали себѣ пуговицы, стирали свои рубашки и синія шерстяныя фуфайки; а если кому-нибудь хотѣлось подраться въ рукопашную, ему стоило только появиться публично въ бѣлой рубашкѣ или въ цилиндрѣ, и желаніе его исполнялось немедленно, потому что эти люди ненавидѣли аристократовъ и питали особенно сильную вражду къ крахмальнымъ рубашкамъ.

Это было дикое, свободное, безпорядочное, странное общество! Мужчины, одни только крѣпкіе мужчины, ничего юнаго, ничего женственнаго не было видно нигдѣ!

Въ тѣ времена рудокопы сбѣгались толпою, чтобъ увидѣть рѣдкое и поразительное для нихъ явленіе—женщину! Старожилы и до сихъ поръ еще разсказываютъ о томъ, какъ на одномъ изъ пріисковъ появилась женщина. Въ одно прекрасное утро золотоискатели увидали ситцевое платье, висѣвшее на фургонѣ, стоявшемъ за чертой пріисковаго поселка—вѣрный признакъ, что въ лагерь прибыли эмигранты. Всѣ поспѣшили къ фургону и громкими криками привѣтствовали развѣвающееся по вѣтру женское платье. Около фургона стоялъ мужчина-эмигрантъ. Золотоискатели издали еще кричали ему:

— Тащите ее сюда!

— Это моя жена, джентльмены,—отвѣчалъ эмигрантъ;—она больна... насъ дочиста ограбили индѣйцы... мы хотимъ отдохнуть тутъ.

— Тащите ее! Мы хотимъ ее видѣть!

— Но, джентльмены, она, бѣдняжка...

— Тащите ее!

Онъ „притащилъ“ ее, и они, бросая вверхъ шляпы, трижды прокричали „ура“, а затѣмъ, окруживъ ее, смотрѣли на нее, трогали ея платье, прислушивались къ ея голосу, который нравился имъ не самъ по себѣ, а потому, что онъ будилъ въ нихъ воспоминанія. Потомъ они собрали на двѣ съ половиной тысячи долларовъ золота и отдали его эмигранту, снова трижды прокричали „ура“ и, махая шляпами, довольные разошлись.

Однажды мнѣ пришлось въ Санъ-Франциско обѣдать въ семьѣ одного піонера и разговаривать съ его дочерью, взрослой молодой дѣвушкой, первое появленіе которой въ Санъ-Франциско было настоящимъ событіемъ, хотя она сама этого и не сознавала. Отецъ ея разсказывалъ мнѣ, что послѣ долгаго плаванія на кораблѣ они, наконецъ, подошли къ пристани и высадились на берегъ: слуга шелъ впереди съ его маленькой дочкой на рукахъ. Вдругъ дорогу имъ преградилъ только что прибывшій съ пріиска громаднаго роста рудокопъ, въ высокихъ сапогахъ со шпорами и вооруженный съ головы до ногъ; онъ остановилъ слугу и довольно долго стоялъ, глядя съ выраженіемъ живого удовольствія и удивленія; потомъ онъ благоговѣйно сказалъ:

— Это ребенокъ!—Затѣмъ онъ вытащилъ маленькую кожаную сумку изъ кармана и сказалъ слугѣ:

— Здѣсь на полтораста долларовъ золотого песку; возьмите это себѣ и позвольте мнѣ поцѣловать ребенка!

Это не анекдотъ, а истинная правда.

Разъ я заговорилъ объ этомъ, замѣчу, мимоходомъ, что однажды въ городѣ Старъ, въ Гумбольтовыхъ горахъ, я сто-

ялъ долго въ длинной вереницѣ рудокоповъ, терпѣливо ожидая очереди заглянуть въ отверстіе въ стѣнѣ и увидать настоящую живую женщину! Черезъ полчаса наступила, наконецъ, моя очередь, я приложилъ глазъ къ щели и увидѣлъ женщину; она стояла подбоченившись и перевертывала на сковородѣ пышки. Ей было сто шестьдесятъ пять лѣтъ и у нея не было ни одного зуба *).

XIII.

Нѣсколько мѣсяцевъ я наслаждался совершенно новымъ фазисомъ своего существованія; я велъ беззаботную жизнь мотылька; ничего не дѣлалъ, ни за что, ни передъ кѣмъ не отвѣчалъ и финансовыя дѣла меня не безпокоили. Я влюбился въ самый сердечный и общительный городъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Санъ-Франциско показался мнѣ раемъ послѣ пустынь и дебрей Уэшо. Я жилъ въ самомъ лучшемъ отелѣ, выставлялъ на показъ мой гардеробъ въ самыхъ видныхъ мѣстахъ, посѣщалъ оперу и научился притворяться, что восхищаюсь музыкой, которая чаще сокрушала мое невѣжественное ухо, чѣмъ очаровывала его, если бъ у меня хватило вульгарной честности въ этомъ сознаться. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи я, кажется, ничѣмъ не отличаюсь отъ большинства моихъ соотечественниковъ. Я желалъ быть мотылькомъ и наконецъ добился этого. Словомъ, я должнымъ образомъ поддерживалъ достоинство человѣка, который имѣетъ сто тысячъ долларовъ (въ перспективѣ) и который, вѣроятно, будетъ играть видную роль, когда состоится продажа серебрянаго рудника. Я сыпалъ деньги горстями и въ то же время слѣдилъ за цѣнами на рудники и поджидалъ вѣстей изъ Невады.

А тамъ совершались важныя событія. Владѣльцы рудниковъ возстали противъ преобразованія Невады въ самостоятельный штатъ; но людей, которымъ нечего было терять, оказалось больше, и они одержали побѣду. Я долго колебался, высчитывалъ шансы за и противъ и въ концѣ-концовъ рѣшилъ не продавать. Цѣны все росли, спекуляція работала во-всю; банкиры, купцы, адвокаты, доктора, механики, землемѣры, даже прачки и служанки пускали свой заработокъ въ спекуляцію, и многіе изъ нихъ, проснувшіеся утромъ бѣдняками, становились къ вечеру богачами, тогда какъ въ то же время многіе богачи оказывались разоренными. Что это было за

*) Вспоминая теперь объ этомъ событіи, я охотно готовъ сбавить ей сотню лѣтъ.—*М. Т.*

раздолье для игроковъ! Гаульдъ и Керри взлетѣли до шести тысячъ трехсотъ долларовъ за футъ. А потомъ... все сразу перевернулось и все и вся рухнуло! Разгромъ былъ полный. Я вдругъ сталъ бѣднякомъ. Всѣ бывшіе у меня паи рудничныхъ обществъ не стоили даже той бумаги, на которой они были напечатаны. Я побросалъ ихъ всѣ. И у меня, безпечнаго идіота, швырявшаго деньгами направо и налѣво, осталось послѣ ликвидаціи всего только пятьдесятъ долларовъ. Я перебрался изъ отеля въ самый скромный бордингъ-гаузъ и снова принялся за репортерство, питая надежду, что дѣла мои опять поправятся, какъ только состоится продажа серебрянаго рудника. Во все это время я не имѣлъ никакихъ извѣстій о Дэнѣ. Мои письма или не доходили до него или же оставались безъ отвѣта.

Однажды, не чувствуя себя въ достаточно бодромъ настроеніи, я не пошелъ въ редакцію. На слѣдующій день, отправившись туда, по обыкновенію около полудня, я нашелъ у себя на конторкѣ записку, которая пролежала тамъ цѣлыя сутки. Она была подписана „Маршаль"—репортеръ изъ Виргиніи, и заключала въ себѣ приглашеніе зайти къ нему въ отель повидаться съ нимъ и съ его двумя или тремя друзьями въ тотъ же день вечеромъ, потому что утромъ на другой день они уѣзжаютъ на Востокъ. Въ постскриптумѣ стояло, что цѣлью ихъ путешествія было большое рудничное предпріятіе! Никогда въ жизни, навѣрное, не чувствовалъ я себя такъ скверно, какъ въ то время! Я обвинялъ себя въ томъ, что покинулъ Виргинію и поручилъ другому человѣку дѣло, которое я долженъ былъ вести самъ; я упрекалъ себя за то, что не былъ въ редакціи именно въ тотъ день, когда мнѣ надо было тамъ быть. Упрекая себя такимъ образомъ, я шелъ къ пароходной пристани, до которой нужно было пройти цѣлую милю, и пришелъ туда какъ разъ во время, чтобы, убѣдиться, что я опоздалъ. Пароходъ уже отчалилъ и быстро удалялся отъ пристани.

Я успокаивалъ себя мыслью, что, можетъ-быть, ихъ предпріятіе не увѣнчается успѣхомъ, и побрелъ обратно, рѣшившись жить на свои тридцать пять долларовъ въ недѣлю и не думать больше ни о чемъ другомъ.

Мѣсяцъ спустя, я имѣлъ удовольствіе пережить всѣ прелести одного изъ такъ называемыхъ большихъ землетрясеній. Это случилось какъ разъ въ полдень въ ясный октябрьскій день. Я шелъ по Третьей улицѣ. Единственные движущіеся предметы, которые видны были въ это время въ этомъ густо населенномъ и застроенномъ кварталѣ, были—человѣкъ, ѣхавшій

позади меня въ одноколкѣ, и омнибусъ, медленно свертывавшій въ пересѣкавшую намъ дорогу улицу. Когда я повернулъ за уголъ и проходилъ мимо строящагося дома, послышался сильный грохотъ и шумъ. Мнѣ показалось, что этотъ шумъ доносится изъ дома, гдѣ, должно-быть, происходитъ драка. Но прежде чѣмъ я успѣлъ обернуться и найти дверь, послѣдовалъ второй ужасный ударъ; земля заколебалась и точно уходила у меня изъ-подъ ногъ. Я ударился о заборъ и ушибъ себѣ локоть. Теперь я уже зналъ, что это такое и, въ силу простого репортерскаго инстинкта, вынулъ часы и замѣтилъ время: въ этотъ моментъ послѣдовалъ третій, еще болѣе сильный ударъ и, когда я вертѣлся по мостовой, стараясь удержаться на ногахъ, я увидѣлъ нѣчто поразительное! Весь фасадъ большого четырехъэтажнаго каменнаго дома въ Третьей улицѣ отлетѣлъ, какъ дверь, и упалъ, разсыпавшись, на средину улицы, поднимая цѣлый столбъ пыли! Въ эту минуту подъѣхала одноколка, сѣдокъ изъ нея вылетѣлъ, а сама она въ меньшій промежутокъ времени, чѣмъ нужно, чтобъ объ этомъ разсказать, разлетѣлась въ мелкіе куски, разсыпавшіеся по всей улицѣ, заваленной грудами обломковъ стульевъ и другихъ мелкихъ вещей. Омнибусъ остановился, лошади брыкались и ржали, пассажиры опрометью выскакивали изъ него какъ попало, а одинъ толстый субъектъ тщетно силился вылѣзть въ разбитое имъ окно и со страха кричалъ во всю глотку, взывая о помощи. Изъ каждой двери, изъ каждаго дома, насколько хваталъ глазъ, выбѣгали люди на улицу, гдѣ почти моментально образовались цѣлыя толпы, и тихая до того улица вдругъ оживилась и стала шумной. Курьезныхъ случаевъ при этомъ приходилось наблюдать не мало. Мужчины и дамы, которые были больны или отдыхали или которые засидѣлись наканунѣ до поздняго часа и теперь наверстывали потерянное для сна время, толпились на улицахъ во всевозможныхъ странныхъ костюмахъ, а нѣкоторые и совсѣмъ безъ всего. Одна женщина, купавшая въ это время своего ребенка, выбѣжала на улицу, держа его за ноги, какъ ощипаннаго индюка. Выдающіеся граждане, о которыхъ всѣ думали, что они строго соблюдаютъ субботній день, выбѣжали изъ салоновъ въ однѣхъ рубашкахъ, съ билліардными кіями въ рукахъ Человѣкъ двѣнадцать выбѣжали изъ парикмахерскихъ, обвязанные салфетками, съ покрытыми мыльной пѣной лицами, такъ что видны были только одни глаза, или только съ одной выбритой щекой; лошади вырвались изъ конюшенъ, а какая-то собака со страха взлетѣла вверхъ по лѣстницѣ и забралась на крышу, а когда ея испугъ прошелъ, то у нея не хватило

смѣлости вернуться назадъ той же дорогой. Редакторъ-издатель извѣстной газеты сбѣжалъ по лѣстницѣ въ главный залъ отеля въ нижнемъ бѣльѣ и, наткнувшись на горничную, воскликнулъ:

— Что же теперь дѣлать! Куда мнѣ итти!

Она отвѣтила съ наивнымъ спокойствіемъ:

— Я посовѣтовала бы вамъ отправиться въ магазинъ готоваго платья!

Супруга одного иностраннаго консула слыла законодательницей модъ и каждый разъ появлялась въ чемъ-нибудь новомъ или необыкновенномъ, послѣ чего всѣ окрестныя дамы нападали на кошельки своихъ мужей, а сами наряжались точно такъ же. Одинъ изъ мужей, который особенно тяжело страдалъ отъ этого, а слѣдовательно ворчалъ на это, стоялъ у окна, когда произошло землетрясеніе, и видѣлъ, какъ жена консула прямо изъ ванны выбѣжала на улицу, накинувъ на себя только простыню. Это заставило сердитаго супруга даже забыть обо всѣхъ ужасахъ землетрясенія, и онъ сказалъ своей женѣ:

— Ну, вотъ, это, наконецъ, на что-нибудь похоже. Набрасывай на себя скорѣй простыню, милочка!

Штукатуркой, обвалившейся въ тотъ день съ потолковъ въ Санъ-Франциско, можно было засыпать нѣсколько акровъ земли. На одномъ домѣ сорвало трубы, и эти четырехфутовыя верхушки перевернуло такъ, что совершенно закрыло дымоходъ. Среди одной изъ улицъ образовалась трещина въ сто футовъ въ длину и въ шесть дюймовъ въ ширину и затѣмъ снова закрылась съ такой силой, что на этомъ мѣстѣ образовалось возвышеніе. Одна дама, сидя въ своей качавшейся и дрожавшей гостиной, видѣла, какъ часть стѣны два раза отходила и примыкала къ потолку, какъ ротъ, а потомъ изъ нея выпалъ кусокъ кирпича, точно зубъ. Другая дама, спускаясь съ лѣстницы, очень удивилась, увидя, что стоявшій на пьедесталѣ бронзовый Геркулесъ наклонился, какъ бы собираясь ударить ее своей дубинкой. Они оба одновременно очутились внизу, и женщина потеряла сознаніе отъ страха. Вскорѣ послѣ того она родила ребенка, у котораго одна нога имѣла видъ дубинки. Я, впрочемъ, не ручаюсь за достовѣрность этого факта и предоставляю читателю самому провѣрить его.

Во время перваго сотрясенія почвы въ одной изъ церквей вывалились двѣ или три громадныхъ трубы изъ органа. Богослуженіе въ это время уже кончалось, и пасторъ, призывая благословеніе, стоялъ съ распростертыми руками. Онъ взглянулъ наверхъ, смутился и сказалъ:

— Сегодня мы пропустимъ обычный отпустъ! И въ то же мгновеніе, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, образовалось пустое пространство.

Послѣ этого же перваго удара одинъ пасторъ въ Оклэндѣ сказалъ:

— Останьтесь на мѣстахъ! Нѣтъ лучшаго мѣста для смерти, чѣмъ здѣсь...

А послѣ третьяго удара онъ прибавилъ:

— Но и на улицѣ ничуть не хуже! — и онъ выскользнулъ черезъ заднюю дверь.

Такого другого разрушенія разнаго рода украшеній и туалетныхъ флаконовъ, какъ во время этого землетрясенія въ Санъ-Франциско, никогда не бывало раньше. Во всемъ городѣ едва ли осталась хотя бы одна дѣвушка или мать семейства, которая не пострадала бы въ этомъ отношеніи. Висѣвшія на стѣнахъ картины оказались изорванными, но еще чаще, по любопытному капризу землетрясенія, онѣ оказывались перевернутыми лицомъ къ стѣнѣ! Тысячи людей заболѣли морской болѣзнью, вслѣдствіе волнообразнаго колебанія почвы и отъ слабости пролежали въ постели по нѣсколько часовъ, а нѣкоторые даже нѣсколько дней. Приступовъ тошноты не удалось избѣжать почти никому.

Вскорѣ послѣ того мнѣ попался нумеръ газеты „Предпріятіе“, и я въ немъ прочелъ нѣчто такое, что меня окончательно сразило:

— *Серебряные рудники въ Невадѣ.*—Дж. М. Маршаль, Сивъ Хорсъ и Амосъ Г. Розъ, выѣхавшіе изъ Санъ-Франциско въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Нью-Йоркъ съ образцами руды съ пріисковъ „Сосновое урочище“, въ графствѣ Гумбольдтъ, въ горномъ кряжѣ Великой рѣки, продали этотъ рудникъ, пространствомъ въ шесть тысячъ квадратныхъ футовъ, за 3.000.000 долларовъ, вновь образованному обществу, принявшему названіе „Общество сосновыхъ горъ“; казенныя пошлины съ акта, отправленнаго уже изъ Нью-Йорка въ Гумбольдтъ, достигли колоссальной суммы 3.000 долларовъ. Основной капиталъ въ милліонъ долларовъ уже внесенъ въ казначейство, и уже куплены машины для обработки кварца на мельницѣ и будутъ установлены на мѣстѣ въ самомъ непродолжительномъ времени. Руда въ этомъ пріискѣ напоминаетъ немного руду съ пріиска Сивы въ графствѣ Гумбольдтъ. Сива Хорстъ, открывшій этотъ рудникъ вмѣстѣ со своими друзьями, забралъ всѣ лучшія свинцовыя залежи, всю землю и строевой лѣсъ, прежде чѣмъ объявилъ объ этомъ. Руда эта была изслѣдована, и оказалось, что она чрезвычайно богата по содержанію золота и серебра,

особенно серебра. Тамъ имѣется въ изобиліи лѣсъ и вода. Мы очень рады, что капиталисты Нью-Йорка приняли участіе въ разработкѣ рудниковъ [illegible] этой мѣстности, тѣмъ болѣе, что, какъ мы имѣли случай [illegible]ѣ[illegible]ться, это вовсе не дутое предпріятіе, и руда и въ самомъ дѣлѣ такова, какъ мы говорили.

Опять дуракамъ счастье, а я потерялъ цѣлый милліонъ! *)

XIV.

Нѣкоторое время я помѣщалъ свои литературные труды въ „Золотой Эрѣ“. С. Г. Уэббъ основалъ прекраснѣйшій еженедѣльный журналъ, носившій названіе „Калифорніецъ“, но высокое достоинство не есть еще гарантія успѣха; журналъ чахнулъ, и онъ продалъ его тремъ типографамъ; Бретъ-Гартъ сталъ редакторомъ за вознагражденіе 20 долларовъ въ недѣлю, а я долженъ былъ доставлять по одной статьѣ въ недѣлю за 12 долларовъ. Но журналъ все-таки продолжалъ чахнуть, и типографы продали его капитану Огдэну, богатому и симпатичному человѣку, который могъ позволить себѣ такую роскошь, не заботясь о томъ, что это будетъ стоить. Когда ему это надоѣло, онъ перепродалъ журналъ опять типографамъ, и журналъ вскорѣ послѣ того тихо отошелъ въ вѣчность, а я снова остался безъ работы. Я упомянулъ объ этомъ, какъ о событіи, которое можетъ иллюстрировать характеръ жизни на берегу Тихаго океана. Едва ли можно наткнуться на такія разнообразныя и забавныя превратности судьбы въ другой какой-нибудь странѣ.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ я тщательно избѣгалъ встрѣчъ со знакомыми, потому что въ продолженіе всего этого времени я не заработалъ ни одного пенни, не могъ купить себѣ ничего, не могъ платить даже за столъ. Я прокрадывался изъ одной глухой улицы въ другую, ускользалъ отъ приближавшихся людей, казавшихся мнѣ знакомыми, крадучись, обѣдалъ смиренно съ безмолвнымъ извиненіемъ за каждый кусокъ, который я похищалъ у своей великодушной квартирной хозяйки, а въ полночь, послѣ странствованія по глухимъ улицамъ съ цѣлью ускользнуть отъ веселья и свѣта, я прокрадывался къ своей постели. Я чувствовалъ себя меньше, ниже и презрѣн-

*) Я видѣлъ Маршаля нѣсколько мѣсяцевъ спустя и, хотя у него было и много денегъ, но онъ, какъ я узналъ, получилъ тогда всего пятьдесятъ тысячъ долларовъ, что не мѣшало ему, однакоже, мечтать о милліонахъ въ будущемъ.

нѣе всякаго червя. Въ теченіе всего этого времени у меня была только одна монета, серебряная десятицентная монета, и я берегъ ее и не истратилъ бы ея ни за что, потому что совѣстно было дойти до сознанія, что у меня нѣтъ ни пенни,—это могло бы заставить подумать даже о самоубійствѣ. Я заложилъ все, кромѣ платья, которое было на мнѣ; и я съ отчаяніемъ звенѣлъ моей монетой, пока она не стала гладкая отъ постояннаго тренія.

Я совсѣмъ забылъ упомянуть, что у меня было, пожалуй, и занятіе,—это бесѣда съ человѣкомъ, у котораго въ рукахъ былъ вексель отъ банкира изъ Виргиніи на сорокъ шесть долларовъ, занятыхъ для моего школьнаго товарища „Блуднаго сына". Этотъ человѣкъ имѣлъ обыкновеніе надоѣдать мнѣ регулярно разъ въ недѣлю, а иногда и чаще. Онъ дѣлалъ это въ силу привычки, потому что зналъ, что не могъ получить ничего. Онъ доставалъ свой вексель, высчитывалъ проценты съ меня, по пяти процентовъ въ мѣсяцъ, и ясно показывалъ мнѣ, что въ этомъ не было попытки обмануть и схитрить, а затѣмъ настойчиво просилъ уплатить ему хотя бы самые пустяки, хотя бы даже одинъ долларъ... даже полдоллара. Затѣмъ, исполнивъ свой долгъ, онъ доставалъ пару сигаръ, подавалъ одну изъ нихъ мнѣ, клалъ ноги на окно, и у насъ начиналась длинная бесѣда о чемъ-нибудь или о комъ-нибудь, и онъ сообщалъ мнѣ любопытныя вещи изъ огромнаго запаса своей памяти. Потомъ онъ надѣвалъ шляпу, пожималъ мнѣ руку и говорилъ:

— Ну, однако, надо итти и по дѣламъ, не могу же я оставаться у васъ навсегда!—и въ ту же секунду уходилъ.

Я такъ привыкъ къ его посѣщеніямъ, что даже скучалъ, когда его не бывало долго. Ему, впрочемъ, не удалось получить съ меня ничего, хотя я и дожилъ до того дня, что самъ могъ уплатить банкиру.

Бѣдняки любятъ общество. Бродя ночью по тускло освѣщеннымъ закоулкамъ, мнѣ случайно встрѣтилось другое дитя злосчастія. Онъ смотрѣлъ такимъ жалкимъ, такимъ покинутымъ, такимъ бездомнымъ, не имѣвшимъ друзей, что меня потянуло къ нему, какъ къ брату. Мы все чаще и чаще встрѣчались съ нимъ, хотя какъ будто случайно, пока, наконецъ, набрались смѣлости и заговорили. Послѣ того мы стали неразлучны, потому что положеніе насъ обоихъ было почти одинаково. Онъ тоже былъ репортеромъ и тоже лишился заработка. Лишившись заработка, онъ постепенно опускался все ниже и ниже: изъ бордингъ-гауза на „Русскомъ Холмѣ" онъ перешелъ въ бордингъ-гаузъ въ улицѣ Кирнэй; оттуда—въ Дю-

понтъ; оттуда—въ жалкую берлогу матросовъ, а оттуда—въ ящики изъ-подъ клади и въ пустыя бочки около верфи. Затѣмъ нѣкоторое время онъ зарабатывалъ себѣ скудное пропитаніе, зашивая лопнувшіе мѣшки съ зерномъ на пристани; когда даже и этого не стало, онъ снискивалъ себѣ пропитаніе всюду, гдѣ подвертывался случай. Онъ пересталъ показываться теперь днемъ, потому что репортера знаютъ всѣ: и богатый и бѣдный, и въ высшихъ кругахъ и въ низшихъ.

Этотъ бѣдняга Блэчеръ,—я такъ называю его для удобства,—былъ чудное созданіе. Онъ былъ полонъ надеждъ, отваги и философски относился къ неудачамъ; онъ былъ начитанный, образованный и остроумный человѣкъ, а его доброта и великодушіе придавали ему царственное величіе въ моихъ глазахъ и превращали каменную тумбу, на которой онъ сидѣлъ, въ тронъ, а жалкую шляпу его—въ корону.

Однажды съ нимъ было приключеніе, которое крѣпко засѣло у меня въ памяти, какъ самое забавное и въ то же время симпатичное. Цѣлыхъ два мѣсяца у него не было заработка. Онъ бродилъ по темнымъ улицамъ, но затѣмъ его потянуло туда, гдѣ было свѣтло. Причина этого была весьма простая: онъ ничего не ѣлъ цѣлыхъ двое сутокъ и, наконецъ, не могъ больше выносить голода. Онъ шелъ по улицѣ, глядя горящими глазами на хлѣбы, лежавшіе на окнахъ, и чувствуя, что онъ могъ бы продать свою жизнь за кусокъ хлѣба. Видъ хлѣба только еще больше увеличивалъ его голодъ; но ему все же пріятно было смотрѣть на хлѣбъ и думать, какъ хорошо было бы раздобыть себѣ съѣстного. Вдругъ онъ увидѣлъ что-то блестящее... Это была серебряная монета! Онъ схватилъ ее, съ минуту смотрѣлъ на нее, попробовалъ ее зубами... монета... настоящая... Потомъ онъ кинулъ взглядъ кругомъ и, убѣдясь, что никто на него не смотритъ, бросилъ монету на то же мѣсто, гдѣ она была прежде, и медленно пошелъ прочь, а затѣмъ снова вернулся, притворяясь, что не знаетъ, что она тамъ, чтобъ имѣть возможность еще разъ насладиться удовольствіемъ найти ее. Наконецъ онъ взялъ монету и пошелъ, ощупывая ее въ карманѣ. Онъ бродилъ по глухимъ улицамъ, останавливался подъ воротами и на углахъ для того, чтобы полюбоваться на нее. Незамѣтно для самого себя онъ добрелъ до дому,—пустой свиной хлѣвъ,—и до глубокой ночи старался придумать, чтобы купить на нее. Ему хотѣлось купить на нее какъ можно больше. Онъ зналъ, что въ „Ресторанѣ рудокоповъ“ онъ могъ бы получить блюдо бобовъ и кусокъ хлѣба за десять центовъ; или рыбную котлету съ приправой, но тамъ не даютъ хлѣба къ одной рыбной котлетѣ. Во француз-

скомъ ресторанѣ онъ могъ получить за десять центовъ телячью котлету безъ горошка, немного рѣдиски и хлѣба или чашку кофе, по крайней мѣрѣ, пинту, и ломоть хлѣба; но ломоть хлѣба рѣзали не толще одной восьмой дюйма, а иногда они рѣз ли ломтики и совсѣмъ тоненькіе. Къ семи часамъ онъ былъ голоденъ, какъ волкъ, а между тѣмъ все еще ничего не могъ придумать. Онъ вышелъ изъ сарая и пошелъ вверхъ по Торговой улицѣ, все продолжая высчитывать и пожевывая щепочку, какъ это часто дѣлаютъ умирающіе съ голоду люди. Проходя мимо ресторана Мартина, самаго аристократическаго въ городѣ, онъ остановился. Въ былыя времена онъ тамъ часто обѣдалъ, и Мартинъ хорошо зналъ его. Стоя такъ, чтобы свѣтъ не падалъ на него, онъ съ восторгомъ смотрѣлъ на перепеловъ и ломти мяса, виднѣвшіеся на выставкѣ за окномъ, и думалъ, что, можетъ-быть. еще не совсѣмъ прошли сказочныя времена, и передъ нимъ явится какой-нибудь переодѣтый принцъ, попроситъ его войти туда и предложитъ потребовать, что ему будетъ угодно. Какъ разъ въ это время онъ почувствовалъ, что кто-то тронулъ его за руку. Онъ оглянулся черезъ плечо и увидалъ призракъ — настоящее олицетвореніе голода! Это былъ человѣкъ шести футовъ ростомъ, сухощавый, нестриженный, въ лохмотьяхъ, съ дикимъ выраженіемъ и впалыми щеками; глаза его жалобно молили. Этотъ призракъ сказалъ:

— Пожалуйста, отойдите со мною въ сторону.

Онъ взялъ Блэчера за руку и повелъ его по улицѣ туда, гдѣ было меньше прохожихъ, а потомъ, оглянувшись кругомъ, умоляюще протянулъ руки и сказалъ:

— Другъ, незнакомецъ, взгляните на меня! Вамъ легко живется... Вы всюду ходите, спокойный и довольный, какимъ былъ и я когда-то... Вы были тамъ, сытно поужинали и теперь, ковыряя въ зубахъ, думаете о томъ, какъ хорошо живется на этомъ свѣтѣ... Но вы никогда не страдали! Вы не знаете, что такое нужда... голодъ! Взгляните на меня! Иностранецъ, пожалѣйте бѣдняка, у котораго нѣтъ ни друзей ни дома! Клянусь Богомъ, я ничего не ѣлъ ужъ цѣлыхъ двое сутокъ! Посмотрите мнѣ въ глаза, и вы увидите, что я не лгу! Дайте мнѣ какой-нибудь пустякъ, чтобы не умереть мнѣ съ голоду... что-нибудь... двадцать пять центовъ! Сдѣлайте это, незнакомецъ, сдѣлайте, пожалуйста. Для васъ это ничего не значитъ, а для меня спасеніе отъ смерти! Помогите мнѣ, и я на колѣняхъ буду благодарить васъ! Всего только двадцать пять центовъ! Я умираю съ голоду! Ради Бога, помогите мнѣ!

Блэчеръ былъ потрясенъ до глубины души. Онъ задумался. Потомъ ему пришла въ голову одна мысль и онъ сказалъ:

— Пойдемъ со мной.

Онъ взялъ его подъ руку, вошелъ въ ресторанъ Мартина, посадилъ его за мраморный столикъ, положилъ передъ нимъ карту и сказалъ:

— Выбирайте, чего вы хотите, другъ. Запишите это за мною, мистеръ Мартинъ.

— Хорошо, мистэръ Блэчеръ,—отвѣчалъ Мартинъ.

Затѣмъ Блэчеръ отступилъ немного назадъ, прислонился къ прилавку и наблюдалъ, какъ голодный человѣкъ глоталъ одинъ за другимъ пирожки по семидесяти пяти центовъ за блюдо, чашку за чашкой кофе и битки, стоившіе два доллара за порцію; а когда онъ, съѣвъ на шесть съ половиною долларовъ, утолилъ, наконецъ, свой голодъ, Блэчеръ отправился во французскій ресторанъ, купилъ на свою монету телячью котлету безъ горошка, ломоть хлѣба, три рѣдиски и поужиналъ по-королевски!

XV.

Спустя немного времени прибылъ изъ одного изъ покинутыхъ становищъ въ Туолюмнэ въ Калифорніи одинъ изъ моихъ старыхъ друзей, золотоискатель, и, когда онъ уѣзжалъ обратно, я отправился вмѣстѣ съ нимъ. Мы жили въ маленькой хижинѣ на склонѣ зеленаго холма, и на всемъ обширномъ пространствѣ холмовъ и лѣсовъ виднѣлось не больше пяти такихъ хижинъ. А между тѣмъ въ періодъ процвѣтанія Калифорніи, всего какихъ-нибудь двѣнадцать, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, здѣсь былъ городъ съ двумя или тремя тысячами жителей, и наша одинокая теперь хижина стояла въ самомъ центрѣ этого города. Когда работы на пріискахъ прекратились, городъ сталъ быстро приходить въ упадокъ, а въ нѣсколько лѣтъ и совсѣмъ исчезъ... Небольшая, все еще остававшаяся здѣсь горсть золотоискателей видѣла, какъ создавался и росъ городъ, и на ихъ же глазахъ онъ потомъ захирѣлъ и умеръ. Съ нимъ же вмѣстѣ умерли ихъ надежды на лучшую жизнь. Они давно покорились своей участи изгнанниковъ и даже перестали переписываться со своими далекими друзьями и перестали устремлять свои тоскливые взоры въ ту сторону, гдѣ былъ ихъ отчій домъ. Они жили вдали отъ телеграфовъ, отъ желѣзныхъ дорогъ, чуждые всего того, что заботило и волновало великіе народы земного шара. Это было самое странное и самое печальное изгнаніе, какое только можно себѣ представить.

Одинъ изъ моихъ товарищей, съ которымъ мы прожили тутъ два или три мѣсяца, былъ человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, но за восемнадцать лѣтъ своего пребыванія здѣсь онъ опустился, обросъ бородой, погрубѣлъ, превратился въ вѣчно замазаннаго глиной рудокопа, хотя по временамъ и вставлялъ въ разговоры отдѣльныя слова и даже цѣлыя фразы на полузабытыхъ имъ латинскомъ и греческомъ языкахъ.

Въ этомъ маленькомъ уголкѣ Калифорніи существуетъ особый способъ разработки мѣстонахожденій металловъ, о которыхъ рѣдко упоминается въ печати. Это такъ называемые „карманные пріиски", и я не знаю, существуютъ ли они гдѣ-нибудь еще, кромѣ этого маленькаго уголка. Золото не распредѣлено здѣсь болѣе или менѣе равномѣрно по всей поверхности, какъ это обыкновенно наблюдается на пріискахъ, а сокрыто въ землѣ маленькими гнѣздами (карманами), которыя очень далеко отстоятъ одно отъ другого, но если вы нападете хоть на одно изъ нихъ, сразу собираете обильную жатву. Во всей этой маленькой области теперь не больше двадцати „карманныхъ" золотоискателей. Я не ошибусь, если скажу, что знаю ихъ всѣхъ. Одинъ изъ нихъ терпѣливо рылся вокругъ склоновъ холма каждый день въ теченіе восьми мѣсяцевъ, не находя достаточно золота, чтобы сдѣлать табакерку, а потомъ нашелъ гнѣздо и выручилъ за него двѣ тысячи долларовъ въ два удара своего заступа. Онъ добывалъ иногда три тысячи долларовъ въ два часа и уплачивалъ всѣ свои долги до послѣдняго цента, а потомъ предавался такому разгулу, что къ утру у него не оставалось буквально ничего. На слѣдующій день онъ снова начиналъ брать все въ кредитъ, вскидывалъ на плечо заступъ, бралъ кастрюлю и веселый и счастливый снова отправлялся въ горы искать золото. Это—самый привлекательный типъ изъ разнаго рода золотоискателей, хотя и доставляетъ очень большой процентъ жертвъ для дома сумасшедшихъ.

Карманный промыселъ, въ сущности, очень остроумный способъ. Вы берете полный заступъ земли со склона холма, сыпете ее въ большую жестяную кастрюлю и промываете ее постепенно, пока не останется ничего, кромѣ чайной ложки тонкаго осадка. Все золото, которое было въ этой землѣ, останется въ кастрюлѣ, потому что оно тяжелѣе, и его надо искать на днѣ. Въ этомъ осадкѣ вы найдете съ полдюйма желтенькихъ частицъ, величиною не больше булавочной головки. Вы въ восторгѣ. Вы отходите немного въ сторону и промываете вторую кастрюлю. Если вы снова находите золото,

то подвигаетесь въ сторону дальше и промываете третью кастрюлю. Если вы не находите золота на этотъ разъ, то вы снова въ восторгѣ, потому что знаете, что теперь напали на вѣрный слѣдъ. Вы составляете воображаемый планъ въ видѣ вѣера, при чемъ ручка вѣера всегда приходится на верху холма, потому что какъ разъ тамъ, гдѣ приходится конецъ этой ручки, должны быть богатыя залежи золота, частицы котораго отдѣлились и были смыты внизъ по холму, разсыпаясь при этомъ все дальше и дальше по сторонамъ. Итакъ, вы продолжаете подниматься по холму, промывая землю и суживая линію каждый разъ, какъ отсутствіе золота въ кастрюлѣ показываетъ вамъ, что вы уклонились въ сторону отъ развернутаго вѣера; наконецъ, поднявшись на двадцать ярдовъ по холму, линіи сходятся въ одной точкѣ. Ваше дыханіе становится короткимъ и прерывистымъ, васъ охватываетъ лихорадочное волненіе; въ это время можетъ сколько угодно звонить обѣденный колоколъ, вы не обратите на него никакого вниманія; могутъ умереть ваши друзья, могутъ жениться, могутъ горѣть дома, вамъ все равно; вы потѣете и копаете землю... и, наконецъ, вы нападаете на гнѣздо! Вы захватываете полный заступъ земли и кварца со сверкающими блестками золота. Иногда такая лопата даетъ золота сразу на 500 долларовъ. Иногда гнѣздо содержитъ золота даже на 10.000 долларовъ, и тогда вамъ потребуется дня три или четыре, чтобы извлечь его все. Карманные золотопромышленники разсказываютъ, что одно гнѣздо дало золота на 60.000 долларовъ, и двое счастливцевъ выбрали его все въ двѣ недѣли, а потомъ продали эту землю за 10.000 долларовъ одному обществу, которое послѣ нихъ не добыло золота и на 300 долларовъ.

Свиньи—отличные золотоискатели. Все лѣто онѣ роются по кустамъ и выворачиваютъ тысячу маленькихъ кучекъ земли, а потомъ золотоискатели молятъ дождя, потому что дождь размоетъ землю и обнаружитъ золото. Такимъ путемъ были найдены два кармана въ одинъ день однимъ человѣкомъ. Въ одномъ было золота на 5.000 долларовъ, а въ другомъ на 8.000.

Въ Туолюмнэ жили два золотопромышленника, которые имѣли обыкновеніе ежедневно вечеромъ ходить въ сосѣднюю деревню за припасами и въ ту же ночь возвращались обратно къ себѣ. Часть пути они шли по тропинкѣ и почти всегда присаживались отдохнуть на большомъ камнѣ, который лежалъ какъ разъ у самой тропинки. За тринадцать лѣтъ они сильно поистерли камень, на которомъ отдыхали. Какъ-то разъ проходили этой дорогой двое мексиканцевъ и тоже присѣли

отдохнуть на камень и отъ скуки стали отбивать молоткомъ кусочки отъ камня. Разсматривая одинъ изъ кусковъ, они нашли въ немъ много золота. Впослѣдствіи этотъ камень далъ имъ золота на 800 долларовъ. Но самое важное то, что мексиканцы стали производить раскопки въ прилегающей мѣстности и нашли, можетъ-быть, самый богатый карманъ, какой когда-либо находили въ этой области. Понадобилось цѣлыхъ три мѣсяца, чтобы разработать его, и онъ далъ имъ золота на 120.000 долларовъ. А тѣ двое американцевъ, которые обыкновенно отдыхали на камнѣ, все еще бѣдствуютъ и проклинаютъ бродягъ мексиканцевъ.

XVI.

Одинъ изъ моихъ тамошнихъ товарищей, одна изъ жертвъ восемнадцатилѣтняго неустаннаго труда и тщетныхъ надеждъ, былъ самымъ симпатичнымъ изъ людей, которые когда-либо терпѣливо несли свой крестъ въ скучномъ изгнаніи, серьезный и скромный Дикъ Бэкеръ, карманный золотоискатель пріиска Мертваго Дома. Ему было сорокъ шесть лѣтъ; онъ былъ сѣдъ, какъ крыса, серьезенъ, задумчивъ, не могъ похвалиться особеннымъ образованіемъ, небрежно одѣтъ и измазанъ глиной, но сердце у него было чище всякаго золота, которое когда-либо добывала его лопата.

Когда ему не было удачи или когда у него бывало на душѣ тяжело, онъ начиналъ горевать о томъ, какъ онъ лишился удивительнаго кота, который у него когда-то былъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ ни жены ни дѣтей, мужчина съ добрымъ сердцемъ обзаводится какимъ-нибудь животнымъ, потому что нужно же когонибудь любить.

Я слышалъ, какъ онъ однажды разсказывалъ объ этомъ удивительномъ котѣ. Вотъ что онъ говорилъ:

— Джентльмены, у меня былъ здѣсь котъ, котораго звали Томъ Кварцъ, и которымъ, я думаю, и вы бы заинтересовались. Онъ жилъ здѣсь у меня восемь лѣтъ и былъ самымъ замѣчательнымъ котомъ, какого я когда-либо видѣлъ. Это былъ большой сѣрый котъ, хотя и самой обыкновенной породы, но такой умный и держалъ себя съ такимъ достоинствомъ, что даже и калифорнскому губернатору онъ не позволилъ бы обращаться съ собой фамильярно. Никогда во всю свою жизнь онъ не ловилъ крысъ, онъ былъ выше этого. Онъ никогда не интересовался ничѣмъ, кромѣ пріисковъ. Онъ зналъ въ этомъ толкъ не только больше всѣхъ остальныхъ кошекъ, но, пожалуй, больше и любого изъ насъ, а ужъ что

касается карманныхъ пріисковъ, то онъ точно для этого и былъ созданъ. Онъ копалъ послѣ меня и Джима, когда мы поднимались по холмамъ, и готовъ былъ бы бѣжать за нами хоть цѣлыхъ пять миль, если бы мы отправились такъ далеко. Онъ лучше всѣхъ умѣлъ угадывать золотоносную почву. Когда мы отправлялись на работу, онъ осматривался кругомъ, какъ будто обдумывая, вѣрно ли взято направленіе, и при этомъ смотрѣлъ такъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „ну, вы ужъ меня извините“, и, не говоря ни слова, поднималъ носъ кверху и отправлялся домой. Но если почва казалась ему подходящей, то онъ ложился и лежалъ, пока не промывали первой кастрюли; тогда онъ вставалъ, смотрѣлъ и, если тамъ было шесть или семь золотыхъ песчинокъ, онъ былъ доволенъ и затѣмъ ложился на наше платье и храпѣлъ, какъ пароходная труба, пока мы не нападали на карманъ; тогда онъ вскакивалъ и смотрѣлъ, какъ мы работали.

Но мало-по-малу насъ охватила золотая горячка... Каждый изъ васъ испыталъ это на себѣ... Каждый знаетъ, какъ велико искушеніе открыть кварцевое мѣсторожденіе золота... Джимъ не сталъ бы дѣлать ничего подобнаго, но мы не могли побѣдить искушенія и стали рыть шахту, а Томъ Кварцъ смотрѣлъ на насъ и удивлялся, за какимъ чортомъ это намъ понадобилось. Онъ, надо вамъ сказать, и раньше былъ врагомъ всякихъ новшествъ; но постепенно сталъ привыкать къ новому способу и, наконецъ, даже дошелъ до того, что спустился въ шахту, желая собственными глазами убѣдиться, въ чемъ тутъ дѣло, и, должно-быть, ему не особенно понравилось, потому что онъ все время проводилъ въ томъ, что лежалъ свернувшись въ углу клубочкомъ, и дремалъ. Однажды, работая въ шахтѣ уже на глубинѣ восьми футовъ, мы наткнулись на такую твердую породу, что ея не брала кирка, и мы сдѣлали взрывъ, первый взрывъ съ тѣхъ поръ, какъ родился Томъ Кварцъ. Мы заложили зарядъ и отошли ярдовъ на пятьдесятъ, позабывъ, что Томъ Кварцъ остался тамъ и спитъ на мѣшкѣ. Черезъ минуту изъ отверстія показался столбъ дыма, а затѣмъ раздался взрывъ, и кверху полетѣли камни и земля. Вмѣстѣ съ землей взлетѣлъ и нашъ Томъ и упалъ футахъ въ девяти отъ насъ... Онъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ, но видъ у него былъ ужасный... Одно ухо у него было прижато къ шеѣ, хвостъ торчалъ трубой, вѣки висѣли; онъ весь былъ покрытъ копотью и дымомъ и весь выпачканъ съ головы до ногъ. Ну, мнѣ нечего вамъ говорить, что мы даже и не пробовали извиняться, мы не могли произнести ни слова. Онъ бросилъ на себя взглядъ отвращенія, а потомъ посмотрѣлъ на

насъ, словно бы говоря: „Джентльмены, вы, можетъ-быть, думаете, что это очень остроумно подшутить такимъ образомъ надъ котомъ, который и понятія не имѣлъ о томъ, что такое взрывъ въ шахтѣ?.. Ну, а я думаю объ этомъ совсѣмъ иначе“. Затѣмъ онъ повернулся и пошелъ домой, не сказавъ больше ни слова.

Это было какъ разъ въ его духѣ. Вы, можетъ-быть, не повѣрите мнѣ, только я вамъ скажу, что съ той поры во всемъ мірѣ нельзя было бы найти другой кошки, которая питала бы такое отвращеніе къ взрывамъ, какъ онъ. Потомъ онъ, конечно, привыкъ и сталъ спускаться въ шахту, но уже не попадался больше впросакъ. Въ ту минуту, какъ мы, заложивъ зарядъ, зажигали фитиль, онъ взглядывалъ на насъ, какъ бы говоря: „Ну, теперь ужъ извините, и моментально исчезалъ изъ ямы и взбирался на дерево. Чутье? Ну, нѣтъ, я не согласенъ. Это было „вдохновеніе“!

Умиленіе и гордость, которыми свѣтилось лицо Бэкера, когда онъ разсказывалъ объ удивительной сообразительности своего друга прежнихъ дней, навсегда останутся живы въ моей памяти.

Мы работали уже цѣлыхъ два мѣсяца, а все не могли напасть ни на одинъ карманъ. Мы промывали землю по всему склону холма, пока онъ не сталъ имѣть вида вспаханнаго поля; мы могли бы посѣять тамъ хлѣбъ, но если бы онъ и уродился, тамъ не было рынка для сбыта. Мы произвели безчисленное множество опытовъ, но когда мы находили золото въ кастрюлѣ и начинали затѣмъ рыть глубже, мы ничего не находили,—карманъ, который долженъ былъ быть тамъ, оказывался такимъ же пустымъ, какъ и нашъ собственный. Наконецъ мы взвалили на плечи наши кастрюли и заступы и отправились черезъ холмы пробовать счастья на новыхъ мѣстахъ. Мы обошли все становище Ангела, но успѣха не имѣли. Потомъ мы бродили пѣшкомъ среди горъ, спали ночью подъ деревьями, потому что погода была теплая, но все ничего не находили. По мѣстному обычаю „наши двери“ всегда были открыты для странствующихъ рудоконовъ; они каждый день проходили мимо насъ, втыкали въ землю свои заступы у порога и дѣлили трапезу съ нами, поэтому же и мы во время странствованій нигдѣ не встрѣчали холоднаго пріема.

XVII.

Послѣ трехмѣсячнаго отсутствія изъ Санъ-Франциско я снова вернулся туда безъ гроша въ карманѣ. Когда мой кредитъ почти совсѣмъ истощился (я сталъ слишкомъ ничтоженъ и

лѣнивъ, чтобы работать въ утренней газетѣ, а въ вечернихъ не было вакансій), я сдѣлался корреспондентомъ изъ Санъ-Франциско отъ газеты „Предпріятіе“ и черезъ пять мѣсяцевъ у меня уже не было долговъ, но зато пропалъ всякій интересъ къ работѣ, такъ какъ корреспонденціи приходилось писать ежедневно, безъ малѣйшаго отдыха, и я невыразимо усталъ отъ этого. Я жаждалъ перемѣны. Бродяжническіе инстинкты во мнѣ были слишкомъ сильны. Судьба на этотъ разъ отнеслась ко мнѣ благосклонно, — я досталъ себѣ новое отличное дѣло. Надо было ѣхать на Сандвичевы острова и написать оттуда нѣсколько писемъ въ Сакраменто для газеты „Союзъ“, газеты великолѣпной и щедрой къ своимъ сотрудникамъ.

Мы отправились зимой на винтовомъ пароходѣ „Аяксъ“. По календарю въ это время значилась зима, но судя по погодѣ это было нѣчто среднее между весной и лѣтомъ. Черезъ шесть дней послѣ того, какъ мы вышли изъ порта, стало совсѣмъ лѣто. У насъ было человѣкъ тринадцать пассажировъ; среди нихъ былъ нѣкій Уильямсъ, весельчакъ по натурѣ и три испытанныхъ бурями старыхъ капитана, которые ѣхали къ своимъ китоловнымъ судамъ. Капитаны все время проводили въ „курилкѣ“, играли въ карты, пили изумительно много виски, не хмелѣя ни капельки, и казались самыми счастливѣйшими людьми, какихъ я когда-либо видѣлъ. Затѣмъ тамъ былъ еще „старый адмиралъ“, бывшій китоловъ. Онъ представлялъ собою соединеніе вѣтра, молніи и грома и непреоборимой страсти къ браннымъ словамъ, но, несмотря на это, сердце у него было нѣжное, какъ у дѣвушки. Онъ представлялъ собою бѣшеный, оглушительный, опустошительный смерчъ, въ центрѣ котораго всегда оставалось мѣстечко, гдѣ всякій пришлецъ будетъ здравъ и спокоенъ. Никто, узнавъ адмирала, не могъ не полюбить его.

Его титулъ „адмирала“ былъ поднесенъ ему всѣмъ населеніемъ Сандвичевыхъ острововъ, какъ искреннее выраженіе чувствъ глубокаго уваженія и почтенія и какъ знакъ справедливой оцѣнки его заслугъ. Въ доказательство же того, что это званіе дѣйствительно ему присвоено, былъ обнародованъ приказъ изобрѣсти для него особый флагъ, который долженъ былъ торжественно привѣтствовать его при пріѣздѣ и развѣваться при его отъѣздѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ только корабль его показывался въ открытомъ морѣ и во все время, пока онъ стоялъ на якорѣ, этотъ флагъ развѣвался на флагштокѣ надъ парламентомъ, и народъ, проходя мимо него, безъ всякаго приказанія снималъ шляпы.

По его приказанію ни разу не стрѣляли изъ пушекъ, и онъ самъ во всю свою жизнь не участвовалъ ни въ одномъ сраженіи. Когда я познакомился съ нимъ на „Аяксѣ“, ему было семьдесятъ два года, изъ которыхъ онъ цѣлыхъ шестьдесятъ лѣтъ провелъ на морѣ. Онъ шестнадцать лѣтъ посѣщалъ Гонолулу въ качествѣ капитана китоловнаго судна, а затѣмъ шестнадцать лѣтъ былъ капитаномъ пассажирскаго парохода, совершавшаго рейсы между Санъ-Франциско и Сандвичевыми островами, и за все это время у него не случалось никакихъ несчастій съ судами. Простодушные туземцы считали его другомъ, который никогда не измѣнялъ имъ, и смотрѣли на него, какъ дѣти смотрятъ на отца и, если бы кто-нибудь вздумалъ притѣснять ихъ въ присутствіи грознаго адмирала, плохо ему пришлось бы.

За два года до того, какъ я познакомился съ адмираломъ, онъ покинулъ службу на морѣ, вышелъ въ отставку на пенсію и на прощаніе произнесъ колоссальную девятиэтажную клятву, „что пока живъ, онъ никогда даже близко не подойдетъ къ соленой водѣ“. И онъ добросовѣстно сдержалъ ее. То-есть, онъ думалъ, что держитъ клятву, и было бы болѣе чѣмъ опасно замѣтить ему, даже самымъ деликатнымъ образомъ, что сдѣлавъ одиннадцать морскихъ путешествій въ качествѣ пассажира въ теченіе двухъ лѣтъ, которые прошли со времени его отставки, онъ исполнялъ свою клятву только въ общемъ смыслѣ, а не въ буквальномъ.

Адмиралъ зналъ только одну узкую колею, по которой онъ и слѣдовалъ во всѣхъ случаяхъ, когда рѣшался какой-нибудь споръ, и всегда принималъ сторону слабаго. Вотъ причина, почему онъ всегда присутствовалъ на судѣ при разборѣ уголовныхъ дѣлъ и, хотя бы судили даже самаго тяжкаго преступника, неизмѣнно дѣлалъ по адресу присяжныхъ угрожающіе жесты, давая имъ понять, что онъ съ ними сдѣлаетъ, если они когда-нибудь попадутся ему за стѣнами суда. Вотъ почему всѣ проштрафившіяся кошки и собаки, которыя, надо замѣтить, хорошо знали его, спасались подъ его стуломъ, когда имъ грозила опасность. Сначала онъ былъ самымъ неистовымъ и самымъ кровожаднымъ сторонникомъ союза, какого только можно было себѣ вообразить; но съ той поры, какъ южане начали отступать подъ натискомъ сѣверныхъ армій, онъ перебѣжалъ на сторону конфедератовъ и до конца оставался вѣрнымъ имъ.

Онъ ненавидѣлъ пьянство и питалъ къ нему непримиримую вражду; онъ неустанно умолялъ всѣхъ и каждаго не злоупотреблять спиртными напитками. Но если бы кто-нибудь осмѣлился сказать ему, что выпитые имъ за время нашего путе-

шествія девять галлоновъ очищенной виски являлись прямымъ противорѣчіемъ его проповѣди о воздержаніи, старикъ въ тотъ же моментъ забросилъ бы его на край свѣта въ припадкѣ ярости. Я вовсе не хочу сказать этимъ, что виски когда-нибудь туманила ему голову, или что онъ бывалъ не твердъ на ногахъ,— ничего подобнаго никогда не приходилось замѣчать. По его натурѣ ему нужно было для этого гораздо больше, чѣмъ онъ себѣ разрѣшалъ. Онъ выпивалъ по одному стаканчику по утрамъ, прежде чѣмъ начать одѣваться, чтобы разжидить немного воду на днѣ корабля, какъ онъ говорилъ. Потомъ онъ выпивалъ еще стаканчикъ, когда кончалъ одѣваться, чтобы освѣжить голову. Затѣмъ онъ брился и надѣвалъ чистую рубашку, послѣ чего читалъ молитву Господню такимъ громовымъ басомъ, что весь корабль дрожалъ, и прерывался разговоръ въ каютъ-компаніи. Послѣ этого онъ всегда пропускалъ еще стаканчикъ, чтобы держаться твердо на ногахъ на палубѣ во всякую погоду. Затѣмъ дверь каюты отворялась, и показывалось его красноватое добродушное лицо, которое, точно солнечное сіяніе, обдавало мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и онъ громовымъ голосомъ, который могъ бы пробудить мертвыхъ, приглашалъ всѣхъ за собою наверхъ. Внушительнаго роста, стройный, на головѣ ни одного сѣдого волоса; широкополая шляпа, полу-матросскій просторный костюмъ изъ синей морской фланели; широкій отложной воротникъ и черный шелковый галстукъ, завязанный морскимъ узломъ; массивная цѣпочка и внушительнаго вида брелокъ; чудовищно-внушительныя ноги и рука, подобная рукѣ провидѣнія, какъ выражались его собратья-китоловы; нарукавники и рукава, откинутые почти до локтей въ виду жаркой погоды, выставляли на показъ волосатыя руки, украшенныя красными и синими якорями, кораблями и богинями свободы, татуированными индѣйскими красками. Но все это были, такъ сказать, второстепенныя подробности,—его лицо было главное, что приковывало взоры. Это былъ пылающій дискъ, сверкавшій сквозь сильно потрепанную непогодой маску изъ чернаго дерева, какъ гвоздями усыпанный бородавками, исцарапанный шрамами и весь сверкавшій свѣжими порѣзами отъ бритвы; веселые глаза подъ густо нависшими бровями смѣло смотрѣли на свѣтъ изъ-за утесистаго носа. Гдѣ бы ни былъ адмиралъ, за нимъ по пятамъ слѣдовалъ его любимецъ терьеръ „Вѣеръ", величиною не больше бѣлки.

Адмиралъ рѣдко читалъ газеты, а если и читалъ, то никогда не вѣрилъ тому, что въ нихъ сообщалось. Онъ ничего не читалъ и ничему не вѣрилъ за исключеніемъ „Старой Гвардіи", періодическаго журнала, издававшагося въ Нью-Йоркѣ. Онъ

всегда носилъ съ собою нумеровъ двѣнадцать этого журнала и обращался къ нимъ за всѣми нужными ему справками. Если тамъ не оказывалось того, что ему было нужно, онъ давалъ волю своей богатой фантазіи и съ удивительнымъ искусствомъ изобрѣталъ все, что ему хотѣлось. Поэтому онъ былъ опасный противникъ въ спорѣ. Какъ бы ни увлекся онъ, разсказывая хотя бы самую невѣроятную исторію, его противникъ всегда принужденъ былъ покориться и сдаться. Если же иногда и находились смѣльчаки, рисковавшіе отнестись съ недовѣріемъ къ его фантастическимъ разсказамъ, адмиралъ вспыхивалъ какъ порохъ и черезъ пять минутъ уже бушевалъ, какъ океанъ во время бури, а черезъ пятнадцать въ курилкѣ не оставалось уже никого; вспыльчивый старикъ одиноко бѣсновался въ ней, стуча кулакомъ по столу, опрокидывая стулья и щедро расточая всевозможныя проклятія.

Но, наконецъ, и онъ нашелъ себѣ достойнаго противника. Всѣ, кто ни пробовалъ вступать съ нимъ въ споръ, были побѣждены, и только одинъ Уильямсъ составилъ исключеніе. Адмиралу ни разу не удалось заставить его высказать свое мнѣніе о политикѣ. Но однажды, когда адмиралъ подошелъ къ дверямъ, и всѣ собирались улепетнуть отъ него, Уильямсъ вдругъ сказалъ:

— Адмиралъ, вы увѣрены въ томъ, что все, что вы разсказывали намъ на-дняхъ о священникѣ, истинная правда?

Всѣ были поражены дерзостью этого человѣка, осмѣлившагося сознательно обрекать себя на гибель. Всѣ, собравшіеся было уходить, остались и усѣлись по мѣстамъ, желая видѣть взрывъ. Самъ адмиралъ былъ удивленъ не меньше остальныхъ. Онъ остановился въ дверяхъ съ наполовину поднятымъ къ лицу краснымъ носовымъ платкомъ и смотрѣлъ на дерзкое пресмыкающееся въ углу.

— Вы спрашиваете, увѣренъ ли я въ этомъ? Неужели вы думаете, что я солгалъ? За кого вы меня принимаете? Тотъ, кто не знаетъ этого обстоятельства, ничего не знаетъ; ребенокъ долженъ это знать. Почитайте исторію! Почитайте... и не спрашивайте человѣка, увѣренъ ли онъ въ такой азбучной истинѣ, о которой знаютъ даже негры.

Тутъ негодованіе адмирала стало разгораться, атмосфера сгустилась, раздался гулъ наступающаго землетрясенія, онъ металъ громъ и молніи. Черезъ три минуты его вулканъ былъ въ полномъ изверженіи, онъ выбрасывалъ пламя и пепелъ негодованія, изрыгалъ изъ своего кратера цѣлые потоки раскаленной брани. Между тѣмъ Уильямсъ сидѣлъ молча и, очевидно, серьезно и глубоко былъ заинтересованъ тѣмъ, что

говорилъ старикъ. Когда, наконецъ, наступило затишье, онъ сказалъ самымъ почтительнымъ тономъ и съ довольнымъ видомъ человѣка, которому разъяснили мучившую его тайну.

— Теперь я понялъ. Мнѣ казалось, что я хорошо знаю этотъ эпизодъ, но я все-таки боялся этому вѣрить, потому что не зналъ тѣхъ убѣдительныхъ подробностей, которыя хотѣлось бы имѣть, когда читаешь о такомъ важномъ историческомъ событіи; но когда вы назвали каждое имя, назвали день, число, перечислили всѣ малѣйшія подробности, я сказалъ себѣ, это звучитъ какъ нѣчто... историческое... это значитъ придать факту видъ, который внушаетъ человѣку довѣріе; и я сказалъ себѣ послѣ, что спрошу адмирала, увѣренъ ли онъ, что все это именно такъ и было и, если онъ скажетъ „да", я подойду и поблагодарю его за разъясненіе мнѣ этого дѣла.

До сихъ поръ никому не приходилось видѣть, чтобы лицо адмирала имѣло такой добродушный и довольный видъ. Всѣ болѣе или менѣе недовѣрчиво относились къ его разсказамъ и вдругъ... нашелся человѣкъ, который не только повѣрилъ всему, но еще былъ за это благодаренъ. Это до такой степени удивило адмирала, что онъ не зналъ, что ему сказать; у него не хватало даже брани. Уильямсъ между тѣмъ продолжалъ такимъ же скромнымъ и серьезнымъ тономъ.

— Но, говоря, что это было первымъ камнемъ, ускорившимъ войну, вы упустили изъ виду, адмиралъ, одно обстоятельство, которое вамъ хорошо извѣстно, но которое ускользнуло изъ вашей памяти. Я согласенъ, что все, о чемъ вы намъ разсказывали, вѣрно до мельчайшихъ подробностей, то-есть, что шестнадцатаго октября тысяча восемьсотъ шестидесятаго года, два массачузетскихъ священника, по имени Уэйтъ и Грэнджеръ, проникли ночью, переодѣтые, въ домъ Джона Муда въ Рокпортѣ, вытащили изъ дому двухъ женщинъ-южанокъ и двоихъ маленькихъ дѣтей и, обмазавъ ихъ смолою и перьями, отвезли въ Бостонъ, гдѣ и сожгли живыми на главной площади; я согласенъ также съ вашимъ предположеніемъ, что именно это и привело къ отпаденію южной Каролины двадцатаго декабря. Очень хорошо. (Тутъ общество было пріятно удивлено, слыша, какъ Уильямсъ обратилъ противъ адмирала его собственное непобѣдимое оружіе: видимо фабрикованную исторію, въ которой не было ни единаго слова правды).—Я говорю, очень хорошо. Но зачѣмъ же упускать, адмиралъ, случай Уиллиса и Моргана въ южной Каролинѣ? Вы слишкомъ хорошо освѣдомленный человѣкъ, чтобы не знать объ этомъ обстоятельствѣ. Ваши разсказы о причинахъ, вызвавшихъ эту междоусобную распрю, даютъ основаніе предполагать, что вамъ извѣстны всѣ

мельчайшія подробности, относящіяся къ этому великому вопросу. Поэтому позвольте мнѣ напомнить вамъ случай съ Уиллисомъ и Морганомъ... Я вижу по вашему лицу, что теперь вы и сами уже припоминаете этотъ случай... Двѣнадцатаго августа тысяча восемьсотъ шестидесятаго года, за два мѣсяца до нападенія Уэйта и Гренджа на южанъ, два пастора изъ южной Каролины, Джонъ Г. Морганъ и Уинтропъ Л. Уиллисъ, одинъ методистъ, а другой изъ секты старо-баптистовъ, переодѣтые, проникли въ полночь въ домъ плантатора Арчибальда Ф. Томпсона, вице-президента при Томасѣ Джефферсонѣ, захватили его вдовствующую тетку (сѣверянку) и ея пріемнаго сына-сироту, по имени Мортимера Хайи, страдавшаго эпилепсіей и отекомъ ногъ, что заставляло его по временамъ ходить на костыляхъ; упомянутые выше пасторы, несмотря на мольбы жертвъ, затащили ихъ въ кусты, вымазали смолой и перьями, а послѣ сожгли на кострѣ въ Чарльстонѣ. Вы прекрасно помните, сколько это надѣлало шуму; вы прекрасно помните, что даже чарльстонскій „Курьеръ“ заклеймилъ этотъ актъ насилія и сказалъ, что не было бы ничего удивительнаго, если бы послѣдовало за это возмездіе. Кто же въ дѣйствительности были эти два массачузетскіе пастора? И кто были тѣ двѣ сожженныя южанки? Мнѣ нечего напоминать вамъ, адмиралъ, при вашемъ близкомъ знакомствѣ съ историческими фактами, что Уэйтъ былъ племянникъ женщины, сожженной въ Чарльстонѣ, что Гренджъ былъ ея двоюроднымъ братомъ, а та женщина, которую они сожгли въ Бостонѣ, была жена Джона Г. Моргана и все еще любимая, хотя и разведенная, жена Уинтропа Л. Уиллиса. Итакъ, адмиралъ, теперь вы, навѣрное, и сами согласитесь, что первый вызовъ былъ сдѣланъ пасторами южанъ, и что сѣверяне имѣли право отомстить имъ за это. Поэтому я, не колеблясь, прошу васъ, адмиралъ, во имя справедливости, снять незаслуженное обвиненіе съ массачузетскихъ пасторовъ и перенести его на пасторовъ южной Каролины, которые въ этомъ дѣлѣ являются единственно виновными лицами.

Адмиралъ былъ побѣжденъ. Онъ пробормоталъ, пересыпая бранью, что-то такое объ этомъ проклятомъ дѣлѣ Уиллиса и Моргана, которое совсѣмъ вылетѣло у него изъ головы, но которое онъ теперь вспомнилъ, а потомъ, подъ предлогомъ, что ему необходимо дать „Вѣеру“, лѣкарства отъ воображаемаго кашля, покинулъ поле битвы и ушелъ побѣжденный. Въ курилкѣ поднялся громкій говоръ и смѣхъ, а Уильямсъ сталъ героемъ въ глазахъ пассажировъ. Вѣсть о пораженіи адмирала облетѣла весь корабль, въ курилку потребовали шампанскаго

и всѣ шли туда пожать руку побѣдителю. Рулевой разсказывалъ потомъ, что адмиралъ долго стоялъ на капитанскомъ мостикѣ, рвалъ и металъ, проклиная всѣхъ и вся, пока клокотавшая въ груди у него буря не стихла наконецъ.

Власть адмирала была сломлена. Послѣ этого, какъ только онъ начиналъ приводить свои доказательства, кто-нибудь звалъ Уильямса, и старикъ сразу успокаивался. А какъ только онъ успокаивался, Уильямсъ своимъ кроткимъ, вкрадчивымъ голосомъ разсказывалъ какую-нибудь прямо-таки невѣроятную исторію (ссылаясь въ доказательство на превосходную память старика и на тѣ нумера „Старой Гвардіи“, которыхъ, онъ зналъ, у адмирала не было) и оставлялъ адмирала совсѣмъ за бортомъ и безпомощнымъ. Мало-по-малу адмиралъ сталъ такъ бояться Уильямса и его медоточиваго языка, что переставалъ говорить, какъ только тотъ подходилъ къ нему, а наконецъ и совсѣмъ пересталъ въ разговорахъ касаться политики, и съ того времени на кораблѣ наступили миръ и тишина.

XVIII.

Въ одно прекрасное утро острова выступили передъ нами изъ океана, и всѣ взобрались на верхнюю палубу посмотрѣть на нихъ. Послѣ того, какъ мы на протяженіи двухъ тысячъ миль видѣли одну только воду, это было пріятное зрѣлище, По мѣрѣ нашего приближенія къ островамъ, все яснѣе выступалъ поднимавшійся изъ океана величественный мысъ „Алмазная Голова“, а за нимъ постепенно вырисовывалась и вся береговая линія, затѣмъ стали видны кокосовыя пальмы, потомъ хижины туземцевъ, потомъ, казавшійся весь бѣлымъ, городъ Гонолулу, въ которомъ насчитывается отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячъ жителей, а потомъ стали видны и самыя улицы, широкія и ровныя, точно полъ въ комнатѣ.

Чѣмъ дальше я шелъ по городу, тѣмъ больше онъ мнѣ нравился. Вмѣсто массивныхъ темнаго цвѣта фасадовъ, какъ въ Санъ-Франциско, я видѣлъ желтовато-бѣлаго цвѣта зданія, построенныя изъ коралловъ, обтесанныхъ въ видѣ довольно большихъ плитъ и скрѣпленныхъ цементомъ; изъ этого же матеріала была построена и большая часть чистенькихъ бѣлыхъ котэджей съ зелеными ставнями; вмѣсто маленькихъ палисадниковъ, обнесенныхъ желѣзными рѣшетками, я видѣлъ большіе дворы, заросшіе зеленой травой и осѣненные высокими деревьями, чрезъ густую листву которыхъ едва проникало

солнце; вмѣсто обычной герани, лилій и т. д., погибающихъ отъ пыли, я видѣлъ здѣсь всюду безчисленное множество роскошно развивавшихся всевозможныхъ цвѣтовъ, самыхъ яркихъ красокъ; вмѣсто ужасной ивовой рощи, какъ въ Санъ-Франциско, я видѣлъ цѣлые лѣса громадныхъ неизвѣстныхъ мнѣ деревьевъ со странными названіями, которыя смѣло могли стоять и одни безъ всякихъ подпорокъ; вмѣсто золотыхъ рыбокъ въ акваріумахъ я видѣлъ здѣсь всюду и вездѣ кошекъ породистыхъ и простыхъ, слѣпыхъ, одноглазыхъ, съ бѣльмами, кривыхъ, сѣрыхъ, черныхъ, бѣлыхъ, желтыхъ, пятнистыхъ, ручныхъ, дикихъ, цѣлые милліоны кошекъ жирныхъ, лѣнивыхъ и погруженныхъ въ крѣпкій сонъ.

На улицахъ я видѣлъ множество народа, частью блѣднолицыхъ во всемъ бѣломъ, не исключая и башмаковъ, но большинство изъ видѣнныхъ мною людей было почти такъ же черно, какъ негры, женщины съ симпатичными чертами лица, прекрасными черными глазами, въ ярко красномъ или бѣломъ платьѣ, которое свободно падаетъ съ плечъ до пятъ; длинные черные волосы у нихъ распущены; большія широкополыя шляпы украшены вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ ярко-краснаго цвѣта; чернокожіе мужчины встрѣчались въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, а на нѣкоторыхъ и вовсе не было ничего, кромѣ помятой шляпы въ видѣ трубы, нахлобученной на носъ, и очень короткихъ панталонъ; костюмы дѣтей состояли большею частью изъ одного только солнечнаго сіянія, что составляло для нихъ дѣйствительно очень чистый и живописный нарядъ. Вмѣсто бродягъ, подстерегающихъ васъ изъ-за угла, я видѣлъ длинноволосыхъ, желтолицыхъ туземныхъ дѣвушекъ, сидѣвшихъ на землѣ гдѣ-нибудь на углу возлѣ дома и лѣниво смотрѣвшихъ на всѣхъ и на все, что бросалось имъ въ глаза; вмѣсто булыжныхъ мостовыхъ я шелъ здѣсь по твердой, гладкой, ровной поверхности улицы, обязанной своимъ происхожденіемъ упорному труду кораллов и лишь сверху прикрытой довольно тонкимъ слоемъ лавы и тепла, выброшеннаго изъ кратера уже не дѣйствующаго вулкана, мирно дремлющаго много лѣтъ. Какъ хорошо было здѣсь сидѣть на открытомъ воздухѣ и смотрѣть то на склоны горъ, одѣтыхъ яркой зеленью, то на безграничный океанъ. Какъ хорошо было сидѣть въ травѣ и мечтать, мечтать, пока не почувствуешь укусъ скорпіона. Тогда прежде всего нужно разыскать въ травѣ скорпіона и убить его, потомъ смочить укушенное мѣсто спиртомъ или водкой, а потомъ дать себѣ слово больше не сидѣть на травѣ. Затѣмъ вы удаляетесь въ спальню, гдѣ проводите время въ томъ, что одной рукой пишете дневникъ, а другой — истребляете моски-

товъ цѣлыми массами однимъ ударомъ. Потомъ, замѣтивъ приближеніе врага, волосатаго тарантула на ходуляхъ, почему бы не накрыть его хотя бы плевальницей? Разъ это сдѣлано, вы можете спокойно смотрѣть на выдавшіеся наружу концы его ногъ, которыя даютъ ясное представленіе объ его громадныхъ размѣрахъ. Затѣмъ вы ложитесь спать, чтобы сдѣлаться мѣстомъ прогулки для стоножки, у которой по сорокъ двѣ ноги съ каждой стороны, и каждая нога жжетъ такъ немилосердно, что могла бы прожечь дыру въ тѣлѣ, не будь вы прикрыты одѣяломъ. Вы обмываете укусы спиртомъ и рѣшаете въ будущемъ осматривать постель, прежде чѣмъ ложиться на нее. Потомъ надо ждать и терпѣть, пока всѣ москиты заберутся подъ пологъ, тогда надо быстро наглухо задернуть пологъ и уже потомъ спокойно спать на полу до утра.

Въ Гонолулу, конечно, обиліе всевозможныхъ плодовъ. Имѣются также и тамаринды. Я думалъ, что тамаринды ѣдятъ, и съѣлъ нѣсколько штукъ; они были до такой степени кислы, что у меня свело весь ротъ, и я цѣлыя сутки послѣ того питался чрезъ соломинку. Зубы у меня стали острые, какъ бритва, и я боялся, что они такими и останутся навсегда, но одинъ туземецъ успокоилъ меня словами: „Нѣтъ, это пройдетъ, когда сойдетъ съ зубовъ эмаль". Послѣ я узналъ, что только иностранцы ѣдятъ тамаринды, но и они ѣдятъ ихъ всего одинъ разъ въ жизни.

XIX.

На третій день пребыванія въ Гонолулу я записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее:

Экскурсія на „Алмазную Голову" и въ „Королевскую кокосовую рощу"—время отправленія 4 ч. 30 м. пополудни,—въ экскурсіи должны были принять участіе двѣнадцать мужчинъ и три дамы. Всѣ они отправились въ назначенный часъ, кромѣ меня, я былъ въ государственной тюрьмѣ (съ капитаномъ Фишемъ и капитаномъ Филиппсомъ, тоже шкиперомъ китоловнаго судна) и такъ заинтересовался ея осмотромъ, что незамѣчалъ, какъ быстро проходило время. Кто-то, наконецъ, сказалъ, что уже двадцать минутъ шестого, и это заставило меня вспомнить объ экскурсіи. Къ счастью, оказалось, что капитанъ Филиппсъ пріѣхалъ въ своей душегубкѣ, какъ онъ называлъ свою одноколку, которую привезъ сюда еще капитанъ Кукъ въ 1778 году, и въ которую была запряжена лошадь, тоже привезенная сюда еще капитаномъ Кукомъ. Капитанъ Филиппсъ справедливо гордился своимъ умѣніемъ

подгонять свою лошадь, потому что желанію похвастать этимъ я обязанъ тѣмъ, что мы всего только шестнадцать минутъ ѣхали отъ тюрьмы до Американской гостиницы, до которой считается больше полу-мили. Но пришлось страшно гнать. Кнутъ капитана работалъ не переставая, и удары выбивали такъ много пыли изъ шкуры лошади, что большую часть пути мы ѣхали въ непроницаемомъ туманѣ и узнавали дорогу только по компасу, который все время держалъ въ рукѣ капитанъ Фишъ, чувствовавшій себя въ нашей душегубкѣ, точно на палубѣ корабля и все время командовавшій: „прямо руль... руль на штирбортъ... прямо... руль на бакбортъ... прямо... такъ держать...“—Когда мы, наконецъ, стали на якорь, капитанъ Филиппсъ взглянулъ на часы и сказалъ: „Шестнадцать минутъ, каково!.. Это выходитъ больше трехъ миль въ часъ!“ Я видѣлъ, что онъ чувствуетъ, что заслужилъ комплиментъ, а потому сказалъ, что его лошадь нельзя сравнивать даже съ молніей. Ее и въ самомъ дѣлѣ нельзя было сравнивать съ молніей.

Хозяинъ Американской гостиницы сказалъ намъ, что всѣ уѣхали около часу тому назадъ, но что онъ можетъ дать мнѣ на выборъ нѣсколько такихъ лошадей, которыя въ состояніи догнать ихъ. Я сказалъ, что мнѣ, наоборотъ, хотѣлось бы имѣть совсѣмъ спокойную лошадь, хотя бы даже хромую, если у него есть. Черезъ пять минутъ я сидѣлъ уже на лошади, которая показалась мнѣ смирной, какъ овца. Я назвалъ свою лошадь по-имени этого острова „О-уа-хи“. Завидя первыя попавшіяся намъ на пути ворота, лошадь повернула къ нимъ; у меня не было ни кнута ни шпоръ, а потому я сталъ просто уговаривать ее не дѣлать этого. Она сначала не соглашалась, но потомъ, когда я примѣнилъ и силу, она повернула отъ этихъ воротъ и направилась къ другимъ на той сторонѣ улицы. Я опять заставилъ ее не дѣлать этого. На протяженіи слѣдующихъ шестисотъ ярдовъ она четырнадцать разъ переѣзжала черезъ улицу и подъѣзжала къ тринадцати воротамъ, а между тѣмъ тропическое солнце пекло и грозило растопить мою макушку, и я буквально обливался потомъ. Наконецъ, конь мой оставилъ въ покоѣ ворота и спокойно направился по дорогѣ, задумчиво опустивъ голову. Мнѣ это казалось подозрительнымъ, и я боялся, какъ бы она ни выкинула со мной какой-нибудь штуки. Тревога моя все возрастала, и я, наконецъ, рѣшилъ слѣзть съ лошади и посмотрѣть, нѣтъ ли чего опаснаго для меня у нея въ глазахъ: я слыхалъ, что глаза этихъ благороднѣйшихъ изъ домашнихъ животныхъ очень выразительны. Я не могу описать, какая тяжесть свалилась у меня съ души, когда я увидѣлъ, что конь мой просто-напросто

спитъ. Я разбудилъ его и заставилъ итти быстрѣе, но тутъ опять выступила на сцену его гадкая натура. Онъ вздумалъ вдругъ взобраться на каменную стѣну, высотой въ пять или въ шесть футовъ. Я видѣлъ, что съ этой лошадью необходимо употребить силу и, отломивъ съ тамариндоваго дерева вѣтку, превратилъ ее въ гибкій крѣпкій хлыстъ. Какъ только лошадь увидѣла у меня въ рукѣ хлыстъ, она сейчасъ же пустилась какимъ-то судорожнымъ галопомъ, дѣлая три короткихъ скачка и одинъ длинный, чѣмъ напоминала мнѣ попеременно то колебаніе почвы во время землетрясенія, то легкое ныряніе „Аякса" въ бурю.

Мнѣ кажется, что мнѣ едва ли представится другой болѣе удобный случай, чтобы призвать благословеніе (только наоборотъ) на того человѣка, который изобрѣлъ американское сѣдло. Сидѣть на немъ все равно, что сидѣть на лопатѣ, а стремена не что иное, какъ вредное украшеніе. Сидѣть на такомъ стулѣ крайне неудобно даже и тогда, когда сидишь по всѣмъ правиламъ верховой ѣзды, и каждую минуту кажется, что вотъ-вотъ слетишь съ лошади.

Отъѣхавъ съ полторы мили отъ города, я въѣхалъ въ рощу, состоявшую изъ кокосовыхъ деревьевъ съ гладкими стволами, достигавшими высоты шестидесяти или семидесяти футовъ и увѣнчанными великолѣпнымъ пучкомъ зеленой листвы и гроздьями кокосовыхъ орѣховъ. Несмотря на то, что верхушка кокосоваго дерева производитъ впечатлѣніе гигантскаго разорваннаго зонтика съ подвѣшенными къ нему великолѣпными гроздьями винограда, или еще лучше имѣетъ видъ метелки изъ перьевъ, обожженной молніей, въ немъ все-таки, безспорно, есть что-то чарующее и даже живописное.

Въ рощѣ тутъ и тамъ виднѣлось съ дюжину коттэджей, частью построенныхъ изъ дерева, а частью изъ туземной травы. Коттэджи или, вѣрнѣе, хижины, построенныя изъ травы, были сѣроватаго цвѣта и напоминали наши собственные коттэджи, только съ болѣе высокими и крутыми крышами; они были сдѣланы изъ крѣпко связанной въ пучки травы. Крыши, а равно и стѣны, очень толстыя; въ стѣнахъ продѣланы четыреугольныя отверстія, замѣняющія окна. На извѣстномъ разстояніи эти хижины казались какъ бы обтянутыми медвѣжьими шкурами. Въ нихъ было очень хорошо и прохладно. На крышѣ одного такого коттэджа развѣвался королевскій флагъ,—это, вѣроятно, значило, что тамъ король. Тутъ королю принадлежатъ почти всѣ окрестныя мѣста, и онъ часто проводитъ здѣсь время въ жаркіе дни въ своей такъ называемой „Королевской рощѣ".

Тутъ же, неподалеку, есть интересная развалина,—скудные остатки древне-языческаго храма,—мѣсто, гдѣ приносились человѣческія жертвы въ тѣ давно минувшія времена, когда наивныя дѣти природы думали, что принесенной жертвой можно искупить всякій грѣхъ или вымолить себѣ что-нибудь у божества.

Древній храмъ былъ построенъ изъ грубо обтесанныхъ обломковъ лавы и состоялъ, собственно говоря, изъ огороженнаго пространства безъ крыши, въ сто тридцать футовъ длиною и семьдесятъ футовъ шириною, при чемъ эти очень толстыя стѣны были всего въ вышину человѣческаго роста. Стѣны эти, по всей вѣроятности, простоятъ еще цѣлые вѣка, если только ихъ оставятъ въ покоѣ. Бывшіе внутри ограды три жертвенника и другія священныя приспособленія развалились и совсѣмъ исчезли нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Говорятъ, что въ старыя времена здѣсь убивали тысячи людей въ присутствіи голыхъ ликующихъ дикарей. Если бъ эти нѣмые камни могли говорить, сколько бы исторій могли они разсказать, какъ картинно могли бъ они описать, какъ корчились подъ ножами жрецовъ закованныя жертвы!

Камеамеа Великій, который былъ въ своемъ родѣ Наполеонъ по своимъ военнымъ талантамъ и побѣдамъ на полѣ битвы, напавъ на островъ О-уа-хи три четверти вѣка тому назадъ, уничтожилъ высланное противъ него войско и совершенно и окончательно завладѣлъ всѣмъ островомъ; онъ разыскалъ трупъ короля Оагу и главныхъ начальниковъ и выставилъ ихъ головы на стѣнахъ этого храма.

XX.

Хотя и съ большимъ трудомъ, но мы все-таки взобрались на вершину довольно высокой горы, съ которой открывался видъ на далекое пространство. Взошла луна и облила гору, долину и океанъ своимъ мягкимъ сіяніемъ, а въ отдаленіи, сквозь зеленую листву, сверкали огоньки въ Гонолулу, точно стая свѣтящихся мухъ. Воздухъ былъ напоенъ ароматомъ цвѣтовъ. Мы пробыли на горѣ очень недолго, и скоро все наше общество, весело болтая, галопомъ неслось по равнинѣ, а затѣмъ мы увидѣли передъ собою обширное пространство, на которомъ не было ничего, кромѣ глубокаго песку. Намъ сказали, что это мѣсто происходившей здѣсь нѣкогда битвы. Кругомъ всюду виднѣлись человѣческія кости, казавшіяся бѣлыми при лунномъ свѣтѣ. Мы набрали множество ихъ на память. Я тоже набралъ себѣ не мало костей изъ рукъ и ногъ, мо-

жеть-быть, великихъ вождей, принимавшихъ участіе въ этой битвѣ, во время которой кровь лилась, какъ вино, тамъ, гдѣ мы стояли. Тамъ можно было насбирать всевозможныхъ костей за исключеніемъ череповъ; но одинъ изъ туземцевъ объяснилъ намъ, что недавно это поле битвы посѣтило очень большое число охотниковъ за черепами,—очевидно, эти охотники принадлежали къ особенному роду спортсменовъ, о которомъ я никогда прежде не слыхалъ.

Когда именно происходила эта битва, на этотъ вопросъ не могъ мнѣ отвѣтить утвердительно никто изъ мѣстныхъ старожиловъ, они знали только, что кости эти лежатъ тутъ съ незапамятныхъ временъ. Кромѣ того, я слышалъ тутъ отъ одного изъ туземцевъ и довольно обстоятельный разсказъ по этому поводу, который, впрочемъ, могъ быть имъ позаимствованъ изъ одной изъ многочисленныхъ книгъ, описывающихъ эти острова. Онъ сказалъ мнѣ, что Ка-меа-меа, бывшій въ то время всего лишь однимъ изъ вождей на островѣ Гавайи, прибылъ сюда съ большимъ войскомъ. Жители острова Оагу встрѣтили его съ оружіемъ въ рукахъ и до такой степени были увѣрены въ побѣдѣ, что нафанатизированные жрецами провели линію на томъ мѣстѣ, гдѣ лежатъ теперь кости, и поклялись не отступать за эту черту. Началась битва, и войско Ка-меа-меа стало тѣснить ихъ. Жрецы сражались въ переднихъ рядахъ и, вдохновляя ихъ личнымъ примѣромъ, неустанно напоминали имъ клятву не переступать за роковую черту. Въ самый разгаръ боя стрѣла пронзила сердце верховному жрецу; островитяне Оагу дрогнули и, тѣснимые непріятелемъ, переступили за черту... Въ наказаніе за это боги покинули ихъ... началось безпорядочное бѣгство... Враги гнали ихъ черезъ равнину, гдѣ теперь стоитъ Гонолулу, по красивой долинѣ Кууану. Тутъ они остановились на минуту, стѣсненные съ обѣихъ сторонъ крутыми горами, а впереди, прямо передъ ними, была ужасная пропасть Пари... Враги, между тѣмъ, продолжали тѣснить ихъ, и они падали въ пропасть, глубиною въ шестьсотъ футовъ!

Разсказъ этотъ кажется весьма правдоподобнымъ, но мистеръ Джервесъ, въ своей исторической монографіи, подтверждая этотъ разсказъ, ни словомъ не упоминаетъ объ усѣянномъ костями полѣ битвы.

Я держался далеко позади отъ остальныхъ участниковъ въ экскурсіи и подъ впечатлѣніемъ глубокой тишины и покоя, витавшаго надъ развертывавшейся передо мной чудной картиной, далъ волю своей фантазіи и, по привычкѣ, сталъ вслухъ высказывать свои мысли.

Вдругъ лошадь моя присѣла на песокъ, вѣроятно, для того, чтобы лучше слышать мои разглагольствованія. Меня это страшно возмутило, и я доказалъ ей, что я не такой человѣкъ, который позволитъ лошади насмѣхаться надъ нимъ. Я раздробилъ становую кость какого-то вождя объ ея крупъ и пустился вдогонку за кавалькадой.

Когда въ конецъ измученные возвращались мы въ городъ въ 9 часовъ вечера, я былъ во главѣ, потому что какъ только моя лошадь убѣдилась, что мы ѣдемъ домой, она больше ничѣмъ уже не развлекалась и летѣла во весь духъ.

Въ Гонолулу, какъ и во всемъ Гавайскомъ королевствѣ, не существуетъ манежей, гдѣ можно было бы брать лошадей напрокатъ, и потому, если у васъ нѣтъ знакомыхъ среди мѣстныхъ богачей (они всѣ имѣютъ хорошихъ лошадей), вы должны нанимать самыхъ скверныхъ лошадей у канаковъ (т.-е. у туземцевъ). Какую бы лошадь вы ни наняли, даже хотя бы у бѣлаго, она будетъ не важная, потому что приведена къ вамъ изъ какого-нибудь ранчо, гдѣ она по необходимости вела тяжелую жизнь. Если канакъ заботился о ней (они страшные любители верховой ѣзды), не ѣздилъ на ней самъ каждый день и не заѣздилъ ее до полусмерти, то вы можете быть увѣрены, что это дѣлали за него другіе, тайно отдавая ее внаймы. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ говорили. Въ результатѣ ни одна лошадь не имѣетъ возможности ни поѣсть, ни попить, ни отдохнуть какъ слѣдуетъ, а потому иностранцы и ѣздятъ по островамъ на такихъ лошадяхъ, какъ я сегодня.

Нанимая лошадь у канака, вы должны смотрѣть во всѣ глаза, потому что можете быть спокойны, что имѣете дѣло съ самымъ отчаяннымъ мошенникомъ. Онъ не украдетъ у васъ ничего даже изъ не запертой комнаты, въ его натурѣ нѣтъ склонности къ воровству, но какъ только дѣло коснется лошади, онъ, если представится возможность, непремѣнно надуетъ васъ и даже съ особымъ наслажденіемъ. Онъ возьметъ съ васъ какъ можно дороже; онъ дастъ вамъ прекрасную лошадь ночью (чью бы то ни было, хотя бы даже королевскую, если его лошадь будетъ въ приличномъ видѣ), а утромъ приведетъ вамъ такую же клячу, какъ моя, и будетъ увѣрять васъ, что это та же самая лошадь. Если вы поднимете споръ, онъ уведетъ лошадь, говоря, что это не онъ торговался съ вами, а его братъ, который уѣхалъ сегодня утромъ. У нихъ всегда есть „братъ“, на котораго можно свалить всю отвѣтственность. Одна „жертва“ сказала однажды одному изъ этихъ молодцовъ:

— Но я знаю, что нанималъ лошадь у васъ, потому что я замѣтилъ шрамъ у васъ на щекѣ.

Въ отвѣтъ онъ услышалъ:

— О, да... да... у моего брата тоже... Мы близнецы!

Одинъ изъ моихъ друзей, Дж. Смитъ, нанялъ вчера лошадь у канака, который ручался за нее. У Смита было свое сѣдло и попона, и онъ велѣлъ канаку надѣть ихъ на лошадь. Канакъ возразилъ, что ему было бы гораздо пріятнѣе, если бы джентльменъ ѣхалъ на томъ сѣдлѣ, которое уже есть на лошади; но Смитъ отказался. Сѣдло перемѣнили; Смитъ замѣтилъ, что канакъ перемѣнилъ только одно сѣдло, а подстилку оставилъ прежнюю, будто бы по забывчивости, какъ объяснилъ канакъ. Смитъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ. Лошадь хромала цѣлую милю, а потомъ стала выкидывать какіе-то необыкновенные курбеты. Смитъ слѣзъ съ лошади и снялъ сѣдло и попону, подъ которой оказалась масса ссадинъ,—этимъ и объяснялось странное поведеніе канака.

Дня два тому назадъ другой мой пріятель купилъ у канака отличную на видъ лошадь послѣ самаго тщательнаго осмотра. Сегодня онъ сдѣлалъ открытіе, что его лошадь слѣпа на одинъ глазъ. Онъ говорилъ, что его сильно смущалъ именно этотъ глазъ, но что каждый разъ, какъ онъ собирался изслѣдовать его, канакъ отвлекалъ его вниманіе на что-нибудь другое.

Еще одинъ и послѣдній примѣръ. Мнѣ разсказывали, что нѣкій мистеръ Л. пріѣзжій иностранецъ, будучи здѣсь, купилъ пару очень недурныхъ съ виду лошадей у одного туземца. Лошади стояли въ небольшой конюшнѣ, раздѣлявшейся посрединѣ перегородкой,—каждая лошадь стояла въ отдѣльномъ стойлѣ. Мистеръ Л. критически осмотрѣлъ одну изъ нихъ въ окно („братъ“ канака уѣхалъ въ деревню и увезъ съ собою ключи), а потомъ обошелъ кругомъ конюшни и посмотрѣлъ на другую лошадь въ окно съ другой стороны. Лошади ему понравились, и онъ тутъ же заплатилъ за нихъ деньги... Канакъ отправился въ деревню за своимъ братомъ. Негодяй безсовѣстно надулъ мистера Л., которому онъ показывалъ всего одну только лошадь сначала со штирборта въ одно окно а потомъ съ бакборта въ другое окно! Я отказываюсь вѣрить этой исторіи, но привожу ее потому что она даже и какъ анекдотъ можетъ служить хорошей иллюстраціей взгляда канака на торговлю лошадьми.

Вы можете купить очень хорошую лошадь за сорокъ, за пятьдесятъ долларовъ и довольно сносную для всѣхъ практическихъ цѣлей за два съ половиной доллара. Бывшую у меня лошадь я цѣню около тридцати пяти центовъ. Гораздо лучшая лошадь, чѣмъ она, была продана здѣсь третьяго дня за долларъ семьдесятъ пять центовъ, а потомъ снова продана сегодня,

за два доллара двадцать пять центовъ. Уильямсъ упилъ вчера красиваго и проворнаго пони за десять долларовъ; а пожалуй самая лучшая лошадь на островѣ (и она дѣйствительно хороша) продана вчера, съ мексиканскимъ сѣдломъ и уздечкой, за семьдесятъ долларовъ. Вы даете вашей лошади немного корму разъ въ день; его доставляютъ изъ Санъ-Франциско, и стоитъ онъ около двухъ центовъ за фунтъ; затѣмъ вы даете ей вволю сѣна; сѣно, надо замѣтить, не особенно высокаго качества и покупается у туземцевъ связками въ ростъ человѣка, цѣною по двадцати пяти центовъ за связку, и одной такой связки хватаетъ лошади почти на весь день. Вы можете пріобрѣсть лошадь за бездѣлицу, сѣна на недѣлю тоже за бездѣлицу и, кромѣ того, вы можете пустить свою лошадь въ садъ вашего сосѣда на подножный кормъ на ночь, не платя ему за это уже совсѣмъ ничего, а утромъ должны увести ее въ конюшню. Но когда вамъ приходится покупать сѣдло и сбрую, это будетъ стоить уже отъ двадцати до тридцати пяти долларовъ. Вы можете, впрочемъ, нанять лошадь съ платой отъ семи до десяти долларовъ въ недѣлю, и владѣлецъ ея будетъ содержать ее уже самъ на свой счетъ.

Пора, однако, кончать отчетъ о сегодняшнемъ днѣ,—пора спать. Когда я сталъ уже засыпать, сильный голосъ раздался среди ночной тишины, и я узналъ мотивъ хорошо знакомой мнѣ родной пѣсни. Но только слова казались мнѣ какими-то странными:

„Уэйкики лантони ö Каа хули уэху“.

Въ переводѣ это значитъ: „Когда мы маршировали черезъ Георгію“.

XXI.

Проходя по базарной площади, мы замѣтили, между прочимъ, что въ Гонолулу въ субботу время, начиная съ полудня, считается праздничнымъ. Туземныя дѣвушки по двѣ, по три, партіями душъ въ двѣнадцать, а иногда и цѣлыми большими компаніями разъѣзжаютъ верхомъ по улицамъ на своихъ быстроногихъ туземныхъ лошадяхъ. Такая группа наѣздницъ въ живописныхъ яркихъ костюмахъ представляетъ красивое и пріятное для глазъ зрѣлище. Ихъ костюмъ для верховой ѣзды не что иное, какъ длинный и широкій яркаго цвѣта шарфъ, которымъ амазонка обертываетъ бедра такимъ образомъ, что концы шарфа падаютъ у нея за спиной и наскаку развѣваются надъ крупомъ лошади.

По субботамъ дѣвушки щеголяютъ нарядами; однѣ изъ нихъ надѣваютъ черныя шелковыя платья; другія—красныя такого

яркаго цвѣта, что въ глазахъ рябитъ; третьи—бѣлыя, какъ снѣгъ, а нѣкоторыя—такія, которыя отливаютъ всѣми цвѣтами радуги; онѣ носятъ волосы въ сѣткахъ; свои прелестныя шляпки онѣ украшаютъ живыми цвѣтами, а свою смуглую шею окружаютъ самодѣльными ожерельями изъ ярко-красныхъ цвѣтовъ „охайа“. Онѣ толпами бродятъ въ своихъ пестрыхъ нарядахъ по базарной площади и по примыкающимъ къ ней улицамъ, распространяя всюду запахъ кокосоваго масла.

Иногда вы увидите тутъ и язычника съ какого-нибудь отдаленнаго острова съ юга, съ татуированнымъ лицомъ и шеей, что дѣлало его похожимъ на знакомый всѣмъ типъ нищаго въ Уэшо изъ числа пострадавшихъ отъ взрыва въ рудникѣ.

Двигаясь среди суетливой толпы, вы доберетесь до продавцевъ „пои“, сидящихъ въ тѣни на корточкахъ, совсѣмъ по-туземному, и окруженныхъ покупателями. „Пои“ похоже на обыкновенное мучное тѣсто и хранится въ большихъ чашахъ, сдѣланныхъ изъ особаго рода тыквы, въ которыя входитъ отъ одного до трехъ или четырехъ галлоновъ: „Пои“—главная пища туземцевъ и приготовляется изъ растенія „таро“. Корень „таро“ имѣетъ видъ толстаго или, если хотите, мясистаго сладкаго картофеля по формѣ, а когда онъ сваренъ, то принимаетъ слегка пурпуровую окраску. Вареный, онъ можетъ замѣнять собою хлѣбъ. Канаки пекутъ его въ золѣ, потомъ растираютъ тяжелой ступкой изъ лавы, прибавляютъ воды, пока порошокъ не превратится въ тѣсто, а затѣмъ отставляютъ въ сторону и даютъ тѣсту подняться,—получается „пои“, безвкусное, пока оно не подымется, а потомъ слишкомъ кислое для любителей сладкаго. Но зато нѣтъ ничего питательнѣе. Однакоже, если питаться только однимъ „пои“, оно дѣйствуетъ возбуждающе; это можетъ и служитъ причиной своенравнаго характера канаковъ. Ѣсть тѣсто „пои“ такъ же трудно, какъ и ѣсть палочками. Указательный палецъ погружаютъ въ тѣсто и быстро вертятъ нѣсколько разъ, потомъ такъ же быстро вытаскиваютъ его, густо обмазанный тѣстомъ, откидываютъ голову назадъ, кладутъ палецъ въ ротъ и, закрывъ глаза, съ наслажденіемъ медленно глотаютъ тѣсто! Много различныхъ пальцевъ опускается въ ту же миску, и много разныхъ оттѣнковъ грязи и запаховъ прибавляется къ качеству ея содержимаго.

Около небольшой лачуги собралась толпа туземцевъ, покупающихъ корень эуа. Говорятъ, что не будь этого корня, туземное населеніе гибло бы сильнѣй, чѣмъ теперь отъ болѣзней, завезенныхъ къ нимъ иностранцами, но другіе говорятъ, что это просто выдумка. Всѣ сходятся на томъ, что „пои“ молодитъ человѣка, который употребляетъ его, но приносимая имъ

польза почти совсѣмъ уничтожается сильно развитымъ пьянствомъ, и что при нѣкоторыхъ болѣзняхъ эуа можетъ возстановить здоровье даже и послѣ того, какъ не помогли всѣ остальныя лѣкарства: но далеко не всѣ вѣрятъ, что эуа обладаетъ всѣми приписываемыми ему качествами. Туземцы выдѣлываютъ изъ него опьяняющій напитокъ, который вреденъ по своимъ послѣдствіямъ, если постоянно употреблять его. Тѣло покрывается сухой бѣлой корой, въ глазахъ начинается воспаленіе, и наступаетъ преждевременная старость.

На рыбномъ рынкѣ мы нашли толпу народа, потому что туземецъ очень любитъ рыбу и ѣстъ ее не только сырую, но даже еще и живую! Но потолкуемъ лучше о чемъ-нибудь другомъ.

Въ прежнія времена воскресенье бывало здѣсь дѣйствительно высокоторжественнымъ днемъ. Все туземное населеніе города прекращало всякую работу, а жители окрестныхъ деревень отправлялись гулять въ городъ. Тогда бѣлые должны были сидѣть дома, потому что всѣ улицы бывали запружены кавалькадами всадниковъ и амазонокъ и пробраться сквозь эту толпу конныхъ, не получивъ увѣчья, было почти невозможно.

Ночь проводилась въ пиршествѣ, а дѣвушки отплясывали національный танецъ гула-гула. Танецъ этотъ, который исполняла группа дѣвушекъ, не имѣвшихъ на себѣ абсолютно ничего, чему можно было бы присвоивать названіе одежды, состоялъ изъ безконечно разнообразныхъ движеній и фигуръ, которыя онѣ, не торопясь, продѣлывали всѣ въ одно время съ такой математической точностью, что этому нельзя было не удивляться.

Въ послѣдніе годы вечера субботъ и воскресенья утратили, однако, свою прежнюю торжественность. Это еженедѣльное нашествіе туземцевъ сильно мѣшало обычному теченію жизни бѣлыхъ, и поэтому они то путемъ изданія различныхъ постановленій, то путемъ проповѣди съ церковной каѳедры, то иными различными способами постепенно прекратили это. Танецъ гула-гула допускалось исполнять только ночью, при закрытыхъ дверяхъ, въ присутствіи немногихъ зрителей, и только съ особаго каждый разъ разрѣшенія властей и съ уплатою за это разрѣшеніе десяти долларовъ. Теперь, впрочемъ, уже немногія дѣвушки и въ состояніи протанцовать, какъ слѣдуетъ, этотъ старинный національный танецъ.

Миссіонеры обратили въ христіанство всѣхъ туземцевъ. Они всѣ принадлежатъ къ христіанской церкви и среди нихъ нѣтъ ни одного свыше восьми лѣтъ, который не умѣлъ бы хорошо читать и писать на своемъ родномъ языкѣ. У нихъ печатаются даже книги на канакскомъ языкѣ, и всѣ туземцы любятъ чи-

тать. Они самымъ аккуратнымъ образомъ посѣщаютъ всѣ церковныя службы. Они, особенно женщины, стали высоко цѣнить цѣломудріе... впрочемъ, въ другихъ только. Все это, какъ видите, очень хорошо, но, къ сожалѣнію, соприкосновеніе съ цивилизаціей и съ бѣлыми уменьшило туземное населеніе съ четырехсотъ тысячъ (по счисленію капитана Кука) до пятидесяти пяти тысячъ въ какія-нибудь восемьдесятъ лѣтъ.

Странное здѣсь общество въ этомъ видномъ миссіонерскомъ, китоловномъ и правительственномъ центрѣ. Если вы при встрѣчѣ съ какимъ-нибудь незнакомымъ вамъ лицомъ пожелаете узнать, что это за человѣкъ, смѣло называйте его, вступая съ нимъ въ разговоръ, „капитаномъ" и, если вы увидите по его лицу, что вы ошиблись, спросите его, гдѣ онъ проповѣдуетъ. Можно поручиться, что онъ или миссіонеръ или китоловный капитанъ. Я теперь лично знакомъ съ семьюдесятью двумя капитанами и девяносто шестью миссіонерами. Капитаны и пасторы составляютъ половину всего населенія; третья четверть состоитъ изъ канаковъ и иностранныхъ купцовъ съ семействами, а послѣдняя четверть—изъ высшихъ чиновниковъ гавайскаго правительства. А кошекъ здѣсь какъ разъ столько, чтобы приходилось по три штуки на каждаго изъ жителей.

Какъ-то на-дняхъ на улицѣ встрѣтилъ меня почтеннаго вида джентльменъ и, вѣжливо обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Доброе утро, ваше преподобіе. Вы, по всей вѣроятности, проповѣдуете въ той каменной церкви?

— Нѣтъ, я не священникъ.

— Ахъ, простите, пожалуйста, капитанъ. Погода во время плаванія, надѣюсь, стояла хорошая... Ну, а какъ дѣло насчетъ жира?..

— Жира? Да за кого вы меня принимаете? Я не китоловъ.

— Прошу извиненія, ваше превосходительство! Вы, по всей вѣроятности, генералъ майоръ внутренней охраны? Можетъ-быть, вы министръ внутреннихъ дѣлъ? Военный министръ? Камергеръ двора его величества короля? Начальникъ портоваго управленія?

— Ничего подобнаго. Я не имѣю никакого отношенія къ правительству.

— Господи, помилуй! Такъ кто же вы такой? Какъ вы попали сюда и откуда вы?

— Я частное лицо... иностранецъ... недавно пріѣхалъ изъ Америки.

— Неужели? Вы не миссіонеръ? Не китоловъ? Не придворный? Даже не служите по морскому вѣдомству? Это такъ хорошо, что мнѣ даже не вѣрится! Вашу руку! Дайте мнѣ вашу руку!..

Простите мнѣ эти невольныя слезы! Шестнадцать долгихъ лѣтъ пришлось мнѣ дожидаться этой счастливой минуты.

Тутъ отъ сильнаго волненія онъ лишился чувствъ. Я былъ глубоко тронутъ. Я пролилъ надъ нимъ нѣсколько слезъ и даже поцѣловалъ его. Потомъ я забралъ всю, какая была у него мелочь, и удалился.

XXII.

Привожу выдержки изъ моего дневника.

Народное управленіе состоитъ изъ полудюжины бѣлыхъ и тридцати или сорока туземцевъ. Члены собранія изъ знати и министры (всѣхъ вмѣстѣ около двѣнадцати особъ) занимали лѣвый край залы; во главѣ ихъ стояли Давидъ Калакауа (королевскій канцлеръ) и принцъ Уильямъ. Предсѣдатель собранія, его королевское высочество М. Кекуакауа (нынѣ умершій) и вице-предсѣдатель (послѣдній бѣлый) сидѣли на каѳедрѣ, если можно такъ выразиться.

Предсѣдатель—отецъ короля. Это высокій, крѣпко сложенный, съ крупными чертами лица, сѣдовласый и смуглый старикъ, лѣтъ восьмидесяти или около того. Онъ былъ одѣтъ просто, но хорошо: синій сюртукъ, бѣлый жилетъ и бѣлые панталоны безъ единаго пятнышка. Во время нашествія полчищъ Камеамеа I онъ былъ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ и славился, какъ храбрый воинъ. Болѣе полувѣка тому назадъ онъ совсѣмъ нагой, съ дубинкой и копьемъ въ рукахъ, воевалъ во главѣ орды дикарей съ такими же, какъ и онъ, дикарями и съ наслажденіемъ предавался грабежамъ и убійствамъ; онъ тогда поклонялся идоламъ и приносилъ имъ жертвы, а теперь онъ христіанинъ. Онъ производитъ впечатлѣніе образованнаго, элегантнаго джентльмена; съ той поры онъ успѣлъ побывать въ Европѣ и тамъ ознакомиться съ образомъ правленія въ цивилизованныхъ странахъ... Полная приключеній и самыхъ неожиданныхъ превращеній жизнь этого старика куда интереснѣе самыхъ фантастическихъ выдумокъ въ романахъ!

Кекуакауа не королевской крови. Онъ получилъ свой княжескій титулъ отъ своей жены, которая была дочерью Камеамеа Великаго. Въ другихъ монархическихъ государствахъ мужская линія имѣетъ преимущество передъ женской въ генеалогическихъ таблицахъ, а здѣсь, наоборотъ, преимущество имѣетъ женская линія.

Обращеніе туземцевъ въ христіанство не только не уничтожило, но даже почти не ослабило языческихъ предразсудковъ и суе-

вѣрій. У нихъ существуетъ повѣрье, что если вашъ врагъ добудетъ какую-нибудь принадлежащую вамъ вещь, то онъ можетъ вымолить для васъ смерть. Поэтому многіе изъ туземцевъ умираютъ только потому, что вообразятъ себѣ, что какой-нибудь ихъ врагъ наноситъ имъ смертельный ударъ молитвой.

Въ прежнія времена среди островитянъ существовалъ обычай имѣть не только многихъ женъ, но также и многихъ мужей, и нѣкоторыя изъ туземныхъ женщинъ знатнаго рода имѣли по шести мужей. Но такіе случаи представляли исключеніе, а вообще въ тѣ времена женщину строго учили „знать свое мѣсто". А ея „мѣсто" было: дѣлать всю работу, принимать всѣ пинки, добывать всѣмъ пищу и довольствоваться тѣмъ, что оставалось послѣ того, какъ ея повелитель кончалъ обѣдъ. По древнему закону ей не только подъ страхомъ смерти воспрещалось ѣсть вмѣстѣ съ мужемъ или сидѣть вмѣстѣ съ нимъ въ лодкѣ, но запрещалось, кромѣ того, подъ страхомъ того же наказанія ѣсть бананы, ананасы, апельсины и другіе изысканные фрукты гдѣ бы и когда бы то ни было. Она должна была довольствоваться „пои" и нести всю тяжелую работу. Эти бѣдные невѣжественные язычники, повидимому, знали какимъ-то образомъ о томъ, что случилось съ женщиной, съѣвшей плодъ въ саду Эдема, и не хотѣли, чтобы такіе случаи повторялись. Но миссіонеры измѣнили такое прекрасное положеніе дѣлъ. Они освободили женщину и сдѣлали ее равноправной мужчинѣ. Затѣмъ у туземцевъ существовалъ еще обычай погребать заживо своихъ дѣтей, когда семейство становилось больше, чѣмъ нужно; но и тутъ вмѣшались миссіонеры и уничтожили этотъ обычай.

Туземцы и до сихъ поръ еще способны лечь и умереть, когда захотятъ, хотя бы здоровье ихъ въ это время находилось и въ прекрасномъ состояніи. Если канакъ задумалъ умереть, никто не въ состояніи убѣдить его отказаться отъ этого намѣренія; никакіе доктора въ мірѣ не могли бы спасти его.

Теперь всѣ туземцы—христіане, но многіе изъ нихъ все еще продолжаютъ прибѣгать къ помощи языческаго бога „Великой Акулы". Говорятъ, что даже самъ король, несмотря на всю свою кажущуюся интеллигентность, и тотъ все еще обращается за помощью къ идоламъ своихъ предковъ, когда грозитъ бѣда. Одинъ плантаторъ поймалъ акулу и, когда сталъ потрошить ее, ему помогалъ одинъ изъ обращенныхъ въ христіанство туземцевъ. Но затѣмъ его стала мучить совѣсть. Онъ сталъ мраченъ, все думалъ о своемъ грѣхѣ, отказался отъ пищи и наконецъ объявилъ, что долженъ умереть, потому что согрѣшилъ противъ „Великой Акулы". Сколько ни старались разубѣдить

его и доказать ему, что въ этомъ не было грѣха, онъ упорно твердилъ свое и дня черезъ два онъ слегъ въ постель и умеръ; за нимъ черезъ недѣлю послѣдовала его дочь и тоже добровольно. Суевѣріе вошло въ плоть и кровь туземцевъ, и вполнѣ естественно, что оно такъ рѣзко проявляется въ извѣстныхъ случаяхъ. Когда миссіонеры впервые появились въ Гонолулу, туземныя женщины очень дружелюбно отнеслись къ блѣднолицымъ женщинамъ и часто посѣщали ихъ, но всегда являлись безъ всякихъ признаковъ одежды. Убѣдить ихъ, что это не совсѣмъ прилично, было трудно, и тогда жены миссіонеровъ придумали снабдить ихъ длинными широкими ситцевыми платьями; это сразу положило конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ, хотя женщины пользовались платьями по-своему: онѣ шли голыя толпой по городу съ свернутыми платьями подъ мышкой до дома миссіонеровъ, а тамъ уже одѣвались! Скоро всѣ туземцы стали выражать желаніе получить одежду, но затѣмъ стало ясно, что они желали этого только для пущей важности. Миссіонеры выписали много шляпъ, шляпокъ и прочихъ нарядовъ для мужчинъ и женщинъ и, раздавъ все это народу, просили не приходить уже въ церковь голыми въ слѣдующее воскресенье. Туземцы исполнили эту просьбу, но природный духъ альтруизма побудилъ ихъ подѣлиться съ тѣми, которые не были при раздачѣ, и въ слѣдующее воскресенье бѣднымъ проповѣдникамъ стоило большого труда удерживаться отъ смѣха при видѣ своей паствы. Во время пѣнія гимна въ церковь вошла смуглая статная дама, не имѣя на себѣ ничего, кромѣ мужского цилиндра на головѣ и пары дешевыхъ перчатокъ; за нею слѣдовала другая дама, на которой была надѣта мужская рубашка и больше ничего; затѣмъ вошла еще одна дама въ яркомъ ситцевомъ платьѣ, рукава котораго были обвязаны кругомъ таліи, а все остальное волочилось позади, какъ хвостъ павлина; высокаго роста канакъ гордо выступалъ въ женскомъ чепцѣ, надѣтомъ задомъ на передъ,—и больше ничего; за нимъ шелъ его сынъ въ панталонахъ, завязанныхъ вокругъ шеи; за нимъ вошелъ еще одинъ джентльменъ, на которомъ былъ надѣтъ огненно-красный галстукъ и полосатый жилетъ. Наряженные такимъ образомъ дикари съ сіяющими отъ восторга лицами осматривали другъ друга. Паства представляла такое необычайное и въ то же время умилительное зрѣлище, что миссіонеры нашли нужнымъ не только отступить отъ текста проповѣди, но даже и сократить, насколько возможно самую службу, такъ какъ простодушные дикари стали мѣняться нарядами и продѣлывали это такъ забавно, что священнослужителямъ не оставалось ничего другого,

какъ поскорѣе произнести отпускъ и распустить по домамъ свою паству.

Сандвичевы острова—королевство, но только очень миніатюрное. Король живетъ въ двухъэтажномъ деревянномъ домѣ-дворцѣ, и на содержаніе короля ежегодно ассигнуется по цивильному листу тридцать—тридцать пять тысячъ долларовъ. Кромѣ короля тутъ имѣются и особы королевской крови,—обычный сонмъ королевскихъ братьевъ, сестеръ, кузеновъ и другихъ благородныхъ трутней и праздныхъ людей, которые всѣ носятъ титулы его или ея королевскаго высочества или принца или принцессы и т. д. Но только очень немногіе изъ нихъ въ состояніи держать свой экипажъ, а большинство нанимаетъ лошадей у канаковъ или же попросту ходитъ пѣшкомъ.

Потомъ тутъ есть „королевскій камердинеръ"—простая синекура, потому что его величество одѣвается самъ своими руками, за исключеніемъ того времени, когда онъ отдыхаетъ на лонѣ природы въ Уэкикисъ, такъ какъ тогда ему не требуется никакой одежды. Затѣмъ слѣдуетъ главнокомандующій внутренней арміей, силы которой состоятъ изъ такого числа солдатъ, какое обыкновенно состоитъ въ другихъ странахъ подъ командой у капрала. Затѣмъ слѣдуетъ королевскій управляющій дворомъ и главный конюшій,—высокіе сановники съ весьма скромнымъ жалованіемъ и почти безъ дѣла. Потомъ слѣдуетъ первый камергеръ,—служба столь же легкая, какъ и почетная. Затѣмъ первый министръ, американскій ренегатъ изъ Нью-Гэмпшира, весь алчность, тщеславіе и невѣжество, юристъ не высокаго разбора по профессіи и плутъ отъ природы, получающій всего 4.000 долларовъ въ годъ и никакихъ побочныхъ доходовъ. Затѣмъ министръ финансовъ, чрезъ руки котораго проходитъ милліонъ долларовъ народныхъ денегъ въ годъ, и который всюду носится съ этимъ громаднымъ бюджетомъ и предлагаетъ разные проекты уплаты государственнаго долга (въ 150.000 долларовъ), онъ получаетъ тоже 4.000 долларовъ въ годъ. Затѣмъ слѣдуетъ военный министръ, который командуетъ королевской арміей изъ двухсотъ тридцати канаковъ въ мундирахъ, состоящихъ большею частью въ чинѣ бригаднаго генерала. Затѣмъ онъ же командуетъ и батареей изъ нѣсколькихъ пушченокъ, стоящихъ на холмѣ „Пуншевая чаша" и салютующихъ выстрѣлами входящія въ гавань иностранныя военныя суда. Далѣе слѣдуетъ морской министръ, который командуетъ королевскимъ флотомъ (паровой буксиръ и шестидесятитонная шкуна). Затѣмъ лордъ-епископъ Гонолулу,—верховный глава государственной епископальной церкви, потому что,

когда американскіе пресвитеріанскіе миссіонеры довершили дѣло ограниченія численности населенія, чтобъ увеличить число христіанъ, вмѣшалась туземная королевская власть и объявила господствующей религіей англиканскую и вывезла изъ Англіи епископа. Затѣмъ слѣдуетъ министръ народнаго просвѣщенія. Потомъ губернаторъ Оагу, Гавай и т. д., а за ними длинная вереница главныхъ шерифовъ и прочей мелюзги, слишкомъ многочисленной, чтобъ ее перечислять. Затѣмъ чрезвычайный посолъ и полномочный министръ его императорскаго величества императора французовъ; министръ ея британскаго величества; министръ-резидентъ Соединенныхъ Штатовъ и еще шесть или восемь представителей другихъ иностранныхъ державъ,—всѣ съ громкими титулами, внушительнымъ саномъ и многочисленнымъ штатомъ. И все это въ игрушечномъ королевствѣ съ населеніемъ едва въ шестьдесятъ тысячъ душъ!

XXIII.

Во время пребыванія моего въ Гонолулу мнѣ пришлось видѣть похороны сестры короля принцессы Викторіи. Согласно существующему обычаю, останки принцессы пролежали выставленными во дворцѣ тридцать дней и въ теченіе всего этого времени множество туземцевъ, прибывшихъ съ разныхъ острововъ, толпилось около дворца и превращало это мѣсто каждый вечеръ въ адскій пандемоніумъ своими криками, воплями, неумолкаемымъ грохотомъ тамъ-тамовъ и пляскою запрещеннаго гула-гула полуодѣтыми дѣвушками подъ аккомпанементъ пѣсенъ весьма сомнительнаго содержанія Церемоніалъ похоронъ принцессы этого игрушечнаго королевства представлялъ собою миніатюрную, такъ сказать, копію съ подобнаго этому церемоніала въ настоящихъ государствахъ. Шествіе открывали воспитанники мѣстныхъ учебныхъ заведеній; за ними шествовала пожарная команда; затѣмъ слѣдовали сановники, предшествуемые полкомъ волонтеровъ; потомъ погребальная колесница, окруженная королевскимъ конвоемъ, а за ней опять разныхъ видовъ и сортовъ сановники, представители иностранныхъ государствъ и депутаціи съ другихъ острововъ, за которыми слѣдовалъ отрядъ кавалеріи, а за нимъ замыкала шествіе полиція.

Теперь продолжаю мой дневникъ съ того мѣста, когда процессія подошла къ королевскому мавзолею.

Когда процессія проходила въ ворота ограды, военныя силы красиво развернулись направо и налѣво и стали шпалерами

по обѣ стороны дороги, по которой всѣ участвовавшіе въ процессіи проходили къ могилѣ. Вслѣдъ за гробомъ въ мавзолей вступилъ король въ сопровожденіи военачальниковъ, знатнѣйшихъ сановниковъ, представителей иностранныхъ государствъ и почетныхъ гостей (Бэрлингэмъ и генералъ Ванъ-Валькенбургъ). Вся же остальная масса народа толпилась вокругъ мавзолея и въ ту минуту, когда гробъ вносили въ двери, толпа подняла такой душу раздирающій вопль, какого, я надѣюсь, больше мнѣ не удастся услыхать во всю мою жизнь. Солдаты сдѣлали три залпа изъ ружей, предварительно заставивъ толпу прекратить вопли, чтобъ они не заглушали грохотъ выстрѣловъ. Принцъ Уильямъ въ блестящемъ военномъ мундирѣ (настоящій принцъ, отпрыскъ королевскаго дома, низвергнутаго царствовавшей династіей,—онъ нѣкогда былъ обрученъ съ принцессой, но ему не позволили на ней жениться), стоялъ на караулѣ и шагалъ передъ дверью мавзолея. Немногіе счастливцы, которымъ было разрѣшено послѣдовать за гробомъ въ мавзолей, оставались тамъ еще нѣкоторое время, но король вскорѣ вышелъ оттуда и сталъ въ дверяхъ. Иностранецъ могъ бы угадать его санъ (хотя онъ былъ одѣтъ и очень скромно, безъ всякихъ претензій) по тому, какъ почтительно къ нему относились всѣ остальныя знатныя лица, выслушивавшія его приказанія съ низко наклоненными непокрытыми головами, и по тому еще, какъ всѣ, держась на почтительномъ разстояніи, обертывались къ нему лицомъ и не надѣвали шляпъ, пока находились въ его присутствіи.

Онъ былъ одѣтъ во все черное,—черный фракъ и черный шелковый цилиндръ, — и смотрѣлъ скорѣе демократомъ среди окружавшихъ его блестящихъ мундировъ. На груди у него была большая золотая звѣзда, наполовину закрытая отворотомъ фрака. Онъ съ полчаса простоялъ у двери и по временамъ отдавалъ приказанія людямъ, ставившимъ кахили *) вокругъ мавзолея. У него оказалось настолько вкуса, что онъ велѣлъ замѣнить чернымъ крепомъ обыкновенныя веревки, которыми ихъ привязывали. Наконецъ онъ сѣлъ въ карету и уѣхалъ, а слѣдомъ за нимъ сталъ расходиться и весь народъ.

Интересно сопоставить похороны принцессы Викторіи съ похоронами ея знаменитаго предка Камеамеа Завоевателя, который умеръ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ 8 мая 1819 г. за годъ до появленія первыхъ миссіонеровъ.

---

*) Опахала изъ разноцвѣтныхъ перьевъ, укрѣпленныя на длинныхъ древкахъ; ихъ носятъ въ процессіи лишь при погребеніи особъ королевской крови и затѣмъ втыкаютъ въ землю вокругъ могилы

Онъ умеръ шестидесяти шести лѣтъ отроду и всю свою жизнь отдалъ на служеніе своей родинѣ. Къ сожалѣнію, ему не пришлось войти въ сношеніе съ людьми, которые могли бы правильно повліять на его религіозныя убѣжденія. Если судить о немъ по его поступкамъ и сравнить его съ самыми выдающимися изъ его соотечественниковъ, то онъ по справедливости можетъ быть названъ не только великимъ, но и добрымъ. Память о немъ и до сихъ поръ живетъ въ сердцахъ гавайцевъ. Они гордятся своимъ старымъ воиномъ-королемъ; они чтутъ его имя; его подвиги для нихъ историческая эра; но такое же мнѣніе о немъ раздѣляютъ и чужестранцы, имѣвшіе случай познакомиться съ его дѣятельностью.

Вмѣсто человѣческихъ жертвъ (по обычаю того времени) его погребеніе сопровождалось принесеніемъ въ жертву трехсотъ собакъ, а эта жертва не малая, если принять во вниманіе ихъ значительную цѣнность и то уваженіе, съ которымъ къ нимъ относились. Кости Камеамеа нѣкоторое время хранились, а потомъ ихъ куда-то спрятали, и такъ ловко, что до сихъ поръ неизвѣстно мѣсто ихъ послѣдняго погребенія. Среди простонародья существовало убѣжденіе, что кости жестокаго короля не должны быть погребаемы навсегда; изъ нихъ дѣлали крючки для удочекъ и наконечники для стрѣлъ и, пользуясь ими, осыпали постоянно проклятіями ненавистную народу память жестокаго короля.

Отчетъ объ обстоятельствахъ его смерти, написанный туземными историками, полонъ мельчайшихъ подробностей, но въ немъ почти ни строчки нѣтъ, гдѣ бы ни упоминался или ни иллюстрировался какой-нибудь древній обычай страны. Въ этомъ отношеніи это самый интересный и точный документъ, какой мнѣ когда-либо приходилось видѣть.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ на островахъ существовалъ обычай пріостанавливать дѣйствіе законовъ на извѣстное число дней послѣ смерти особы королевской крови и въ это время происходили сатурналіи, которыя можно представить себѣ лишь до нѣкоторой степени, но не во всей ихъ ужасной дѣйствительности. Люди брили себѣ головы, выбивали по одному или по два зуба, иногда вырывали даже и глазъ, рѣзали, калѣчили, мучили или сжигали другъ друга, напивались, сжигали другъ у друга хижины, уродовали или убивали одинъ другого, дѣйствуя подъ впечатлѣніемъ минуты, при чемъ оба пола обходились другъ съ другомъ звѣрски и въ высшей степени непристойно. Потомъ наступало состояніе оцѣпенѣнія, изъ котораго туземцы выходятъ медленно ошеломленные и мрачные, какъ послѣ ужаснаго кошмара.

Туземцы до сихъ поръ продолжаютъ еще держаться своего стараго обычая, который не можетъ быть особенно пріятенъ для одержимыхъ тяжкимъ недугомъ. Когда кто-нибудь изъ туземцевъ заболѣваетъ такъ, что ему можетъ грозить смерть, дюжины двѣ сосѣдей окружаютъ его хижину и воютъ день и ночь, пока онъ не умретъ или не выздоровѣетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ вой помогалъ многимъ преждевременно облечься въ саванъ.

Точно такъ же они окружаютъ хижину и воютъ такимъ же душу раздирающимъ образомъ и тогда, когда ея хозяинъ возвращается изъ путешествія. Это у нихъ особый способъ привѣтствія. Впрочемъ, нѣчто подобное продѣлывается и у насъ.

XXIV.

Вознамѣрившись посѣтить Гавайи (на разстояніи ста пятидесяти миль), чтобы осмотрѣть большой вулканъ и другія достопримѣчательности, которыя такъ рѣзко отличаютъ этотъ островъ отъ остальныхъ островов группы, мы отправились въ одинъ прекрасный субботній день изъ Гонолулу на шкунѣ „Бумерангъ".

Въ длину „Бумерангъ" равнялся двумъ уличнымъ дилижансамъ, а въ ширину—одному. Шкуна эта была такъ мала (хотя своими размѣрами и превосходила большинство судовъ, совершавшихъ рейсы между островами архипелага), что когда я стоялъ на палубѣ, я чувствовалъ себя чуть меньше, чѣмъ чувствовалъ бы себя колоссъ Родосскій, если бы подъ нимъ находился броненосецъ. Я могъ достать рукой до воды, когда она поднималась при сильныхъ порывахъ вѣтра. Когда капитанъ, мой товарищъ (м-ръ Биллингсъ), я и еще четверо другихъ пассажировъ собирались всѣ на кормовой части палубы, которая предназначается исключительно для каютныхъ пассажировъ, тамъ вдругъ становилось такъ тѣсно, что не оставалось уже мѣста ни для кого. Вся остальная часть палубы, вдвое бóльшая нашей, была полна туземцами обоихъ половъ, съ ихъ обычными спутниками, собаками, цыновками, одѣялами, трубками, тыквенными чашами съ тѣстомъ „пои", блохами и прочими предметами роскоши и багажомъ меньшей важности. Какъ только мы отчалили отъ пристани, туземцы разлеглись на палубѣ, такъ близко одинъ къ другому, какъ негры въ невольничьей клѣткѣ, и курили, бесѣдовали и плевали другъ на друга съ самымъ непринужденнымъ видомъ.

Маленькая нижняя каюта съ низкимъ потолкомъ была немного больше, чѣмъ могила, и такъ же темна, какъ склепъ.

Въ ней по бокамъ имѣлось два гроба, т.-е. я хотѣлъ сказать, двѣ скамейки. Маленькій столикъ, за которымъ могли бы обѣдать трое, стоялъ у передней перегородки, а надъ нимъ висѣла лампочка, наполненная китовымъ жиромъ, которая тускло горѣла, отбрасывая кругомъ фантастическія тѣни. Оставав-шееся затѣмъ незанятымъ пространство было очень невелико. Въ трюмѣ за перегородкой было мало груза, и тамъ съ утра до ночи оралъ старый пѣтухъ съ голосомъ, подобнымъ Валаамской ослицѣ, и такимъ же умѣніемъ владѣть имъ. Онъ, обыкновенно, обѣдалъ въ шесть часовъ, а затѣмъ, послѣ часового благочестиваго размышленія, взбирался на боченокъ и кричалъ бо́льшую часть ночи. Съ каждымъ разомъ онъ хрипѣлъ все больше и больше, но не обращалъ на это вниманія и неуклонно продолжалъ исполнять свои обязанности, несмотря на грозившую ему опасность совсѣмъ лишиться голоса. О снѣ не могло быть и рѣчи, когда онъ стоялъ на-стражѣ. На него ничто не дѣйствовало, ни крики ни угрозы: онъ принималъ это за похвалу и принимался орать еще сильнѣе Иногда среди дня я бросалъ въ него пататами сквозь отверстіе въ перегородкѣ, но онъ только отходилъ въ сторону и продолжалъ кричать.

Въ первую ночь, когда я лежалъ въ своемъ гробу, лѣниво посматривая на покачивавшуюся подъ потолкомъ тусклую лампочку и нюхалъ отвратительный запахъ накопившейся въ трюмѣ вонючей воды, я вдругъ почувствовалъ, что по мнѣ пробѣжало какое-то животное. Я моментально выскочилъ вонъ, но затѣмъ снова вернулся, такъ какъ это была всего только крыса. Спустя немного времени по мнѣ опять что-то пробѣжало. Я зналъ, что теперь это уже не крыса, и подумалъ, что это, вѣроятно, стоножка, потому что капитанъ убилъ одну такую днемъ на палубѣ. Я вскочилъ. Одного взгляда на мое ложе было достаточно, чтобъ объяснить мнѣ все: на моей подушкѣ, по одному на каждомъ ея концѣ, сидѣли тараканы, величиной съ персиковые листы, съ длинными трепещущими щупальцами и горящими хитрыми глазами. Они жевали зубами, какъ табачные черви, и, казалось, были чѣмъ-то недовольны. Я не разъ слышалъ, что эти мерзкія созданія имѣли обыкновеніе отъѣдать у спящихъ матросовъ ногти до живого мяса, и не захотѣлъ больше лѣзть на скамейку. Я легъ на полу. Но пришла крыса и побезпокоила меня, а затѣмъ вскорѣ явилась цѣлая процессія таракановъ и расположилась лагеремъ въ моихъ волосахъ. Черезъ нѣсколько минутъ пѣтухъ сталъ кричать съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, и въ то же время на меня напала цѣлая партія блохъ, которыя принялись

немилосердно кусать меня. Я вскочилъ, одѣлся и вышелъ на палубу, гдѣ всю ночь любовался чудной картиной залитаго луннымъ свѣтомъ моря, которое кипѣло кругомъ шкуны и переливалось, какъ расплавленное серебро.

Все вышесказанное нисколько не преувеличено и представляетъ собою вѣрную картину жизни на шкунѣ, совершающей рейсы между островами. Ничего нельзя себѣ представить труднѣе, какъ содержаніе въ порядкѣ судна, занимающагося перевозкой патоки и канаковъ.

Въ понедѣльникъ утромъ мы уже подходили къ острову Гавайи, и первыми, издали еще, увидали мы горы Мауна-Лоа и Іуалаіаи. Послѣдняя, не смотря на свой внушительный видъ, имѣетъ всего только десять тысячъ футовъ высоты, и потому о ней рѣдко приходится слышать, такъ какъ говорятъ почти исключительно о Мауна-Лоа, достигающей шестнадцати тысячъ футовъ высоты. Покрытая вѣчнымъ снѣгомъ вершина горы производила освѣжающее впечатлѣніе, когда мы смотрѣли на нее снизу, гдѣ царилъ знойный климатъ жаркаго пояса. Если бы взобраться на ея вершину, оттуда можно было бы однимъ взглядомъ окинуть всю гору и сразу получить живое представленіе о растительности всѣхъ трехъ климатическихъ поясовъ: холоднаго — верхняго, умѣреннаго — средняго и жаркаго — у подножія горы, гдѣ въ царствѣ вѣчнаго лѣта растутъ кокосовыя пальмы и другіе представители тропической флоры.

Мы взяли лодку и съѣхали на берегъ въ Кайлуи съ тѣмъ, чтобы проѣхать верхомъ чрезъ прелестную область Кона, засаженную апельсиновыми и кофейными деревьями, и съѣхаться съ нашей шкуной въ нѣсколькихъ миляхъ дальше. Дорога идетъ все время по возвышенности — футовъ на тысячу надъ уровнемъ моря и приблизительно въ разстояніи мили отъ океана, который постоянно виденъ за исключеніемъ того времени, когда вы очутитесь погребеннымъ въ тропическомъ лѣсу среди тѣсно растущихъ деревьевъ, огромныя вѣтви которыхъ заслоняютъ и солнце, и океанъ, и все, и вы ѣдете въ полумракѣ тѣнистымъ тоннелемъ, населеннымъ невиданными пѣвчими птицами и напоеннымъ ароматомъ цвѣтовъ.

На одной фермѣ мы достали нѣсколько большихъ чудныхъ душистыхъ персиковъ. Этимъ плодамъ вообще нехорошо живется на Сандвичевыхъ островахъ. Они принимаютъ форму миндаля, малы и горьки. Говорятъ, что для нихъ необходимы морозы, а если это такъ, то имъ, бѣдняжкамъ, никогда не дождаться здѣсь морозовъ. Что же касается тѣхъ деревьевъ, съ которыхъ мы рвали такіе чудные персики, то ихъ пересажи-

вали шестнадцать разъ, и этому именно владѣлецъ сада и приписывалъ достигнутый имъ результатъ.

Намъ приходилось проѣзжать также и мимо плантацій, засаженныхъ сахарнымъ тростникомъ. Намъ разсказывали, что въ Кона акръ земли даетъ двѣ тонны сахара; такой урожай получается здѣсь въ среднемъ, тогда какъ въ Луизіанѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ занимаются культурой сахарнаго тростника, это считалось бы чѣмъ-то случайнымъ и удивительнымъ. Кромѣ того, благодаря тому, что Кона занимаетъ мѣсто довольно возвышенное, гдѣ много свѣта и часто идутъ дожди, здѣсь плантаціи не нуждаются въ примѣненіи искусственнаго орошенія.

XXV.

Мы остановились на нѣкоторое время на одной изъ плантацій, чтобы отдохнуть и накормить лошадей. Кромѣ насъ тамъ оказалось еще нѣсколько джентльменовъ, съ которыми у насъ сейчасъ же завязалась оживленная бесѣда; одинъ изъ присутствовавшихъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, разсѣянно взглянувъ на насъ, пожелалъ намъ добраго утра, а затѣмъ снова погрузился въ раздумье, прерванное нашимъ прибытіемъ. Наши хозяева сказали намъ, чтобы мы не обращали на него вниманія, потому что онъ сумасшедшій и живетъ здѣсь на островахъ для поправленія здоровья; онъ былъ проповѣдникомъ, родина его Мичиганъ. Они просили насъ, что если онъ вдругъ заговоритъ о своей перепискѣ съ мистеромъ Грилеемъ по какому-то пустяшному поводу, сдѣлать видъ, что мы очень интересуемся этимъ дѣломъ и даже сказать, что имъ и вообще интересуются всѣ въ цѣломъ мірѣ.

По выраженію лица этого несчастнаго видно было, что его сумасшествіе не грозило никому ни малѣйшей опасностью. Онъ былъ блѣденъ и казался какъ бы изнуреннымъ. Онъ долго сидѣлъ, глядя на насъ, и отъ времени до времени бормоталъ что-то про себя, при чемъ то одобрительно кивалъ головой, то качалъ ею въ знакъ протеста. Онъ былъ погруженъ въ свои мысли, или въ свои воспоминанія. Мы продолжали свой разговоръ съ плантаторами, переходя съ предмета на предметъ. Но наконецъ слово „обстоятельство", случайно оброненное во время разговора, привлекло его вниманіе, и лицо его вспыхнуло. Онъ обернулся и сказалъ:

— Обстоятельство? Какое обстоятельство? Ахъ, да, знаю... я слишкомъ хорошо это знаю. Такъ вы также слышали объ этомъ. (Тутъ онъ вздохнулъ). Впрочемъ, что и спрашивать?

Весь міръ слышалъ объ этомъ. Да, да... переписка Грилея съ Эриксономъ вызвала рѣзкую полемику во всемъ мірѣ и все еще продолжается! Она насъ прославила, но какой цѣной досталась эта слава! Я былъ такъ огорченъ, когда узналъ, что она вызвала кровавую и опустошительную войну въ Италіи. Меня не обрадовало даже, когда я узналъ, что побѣдители—мои сторонники, а побѣжденные—сторонники Грилея. Небольшое было для меня утѣшеніе узнать, что не я, а Горасъ Грилей долженъ нести отвѣтственность за битву при Садовѣ. Королева Викторія писала мнѣ, что раздѣляетъ мои чувства... Она говорила, что, относясь враждебно къ Грилею и его характеру, выказанному имъ въ перепискѣ со мной, она ни за какія сотни долларовъ не допустила бы случиться тому, что случилось подъ Садовой. Я могу вамъ показать ея письмо, если вамъ угодно его видѣть. Но, если вы хотите узнать правду, вы должны выслушать меня. Позвольте мнѣ... пожалуйста разсказать вамъ, какъ было дѣло.

— Мистрисъ Бизлей,—началъ онъ затѣмъ, нагнувшись впередъ,—мистрисъ Джэксонъ Бизлей, вдова изъ деревни Кэмпбельтонъ, въ Канзасѣ... писала мнѣ объ одномъ дѣлѣ, которое было близко ея сердцу... Дѣло это можетъ многимъ показаться ничтожнымъ, но она принимала въ немъ глубокое участіе. Я жилъ тогда въ Мичиганѣ... служилъ пасторомъ. У этой вдовы былъ сынъ, Уильямъ, юноша, религіозный, привѣтливый и страстно любившій земледѣліе. Онъ былъ утѣшителемъ и гордостью вдовы. Итакъ, движимая любовью къ сыну, она написала мнѣ объ одномъ дѣлѣ, которое было близко ея сердцу, потому что было близко ея мальчику. Она желала, чтобы я вступилъ въ переговоры съ мистеромъ Грилеемъ по поводу рѣпы. Рѣпа была мечтой честолюбія ея ребенка. Въ то время какъ другіе юноши тратили на легкомысленныя увеселенія драгоцѣннѣйшіе годы и дарованныя имъ Господомъ силы, этотъ юноша терпѣливо обогащалъ свой умъ свѣдѣніями о культивированіи рѣпы. Съ первыми проблесками зари онъ отправлялся на свой клочокъ земли, а когда спускавшаяся ночь гнала его оттуда, онъ зарывался въ книги и собиралъ статистическія данныя, пока сонъ не уносилъ его въ царство грёзъ. Въ дождливые дни онъ по цѣлымъ часамъ толковалъ съ матерью о рѣпѣ. Когда у нихъ бывали гости, онъ все время говорилъ съ ними исключительно о рѣпѣ, но въ этомъ чувствѣ восхищенія не было ли примѣси горечи? Увы! было. Червь точилъ его сердце... онъ не могъ сдѣлать рѣпу вьющимся растеніемъ. Между тѣмъ время шло. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ краска сбѣжала съ его лица, огонь по-

тухъ въ его глазахъ; вздохи и разсѣянность заступили мѣсто улыбокъ и веселаго разговора. Но заботливое око матери не замедлило открыть тайну. Я получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она умоляла обратить вниманіе на ея сына, который медленно угасалъ.

— Я не былъ знакомъ съ мистеромъ Грилеемъ, но, несмотря на это, я написалъ ему и просилъ его разрѣшить, если можно, трудную задачу и спасти жизнь юнаго ученаго. Я самъ заинтересовался этимъ дѣломъ и съ тревогой ждалъ отвѣта. Наконецъ я получилъ отвѣтъ, въ которомъ лишь отчасти говорилось о дѣлѣ юноши, но главнымъ образомъ о другихъ постороннихъ предметахъ: о камняхъ для мостовой, объ электричествѣ, объ устрицахъ и еще о чемъ-то, не то объ „отпущеніи", не то объ „аграрномъ вопросѣ"... Но все это писалось безъ всякой связи и не давало желательнаго отвѣта на мой вопросъ... Я приписалъ однакоже это моему взволнованному состоянію и почерку автора письма, страшно неразборчивому, и отложилъ письмо до утра.

— Утромъ я снова прочелъ письмо и хотя нѣкоторыя слова и имѣли, казалось, смыслъ, я все-таки не нашелъ въ немъ отвѣта на мой вопросъ. Отвѣтъ его приблизительно содержалъ слѣдующее:

„Многоженство скрываетъ величіе; экстракты искупаютъ полярность; слѣдовательно, существуютъ причины. Овощи преслѣдуютъ мудрецовъ, или уроды наслѣдуютъ имъ и приговариваютъ. Бостонъ, ботаники и кэксы, но кто обличитъ? Мы не боимся.

Хивесъ Эвлой".

— Тутъ не было ни слова о рѣпѣ. Не видно было ни одного указанія на то, какъ обратить ее въ вьющееся растеніе. Даже совсѣмъ и не упоминалось о Бизелэѣ. Я легъ спать безъ ужина, а утромъ еще до завтрака я возобновилъ свою работу со свѣжей головой и былъ полонъ надеждъ. Теперь письмо приняло другой видъ, я разобралъ все, кромѣ подписи, которую я счелъ только простымъ заимствованіемъ съ еврейскаго языка. Посланіе было, несомнѣнно, отъ мистера Грилея, потому что на бумагѣ былъ штемпель „Трибуны", а я больше никому не писалъ туда. Письмо, я говорю, имѣло другой видъ, но для меня оно все-таки оставалось еще загадочнымъ. Теперь оно, казалось, говорило:

„Боливія импровизируетъ макрель; бура почитаетъ многоженство, колбаса вянетъ на востокѣ. Творчество потеряно, кончено, потому что унаслѣдованныя бѣдствія можно проклясть. Пуговицы, пробки, геологія унижаетъ, но мы смягчимъ. Мое пиво вышло.

Хивесъ Эвлой".

— Очевидно, я переутомился. Моя способность понимать ослабѣла. Поэтому я далъ себѣ два дня отдыха, а потомъ снова взялся за письмо, которое приняло теперь такую форму:

„Припарки иногда убиваютъ свинью; тюльпаны уменьшаютъ потомство; причины заставляютъ кожу сопротивляться. Наши понятія усиливаютъ мудрость, добьемся ея, пока можемъ. Намажьте масломъ пирожки. Намъ жарко.

Хивесъ Эвлой".

— Я все еще не былъ удовлетворенъ. Эти общія мѣста не отвѣчали на вопросъ. Во всякое другое время я бы не только радовался, а гордился бы полученіемъ отъ мистера Грилей такого письма, серьезно изучилъ бы его и постарался бы усовершенствоваться на немъ, какъ только могъ; но теперь, когда шло дѣло о спасеніи жизни бѣднаго мальчика, ожидавшаго отъ меня помощи, объ этомъ нечего было и думать.

— Прошло три дня, и я снова перечиталъ письмо. Содержаніе его снова измѣнилось. Теперь я уже читалъ:

„Напитки иногда пробуждаютъ пьянство; рѣпа подавляетъ страсть, это необходимо обсудить. Мучьте бѣдную вдову; вліяніе ея мужа будетъ тщетно. Но грязи, купаніе и проч. и проч., несправедливо исполняемыя, будутъ грызть его безуміе,—итакъ, не клянитесь.

Хивесъ Эвлой".

— Это было болѣе подходяще. Но я былъ не въ состояніи продолжать. Я былъ слишкомъ изнуренъ. Слово „рѣпа" временно обрадовало и подбодрило меня, но мои силы такъ ослабѣли, что я отказался отъ мысли продолжать разборъ и рѣшился сдѣлать то, что долженъ былъ сдѣлать съ самаго начала. Я сѣлъ и написалъ мистеру Грилею слѣдующее:

„Дорогой сэръ: боюсь, что не вполнѣ понимаю ваше любезное письмо. Не можетъ быть, чтобы „рѣпа подавляла страсть",— по крайней мѣрѣ изученіе ея не въ состояніи сдѣлать этого,— потому что это именно и надорвало физическія силы юноши; но если она въ самомъ дѣлѣ „подавляетъ", не объясните ли вы намъ, какъ ее надо приготовлять? Далѣе вы говорите, что „это необходимо обсудить", но не сообщаете своего мнѣнія.

„Вы почему-то приписываете мнѣ, что я преслѣдую личные интересы въ этомъ дѣлѣ; но, увѣряю васъ, дорогой сэръ, что если вамъ и кажется, будто я „мучаю вдову", то это только вамъ кажется, а въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго. Я совершенно случайно замѣшался въ это дѣло. Она просила меня сама написать вамъ. Я никогда не мучилъ ея, я даже и не видалъ ея. Я никого не мучаю. Я иду скромно своей дорогой и никогда никого не оскорбляю. Что же касается „ея

мужа и его вліянія", то это меня вовсе не интересуетъ. Потомъ вы забываете, что эта женщина вдова—у нея нѣтъ мужа. Онъ умеръ или притворился мертвымъ, когда она хоронила его. Поэтому и слова грязи, купанія и проч. и проч. ни въ коемъ случаѣ не могутъ относиться ко мнѣ, а скорѣе къ вамъ самимъ, если вѣрить тому, что о васъ разсказываютъ.

Преданный вамъ Симонъ Эриксонъ.

— Черезъ нѣсколько дней мистеръ Грилей сдѣлалъ то, что избавило бы міръ отъ многихъ нравственныхъ и физическихъ мукъ и недоразумѣній, если бы онъ сдѣлалъ это раньше. Словомъ, онъ прислалъ точную копію или переводъ съ его перваго письма, написанный рукой его секретаря, и тогда тайна разъяснилась. Я привожу это письмо въ его настоящемъ видѣ:

„Картофель иногда бываетъ вьющимся растеніемъ, но рѣпа никогда, и причина этого не требуетъ никакихъ объясненій. Сообщите бѣдной вдовѣ, что всѣ старанія ея сына напрасны; но діэта, купанье и проч. и проч., если правильно ими пользоваться, могутъ излѣчить его отъ безумія.

Вашъ Горацій Грилей".

— Но, увы! было слишкомъ поздно, господа, — слишкомъ поздно. Промедленіе сдѣлало свое дѣло: молодого Бизлея не было уже въ живыхъ. Его душа отлетѣла въ страну, гдѣ нѣтъ ни печалей ни воздыханій. Его похоронили съ рѣпой въ каждой рукѣ.

Такъ закончилъ Эриксонъ свой разсказъ и снова сталъ кивать головой и бормотать что-то непонятное. Общество разошлось, оставивъ его предаваться своимъ думамъ... Я такъ и не узналъ, что именно свело его съ ума.

XXVI.

Въ четыре часа пополудни мы стали спускаться съ горы, весь склонъ которой, обращенный къ морю, былъ покрытъ темной лавой. Эта лава накапливалась здѣсь вѣками; огненные потоки одинъ за другимъ скатывались здѣсь и поднимали островъ все выше и выше надъ уровнемъ моря. Послѣднее изверженіе лавы было такъ давно, что изъ очевидцевъ не осталось уже никого въ живыхъ. Въ одномъ мѣстѣ она залила и выжгла цѣлую кокосовую рощу, и тамъ, гдѣ стояли деревья, видны были еще углубленія; падая въ огненный потокъ и сгорая въ немъ, деревья оставляли на лавѣ ясно видные и до сихъ поръ отпечатки всѣхъ вѣтокъ, каждаго листа и даже

каждаго орѣха, такъ что любители подобнаго рода рѣдкостей могутъ долго еще любоваться ими и удивляться.

Тутъ, вѣроятно, не мало стояло въ то время на часахъ канаковъ, но они не оставили отпечатка своихъ лицъ на лавѣ, какъ римскіе часовые въ Геркуланумѣ и въ Помпеѣ. Это очень жаль, потому что такія вещи такъ интересны; но въ то же время это можетъ служить доказательствомъ, что хотя римляне выказали и большее мужество, зато канаки обнаружили больше здраваго смысла.

Спустя немного времени мы увидѣли извѣстную каждому школьнику, хотя бы по названію, бухту Килакекуа—мѣсто, гдѣ сто лѣтъ тому назадъ былъ убитъ туземцами великій мореплаватель капитанъ Кукъ. Заходящее солнце освѣщало бухту и берегъ, шелъ лѣтній дождь, и на небѣ видны были двѣ великолѣпныя радуги. Почему капитанъ Кукъ не назвалъ открытыя имъ острова „Радужными островами“? Это восхитительное явленіе природы вы имѣете возможность здѣсь наблюдать всюду и вездѣ и даже ночью при свѣтѣ луны; но здѣсь эта не та серебристая радуга, какую мы видимъ разъ въ годъ въ штатахъ при лунномъ свѣтѣ, здѣсь она сверкаетъ яркими красками, какъ дитя солнца и дождя. Я видѣлъ одну изъ такихъ радугъ нѣсколько дней тому назадъ. Маленькіе клочки радуги, сверкающіе какъ разноцвѣтныя стекла въ окнахъ собора, часто бываютъ видны на небѣ, и матросы называютъ ихъ дождевыми собачками.

Бухта Килакекуа глубоко врѣзывается въ сушу, имѣя не болѣе мили въ ширину отъ одного берега до другого. Съ той стороны, гдѣ было совершено убійство, къ ней примыкала небольшая равнина, на которой у опушки кокосовой рощи виднѣется нѣсколько полуразвалившихся домовъ; крутая стѣна изъ лавы, вышиною въ тысячу футовъ въ верхнемъ концѣ и въ триста или въ четыреста футовъ въ нижнемъ, спускается съ горы и ограничиваетъ внутреннюю окраину бухты. Благодаря этой стѣнѣ и самая бухта получила названіе Килакекуа, что на языкѣ туземцевъ значитъ: „Путь боговъ!“ Они говорятъ (и все еще продолжаютъ вѣрить, несмотря на то, что исповѣдуютъ христіанскую религію), что великій богъ Лоно, который обыкновенно жилъ на склонѣ горы, всегда ходилъ этимъ путемъ, когда спѣшныя дѣла по религіознымъ вопросамъ призывали его внизъ къ морскому прибережью.

Между тѣмъ стало темнѣть и началъ накрапывать дождь; вдали виднѣлся покачивавшійся на волнахъ „Бумерангъ“, который не могъ подойти къ берегу за отсутствіемъ вѣтра; я удалился въ маленькій, точно ящикъ, пакгаузъ и, усѣвшись

тамъ, сталъ курить и думать, какъ было бы хорошо, если бы шкуна подошла къ берегу... потому что мы уже цѣлыхъ десять часовъ ничего не ѣли и всѣ были страшно голодны.

Простая, неприкрашенная историческая правда до извѣстной степени даже оправдываетъ убійство капитана Кука. На какихъ бы онъ ни появлялся островахъ, туземцы принимали его дружелюбно и снабжали его корабли съѣстными припасами, тогда какъ самъ онъ относился къ дикарямъ очень дурно. Узнавъ, что дикари принимаютъ его за давно исчезнувшаго бога Лоно, онъ поддерживалъ въ нихъ это заблужденіе ради того, что это давало ему неограниченную власть надъ ними; но когда затѣмъ во время знаменитаго возстанія дикарей онъ, получивъ рану, застоналъ, этимъ самымъ онъ выдалъ свое земное происхожденіе и произнесъ себѣ смертный приговоръ. Дикари подняли крикъ: „Онъ стонетъ!.. онъ не богъ!..“ Окружили его и отправили его на тотъ свѣтъ.

Мясо его содрали съ костей и сожгли (кромѣ девяти фунтовъ, которые отправили на корабли). Сердце его они повѣсили въ одной туземной хижинѣ, но тамъ его нашли и съѣли трое ребятъ, которые приняли его за сердце собаки. Одинъ изъ этихъ ребятишекъ дожилъ до глубокой старости и недавно умеръ въ Гонолулу. Часть костей Кука была собрана и опущена въ пучину морскую офицерами кораблей.

Туземцевъ нельзя особенно сильно порицать за убійство Кука. Они хорошо относились къ нему, онъ же обманулъ ихъ. Онъ и его люди въ разное время подвергали многихъ изъ нихъ тѣлеснымъ наказаніямъ и даже убили, по крайней мѣрѣ, троихъ, прежде чѣмъ дикари отомстили имъ за все это.

Недалеко отъ берега мы нашли „памятникъ Куку“, простонапросто пень кокосоваго дерева въ четыре фута вышины и около фута въ діаметрѣ въ верхнемъ концѣ. Его подпирали обломки лавы, окружавшіе его основаніе, и весь онъ сверху донизу былъ обитъ листами мѣди, какими обшиваютъ дно кораблей. На каждомъ листѣ имѣлась надпись, грубо нацарапанная, очевидно, гвоздемъ; въ большинствѣ случаевъ эти надписи гласили о посѣщеніяхъ этого мѣста командирами британскихъ судовъ, но на одномъ изъ нихъ была сдѣлана слѣдующая надпись:

„Близъ этого мѣста палъ
капитанъ Джемсъ Кукъ,
знаменитый кругосвѣтный мореплаватель, который открылъ
эти острова въ 1778 г. по Р. Хр.“.

Офицеръ, вступившій послѣ убійства Кука, въ командованіе его кораблемъ, открылъ огонь по толпившимся на берегу ту-

земцамъ и одно изъ ядеръ перерѣзало кокосовое дерево, отъ котораго уцѣлѣлъ лишь одинъ этотъ пень, превращенный въ памятникъ. Въ сумеркахъ дождливаго дня пень этотъ казался намъ какимъ-то печальнымъ и одинокимъ. Но здѣсь нѣтъ другого памятника Куку. Правда, на склонѣ горы, мимо которой мы проходили, существуетъ сооруженное изъ глыбъ лавы подобіе свиного хлѣва, обозначающее мѣсто, гдѣ мясо Кука было содрано съ костей и сожжено, но это не памятникъ, это сооружено самими туземцами и не для того, чтобы достойно почтить знаменитаго мореплавателя, а для того, чтобъ удобнѣе было его сжечь. Надъ этимъ хлѣвомъ была прибита къ высокому столбу дощечка, и прежде на ней была надпись, въ которой описывалось совершившееся здѣсь событіе; но солнце и вѣтеръ давно уничтожили эту надпись.

Около полуночи поднялся, наконецъ, вѣтеръ; шхуна вошла въ заливъ, стала на якорь, и за нами пріѣхала лодка.

XXVII.

На другой день утромъ мы высадились на берегъ и посѣтили развалины храма бога Лоно. Старшій поваръ этого храма, т.-е. верховный жрецъ, который жарилъ приносившихся въ жертву людей, приходился дядей Обукіи, и одно время этотъ юноша состоялъ у него въ помощникахъ. Обукія былъ молодой, умный туземецъ; его вмѣстѣ съ тремя другими туземцами мальчиками взялъ въ Новую Англію капитанъ одного китоловнаго судна въ царствованіе Камеамеа I, и они-то собственно и обратили вниманіе религіознаго міра на свою родину и послужили причиной отправленія къ нимъ миссіонеровъ. Этотъ Обукія былъ тотъ самый чувствительный дикарь, который, сидя на церковной паперти, плакалъ, что его народъ не знаетъ Библіи. Случай этотъ былъ изображенъ во многихъ книгахъ для воскресныхъ школъ и разсказывался онъ такъ трогательно, что я самъ плакалъ надъ нимъ, будучи въ воскресной школѣ, хотя въ то время я и не могъ понять, почему именно жители Сандвичевыхъ острововъ должны были такъ сильно горевать объ этомъ, разъ они даже и не подозрѣвали о существованіи Библіи.

Этотъ Обукія былъ крещенъ и по окончаніи образованія долженъ былъ отправиться обратно на свою родину съ миссіонерами, если бы остался живъ. Остальные юноши вернулись впослѣдствіи на островъ, и двое изъ нихъ съ честью послужили своей родинѣ; но третій, Уильямъ Кануи, впослѣд-

ствіи отпалъ отъ благодати на нѣкоторое время и, когда въ Калифорніи началась золотая горячка, онъ отправился туда и сдѣлался золотоискателемъ, хотя ему было уже пятьдесятъ лѣтъ. Онъ имѣлъ успѣхъ, но банкротство Пэджа, Бэкона и К⁰ лишило его сразу десяти тысячъ долларовъ, и онъ, обѣднѣвъ на старости лѣтъ, снова поступилъ въ духовное званіе. Онъ умеръ въ Гонолулу въ 1864 г.

Все обширное пространство земли вокругъ храма отъ моря и до вершины горы было посвящено въ прежнее время богу Лоно, и если какой-нибудь туземецъ осмѣлился бы ступить ногой на священную землю, ему оставалось бы только писать завѣщаніе, потому что за это ему грозила смерть. Все это пространство было усѣяно языческими храмами и уставлено отвратительными идолами, вырѣзанными изъ дерева. Тамъ былъ, между прочимъ, храмъ, гдѣ молились о дождѣ, и съ удивительной мудростью храмъ этотъ стоялъ на такомъ мѣстѣ горы, что если бы вы стали молиться тамъ двадцать четыре раза въ день о дождѣ, дождь шелъ бы каждый разъ.

Тутъ же, поблизости, былъ большой храмъ, построенный будто бы въ одну ночь во время бури, грома и дождя, призрачными руками мертвецовъ! Преданіе говоритъ, что при блескѣ молніи видны были безшумно сновавшіе призраки, которые таскали большія глыбы лавы. Туземцы, говорятъ, и до сихъ поръ еще питаютъ страхъ къ этому мѣсту и боятся ходить мимо него ночью.

Въ полдень я увидѣлъ купавшихся въ морѣ туземныхъ дѣвушекъ и, подойдя къ берегу, сталъ уговаривать ихъ прекратить купанье, потому что начинался приливъ, и имъ грозила опасность, но онѣ нисколько этого не боялись и спокойно продолжали себѣ плавать и кувыркаться въ водѣ. Говорятъ, что у островитянъ прежде всего учатъ дѣтей плавать, такъ какъ умѣнье ходить они считаютъ дѣломъ второстепеннымъ. Существуютъ разсказы о туземныхъ мужчинахъ и женщинахъ, проплывавшихъ отъ берега до корабля цѣлыя мили по морю. Потомъ я слышалъ, что одинъ туземецъ-водолазъ будто бы нырнулъ на глубину тридцати или сорока футовъ и досталъ со дна наковальню, а потомъ онъ, кажется, даже проглотилъ эту наковальню, если только мнѣ не измѣняетъ память.

Я уже говорилъ раньше о поклоненіи богу Лоно и теперь хочу вернуться опять къ этому вопросу. Этотъ кумиръ былъ не что иное, какъ тонкій ничѣмъ не украшенный двѣнадцатифунтовый шестъ. Преданіе говоритъ, что любимый богъ на островѣ Гавайи былъ самъ великій король, ставшій богомъ за свои услуги. Этотъ богъ въ минуту гнѣва убилъ свою

жену, богиню Канкиланаи Аіи. Угрызенія совѣсти свели его съ ума, и дальше преданіе разсказываетъ, какъ онъ странствовалъ съ мѣста на мѣсто, вступая въ бой со всѣми встрѣчавшимися ему на пути. Но такое времяпровожденіе скоро ему надоѣло, и онъ, установивъ игры, называемыя макаиски, и заповѣдавъ непремѣнно устраивать ихъ въ честь него, самъ отправился въ чужія страны на треугольномъ плоту, пообѣщавъ со временемъ вернуться,—и съ той поры его больше уже не видали... Но народъ все ждетъ его возвращенія и, благодаря этому, туземцы такъ легко и приняли капитана Кука за возвращавшагося бога.

Нѣкоторые старики туземцы до самой своей смерти вѣрили, что Кукъ былъ Лоно; но большинство не вѣрило этому, такъ какъ, если бы онъ былъ богомъ, онъ не могъ бы умереть

Всего только въ одной милѣ отъ бухты Килакекуа находится исторически интересное мѣсто—мѣсто, гдѣ произошла послѣдняя битва за идолопоклонство. Въ то время, какъ первые миссіонеры огибали мысъ Горнъ, языческія вѣрованія островитянъ потерпѣли жестокое пораженіе. Старикъ Камеамеа 1 умеръ, и на престолъ вступилъ его сынъ Лихолихо, который велъ безпутную жизнь и страшно ненавидѣлъ сильно стѣснявшее его „табу". Раздѣлявшая вмѣстѣ съ нимъ бразды правленія вдовствующая королева Каахуману, гордая и умная женщина, тоже ненавидѣла „табу", потому что оно ограничивало права ея пола и низводило всѣхъ женщинъ почти на равную ступень съ животными. Когда Лихолихо задумалъ нарушить древніе обычаи, Каахуману всецѣло стала на его сторону, а виски довершила остальное. Тутъ, вѣроятно, въ первый разъ виски фигурировала въ качествѣ помощницы цивилизаціи. Лихолихо явился въ Кайлуа мертвецки пьяный и на глазахъ у остолбенѣвшей отъ изумленія толпы занялъ мѣсто на пиру рядомъ съ женщинами! Народъ видѣлъ, какъ онъ ѣлъ изъ одной посуды съ ними, и пришелъ въ ужасъ! Всѣ думали, что его сейчасъ же сразитъ громъ небесный, но боги и не думали громить нечестивца!.. Толпа всколыхнулась, ее осѣнило точно откровеніе свыше, и вдругъ раздался крикъ: „Табу уничтожено! Табу уничтожено!" И народъ съ дѣтской торопливостью спѣшилъ сбросить съ себя тяжелое для всѣхъ иго боговъ и сталъ уничтожать идоловъ, разбивалъ ихъ на куски и сжигалъ.

Языческіе жрецы пришли въ ярость. Но такъ оно и должно было быть; они занимали самыя хлѣбныя мѣстечки, а теперь вдругъ становились нищими. Они подняли возстаніе и уговорили честолюбиваго Бэкуокалани (онъ былъ королевской крови), принять начальствованіе надъ возставшими.

Въ первой стычкѣ идолопоклонники восторжествовали надъ королевской арміей и ликующіе рѣшили итти на Кайлую. Король выслалъ къ нимъ посла для мирныхъ переговоровъ, но дикари не только отказались выслушать его, но даже хотѣли его убить. Тогда король послалъ противъ нихъ свое войско подъ командой генералъ-майора Калаймоку, который въ битвѣ подъ Куаму на-голову разбилъ мятежное войско.

Могущество боговъ пало. Народъ остался безъ религіи. Вскорѣ послѣ того прибылъ корабль миссіонеровъ и евангельское ученіе нашло для себя благодарную дѣвственную почву.

XXVIII.

Въ полдень мы наняли канака перевезти насъ въ каноэ къ древнимъ развалинамъ Гонаунау; онъ взялъ съ насъ два доллара, что вовсе не дорого за путешествіе по морю на протяженіи восьми миль въ оба конца.

Туземная лодка или каноэ представляетъ собою выдолбленный изъ древеснаго ствола челнокъ; челнокъ этотъ съ приподнятыми и заостренными концами имѣетъ около пятнадцати футовъ въ длину и полтора или два фута въ глубину и такъ узокъ, что если втиснуть въ него толстого человѣка, то его трудно было бы уже вытащить обратно. Каноэ держится на водѣ, какъ утка и, благодаря особому приспособленію, не можетъ опрокинуться, если сидѣть спокойно. Это приспособленіе состоитъ изъ двухъ длинныхъ палокъ, похожихъ на ручки плуга, которыя выдаются съ одной стороны и къ концамъ которыхъ прикрѣпленъ согнутый брусокъ изъ чрезвычайно легкаго дерева, который скользитъ по водѣ и не позволяетъ челноку опрокинуться въ ту сторону; въ то же время это приспособленіе вѣситъ ужъ не такъ мало, чтобы каноэ могло перевернуться на другую сторону.

Я сидѣлъ на носу, а Биллинксъ—посрединѣ и смотрѣлъ на канака, который помѣстился на кормѣ и гребъ весломъ. Съ первымъ же взмахомъ весла наша скорлупка полетѣла, какъ стрѣла. Пока мы были на мелкой водѣ, среди рифовъ намъ видны были въ прозрачной глубинѣ большіе пучки вѣтвистаго коралла, единственнаго морского кустарника. Когда мы выѣхали на глубокое мѣсто, передъ нами открылась картина морского прибоя, который сердито ударялся о скалистый берегъ и разбрасывалъ пѣнящіеся брызги высоко въ воздухѣ.

Въ одномъ мѣстѣ мы увидѣли большую компанію голыхъ туземцевъ обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, которые купа-

лись въ волнахъ прибоя. Каждый изъ купавшихся, прихвативъ съ собой небольшую дощечку, отплывалъ ярдовъ на триста, на четыреста въ море, затѣмъ оборачивался лицомъ къ берегу и поджидалъ приближенія большой волны; какъ только волна подходила, онъ бросалъ свою дощечку на пѣнистый гребень, а самъ кидался на дощечку и скатывался, какъ бомба. Я тоже пробовалъ разъ купаться въ прибоѣ, но неудачно: дощечку я бросалъ на волну во время, но самъ не попалъ на нее и пошелъ ко дну, досыта наглотавшись морской воды.

Черезъ часъ мы, сдѣлавъ четыре мили, причалили къ берегу, гдѣ виднѣлись развалины бывшихъ здѣсь зданій и гдѣ теперь росло много высокихъ кокосовыхъ деревьевъ. Это было мѣсто древняго „Города-Убѣжища", имѣвшаго видъ большого четыреугольника, обнесеннаго высокими и толстыми стѣнами. Въ этой оградѣ стояло нѣкогда три храма въ двѣсти десять футовъ длиной, сто шириной и тридцать футовъ высотой каждый.

Въ тѣ времена, если гдѣ-нибудь на островѣ совершалось убійство, родственники убитаго имѣли право на жизнь убійцы, который сейчасъ же обращался въ бѣгство и старался какъ можно скорѣе достигнуть „Города-Убѣжища", а слѣдомъ за нимъ гнался мститель за пролитую кровь. Иногда эта погоня продолжалась до самыхъ воротъ храма, и если бѣглецу удавалось проскользнуть во дворъ убѣжища—онъ спасенъ; но иногда мститель настигалъ бѣглеца у самыхъ воротъ и, конечно, убивалъ безъ малѣйшей жалости. Откуда только могла взяться у этихъ заброшенныхъ среди океана дикарей мысль о „Городѣ-Убѣжищѣ"? Кто занесъ къ нимъ этотъ древній обычай Востока?

Это древнее святилище было одинаково свято для всѣхъ, даже для мятежниковъ и осадныхъ войскъ. Разъ попавъ за эти стѣны, исповѣдавшись передъ жрецомъ и получивъ отъ него прощеніе, бѣглецъ могъ уже выйти изъ города безъ малѣйшаго страха за свою жизнь, — онъ становился „табу" и причинить ему вредъ значило осудить себя самого на смерть. Толпа мятежныхъ идолопоклонниковъ, проигравъ сраженіе, бѣжала на это священное мѣсто и такимъ образомъ спасалась отъ гибели.

Въ самомъ углу этого большого пространства находится круглое каменное зданіе въ шесть или восемь футовъ высотой съ плоской крышей, діаметромъ около десяти или двѣнадцати футовъ. Это было мѣсто казни. Высокій частоколъ изъ кокосовыхъ жердей скрывалъ ужасное зрѣлище отъ толпы. Здѣсь убивали преступниковъ, срѣзали мясо съ костей и сжигали его, а кости прятали въ тайникахъ.

XXIX.

Побродивъ еще немного по берегу и осмотрѣвъ по пути удивительно красивое нагроможденіе лавы (послѣ бывшаго здѣсь нѣкогда изверженія вулкана), мы отправились обратно на шхуну, которая доставила насъ въ Кау, гдѣ мы окончательно распростились съ нашимъ судномъ. На слѣдующій день мы купили лошадей и направили свой путь черезъ одѣтыя по-лѣтнему горныя террасы къ великому вулкану Килауэа. Мы странствовали почти цѣлыхъ два дня, но это изъ-за лѣни. Къ концу второго дня мы достигли возвышенности, поднимавшейся на четыре тысячи футовъ надъ уровнемъ моря, и осторожно пробирались по волнистой поверхности лавы, много лѣтъ тому назадъ задержанной и охлажденной въ своемъ яростномъ порывѣ; мы начали замѣчать признаки близости вулкана; намъ то и дѣло преграждали путь разсѣлины, черезъ которыя выходили распространявшіе запахъ сѣры горячіе пары, поднимавшіеся изъ глубины океана, клокотавшаго въ нѣдрахъ горы.

Скоро показался и самый кратеръ. Я впослѣдствіи видѣлъ Везувій, но то была просто игрушка, дѣтскій вулканъ, суповая миска въ сравненіи съ этимъ. Везувій—красивый конусъ въ три тысячи шестьсотъ футовъ высотой... Его кратеръ, обращенный вершиной внизъ конусъ, имѣетъ всего только триста футовъ глубины и не болѣе тысячи футовъ въ діаметрѣ; а здѣсь передъ нами былъ громадный, окруженный стѣнами, погребъ, имѣвшій мѣстами девятьсотъ футовъ глубины и десять миль въ окружности! Тутъ была зіяющая пропасть, въ которой могла бы расположиться лагеремъ вся русская армія и еще осталось бы мѣсто.

На противоположной сторонѣ, на краю кратера, въ трехъ миляхъ отъ насъ, стоялъ маленькій павильонъ, который казался намъ такимъ маленькимъ, точно гнѣздо ласточки. Постоявъ здѣсь еще нѣсколько времени и полюбовавшись на вулканъ, мы отправились въ гостиницу, откуда послѣ сытнаго ужина мы, какъ только стемнѣло, снова отправились къ кратеру. Передъ нашими глазами открылась картина дикой красоты. Надъ кратеромъ стояло какъ бы густое облако, которое все было необычайно эффектно освѣщено отблескомъ огней, пылавшихъ внизу. Это была удивительная иллюминація на пространствѣ мили въ двѣ въ ширину и въ милю въ вышину. Если бы вамъ пришлось когда-нибудь увидѣть въ темную ночь отражавшееся въ нависшихъ тучахъ зарево пожара, охватившаго сразу тридцать или сорокъ большихъ зданій, это могло

бы вамъ дать понятіе о той удивительной картинѣ, которой мы любовались.

Нависшее надъ вулканомъ облако стояло на страшной высотѣ въ воздухѣ прямо надъ кратеромъ, и каждая изъ его складокъ была окрашена въ ярко-огненный цвѣтъ, который по краямъ принималъ блѣдно-розовый оттѣнокъ. Оно пылало, какъ факелъ, и поднималось вверхъ къ самому зениту. Мнѣ это освѣщенное пламенемъ облако показалось похожимъ на тотъ огненный столбъ, который столько вѣковъ тому назадъ освѣщалъ путь въ пустынѣ сынамъ Израиля.

Добравшись до маленькаго павильона съ соломенной крышей, мы облокотились на перила и смотрѣли на кратеръ. Я оглянулся, желая видѣть, какое впечатлѣніе это производитъ на моихъ спутниковъ, и увидѣлъ такія красныя лица, какихъ никогда не видалъ раньше. Лица у всѣхъ пылали, какъ раскаленное докрасна желѣзо, каждое плечо было покрыто алымъ отблескомъ. Казалось, что тамъ, внизу, царство ада, а стоявшіе наверху люди были похожи на полузамерзшихъ чертей, только что вышедшихъ наверхъ въ отпускъ.

Я снова посмотрѣлъ на вулканъ. „Погребъ" былъ освѣщенъ довольно хорошо. Мили на полторы передъ нами и на пространствѣ полумили съ каждой стороны бездна была великолѣпно иллюминована; но за этими предѣлами все было окутано мракомъ, благодаря чему мерцавшіе въ отдаленныхъ углахъ кратера огоньки казались удаленными на многія мили и походили на лагерные огни большой далеко стоявшей арміи.

Тутъ и тамъ въ темной корѣ зіяли ямы по сто футовъ въ діаметрѣ, а въ нихъ кипѣла и бурлила расплавленная лава ослѣпительно бѣлаго цвѣта съ желтоватымъ оттѣнкомъ. Отъ этихъ ямъ по всѣмъ направленіямъ расходились безчисленные огненные потоки, точно спицы какого-то гигантскаго колеса; сперва они текли по прямой линіи, а потомъ уклонялись въ стороны и казались похожими на извилистыя змѣйки молніи. Эти потоки, встрѣчаясь съ другими, сливались съ ними, скрещивались и разбѣгались дальше опять во всевозможныхъ направленіяхъ. Иногда изъ ямъ вытекали потоки въ двадцать или тридцать футовъ ширины и нѣкоторое время текли, не дробясь, по склону небольшихъ, крупныхъ холмовъ и превращались въ естественные огненные водопады, бѣлые вначалѣ, а дальше, охладѣвая, они принимали ярко-красный цвѣтъ съ чередующимися черными и золотистыми пологами.

Въ десять часовъ вечера мы, изнемогая отъ жары, покинули павильонъ и, завернувшись въ одѣяла, такъ какъ ночь была холодная, отправились обратно въ гостиницу.

XXX.

На другой день вечеромъ мы опять отправились къ вулкану съ тѣмъ, чтобы спуститься на дно кратера и осмотрѣть Сѣверное озеро (огненное), которое находилось въ двухъ миляхъ у дальней стѣны. Когда стемнѣло, мы, человѣкъ шесть, двинулись съ фонарями и проводниками-туземцами, спустились на глубину въ тысячу футовъ по разсѣлинѣ въ стѣнѣ кратера и благополучно достигли дна.

Изверженіе предыдущей ночи уже утратило свою силу, и дно кратера было черное и холодное; но когда мы ступили на него, оно оказалось еще слишкомъ горячимъ для ногъ, и все оно было какъ бы изборождено разсѣлинами, сквозь которыя виденъ былъ ярко пылавшій внизу огонь. Сосѣдній котелъ былъ полонъ расплавленной лавы, которая каждую минуту могла политься черезъ край, и тогда намъ грозила большая опасность. Проводники-туземцы отказались итти дальше, ихъ примѣру послѣдовали и всѣ остальные, за исключеніемъ одного только иностранца, по имени Марлетта. Онъ сказалъ, что онъ бывалъ въ кратерѣ разъ двѣнадцать днемъ и потому надѣялся, что найдетъ дорогу и ночью. Онъ думалъ, что, пройдя приблизительно триста ярдовъ, мы оставимъ за собой самую горячую часть дна и сохранимъ въ цѣлости наши подметки. Его храбрость ободрила меня. Мы взяли фонарь и приказали проводникамъ подвѣсить другой фонарь къ крышѣ павильона, чтобы онъ служилъ намъ маякомъ въ случаѣ, если бы мы заблудились; затѣмъ всѣ отправились обратно, а Марлеттъ и я пошли дальше. Мы прыгали по горячему еще слою лавы, перескакивали черезъ разсѣлины и въ концѣ-концовъ благополучно добрались до застывшаго слоя лавы, не опаливъ себѣ ногъ. Тутъ мы почувствовали себя уже гораздо спокойнѣе и, смѣло перепрыгивая черезъ довольно широкія и, вѣроятно, бездонныя пропасти, увѣренно пробирались между живописно нагроможденными обломками лавы. Вдругъ Марлеттъ крикнулъ: „Стопъ!“ Никогда въ жизни не останавливался я такъ быстро, какъ въ этотъ разъ. Я спросилъ его, въ чемъ дѣло. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что мы сбились съ дороги и намъ нельзя итти дальше, пока мы не разыщемъ опять тропинку, потому что тутъ кругомъ пошла мягкая лава, и мы рискуемъ легко провалиться въ трещину глубиною въ тысячу футовъ и, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, сейчасъ же провалился по шею, но моментально выкарабкался наверхъ, и мы стали искать дорогу. Сколько ни искали мы нужную намъ тропинку, ея не было, и

при слабомъ свѣтѣ фонаря поверхность лавы вездѣ казалась намъ одинаковой. Проводникъ сказалъ мнѣ, что онъ будетъ искать дорогу ощупью, что только на тропинкѣ поверхность лавы ровная, а за ней вездѣ все дно какъ бы усѣяно иглами, которыя хрустятъ подъ ногами, и онъ, держа фонарь за спиной, сталъ искать дорогу не глазами, а ногами и скоро нашелъ ее, послѣ чего мы снова тронулись въ дальнѣйшій путь, чутко прислушиваясь къ малѣйшему хрусту. Послѣ довольно продолжительнаго странствованія мы подошли, между десятью и одиннадцатью часами, къ такъ-называемому Сѣверному озеру и усталые, но довольные, присѣли отдохнуть на громадномъ рифѣ изъ лавы. Передъ нами кипѣло и бурлило необъятное огненное море. Свѣтъ отъ него былъ такъ ослѣпителенъ, что нѣкоторое время мы не могли прямо смотрѣть на него. Это было все равно, что смотрѣть на солнце въ полдень съ той разницей, что свѣтъ этотъ былъ не совсѣмъ бѣлый. Кругомъ озера виднѣлись тамъ и сямъ почти добѣла раскаленные очаги или барабаны изъ лавы высотою въ четыре или въ пять футовъ, изъ которыхъ кверху вылетали сильныя струи лавы и разноцвѣтныя блестки: бѣлыя, красныя, золотыя...

По временамъ кипѣніе въ нѣдрахъ озера какъ бы затихало ненадолго и эти моменты затишья казались намъ зловѣщими признаками, потому что, спустя немного, надъ озеромъ вдругъ поднимался, точно оборвавшійся, воздушный шаръ, громадный красный пузырь, который затѣмъ лопался, и изъ него вылетало блѣдно-зеленое облачко пара, которое поднималось кверху и исчезало во мракѣ. Вскорѣ послѣ того сталъ постепенно осѣдать и съ грохотомъ рушиться въ озеро рифъ, на которомъ мы сидѣли, предвѣщая, можетъ-быть, близкое изверженіе лавы или землетрясеніе; но мы не стали дожидаться, чѣмъ это кончится. На обратномъ пути мы снова потеряли дорогу и больше часу разыскивали тропинку. Намъ виденъ былъ снизу маячный огонь фонаря на павильонѣ, но мы думали, что это звѣзда, и не обращали на него вниманія. Въ два часа ночи мы, изнемогая отъ усталости, вернулись въ гостиницу.

Килауэа никогда не выходилъ изъ своего обширнаго кратера, а когда ему бываетъ нужно выбросить излишекъ лавы, онъ прорываетъ для нея путь въ склонахъ горы и тогда происходитъ страшное разрушеніе. Около 1840 года его переполненныя нѣдра проложили себѣ путь такимъ же точно образомъ, и къ морю потекла широкая огненная рѣка, уничтожая все, что попадалось ей на пути. Потокъ имѣлъ мѣстами пять миль ширины и двѣсти футовъ глубины, а пройденное имъ разстояніе равнялось сорока милямъ. По ночамъ отблескъ его пламени

освѣщалъ море на пространствѣ ста миль, а на разстояніи сорока миль можно было въ полночь читать даже самую мелкую печать. Атмосфера была насыщена сѣрными парами и наполнена падающимъ пепломъ, пемзой и золой; безчисленные столбы дыма поднимались кверху и, сливаясь, заволакивали небесный сводъ, освѣщенный заревомъ выбившагося наружу подземнаго огня; тутъ и тамъ поднимались струи лавы на сто футовъ въ воздухъ и разсыпались ракетами, которыя падали на землю въ видѣ краснаго дождя; все время гора содрогалась отъ мощнаго дыханія природы и выражала свое отчаяніе стонами и вздохами подземныхъ раскатовъ.

XXXI.

Мы объѣхали верхомъ весь островъ Гаваи, и эта поѣздка (въ общемъ это составило миль двѣсти) доставила намъ всѣмъ большое удовольствіе. Мы проѣздили больше недѣли, потому что лошади канаковъ обязательно останавливались передъ каждымъ домомъ, передъ каждой хижиной, и ни кнутъ ни шпоры не могли заставить ихъ не дѣлать этого, такъ что мы рѣшили не тратить понапрасну время на борьбу съ ними и предоставить имъ полную свободу дѣйствій. Причина этого объяснялась очень просто: туземцы такіе болтуны, что никогда не проѣдутъ мимо какого бы то ни было дома, чтобы не остановиться и не обмѣняться новостями, а потому подобнаго рода остановки вошли въ привычку и у всѣхъ ихъ лошадей. Это напомнило мнѣ случай изъ ранняго періода моей жизни, когда мнѣ пришлось однажды везти молоденькую дѣвушку на лошади, которая всю свою долгую жизнь занималась развозкой молока по городу. Я вспомнилъ, какія я тогда переживалъ нравственныя и физическія мученія, какъ мнѣ было стыдно при мысли, что молодая дѣвушка можетъ подумать, что это моя собственная лошадь; какъ трудно мнѣ было казаться спокойнымъ и даже оживленнымъ въ то время, какъ внутренно я терзался; какая ядовитая улыбка играла у нея на устахъ, тогда какъ кровь приливала у меня къ лицу, и оно пылало; какъ бросалась лошадь съ одной стороны улицы на другую и спокойно стояли передъ домомъ двѣ съ четвертью минуты, пока я колотилъ ея спину и проклиналъ въ душѣ; какъ я старался не давать ей заворачивать за уголъ, и мнѣ это не удалось; какъ старался я тщетно заставить ее выѣхать изъ города; какъ она проѣхала съ нами по всему городу и доставила воображаемое молоко въ сто шестьдесятъ два дома и какъ, наконецъ, оста-

новилась у молочной, отказавшись итти далѣе и этимъ окончательно обнаружила свою плебейскую службу, которую она несла всю свою жизнь; какъ я проводилъ дѣвушку домой и какъ, когда я прощался съ ней, ея послѣднее замѣчаніе обожгло мою душу и, казалось, пронизало меня всего: она сказала, что у меня удивительно умная лошадь, и я могу только радоваться этому, но что, если въ слѣдующій разъ я возьму съ собой билетики для раздачи молока и буду дѣлать видъ, что раздаю ихъ въ разныхъ мѣстахъ остановокъ, это заставитъ лошадь, навѣрное, итти немного скорѣе. Послѣ этого наши отношенія охладѣли.

Въ одномъ мѣстѣ на островѣ Гаваи мы увидѣли шумящій водопадъ прозрачной воды, который билъ изъ разсѣлины на высотѣ тысячи пятисотъ футовъ; но, несмотря на замѣчательную высоту, водопадъ этотъ не имѣлъ въ себѣ ничего красиваго, и тому, кто пожелалъ бы насладиться поэтичной картиной природы, тому нѣтъ никакой надобности уѣзжать для этого изъ Америки; примѣромъ этого можетъ служить Радужный водопадъ въ долинѣ Ваткинса на желѣзнодорожной линіи Эри. По своей высотѣ онъ ничтожество, особенно по сравненію съ предыдущимъ, а по красотѣ ему нѣтъ равнаго ни въ Старомъ ни въ Новомъ свѣтѣ.

Въ одномъ мѣстѣ во время нашей поѣздки мы видѣли лошадей, которыя родились и выросли на вершинѣ горъ, надъ уровнемъ текучихъ водъ и вслѣдствіе этого никогда въ жизни не пили этой влаги, но привыкли утолять свою жажду тѣмъ, что ѣли смоченные росой или дождемъ листья. Забавно было смотрѣть, какъ онѣ подозрительно обнюхивали ведро съ водой, а потомъ опускали въ него морды и старались откусить кусочекъ жидкости, какъ будто это было что-то твердое. Но убѣдившись, что въ ведрѣ одна только жидкость, они выдернули головы и стали дрожать, храпѣть и вообще выказывали признаки безпокойства. Когда затѣмъ онѣ, наконецъ, убѣдились, что вода безвредна, онѣ погрузили въ нее морды по самые глаза, набрали полный ротъ воды и стали жевать ее. Мы видѣли, какъ одинъ человѣкъ сначала ласками, а потомъ шпорами и хлыстомъ цѣлыхъ пять или десять минутъ старался заставить лошадь перейти черезъ журчащій ручеекъ. Она раздувала ноздри, выпучивала глаза и вся тряслась, какъ это бываетъ съ лошадью, когда она увидитъ змѣю; очень возможно, что она и въ самомъ дѣлѣ принимала журчавшій ручеекъ за ползущую змѣю.

Путешествіе по острову Гаваи я совершилъ верхомъ на мулѣ, котораго я купилъ за десять долларовъ въ Кау, а потомъ при-

платилъ еще четыре доллара за ковку; я проѣхалъ на немъ двѣсти миль, а потомъ продалъ его за пятнадцать долларовъ. Я отмѣчаю это обстоятельство бѣлымъ камнемъ (за неимѣніемъ мѣла), потому что мнѣ никогда не приходилось видѣть, чтобы кто-нибудь дѣлалъ отмѣтки бѣлымъ камнемъ, хотя самъ я, изъ уваженія къ древнимъ, и пробовалъ дѣлать это довольно часто; я отмѣтилъ этотъ случай потому, что это была первая удачная коммерческая сдѣлка въ моей жизни. Мы вернулись въ Гонолулу, а оттуда отплыли на островъ Мади и очень пріятно провели тамъ нѣсколько недѣль. Я и до сихъ поръ еще съ удовольствіемъ вспоминаю пикникъ-экскурсію по живописному ущелью, носившему названіе долины Іао.

Но главная гордость Мауа—это ея потухшій вулканъ Хелеакала, что въ переводѣ значитъ „домъ солнца". Однажды послѣ обѣда мы взобрались на высоту тысячи футовъ по склону этого одинокаго колосса; потомъ расположились тамъ ночевать, а на слѣдующій день взобрались на остальные девять тысячъ футовъ и бросили якорь на вершинѣ, гдѣ развели огонь и попеременно мерзли и жарились всю ночь. Съ первыми проблесками зари мы поднялись и увидѣли новое для насъ зрѣлище. Поднявшись на главную вершину, мы смотрѣли на безмолвныя чудеса природы. Кругомъ, насколько хваталъ глазъ, видно было море; бурная поверхность его казалась издали покрытой рябью и морщинами. Широкая долина внизу походила на большую шахматную доску; бархатистыя зеленыя плантаціи сахарнаго тростника чередовались съ коричневой квадратами необработанной земли, а рощицы казались небольшими покрытыми мохомъ кочками. За долиной живописной группой простирались горы; но представьте себѣ, что мы смотрѣли на все это снизу вверхъ, а не сверху внизъ. Намъ казалось, что мы сидимъ въ серединѣ симметричной чаши въ десять тысячъ футовъ глубины, а долина и окружающее море какъ бы висѣли въ облакахъ выше насъ! Это было въ высшей степени интересно, и въ то же время намъ было какъ будто досадно, что мы напрасно трудились, взбираясь на десять тысячъ футовъ къ небу, чтобы смотрѣть опять вверхъ. До этого, когда я читалъ, какъ Поэ описываетъ этотъ удивительный обманъ зрѣнія въ большихъ пустынныхъ пространствахъ, я смотрѣлъ на это, какъ на плодъ его богатой фантазіи.

Я говорилъ до сихъ поръ о видѣ на окрестности вулкана, но и самъ потухшій кратеръ вулкана заслуживалъ того, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ. Мы сбрасывали въ него глыбы величиною съ полъ-боченка и смотрѣли, какъ онѣ катились внизъ по отвѣснымъ почти стѣнамъ кратера, дѣлая прыжки въ

триста футовъ и поднимая вверхъ облака пыли при каждомъ ударѣ о выступъ и, становясь постепенно все меньше и меньше, исчезали, наконецъ, съ нашихъ глазъ, давая о себѣ знать лишь доносившимся снизу грохотомъ, пока не достигали дна пропасти, на двѣ тысячи пятьсотъ футовъ ниже того мѣста, гдѣ мы стояли!

Кратеръ Везувія, въ сущности, незначительная яма, глубиною всего около тысячи футовъ и три тысячи футовъ въ окружности; кратеръ Килауэа немного глубже и въ окружности имѣетъ десять миль. Но что значатъ оба они въ сравненіи съ пустымъ желудкомъ Халеакала? Въ доказательство своихъ словъ я сошлюсь на командора американскаго флота, Уилькса, по опредѣленію котораго дно его имѣетъ двадцать семь миль въ окружности! Если бы дно его было ровное, оно могло бы служить прекраснымъ мѣстомъ для такого города, какъ Лондонъ.

Между тѣмъ на востокѣ появились предвѣстники наступающаго возрожденія дня. Горизонтъ сталъ алѣть и, спустя немного времени, взошло солнце и выглянуло изъ-за облаковъ, бросая свои яркіе лучи.

XXXII.

На островѣ Мауи я натолкнулся на одного любопытнаго субъекта, который потомъ въ конецъ измучилъ меня. Въ первый разъ я увидѣлъ его въ какомъ-то публичномъ мѣстѣ въ городѣ Лахаина. Онъ сидѣлъ въ креслѣ на противоположной сторонѣ залы и съ такимъ интересомъ разглядывалъ всю нашу компанію въ теченіе нѣсколькихъ минутъ и такъ критически прислушивался къ тому, что мы говорили, какъ будто мы всѣ обращались къ нему и ждали отъ него отвѣта. Меня это сильно удивило со стороны совершенно незнакомаго для насъ человѣка. Спустя немного времени, я въ разговорѣ высказалъ замѣчаніе, въ сущности, самое обыкновенное, но которое, по-моему мнѣнію, могло служить хорошей иллюстраціей къ затронутому вопросу. Но не успѣлъ я еще произнести послѣднее слово, какъ вдругъ этотъ субъектъ вмѣшался въ нашъ разговоръ, быстро произнося слова съ какой-то лихорадочной поспѣшностью.

— О да, это тоже замѣчательный въ своемъ родѣ случай, но если бы вы видѣли мой каминъ... если бы видѣли мой каминъ, сэръ!.. Если бы вы только могли себѣ представить, какъ онъ дымилъ!.. Пусть меня повѣсятъ, если я говорю неправду!.. М-ръ Джонсонъ, вы помните этотъ каминъ... вы

должны его помнить!.. Нѣтъ, нѣтъ, я теперь вспоминаю, вы не жили тогда на этой сторонѣ острова. Но я вамъ говорю только правду, и я лично ровно ничего не имѣлъ бы противъ этого камина, если бъ онъ не дымилъ такъ, что дымъ спекался въ немъ, и мнѣ потомъ приходилось выбивать его киркой! Вы можете смѣяться, джентльмены, сколько вамъ угодно, но главный шерифъ хранитъ у себя кусокъ такого дыма, который я вынулъ на его глазахъ, и поэтому вамъ стоитъ только пойти къ нему и посмотрѣть.

Неожиданное вмѣшательство незнакомца заставило насъ прекратить разговоръ, который уже сталъ затягиваться, и мы, нанявъ двѣ лодки, отправились смотрѣть большое состязаніе пловцовъ.

Двѣ недѣли спустя, бесѣдуя въ одномъ обществѣ, я поднялъ глаза и увидѣлъ этого же самаго субъекта; онъ точно пронизывалъ меня своими пристально устремленными на меня глазами, и я снова замѣтилъ его дергающіеся мускулы и лихорадочное желаніе заговорить. Въ ту минуту, какъ я остановился, онъ сказалъ:

— Прошу прощенія, сэръ, прошу прощенія, но это только тогда можно считать замѣчательнымъ, когда это является единственнымъ. Если же принять во вниманіе, сэръ, то, что я видѣлъ собственными глазами, это сейчасъ же становится самымъ обыкновеннымъ. Нѣтъ, не то... такое выраженіе было бы невѣжливо по отношенію къ иностранцу и джентльмену, но я не могу не сказать, что вы никогда не стали бы указывать на это дерево, какъ на замѣчательно большое, если бы вамъ пришлось увидать великое дерево якматакъ, которое я видѣлъ на островѣ Унаска въ Камчатскомъ морѣ... Это дерево, сэръ, имѣло не меньше четырехсотъ пятнадцати футовъ въ діаметрѣ!.. Пусть я умру на этомъ же мѣстѣ, если это неправда! О, вы напрасно смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ, джентльменъ; тутъ есть старый капитанъ Сальтмаршъ, который можетъ сказать, правду я говорю или нѣтъ. Я показывалъ ему это дерево.

Капитанъ Сальтмаршъ. Ну! ну, нечего ссылаться на меня! Отчаливайте! Вы, правда, обѣщали показать мнѣ это чудо, и я, Богъ знаетъ сколько времени, таскался съ вами по непроходимой джунглѣ, разыскивая это дерево, пока вы наконецъ подвели меня къ какому-то дереву, но только оно было не толще бочки изъ-подъ пива, да вы это и сами знаете отлично, Мэркисъ.

— Послушайте только, что онъ говоритъ! Дерево, конечно, стало гораздо тоньше, но почему? Развѣ я не объяснялъ вамъ

этого? Развѣ я не говорилъ вамъ этого? Развѣ я не говорилъ вамъ, что я очень жалѣю, что вамъ не удалось видѣть его, когда я видѣлъ его въ первый разъ? А когда вы сѣли потомъ въ свою повозку и стали бранить меня за то, что я заставилъ васъ пройти одиннадцать миль, чтобы показать вамъ хворостинку, развѣ я не объяснялъ вамъ, что всѣ китоловныя суда сѣверныхъ морей срубали съ него на топливо въ продолженіе больше, чѣмъ двадцати семи лѣтъ? Неужели вы думаете, что дерево можетъ оставаться такимъ же, сколько бы его ни обрубали? Не понимаю, къ чему вамъ понадобилось извращать такимъ образомъ факты и оскорблять человѣка, который никогда не дѣлалъ вамъ никакого вреда?

Я начиналъ чувствовать себя неловко въ присутствіи этого человѣка и очень обрадовался, что въ эту минуту явился одинъ туземецъ сказать, что Мукауау, самый общительный и самый богатый изъ всѣхъ вождей на островахъ, приглашаетъ насъ помочь ему утѣшить миссіонера, котораго оскорбили въ его владѣніяхъ.

Дней чрезъ десять послѣ этого, разговаривая со своими пріятелями и знакомыми, я снова услышалъ запечатлѣвшійся въ моей памяти голосъ, который раздался, какъ только я умолкъ.

— Но лошадь эта не представляетъ ничего удивительнаго, дорогой сэръ... Тутъ нѣтъ ровно ничего, выходящаго изъ ряда вонъ!.. Надѣюсь, вы не обидитесь на меня, если я вамъ скажу, что вы не имѣете вѣрнаго представленія о томъ, что такое быстрота. Если бы вы только видѣли мою кобылу Маргариту! Вотъ была лошадь-то! Настоящая молнія! Рысь! Нѣтъ, это нельзя даже и называть рысою, она не бѣжала, а летѣла! Однажды я проѣхалъ на ней, сэръ...—полковникъ Бильджеуотеръ, вы должны помнить эту лошадь,—я проѣхалъ на ней тридцать или тридцать пять ярдовъ во время самой ужаснѣйшей бури, какую я когда-либо видѣлъ въ моей жизни, и буря гналась за нами цѣлыхъ восемнадцать миль! Клянусь, что это правда!.. Я говорю вамъ одну святую истину! На меня не упало ни одной капли дождя, ни одной капли, сэръ! клянусь вамъ! Но зато моя собака всю дорогу плыла за повозкой!

Послѣ этого я, должно-быть, недѣли двѣ почти безвыходно сидѣлъ дома, потому что мнѣ казалось, что куда я ни пойду, я непремѣнно встрѣчу этого субъекта, и онъ сталъ мнѣ ненавистенъ. Но однажды вечеромъ я зашелъ къ капитану Перкинсу, гдѣ засталъ много знакомыхъ, и мы пріятно проводили время. Около десяти часовъ я заговорилъ объ одномъ моемъ пріятелѣ-торговцѣ и у меня безъ всякаго намѣренія вырвалось замѣчаніе, что онъ скуповатъ и не совсѣмъ правильно распла-

чивается со своими рабочими. Въ ту же минуту я услышалъ хорошо знакомый мнѣ голосъ, доносившійся съ противоположнаго конца сквозь пары, поднимавшіеся изъ чаши съ горячимъ пуншемъ изъ виски.

— Ахъ, мой дорогой сэръ, вы сами выставляете себя въ смѣшномъ видѣ, придавая этому такое важное значеніе... Заклинаю васъ, не говорите больше ни слова... Вы и понятія не имѣете, что такое подлость! Вы невѣжественны, какъ новорожденный младенецъ; какъ новорожденные близнецы! Вы ровно ничего въ этомъ не смыслите! Жаль смотрѣть на васъ, сэръ!.. Ваше невѣжество въ этомъ отношеніи просто унизительно для васъ!.. Посмотрите мнѣ, пожалуйста, въ глаза; посмотрите мнѣ въ глаза. Джонъ Джэмъ Буфрей былъ сынъ бѣдныхъ, но честныхъ родителей... онъ родился въ штатѣ Миссисипи и былъ другомъ моего дѣтства, а потомъ моимъ товарищемъ... Теперь его уже нѣтъ въ живыхъ, онъ насъ покинулъ навсегда! Джонъ Джэмсъ Буфрей работалъ въ угольныхъ шахтахъ въ Калифорніи у одного общества, которому тамошніе молодцы дали прозвище „Соединенное общество негодяевъ“... И вотъ однажды онъ просверлилъ дыру глубиною около четырехъ футовъ и, заложивъ въ нее громадное количество пороху, началъ уминать его желѣзнымъ ломомъ, длиною въ девятъ футовъ... какъ вдругъ изъ отверстія показалась сначала искра, а затѣмъ послѣдовалъ взрывъ... Джонъ Буфрей, точно ракета, взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ со своимъ ломомъ!.. Ну, сэръ, онъ поднимался все выше и выше и сталъ казаться не больше мальчика, а потомъ меньше куклы, и, наконецъ, поднялся такъ высоко, что сталъ казаться величиною съ маленькую пчелку, а затѣмъ и совсѣмъ скрылся изъ виду! Скоро, однакоже, онъ снова показался и сначала былъ виденъ, какъ маленькая пчелка, потомъ, спустившись ниже, сталъ величиною съ маленькаго ребенка, а потомъ, по мѣрѣ того, какъ опускался ниже, становился все больше и больше, и наконецъ онъ самъ и его ломъ опустились на землю, какъ разъ на то самое мѣсто, съ котораго взлетѣли вверхъ, и онъ сталъ опять забивать порохъ... какъ будто ничего не случилось! Бѣдняга провелъ въ отсутствіи всего только шестнадцать минутъ, а соединенная „Компанія негодяевъ“ все-таки вычла съ него за потерянное время!

Я сказалъ, что у меня болитъ голова, извинился и ушелъ домой.

* * * *

Этотъ рядъ звѣздочекъ обозначаетъ промежутокъ въ нѣсколько лѣтъ. Мэркиса въ одинъ прекрасный день нашли повѣсившимся въ его спальнѣ, и на груди у него была приколота записка,

въ которой онъ просилъ никого не винить въ его смерти, потому что онъ самъ покончилъ съ собой. Присяжные, однакоже, вынесли вердиктъ, что бѣдняга погибъ отъ руки неизвѣстнаго убійцы, а потомъ, когда поиски не дали никакихъ результатовъ, признали, что онъ покончилъ съ собой въ состояніи умопомѣшательства потому что, если бы онъ былъ въ здравомъ умѣ, онъ ни за что не сказалъ бы правды, такъ какъ лгалъ всю свою жизнь.

XXXIII.

Послѣ полугодового странствованія по островамъ я сѣлъ на парусное судно и съ сожалѣніемъ вернулся въ Санъ-Франциско; я совершилъ путешествіе во всѣхъ отношеніяхъ пріятное и безъ всякихъ приключеній, если не считать штиля, продержавшаго насъ цѣлыхъ двѣ недѣли въ восьмистахъ миляхъ отъ ближайшей земли. Киты такъ освоились съ нами, что каждый день, окруженные дельфинами и акулами, играли около корабля, не обнаруживая ни малѣйшаго страха, а мы швыряли въ нихъ пустыми бутылками, за неимѣніемъ другого развлеченія. Бутылки эти цѣлыя сутки потомъ спокойно лежали у насъ передъ глазами на зеркальной поверхности океана—несомнѣнное доказательство, что во все это время корабль не трогался со своего мѣста. Штиль былъ полный, безъ малѣйшаго вѣтра, и на поверхности океана не видно было даже ряби. Цѣлый день и часть ночи мы стояли такъ близко отъ другого корабля, который занесло къ намъ теченіемъ, что мы даже вступали въ разговоръ съ пассажирами на немъ, называли другъ друга по именамъ и довольно коротко познакомились съ людьми, о которыхъ прежде никогда не слыхали и о которыхъ, вѣроятно, никогда больше и не услышимъ. Это было единственное судно, которое мы видѣли въ теченіе всего этого томительнаго скучнаго штилеванія.

Я снова былъ въ Санъ-Франциско безъ средствъ и безъ занятій. Я ломалъ себѣ голову, какъ бы мнѣ раздобыться деньгами и, наконецъ, рѣшилъ прочесть публичную лекцію! Я сейчасъ же принялся за работу и, окрыленный надеждой, въ одинъ присѣстъ написалъ лекцію. Когда я показалъ ее кой-кому изъ своихъ пріятелей, всѣ они покачивали головами и говорили, что никто не придетъ слушать меня, и что эта неудача только опозоритъ меня. Они увѣряли, что такъ какъ я никогда не читалъ передъ публикой, то буду заикаться. Это повергло меня въ отчаяніе. И только одинъ знакомый мнѣ редакторъ одобрилъ мой планъ и, хлопнувъ меня по спинѣ, сказалъ:

„Наймите самый большой залъ въ городѣ и берите за билетъ по доллару“. Его мнѣніе поддержалъ владѣлецъ нѣсколькихъ театровъ и предложилъ мнѣ для этой цѣли за полцѣны, за пятьдесятъ долларовъ, свое новое красивое зданіе оперы. Я согласился, но взялъ въ кредитъ по весьма уважительной причинѣ... Въ три дня я напечаталъ и разослалъ объявленій на полтораста долларовъ. Я чувствовалъ себя самымъ несчастнымъ и самымъ трусливымъ созданіемъ на всемъ побережьѣ Тихаго океана. Въ концѣ объявленія я помѣстилъ фразу, которая другимъ могла показаться шуткой, но для меня она была полна глубокаго значенія:

„Входъ съ $7^1/_2$ ч., мученье начнется въ 8 ч.“.

Съ тѣхъ поръ этой фразой стали часто пользоваться и другіе, и она не разъ оказывала хорошую услугу. Я видѣлъ ее даже въ газетныхъ объявленіяхъ, напоминающихъ ученикамъ во время вакацій, что скоро начнется слѣдующій учебный годъ. По мѣрѣ того, какъ проходили эти три дня, я чувствовалъ себя все болѣе и болѣе несчастнымъ. Я продалъ двѣсти билетовъ моимъ личнымъ друзьямъ, но я боялся, что они не придутъ. Моя лекція, которая показалась мнѣ сперва „юмористичной“, становилась все серьезнѣе, пока въ ней не осталось и признака шутки; я очень сожалѣлъ, что не могъ принести на сцену гробъ и превратить все это въ похороны. Наконецъ мною овладѣла такая паника, что я отправился къ тремъ старымъ друзьямъ, обладавшимъ не только добрымъ сердцемъ, но и внушительнымъ ростомъ и громовымъ голосомъ, и сказалъ имъ:

„Моя лекція не будетъ имѣть успѣха; всѣ остроты въ ней такъ слабы, что ихъ никто и не замѣтитъ; мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы заняли мѣста въ партерѣ и помогли мнѣ.

Они согласились. Затѣмъ я пошелъ къ женѣ одного извѣстнаго гражданина и попросилъ ее сдѣлать мнѣ очень большое одолженіе и занять вмѣстѣ съ мужемъ ложу съ лѣвой стороны, гдѣ ихъ будутъ всѣ видѣть. Я объяснилъ ей, что очень нуждаюсь въ ея помощи и буду обертываться къ ней съ улыбкой, въ видѣ сигнала, когда произнесу не совсѣмъ понятную остроту, и тогда, прибавилъ я, „вы, не подвергая мою остроту критикѣ, улыбнитесь тоже...“

Она обѣщала исполнить мою просьбу. На улицѣ я встрѣтилъ человѣка, котораго я никогда прежде не видалъ. Онъ былъ выпивши, и на лицѣ у него сіяла добродушная улыбка. Онъ сказалъ мнѣ:

— Мое имя Сойеръ. Вы меня не знаете, но это все равно. У меня нѣтъ ни цента, но если бы вы знали, какъ мнѣ хочется посмѣяться, вы дали бы мнѣ билетъ. Ну, что вы на это скажете?

— А вы смѣетесь только тода, когда дѣйствительно смѣшно, или же можете смѣяться во всякое время?

Мой вопросъ, очевидно, показался ему такимъ забавнымъ, что онъ сейчасъ же мнѣ представилъ образецъ своего умѣнья смѣяться, и я далъ ему билетъ во второмъ ряду, въ срединѣ.

Я ничего не ѣлъ въ послѣдній изъ этихъ трехъ дней,—я только страдалъ. Я объявилъ, что въ этотъ, т.-е. въ третій день, касса будетъ открыта для продажи оставшихся неразобранными билетовъ, и въ четыре часа дня тихонько пробрался въ театръ узнать, какъ идетъ продажа билетовъ. Кассиръ ушелъ, касса была заперта. Никто не хочетъ брать билетовъ, рѣшилъ я, но этого и слѣдовало ожидать. Я подумывалъ лишить себя жизни, притвориться больнымъ, убѣжать, но затѣмъ я отогналъ отъ себя эти мысли и приготовился мужественно встрѣтить свою судьбу. Я не могъ ждать до половины восьмого и въ шесть часовъ пошелъ глухими улицами, прокрался въ театръ заднимъ ходомъ и, натыкаясь въ потемкахъ на декораціи, пробрался на сцену. Зала была мрачна и безмолвна, а пустота ея подавляла меня; я робко убрался за декорацію и цѣлыхъ полтора часа сходилъ съ ума, рисуя себѣ всякіе ужасы. Вдругъ я услышалъ какой-то гулъ, который росъ все сильнѣе и сильнѣе, и я, наконецъ, ясно сталъ различать голоса. Затѣмъ наступила пауза. Прошла минута, другая, третья... и я вдругъ, самъ не зная какъ, очутился на сценѣ. Весь театръ былъ биткомъ набитъ публикой. Я съ минуту стоялъ, какъ ошеломленный, но затѣмъ, видя среди этого моря головъ одни дружески расположенныя ко мнѣ лица, успокоился и началъ читать лекцію. Всѣ мои даже неважныя остроты встрѣчались дружнымъ веселымъ смѣхомъ, а когда я затѣмъ заговорилъ серьезнымъ тономъ, въ залѣ наступила глубокая тишина, и это мнѣ понравилось больше, чѣмъ смѣхъ. Произнося послѣднее слово заключительной фразы, я случайно обернулся и поймалъ устремленный на меня напряженный взглядъ мистрисъ... мнѣ припомнился разговоръ съ нею, и я, несмотря на серьезный тонъ конца моей лекціи, невольно улыбнулся. Она приняла это за сигналъ и весело засмѣялась. Этотъ смѣхъ послужилъ сигналомъ для всего зрительнаго зала, который наградилъ меня взрывомъ хохота. Моя попытка заговорить серьезно потерпѣла неудачу и вызвала только гомерическій хохотъ; но я не сказалъ тогда никому, что меня это немножко огорчило. На другой день утромъ я прочелъ въ газетахъ самые одобрительные отзывы о моей лекціи. У меня явился аппетитъ.

У меня было много денегъ. Словомъ, все хорошо, что хорошо кончается.

XXXIV.

Теперь я смѣло сталъ выступать въ качествѣ лектора. Передо мною было широкое поприще, потому что публичныя лекціи были почти незнакомымъ товаромъ на тихоокеанскомъ рынкѣ. Я полагаю, что теперь это уже не такая рѣдкость. Я пригласилъ одного моего стараго друга въ качествѣ агента, и мы двѣ или три недѣли странствовали по Невадѣ и по Калифорніи и очень весело проводили время. За два дня до того, какъ я читалъ лекцію въ Виргиніи, были ограблены два дилижанса въ двухъ миляхъ отъ города. Дерзкое нападеніе было совершено какъ разъ на разсвѣтѣ шестью замаскированными, которые вскочили въ дилижансы, приставили револьверы къ головамъ кучеровъ и пассажировъ и приказали всѣмъ выходить. Всѣ поспѣшили исполнить это приказаніе. Разбойники забрали у пассажировъ часы и всѣ, какія у нихъ были, деньги. Затѣмъ они взорвали денежный почтовый сундукъ и забрали изъ него все содержимое.

Вечеромъ, по прочтеніи лекціи въ Виргиніи, я отправился черезъ пустырь къ „Золотому холму“ и прочелъ тамъ другую лекцію, по окончаніи которой я заговорился съ однимъ пріятелемъ, такъ что въ обратный путь тронулся уже въ одиннадцать часовъ. Пустырь этотъ пользовался дурной славой, и тамъ частенько грабили и даже убивали запоздалыхъ путниковъ. Когда мы, дрожа отъ пронизывавшаго насъ рѣзкаго вѣтра, добрались до середины пустыря, мой спутникъ, агентъ Майкъ, вдругъ заговорилъ:

— Не люблю я ходить по этому мѣсту ночью.

— Не кричите только такъ громко,—возразилъ я.—Не надо сообщать кому бы то ни было, что мы здѣсь.

Какъ разъ въ это время со стороны Виргиніи къ намъ приближалась какая-то фигура,—очевидно, человѣкъ. Онъ шелъ прямо на меня, и я посторонился, чтобы дать ему дорогу, но онъ снова преградилъ мнѣ путь. Неизвѣстный, на которомъ была маска, поднесъ что-то такое къ самому моему лицу, и я въ ту же минуту услыхалъ щелканье курка револьвера. Я отстранилъ рукой дуло и сказалъ:

— Не стрѣляйте!

Онъ грубо крикнулъ мнѣ:

— Давайте часы и деньги!

Я почтительно отвѣтилъ ему.

— Берите все, что хотите, но только, пожалуйста, отведите дуло револьвера отъ моего лица.

— Не разговаривать! Давайте деньги!

— Конечно... я...

— Руки вверхъ!.. Не вздумайте прибѣгать къ оружію. Руки вверхъ! Выше!

Я держалъ руки надъ головой.

Наступила пауза. Затѣмъ я услышалъ:

— Дадите вы мнѣ деньги или нѣтъ?

Я опустилъ было руку въ карманъ, говоря:

— Разумѣется... я...

— Руки вверхъ! Или вамъ, можетъ-быть, хочется, чтобы я размозжилъ вамъ голову? Руки вверхъ!

Я снова поднялъ руки кверху.

Новая пауза.

— Намѣрены вы отдать намъ деньги или нѣтъ? Ага—снова! Руки вверхъ! Клянусь Георгомъ, вы хотите, чтобъ я прострѣлилъ вамъ голову!

— Послушайте, другъ мой, я стараюсь исполнять всѣ ваши приказанія. Вы требуете, чтобъ я отдалъ вамъ деньги, и когда я хочу достать деньги, вы кричите, чтобъ я поднялъ руки кверху. Если бы вы только... О нѣтъ, нѣтъ! Шестеро на одного! Пусть этотъ человѣкъ отойдетъ немного... Теперь, пожалуйста, отведите эти револьверы отъ моего лица... пожалуйста! Каждый разъ, какъ кто-нибудь начинаетъ щелкать куркомъ, у меня дѣлается горько во рту! Если у кого-нибудь изъ васъ есть мать... или если у кого-нибудь изъ васъ была когда-нибудь мать... или бабушка... или...

— Молчать! Или отдавайте деньги или отправляйтесь туда!.. Это что значитъ? Руки вверхъ!

— Джентльмены, я знаю, что вы джентльмены, потому...

— Молчать! Если вы хотите шутить, молодой человѣкъ, то для этого существуетъ болѣе подходящее время и мѣсто... Тутъ дѣло серьезное.

— Это удивительно какъ совпадаетъ съ моимъ собственнымъ мнѣніемъ. Всѣ похороны, на какихъ только мнѣ приходилось присутствовать, веселая комедія въ сравненіи съ этимъ. Теперь я думаю...

— Молчать!.. Давайте деньги!.. Деньги! Ну!.. руки вверхъ!..

— Джентльмены, выслушайте меня, пожалуйста. Вы сами видите, каково мое положеніе... Не подносите же такъ близко эти револьверы... я слышу запахъ пороху. Вы видите, въ какомъ я положеніи. Если бы у меня было четыре руки... тогда я могъ бы поднять двѣ руки и...

— Задушить его! Убить его!

— Джентльмены, не дѣлайте этого! Вы точно забыли, что я тутъ не одинъ... Почему нѣкоторые изъ васъ... Ухъ! Пожа

луйста, уберите это подальше! Джентльмены, вы видите, что я держу руки вверхъ, а потому и не могу достать денегъ... но если бы вы были такъ любезны достать ихъ сами...

— Обыщите его, „Красивый глазъ"... и заткните ему глотку пулей, если только онъ хоть пошевельнется. Помогите „Красивому глазу", „Каменная стѣна".

Затѣмъ трое изъ нихъ отвели Майка въ сторону и стали его обыскивать, а остальные принялись за меня и, когда они обобрали меня дочиста, я рѣшилъ, что я теперь свободенъ и сейчасъ же засунулъ озябшія руки въ пустые карманы и началъ топтаться на мѣстѣ, чтобы согрѣть ноги; но въ ту же минуту на меня опять направились всѣ револьверы и снова послѣдовало приказаніе:

— Смирно! Руки вверхъ!

Они поставили Майка рядомъ со мной со строгимъ приказаніемъ держать руки надъ головой, а затѣмъ предводитель разбойниковъ сказалъ:

— „Красивый глазъ", спрячьтесь тутъ; Филь Шериданъ, вы спрячьтесь тамъ, а вы, „Каменная стѣна", станьте за этимъ кустомъ. Держите револьверы наготовѣ и, если они опустятъ руки раньше, чѣмъ черезъ десять минутъ, или шевельнутъ ногой, стрѣляйте въ нихъ!

Затѣмъ трое разбойниковъ исчезли во мракѣ, занявъ указанныя имъ мѣста въ засадѣ, а трое остальныхъ исчезли по дорогѣ въ Виргинію.

Тутъ я, прежде чѣмъ продолжать разсказъ, долженъ замѣтить, что вся эта исторія была шутка, а разбойники — переодѣтые наши пріятели; кромѣ того, свидѣтелями этого нападенія было еще человѣкъ двадцать знакомыхъ, притаившихся въ кустахъ. Майкъ зналъ это и былъ въ заговорѣ, но я ничего не подозрѣвалъ и принималъ все это за чистую монету.

Когда мы простояли такъ среди дороги пять минутъ, какъ пара идіотовъ, съ поднятыми руками и постепенно замерзая, Майку стала надоѣдать эта шутка и онъ сказалъ:

— Теперь уже прошло десять минутъ, какъ вы думаете?

— Нѣтъ, молчите. Неужели вы хотите дать удобный случай подстрѣлить насъ этимъ кровожаднымъ дикарямъ?

Спустя немного, Майкъ опять сказалъ:

— Теперь срокъ во всякомъ случаѣ уже прошелъ. Я замерзъ.

— Ну и мерзните. Лучше мерзнуть, чѣмъ принести свои мозги въ корзинѣ. Можетъ-быть, срокъ и прошелъ, но какъ узнать это?.. Часовъ у насъ нѣтъ и справиться нельзя... Намъ нужно простоять здѣсь пятнадцать минутъ или умереть. Не шевелитесь!

Итакъ, неумышленно я заставилъ одного шутника пожалѣть, что онъ попалъ въ соучастники. Когда мы, наконецъ, опустили руки внизъ, онѣ ныли отъ холода и усталости и, когда мы крадучись шли, то страхъ, который я испытывалъ, что срокъ, можетъ-быть, еще не истекъ и что мы вдругъ получимъ по пулѣ, былъ все-таки не настолько великъ, чтобы не чувствовать, что я весь закоченѣлъ.

Шутка этихъ разбойниковъ-друзей вышла главнымъ образомъ шуткой надъ ними самими, потому что имъ пришлось ждать меня на вершинѣ холма цѣлыхъ два часа, а въ этомъ было очень мало забавнаго, они такъ прозябли, что цѣлыя двѣ недѣли не могли потомъ согрѣться. Кромѣ того, мнѣ никогда не приходило въ голову, что они убьютъ меня, чтобы заполучить деньги, которыя такъ легко было взять у меня и безъ убійства. Я боялся только, чтобы не произошло выстрѣла случайно. Тѣмъ не менѣе я все-таки жестоко поплатился и матеріально; я сильно простудился и прохворалъ цѣлыхъ три мѣсяца, а это потребовало большихъ расходовъ на доктора и на лѣкарство.

По возвращеніи въ Санъ-Франциско я собрался было отправиться въ Японію, а оттуда на Западъ, вокругъ свѣта; но желаніе увидѣть снова родину измѣнило мое намѣреніе, и я взялъ мѣсто на пароходѣ, простился съ самой дружелюбной страной и съ самымъ оживленнымъ и сердечнымъ обществомъ нашего континента и вернулся въ Нью-Іоркъ; но эту поѣздку нельзя было назвать веселой, потому что у насъ обнаружилась холера, и мы каждый день опускали въ море двоихъ или троихъ умершихъ. Родина показалась мнѣ скучнымъ мѣстомъ послѣ долгаго отсутствія, потому что почти всѣ дѣти, какихъ я зналъ, носили теперь усы или баки; изъ взрослыхъ же, съ которыми я былъ знакомъ, только немногіе наслаждались счастьемъ и благоденствовали у домашняго очага, а изъ остальныхъ нѣкоторые отправились въ другіе края, нѣкоторые попали въ тюрьму, а нѣкоторые — на висѣлицу. Я рѣшилъ уѣхать, взялъ мѣсто на пароходѣ „Quaker City“ (Городъ Квакеръ) и повезъ мои слезы въ чужія страны.

Нравоученіе.

Если читатель думаетъ, что въ этой книгѣ нѣтъ нравоученія, то онъ ошибается. Нравоученіе вотъ какое: Если вы пригодны на что-нибудь, оставайтесь дома и старайтесь трудомъ проложить себѣ дорогу впередъ; но если вы ни на что не годны, уѣзжайте изъ дому и тогда примитесь за работу, хотите вы этого или нѣтъ. Кромѣ того, этимъ вы доставите удовольствіе и своимъ друзьямъ, такъ какъ не будете докучать имъ, если за вами водится этотъ грѣшокъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НАШИ ПРОСТАКИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

или

НОВЫЙ СПОСОБЪ ПУТЕШЕСТВІЯ.

ЭТА КНИГА

посвящается самому терпѣливому изъ моихъ читателей и самому снисходительному изъ критиковъ

МОЕЙ ПРЕСТАРѢЛОЙ МАТЕРИ.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Первымъ моимъ побужденіемъ было пересмотрѣть эту книгу, прежде чѣмъ отдать ее въ печать, да еще такому издателю, какъ Таухницъ; но вторымъ и болѣе разумнымъ было рѣшеніе оставить ее неисправленною. Эта книга—произведеніе одного юноши или вѣрнѣе даже мальчика; это—записки объ его первомъ путешествіи, потому что мужчина, по возрасту, я былъ однакоже въ то время совсѣмъ еще не оперившимся птенцомъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и я сталъ мужчиной, я много путешествовалъ, кое-чему научился, а еще больше разучился,—мыслимо ли взрослому человѣку пересматривать книгу, написанную мальчишкой безъ того, чтобы не передѣлать ее всю? Это, конечно, невозможно. Я просто-напросто выбилъ бы, какъ кирпичи, доказательства невѣжества автора и вставилъ бы массу не совсѣмъ вѣрныхъ свѣдѣній; я выбилъ бы хрупкое довѣріе мальчика и вставилъ бы холодную осторожность мужчины; я выбилъ бы невольную непочтитель-

ность мальчика и вставилъ бы обманчивую проповѣдь взрослаго; я изгналъ бы совсѣмъ безразсудный энтузiазмъ мальчика и замѣнилъ бы его холодной разсудительностью и осторожными рѣчами взрослаго. Въ результатѣ явилась бы книга, которую всего лучше было бы сжечь.

Я могъ бы написать точно такую же книгу снова, но не считаю себя настолько компетентнымъ, чтобъ ее пересматривать. Лучше оставить ее, какъ она есть, чѣмъ пробовать исправить ее, лучше заставить смѣяться уголкомъ рта, какъ юноша, между тѣмъ какъ я могу заставить плакать слезами зрѣлаго человѣка.

Маркъ Твэнъ.

Мартъ, 1879 г.

ПРЕДИСЛОВIЕ.

Эта книга—отчетъ объ увеселительномъ путешествiи. Если бы это былъ отчетъ о серьезной научной экспедицiи, то въ немъ была бы та серьезность, та глубина и та внушительная туманность, которыя такъ свойственны подобнаго рода произведенiямъ и которыя въ то же время такъ привлекательны. Но, несмотря на то, что это только отчетъ о пикникѣ, онъ тоже имѣетъ свою цѣль, а именно, представить читателю, каковы бы ему показались Европа и Востокъ, если бы онъ смотрѣлъ на нихъ своими собственными глазами, а не глазами тѣхъ, кто прежде него путешествовалъ по этимъ странамъ. Я не обнаруживаю ни малѣйшей претензiи указывать кому бы то ни было, какъ онъ долженъ смотрѣть на разныя диковинки по ту сторону океана,—это дѣлается въ другихъ книгахъ, и поэтому нѣтъ никакой надобности дѣлать это еще и мнѣ.

Я не приношу извиненiй за нѣкоторыя уклоненiя отъ обычнаго стиля при описанiи путешествiй, если бы это даже и было поставлено мнѣ въ вину, потому что я смотрѣлъ безпристрастными глазами и увѣренъ, что писалъ, по крайней мѣрѣ, честно; но умно или нѣтъ—это дѣло другое.

Для этого тома я воспользовался частью писемъ, которыя я писалъ для „Ежедневной Старой Калифорнiи“ въ Санъ-Франциско, и частью писемъ, которыя я писалъ для нью-йоркской „Трибуны“ и для нью-йоркскаго „Геральда“.

I.

Большая увеселительная поѣздка въ Европу и въ Святую Землю уже нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ служила предметомъ толковъ въ газетахъ и у домашняго очага. Подобнаго рода поѣздка являлась новостью,—возможность чего-либо подобнаго до сихъ поръ и въ голову не приходила, и это-то и заинтересовало такъ всѣхъ, какъ новинка. Это долженъ былъ быть гигантскій пикникъ. Участвующіе въ немъ, вмѣсто того, чтобы нанимать неудобное перевозочное судно и медленно тащиться на немъ по какой-нибудь неизвѣстной рѣченкѣ, а потомъ пристать къ берегу и, валяясь цѣлый день на травѣ, притворяться, что это очень весело, должны были отправиться въ путешествіе на громадномъ пароходѣ съ развѣвающимися флагами, пушечной пальбой, по-царски прокатиться по необъятной глади океана въ чужіе края, побывать въ различныхъ государствахъ и посѣтить многія исторически-извѣстныя мѣста. Путешественники должны были проплавать нѣсколько мѣсяцевъ въ бурномъ Атлантическомъ океанѣ и въ залитомъ солнцемъ Средиземномъ морѣ; днемъ они могли бродить по палубамъ, наполняя судно криками и смѣхомъ, или читать романы и стихи, примостившись возлѣ одной изъ дымовыхъ трубъ, или поджидать, пока появятся за бортомъ слизняки, кораблики, акулы, киты или другія какія-нибудь морскія чудовища, а ночью они могли танцовать на открытомъ воздухѣ на верхней палубѣ, среди бальной залы, которая простиралась отъ одного края горизонта до другого съ необъятнымъ куполомъ, освѣщеннымъ не какими-нибудь лампами а звѣздами и великолѣпной луной; они могли тамъ танцовать, гулять, курить, пѣть, влюбляться, искать на небѣ созвѣздія, которыя никогда не согласуются съ „Большимъ ковшомъ", который такъ имъ надоѣлъ; они будутъ видѣть корабли двадцати флотовъ; они получатъ возможность изучить обычаи и костюмы двадцати любопытнѣйшихъ народовъ; они побываютъ въ главныхъ городахъ половины міра, они будутъ чокаться съ вельможами и вести дружескую бесѣду съ королями, принцами, великими Моголами и Божіими помазанниками могущественныхъ государствъ.

Это былъ смѣлый замыселъ; это былъ плодъ геніальнѣйшаго ума. Объ этомъ было объявлено въ газетахъ, хотя едва ли была надобность въ подобнаго рода объявленіяхъ: смѣлость замысла, необычайный характеръ путешествія, заманчивая перспектива и обширность программы и безъ того возбуждали всюду толки и заставляли говорить о себѣ въ каждой семьѣ *). Могъ ли кто-нибудь, прочтя программу предстоящаго путешествія, не пожелать принять участія въ немъ? Я привожу эту программу цѣликомъ. Она почти такъ же хороша, какъ географическая карта. А что касается текста, то лучшаго ничего нельзя и придумать для этой книги.

Путешествіе во Святую Землю, Египетъ, Крымъ, Грецію и промежуточные интересные пункты.

Бруклинъ, февраля 1 дня, 1867 г.

Нижеподписавшійся, предполагая совершить вышеупомянутое путешествіе въ теченіе наступающаго сезона, позволяетъ себѣ предложить вамъ слѣдующую программу.

Подъ моей личной командой будетъ находиться первоклассный пароходъ, разсчитанный, по крайней мѣрѣ, на сто пятьдесятъ каютныхъ пассажировъ, но число послѣднихъ, изъ самаго избраннаго общества, не превыситъ трехъ четвертей вмѣстимости парохода. Есть полное основаніе предполагать, что это общество легко можетъ составиться изъ окрестныхъ жителей, общихъ друзей и знакомыхъ.

Пароходъ будетъ снабженъ всѣми необходимыми удобствами, библіотекой и музыкальными инструментами.

На пароходѣ будетъ опытный врачъ.

Отъѣздъ изъ Нью-Йорка предположенъ 1 іюня; это дастъ возможность при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ совершить переѣздъ черезъ Атлантическій океанъ и прибыть черезъ десять дней въ Санъ-Мигуэль, принадлежащій къ группѣ Азорскихъ острововъ. Тутъ пассажиры проведутъ день или два, наслаждаясь отдыхомъ и любуясь видомъ этихъ острововъ, а затѣмъ дня черезъ три или четыре будутъ уже въ Гибралтарѣ.

Тамъ проведутъ тоже одинъ или два дня, осматривая удивительныя подземныя укрѣпленія, на что уже получено разрѣшеніе.

Изъ Гибралтара пароходъ отправится вдоль береговъ Испаніи и Франціи и черезъ три дня прибудетъ въ Марсель. Здѣсь

*) Въ то время намъ не было еще извѣстно, что идея о такого рода путешествіи зародилась впервые въ Англіи и была заимствована оттуда.—*М. Т.*

предположена остановка на продолжительное время, чтобы дать возможность не только осмотрѣть этотъ городъ, основанный за шестьсотъ лѣтъ до Р. Х., но и его искусственный портъ, самый лучшій на побережьѣ Средиземнаго моря, и чтобы затѣмъ посѣтить Парижъ во время Всемірной выставки, а также и лежащій на половинѣ пути городъ Ліонъ, съ окружающихъ высотъ котораго въ ясный день отчетливо видны Монбланъ и Альпы. Пассажиры, желающіе продолжить свое пребываніе въ Парижѣ, будутъ имѣть возможность, проѣхавъ черезъ Швейцарію, встрѣтиться со своимъ пароходомъ въ Генуѣ.

Отъ Марселя до Генуи ѣзды всего одна ночь. Пассажиры будутъ имѣть случай видѣть и „великолѣпную столицу дворцовъ" и посѣтить мѣсто рожденія Колумба, проѣхавъ туда (всего двѣнадцать миль) по прекрасной дорогѣ, построенной Наполеономъ I. Изъ этого пункта путешественники могутъ отправиться въ Миланъ, на озера Комо и Маджіоро, или же въ Миланъ, Верону (знаменитую своими необыкновенными укрѣпленіями), Падую и Венецію. Или, если пассажиры пожелаютъ посѣтить Парму (знаменитую фресками Корреджіо) и Болонью, они могутъ проѣхать по желѣзной дорогѣ во Флоренцію и сѣсть на пароходъ въ Ливорно, проведя такимъ образомъ около трехъ недѣль въ знаменитѣйшихъ по искусству городахъ Италіи.

На переѣздъ отъ Генуи до Ливорно, вдоль берега, потребуется всего одна ночь; къ этому нужно прибавить время, назначенное для осмотра Флоренціи, ея дворцовъ и картинныхъ галлерей; Пизы, ея собора, „Падающей башни"; Лукки, ея купаленъ и римскаго амфитеатра. Флоренція—самый отдаленный изъ вышеозначенныхъ пунктовъ; до нея нужно проѣхать около шестидесяти миль по желѣзной дорогѣ.

Разстояніе отъ Ливорно до Неаполя (въ Чевито-Векія будутъ высажены тѣ, кто предпочитаетъ отправиться отсюда въ Римъ) будетъ пройдено приблизительно въ тридцать шесть часовъ; путь будетъ лежать вдоль береговъ Италіи мимо Капреры, Эльбы и Корсики. Въ Ливорно предположено взять лоцмана для поѣздки на Капреру, чтобъ, если представится возможность, посѣтить жилище Гарибальди.

Путешественники увидятъ Римъ (проѣхавъ туда по желѣзной дорогѣ), Геркуланумъ, Помпею, Везувій, могилу Виргилія и, по всей вѣроятности, развалины Пестума, а равно осмотрятъ красивыя окрестности Неаполя и его очаровательный заливъ.

Слѣдующій интересный пунктъ—Палермо, самый красивый городъ въ Сициліи, до котораго изъ Неаполя можно доѣхать

въ одну ночь, а затѣмъ, проведя тамъ день, вечеромъ путешественники отправляются въ Аѳины.

Обогнувъ сѣверный берегъ Сициліи, пароходъ пройдетъ чрезъ группу Эолійскихъ острововъ, въ виду Стромболи и Вулкано (острова съ дѣйствующими вулканами) и чрезъ Мессинскій проливъ, имѣя по одну руку Сциллу, а по другую Харибду, направится вдоль восточнаго берега Сициліи, мимо Этны, и дальше вдоль южнаго берега Греціи, мимо древняго Крита, по Аѳинскому заливу войдетъ въ гавань Пирей и прибудетъ въ Аѳины черезъ два съ половиной или черезъ три дня. Пробывъ тамъ немного, пароходъ чрезъ Саломинскій заливъ, съ остановкою на одинъ день для обозрѣнія Коринѳа, направится къ Константинополю чрезъ Греческій Архипелагъ, Дарданельскій проливъ, Мраморное море и Золотой Рогъ; черезъ сорокъ восемь часовъ по выѣздѣ изъ Аѳинъ путешественники будутъ уже въ Константинополѣ.

Изъ Константинополя мы направимъ свой путь черезъ Босфоръ и Черное море въ Севастополь и Балаклаву, что займетъ около двадцати четырехъ часовъ.

Тамъ предполагается пробыть два дня, осмотрѣть гавани, укрѣпленія, поля битвы въ Крыму а оттуда чрезъ Босфоръ обратно въ Константинополь, гдѣ захватимъ тѣхъ, кто предпочелъ остаться тамъ; затѣмъ чрезъ Мраморное море и Дарданельскій проливъ отправимся вдоль береговъ древней Трои и Лидіи въ Азію, въ Смирну, до которой доѣдемъ изъ Константинополя въ два или въ два съ половиною дня. Тамъ предположена довольно продолжительная остановка, чтобы дать возможность смотрѣть Эѳесъ, расположенный въ пятидесяти миляхъ, по желѣзной дорогѣ.

Отъ Смирны къ Святой Землѣ путь будетъ лежать чрезъ Греческій Архипелагъ, мимо острова Патмоса, вдоль береговъ Азіи, древней Памфиліи и острова Кипра. Черезъ три дня мы будемъ въ Бейрутѣ, гдѣ тоже предположена остановка, чтобы дать возможность посѣтить Дамаскъ, послѣ чего пароходъ отправится въ Яффу.

Изъ Яффы можно отправиться въ Іерусалимъ, на рѣку Іорданъ и озеро Тиверіадское, въ Назаретъ, въ Виѳанію, въ Виѳлеемъ и въ другія интересныя мѣста Святой Земли; тутъ, т.-е. въ Яффѣ, могутъ снова сѣсть на пароходъ тѣ изъ пассажировъ, которые пожелали бы проѣхать изъ Бейрута сухимъ путемъ, чрезъ Дамаскъ, Галилею, Капернаумъ, Самарію, рѣку Іорданъ и Тиверіадское озеро.

Послѣ Яффы слѣдующимъ интереснымъ пунктомъ является Александрія, до которой ѣзды двадцать четыре часа. Путе-

шественники увидятъ развалины дворца Цезаря, Помпеевы столбы, Иглу Клеопатры, катакомбы и развалины древней Александріи. Поѣздка въ Каиръ, расположенный въ ста тридцати миляхъ по желѣзной дорогѣ, можетъ быть совершена въ нѣсколько часовъ, а оттуда можно отправиться осмотрѣть древній Мемфисъ, житницы Іосифа и пирамиды.

Изъ Александріи направимся въ обратный путь чрезъ Мальту, Кальяри (въ Сардиніи) и Парму (на Майоркѣ),—все великолѣпныя гавани съ живописнымъ видомъ и изобиліемъ плодовъ.

Въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ предположено провести одинъ или два дня; затѣмъ, выѣхавъ изъ Пармы вечеромъ, пассажиры прибудутъ на другой день утромъ въ Валенсію, въ Испаніи, и проведутъ въ этомъ лучшемъ изъ испанскихъ городовъ нѣсколько дней.

Изъ Валенсіи путь будетъ лежать вдоль береговъ Испаніи, мимо Аликанте, Картагены, Палоса, Малаги, и черезъ двадцать четыре часа достигнутъ Гибралтара.

Тутъ будетъ сдѣлана остановка на одинъ день, а затѣмъ пароходъ направится къ острову Мадера, до котораго три дня ѣзды. Капитанъ Маріеттъ пишетъ: „я не знаю ни одного мѣста на земномъ шарѣ, которое такъ удивляло бы и такъ плѣняло бы съ перваго же взгляда, какъ Мадера". Здѣсь предположена остановка на день или на два, а если позволитъ время, то и болѣе продолжительная; затѣмъ, пройдя мимо Тенерифскаго пика, пароходъ возьметъ направленіе на югъ и пересѣчетъ Атлантическій океанъ на широтѣ сѣверо-восточныхъ попутныхъ вѣтровъ, что даетъ основаніе надѣяться совершить переѣздъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и тихой погодѣ.

Въ Бермудахъ будетъ сдѣлана остановка (эти острова лежатъ какъ разъ на пути домой и до нихъ около десяти дней ѣзды отъ Мадеры) а затѣмъ, проведя короткое время съ нашими друзьями на Бермудскихъ островахъ, окончательно отправимся домой, куда пріѣдемъ черезъ три дня.

Въ настоящее время имѣются уже заявленія изъ Европы отъ лицъ, желающихъ принять участіе въ предполагаемой поѣздкѣ.

Во все время путешествія пароходъ будетъ какъ бы собственнымъ домомъ для пассажировъ, которые во всѣхъ случаяхъ, не исключая и болѣзни, будутъ окружены добрыми друзьями и будутъ пользоваться всевозможнымъ комфортомъ и уходомъ.

Если въ какомъ-нибудь портѣ, упомянутомъ въ программѣ, окажется заразная болѣзнь, то пароходъ минуетъ этотъ портъ—

и вмѣсто него пассажиры посѣтятъ другой, не менѣе интересный портъ.

Плата за проѣздъ назначена въ 1.250 долларовъ съ каждаго взрослаго пассажира. Выборъ каютъ и мѣстъ за столомъ распредѣляется въ томъ порядкѣ, въ какомъ поступаютъ заявленія отъ пассажировъ, при чемъ участникомъ въ поѣздкѣ считается лишь лицо, уплатившее $10^0/_0$ съ суммы, слѣдуемой за проѣздъ.

Пассажиры могутъ оставаться на пароходахъ хотя бы во всѣхъ портахъ безъ добавочной платы за это; точно такъ же всѣ поѣздки на лодкахъ принимаются на счетъ парохода.

Всѣ пассажиры должны внести слѣдуемую съ нихъ плату впередъ, чтобы дать возможность сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія по путешествію заблаговременно.

Всѣ заявленія должны быть утверждены комиссіей, прежде чѣмъ будутъ выданы билеты на проѣздъ.

Пріобрѣтенныя пассажирами во время путешествія разныя изящныя вещицы или рѣдкости могутъ быть доставлены домой на пароходѣ безплатно.

Высчитано, что пяти долларовъ въ день съ человѣка будетъ достаточно для покрытія всѣхъ путевыхъ издержекъ на берегу и въ различныхъ пунктахъ, гдѣ пассажиры могутъ пожелать оставить пароходъ на нѣсколько дней.

Программа путешествія можетъ быть расширена и маршрутъ измѣненъ по единогласному желанію пассажировъ.

Ч. К. Дунканъ.

Р. Р. Г... казначей.

117, іюль—стритъ, Нью-Йоркъ.

Комиссія для разсмотрѣнія заявленій.

Дж. Т. Г. эскв. Р. Р. Г. эскв. Ч. К. Дунканъ.

Комиссія по выбору парохода.

Капт. У. У. С******

К. У. К.******, инженеръ — экспертъ отъ Соед. Шт. и Канады.

Дж. Т. Х Г.**** эскв.

Ч. К. Дунканъ.

P. S. Для этого путешествія нанятъ прекрасный и крѣпкій пароходъ „Quaker City“, который отплываетъ изъ Нью-Йорка 8 іюня. Правительство обратилось съ письмами къ иностраннымъ державамъ, рекомендующими ихъ вниманію путешественниковъ.

Чего еще не доставало этой программѣ, чтобы она удовлетворяла всѣмъ требованіямъ? Ровно ничего такого, чего могъ бы пожелать даже самый требовательный человѣкъ. Парижъ, Англія,

Шотландія, Швейцарія, Италія, Гарибальди, Греческій Архипелагъ, Везувій, Константинополь, Смирна, Святая Земля, Египетъ — и наши друзья на Бермудскихъ островахъ! Затѣмъ самая мелочная заботливость о томъ, чтобъ это путешествіе было совершено при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Человѣческая натура не въ силахъ противостоять такому искушенію. Я отправился въ контору и внесъ казначею десять процентовъ. Мнѣ удалось избѣгнуть изслѣдованія свойствъ моего характера пріемочной комиссіей, но я все-таки сослался на всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, какихъ только могъ припомнить и которыя могли хоть что-нибудь знать обо мнѣ.

Вскорѣ послѣдовало дополненіе къ программѣ, которое гласило, что на пароходѣ принято „Плимутское собраніе гимновъ". Тогда я уплатилъ всѣ деньги за проѣздъ. Мнѣ выдали квитанцію, и я былъ офиціально принятъ въ число пассажировъ.

Въ этомъ дополненіи къ программѣ совѣтовалось также пассажирамъ запастись различными музыкальными инструментами для развлеченія на пароходѣ: сѣдлами для путешествій по Сиріи, зелеными очками, зонтиками и вуалями для Египта и спеціальнымъ платьемъ для странствованія по Святой Землѣ. Затѣмъ говорилось, что хотя пароходная библіотека и богато снабжена книгами для чтенія, но было бы еще лучше, если бы каждый пассажиръ запасся нѣсколькими путеводителями, Библіей и нѣсколькими наиболѣе извѣстными описаніями путешествій. Тутъ же прилагался и списокъ, заключавшій въ себѣ главнымъ образомъ книги, касающіяся Святой Земли, такъ какъ поѣздка въ Святую Землю не только входила въ программу путешествія, но была, повидимому, его главнымъ пунктомъ.

Путешественниковъ долженъ былъ сопровождать преподобный Генри Уордъ Бичеръ, но неотложныя обязанности заставили ого отказаться отъ этого намѣренія. Генералъ-лейтенантъ Шерманъ тоже хотѣлъ принять участіе въ путешествіи, но война съ индѣйцами требовала его присутствія въ преріяхъ. Знаменитая актриса хотя и записала свое имя въ пароходную книгу, но затѣмъ что-то помѣшало ей ѣхать. „Барабанщикъ изъ Потомака" бѣжалъ, и у насъ не осталось ни одной знаменитости! Но у насъ все-таки осталась цѣлая батарея пушекъ, взятыхъ изъ Морского Вѣдомства (какъ гласило объявленіе), для отвѣта на салюты и доставленный отъ морского министра документъ, на основаніи котораго должны были вездѣ любезно принимать ген. Шермана и остальныхъ пассажировъ.

II.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ я какъ-то случайно зашелъ въ № 117, въ Уоль-Стритъ, чтобы справиться, какъ идетъ ремонтъ и снаряженіе парохода, и кстати узнать, насколько увеличился списокъ пассажировъ и сколько народу заболотировала и повергла въ пучину скорби и печали пріемочная комиссія *). Мнѣ было пріятно узнать, что у насъ на пароходѣ будетъ маленькій печатный станокъ и будетъ выходить ежедневно наша собственная газета. Я гордился тѣмъ, что въ спискѣ въ числѣ пассажировъ значились три проповѣдника, восемь докторовъ, шестнадцать или восемнадцать дамъ, нѣсколько видныхъ начальствующихъ лицъ изъ арміи и флота съ громкими именами, цѣлая коллегія всякаго рода „профессоровъ" и, наконецъ, одинъ джентльменъ, послѣ имени котораго стояло: „комиссіонеръ Соединенныхъ Штатовъ въ Америкѣ, Европѣ, Азіи и Африкѣ". Я давно уже примирился съ мыслью, что мнѣ придется занять послѣднее мѣсто на этомъ пароходѣ среди избраннаго общества пассажировъ, но когда я узналъ, что съ нами ѣдетъ еще и этотъ „комиссіонеръ"— это меня окончательно сразило. Мнѣ только казалось, что если наше правительство рискуетъ посылать такую знатную особу за океанъ, оно должно отправить ее отдѣльно и, для безопасности, даже не на одномъ, а на нѣсколькихъ пароходахъ. Но если бы я тогда зналъ, что онъ былъ тоже простымъ смертнымъ и что его миссія заключалась только въ томъ, чтобы собирать сѣмена различныхъ разновидностей ямса, капусты и лягушечника для бѣднаго, безпомощнаго, невиннаго, милаго дряхлаго старичка, института Смитсона **). Если бы я тогда это зналъ, меня не смутило бы это такъ сильно.

Въ теченіе всего этого достопамятнаго мѣсяца я утопалъ въ блаженствѣ отъ сознанія, что хоть разъ въ жизни присоединился къ великому народному движенію. Всѣ ѣдутъ въ Европу—и я тоже поѣду въ Европу. Всѣ ѣдутъ на знаменитую Парижскую выставку, и я тоже поѣду на Парижскую выставку. Я бродилъ по городу большей частью вмѣстѣ съ молодымъ м-ромъ Блэчеромъ, который тоже значился въ пароходномъ спискѣ. Онъ былъ славный, добродушный человѣкъ, но пороху онъ бы не выдумалъ. Онъ составилъ себѣ странное

---

*) Теперь выяснилось, что въ число „избранниковъ" попадалъ всякій, кто могъ уплатить за проѣздъ.—*М. Т.*

**) Національное учебное заведеніе въ Вашингтонѣ.—*М. Т.*

понятіе о предстоящей поѣздкѣ и былъ почему-то убѣжденъ, что всѣ американцы непремѣнно пожелаютъ ѣхать во Францію. Однажды мы зашли съ нимъ въ какой-то магазинъ на Бродуэйѣ, гдѣ онъ купилъ себѣ носовой платокъ, и когда у торговца не оказалось сдачи, м-ръ Б. спокойно сказалъ:

— Все равно, я заплачу вамъ въ Парижѣ.

— Но я не ѣду въ Парижъ.

— Что такое? Какъ я долженъ понимать ваши слова?

— Я сказалъ, что не ѣду въ Парижъ.

— Не ѣдете въ Парижъ! Не ѣдете... Въ такомъ случаѣ, куда же вы поѣдете?

— Никуда.

— Никуда?.. Вы никуда не хотите уѣзжать отсюда?

— Никуда... Я остаюсь здѣсь на все лѣто.

Мой спутникъ взялъ свою покупку и, не говоря ни слова, вышелъ изъ лавки съ видомъ оскорбленія на лицѣ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, онъ обернулся ко мнѣ и, подчеркивая каждое слово, сказалъ: „Это ложь, я въ этомъ убѣжденъ!“

Въ назначенное время пароходъ былъ готовъ къ принятію пассажировъ. Меня познакомили съ молодымъ человѣкомъ, которому предстояло быть моимъ товарищемъ по каютѣ. Мнѣ онъ очень понравился своимъ интеллигентнымъ выраженіемъ лица, веселостью и добродушіемъ; мы выбрали для себя каюту на правомъ борту подъ палубой, сейчасъ же за колесомъ. Въ ней мы увидѣли двѣ койки, рукомойникъ и длинный, во всю стѣну, пышно убранный подушками ящикъ, который долженъ былъ служить и диваномъ и мѣстомъ для храненія нашихъ вещей. Затѣмъ въ ней оставалось еще ровно столько мѣста, чтобы мы могли повернуться, но большаго и нельзя было требовать отъ корабельной каюты, и мы нашли ее во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительной.

Отъѣздъ былъ назначенъ въ субботу въ началѣ іюня. Въ этотъ день я явился въ полдень на пароходъ. На пристани шла обычная въ такихъ случаяхъ суета. Пассажиры подъѣзжали одинъ за другимъ и спѣшили на пароходъ, гдѣ вся палуба была загромождена сундуками и чемоданами. Группы пассажировъ въ непривлекательныхъ дорожныхъ костюмахъ толпились подъ проливнымъ дождемъ и смотрѣли такъ уныло, точно мокрыя курицы. Нашъ національный флагъ былъ поднятъ на мачтѣ, но и онъ не развѣвался по вѣтру, а висѣлъ какъ мокрый лоскутокъ. Мы отправлялись въ увеселительную прогулку, этого нельзя отрицать, потому что такъ значилось въ программѣ, но въ общемъ она не имѣла пока такого вида.

Наконецъ раздалась команда: „Отдай канатъ!“ Сходни сброшены, колеса завертѣлись, и мы тронулись—пикникъ начался! Съ набережной мокнувшая подъ дождемъ толпа крикнула намъ напутственное „ура!“; мы любезно отвѣтили имъ съ нашей скользкой палубы; флагъ сдѣлалъ попытку взвиться, но попытка эта не удалась; артиллерія молчала за неимѣніемъ зарядовъ. Тутъ обнаружилось, что обѣщанная „батарея“, которой мы такъ гордились, состояла всего только изъ одной пушечки, слишкомъ маленькой на случай битвы и слишкомъ крупной для того, чтобъ ее поставить на каминѣ, какъ украшеніе.

Мы дошли до выхода изъ залива и стали на якорь. Дождь не только не прекращался, но къ нему прибавилась еще буря. Мы видѣли, какъ тамъ, дальше, кипѣло и бурлило море. Среди нашихъ пассажировъ только очень немногіе бывали раньше на морѣ; такихъ людей, очевидно, нельзя было выпустить въ море въ бурю, пока они не пріобрѣтутъ морскихъ ногъ. Передъ вечеромъ ушли обратно въ Нью-Йоркъ два паровыхъ буксира и увезли компанію молодежи, провожавшихъ съ шампанскимъ одного изъ пассажировъ, и мы остались одни подъ проливнымъ дождемъ.

Всѣ невольно почувствовали облегченіе, когда раздались звуки гонга, сзывавшіе насъ на молитву. Первая ночь подъ воскресеніе при другихъ обстоятельствахъ могла бы быть посвящена висту или танцамъ... но мы были не въ такомъ настроеніи, чтобы предаваться такимъ легкомысленнымъ занятіямъ. Мы могли бодрствовать, но мы не въ состояніи были бы веселиться... Это не помѣшало мнѣ, однакожъ, какъ только я забрался въ свою койку, крѣпко заснуть подъ мѣрное покачиваніе волнъ и отдаленнаго рокота прибоя.

III.

Все воскресеніе мы простояли на якорѣ. Буря почти улеглась, но море все еще продолжало бурлить. Мы не могли начать въ воскресенье увеселительной поѣздки и отдать въ жертву морю наши еще неопытные желудки, и потому мы должны были простоять на якорѣ до понедѣльника—и простояли.

Въ это воскресенье я всталъ рано и рано вышелъ къ завтраку. Я очень удивился, увидя въ столовой столько пожилыхъ людей,—съ перваго взгляда казалось, что за столомъ сидятъ одни почтенные сѣдые старички, но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Тутъ было не мало молодыхъ людей, но не

мало и такихъ джентльменовъ и дамъ, возрастъ которыхъ нельзя было опредѣлить: они были не совсѣмъ стары, но и не молоды.

На слѣдующее утро мы снялись съ якоря и вышли въ море. Яркое солнце сіяло съ безоблачныхъ небесъ, дулъ легкій вѣтерокъ, словомъ погода была великолѣпная, но море все еще продолжало бурлить. По палубѣ нельзя было гулять, не рискуя сломать себѣ шею. Бугшпритъ то поднимался къ небесамъ, то погружался въ бездну, стараясь зацѣпить акулу со дна океана. Какое удивительное испытываешь ощущеніе, когда корма вдругъ опускается подъ вами, а корабельный носъ поднимается къ облакамъ! Самое безопасное для насъ въ тотъ день было крѣпко держаться за поручни и висѣть на нихъ, а гулять было бы слишкомъ опаснымъ развлеченіемъ. По счастливой случайности я на этотъ разъ не чувствовалъ приступовъ морской болѣзни и очень радовался этому. Если и есть что на свѣтѣ, что дѣлаетъ человѣка особенно и нестерпимо самомнительнымъ, то это хорошее состояніе его желудка въ первый день на морѣ, когда почти всѣ его спутники больны. Спустя немного времени въ дверяхъ каютъ-компаніи появился старикъ, окутанный шалями и весь забинтованный, точно мумія, котораго первымъ же толчкомъ бросило въ мои объятія.

— Доброе утро, сэръ,—сказалъ я.—Какой прекрасный день!

Онъ схватился рукой за животъ и, произнеся „охъ!“ побрелъ обратно, пошатываясь, а затѣмъ ударился о рѣшетку, окружавшую стеклянный люкъ, и свалился.

Вслѣдъ за нимъ изъ той же двери не вышелъ, а вылетѣлъ другой такой же старецъ. Я, привѣтствуя его, сказалъ:

— Успокойтесь сэръ... Не слѣдуетъ такъ спѣшить. Прекрасный день, сэръ.

Онъ тоже приложилъ руку къ животу, сказалъ „охъ!“ и пошатнулся.

Черезъ нѣкоторое время изъ той же двери вылетѣлъ еще одинъ ветеранъ, хватаясь руками за воздухъ и, видимо, ища точку опоры. Я сказалъ ему:

— Доброе утро, сэръ. Сегодня прекрасный день для прогулки. Вы, кажется, что-то хотѣли сказать...

— Охъ!

Я такъ и думалъ. Я это предчувствовалъ. Я остался на своемъ наблюдательномъ посту и въ теченіе цѣлаго часа смотрѣлъ на старичковъ, которые неизмѣнно хватались за животъ и жалобно произносили „Охъ!“

Я зналъ, что такое съ ними. Они страдали морскою болѣзнью, и я радовался этому. Мы всюду любимъ видѣть, какъ

другіе страдаютъ морскою болѣзнью, когда у насъ самихъ ея нѣтъ. Пріятно играть въ вистъ при свѣтѣ лампы въ каютѣ, когда снаружи реветъ буря; пріятно гулять по палубѣ при лунномъ свѣтѣ; пріятно курить въ вѣтеръ на фор-марсѣ, если только не побоитесь добраться туда; но все это ничто въ сравненіи съ радостью видѣть людей, страдающихъ отъ морской болѣзни.

Въ теченіе дня я пріобрѣлъ очень много свѣдѣній. Одинъ разъ я вскарабкался на шканцы, когда корма парохода была въ небесахъ и, покуривая сигару, чувствовалъ себя великолѣпно. Вдругъ кто-то крикнулъ мнѣ:

— Ну, это не годится. Видите надпись: „курить на кормѣ воспрещается“.

Это былъ капитанъ Дунканъ, начальникъ экспедиціи. Я ушелъ впередъ. Тутъ я увидѣлъ длинную подзорную трубу, лежавшую на конторкѣ возлѣ будки рулевого, и взялъ ее. Вдали виднѣлось судно:

— Эй!.. Прочь руки! Убирайтесь оттуда!

Я поспѣшилъ убраться оттуда, но затѣмъ спросилъ одного изъ палубныхъ служителей вполголоса:

— Кто этотъ страшный пиратъ съ бакенбардами и съ такимъ хриплымъ голосомъ?

— Это капитанъ Бэрслей... морской офицеръ... Онъ завѣдуетъ парусной частью.

Я побродилъ немного по палубѣ, а потомъ, за неимѣніемъ лучшаго, сталъ рѣзать перила перочиннымъ ножомъ. Вдругъ кто-то отечески наставительнымъ тономъ проговорилъ надъ моимъ ухомъ:

— Послушайте, другъ мой, неужели вы не могли придумать ничего лучше, какъ рѣзать ножикомъ пароходныя перила? Мнѣ кажется, вы могли бы найти для себя другое, болѣе интересное занятіе.

Я отошелъ, но опять спросилъ палубнаго служителя:

— Кто этотъ бритый ходячій упрекъ, такъ хорошо одѣтый?

— Это капитанъ Л.****, владѣлецъ парохода.

Немного погодя я снова подошелъ къ будкѣ рулевого, только уже съ правой стороны, и увидалъ лежащій на скамьѣ секстантъ, но едва только я дотронулся до него, какъ кто-то положилъ мнѣ руку на плечо и умоляюще сказалъ:

— Вы ужъ лучше отдайте это мнѣ, сэръ. Если вамъ что-нибудь угодно узнать о положеніи солнца, я съ удовольствіемъ удовлетворю ваше любопытство, но я никому не довѣряю этотъ инструментъ... Есть!.. Сію минуту, сэръ!

И онъ ушелъ, отвѣчая на призывъ съ другой стороны. Я опять разыскалъ палубнаго служителя:

— Кто эта паукообразная горилла съ лицомъ святоши?

— Это капитанъ Джонсъ, сэръ, начальникъ штурмановъ.

— Отлично. Ну, а какъ вы думаете,—я спрашиваю васъ, какъ человѣка и друга,—какъ вы думаете, что если бъ я осмѣлился бросить камень въ какую угодно сторону, можетъ случиться, что я не попаду въ какого-нибудь изъ капитановъ?

— Навѣрное не знаю, сэръ, но думаю, что вы попадете въ капитана стражи, можетъ-быть, потому, что онъ стоитъ какъ разъ у васъ на дорогѣ.

Я опустилъ голову и отправился въ свою каюту.

IV.

Мы плыли цѣлую недѣлю или даже больше безъ всякихъ уже столкновеній съ многочисленными капитанами. Жизнь на пароходѣ незамѣтно входила въ свою колею, такую же однообразную, какъ жизнь въ казармѣ, хотя и не такую скучную. Какъ обыкновенно бываетъ на морѣ, пассажиры скоро стали подхватывать морскіе термины,—признакъ, что они начинаютъ чувствовать себя дома. Вмѣсто того, чтобы сказать: „половина седьмого“, говорили „семь склянокъ“, восемь, двѣнадцать и четыре часа назывались „восемь склянокъ“; капитанъ производилъ измѣреніе долготы не въ девять часовъ, а въ „двѣ склянки“. Всѣ безъ малѣйшей ошибки употребляли теперь слова „штирбортъ“ и „бакбортъ“.

Въ семь склянокъ раздавался первый звонокъ; въ восемь— завтракъ, послѣ котораго всѣ здоровые гуляли группами по палубѣ, наслаждаясь прекрасными лѣтними утрами, а больные морской болѣзнью выползали изъ каютъ и пили свой противный чай съ гренками. Отъ одиннадцати часовъ до „лэнча“ и отъ лэнча до обѣда, въ шесть часовъ вечера, время проходило въ самыхъ разнообразныхъ занятіяхъ и развлеченіяхъ. Мы немного читали, много курили и пили, хотя и не всѣ, разсматривали въ подзорныя трубы встрѣчныя суда и обмѣнивались съ ними привѣтствіями троекратнымъ подниманіемъ и опусканіемъ флага. Въ курилкѣ всегда можно было найти мужчинъ, игравшихъ въ шахматы, въ шашки и въ домино, особенно въ домино, а внизу, на главной палубѣ передъ помѣщеніемъ, отгороженнымъ для птицы и скота, у насъ устраивался такъ называемый „конный билліардъ“. Игра эта заключается въ томъ, что на палубѣ проводятъ мѣломъ большую діаграмму и каждое отдѣленіе ея отмѣчаютъ особой цифрой. Вы отходите

шага на три или на четыре и ударомъ кія гоните большой деревянный дискъ; если дискъ остановится на дѣленіи № 7— считается семь очковъ и т. д. до ста; но бѣда вся въ томъ, что намъ приходилось все время считаться съ боковой и килевой качкой и терять почти вѣрные удары, что повергало въ отчаяніе однихъ и радовало противниковъ. Изъ-за обѣденнаго стола выходили около семи часовъ; затѣмъ слѣдовала часовая прогулка по верхней палубѣ, а затѣмъ звонилъ гонгъ, и большая часть пассажировъ отправлялась на молитву въ верхнюю каютъ-компанію, красивую залу въ пятьдесятъ шестьдесятъ футовъ длины. Непросвѣтленные называли эту залу „Синагогой“. Моленіе состояло изъ пѣнія всего только двухъ гимновъ „Плимутскаго изданія“ и короткой молитвы и рѣдко продолжалось болѣе пятнадцати минутъ.

Послѣ молитвы синагога нѣкоторое время походила на школу чистописанія. Ничего подобнаго этой картинѣ никогда прежде не видывали на пароходѣ. За длинными обѣденными столами по обѣ стороны салона сидѣло десятка два или три мужчинъ и дамъ, и всѣ они, въ теченіе двухъ или трехъ часовъ, прилежно писали свои дневники. Такъ было, впрочемъ, только въ первое время, а потомъ страсть къ писанію охладѣла, и едва ли и десять человѣкъ вели дневники во все время путешествія... Одинъ изъ нашихъ общихъ любимцевъ Джекъ, симпатичный молодой человѣкъ, обыкновенно каждое утро съ сіяющимъ отъ восторга лицомъ сообщалъ о своихъ успѣхахъ на этомъ поприщѣ.

— О, у меня дѣло идетъ великолѣпно! Вчера я написалъ десять страницъ, третьяго дня девять, а передъ этимъ цѣлыхъ двѣнадцать страницъ. Это прелесть что такое!

— Что же вы могли такое записать, Джэкъ?

— О, все. Широту и долготу, сколько миль пройдено за сутки, какъ провелъ день, во что игралъ, сколько было акулъ и дельфиновъ, текстъ воскресной проповѣди (это особенно понравится дома); какіе встрѣчались корабли, какая была погода, словомъ все... все! Мой отецъ сказалъ, чтобъ я велъ дневникъ, и что онъ не отдастъ его и за тысячу долларовъ, когда я его кончу.

— Разумѣется, Джэкъ, тогда онъ будетъ стоить гораздо дороже тысячи долларовъ.

— Вы думаете?.. Нѣтъ, право, вы такъ думаете?

— Да, онъ будетъ стоить, по крайней мѣрѣ, тысячу долларовъ, когда вы его кончите, а можетъ-быть и больше.

— Ну, вотъ я и самъ думаю такъ. Это вѣдь не шутка вести дневникъ.

Вскорѣ и въ самомъ дѣлѣ оказалось, что вести дневникъ вовсе не шутка. Однажды вечеромъ въ Парижѣ послѣ утомительной бѣготни по городу я сказалъ ему:

— Теперь я пойду пошататься по кафэ, Джэкъ, это дастъ вамъ случай заняться на свободѣ дневникомъ.

Его веселое лицо сразу омрачилось, и онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, пожалуйста, не дѣлайте этого ради меня. Я думаю, что я больше не буду вести этотъ дневникъ. Это страшно скучно. Знаете, я написалъ уже тысячи четыре страницъ и ни словомъ еще не упомянулъ о Франціи. Сперва я думалъ пропустить Францію и писать дальше, но это не годится. Отецъ скажетъ, значитъ ты ничего не видѣлъ во Франціи?—Его не обманешь. Потомъ я думалъ, что можно выписать о Франціи изъ путеводителя, какъ старуха Бэджеръ въ передней каютѣ, которая пишетъ книгу, но тамъ больше трехсотъ страницъ. И потомъ я не думаю, чтобы изъ дневника вышла какая-нибудь польза, какъ вы полагаете? Это только скучно и больше ничего.

— Да, неполный дневникъ не можетъ имѣть особаго значенія, но полный, тщательно веденный дневникъ будетъ стоить тысячу долларовъ... когда вы его кончите.

— Тысячу!.. Я тоже такъ думаю, но только я его не кончу и за милліонъ.

Его опытъ былъ опытомъ большинства изъ тѣхъ, которые писали свои дневники по вечерамъ въ каютѣ. Если вы захотите сдѣлать большую непріятность какому-нибудь молодому человѣку, возьмите съ него слово, что онъ будетъ вести дневникъ въ теченіе цѣлаго года.

Для удовлетворенія своей любознательности пассажиры образовали кружокъ и послѣ молитвы собирались вмѣстѣ и читали вслухъ описанія тѣхъ странъ, къ которымъ мы приближались. Затѣмъ нѣсколько разъ фотографъ приносилъ волшебный фонарь и показывалъ намъ виды различныхъ мѣстъ, при чемъ въ первый разъ, по странной случайности, онъ показалъ намъ виды Гринвудскаго кладбища. Иногда въ звѣздныя ночи мы танцовали на верхней палубѣ подъ тентомъ, превращая ее въ подобіе бальной залы съ помощью разноцвѣтныхъ фонариковъ, висѣвшихъ на подпоркахъ. Частенько наши танцы сопровождались смѣшными эпизодами. Когда пароходъ накренялся вдругъ на штирбортъ, вся толпа танцующихъ падала на ту сторону, а если онъ накренялся налѣво, всѣ летѣли къ бакборту. Вальсирующія парочки, покружившись благополучно около пятнадцати секундъ, затѣмъ вдругъ катились къ периламъ, какъ бы собираясь броситься за бортъ. Наконецъ намъ надоѣло это кувырканье и мы бросили танцы. Мы отпраздновали день

рожденія одной лэди тостами, стихами, поэмой и т. д. Устроили мы также для развлеченія и судъ. Ни одно плаваніе парохода не обходится безъ такого шуточнаго суда. Нашъ казначей обвинялся въ кражѣ верхняго платья изъ каюты № 10. Выбрали присяжныхъ, назначили судью, прокурора, адвоката, свидѣтелей, говорились рѣчи и въ заключеніе былъ произнесенъ приговоръ, на основаніи котораго судья вынесъ ни съ чѣмъ несообразное шуточное рѣшеніе. Иногда молодые люди и барышни пробовали разыгрывать, шарады и это развлеченіе имѣло наибольшій успѣхъ. Была сдѣлана также попытка образовать политическій клубъ съ преніями, но это не удалось: на пароходѣ не оказалось людей съ ораторскими талантами. Устраивали мы также и концерты, играли на піанино (очень рѣдко), играли на флейтѣ и на кларнетѣ и выходило недурно, но только мы всегда играли одинъ и тотъ же старинный мотивъ. Зато на органѣ не играли иначе, какъ во время пѣнія гимновъ... Кстати о пѣніи. Въ лунную ночь на верхней палубѣ никому не пѣлось, а гимны мы пѣли нельзя сказать, чтобы особенно хорошо, потому что у Джорджа голосъ былъ какой-то особенный и, когда онъ пѣлъ какъ бы басомъ, то всегда уклонялся въ сторону и поражалъ всѣхъ особенно на высокихъ нотахъ. Я иногда останавливалъ его:

— Джорджъ, не сочиняйте. Это слишкомъ эгоистично. Это возбудитъ замѣчанія. Пойте „Coronation", какъ другіе. Напѣвъ очень хорошій, и передѣлывать его нѣтъ надобности.

— Да я и не передѣлываю. Я пою по нотамъ.

Среди непросвѣтленныхъ находились также субъекты, которые приписывали постоянное завываніе вѣтра нашему неумѣлому пѣнію. Были и такіе, которые говорили, что мы нашими завываніями, въ концѣ-концовъ, накличемъ непремѣнно бурю, которая и потопитъ пароходъ. Находились такіе, которые позволяли себѣ ворчать даже и на молитвѣ. Одинъ морской офицеръ сказалъ, что у нашихъ богомольцевъ нѣтъ милосердія.

— Вотъ они какіе, каждый вечеръ въ восемь склянокъ они молятся о попутномъ вѣтрѣ, когда знаютъ такъ же, какъ и я, что нашъ пароходъ одинъ только идетъ на востокъ въ это время года, а цѣлыя тысячи судовъ идутъ на западъ, и вѣтеръ попутный для насъ былъ бы противнымъ для нихъ... Всемогущій Богъ посылаетъ попутный вѣтеръ тысячамъ судовъ, а это племя хочетъ, чтобъ Онъ заставилъ его дуть въ другую сторону и быть попутнымъ одному судну да еще пароходу! Въ этомъ нѣтъ ни здраваго смысла ни христіанскаго чувства, нѣтъ даже обыкновенно человѣческаго милосердія. Стопъ, машина! Будетъ вамъ распѣвать такую ерунду!

V.

Идя потихоньку, мы совершили пріятный въ общемъ десятидневный переходъ отъ Нью-Йорка до Азорскихъ острововъ, до которыхъ считается всего двѣ тысячи четыреста миль. Мы шли, правда, все время противъ вѣтра и, кромѣ того, намъ сильно мѣшали налетавшіе нѣсколько разъ штормы, укладывавшіе добрую половину пассажировъ въ койки; но большею частью стояла прекрасная лѣтняя погода, а ночью, пожалуй, было даже лучше, чѣмъ днемъ. По ночамъ мы наблюдали интересное явленіе: полную луну, всплывавшую постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ и въ одно и то же время. Причина этого сперва была намъ непонятна, но объяснилась впослѣдствіи, когда мы сообразили, что подвигаемся ежедневно почти на двадцать минутъ къ востоку и, слѣдовательно, проходимъ ежедневно какъ разъ столько, чтобы итти вмѣстѣ съ луной. Она становилась старой луной для друзей, которыхъ мы оставляли позади, но для насъ, Іисусовъ Навиновъ, она стояла всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ и оставалась всегда одинаковой.

Юноша Блэчеръ, уроженецъ дальняго запада, совершалъ подобнаго рода путешествіе въ первый разъ и очень сердился на постоянную перемѣну въ ходѣ часовъ на пароходѣ. Сперва онъ гордился своими новыми часами и обыкновенно вытаскивалъ ихъ изъ кармана въ восемь склянокъ (въ полдень), но затѣмъ онъ какъ будто сталъ утрачивать къ нимъ довѣріе. Черезъ семь дней по выѣздѣ изъ Нью-Йорка онъ, выйдя на палубу, сказалъ увѣреннымъ тономъ

— Все это одна плутня!

— Что такое плутня?

— Эти часы. Я купилъ ихъ въ Иллинойсѣ, заплатилъ за нихъ полтораста долларовъ и думалъ, что они хорошіе. Ну, а теперь оказывается, что они хороши только на берегу, а здѣсь съ ними творится что-то неладное. Они идутъ довольно вѣрно до половины двѣнадцатаго, а потомъ вдругъ отстаютъ. Я все передвигалъ регуляторъ, но ничего не выходитъ, къ восьми склянкамъ они все-таки отстанутъ хоть на десять минутъ. Я просто не знаю, что съ ними дѣлать. Мы направили смущеннаго юношу къ капитану; тотъ объяснилъ ему тайну „пароходнаго времени“ и разсѣялъ всѣ его сомнѣнія. Этотъ же самый молодой человѣкъ очень много разспрашивалъ о морской болѣзни передъ отъѣздомъ и желалъ знать всѣ ея характерные признаки и какъ ему поступать, когда она у него начнется;

но какъ только мы вышли въ море, онъ скоро узналъ все, что ему было нужно.

Въ три часа ночи 21 іюня насъ разбудили и сообщили, что видны Азорскіе острова. Я отвѣтилъ, что въ три часа ночи меня нисколько не интересуютъ острова. Но слѣдомъ за первымъ явился другой мучитель, потомъ еще и еще, такъ что, убѣдившись, наконецъ, что общій восторгъ все равно не дастъ мнѣ спать, я всталъ и пошелъ сонный на палубу. Въ это время было половина шестого, и начиналось сырое пасмурное утро. Закутанные по зимнему заспанные пассажиры толпились вокругъ дымовыхъ трубъ и укрывались за вентиляторами отъ рѣзкаго вѣтра и брызгъ морской воды.

Первымъ мы увидѣли островъ Флоресъ. Онъ казался горой грязи, возвышавшейся среди мрачныхъ тумановъ океана. Но когда мы приблизились къ нему, взошло солнце, и мы увидѣли чудную картину,—массу зеленыхъ фермъ и луговинъ, поднимавшихся на высотѣ тысячи пятисотъ футовъ и сливавшихся наверху съ облаками.

Мы обогнули три, четыре острова, держась на разстояніи четырехъ миль отъ берега и все время разсматривая въ бинокли развертывавшуюся передъ нашими глазами панораму. Наконецъ мы опять вышли въ открытое море и направились къ Санъ-Мигуэлю, а Флоресъ скоро сталъ снова горой грязи, а потомъ и совсѣмъ исчезъ среди тумановъ. Но многимъ пассажирамъ, страдавшимъ морской болѣзнью, пріятно было снова увидѣть зеленые холмы, и всѣ стали гораздо веселѣе, чѣмъ этого можно было бы ожидать, принимая во вниманіе, какъ рано всѣ поднялись.

Намъ пришлось, однакоже, скоро отказаться отъ своего намѣренія итти прямо къ Санъ-Мигуэлю, потому что около полудня налетѣлъ штормъ, который такъ толкалъ и качалъ судно, что простой здравый смыслъ подсказывалъ, какъ можно скорѣе укрыться куда-нибудь подъ защиту. Поэтому мы направились къ ближайшему изъ острововъ группы, къ Файялю (туземцы произносятъ Файола и дѣлаютъ удареніе на первомъ слогѣ). Мы стали на якорь въ открытомъ рейдѣ Хорта, въ полумилѣ отъ берега. Городъ имѣетъ отъ восьми до десяти тысячъ жителей. Его бѣлоснѣжные домики красиво гнѣздятся среди свѣжей зеленой растительности. Городъ расположенъ среди окружающихъ его амфитеатромъ холмовъ, которые имѣютъ отъ трехсотъ до семисотъ футовъ въ вышину и тщательно воздѣлываются до самыхъ вершинъ,—ни одинъ футъ земли тутъ не пропадаетъ даромъ.

Острова принадлежатъ португальцамъ, и все на островѣ Файола носитъ на себѣ португальскій отпечатокъ. Нашъ паро-

ходъ окружилъ цѣлый рой смуглыхъ, шумныхъ, лживыхъ, пожимавшихъ плечами, жестикулировавшихъ португальскихъ лодочниковъ съ мѣдными кольцами въ ушахъ. Мы высадились на берегъ подъ стѣнами маленькой крѣпостцы, вооруженной двѣнадцати и тридцатидвухфунтовыми орудіями, которыя, если бы мы когда-нибудь выслали противъ нихъ одинъ изъ нашихъ башенныхъ мониторовъ, защитникамъ крѣпости пришлось бы какъ можно скорѣе увозить куда-нибудь подальше, чтобы сохранить ихъ въ цѣлости. На набережной насъ окружила толпа народа—мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки, всѣ въ лохмотьяхъ, босикомъ, нечесаные, грязные и всѣ по профессіи—нищіе. Они толпились вокругъ насъ во время нашего пребыванія на островѣ Файола. Мы шли по срединѣ главной улицы, а они окружили насъ и таращили на насъ глаза; чуть не каждую минуту изъ толпы выскакивало двое или трое, забѣгали впередъ, а затѣмъ обертывались и смотрѣли на насъ, совсѣмъ какъ деревенскіе мальчики, когда по улицамъ проводятъ слона. Тамъ и сямъ мы видѣли стоявшихъ у дверей женщинъ въ модныхъ португальскихъ чепцахъ. Этотъ чепецъ, изъ толстой голубой матеріи, прикрѣпляется къ плащу изъ такой же матеріи и представляетъ собою чудо безобразія. Этотъ ужасный „капоръ“, какъ они его называютъ, дѣлается совсѣмъ гладкій, безъ всякихъ украшеній; фасонъ капора одинаковъ на всѣхъ островахъ и останется такимъ же точно и въ слѣдующіе десять тысячъ лѣтъ, но каждый островъ нѣсколько видоизмѣняетъ фасоны капоровъ на свой образецъ, что даетъ возможность наблюдательному человѣку сразу угадать, съ какого именно острова та или другая женщина.

Португальскіе пени или „рейсы“—нѣчто удивительное. Тысяча штукъ ихъ равняется доллару; всѣ финансовые расчеты тутъ совершаются на рейсы. Мы узнали это только съ помощью Блэчера. Блэчеръ сказалъ намъ, что онъ такъ радъ и счастливъ, что находится, наконецъ, на твердой землѣ, что хочетъ отпраздновать это событіе; онъ отъ кого-то слышалъ, что здѣсь все очень дешево, и поэтому онъ рѣшилъ угостить насъ обѣдомъ. Онъ пригласилъ девятерыхъ изъ насъ, и мы прекрасно пообѣдали въ самомъ лучшемъ отелѣ. Въ то время, какъ мы, сидя за столомъ, курили ароматныя сигары и попивали дѣйствительно хорошее вино, хозяинъ подалъ намъ счетъ. Блэчеръ взглянулъ на счетъ и измѣнился въ лицѣ, а затѣмъ сталъ читать вслухъ измѣнившимся голосомъ, между тѣмъ какъ розы на его щекахъ превратились въ пепелъ.

„Десять обѣдовъ по 600 рейсовъ, 6.000 рейсовъ! Вотъ такъ штука!.

„Двадцать пять сигаръ по 100 рейсовъ, 2.500 рейсовъ!—Мать Пресвятая Богородица!

„Одиннадцать бутылокъ вина по 1.200 рейсовъ, 13.200 рейсовъ!—Съ нами крестная сила.

„Итого, двадцать одна тысяча семьсотъ рейсовъ! На всемъ пароходѣ не наберется столько денегъ, чтобы уплатить по этому счету! Идите... Оставьте меня одного погибать, господа, я теперь совсѣмъ разорился".

Открытіе это сильно смутило насъ всѣхъ и сразу измѣнило веселое настроеніе на самое удрученное. Мы вдругъ притихли и только молча переглядывались. Вдругъ Блэчеръ съ какимъ-то отчаяніемъ рѣшительно всталъ и, подойдя къ хозяину, сказалъ:

— Послушайте, хозяинъ, это низкій, подлый обманъ, и я не могу допустить этого. Вотъ вамъ сто пятьдесятъ долларовъ, сэръ, и больше ни монетки. Я лучше соглашусь выпустить изъ себя всю кровь, но не заплачу ни одного цента больше.

Наше настроеніе поднялось, а хозяинъ упалъ духомъ, по крайней мѣрѣ, намъ такъ казалось; во всякомъ случаѣ онъ былъ смущенъ, несмотря на то, что не понялъ ни слова изъ того, что ему говорили. Онъ нѣсколько разъ взглянулъ на золотыя монеты Блэчера, а затѣмъ вышелъ. Должно-быть, онъ ходилъ къ какому-нибудь американцу, потому что, когда онъ вернулся, то принесъ обратно свой счетъ, переведенный на понятный всякому христіанину языкъ. Вотъ что теперь значилось въ этомъ счетѣ:

10 обѣдовъ,—6.000 рейсовъ	. . . .	6.00
25 сигаръ,—2.5000 „	. . . .	2.50
11 бут. вина,—13.200 „	. . . .	13.20

Итого. . . . 21.700 рейсовъ или 21 долл. 70 цент.

Мы всѣ моментально ожили и потребовали еще прохладительныхъ напитковъ.

VI.

Мнѣ кажется, что въ Америкѣ очень мало знаютъ объ Азорскихъ островахъ. На нашемъ пароходѣ не было ни одного человѣка, который зналъ бы хоть что-нибудь о нихъ. Даже тѣ изъ насъ, которые много читали и много знали о чужихъ странахъ, объ Азорскихъ островахъ знали только то, что это была группа изъ девяти или изъ десяти небольшихъ острововъ, лежащихъ гдѣ-то далеко на Атлантическомъ океанѣ, на половинѣ пути между Нью-Йоркомъ и Гибралтаромъ. Вотъ и все.

Населеніе этихъ острововъ состоитъ преимущественно изъ португальцевъ, т.-е. изъ людей медлительныхъ, бѣдныхъ, безпомощныхъ, сонныхъ и лѣнивыхъ. Тутъ существуетъ гражданскій губернаторъ, назначаемый португальскимъ королемъ, но кромѣ него есть еще военный губернаторъ, которому принадлежитъ высшая власть и который можетъ даже отрѣшать отъ должности гражданскаго губернатора. Жителей на островахъ около 200.000 и почти всѣ они португальцы. Главное занятіе жителей—земледѣліе; но они обрабатываютъ свои поля и молотятъ зерно точь въ точь, какъ это дѣлали еще ихъ пра-прапрадѣды. Они пашутъ деревяннымъ плугомъ, обитымъ желѣзомъ, а ихъ маленькія легкія бороны таскаютъ на себѣ мужчины и женщины, небольшія вѣтряныя мельницы мелютъ по десять четвериковъ зерна въ сутки; на каждой такой мельницѣ, кромѣ мельника, имѣется еще и помощникъ его. Когда вѣтеръ мѣняется, они съ помощью ословъ повертываютъ всю верхнюю часть мельницы, пока крылья не примутъ надлежащаго положенія, вмѣсто того, чтобы устроить мельницу такъ, чтобы передвигать одни только крылья. Молотьба производится какъ во времена Мафусаила: сжатый хлѣбъ разстилаютъ по землѣ и гоняютъ по немъ быковъ, которые ногами выбиваютъ зерно изъ колосьевъ. Тутъ нѣтъ нигдѣ телѣжекъ, тутъ все или носятъ на головахъ, или же возятъ на ослахъ, или же въ плетеныхъ изъ ивы повозкахъ съ придѣланными наглухо къ осямъ деревянными колесами, которыя вертятся вмѣстѣ съ осями. Всѣ попытки завести новые плуги и молотилки потерпѣли неудачу. Добрый католикъ-португалецъ крестился и молилъ Бога, чтобъ Онъ защитилъ его отъ преступнаго желанія знать больше, чѣмъ зналъ его отецъ. Климатъ здѣсь мягкій; ни снѣгу ни льду не бываетъ никогда, и въ городѣ я нигдѣ не видалъ каминовъ. Ослы и люди, мужчины, женщины и дѣти, ѣздятъ и спятъ всѣ въ одной комнатѣ; они очень нечистоплотны, всякихъ паразитовъ у нихъ великое множество, но, несмотря на это, они очень счастливы. Простой рабочій земледѣлецъ получаетъ двадцать, двадцать четыре цента въ день, а хорошій механикъ—самое большее вдвое. Они считаютъ на рейсы по тысячѣ штукъ въ долларѣ, и это дѣлаетъ ихъ богатыми и довольными. На островахъ росъ отличный виноградъ, изъ котораго выдѣлывалось превосходное вино; но пятнадцать лѣтъ тому назадъ лозы погибли, и съ тѣхъ поръ выдѣлка вина прекратилась. Такъ какъ острова всецѣло вулканическаго происхожденія, то почва ихъ очень плодородная и даетъ по два или по три урожая въ годъ; но отсюда ничего не вывозится кромѣ небольшого количества апельсиновъ, главнымъ образомъ въ

Англію. Никто туда не пріѣзжаетъ и никто оттуда не уѣзжаетъ. Газета—вещь неизвѣстная въ Файола. Одинъ португалецъ, человѣкъ довольно развитой, спрашивалъ меня, кончилась ли наша междоусобная война. А когда одинъ изъ пассажировъ далъ одному гарнизонному офицеру нумера „Трибуны", „Герольда" и „Таймса", то тотъ изумился, найдя въ нихъ позднѣйшія извѣстія изъ Лиссабона, чѣмъ тѣ, о которыхъ сообщалось въ газетахъ, полученныхъ съ ежемѣсячной пароходной почтой.

Здѣсь свилъ себѣ прочное гнѣздо іезуитизмъ. Мы были въ іезуитскомъ соборѣ, построенномъ двѣсти лѣтъ тому назадъ; въ немъ хранится кусочекъ того самаго креста, на которомъ былъ распятъ Спаситель. Онъ былъ гладкій и твердый и такъ превосходно сохранился, какъ будто бы страшная трагедія на Голгоѳѣ произошла вчера, а не восемнадцать вѣковъ тому назадъ. Но эти простодушные люди непоколебимо вѣрятъ въ подлинность этого куска дерева.

Въ часовнѣ собора намъ показывали престолъ, обитый толстыми листами изъ чистаго серебра.

Главный престолъ въ соборѣ, а равно три или четыре меньшихъ украшены золочеными рельефными фигурами апостоловъ, на которыхъ всесокрушающее время наложило свою печать: позолота потускнѣла и облѣзла, а фигуры попортились и пообломались. Стѣны за престолами были отдѣланы фарфоромъ, расписаннымъ фигурами почти въ человѣческій ростъ.

Проходя по городу, мы увидали стоявшихъ на площади осѣдланныхъ ословъ. Сѣдла здѣсь очень оригинальныя. Они представляютъ собою гладильную доску, на которую положенъ небольшой матрацъ. Стремянъ не существовало, но въ нихъ не было и надобности—сидѣть на такомъ сѣдлѣ все равно, что сидѣть на обѣденномъ столѣ. Насъ сейчасъ же окружила толпа оборванныхъ португальцевъ - погонщиковъ, предлагая своихъ ословъ за полдоллара въ часъ; но это только съ иностранца, потому что обычная цѣна шестнадцать центовъ. Мы, человѣкъ шесть, взобрались на сѣдла и покорились позору отдать себя на посмѣяніе во время проѣзда по главнымъ улицамъ города, насчитывающаго 10.000 жителей. При каждомъ ослѣ былъ погонщикъ и, кромѣ того, еще съ дюжину добавочныхъ погонщиковъ; всѣ они тузили ословъ палками и кричали что-то въ родѣ „секкі-я". Всѣ они, конечно, слѣдовали за нами пѣшкомъ, но не отставали ни на шагъ.

Бѣдняга Блэчеръ никакъ не могъ справиться со своимъ осломъ. Упрямое животное все время бросалось съ одной

стороны улицы на другую, и Блэчеръ ударялся то объ телѣги, то объ углы домовъ. Наконецъ оселъ подъѣхалъ къ дому, гдѣ онъ родился, и стрѣлой влетѣлъ въ домъ, сбросивъ съ себя Блэчера у порога. Взобравшись снова на осла, Блэчеръ сказалъ погонщику: „Ну, знаете, теперь довольно; теперь поѣзжайте, пожалуйста, потише!“ Но погонщикъ не зналъ англійскаго языка и потому попросту повторилъ свое обычное „секкі-я“, и оселъ пустился снова, какъ стрѣла. Вдругъ онъ повернулъ за уголъ, и Блэчеръ перелетѣлъ черезъ его голову. Остальные ослы налетѣли на него, и мы всѣ попадали съ нихъ и свалились въ кучу; но это не принесло вреда никому, потому что упасть съ этихъ сѣделъ почти все равно, что скатиться съ софы. Въ то время, какъ погонщики поправляли сбившіяся сѣдла, Блэчеръ изъ себя выходилъ отъ досады, но каждый разъ, какъ онъ раскрывалъ ротъ, чтобы излить свой гнѣвъ, его оселъ дѣлалъ то же и начиналъ такъ ревѣть, что заглушалъ все остальные звуки.

Дороги тутъ удивительныя. Населеніе острова состоитъ всего изъ 25.000 жителей, а между тѣмъ такихъ дорогъ въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ нигдѣ, кромѣ Центральнаго парка. Въ Нью-Йоркѣ много говорятъ о русскихъ мостовыхъ и называютъ ихъ новымъ изобрѣтеніемъ, а здѣсь, на этомъ отдаленномъ маленькомъ островѣ, ими пользуются уже двѣсти лѣтъ. Каждая улица Хорта красиво вымощена тяжелыми камнями, по-русски, и поверхность ея гладкая, совсѣмъ какъ полъ, и неиспорченная ямами какъ Бродуэй. Всѣ дороги и мосты устроены правительствомъ.

Наконецъ мы вернулись домой, совершивъ довольно-таки продолжительную прогулку,—мы проѣхали миль десять; погонщики все время слѣдовали за нами по главной улицѣ, подгоняя ословъ, безпрестанно крича „секкі-я“, и распѣвая на какомъ-то мудреномъ англійскомъ языкѣ „Джона Брауна“.

Когда мы стали разсчитываться, крики, восклицанія, брань и ссоры среди погонщиковъ почти оглушили насъ. Одинъ требовалъ долларъ въ часъ за пользованіе его осломъ, другой просилъ полдоллара за то, что погонялъ его, третій—квартеръ, за то, что помогалъ при этомъ, а затѣмъ человѣкъ четырнадцать требовали плату за то, что показывали намъ городъ и его окрестности; и всѣ они на перебой отчаянно вопили и размахивали руками.

Горы на нѣкоторыхъ островахъ очень высоки. Мы прошли мимо острова Пика, подъ сѣнью величественной зеленой пирамиды, которая отвѣсно почти поднималась у самыхъ нашихъ ногъ на высоту 7.613 футовъ.

Мы находили на Азорскихъ островахъ множество свѣжихъ апельсиновъ, лимоновъ, фигъ, абрикосовъ и проч. Но довольно. Я не затѣмъ вѣдь поѣхалъ, чтобы писать официальные отчеты. Мы на пути къ Гибралтару и будемъ тамъ черезъ пять, шесть дней.

VII.

Цѣлую недѣлю бушевало море; цѣлую недѣлю страдали пассажиры отъ морской болѣзни и лежали по своимъ каютамъ. Послѣдняя ночь была самая ужасная за всѣ эти семь сутокъ. Буря ревѣла, не затихая ни на минуту. Пароходъ взлеталъ кверху и тамъ какъ бы замиралъ на гребнѣ громадной волны на одно мгновеніе, которое намъ казалось цѣлой вѣчностью, а потомъ вдругъ опускался и какъ бы падалъ въ страшную бездну. Вода заливала палубу. По временамъ молнія прорѣзывала мракъ ночи.

Страхъ гналъ на палубу даже и такихъ, которые раньше не рѣшались выходить наверхъ по ночамъ. Нѣкоторые думали, что пароходъ не выдержитъ до утра, и такимъ казалось менѣе страшно стоять наверху на палубѣ и видѣть грозившую имъ гибель, чѣмъ сидѣть, запершись въ мрачныхъ каютахъ, при тускломъ свѣтѣ лампъ и воображать себѣ тамъ картины ужаса, разыгрывавшіяся на морѣ. Это была страшная ночь, и намъ всѣмъ она казалась мучительно длинной.

Утро 30 іюля было прелестное, и въ семь часовъ всѣ спѣшили наверхъ, призываемые радостной вѣстью, что вдали видна земля! Какъ пріятно было видѣть въ полномъ сборѣ всю нашу семью путешественниковъ со счастливыми, довольными лицами, хотя и носившими на себѣ еще слѣды тревогъ, перенесенныхъ во время бури.

Черезъ часъ мы были уже въ Гибралтарскомъ проливѣ; направо отъ насъ видны были высокіе желтые холмы Африки, подошвы которыхъ казались какъ бы окутанными голубоватой дымкой, а вершины скрывались въ облакахъ, совсѣмъ по Писанію, гдѣ говорится, что „земля была покрыта тьмою и мракомъ". Я думаю, что эти слова относились именно къ этой части Африки. Налѣво передъ нами были гранитные купола Старой Испаніи. Въ самой узкой части проливъ имѣетъ всего только тринадцать миль ширины.

На испанскомъ берегу виднѣлись въ небольшомъ разстояніи одна отъ другой красивыя старинныя каменныя башни,—мавританскія, какъ мы думали, но послѣ мы узнали, что это не такъ. Въ прежнія времена марокккскіе пираты крейсеровали

на своихъ судахъ вдоль береговъ Испаніи, пока имъ не представлялся удобный случай напасть на какое-нибудь испанское поселеніе, которое они подвергали разграбленію, а всѣхъ хорошенькихъ женщинъ увозили съ собой. Испанцы, въ огражденіе себя отъ нападенія разбойниковъ, строили эти сторожевыя башни на горахъ, чтобы имѣть возможность слѣдить за морскими пиратами.

Въ то время, какъ мы любовались развертывавшейся по обѣ стороны чудной панорамой, передъ нами неожиданно открылась другая панорама, которая приковала всѣ наши взоры къ себѣ: мы увидѣли летѣвшее на всѣхъ парусахъ судно, на которомъ, когда оно проплывало мимо насъ, мы разсмотрѣли развѣвавшійся по вѣтру звѣздный флагъ. Въ то же мгновеніе въ воздухѣ замелькали шляпы и носовые платки. Многіе у насъ только тутъ впервые узнали, какую разницу представляетъ видѣть національный флагъ у себя дома и на чужбинѣ; тутъ это нѣчто такое, что напоминаетъ вамъ объ отчемъ домѣ, о покинутыхъ вами близкихъ, что вызываетъ невольный трепетъ и что заставляетъ сильнѣе обращаться кровь у васъ въ жилахъ.

Мы приближались къ Геркулесовымъ Столбамъ, и намъ стала уже видна „Обезьянья гора", съ громадными выступами на вершинѣ. Скоро должна была появиться и другая гора, большая Гибралтарская Скала. Древніе считали Геркулесовы Столбы предѣломъ для своихъ плаваній и концомъ міра. Свѣдѣнія, которыми обладали въ этомъ отношеніи древніе народы, были очень невелики. Даже пророки, которые писали книгу за книгой и посланіе за посланіемъ, ни разу не упомянули о существованіи великаго материка въ нашей сторонѣ, а имъ-то, по моему мнѣнію, больше чѣмъ кому-нибудь слѣдовало знать объ этомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ передъ нами выступила безмолвная громадная масса скалъ, стоявшая какъ бы въ центрѣ обширнаго ущелья и, повидимому, обмываемая со всѣхъ сторонъ водами океана; намъ не надо было объяснять, что это былъ Гибралтаръ: во всемъ королевствѣ не могло быть другой такой скалы, какъ эта.

Скала Гибралтаръ имѣетъ около полуторы мили въ длину, отъ 1.400 до 1.500 футовъ въ вышину и четверть мили въ ширину у основанія. Одна сторона этой скалы выступаетъ изъ океана отвѣсно, какъ стѣна, а другой склонъ, хотя и не отвѣсный, но все-таки такой крутой и такъ изрѣзанъ, что взобраться по немъ войску было бы очень трудно. Съ этой стороны у подошвы скалы расположенъ обнесенный стѣнами

городъ Гибралтаръ, который занимаетъ собственно часть откоса. Всюду по склонамъ горы, въ разсѣлинахъ, на высотахъ, всюду, куда ни взглянешь, Гибралтаръ покрытъ каменнымъ поясомъ укрѣпленій и вооруженъ выглядывающими изъ амбразуръ пушками. Онъ выступаетъ въ океанъ на концѣ плоской узкой полосы и похожъ на комокъ грязи, налипшей на концѣ молотка. Нѣсколько сотъ ярдовъ этой плоской земли, прилегающей къ подошвѣ горы, принадлежатъ англичанамъ, а затѣмъ тянется отъ Атлантическаго океана до Средиземнаго моря на разстояніи четверти мили такъ называемая „нейтральная полоса“, шириною въ двѣсти или въ триста ярдовъ.

— Вы поѣдете въ Парижъ чрезъ Испанію?—этимъ вопросомъ перекидывались на пароходѣ во все время переѣзда отъ Файолы до Гибралтара, и, въ концѣ-концовъ, мнѣ этотъ неизмѣнно повторявшійся всѣми вопросъ надоѣлъ до того, что мнѣ не хотѣлось даже отвѣчать обычное „не знаю“. Въ послѣднюю минуту у шестерыхъ или семерыхъ хватило-таки достаточно мужества, чтобы рѣшиться ѣхать, и они уѣхали, а я почувствовалъ сразу облегченіе: теперь было слишкомъ поздно, и я могъ на досугѣ обсудить, ѣхать мнѣ или нѣтъ и рѣшилъ не ѣхать.

Гибралтарскіе проводники страшно надоѣдаютъ всѣмъ безпрестаннымъ повтореніемъ легенды, которая, собственно говоря, не заключаетъ въ себѣ ничего особенно удивительнаго: „Вотъ тотъ высокій холмъ называется „Кресло королевы“, потому что одна испанская королева велѣла поставить тамъ свое кресло, когда французскія и испанскія войска осаждали Гибралтаръ, и сказала, что не тронется съ мѣста, пока англійскій флагъ не будетъ спущенъ на крѣпости. Если бы англичане не были настолько любезны, чтобы спустить флагъ на нѣсколько часовъ, въ одинъ прекрасный день королевѣ пришлось бы или нарушить свою клятву или умереть тамъ“.

Мы проѣхали на ослахъ и мулахъ по крутымъ узкимъ улицамъ и вступили въ подземныя галлереи, которыя англичане высѣкли въ скалахъ. Эти галлереи очень похожи на желѣзнодорожные тоннели; въ нихъ на небольшомъ разстояніи одно отъ другого стоятъ большія крѣпостныя орудія, которыя хмуро посматриваютъ на океанъ и на городъ изъ амбразуръ, пробитыхъ въ скалѣ на пятьсотъ или шестьсотъ футовъ надъ океаномъ. Эти подземныя галлереи тянутся на протяженіи около мили и должны стоить массы денегъ и труда. Расположенныя здѣсь пушки охраняютъ полуостровъ и гавани обоихъ

океановъ, но я думаю, что въ нихъ нѣтъ никакой надобности, потому что едва ли какой-нибудь непріятельскій отрядъ смогъ бы взобраться тутъ, по отвѣсной скалистой стѣнѣ. Въ эти высокія пушечныя амбразуры открывается великолѣпный видъ на море. Въ одномъ мѣстѣ на выдающемся впередъ утесѣ высѣчена большая пещера, все убранство которой состояло изъ громадной пушки, а окнами служили пушечныя амбразуры, въ которыя былъ виденъ расположенный неподалеку холмъ, и одинъ солдатъ сказалъ намъ: „Тотъ высокій холмъ называется „Кресломъ королевы". И онъ слово въ слово повторилъ слышанную уже нами легенду.

Взобравшись на самую вершину Гибралтарскаго утеса, мы не надолго остановились, чтобы дать передохнуть усталымъ муламъ. Военная дорога тутъ хороша, но длинный подъемъ на гору идетъ очень круто. Видъ съ горы восхитительный! Виднѣвшіеся внизу большіе корабли казались маленькими игрушечными лодочками и принимали свои настоящіе размѣры только тогда, когда на нихъ смотрѣли въ подзорныя трубы, въ которыя видны были также и невидимыя невооруженнымъ глазомъ суда, находившіяся въ пятидесяти и въ шестидесяти миляхъ отъ Гибралтара. Внизу съ одной стороны мы видѣли безконечное множество батарей, одна изъ которыхъ расположена у самаго моря.

Въ то время какъ я, расположившись удобно, отдыхалъ и любовался чуднымъ видомъ, ко мнѣ подошелъ проводникъ и услужливо проговорилъ: „Сеньоръ, этотъ высокій холмъ вонъ тамъ называется „Кресломъ королевы"...

— Сэръ, я безпомощный сирота на чужой сторонѣ. Сжальтесь надо мною, и не повторяйте мнѣ сегодня больше эту старую дьявольскую легенду!

Гибралтаръ выдержалъ нѣсколько продолжительныхъ осадъ, одна изъ нихъ продолжалась около четырехъ лѣтъ (но безуспѣшно), и англичане взяли его только хитростью. Удивительно, какъ это могла приходить кому-нибудь въ голову мысль взять эту скалу приступомъ, а между тѣмъ это пробовали и не одинъ разъ, а много.

Мавры владѣли этимъ мѣстомъ тысячу двѣсти лѣтъ тому назадъ, и памятникомъ этого остался существующій еще и до сихъ поръ старый замокъ, который хмуро стоитъ среди города съ поросшими мохомъ зубцами стѣнъ, поврежденными во время осады. Не такъ давно въ скалѣ былъ открытъ тайникъ, въ которомъ нашли старинный мечъ удивительно искусной работы и старинное же вооруженіе такой работы, какой еще не приходилось видѣть знатокамъ древностей, хотя они и высказали

предположеніе, что это римская работа. Римское вооруженіе и принадлежавшія римлянамъ различныя вещи были найдены въ той части Гибралтара, которая вдается въ море. Въ исторіи есть указаніе, что вся эта мѣстность принадлежала римлянамъ въ началѣ христіанской эры, и эта находка только подтверждаетъ историческія данныя.

Въ этой пещерѣ были также найдены человѣческія кости, покрытыя какимъ-то толстымъ и твердымъ, точно камень, слоемъ; и ученые утверждаютъ, что найденныя кости принадлежали людямъ, которые жили еще за десять тысячъ лѣтъ до потопа. Въ этой пещерѣ были найдены скелеты животныхъ, которыя водятся во всѣхъ частяхъ Африки, но, насколько помнится, никогда не существовали нигдѣ въ Испаніи, кромѣ этой единственной вершины Гибралтара! Для объясненія этого существуетъ гипотеза, что проливъ между Гибралтаромъ и Африкой былъ нѣкогда сушей, а нижній нейтральный перешеекъ между Гибралтаромъ и Испаніей былъ нѣкогда подъ водою, а потому эти африканскія животныя и остались на Гибралтарѣ, когда произошелъ переворотъ. Африканскіе холмы за каналомъ полны обезьянъ, которыхъ много и на скалахъ въ Гибралтарѣ, а въ Испаніи ихъ нѣтъ нигдѣ! Это очень интересный вопросъ. Обезьяны эти могли бы, конечно, пробраться въ Испанію, если бы захотѣли, и нѣтъ сомнѣнія, что имъ этого, вѣроятно, очень хочется, но онѣ не дѣлаютъ этого и самоотверженно продолжаютъ держаться на мрачныхъ скалахъ только для того, чтобы поддержать научную гипотезу.

Въ Гибралтарѣ имѣется гарнизонъ въ 6.000 или 7.000 человѣкъ, а потому тамъ много мундировъ огненно-красныхъ, красныхъ съ голубымъ и будничныхъ бѣлоснѣжныхъ костюмовъ; а также не мало и шотландскихъ горцевъ въ ихъ странныхъ національныхъ костюмахъ. Тамъ же можно видѣть испанскихъ дѣвушекъ изъ Санъ-Рока съ нѣжными взорами, мавританскихъ красавицъ подъ вуалями (я полагаю, что онѣ красавицы) изъ Тарифы, мавританскихъ купцовъ изъ Феца въ тюрбанахъ, поясахъ и шароварахъ и магометанскихъ нищихъ изъ Тетуана и Танжера въ долгополыхъ одеждахъ, босоногихъ, оборванныхъ, и евреевъ со всѣхъ окрестностей въ войлочныхъ шапкахъ и въ туфляхъ, такихъ, какими ихъ изображаютъ на сценѣ или на картинахъ, такихъ, какими они были три тысячи лѣтъ тому назадъ.

Среди нашихъ спутниковъ, бродившихъ толпами, точно странники, разглядывая съ наивнымъ видомъ дикарей все, что попадалось имъ на глаза, было двое или трое, которые иногда сильно надоѣдали другимъ. Я, впрочемъ, не считаю въ числѣ

ихъ „Оракула“. Я долженъ пояснить, что „Оракулъ“—это безобидный старый оселъ, который ѣстъ за четверыхъ и высматриваетъ умнѣе, чѣмъ любой изъ членовъ французской академіи; онъ никогда не употребляетъ односложнаго слова, когда можетъ произнести болѣе длинное, никогда не знаетъ значенія тѣхъ длинныхъ словъ, которыя онъ употребляетъ, и никогда не говоритъ ихъ кстати: однако онъ преспокойно осмѣливается изрекать свое мнѣніе о наиболѣе непонятныхъ предметахъ и подтверждаетъ изреченіями никогда не существовавшихъ авторовъ. Онъ прочитываетъ главу въ путеводителѣ, перепутаетъ, благодаря своей дурной памяти, всѣ факты, а затѣмъ отправляется просвѣщать кого-нибудь якобы плодами своей учености, пріобрѣтенной изученіемъ давно умершихъ писателей. Сегодня утромъ за завтракомъ онъ показалъ на окно и сказалъ:

— Видите вы холмъ на томъ берегу Африки? Это одинъ изъ Столбовъ Геркулесовыхъ... А вотъ тотъ на томъ берегу, послѣдній столбъ.

— Послѣдній?.. Хорошее словечко... Но вѣдь Столбы стоятъ не на одной сторонѣ пролива (я догадывался, что его ввело въ заблужденіе небрежно написанное объясненіе въ путеводителѣ).

— Ну, не намъ бы съ вами говорить это. Одни авторы говорятъ такъ, а другіе иначе. Старикъ Гиббонъ ничего не говоритъ объ этомъ... совсѣмъ обходитъ этотъ вопросъ... А что говоритъ Роламптонъ? Онъ говоритъ, что они оба на одной сторонѣ, а Тринкуліанъ, а Сабастэръ, а Сираккусъ, а Лангомарганбль...

— Довольно, довольно! Разъ вы принялись выдумывать авторовъ и доказательства, я больше ничего не имѣю сказать... Пусть они будутъ на одномъ берегу.

Мы, впрочемъ, довольно легко выносимъ „Оракула“, пожалуй, даже любимъ его; но у насъ на пароходѣ есть поэтъ и добродушный легкомысленный идіотъ, и вотъ они-то и приводятъ въ отчаяніе все общество. Поэтъ одолѣваетъ насъ стихами, которыми онъ награждаетъ также консуловъ, содержателей гостиницъ, арабовъ,—словомъ, всѣхъ, кого только ему представляется возможность наградить плодами своей музы. Другому субъекту дали мы прозвище „Знакъ вопросительный“, но это прозвище затѣмъ было сокращено просто въ „Вопросительный“. Онъ уже два раза успѣлъ отличиться. Въ Файолѣ ему показали одинъ холмъ и сказали, что онъ имѣетъ восемьсотъ футовъ въ вышину и тысячу сто въ длину, а затѣмъ прибавили, что въ этомъ же холмѣ есть тоннель въ двѣ тысячи футовъ длины и въ тысячу футовъ вышины. Онъ повѣ-

рилъ и повторялъ это всѣмъ и каждому, спорилъ и доказывалъ, пока, наконецъ, одинъ почтенный старикъ, изъ нашихъ странниковъ, не намекнулъ ему довольно прозрачно, что этого быть не можетъ.

— Странный это тоннель, — сказалъ онъ ему, — онъ выступаетъ надъ вершиной холма на двѣсти футовъ, а другой конецъ его выдается изъ холма на девятьсотъ футовъ!

Здѣсь, въ Гибралтарѣ, онъ терзаетъ своими розсказнями объ Америкѣ британскихъ офицеровъ и одному изъ нихъ даже сказалъ, что пара нашихъ броненосцевъ можетъ свалить Гибралтаръ въ Средиземное море!

Въ настоящій моментъ мы (человѣкъ шесть) совершаемъ частную увеселительную прогулку по собственному нашему желанію. Мы составляемъ почти половину списка бѣлыхъ пассажировъ на маленькомъ пароходикѣ, направляющемся къ берегамъ Африки въ Танжеръ.

Беззаботно проплыли мы, не обнаруживая ни малѣйшаго страха, мимо грозной крѣпости Малабатъ (твердыни марокскаго султана). Весь гарнизонъ высыпалъ наружу въ полномъ вооруженіи и промаршировалъ передъ нашими глазами за крѣпостнымъ валомъ; но, несмотря на это, мы все-таки не свернули въ сторону. Я спросилъ, кто начальникъ крѣпости Малабатъ, и мнѣ отвѣтили: Мехметъ-Али-Бэнъ-Санкомъ. Я замѣтилъ, что хорошо было бы прислать ему на помощь побольше солдатъ; но мнѣ сказали, что въ этомъ нѣтъ надобности, потому что онъ и такъ сумѣетъ удержать за собою крѣпость, которою онъ командуетъ уже два года. Это былъ фактъ, котораго нельзя было отрицать. Вотъ что значитъ пріобрѣсти извѣстную репутацію.

Танжеръ! Цѣлая толпа рослыхъ мавровъ бросается въ воду, чтобы перенести насъ на спинахъ изъ маленькихъ лодокъ на берегъ.

VIII.

Это что-то поразительное! Пусть люди, побывавшіе въ Испаніи, хвалятъ ее, нашей же маленькой компаніи понравились гораздо больше владѣнія марокскаго султана. Съ насъ достаточно и той Испаніи, которую мы видѣли въ Гибралтарѣ. Танжеръ именно такое мѣсто, какое намъ было нужно. Мы хотѣли видѣть что-нибудь такое, что рѣзко отличалось бы отъ всего того, что мы видѣли у себя дома, гдѣ не было бы ничего такого, подобное чему можно было бы увидѣть и въ

другой странѣ и подъ другимъ солнцемъ. И мы нашли это въ Танжерѣ! Здѣсь нѣтъ ничего такого, что мы видѣли бы иначе, какъ на картинкахъ, а мы никогда не вѣрили картинамъ, не вѣримъ имъ и теперь. Картины обыкновенно кажутся преувеличенными, онѣ кажутся слишкомъ волшебными и фантастичными для дѣйствительности; но тутъ онѣ оказались не достаточно правдивыми, не достаточно фантастичными, онѣ не передавали и половины того, что мы видѣли. Танжеръ въ полномъ смыслѣ слова чужестранный городъ. Въ немъ совсѣмъ не видно бѣлыхъ людей, хотя насъ окружаютъ цѣлыя толпы народа. Это глухой, таинственный городъ, замурованный между массивными каменными стѣнами, которымъ уже болѣе тысячи лѣтъ. Почти всѣ дома въ немъ одноэтажные или двухъэтажные съ толстыми каменными стѣнами, снаружи оштукатуренными; всѣ они четырехугольные, какъ ящики съ плоскими, какъ полъ, крышами, безъ карнизовъ; стѣны домовъ выбѣлены,—городъ-кладбище съ бѣлоснѣжными памятниками на могилѣ! Двери сводчатыя, подъ арками, какъ рисуютъ на картинахъ; полы выложены разноцвѣтными квадратными плитами, разноцвѣтными мозаичными фарфоровыми плитами, которыя выдѣлываютъ только въ печахъ Феца, красной черепицей или широкими красными кирпичами, которые даже время не въ состоянiи разрушить; въ комнатахъ, въ домахъ евреевъ, нѣтъ другой мебели, кромѣ дивановъ,—а есть ли что въ мавританскихъ домахъ, этого никто не знаетъ; за ихъ священныя стѣны не можетъ проникнуть ни одна христiанская собака. Улицы въ немъ тоже восточныя, нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ всего три фута въ ширину, нѣкоторыя—шесть, и только двѣ улицы имѣютъ въ ширину двѣнадцать футовъ; взрослый человѣкъ можетъ, растянувшись поперекъ улицы, загородить по ней проѣздъ. Развѣ это не картина Востока?

Тутъ есть рослые бедуины изъ сосѣднихъ пустынь и стройные мавры, которые гордятся, что исторiя ихъ народа теряется въ глубинѣ вѣковъ, и евреи, предки которыхъ бѣжали сюда сотни вѣковъ тому назадъ, и загорѣлые горцы-разбойники по природѣ, и оригинальные, остроумные негры, черные, какъ Моисей, и воющiе дервиши, и сотня арабовъ различныхъ племенъ,—словомъ, масса людей, чуждыхъ намъ нацiональностей и племенъ, на которыхъ намъ интересно было взглянуть.

Что же касается одежды, то она не поддается даже описанiю. Вотъ мавръ съ бронзовымъ лицомъ въ громадной бѣлой чалмѣ, въ расшитой курткѣ, красный съ золотомъ поясъ нѣсколько разъ обернутъ вокругъ его тальи, шаровары у него чуть-чуть пониже колѣнъ, а между тѣмъ на нихъ идетъ цѣлыхъ двадцать

ярдовъ матеріи; съ боку виситъ сабля въ богатыхъ ножнахъ; колѣни голыя; желтыя туфли надѣты на босыя ноги, а въ рукѣ непомѣрно длинное ружье, — онъ простой солдатъ, а я думалъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, самъ султанъ. А вотъ престарѣлые мавры съ волнистой бѣлой бородой, въ длинной бѣлой одеждѣ съ широкими капюшонами; вотъ бедуины въ полосатыхъ плащахъ съ капюшонами; негры и горцы съ наголо выбритой головой, на которой оставляется только клочокъ волосъ за ухомъ; вотъ еще какіе-то дикари въ яркихъ костюмахъ и всѣ, болѣе или менѣе, въ лохмотьяхъ. Тутъ же и мавританскія женщины, закутанныя съ головы до ногъ въ грубое бѣлое платье, полъ которыхъ можно опредѣлить только потому, что онѣ оставляютъ открытыми всего одинъ глазъ и никогда ни сами не смотрятъ на мужчинъ своего племени ни тѣ не смотрятъ на нихъ при чужихъ. Тутъ тысячъ пять евреевъ въ синихъ кафтанахъ, подпоясанные, въ туфляхъ на босую ногу, въ маленькихъ шапочкахъ, сдвинутыхъ на затылокъ, волосы спущены на передъ и выстрижены посрединѣ съ одного боку до другого такъ точно, какъ ихъ танжерскіе предки носили, не знаю сколько вѣковъ тому назадъ. Носы у нихъ у всѣхъ крючкомъ и у всѣхъ одинаково. Они всѣ до того похожи другъ на друга, что можно подумать, что они всѣ изъ одной семьи.

Что это за странный старинный городъ! Смѣхъ, шутки и легкомысленная болтовня кажутся кощунствомъ въ стѣнахъ этого памятника сѣдой старины. Здѣсь умѣстенъ только торжественный и образный языкъ сыновъ Пророка. Здѣсь есть уже почти совсѣмъ разсыпавшаяся стѣна, которая была уже стара, когда Колумбъ открывалъ Америку, когда Петръ Пустынникъ призывалъ къ оружію средневѣковыхъ рыцарей для перваго крестоваго похода; она была стара, когда Карлъ Великій и его паладины осаждали заколдованные замки и сражались съ великанами и духами въ далекія сказочныя времена; она была стара во время Христа; она стояла тамъ, гдѣ стоитъ теперь, когда статуя Мемнона издавала еще звуки, а люди покупали и продавали на улицахъ исчезнувшаго теперь Вавилона!

Финикіяне, карѳагеняне, англичане, мавры, римляне, — всѣ сражались за Танжеръ, всѣ то брали его, то отдавали. Вотъ оборванецъ-негръ восточнаго типа изъ какой-нибудь пустыни центральной Африки, наполняющій свой мѣхъ водой изъ грязнаго, полуразрушеннаго фонтана, сооруженнаго еще римлянами тысячу двѣсти лѣтъ тому назадъ. Тамъ разрушенная арка моста, построеннаго Юліемъ Цезаремъ тысячу девятьсотъ лѣтъ

тому назадъ. Тутъ же поблизости развалины корабельной верфи, гдѣ Цезарь чинилъ свои корабли и грузилъ ихъ хлѣбомъ, когда опустошалъ Британію за пятьдесятъ лѣтъ до начала христіанской эры. По вечерамъ при слабомъ мерцающемъ свѣтѣ звѣздъ передъ вами встаютъ видѣнія давно минувшаго прошлаго. Мнѣ казалось даже, что я различаю не только мѣсто, но и самый памятникъ, который былъ описанъ римскими историками около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ; на этомъ памятникѣ имѣлась слѣдующая надпись:

„Мы хананеяне. Мы тѣ, которые были изгнаны изъ земли Ханаанской еврейскимъ разбойникомъ Навиномъ“.

Навинъ выгналъ ихъ, и они пришли сюда. Въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда живетъ племя евреевъ, предки которыхъ бѣжали сюда послѣ неудачнаго возстанія противъ царя Давида, и ихъ потомки все еще какъ бы подъ опалой и держатся особнякомъ.

О Танжерѣ упоминалось въ исторіи три тысячи лѣтъ тому назадъ. Онъ былъ уже городомъ въ то время, когда Геркулесъ, одѣтый въ львиную шкуру, высадился тутъ четыре тысячи лѣтъ тому назадъ. На этихъ улицахъ онъ встрѣтилъ Анита, короля этой страны, и размозжилъ ему голову своей дубинкой, какъ это было въ обычаяхъ у джентльменовъ того времени. Населеніе Танжера (называвшагося тогда Тинжисомъ) жило въ самыхъ жалкихъ хижинахъ, одѣвалось въ шкуры, носило дубины и было такъ же дико, какъ и дикіе звѣри, съ которыми оно вело постоянную борьбу. Но они были благороднаго происхожденія и поэтому ничего не дѣлали. Они питались естественными продуктами страны. Резиденціей ихъ короля былъ знаменитый садъ Гесперидъ, расположенный въ семидесяти миляхъ отъ города. Сада этого съ его золотыми яблоками (т.-е. апельсинами) теперь нѣтъ, отъ него не осталось и слѣда. Знатоки старины допускаютъ, что такое лицо, какъ Геркулесъ, дѣйствительно существовало въ древнія времена, и соглашаются съ тѣмъ, что онъ былъ предпріимчивый и энергичный человѣкъ, но отказываются признавать въ немъ что-нибудь божественное, потому что эта роль ему не подходила по характеру.

Недалеко отсюда на мысѣ Спартель находится знаменитая пещера Геркулеса, куда удалился этотъ герой, когда побѣжденный былъ изгнанъ изъ Танжера. Стѣны ея испещрены надписями на странномъ языкѣ, и этотъ фактъ заставляетъ меня думать, что Геркулесъ, вѣроятно, не особенно много путешествовалъ, иначе онъ не велъ бы тутъ дневникъ.

Въ разстояніи пяти дней ѣзды отсюда, т.-е. въ двухстахъ миляхъ, находятся развалины древняго города, о которомъ не

упоминается ни въ лѣтописяхъ ни въ преданіи. А между тѣмъ его арки, колонны, статуи говорятъ за то, что онъ былъ построенъ просвѣщеннымъ народомъ.

Средній размѣръ лавки въ Танжерѣ равняется приблизительно купальному шкапу. Продавецъ-магометанинъ, жестяникъ, сапожникъ или торговецъ мелкимъ товаромъ, сидитъ, поджавъ ноги, на порогѣ, и рукой достаетъ всякую вещь, какую вы захотите купить. Вы можете снять въ аренду цѣлую кучу такихъ лавчонокъ за пятьдесятъ долларовъ въ мѣсяцъ. Базарные торговцы толпятся на рынкѣ со своими корзинами фигъ, финиковъ, дынь, абрикосовъ и проч., а сквозь эту толпу пробирается цѣлая вереница навьюченныхъ ословъ, ростомъ не больше ньюфаундлендской собаки. Евреи мѣнялы цѣлый день считаютъ и пересчитываютъ бронзовыя монеты и перекладываютъ ихъ изъ одной корзины въ другую. Мнѣ кажется, что теперь тутъ немного чеканятъ монеты. Мнѣ приходилось видѣть тутъ все старинныя монеты, чеканенныя лѣтъ четыреста или пятьсотъ тому назадъ и сильно потертыя. Джэкъ отправился размѣнять „наполеонодоръ“, чтобъ имѣть мелкія деньги, соотвѣтствующія здѣшней дешевизнѣ, и, возвратясь, объявилъ: „Я сорвалъ банкъ; купилъ одиннадцать мѣръ мелкихъ монетъ, и глава фирмы вышелъ даже ко мнѣ на улицу, чтобы выторговать себѣ что-нибудь за размѣнъ“.

У мавровъ имѣется также въ ходу и небольшое количество мелкихъ серебряныхъ монетъ, а также маленькіе слитки серебра, стоимостью въ одинъ долларъ каждый. Послѣдніе встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, такъ что, когда бѣдный оборванецъ-арабъ увидитъ одинъ изъ нихъ, всегда проситъ позволенія поцѣловать его. Кромѣ того, у нихъ имѣются и маленькія золотыя монеты, стоимостью въ два доллара.

Мароккскій султанъ—страшный деспотъ, а его сановники тоже деспоты, но въ меньшей степени. Въ Марокко нѣтъ правильной системы взиманія податей, а когда султану и пашѣ понадобятся деньги, они требуютъ ихъ съ какого-нибудь богача, который долженъ или внести требуемую сумму или итти въ тюрьму. Поэтому въ Марокко только очень немногіе рискуютъ быть завѣдомо богатыми,—это очень опасная роскошь. Иногда тщеславіе побуждаетъ человѣка выдавать себя за богача, но рано или поздно султанъ непремѣнно обвинитъ его въ чемъ-нибудь и конфискуетъ его имущество. Если же мавру или еврею удастся стать подъ защиту иностраннаго консула, тогда онъ смѣло можетъ хвастаться своимъ богатствомъ.

IX.

Вчера почти сейчасъ же послѣ прибытія въ Танжеръ произошло событіе, едва не стоившее жизни нашему легкомысленному Блэчеру. Въ то время, какъ мы, подъ охраной рослаго и сановитаго Хаджи Магомета Ламарти, проѣзжали на ослахъ и мулахъ мимо прекрасной мавританской мечети съ высокимъ минаретомъ, Блэчеръ вдругъ рысью направился къ открытому входу въ мечеть. Тревожные крики проводниковъ и громкое „стой!“ со стороны одного проходившаго мимо англичанина вовремя остановили безразсуднаго искателя приключеній, а затѣмъ намъ объяснили, что если собака-христіанинъ осмѣливался переступить за порогъ мечети, послѣдняя считалась навсегда оскверненной, а виновнаго въ такомъ святотатствѣ (по крайней мѣрѣ, такъ было въ очень недавнія времена) избивали камнями. Мы только издали посмотрѣли на мозаичный полъ мечети и на совершавшихъ тутъ же омовеніе мавровъ, но и это, видимо, очень не понравилось бывшимъ тамъ правовѣрнымъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ испортились башенные часы на минаретѣ. Среди жившихъ въ Танжерѣ магометанъ не было ни одного часовщика, и вопросъ о починкѣ часовъ представлялъ непреодолимыя затрудненія; но одинъ почтенный старецъ придумалъ выходъ изъ этого положенія.

— Дѣти Пророка,—сказалъ онъ,—вамъ извѣстно, что одна христіанская собака, часовщикъ-португалецъ, оскверняетъ городъ Танжеръ своимъ присутствіемъ. Вы знаете также, что когда строятъ мечети, то ослы возятъ камни и цементъ и проникаютъ за священный порогъ. Поэтому, пошлемъ христіанскую собаку на четвереанькахъ босикомъ въ святое мѣсто поправить часы, пусть онъ идетъ, какъ оселъ!

Мы посѣтили, между прочимъ, тюрьму и застали мавританскихъ заключенныхъ за плетеніемъ рогожъ и корзинъ. (Эта утилизація преступленій отзывается цивилизаціей). Убійство наказуется смертью. Еще недавно за городомъ были схвачены трое убійцъ и разстрѣляны. Мавританскія ружья плохи, и мавры плохіе стрѣлки. Послѣднихъ трехъ преступниковъ они разставили въ рядъ и съ полчаса стрѣляли въ нихъ какъ въ мишени, пока не попали, наконецъ, въ цѣль. За кражу скота вору отрубаютъ правую руку и лѣвую ногу и выставляютъ ихъ на базарной площади въ предупрежденіе всѣмъ и каждому. Процессъ отнятія руки или ноги производится очень просто. Сначала слегка подрѣзаютъ мясо вокругъ кости, а затѣмъ пере-

рубаютъ кости. Такую операцію выносятъ очень немногіе, а большинство обыкновенно умираетъ. Мавры переносятъ подобнаго рода операціи безъ единаго стона! Никакое страданіе не можетъ поколебать гордость мавра и заставить его опозорить свое достоинство крикомъ.

Браки здѣсь заключается по усмотрѣнію родителей. Молодой человѣкъ беретъ себѣ въ жены дѣвушку, которую выбираютъ ему его родители, и только ужъ послѣ вѣнчанія снимаютъ съ нея покрывало и онъ видитъ ее въ первый разъ. Если у него является сомнѣніе въ ея нравственности, онъ отправляетъ ее обратно къ ея отцу; также поступаетъ онъ, если она окажется больной или безплодной. Люди позажиточнѣе имѣютъ иногда очень много женъ. Онѣ всѣ называются женами, хотя коранъ допускаетъ имѣть только четырехъ законныхъ женъ, а остальныя считаются наложницами. Здѣсь даже евреи и тѣ имѣютъ по нѣскольку женъ.

Женщины носятъ своихъ дѣтей въ мѣшкѣ за спиной, какъ и всѣ вообще дикари во всемъ мірѣ.

Многіе изъ негровъ находятся въ рабствѣ у мавровъ. Но съ того момента, какъ женщина-рабыня становится наложницей своего господина, она уже не рабыня, а рабъ, какъ только онъ сумѣетъ прочесть первую главу корана (въ которой говорится о вѣрѣ), не можетъ быть уже больше рабомъ.

Въ Танжерѣ три раза въ недѣлю бываетъ воскресенье. Магометанское приходится въ пятницу, еврейское въ субботу, а у христіанскихъ консуловъ въ воскресенье. Еврейское самое настоящее. Мавръ идетъ въ пятницу въ мечеть около полудня, но также точно онъ ходитъ и во всѣ остальные дни недѣли, а затѣмъ снова принимается за работу.

Но еврей въ субботу запираетъ свою лавку, набожно посѣщаетъ синагогу, не разводитъ огня, не готовитъ ничего съѣстного и не занимается коммерческими предпріятіями.

Мавръ, побывавшій въ Меккѣ, получаетъ званіе хаджи, и съ этихъ поръ онъ важное лицо. Сотни мавровъ ежегодно пріѣзжаютъ въ Танжеръ и отправляются оттуда въ Мекку. Часть пути они ѣдутъ на англійскихъ пароходахъ и платятъ за проѣздъ десять или двѣнадцать долларовъ. Съ самаго момента отъѣзда и до возвращенія домой они не моются ни на сушѣ ни на морѣ, несмотря на то, отсутствіе ихъ длится отъ пяти до семи мѣсяцевъ. Многимъ изъ этихъ паломниковъ нужны долгіе годы, чтобы цѣною всевозможныхъ лишеній скопить необходимую для путешествія сумму и потому, а также и съ цѣлью предоставлять званіе хаджи лишь людямъ знатнымъ и состоятельнымъ, султанъ издалъ указъ, что каждый па-

ломникъ обязанъ имѣть при себѣ не меньше ста долларовъ, но евреи научили мавровъ обходить этотъ законъ, давая имъ деньги взаймы для предъявленія контролю и отбирая ихъ передъ отплытіемъ парохода.

Испанцы — единственный народъ, котораго боятся мавры. Причина этому та, что испанцы посылаютъ къ нимъ самые большіе военные корабли, вооруженные грозной артиллеріей съ цѣлью поразить ими мусульманъ; между тѣмъ какъ остальныя государства посылаютъ къ нимъ маленькія жалкія суденышки съ ничтожной артиллеріей. Мавры очень невысокаго мнѣнія о представителяхъ другихъ государствъ, но стоитъ вмѣшаться испанскому посланнику—и всякое требованіе немедленно исполняется.

Лѣтъ пять или шесть тому назадъ Испанія жестоко наказала мавровъ изъ-за спорнаго участка противъ Гибралтара и завладѣла городомъ Тетуаномъ, но затѣмъ она помирилась съ ними, взявъ двадцать милліоновъ долларовъ вознагражденія и расширивъ свою территорію за счетъ Марокко. Но передъ тѣмъ какъ покинуть городъ испанцы уничтожили всѣхъ кошекъ, которыхъ они ѣдятъ съ удовольствіемъ, тогда какъ мавры, наоборотъ, почитаютъ кошекъ какъ нѣчто священное. Этимъ поступкомъ испанцы жестоко оскорбили мавровъ—и съ той поры мавры стали врагами испанцевъ. Такъ же проштрафился противъ кошекъ и бывшій тутъ одно время представитель Франціи, который сдѣлалъ очень красивый коверъ изъ кошачьихъ шкурокъ, и съ той поры мавры иначе не вспоминаютъ о немъ, какъ съ проклятіемъ.

Я радъ, что я видѣлъ Танжеръ, второй по старшинству изъ самыхъ древнихъ городовъ въ мірѣ; но жить въ немъ постоянно, особенно послѣ того, какъ я побывалъ у нашего американскаго консула, я бы не хотѣлъ: очень уже тутъ томительно скучно, и я безъ сожалѣнія покидаю его. Мы уѣзжаемъ отсюда обратно въ Гибралтаръ сегодня вечеромъ или завтра утромъ, а затѣмъ не позже какъ дня черезъ два нашъ „Городъ Квакеровъ“ тронется въ дальнѣйшій путь.

X.

Четвертое іюля мы провели на пароходѣ „Городъ Квакеровъ“ въ открытомъ морѣ. Погода была во всѣхъ отношеніяхъ достойна Средиземнаго моря, т.-е. безукоризненно прекрасная: безоблачное небо, освѣжающій лѣтній вѣтерокъ, яркое солнце, весело игравшее въ подернутой рябью голубоватой поверхности

моря, которое сверкало милліонами огней и было такъ чудно хорошо, что заставляло забывать о грозныхъ буряхъ и о вздымающихся къ небу гребняхъ водяныхъ горъ.

На разсвѣтѣ выстрѣлъ изъ нашей единственной пушки возвѣстилъ всѣмъ проснувшимся, что „Четвертое іюля“ наступило. Но многіе изъ насъ узнали объ этомъ гораздо позже, по календарю. Пароходъ расцвѣтился флагами и принялъ праздничный видъ. Въ теченіе утра созывались митинги и устраивались всевозможныя собранія по организаціи празднествъ. Въ полдень на верхней палубѣ, подъ тентомъ, собрались всѣ находившіеся на пароходѣ; флейта, страдавшій одышкой мелодіумъ и чахоточный кларнетъ исполнили гимнъ „Усѣянное звѣздами знамя“, при чемъ хоръ изо всѣхъ силъ старался перекричать ихъ при благосклонномъ содѣйствіи Джорджа, который подъ конецъ взялъ такую ужасную ноту, что она испортила все впечатлѣніе; но никто не сказалъ ему за это ни слова. Мы прокричали троекратное „ура“, а затѣмъ президентъ, возсѣдавшій за канатной будкой подъ распростертымъ надъ нимъ національнымъ флагомъ, потребовалъ чтеца, который всталъ и прочелъ то самое старое объявленіе о независимости, которое мы всѣ столько разъ слушали, не давая себѣ труда вникать въ смыслъ читаемаго; послѣ этого президентъ предоставилъ слово оратору, и онъ произнесъ тотъ самый спичъ о нашемъ національномъ величіи, въ которое мы всѣ такъ твердо вѣрили, и мы горячо ему аплодировали. Затѣмъ снова выступилъ на сцену хоръ съ музыкальными инструментами и исполнилъ „Да здравствуетъ Колумбія“, при чемъ Джорджъ опять пытался пустить въ дѣло свои ужасныя дикія нотки, но хоръ покрылъ его. Въ заключеніе пасторъ произнесъ благословеніе, и маленькое патріотическое собраніе разошлось.

Вечеромъ за обѣдомъ одинъ изъ капитановъ съ большимъ одушевленіемъ прочелъ хорошо написанную оригинальную поэму, за которой послѣдовало тринадцать тостовъ, политыхъ нѣсколькими корзинами шампанскаго. Рѣчи всѣ были отвратительно плохи, за исключеніемъ коротенькой, всѣмъ понравившейся, рѣчи капитана Дункана.

— Леди и джентльмены, — сказалъ онъ. — Дай Богъ всѣмъ намъ дожить до глубокой старости и быть довольными и счастливыми. Дворецкій, принесите еще корзину шампанскаго.

Рѣчь эта, какъ я сказалъ уже, всѣмъ понравилась, и всѣ нашли ее очень удачной.

Празднество закончилось эффектнымъ баломъ, устроеннымъ на палубѣ для гулянья, хотя мы и не имѣли достаточнаго навыка танцовать при килевой качкѣ; но это нисколько не

помѣшало всѣмъ находить, что „Четвертое іюля“ было отпраздновано блестяще, и что всѣ провели время весело и пріятно.

На слѣдующій день передъ вечеромъ мы вошли въ большую искусственную гавань благороднаго города Марселя и видѣли, какъ угасающее солнце золотило зубцы и крѣпостные валы и заливало мягкимъ свѣтомъ на цѣлыя мили окрестности, гдѣ среди зелени эффектно выдѣлялись бѣлыя зданія загородныхъ виллъ.

Мы были еще далеко отъ пристани и потому мы не могли перейти съ парохода на набережную. Это было очень досадно, потому что намъ не терпѣлось увидѣть Францію. Когда совсѣмъ стемнѣло, трое изъ насъ вступили въ переговоры съ лодочникомъ и просили позволенія воспользоваться его лодкой, какъ мостомъ: корма лодки упиралась въ нашу подъемную лѣстницу, а носъ касался насыпи мола. Но какъ только мы спустились по лѣстницѣ въ лодку, лодочникъ повернулъ лодку и поплылъ къ пристани; я сказалъ ему по-французски, что мы хотѣли перейти на молъ, и спросилъ его, зачѣмъ онъ уѣхалъ отъ него. Лодочникъ отвѣчалъ, что онъ не понимаетъ меня. Я повторилъ вопросъ, но онъ опять отвѣтилъ, что не понимаетъ меня. Повидимому, онъ былъ очень несвѣдущъ во французскомъ языкѣ. Въ разговоръ вмѣшался докторъ, но онъ не понялъ и доктора. Я попросилъ лодочника объяснить, что значитъ его поведеніе, но не понялъ его отвѣта. Дэнъ вскочилъ и сердито крикнулъ:

— Везите насъ обратно къ молу, старый дуракъ... вотъ куда намъ нужно!

Мы принялись уговаривать Дэна и доказывали ему, что безполезно говорить съ этимъ иностранцемъ по-англійски, и было бы гораздо лучше, если бъ онъ сумѣлъ разсказать ему, что намъ нужно, на французскомъ языкѣ, чѣмъ сердиться и выставлять ему на показъ свою невоспитанность.

— Ну, хорошо, продолжайте толковать съ нимъ и не обращайте на меня вниманія. Я не хочу вмѣшиваться въ это дѣло. Только если вы будете говорить съ нимъ на вашемъ французскомъ языкѣ, онъ никогда не узнаетъ, куда вамъ нужно ѣхать. Вотъ мое мнѣніе, если хотите знать.

Мы сердито возразили ему на это, что чѣмъ невѣжественнѣе человѣкъ, тѣмъ хуже онъ всегда судитъ о другихъ. Въ это время французъ заговорилъ снова, и докторъ сказалъ:

— Теперь, Дэнъ, онъ говоритъ, что онъ хочетъ „алэ“ въ „дуэнъ“, а это значитъ, что онъ ѣдетъ въ отель. Теперь нѣтъ сомнѣнія, что не мы не знаемъ французскаго языка.

Это былъ „ловкій щелчокъ по носу“, какъ сказалъ бы Джэкъ, но во всякомъ случаѣ это замѣчаніе заставило умолкнуть нашего сердитаго спутника. Мы обогнули стоявшій впереди насъ громадный океанскій пароходъ и, подойдя къ набережной, остановились какъ разъ противъ казеннаго зданія, выходившаго фасадомъ на набережную. Тутъ только мы вспомнили, что douain значитъ таможня, а не отель, но мы ни слова не сказали о нашей ошибкѣ. Таможенные чиновники со свойственной французамъ галантностью и любезностью ограничились тѣмъ, что открыли, и, не заглядывая въ нихъ, закрыли наши сумки и, вѣжливо отказавшись отъ просмотра нашихъ паспортовъ, предоставили намъ полную свободу итти, куда намъ угодно. Мы остановились у перваго попавшагося намъ кафэ и вошли въ него. Какая-то старушка усадила насъ за столикъ, и затѣмъ, стоя передъ нами, ждала, что мы прикажемъ подать. Докторъ спросилъ по-французски:

— Avez vous du vin (есть у васъ вино)?

Старушка съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него. Докторъ повторилъ свой вопросъ, стараясь произносить отчетливо каждое слово:

— Avez vous du vin?

Старушка попрежнему съ недоумѣніемъ смотрѣла на насъ. Тогда я сказалъ доктору:

— Докторъ, въ вашемъ произношеніи есть нѣкоторый недостатокъ. Дайте мнѣ попробовать поговорить съ ней. Madame, avez vous du vin? Она насъ не понимаетъ, докторъ, вы теперь это ясно видите.

— Madame, avez vous du vin... ou fromage (сыръ)... pain (хлѣбъ)... ветчина... beurre (масло)... des oeufs (яйца)... du boeuf (говядины)... хрѣнъ, кислая капуста, свинина... что-нибудь такое, что можетъ выдержать желудокъ христіанина?

Старушка отвѣтила намъ:

— Господь съ вами, почему же вы прежде не заговорили по-англійски? Я ни слова не поняла изъ того, что вы мнѣ говорили на вашемъ мудреномъ французскомъ языкѣ.

Обидныя для насъ насмѣшки нашего третьяго спутника испортили намъ весь ужинъ, и мы, наскоро покончивъ съ нимъ, поспѣшили убраться изъ кафэ. Выйдя на улицу, мы отправились разыскивать центръ города, спрашивая по временамъ прохожихъ, въ какомъ направленіи слѣдуетъ итти. Намъ ни разу не удалось заставить кого-нибудь точно понять, чего именно мы хотѣли, да и сами мы тоже не понимали въ точности того, что намъ говорили въ отвѣтъ, хотя тѣ, кого мы спрашивали, въ заключеніе всегда указывали еще и рукой,

куда намъ итти; мы вѣжливо кланялись и говорили: „Merci, monsieur“. Это мы дѣлали, впрочемъ, нарочно, чтобы досадить нашему спутнику, который, видимо, не довѣрялъ намъ и чуть не каждый разъ спрашивалъ:

— Что такое сказалъ вамъ этотъ пиратъ?

— Онъ сказалъ намъ, куда надо итти, чтобы добраться до казино.

— Но что же именно онъ сказалъ?

— О, это не имѣетъ значенія, важно, что мы его поняли. Это вѣдь все народъ образованный, а не то что невѣжда-лодочникъ.

— Я былъ бы очень радъ, если бы они оказались настолько образованы, чтобы могли указать намъ, куда бы то ни было дорогу, потому что мы уже цѣлый часъ кружимся на одномъ мѣстѣ и уже разъ семь прошли мимо этого аптекарскаго магазина.

Мы сказали, что это низкая, постыдная ложь, но въ душѣ мы сознавали, что онъ сказалъ истинную правду и что, куда бы намъ ни указывали пальцами, намъ во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ больше проходить мимо этого аптекарскаго магазина, если не хотимъ давать пищу для насмѣшекъ надъ нами нашему спутнику.

Послѣ долгаго странствованія по залитымъ асфальтомъ улицамъ мимо выстроенныхъ какъ бы по одному шаблону каменныхъ штукатуренныхъ домовъ, окрашенныхъ краской цвѣта кремъ, мы разыскали, наконецъ, Grand Hôtel de Louvre и Hôtel de la Paix, расписались внизу, кто мы такіе, гдѣ мы родились, чѣмъ занимаемся, откуда мы прибыли теперь, женаты или холосты, сколько намъ лѣтъ, гдѣ мы высадились и когда думаемъ туда обратно отправиться и вообще сообщили множество подобнаго рода свѣдѣній, очень интересныхъ какъ для хозяина гостиницы, такъ и для тайной полиціи. Затѣмъ мы наняли проводника и немедленно принялись за обозрѣніе города. Я не могу теперь припомнить даже и половины тѣхъ мѣстъ, гдѣ мы побывали или которыя мы видѣли въ первую ночь нашего пребыванія на землѣ Франціи. Наконецъ уже очень поздно мы усѣлись въ большомъ Казино и потребовали что-то очень много шампанскаго. Такъ легко прослыть аристократомъ тамъ, гдѣ это ничего не стоитъ! Въ Казино въ это время было человѣкъ до пятисотъ; но очень возможно, что я ошибался, такъ какъ сплошь покрытыя зеркалами стѣны мѣшали сосчитать вѣрно число посѣтителей. Молодые изящно одѣтые франты, молодыя, одѣтыя по модѣ дамы, пожилые люди и пожилыя дамы сидѣли попарно и группами за безчи-

сленнымъ множествомъ мраморныхъ столиковъ, ужинали, пили вино и разговаривали такъ громко, что въ залѣ стоялъ гулъ отъ ихъ голосовъ. Въ дальнемъ концѣ зала была устроена эстрада для оркестра, на которой черезъ извѣстные промежутки появлялись актеры и актрисы въ нелѣпыхъ комическихъ костюмахъ и пѣли, должно-быть, что-то такое не особенно приличное, судя по тѣмъ жестамъ, которыми они сопровождали свое пѣніе. Публика на минуту прекращала болтовню и цинично смотрѣла на эстраду, но никто ни разу не улыбнулся, не раздалось ни одного аплодисмента! А мнѣ почему-то казалось, что французы готовы смѣяться при каждомъ удобномъ случаѣ.

XI.

Мы быстро и легко превращаемся въ иностранцевъ. Мы миримся съ залами и спальнями и съ неудобными каменными полами безъ ковровъ, на которыхъ звонко отдаются шаги. Мы привыкли къ тихимъ безшумнымъ слугамъ, которые неслышно скользятъ по полу и порхаютъ за вашей спиной и локтями, какъ бабочки, быстро схватываютъ на лету ваши приказанія, быстро исполняютъ ихъ, которые всегда благодарны, сколько бы вы ни дали имъ „на чай“, и всегда и во всѣхъ случаяхъ вѣжливы. Мы привыкли къ мороженому, которое замораживается особеннымъ способомъ въ обыкновенныхъ бутылкахъ. Мы привыкли ко всему этому; но мы не привыкли возить съ собой мыло. Мы возили съ собой гребни и зубныя щетки, но звонить каждый разъ, чтобы дали мыла, это была для насъ новость и не особенно пріятная. Эти марсельцы сочинили марсельезу, изобрѣли марсельскія куртки и марсельское мыло, но сами они никогда не поютъ своей марсельезы, не носятъ своихъ куртокъ и не моются своимъ мыломъ.

Мы научились переносить пытку сидѣнія за табль-д'отомъ не только терпѣливо, но даже съ удовольствіемъ. Намъ подавали сначала супъ; затѣмъ черезъ нѣсколько минутъ рыбу, затѣмъ еще черезъ нѣсколько минутъ мѣнялись тарелки и являлся ростбифъ; новая перемѣна, и намъ подавали горошекъ; новая перемѣна—чечевица, затѣмъ появлялись пирожки съ улитками (я предпочитаю кузнечиковъ); перемѣна—жареные цыплята съ салатомъ; затѣмъ земляничный пирогъ и сливочное мороженое; затѣмъ зеленыя фиги, груши, апельсины, зеленый миндаль и проч.; наконецъ, кофе. Вино при всякомъ блюдѣ, потому что это Франція. Пищевареніе послѣ этого

идетъ медленно, и мы должны долго сидѣть въ прохладныхъ комнатахъ, курить и читать французскія газеты

Мы ѣздили кататься по Прадо—это великолѣпная аллея, окаймленная дворцами патриціевъ и тѣнистыми деревьями, а затѣмъ посѣтили Шато Буарели и его любопытный музей. Тамъ намъ показали миніатюрное кладбище, по всей вѣроятности, копію того кладбища, которое было впервые устроено въ Марселѣ. Хрупкіе маленькіе скелеты лежали вмѣстѣ съ ихъ домашними богами и утварью, подъ полуобрушившимися сводами пещеръ. Оригиналъ этого кладбища былъ открытъ на главной улицѣ города нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Оно оставалось тамъ въ неизвѣстности, на глубинѣ всего только двѣнадцати футовъ, около двухъ тысячъ пятисотъ лѣтъ. Здѣсь былъ Ромулъ прежде, чѣмъ основать Римъ, и даже думалъ основать городъ на этомъ мѣстѣ, но затѣмъ отказался отъ этого намѣренія. Можетъ-быть, онъ даже лично былъ знакомъ съ тѣми финикіянами, скелеты которыхъ мы разсматривали.

Въ зоологическомъ саду мы видѣли на мой взглядъ представителей животнаго царства со всего свѣта, не исключая дромадера, обезьяны, украшенной пучками синихъ и яркомалиновыхъ волосъ, гиппопотама съ береговъ Нила и какой-то высокой длинноногой птицы съ клювомъ въ видѣ порохового рога и плотно прижатыми крыльями, похожими на фалды фрака. Она стояла съ закрытыми глазами, выгнувъ немного впередъ плечи, и имѣла такой видъ, какъ будто заложила руки подъ фалды фрака. Въ осанкѣ этой старообразной сѣрой птицы съ темными крыльями, голой головой и тонкими ногами было столько важности, столько глупаго самодовольства, что ничего комичнѣе этого нельзя было бы и представить себѣ. Мы простояли передъ этой птицей цѣлый часъ; мы пробовали расшевелить ее, но она только открывала одинъ глазъ и затѣмъ снова медленно закрывала его, не измѣняя ни на іоту своей удивительной серьезности. Вся ея поза, казалось, говорила: „Не оскверняйте избранницу неба своими неосвященными руками“. Мы не знали настоящаго названія этой птицы и дали ей прозвище „пилигримъ“. Дэнъ сказалъ, что для полноты впечатлѣнія ей недостаетъ только одного—Плимутскаго сборника.

Въ помѣщеніи у слона (онъ былъ колоссальныхъ размѣровъ) мы увидѣли кошку, самую обыкновенную кошку, которая имѣла обыкновеніе взбираться по заднимъ ногамъ слона къ нему на спину и дремать, поджавъ подъ себя лапки, цѣлый день на солнцѣ. Сперва это не нравилось слону, онъ доставалъ ее хо-

ботомъ и сбрасывалъ внизъ, но она сейчасъ же снова карабкалась на него, въ концѣ-концовъ, она побѣдила слона, и они стали неразлучными друзьями. Кошка часто играетъ между передними ногами слона и моментально взбирается на него въ минуту опасности.

Мы наняли парусную лодку и проводника и совершили прогулку на одинъ изъ небольшихъ острововъ въ гавани, чтобы посѣтить замокъ Ифъ. Эта древняя крѣпость имѣетъ очень печальную исторію. Въ теченіе двухъ или трехъ столѣтій она служила тюрьмой для политическихъ преступниковъ, и всѣ стѣны темницъ этого замка испещрены грубо выцарапанными именами многаго множества заключенныхъ, которые прожили здѣсь всю свою жизнь, не имѣвъ возможности оставить никакихъ записокъ, кромѣ этихъ печальныхъ эпитафій, вырѣзанныхъ ихъ собственными руками. Какъ много было этихъ именъ! Мы переходили изъ одной темницы въ другую, спускаясь все ниже и ниже въ нѣдра утеса. И всюду надписи, всюду имена! Нѣкоторыя плебейскія, другія аристократическія, иныя даже княжескія. Плебей, принцъ и дворянинъ одинаково заботились о томъ, чтобы имена ихъ не исчезли изъ памяти у потомства, и они старались такъ или иначе выцарапать свое имя. Въ одной камерѣ, куда слегка только проникалъ свѣтъ, заключенный провелъ цѣлыхъ двадцать семь лѣтъ, не видя ни одного человѣческаго лица, даже тюремщики не входили къ нему и переговаривались съ нимъ чрезъ форточку. Этотъ человѣкъ исцарапалъ всѣ стѣны своей темницы отъ полу до потолка всякаго рода фигурами людей и животныхъ. Другой заключенный (онъ провелъ въ темницѣ пятнадцать лѣтъ) выцарапалъ на стѣнахъ стихи и множество изреченій въ прозѣ, краткихъ, но весьма трогательныхъ. Въ нихъ не упоминается ни о немъ самомъ ни о его тяжкой долѣ, а только о его семьѣ, къ которой онъ стремился всѣми помыслами и которую ему не суждено было уже больше видѣть. Онъ умеръ въ темницѣ.

Стѣны этихъ темницъ имѣли до пятнадцати футовъ въ толщину. Мы видѣли наводящія ужасъ отвратительныя камеры, въ которыхъ провели время своего заключенія оба героя изъ романа Дюма „Монте-Кристо". Здѣсь мужественный аббатъ своей собственной кровью написалъ книгу перомъ, сдѣланнымъ изъ ржаваго желѣзнаго крюка, при огнѣ свѣтильни, сдѣланной изъ лоскутковъ холста, пропитаннаго саломъ, которое онъ снималъ съ приносившагося ему супа. Затѣмъ онъ пробилъ толстую стѣну въ сосѣднюю камеру, гдѣ содержался Дантесъ (Монте-Кристо), который ухитрился даже бѣжать изъ этого каменнаго мѣшка.

Намъ показали также камеру, гдѣ нѣкоторое время былъ заключенъ „Желѣзная маска", злосчастный братъ одного жестокосерднаго короля Франціи, закончившій свои дни въ тюрьмѣ св. Маргариты и унесшій съ собой въ могилу окутывавшую его тайну.

XII.

Мы проѣхали пятьсотъ миль по желѣзной дорогѣ чрезъ самое сердце Франціи. Что это за очаровательная страна! Это настоящій садъ! Всѣ эти зеленые луга, простирающіеся на цѣлыя мили, навѣрное, подметаютъ, чистятъ и моютъ каждый день, а траву на нихъ подстригаетъ парикмахеръ. Всѣ эти изгороди, навѣрное, сооружены архитекторами-садовниками. Всѣ эти длинные ряды великолѣпныхъ тополей, которые дѣлятъ землю на правильные квадратики, навѣрное сажали по линейкѣ и ватерпасу. Всѣ эти такіе чистенькіе, блестящіе шлагбаумы на перекресткахъ дорогъ навѣрное полируютъ каждый день наждачной бумагой. Иначе какъ могло бы все это сохраняться въ такой симметріи, чистотѣ и порядкѣ. Тутъ нѣтъ нигдѣ ни грязи, ни развалинъ, ни мусора, ничего, что намекало бы на неопрятность, ничего, что могло бы свидѣтельствовать о небрежности. Все опрятно и красиво и все чаруетъ взоры.

Мы видѣли мелькомъ и Рону, скользящую между покрытыми травой зелеными берегами; видѣли веселые коттэджи, тонувшіе въ цвѣтахъ и въ зелени кустовъ; видѣли старинныя красивыя деревенскія крыши изъ красной черепицы и выглядывающія изъ-за нихъ построенныя еще въ средніе вѣка церкви; видѣли лѣсистые холмы съ поросшими плющомъ башнями и башенками феодальныхъ замковъ, верхушки которыхъ выступали надъ лѣсомъ.

Говорятъ, на французскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтствующаго слова для нашего „home" (очагъ). Но, принимая во вниманіе, что у нихъ существуетъ этотъ очагъ въ такомъ привлекательномъ видѣ, они могутъ обойтись и безъ этого. Я давно замѣчалъ, что живущіе за границей французы рѣдко когда отказываются отъ мысли рано или поздно вернуться назадъ во Францію; но теперь я этому нисколько не удивляюсь.

Но зато мы вовсе не были очарованы французскими желѣзными дорогами. Мы взяли билетъ перваго класса, но не потому, что хотѣли обратить на себя вниманіе, дѣлая нѣчто такое, что не принято въ Европѣ, а потому, что мы думали, что такъ будетъ лучше для нашей цѣли. Трудно гдѣ бы то ни

было сдѣлать пріятнымъ путешествіе по желѣзной дорогѣ. Путешествіе въ почтовой каретѣ несравненно пріятнѣе. Мнѣ пришлос однажды проѣхать въ почтовой каретѣ отъ границъ Миссури до Калифорніи, и съ тѣхъ поръ всѣ свои поѣздки я всегда сравниваю съ этой поѣздкой, которая была для меня рѣдкимъ и веселымъ праздникомъ. Я проѣхалъ двѣ тысячи миль по горамъ и доламъ, ѣхалъ день и ночь и ни одной минуты не чувствовалъ ни усталости ни утомленія отъ созерцанія развертывавшихся передъ моими глазами красотъ природы.

Но я совсѣмъ забылъ, что я теперь во Франціи, а не въ большомъ южномъ ущельѣ и не въ горахъ, среди антилопъ и буйволовъ и не на тропинкѣ войны разрисованныхъ индѣйцевъ. И потомъ путешествіе по желѣзной дорогѣ нельзя даже и сравнивать съ переѣздомъ чуть не черезъ весь континентъ въ почтовой каретѣ да еще лѣтомъ. Я хотѣлъ только сказать, что путешествіе по желѣзной дорогѣ скучно и утомительно, но и при этомъ я имѣлъ въ виду пятидесятичасовой переѣздъ отъ Нью-Йорка до Сенъ-Луи. Что же касается нашей поѣздки чрезъ Францію, то ее нельзя назвать скучной, хотя бы ужъ въ виду новизны сценъ и ощущеній.

Вагоны тутъ устроены съ отдѣленіями, по восемь человѣкъ въ каждомъ. Сидѣнія и спинки имѣютъ мягкія подушки и очень удобны; желающимъ разрѣшается курить; въ вагоны не пускаютъ торговцевъ; вы гарантированы отъ массы непріятныхъ пассажировъ. И такъ далѣе и такъ далѣе. Но затѣмъ, когда трогается поѣздъ, кондукторъ запираетъ васъ въ этомъ отдѣленіи, гдѣ нѣтъ даже воды для питья, нѣтъ грѣлокъ на ночь; если попадется какой-нибудь пьяный, то вы не можете ни отодвинуться отъ него ни перейти въ другой вагонъ; потомъ, если вы захотите спать, вы должны спать сидя со скорченными ногами, потому что на французскихъ желѣзныхъ дорогахъ нѣтъ спальныхъ вагоновъ.

Во Франціи все дѣлается по часамъ, по разъ заведенному порядку. Ошибокъ не допускается. Изъ трехъ человѣкъ одинъ непремѣнно носитъ форму, и, будь онъ маршалъ Имперіи или просто сторожъ, онъ всегда одинаково вѣжливо отвѣтитъ на всѣ ваши вопросы, готовъ указать вамъ, въ какой вагонъ вамъ сѣсть, готовъ даже пойти и посадить васъ, чтобъ убѣдиться, что вы не ошиблись. Васъ не пустятъ даже и съ билетомъ на платформу, пока не будетъ поданъ вашъ поѣздъ, который затѣмъ не тронется съ мѣста, пока не проконтролируютъ билеты. Если же вы ухитрились бы какимъ-нибудь чудомъ попасть не въ тотъ поѣздъ, васъ поручатъ вѣжливому служащему, который проводитъ васъ куда слѣдуетъ. Когда вамъ бу-

деть нужно пересѣсть въ другой поѣздъ, васъ извѣстятъ объ этомъ. Словомъ, о васъ тщательно будутъ заботиться всю дорогу.

Говорятъ, что на французскихъ дорогахъ никогда не бываетъ никакихъ несчастій, и я думаю, что это правда. Мнѣ помнится, что мы нѣсколько разъ проѣзжали по мосту высоко надъ скрещивавшимся съ нашимъ желѣзнодорожнымъ полотномъ или же черезъ віадуки подъ нимъ, но никогда не пересѣкали его на одномъ уровнѣ съ нимъ. Чуть не каждую четверть мили путевые сторожа давали знать сигналами, что впереди все благополучно. Стрѣлки переводились за цѣлую милю впередъ посредствомъ проволочнаго каната, который былъ протянутъ по землѣ возлѣ рельсовъ отъ одной станціи до другой.

Нѣтъ, во Франціи и рѣчи быть не можетъ о катастрофахъ на желѣзныхъ дорогахъ. Но почему? Потому, что, когда случается катастрофа, за это всегда кого-нибудь вѣшаютъ! *) Впрочемъ, они, можетъ-быть, и не вѣшаютъ, но, по крайней мѣрѣ, наказываютъ такъ строго, что послѣ того всѣ служащіе больше всего боятся проштрафиться въ небрежности. Если несчастье произошло по винѣ, положимъ, инженера, отвѣчать долженъ инженеръ, и съ него непремѣнно взыщутъ очень строго. Намъ разсказывали это опытные путешественники, эти восхитительные болтуны, которые знаютъ Ф. анцію получше самаго Луи Наполеона, и мы вѣримъ имъ, потому что вѣрить этому пріятно, потому еще, что это свидѣтельствуетъ о строгомъ подчиненіи закону и порядку, который мы видимъ тутъ всюду и вездѣ.

Мы ѣхали чрезъ Ліонъ, Соону, Вилла-Франку, Тоннеръ, Сенсъ, Мелёнъ, Фонтенебло и десятокъ другихъ красивыхъ городовъ, всюду замѣчая отсутствіе развалившихся зданій, сломанныхъ изгородей, навозныхъ кучъ, некрашеныхъ домовъ, грязи и всюду поражаясь удивительной чистотой и стремленіемъ сдѣлать все со вкусомъ, придать всему изящный видъ; мы съ восторгомъ любовались блестящимъ состояніемъ дорогъ, гладкихъ какъ скатерть, безъ малѣйшихъ намековъ на выбоины и колеи. Поѣздъ между тѣмъ продолжалъ громыхать по рельсамъ. Теплый ясный лѣтній день сталъ клониться къ вечеру; въ окно откуда-то пахнуло ароматомъ цвѣтовъ и свѣжей зелени, затѣмъ еще немного, и мы, возбужденные, восхищенные и наполовину увѣренные, что все это только прекрасный сонъ,— мы уже были въ великолѣпномъ Парижѣ!

---

*) Они держатся правила, что лучше пострадать одному, хотя бы и невинному человѣку, чѣмъ пятистамъ. *Прим. автора.*

Какой удивительный у нихъ порядокъ! Здѣсь нѣтъ ни давки, ни толкотни, ни криковъ извозчиковъ. Всѣ они спокойно стоятъ въ сторонѣ длинной вереницей экипажей и не говорятъ ни слова. У нихъ, повидимому, всѣмъ распоряжается особый староста, который вѣжливо встрѣчаетъ пассажировъ, спрашиваетъ ихъ, куда имъ угодно ѣхать, и отдаетъ соотвѣтствующее приказаніе кучеру. Мы быстро покатили по улицамъ Парижа и съ восторгомъ узнавали нѣкоторыя улицы и мѣста, съ которыми насъ давно познакомили книги. Когда мы прочли на углу одной изъ улицъ „Rue de Rivoli“, мы обрадовались, точно встрѣтили стараго друга; точно такъ же узнали мы и прекрасный Луврскій дворецъ, какъ узнали бы его и на картинѣ; когда мы проѣзжали мимо Іюльской колонны, намъ не было надобности напоминать, что на ея мѣстѣ стояла нѣкогда ужасная Бастилія!

Мы заняли для себя помѣщеніе въ отелѣ, т.-е. собственно велѣли поставить три кровати въ одну комнату, чтобы намъ быть всѣмъ вмѣстѣ, а затѣмъ мы отправились въ ресторанъ и прекрасно пообѣдали. Послѣ обѣда мы пошли побродить по ярко освѣщеннымъ улицамъ мимо всевозможныхъ магазиновъ и лавокъ и разсматривали выставленныя въ окнахъ вещи и ювелирныя издѣлія. Иногда, исключительно, впрочемъ, съ цѣлью показать свою жестокость, мы останавливали безобидныхъ французовъ и осаждали ихъ рядомъ вопросовъ на непонятномъ имъ жаргонѣ, составленномъ изъ словъ ихъ же родного языка, и пока они мучились, стараясь угадать, что намъ отъ нихъ нужно, мы безжалостно терзали ихъ слухъ ихъ же собственными подлыми глаголами и причастіями.

Мы, между прочимъ, обратили вниманіе, что въ ювелирныхъ магазинахъ на нѣкоторыхъ вещахъ имѣлись ярлычки съ надписью „золото“, а на другихъ „имитація“. Мы подивились такой необычайной честности и спросили, въ чемъ дѣло. Намъ объяснили, что такъ какъ многіе не въ состояніи отличить поддѣльное золото отъ настоящаго, то правительство обязываетъ ювелировъ ставить пробу на золотыхъ вещахъ, а къ вещамъ изъ поддѣльнаго золота прикрѣплять ярлыки съ соотвѣтствующей надписью. Эта Францiя удивительная, право, страна!

Затѣмъ мы отправились разыскивать парикмахерскую. Чуть не съ ранняго дѣтства моей завѣтной мечтой было побриться когда-нибудь у парижскаго брадобрея. Но, сколько не искали мы, не могли найти цырюльни. Мы видѣли только мастерскія, гдѣ приготовлялись парики и разныя издѣлія изъ волосъ, образчики которыхъ были выставлены на показъ вмѣстѣ съ париками, надѣтыми на размалеванныя восковыя головы какихъ-

то бандитовъ, смотрѣвшихъ изъ-подъ стеклянныхъ колпаковъ на проходящихъ своими стеклянными глазами и пугавшихъ ихъ страшной бѣлизной своихъ лицъ. Нѣкоторое время мы не обращали на нихъ вниманія, но, наконецъ, рѣшили, что эти мастерскія непремѣнно должно быть также и цырюльнями, разъ мы не могли найти ни одного законнаго представителя ихъ собратій. Мы зашли въ одну такую мастерскую и узнали, что догадка наша вѣрна.

Я сказалъ, что хочу побриться. Цырюльникъ спросилъ меня, гдѣ я живу. Я отвѣтилъ, что не все ли ему равно, гдѣ я живу, разъ я хочу побриться здѣсь, на мѣстѣ. Докторъ сказалъ, что тоже хотѣлъ бы побриться. Наше заявленіе смутило обоихъ цырюльниковъ; они сначала довольно долго о чемъ-то шептались, а потомъ начали суетиться, разыскивая бритву и мыло. Затѣмъ насъ провели въ маленькую ободранную заднюю комнатку и началось бритье. Одинъ изъ цырюльниковъ мылилъ мнѣ лицо цѣлыхъ десять мучительныхъ минутъ и въ заключеніе заклеилъ мнѣ ротъ мыльной пѣной. Я выпустилъ изо рта это непріятное вещество и строгимъ тономъ проговорилъ по-англійски: „Берегись, иностранецъ!“ Затѣмъ этотъ „невѣрный“ поточилъ бритву о свой сапогъ, помахалъ ею надо мною шесть страшныхъ секундъ, а затѣмъ набросился на меня, какъ геній-разрушитель. Первый взмахъ его бритвы отдѣлилъ у меня кожу отъ лица и заставилъ меня подняться со стула. Но лучше опустимъ занавѣсъ надъ этой ужасной сценой. Достаточно будетъ сказать, что я вынесъ ужасную пытку и только, когда мой мучитель выразилъ намѣреніе въ заключеніе причесать меня, я съ горькой ироніей сказалъ ему, что достаточно и того, что съ меня сняли кожу, и не захотѣлъ, чтобы съ меня снимали еще и скальпъ.

Часовъ въ одиннадцать мы увидали вывѣску, которая свидѣтельствовала, что въ этомъ заведеніи имѣется билліардъ. Какая радость! Мы играли на билліардѣ на Азорскихъ островахъ такими шарами, которые ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать круглыми, и притомъ еще на очень, очень старомъ билліардѣ съ выбоинами, благодаря чему получались самые неожиданные удары; потомъ мы играли въ Гибралтарѣ шарами, величиною съ орѣхъ, на билліардѣ размѣрами съ городской скверъ и, конечно, тоже играли безъ всякаго удовольствія. Мы ожидали здѣсь лучшаго, но ошиблись: борты были гораздо выше шаровъ, а такъ какъ шары имѣли обыкновеніе всегда застрявать подъ бортами, которые были очень тверды, и такъ какъ намъ приходилось играть кривыми кіями, результаты получались самые печальные. Дэнъ былъ маркеромъ.

пока мы играли съ докторомъ. Черезъ часъ (партія не была еще кончена) мы раздосадованные уплатили за игру что-то около шести центовъ и ушли, пообѣщавъ завернуть сюда опять, когда у насъ выберется недѣлька свободная, и докончить партію.

Изъ билліардной мы зашли въ кафэ поужинать и велѣли подать мѣстнаго столоваго вина, которое намъ очень понравилось, а затѣмъ мы направились къ себѣ въ номеръ въ „Grand Hôtel de Louvre“ и вскарабкались на наши роскошныя постели почитать и покурить, но — увы! — тутъ не имѣлось вовсе газовыхъ рожковъ, ничего, кромѣ тусклыхъ свѣчей. Это былъ позоръ. Мы пробовали составить планъ путешествія на завтра; мы долго бились надъ французскимъ „Путеводителемъ по Парижу“, тщетно стараясь разыскать по плану тѣ мѣста, гдѣ мы побывали, а затѣмъ стали потягиваться, зѣвать и, наконецъ, унеслись въ ту обширную таинственную область, которую люди называютъ сномъ.

XIII.

На слѣдующій день мы въ десять часовъ отправились къ комиссіонеру отеля и заявили ему, что намъ нуженъ проводникъ. Онъ сказалъ намъ, что выставка привлекла въ Парижъ такое множество англичанъ и американцевъ, что стало почти невозможно найти свободнаго хорошаго проводника. Обыкновенно у него бывало дюжины двѣ проводниковъ подъ рукой, а теперь осталось только трое. Онъ позвалъ ихъ. Одинъ до того былъ похожъ на пирата, что мы сразу отпустили его. Другой безъ передышки отчеканилъ намъ маленькую рѣчь слѣдующаго содержанія:

— Если джентльменамъ будетъ угодно оказать мнѣ великую честь взять меня для своихъ услугъ, я покажу имъ все, что есть замѣчательнаго въ прекрасномъ Парижѣ. Я отлично говорю по-англійски.

Ему бы слѣдовало на этомъ и остановиться, потому что это онъ зналъ наизусть и проговорилъ безъ ошибки. Но когда онъ затѣмъ вздумалъ поговорить съ нами по-англійски, это погубило его. Въ теченіе десяти секундъ онъ до того запутался въ чуждыхъ ему оборотахъ англійскаго языка, что его уже никто не могъ бы вывести на путь истинный.

Третій проводникъ очаровалъ насъ. Онъ былъ одѣтъ скромно, но вполнѣ прилично. На немъ была шелковая шляпа, немного поношенная, но зато тщательно вычищенная. Онъ былъ въ

перчаткахъ, хотя и не первой свѣжести, а въ рукѣ у него была тросточка изъ индѣйскаго тростника съ ручкой изъ слоновой кости. Онъ ступалъ такъ же мягко и деликатно, какъ кошка по грязной улицѣ. Держалъ онъ себя безукоризненно, и мы сейчасъ же наняли его. Этотъ человѣкъ, нашъ лакей, нашъ слуга, нашъ неоспоримый рабъ все-таки былъ джентльменъ, тогда какъ изъ тѣхъ двоихъ одинъ былъ грубъ и ужасенъ, а другой родился плутомъ. Мы спросили имя нашего Пятницы. Онъ вынулъ изъ записной книжки бѣлоснѣжную маленькую карточку и подалъ ее намъ съ глубокимъ поклономъ:

А. Бильфингеръ,
проводникъ по Парижу, Франціи, Германіи,
Испаніи и т. д. и т. д.
Grand Hôtel de Louvre.

Бильфингеръ! Эта ужасная фамилія страшно рѣзала уши. Большинство изъ насъ въ состояніи не только свыкнуться съ самой безобразной на первый взглядъ физіономіей, но даже и полюбить иногда обладателя такой физіономіи, тогда какъ очень немногіе, по моему мнѣнію, примирятся такъ легко съ неблагозвучной фамиліей. Я почти жалѣлъ, что мы наняли этого человѣка, такъ несносна была его фамилія. Когда нашъ проводникъ отправился за экипажемъ, докторъ сказалъ:

— Опять неудача. Я надѣялся, что у насъ будетъ проводникомъ какой-нибудь Генрихъ-де-Монморанси или Арнольдъ де ля Шартрэзъ или что-нибудь въ этомъ родѣ и вдругъ намъ попался французъ съ фамиліей Бильфингеръ! Переименуемъ его, дадимъ ему какое-нибудь другое прозвище! Напримѣръ, Алексисъ де Коленкуръ?

— Альфонсъ - Генрихъ - Густавъ де - Отевиль, — предложилъ я.

— Будемъ звать его Фергесонъ,—сказалъ Дэнъ.

Это предложеніе намъ понравилось, и мы рѣшили переименовать Бильфингера въ Фергесона.

Экипажъ — открытое ландо, былъ готовъ. Фергесонъ сѣлъ рядомъ съ кучеромъ, и мы покатили завтракать. Фергесонъ стоялъ возлѣ насъ, чтобы передавать наши приказанія и отвѣчать на вопросы. Спустя немного времени, онъ, между прочимъ, сказалъ,—ловкій хитрецъ,—что пойдетъ завтракать, когда мы откушаемъ. Онъ зналъ, что мы не можемъ обойтись безъ него и что мы не захотимъ терять время и ждать его. Мы попросили его сѣсть съ нами. Онъ отказывался и увѣрялъ, что

это будетъ неприлично, и онъ лучше сядетъ за другимъ столомъ, но мы рѣшительно приказали ему сѣсть съ нами.

Это былъ первый полученный нами урокъ. Мы сдѣлали большую ошибку.

Пока этотъ молодецъ былъ съ нами, онъ всегда былъ голоденъ, всегда хотѣлъ пить. Онъ приходилъ рано, уходилъ поздно; онъ не пропускалъ ни одного ресторана, жадными глазами смотрѣлъ на всякій погребокъ и то и дѣло предлагалъ зайти выпить и закусить. Кромѣ того, у него имѣлся еще и другой недостатокъ. Ему вѣчно хотѣлось заставить насъ что-нибудь купить, и онъ подъ разными предлогами заманивалъ насъ во всевозможные магазины, гдѣ мы могли бы что-нибудь купить. Всякій другой догадался бы, что хозяева магазиновъ платятъ ему извѣстный процентъ съ проданнаго, но мы не подозрѣвали объ этомъ, пока Дэнъ не сказалъ однажды, что хочетъ купить для подарка шелковой матеріи на три или на четыре платья. Фергесонъ бросилъ на него алчный взглядъ, а затѣмъ минутъ черезъ двадцать экипажъ вдругъ остановился.

— Что это такое?

— Это самый лучшій магазинъ шелковыхъ матерій въ Парижѣ, самый знаменитый.

— Зачѣмъ же вы тутъ остановились? Мы сказали вамъ, чтобы вы везли насъ въ Луврскій дворецъ.

— Мнѣ показалось, что этотъ джентльменъ желаетъ купить нѣсколько кусковъ шелковой матеріи.

— Это вамъ только показалось, Фергесонъ,—сказалъ докторъ,—везите насъ туда, куда вамъ было приказано.

Черезъ пятнадцать минутъ экипажъ снова остановился передъ другимъ шелковымъ магазиномъ. Докторъ сказалъ:

— А! Лувръ: красивое, очень красивое зданіе! А что императоръ Наполеонъ и теперь живетъ здѣсь, Фергесонъ?

— Ахъ, докторъ! Вы шутите; это не дворецъ; мы тамъ скоро будемъ, а это магазинъ, гдѣ продаются такія прекрасныя шелковыя...

— А, понимаю, понимаю. Я хотѣлъ сказать вамъ, что мы не будемъ покупать сегодня никакихъ матерій, но по разсѣянности забылъ. Я хотѣлъ еще вамъ сказать, что мы желали ѣхать прямо въ Лувръ, но тоже забылъ объ этомъ. Впрочемъ мы теперь отправимся туда. Простите мою небрежность, Фергесонъ. Ѣдемъ.

Черезъ полчаса мы снова остановились... опять у магазина шелковыхъ издѣлій. Мы разсердились; но докторъ былъ попрежнему невозмутимъ и голосъ его звучалъ все такъ же ровно, когда онъ говорилъ:

— Наконецъ-то! Какъ удивительно красивъ Лувръ, но зато какой онъ маленькій... Славное старинное зданіе...

— Извините, докторъ, это не Лувръ, это...

— Что такое?

— Я думалъ... у меня явилась мысль... что шелкъ въ этомъ магазинѣ...

— Фергесонъ, какой я безтолковый, однако! Я хотѣлъ непремѣнно сказать вамъ, что сегодня мы не будемъ покупать шелкъ и хотимъ немедленно отправиться въ Лувръ, но удовольствіе видѣть, какъ вы уничтожили сегодня четыре завтрака, до того наполнило меня пріятнымъ волненіемъ, что я забылъ обо всемъ остальномъ... А теперь ѣдемъ въ Лувръ, Фергесонъ.

— Но, докторъ, это займетъ не больше минуты... Джентльмены могутъ и не покупать, если они не хотятъ... Пусть они только посмотрятъ... Сэръ, всего только одну минуточку!

Дэнъ сказалъ: „Проклятый идіотъ! Я не хочу смотрѣть сегодня никакихъ матерій и не буду смотрѣть на нихъ. Ѣдемъ дальше“.

Докторъ сказалъ переводчику: „Намъ не надо теперь шелку, Фергесонъ. Наши сердца стремятся къ Лувру“.

— Но, докторъ!.. Вѣдь это займетъ всего только одну минуту... одинъ моментъ... И потомъ ѣхать туда уже слишкомъ поздно. Теперь безъ десяти четыре, а Лувръ закрывается въ четыре... Только одну минуточку, докторъ!

Злодѣй лишилъ насъ возможности увидѣть въ этотъ день безчисленныя сокровища Лувра и единственнымъ утѣшеніемъ для насъ было сознаніе, что и Фергесонъ не продалъ намъ ни одного шелковаго платья.

Я написалъ эту главу частью ради удовольствія обругать этого тонкаго плута, Бильфингера, а частью, чтобы показать, какъ плохо приходится американцамъ въ рукахъ парижскихъ проводниковъ, и что за люди эти парижскіе проводники. Я когда-нибудь опять пріѣду въ Парижъ во всеоружіи моей опытности и тогда, проводники, берегитесь!

Я думаю, что мы все-таки мало потратили времени даромъ въ Парижѣ. Домой возвращались мы поздно и ложились спать очень усталые. Мы, конечно, были и на всемірной выставкѣ. Мы отправились туда на третій день по пріѣздѣ въ Парижъ и пробыли тамъ почти два часа. Это былъ нашъ первый и послѣдній визитъ на выставку. Правду сказать, мы сразу поняли, что нужны недѣли, даже мѣсяцы для того, чтобъ осмотрѣть выставку, какъ слѣдуетъ. Это была удивительная выставка, но движущіяся массы народу всѣхъ націй, которыя мы тамъ видѣли, представляли еще болѣе удивительную выставку. Если бъ я пробылъ тамъ мѣсяцъ, я все-таки смотрѣлъ бы на людей, а не на неодушевленные предметы, находившіеся на выставкѣ: я было заинтересовался нѣкоторыми любопыт-

ными старыми обоями тринадцатаго вѣка, но въ это время прошла мимо группа арабовъ, и ихъ темныя лица и оригинальные костюмы сразу отвлекли мое вниманіе. Я любовался серебрянымъ лебедемъ, который плавалъ передъ нашими глазами, какъ живой, и наблюдалъ, какъ онъ хваталъ подъ водою серебряную рыбку, а затѣмъ поднималъ голову и проглатывалъ ее, но въ тотъ моментъ, какъ рыбка исчезала у него въ горлѣ, подошло нѣсколько татуированныхъ островитянъ, и я засмотрѣлся на нихъ. Затѣмъ я увидѣлъ револьверъ, которому было нѣсколько сотъ лѣтъ, но который былъ удивительно какъ похожъ на новѣйшіе револьверы Кольта; но какъ разъ въ это время я услышалъ, что въ другой части зданія находится французская императрица, и я поспѣшилъ туда, чтобы посмотрѣть, какова она изъ себя. Вдругъ мы услышали военную музыку, увидѣли проходившихъ массами солдатъ и спѣшившую куда-то публику. Мы спросили, въ чемъ дѣло, и узнали, что французскій императоръ и турецкій султанъ будутъ сейчасъ производить смотръ двадцатипятитысячному войску близъ арки „Звѣзды". Мы, конечно, тоже отправились туда.

Мы заняли мѣста противъ дома американскаго посланника. Какой-то спекуляторъ намостилъ на двухъ бочкахъ доски, и мы купили у него право стоять на доскахъ. Скоро раздались звуки отдаленной музыки; черезъ минуту столбъ пыли сталъ медленно приближаться къ намъ; еще минута,—и изъ пыли появился блестящій отрядъ кавалеріи съ разноцвѣтными значками, а за нимъ потянулась артиллерія; затѣмъ опять кавалерія въ великолѣпныхъ мундирахъ, а затѣмъ ихъ императорскія величества Наполеонъ III и Абдулъ Азисъ.

Наполеонъ былъ въ военной формѣ; онъ былъ довольно полный, коротконогій человѣкъ съ длинными усами, старый, сморщенный, съ полузакрытыми глазами, что не мѣшало ему, однакоже, отлично все видѣть. Наполеонъ слегка наклонялъ голову въ отвѣтъ на громкія привѣтствія толпы и внимательно слѣдилъ за всѣмъ и за всѣми своими кошачьими глазами изъ-подъ надвинутой на лобъ шляпы.

Абдулъ Азисъ,—типичный представитель Оттоманской имперіи, одѣтый по-европейски, въ сюртукѣ темно-зеленаго цвѣта, безъ всякихъ орденовъ и въ красной турецкой фескѣ на головѣ, — былъ коротенькій крѣпкій смуглый человѣкъ, съ черной бородой, черными глазами, глуповатый,—словомъ, человѣкъ, вся наружность котораго говорила, что будь у него въ рукѣ поварской ножъ и будь на немъ бѣлый фартукъ, никто, пожалуй, не удивился бы особенно, услышавъ отъ него: что прикажете подать сегодня на жаркое, можетъ-быть, баранины?

XIV.

Мы отправились осматривать соборъ Богоматери. Меня удивляетъ иногда, какъ много мы знаемъ, и какой мы образованный народъ. Мы сразу узнали по иллюстраціямъ эту темную старую громаду въ готическомъ стилѣ. Мы отошли немного подальше и съ разныхъ пунктовъ смотрѣли на его высокія четыреугольныя башни и на богатый фронтонъ, украшенный каменными изображеніями искалѣченныхъ святыхъ, которые уже цѣлые вѣка спокойно смотрѣли внизъ со своихъ мѣстъ. Тутъ во времена рыцарства и романтизма подъ ними стоялъ іерусалимскій патріархъ и проповѣдывалъ третій крестовый походъ больше чѣмъ шестьсотъ лѣтъ тому назадъ; а потомъ эти же поломанные съ разбитыми носами старики видѣли одѣтыхъ въ броню рыцарей, возвращающихся домой изъ Святой земли; они слышали надъ собою звонъ, возвѣщавшій о Варѳоломеевской ночи и видѣли слѣдовавшую затѣмъ рѣзню; потомъ они видѣли царство террора во времена революціи, коронацію обоихъ Наполеоновъ, того самаго принца, который царитъ теперь въ Тюильри и, кто знаетъ, можетъ-быть, они будутъ стоять здѣсь и при сверженіи династіи Наполеона и увидятъ знамена великой республики развѣвающимися на ея развалинахъ.

Говорятъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ соборъ Богоматери, во времена римлянъ, восемнадцать или двадцать вѣковъ тому назадъ, стоялъ языческій храмъ,—остатки его до сихъ поръ еще хранятся въ Парижѣ,—и что его замѣнила христіанская церковь, построенная 300 лѣтъ спустя по Р, Х.; ее замѣнила другая церковь, построенная въ 500 году, а закладка настоящаго собора состоялась лишь въ 1100 году по Р. Х. Этотъ соборъ построилъ герцогъ Бургундскій Іоаннъ Смѣлый, чтобъ успокоить свою совѣсть: онъ убилъ герцога Орлеанскаго.

Портикъ главнаго западнаго фронтона поддерживается четыреугольными столбами. Центральный столбъ былъ вынутъ въ 1852 году по случаю благодарственнаго молебствія по поводу возстановленія президентской власти; но затѣмъ взглядъ на это событіе очень скоро перемѣнился, и столбъ снова поставили на прежнее мѣсто.

Мы часа два бродили по большимъ придѣламъ собора, разсматривая цвѣтныя стекла въ окнахъ, украшенныя голубыми, желтыми и красными изображеніями святыхъ и мучениковъ и дѣлая видъ, что восхищаемся многочисленными большими кар-

тинами въ капеллахъ; затѣмъ насъ впустили въ ризницу и показали великолѣпныя облаченія, которыя надѣвалъ папа, когда короновалъ Наполеона I; безчисленное множество золотой и серебряной утвари, употребляемой въ торжественныхъ церковныхъ процессіяхъ; нѣсколько гвоздей изъ настоящаго креста Господня, частицу самаго креста, часть терноваго вѣнца. Мы уже видѣли большую частицу креста въ церкви на Азорскихъ островахъ, но гвоздей не видѣли. Намъ показали также окровавленное платье парижскаго архіепископа, который, подвергая опасности свою священную особу, не побоялся ярости инсургентовъ въ 1848 году и взошелъ на баррикады съ оливковою вѣтвью мира въ надеждѣ остановить рѣзню. Но его благородное стремленіе стоило ему жизни. Его убили наповалъ. Намъ показывали маску съ его лица, снятую послѣ его смерти, пулю, которая его убила, и два позвонка, въ которыхъ она застряла. Французскій народъ особенно любитъ всякія святыни. Фергесонъ разсказывалъ намъ, что серебряный крестъ, который этотъ архіепископъ носилъ на поясѣ, былъ съ него сорванъ и брошенъ въ Сену, гдѣ пролежалъ въ рѣчномъ илѣ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, а затѣмъ одному священнику явился во снѣ ангелъ и сказалъ, гдѣ слѣдуетъ нырнуть, чтобы достать крестъ; священникъ исполнилъ повелѣніе ангела, и теперь этотъ крестъ выставленъ въ соборѣ Богоматери для поклоненія вѣрующимъ.

Затѣмъ мы посѣтили моргъ, этотъ ужасный пріютъ для мертвецовъ, которые умираютъ таинственно и оставляютъ въ тайнѣ способъ своего исчезновенія. Мы стали у рѣшетки и окинули взглядомъ комнату, которая вся кругомъ была обвѣшана одеждой умершихъ: грубыя блузы, пропитанныя водой; тонкія платья женщинъ и дѣтей; запачканная кровью одежда людей состоятельныхъ; помятая и окровавленная шляпа. На покатомъ каменномъ ложѣ лежалъ одинъ утопленникъ, голый, распухшій, посинѣвшій, сжимая оторванную отъ куста вѣтку съ той нечеловѣческой силой, которая является у напуганнаго до смерти человѣка и которую ничто не можетъ побѣдить. При насъ, пока мы были въ моргѣ, приходили мужчины и женщины, нѣкоторые слегка заглядывали въ комнату, прислонялись лицомъ къ рѣшеткамъ; другіе безпечно взглядывали на тѣло и отворачивались разочарованные,—я думаю, что люди, жаждущіе сильныхъ ощущеній и регулярно посѣщающіе выставки морга, приходятъ туда такъ же, какъ другіе каждый вечеръ ходятъ смотрѣть театральное представленіе. И когда кто-нибудь изъ такихъ любителей заглядывалъ сюда, а потомъ проходилъ дальше, я невольно думалъ про себя:

„Ну, это не доставитъ вамъ никакого удовлетворенія, вамъ нужна цѣлая семья убитыхъ“.

Однажды вечеромъ мы отправились въ знаменитый Jardin Mabille, но пробыли тамъ недолго. Но такъ какъ намъ все-таки хотѣлось ознакомиться съ этой стороной парижской жизни, то мы на другой же день вечеромъ отправились въ другое такое же увеселительное мѣсто, въ большой садъ въ предмѣстьи Аньеръ. Мы проѣхали туда по желѣзной дорогѣ, заплатили за входъ по франку или по два съ человѣка и, вмѣстѣ съ прибывшей съ нами толпой молодежи обоего пола, вошли въ садъ и направились по извилистымъ тропинкамъ мимо цвѣточныхъ клумбъ. Вдругъ мы увидѣли какое-то большое зданіе съ куполомъ, а рядомъ съ нимъ большой красивый богато иллюминованный домъ, надъ крышей котораго развѣвался усѣянный звѣздами американскій флагъ.

— Вотъ такъ штука,—проговорилъ я.—Что же это значитъ?

Фергюсонъ сказалъ намъ, что хозяинъ этого учрежденія—американецъ изъ Нью-Йорка; онъ конкурировалъ съ Jardin Mabille.

Посѣтители обоихъ половъ и почти всѣхъ возрастовъ бродили по саду или же сидѣли за столиками, пили вино, кофе и курили. Танцы еще не начинались. Фергесонъ сказалъ намъ, что сначала будетъ представленіе. Знаменитый Блонденъ будетъ ходить по канату въ другой части сада. Мы отправились туда. Здѣсь освѣщеніе было меньше, и публика уже не разгуливала по саду, а стояла плотной массой. Вскорѣ появился и Блонденъ на натянутомъ канатѣ, высоко надъ цѣлымъ моремъ шапокъ и носовыхъ платковъ и при свѣтѣ сотни ракетъ, которыя съ трескомъ проносились мимо него вверхъ, онъ казался крошечнымъ насѣкомымъ. Онъ, балансируя своимъ шестомъ, прошелъ по всему канату, длиною футовъ въ двѣсти или въ триста; потомъ вернулся назадъ, взялъ человѣка и перенесъ его на другую сторону; затѣмъ дошелъ обратно до середины каната и проплясалъ джигъ; затѣмъ продѣлалъ нѣсколько гимнастическихъ упражненій, слишкомъ опасныхъ для того, чтобы представлять пріятное зрѣлище и, наконецъ, въ заключеніе прикрѣпилъ къ себѣ тысячу римскихъ свѣчей, вертящихся колесъ, змѣй и всякаго рода блестящія разноцвѣтныя ракеты, зажегъ ихъ всѣ сразу и прошелся, вальсируя, снова по своему канату при ослѣпительномъ сіяніи, освѣтившемъ садъ и лица публики, подобно сильному пожару въ полночь.

Начались танцы, и мы направились къ зданію съ куполомъ. Средину его занималъ буфетъ, а кругомъ шла широкая веранда для танцующихъ. Я прислонился къ стѣнѣ и сталъ смотрѣть. Составилось паръ двадцать, раздалась музыка и... я

закрылъ лицо руками отъ стыда,.. Но... я смотрѣлъ сквозь пальцы. Они танцовали канканъ. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы выставить себя на показъ, какъ можно больше, если вы женщина, и подбрасывать ноги какъ можно выше, все равно, къ какому бы полу вы ни принадлежали. Среди зрителей было не мало весьма почтенныхъ, пожилыхъ людей. Судя по всему, понятія французовъ о томъ, что нравственно и что безнравственно, не таковы, чтобъ ихъ могли шокировать такіе пустяки. Ничего подобнаго, думается мнѣ, не было видано на землѣ съ тѣхъ поръ, какъ дрожавшій отъ страха Томъ О'Шантеръ видѣлъ дьявола и вѣдьмъ во время ихъ оргіи въ бурную ночь въ старой заброшенной церкви.

Мы были въ Луврѣ и видѣли цѣлыя мили картинъ старинныхъ художниковъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были восхитительны, но въ то же время носили очевидные признаки раболѣпственнаго духа тѣхъ великихъ людей, благодаря чему осмотръ картинъ доставилъ намъ мало удовольствія. Ихъ гнусная лесть высокопоставленнымъ лицамъ сразу бросалась въ глаза и, конечно, приковывала вниманіе больше, чѣмъ прелесть красокъ и художественность исполненія. Благодарность за оказанныя благодѣянія—дѣло очень хорошее, но мнѣ кажется, что нѣкоторые художники заходили въ этомъ отношеніи такъ далеко, что она переставала быть благодарностью и становилась раболѣпствомъ. Но я перестану говорить объ этомъ, такъ какъ иначе могу сказать о старыхъ художникахъ что-нибудь такое, что было бы лучше не говорить.

Мы побывали, конечно, и въ Булонскомъ лѣсу, въ этомъ громадномъ паркѣ съ озерами, водопадами и широкими аллеями, по которымъ катились тысячи тысячъ всевозможныхъ экипажей и гдѣ всюду ключомъ била жизнь и царило веселье. Тамъ можно было видѣть и самую обыкновенную извозчичью карету, въ которой сидѣлъ отецъ семейства съ супругой и съ дѣтками, маленькія открытыя коляски, въ которыхъ катались знаменитыя дамы съ сомнительной репутаціей; тутъ же катались и прибывшіе изъ-за границы герцоги и герцогини съ великолѣпными лакеями на запяткахъ и такими же нарядными жокеями на запряженной цугомъ шестеркѣ лошадей; мы видѣли ливреи всѣхъ цвѣтовъ и голубыя съ серебромъ, и зеленыя съ золотомъ, и розовыя съ чернымъ и такія удивительно пестрыя и нарядныя, что у меня чуть-чуть не явилась мысль сдѣлаться и самому лакеемъ ради красивой ливреи.

Но затѣмъ вдругъ появился императоръ и затмилъ собою всѣхъ. Ему предшествовалъ отрядъ тѣлохранителей въ блестящихъ мундирахъ, на лошадяхъ, запряженныхъ въ его экипажъ.

сидѣли бравые жокеи тоже въ красивыхъ мундирахъ, а за экипажемъ слѣдовалъ другой отрядъ тѣлохранителей. Всѣ уступали ему дорогу и всѣ кланялись императору и его другу султану; они проѣхали легкой рысцой и скрылись.

Я не буду описывать Булонскаго лѣса. Я не могу этого сдѣлать. Это просто красивый громадный паркъ, который содержится въ удивительномъ порядкѣ. Въ паркѣ и до сихъ поръ существуетъ еще старый полуразвалившійся крестъ, который напоминаетъ, что это мѣсто было не всегда таково. Этотъ крестъ стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ четырнадцатомъ вѣкѣ былъ убитъ изъ засады одинъ знаменитый трубадуръ. Въ этомъ же самомъ паркѣ одинъ субъектъ съ неудобопроизносимой фамиліей покушался на жизнь русскаго императора прошлой весной. Пуля попала въ дерево, которое Фергесонъ показалъ намъ. Въ Америкѣ это интересное дерево было бы срублено или же просто позабыто самое большее черезъ пять лѣтъ, но здѣсь его хранятъ, какъ драгоцѣнность, и проводники будутъ показывать его посѣтителямъ въ теченіе восьмисотъ лѣтъ, а когда оно, наконецъ, свалится отъ дряхлости, на его мѣсто посадятъ другое и будутъ показывать и его точно такъ же. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы мы позаимствовали хоть немного у европейцевъ почтенія къ историческимъ памятникамъ.

XV.

Однимъ изъ пріятнѣйшихъ посѣщеній было посѣщеніе кладбища Пэръ-ла-Шэзъ, почетнаго мѣста упокоенія нѣкоторыхъ великихъ и лучшихъ людей Франціи, послѣдній пріютъ многихъ знаменитыхъ мужей и женъ, не носившихъ никакихъ титуловъ, а пріобрѣтшихъ славу своими трудами, своимъ геніемъ. Это кладбище—цѣлый городъ съ извилистыми улицами, миніатюрными мраморными храмами и дворцами умершихъ, сверкающими ослѣпительной бѣлизной среди зелени и свѣжихъ цвѣтовъ. Мы были также и въ старинной церкви Сэнъ-Дэни, гдѣ лежатъ распростертыя во всю длину на могилахъ мраморныя изваянія тридцати поколѣній королей и королевъ; старинное вооруженіе, старинные костюмы, безмятежно спокойныя лица, молитвенно сложенныя руки—отъ всего этого вѣяло сѣдой стариной. Довольно любопытно было стоять, если можно такъ выразиться лицомъ къ лицу, со старикомъ Дагоберомъ I, Хлодвигомъ и Карломъ Великимъ,—тѣми, которые отошли въ вѣчность тысячу лѣтъ тому назадъ! Я коснулся пальцемъ ихъ покрытыхъ пылью лицъ; Дагоберъ показался мнѣ мертвѣе,

чѣмъ тѣ шестнадцать вѣковъ, которые пронеслись надъ нимъ, Хлодвигъ спокойно спалъ послѣ своихъ кровавыхъ трудовъ во славу Христа, а старому Карлу Великому все еще грезились его паладины, кровавое побоище въ Роэнсвельской долинѣ и ни онъ ни остальные не обращали никакого вниманія на меня.

На кладбищѣ Пэръ-ла-Шэзъ сошлись люди, прославившіеся на самыхъ различныхъ поприщахъ. Тамъ погребены Даву и Массена, участвовавшіе въ многихъ сраженіяхъ, и тамъ же погребена знаменитая артистка Рашель. Тамъ почиваетъ аббатъ Сикаръ, первый учитель глухонѣмыхъ, человѣкъ, сердце котораго отзывалось на всякое несчастье и вся жизнь котораго была посвящена служенію несчастнымъ; а недалеко отъ него тихо и мирно лежитъ маршалъ Ней, бурный духъ котораго не признавалъ другой музыки, кромѣ сигналовъ, призывавшихъ къ бою. Человѣкъ, положившій начало газовому освѣщенію, и другой благодѣтель человѣчества, который первый ввелъ во Франціи употребленіе картофеля, лежатъ рядомъ съ принцемъ Массерано и изгнанными королевами и принцами далекой Индіи. Тутъ же погребены химикъ Гэй Люссакъ, астрономъ Лапласъ, докторъ Ларрей, адвокатъ де-Сэзъ, а вмѣстѣ съ ними Тальма, Беллини, Рубини, Бальзакъ, Бомарше, Бэранжэ, Мольеръ, Лафонтэнъ и десятки другихъ, имена и труды которыхъ такъ же извѣстны, какъ и занесенныя въ исторію дѣянія королей и принцевъ, покоящихся подъ мраморными сводами церкви Сэнъ-Дэни.

Но среди этихъ тысячъ могилъ на кладбищѣ Пэръ-ла-Шэзъ есть одна могила, мимо которой не пройдутъ ни одинъ мужчина, ни одна женщина, ни одинъ юноша, ни одна дѣвушка, не остановившись и не бросивъ на нее взгляда. Но изъ безчисленнаго множества бывающихъ тутъ людей едва ли даже одинъ изъ двадцати тысячъ знаетъ вѣрно исторію погребенныхъ тутъ людей. Эта могила Абеляра и Элоизы,—могила, которую больше почитаютъ, которая больше извѣстна, о которой больше писали въ теченіе цѣлыхъ семисотъ лѣтъ, чѣмъ о какой-нибудь другой христіанской могилѣ, кромѣ только гроба Господня. Всѣ посѣтители въ раздумьи останавливаются около нея; всѣ молодые люди уносятъ съ собой что-нибудь на память; всѣ парижскіе юноши и дѣвушки, разочарованные въ любви, приходятъ сюда погоревать и повздыхать; многіе неудачники въ любви идутъ сюда какъ на богомолье, даже изъ отдаленныхъ провинцій, чтобы тутъ излить свое горе и, кстати, украсить могилу иммортелями и полураспустившимися цвѣтами съ цѣлью вызвать къ себѣ сочувствіе чистыхъ душъ, погребенныхъ здѣсь.

Но кто изъ бывающихъ на этой могилѣ знаетъ настоящую исторію Абеляра и Элоизы? Очень немногіе. Мнѣ, хотя и съ большимъ трудомъ, удалось узнать эту исторію, и я передаю ее въ короткихъ словахъ, чтобы разсѣять ложное представленіе о ней.

Исторія Абеляра и Элоизы.

Элоиза родилась семьсотъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. У нея, вѣроятно, были родители, но о нихъ не упоминается ни слова. Бо́льшую часть своего дѣтства она провела въ монастырѣ въ Аржантейлѣ, а затѣмъ поселилась у своего дяди Фюльбэра, служившаго каноникомъ въ каѳедральномъ соборѣ; дядя выучилъ ее писать и говорить по-латыни, такъ какъ это былъ литературный языкъ высшаго общества того времени.

Какъ разъ въ это время въ Парижъ прибылъ Пьеръ Абеляръ съ цѣлью основать тамъ школу риторики. Его оригинальныя воззрѣнія, его краснорѣчіе, его удивительная физическая сила и красота производили глубокое впечатлѣніе. Онъ увидѣлъ Элоизу и плѣнился ея цвѣтущею молодостью, ея красотой и ея очаровательнымъ характеромъ. Онъ написалъ ей; она отвѣтила; онъ снова написалъ ей, она снова отвѣтила. Онъ влюбился, и у него явилось желаніе познакомиться съ нею, поговорить съ нею съ глазу на глазъ.

Его школа была недалеко отъ дома Фюльбэра. Онъ попросилъ у Фюльбэра позволенія бывать у него. Старикъ очень обрадовался, что его племянница, которую онъ такъ любилъ, будетъ поучаться у такого знаменитаго ученаго, и это ему не будетъ стоить ни одного цента,—старикъ былъ скуповатъ,—и онъ попросилъ Абеляра учить племянницу.

Абеляръ приходилъ часто и оставался подолгу. Одно изъ его писемъ съ первой же фразы доказываетъ, что онъ приходилъ подъ дружескую кровлю, какъ безсердечный негодяй съ обдуманнымъ намѣреніемъ развратить довѣрчивую невинную дѣвушку. Вотъ это письмо:

„Я не могу не удивляться простотѣ Фюльбэра: я былъ этимъ такъ же удивленъ, какъ если бы онъ отдалъ ягненка во власть голоднаго волка. Элоиза и я подъ предлогомъ занятій всецѣло отдавались любви, а уединенія, которыя ищетъ любовь, доставляли намъ занятія. Передъ нами лежали открытыя книги, но мы чаще говорили о любви, чѣмъ о философіи, и поцѣлуи слетали съ нашихъ устъ охотнѣе, чѣмъ слова“.

Итакъ, издѣваясь надъ довѣрчивостью старика, которая для него была лишь смѣшной „простотой“, этотъ безчеловѣчный Абеляръ обольстилъ племянницу человѣка, у котораго бывалъ въ гостяхъ. Парижъ узналъ объ этомъ. Фюльбэру не разъ го-

ворили объ этомъ, но онъ отказывался вѣрить. Онъ не могъ понять, какъ человѣкъ могъ быть развращенъ до такой степени, чтобы воспользоваться гостепріимствомъ, какъ средствомъ для совершенія такого преступленія. Но когда онъ услышалъ, какъ на улицахъ распѣвали пѣсенки про Абеляра и Элоизу, онъ убѣдился, наконецъ, что это правда, и выгналъ Абеляра изъ своего дома. Абеляръ увезъ Элоизу въ Палэ, въ Бретань, къ себѣ на родину, гдѣ вскорѣ послѣ того Элоиза родила сына, который за свою рѣдкую красоту былъ названъ Астролябомъ-Уильямсомъ-Джорджемъ. Бѣгство племянницы привело Фюльбэра въ ярость, и онъ жаждалъ мести, но боялся, что это можетъ огорчить Элоизу, потому что онъ все еще любилъ ее. Наконецъ Абеляръ изъявилъ желаніе жениться на Элоизѣ, но при условіи, чтобы бракъ оставался тайной для свѣта, чтобъ его духовная репутація могла оставаться неприкосновенной до конца, тогда какъ ея доброе имя оставалось бы запятнаннымъ попрежнему. Это было такъ похоже на этого негодяя. Фюльбэръ согласился. Онъ хотѣлъ, чтобъ они повѣнчались, а потомъ думалъ разгласить тайну и снять пятно позора со своей племянницы. Но племянница отгадала его намѣреніе и отказалась отъ брака; она сказала, что Фюльберъ обнаружитъ тайну, чтобы спасти ее, и, кромѣ того, она не хотѣла унижать своего возлюбленнаго, котораго ждала такая блестящая карьера. Это была благородная самоотверженная любовь, и она характеризовала чистоту души Элоизы, но въ ней не было здраваго смысла. Но ее уговорили повѣнчаться, и бракъ состоялся. Теперь наступила очередь Фюльбэра. Онъ торжественно объявилъ о бракѣ и радовался, что безчестіе снято съ его дома. Но — увы! — Абеляръ отрицалъ бракъ. Элоиза тоже отрицала его. Люди, знавшіе всѣ обстоятельства дѣла, могли бы повѣрить Фюльбэру, если бы фактъ брака отрицалъ одинъ только Абеляръ, но когда стала отрицать бракъ и сама Элоиза, т.-е. лицо, наиболѣе заинтересованное въ этомъ, всѣ только смѣялись надъ Фюльбэромъ.

Бѣдный каноникъ опять очутился въ безвыходномъ положеніи. Для него пропадала послѣдняя надежда поправить зло, причиненное его дому. Что же дальше? Человѣческая натура жаждетъ мести. И онъ отомстилъ. Историкъ говоритъ:

„Нанятые Фюльбэромъ злодѣи напали ночью на Абеляра и причинили ему самое тяжкое увѣчье, какое только мыслимо“.

Элоиза поступила въ монастырь и навсегда простилась съ міромъ и его удовольствіями. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ она ни разу не слышала объ Абелярѣ, не слышала даже его имени. Она сдѣлалась игуменьей въ Аржантэйлѣ и вела совершенно

замкнутую жизнь. Однажды ей случилось увидѣть написанное имъ письмо, въ которомъ онъ разсказывалъ свою собственную исторію. Она поплакала и, въ свою очередь, написала ему. Онъ отвѣтилъ, адресуясь къ ней, какъ къ „своей сестрѣ во Христѣ". И они продолжали переписываться; она изливала свое сердце въ страстныхъ, порывистыхъ словахъ, а онъ отвѣчалъ ей учеными разсужденіями со вступленіемъ, большими и малыми посылками и умозаключеніями. Она осыпала его самыми нѣжнѣйшими названіями, какія только можетъ придумать любовь, а онъ обращался къ ней съ сѣвернаго полюса своего ледяного сердца какъ къ „Христовой невѣстѣ". Безсовѣстная ледяная гора!

Вслѣдствіе слишкомъ слабаго надзора за монахинями послѣднія стали позволять себѣ разныя вольности, и аббатъ изъ Сенъ-Дэни закрылъ ея монастырь. Абеляръ въ это время былъ официальнымъ главой Сенъ Жильдасъ де Рюи; когда онъ услышалъ о томъ, въ какомъ положеніи очутилась Элоиза, въ груди его проснулось чувство сожалѣнія, и онъ помѣстилъ Элоизу и ея монахинь въ основанное имъ же убѣжище при монастырѣ. Сперва ей пришлось переносить много лишеній и страданій, но ея достоинства и кроткій нравъ привлекли пожертвованія со стороны людей, знавшихъ ее, и она построила большой богатый монастырь. Она сдѣлалась любимицей главенствующихъ лицъ церкви, а также и народа, хотя она и рѣдко появлялась среди людей. Въ то время, какъ она завоевывала себѣ положеніе въ обществѣ, Абеляръ падалъ все ниже и ниже. Папа такъ уважалъ ее, что сдѣлалъ ее главой ея ордена. Абеляръ, человѣкъ съ блестящими талантами, стоявшій въ ряду первыхъ ораторовъ того времени, сталъ робокъ, сталъ недовѣрчиво относиться къ своимъ силамъ и вообще клонился къ полному упадку. Въ одинъ прекрасный день ему велѣно было явиться на диспутъ со св. Бернаромъ въ присутствіи короля и принцевъ; когда его противникъ произнесъ свою рѣчь, наступила очередь Абеляра; онъ наскоро пробормоталъ обычное вступленіе, но дальше не могъ продолжать и смущенный опустился на свое мѣсто, признавая этимъ себя побѣжденнымъ.

Онъ умеръ всѣми забытый и былъ похороненъ въ Клюни въ 1144 г. по Р. Х. Впослѣдствіи его тѣло было перенесено въ Параклитъ, а когда умерла Элоиза, двадцать лѣтъ спустя, ее похоронили вмѣстѣ съ нимъ, согласно ея послѣдней волѣ. Онъ умеръ шестидесяти четырехъ лѣтъ, а она — шестидесяти трехъ. Черезъ триста лѣтъ ихъ тѣла перенесли въ другое мѣсто; затѣмъ въ 1800 году ихъ перенесли снова, а еще черезъ семнадцать лѣтъ послѣ того они были окончательно

уже перенесены на кладбище Пэръ-ля-Шэзъ, гдѣ и будутъ покоиться, пока не настанетъ для нихъ время снова быть вынутыми и перенесенными.

Такова исторія Абеляра и Элоизы. Такова исторія, надъ которой Ламартинъ пролилъ столько водопадовъ слезъ. Но этотъ человѣкъ никогда не могъ коснуться мало-мальски патетическаго сюжета, не выходя изъ береговъ. Такова эта исторія, если ее передать не такъ, какъ ее обыкновенно разсказываютъ, а такъ, какова она на самомъ дѣлѣ, если ее лишить приторной чувствительности, которая возводитъ въ герои лицъ, подобныхъ Пьеру Абеляру. Я не могу ни слова сказать противъ этой несчастной дѣвушки и не снялъ бы съ ея могилы ни одного изъ тѣхъ даровъ, которые юноши и дѣвушки посвящаютъ ея памяти, но я очень сожалѣю, что у меня нѣтъ ни времени ни возможности написать четыре или пять томовъ, чтобы высказать свое мнѣніе объ ея другѣ, основателѣ парашюта, или параклита, или чего-то въ этомъ родѣ.

Въ Парижѣ мы часто видѣли билетики съ надписью „English Spoken Here“ (здѣсь говорятъ по-англійски) на окнахъ магазиновъ, такъ какъ у насъ приклеиваютъ билетики „Ici on parle français“ (здѣсь говорятъ по-французски). Мы всегда устремлялись въ такіе магазины и неизмѣнно узнавали на безукоризненномъ французскомъ языкѣ, что приказчикъ, говорящій по-англійски, только что ушелъ обѣдать и вернется черезъ часъ. Мы удивлялись, почему эти господа-приказчики уходили обѣдать въ такое необычное время, а на самомъ дѣлѣ тутъ и удивляться было нечему: приказчиковъ такихъ въ магазинахъ не имѣлось вовсе, а билетъ наклеивался просто затѣмъ, чтобы такъ или иначе заманить къ себѣ иностранца. Потомъ намъ приходилось видѣть и другія такія же расчитанныя на обманъ объявленія: „Тутъ артистически приготовляютъ всякаго рода американскіе напитки“. Мы воспользовались услугами одного джентльмена, опытнаго въ номенклатурѣ американскихъ напитковъ, и отправились къ одному изъ этихъ обманщиковъ. Французъ, въ передникѣ, съ поклономъ выступилъ впередъ и сказалъ:

— Que voulez les messieurs (что вамъ угодно)?

Нашъ предводитель сказалъ:

— Мы хотимъ выпить виски à la minute.

Французъ вытаращилъ глаза.

— Ну, если вы не знаете, что это такое, тогда дайте намъ шампанское кокъ-тэль.

Французъ опять таращитъ глаза и пожимаетъ плечами.

— Ну, такъ дайте намъ шерри—кобблэръ.

Французъ приходитъ въ окончательное смущеніе.

— Дайте намъ брэнди по-американски.

Французъ началъ пятиться, пожимая плечами и недоумѣвающе разводя руками.

Предводитель послѣдовалъ за нимъ и одержалъ полную побѣду. Невоспитанный иностранецъ не могъ намъ подать ни пунша Санта-Круцъ, ни „бдительное око", ни „посошокъ", ни „землетрясеніе". Ясно, что онъ былъ обманщикъ.

Одинъ изъ моихъ знакомыхъ отправился взглянуть на смотръ войскъ на Марсовомъ полѣ и, тѣснимый со всѣхъ сторонъ окружавшей его толпой такихъ же, какъ онъ, любопытныхъ, вдругъ увидѣлъ впереди совершенно свободное пространство, обнесенное рѣшеткой. Онъ, не долго думая, пробрался туда и спокойно принялся слѣдить за тѣмъ, что творилось передъ его глазами на военномъ полѣ. Спустя немного времени раздались звуки музыки, а затѣмъ императоръ французскій и императоръ австрійскій, сопровождаемые конвоемъ тѣлохранителей, вступили въ огороженное пространство. Они, повидимому, не замѣтили моего знакомаго, но, по знаку командира тѣлохранителей, къ нему подошелъ молодой лейтенантъ съ нѣсколькими тѣлохранителями, отдалъ честь по-военному, а затѣмъ сказалъ, понизивъ голосъ, что ему очень жаль безпокоить иностранца и джентльмена, но мѣсто это предназначено исключительно для царствующихъ особъ. Американецъ извинился и сказалъ, что онъ этого не зналъ, а затѣмъ, сопровождаемый офицеромъ и тѣлохранителями, направился къ своему экипажу и, раскланявшись съ офицеромъ, уѣхалъ.

Представьте себѣ теперь, что какой-нибудь французъ осмѣлился бы по невѣдѣнію забраться у насъ въ Америкѣ на мѣста, отведенныя даже для самыхъ неважныхъ сановниковъ. На него сейчасъ же набросятся полицейскіе и, осыпая его проклятіями, прогонятъ пинками. Мы выше французовъ въ нѣкоторыхъ вещахъ, но зато они неизмѣримо выше насъ въ другихъ.

Теперь довольно о Парижѣ. Мы исполнили свой долгъ по отношенію къ нему. Мы видѣли Тюльери, наполеоновскую колонну, Маделэнъ, могилу Наполеона, всѣ главные церкви и музеи, библіотеки, императорскіе дворцы, картинныя галлереи, Пантеонъ, Ботаническій садъ, оперу, циркъ, законодательное собраніе, билліардныя, цырюльни..

Мы видѣли все и завтра отправляемся въ Версаль. Мы увидимъ Парижъ опять, но только не надолго, на обратномъ пути, и потому я уже теперь съ грустью посылаю этому городу мой прощальный привѣтъ. Мы проѣдемъ много тысячъ миль и по-

сѣтимъ много великихъ городовъ, но не увидимъ ни одного очаровательнѣе этого.

Нѣкоторые изъ насъ отправились въ Англію, намѣреваясь совершить круговое путешествіе и присоединиться къ намъ въ Ливорно или въ Неаполѣ черезъ нѣсколько недѣль. Мы собирались ѣхать въ Женеву, но затѣмъ рѣшили вернуться въ Марсель и проѣхать чрезъ Италію отъ Генуи.

XVI.

Версаль! Версаль удивительно красивъ! Вы смотрите, удивляетесь и стараетесь увѣрить себя, что это дѣйствительность, что вы на землѣ, а не въ садахъ Эдема. Версальскій дворецъ со своимъ безконечно длиннымъ фронтономъ, уходящимъ вдаль, кажется такимъ громаднымъ, что ему и конца не будетъ; передъ нимъ такая громадная площадь, что на ней могла бы парадировать вся французская армія; кругомъ всюду цвѣты и безчисленное множество колоссальныхъ статуй. Отъ площади къ темнымъ аллеямъ парка ведутъ широкія каменныя ступени лѣстницъ, такихъ широкихъ, что на нихъ могли бы стать цѣлые полки и еще осталось бы мѣсто; большіе фонтаны выбрасывали массы сверкавшей въ воздухѣ воды; густыя тѣнистыя аллеи, окаймленныя ковромъ зеленой травы, тянулись по всѣмъ направленіямъ; тамъ и сямъ виднѣлись озера, по зеркальной поверхности которыхъ скользили миніатюрные корабли. Всюду, на ступеняхъ дворца, на большой площади, вокругъ фонтановъ, подъ деревьями и подъ сводами безконечныхъ аллей бродили многія сотни людей, оживляя эту чудную картину и придавая ей еще болѣе живописный видъ.

Тутъ все грандіозныхъ размѣровъ. Статуи всѣ большія; дворецъ большой; паркъ занимаетъ пространство, равное цѣлому графству; аллеи безконечны. Всѣ разстоянія и всѣ размѣры въ Версалѣ громадны. Я привыкъ думать, что на картинахъ изображаютъ Версаль гораздо красивѣе, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, но теперь я знаю, что никакой художникъ не могъ бы представить его на полотнѣ такимъ красивымъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности. Я раньше думалъ, что со стороны Людовика XIV было очень дурно потратить двѣсти милліоновъ долларовъ на созданіе этого чудеснаго парка въ то время, когда многіе его подданные нуждались въ кускѣ хлѣба; но теперь я смотрю на это иначе. Онъ отвелъ подъ этотъ паркъ пространство въ шестьдесятъ миль въ окружности и

сталъ строить дворецъ и проводить дорогу отсюда до Парижа. Ежедневно тутъ работало 36.000 человѣкъ; работа эта дурно вліяла на здоровье рабочихъ, смертность среди нихъ была очень большая, и умершихъ каждую ночь увозили цѣлыми телѣгами. Жена одного дворянина того времени, упоминая объ этомъ обстоятельствѣ, пренаивно замѣчаетъ, что „на это не стоитъ, впрочемъ, обращать вниманіе при томъ счастливомъ состояніи спокойствія, которымъ мы теперь наслаждаемся".

Мы осмотрѣли громадный залъ, занятый произведеніями скульптуры, и сто пятьдесятъ картинныхъ галлерей во дворцѣ Версаля и нашли, что побывать въ такомъ мѣстѣ очень полезно, если имѣешь въ своемъ распоряженіи цѣлый годъ. Всѣ эти картины батальныя, и только одна единственная изъ всѣхъ картинъ трактуетъ о чемъ-то другомъ, кромѣ великихъ французскихъ побѣдъ. Итакъ, мы бродили по Большому Тріанону и Малому Тріанону, этимъ памятникамъ королевской расточительности, полныхъ воспоминаніями о Наполеонѣ I, трехъ умершихъ короляхъ и столькихъ же королевахъ. Всѣ они послѣдовательно спали на одной и той же пышной постели, но теперь на ней никто не спитъ. Въ большой столовой стоялъ столъ, за которымъ Людовикъ XIV и его фаворитка мадамъ де-Монтнонъ, а послѣ нихъ Людовикъ V и г-жа Помпадуръ обѣдали одни безъ постороннихъ свидѣтелей, потому что столъ стоялъ на трапѣ, который опускался вмѣстѣ съ нимъ внизъ, когда надо было мѣнять блюда. Въ одной изъ комнатъ Малаго Тріанона стояла мебель въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оставила ее несчастная Марія-Антуанетта, когда во дворецъ ворвалась толпа и потащила ее и короля въ Парижъ. Тутъ же, поблизости, стояли покрытые позолотой удивительные экипажи, которыми въ прежнее время пользовались французскіе короли въ торжественныхъ случаяхъ, а теперь употребляемые только при коронаціи или крещеніи наслѣдника престола. Тутъ же хранились изящной работы сани въ видѣ львовъ, лебедей, тигровъ и проч., нѣкогда украшенныя стильной живописью, теперь потрескавшейся и запыленной. Эти сани имѣли свою исторію. Людовикъ XIV, окончивъ постройку Большого Тріанона, сказалъ Монтенонъ, что онъ создалъ для нея рай земной, и спросилъ ее, не можетъ ли она придумать, чего въ немъ не хватаетъ, такъ какъ ему хотѣлось, чтобы Тріанонъ былъ полнымъ совершенствомъ. Она отвѣтила (это было лѣтомъ и въ благоухающей Франціи), что ей хотѣлось бы прокатиться въ саняхъ по тѣнистымъ аллеямъ Версаля! На слѣдующее утро цѣлыя мили аллей были покрыты толстымъ слоемъ соли и сахару и цѣлая вереница этихъ оригинальныхъ саней ожидала у

подъѣзда фаворитку самаго веселаго и безпринципнаго двора, какой Францiя когда-либо видѣла!

Изъ Версаля мы отправились обратно въ Парижъ и осматривали предмѣстье Сентъ-Антуанъ. Маленькiя узкiя улицы, запруженныя грязными дѣтьми и такими же грязными и неопрятными женщинами; грязныя берлоги подваловъ, занятыя тряпичниками, которымъ здѣсь всего больше дѣла; другiя такiя же берлоги торговцевъ поношеннымъ платьемъ, которое продавалось здѣсь по баснословно дешевымъ цѣнамъ. Такiя же грязныя берлоги торговцевъ бакалейными товарами. Здѣсь въ этихъ грязныхъ кривыхъ переулкахъ убиваютъ человѣка за семь долларовъ и затѣмъ тѣло его бросаютъ въ Сену. На всемъ протяженiи предмѣстья Сентъ-Антуанъ нужда, бѣдность, порокъ и преступленiе идутъ рука объ руку, и доказательства этого сами собой бросаются въ глаза всюду и вездѣ. Но теперь наступаетъ конецъ прежнему существованiю предмѣстья. Наполеонъ уничтожаетъ всѣ эти улицы и переулки и проводитъ бульвары, а мостовыя заливаетъ асфальтомъ.

XVII.

Мы снова совершили прiятную прогулку по морю. Прибывъ на пароходъ мы узнали, что три послѣднихъ вечера нашъ „Городъ квакеровъ“ былъ на военномъ положенiи. Въ первый же день вечеромъ матросы съ британскаго корабля, накачавшись грогомъ и прiйдя на набережную, вызвали нашихъ матросовъ на бой. Наши съ радостью приняли вызовъ и побѣдили; но такъ какъ и среди побѣдителей и среди побѣжденныхъ было не мало избитыхъ и окровавленныхъ воиновъ, всѣхъ такихъ забрала полицiя и отправила въ тюрьму до слѣдующаго утра. На другой день вечеромъ англiйскiе молодцы опять явились продолжать битву, но нашимъ людямъ строго-настрого было приказано не сходить съ парохода и даже не показываться англичанамъ. Англичане стали глумиться надъ нашими и кричали, что наши люди не идутъ изъ боязни быть побитыми; но такъ какъ наши все-таки не появлялись, англичане, въ концѣ-концовъ, осыпавъ нашихъ на прощанье градомъ всевозможныхъ ядовитыхъ насмѣшекъ, ушли. На третiй день они опять явились и кричали и насмѣхались надъ нашими еще ядовитѣе, чѣмъ наканунѣ. Это переполнило чашу терпѣнiя. Нашимъ разрѣшили выйти на берегъ со строгимъ наказомъ не вступать въ драку. Но наши, несмотря на приказанiе, напали на англичанъ и одержали блестящую побѣду. Я, вѣроятно,

не упомянулъ бы объ этой битвѣ, если бъ она кончилась иначе. Но я путешествую для того, чтобы поучаться и отлично помню, что въ Версальскихъ галлереяхъ не было ни одной картины, на котор й изображалось бы пораженіе французовъ.

Вступить на палубу нашего парохода для насъ было все равно, что вернуться домой. Къ сожалѣнію, далеко не вся наша семья была въ сборѣ... Маультъ былъ въ Англіи, Джэкъ—въ Швейцаріи, Чарли—въ Испаніи, Блэчеръ тоже уѣхалъ —и никто не могъ сказать куда. Въ назначенное по расписанію время показались берега Италіи, и мы рано утромъ, при свѣтѣ яркаго лѣтняго солнца, увидѣли какъ бы выступавшую передъ нами изъ моря Генную съ ея многочисленными дворцами

Населеніе Генуи состоитъ изъ 120.000 жителей, изъ которыхъ, по-моему, двѣ трети женщины и, по крайней мѣрѣ, двѣ трети изъ этихъ женщинъ красивы. Большинство барышень одѣты во все бѣлое и кажутся какъ бы окутанными бѣлымъ облакомъ, но многія носятъ и цвѣтные нарядные туалеты. Девять девятыхъ изъ нихъ не носятъ на головѣ ничего, кромѣ подобія покрывала изъ вуали, которая падаетъ вдоль спины, какъ бѣлый туманъ.

Лэди и джентльмены въ Генуѣ имѣютъ пріятное обыкновеніе прогуливаться отъ шести до девяти часовъ вечера въ большомъ паркѣ на вершинѣ холма, въ центрѣ города, а затѣмъ еще часъ или два проводятъ въ сосѣднемъ саду, гдѣ ѣдятъ мороженое. Мы отправились въ паркъ въ воскресенье вечеромъ. Тамъ было тысячи двѣ душъ народу, среди котораго преобладали молодыя дѣвушки и молодые люди. Мужчины были одѣты по самой послѣдней парижской модѣ, а платья дамъ мелькали среди деревьевъ, какъ хлопья снѣгу. Публика двигалась густой массой кругомъ парка. Оркестръ игралъ, фонтаны дѣйствовали, луна и газовые фонари освѣщали сцену, и все это, вмѣстѣ взятое, представляло блестящую и оживленную картину.

Никогда не курите итальянскаго табаку. Меня пробираетъ дрожь, какъ только я подумаю, что такое онъ изъ себя представляетъ. Тутъ нигдѣ нельзя бросить ни одного окурка сигары безъ того, чтобы какой-нибудь бродяга не набросился на него въ ту же минуту. Я люблю курить и курю много, но это оскорбляетъ мои чувства, когда я вижу одного изъ этихъ охотниковъ до окурковъ, жадными глазами наблюдающаго за мной изъ-за угла и высчитывающаго, сколько времени буду я еще курить мою сигару. Это напоминаетъ мнѣ того гробовщика въ Санъ-Франциско, который имѣлъ обыкновеніе прохаживаться съ часами въ рукахъ около одра кандидатовъ на

тотъ свѣтъ. Одинъ изъ этихъ собирателей окурковъ слѣдовалъ за нами вчера вечеромъ по всему парку, и мы хотя выкурили и много сигаръ, но все равно, что не курили. Мы каждый разъ старались вознаградить его за труды раньше, чѣмъ сигара была выкурена наполовину, потому что онъ смотрѣлъ на насъ такими жадными глазами. Онъ считалъ насъ, очевидно, своей законной добычей, потому что отгонялъ всѣхъ другихъ промышленниковъ, которые осмѣливались приближаться къ намъ. Они, должно-быть, крошатъ окурки, сушатъ и продаютъ ихъ какъ курительный табакъ. Поэтому старайтесь курить какой угодно другой табакъ, только не итальянскій.

„Восхитительная", „Городъ дворцовъ", вотъ прозвища, которыя установились за Генуей уже цѣлые вѣка. Въ ней и въ самомъ дѣлѣ множество дворцовъ, и дворцы эти внутри великолѣпны, но снаружи они не представляютъ ничего выдающагося въ архитектурномъ отношеніи. „Восхитительная Генуя" было бы удачнымъ прозвищемъ, если бъ это относилось къ женщинамъ.

Мы посѣтили нѣсколько дворцовъ, — громадныя зданія съ толстыми стѣнами, съ большими каменными лѣстницами, мраморными мозаичными полами, съ громадными залами, увѣшанными картинами Рубенса, Гвидо, Тиціана, Поля Веронеза и друг., а также портретами родоначальниковъ семьи въ украшенныхъ перьями шлемахъ, въ латахъ, и патриціанокъ въ удивительныхъ костюмахъ давно минувшихъ временъ. Владѣльцы дворцовъ, по обыкновенію, оказывались выбывшими на лѣто въ свои помѣстья и не могли попросить насъ отобѣдать у нихъ, что они, навѣрное, сдѣлали бы, если бъ они были дома; всѣ эти пустыя залы съ мрачными портретами умершихъ предковъ и изодранными знаменами, покрытыя пылью прошлыхъ вѣковъ, казалось, сами носили на себѣ отпечатокъ смерти и могилы, и мы какъ-то упали духомъ, и веселье покинуло насъ. Намъ всюду въ этихъ дворцахъ чудились привидѣнія. Въ каждомъ домѣ насъ сопровождалъ похожій на гробовщика слуга, который протягивалъ намъ каждый разъ списокъ картинъ той залы, въ которую мы входили, и затѣмъ стоялъ, молча, не улыбаясь, въ своей окаменѣлой позѣ, пока мы не изъявляли желанія двинуться дальше въ слѣдующую комнату, куда онъ шелъ грустно впереди, и гдѣ онъ опять стоялъ за нашей спиной въ той же самой позѣ.

Здѣсь, какъ и въ Парижѣ, у насъ былъ свой проводникъ. Да погибнутъ всѣ проводники. Этотъ проводникъ сказалъ намъ, что онъ лучше всѣхъ говоритъ по-англійски и что въ Генуѣ, кромѣ него, только двое еще могутъ говорить на этомъ языкѣ.

Онъ показалъ намъ мѣсто, гдѣ родился Христофоръ Колумбъ, но послѣ того, какъ мы въ томительномъ молчаніи простояли минутъ пятнадцать, онъ объявилъ намъ, что тутъ родился не Колумбъ, а бабушка Колумба! Когда мы потребовали у него объясненія этой странной выходки, онъ пожалъ плечами и отвѣтилъ намъ на непонятномъ итальянскомъ языкѣ.

Я давно не бывалъ такъ часто въ церкви, какъ въ послѣднія нѣсколько недѣль. Здѣсь народъ, повидимому, поставилъ себѣ за правило строить какъ можно больше церквей. Въ Генуѣ церкви отстоятъ одна отъ другой не больше, какъ въ трехстахъ или четырехстахъ ярдахъ. Улицы пестрѣютъ отъ одного конца до другого длинными шляпами, длинными сутанами духовныхъ лицъ, въ церквахъ колокола звонятъ дюжинами почти цѣлый день. Иногда пройдетъ мимо монахъ въ сѣрой рясѣ, съ бритой головой, опоясанный веревкой, съ четками, въ сандаліяхъ, а то и совсѣмъ босой. Эти почтенные монахи умерщвляютъ свою плоть и сокрушаются о своихъ грѣхахъ всю свою жизнь, но при этомъ всѣ они такіе сытые и гладкіе и нисколько не напоминаютъ людей, изнуряющихъ себя постомъ и молитвой.

Старинный соборъ Святого Лоренца почти такъ же замѣчателенъ, какъ и все, что мы видѣли въ Генуѣ. Онъ обширенъ и имѣетъ колоннады съ пилястрами, большой органъ, картины, стѣнную живопись и т. д. Я не могу описать всего этого подробно, потому что это заняло бы слишкомъ много страницъ, но еще разъ повторяю, что это очень любопытное сооруженіе. Говорятъ, что половина собора—отъ дверей до половины дороги къ алтарю—была еврейской синагогой еще раньше, чѣмъ родился Спаситель, и что съ той поры въ ней не было сдѣлано никакихъ измѣненій. Намъ, однакоже, плохо вѣрилось этому, и казалось, что соборъ построенъ гораздо позднѣе, что подтверждала и самая архитектура сооруженія.

Въ этомъ соборѣ особенно замѣчательна маленькая капелла св. Іоанна Крестителя. Женщинъ допускаютъ въ эту капеллу только одинъ разъ въ году, вслѣдствіе той ненависти, которую здѣсь все еще питаютъ къ женщинамъ, такъ какъ убійство Іоанна Крестителя произошло по винѣ Иродіады. Въ этой же часовнѣ есть мраморный гробъ, въ которомъ, какъ намъ сказали, покоятся мощи св. Іоанна, а кругомъ протянута цѣпь, которой онъ былъ закованъ, какъ говорятъ, когда былъ въ темницѣ. Мы не хотѣли не вѣрить этому, но въ то же время не могли и довѣрять этой легендѣ, частью потому, что мы могли бы свободно порвать эту цѣпь, а слѣдовательно это могъ бы сдѣлать также и Іоаннъ Креститель, а частью еще и

потому, что намъ уже показывали раньше мощи Іоанна Крестителя въ другой часовнѣ.

Намъ показывали также изображеніе Богоматери, писанное Св. Лукой, но краски на этой картинѣ нисколько не были тусклѣе, чѣмъ на любой изъ картинъ Рубенса. Мы не могли не восхититься скромностью апостола, который нигдѣ въ своихъ писаніяхъ не упоминаетъ о томъ, что онъ умѣлъ рисовать.

Въ каждой почти старинной церкви, въ которую мы входили, намъ показывали частицу настоящаго креста и нѣсколько штукъ гвоздей, которыми былъ пригвожденъ Спаситель. Я не стану этого утверждать, но мнѣ кажется, что мы перевидали этихъ гвоздей столько, что ими можно было бы набить цѣлый боченокъ. Потомъ тамъ есть еще терновый вѣнецъ; часть его имѣется въ капеллѣ въ Парижѣ, а затѣмъ еще часть изъ него же имѣется въ соборѣ Богоматери. Что касается костей св. Діонисія, то мы видѣли ихъ столько, что изъ нихъ въ случаѣ нужды можно было бы сложить два скелета.

Я хотѣлъ писать только о церквахъ, но уклонился отъ этого предмета. Я могъ бы сказать, что церковь Благовѣщенія— красивое зданіе съ колоннами, статуями, золочеными орнаментными украшеніями и безчисленнымъ множествомъ картинъ, но все это не даетъ яснаго представленія о самой церкви, а потому нѣтъ никакой надобности и говорить объ этомъ. Замѣчу только мимоходомъ, что церковь эту выстроила на свой собственный счетъ какая-то семья и не разорилась, что помоему болѣе всего удивительно.

Люди живутъ здѣсь въ массивныхъ мрачныхъ каменныхъ громадахъ. Почти всѣ эти дома имѣютъ сто футовъ по фасаду и сто футовъ въ вышину, но вамъ придется подняться на три марша по лѣстницѣ, прежде чѣмъ доберетесь до жилыхъ покоевъ.

Все здѣсь каменное и все массивное,—полы, лѣстницы, скамейки, словомъ все. Стѣны имѣютъ отъ четырехъ до пяти футовъ толщины. Улицы здѣсь узкія, четыре, пять и до восьми футовъ въ ширину и извилисты, какъ штопоръ. Вы идете по одному изъ такихъ мрачныхъ ущелій, поднимаете голову кверху и видите надъ своей головой узкую свѣтлую ленту неба между крышами высокихъ домовъ. Вы чувствуете себя какъ бы въ нѣдрахъ какой то ужасной пропасти, и вамъ кажется, что весь остальной міръ гдѣ-то такъ далеко вверху. Вы никакъ не можете убѣдить себя, что это дѣйствительно улицы, а эти хмурые, темные, ужасные дома — жилища, пока вы не увидите выходящей изъ одного изъ такихъ домовъ изящно одѣтой жен-

щины; а затѣмъ вы удивляетесь, какъ такая прелестная бабочка могла выпорхнуть изъ такого ужаснаго кокона.

Республики Генуя и Пиза были очень могущественны въ средніе вѣка. Множество принадлежавшихъ имъ судовъ плавало по Средиземному морю, и онѣ вели обширную торговлю съ Константинополемъ и Сиріей. Онѣ служили складочнымъ мѣстомъ для цѣнныхъ товаровъ, прибывавшихъ съ Востока и разсылавшихся затѣмъ по всей Европѣ. Населеніе этихъ маленькихъ республикъ было воинственное и не обращало въ тѣ времена вниманія на государства, которыя стали теперь велики и могущественны. Сарацины разгромили и разграбили Геную девятьсотъ лѣтъ тому назадъ, но въ слѣдующемъ затѣмъ столѣтіи Генуя и Пиза заключили оборонительный и наступательный союзъ и уже сами въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ осаждали колоніи сарацинъ въ Сардиніи и на Болеарскихъ островахъ. Наконецъ онѣ побѣдили и поровну раздѣлили свои завоеванія между своими главными патриціанскими семьями. Потомки нѣкоторыхъ изъ тѣхъ гордыхъ семействъ до сихъ поръ еще живутъ во дворцахъ Генуи, и въ ихъ чертахъ и по сіе время видно еще сходство съ угрюмыми рыцарями, портреты которыхъ висятъ въ ихъ пышныхъ залахъ, и съ разрисованными красавицами, румяныя губки и веселые глазки которыхъ много, много лѣтъ тому назадъ превратились въ тлѣнъ и прахъ.

Домъ, занимаемый отелемъ, въ которомъ мы живемъ, принадлежалъ во времена крестовыхъ походовъ одному изъ главнѣйшихъ рыцарскихъ орденовъ крестоносцевъ, и закованные въ латы рыцари нѣкогда стояли здѣсь настражѣ въ массивныхъ башняхъ и пробуждали эхо въ этихъ громадныхъ залахъ и коридорахъ своими желѣзными каблуками.

Но затѣмъ величіе Генуи пало, и торговля ограничилась бархатомъ и серебряными филиграновыми издѣліями... Говорятъ, что всякій европейскій городъ имѣетъ свою спеціальность. Филиграновыя издѣлія—спеціальность Генуи.

Мы намѣрены тронуться въ дальнѣйшій путь, хотя намъ еще и не надоѣло бродить по узкимъ уличкамъ этого стариннаго мраморнаго погреба. Погребъ—самое подходящее—когда говорятъ о томъ, какой видъ имѣетъ Генуя въ звѣздную ночь. Когда мы пробирались въ полночь по этимъ мрачнымъ ущельямъ, называемымъ улицами, гдѣ гулко раздавались наши шаги, такъ какъ только мы одни, очевидно, и бродили по нимъ въ такое время, гдѣ разставленные далеко одинъ отъ другого фонари появлялись только на одно мгновеніе и затѣмъ сейчасъ же исчезали въ таинственной дали, а высокіе дома, за кото-

рые мы только что не задѣвали локтями, казалось, поднимались къ небесамъ, мнѣ обыкновенно приходилъ на память одинъ погребъ у насъ дома, съ его высокими проходами, его тишиной, могильнымъ уединенiемъ, мерцающими тамъ и сямъ огоньками и съ его внезапно обнаруживавшимися развѣтвленiями и коридорами въ такихъ мѣстахъ, гдѣ мы этого всего меньше ожидали.

Послѣднимъ мы осматривали кладбище (разсчитанное на 60.000 человѣкъ), и мы будемъ вспоминать о немъ еще долго послѣ того, какъ забудемъ о дворцахъ... Это—большой мраморный коридоръ съ колоннами, простирающiйся кругомъ большого незастроеннаго квадрата земли; полъ въ немъ выложенъ мраморными плитами, и на каждой плитѣ надпись, потому что подъ каждой плитой кто-нибудь погребенъ. Съ каждой стороны, если спуститься на средину коридора, окажутся памятники, могилы и скульптурной работы фигуры, которыя гораздо прiятнѣе намъ, чѣмъ жалкiя и грязныя статуи, спасенныя отъ погрома древняго искусства и выставленныя въ парижскихъ художественныхъ галлереяхъ на поклоненiе всему мiру.

Мы ѣдемъ въ Миланъ.

XVIII.

Весь день мы провели въ горной странѣ, гдѣ вершины горъ сверкали на солнцѣ, а склоны холмовъ усѣяны хорошенькими виллами, окруженными садами и парками и гдѣ глубокiя ущелья казались такими прохладными и тѣнистыми и имѣютъ такой привлекательный видъ съ той высоты, гдѣ мы летѣли вмѣстѣ съ птицами, разрѣзая вверху знойный воздухъ.

Мы проѣзжали чрезъ множество прохладныхъ тоннелей и мы провѣрили длину одного изъ нихъ. Мы проѣхали его въ двадцать минутъ, идя со скоростью тридцати—тридцати пяти миль въ часъ.

По ту сторону Александрiи мы проѣхали чрезъ поле битвы Маренго.

Передъ вечеромъ мы уже подъѣзжали къ Милану и намъ сталъ уже виденъ городъ и синѣющiя за нимъ вершины горъ. Но насъ нисколько не интересовало это. Мы сгорали отъ нетерпѣнiя. Намъ не нужно было бы указывать, что это онъ... мы узнали бы его даже и въ великой пустынѣ Сахары.

Наконецъ цѣлый лѣсъ стройныхъ иглъ, освѣщенныхъ янтарными лучами заходящаго солнца, медленно поднялся надъ вершинами пигмеевъ-домовъ... Мы въ ту же минуту узнали его.

Половину того вечера и весь слѣдующій затѣмъ день мы не интересовались ничѣмъ другимъ, кромѣ этого великаго памятника зодчества.

Что это за чудо! Такой большой, такой величественный, такой обширный! И въ то же время такой изящный, такой воздушный, такой стройный! Колоссальная громада, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ кажется при мягкомъ лунномъ свѣтѣ только волшебнымъ узоромъ мороза, который можетъ исчезнуть отъ одного дуновенія! Какъ рѣзко выдѣлялись на небѣ острые шпицы и башни, и какъ красиво падала отъ нихъ тѣнь на его бѣлоснѣжную крышу! Это было видѣніе!.. чудо!.. Пѣснь Богу, воспѣтая камнемъ, поэма, высѣченная изъ мрамора!

Откуда бы вы ни смотрѣли на этотъ великій соборъ, отовсюду онъ былъ благороденъ и красивъ! Гдѣ бы вы ни стали не только въ Миланѣ, но даже и въ семи миляхъ отъ Милана, онъ виденъ, а когда онъ виденъ, никакой другой предметъ не можетъ приковать всецѣло ваше вниманіе. Дайте волю вашимъ глазамъ на минуту, и они, конечно, обратятся къ нему. Это первое, что вы ищете, когда встаете утромъ, и послѣднее, на чемъ остановится вашъ взглядъ вечеромъ.

Въ девять часовъ утра мы пошли и стали передъ этимъ мраморнымъ колоссомъ. Центральная изъ его пяти главныхъ дверей окаймлена мраморнымъ барельефомъ изъ птицъ, плодовъ, животныхъ и насѣкомыхъ такой тонкой работы, что они кажутся живыми, а фигуръ такъ много и рисунокъ такъ запутанъ, что его можно изучать цѣлую недѣлю съ одинаковымъ интересомъ. На большой колокольнѣ, поднимающейся надъ миріадой шпицовъ, внутри шпицовъ, надъ дверями, надъ окнами, въ уголкахъ и въ закоулкахъ, въ нишахъ и въ выступахъ,—всюду видишь мраморныя статуи, и каждая изъ этихъ статуй сама по себѣ достойна изученія! Рафаэль, Анджело, Канова,—всѣ эти гиганты потрудились надъ созданіемъ рисунковъ, а ихъ ученики высѣкали по этимъ рисункамъ изъ мрамора. Каждое лицо краснорѣчиво выразительно, каждая поза полна изящества и граціи. Тамъ, высоко, вверху на крышѣ, стоятъ рядомъ рѣзные шпицы, а сквозь ажурную работу этихъ шпицовъ видно небо. Среди этихъ шпицовъ, въ самомъ центрѣ, гордо возвышаются башни, колокольни, какъ громадныя мачты какого-нибудь большого океанскаго корабля надъ тонкими мачтами цѣлой флотиліи мелкихъ судовъ.

Намъ захотѣлось подняться наверхъ. Ризничій указалъ намъ на мраморную лѣстницу (лѣстница, само собой разумѣется, была мраморная, потому что тутъ строительнымъ матеріаломъ служилъ исключительно мраморъ) и сказалъ, чтобы мы под-

нялись на сто восемьдесятъ двѣ ступеньки и тамъ подождали его; но мы и безъ этого предупрежденія не пошли бы дальше, потому что страшно устали. Дальше была уже крыша, на которой стояли рядами шпицы, которые издали казались величиною не больше органныхъ трубъ, а на самомъ дѣлѣ были очень высоки. Теперь мы могли разсмотрѣть, что статуи, стоявшія на верхушкахъ шпицовъ, казавшіяся съ улицы величиною съ куклу, были въ дѣйствительности величиною съ взрослаго человѣка. Мы видѣли также, что внутри каждаго изъ этихъ сквозныхъ шпицовъ помѣщалось отъ шестнадцати до тридцати одной мраморной статуи, которыя смотрѣли оттуда внизъ на міръ Божій.

Мы спустились сверху и вошли въ соборъ. Внутри церкви шли длинные ряды колоннъ, стоявшихъ тутъ словно надгробные памятники, а на мозаичный полъ ложился нѣжный румянецъ отъ расписныхъ оконъ. Я зналъ, что соборъ очень великъ, но не могъ вполнѣ оцѣнить его громадныхъ размѣровъ, пока не замѣтилъ, что взрослые люди, стоявшіе далеко впереди у алтаря, казались мальчишками, которые скорѣе скользили, чѣмъ ходили. Мы бродили по собору, посматривая наверхъ, на громадныя стекла оконъ, на которыхъ яркими красками были изображены разные моменты изъ жизни Спасителя и Его учениковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ картинъ были изъ мозаики и такъ артистично исполнены изъ мелкихъ кусочковъ разноцвѣтнаго стекла или камня, что издали казались какъ бы рисованными красками. Мы насчитали въ одномъ окнѣ шестьдесятъ стеколъ, и каждое стекло было украшено однимъ изъ этихъ великихъ твореній генія и терпѣнія.

Проводникъ показалъ намъ кофейнаго цвѣта фигуру, приписываемую Фидію, такъ какъ казалось невозможнымъ, чтобы какой-нибудь другой художникъ, какой бы то ни было эпохи, могъ воспроизвести натуру съ такой безукоризненной точностью. Это была фигура человѣка безъ кожи; каждая вена, каждая артерія, каждый мускулъ, каждый фибръ, каждый хрящъ и даже самая ткань человѣческаго тѣла были исполнены съ поразительной отчетливостью. Человѣкъ, съ котораго содрали бы кожу, имѣлъ бы такой видъ, если бы только его вниманіе не было занято ничѣмъ другимъ. Это было нѣчто отвратительное, и въ то же время какъ-то притягивало къ себѣ. Я очень сожалѣю, что видѣлъ это, потому что теперь я всегда буду видѣть эту статую, которая иногда будетъ даже сниться мнѣ.

Такія вещи забываются не легко. Я и до сихъ поръ еще помню, какъ я однажды бѣжалъ изъ школы, будучи мальчи-

комъ, и затѣмъ, вернувшись поздно домой, пробрался чрезъ окно къ отцу въ кабинетъ и улегся спать тамъ на кушеткѣ, такъ какъ боялся, изъ страха наказанія, показаться кому-нибудь въ домѣ. Когда глаза мои освоились съ темнотой, мнѣ показалось, что я вижу какой-то длинный, темный, безформенный предметъ, распростертый на полу. Дрожь пробѣжала у меня по всему тѣлу. Я отвернулся лицомъ къ стѣнѣ. Я боялся, что это что-то подползетъ ко мнѣ и схватитъ меня въ потемкахъ. Я обернулся и нѣсколько минутъ, которыя показались мнѣ вѣчностью, смотрѣлъ на него. Мнѣ казалось, что луна движется очень медленно, и ея свѣтъ никогда не доберется до него. Я отвернулся къ стѣнѣ и сталъ считать до двадцати, чтобы какъ-нибудь провести мучительное для меня время. Потомъ я взглянулъ—свѣтлый четырехугольникъ былъ ближе. На полу лежала бѣлая человѣческая рука, освѣщенная луной! Сердце у меня страшно замерло! Черезъ минуту я видѣлъ уже блѣдное лицо человѣка съ опущенными углами рта и неподвижными стеклянными мертвыми глазами. Я привсталъ, сѣлъ и долго смотрѣлъ на это тѣло, а потомъ я ушелъ... Я не убѣжалъ, а просто ушелъ тѣмъ же самымъ путемъ чрезъ окно... Я не испугался, а только былъ сильно взволнованъ.

Когда я пришелъ домой, меня высѣкли, но я нисколько не огорчился, а даже обрадовался тому, что меня высѣкли. Этотъ человѣкъ былъ убитъ кѣмъ-то днемъ возлѣ дома моего отца, и его перенесли къ нему, чтобы показать доктору, но онъ прожилъ послѣ того всего только одинъ часъ. Съ тѣхъ поръ я часто спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ... во снѣ.

Теперь спустимся въ склепы подъ главнымъ алтаремъ Миланскаго собора и выслушаемъ трогательную проповѣдь изъ устъ, которыя сомкнулись уже триста лѣтъ тому назадъ.

Священникъ остановился у небольшой ниши и поднялъ выше свою свѣчу. Это было послѣднимъ мѣстомъ упокоенія хорошаго сердечнаго человѣка, посвятившаго всю свою жизнь на служеніе другимъ, человѣка, помогавшаго бѣднымъ, утѣшавшаго несчастныхъ, посѣщавшаго больныхъ. Память о немъ до сихъ поръ сохранилась такъ хорошо, что каждый легко могъ представить себѣ его добродушное лицо, когда онъ спокойно двигался по улицамъ Милана во время чумы.

Этотъ добродѣтельный человѣкъ былъ св. Карлъ Барромейскій, епископъ Миланскій. Народъ боготворилъ его; князья посылали ему щедрые дары для раздачи бѣднымъ. Мы стояли въ его могилѣ, гдѣ помѣщалась и самая рака, освѣщенная оплывавшими свѣчами. Стѣны были украшены барельефами изъ массивнаго серебра, изображавшими сцены изъ его жизни.

Священникъ надѣлъ короткое бѣлое платье съ позументомъ поверхъ своей черной сутаны, перекрестился благоговѣйно и медленно сталъ вертѣть винтъ. Крышка раздѣлилась на двѣ части въ длину, нижняя часть опустилась, и мы увидѣли гробъ изъ горнаго хрусталя, прозрачнаго, какъ воздухъ. Внутри лежало тѣло, облеченное въ драгоцѣнныя одежды, покрытое вышитымъ золотомъ покрываломъ и усѣянное сверкающими драгоцѣнными камнями. Голова почернѣла отъ времени, сухая кожа обрисовывала кости, глаза ввалились, на вискѣ и на щекѣ были впадины, а сухія губы какъ бы сложились въ ужасную улыбку! Надъ этимъ ужаснымъ лицомъ нависла тіара, густо усѣянная брилліантами, а на груди лежали крестъ и четки изъ золота, украшенные изумрудами и алмазами.

Какими бѣдными, какими дешевыми и тривіальными казались всѣ эти бездѣлушки въ присутствіи торжественности, величія, страшнаго величія смерти! Подумайте о Мильтонѣ, Шекспирѣ, Вашингтонѣ, украшенными стеклянными бусами, мѣдными серьгами и оловянными блестками дикарей пустыни!

Когда мы поднялись наверхъ, другой священникъ предложилъ намъ показать церковныя сокровища. Что еще такое? Вѣдь то золото, серебро и драгоцѣнные камни, которые мы видѣли тамъ въ склепѣ, стоятъ шесть милліоновъ франковъ, не считая работы. Мы прошли въ большую комнату, наполненную высокими деревянными шкапами. Священникъ отворилъ ихъ настежь, и мы увидѣли такую массу драгоцѣнныхъ металловъ, что все золото и серебро Невады показалось мнѣ чѣмъ-то совсѣмъ ничтожнымъ въ сравненіи съ этимъ. Тутъ были фигуры Богоматери и епископовъ, отлитыя изъ чистаго серебра больше чѣмъ въ натуральную величину; серебряные барельефы, вѣсившіе шестьсотъ фунтовъ; четки и кресты, подсвѣчники въ шесть и въ восемь футовъ высоты изъ чистаго золота, брилліанты и драгоцѣнные камни; чаши и вазы и многое множество другихъ драгоцѣнныхъ вещей. Это былъ дворецъ Алладина.

Священникъ показалъ намъ два перста апостола Павла, одинъ перстъ апостола Петра, кость Іуды Искаріотскаго (она была черная), а затѣмъ и кости всѣхъ остальныхъ учениковъ; убрусъ, на которомъ Спаситель оставилъ отпечатокъ Своего лика. Среди самыхъ драгоцѣннѣйшихъ святынь тутъ хранился камень отъ гроба Господня, часть терноваго вѣнца (цѣлый вѣнецъ былъ въ соборѣ Богоматери), лоскутокъ багряницы Спасителя, гвоздь отъ креста и образъ Пречистой Дѣвы съ Младенцемъ, нарисованный апостоломъ Лукой. Разъ въ годъ всѣ эти святыни носятъ въ процессіи по улицамъ Милана.

Соборъ имѣетъ пятьсотъ футовъ въ длину и сто восемь футовъ въ ширину, а главная его колокольня имѣетъ около четырехсотъ футовъ въ вышину. Въ немъ теперь 7.148 мраморныхъ статуй, но будетъ еще на три тысячи больше, когда онъ будетъ совсѣмъ оконченъ. На крышѣ—сто тридцать шесть шпилей, къ которымъ будетъ прибавленъ еще двадцать одинъ. Каждый изъ нихъ завершается статуей въ шесть съ половиной футовъ вышины. Все сдѣлано изъ мрамора изъ одной и той же каменоломни, пожертвованной для этого нѣсколько вѣковъ тому назадъ.

Говорятъ, что миланскій соборъ второй послѣ собора Св. Петра въ Римѣ. Но я не могу понять, какъ онъ можетъ быть вторымъ изъ того, что сдѣлано руками человѣческими.

XIX.

— Do you vis zo haut cau be?

Вотъ что спросилъ проводникъ, когда мы смотрѣли на бронзовыхъ лошадей на Аркѣ Мира. Это значило, угодно ли вамъ подняться наверхъ? Я привожу это, какъ образчикъ того англійскаго языка, на которомъ говорятъ проводники. Эти люди трещатъ безъ-умолку, но понимать ихъ стоитъ большого труда. Если бъ они ограничивались тѣмъ, что только показывали вамъ достойное вниманія, а затѣмъ отходили бы въ сторону и умолкали бы минутъ на десять, чтобы дать вамъ возможность сосредоточиться, тогда на нихъ нельзя было бы жаловаться. Но они положительно не даютъ думать ни о чемъ своей докучной болтовней.

Мы не пожелали лазать наверхъ и предпочли отправиться въ La scala, величайшій театръ въ мірѣ, какъ его, кажется, называютъ. Театръ дѣйствительно колоссальный, въ шесть ярусовъ, которые полукругомъ огибаютъ чудовищныхъ размѣровъ партеръ.

Потомъ у насъ явилось желаніе отправиться въ библіотеку Амвросія, и это желаніе осуществилось. Мы видѣли рукопись Виргилія съ помѣтками, сдѣланными рукою Петрарки, который любилъ жену другого, Лауру, и всю свою жизнь оставался вѣренъ этой любви. Это было чувство глубокое, но не разсудительное. Оно доставило славу имъ обоимъ и вызывало цѣлые фонтаны слезъ изъ глазъ чувствительныхъ людей, въ которыхъ, впрочемъ, нѣтъ недостатка еще и теперь. Но кто вспоминаетъ бѣднаго мистера Лаура? (Я не знаю его другого имени.) Кто прославляетъ его? Кто орошаетъ его слезами?

Кто пишетъ о немъ поэмы? Никто. Какъ вы полагаете, нравилось ли ему то положеніе дѣла, которое доставило міру столько наслажденій? Какъ онъ себя чувствовалъ, когда другой человѣкъ всюду слѣдовалъ за его женой и сдѣлалъ ея имя извѣстнымъ во всѣхъ пропахнувшихъ чеснокомъ устахъ въ Италіи своими сонетами? Они прославились, они вызывали къ себѣ всеобщее сочувствіе, а онъ остался въ тѣни, не добился ни того ни другого. Это особенно удачный примѣръ того, что называется поэтической справедливостью. По-моему, это слишкомъ односторонне, слишкомъ невеликодушно. Пусть міръ интересуется Лаурой и Петраркой, если хочетъ; но что касается меня,—я буду проливать свои слезы объ этомъ невоспѣтомъ мужѣ.

Мы видѣли также автографъ Лукреціи Борджіа, къ которой я всегда питалъ величайшее уваженіе, вслѣдствіе ея рѣдкихъ театральныхъ способностей, обилія у нея золоченыхъ деревянныхъ кубковъ, ея выдающагося опернаго таланта и легкости, съ какой она могла заказывать шестерныя похороны и доставать для нихъ готовыя тѣла. Мы видѣли одинъ грубый желтый волосъ съ головы Лукреціи. Его хранятъ, какъ величайшую и драгоцѣннѣйшую рѣдкость; поэтому я полагаю, что у нея былъ только одинъ желтый волосъ. Въ этой же самой библіотекѣ мы видѣли нѣсколько рисунковъ Мичель Энджело (итальянцы зовутъ его Микель Анджело) и Леонардо-да-Винчи. (Они пишутъ Винси, а произносятъ Винчи; иностранцы всегда пишутъ лучше, чѣмъ говорятъ).

Въ другомъ зданіи намъ показывали фрески, изображающія львовъ и другихъ звѣрей, запряженныхъ въ повозки; они до того выдавались изъ стѣны, что мы приняли ихъ за скульптуру. Художникъ еще болѣе усилилъ впечатлѣніе тѣмъ, что покрылъ спины звѣрей пылью (сдѣланной красками), какъ бы покрывшей ихъ естественнымъ путемъ. Ловкій малый, — если только можно называть ловкостью умѣніе обманывать иностранцевъ.

Еще гдѣ-то мы видѣли огромный римскій амфитеатръ съ хорошо сохранившимися каменными сидѣніями. Подновленный, онъ теперь представляетъ болѣе мирную сцену возрожденія, чѣмъ зрѣлище дикихъ звѣрей, обѣдающихъ христіанами. Миланцы, по словамъ проводника, пользуются этимъ сооруженіемъ для устройства конныхъ состязаній или же наполняютъ его водой и устраиваютъ здѣсь гонки лодокъ.

Въ другомъ мѣстѣ намъ показывали что-то въ родѣ лѣтней бесѣдки, обнесенной изгородью. Сначала намъ это показалось нестоящими вниманія пустяками, но затѣмъ, присмотрѣвшись,

мы увидѣли сквозь бесѣдку безконечныя аллеи, кусты и зеленую лужайку. Это опять оказалось обманомъ и было не что иное, какъ рисунокъ какого-то талантливаго художника, не имѣвшаго въ сердцѣ ни малѣйшей жалости къ усталой публикѣ. Иллюзія была полная. Никому и въ голову не могло бы прійти, что это былъ не настоящій паркъ. Въ первую минуту намъ даже казалось, что пахнетъ цвѣтами.

Въ сумеркахъ мы взяли коляску и отправились кататься по тѣнистымъ аллеямъ, а послѣ обѣда мы пили вино и ѣли мороженое въ прекрасномъ саду, гдѣ играла чудная музыка. Потомъ мы отправились въ кафэ и цѣлый часъ играли на билліардѣ, а затѣмъ долго гуляли по одной изъ главныхъ улицъ Милана.

Въ Миланѣ мы были въ общественныхъ баняхъ. Насъ хотѣли посадить всѣхъ троихъ въ одну ванну, но мы воспротивились и взяли три отдѣльныхъ большихъ ванны, какъ и подобало людямъ знатнымъ и богатымъ, имѣвшимъ къ тому же при себѣ порядочную сумму денегъ. Мы быстро раздѣлись, но, когда собрались мыться, оказалось, что нѣтъ мыла,—недостатокъ, который отравлялъ намъ жизнь въ столькихъ городахъ и деревняхъ Италіи и Франціи. Я позвалъ слугу. Мнѣ отвѣтила женщина, и я едва успѣлъ броситься къ двери, иначе она бы непремѣнно вошла. Я сказалъ:

— Берегитесь, женщина! Уходите прочь отсюда, — уходите прочь, или вамъ плохо будетъ! Я слабый мужчина, но я буду защищать мою честь до послѣдней капли крови!

Эти слова, должно-быть, испугали ее, потому что она сейчасъ же удалилась.

Вслѣдъ за тѣмъ раздался голосъ Дэна:

— Эй, принесите мыла, что же вы тамъ!

Отвѣтъ послѣдовалъ на италіанскомъ языкѣ. Дэнъ между тѣмъ продолжалъ кричать:

— Мыла, — понимаете, — мыла! Мнѣ нужно мыла! Мы-ла, мы-ла, мы-ла; м-ы-л-а, мыла! Скорѣе! Я не знаю, какъ вы, ирландцы, пишете это слово, но только мнѣ нужно мыла. Пишите, какъ хотите, но только принесите мыла. Я замерзаю.

Я слышалъ, какъ докторъ внушительно говорилъ:

— Дэнъ, сколько разъ мы повторяемъ вамъ, что эти иностранцы не понимаютъ по-англійски? Почему вы не скажете намъ, что вамъ надо, и не позволите намъ потребовать на туземномъ языкѣ? Это спасло бы насъ отъ множества униженій, которыя причиняетъ ваше невѣжество. Я обращусь къ этой личности на ея родномъ языкѣ: „Сюда, cospetto! Corpo di Bacca! sacramento! Solferino! Мыла! Дэнъ, если бы вы предоставили

намъ говорить за себя, вамъ никогда не пришлось бы обнаруживать своего невѣжества.

Но даже и этотъ обильный потокъ италіанскихъ словъ не заставилъ принести мыла сразу, впрочемъ, по весьма уважительной причинѣ: мыла не имѣлось въ баняхъ. Я думаю, что его тамъ никогда и не бывало. Они должны были посылать за нимъ далеко въ городъ и тамъ долго еще искать его въ разныхъ мѣстахъ, пока, наконецъ, раздобыли. Намъ пришлось ждать минутъ двадцать или тридцать. То же самое случилось и наканунѣ вечеромъ въ отелѣ. Мнѣ кажется, я знаю, почему это такъ происходитъ. Англичане умѣютъ путешествовать съ комфортомъ и возятъ мыло съ собой, а другіе иностранцы не употребляютъ его.

Въ каждомъ отелѣ, гдѣ бы мы ни останавливались, намъ всегда приходилось посылать за мыломъ въ послѣдній моментъ, когда мы спѣшили къ обѣду, и намъ ставили его въ счетъ вмѣстѣ со свѣчами и другими пустяками. Въ Марселѣ изготовляется половина всего того туземнаго мыла, которое мы истребляемъ въ Америкѣ, но зато сами марсельцы имѣютъ лишь смутное теоретическое понятіе объ его употребленіи, которое они заимствовали изъ разсказовъ о путешествіяхъ, такое же смутное понятіе они имѣютъ о чистыхъ рубашкахъ, о гориллахъ и о многихъ другихъ любопытныхъ вещахъ. Это напомнило мнѣ записку нашего бѣдняги Блэчера къ хозяину гостиницы въ Парижѣ:

Paris, le 7 Juillet.

„Monsieur хозяинъ,—сэръ: Pourquoi вы ne mettez немного savon въ ваши спальни? Est-ce que vous penssez, что я украду его? La nuit passèe, вы поставили мнѣ въ счетъ pour deux chandelles, когда у меня была только одна; nier vous avez поставили мнѣ въ счетъ avec glace, когда у меня его вовсе не было; tout les jours вы играете со мной какую-нибудь новую шутку, mais vous ne pouvez pas дважды надуть меня съ этимъ savon. Savon необходимо de la vie всякаго человѣка, кромѣ француза, et je l'aurai hors de cet hotel или сдѣлаю скандалъ. Вы меня понимаете?.. Allons.

Блэчеръ".

Я возражалъ противъ отправленія этой записки, потому что она казалась мнѣ такой запутанной, что хозяинъ гостиницы никогда не нашелъ бы въ ней ни начала ни конца; но Блэчеръ сказалъ, что ему кажется, что старикъ прочтетъ то, что написано, по-французски и угадаетъ остальное.

Французскій языкъ Блэчера довольно плохъ, но онъ не многимъ хуже англійскаго языка, который каждый день приходится

встрѣчать во всѣхъ объявленіяхъ въ Италіи. Для примѣра я могу сослаться на печатную карточку одного отеля, въ которомъ мы, можетъ-быть, остановимся на берегахъ озера Комо. А между тѣмъ при этомъ самомъ отелѣ имѣется маленькая красивая часовня, въ которой служитъ англійскій священникъ и говоритъ на англійскомъ языкѣ проповѣди для тѣхъ изъ посѣтителей, которые пріѣзжаютъ туда изъ Англіи и Америки; и этотъ фактъ упомянутъ въ этомъ самомъ объявленіи на такомъ же варварскомъ англійскомъ языкѣ. Почему бы, казалось, сочинителю этого безграмотнаго объявленія не дать просмотрѣть его англиканскому пастору прежде, чѣмъ посылать его печатать?

Здѣсь, въ Миланѣ, въ древней полуразвалившейся церкви, находятся жалкіе остатки самой знаменитой въ мірѣ картины „Тайная вечеря", — Леонардо-да-Винчи. Мы не причисляемъ себя къ непогрѣшимымъ знатокамъ въ живописи, но, конечно, отправились туда посмотрѣть эту удивительную живопись, которой восторгаются знатоки и которая навѣки останется памятной въ исторіи искусства. И первое, что случилось съ нами, это было объявленіе на ужасномъ англійскомъ языкѣ. Вотъ отрывокъ изъ него:

„Варѳоломей (это первая фигура по лѣвую руку отъ зрителя) задумался и сомнѣвается, что онъ думалъ, будто онъ слышалъ и что ему объ этомъ надо увѣриться самому отъ Христа, а не отъ другихъ".

Не правда ли, хорошо? А затѣмъ о Петрѣ сказано, что онъ „доказываетъ, угрожаетъ и сердится поступкомъ Іуды Искаріотскаго".

Это примѣчаніе опять напомнило мнѣ картину „Тайная вечеря", нарисованную на полуразрушенной стѣнѣ маленькой часовни, которая примыкала, повидимому, къ главной церкви въ древнія времена. Она вся исцарапана и избита по всѣмъ направленіямъ, покрыта пятнами и выцвѣла отъ времени, а кони Наполеона ободрали ноги у большей части апостоловъ, когда онѣ (лошади, а не апостолы) стояли тамъ болѣе полувѣка тому назадъ.

Я сразу узналъ эту старинную картину: Спаситель съ наклоненной головой сидѣлъ въ центрѣ длиннаго грубаго стола, а ученики, по шести съ каждой стороны, въ длинныхъ одеждахъ, разговариваютъ другъ съ другомъ, — я узналъ картину, съ которой въ теченіе трехъ столѣтій дѣлаются всѣ гравюры и всѣ копіи. Возможно, что никому даже и въ голову не приходило, что можно было бы попытаться изобразить „Тайную вечерю" какъ-нибудь иначе. Міръ какъ будто убѣдился уже

давно, что невозможно для человѣческаго генія превзойти это высокое твореніе да-Винчи. Я думаю, что художники будутъ снимать съ нея копіи до тѣхъ поръ, пока отъ оригинала будетъ оставаться хоть что-нибудь видимое для глазъ. Въ комнатѣ стояло двѣнадцать мольбертовъ и столько же художниковъ, переносящихъ великую картину на свои полотна. Кругомъ было разбросано штукъ пятьдесятъ рѣзныхъ досокъ для гравюръ и литографій. И, какъ обыкновенно, я не могъ не замѣтить, насколько копіи были лучше оригинала, т.-е. на мой неопытный взглядъ. Гдѣ бы вамъ ни пришлось видѣть Рафаэля, Рубенса, Микель Анджело, Караччи или Леонардо-да-Винчи (а мы видимъ ихъ каждый день), вы всегда увидите художниковъ, снимающихъ съ нихъ копіи, и эти копіи всегда кажутся красивѣе оригиналовъ. Оригиналы, нѣтъ сомнѣнія, были красивы, когда они были новы, но теперь они не новы.

Картина, на мой взглядъ, имѣетъ около тридцати футовъ въ длину и десять или двѣнадцать въ вышину, а фигуры исполнены по меньшей мѣрѣ въ натуральную величину. Это одна изъ величайшихъ картинъ въ Европѣ.

Краски потускнѣли отъ времени; лица потрескались и испачкались, и съ нихъ сошло почти всякое выраженіе; волосы кажутся пятнами на стѣнѣ, а въ глазахъ нѣтъ жизни. Остались, конечно, только позы.

Народъ стекается сюда со всѣхъ частей свѣта и прославляютъ это образцовое произведеніе. Всѣ останавливаются въ оцепенѣніи передъ нимъ, съ прерывистымъ дыханіемъ и полуоткрытыми отъ изумленія устами, а когда они говорятъ, то слышны только одни восторженныя восклицанія: „Чудесно! Сколько выраженія! Какое изящество въ позахъ! Какъ все удивительно вѣрно изображено! Какія удивительныя краски! Сколько чувства! Какая нѣжная кисть! Какая великая мысль! Восторгъ! Мечта!“

Я могу только завидовать этимъ людямъ; я завидую ихъ чистосердечному восхищенію, если оно искренно, ихъ наслажденію, если они дѣйствительно испытываютъ наслажденіе. Я не питаю къ нимъ затаенной злобы, но мнѣ невольно приходитъ въ голову мысль, какъ это они могутъ видѣть то, чего не видно? Что бы вы подумали о человѣкѣ, который смотрѣлъ бы на какую-нибудь разрушенную, слѣпую, беззубую, испорченную оспой Клеопатру и говорилъ: „Какая удивительная красавица! Сколько въ ней души! Какое выраженіе!“ Что бы подумали вы о человѣкѣ, который, глядя на мрачный, туманный закатъ, говорилъ бы: „Какое совершенство! Какое чувство! Какія богатыя краски!“—Что подумали бы вы о человѣкѣ, ко-

торый, глядя на оставшіеся послѣ вырубки пни, говорилъ бы: „Какой чудесный лѣсъ!“

Вы подумали бы, что всѣ эти люди обладаютъ удивительной способностью видѣть то, что было когда-то давно. Вотъ, что я думалъ, когда стоялъ передъ картиной „Тайной вечери“ и слушалъ, какъ кругомъ меня восхищались свѣжестью и колоритностью красокъ, которыя поблекли и исчезли съ картины за сто лѣтъ до нашего появленія на свѣтъ. Мы можемъ вообразить себѣ, глядя на старое лицо, какъ оно было красиво въ молодости; мы можемъ представить себѣ, какой былъ лѣсъ, глядя на оставшіеся пни; но мы не можемъ ничего вообразить себѣ тамъ, гдѣ ничего не осталось; я хочу вѣрить, что глазъ опытнаго художника можетъ, глядя на остатки картины „Тайной вечери“, возстановить блескъ тамъ, гдѣ остался только одинъ намекъ отъ него, возстановить краски, которыя поблекли, возстановить исчезнувшее выраженіе и дойти, наконецъ, до того, что всѣ фигуры встанутъ передъ нимъ въ полномъ блескѣ жизни, чувства, свѣжести, конечно, со всей своей благородной красотой, какая была, когда онѣ только что вышли изъ-подъ кисти художника, я не могу совершить такого чуда и не знаю, могутъ ли сдѣлать это другіе посѣтители, или же они только воображаютъ себѣ, что они въ состояніи сдѣлать это?

Послѣ того, какъ я такъ много читалъ объ этой картинкѣ, я все-таки очень радъ, что „Тайная вечеря“ нѣкогда была чудомъ искусства. Но это было триста лѣтъ тому назадъ.

Меня раздражаетъ, когда я слышу, какъ при мнѣ люди такъ авторитетно выражаютъ свое мнѣніе о характерѣ изображенныхъ на картинѣ лицъ, употребляя при этомъ легко запоминаемыя техническія выраженія. Это напоминаетъ мнѣ разсказъ о томъ, какъ актеръ Матеюсъ утверждалъ что по выраженію лица человѣка можно угадать, что происходитъ у него на душѣ.

— Ну,—сказалъ онъ,—взгляните теперь на меня! Что выражаетъ мое лицо?

— Отчаяніе!

— Ба! Оно выражаетъ тихую покорность судьбѣ! А теперь что оно выражаетъ?

— Ярость!

— Ошиблись! Оно выражаетъ ужасъ. А теперь?

— Глупость!

— Дуракъ! Это сдержанная свирѣпость! А теперь?

— Радость!

— Проклятіе! Всякій оселъ можетъ видѣть, что это выражаетъ безуміе!

Дня два тому назадъ мнѣ пришлось слышать бесѣду двухъ извѣстныхъ критиковъ о картинѣ Мурильо „Зачатіе“. Одинъ изъ нихъ говорилъ:

— О, восторженный ликъ Пресвятой Дѣвы преисполненъ неземной радости!

Другой говорилъ:

— Это чудесное лицо такъ покорно, въ немъ столько смиренія и кротости: оно какъ бы говоритъ: „Я боюсь, Я трепещу; Я недостойна. Но да будетъ воля Твоя; дай силы рабѣ Твоей“!

Эту картину можно видѣть во всякой гостиной; ее легко узнать: Пресвятая Дѣва (единственно молодая и дѣйствительно красивая Дѣва, которую когда-либо изображалъ кто изъ старыхъ художниковъ, какъ думаютъ нѣкоторые) опирается ногами на возрождающійся мѣсяцъ; ее окружаетъ множество херувимовъ; руки Ея скрещены на груди, а на Ея поднятое вверхъ лицо падаетъ сіяніе съ неба. Читатель можетъ, если ему угодно, доставить себѣ удовольствіе провѣрить, который изъ этихъ критиковъ опредѣлилъ вѣрно „выраженіе“ Пресвятой Дѣвы, или же они ошибались оба.

Всякій, кто знакомъ съ картинами старыхъ художниковъ, пойметъ, насколько пострадала „Тайная вечеря“, когда я скажу, что зритель не можетъ съ увѣренностью сказать, кто были апостолы, евреи или италіанцы. Древніе художники никогда не могли отрѣшиться отъ своей національности. Италіанскіе художники рисовали италіанскихъ Мадоннъ, голландскіе—голландскихъ, французскіе—французскихъ, но ни одинъ изъ нихъ никогда не вложилъ въ лицо Мадонны того, чего-то неуловимаго, что выдаетъ еврейку, гдѣ бы вы ни увидали ее,—въ Нью-Йоркѣ, въ Константинополѣ, въ Парижѣ, въ Іерусалимѣ или въ Марокко. Мнѣ пришлось видѣть на Сандвичевыхъ островахъ рисованную однимъ талантливымъ нѣмецкимъ художникомъ копію съ гравюры изъ одной изъ извѣстныхъ американскихъ газетъ. Это была аллегорія, представляющая м-ра Дэвиса, подписывающаго какой-то важный документъ. Надъ нимъ виталъ призракъ Вашингтона, а на заднемъ планѣ виднѣлся отрядъ призраковъ-солдатъ въ американской формѣ, которые безъ сапогъ, съ перевязанными ногами, прыгали по снѣгу во время метели. Разсматривая эту картину, я сдѣлалъ открытіе, что всѣ призрачные солдаты были нѣмцы! Джефферсонъ Дэвисъ былъ тоже нѣмецъ! Даже нарисованное вверху привидѣніе было привидѣніе нѣмца! Художникъ безсознательно изобразилъ свою національность на картинѣ. Меня, сказать правду, сильно смущало изображеніе Іоанна Крестителя. Во Франціи

я окончательно помирился съ тѣмъ, что онъ французъ; здѣсь онъ безспорно италіанецъ. Что же будетъ дальше? Можетъ-быть, въ Мадридѣ онъ окажется испанцемъ, а въ Дублинѣ ирландцемъ?

Мы взяли открытый экипажъ и поѣхали за двѣ мили отъ Милана „посмотрѣть эхо", какъ выразился нашъ проводникъ. Мы подъѣхали къ стариннымъ развалинамъ носившимъ названіе „Palazzo Simonetto",—массивное каменное зданіе, въ которомъ проживала семья оборванныхъ итальянцевъ. Красивая молодая дѣвушка подвела насъ къ окну второго этажа, которое выходило на дворъ, окруженный съ трехъ сторонъ высокими зданіями. Она высунула голову изъ окна и крикнула. Эхо повторило ея крикъ безчисленное множество разъ. Она взяла рупоръ и крикнула въ него рѣзко и громко:

— Ха!—эхо повторило.

— Ха-ха! ха! ха! ха!-ха! ха! х-а-а-а-а! и наконецъ перешло въ судорожный веселый смѣхъ, какой только можно себѣ представить. Это было такъ весело... такъ долго продолжалось... такъ чистосердечно и искренно, что всякій невольно начиналъ хохотать и самъ.

Затѣмъ дѣвушка взяла ружье и выстрѣлила. Мы стали было считать отголоски эхо, отличая точками въ записной книжкѣ, но эхо опередило насъ... Я все-таки успѣлъ отмѣтить пятьдесятъ два ясныхъ отраженія звука выстрѣла, а докторъ сдѣлалъ даже шестьдесятъ четыре отмѣтки. Очень возможно, что это самое замѣчательное эхо въ мірѣ.

Докторъ шутя предложилъ поцѣловать молодую дѣвушку и смущенный отступилъ немного, когда она сказала, что онъ можетъ это сдѣлать за одинъ франкъ! Простая вѣжливость принудила его исполнить свое намѣреніе, итакъ, онъ заплатилъ франкъ и поцѣловалъ ее. Она оказалась философомъ и совершенно спокойно сказала, что франкъ—хорошая вещь, а о такихъ пустякахъ, какъ поцѣлуй, не стоитъ и говорить, потому что у нея остался въ запасѣ еще цѣлый милліонъ поцѣлуевъ. Тогда нашъ товарищъ, человѣкъ очень находчивый, предложилъ забрать у нея весь запасъ въ теченіе мѣсяца, но задуманная имъ маленькая финансовая операція потерпѣла неудачу.

XX.

Мы уѣхали изъ Милана по желѣзной дорогѣ. Позади насъ, миляхъ въ шести или въ семи, остался соборъ, а передъ нами, миляхъ въ двадцати, высились большія, задумчивыя,

одѣтыя снѣгомъ горы. Это мы видѣли въ окна, а въ самомъ вагонѣ мы могли любоваться карликомъ съ чудовищной головой и усатой женщиной. Оба они, однакоже, не принадлежали къ числу рѣдкостей, показываемыхъ въ балаганахъ. Уродство и бородатыя женщины слишкомъ обычное явленіе въ Италіи, чтобъ обращать на это вниманіе.

Мы проѣзжали черезъ ряды дикихъ, живописныхъ, остроконечныхъ, лѣсистыхъ холмовъ и видѣли стоявшіе тамъ и сямъ на возвышенностяхъ полуразвалившіеся замки. Мы позавтракали въ интересномъ старинномъ городѣ Комо, расположенномъ у самаго озера, а затѣмъ сѣли на маленькій пароходъ и совершили пріятную послѣобѣденную прогулку въ Бэлладжіо.

Когда мы вышли на берегъ, нѣсколько полицейскихъ (они въ шляпахъ и въ такихъ нарядныхъ мундирахъ, которые пристыдили бы самый красивый мундиръ въ Соединенныхъ Штатахъ) отвели насъ въ маленькую каменную темную келейку, въ которой не было ни оконъ ни вентиляціи, въ которой было тѣсно и жарко, — и тамъ заперли. Это была въ своемъ родѣ Черная Яма Калькутты въ маленькомъ размѣрѣ. Вдругъ у насъ изъ-подъ ногъ поднялся паръ, распространявшій ужасное зловоніе. Мы пробыли тамъ пять минутъ, а когда вышли, то трудно было бы сказать, кто изъ насъ унесъ худшій запахъ. Они называютъ это „окуриваніемъ“ и продѣлываютъ это для того, чтобы предохранить себя отъ холеры, хотя мы и не были ни въ одной холерной мѣстности и все время оставляли холеру далеко за собой.

Нашъ отель стоитъ у самой воды, по крайней мѣрѣ, къ ней примыкаетъ садъ, и мы гуляемъ въ сумерки и куримъ; мы смотримъ на отдаленную Швейцарію и Альпы и чувствуемъ лѣнивое желаніе не видѣть ихъ ближе; мы спускаемся внизъ по ступенькамъ и плаваемъ въ озерѣ; мы беремъ маленькую лодочку и ѣдемъ на парусахъ среди отражающихся въ водѣ звѣздъ; слушаемъ отдаленный смѣхъ, пѣніе, нѣжную мелодію флейты и гитары, которая доносится по водѣ съ красивыхъ гондолъ, потомъ мы играемъ на билліардѣ, затѣмъ въ полночь ужинаемъ и отправляемся посидѣть и покурить на узенькой террасѣ, съ которой открывается видъ на озеро и на горы, а затѣмъ отправляемся спать. Утромъ завтракъ, а затѣмъ озеро. Вчера оно мнѣ не понравилось. Мнѣ казалось, что наше озеро Тэхо красивѣе. Теперь я долженъ сознаться, что мое мнѣніе было ошибочно. Я всегда представлялъ себѣ, что Комо—это большой бассейнъ воды, какъ Тэхо, закрытый высокими горами. Озеро, правда, окружено горами, но оно извилисто, какъ ручей, и шириною только отъ четверти до

двухъ третей нашей Миссисипи. Ни на одной его сторонъ нѣтъ ни одного ярда низменностей, ничего, кромѣ безконечныхъ цѣпей горъ, которыя круто поднимаются у самой воды на высоту отъ тысячи до двухъ тысячъ футовъ. Ихъ утесистые склоны покрыты растительностью и повсюду бѣлыми пятнами выглядываютъ дома, построенные даже на острыхъ уступахъ на высотѣ тысячи футовъ надъ вашей головой.

Вдоль береговъ на цѣлыя мили тянутся, окруженныя садами и рощами, усадьбы, стоящія у самой воды, иногда въ созданныхъ природою уголкахъ, не имѣя другого способа сообщенія, какъ на лодкахъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ прямо изъ воды поднимаются широкія каменныя лѣстницы съ тяжелыми каменными балюстрадами, украшенными статуями и фантастически убранными вьющимся виноградомъ и яркими цвѣтами.

Самой главной чертой привлекательности Комо является множество красивыхъ домовъ и садовъ, раскинувшихся по его берегамъ и на склонахъ горъ. Они имѣютъ такой уютный, домашній видъ, а вечеромъ, когда все какъ бы погружено въ дремоту, и по водѣ доносится только звонъ церковныхъ колоколовъ, можно подумать, что нигдѣ, кромѣ озера Комо, нельзя найти такого райскаго уголка для отдыха.

Изъ моего окна, здѣсь, въ Бэлладжіо, открывается видъ на другую сторону озера, и этотъ видъ красивъ, какъ на картинѣ. Неровный, изрытый морщинами обрывъ поднимается на высоту тысячи восьмисотъ футовъ; на узкомъ уступѣ, на полдорогѣ, стоитъ небольшая бѣлоснѣжная церковь, которая мнѣ кажется такой маленькой, маленькой; подножье утеса окаймляетъ сотня померанцевыхъ рощицъ и садовъ, между которыми, какъ бѣлыя пятна, мелькаютъ потонувшіе въ нихъ дома; прямо передо мной на водѣ колыхаются три или четыре гондолы, а въ блестящемъ зеркалѣ озера гора, часовня, дома, рощи и лодки отражаются такъ ярко и такъ ясно, что трудно угадать, гдѣ кончается дѣйствительность и начинается отраженіе!

Рамки этой картины очаровательны. На разстояніи мили отсюда въ озеро вдается окруженная рощами возвышенность и отражается въ синей глубинѣ; въ срединѣ теченія лодка скользитъ по сверкающей поверхности и оставляетъ за собой длинный слѣдъ, какъ лучъ свѣта; горы окутаны пурпурной дымкой; далеко на противоположной сторонѣ виднѣется масса крышъ, зеленыхъ вершинъ и долинъ, и тутъ разстояніе придаетъ виду что-то чарующее, потому что на этомъ холстѣ солнце, облака и удивительная атмосфера слились вмѣстѣ въ тысячу тоновъ и придаютъ всему поразительную красоту.

Сегодня мы бродили по чудесному саду, примыкавшему къ владѣнію герцога, но, я думаю, довольно описаній.

Комо, конечно, прозрачнѣе, чѣмъ многія озера, но какъ мутна его вода въ сравненіи съ удивительной прозрачностью озера Тэхо! Я говорю о сѣверномъ берегѣ Тэхо, гдѣ на глубинѣ ста восьмидесяти футовъ можно сосчитать каждую чешуйку на форели, конечно, крупной, гдѣ можно видѣть каждый камешекъ на днѣ, гдѣ можно было даже сосчитать булавки, если бъ ихъ положить на бумажку. Много толкуютъ о прозрачности воды въ Мексиканскомъ заливѣ Акапульпо, но я по личному опыту знаю, что ее даже и сравнивать нельзя съ водой озера, о которомъ я говорилъ. Я ловилъ форель въ Тэхо и на средней глубинѣ восьмидесяти четырехъ футовъ я видѣлъ, какъ рыбка хватала приманку, какъ она раскрывала и закрывала ротъ. На открытомъ воздухѣ я, пожалуй, не разсмотрѣлъ бы даже и самую форель на такомъ разстояніи. Озеро Комо кажется только разряженнымъ царедворцемъ въ присутствіи величественнаго Тэхо, покоящагося среди нѣжныхъ вершинъ высотою въ шесть тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря.

Тэхо значитъ кузнечики или, вѣрнѣе, супъ изъ кузнечиковъ. Это слово индѣйское. Говорятъ, это названіе дано ему индѣйцами-піутами, а можетъ-быть и „копателями“, этими презрѣнными дикарями, которые жарили своихъ умершихъ родственниковъ, затѣмъ смѣшивали человѣческій жиръ и пепелъ изъ костей со смолой и этимъ мазали себѣ головы, лобъ и уши и бродили по долинамъ, мяукая по-кошачьи,—это называлось у нихъ трауромъ.

Комо немного глубже Тэхо, если вѣрить здѣшнимъ жителямъ. Они говорятъ, что оно имѣетъ тысячу весемьсотъ футовъ глубины въ этомъ мѣстѣ, а Тэхо имѣетъ всего тысячу пятьсотъ двадцать пять футовъ глубины въ центрѣ, по измѣренію геологовъ Соединенныхъ Штатовъ. Говорятъ, что гора противъ города имѣетъ пять тысячъ футовъ высоты: но я увѣренъ, что пока они мѣрили, палка выскользнула у нихъ изъ рукъ. Въ этомъ мѣстѣ и до границы на сѣверѣ (шестнадцать миль) озеро имѣетъ одну милю въ ширину, а въ южной части (пятнадцать миль) оно, по-моему, не болѣе полу-мили ширины. Покрытыя снѣгомъ горы, о которыхъ такъ много толкуютъ, видны только иногда, а вдали виднѣются Альпы. Тэхо имѣетъ отъ десяти до пятнадцати миль въ окружности, и горы окружаютъ, его, точно стѣной. Ихъ вершины не освобождаются отъ снѣга круглый годъ. Одно только странно: оно никогда не замерзаетъ, хотя другія озера, лежащія при болѣе теплой температурѣ, замерзаютъ зимой.

XXI.

Мы проѣхали на пароходѣ по Лаго ди Лекко мимо дикихъ горныхъ видовъ и мимо хижинъ и виллъ и высадились въ городѣ Лекко. Намъ сказали, что отсюда два часа ѣзды до древняго города Бергамо, и что мы пріѣдемъ туда какъ разъ къ поѣзду. Мы взяли открытый экипажъ и отправились. Налѣво отъ насъ были высокія скалы, а направо—красивое Лаго ди Лекко и отъ времени до времени насъ спрыскивало дождемъ.

Теперь мы увидѣли внутреннюю Италію. Дома были выстроены изъ прочнаго камня, но не всегда они казались въ хорошемъ состояніи. Крестьяне и ихъ дѣти были, по обыкновенію, лѣнивы, и ихъ ослы и цыплята живутъ вмѣстѣ съ ними въ домахъ, въ гостиной и въ спальнѣ и ихъ не изгоняютъ оттуда. Погонщики каждой и всякой медленно двигавшейся рыночной повозки, которыхъ мы встрѣчали, лежали, растянувшись на солнцѣ на своемъ товарѣ и крѣпко спали. Черезъ каждые триста-четыреста ярдовъ, какъ мнѣ казалось, мы видѣли часовню въ честь какого-нибудь святого или большой крестъ съ грубымъ изображеніемъ распятія или каменный столбъ при дорогѣ. Нѣкоторыя изображенія Спасителя были въ своемъ родѣ рѣдкостью. Они изображали Его распростертымъ на крестѣ, ликъ Его былъ искаженъ предсмертными муками. Изъ ранъ подъ терновымъ вѣнцомъ, изъ пронзеннаго ребра, изъ изувѣченныхъ рукъ и ногъ, изъ Его бичеваннаго тѣла, отовсюду струилась кровь! Такое окровавленное, ужасное зрѣлище до безумія должно было бы, по-моему, пугать дѣтей. Были тутъ и нѣкоторыя дополненія къ картинѣ, которыя только еще усиливали впечатлѣнія. Это были настоящія деревянныя и желѣзныя орудія, которыя были расположены вокругъ главной фигуры: связка гвоздей, молотокъ, чтобы вбивать ихъ, губка, трость, поддерживавшая ее, чаша съ уксусомъ, лѣстница, чтобы восходить на крестъ, копіе, которымъ было пробито ребро Спасителя. Терновый вѣнецъ былъ сдѣланъ изъ настоящаго тернія и пригвожденъ къ Его святой главѣ. На нѣкоторыхъ картинахъ церковной живописи въ Италіи, даже у старыхъ художниковъ, у Спасителя и Пресвятой Дѣвы серебряные и золоченые вѣнцы, которые прикрѣпляются къ нарисованнымъ главамъ гвоздями. Это столько же смѣшно, сколько и нелѣпо.

Тамъ и сямъ, на фасадахъ придорожныхъ гостиницъ, мы видѣли громадныя, грубо исполненныя фрески, изображавшія

страждущихъ мучениковъ. Мы были теперь въ самомъ сердцѣ католичества, счастливаго, довольнаго и веселаго невѣжества, суевѣрія, бѣдности и лѣни. Мы проѣзжали чрезъ самые странные, смѣшные, невообразимо старинные города; мы проѣзжали мимо старинныхъ средневѣковыхъ замковъ, густо одѣтыхъ плющемъ, который свѣшивалъ свои зеленыя знамена съ башенъ и башенокъ, гдѣ нѣкогда развивался флагъ крестоносцевъ. Кучеръ указалъ намъ на одну изъ этихъ древнихъ крѣпостей и сказалъ:

— Видите вы этотъ старый желѣзный крюкъ, который торчитъ изъ стѣны подъ самымъ верхнимъ окномъ на разрушенной башнѣ?.. Съ этими желѣзными крюками связана цѣлая легенда. Почти семьсотъ лѣтъ тому назадъ этотъ замокъ принадлежалъ благородному графу Луиджи Дженаро Гвидо Альфонсо ди Генова...

— А какое у него было другое имя?—спросилъ Дэнъ.

— У него не было другого имени, кромѣ того, которое я вамъ сказалъ... Онъ былъ сынъ...

— Бѣдныхъ, но благородныхъ родителей... это совершенно достаточно... Разсказывайте легенду.

Легенда.

Въ то время весь міръ волновался по поводу гроба Господня. Всѣ феодальные владѣльцы въ Европѣ закладывали свои земли и плавили свои блюда, чтобы снарядить отрядъ воиновъ и примкнуть съ ними къ войскамъ христіанскаго міра, и стяжать себѣ славу въ священной войнѣ. Графъ Луиджи тоже раздобылся деньгами и, по примѣру другихъ, въ одно тихое сентябрьское утро, вооруженный бердышемъ, опускной рѣшеткой и громовой кулевриной, прослѣдовалъ мимо закованной въ латы стражи своего замка во главѣ самаго храбраго отряда христіанскихъ разбойниковъ, какихъ когда-либо приходилось видѣть въ Италіи. Его мечъ „экскалибуръ“ былъ, конечно, съ нимъ. Его красавица супруга и юная дочь посылали ему слезное прости изъ-за зубцовъ и башенъ замка, и онъ уѣхалъ со счастливымъ сердцемъ.

Онъ сдѣлалъ набѣгъ на сосѣдняго барона и пополнилъ свое вооруженіе пріобрѣтенной добычей. Затѣмъ онъ стеръ замокъ барона съ лица земли, убилъ всю его семью и двинулся дальше. Смѣлые были люди въ тѣ блаженныя времена рыцарства!

Графъ Луиджи прославился своими подвигами въ Святой землѣ. Онъ принималъ участіе въ сотнѣ сраженій, смѣло бросаясь въ самую сѣчу, вѣрный мечъ всегда выручалъ его, хотя барону приходилось не разъ быть тяжело раненымъ. Его лицо

загорѣло подъ лучами сирійскаго солнца во время длинныхъ переходовъ: онъ терпѣлъ голодъ и жажду; сидѣлъ въ тюрьмахъ, томился въ гнусныхъ чумныхъ больницахъ и часто часто вспоминалъ объ оставленныхъ имъ дома женѣ и дочери, съ тревогой думая о томъ, хорошо ли имъ живется. Но сердце сейчасъ же говорило ему: не тревожься, развѣ твой братъ не охраняетъ твою семью?

* * *

Прошло девятнадцать лѣтъ; правое дѣло одержало побѣду; Готфридъ воцарился въ Іерусалимѣ,—христіанскія войска охраняли знамя креста надъ гробомъ Господнимъ!

Наступали сумерки. Пятьдесятъ арлекиновъ въ широкихъ одеждахъ, усталые, приближались къ замку; они шли пѣшкомъ, и пыль, покрывавшая ихъ одежды, служила доказательствомъ, что они шли издалека. Они нагнали крестьянина и спросили у него, могутъ ли они разсчитывать, что въ замкѣ ихъ пріютятъ и накормятъ ради христіанскаго милосердія, а можетъ быть имъ разрѣшатъ дать поучительное представленіе, потому что,—сказали они,—въ нашемъ представленіи нѣтъ ничего такого, что могло бъ оскорбить даже самый разборчивый вкусъ.

— Едва ли,—возразилъ крестьянинъ,—и я бы посовѣтовалъ вашей милости уходить подальше отсюда, если вы не хотите оставить свои кости въ томъ замкѣ.

— Это что значитъ мошенникъ!—воскликнулъ старшій изъ пилигримовъ;—объясни, что это значитъ, а не то, клянусь Мадонной, тебѣ плохо будетъ.

— Не сердитесь, голубчикъ, я сказалъ истинную правду. Клянусь вамъ апостоломъ Павломъ, что если графъ Леонардо будетъ выпивши, когда вы придете въ замокъ, то васъ всѣхъ сбросятъ съ башни! Нашего добраго господина Луиджи нѣтъ въ замкѣ, и теперь тутъ плохо живется.

— Добрый господинъ Луиджи?

— Да, осмѣлюсь доложить вашей милости. Въ его время бѣдные радовались, потому что онъ тѣснилъ только богатыхъ; мы не знали никакихъ податей, отцы церкви жирѣли отъ его щедротъ; путники приходили и уходили безъ всякой помѣхи, всякій встрѣчалъ въ его владѣніяхъ радушный пріемъ, и всякій имѣлъ право ѣсть его хлѣбъ и пить его вино. А теперь вотъ уже девятнадцать лѣтъ, какъ этотъ добрый графъ уѣхалъ сражаться за святой крестъ, и мы ужъ много лѣтъ не имѣемъ о немъ никакихъ извѣстій. Говорятъ, что его кости бѣлѣютъ на поляхъ Палестины.

— А теперь?

— Теперь! Милосердый Боже! Жестокій Леонардо владѣетъ этимъ замкомъ. Онъ беретъ подати съ бѣдняковъ, грабитъ всѣхъ путниковъ, которые проѣзжаютъ мимо его воротъ; онъ проводитъ свои дни въ грабежахъ и убійствахъ, а ночи въ пирахъ и разгулѣ; онъ поджариваетъ отцовъ церкви на вертелѣ въ кухнѣ и называетъ это пріятнымъ времяпровожденіемъ. Въ теченіе тринадцати лѣтъ никто, кромѣ него, во всей этой странѣ, не видѣлъ графини, супруги Луиджи, и многіе говорятъ, что она томится въ темницѣ замка за то, что не хочетъ быть женой Леонардо, говоря, что ея дорогой супругъ еще живъ, и что она скорѣе умретъ, чѣмъ измѣнитъ ему. Ходятъ слухи, что и дочь ея находится въ заключеніи. Теперь, добрые арлекины, ищите себѣ отдыха гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Ужъ если вамъ суждено умереть, то лучше умереть по-христіански, чѣмъ если васъ сбросятъ съ той высокой башни. Ну, прощайте.

— Прощай и ты, милѣйшій.

Но, несмотря на предостереженіе крестьянина, арлекины двинулись прямо къ замку.

Графу Леонардо доложили, что труппа арлекиновъ проситъ у него гостепріимства.

— Хорошо. Примите ихъ, какъ обыкновенно. Или постойте! Мнѣ они нужны. Впустите ихъ сюда, а потомъ вы сбросите ихъ съ башни... или... сколько у васъ священниковъ имѣется въ запасѣ?

— Сегодня былъ плохой день, милостивый господинъ. Всего одинъ аббатъ и дюжина нищенствующихъ монаховъ.

— Дьяволы! Фуріи! Неужели у насъ ничего уже больше не осталось! Зовите сюда арлекиновъ, а потомъ зажарьте ихъ вмѣстѣ съ аббатомъ и монахами.

Вошли арлекины въ длинныхъ одеждахъ. Леонардо мрачно сидѣлъ во главѣ стола. По обѣ стороны рядами стояло около сотни вооруженныхъ людей.

— А, негодяи!—вскричалъ графъ.—Ну, чѣмъ вы можете заработать гостепріимство, которое требуете?

— Грозный и могущественный господинъ, толпы зрителей награждали наши смиренные труды громкими похвалами. Въ нашей труппѣ находится гибкій и талантливый Уголино; знаменитый Родольфо, богато одаренный и талантливый Родермо...

— Довольно! Что вы умѣете дѣлать? Обуздай твой болтливый языкъ!

— Добрый господинъ, мы умѣемъ дѣлать акробатическія упражненія, умѣемъ упражняться съ гирями, балансировать

на воздухѣ и, наконецъ, осмѣлюсь заявить, что въ области чудеснаго и замѣчательнаго Цампиллеростата...

— Заткните ему глотку! Задушите его! Клянусь Богомъ! Развѣ я собака, чтобы на меня нападали съ такимъ многосложнымъ ругательствомъ? Постой! Лукреція, Изабелла, подойдите! Мошенникъ, посмотри на эту даму, на эту плачущую дѣвушку. На первой я женюсь черезъ часъ, а другая должна осушить свои слезы или будетъ отдана на съѣденіе ястребамъ. Ты и твои бездѣльники увѣнчаютъ нашу свадьбу своими веселыми шутками. Привести сюда священника!

Дама бросилась къ начальнику арлекиновъ.

— О, спасите меня! — воскликнула она,—спасите меня отъ судьбы, которая для меня хуже смерти! Взгляните на эти печальные глаза, на эти впалыя щеки, на это изсохшее тѣло! Смотрите, какъ погубилъ меня этотъ врагъ, и тогда сердце ваше тронется жалостью! Взгляните на эту несчастную, измученную дѣвушку, похудѣвшую и поблѣднѣвшую отъ горя! Выслушайте насъ и сжальтесь. Этотъ извергъ братъ моего мужа. Онъ долженъ былъ защищать насъ, а вмѣсто того онъ заперъ насъ въ темницу и держалъ тамъ цѣлыхъ тринадцать лѣтъ. И за какое преступленіе? Только за то, что я не измѣнила своей клятвѣ, не вырвала съ корнемъ сильной любви къ тому, кто пошелъ съ крестоносцами въ Святую землю, и не обвѣнчалась съ нимъ. Спасите, спасите насъ!

Она бросилась къ его ногамъ и обняла его колѣни.

— Ха! ха! ха!—звѣрски расхохотался Леонардо. — Эй, священникъ, принимайся за дѣло!—и онъ потащилъ прочь плакавшую женщину. Отвѣчай разъ и навсегда—будешь ты моею? Иначе, клянусь всѣми святыми, я сейчасъ же покончу съ тобой!

— Никогда!

— Такъ умри!—и онъ выхватилъ мечъ.

Пятьдесятъ палашей быстрѣе молніи спало съ плечъ арлекиновъ и вмѣсто нихъ явилось пятьдесятъ рыцарей въ блестящемъ вооруженіи! Пятьдесятъ палашей сверкнуло въ воздухѣ надъ воинами Леонардо, но ярче и грознѣе всѣхъ сверкнулъ Экскалибуръ и выбилъ мечъ изъ рукъ жестокаго Леонардо!

— Луиджи!

— Леонардо!

— О, Боже, Боже, мой мужъ!

— О, Боже, Боже, моя жена!

— Отецъ!

— Мое сокровище! (Картина.)

Графъ Луиджи связалъ по рукамъ и ногамъ своего измѣнника брата. Опытные рыцари Палестины шутя изрубили въ

куски воиновъ Леонардо. Побѣда была полная. Счастье снова воцарилось въ семьѣ барона.

— А что же они сдѣлали съ его злымъ братомъ?

— О, ничего; они повѣсили его тамъ на желѣзномъ крюкѣ, о которомъ я говорилъ... За подбородокъ.

— Какъ это?

— Пропустили его чрезъ челюсть во рту.

— И онъ долго висѣлъ такъ?

— Два года.

— И... и... и... онъ умеръ?

— Шестьсотъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ или что-то въ этомъ родѣ.

— Великолѣпная легенда... великолѣпная ложь... ѣдемъ дальше.

Мы пріѣхали въ красивый, старинный укрѣпленный городъ Бергамо за три четверти часа до отхода поѣзда. Городъ этотъ имѣетъ тридцать или сорокъ тысячъ обитателей и замѣчателенъ, какъ мѣсторожденіе арлекина. Когда мы узнали объ этомъ, легенда нашего кучера получила новую окраску въ нашихъ глазахъ.

Отдохнувъ и освѣжившись, мы счастливые и довольные сѣли на поѣздъ и на всѣхъ парахъ помчались черезъ Падую и Верону къ древней царицѣ морей, къ обрученной и уже овдовѣвшей невѣстѣ Адріатики. Это было долгое, длинное путешествіе. Но передъ вечеромъ, когда мы молча сидѣли, погрузившись каждый въ свои думы, кто-то вдругъ крикнулъ:

— Венеція!

XXII.

Да, это та самая Венеція, которая почти тысяча четыреста лѣтъ была надменной, непобѣдимой, великолѣпной республикой, чьи войска заставляли восхищаться ими, гдѣ бъ они ни сражались, чей флотъ держалъ въ своихъ рукахъ власть на моряхъ и чьи торговыя суда бороздили всѣ моря и океаны; но эта Венеція, пристани которой были загромождены произведеніями всѣхъ странъ земного шара, эта Венеція теперь пала и стала жертвой нищеты, забвенія и печальнаго разрушенія. Шестьсотъ лѣтъ тому назадъ Венеція не имѣла себѣ равныхъ по торговлѣ; ея рынокъ былъ величайшимъ торговымъ центромъ, складочнымъ мѣстомъ, откуда товары Востока распространялись по западнымъ странамъ. Теперь ея набережныя пусты, склады пусты, коммерческій флотъ уничтоженъ, объ войскахъ и военныхъ судахъ осталось одно воспоминаніе.

Слава ея исчезла, и она сидитъ теперь среди своихъ стоячихъ лагунъ, затерянная и заброшенная, забытая всѣмъ міромъ!

Мы прибыли въ Венецію въ восемь часовъ вечера и вошли въ гробъ, принадлежавшій Grand-Hotel d'Europe. Во всякомъ случаѣ это было всего больше похоже на гробъ, чѣмъ на что-нибудь другое, хотя, судя по врученной намъ карточкѣ, этотъ гробъ носилъ названіе гондолы. Такъ вотъ она историческая венеціанская гондола!.. Та самая гондола, въ которой въ былыя времена знатные кавалеры разъѣзжали при лунномъ свѣтѣ по каналамъ подъ окнами дворцовъ красавицъ-патриціанокъ, между тѣмъ какъ веселый гондольеръ въ шелковомъ камзолѣ игралъ на гитарѣ и пѣлъ, какъ умѣютъ пѣть только гондольеры!.. И вотъ она, эта знаменитая гондола, и этотъ великолѣпный гондольеръ!.. Гондола это просто-напросто черная, какъ чернила, старая лодка, удивительно похожая на большой гробъ, а онъ—жалкій босоногій оборванецъ, у котораго были выставлены на показъ такія части тѣла, которыя принято скрывать отъ глазъ другихъ. Когда мы повернули за уголъ и вошли въ какую-то темную канаву, тянувшуюся между двумя рядами высокихъ нежилыхъ зданій, веселый гондольеръ, вѣрный традиціямъ своей профессіи, затянулъ пѣсню. Я сидѣлъ молча нѣсколько времени, а затѣмъ сказалъ:

— Родриго-Гонзалесъ Микель-Анджело, я странникъ, я иностранецъ, но я не имѣю ни малѣйшаго желанія терзать себѣ уши, слушая такое ужасное пѣніе. Если вы не перестанете, одинъ изъ насъ непремѣнно очутится въ водѣ. Довольно того, что мои дорогія грезы о Венеціи навсегда разбиты въ лицѣ романтической гондолы и великолѣпнаго гондольера; но дальше я не допущу ничего подобнаго и ни подъ какимъ видомъ не позволю вамъ пѣть.

Я начиналъ уже чувствовать, что прежняя Венеція умерла навсегда. Но я слишкомъ поспѣшилъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы граціозно проскользнули въ Каналъ-Гранде и передъ нами предстала озаренная мягкимъ луннымъ свѣтомъ Венеція поэзіи и романтизма. Какъ разъ у самой воды поднимались длинныя линіи величественныхъ мраморныхъ дворцовъ; гондолы быстро скользили тамъ и сямъ и внезапно исчезали въ какихъ-то воротахъ и переулкахъ; массивные каменные мосты отбрасывали отъ себя тѣнь на сверкающія волны. Всюду была жизнь и движеніе и всюду все-таки была тишина, та таинственная тишина, которая напоминала о тайныхъ похожденіяхъ героевъ и влюбленныхъ; и наполовину залитые луннымъ свѣтомъ, наполовину скрытые таинственною тѣнью, мрачные, старинные дворцы республики, казалось, имѣли такое выраженіе, какъ

будто однимъ глазомъ слѣдили исподтишка за тѣмъ, что творилось на каналахъ. По водѣ доносилась музыка. Мы видѣли Венецію во всей ея красѣ.

Но эта чудная картина ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что представляетъ Венеція въ полночь! Въ эту ночь происходило празднество въ честь какого-то святого, который избавилъ Венецію отъ холеры лѣть триста тому назадъ, и теперь вся Венеція была на водѣ. Празднество было грандіозное, потому что венеціанцы побаивались, какъ бы имъ снова не понадобились молитвы этого святого въ виду повсемѣстнаго распространенія холеры. На обширномъ пространствѣ, въ треть мили въ ширину и двѣ мили въ длину, собралось тысячи двѣ гондолъ, и на каждой изъ нихъ было не меньше двухъ, а иногда по двадцати и даже по тридцати разноцвѣтныхъ фонариковъ и отъ четырехъ до двѣнадцати пассажировъ. Эти сверкавшіе на водѣ разноцвѣтные огоньки казались яркими цвѣтами, пестрѣвшими во множествѣ въ большомъ, большомъ саду съ той только разницей, что эти цвѣты ни на минуту не оставались въ спокойномъ состояніи и постоянно скользили туда и сюда и смѣшивались вмѣстѣ и заставляли васъ невольно слѣдить глазами за всѣми ихъ движеніями. По временамъ взлетали ракеты и на мгновеніе освѣщали гондолы то краснымъ, то зеленымъ, то синимъ огнемъ... Каждая проплывавшая мимо насъ гондола, освѣщенная висѣвшими наверху фонариками, озарявшими юныя и прекрасныя лица сидѣвшихъ въ ней, была картина; а отраженіе этого безчисленнаго множества огней въ искрившейся поверхности воды тоже было картиной и волшебно прекрасной картиной. На нѣкоторыхъ гондолахъ виднѣлись столы, богато убранные захваченной изъ дому сервировкой. На нѣкоторыхъ были не только гитары, но даже и піанино, и тамъ играли и пѣли изъ оперъ. Музыка и пѣніе, впрочемъ, слышались всюду. Я до такой степени былъ увлеченъ музыкой, что даже началъ пѣть самъ; но когда я замѣтилъ, что другія гондолы стали отъѣзжать отъ моей гондолы, замолчалъ и хотѣлъ прыгнуть за бортъ.

Праздникъ былъ великолѣпенъ. Онъ продолжался цѣлую ночь, и я никогда въ жизни не проводилъ лучше времени, какъ въ это время.

Какой, однако, странный городъ эта королева Адріатическаго моря! Узкія улицы, большіе мрачные мраморные дворцы, почернѣвшіе отъ времени и частью всѣ заплѣснѣвѣвшіе; нигдѣ не видно ни суши ни дорожекъ для прогулки, о которыхъ стоило бы упомянуть; если вы хотите отправиться въ церковь, въ театръ или въ ресторанъ, вы должны кликнуть гондолу.

Первые два дня Венеція казалась похожей на Арканзасъ, затопленный водою, которая подступила къ самымъ порогамъ домовъ, а лодки тѣснились подъ окнами или сновали по аллеямъ и боковымъ каналамъ, такъ что я никакъ не могъ себѣ представить, что это не что иное, какъ весеннее половодье, и что рѣка спадетъ черезъ нѣсколько недѣль и оставитъ грязные слѣды на домахъ, а улицы будутъ полны грязи и мусора.

При дневномъ свѣтѣ въ Венеціи мало поэзіи, но при лунѣ ея мрачные дворцы становятся снова бѣлыми, ихъ колоссальныя статуи снова прячутся въ тѣни, а старый городъ снова кажется такимъ же величественнымъ, какъ и пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, и ваше воображеніе услужливо рисуетъ вамъ картины давно минувшаго невозвратнаго прошлаго.

Что хочется видѣть прежде всего въ Венеціи? „Мостъ вздоховъ", конечно, а затѣмъ соборъ и площадь св. Марка, бронзовыхъ коней и знаменитаго льва св. Марка.

Мы собирались итти на „Мостъ вздоховъ", но отправились сначала во дворецъ дожей. Въ залѣ совѣта древней республики мы съ удивленіемъ разсматривали громадныхъ размѣровъ историческія картины Тинторетто и Поля Веронеза, но что всего больше поразило насъ, какъ и всѣхъ впервые посѣтившихъ дворецъ иностранцевъ,—это черный квадратъ въ галлереѣ портретовъ дожей. Вдоль по стѣнамъ большой залы тянется длинный рядъ портретовъ венеціанскихъ дожей (почтенные старики съ длинными сѣдыми бородами, потому что въ дожи выбирался обыкновенно самый старѣйшій изъ трехсотъ сенаторовъ) и подъ каждымъ портретомъ подобающая похвальная подпись, пока вы не дойдете до того мѣста, гдѣ должно было быть изображеніе Марино Фальери; это мѣсто пусто и зачернено, а сдѣланная внизу подпись гласитъ, что заговорщикъ былъ казненъ за совершенное имъ преступленіе. Мнѣ кажется, жестоко сохранять до сихъ поръ эту надпись, какъ проклятье тому несчастному, который уже пятьсотъ лѣтъ лежитъ въ могилѣ.

Наверху „Лѣстницы гигантовъ", гдѣ былъ обезглавленъ Марино Фальери и гдѣ въ прежнія времена короновались дожи, намъ указали два маленькихъ углубленія въ каменной стѣнѣ, два незначительныхъ отверстія, которыя никогда не привлекли бы вниманія иностранца, а между тѣмъ это были ужасныя „Львиныя пасти!" Головъ не было (онѣ отбиты французами, когда они занимали Венецію), остались только жерла, проглатывавшія анонимный доносъ, который тайно опускался въ львиную пасть подъ покровомъ глубокой ночи и который осу-

ждалъ многихъ невинныхъ людей на прогулку по „Мосту вздоховъ“ и на заключеніе въ темницу, а кто въ нее попадалъ, тотъ не могъ уже надѣяться увидѣть снова солнце. Такъ бывало въ прежнія времена, когда Венеціей управляли одни только патриціи, а простой народъ не имѣлъ права голоса. Патриціевъ было всего только тысяча пятьсотъ человѣкъ; изъ нихъ выбирали триста сенаторовъ и изъ этихъ сенаторовъ выбирали дожа и Совѣтъ десяти; затѣмъ совѣтъ десяти выбиралъ изъ своей среды Совѣтъ трехъ. Всѣ они были шпіоны правительства и за каждымъ изъ этихъ шпіоновъ шпіонили всѣ остальные. Въ Венеціи въ то время всѣ говорили шопотомъ, и ни одинъ человѣкъ не довѣрялъ своему сосѣду, иногда даже своему родному брату. Никто не зналъ, изъ кого состоялъ Совѣтъ трехъ,—ни сенатъ ни дожъ; члены этого страшнаго судилища собирались ночью въ особой комнатѣ, замаскированные, одѣтые съ головы до ногъ въ красное платье, и должны были узнавать другъ друга только по голосу. Ихъ обязанность была судить политическихъ преступниковъ и на ихъ приговоръ не было апелляціи. Достаточно было одного кивка палачу и осужденнаго уводили чрезъ залу, внизъ къ выходу на крытый Мостъ вздоховъ, оттуда въ темницу, а оттуда—на смерть. Если въ тѣ времена кому-нибудь хотѣлось отомстить своему врагу, стоило только просунуть въ львиную пасть записку Совѣту трехъ, что „такой-то человѣкъ злоумышляетъ противъ правительства“. Если обвиненіе даже и не подтверждалось, Совѣтъ трехъ все равно признавалъ его виновнымъ и приказывалъ утопить его, какъ преступника, сумѣвшаго ловко схоронить концы.

Мы прошли чрезъ залу Совѣта десяти и проникли въ адскую пещеру Совѣта трехъ. Тутъ еще сохранялся столъ, за которымъ они сидѣли, а также и мѣста, на которыхъ стояли замаскированные инквизиторы и палачи. Живопись на стѣнахъ удивительно подходила къ этому мѣсту. Во всѣхъ другихъ залахъ стѣны и потолокъ сіяли золотомъ, богатой рѣзьбой и были украшены картинами и изображеніями Мадонны, Спасителя и святыхъ, которые проповѣдывали Евангеліе мира на землѣ,—но здѣсь не было ничего, кромѣ картинъ смерти и страданія, не было ни одной фигуры, не изображенной въ мукахъ, ни одного умершаго, не замараннаго кровью, не покрытаго ранами и не искривленнаго предсмертными муками, которыя отняли его жизнь!

Отъ дворца до мрачной тюрьмы—одинъ шагъ; можно было бы, пожалуй, даже перепрыгнуть черезъ узкій каналъ, который ихъ раздѣляетъ. Массивный каменный Мостъ вздоховъ перекинутъ черезъ него на высотѣ второго этажа; мостъ этотъ крытый и,

когда по немъ идешь, снаружи васъ не видно. Онъ раздѣленъ въ длину на двѣ части; по одной половинѣ шли тѣ, которымъ въ тѣ времена выносили легкій приговоръ, а по другой грустно шли тѣ несчастные, которыхъ Совѣтъ трехъ осуждалъ на медленныя мученія и на совершенное забвеніе въ тюрьмахъ или на внезапную и таинственную смерть. Внизу, ниже уровня воды, намъ показывали при свѣтѣ дымившихъ факеловъ сырые погреба съ толстыми стѣнами, гдѣ нашло себѣ смерть не мало гордыхъ патриціевъ, проведшихъ многіе годы въ ужасныхъ условіяхъ одиночнаго заключенія, безъ свѣта, безъ воздуха, безъ книгъ; нагіе, небритые, нечесаные, покрытые червями, они доходили до того, что теряли, наконецъ, память; забывали, кто они и какъ они попадали въ темницу, впадали въ дѣтство и сходили съ ума.

Тутъ же, въ маленькомъ узкомъ коридорѣ, намъ показали мѣсто, куда приносили заключенныхъ, когда о нихъ забывали всѣ, кромѣ ихъ жестокихъ преслѣдователей, и тогда являлись замаскированные палачи и душили ихъ или зашивали ихъ въ мѣшокъ, а затѣмъ въ темную ночь спускали чрезъ маленькое окошечко въ лодку, на которой увозили ихъ куда-нибудь подальше и топили.

Посѣтителямъ показываютъ также и орудія пытки, которыми Совѣтъ трехъ обыкновенно вырывалъ тайны у обвиняемыхъ: отвратительныя машины для сжиманія пальцевъ; станки, въ которыхъ заключенный долженъ былъ сидѣть неподвижно, а ему на голову капля за каплей падала сверху вода, пока эта пытка не заходила за предѣлы того, что можетъ вынести человѣкъ; стальные тиски, которые обхватывали голову осужденнаго и медленно сдавливали ее, эти тиски носили на себѣ слѣды крови, которая струилась по нимъ много вѣковъ тому назадъ; на одной сторонѣ тисковъ былъ выступъ, на который палачъ облокачивался, когда прислушивался къ стонамъ несчастнаго страдальца.

Затѣмъ мы осматривали соборъ св. Марка. Онъ весь построенъ изъ драгоцѣннаго мрамора, привезеннаго съ Востока. Связанныя съ этимъ соборомъ преданія дѣлаютъ его предметомъ глубокаго интереса даже для самаго равнодушнаго иностранца, и съ этой точки зрѣнія онъ былъ интересенъ и для меня, но не болѣе. Я не могу дойти до того, чтобы восторгаться его грубой мозаикой, его не изящной византійской архитектурой, его пятьюстами внутренними колоннами, привезенными изъ различныхъ отдаленныхъ каменоломенъ. Все это старо, истерто и почти утратило свою форму.

Подъ алтаремъ почиваютъ мощи св. евангелиста Марка... а также Матѳея, Луки и Іоанна, если не ошибаюсь. Венеція почитаетъ эти святыни выше всего на свѣтѣ. Цѣлыхъ тысяча четыреста лѣтъ св. Маркъ былъ ея покровителемъ.

Все въ Венеціи такъ или иначе связано съ именемъ апостола Марка. Говорятъ, что у св. Марка былъ ручной левъ, и онъ обыкновенно путешествовалъ съ нимъ, и всюду, куда бы ни шелъ св. Маркъ, его непремѣнно сопровождалъ левъ. Онъ былъ его защитникъ, его другъ, его библіотекарь. А потому крылатый левъ св. Марка съ открытой Библіей подъ лапой,—любимая эмблема въ этомъ старинномъ городѣ. Тѣнь отъ крылатаго льва стелется по площади св. Марка съ высоты самаго древняго столба въ Венеціи и уже много вѣковъ падаетъ на бродящія по площади толпы.

Св. Маркъ умеръ въ Александріи, въ Египтѣ, кажется, мученической смертью. Но для того, о чемъ я хочу разсказать, это не имѣетъ никакого значенія. Въ то время, какъ была основана Венеція четыреста пятьдесятъ лѣтъ по Р. Х. (Венеція гораздо моложе всѣхъ остальныхъ городовъ) одному священнику явился во снѣ ангелъ и сказалъ, что пока останки св. Марка не будутъ привезены въ Венецію, она не займетъ высокаго положенія среди другихъ городовъ; мощи апостола должны быть привезены въ городъ и надъ ними сооружена великолѣпная церковь и, что если венеціанцы когда-нибудь позволятъ перенести мощи святого съ его новаго мѣста упокоенія, въ тотъ же день Венеція будетъ стерта съ лица земли. Венеція сейчасъ же рѣшила добыть мощи св. Марка; но всѣ попытки исполнить это терпѣли неудачу въ теченіе цѣлыхъ четырехсотъ лѣтъ, пока, наконецъ, въ восемьсотъ какомъ-то году не удалось хитростью добыть мощи св. Марка. Начальствовавшій венеціанской экспедиціей переодѣлся, укралъ кости, отдѣлилъ ихъ и положилъ ихъ въ сосуды, наполненные свинымъ саломъ. Религія Магомета повелѣваетъ правовѣрнымъ гнушаться свинины, а потому стоявшая у городскихъ воротъ стража при видѣ сосудовъ отвернула свои носы отъ поганаго сала и свободно пропустила его. Кости погребены подъ сводами большого собора, который долгіе годы ждалъ ихъ, и такимъ образомъ безопасность и величіе Венеціи были обезпечены. И до сего дня въ Венеціи есть люди, которые вѣрятъ, что если эти святые останки будутъ украдены, древній городъ исчезнетъ, какъ сонъ, и будетъ навсегда погребенъ въ безвѣстной пучинѣ моря.

XXIII.

Венеціанская гондола скользитъ также свободно и граціозно, какъ змѣя. Она имѣетъ двадцать или тридцать футовъ въ длину и узка и глубока, какъ лодка; острый носъ ея и корма поднимаются вверхъ изъ воды, какъ рога полумѣсяца. Носъ

гондолы украшенъ стальнымъ гребнемъ съ рукояткой въ видѣ бердыша, который грозитъ разрѣзать встрѣчную лодку на двѣ части, но этого никогда, однакожъ, не случается. Гондола окрашена въ черный цвѣтъ въ память того, что, когда въ расцвѣтъ славы венеціанскаго величія гондолы стали отдѣлываться слишкомъ пышно, сенатъ, съ цѣлью уменьшить излишнюю роскошь, повелѣлъ красить всѣ гондолы одинаково въ черный цвѣтъ и не дѣлать никакихъ украшеній. Гондольеръ помѣщается на кормѣ и, стоя, управляетъ гондолой однимъ длиннымъ весломъ. На кормѣ, выступая надъ планширомъ, прибитъ деревянный брусокъ фута въ полтора высоты съ двумя уключинами или выемками съ одной стороны и всего съ одной выемкой на другой сторонѣ. Гондольеръ, работая своимъ длиннымъ весломъ, вкладываетъ его то въ одну, то въ другую уключину и заставляетъ гондолу стрѣлой летѣть впередъ и на полномъ ходу повертывать за уголъ, а то онъ однимъ движеніемъ весла вдругъ остановитъ ее и даже заставитъ попятиться назадъ. Мнѣ кажется, что я гораздо больше интересуюсь гондолой и гондольеромъ, чѣмъ тѣми роскошными дворцами, мимо которыхъ мы проѣзжаемъ; иногда, обгоняя какую-нибудь гондолу, мы проскальзываемъ такъ близко отъ нея, что мнѣ становится жутко, какъ бывало жутко въ дѣтствѣ, когда боишься, какъ бы тебя не задѣло колесо проѣзжающаго экипажа. Но у гондольера все разсчитано, этотъ удивительный кучеръ никогда не ошибется.

Иногда мы летимъ по большимъ каналамъ съ такой быстротой, что не успѣемъ разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ, ни одного дома, затѣмъ вдругъ свертываемъ въ темные переулки окраинъ и тамъ сразу принимаемъ серьезный видъ, который такъ подходитъ къ тишинѣ, сырости, стоячимъ водамъ, цѣпкимъ водорослямъ, пустыннымъ домамъ и общему впечатлѣнію запустѣнія.

Гондольеръ очень красивый парень, хотя и не носитъ атласной ливреи, шапочки съ перомъ и шелковаго трико. Его осанка стройна; онъ гибокъ и ловокъ, всѣ его движенія полны граціи. Когда его длинная лодка и красивая фигура, стоящая высоко на кормѣ, рельефно выдѣляются на фонѣ вечерняго неба, получается дѣйствительно очень красивая картина, которая своей новизной привлекаетъ взоры иностранца.

Мы сидимъ на подушкахъ подъ спущеннымъ навѣсомъ и куримъ или читаемъ или же смотримъ на проѣзжающія мимо лодки, на дома, на мосты, на людей и наслаждаемся гораздо больше, чѣмъ если бы мы ѣхали по тряской каменной мостовой у себя дома.

Но все-таки странно какъ-то; даже очень странно видѣть, что лодка можетъ замѣнять экипажъ. Мы видимъ дѣловыхъ людей, выходящихъ изъ парадныхъ подъѣздовъ и садящихся въ гондолу, вмѣсто экипажа, и ѣдущихъ по городу въ контору. Мы видимъ отправляющихся съ визитомъ молодыхъ дамъ и дѣвушекъ, которыя, стоя на ступенькахъ, смѣются, посылаютъ прощальные воздушные поцѣлуи, играютъ своими вѣерами. Мы видимъ дамъ, которыя ѣздятъ въ гондолахъ за покупками и скользятъ изъ улицы въ улицу, изъ магазина въ магазинъ, совсѣмъ по-старинному, за исключеніемъ того только, что у магазиновъ ихъ часа по два дожидается не экипажъ, а гондола, пока онѣ заставляютъ услужливыхъ приказчиковъ перевертывать вверхъ дномъ весь магазинъ.

Мы видимъ маленькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ, которые въ гондолахъ отправляются со своими нянькми подышать воздухомъ. Мы видимъ цѣлыя семьи съ молитвенниками и четками; онѣ входятъ въ гондолу, одѣтыя въ свое лучшее праздничное платье, и отправляются въ церковь. А въ полночь мы смотримъ, какъ расходится изъ театра шумный рой веселой молодежи; мы слышимъ крики гондольеровъ и смотримъ, какъ черная масса гондолъ скользитъ по залитымъ луннымъ свѣтомъ каналамъ; мы слышимъ слабые отголоски смѣха и прощаній, доносящихся издали.

Мы всюду побывали въ нашей гондолѣ. Мы накупили четокъ и фотографій въ лавкахъ и восковыхъ спичекъ на площади св. Марка. Тутъ необходимо замѣтить, что вечеромъ всѣ идутъ на эту площадь; тамъ играетъ оркестръ военной музыки, а публика толпами гуляетъ мимо собора и почтенной колонны съ крылатымъ львомъ св. Марка наверху или же направляется къ пристани, гдѣ стоятъ гондолы. Тутъ же между гуляющими и боковыми дорожками сидятъ сотни сотенъ людей за маленькими столиками и курятъ и ѣдятъ граниту (двоюродная сестра сливочнаго мороженаго). Выходящіе на площадь магазины ярко освѣщены, воздухъ наполненъ музыкой и веселыми голосами. Мы постепенно превращаемся въ настоящихъ европейцевъ и надѣемся, вернувшись домой, возбуждать зависть въ нашихъ, не бывавшихъ за границей, друзьяхъ нашими странными иностранными манерами, отъ которыхъ мы, видите ли, никакъ не можемъ отдѣлаться. По этому поводу возволяю себѣ замѣтить, что въ Италіи попадались такіе американцы, которые всего въ три мѣсяца совершенно забывали свой родной языкъ... и забывали его во Франціи. Они не могли даже написать по-англійски свой адресъ въ спискѣ пріѣзжихъ. Нижеприведенныя строки я слово въ слово переписалъ изъ адресной книги отеля въ одномъ итальянскомъ городѣ:

„Джонъ Н. Уиткомбъ, Etats Unis“.

„Уил. Л. Эйнсуорсъ, travailleur“ *) (онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать traveller — путешественникъ), Etats Unis.

„Джорджъ Н. Мортонъ et fils, d'Amérique“.

„Ллойдъ П. Уильямсъ, et trois amis, ville de Boston, Amérique“.

„Дж. Элльсуорсъ Бэкеръ, tout de suite de France, place de naissance Amérique, destination la Grand Brétagne“.

Я люблю такихъ людей. Одна изъ нашихъ пассажирокъ разсказывала объ одномъ своемъ знакомомъ, что онъ провелъ всего восемь недѣль въ Парижѣ, но это не помѣшало ему, вернувшись домой, обратиться къ своему старому другу Герберту, называя его „Эрберъ!“ Впрочемъ, онъ сейчасъ же извинился и сказалъ: „Я такъ привыкъ говорить не иначе, какъ по-французски, мой дорогой Эрберъ, ахъ, чортъ возьми! Опять!.. но я такъ привыкъ къ французскому произношенію, что никакъ не могу отдѣлаться отъ него... это очень досадно, увѣряю васъ. Этотъ же идіотъ, котораго зовутъ Гордонъ, дожидался, пока его три раза окликнутъ на улицѣ, прежде чѣмъ отозваться, а затѣмъ просилъ тысячу извиненій и говорилъ, что онъ такъ привыкъ слышать, что его называютъ мсьё Гор-р-донгъ“, съ гортаннымъ р, что онъ почти забылъ, какъ слѣдуетъ произносить его фамилію. Въ петличкѣ онъ носилъ розу; здоровался по-французски, два раза взмахивая рукой передъ лицомъ; онъ называлъ Парижъ „Пэри“ въ обыкновенномъ англійскомъ разговорѣ; онъ носилъ въ карманѣ конвертъ съ иностранными марками, холилъ свои усы и бороду и вообще дѣлалъ все, что только могъ, чтобы дать поводъ подумать, будто онъ похожъ на Людовика Наполеона.

Представьте себѣ только, что наши Уиткомбсы, Эйнсворты и Уильямсы стали бы подписываться по-французски въ спискахъ иностранцевъ въ отелѣ. Мы смѣялись дома надъ англичанами, что они такъ цѣпляются за свои національные обычаи и привычки, но за границей мы взглянули на это очень снисходительно.

Изъ длиннаго перечня церквей и картинныхъ галлерей, которыя мы посѣтили въ Венеціи, я упомяну только объ одной церкви,—о церкви Санта Марія дей Фрари. Она сооружена лѣтъ пятьсотъ тому назадъ, и въ ней подъ великолѣпными памятниками погребено тѣло Кановы и сердце Тиціана. Тиціанъ умеръ въ возрастѣ почти ста лѣтъ. Въ то время свирѣпствовала чума, которая унесла пятьдесятъ тысячъ жертвъ;

*) Работникъ.

но доказательствомъ того, насколько велико было уваженіе къ знаменитому художнику, можетъ служить то, что только ему одному правительство разрѣшило устроить публичныя похороны въ годину ужаса и смерти.

Въ этой церкви есть также памятникъ Джону Фоскари, имя котораго прославилъ посѣтившій однажды Венецію лордъ Байронъ.

Памятникъ дожу Джіовани Пезаро въ этой церкви представляетъ нѣчто весьма интересное въ смыслѣ надгробныхъ украшеній. Онъ имѣетъ восемьдесятъ футовъ въ вышину, и фронтонъ его похожъ на фантастичный языческій храмъ. Возлѣ него стоятъ четыре колоссальныхъ нубійца, черные, какъ ночь, и одѣтые въ бѣлое мраморное платье. Черныя ноги ихъ голы, а сквозь отверстія въ рукавахъ и шароварахъ видна сухая черная блестящая кожа изъ мрамора. Кромѣ того, тутъ есть еще два бронзовыхъ скелета, которые держатъ въ рукахъ свитки, а два большихъ дракона поддерживаютъ саркофагъ. Наверху, среди всей этой чуши, возсѣдаетъ умершій дожъ.

Въ принадлежащихъ къ этой церкви зданіяхъ хранится государственный архивъ Венеціи. Онъ занимаетъ около трехсотъ комнатъ. Тутъ скрыта тайна исторіи Венеціи за тысячу лѣтъ, тутъ ея заговоры, тайный судъ, убійства, тутъ богатый матеріалъ для созданія самыхъ ужасныхъ таинственныхъ романовъ.

Мнѣ кажется, мы осмотрѣли все, что есть замѣчательнаго въ Венеціи. Мы смотрѣли на знаменитыя картины, пока наши глаза не уставали и не отказывались находить въ нихъ какой-нибудь интересъ. Что же тутъ удивительнаго, когда здѣсь тысяча двѣсти картинъ Пальмы младшаго и тысяча пятьсотъ картинъ Тинторетто? И въ такой же пропорціи были тутъ картины Тиціана и другихъ художниковъ. Мы видѣли знаменитую картину Тиціана: „Каинъ и Авель“, его же „Давидъ и Голіафъ“ и его же „Жертвоприношеніе Авраама“. Мы видѣли чудовищную картину Тинторетто, которая имѣетъ семьдесятъ четыре фута въ длину и не знаю сколько футовъ въ вышину, и нашли ее довольно полезной картиной. Мы перевидали безчисленное множество изображеній мучениковъ и святыхъ. Мнѣ не слѣдовало бы въ этомъ признаваться, но въ Америкѣ пока не можетъ представиться случай пріобрѣсти навыкъ критическаго сужденія о предметахъ искусства, а въ Европѣ я не могу надѣяться воспитать въ себѣ это чувство въ нѣсколько недѣль, поэтому-то я, не ставя себѣ этого особенно въ вину, могу заявить, что когда я смотрѣлъ на одного изъ этихъ мучениковъ, мнѣ казалось, что я видѣлъ ихъ всѣхъ. Они всѣ

имѣли между собою фамильное сходство, одинаково одѣты въ грубое монашеское платье и сандаліи, всѣ они лысы, всѣ стояли почти въ одинаковой позѣ и всѣ безъ исключенія смотрѣли на небо съ лицомъ, которое, какъ сообщили мнѣ Эйнсуорсы, Мортоны, Уильямсы et fils, было полно „экспрессіи". Для меня нѣтъ ничего осязательнаго въ этихъ мнимыхъ портретахъ, ничего такого, за что я могъ бы утѣшиться и чѣмъ могъ бы заинтересоваться. Старинные художники писали также картины и по исторіи Венеціи, и мы не уставали смотрѣть на нихъ, хотя бы на нихъ даже изображалось представленіе покойныхъ дожей Пресвятой Дѣвѣ Маріи въ заоблачномъ мірѣ.

Но, какъ мы ни скромны и ни претендательны въ дѣлѣ искусства, наши труды по изученію изображеній монаховъ и мучениковъ были не совсѣмъ напрасны. Мы усердно учились и добились нѣкотораго успѣха. Мы преодолѣли нѣкоторыя затрудненія, можетъ-быть, пустячныя въ глазахъ ученыхъ, но намъ они доставляли удовольствіе, а мы столько же гордимся нашими успѣхами, сколько гордятся и другіе, которые изучали больше нашего; и мы тоже любимъ выставлять наши знанія на показъ. Когда мы видимъ монаха, идущаго со львомъ и спокойно глядящаго на небо, мы знаемъ, что это св. Маркъ. Когда мы видимъ монаха съ книгой и перомъ, спокойно смотрящаго на небо и старательно подыскивающаго нужное ему слово, мы знаемъ, что это св. Матѳей. Когда мы видимъ монаха, сидящаго на скалѣ и спокойно смотрящаго на небо, при чемъ возлѣ него лежитъ человѣческій черепъ, мы знаемъ, что это св. Іеронимъ, потому что онъ всегда ходилъ налегкѣ, безъ багажа. Когда мы видимъ человѣка, спокойно смотрящаго на небо и не обращающаго вниманія на то, что его тѣло пронзаютъ стрѣлы, мы знаемъ, что это св. Севастіянъ. Когда мы видимъ другихъ монаховъ, спокойно смотрящихъ на небо, но не имѣющихъ особыхъ примѣтъ, то мы всегда спрашиваемъ, кто они такіе. Мы дѣлаемъ это потому, что въ смиреніи своемъ желаемъ научиться. Мы видѣли тринадцать тысячъ свв. Іеронимовъ, двадцать двѣ тысячи свв. Марковъ, шестнадцать тысячъ свв. Матѳеевъ, шестьдесятъ тысячъ свв. Севастьяновъ и четыре милліона различныхъ монаховъ безъ подписей и надѣемся, что когда мы осмотримъ побольше такихъ картинъ и будемъ опытнѣе, то начнемъ питать къ нимъ глубокій интересъ, подобно нашимъ просвѣщеннымъ землякамъ изъ Америки.

Теперь мнѣ дѣйствительно больно говорить такимъ почти непочтительнымъ тономъ о старинныхъ художникахъ и ихъ мученикахъ, потому что мои спутники по путешествію—мои друзья, знающіе толкъ въ живописи и умѣющіе отличить хо-

рошее отъ дурного,—эти самые друзья мои убѣждали меня, ради меня самого, не признаваться публично въ томъ, что у меня самого нѣтъ необходимыхъ знаній для строгой критической оцѣнки. Я думаю, что то, что я написалъ и что еще могу написать о картинахъ, огорчитъ ихъ, и я чистосердечно сожалѣю объ этомъ. Я даже обѣщалъ имъ, что сохраню мои непристойныя чувства въ моей собственной груди. Но—увы!—я никогда не могъ сдержать этого обѣщанія. Я не порицаю себя за эту слабость, потому что причина этого кроется въ моемъ организмѣ. Я, вѣроятно, обладаю большой способностью давать обѣщанія, но у меня, очевидно, совсѣмъ не развита способность держать эти обѣщанія. Я не люблю ничего вполовину. Я предпочитаю имѣть одну способность хорошо развитую, чѣмъ двѣ совершенно простыя, обыкновенныя способности. Я, конечно, хотѣлъ сдержать это обѣщаніе, но нашелъ, что не могу этого сдѣлать. Невозможно путешествовать по Италіи, не говоря о картинахъ, а развѣ я могъ смотрѣть на нихъ чужими глазами?

Мнѣ кажется, что если бы я возгордился при мысли, что я открылъ въ древней живописи, что она прекрасна и достойна всякой похвалы, удовольствіе это доставило бы мнѣ неминуемое доказательство того, что картина эта не прекрасна и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть достойна вниманія. Въ Венеціи со мной это случалось нѣсколько разъ, и при каждомъ подобномъ случаѣ проводникъ охлаждалъ мой энтузіазмъ замѣчаніемъ:

— Это пустяки... это Renaissanse.

Я не зналъ, что это за штука Renaissance, а потому всегда просто говорилъ.

— Ахъ, да! Я не замѣтилъ.

Такіе случаи повторялись очень часто, и мнѣ то и дѣло приходилось слышать раздражавшее меня замѣчаніе: „Это ничего... Это Renaissance“. Наконецъ я сказалъ:

— Кто такой этотъ Renaissance? Откуда онъ явился? Кто позволилъ ему набивать республику своей невыносимой мазней?

Тогда мы узнали, что Renaissance не человѣкъ, а терминъ, употребляющійся для обозначенія того, что является самое большее лишь несовершеннымъ возрожденіемъ искусства. Проводникъ сказалъ намъ, что послѣ Тиціана и другихъ великихъ именъ, съ которыми мы познакомились, высокое искусство стало приходить въ упадокъ; затѣмъ оно отчасти снова поднялось, явился рядъ низшихъ художниковъ и эти-то картины и были дѣломъ рукъ ихъ. Тогда я сгоряча сказалъ, что очень хотѣлъ бы, чтобы великое искусство пришло въ упадокъ лѣтъ на пятьсотъ раньше. Картины Renaissance мнѣ очень

нравятся, хотя, сказать правду, художники временъ ренессанса слишкомъ ужъ предавались изображенію обыкновенныхъ людей и недостаточно внимательно относились къ мученикамъ.

Проводникъ, о которомъ я говорилъ, былъ единственный изъ всѣхъ, съ какими намъ приходилось имѣть дѣло, который хоть что-нибудь зналъ. Онъ родился въ Южной Каролинѣ, и родители его были негры. Они прибыли въ Венецію, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Онъ выросъ здѣсь, получилъ хорошее воспитаніе. Онъ прекрасно читаетъ, пишетъ и говоритъ по-англійски, по-итальянски, по-испански и по-французски, любитъ искусство и хорошо знакомъ съ нимъ, знаетъ наизусть исторію Венеціи и никогда не устаетъ разсказывать о временахъ ея процвѣтанія. Онъ одѣвается, по-моему, лучше, чѣмъ любой изъ насъ, и утонченно вѣжливъ. Въ Венеціи негры считаются такими же людьми, какъ и бѣлые, а потому этотъ человѣкъ не чувствуетъ никакого желанія возвращаться на родину. Сужденіе это правильно.

Мы побывали въ Кампанилѣ, видѣли домъ Байрона, географа Бальби и дворцы всѣхъ прежнихъ герцоговъ и дожей въ Венеціи и видѣли ихъ изнѣженныхъ потомковъ, провѣтривающихъ свои благородныя особы въ модныхъ французскихъ нарядахъ на площади св. Марка, поѣдающихъ мороженое и пьющихъ дешевыя вина, вмѣсто того, чтобы носить доблестныя кольчуги и уничтожать флоты и арміи, какъ это дѣлали ихъ великіе предки во дни славы и могущества Венеціи. Мы не видѣли ни „браво“ съ окровавленными кинжалами, ни масокъ, ни дикаго карнавала, но мы видѣли прежнюю славу Венеціи, мрачныхъ бронзовыхъ коней, которые фигурируютъ въ тысячѣ легендъ. Венеція можетъ гордиться ими, потому что это единственныя лошади, какія у ней когда-либо были. Говорятъ, что въ этомъ интересномъ городѣ можно найти сотни людей, которые никогда не видѣли ни одной живой лошади во всю свою жизнь. Это, безъ сомнѣнія, истинная правда.

Итакъ, мы уѣзжаемъ завтра и предоставляемъ почтенной царицѣ всѣхъ республикъ увидѣть, хотя бы въ грезахъ, уничтоженные непріятельскіе корабли и разбитые полки призрачныхъ армій и хоть во снѣ пережить еще разъ свою минувшую славу.

XXIV.

Мы, какъ бы это сказать, устали осматривать заграничныя диковинки, и потому я дѣлалъ очень мало замѣтокъ и о Болоньѣ, напримѣръ, я записалъ только, что мы пріѣхали туда

въ хорошую погоду, но не видѣли никакихъ колбасъ, которыя такъ прославили это мѣсто.

Пистойя тоже возбудила только мимолетный интересъ. Флоренція заинтересовала насъ, но пробыли мы тамъ очень недолго. Помнится мнѣ, что намъ очень понравилась статуя Давида на большой площади и затѣмъ еще группа „Похищеніе собинянокъ". Мы, само собой разумѣется, побывали въ галлереяхъ Питти и Уфицци и мелькомъ видѣли множество картинъ и статуй. Мы пытались припомнить все, что знали изъ исторіи о Гвельфахъ и Гиббелинахъ, ссоры и убійства которыхъ занимаютъ такое видное мѣсто въ исторіи Флоренціи, но это оказалось очень скучной задачей. Мы видѣли за городомъ мѣсто, гдѣ кости Галилея цѣлые вѣка лежали зарытыми въ неосвященной землѣ только потому, что его великое открытіе о томъ, что земля вертится, католическое духовенство отвергло, какъ ересь, а потомъ мы узнали, что даже и много времени спустя послѣ того, какъ весь міръ принялъ его теорію, прахъ его все-таки продолжалъ лежать тамъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, литературное общество не перенесло его въ церковь Санта-Кроче. Въ этой же церкви видѣли мы и могилу Данта и очень обрадовались, когда узнали, что тѣла его тутъ нѣтъ и что неблагодарный городъ, который изгналъ его и преслѣдовалъ его, дорого бы далъ за то, чтобы перенести его прахъ въ эту могилу, но и надѣяться не могъ удостоиться когда-либо этой высокой чести. Для Флоренціи достаточно Медичей, и поэтому пусть она сооружаетъ имъ памятники чтобы доказать, съ какой благодарностью она лижетъ руку, которая ее бичевала.

Флоренція славится своими работами по мозаикѣ. Флоренція любитъ, когда ей говорятъ это, и гордится этимъ. Флоренція должна покровительствовать этой своей спеціальности. Она очень благодарна художникамъ, которые наполняютъ ея сундуки иностранными монетами, и она выдаетъ имъ пенсіи. Пенсіи! Подумайте, какая щедрость! Она знаетъ, что занимающіеся мозаичной работой люди умираютъ рано отъ этой изнурительной работы, и потому она постановила, что всѣ они, достигнувъ шесятидестилѣтняго возраста, имѣютъ право на пенсію! Я ни отъ кого не слыхалъ, однакоже, чтобы пенсіи эти кому-нибудь выдавались, хотя одинъ изъ дожившихъ до шестидесяти лѣтъ и являлся за пенсіей, но у него въ метрикѣ оказалась ошибка на одинъ годъ, а до новаго срока онъ не дожилъ и умеръ.

Я видѣлъ тутъ въ главной школѣ мозаики маленькій столикъ, доска котораго была сдѣлана изъ какого-то драгоцѣн-

наго отполированнаго камня, а въ этотъ камень была вдѣлана удивительно тонкой отдѣлки флейта съ отверстіями и массой ключей. Эта художественной работы доска, какъ говорятъ, стоила одному человѣку десяти долгихъ лѣтъ работы, а между тѣмъ столикъ продавался всего за тридцать пять тысячъ долларовъ.

Мы нѣсколько разъ заходили въ церковь Санта-Кроче, чтобы поплакать надъ могилами Микель Анджело, Рафаэля и Маккіавелли (я думаю, что они похоронены здѣсь, но возможно, впрочемъ, что они пребываютъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и сдаютъ въ аренду свои могилы другимъ,—таковъ обычай въ Италіи), а затѣмъ мы не разъ ходили также постоять на мостахъ, перекинутыхъ черезъ Арно, и полюбоваться этой исторической рѣкой или, вѣрнѣе, ручьемъ, такъ какъ она имѣетъ всего четыре фута въ ширину.

Какъ, однако, усталость и утомительное путешествіе вліяютъ на наши взгляды и сужденія! Попади я во Флоренцію при другихъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, мѣсяцъ тому назадъ, я нашелъ бы все прекраснымъ и великолѣпнымъ, а теперь получилось совершенно иное впечатлѣніе. Однажды вечеромъ я отправился часовъ въ девять побродить по городу, заблудился въ лабиринтѣ узкихъ улицъ Флоренціи и прошатался до поздней ночи, тщетно разыскивая дорогу къ своему отелю. Я изнемогалъ отъ усталости, но на опустѣвшихъ улицахъ не видно было даже полицейскихъ. Наконецъ около часу ночи я неожиданно очутился возлѣ городскихъ воротъ и съ грустью сдѣлалъ открытіе, что забрелъ очень далеко отъ отеля. Стоявшимъ на караулѣ солдатамъ показалось, что я хочу уйти тайкомъ изъ города, и они преградили мнѣ путь своими ружьями. Я сказалъ:

— Hôtel d' Europe! (Европейская гостиница).

Это было все, что я зналъ по-итальянски, и я даже не былъ увѣренъ, по-итальянски это или по-французски. Солдаты глупо посмотрѣли другъ на друга и на меня, покачали головами и взяли меня подъ стражу. Я сказалъ, что хочу домой. Они не поняли меня, отвели на гауптвахту, обыскали, но нашли только небольшой кусочекъ мыла (мы возили теперь мыло съ собой), и я подарилъ его имъ, видя, что они разсматриваютъ его, какъ рѣдкость. Я продолжалъ повторять Hotel d'Europe, а они продолжали покачивать головами, пока не проснулся клевавшій въ углу носомъ молодой солдатъ и сказалъ имъ что-то, чего я не понялъ; вѣроятно, онъ сказалъ, что знаетъ, гдѣ находится этотъ отель, потому что офицеръ послалъ его со мною. Мы прошли сто или полтораста миль, какъ мнѣ показалось, и онъ

заблудился. Онъ поворачивалъ туда, сюда и, наконецъ, знаками объяснилъ мнѣ, что намѣренъ вернуться обратно на гауптвахту; но какъ разъ въ эту минуту стоявшій на другой сторонѣ улицы домъ показался мнѣ знакомымъ; это былъ мой отель.

Въ Пизѣ мы взбирались на вершину самаго стариннаго сооруженія въ мірѣ, какое только извѣстно, — на Падающую башню. Какъ всѣмъ извѣстно, она имѣетъ около ста восьмидесяти футовъ въ вышину, и я прошу замѣтить, что сто восемьдесятъ футовъ равняются четыремъ обыкновеннымъ трехъэтажнымъ домамъ, нагроможденнымъ другъ на друга, и это весьма значительная величина для башни, даже когда она стоитъ прямо, а эта башня отклонена отъ перпендикуляра больше, чѣмъ на тринадцать футовъ. Ей семьсотъ лѣтъ, но ни въ исторіи ни въ преданіи не упоминается, была ли она такъ построена нарочно, или же одинъ изъ ея боковъ осѣлъ. Нѣтъ также указаній на то, что она когда-либо стояла прямо. Она построена изъ мрамора. Это воздушное и красивое сооруженіе, и каждый изъ его восьми этажей окруженъ колоннами изъ мрамора и изъ гранита съ коринѳскими капителями, которыя были красивы, когда были новы. Наверху башни помѣщаются старинные часы съ курантами. Мы поднялись наверхъ по темной винтовой лѣстницѣ, которая идетъ внутри башни. Если, стоя на верху башни, посмотрѣть оттуда внизъ, то въ сердце невольно закрадывается чувство тревоги; но если подползти на груди къ краю наклонной стороны и попробовать вытянуть шею настолько, чтобы увидать основаніе башни, у васъ дрожь пробѣжитъ по всему тѣлу и вамъ покажется на одну минуту, вопреки всѣмъ доказательствамъ здраваго смысла, что башня падаетъ, и все время, пока вы будете смотрѣть внизъ, вамъ будетъ казаться, что ничтожная тяжесть вашего тѣла можетъ нарушить равновѣсіе, если вы по неосторожности продвинетесь еще чуть-чуть дальше.

Тутъ же поблизости стоитъ Il Duomo, одинъ изъ прекраснѣйшихъ соборовъ въ Европѣ. Ему восемьсотъ лѣтъ. Окруженный бѣдностью и развалинами онъ даетъ болѣе осязательное впечатлѣніе прежняго величія Пизы, чѣмъ это могли бы дать книги.

Крестильня, которая нѣсколькими годами старше Падающей башни,—величественная ротонда громадныхъ размѣровъ, сооруженіе которой стоило очень дорого. Тутъ виситъ лампада, мѣрное покачиваніе которой навело Галилея на изобрѣтеніе маятника. Она имѣетъ слишкомъ незначительный видъ для того, чтобыя сыграть важную роль въ наукѣ и расширить область знані въ механикѣ до такихъ предѣловъ.

Эта крестильня обладаетъ самымъ пріятнымъ эхо изъ всѣхъ, о которыхъ когда-либо приходилось читать. Проводникъ громкимъ голосомъ взялъ двѣ ноты, съ интерваломъ въ полъ-октавы; эхо отвѣтило самымъ очаровательнымъ, самымъ мелодичнымъ, самымъ богатымъ сочетаніемъ звуковъ, какіе только можно себѣ представить. Это былъ какъ бы протяжный аккордъ церковнаго органа, безконечно смягченный разстояніемъ. Я, можетъ-быть, преувеличилъ, но это ужъ виноваты мои уши, а не перо. Я записываю это, какъ воспоминаніе, которое надолго останется у меня въ памяти.

Своеобразно религіозный духъ прежняго времени, который ставилъ всего выше внѣшнія формы и который вѣрилъ въ покровительство неодушевленныхъ предметовъ, освященныхъ прикосновеніемъ къ священнымъ вещамъ, особенно рѣзко бросается въ глаза на одномъ изъ кладбищъ въ Пизѣ. Тамъ копаютъ могилы въ землѣ, привезенной на корабляхъ изъ Святой земли много вѣковъ тому назадъ. Быть похороненнымъ въ такой землѣ считалось древними пизанцами болѣе могущественнымъ путемъ къ спасенію, чѣмъ множество обѣденъ въ церкви и возженіе свѣчей Пресвятой Дѣвѣ.

Полагаютъ, что Пиза существуетъ около трехъ тысячъ лѣтъ. Она была однимъ изъ двѣнадцати главнѣйшихъ городовъ Этруріи, которая оставила столько памятниковъ въ доказательство своего необыкновеннаго преуспѣянія и такъ мало связной и удобопонятной исторіи. Одинъ тамошній антикварій подарилъ мнѣ древнюю урну, которой, по его словамъ, было четыре тысячи лѣтъ. Она была найдена среди развалинъ одного изъ самыхъ древнихъ этрусскихъ городовъ. Онъ сказалъ мнѣ, что она добыта изъ могилы и, вѣроятно, принадлежала какой-нибудь осиротѣлой семьѣ въ тѣ отдаленныя времена, когда египетскія пирамиды были еще молоды, когда Дамаскъ былъ деревней, когда Авраамъ былъ еще ребенкомъ, когда о древней Троѣ еще и не думали, — назначеніе этой урны было принимать слезы, которыя проливались надъ могилой членовъ семьи.

Въ средніе вѣка Пиза была самостоятельной республикой, имѣла свою собственную армію, флотъ и вела обширную торговлю. Она представляла военную силу, и на ея знаменахъ начертано множество блестящихъ сраженій съ Генуей и турками. Говорятъ, что въ этомъ городѣ нѣкогда насчитывалось до четырехсотъ тысячъ душъ населенія; но теперь скипетръ выскользнулъ у нея изъ рукъ, флотъ и армія исчезли, торговля замерла, а ея громадное населеніе уменьшилось до двадцати тысячъ душъ.

Мы прибыли въ Ливорно какъ разъ во время, чтобы осмотрѣть тамъ все, что мы желали видѣть, задолго до того, какъ закрываютъ тамъ ворота на ночь, а затѣмъ вернулись на пароходъ.

Мы чувствовали себя такъ, какъ будто уже цѣлый вѣкъ выѣхали изъ дому. Мы никогда такъ не цѣнили раньше всей прелести нашей клѣтки-каюты и нашей уютной гостиной и столовой, гдѣ мы сходились всей семьей и бесѣдовали на своемъ всѣмъ намъ понятномъ родномъ языкѣ. Мы рѣшили не съѣзжать на берегъ въ Ливорно. Намъ довольно теперь итальянскихъ городовъ, и мы предпочитаемъ прогуливаться по знакомой палубѣ и смотрѣть на все это издали. Глупые представители власти въ Ливорно никакъ не могутъ понять, чтобы такой большой пароходъ, какъ нашъ, могъ переплыть черезъ Атлантическій океанъ, не преслѣдуя какой-нибудь подозрительной цѣли; наконецъ они порѣшили, что мы поджигатели или переодѣтые гарибальдійцы, и пресерьезно отрядили для наблюденія за нами военную шлюпку, кромѣ которой за нами слѣдятъ еще нѣсколько лодокъ съ полицейскими. Нѣкоторые изъ насъ посѣтили вчера генерала Гарибальди (по его приглашенію), но это посѣщеніе только еще болѣе подкрѣпило тяготѣвшее надъ нами подозрѣніе, и представители власти теперь убѣждены, что тутъ идетъ дѣло о кровавомъ заговорѣ.

Говорятъ, что насъ, вѣроятно, задержатъ въ карантинѣ въ Неаполѣ. Двое или трое изъ насъ предпочитаютъ не подвергать себя такому риску и поэтому, когда мы отдохнемъ, мы предполагаемъ отправиться на французскомъ пароходѣ въ Чивита-Веккію, а оттуда въ Римъ и затѣмъ уже по желѣзной дорогѣ въ Неаполь. Вагоны не задерживаютъ въ карантинѣ, гдѣ бы они ни взяли своихъ пассажировъ.

XXV.

Въ Италіи есть много такого, чего я не понимаю, а особенно не могу я понять, какъ это разоренное правительство можетъ имѣть такіе роскошные желѣзнодорожные вокзалы и такія удивительныя зданія на заставахъ, а между тѣмъ здѣсь не берутъ пошлинъ на заставахъ.

Что касается желѣзныхъ дорогъ, то у насъ нѣтъ ничего подобнаго. Вагоны скользятъ по рельсамъ, точно на лыжахъ. Станціи-дворцы изъ мрамора съ величественными колоннами изъ того же роскошнаго камня; стѣны и потолки расписаны фреско. Высокіе дебаркадеры украшены статуями, а полы вездѣ выложены полированными мраморными плитами.

Это меня привлекаетъ гораздо больше, чѣмъ сотни итальянскихъ галлерей съ безцѣнными предметами искусства, потому что одно я понимаю, а въ томъ, въ другомъ, я не компетентенъ. Во всемъ этомъ я вижу подражаніе Луи-Наполеону; но Луи заботился о томъ, чтобы во Франціи былъ фундаментъ для этихъ улучшеній — деньги. Онъ всегда могъ поддержать свои проекты; они усиливали Францію, а не ослабляли ея. Ея матеріальное процвѣтаніе естественно. Но тутъ другое дѣло. Италія разорена. Тутъ благосостояніе только кажущееся,—въ казнѣ нѣтъ денегъ. Италія исполнила свое завѣтное желаніе, сдѣлалась независимымъ государствомъ, и, сдѣлавъ это, она выиграла слона въ политической лотереѣ. Но ей не чѣмъ кормить его. Неопытная въ дѣлахъ правленія, она погрузилась во всякаго рода безполезныя траты и почти въ одинъ день поглотила всю свою казну.

Годъ тому назадъ, когда Италія видѣла передъ собою полное разореніе, когда ея кредитные билеты цѣнились не многимъ дороже той бумаги, на которой они были напечатаны, ея парламентъ отважился на такой подвигъ, который устрашилъ бы сильнѣйшихъ государственныхъ людей ея при менѣе отчаянныхъ обстоятельствахъ. Онъ нѣкоторымъ образомъ конфисковалъ церковныя владѣнія! И это въ Италіи, которая всецѣло въ рукахъ у духовенства! Въ Италіи есть тысячи церквей, каждая съ несчетными милліонами сокровищъ, хранящихся въ ея кладовыхъ, и каждая съ батальономъ священниковъ, которыхъ надо содержать. Затѣмъ тамъ есть церковныя владѣнія, громаднѣйшія пространства лучшихъ земель и лѣсовъ въ Италіи; все это даетъ огромный доходъ церкви, которая не платитъ ни одного цента государству. И вотъ правительство намѣрено взять себѣ значительную часть доходовъ, получаемыхъ съ церковныхъ земель, лѣсовъ, заводовъ и проч., а также намѣревается завладѣть церквами и заботиться о нихъ на свой собственный ладъ и на свою собственную отвѣтственность. Въ немногихъ случаяхъ оно оставитъ учрежденія главныхъ любимыхъ церквей не тронутыми, но во всѣхъ остальныхъ только треть духовенства останется для совершенія службъ и произнесенія проповѣдей, а всѣмъ остальнымъ выдадутъ пенсію, и финансовый балансъ государства сейчасъ же измѣнится къ лучшему.

Взгляните на нѣкоторыя изъ этихъ церквей, и вы увидите, правильно поступило правительство или нѣтъ. Въ Венеціи теперь на сто тысячъ жителей тысяча двѣсти человѣкъ духовенства. Одному Богу извѣстно, сколько ихъ было тутъ прежде, чѣмъ парламентъ уменьшилъ ихъ число. Тутъ была знамени-

тая церковь іезуитовъ, при которой состояло шестьдесятъ священниковъ, а теперь правительство оставило только пятерыхъ, а остальныхъ уволило со службы. Все вокругъ этой церкви разореніе и бѣдность. У ея дверей къ намъ протянулась цѣлая дюжина шапокъ и чепцовъ, столько же головъ смиренно склонилось и столько же рукъ протянулось, прося милостыню... Затѣмъ мы прошли въ большія двери, и намъ показалось, что передъ нами собраны богатства всего міра! Огромныя колонны, высѣченныя изъ цѣльнаго мрамора и выложенныя сверху донизу сотней запутанныхъ фигуръ изъ цѣннаго малахита; каѳедры изъ того же богатаго матеріала; громадный алтарь блисталъ гладкой поверхностью и балюстрадами изъ агата, яшмы, малахита и другихъ драгоцѣнныхъ камней, названія которыхъ мы даже рѣдко слышимъ, а глыбы лапись-лазури были такъ щедро разбросаны повсюду, какъ будто церковь имѣла свои собственныя ломни этого камня. Среди всего этого великолѣпія массивная золотая и серебряная утварь и украшенія алтаря казались чѣмъ-то дешевымъ и зауряднымъ. Даже полы и потолки стоили цѣлаго громаднаго состоянія.

На мой взглядъ, Италія въ теченіе тысячи пятисотъ лѣтъ употребляла всю свою энергію, всѣ свои финансы, всю свою изобрѣтательность на постройку замѣчательныхъ зданій для церквей и морила половину своихъ гражданъ за выполненіемъ работы. Теперь она представляетъ собою огромный музей великолѣпія и нищеты.

Взгляните на соборъ во Флоренціи, который строился цѣлыхъ пятьсотъ лѣтъ, но и теперь еще не оконченъ. Какъ и другіе, я палъ ницъ и преклонился передъ нимъ, но когда меня окружили нищіе, я возмутился. При этомъ соборѣ служатъ триста счастливыхъ, спокойныхъ священниковъ.

Въ той же Флоренціи есть большой мавзолей, построенный для погребенія Господа нашего Спасителя и Медичей. Это звучитъ кощунственно, но это вѣрно, и тутъ дѣйствительно совершается кощунство. Умершіе и всѣми проклинаемые Медичи, которые жестоко тиранили Флоренцію и были ея проклятіемъ цѣлыхъ двѣсти лѣтъ, лежатъ подъ расположенными кругообразно сводами, а среди нихъ долженъ былъ помѣщаться гробъ Господень. Посланная въ Іерусалимъ экспедиція съ порученіемъ добыть гробъ Господень потерпѣла неудачу, а потому центръ мавзолея до сихъ поръ остается незанятымъ. Говорятъ, что весь мавзолей предназначался для гроба Господня и былъ обращенъ въ семейный склепъ только послѣ того, какъ не удалась экспедиція въ Іерусалимъ, но вы меня извините, нѣкоторые изъ этихъ Медичей, навѣрное, втиснули бы туда и

самихъ себя. Ихъ заурядные давнымъ-давно позабытые подвиги на сушѣ и на морѣ изображены на большихъ фрескахъ (какъ это было у древнихъ дожей въ Венеціи), и тамъ Спаситель и Пресвятая Дѣва бросаютъ имъ букеты съ облаковъ, а Богъ-Отецъ рукоплещетъ имъ со Своего трона на небѣ! Кто же написалъ это? Тиціанъ, Тинторетто, Поль Веронезъ, Рафаэль, никто другой, какъ эти кумиры всего свѣта, эти „старинные художники“.

Андреа дель Сарто прославилъ своихъ принцевъ на картинахъ, которыя навсегда должны спасти ихъ отъ забвенія, котораго они заслуживали, а они дали ему умереть съ голоду. Рафаэль изобразилъ такую злодѣйку, какъ Екатерину Медичи, сидящей на небѣ и фамиліарно бесѣдующей съ Пресвятой Дѣвой Маріей и съ ангелами (не говоря уже о высшихъ духахъ), и мои друзья еще обвиняли меня за то, что я немного предубѣжденъ противъ старыхъ мастеровъ, потому что мнѣ не удается видѣть красоту, которая находится въ ихъ произведеніяхъ. Я не могу не видѣть ея иногда, но я протестую противъ этого пресмыканія, которое довело этихъ художниковъ до такого униженія.

Мавзолей Медичей не выходитъ у меня изъ памяти. Онъ величиной съ церковь; его большой куполъ украшенъ роскошными фресками; стѣны его сдѣланы изъ краснаго порфира, малахита, яшмы, агата, алебастра, перламутра, халкедона, краснаго коралла, лапись-лазури! Всѣ стѣны сдѣланы цѣликомъ изъ этихъ драгоцѣнныхъ камней и такъ отполированы, что въ нихъ, какъ въ зеркалахъ, отражался весь куполъ. Передъ статуей одного изъ этихъ умершихъ Медичей покоится корона, сверкающая алмазами и изумрудами, которыхъ хватило бы на покупку линейнаго корабля, если только они настоящіе. Таковы вещи, на которыя правительство смотритъ жадными глазами, и счастье будетъ для Италіи, когда всѣ эти сокровища попадутъ въ государственную казну.

А теперь... А теперь, послѣ того, какъ я столько наговорилъ дурного о католическомъ духовенствѣ и о церквахъ, справедливость требуетъ, чтобъ я сказалъ что-нибудь и хорошее, если только я это знаю. Я и въ самомъ дѣлѣ слышалъ не мало и такого, что можетъ рекомендовать католическое духовенство и съ хорошей стороны; но самымъ замѣчательнымъ дѣломъ духовенства, о которомъ вспоминается мнѣ теперь, является самоотверженіе одного изъ нищенствующихъ монашескихъ орденовъ во время свирѣпствовавшей здѣсь въ прошломъ году холеры. Я говорю о доминиканскихъ монахахъ, которые носятъ грубыя, тяжелыя, бураго цвѣта рясы и капюшонъ въ этомъ жаркомъ

климатѣ и ходятъ босикомъ. Они, если не ошибаюсь, живутъ исключительно подаяніемъ. Они должны безспорно любить свою религію, потому что такъ много страдаютъ за нее. Когда холера свирѣпствовала въ Неаполѣ, когда народъ сотнями умиралъ каждый день, когда заботы о народномъ благѣ были поглощены своими частными интересами, и каждый гражданинъ заботился только о себѣ, эти люди группами ходили по городу, ухаживали за больными и погребали мертвыхъ. Ихъ благородныя стремленія стоили многимъ изъ нихъ жизни.

Одинъ изъ такихъ босоногихъ жирныхъ монаховъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ нами въ Чивита-Веккію на маленькомъ французскомъ пароходѣ. Насъ было всего шестеро въ каютѣ. Онъ былъ душой общества на пароходѣ, этотъ кровожадный сынъ инквизиціи! Онъ и дирижеръ морского оркестра на французскомъ военномъ суднѣ играли на піанино и пѣли изъ оперъ; они пѣли вмѣстѣ дуэты, придумывали импровизованные театральные костюмы и давали намъ необычайныя представленія, состоявшія изъ фарсовъ и пантомимъ, и мы очень много бесѣдовали, хотя онъ и не понималъ того, что мы говорили и, конечно, не могъ произнести самъ ни одного слова, по которому мы могли бы догадаться, о чемъ идетъ рѣчь.

Чивита-Веккія—прекрасное гнѣздо парши и невѣжества, какое намъ когда-либо приходилось видѣть, кромѣ африканскаго Танжера, который совсѣмъ такой же, какъ это отвратительное мѣстечко. Здѣсь люди живутъ въ узкихъ, ярда въ два ширины, улицахъ, которыя имѣютъ свой особенный невыносимый запахъ. Улицы эти вымощены камнемъ и усѣяны дохлыми кошками, разлагающимися овощами, остатками старыхъ сапогъ, пропитанныхъ водой изъ лужъ, а люди сидятъ себѣ тутъ же, на улицѣ, и наслаждаются. Они лѣнивы, какъ это, впрочемъ, и должно быть. Они работаютъ часа два или три подъ рядъ, но не тяжелую работу, а затѣмъ... ловятъ мухъ. Это не требуетъ никакихъ особенныхъ талантовъ, потому что поймать муху очень легко, а какую именно поймать муху, ту или другую—это имъ рѣшительно все равно, лишь бы поймать. У нихъ есть и другія насѣкомыя, но они этимъ не гордятся. Это очень спокойный, непретендательный народъ. У нихъ этого добра больше, чѣмъ у кого бы то ни было, но они не хвастаются.

Они очень нечистоплотны и, когда они видятъ на комъ-нибудь чистую рубашку, это возбуждаетъ въ нихъ презрѣніе. Ихъ женщины полдня полощутъ бѣлье въ общественныхъ водоемахъ на улицахъ, но вѣрно это какое-нибудь другого бѣлье. Или, можетъ-быть, у нихъ имѣется одна особая смѣна для ношенія, а другая для стирки, потому что онѣ никогда не надѣваютъ

ничего стираннаго. Когда онѣ кончатъ стирать, онѣ садятся на улицахъ и кормятъ своихъ дѣтей.

Вся эта страна принадлежитъ къ Папской области. Здѣсь, повидимому, совсѣмъ нѣтъ школъ, и грамотность стоитъ на очень низкой ступени. Часть мужчинъ идетъ въ военную службу, другая въ духовную, а остальные занимаются сапожнымъ ремесломъ.

Здѣсь ведется паспортная система, такъ же, какъ и въ Турціи. Это показываетъ, что Папская область настолько же подвинулась впередъ, какъ и Турція. Я тоже долженъ былъ предъявить по Флоренціи свой паспортъ, чтобы получить разрѣшеніе на поѣздку въ Римъ. Кромѣ того, на станціи осмотрѣли мой багажъ и взяли одинъ изъ самыхъ удачныхъ моихъ юмористическихъ очерковъ и тщательно прочитали его два раза; но онъ оказался слишкомъ мудренымъ для нихъ, и они съ хмурыми лицами передавали его другъ другу. Наконецъ какой-то ветеранъ прочелъ его весь по складамъ, раза три или четыре покачалъ головой и сказалъ, что, по его мнѣнію, онъ бунтовской. Я серьезно испугался за участь моей рукописи и сталъ имъ объяснять содержаніе очерка; но мои объясненія только еще болѣе смутили ихъ, и они кончили тѣмъ, что конфисковали мою рукопись и теперь она, вѣроятно, хранится гдѣ-нибудь при дѣлѣ въ архивѣ въ Римѣ, какъ доказательство во время предупрежденнаго заговора противъ папы. Я думаю, что все время, пока я пробуду въ Римѣ, полиція будетъ слѣдить за мной по пятамъ, потому что въ ея глазахъ я весьма опасный субъектъ.

Въ Чивита-Веккія страшно жарко. Улицы тамъ очень узкія, а массивные дома очень высокіе въ защиту отъ жары. Это первый итальянскій городъ, не имѣющій, повидимому, покровителя изъ числа святыхъ; но это, я думаю, объясняется тѣмъ, что ни одинъ святой, кромѣ того, который поднялся на огненной колесницѣ на небо, не могъ бы выдержать такого климата.

Здѣсь нечего осматривать. Здѣсь нѣтъ даже собора съ литыми изъ серебра фигурами святыхъ; здѣсь нѣтъ старинныхъ картинъ, нѣтъ частицъ мощей, нѣтъ даже ни одного гвоздя изъ креста Господня, и поэтому мы уѣзжаемъ въ Римъ.

XXVI.

Что доставляетъ самое высшее наслажденіе? Что наполняетъ сердце человѣка гордостью? Сознаніе, что онъ сдѣлалъ открытіе, что онъ ходилъ тамъ, гдѣ до него не ходили другіе, что онъ видѣлъ то, чего не видѣлъ прежде человѣческій глазъ, что

онъ вдыхаетъ дѣвственную атмосферу, что ему первому пришла въ голову великая мысль... Открыть новую планету, изобрѣсти новый винтъ, найти способъ заставить молнію передавать наши посланія, быть первымъ—вотъ что доставляетъ высшее наслажденіе. Что же есть для меня въ Римѣ такого, чего не видали бы до меня другіе? Чего бы такого я могъ тамъ коснуться, чего не касались бы другіе прежде меня? Что мнѣ тамъ изучать, къ чему прислушиваться, что могло бы поразить меня перваго? Что я могу тамъ открыть? Ничего и ничего. Другое дѣло, если бы я былъ римляниномъ! Если бы, кромѣ моей собственной, я былъ бы одаренъ новѣйшею римскою медлительностью, новѣйшимъ римскимъ суевѣріемъ, новѣйшимъ римскимъ невѣжествомъ, сколько бы неожиданныхъ чудесъ могъ я тогда открыть! Ахъ, если бы я былъ жителемъ Кампаньи, лежащей въ двадцати пяти миляхъ отъ Рима! Тогда я отправился бы путешествовать.

Я поѣхалъ бы въ Америку посмотрѣть, поучиться, а затѣмъ, вернувшись въ Кампанью, я бы сказалъ своимъ соотечественникамъ:

— Я видѣлъ страну, о которой не печется святая католическая церковь и гдѣ народъ все-таки живетъ. Я видѣлъ государство, которое никогда не охраняли иноземные солдаты, нанимаемые за плату бо́льшую, чѣмъ требуется на содержаніе самого государства. Я видѣлъ простыхъ мужчинъ и простыхъ женщинъ, которые умѣютъ читать; я видѣлъ маленькихъ дѣтей изъ простонародья, умѣющихъ не только читать, но и писать. Въ городахъ я видѣлъ, какъ люди пили превосходный напитокъ, приготовляемый изъ мѣлу и воды, но ни разу не видалъ, чтобы козъ гоняли черезъ Бродъуэй или по улицамъ Пенсильваніи или Монгомери и доили у дверей домовъ. Я видѣлъ настоящія зеркальныя стекла въ окнахъ домовъ даже самаго простого народа. Нѣкоторые дома тамъ выстроены даже изъ дерева и такіе дома тамъ иногда сгораютъ до основанія, такъ что не остается никакого слѣда. А въ доказательство того, что это не рѣдкость, я могу сказать, что у нихъ есть такая штука, которую они называютъ пожарной трубой, которая изрыгаетъ цѣлые потоки воды и которую всегда держатъ наготовѣ днемъ и ночью, чтобы заливать дома, когда они горятъ. Въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ имѣется по цѣлой сотнѣ такихъ трубъ и при нихъ держатъ людей и платятъ имъ жалованье только за то, чтобъ они тушили пожаръ. Тамъ страхуютъ свои дома и въ случаѣ пожара получаютъ стоимость сгорѣвшаго. Тамъ сотни тысячъ школъ, и всякій можетъ ходить въ школу учиться и стать такимъ же образованнымъ, какъ священникъ.

Въ этой удивительной странѣ, если богатый умираетъ грѣшникомъ, то онъ не можетъ купить себѣ спасенія заупокойными обѣднями. Тамъ хотя и нельзя ничего купить себѣ за деньги на томъ свѣтѣ, но зато на этомъ свѣтѣ богатымъ въ той странѣ живется ничѣмъ не хуже, чѣмъ знатнымъ людямъ въ Италіи. Тамъ женщины почти каждый день надѣваютъ другое платье, такъ называемаго моднаго фасона, а моды эти мѣняются тамъ очень и очень часто. У американскихъ женщинъ не растутъ на головѣ волосы, а онѣ покупаютъ ихъ въ магазинахъ у парикмахеровъ. Тамъ многіе люди носятъ стеклянные глаза, въ которые они, должно-быть, хорошо видятъ, а иначе они не стали бъ ихъ и носить; потомъ у многихъ во рту зубы, сдѣланные кощунственной рукой человѣка. Мужчины тамъ одѣваются очень смѣшно. Они не носятъ постоянно ни ружей, ни длинныхъ шпагъ, ни остроконечныхъ черныхъ мѣховыхъ шапокъ, ни кожаныхъ гетръ, доходящихъ до колѣнъ, ни брюкъ изъ козьей кожи шерстью наружу, ни подбитыхъ гвоздями башмаковъ, ни удивительныхъ шпоръ. Они носятъ цилиндрической формы шляпы, черный сюртукъ, рубашку, на которой такъ легко замѣтить грязь, что ее надо мѣнять каждый мѣсяцъ, что очень затруднительно; затѣмъ они носятъ панталоны, которыя поддерживаются подтяжками, а на ногахъ они носятъ сапоги, которые очень смѣшны и очень не прочны.

Я видѣлъ тамъ людей изъ самаго низшаго класса, владѣвшихъ на правахъ собственности землей, которую они обрабатывали. Тамъ можно хоть три раза подрядъ вывалиться изъ окна и не раздавить ни одного солдата, ни одного священника. Малочисленность этого класса людей тамъ удивительна. Съ жидами тамъ обращаются, какъ съ человѣческими существами, а не какъ съ собаками. Они могутъ заниматься какими имъ угодно дѣлами; они могутъ даже пожимать руки христіанъ и могутъ входить съ ними въ товарищество совершенно такъ же, какъ и всѣ остальные люди; они могутъ жить въ любой части города, какая имъ больше нравится; говорятъ даже, что они имѣютъ право покупать землю и дома и сами владѣть ими, хотя я лично въ этомъ и сомнѣваюсь; имъ никогда не приходится бѣгать нагими по улицамъ наперегонки, чтобъ угодить публикѣ на масленицѣ; тамъ ихъ никогда не загоняютъ съ помощью солдатъ въ церковь каждое воскресенье цѣлыя сотни лѣтъ, чтобы слушать, какъ проклинаютъ ихъ самихъ, а въ особенности ихъ религію. У нихъ нѣтъ нищенствующихъ монаховъ, которые ходятъ по городамъ и селамъ, собирая на церковь и себѣ на пропитаніе; тамъ у проповѣдниковъ по двѣ или по три перемѣны платья, и они иногда умываются. Тамъ

есть горы гораздо выше Албанскихъ, обширная римская Кампанья, имѣющая сто миль въ длину и полныхъ сорокъ въ ширину, положительно мала сравнительно съ Соединенными Штатами Америки; Тибръ,—эта знаменитая наша рѣка, которая простираетъ свои могучія воды почти на двѣсти миль и черезъ которую вблизи Рима мальчишка, пожалуй, даже и не перебросить камень, не такъ длинна и все же не такъ широка, какъ американская рѣка Миссисипи или же Огіо, или даже Гудзонъ. Въ Америкѣ люди не царапаютъ землю заостренной палкой или треугольнымъ кускомъ дерева, какъ это дѣлается у насъ три тысячи лѣтъ; они пашутъ землю плугомъ, который прорѣзаетъ землю на цѣлыхъ пять дюймовъ. Но это не все. Они жнутъ хлѣбъ машинами, а потомъ они употребляютъ еще плугъ, который дѣйствуетъ огнемъ и паромъ и взрываетъ акръ земли въ одинъ часъ. Но... но... я вижу по вашимъ глазамъ, что вы не вѣрите тому, что я вамъ говорю. Увы!—я погибъ, я заклейменъ названіемъ лгуна.

Мы, конечно, часто бывали въ храмѣ св. Петра. Я зналъ его размѣры, зналъ, что онъ въ длину имѣетъ почти столько же, сколько и капитолій въ Вашингтонѣ, т.-е. семьсотъ тридцать футовъ; я зналъ, что въ ширину онъ имѣетъ триста шестьдесятъ четыре фута и, слѣдовательно, шире капитолія; зналъ, что крестъ на вершинѣ купола этого храма стоитъ на высотѣ четырехсотъ тридцати восьми футовъ надъ землей и поэтому на сто или даже на сто двадцать пять футовъ выше купола капитолія. Такимъ образомъ, у меня было мѣрило, и мнѣ хотѣлось составить себѣ правильное представленіе о томъ, какой онъ имѣетъ видъ; мнѣ любопытно было посмотрѣть, насколько я ошибался. И оказалось, что я сильно ошибся. Храмъ св. Петра показался мнѣ вовсе не такимъ большимъ, какъ капитолій, и притомъ снаружи онъ былъ въ двадцать разъ менѣе красивъ, чѣмъ внутри. Когда мы вошли въ церковь, она далеко не показалась намъ такой громадной. Мнѣ пришлось прибѣгнуть къ вычисленіямъ, поискать въ памяти нѣсколько сравненій. Соборъ св. Петра великъ. По вышинѣ и размѣрамъ онъ представляетъ собою два вашингтонскихъ капитолія, поставленныхъ одинъ на другой, если бы капитолій былъ пошире; но онъ вовсе не казался такимъ огромнымъ, потому что въ немъ все было удивительно пропорціонально. Статуи, изображающія дѣтей, которыя держатъ чаши со святой водой, громадны, но такъ же громадно и все кругомъ. Мозаичныя картины въ куполѣ огромны и составлены изъ милліоновъ стеклянныхъ кубиковъ, величиной съ кончикъ ногтя на мизинцѣ, но эти яркихъ цвѣтовъ картины казались совершенно гладкими и

19..г. инв. №

были пропорціональны куполу. На дальнемъ концѣ церкви (я думалъ, что это дѣйствительно конецъ, но потомъ узналъ, что это былъ центръ храма подъ самымъ куполомъ), стоялъ baldacchino,—большой бронзовый пирамидальный срубъ, похожій на балдахинъ, которымъ поддерживается сѣтка отъ москитовъ, или попросту на большой балдахинъ надъ кроватью. А между тѣмъ я зналъ, что онъ былъ гораздо выше половины Ніагарскаго водопада. Надъ нимъ былъ такой огромный куполъ, что собственные его размѣры казались гораздо меньше, и я такъ и не могъ опредѣлить настоящихъ размѣровъ четырехъ большихъ четыреугольныхъ столбовъ, которые стояли на равномъ разстояніи другъ отъ друга и поддерживали крышу. Я всячески старался представить себѣ размѣры храма св. Петра, но безуспѣшно. Мозаичный портретъ апостола, который пишетъ перомъ въ шесть футовъ длины, казался только изображеніемъ человѣка обыкновеннаго роста.

Если стоять въ дверяхъ храма св. Петра и смотрѣть на людей, находящихся въ дальнемъ концѣ церкви, то они, окруженные громадными картинами и статуями, какъ бы затериваются въ обширномъ пространствѣ храма и кажутся гораздо меньше, чѣмъ если бъ они стояли подъ открытымъ небомъ. Я слѣдилъ за каждымъ проходившимъ мимо меня и наблюдалъ за нимъ, какъ онъ, приближаясь къ балдахину, становился все меньше и меньше, а затѣмъ, наконецъ, и совсѣмъ исчезалъ въ толпѣ такихъ же, какъ и онъ, пигмеевъ, такъ далеко, далеко. Въ храмѣ недавно происходило какое-то торжество въ честь апостола Петра, и теперь снимали цвѣты и золоченую бумагу со стѣнъ и столбовъ. Такъ какъ никакія лѣстницы не могли достать до такой высоты, то для исполненія этой работы людей на веревкахъ спускали съ балюстрадъ и капителей колоннъ. Верхняя галлерея, которая окружаетъ внутренній склонъ купола, проходитъ на высотѣ двухсотъ сорока футовъ надъ поломъ, и посѣтители всегда поднимаются туда, чтобы, глядя внизъ, составить себѣ ясное представленіе о размѣрахъ и разстояніяхъ съ того пункта. Въ то время, какъ мы стояли на полу, одинъ изъ работниковъ спустился внизъ на веревкѣ и закачался въ воздухѣ. Я никогда не предполагалъ прежде, чтобы человѣкъ могъ такъ походить на паука, а веревка, на которой онъ висѣлъ, казалась паутиной. Видя, какъ мало мѣста онъ занималъ, мнѣ показалось вполнѣ правдоподобнымъ, что когда однажды въ храмъ св. Петра привели къ обѣднѣ десять тысячъ солдатъ, и когда затѣмъ прибылъ ихъ командиръ, онъ не нашелъ ихъ и думалъ, что они еще не приходили, тогда какъ они были уже въ церкви и стояли въ одномъ

изъ поперечныхъ переходовъ. Когда происходило объявленіе догмата Непорочнаго Зачатія, въ храмъ собралось около пятидесяти тысячъ человѣкъ. Въ этомъ храмѣ есть двѣнадцать малыхъ колоннъ, привезенныхъ изъ храма Соломона. Затѣмъ тутъ есть также частица креста Господня, нѣсколько гвоздей и часть терноваго вѣнца.

Мы поднимались на вершину купола и входили въ позолоченный шаръ надъ нимъ. Тамъ, если бы потѣсниться, хватило бы мѣста на двѣнадцать человѣкъ, и тамъ было тѣсно и жарко, какъ въ печкѣ. Съ купола св. Петра можно видѣть всѣ достопримѣчательности Рима, начиная отъ замка св. Ангела и кончая Колизеемъ. Отсюда видны всѣ семь холмовъ, на которыхъ построенъ Римъ. Виденъ Тибръ и то мѣсто у моста, которое защищалъ Горацій, когда Ларсъ Порсена пытался перейти черезъ рѣку со своими полками. Видно мѣсто, гдѣ происходила знаменитая битва горацієвъ и куріацієвъ. Видна обширная зеленая Кампанья. Видны Албанскія горы, Апеннины, Сабинскіе холмы и синее Средиземное море. У ногъ нашихъ разстилаются остатки города, который нѣкогда имѣлъ четыре милліона жителей. Съ вершины купола видна и Аппіева дорога и можетъ быть и теперь она имѣетъ такой же видъ, какъ въ то время, когда по ней двигались тріумфальныя процессіи императоровъ, которые вели за собой закованныхъ въ цѣпи плѣнниковъ. Какая разница между тѣмъ, что происходило раньше и теперь. Всего какихъ-нибудь семнадцать, восемнадцать вѣковъ тому назадъ невѣжественные жители Рима выводили христіанъ на арену Колизея и отдавали ихъ дикимъ звѣрямъ для потѣхи. Но когда христіане пріобрѣли власть, когда святая Церковь стала господствовать надъ варварами, она совершенно иначе стала доказывать имъ, что они заблуждались; она отправляла ихъ къ отцамъ инквизиторамъ, а тѣ сперва выворачивали имъ суставы винтами, потомъ щипали имъ тѣло щипцами раскаленными, потому что это было гораздо пріятнѣе въ холодную погоду, потомъ они слегка сдирали съ нихъ заживо кожу и въ заключеніе сжигали на глазахъ народа.

Я предпочитаю не описывать храма св. Петра. Это уже сдѣлано раньше. Мощи апостола Петра, ученика Спасителя, почиваютъ въ ракѣ подъ балдахиномъ. Мы благоговѣйно постояли на этомъ мѣстѣ, равно какъ и въ Мамертинской тюрьмѣ, гдѣ онъ былъ заключенъ и гдѣ онъ обратилъ въ христіанство солдатъ. Но когда намъ показали отпечатанный на твердой каменной стѣнѣ тюрьмы ликъ Петра и сказали, что онъ отпечатался, когда Петръ падалъ, мы усомнились, а когда затѣмъ

въ церкви св. Севастьяна монахъ показалъ намъ плиту съ уличной мостовой съ отпечаткомъ двухъ большихъ ступней и и сказалъ, что эти отпечатки ногъ Петра, мы опять не повѣрили. Монахъ разсказывалъ намъ, что ночью явились ангелы, освободили Петра, и онъ вышелъ изъ Рима по Аппiевой дорогѣ. Спаситель встрѣтилъ его и велѣлъ ему итти обратно. И вотъ тутъ-то св. Петръ и оставилъ будто бы отпечатокъ ногъ своихъ на камнѣ, на которомъ онъ стоялъ въ то время.

Мы посѣтили, конечно, Форумъ, гдѣ былъ убитъ Цезарь, а также и Тарпейскую скалу. Мы видѣли затѣмъ умирающаго гладiатора въ Капитолiи и въ Ватиканѣ высѣченную изъ мрамора группу Лаокоона. А затѣмъ мы отправились въ Колизей.

Всякiй знаетъ, что представляетъ собою Колизей; всякiй сразу узнаетъ эту коробочку съ отверстiями, окнами и прокушеннымъ бочкомъ. Будучи изолированъ, онъ представляется въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, чѣмъ какой-нибудь другой изъ памятниковъ древняго Рима.

Семнадцать или восемнадцать вѣковъ тому назадъ Колизей былъ римскимъ театромъ, и Римъ былъ владыкой мiра. Великолѣпныя зрѣлища происходили тамъ въ присутствiи императора, важнѣйшихъ представителей власти въ государствѣ, знати и безчисленной толпы римскихъ гражданъ низшаго класса. Гладiаторы бились тамъ съ гладiаторами, а иногда и съ военноплѣнными изъ далекихъ странъ. Это былъ театръ Рима, театръ всего мiра, и свѣтскiй человѣкъ, который не могъ какъ бы случайно замѣтить въ разговорѣ „моя собственная ложа въ Колизеѣ", не могъ вращаться въ высшемъ обществѣ. Когда торговецъ платьемъ хотѣлъ возбудить зависть въ какомъ-нибудь мелкомъ торговцѣ, онъ покупалъ себѣ постоянное мѣсто въ переднемъ ряду и доводилъ объ этомъ событiи до всеобщаго свѣдѣнiя. Когда какой-нибудь сердцеѣдъ-приказчикъ хотѣлъ блеснуть и заслужить расположенiе плѣнившей его особы, онъ, не обращая вниманiя на издержки, приглашалъ свою даму въ Колизей и угощалъ ее въ антрактахъ сливочнымъ мороженымъ или же подходилъ къ клѣткѣ подразнить мучениковъ своей тросточкой. Но высшимъ доказательствомъ свѣтскости было стоять у столба и, покручивая усы и глядя въ увеличительное стекло на происходившiй передъ глазами бой, возбуждать зависть провинцiаловъ критикой, которая доказывала, что счастливецъ много, много разъ бывалъ уже въ Колизеѣ, и что это для него давно не новость, а затѣмъ, отвертываясь и зѣвая, проговорить:

— Онъ—свѣтило! Онъ держитъ въ рукѣ мечъ, какъ неумѣлый разбойникъ; для провинціи онъ, пожалуй, былъ бы и хорошъ, но для столицы онъ никуда не годится!

Счастливымъ считалъ себя контрабандистъ, когда ему удавалось раздобыть мѣсто въ партерѣ на утреннее представленіе въ субботу, и счастливымъ считалъ себя и римскій уличный мальчишка, покрикивавшій на гладіаторовъ съ головокружительной высоты галерки и щелкавшій орѣхи.

На мою долю выпала великая честь найти среди мусора въ развалинахъ Колизея программу одного изъ происходившихъ въ немъ зрѣлищъ. Она до сихъ поръ пахла еще мятными каплями, уголокъ ея былъ очевидно обгрызенъ, а на поляхъ на изысканномъ латинскомъ языкѣ были написаны слѣдующія слова изящной женской ручкой:

„Жди меня, дорогой, на Торпейской скалѣ завтра вечеромъ ровно въ семь часовъ. Мать будетъ въ гостяхъ у своихъ знакомыхъ на Сабинскихъ холмахъ“.

„Клавдія“.

Ахъ, гдѣ-то теперь этотъ счастливый юноша и гдѣ-то маленькая ручка, которая писала эти изящныя строки? Тысячу семьсотъ лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ они превратились въ прахъ и пепелъ!

Вотъ что значилось въ этой программѣ:

РИМСКІЙ КОЛИЗЕЙ.

Необычайное зрѣлище!

Новыя пріобрѣтенія! Новые львы! Новые гладіаторы.

Выходъ знаменитаго

Марка Марціала Валеріана!

Приглашеннаго только на шесть спектаклей.

Дирекція имѣетъ честь предложить публикѣ развлеченіе, превосходящее великолѣпіемъ все, что до сихъ поръ давалось на сценѣ. Дирекція не жалѣетъ никакихъ издержекъ, чтобы сдѣлать открытіе сезона достойнымъ того щедраго покровительства, которымъ, Дирекція увѣрена, увѣнчаются ея труды. Дирекція позволяетъ себѣ обратить вниманіе, что ей удалось добиться

блистательнаго соединенія талантовъ,

какого не было видано прежде въ Римѣ.

Первое представленіе сегодня вечеромъ.

Большое состязаніе на мечахъ

между двумя молодыми и многообѣщающими любителями и знаменитымъ пареянскимъ гладіаторомъ, который только что прибылъ изъ Кампо-Веруса.

За этимъ послѣдуетъ большая

битва на сѣкирахъ

между знаменитымъ Валеріаномъ (одна рука у него будетъ привязана за спиной) и двумя гигантами-дикарями изъ Британіи.

Послѣ этого знаменитый Валеріанъ (если останется живъ) будетъ сражаться, держа мечъ

лѣвой рукой,

съ шестью софоморами и только что окончившимъ ученіе въ гладіаторской школѣ!

За этимъ цѣлый рядъ блестящихъ дебютовъ самыхъ знаменитѣйшихъ талантовъ въ имперіи.

Послѣ этого знаменитый Чудо-ребенокъ такъ называемый

„Юный Ахиллесъ“

будетъ бороться съ четырьмя тигренками, не имѣя никакого другого оружія, кромѣ маленькаго копья!

Въ заключеніе красиво поставленное

всеобщее избіеніе,

въ которомъ тринадцать африканскихъ львовъ и двадцать два варварскихъ плѣнника будутъ сражаться, пока не будутъ убиты всѣ.

Билеты на это представленіе уже продаются.

Плата за входъ одинъ долларъ; дѣти и прислуга платятъ половину

Исполнительная полицейская власть будетъ не только охранять порядокъ, но и слѣдить за тѣмъ, чтобы дикіе звѣри не прыгали черезъ перила и не безпокоили зрителей.

Входъ открывается въ 7 ч., представленіе начнется въ 8 ч.

Безплатно не допускается никто.

Типографія Діодора.

По странной и въ высшей степени пріятной для меня случайности мнѣ посчастливилось также найти среди мусора на аренѣ запачканный и разорванный нумеръ „Римской Ежедневной Сѣкиры“, въ которомъ была напечатана рецензія объ этомъ самомъ представленіи, и я перевожу эту рецензію, чтобы показать, какъ мало измѣнился стиль подобнаго рода рецензій за тѣ вѣка, которые протекли съ той минуты, какъ газетчикъ положилъ этотъ номеръ, еще сырой и свѣжій, передъ своимъ хозяиномъ въ Римѣ.

„*Открытіе сезона. — Колизей.* Несмотря на неблагопріятную погоду, дебютъ на столичной сценѣ молодого трагика, пожинавшаго лавры въ провинціи, привлекъ вчера весьма значительное количество публики изъ всѣхъ слоевъ общества. Всего

присутствовало около шестидесяти тысячъ человѣкъ, и если бы улицы не были почти непроходимы, весьма возможно, что театръ былъ бы и совсѣмъ полонъ. Его величество августѣйшій императоръ Аврелій занималъ царскую ложу и приковывалъ къ себѣ всѣ взоры. Много знатныхъ лицъ и генераловъ также удостоили представленіе своимъ присутствіемъ, а среди нихъ не послѣднее мѣсто занималъ молодой патриціанскій лейтенантъ, лавры котораго, добытые имъ въ рядахъ „желѣзнаго легіона", были еще совсѣмъ свѣжи на его челѣ.

„При производствѣ передъ открытіемъ сезона ремонта Колизея имѣлось въ виду не только украшеніе послѣдняго, но и удобства публики. Новыя подушки на мраморныхъ сидѣньяхъ являются большимъ удобствомъ для публики. Настоящая дирекція вернула Колизею ту позолоту, ту богатую отдѣлку и то величіе, которыми лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ такъ восхищались постоянные посѣтители Колизея.

„Вступительный нумеръ—состязаніе на мечахъ двухъ молодыхъ любителей со знаменитымъ пареянскимъ гладіаторомъ, присланнымъ сюда въ качествѣ плѣнника, удался прекрасно. Старшій изъ двухъ молодыхъ людей держалъ оружіе съ граціей, обнаруживавшей обладаніе выдающимся талантомъ. Вслѣдъ за ложнымъ выпадомъ послѣдовалъ удивительно удачный ударъ, сбившій шлемъ съ пареянца и заслужившій искренніе аплодисменты. Его нельзя назвать первоклассным бойцомъ, но тѣмъ не менѣе, его многочисленнымъ друзьямъ весьма пріятно было видѣть, что въ недалекомъ будущемъ онъ могъ бы достигнуть удивительныхъ результатовъ, если бъ онъ не былъ убитъ. Присутствовавшія при этомъ состязаніи его сестры, видимо, были очень опечалены такой развязкой, а его мать даже оставила Колизей. Другой юноша велъ состязаніе съ такимъ одушевленіемъ, что неоднократно вызывалъ взрывъ восторженныхъ рукоплесканій. Когда онъ, наконецъ, палъ, его престарѣлая мать бросилась къ нему съ раздирающими душу воплями и упала въ обморокъ какъ разъ въ ту минуту, когда руки ея уцѣпились за перила, окружающія арену. Полиція быстро удалила ее. Поведеніе этой женщины до извѣстной степени оправдывалось обстоятельствами, но такія сцены все-таки нарушаютъ благочиніе и въ высшей степени непристойны въ присутствіи императора. Пареянскій плѣнникъ сражался храбро и хорошо, потому что онъ сражался и за жизнь и за свободу. Тутъ же присутствовала его жена съ дѣтьми, чтобъ укрѣплять его руку своею любовью и напоминать ему объ его родинѣ, которую онъ снова увидитъ, если побѣдитъ. Когда палъ его второй противникъ, жена прижала руки къ своей груди и

заплакала отъ радости. Но радость ея была непродолжительна. Плѣнникъ подошелъ къ ней, шатаясь, и она увидѣла, что онъ смертельно раненъ. Итакъ, первый актъ закончился вполнѣ удовлетворительно. Директора вызвали, и онъ выразилъ свою благодарность за оказанную ему честь рѣчью, которая была полна шутливаго юмора, а въ заключеніе онъ высказалъ надежду, что его скромные труды доставятъ пріятное и поучительное развлеченіе римской публикѣ и заслужатъ одобреніе съ ея стороны.

„Затѣмъ появился онъ, „свѣтило", и былъ встрѣченъ громомъ аплодисментовъ и маханьемъ шестидесяти тысячъ носовыхъ платковъ. Маркъ Марціалъ Валеріанъ (это псевдонимъ, а его настоящее имя Смитъ). Его веселость и игривость безподобны въ комическихъ мѣстахъ, но онъ только унижаетъ свое высокое дарованіе, позволяя себѣ шутить даже и въ серьезные трагическіе моменты. Когда его сѣкира описывала огненные круги надъ головами ошеломленныхъ варваровъ въ то время, какъ самъ онъ, подпрыгивая, притоптывалъ ногами, публика дала волю неудержимому хохоту; но когда затѣмъ обухъ его оружія размозжилъ черепъ одному и почти въ ту же самую минуту острая его сторона разсѣкла надвое тѣло другого, громъ рукоплесканій служилъ доказательствомъ, что наша требовательная публика признала его великимъ артистомъ. Если у него и есть недостатокъ, то это его манера смотрѣть на зрителей въ самые сильные драматическіе моменты, какъ бы справляясь, какое это производитъ впечатлѣніе на публику. Перерывъ состязанія, чтобы поклониться, когда въ него бросали букеты, есть также признакъ дурного тона. Во время состязанія лѣвой рукой онъ все время смотрѣлъ на зрителей, вмѣсто того, чтобы нападать на своихъ противниковъ; а когда онъ убилъ всѣхъ софоморовъ и забавлялся съ новичкомъ, онъ даже остановился и, поймавъ на лету букетъ, преподнесъ его своему противнику въ тотъ самый моментъ, когда на него обрушивался ударъ, который обѣщалъ быть смертельнымъ. Такое легкомысліе можетъ быть допустимо въ провинціи, но оно плохо подходитъ къ достоинству столицы. Мы надѣемся, что нашъ молодой другъ приметъ эти замѣчанія благосклонно, потому что мы высказываемъ ихъ лишь съ намѣреніемъ принести ему пользу. Всѣмъ, кто насъ знаетъ, извѣстно, что хотя мы иногда и бываемъ справедливо строги къ тиграмъ и мученикамъ, но зато мы всегда дружелюбно относимся къ гладіаторамъ.

„Чудо-ребенокъ совершалъ чудеса. Онъ легко побѣдилъ всѣхъ четырехъ тигровъ, не получивъ самъ никакихъ поврежденій,

за исключеніемъ потери части своего скальпа. Всеобщее избіеніе было исполнено во всемъ согласно программѣ, и это дѣлаетъ честь всѣмъ участвовавшимъ въ немъ.

„Въ общемъ вчерашнее представленіе дѣлаетъ честь не только дирекціи, но и городу, который поощряетъ и поддерживаетъ подобнаго рода пріятныя и назидательныя развлеченія. При этомъ мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что полиціи слѣдовало бы обратить вниманіе на поведеніе мальчишекъ на галеркѣ, которые позволяли себѣ кричать въ присутствіи императора свое излюбленное „Хи-йи“ и бросать въ тигровъ скорлупками орѣховъ и комками жеваной бумаги, а также выражать одобреніе или порицаніе состязующимся различными вульгарными словечками. Кромѣ того, своими глупыми выходками они страшно надоѣдаютъ публикѣ.

„Сегодня назначено утреннее представленіе для дѣтей, и по этому случаю на растерзаніе тиграмъ будетъ отдано нѣсколько штукъ дѣтворы изъ числа посѣщающихъ воскресную школу секты такъ называемыхъ христіанъ. Обычныя представленія будутъ происходить ежедневно впредь до объявленія, при чемъ на каждый вечеръ намѣчены существенныя измѣненія въ программѣ. Бенефисъ Валеріана, если онъ останется живъ, назначенъ на вторникъ 29-го“.

NB. Дирекція желаетъ купить штукъ тридцать львовъ, тигровъ и гіэнъ, а также не прочь была бы пріобрѣсти и мучениковъ.

Теперь мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о знаменитомъ Микель Анджело Буанаротти. Я привыкъ преклоняться передъ геніемъ Микель Анджело, который былъ равно великъ въ поэзіи, въ живописи, въ скульптурѣ, въ архитектурѣ, словомъ, во всемъ, за что бы онъ ни принимался. Но я вовсе не желаю слышать о Микель Анджело и за первымъ завтракомъ и за вторымъ, и за обѣдомъ, и за чаемъ, и за ужиномъ и въ промежутки между ѣдою. Я люблю разнообразіе. Въ Генуѣ все было нарисовано имъ; въ Миланѣ все рисовалъ онъ или его ученики; онъ нарисовалъ озеро Комо; въ Падуа, въ Веронѣ, въ Венеціи, въ Болоньѣ, о комъ другомъ слышали мы отъ проводниковъ, кромѣ какъ о Микель Анджело? Во Флоренціи онъ написалъ все, нарисовалъ все, а гдѣ онъ не рисовалъ, то тамъ обыкновенно сидѣлъ на любимомъ камнѣ или смотрѣлъ на него, и намъ показывали этотъ камень. Въ Пизѣ онъ создалъ все, кромѣ старой башни, но и ее приписали бы ему же, если бы она не отклонялась такъ сильно отъ перпендикуляра. Онъ нарисовалъ набережныя въ Ливорно и таможенныя зданія въ Чивита-Веккія. Но здѣсь,—здѣсь, это что-то

ужасное. Онъ нарисовалъ храмъ св. Петра; онъ написалъ портретъ папы; онъ написалъ Пантеонъ, мундиръ папскихъ солдатъ, Тибръ, Ватиканъ, Колизей, Капитолій, Тарпейскую скалу, дворецъ Барберини, церковь св. Іоанна, Кампанью, Аппіеву дорогу, Семь холмовъ, бани Каракаллы, водопроводъ Клавдія, Cloaca Maxima, онъ же нарисовалъ вѣчно скучный Вѣчный городъ, и если только люди и книги не лгутъ, то онъ нарисовалъ все! На другой день Дэнъ сказалъ проводнику:

— Довольно, довольно! Не говорите больше ничего! Говорите все сразу! Скажите прямо, что Творецъ создалъ Италію по рисункамъ Микель Анджело!

Я никогда не чувствовалъ такой горячей благодарности, такого спокойствія, какъ вчера, когда я узналъ, что Микель Анджело умеръ. Но мы узнали это отъ нашего проводника. Онъ заставилъ насъ пройти цѣлыя мили по галлереямъ Ватикана и по галлереямъ двадцати другихъ дворцовъ, гдѣ мы видѣли безчисленное множество картинъ и статуй; онъ показалъ намъ большую картину въ Сикстинской капеллѣ и такое множество фресокъ, что ихъ хватило бы, чтобы украсить фресками все небо, и почти все это принадлежало кисти или рѣзцу Микель Анджело. Съ этимъ проводникомъ мы сыграли шутку, которая имѣла успѣхъ и съ другими проводниками,— мы задавали ему идіотски глупые вопросы; но эти люди легко даются въ обманъ,—они не имѣютъ понятія о сарказмѣ.

Онъ показалъ намъ одну фигуру и сказалъ:

— „Statoo bronzo“ (бронзовая статуя).

Мы равнодушно посмотрѣли на нее, и докторъ спросилъ:

— Микель Анджело?

— Нѣтъ, неизвѣстно кто.

Затѣмъ онъ показалъ намъ римскій Форумъ. Докторъ спрашиваетъ:

— Микель Анджело?

Проводникъ таращитъ глаза:

— Нѣтъ, за тысячу лѣтъ до его рожденія.

Затѣмъ онъ показываетъ намъ египетскій обелискъ. Снова вопросъ:

— Микель Анджело?

— О, mon dieu, „джентильмены“, это было за двѣ тысячи лѣтъ до его рожденія!

Этотъ неизмѣнно повторявшійся вопросъ до такой степени надоѣлъ ему, что онъ сталъ бояться показывать намъ что-нибудь. Онъ всячески старался заставить насъ уразумѣть, что Микель Анджело создалъ далеко не все, что онъ намъ показывалъ, но это ему не удавалось.

Тутъ позволю себѣ сдѣлать отступленіе и сказать нѣсколько словъ объ этомъ неизбѣжномъ злѣ—о проводникахъ по Европѣ. Мы, къ сожалѣнію, не могли обходиться безъ проводника и, зная это, мы придумывали способы доставлять себѣ какое-нибудь развлеченіе въ награду за печальную необходимость таскать его всюду за собой. Проводники знаютъ англійскій языкъ ровно настолько, чтобы перепутать все до такой степени, чтобы нельзя было найти ни начала ни конца. Они наизусть знаютъ исторію каждой статуи, каждой картины, церкви и вообще всего, что они показываютъ. Они знаютъ это и повторяютъ, какъ попугаи, и, если вы ихъ перебьете, они опять начинаютъ все снова. Всю свою жизнь они показываютъ разныя рѣдкости иностранцамъ и выслушиваютъ отъ нихъ взрывы восхищенія. Это въ концѣ-концовъ обращается у нихъ въ привычку, въ своего рода страсть, и они доходятъ до того, что уже не могутъ бросить этой профессіи и заняться чѣмъ-нибудь другимъ. Когда мы объ этомъ узнали, мы рѣшили никогда больше не приходить въ восторгъ, никогда не восторгались ничѣмъ, чтобы намъ ни показывали проводники. Мы нашли ихъ слабую струну и стали пользоваться ею съ тѣхъ поръ.

Вопросы предлагалъ обыкновенно докторъ, потому что онъ могъ сохранять на лицѣ невозмутимость идіота и, лучше, чѣмъ кто-либо другой, умѣлъ придать тону своего голоса желаемый оттѣнокъ. Это выходило у него натурально.

Проводники въ Генуѣ любятъ заручиться группой американцевъ, потому что американцы такъ удивляются и выказываютъ столько чувства и волненія передъ всѣмъ, что связано съ именемъ Колумба. Нашъ проводникъ сгоралъ отъ нетерпѣнія поразить насъ и, волнуясь и жестикулируя, сказалъ намъ:

— Идите за мной, „джентильмены", идите! Я покажу вамъ письмо, написанное Христофоромъ Коломбо, написанное имъ самимъ!.. Написанное его собственной рукой!.. Идемте!

Онъ привелъ насъ въ городскую ратушу. Тамъ намъ показали хранящійся подъ замкомъ старинный документъ. Глаза проводника сверкали. Онъ танцовалъ вокругъ насъ и хлопалъ пальцемъ по пергаменту.

— Что я говорилъ вамъ, „джентильмены"! Развѣ это не такъ? Посмотрите! Почеркъ Христофора Коломба!.. Онъ самъ написалъ это!

Мы притворились равнодушными. Докторъ съ минуту внимательно разсматривалъ лежавшій передъ нами документъ, а затѣмъ сказалъ, не обнаруживая ни малѣйшаго волненія:

— Какъ... вы сказали, знали того, кто написалъ это?

— Христофоръ Коломбо! Великій Христофоръ Коломбо!

Снова внимательное изученіе документа.

— А... и это онъ самъ писалъ или... или, можетъ, нѣтъ?

— Онъ самъ написалъ это!.. Христофоръ Коломбо! Это его собственный почеркъ, онъ самъ писалъ!

Тогда докторъ положилъ документъ на мѣсто и сказалъ:

— Ну, я видалъ въ Америкѣ четырнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, которые пишутъ гораздо лучше!

— Но это великій Христо...

— Мнѣ рѣшительно все равно, кто бы онъ ни былъ! Это самый плохой почеркъ, какой я когда-либо видѣлъ! Вы думаете, что можете надуть насъ, потому что мы иностранцы. Мы не позволимъ такъ обращаться съ нами. Если у васъ есть какіе-нибудь дѣйствительно стоящіе образцы каллиграфіи, то мы съ удовольствіемъ посмотримъ ихъ... а если нѣтъ, то намъ тутъ не зачѣмъ и оставаться.

Мы пошли дальше. Проводникъ, видимо, былъ сильно озадаченъ, но онъ рѣшилъ сдѣлать еще одну попытку. У него имѣлось въ запасѣ нѣчто такое, что, по его мнѣнію, должно было поразить насъ. Онъ сказалъ:

— „Джентильмены“, идите за мной! Я покажу вамъ великолѣпный, удивительный бюстъ Христофора Коломбо!.. роскошный, великолѣпный!

И онъ подвелъ насъ къ бюсту дѣйствительно великолѣпному, отскочилъ назадъ и всталъ въ позу:

— А, взгляните-ка на него, „джентильмены“!.. Какой удивительный бюстъ Христофора Коломбо... Замѣчательный бюстъ, замѣчательный пьедесталъ!

Докторъ вооружился лорнетомъ, принесеннымъ для такихъ случаевъ:

— А... какъ вы называли этого господина?

— Христофоръ Коломбо!.. Великій Христофоръ Коломбо!

— Христофоръ Коломбо!.. Великій Христофоръ Коломбо. Ну, что же такое онъ сдѣлалъ?

— Открылъ Америку!.. Открылъ Америку, чортъ возьми!

— Открылъ Америку. Нѣтъ... тутъ что-то не такъ. Мы сами только что изъ Америки и тамъ ничего объ этомъ не слыхали. Христофоръ Коломбо... хорошее имя... а что онъ... онъ умеръ?

— O, corpo di Baccho!.. Триста лѣтъ назадъ!

— Отчего же онъ умеръ?

— Не знаю... не знаю.

— Можетъ-быть, отъ оспы?

— Не знаю „джентильмены“!.. Не знаю, отчего онъ умеръ.

— Отъ кори?

— Можетъ - быть... можетъ - быть... не знаю... вѣроятно отчего-нибудь да умеръ.

— А родители его живы?

— Это невозможно!

— А... гдѣ же тутъ бюстъ и гдѣ пьедесталъ?

— Санта Марія!.. Вотъ бюстъ, а вотъ пьедесталъ!

— А, вижу, вижу... счастливое сочетаніе... право, очень удачное сочетаніе. Значитъ изъ него тогда же и сдѣлали бюстъ?

Но эта шутка пропала даромъ: проводникъ не могъ понять такой иностранной шутки.

Вчера мы провели часа три или четыре въ Ватиканѣ, который поражаетъ міръ собраніемъ рѣдкостей. Иногда намъ стоило большого труда удержаться отъ того, чтобы сдержать просившееся наружу выраженіе восторга. Проводникъ нашъ былъ ошеломленъ и уничтоженъ. Онъ отбилъ себѣ ноги, разыскивая необыкновенныя рѣдкости, и истощилъ передъ нами весь свой талантъ, но все было напрасно, мы ни отъ чего не приходили въ восторгъ. Онъ приберегъ къ концу то, что считалъ величайшимъ чудомъ, — мумію египетскаго царя, можетъ-быть, сохранившуюся лучше всѣхъ въ мірѣ. Онъ повелъ насъ туда. На этотъ разъ онъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ, что къ нему вернулся его прежній энтузіазмъ.

— Посмотрите, джентльмены!.. Мумія!.. Мумія!

Снова появился лорнетъ, и началось спокойное и глубокомысленное разсматриваніе муміи.

— А... Я не понялъ, какъ вы назвали имя этого господина?

— Имя?.. У него нѣтъ имени!.. Мумія!.. Египетская мумія!

— Да, да. Онъ здѣсь родился?

— Нѣтъ! Это египетская мумія!

— Ага! Французъ?

— Нѣтъ... ни французъ ни римлянинъ!.. Онъ родился въ Египтѣ!

— Родился въ Египтѣ. Никогда не слыхалъ объ Египтѣ. Вѣроятно, какая-нибудь неизвѣстная страна. Мумія—мумія. Какое спокойствіе... Какое самообладаніе. А онъ... онъ умеръ?

— О, sacre bleu, умеръ три тысячи лѣтъ тому назадъ!

Докторъ яростно повернулся къ нему:

— Что это значитъ? Вы принимаете насъ за китайцевъ по тому, что мы иностранцы и хотимъ учиться? Вы хотите удивить насъ, показывая намъ какіе-то старые скелеты?! Если у васъ есть свѣжій хорошій покойникъ, тащите его сюда!.. Или, клянусь Георгомъ, я размозжу вамъ голову!

Проводникъ не остался у насъ въ долгу и отплатилъ намъ за это. Сегодня утромъ онъ явился въ отель справиться, встали ли мы и въ разговорѣ съ хозяиномъ отеля высказалъ предположеніе, что мы сумасшедшіе.

Мы побывали въ катакомбахъ. Это все равно, что спуститься въ очень глубокій погребъ, только этому погребу не было конца. Узкіе переходы грубо высѣчены въ скалѣ и, когда вы проходите по нимъ, съ каждой стороны высѣчены ниши глубиною отъ трехъ до четырнадцати футовъ; въ каждой такой нишѣ лежало по покойнику. Почти на каждомъ саркофагѣ тутъ высѣчены имена, эмблемы христіанства, молитвы или изреченія. Священникъ сказалъ намъ, что св. Севастіанъ жилъ нѣкоторое время подъ землей, пока его искали; однажды онъ вышелъ, солдаты увидали его и убили стрѣлами. Пять или шесть первыхъ папъ, около тысячи шестисотъ лѣтъ тому назадъ, совѣщались тутъ о дѣлахъ церкви съ духовенствомъ. Въ теченіе семнадцати лѣтъ (съ 235 по 252 г. по Р. Хр.) папы не показывались надъ землей. Впослѣдствіи одинъ папа провелъ въ катакомбахъ все время своего владычества—восемь лѣтъ. Другого папу нашли тамъ убитымъ на епископскомъ тронѣ. Въ тѣ времена не было никакого удовольствія быть папой. Подъ Римомъ было сто шестьдесятъ катакомбъ, каждая съ сѣтью скрещивающихся и перекрещивающихся переходовъ, всѣ стѣны которыхъ на всемъ протяженіи заняты гробницами. Протяженіе катакомбъ равно девятистамъ милямъ, и въ нихъ имѣется до семи милліоновъ гробницъ. Мы не ходили по всѣмъ подземнымъ галлереямъ за недостаткомъ времени и побродили только по мрачному лабиринту св. Каликста подъ церковью св. Севастіана. Въ нѣкоторыхъ катакомбахъ есть небольшія часовни, высѣченныя изъ камня; здѣсь первые христіане часто совершали богослуженіе.

Въ катакомбахъ были погребены св. Сецилія, св. Агнеса и много другихъ наиболѣе извѣстныхъ святыхъ. Въ катакомбахъ св. Каликста проводила по нѣсколько часовъ въ благоговѣйномъ созерцаніи св. Бригитта, а св. Карлъ Борромейскій проводилъ тамъ въ молитвѣ цѣлыя ночи. Эта катакомба была также мѣстомъ удивительныхъ чудесъ.

— „Тутъ сердце Филиппа до того воспламенилось любовью, что у него разорвались ребра“.

Я прочелъ это въ книгѣ, изданной въ Нью-Йоркѣ въ 1858 г. и написанной преп. Уильямомъ Г. Нелиганомъ, состоявшимъ при церкви св. Троицы въ Дублинѣ, членомъ великобританскаго археологическаго общества. Только поэтому я и повѣрилъ этому, а иначе я полюбопытствовалъ бы узнать, что ску-

шалъ Филиппъ за обѣдомъ. Тотъ же авторъ разсказываетъ, что онъ въ бытность въ Римѣ посѣтилъ домъ умершаго двѣсти лѣтъ тому назадъ св. Іосифа Колосанкціи, которому будто бы явилась Пресвятая Дѣва Марія, а затѣмъ онъ продолжаетъ:

„Его языкъ и сердце, когда его тѣло, спустя сто лѣтъ, было вырыто изъ земли, передъ тѣмъ, какъ причесть его къ лику святыхъ, оказались невредимыми и хранятся теперь въ стеклянномъ ящикѣ. Когда французскія войска вступили въ Римъ и папа Пій VII былъ увезенъ въ плѣнъ, изъ сердца капала кровь".

Если бы это было написано монахомъ въ средніе вѣка, то въ этомъ не было бы ничего удивительнаго; но когда объ этомъ серьезно трактуетъ въ серединѣ девятнадцатаго столѣтія человѣкъ образованный да еще археологъ, это звучитъ довольно странно. Но я все-таки завидую этой слѣпой вѣрѣ. А теперь послушайте о церкви Ara Coeli:

„Въ крышѣ церкви, прямо надъ ея высокимъ алтаремъ, начертано: „Regina Coeli, laetare! alleluia! Въ шестомъ вѣкѣ Римъ опустошала чума. Григорій Великій призывалъ народъ къ покаянію и назначилъ торжественныя моленія. Въ то время, когда процессія, слѣдовавшая изъ церкви Ara Coeli къ храму св. Петра, проходила мимо мола св. Адріана, нынѣ замокъ св. Ангела, съ неба послышалось пѣніе, голосъ (это было утро Пасхи) Regina Coeli, laetare! alleluia! quia quem meruisti portare alleluia! resurrexit sicut dixit! alleluia!" Папа, который несъ самъ изображеніе Пресвятой Дѣвы (которое находится надъ высокимъ алтаремъ, и, какъ говорятъ, писано апостоломъ Лукой), отвѣчалъ вмѣстѣ съ удивленнымъ народомъ: „Ora pro nobis Deum! alleluia!" Въ то же время показался ангелъ, влагавшій мечъ въ ножны, и чума прекратилась въ тотъ же день.

XXVIII

Отъ кровавыхъ ужасовъ Святой Инквизиціи, избіеній въ Колизеѣ и мрачныхъ могилъ въ катакомбахъ, я естественно перехожу къ ужасамъ монастыря капуциновъ. Здѣсь, полюбовавшись картиной, изображающей архангела св. Михаила, поражающаго сатану, мы спустились внизъ подъ обширные своды.

Все пространство подъ сводами было раздѣлено на шесть отдѣленій, и каждое отдѣленіе было украшено по особому декоративному способу,—и всѣ эти украшенія были сдѣланы изъ человѣческихъ костей! Тамъ были своды, сооруженные изъ

берцовыхъ костей; удивительныя пирамиды изъ череповъ и другія разнаго рода сооруженія изъ голеней и локтевыхъ костей; на стѣнахъ виднѣлись сдѣланныя фреско виноградныя лозы изъ костей позвоночника съ усиками изъ сухожилій и цвѣтами изъ колѣнныхъ чашекъ и ногтей. Я спросилъ сопровождавшаго насъ добродушнаго монаха, кто это сдѣлалъ. И онъ отвѣчалъ,—мы,—подразумѣвая себя и братію. Старикъ монахъ, видимо, очень гордился этой любопытной выставкой. Мы заставили его разговориться, высказавъ интересъ, котораго не обнаруживали ни передъ однимъ изъ проводниковъ:

— Кто же были эти люди?

— Мы... наверху... Монахи ордена капуциновъ... Мои братья.

— Сколько же почившихъ монаховъ потребовалось для украшенія этихъ шести комнатъ?

— Тутъ собраны кости четырехъ тысячъ человѣкъ.

— А много потребовалось времени, чтобы собрать ихъ?

— Много, много вѣковъ.

— Вы, вѣроятно, не могли бы указать намъ, кому именно изъ братіи принадлежали находящіяся здѣсь кости?

— О, нѣтъ, я знаю многихъ.

Онъ дотронулся пальцемъ до черепа—это братъ Ансельмъ... Онъ умеръ триста лѣтъ тому назадъ. Это братъ Карлъ... Онъ умеръ почти въ одно время съ нимъ.

Затѣмъ онъ взялъ одинъ черепъ, подержалъ его въ рукахъ, задумчиво глядя на него, какъ могильщикъ, когда говоритъ о Іорикѣ.

— Это,—сказалъ онъ,—братъ Ѳома. Онъ былъ молодой знатный князь, отпрыскъ гордой семьи, которая вела свое начало со временъ процвѣтанія Рима, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Онъ полюбилъ дѣвушку ниже себя по происхожденію. Семья возстала противъ этого брака и, по ея настоянію, дѣвушку изгнали изъ Рима; онъ послѣдовалъ за нею, всюду искалъ ее, но нигдѣ не могъ напасть на ея слѣды. Тогда онъ вернулся въ Римъ и поступилъ въ нашъ монастырь. Но представьте себѣ, скоро послѣ того умеръ его отецъ, а затѣмъ и мать. Дѣвушка вернулась ликующая. Она всюду разыскивала того, чьи глаза обыкновенно смотрѣли на нее съ нѣжностью изъ этого бѣднаго черепа, но не могла найти его. Наконецъ она встрѣтила его на улицѣ въ той грубой одеждѣ, какую мы носимъ. Онъ тоже узналъ ее. Но было слишкомъ поздно. Онъ упалъ тамъ, гдѣ стоялъ. Его подняли и принесли сюда. Черезъ недѣлю онъ умеръ. Вы можете судить о цвѣтѣ его волосъ по этой тонкой волосинкѣ, которая до сихъ поръ еще держится у него на

вискѣ. Это (онъ указалъ на берцовую кость) его кость. Жилы на этомъ листѣ надъ вашей головой взяты изъ суставовъ его пальцевъ полтораста лѣтъ тому назадъ.

Я спросилъ у монаха, неужели вся братія знаетъ, что послѣ смерти они попадутъ сюда. Онъ совершенно спокойно отвѣчалъ:

— Рано или поздно, но мы всѣ непремѣнно попадемъ сюда.

Тутъ и тамъ въ украшенныхъ нишахъ на ложѣ изъ костей лежали мертвые высохшіе монахи въ обыкновенныхъ черныхъ рясахъ, какія мы видимъ на священникахъ. Мы разсмотрѣли вблизи одного изъ нихъ. Обтянутыя кожей руки были скрещены на груди; на черепѣ виднѣлись два клочка потускнѣвшихъ волосъ, кожа потемнѣла и обвисла; она плотно обтягивала кости на скулахъ, которыя отъ этого еще рѣзче выдавались; сморщенные мертвые глаза глубоко сидѣли въ орбитахъ; ноздри непріятно обрисовывались, кончика носа не было, губы сдвинулись съ пожелтѣвшихъ зубовъ, и на устахъ играла страшная, зловѣщая улыбка мертваго, почившаго сотню лѣтъ тому назадъ.

У меня начинала кружиться голова при воспоминаніи о Ватиканѣ, объ его статуяхъ, картинахъ и всевозможныхъ рѣдкостяхъ. Я не могу писать о Ватиканѣ. Я думаю, что никогда не въ состояніи былъ бы припомнить все, что я тамъ видѣлъ, кромѣ мумій, „Преображенія", Рафаэля и еще нѣкоторыхъ другихъ вещей, о которыхъ нѣтъ надобности упоминать теперь. Я буду помнить „Преображеніе" отчасти потому, что оно помѣщалось въ комнатѣ почти одно, отчасти потому, что оно извѣстно, какъ первая картина, писанная масляными красками, а отчасти и потому, что она прекрасна, краски свѣжи и колоритны, „экспрессія", какъ мнѣ говорили, удивительная, „глубина" замысла глубока, а ширина, на мой взглядъ, около четырехъ съ половиной футовъ. Эта картина невольно привлекаетъ вниманіе. Да, красота чарующая! Она до такой степени прекрасна, что могла бы относиться къ эпохѣ „Ренессанса". Недавно я сдѣлалъ замѣчаніе, которое внушило мнѣ мысль и надежду. Не кроется ли причина того, что я нашелъ столько прелестей въ этой картинѣ въ томъ, что она помѣщена отдѣльно, а не среди массы другихъ полотенъ картинной галлереи? Можетъ-быть, и другія картины, если бъ ихъ помѣстить отдѣльно, показались бы такими же прекрасными? Если бы мнѣ приходилось видѣть только по одной картинѣ „стараго художника" въ каждомъ дворцѣ вмѣсто цѣлыхъ акровъ на стѣнахъ и на потолкахъ, положительно оклеенныхъ ими, можетъ-быть, я тогда составилъ бы себѣ совершенно иное мнѣ-

ніе о старыхъ художникахъ, чѣмъ теперь. Мнѣ кажется, что мое предположеніе вѣрно. Меня въ эту минуту озарила мысль, что, можетъ-быть, то, что я принимаю за однообразное безобразіе въ галлереяхъ, есть не что иное, какъ однообразная красота. Я искренно надѣюсь на это для другихъ, но, конечно, не для себя. Можетъ-быть, причина, почему я обыкновенно наслаждался, бродя по Академіи Художествъ въ Нью-Йоркѣ, заключается въ томъ, что тамъ было всего нѣсколько сотъ картинъ, и это не превышало моихъ силъ.

Одно только я могу съ увѣренностью сказать, что, несмотря на обиліе картинъ Микель Анджело, Рафаэля, Гвидо и прочихъ старыхъ художниковъ, исторія культуры Рима все-таки остается еще не написанной. Они написали множество мадоннъ, множество папъ и множество святыхъ, но это и все, что они рисовали. Неронъ, воспѣвающій пожаръ Рима, убійство Цезаря, поразительное зрѣлище стотысячной толпы, съ напряженнымъ интересомъ слѣдящей въ Колизеѣ за битвой двухъ гладіаторовъ, тигра, прыгающаго на колѣнопреклоненнаго мученика,— все это и многое другое, о чемъ мы читаемъ съ живымъ интересомъ, надо искать только въ книгахъ, а не среди хлама, оставленнаго старыми мастерами, которыхъ больше нѣтъ, о чемъ я вспоминаю съ удовольствіемъ.

Они писали на полотнѣ и высѣкали изъ мрамора только одну историческую сцену, и только одну эту извѣстную въ исторіи сцену. Но какую же именно и почему именно они избрали ее? Они изображали „Похищеніе сабинянокъ", и они ее избрали ради ногъ и бюстовъ. Мнѣ становится стыдно за нихъ.

Впрочемъ, я все-таки люблю смотрѣть на статуи, люблю смотрѣть картины, даже если на нихъ изображены монахи, смотрящіе вверхъ въ священномъ экстазѣ, монахи, задумчиво смотрящіе внизъ, монахи, разыскивающіе что-нибудь съѣстное, и поэтому я подавляю свое неудовольствіе и благодарю папское правительство за то, что оно такъ заботливо хранитъ все это, и за то, что оно позволяетъ мнѣ, иностранцу, безплатно осматривать все это. И я сердечно благодарю святого отца и желаю ему долголѣтней и счастливой жизни.

Папы долго были покровителями и охранителями искусства, также, какъ наша практичная республика поощряетъ и поддерживаетъ механиковъ. Въ Ватиканѣ собрано все, что есть рѣдкаго и занимательнаго въ искусствѣ, а у насъ въ бюро патентовъ собрано все, что есть рѣдкаго и полезнаго въ механикѣ.

Проводникъ показывалъ намъ въ Ватиканѣ колоссальную статую Юпитера, которая, по его словамъ, имѣла такой по-

врежденный и грязный видъ потому, что ее только недавно отрыли въ Кампаньѣ. Онъ спросилъ насъ, какъ мы полагаемъ, сколько стоитъ такой Юпитеръ. Я отвѣтилъ, что, на мой взглядъ, онъ стоитъ доллара четыре, а, можетъ-быть, и четыре съ половиной.

— Сто тысячъ долларовъ, — объявилъ Фергёсонъ.

Затѣмъ Фергёсонъ сказалъ, что папа не позволяетъ вывозить изъ своихъ владѣній никакихъ предметовъ древности. Онъ назначаетъ комиссію для осмотра подобныхъ находокъ и опредѣленія ихъ стоимости, а затѣмъ папа уплачиваетъ нашедшему половину стоимости и беретъ находку себѣ. Онъ сказалъ, что этотъ Юпитеръ былъ отрытъ на одномъ полѣ, только что купленномъ за тридцать шесть тысячъ долларовъ, такъ что первая жатва оказалась очень хорошей для новаго владѣльца. Со всѣхъ картинъ, написанныхъ старыми художниками, берутъ громадную пошлину, чтобъ отнять возможность продавать ихъ частнымъ коллекціонерамъ. Я хотѣлъ было купить себѣ какой-нибудь пустякъ Рафаэля, но съ меня запросили восемьдесятъ тысячъ долларовъ, а вмѣстѣ съ пошлиной это составляло болѣе ста тысячъ, и я отказался отъ покупки.

Мнѣ хочется тутъ же упомянуть, чтобы не забыть, объ одной надписи: „Слава въ вышнихъ Богу, на земли миръ людямъ щедрымъ“. Это не совсѣмъ согласно со Св. Писаніемъ, но это отзывается католицизмомъ и свойственно человѣческой натурѣ *). Это начертано золотыми буквами вокругъ мозаичной группы въ церкви св. Іоанна Латеранскаго, матери и владычицы всѣхъ католическихъ церквей въ мірѣ. Группа изображаетъ Спасителя, св. Петра, папу Льва, св. Сильвестра, Константина и Карла Великаго. Петръ вручаетъ pallium папѣ и знамя Карлу Великому. Спаситель вручаетъ ключи св. Сильвестру и знамя Константину. Внизу подъ ними, вмѣсто молитвы къ Спасителю, Который, кажется, имѣетъ очень небольшое значеніе въ Римѣ, надпись гласитъ: „Благословенный Петръ, даруй жизнь папѣ Льву и побѣду королю Карлу“. Тамъ не сказано, „будь нашимъ ходатаемъ передъ Спасителемъ, чтобъ Онъ умолилъ Отца Небеснаго исполнить нашу просьбу“, а просто „Благословенный Петръ, даруй намъ это“.

Я совершенно серьезно, не желая быть обвиненнымъ въ легкомысліи, а всего болѣе не желая быть обвиненнымъ въ кощунствѣ, просто дѣлаю выводъ изъ всего того, что я

---

*) Однакоже, справившись недавно съ переводомъ Новаго завѣта декана Альфорда, я со стыдомъ нашелъ, что это вѣрно. Я могу быть невѣждой, но не хочу быть порочнымъ человѣкомъ. *М. Т.*

слышалъ о томъ, въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ почитаніе святыхъ въ Римѣ. Первое мѣсто занимаетъ Богоматерь, иначе говоря, Пресвятая Дѣва Марія; второе—Богъ-Отецъ; третье—Петръ; четвертое — двѣнадцать или пятнадцать папъ, причисленныхъ къ лику святыхъ, и мученики, а пятое—Іисусъ Христосъ Спаситель (но всегда въ видѣ Младенца на рукахъ). Можетъ-быть, я не правъ, я часто заблуждаюсь, какъ это бываетъ и съ другими, но это мое мнѣніе, хорошо оно или худо. Тутъ я упомяну еще объ одной странности. Въ Римѣ, насколько я могъ замѣтить, нѣтъ церквей во имя Христа Спасителя и во имя Св. Духа. Тамъ до четырехсотъ церквей, но около четверти ихъ названо или во имя Мадонны или во имя св. Петра. Тамъ такъ много церквей во имя Пресвятой Дѣвы Маріи, что ихъ приходится различать съ помощью разнаго рода приставокъ. Затѣмъ слѣдуютъ церкви св. Людовика, св. Августина, св. Агнесы, св. Каликста, св. Лоренца Люцинскаго, св. Лоренца Дамасскаго, св. Сесиліи, св. Аѳанасія, св. Филиппа Нери, св. Екатерины, св. Доминика и множество менѣе важныхъ святыхъ, имена которыхъ неизвѣстны міру, а затѣмъ ниже, внѣ списка церквей, стоятъ двѣ больницы: одна во имя Спасителя, а другая во имя Св. Духа.

XXIX.

Нашъ пароходъ стоитъ въ неаполитанской гавани въ карантинѣ и простоитъ еще нѣсколько дней. Мы, пріѣхавшіе сюда по желѣзной дорогѣ изъ Рима, избѣжали этого несчастія. Конечно, никому изъ насъ не позволили побывать на пароходѣ, какъ никому не позволили и сходить съ него на берегъ. Мы каждый день подъѣзжаемъ на лодкѣ къ пароходу, становимся въ десяти шагахъ отъ него и разсказываемъ нашимъ спутникамъ, какъ хорошъ городъ, какъ здѣсь прохладно, какія здѣсь горы сливочнаго мороженаго и сколько времени мы уже бродимъ по окрестностямъ и разъѣзжаемъ по островамъ въ заливѣ.

Восхожденіе на Везувій.

Я долго буду помнить нашу прогулку на Везувій частью потому, что съ горы открывался удивительный видъ, а главное потому, что это была очень утомительная прогулка. Двое или трое изъ насъ ѣздили передъ этимъ отдыхать на островъ Искію, расположенный въ восемнадцати миляхъ отъ бухты; мы называли это „отдыхомъ“, но я не помню, въ чемъ именно

состоялъ этотъ отдыхъ, потому что за эти двое сутокъ мы не спали ни одной минуты. Но когда мы собрались вечеромъ итти пораньше спать, мы вдругъ узнали о затѣвающейся прогулкѣ на Везувій. Насъ собралось восемь человѣкъ, и мы ровно въ полночь выѣхали въ экипажахъ изъ Неаполя и черезъ полтора часа прибыли въ Аннунціату. Въ другихъ итальянскихъ городахъ простолюдины спокойно лежатъ и ждутъ, пока отъ нихъ потребуютъ какой-нибудь услуги; но въ Аннунціатѣ они утратили даже всякій намекъ на деликатность; они схватываютъ со стула шаль дамы и, подавая ее, просятъ за это пенни; они отворяютъ дверцы кареты и требуютъ за это плату; они захлопываютъ дверцу, когда вы садитесь въ экипажъ, и тоже требуютъ за это плату; они помогаютъ вамъ стряхнуть пыль и требуютъ два цента; они чистятъ вамъ платье и дѣлаютъ его еще грязнѣе, чѣмъ оно было раньше; это стоитъ два цента; они улыбаются вамъ и просятъ два цента; поклонъ съ подобострастной улыбкой, со шляпой въ рукѣ — два цента; у нихъ за все полагается плата. Если они вамъ скажутъ, что муловъ скоро приведутъ — это стоитъ два цента; „жаркій денекъ, сэръ"—два цента; „восхожденіе займетъ четыре часа"—два цента и т. д. Они окружаютъ васъ, мучатъ васъ, толпятся кругомъ васъ, потѣютъ и отвратительно пахнутъ. Здѣсь всѣ попрошайничаютъ; среди этихъ попрошаекъ не мало людей и очень хорошо одѣтыхъ. Что же касается высшихъ классовъ, то вчера я видѣлъ нѣчто такое, что очень дурно рекомендуетъ ихъ въ моихъ глазахъ. Въ театрѣ Санто-Карло собралась тысячная толпа зрителей, и зачѣмъ бы вы думали? Затѣмъ, чтобы насмѣхаться надъ старухой; затѣмъ, чтобы освистать актрису, которой нѣкогда восхищались, но которая утратила теперь и былую красоту и нѣкогда чудный голосъ. Всѣ только и говорили о томъ, что въ этотъ вечеръ предстоитъ большая забава и театръ будетъ полонъ, потому что будетъ пѣть Фреццолини. Но каждый разъ, какъ артистка появлялась на сценѣ и начинала пѣть, публика принималась свистать и смѣяться, а какъ только она уходила за кулисы, ее вызывали аплодисментами и заставляли повторять арію подъ аккомпанементъ свиста и хохота... И кто же продѣлывалъ все это? Франты въ бѣлыхъ перчаткахъ и нарядно одѣтыя дамы! Они смѣялись до слезъ и въ дикомъ восторгѣ хлопали руками, когда несчастная старушка покорно выходила на вызовъ въ шестой разъ, чтобы встрѣтить взрывъ свистковъ... Вотъ каковы высшіе классы въ Италіи, хотя во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ среди принадлежащихъ къ нимъ людей не

мало, можетъ-быть, людей и очень хорошихъ и добрыхъ; но въ этомъ я не имѣлъ случая убѣдиться, а я разсказываю только о томъ, что видѣлъ своими собственными глазами.

Восхожденіе на Везувій (продолженіе).

Въ Неаполѣ до сихъ поръ поддерживаютъ вѣру въ одинъ изъ самыхъ возмутительныхъ религіозныхъ обмановъ, какой только можно встрѣтить въ Италіи,—это чудесное раствореніе крови св. Януарія. Дважды въ годъ священники созываютъ народъ въ соборъ, выносятъ фіалъ съ запекшейся кровью и показываютъ, какъ она постепенно растворяется и становится жидкой; и эта гнусная шутка повторяется каждый день въ теченіе восьми дней въ то время, какъ священники ходятъ среди народа и собираютъ деньги за это зрѣлище. Въ первый день, когда церковь бываетъ полна, и сборъ пожертвованій занимаетъ много времени, для растворенія крови требуется сорокъ восемь минутъ; затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ народу съ каждымъ днемъ убываетъ, кровь растворяется все скорѣй и скорѣй и, наконецъ, на восьмой день, когда въ церкви бываетъ всего какая-нибудь дюжина желающихъ видѣть чудо, раствореніе крови совершается всего въ четыре минуты.

Тутъ же разъ въ годъ устраивалась торжественная процессія, и духовенство, въ присутствіи массы народа, стригло волосы у Мадонны—размалеванной куклы, у которой чудеснымъ образомъ волосы выростали снова черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ. Эта торжественная стрижка совершалась еще года четыре или пять тому назадъ и давала крупный доходъ церкви, которая обладала этой чудодѣйственной Мадонной; но затѣмъ, когда папа и его слуги утратили популярность въ Неаполѣ, городское управленіе воспретило эти ежегодныя представленія въ честь Мадонны.

Восхожденіе на Везувій (продолженіе).

Неаполитанцы всегда требуютъ вчетверо больше, чѣмъ имъ хотѣлось бы получить, но если вы дадите имъ сразу то, что они просятъ, имъ станетъ стыдно, что они запросили такъ мало, и они станутъ просить больше; при этомъ они всегда ужасно много кричатъ и жестикулируютъ; нельзя купить даже самыхъ простыхъ ракушекъ, чтобы не вызвать горячаго спора и шума.

Восхожденіе на Везувій (продолженіе).

Мы наняли наканунѣ муловъ и лошадей послѣ полуторачасового торга съ жителями Аннунціаты и полусонные отправились на гору; около каждаго мула было по оборванцу, который

дѣлалъ видъ, будто погоняетъ животное, а на самомъ дѣлѣ просто-напросто держался за хвостъ и заставлялъ тащить кстати и себя. Сперва я подвигался медленно, но затѣмъ мнѣ стало досадно при мысли, что я долженъ заплатить свои кровные пять франковъ за то, что моего мула тащутъ назадъ за хвостъ, а потому я отпустилъ своего погонщика, и послѣ того мулъ пошелъ гораздо быстрѣе.

Съ горы Неаполь представился намъ въ видѣ великолѣпной картины. Мы не могли разсмотрѣть, конечно, ничего, кромѣ газовыхъ фонарей, полукругомъ огибавшихъ двѣ трети большого залива и казавшихся издали брильянтовымъ ожерельемъ; такіе же огни сверкали и по всему городу, перекрещиваясь по всѣмъ направленіямъ. А тамъ дальше за городомъ и на всей окружавшей его равнинѣ сверкали, какъ драгоцѣнные камни, снопы огней, обозначавшіе мѣста, гдѣ десятки деревень спали крѣпкимъ сномъ. Эта картина ночи была такъ хороша, что я нисколько не жалѣлъ о томъ, что поѣхалъ на Везувій.

Восхожденіе на Везувій (продолженіе).

Это будетъ превосходной темой для слѣдующей главы, и я напишу ее завтра или послѣзавтра.

XXX.

Восхожденіе на Везувій (продолженіе).

„Видѣть Неаполь и умереть!“ Ну, я не знаю, есть ли какая-нибудь необходимость умирать, если просто увидишь Неаполь, но если вздумаешь жить тамъ, то тогда это выйдетъ немножко иначе. Видѣть Неаполь такъ, какъ мы видѣли его раннимъ утромъ издали со склона Везувія, это значитъ видѣть удивительно красивую картину. На такомъ разстояніи его грязныя зданія кажутся бѣлыми и громоздятся одно надъ другимъ со своими балконами, окнами и крышами, пока колоссальный замокъ св. Эльмы не завершитъ эту громадную бѣлую пирамиду и не придастъ картинѣ симметрію, величіе и полноту. А когда его лиліи обратятся въ розы, когда онъ покраснѣетъ подъ первымъ поцѣлуемъ солнечныхъ лучей, то красота его превосходитъ всякое описаніе. Тогда, пожалуй, можно было бы сказать: „Видѣть Неаполь и умереть“. Рамки этой картины тоже красивы сами по себѣ. Прямо море,—громадная разноцвѣтная мозаика; гористые острова утопаютъ вдали въ задумчивомъ туманѣ; съ нашей стороны величественная двойная вершина Везувія, и его черныя бедра и разсѣлины изъ лавы,

постепенно понижаясь, сливаются съ равниной, покрытой изумрудно-зеленымъ ковромъ, который чаруетъ взоры и увлекаетъ дальше и дальше, мимо группъ деревьевъ, уединенныхъ домовъ и бѣлоснѣжныхъ деревень, пока самъ не затеряется вдали въ дымкѣ тумана на горизонтѣ.

Но если вы не хотите испортить впечатлѣніе, не ѣздите въ городъ и не осматривайте его подробно. Жители неопрятны, и поэтому на улицахъ грязь и зловоніе. Нигдѣ жители такъ не боятся холеры, какъ въ Неаполѣ; и они имѣютъ для этого основаніе. Обыкновенно холера побѣждаетъ неаполитанца, когда схватитъ его, потому что, прежде чѣмъ докторъ дороется сквозь грязь до болѣзни, человѣкъ умираетъ.

Улицы обыкновенно настолько широки, чтобы по нимъ могъ проѣхать одинъ экипажъ, и всѣ онѣ кишмя кишатъ народомъ. Тамъ рѣдко встрѣчаются тротуары, а если гдѣ и попадаются, то очень узкіе; потому всѣ ходятъ прямо по улицамъ, и надо только удивляться, какъ проѣзжающіе по нимъ экипажи не давятъ людей.

Дома въ Неаполѣ—настоящее восьмое чудо свѣта. Я нисколько не ошибусь, если скажу, что большая часть ихъ имѣетъ сто футовъ высоты, а толщина стѣнъ достигаетъ семи футовъ. При этомъ нужно подняться ступеней на девять, чтобы очутиться въ „первомъ“ этажѣ. Передъ каждымъ окномъ имѣются желѣзныя рѣшетки въ видѣ маленькой клѣтки для птицъ, и всегда кто-нибудь да выглядываетъ изъ окна. Въ Неаполь стоитъ съѣздить, чтобъ увидать одну изъ такихъ узкихъ улицъ съ рядами высокихъ домовъ, которые какъ бы сливаются вдали, точно рельсы на полотнѣ желѣзной дороги; ряды развѣшанныхъ всюду лохмотьевъ развѣваются, какъ знамена, надъ кишащимъ внизу людомъ; на балконахъ, поднимающихся отъ земли до самаго неба, всюду видны женщины, которыя стоятъ или сидятъ, облокотясь на рѣшетку.

Восхожденіе на Везувій (продолженіе).

Въ Неаполѣ вмѣстѣ съ пригородами считается шестьсотъ двадцать пять тысячъ жителей, но пространство онъ занимаетъ не больше, чѣмъ американскій городъ съ полуторастотысячнымъ населеніемъ. Онъ поднимается вверхъ къ небесамъ выше, чѣмъ три американскихъ города, и въ этомъ весь секретъ, замѣчу мимоходомъ, что контрастъ между богатыми и бѣдными, между роскошью и нищетой въ Неаполѣ встрѣчается чаще и поразительнѣе, чѣмъ даже въ Парижѣ. Здѣсь все это какъ-то удивительно перемѣшано всюду на улицахъ. Девятилѣтніе голые мальчишки и роскошно одѣтыя дѣти богачей; лохмотья и

рубища и блестящіе мундиры; нищенскія повозки и придворные экипажи; нищіе, принцы, епископы наталкиваются другъ на друга во всякой улицѣ. Каждый вечеръ въ шесть часовъ весь Неаполь отправляется кататься по Riviere di Chiaja (не знаю, что это можетъ означать;) и тамъ увидишь нѣчто такое, чего не увидишь, кажется, нигдѣ больше. Князья (въ Неаполѣ князей больше, чѣмъ полицейскихъ),—князья, которые живутъ на седьмомъ этажѣ и не имѣютъ собственныхъ княжествъ, держатъ экипажъ и ѣздятъ кататься голодные; приказчики, слесаря, модистки остаются безъ обѣда и тратятъ сбереженныя такимъ образомъ деньги на наемъ экипажа; оборванцы нанимаютъ вскладчину человѣкъ двадцать или тридцать маленькую повозку, запряженную осликомъ, ростомъ съ кошку, и тоже ѣдутъ кататься; герцоги и банкиры въ великолѣпныхъ экипажахъ съ пышно одѣтыми кучерами и лакеями тоже ѣздятъ сюда кататься, и такимъ образомъ въ теченіе двухъ часовъ знатность и богатство, мракъ и бѣднота сталкиваются здѣсь бокъ о бокъ, а затѣмъ отправляются домой безмятежные, счастливые, покрытые славой!

На-дняхъ я осматривалъ великолѣпную мраморную лѣстницу въ королевскомъ дворцѣ, которая, говорятъ, стоила пять милліоновъ франковъ, но и на мой взглядъ она стоила съ полмилліона. И я подумалъ, какъ хорошо, должно-быть, жить въ странѣ, гдѣ такой комфортъ и такая роскошь. А затѣмъ я пошелъ дальше и до того задумался, что чуть не наступилъ на одного оборванца, который, сидя на тумбѣ, ѣлъ свой обѣдъ: кусокъ хлѣба и кисть винограда. Когда я узналъ, что этотъ субъектъ служитъ приказчикомъ въ фруктовой лавкѣ (лавка была у него съ собой въ корзинѣ) за два цента день и что у него нѣтъ здѣсь собственнаго дворца, я уже не восторгался такъ счастьемъ жить въ Италіи.

Это естественно навело меня на мысль о томъ, какое здѣсь вообще жалованье. Лейтенантъ въ арміи получаетъ около доллара въ день, а простые солдаты—по два цента. Я знаю только одного приказчика—и онъ получаетъ четыре доллара въ мѣсяцъ. Наборщикъ получаетъ шесть съ половиною долларовъ, а метранпажъ—тринадцать долларовъ въ мѣсяцъ и считаетъ себя аристократомъ. Заговоривъ о жалованьѣ, я вспомнилъ и о цѣнахъ на товары. Въ Парижѣ у Жувэна дюжина паръ лучшихъ перчатокъ стоитъ двѣнадцать долларовъ, а здѣсь перчатки почти такого же качества продаются по три или по четыре доллара за дюжину. Въ Парижѣ полотняная рубашка стоитъ пять-шесть долларовъ а здѣсь и въ Ливорно—два съ половиной доллара. Въ Марселѣ одинъ сюртукъ у хорошаго

портного стоитъ сорокъ долларовъ, а въ Ливорно можно сдѣлать цѣлую пару платья за тѣ же деньги. Въ Марселѣ лайковые ботинки стоятъ восемь долларовъ, а здѣсь—четыре. Въ Америкѣ ліонскій бархатъ цѣнится дороже генуэзскаго, а между тѣмъ вы покупаете въ Соединенныхъ Штатахъ ліонскій бархатъ, выдѣланный въ Генуѣ и отправленный въ Ліонъ, гдѣ на него кладется ліонское клеймо, а затѣмъ его отправляютъ уже въ Америку. Въ Генуѣ на двадцать пять долларовъ можно купить бархату на цѣлое платье, тогда какъ въ Нью-Йоркѣ это стоило бы пятьсотъ долларовъ,—такъ говорятъ дамы. Все это, несомнѣнно, имѣетъ прямое отношеніе къ главѣ...

Восхожденіе на Везувій (продолженіе).

Мнѣ вспоминается чудесный Лазоревый Гротъ. Онъ находится на островѣ Капри въ двадцати двухъ миляхъ отъ Неаполя. Мы наняли маленькій пароходикъ и отправились туда. Входъ въ пещеру имѣетъ четыре фута въ вышину и четыре фута въ ширину и находится у подошвы высокой отвѣсной скалы, которая, какъ стѣна, выступаетъ изъ моря. Вы садитесь въ маленькія лодки, въ которыхъ очень тѣсно. Во время прилива совсѣмъ нельзя попасть въ гротъ. Очутившись тамъ, вы видите себя въ пещерѣ, около ста шестидесяти футовъ длиною, ста двадцати футовъ шириною и около семидесяти футовъ высотою. Какой она глубины, никому неизвѣстно. Она идетъ внизъ ко дну океана. Вода въ этомъ тихомъ подземномъ озерѣ такого яркаго, пріятнаго голубого цвѣта, какой только можно себѣ вообразить, и она прозрачна, какъ стекло. Бросьте камень въ воду, и миріады тончайшихъ пузырьковъ, которые появятся на ея блестящей поверхности, засверкаютъ, какъ голубые огни на сценѣ. Окуните весло, и оно покроется великолѣпнымъ серебромъ съ голубымъ отливомъ. Пусть кто-нибудь прыгнетъ туда, и тотчасъ же онъ покроется самой великолѣпной броней, какую когда-либо носилъ царственный крестоносецъ.

Затѣмъ мы отправились въ Искію, но я уже побывалъ на этомъ островѣ и, поэтому мы отправились въ Прочиду, а оттуда въ Поццоли, гдѣ высаживался апостолъ Павелъ, когда прибылъ сюда изъ Самоса. Мы вышли на берегъ какъ разъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ высаживался и апостолъ Павелъ, который семь дней проповѣдывалъ здѣсь передъ отправленіемъ въ Римъ.

Бани Нерона, развалины Байи, храмъ Сераписа, Кумы, гдѣ Кумская сивилла толковала слова оракула, озеро Аньяно съ древнимъ затопленнымъ городомъ, который и теперь еще вид-

нѣется далеко на глубинѣ,—все это мы, конечно, осматривали, но всего больше интересовала насъ знаменитая „Собачья пещера“. Всѣ, начиная съ Плинія и кончая Смитомъ, писали о Собачьей пещерѣ“ и ея ядовитыхъ газахъ, отъ которыхъ собака задыхается въ полторы минуты, а цыпленокъ—моментально. Я тоже рѣшилъ взять съ собою собаку и, по примѣру многихъ путешественниковъ, предоставить ей задохнуться въ пещерѣ; но когда мы часа въ три дня добрались до грота и собрались производить опытъ, оказалось, что мы забыли захватить съ собою собаку.

Восхожденіе на Везувій (продолженіе).

Въ Эрмитажѣ мы стояли на высотѣ тысячи пятисотъ или тысячи восьмисотъ футовъ надъ уровнемъ моря, уже по одному этому можно судить, насколько подъемъ тутъ былъ крутой. Слѣдующія двѣ мили дорога была смѣшанная, при чемъ мы все время пробирались по узкой тропинкѣ, проложенной по руслу нѣкогда огненной, а теперь черной рѣки, дно и бока которой были покрыты слоемъ застывшей и потемнѣвшей лавы. Наконецъ мы остановились въ узкой, ровной долинѣ, по обѣ стороны которой высились двѣ остроконечныя вершины Везувія. Намъ предстояло взбираться по одной изъ нихъ, по той самой, гдѣ находится дѣйствующій вулканъ; она казалась футовъ восьмисотъ или тысячи въ вышину и поднималась почти совсѣмъ отвѣсно, такъ что на мулахъ нечего было и думать взбираться на нее. Четверо этихъ туземныхъ пиратовъ могли донести насъ на вершину на носилкахъ, но злодѣи могли поскользнуться и уронить, а тогда... страшно и подумать, что было бы тогда! Поэтому мы покинули муловъ и пѣшкомъ стали подниматься на гору. Дорога шла прямо вверхъ по крутымъ ущельямъ, покрытымъ пемзой. Итти было такъ трудно, что мы останавливались передохнуть черезъ каждые пятьдесятъ-шестьдесятъ шаговъ. Наконецъ мы добрались и до вершины—эта часть восхожденія потребовала часъ пятьдесятъ минутъ времени.

То, что мы здѣсь увидѣли, оказалось простымъ круглымъ кратеромъ, круглый колодецъ, если хотите, около двухсотъ футовъ глубиной и въ четыреста или пятьсотъ футовъ шириною, внутренняя стѣна его имѣетъ около полу-мили въ окружности. Въ центрѣ образованнаго такимъ образомъ кольца, находилось вздутое, утесистое возвышеніе въ сто футовъ вышины, покрытое бѣлой сѣрнистой корой, отливавшей различными красивыми оттѣнками, а когда сквозь дымку утренняго тумана пробилось солнце и озарило вершину горы, Везувій оказался какъ бы увѣнчаннымъ бриліантовой короной!

Собственно кратеръ не обладаетъ такимъ разнообразіемъ цвѣтовыхъ оттѣнковъ, но своей мягкостью тоновъ и непретенціознымъ изяществомъ онъ казался еще очаровательнѣе и притягательнѣе для глазъ. Въ немъ не было ничего „кричащаго", онъ былъ такъ скроменъ и приличенъ. Можно было бы простоять тутъ цѣлую недѣлю и безъ-устали смотрѣть на него. Онъ казался какъ бы лужайкой, на которой нѣжная трава и бархатистый мохъ покрылись блестящею пылью и приняли блѣдно-зеленый оттѣнокъ, который, постепенно сгущаясь, переходилъ въ коричневый цвѣтъ, а затѣмъ блѣднѣлъ до оранжеваго, затѣмъ сверкалъ, какъ золото, и переходилъ въ нѣжнорозовый цвѣтъ только что распустившейся розы. Тамъ, гдѣ на этой лужайкѣ виднѣлись трещины, тамъ края трещинъ были обвѣшаны какъ бы кружевомъ нѣжныхъ оттѣнковъ кристалловъ сѣры.

Стѣны колодца были изъ блестящей желтой сѣры, лавы и пемзы всѣхъ цвѣтовъ. Нигдѣ не было видно и признаковъ огня, но струи сѣрнистаго газа тихо и непримѣтно вырывались изъ тысячи маленькихъ трещинъ и разсѣлинъ кратера, и при каждомъ дуновеніи вѣтра запахъ его доносился къ намъ.

Нѣкоторые изъ мальчишекъ опускали длинныя полоски бумаги въ трещины, бумага загоралась, и одни съ гордостью закуривали свои сигары пламенемъ Везувія, а другіе пекли яйца надъ разсѣлинами въ скалахъ и были счастливы.

Вслѣдствіе тумана солнцу только на нѣкоторое время удавалось разсѣивать мглу, и благодаря этому мы не имѣли возможности насладиться чудной картиной во всей ея полнотѣ.

Спускъ.

Спускъ съ горы былъ дѣломъ всего только четырехъ минутъ. Вмѣсто того, чтобы спускаться внизъ по тому крутому пути, по которому мы поднимались на гору, мы выбрали другую кратчайшую дорогу, гдѣ ноги уходили по колѣно въ мягкій пепелъ, и совершили свой путь такими гигантскими шагами, что могли бы пристыдить самого обладателя семимильныхъ сапогъ.

Говорятъ, что во время одного изъ главныхъ изверженій Везувія онъ выбрасывалъ цѣлыя глыбы скалъ, вѣсомъ во много тысячъ тоннъ, на высоту тысячи футовъ въ воздухъ; столбы дыма и пара поднимались на высоту тридцати миль къ небу, и цѣлыя тучи пепла разносились далеко въ стороны и падали на палубы кораблей въ разстояніи семисотъ пятидесяти миль отъ берега! Я, пожалуй, соглашусь повѣрить, что пепелъ сыпался тучами, если кто-нибудь возьметъ на себя отвѣтственность за тридцать миль дыма, но не иначе, а такъ мнѣ что-то не вѣрится.

XXXI.

Погребенный городъ Помпея.

Они произносятъ Помпейя. Я всегда представлялъ себѣ, что въ Помпею надо спускаться съ факелами, по сырымъ темнымъ лѣстницамъ, какъ въ серебряныхъ рудникахъ, проходить по мрачнымъ тоннелямъ съ лавой надъ головой, а по обѣ стороны будетъ что-то въ родѣ расширенныхъ тюремъ, выдолбленныхъ въ твердой землѣ и слабо напоминающихъ дома. Ничего подобнаго. Добрая половина погребеннаго города совершенно открыта и доступна для дневного свѣта; тамъ стоятъ длинные ряды прочно построенныхъ каменныхъ домовъ (безъ крышъ) такъ же, какъ они стояли тысячу восемьсотъ лѣтъ тому назадъ, палимые горячими лучами солнца; полы въ домахъ чисто выметены, ни одинъ изъ яркихъ осколковъ мозаики, разрисованной животными, птицами и цвѣтами, которые мы копируемъ теперь для нашихъ непрочныхъ ковровъ, не выцвѣлъ и не потерялся. Тутъ есть и Венеры, и Вакхи, и Адонисы, изображенные фреско на стѣнахъ гостиныхъ и спаленъ; есть и узкія улицы и еще болѣе узкіе тротуары, вымощенные плитами затвердѣвшей лавы; улицы глубоко изрѣзаны колесами телѣгъ, а тротуары истерты ногами помпейцевъ, ходившихъ по нимъ нѣсколько столѣтій тому назадъ; здѣсь есть булочныя, храмы, суды, бани, театры,—все начисто выскребенное, опрятное и ничуть не напоминаетъ серебряныхъ рудниковъ въ нѣдрахъ земли. Кругомъ видны поваленные столбы, дверныя отверстія безъ дверей и множество поваленныхъ стѣнъ, что удивительно какъ напоминало „выжженный кварталъ“ одного изъ нашихъ городовъ, и если бы здѣсь были обуглившіяся бревна, выбитыя стекла, кучи мусора и если бы все вообще кругомъ почернѣло и закоптилось, то сходство было бы полное. Но нѣтъ,—солнце сіяетъ теперь надъ старой Помпеей точно такъ же, какъ оно сіяло, когда Христосъ родился въ Виѳлеемѣ, а улицы ея во сто разъ чище, чѣмъ онѣ бывали въ самое цвѣтущее время Помпеи. Я знаю, о чемъ я говорю, потому что на главныхъ большихъ улицахъ (Торговой и Счастливой) я собственными своими глазами видѣлъ мостовыя, которыя не ремонтировались, по крайней мѣрѣ, въ теченіе двухсотъ лѣтъ. Я видѣлъ тамъ въ толстыхъ каменныхъ плитахъ колеи, глубиной въ пять и даже въ десять дюймовъ. А разъ тамъ никогда не ремонтировали мостовыя, значитъ ихъ никогда не мели и не чистили.

Нѣтъ, Помпея больше уже не погребенныи городъ. Это городъ со многими сотнями домовъ безъ крышъ, массой запутанныхъ улицъ, гдѣ можно легко заблудиться безъ проводника и заночевать въ какомъ-нибудь ужасномъ дворцѣ, въ которомъ, какъ извѣстно, никто не жилъ съ той ужасной ноябрьской ночи тысячу восемьсотъ лѣтъ тому назадъ.

Мы вошли въ ворота, которыя обращены къ Средиземному морю (они называются „Морскія ворота"), мимо грубой разбитой статуи Минервы, все еще неустанно сторожащей владѣнія, которыя она не въ силахъ спасти, вышли на длинную улицу и остановились на форумѣ Правосудія. Полъ былъ ровный и чистый, вверху и внизу съ каждой стороны колоннады разрушенныхъ столбовъ съ разсѣянными вокругъ нихъ іоническими и коринѳскими колонками. На верхнемъ концѣ находилось незанятое мѣсто судей, а за нимъ мы спустились въ тюрьму, гдѣ пепелъ и лава залили двухъ закованныхъ арестантовъ въ достопамятную ноябрьскую ночь.

Затѣмъ мы побродили по многимъ частнымъ домамъ, въ которые мы не могли бы войти безъ формальнаго приглашенія на непонятномъ латинскомъ языкѣ въ прежнія времена, когда здѣсь жили ихъ владѣльцы. Эти люди строили свои дома почти всѣ одинаково. Полы выложены фантастическими фигурками, выдѣланными изъ мозаики разноцвѣтнаго мрамора. На порогѣ видишь или привѣтствіе на латинскомъ языкѣ или же изображеніе собаки съ подписью: „Берегись собаки", иногда изображеніе медвѣдя или фавна безъ всякой надписи. Затѣмъ вы входите въ вестибюль; слѣдующая комната съ большимъ мраморнымъ бассейномъ посрединѣ и трубами для фонтана; съ другой стороны были спальни; за фонтаномъ—пріемная, затѣмъ маленькій садъ, столовая и т. д. и т. д. Полы всюду мозаичные, стѣны оштукатурены или украшены фресками или же барельефами; тамъ и сямъ были статуи большія и маленькія, маленькіе садки, водопады сверкающей воды, которая била изъ потайныхъ мѣстъ въ колоннадѣ красивыхъ столбовъ, которые окружали дворъ, освѣжали клумбы и поддерживали прохладу въ воздухѣ. Помпейцы обладали изысканнымъ вкусомъ и очень любили роскошь. Самыя изящныя вещи изъ бронзы, какія мы видѣли въ Европѣ, явились изъ отрытыхъ городовъ Геркуланума и Помпеи, оттуда же и прекраснѣйшія камеи и самыя изящныя гравюры на драгоцѣнныхъ камняхъ; ихъ картины, имѣвшія за собой тысяча восемьсотъ или тысяча девятьсотъ лѣтъ, часто оказывались пріятнѣе для глазъ, чѣмъ знаменитые кошмары старыхъ мастеровъ, писанные всего триста лѣтъ тому назадъ. Они очень далеко ушли впередъ въ искусствахъ. Съ

тѣхъ поръ, какъ появились эти предметы искусства въ I вѣкѣ и до XI, искусства какъ бы не существовало, по крайней мѣрѣ, отъ него не осталось никакихъ памятниковъ, и любопытно было видѣть, какъ превзошли (въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ) эти древніе язычники художниковъ, которые явились послѣ нихъ.

Всюду видишь тутъ доказательства того, какъ стары были эти старинные дома, когда разразилась катастрофа, и нѣкоторыя доказательства ветхости ихъ (если можно такъ выразиться) настолько интересны и такъ хорошо сохранились, что далекое прошлое, какъ живое, встаетъ передъ нашими глазами. Вотъ тесанныя изъ лавы ступени лѣстницы, которая ведетъ въ школу; эти ступени чуть не насквозь протерты ногами школьниковъ; въ такомъ же точно состояніи и ступени лѣстницъ, ведущихъ въ театръ, протертыя ногами любителей сценическаго искусства. Затѣмъ мы направились по Торговой улицѣ; но торговцы куда-то исчезли, лавки опустѣли, и только кое-гдѣ видны какъ бы вдѣланные въ лаву разбитые кувшины изъ-подъ вина и масла. Въ пекарнѣ сохранился камень, которымъ растирали зерно, и печи, въ которыхъ пекли хлѣбы; говорятъ, что при производствѣ раскопокъ въ этихъ печахъ нашли хорошо выпеченные хлѣбы. Въ одной изъ главныхъ улицъ есть большой водоемъ и желобъ, по которому струилась вода. Къ этому водоему сходились усталые, потные рабочіе изъ Кампаньи и пили воду, опираясь въ то же время правой рукой на край желоба, и въ этомъ мѣстѣ, въ толстомъ и твердомъ, какъ желѣзо, камнѣ образовалась отъ времени выемка, глубиной дюйма въ два. Въ Помпеѣ существовало также мѣсто, гдѣ помѣщались объявленія о боѣ гладіаторовъ, о выборахъ и т. п.; но объявленія эти дѣлались не на непрочной бумагѣ, а на твердомъ камнѣ. Одна лэди, напримѣръ, объявляла о желаніи отдать внаемъ помѣщеніе съ банями и всѣми удобствами и нѣсколько сотъ лавочекъ, но съ тѣмъ, чтобы все это не было приспособлено для безнравственныхъ цѣлей. Высѣченная на стѣнѣ каждаго дома надпись даетъ точное указаніе, кто жилъ въ томъ или другомъ домѣ, и такія же точно надписи съ именами имѣются и на гробницахъ. Въ одномъ изъ домовъ нашли въ залѣ скелетъ человѣка, державшаго въ одной рукѣ десять золотыхъ монетъ, а въ другой—ключъ. Онъ погибъ въ ту самую минуту, когда собрался бѣжать. Потомъ я видѣлъ скелеты мужчины, женщины и двухъ молодыхъ дѣвушекъ. У женщины простерты руки, какъ бы въ ужасѣ передъ страхомъ надвигавшейся смерти, и мнѣ казалось, что я и теперь еще видѣлъ на лицѣ ея это выраженіе. Дѣвушки и мужчины лежали ничкомъ, закрывъ лица руками. Въ одномъ домѣ было найдено

восемнадцать скелетовъ въ сидячемъ положенiи, и темныя пятна на стѣнахъ и теперь еще обозначаютъ тѣ мѣста, гдѣ они помѣщались у стѣнки и даютъ возможность опредѣлить, въ какихъ именно позахъ они сидѣли. У одной изъ женщинъ до сихъ поръ еще сохранилось ожерелье, на которомъ выгравировано ея имя: „Julie di Diomede". Но самая замѣчательная, можетъ-быть, изъ всѣхъ находокъ, сдѣланныхъ въ Помпеѣ, это—рослая фигура римскаго солдата въ полномъ вооруженiи: вѣрный своему долгу воинъ не тронулся съ мѣста и погибъ а своемъ посту у городскихъ воротъ. Въ Помпеѣ всѣ дома одноэтажные; тамъ люди не жили подъ облаками, какъ живутъ теперь въ Венецiи, въ Генуѣ, въ Неаполѣ.

Наконецъ мы покинули этотъ мертвый городъ, и въ то время, какъ мы, задумавшись, тихо брели подъ деревьями, вдругъ раздался крикъ: „Садитесь въ вагоны, послѣднiй поѣздъ въ Неаполь!" Этотъ крикъ напомнилъ мнѣ, что я живу въ XIX вѣкѣ и что я не мумiя, покрытая пепломъ и прахомъ восемнадцати вѣковъ. И мнѣ припомнились тѣ ужасы, которые видѣлъ тутъ Плинiй Младшiй 9 iюня 97 года по Р. Х., когда онъ спасалъ отъ губительнаго огня свою мать, умолявшую его покинуть ее и спасаться самому.

XXXII.

Мы снова дома. Вся наша корабельная семья снова въ полномъ сборѣ и толкается на шканцахъ, посылая послѣднее прости Неаполю въ то время, какъ „Городъ квакеровъ" снимается съ якоря и подъ парами выходитъ въ море. У насъ у всѣхъ было такъ много поразсказать другъ другу, что мы и не замѣтили, какъ прошло время до семи часовъ вечера, когда вдали показался вулканъ Стромболи. Какой величественный видъ имѣетъ эта одиноко стоящая вершина! Окутанный дымкой тумана, освѣщенной отблескомъ заходившаго солнца, вулканъ какъ бы казался покрытымъ тонкой паутиной. На вершинѣ его курился огонекъ, и этотъ огонекъ и поднимавшiеся къ небу столбы чернаго густого дыма служили доказательствомъ, что вулканъ еще дышитъ, и что жизнь въ немъ еще не совсѣмъ угасла.

Въ два часа ночи мы ѣхали по Миланскому проливу. Луна свѣтила такъ ярко, что Италiя, съ одной стороны, и Сицилiя—съ другой, были такъ же ясно видны, какъ если бы мы ѣхали посрединѣ улицы и смотрѣли на нихъ. Молочно-бѣлый городъ Мессина, сверкавшiй безчисленнымъ множествомъ огней газо-

выхъ фонарей, представлялъ удивительно красивое зрѣлище. Мы почти всѣ были на палубѣ и съ нетерпѣніемъ ждали момента, когда увидимъ знаменитыя Сциллу и Харибду. Вскорѣ появился и нашъ Оракулъ со своей вѣчной зрительной трубой и сталъ на палубѣ, какъ второй Колоссъ Родосскій. Насъ очень удивило появленіе его на палубѣ въ такой поздній часъ, такъ какъ никому и въ голову не приходило, чтобъ онъ могъ заинтересоваться старой басней о Сциллѣ и Харибдѣ, и поэтому кто-то спросилъ его:

— Эй, докторъ, зачѣмъ вы явились сюда въ такую позднюю пору? Что такое хотите вы увидать въ этомъ мѣстѣ?

— Что я хочу увидать въ этомъ мѣстѣ? Молодой человѣкъ, вы меня мало знаете, иначе не стали бы и спрашивать объ этомъ. Я желаю видѣть всѣ тѣ мѣста, о которыхъ упоминается въ Библіи.

— Но объ этомъ мѣстѣ вовсе не упоминается въ Библіи.

— Не упоминается въ Библіи... Это мѣсто... Какое же это мѣсто, разъ вы знаете, что о немъ не упоминается въ Библіи?

— Это Сцилла и Харибда.

— Сцилла и Ха... я смѣшалъ... Я думалъ, что это Содомъ и Гоморра!

Онъ сложилъ свою трубку и пошелъ внизъ. Этотъ же самый Оракулъ высказалъ на-дняхъ сожалѣніе, что при такой жаркой погодѣ у насъ на кораблѣ имѣется одно только прохладительное питье—масло. Мы не пили, конечно, масла, но такъ какъ съ той поры, какъ мы вышли изъ области льдовъ, масло у насъ все время находится въ жидкомъ состояніи, его острота имѣла успѣхъ, и всѣ радовались, что онъ хоть разъ въ жизни высказалъ справедливое замѣчаніе. Въ Римѣ онъ тоже отличился: онъ сказалъ, что папа славный старикъ, но что онъ никогда не былъ высокаго мнѣнія объ его Иліадѣ *).

Оракулъ, по профессіи, уличный лѣкарь—шарлатанъ и потому его полное невѣжество есть одна изъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей людей его профессіи. Онъ не знаетъ ровно ничего, но старается убѣдить, что онъ знаетъ рѣшительно все, и у насъ на пароходѣ вошло въ обычай предлагать ему самые мудреные вопросы, затѣмъ только, чтобы видѣть, какъ онъ будетъ ихъ разрѣшать. Какъ-то на-дняхъ мальчуганъ Гарри, сынъ капитана, занимаясь изученіемъ навигаціонныхъ наукъ, прочелъ въ книгѣ фразу „горизонтальный параллаксъ",

---

*) Pope—папа (римскій) и Pope — (Попъ)—знаменитый англійскій поэтъ и философъ (1688—1744 гг.). *Прим. перев.*

и сейчасъ рѣшилъ, что это прекрасная тема для бесѣды съ Оракуломъ. Онъ поднялъ голову и спросилъ:

— Докторъ, что такое горизонтальный параллаксъ?

— Гор... гори... Что такое?

— Горизонтальный параллаксъ. Его заполучилъ одинъ изъ нашихъ матросовъ, и теперь ему бѣдняжкѣ приходится плохо.

— Горизонтальный параллаксъ... (онъ почесалъ затылокъ)... Горизонтальный параллаксъ. Гмъ... горизонт... Слушайте, Гарри, зачѣмъ вы всегда пристаете ко мнѣ, когда случится что-нибудь съ вашими матросами? Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до матросовъ. Вамъ слѣдовало бы обратиться къ пароходному доктору... Это его дѣло.

— Я знаю, что это его дѣло; но я былъ у него; и онъ сказалъ, что ничего объ этомъ не знаетъ.

— Ну, я такъ и думалъ. Такъ оно, впрочемъ, и должно быть. Онъ любитъ шататься по пароходу и насмѣхаться надъ всѣми... Онъ позволяетъ себѣ смѣяться надъ людьми, которыхъ онъ самъ не стоитъ и мизинца... Горизон... зон... Гарри, я скажу вамъ, что надо дѣлать. Дайте этому бѣднягѣ около четырехъ столовыхъ ложекъ laudanum, чтобы онъ заснулъ, а потомъ положите ему на спину горчичникъ размѣромъ въ сѣдло, чтобы снова разбудить его, и я думаю, что это на него подѣйствуетъ. Нужно возстановить жизнедѣятельность... У него это произошло отъ застоя крови, и теперь ему необходимо примѣнить что-нибудь такое, что его подбодрило бы... Не теряйте времени, Гарри. Горизонтальные параллаксы—скверная штука, если дать имъ разыграться.

Мы провели очень пріятный день, любуясь греческими островами, мимо которыхъ мы проѣзжали. Всѣ они очень гористы. Преобладающіе оттѣнки ихъ сѣрый и коричневый, приближающійся къ красному. Маленькія бѣлыя деревеньки окружены деревьями и гнѣздятся въ долинахъ или забираются на высокія отвѣсныя скалы надъ моремъ.

Вечеромъ мы могли бы любоваться восхитительной картиной заката солнца на морѣ; но какое намъ было дѣло даже и до солнечнаго заката даже и самаго восхитительнаго, когда мы всецѣло были поглощены мыслью о тѣхъ прославленныхъ городахъ древняго міра, къ которымъ мы теперь приближались.

Что намъ за дѣло до самыхъ очаровательныхъ картинъ природы, когда въ нашемъ воображеніи передъ нами проходили Агамемнонъ, Ахиллъ и тысячи другихъ героевъ великаго прошлаго? Какое было дѣло до закатовъ людямъ, которые сейчасъ будутъ жить, дышать и бродить по современнымъ Аѳинамъ?.. И мы съ презрѣніемъ смотрѣли на закатъ солнца.

Наконецъ мы вошли въ древнюю Пирейскую гавань и бросили якорь въ полу-мили отъ деревни. Далеко впереди, черезъ Эоллійскую равнину Аттики, виднѣлся маленькій холмъ съ четырехугольной вершиной и на немъ что-то такое, что наши подзорныя трубы скоро признали за развалины аѳинской цитадели, а среди нихъ открыли и знаменитый Парѳенонъ. Воздухъ былъ такъ удивительно прозраченъ и чистъ, что каждая колонка этого благороднаго зданія ясно видна была въ подзорную трубу. И это на разстояніи пяти-шести миль. Въ долинѣ близъ Акрополя (холма съ четырехугольной вершиной, о которомъ я только что говорилъ) виднѣлись Аѳины, которыя можно было разсмотрѣть даже въ простой бинокль. Каждому хотѣлось поскорѣе высадиться на берегъ и какъ можно скорѣе посмотрѣть эти классическія мѣста. Ни одна изъ видѣнныхъ нами странъ не возбуждала такого интереса среди пассажировъ.

Но мечтамъ нашимъ не суждено было осуществиться. Къ пароходу подъѣхалъ на шлюпкѣ командиръ пирейскаго порта и объявилъ, что мы должны или уйти изъ гавани или сидѣть на нашемъ суднѣ въ строгомъ карантинѣ въ теченіе одиннадцати дней! Мы снялись съ якоря и черезъ двѣнадцать часовъ которые были употреблены на то, чтобы запастись съѣстными припасами, тронулись въ путь къ Константинополю. Это было такое горькое разочарованіе, какого намъ не приходилось еще испытывать. Простоять цѣлый день въ виду Акрополя и уѣхать, не побывавъ въ Аѳинахъ!

Въ послѣобѣденное время всѣ были на палубѣ съ картами, книгами и подзорными трубами и горячо спорили о томъ, какое историческое мѣсто изображаетъ собою тотъ или другой пунктъ. Несомнѣнно было только одно, что холмъ съ четырехугольной вершиной—Акрополь, а большая, окружавшая его развалина—Парѳенонъ, который мы видали на картинкѣ въ учебникахъ еще въ школѣ.

Мы разспрашивали всѣхъ, кто подъѣзжалъ близко къ пароходу, есть ли стража въ Пиреѣ, строга ли она, и что насъ ждетъ, если бы мы рискнули пробраться на берегъ? Отвѣтъ былъ неутѣшительный: стража очень строгая, и потомъ Пирей такой маленькій городъ, что каждый иностранецъ навѣрное обратитъ на себя вниманіе. Командиръ порта сказалъ, что наказаніе будетъ „тяжелое“, а когда мы спросили „какое тяжелое?“ онъ сказалъ, что „очень строгое“, вотъ и все, что мы отъ него добились.

Въ одиннадцать часовъ вечера, когда большая часть пассажировъ легла уже спать, мы вчетверомъ тихонько прокрались

къ берегу въ маленькой лодкѣ; тамъ мы раздѣлились по двое и, крадучись, стали взбираться по низкому холму, стараясь не попасться на глаза полицейскимъ. Нѣсколько дней тому назадъ нашъ капитанъ разсказывалъ мнѣ такой случай: съ одного стоявшаго въ карантинѣ судна какой-то человѣкъ осмѣлился вплавь добраться до берега,—за это онъ просидѣлъ шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Затѣмъ онъ же говорилъ мнѣ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Генуѣ капитанъ одного изъ стоявшихъ въ карантинѣ судовъ подъѣхалъ въ шлюпкѣ къ уходившему кораблю и сдалъ на него письмо къ своей семьѣ; за это капитана посадили на три мѣсяца въ тюрьму, а потомъ вывели его судно въ море и объявили ему, чтобы онъ никогда не смѣлъ показываться въ этомъ портѣ. Воспоминаніе объ этихъ случаяхъ не сулило ничего хорошаго, но о возвращеніи назадъ нечего было и думать, и мы продолжали подвигаться впередъ.

Мы обошли весь городъ кругомъ и видѣли только одного человѣка, который удивленно посмотрѣлъ на насъ, но ничего не сказалъ, а затѣмъ видѣли еще человѣкъ двѣнадцать, спавшихъ на землѣ у дверей своихъ домовъ; но за то мы видѣли множество собакъ, которыя и встрѣчали и провожали насъ лаемъ. Когда мы, совершивъ полный кругъ, пробирались между домами одного изъ самыхъ отдаленныхъ пригородовъ, изъ-за облаковъ выплыла луна; но теперь мы уже не боялись свѣта и видя, что дальше нѣтъ дороги, стали подыматься по высокому холму, лѣвѣе виднѣвшагося вдали Акрополя. Мы смѣло шли къ нему напрямки; намъ пришлось проходить по необработанному участку, усѣянному мелкими камнями, которыя съ шумомъ катились у насъ изъ-подъ ногъ; затѣмъ мы шли по только что взрытой мягкой землѣ, а съ нея мы перешли на участокъ, засаженный виноградными лозами, которыя мы сначала приняли за кусты терновника.

Около часу ночи, когда мы, усталые отъ быстрой ходьбы, томились жаждой, Дэнни вдругъ весело сказалъ: „А знаете, что это такое? Это виноградныя лозы!“ и черезъ пять минутъ у насъ въ рукахъ было уже десятка два кистей крупнаго, бѣлаго, восхитительнаго винограда, но затѣмъ передъ нами вдругъ таинственно поднялась большая темная фигура и крикнула: „Гей!“ Мы въ то же мгновеніе убѣжали.

Черезъ десять минутъ мы вышли на дорогу, которая въ противоположность другимъ дорогамъ, попадавшимся намъ по временамъ, тянулась въ прямомъ направленіи. Мы пошли по этой дорогѣ, обсаженной со обѣихъ сторонъ, на протяженіи мили, деревьями, а за ними сейчасъ же начинались виноград-

ники. Мы два раза заходили въ нихъ воровать виноградъ, и во второй разъ кто-то опять крикнулъ на насъ; мы понятно опять убѣжали и больше уже не рисковали продѣлывать это.

Скоро мы подошли къ древнему каменному водопроводу, устроенному на аркахъ, и съ той минуты мы все время кругомъ себя видѣли все развалины,—мы приближались къ цѣли нашего странствованія. Теперь мы не могли уже видѣть Акрополь, и я предложилъ итти по дорогѣ, пока не поравняемся съ нимъ, но остальные не согласились, и мы съ большимъ трудомъ стали карабкаться на каменистый холмъ прямо передъ нами, но съ вершины его увидѣли другой такой же холмъ, а когда взобрались и на него, то увидѣли опять такой же холмъ. Цѣлый часъ мы взбирались такимъ образомъ, пока добрались, наконецъ, до цѣлаго ряда открытыхъ гробницъ, высѣченныхъ въ скалѣ (одна изъ гробницъ служила темницей Сократу), а затѣмъ обошли вокругъ холма и увидѣли прямо передъ собой развалины цитадели. Мы перебрались черезъ ровъ и очутились въ древнемъ Акрополѣ, а надъ нашими головами высились сложенныя изъ мрамора стѣны цитадели; но мы не стали разсматривать ихъ, мы спѣшили къ воротамъ, которыя ведутъ къ древнимъ храмамъ. Ворота оказались запертыми. Мы обогнули уголъ стѣны и увидѣли низкій бастіонъ,—футовъ восемь высоты снаружи и футовъ десять или двѣнадцать внутри. Дэнни при нашемъ содѣйствіи первымъ взобрался на стѣну, но когда онъ уже сидѣлъ верхомъ на гребнѣ стѣны, съ нея сорвалось и упало во дворъ нѣсколько камней. Въ ту же минуту гдѣ-то хлопнула дверь и раздался крикъ. Дэнни во мгновеніе ока скатился со стѣны, и мы отступили въ безпорядкѣ къ воротамъ. Ксерксъ взялъ эту грозную цитадель за четыреста восемьдесятъ лѣтъ до Рождества Христова, имѣя подъ своимъ начальствомъ пятимилліонную армію персовъ и союзныхъ войскъ; но и мы вчетверомъ, если бы у насъ хватило храбрости продержаться подъ стѣнами крѣпости хотя бы минутъ пять, мы тоже могли бы взять ее. Навстрѣчу намъ вышелъ весь гарнизонъ—четверо грековъ. Мы вступили съ ними въ переговоры и за приличное вознагражденіе насъ впустили въ крѣпость. И мы увидѣли Пропилеи, небольшой храмъ Минервы, храмъ Геркулеса и великій Пароенонъ. Все это сооружено изъ бѣлѣйшаго пентеликскаго мрамора, въ которомъ теперь имѣются уже розоватыя жилки. Шесть каріатидъ (изваянныя изъ мрамора женщины въ развѣвающихся одеждахъ) поддерживаютъ портикъ храма Геркулеса, но портики и колоннады другихъ зданій состоятъ изъ массивныхъ дорическихъ

и іоническихъ столбовъ, карнизы и капители которыхъ сохранились еще довольно хорошо. Первоначально Пароенонъ имѣлъ двѣсти двадцать шесть футовъ въ длину, сто въ ширину, семьдесятъ въ вышину и два ряда большихъ колоннъ, по восьми въ каждомъ ряду на обоихъ концахъ, а подъ ними одинъ рядъ колоннъ по семнадцати въ каждомъ. Большая часть колоннъ Пароенона цѣла еще и до сихъ поръ, но крыши уже нѣтъ. Лѣтъ двѣсти пятьдесятъ тому назадъ здѣсь хранился принадлежавшій венеціанцамъ порохъ, отъ взрыва котораго (ядромъ) сорвало крышу и сильно попортило все зданіе. Мы долго бродили по мраморному полу величественнаго храма. Тамъ и сямъ сверкали бѣлыя статуи мужчинъ и женщинъ, опиравшихся на глыбы мрамора; нѣкоторыя изъ нихъ были безъ рукъ, другія—безъ ногъ, третьи—безъ головы, но всѣ онѣ при лунномъ свѣтѣ имѣли такой унылый видъ и казались какъ бы перепуганными присутствіемъ людей; онѣ преграждали имъ путь среди форума и торжественно указывали имъ своими обломанными руками къ выходу изъ священнаго храма. Исторія говоритъ, что храмы Акрополя были переполнены твореніями Праксителя, Фидіаса и многихъ другихъ великихъ скульпторовъ; и въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе, судя уже по одному изяществу и красотѣ видѣнныхъ нами фигуръ.

Мы вышли на поросшій травой и усѣянный обломками дворъ за Пароенономъ. Намъ даже страшно становилось при видѣ каменныхъ бѣлыхъ лицъ, смотрѣвшихъ на насъ изъ травы своими мертвыми глазами. Мѣсто это казалось обиталищемъ призраковъ. Я, кажется, нисколько не удивился бы, если бы вдругъ увидѣлъ здѣсь жившихъ двадцать вѣковъ тому назадъ аоинскихъ героевъ, явившихся тайкомъ изъ царства тѣней въ этотъ хорошо знакомый имъ древній храмъ, который они такъ любили.

Полная луна стояла высоко на безоблачномъ небѣ. Мы подошли къ самому краю укрѣпленій цитадели и увидѣли чудную картину: Аеины при лунномъ свѣтѣ! Безмолвный городъ былъ весь залитъ мягкимъ свѣтомъ и казался похожимъ на живое существо, объятое мертвымъ сномъ. Вдали виднѣлся небольшой храмъ; его изящные столбы и украшенный фронтонъ сверкали такъ ярко, что невольно приковывали къ себѣ взоры; ближе къ намъ виднѣлись молочно-бѣлыя стѣны королевскаго дворца, стоявшаго среди большого зеленаго сада, сіявшаго милліонами янтарныхъ огней, сверкавшихъ точно золотыя искры, которыя утрачивали свою яркость въ сіяніи луны и мягко сверкали на темной листвѣ, какъ туманныя

созвѣздія млечнаго пути. Надъ нами величественныя колонны, подъ нами дремлющій городъ, а въ отдаленіи серебряное море. Картина восхитительная!

Мы покинули Парѳенонъ и, выйдя изъ цитадели, останови лись у крѣпостной стѣны. Вдали виднѣлся древній, но до сихъ поръ еще прекрасно сохранившійся храмъ Тезея, а возлѣ него виднѣлась, обращенная лицомъ къ западу, Бема, откуда Де мосѳенъ громилъ своими филиппиками и возбуждалъ патріотизмъ въ своихъ согражданахъ. Направо былъ Марсовъ холмъ, гдѣ въ древнія времена засѣдалъ Ареопагъ и гдѣ св. Павелъ пропо-вѣдывалъ аѳинянамъ истиннаго Бога, а еще ниже виднѣлась базарная площадь, гдѣ онъ ежедневно бесѣдовалъ съ аѳинянами. Мы поднялись по каменнымъ ступенямъ на ту самую площадку, на которой стоялъ апостолъ, и начали припоминать разсказъ объ этомъ событіи въ Дѣяніяхъ свв. апостоловъ Затѣмъ, такъ какъ было уже довольно поздно, и мы боялись, какъ бы насъ не выдалъ предательскій дневной свѣтъ, мы тронулись въ обратный путь. Пройдя довольно порядочное разстояніе, мы обернулись и кинули прощальный взглядъ на Парѳенонъ, залитый луннымъ свѣтомъ. Какой онъ имѣлъ тогда торжественный, величественный и прекрасный видъ! Этотъ моментъ навсегда сохранится у насъ въ памяти.

Чѣмъ дальше шли мы, тѣмъ становились смѣлѣе и совсѣмъ стали забывать о стражѣ и о карантинѣ. Я расхрабрился до такой степени, что даже сталъ что-то такое насвистывать, хотя и не громко; а затѣмъ, не обращая вниманія на ярко сіявшую луну, свернулъ въ виноградникъ и сорвалъ нѣсколько кистей великолѣпнаго винограда. Дэнни и Бирчъ послѣдовали моему примѣру, а за ними отправился за виноградомъ и Джэксонъ; но въ ту же минуту откуда-то вынырнулъ свирѣпый бородатый разбойникъ и замахнулся на него мушкетомъ. Мы свернули на дорогу къ Пирею... но не побѣжали, а просто пошли скорымъ шагомъ. Разбойникъ снова крикнулъ что-то такое, но мы продолжали итти, не останавливаясь. Становилось поздно, и у насъ не было времени на разговоры съ незнакомыми намъ людьми. Спустя немного времени Дэнни сказалъ:

— Эти молодцы преслѣдуютъ насъ!

Мы обернулись и въ самомъ дѣлѣ увидали трехъ вооруженныхъ ружьями разбойниковъ, которые шли слѣдомъ за нами. Мы замедлили шаги, чтобы дать имъ подойти поближе, а я тѣмъ временемъ досталъ изъ кармана виноградъ и съ грустью бросилъ его на землю. Я, впрочемъ, нисколько не боялся. Я только чувствовалъ, что не хорошо красть виноградъ, особенно,

когда владѣлецъ его близко, да еще и не одинъ, а съ пріятелями. Незнакомцы подошли къ намъ и осмотрѣли узелокъ, который д-ръ Бирчъ держалъ въ рукѣ, но тамъ ничего не было, кромѣ осколковъ, набранныхъ имъ съ Марсоваго холма, а это не составляло контрабанды. Они отпустили насъ, сказавъ намъ на прощанье что-то такое на чисто греческомъ языкѣ, и мы весело продолжали свой путь. Но спустя немного времени изъ тѣни выступила другая вооруженная фигура, заняла ихъ мѣсто и слѣдовала за нами на протяженіи двухсотъ ярдовъ. Затѣмъ этотъ стражъ передалъ насъ другому злодѣю, а тотъ, спустя немного времени, передалъ насъ слѣдующему. И мы такимъ образомъ на протяженіи полуторы мили шли все время подъ охраной вооруженныхъ людей. Никогда въ жизни не приходилось мнѣ раньше путешествовать подъ такой заботливой охраной.

Прошло много времени послѣ того, прежде чѣмъ мы снова рискнули приняться за похищеніе винограда, но при первой же попыткѣ совершить кражу мы снова увидали вооруженнаго разбойника и, въ концѣ-концовъ, отказались отъ намѣренія поживиться виноградомъ.

Всѣ виноградники на этомъ длинномъ пути охранялись вооруженными людьми, изъ которыхъ нѣкоторые, конечно, спали, но, тѣмъ не менѣе, были здѣсь. Это доказываетъ, что современная Аттика не то, чѣмъ она была прежде. Эти вооруженные люди были тутъ для того, чтобъ охранять свои владѣнія отъ своихъ земляковъ, а не отъ иностранцевъ, потому что иностранцы рѣдко посѣщаютъ Аѳины и Пирей, а если и дѣлаютъ это, то пріѣзжаютъ днемъ и могутъ купить сколько имъ угодно винограда за пустяки.

Съ первыми проблесками зари небо на востокѣ заалѣло и превратило Парѳенонъ въ сломанную арфу, какъ бы висѣвшую въ воздухѣ на горизонтѣ, а мы какъ разъ въ это время закончили нашъ 13-мильный утомительный путь и подошли къ берегу, сопровождаемые безчисленнымъ множествомъ собакъ, которыя преслѣдовали насъ своимъ лаемъ. Мы кликнули лодку, и когда къ берегу подошла высланная за нами съ парохода лодка, мы прыгнули въ нее и, пользуясь висѣвшимъ еще надъ моремъ туманомъ, благополучно добрались до нашего парохода.

Еще четверо изъ нашихъ пожелали побывать въ Аѳинахъ и отправились черезъ полчаса послѣ нашего возвращенія; но они не пробыли на берегу и пяти минутъ, какъ полиція открыла ихъ и такъ горячо погнала, что они едва-едва успѣли добраться до своей лодки. Больше никто уже не дѣлалъ подобныхъ попытокъ.

XXXIII.

На всемъ протяженіи острововъ греческаго архипелага, начиная отъ Аѳинъ, мы ничего не видѣли, кромѣ недоступныхъ утесовъ и горъ, на которыхъ иногда виднѣлись три или четыре изящныя колонны какого-нибудь древняго храма, одинокаго и заброшеннаго. Мы нигдѣ не видѣли ни вспаханныхъ полей, ни деревень, ни деревьевъ, ни травы, ни растительности, и только изрѣдка виднѣлся какой-нибудь одинокій домъ. Греція, это — суровая пустыня, въ которой не развито, повидимому, ни земледѣліе, ни мануфактура, ни торговли. Чѣмъ снискиваетъ себѣ пропитаніе ея бѣдный народъ, это — тайна.

Мнѣ кажется, что древняя Греція и современная Греція составляютъ самый необычайный контрастъ, какой только можно найти въ исторіи. Георгъ I, восемнадцатилѣтній юноша, и горсть прибывшихъ съ нимъ чужестранцевъ сидятъ на мѣстахъ Ѳемистокла, Перикла и знаменитыхъ ученыхъ и полководцевъ золотого вѣка Греціи. Флотъ, которымъ восхищался весь міръ, когда Парѳенонъ былъ еще новъ, состоитъ теперь изъ ничтожнаго количества рыбачьихъ лодокъ, а мужественный народъ, совершавшій такія чудеса, какъ, напримѣръ, битва при Мароѳонѣ, превратился теперь въ племя рабовъ. Населеніе состоитъ всего только изъ восьмисотъ тысячъ душъ, и среди нихъ столько бѣдноты, нужды и нищеты, что ихъ хватило бы на столько же милліоновъ да и еще получился бы остатокъ. Послѣ короля Оттона, въ конецъ разорившаго это несчастное государство, сначала предложили замѣстить его одному изъ сыновей Викторіи, а затѣмъ разнымъ другимъ принцамъ королевской крови, но всѣ они отказались отъ этой чести, пока, наконецъ, не согласился возложить на себя корону юный датскій принцъ Георгъ.

Мы прошли между пустынными островами архипелага въ узкій каналъ, который называютъ то Дарданеллами, то Геллеспонтомъ. Эта часть Греціи богата историческими воспоминаніями и бѣдна, какъ Сахара, во всемъ остальномъ. Подходя къ Дарданелламъ, мы прошли вдоль береговъ Троянской равнины и мимо устья Скамандры; мы видѣли (издали) мѣсто, гдѣ стояла Троя и гдѣ теперь ея нѣтъ. Бѣдные троянцы явились на свѣтъ слишкомъ поздно, чтобы видѣть радугу Ноя, а умерли слишкомъ рано для того, чтобы видѣть нашъ звѣринецъ. Мы видѣли, гдѣ былъ сборный пунктъ флота Агамемнона, а вдали гору, которая на картѣ названа горой Иды. Проходя чрезъ Геллеспонтъ, мы видѣли то мѣсто, гдѣ былъ

приведенъ въ исполненіе первый подрядъ, о которомъ упоминается въ исторіи, при чемъ первые подрядчики были слегка наказаны Ксерксомъ. Я говорю о знаменитомъ мостѣ изъ судовъ, который Ксерксъ приказалъ построить въ самой узкой части Геллеспонта (гдѣ онъ имѣетъ всего двѣ или три мили въ ширину). Незначительная буря уничтожила непрочное сооруженіе, и царь, предполагая, что публичное наказаніе подрядчиковъ можетъ оказать хорошее дѣйствіе на ихъ преемниковъ, потребовалъ ихъ къ себѣ и обезглавилъ передъ войскомъ. Черезъ десять минутъ онъ заключилъ новый контрактъ на постройку новаго моста, и этотъ мостъ, по словамъ древнихъ писателей, оказался весьма хорошимъ. Ксерксъ перевелъ по немъ свое 5-милліонное войско, и если бы его не разрушили потомъ нарочно, мостъ этотъ, вѣроятно, существовалъ бы еще и до сихъ поръ. Въ томъ же Геллеспонтѣ мы видѣли мѣсто, гдѣ переплывали черезъ заливъ Леандеръ и лордъ Байронъ. Тутъ же поблизости были и двѣ знаменитыя могилы, въ одной изъ которыхъ покоился Аяксъ, а въ другой—Гекуба.

По обѣимъ сторонамъ Геллеспонта виднѣлись береговыя батареи и укрѣпленія съ развѣвающимися красными турецкими флагами съ бѣлымъ полумѣсяцемъ, иногда попадалась деревня, а иногда мы видѣли и караванъ верблюдовъ. Мы видѣли все это, пока не вошли въ широкое Мраморное море, а затѣмъ земля скоро скрылась изъ виду, и мы снова принялись за шахматы и вистъ.

Рано утромъ мы стали на якорь при устьѣ Золотого Рога. Только трое или четверо изъ насъ вышли взглянуть на оттоманскую столицу, а вообще пассажиры не выходили теперь на палубу въ неуказанные часы, какъ раньше, чтобы возможно раньше взглянуть на странные чужеземные города. Новизна утратила для нихъ свою прелесть, и если бы мы стали такъ, что намъ видны были бы даже и египетскія пирамиды, они все равно не вышли бы на палубу раньше, какъ послѣ завтрака.

Золотой Рогъ — это узкій рукавъ моря (нѣчто въ родѣ широкой рѣки, которая соединяетъ Мраморное море съ Чернымъ), который развѣтвляется отъ Босфора и проходитъ чрезъ городъ посрединѣ. Галата и Пера находятся на одной сторонѣ Босфора и Золотого Рога, а Стамбулъ (древняя Византія) — на другомъ берегу. На томъ же берегу Босфора лежитъ Скутари и другія предмѣстья Константинополя. Этотъ большой городъ имѣетъ милліонъ жителей, но улицы его такъ узки, а дома такъ тѣсно жмутся другъ къ другу, что онъ занимаетъ пространство немного больше половины Нью-Йорка. Если смотрѣть на него издали, съ того мѣста, гдѣ мы стали на якорь, т.-е.

приблизительно въ разстоянiи мили по Босфору, — это самый красивый изъ всѣхъ видѣнныхъ нами городовъ. Безчисленное множество домовъ, которыми застроено все видимое пространство, начиная отъ береговъ и по холмамъ, зеленые сады, которые выглядываютъ тутъ и тамъ, большiе куполы мечетей и минареты, которые видишь всюду, куда ни кинешь глазъ,—все это придаетъ столицѣ оттоманской имперiи привлекательный восточный колоритъ. Константинополь красивъ, но только издали, а съ того момента, какъ выйдешь на берегъ, проклинаешь его, пока не вернешься назадъ. Тамошнiя лодки (каики) очень оригинальны и, если хотите, красивой конструкцiи (это длинная лодка, безъ руля, одинъ конецъ которой широкiй, а другой—заостренъ, какъ лезвее ножа); но управлять ею трудно даже и на тихой водѣ, а тамъ, гдѣ теченiе быстро, какъ, напримѣръ, между Босфоромъ и Чернымъ моремъ, онѣ совсѣмъ не пригодны. Кромѣ того, и лодочники тамошнiе самый безтолковый и невѣжественный народъ, какой только можно себѣ представить.

На берегу было хорошо, точно въ циркѣ, въ которомъ представленiе идетъ, не прекращаясь ни на минуту. Народу на узкихъ улицахъ, какъ пчелъ въ ульѣ, и среди этого люда, одѣтаго въ самые фантастическiе костюмы, какiе только можно себѣ представить, не было даже и двухъ человѣкъ, одѣтыхъ одинаково. Каждая кучка людей на каждой улицѣ представляла картину удивительныхъ контрастовъ. У нѣкоторыхъ патрiарховъ были на головахъ ужаснаго вида тюрбаны, но большинство носило огненно красныя шапочки, которыя они называютъ фесками. Самая же ихъ одежда не поддается описанiю.

Лавки здѣсь—простые курятняки и помѣщаются въ первомъ этажѣ. Турки сидятъ въ нихъ, поджавши ноги, работаютъ, торгуютъ, курятъ длинныя трубки и пахнутъ какъ... какъ турки. По улицамъ бродятъ нищiе, которые просятъ у всѣхъ, но никогда ничего не собираютъ; какiе-то оборванцы погоняютъ навьюченныхъ ословъ; носильщики таскаютъ на спинѣ ящики, величиною съ коттеджъ; снуютъ разносчики съ виноградомъ, горячимъ хлѣбомъ, тыквенными сѣмячками и множествомъ другихъ предметовъ; тутъ же на улицѣ спятъ знаменитыя константинопольскiя собаки; безшумно двигаются толпами турецкiя женщины, завернутыя съ головы до пятъ въ развѣвающiеся балахоны и съ бѣлоснѣжными вуалями на головахъ, такъ что видны только глаза и неясныя очертанiя лицъ. Тутъ же на улицѣ видѣли мы и продавца гусей, который гонялъ ихъ цѣлую сотню по городу, подыскивая покупателей. У него была жердь, длиною въ десять футовъ съ крючкомъ на концѣ, и, если какой-ни-

будь гусь отдѣляется отъ стада, торговецъ хваталъ его крючкомъ за шею и водворялъ его обратно на мѣсто въ стадѣ. Спустя нѣсколько часовъ мы видѣли, какъ онъ, сидя на камнѣ, крѣпко спалъ на солнышкѣ, а кругомъ него гоготали гуси. Черезъ часъ мы опять прошли мимо него и видѣли, какъ онъ провѣрялъ свое стадо, заставляя гусей поодиночкѣ дефилировать мимо него.

Если вы захотите увидѣть карликовъ, поѣзжайте въ Генуя; если вы пожелаете купить ихъ по дешевой цѣнѣ, поѣзжайте въ Миланъ, потому что тамъ карликовъ, на мой взглядъ, больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Италіи. Если вы захотите увидѣть хорошо подсортированныхъ калѣкъ, поѣзжайте въ Неаполь или поѣзжайте путешествовать по римскимъ владѣніямъ. Но если хотите видѣть настоящее царство калѣкъ и всевозможныхъ уродовъ, поѣзжайте прямо въ Константинополь. Въ Неаполѣ нищій, выставляющій на показъ ногу съ изуродованнымъ ногтемъ, дѣлаетъ хорошіе сборы, но въ Константинополѣ такой человѣкъ умретъ голодной смертью. Кто обратитъ вниманіе на него среди чудовищъ, которыя толпятся на мостахъ Золотого Рога и выставляютъ свои убожества на улицахъ Стамбула? Куда ему противъ трехногой женщины и человѣка съ глазомъ на щекѣ! Какъ онъ покраснѣлъ бы въ присутствіи человѣка съ пальцами на локтѣ? Куда бы онъ спрятался, если бы карликъ съ семью пальцами на каждой рукѣ, безъ верхней губы и безъ нижней челюсти, явился бы во всемъ своемъ величіи?

Мечеть св. Софіи—самое знаменитое въ Константинополѣ. Я подозрѣваю, что главная причина, почему всѣ такъ интересуются ей, заключается въ томъ, что она—христіанскій храмъ, обращенный въ мечеть, почти безъ всякихъ измѣненій магометанами-завоевателями.

Св. Софія—колоссальныхъ размѣровъ храмъ, построенный тысячу триста или тысяча четыреста лѣтъ тому назадъ. Его громадный куполъ, говорятъ, заслуживаетъ большаго удивленія, чѣмъ куполъ храма св. Петра, но грязь въ этой церкви заслуживаетъ, по-моему, еще большаго удивленія, чѣмъ ея куполъ, хотя объ этомъ никогда не упоминаютъ. Въ этой церкви сто семьдесятъ столбовъ, высѣченныхъ изъ цѣлыхъ глыбъ драгоцѣннаго мрамора различныхъ сортовъ; но всѣ эти столбы были привезены сюда изъ древнихъ храмовъ изъ Баальбека, Геліополиса, Аѳинъ, Эфеса, а потому были попорчены и имѣли бы непривлекательный видъ, если бы зодчіе Юстиніана не подправили бы ихъ по мѣрѣ возможности. Внутренность купола вся разрисована чудовищными золочеными надписями въ турецкомъ вкусѣ; полы и мраморная баллюстрада побиты и

попорчены; сверху спускается, точно паутина, цѣлая сѣть веревокъ, на которыхъ, на разстояніи шести или семи футовъ отъ полу, виситъ безчисленное множество тусклыхъ лампадокъ и страусовыхъ яицъ. Тамъ и сямъ сидѣли группами оборванные турки, которые читали книги, слушали проповѣди или же молились, бормоча вслухъ молитвы и то и дѣло пригибаясь лбомъ къ полу. Люди, которые приходятъ въ восторгъ отъ св. Софіи, должно быть почерпываютъ его изъ путеводителя, гдѣ о каждой церкви говорится, что „она считается истинными знатоками во всѣхъ отношеніяхъ чудомъ архитектуры, какое когда-либо видано на свѣтѣ“.

Видѣли мы и „вертящихся дервишей“. Ихъ было всего двадцать одинъ человѣкъ. На нихъ были длинные свѣтлые широкіе балахоны, доходившіе имъ до пятъ. Всѣ они поочередно подходили къ своему начальнику, отвѣшивали ему низкій поклонъ, а потомъ начинали вертѣться, постепенно отступая на свое мѣсто въ кругу дервишей, которые на нашихъ глазахъ безостановочно вертѣлись минутъ двадцать или двадцать пять, при чемъ обошли всю залу три раза, дѣлая до сорока оборотовъ въ минуту. Ихъ длинные балахоны раздувались, точно воздушные шары. Нѣкоторые изъ нихъ откидывали назадъ головы, закрывали глаза и погружались въ своего рода благочестивый экстазъ. По временамъ слышались звуки музыки, но музыкантовъ не было видно. Кромѣ вертящихся дервишей никто не допускался въ кругъ. Затѣмъ явились больные, возлѣ которыхъ женщины клали и больныхъ дѣтей (одинъ былъ грудной), и патріархъ дервишей прошелся по нимъ. Они предполагали, что онъ исцѣлитъ ихъ отъ болѣзней, попирая ногами ихъ грудь и спину или становясь имъ сзади на шею.

Потомъ мы видѣли тысячу и одну колонну. Я не знаю, для чего онѣ предназначались первоначально, но говорятъ, что въ томъ мѣстѣ предполагалось устроить резервуаръ въ центрѣ Константинополя. Чтобы увидѣть ихъ, надо спуститься по каменнымъ ступенямъ на глубину сорока футовъ подъ землю. Гдѣ бы вы ни стали тамъ, среди стройныхъ гранитныхъ колоннъ въ византійскомъ стилѣ, вы всегда будете центромъ, отъ котораго расходятся двѣнадцать длинныхъ сводовъ и колоннадъ, которыя теряются въ отдаленіи въ полумракѣ. Этотъ старый высохшій резервуаръ занятъ теперь нѣсколькими шелкопрядами, и одинъ изъ нихъ показалъ мнѣ крестъ, вырѣзанный высоко на одномъ изъ столбовъ. Я полагаю, что онъ хотѣлъ дать мнѣ понять, что крестъ былъ здѣсь, прежде чѣмъ тутъ водворились турки, а я думаю, что онъ сдѣлалъ эту помѣтку для большаго эффекта.

Мы сняли башмаки и вошли въ мраморный мавзолей султана Махмуда. Могила Махмуда покрыта чернымъ бархатнымъ покровомъ, вышитымъ серебромъ; она помѣщается за красивой серебряной рѣшеткой, по бокамъ и угламъ которой стоятъ массивные серебряные подсвѣчники, а въ нихъ горѣли свѣчи, толщиною въ человѣческую ногу; на верху саркофага лежитъ феска, украшенная брильянтомъ, который, по словамъ одного изъ служителей, стоитъ сто тысячъ фунтовъ.

Были мы, конечно, и на главномъ базарѣ въ Стамбулѣ. Я не стану описывать его и скажу только, что это чудовищныхъ размѣровъ улей, состоящій изъ многихъ тысячъ маленькихъ лавочекъ, помѣщающихся подъ одной крышей и раздѣленныхъ узкими крытыми проходами—переулками на ряды. Въ одномъ ряду производится торговля предметами одного извѣстнаго рода, въ другомъ—другого и т. д. Если вы желаете купить пару башмаковъ, то можете обойти цѣлую улицу, гдѣ торгуютъ только башмаками, и вамъ не нужно разыскивать лавки съ башмаками въ разныхъ мѣстахъ. То же самое съ шелкомъ, древностями, шалями и проч. На площади все время толпится народъ и такъ какъ яркія восточныя издѣлія всюду выставляются на показъ передъ каждой лавкой, то базаръ въ Стамбулѣ стоитъ посмотрѣть. Онъ полонъ жизни, движенія, грязи, нищихъ, ословъ, вопящихъ разносчиковъ, носильщиковъ, дервишей, высокородныхъ покупательницъ турчанокъ, грековъ и страшныхъ на видъ и странно одѣтыхъ магометанъ съ горъ и изъ дальнихъ провинцій; но единственно чѣмъ не можетъ похвастаться главный базаръ, это хорошимъ воздухомъ,—запахъ тамъ стоитъ ужасный.

XXXIV.

Мечетей много, церквей много, кладбищъ много, но нравственности и виски мало. Коранъ не позволяетъ магометанамъ пить. Ихъ природные инстинкты не позволяютъ имъ быть нравственными. Говорятъ, что у султана восемьсотъ женъ. Это вѣдь почти что двоеженство. У насъ щеки краснѣютъ отъ стыда, при мысли, что такія вещи допускаются въ Турціи, хотя у себя дома мы спокойно видимъ то же самое на Соляномъ озерѣ.

Черкешенки и грузинки и до сихъ поръ еще продаются въ Константинополь своими родителями, но не гласно. Большой невольничій рынокъ, гдѣ раньше публично продавали молодыхъ дѣвушекъ, какъ продаютъ рабочихъ лошадей на сельской яр-

маркѣ, офиціально больше не существуетъ. Теперь эта торговля производится скрытно. Въ настоящее время цѣны на этотъ товаръ стоятъ довольно высокія, но года два или три тому назадъ умиравшіе съ голоду родители сами приводили на рынокъ своихъ молоденькихъ дочерей и продавали ихъ за двадцать или за тридцать долларовъ, словомъ, за что ни попало, лишь бы только спасти и себя и дочерей отъ голодной смерти. Грустно думать о такихъ вещахъ, и я искренно радъ, что цѣны опять поднялись.

Добросовѣстность въ коммерческихъ дѣлахъ здѣсь стоитъ на весьма низкомъ уровнѣ. Понятіе о нравственности у грековъ, турокъ и армянъ состоитъ въ регулярномъ посѣщеніи своей церкви въ праздничные дни и въ нарушеніи десяти заповѣдей въ теченіе всей недѣли. Ложь и обманъ вошли у нихъ въ привычку, и они находятъ это до такой степени естественнымъ, что отецъ, расхваливая своего сына купцу, не говоритъ, что онъ хорошій, нравственный, прямодушный мальчикъ, что онъ ходитъ въ воскресную школу и честенъ, а говоритъ: „Этотъ мальчикъ стоитъ сотню крупныхъ монетъ, потому что онъ сумѣетъ обмануть всякаго, кому придется имѣть съ нимъ дѣло, и отъ Понта Эвксинскаго и до Мраморнаго моря не найдется такого талантливаго лгуна!“ Тутъ всѣ обманываютъ и плутуютъ при каждомъ удобномъ случаѣ; даже иностранцы скоро осваиваются съ этимъ обычаемъ страны и не продаютъ и не покупаютъ ничего въ Константинополѣ, пока не научатся лгать и обманывать подобно грекамъ. Я говорю „грекамъ“ потому, что греки считаются худшими людьми въ этомъ отношеніи. Многіе изъ давно живущихъ въ Константинополѣ американцевъ говорятъ, что большинство турокъ народъ честный и только очень немногіе говорятъ, что и у грековъ есть свои добродѣтели.

Судя по разсказамъ другихъ, мнѣ всегда казалось, что константинопольскія собаки массами бѣгаютъ по улицамъ и что нападенія ихъ надо опасаться, какъ кровожадныхъ хищныхъ звѣрей; но собаки, которыхъ я здѣсь вижу, совсѣмъ не такія, о которыхъ я читалъ. Я вижу ихъ всюду, но не въ такомъ большомъ количествѣ; самое большое, что мнѣ приходилось видѣть, штукъ по десяти, по двадцати вмѣстѣ. Затѣмъ и днемъ и ночью онѣ большей частью крѣпко спятъ. А тѣ, которыя не спятъ, имѣютъ такой видъ, какъ будто имъ хочется спать. Я до сихъ поръ никогда еще не видалъ такихъ жалкихъ, голодныхъ, истощенныхъ животныхъ. У нихъ не хватило бы даже настолько силы, чтобы перейти черезъ улицу, по крайней мѣрѣ, я ни разу не видѣлъ ничего подобнаго. Онѣ покрыты паршей, всѣ въ ранахъ, искалѣченныя и вы часто можете ви-

дѣть собаку съ шерстью, висящей только кой-гдѣ небольшими клочками. Онѣ самыя несчастныя, самыя жалкія существа. Собаки спятъ на улицахъ по всему городу. Каждая группа (собакъ восемь или десять) занимаетъ свой особый участокъ на улицѣ. Горе собакѣ, если она перейдетъ за черту своего участка! Ея сосѣди въ одну секунду набросятся на нее и ей жестоко достанется. Такъ говорятъ. Но этого никто, однакоже, не видѣлъ. Уличныя собаки—мой компасъ, мой проводникъ. Когда я вижу, что собаки мирно спятъ, между тѣмъ, какъ люди, овцы, гуси и все движется и ходитъ кругомъ, я знаю, что я не на большой улицѣ, гдѣ мой отель, и долженъ итти дальше. На большой улицѣ собаки имѣютъ такой видъ, какъ будто онѣ насторожѣ, и это понятно, потому что тамъ имъ то и дѣло приходится мѣнять мѣсто и давать дорогу экипажамъ. Это сразу бросается въ глаза и ничего подобнаго не замѣтите ни у одной собаки за предѣлами этой улицы, гдѣ всѣ онѣ мирно спятъ и не держатъ караула. Онѣ не шевельнулись бы даже и въ томъ случаѣ, если бы мимо проѣзжалъ самъ султанъ.

На одной узкой улицѣ (тамъ нѣтъ широкихъ улицъ) я видѣлъ трехъ собахъ, которыя лежали, свернувшись въ разстояніи двухъ футовъ одна отъ другой. Онѣ лежали поперекъ улицы и такимъ образомъ загораживали улицу отъ одной канавы до другой. Къ этому мѣсту подошло стадо овецъ головъ въ сотню. Овцы шагали прямо черезъ собакъ, заднія напирали на переднихъ, нетерпѣливо пробираясь впередъ. Собаки лѣниво смотрѣли на нихъ, отодвигались немного, когда ноги овецъ касались ихъ ободранной спины, вздыхали и снова мирно ложились. Ничего не могло быть проще этого. Эти бродячія собаки—городскіе мусорщики. Онѣ ѣдятъ все, начиная съ гнилыхъ дынь и испорченнаго винограда и кончая всѣми сортами грязи; онѣ не отказываются и отъ своихъ собственныхъ умирающихъ собратій и родственниковъ, и все-таки онѣ всегда унылы, всегда голодны, всегда грустны. Народъ не хочетъ убивать ихъ и не убиваетъ. Турки чувствуютъ какую-то антипатію къ лишенію жизни безсловеснаго животнаго, какъ говорятъ. Но они дѣлаютъ гораздо хуже: они вѣшаютъ, побиваютъ камнями и обвариваютъ кипяткомъ этихъ несчастныхъ созданій, а затѣмъ предоставляютъ имъ жить и страдать. Однажды одинъ султанъ вздумалъ избить тутъ всѣхъ собакъ и энергично принялся за это дѣло, но народъ поднялъ такой вопль ужаса, что избіеніе собакъ было прекращено. Спустя немного онъ рѣшилъ переселить ихъ на одинъ островъ въ Мраморномъ морѣ. На это не послѣдовало никакого возраженія и собаками нагрузили

цѣлый корабль. Но когда стало извѣстно, что по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ собаки никогда не достигали острова, а всегда падали за бортъ ночью и погибали, поднялся новый вопль и дальнѣйшее переселенiе было прекращено. Итакъ, собаки продолжаютъ мирно владѣть улицами. Я не могу сказать, чтобы онѣ не выли по ночамъ или не нападали на людей, не имѣющихъ на головѣ красной фески. Я говорю только, что низко было бы съ моей стороны обвинять ихъ въ такихъ ничтожныхъ проступкахъ, когда я не видѣлъ этого своими собственными глазами и не слышалъ своими ушами.

Я былъ немного удивленъ, видя, какъ турки и греки играютъ въ газетчиковъ, въ той самой таинственной странѣ, гдѣ нѣкогда жили великаны и духи Арабскихъ Ночей, гдѣ летали лошади и многоглавые драконы охраняли заколдованные замки, гдѣ принцы и принцессы летали по воздуху на коврахъ-самолетахъ.

Любопытно было видѣть газетчиковъ, продающихъ газеты въ такой сонной странѣ. Дѣло это, надо замѣтить, сравнительно новое; продажа газетъ началась всего годъ назадъ послѣ прусско-австрiйской войны. На англiйскомъ языкѣ здѣсь издается всего одна газета „Восточный Герольдъ", а затѣмъ издается много греческихъ и нѣсколько французскихъ газетъ, которыя то возникаютъ, то закрываются, то снова возникаютъ. Газеты не пользуются благоволенiемъ со стороны правительства. Оно не понимаетъ значенiя газетъ. Пословица говоритъ: „Неизвѣстное всегда велико". Для двора газета нѣчто таинственное и презрѣнное. Турки знаютъ, что такое чума, потому что у нихъ она была однажды и уносила по двѣ тысячи людей въ день, и они смотрятъ на газету, какъ на чуму въ смягченной формѣ. Когда газета уклоняется въ сторону отъ желаемаго направленiя, ее безъ милосердiя душатъ; если же она долго не уклоняется въ сторону, къ ней начинаютъ относиться подозрительно и какъ-нибудь пресѣкаютъ ее, потому что это, по ихъ мнѣнiю, продѣлки нечистой силы. Вести газетное дѣло въ Константинополѣ довольно затруднительно. Двѣ греческiя газеты и одна французская были запрещены одна за другой въ теченiе нѣсколькихъ дней. Здѣсь не позволяютъ ничего печатать о побѣдахъ критянъ. Отъ времени до времени великiй визирь посылаетъ въ газеты замѣтку о томъ, что возстанiе на островѣ Критѣ подавлено, и газета печатаетъ эту замѣтку, хотя и знаетъ, что это невѣрно. „Восточный Герольдъ" за свои симпатiи къ критянамъ на дурномъ счету у султана. Однажды редакторъ, забывъ объ офицiальной замѣткѣ въ своей газетѣ о томъ, что критяне разбиты, напечаталъ письмо въ

совершенно другомъ тонѣ отъ американскаго консула на островѣ Критѣ и былъ за это оштрафованъ на двѣсти пятьдесятъ долларовъ. Вскорѣ онъ напечаталъ другое письмо изъ того же источника и его посадили за это на три мѣсяца въ тюрьму. Прекращеніе газеты влечетъ здѣсь за собой почти полное разореніе издателя, тогда какъ въ Неаполѣ, на мой взглядъ, на этомъ наживаютъ деньги. Тамъ газеты закрываются каждый день, а на слѣдующій день выходятъ снова подъ другимъ названіемъ. Въ теченіе десяти дней или двухъ недѣль, которые мы пробыли тамъ, одна газета дважды умирала и воскресала. Газетчики здѣсь умѣютъ извлекать выгоду изъ людской слабости. Когда они видятъ, что ихъ газета тихо раскупается, они таинственно подходятъ къ кому-нибудь и говорятъ вполголоса: „Послѣдній нумеръ, сэръ: двойная цѣна; газета только что закрыта!“ Тотъ, конечно, покупаетъ и не находитъ въ ней ничего. Говорятъ, я не ручаюсь за это, но говорятъ, что тамъ иногда нарочно печатаютъ громадный номеръ съ самой зажигательной статьей и быстро раздаютъ его газетчикамъ, а сами скрываются, пока не остынетъ негодованіе правительства. Въ результатѣ прекрасная выручка.

У меня больше никогда не явится желаніе съѣсть турецкій завтракъ. Кухня помѣщалась въ маленькой столовой и была совсѣмъ открыта съ улицы. Поваръ былъ грязный, столъ тоже, и на немъ не было скатерти. Поваръ взялъ мелко нарубленнаго мяса, облѣпилъ имъ проволоку и положилъ это на горячіе уголья. Когда это было готово, онъ отложилъ въ сторону, но какъ разъ въ это время мимо проходила собака и облизала мясо, но предварительно она понюхала его и, вѣроятно, узнала въ немъ останки какого-нибудь своего пріятеля. Поваръ отогналъ собаку и подалъ жаркое намъ. Джэкъ сказалъ: „Пассъ!“ Онъ играетъ иногда въ карты, а за нимъ спасовали и мы. Затѣмъ поваръ испекъ большой плоскій бѣлый кэкъ, подмазалъ его хорошенько саломъ отъ сосисокъ и направился было къ намъ, но уронилъ его на полъ въ грязь, поднялъ, обтеръ о свои брюки и положилъ передъ нами. Джэкъ сказалъ: „Пассъ!“ Мы тоже всѣ спасовали. Потомъ онъ положилъ нѣсколько яицъ на шипящую сковороду и задумчиво стоялъ, выковыривая изъ зубовъ вилкой кусочки мяса. Затѣмъ онъ воспользовался вилкой, чтобы перевернуть яйца и подалъ ихъ намъ. Джэкъ сказалъ: „Я опять пассъ!“ И мы всѣ послѣдовали его примѣру. Мы не знали, что дѣлать, и заказали новую порцію жаренаго мяса. Поваръ досталъ проволоку, отдѣлилъ нужное количество мяса, поплевалъ на руки и принялся за работу. На этотъ разъ мы всѣ единодушно спасовали, заплатили и ушли. Вотъ и все,

что я узналъ о турецкихъ завтракахъ. Турецкій завтракъ хорошъ, нѣтъ сомнѣнія, но онъ имѣетъ и свою обратную сторону.

Я не разъ мечталъ о прелестяхъ турецкой бани, и мое пылкое воображеніе рисовало мнѣ, какъ я погружаюсь въ мраморную ванную и вдыхаю пріятные восточные ароматы, которыми насыщенъ воздухъ, а затѣмъ кейфую на мягкомъ ложѣ, пью кофе, курю наргилэ и, наконецъ, убаюкиваемый монотонной музыкой, напоминающей шумъ лѣтняго дождя, погружаюсь въ дремоту. Такъ я думалъ, но дѣйствительность не оправдала моихъ ожиданій и надеждъ. Меня привели на большой дворъ, вымощенный мраморными плитами; вокругъ него тянулись одна надъ другой широкія галлереи, устланныя дырявыми соломенными матами, огороженныя некрашеными перилами и меблированныя громадными стульями съ простыми старыми матрацами, съ углубленіями, оставленными девятью поколѣніями людей, которые отдыхали на нихъ. Мѣсто было обширное, голое, страшное; дворъ—житница, а галлереи—стойла для людейлошадей. Мертвенно-блѣдные полунагіе слуги не имѣли ничего поэтическаго въ своей наружности, ничего романтическаго, ничего похожаго на восточную роскошь. Они не разливали одуряющихъ ароматовъ, а, напротивъ, ихъ голодные глаза и изможденное тѣло постоянно говорили о томъ, что они голодны и страшно хотятъ ѣсть.

Я вошелъ въ одно изъ стойлъ и раздѣлся. Неопрятный оборванецъ обернулъ пеструю скатерть вокругъ своихъ чреселъ, а мнѣ на плечи накинулъ бѣлую тряпку. Затѣмъ меня повели внизъ на мокрый, скользкій дворъ, и первое, что привлекло мое вниманіе, были мои пятки. Мое паденіе не возбудило никакихъ толковъ. По всей вѣроятности, это значилось въ спискѣ смягчающихъ, одуряющихъ средствъ особенной восточной нѣги. Я, конечно, смягчился, но самый способъ смягченія мнѣ не понравился. Послѣ этого мнѣ дали пару деревянныхъ башмаковъ, это — скамейки въ миніатюрѣ, съ кожаными ремешками, въ которые нужно было просунуть ноги, чего я, однако же, не могъ сдѣлать, потому что не носилъ сапогъ № 13. Мои сандаліи болтались на ногѣ, когда я поднималъ ногу вверхъ, и падали совсѣмъ не туда, куда было нужно, когда я ставилъ ногу на полъ, а иногда подвертывались и вывертывали мнѣ ступню. Но это была восточная нѣга, и я старался, какъ умѣлъ, наслаждаться ею.

Меня отвели въ другую часть житницы и положили на что-то въ родѣ наръ, которыя были покрыты не золототканными матеріями и не персидскими шалями, а самой простой тканью, какую я видалъ въ негрскихъ кварталахъ въ Арканзасѣ. Въ

этой мрачной мраморной тюрьмѣ не было ничего, кромѣ пяти такихъ же гробовъ. Это было очень торжественное мѣсто. Я ожидалъ, что теперь меня станутъ усыплять ароматами Аравіи, но этого не случилось. Мѣдно-красный скелетъ, опоясанный тряпкой, принесъ стеклянный сосудъ съ водой, съ зажженной трубкой наверху и гибкую трость въ ярдъ длиною съ мѣднымъ мундштукомъ. Это было знаменитое восточное „наргилэ“. Я затянулся всего одинъ разъ и этого оказалось достаточно; дымъ прошелъ большими клубами въ мой желудокъ, въ легкія, во всѣ части моего тѣла. Я сильно закашлялся, и вдругъ, точно Везувій, лопнулъ, изъ меня повалилъ дымъ. Чрезъ пять минутъ дымъ прошелъ во всѣ поры, и я задымился, какъ домъ, который загорѣлся внутри. Дымъ имѣлъ противный вкусъ. Съ тѣхъ поръ, гдѣ бъ я не увидалъ изображеніе турка, съ наслажденіемъ курящаго свой наргилэ, я буду знать, что это обманъ.

Въ моей тюрьмѣ было невыносимо жарко. Когда я достаточно нагрѣлся, чтобы перенести еще болѣе высокую температуру, меня перевели въ другую комнату, наполненную паромъ, и положили на платформу, возвышавшуюся въ центрѣ. Тамъ было очень жарко. Спустя немного времени, слуга посадилъ меня возлѣ ушата съ горячей водой, намочилъ меня хорошенько, надѣлъ на руку грубую перчатку и началъ растирать меня ею. Я почувствовалъ, что отъ меня начинаетъ дурно пахнуть. Чѣмъ больше онъ теръ меня, тѣмъ хуже отъ меня пахло. Это начинало меня тревожить, и я попробовалъ было обратить на это его вниманіе; но онъ, не слушая меня, продолжалъ растирать. Спусть немного времени онъ принесъ шайку, небольшой кусокъ мыла и еще что-то, похожее на лошадиный хвостъ. Онъ вспѣнилъ мыльную воду и окатилъ меня этимъ съ головы до ногъ, не предупредивъ меня закрыть глаза, а затѣмъ вытеръ меня лошадинымъ хвостомъ. Послѣ этого онъ покинулъ меня и ушелъ. Я долго ждалъ его, а потомъ отправился разыскивать его. Онъ спалъ, прислонившись къ стѣнѣ въ другой комнатѣ. Я разбудилъ его. Онъ, нисколько не смущаясь, отвелъ меня назадъ и облилъ горячей водой, а затѣмъ надѣлъ мнѣ на голову чалму, вытеръ меня сухими скатертями, отвелъ въ рѣшетчатый курятникъ по одной изъ галлерей и указалъ на одну изъ арканзасскихъ постелей. Я взобрался на нее и снова сталъ ждать арабскихъ ароматовъ. Но ихъ не было.

Пустой неубранный курятникъ ничѣмъ не напоминалъ о восточной нѣгѣ, о которой такъ много приходится читать. Худощавый служитель принесъ наргилэ, но я отказался отъ

него. Затѣмъ онъ принесъ извѣстный всему міру турецкій кофе, который такъ восхитительно воспѣлъ поэтъ для многихъ поколѣній, и я ухватился за него, какъ за послѣднюю надежду, которая осталась отъ моихъ давнишнихъ грезъ о восточной нѣгѣ. Это былъ новый обманъ. Изъ всѣхъ нехристіанскихъ напитковъ, которые когда-либо проходили чрезъ мои губы, турецкій кофе самый худшій. Чашка была маленькая и полна гущи; кофе черный, густой, непріятнаго запаха и отвратительнаго вкуса. На днѣ была грязная гуща въ полдюйма толщиной. Эта гуща, попадая въ горло, вызываетъ сильное раздраженіе, которое заставляетъ васъ кашлять цѣлый часъ. Больше я уже не былъ въ турецкой банѣ.

XXXV.

Мы оставили человѣкъ двѣнадцать изъ нашихъ пассажировъ въ Константинополѣ, а сами отправились чрезъ Босфоръ по Черному морю въ Севастополь. Ни одинъ изъ городовъ не только въ Россіи, но и вообще гдѣ бы то ни было, не имѣетъ, по всей вѣроятности, такого разгромленнаго вида, какъ Севастополь; но, несмотря на это, мы остались весьма довольны имъ, потому что нигдѣ еше насъ не принимали такъ радушно. Какъ только мы бросили якорь, къ намъ явился отъ губернатора офицеръ спросить, не можетъ ли онъ быть намъ чѣмъ-нибудь полезенъ и съ приглашеніемъ быть въ Севастополѣ, какъ дома. Если вы знаете Россію, то вы должны знать, что это почти небывалый примѣръ гостепріимства. Обыкновенно они относятся весьма подозрительно къ иностранцамъ и страшно мучаютъ ихъ различными формальностями довольно-таки сложной и запутанной паспортной системы. Если бы мы пріѣхали изъ какой-нибудь другой страны, мы не могли бы успѣть получить въ три дня позволеніе осмотрѣть Севастополь и затѣмъ уѣхать изъ него, но тутъ вышло такъ, что мы могли свободно уѣзжать и пріѣзжать, когда и куда намъ угодно. Въ Константинополѣ всѣ предостерегали насъ, чтобы мы были очень осторожны насчетъ нашихъ паспортовъ и заботились, чтобы они всегда были въ порядкѣ и всегда имѣли бы ихъ при себѣ; намъ разсказывали о многочисленныхъ приключеніяхъ англичанъ и другихъ иностранцевъ, которымъ приходилось сидѣть по цѣлымъ днямъ, недѣлямъ и даже мѣсяцамъ въ Севастополѣ, вслѣдствіе несоблюденія пустыхъ формальностей въ ихъ паспортахъ, въ чемъ самихъ ихъ собственно нельзя было бы даже и обвинить. Я потерялъ свой паспортъ и путешествовалъ съ

паспортомъ моего товарища по каютѣ, который остался въ Константинополѣ дожидаться нашего возвращенія. Прочитавъ описаніе его примѣтъ въ этомъ паспортѣ и взглянувъ на меня, всякій сказалъ бы, что я похожъ на него не болѣе чѣмъ на Геркулеса. Поэтому я отправился въ Севастополь со страхомъ и трепетомъ, полный смутнаго ужаснаго опасенія, что меня поймаютъ и повѣсятъ. Но все это время меня охранялъ мой истинный паспортъ—нашъ національный флагъ, и никакого другого паспорта у насъ никогда не спрашивали.

Сегодня у насъ на кораблѣ было очень много русскихъ и англичанъ, и время прошло весело. Я много разговаривалъ съ русскими, но больше, конечно, изъ любезности, точно такъ же, впрочемъ, какъ и они, потому что мы взаимно не понимали того, что говорили другъ другу. Зато я отвелъ душу съ англичанами и я очень жалѣлъ, что мы не могли увезти съ собою нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Сегодня мы ѣздили всюду, кому куда хотѣлось, и нигдѣ не встрѣчали ничего, кромѣ самаго любезнаго вниманія, и никто не спросилъ, есть ли у насъ при себѣ паспортъ или нѣтъ.

Нѣкоторые изъ служащихъ при губернаторѣ лицъ совѣтовали намъ прокатиться на пароходѣ миль за тридцать отсюда къ маленькому мѣстечку, гдѣ теперь живетъ императоръ. Они ручались намъ, что насъ встрѣтитъ тамъ радушный пріемъ и говорили, что если мы поѣдемъ, то они не только телеграфируютъ объ этомъ императору, но пошлютъ еще и спеціальнаго курьера оповѣстить о нашемъ прибытіи. Но у насъ такъ мало времени, а главное, у насъ такъ мало угля, что мы должны были отказаться отъ рѣдкаго удовольствія побесѣдовать съ императоромъ.

Разрушенная Помпея кажется хорошо сохранившейся въ сравненіи съ Севастополемъ. Куда бы вы ни направляли взоры, ваши глаза не увидятъ здѣсь ничего, кромѣ развалинъ, развалинъ и развалинъ. Разрушенные дома, осыпавшіяся стѣны, обрушившіяся насыпи земляныхъ укрѣпленій, всюду полное разрушеніе! Восемнадцать долгихъ мѣсяцевъ бури войны громили этотъ беззащитный городъ! Во всемъ городѣ не осталось ни одного уцѣлѣвшаго дома. Трудно себѣ представить такое полное и ужасное разрушеніе. Всѣ дома были прочныя каменныя зданія; многіе изъ нихъ изрѣшетчены пушечными ядрами; крыши съ нихъ сорваны, и теперь глазъ видитъ на протяженіи полумили цѣлый рядъ такихъ домовъ съ торчащими надъ ними сломанными трубами. Многія изъ пробитыхъ ядрами отверстій такъ круглы и такъ чисто вырѣ-

заны, какъ будто были сдѣланы сверломъ. Тутъ и тамъ до сихъ поръ въ стѣнѣ торчитъ еще пуля, и въ такомъ мѣстѣ по стѣнѣ текутъ ржавыя слезы и разъѣдаютъ камень.

Поля битвы расположены довольно близко одно отъ другого. Малаховъ курганъ занимаетъ холмъ какъ разъ на краю города. Редутъ Редана находится на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ Малаховаго кургана; Инкерманъ — въ разстояніи мили отъ него, а до Балаклавы всего часъ ѣзды. Траншеи французовъ передъ Малаховымъ курганомъ такъ близко подведены къ его покатымъ склонамъ, что, стоя у русскихъ орудій, въ нихъ можно было бросать камнями. Теперь на этихъ поляхъ сраженій, гдѣ свирѣпствовали всѣ ужасы войны, царитъ мирная тишина.

Намъ тутъ теперь нечего было дѣлать, и всѣ отправились собирать разныя вещи на память и вскорѣ весь нашъ пароходъ былъ заваленъ разными предметами, взятыми съ Малахова кургана, съ редута Редана, изъ Инкермана, изъ Балаклавы,— отовсюду. Тащили пушечныя ядра, сломанные шомпола, осколки гранатъ, нѣкоторые привозили даже кости и очень огорчились, когда нашъ докторъ сказалъ, что это кости муловъ и быковъ. Нашъ Блэчеръ тоже натаскалъ пропасть всякой всячины и теперь привязываетъ ярлыки къ своимъ находкамъ. Я взялъ одно изъ такихъ сокровищъ и прочиталъ на ярлыкѣ: „Кость изъ черепа русскаго генерала". Я взглянулъ на кость; оказалось, что это не что иное, какъ пара зубовъ и часть челюсти лошади, и я довольно рѣзко сказалъ ему:

— Останки русскаго генерала! Это абсурдъ. Неужели вы не знаете, что это такое?

Онъ совершенно спокойно отвѣтилъ:

— Не горячитесь... Моя старушка (его тетка) не разберетъ этого.

Онъ вообще собираетъ все, что попало, а потомъ преспокойно наклеиваетъ ярлыки, не обращая вниманія на то, подходитъ надпись или нѣтъ. Онъ, между прочимъ, разбилъ какой-то камень на двѣ части и на одномъ кускѣ наклеилъ ярлыкъ съ надписью: „Осколокъ отъ трибуны Демосѳена", а на другомъ: „Кусокъ надгробной плиты съ могилы Абеляра и Элоизы". Сколько не уговаривалъ я его не дѣлать такихъ штукъ, въ отвѣтъ я всегда слышалъ одно и то же:

— Это ничего не значитъ... Моя старушка не разберетъ этого...

Съ тѣхъ поръ, какъ мы побывали ночью вчетверомъ въ Аѳинахъ, ему доставляло величайшее удовольствіе давать каждому на пароходѣ по камешку съ Марсоваго холма, гдѣ пропов-

дывалъ апостолъ Павелъ. Онъ собиралъ эти камешки тутъ же на берегу, но увѣрялъ, что получилъ ихъ отъ одного изъ участниковъ въ ночной прогулкѣ. Я замѣтилъ, впрочемъ, что и всѣ вообще путешественники такимъ же точно образомъ пополняютъ свои коллекціи и потому, пока я живъ, всегда буду относиться недовѣрчиво къ разнымъ коллекціямъ.

XXXVI.

Мы такъ далеко удалились къ востоку,—на сто пятьдесятъ пять градусовъ отъ Санъ-Франциско,—что мои часы не въ состояніи дальше итти вѣрно. Это ихъ огорчило и они стали. Я думаю, что они умно сдѣлали. Разница во времени между Севастополемъ и берегомъ Тихаго океана огромная. Когда здѣсь шесть часовъ утра, то въ Калифорніи этотъ часъ приходится что-то за недѣлю до того. Но когда я замѣтилъ, что разница въ долготѣ не мѣшаетъ вѣрно узнавать время обѣда, я успокоился и пересталъ терзаться сомнѣніями и страхами.

Отъ Севастополя часовъ двадцать ѣзды до Одессы; это самый сѣверный портъ на Черномъ морѣ. Городъ имѣетъ сто тридцать три тысячи жителей, и населеніе разрастается скорѣе, чѣмъ въ любомъ маленькомъ городкѣ въ Америкѣ. Это свободный портъ и главный хлѣбный рынокъ этой особенной части свѣта. Его рейдъ весь занятъ кораблями. Инженеры работаютъ теперь надъ превращеніемъ открытаго рейда въ обширную искусственную гавань, которая будетъ почти закрыта массивными каменными молами, изъ которыхъ онъ будетъ простираться въ море на три тысячи футовъ по прямой линіи.

Я давно не чувствовалъ себя такъ дома, какъ въ Одессѣ. Она имѣетъ видъ совершенно американскаго города; прекрасныя, широкія, прямыя улицы; низкіе дома (въ два или три этажа), просторные, чистые, свободные отъ всякихъ архитектурныхъ украшеній; гороховыя деревья (ихъ называютъ здѣсь акаціей) окаймляютъ тротуары; улицы и магазины имѣютъ суетливый и дѣловитый видъ; знакомая новизна проглядываетъ въ домахъ и во всемъ; а поднимающееся облако пыли до такой степени напомнило намъ сходство съ нашей дорогой родиной, что мы едва могли удержаться, чтобы не пролить нѣсколько благодарныхъ слезъ и не произнести проклятій на американскій ладъ. Тутъ ничто не напоминало намъ, что мы въ Россіи. Но когда мы, пройдя немного дальше по улицѣ, увидѣли странной архитектуры церковь, а потомъ извозчика въ какой-то длинной юбкѣ — иллюзія исчезла!

Мы простояли здѣсь только одинъ день и ночь, пока брали уголь, и воспользовались этимъ временемъ, чтобы осмотрѣть городъ. Мы бродили по улицамъ, по рынкамъ и съ любопытствомъ разсматривали разодѣтую по-праздничному пеструю толпу и знакомились съ нравами незнакомаго намъ народа. Во всемъ городѣ мы видѣли только два памятника. Одинъ изображаетъ генерала Ришелье, племянника знаменитаго кардинала. Этотъ памятникъ стоитъ на приморскомъ бульварѣ и отъ самаго его основанія къ морю идетъ широкая каменная лѣстница, имѣющая двѣсти пять ступеней. Я упомянулъ объ этомъ памятникѣ и объ этой лѣстницѣ потому, что они имѣютъ свою исторію. Ришелье основалъ Одессу, заботился о ней съ отеческой заботливостью, тратилъ на улучшенія города свои средства и, между прочимъ, соорудилъ эту самую лѣстницу и вотъ послѣ его смерти надъ этой лѣстницей ему сооруженъ памятникъ, а ведущая къ нему улица названа Ришельевской.

Въ Одессѣ намъ тоже совѣтовали побывать въ Ялтѣ, гдѣ теперь пребываетъ императоръ, и мы, испросивъ по телеграфу разрѣшеніе на поѣздку, получили отвѣтъ, что государь приметъ насъ всѣхъ въ своей лѣтней резиденціи. Мы въ тотъ же день снялись съ якоря и тронулись въ обратный путь къ Севастополю. Нечего и говорить, какъ всѣ волновались предстоящей аудіенціей, какъ скребли и чистили нашъ пароходъ, какъ всѣ мы готовились къ необычному для насъ торжеству!

XXXVII.

Мы стали на якорѣ въ Ялтѣ дня два или три тому назадъ. По-моему, это мѣсто напоминаетъ Сіерру. Высокія сѣдыя горы, склоны которыхъ покрыты соснами, изборождены рытвинами, тамъ и сямъ виднѣются сѣдые утесы, длинныя, прямыя полосы, идущія отъ вершины къ морю, отмѣчая проходившую въ древнія времена какую-нибудь лавину,—все это такъ похоже на то, что видишь въ Сіеррѣ. Маленькая деревня—Ялта гнѣздится на берегу моря у самой подошвы горнаго хребта. Вся она утопаетъ въ зелени, среди которой виднѣются роскошные дворцы-дачи знатныхъ лицъ. Это удивительно красивое мѣсто.

Съ нами вмѣстѣ прибылъ одесскій консулъ Соединенныхъ Штатовъ. Мы пригласили его въ каютъ-компанію и обратились къ нему съ просьбой разсказать намъ, какъ происходятъ подобнаго рода пріемы. Онъ произнесъ цѣлую рѣчь, при чемъ

прежде всего заявилъ, что ему никогда не приходилось присутствовать при пріемахъ при дворѣ, но затѣмъ, въ видѣ утѣшенія, сказалъ, что ему зато не разъ приходилось бывать на пріемахъ у одесскаго генералъ-губернатора, а затѣмъ онъ слыхалъ отъ другихъ, какъ происходятъ пріемы при русскомъ дворѣ и при другихъ дворахъ, и поэтому думаетъ, что онъ будетъ въ состояніи руководить нами. Потомъ онъ сообщилъ намъ, что насъ примутъ въ саду при дворцѣ (мужчины должны быть во фракахъ, а дамы—въ свѣтлыхъ платьяхъ) и что тутъ же мы будемъ имѣть возможность поднести императору адресъ. Въ заключеніе онъ надавалъ намъ кучу наставленій, какъ мы должны стоять, какъ должны кланяться, говорить, словомъ, обучилъ всему придворному этикету,—такъ намъ, по крайней мѣрѣ, казалось,—и у насъ явилась надежда, что мы не выкажемъ себя людьми не воспитанными, не знающими придворныхъ обычаевъ. Мы сейчасъ же выбрали комиссію изъ пяти человѣкъ для составленія адреса, а затѣмъ снарядили депутацію на берегъ къ генералъ-губернатору. Депутаты вернулись чрезъ три часа и сообщили намъ, что императоръ приметъ насъ на слѣдующій день въ полдень, за нами будутъ присланы экипажи, и адресъ будетъ выслушанъ имъ лично. Великій князь Михаилъ тоже выразилъ желаніе принять насъ. По всему видно было, что это дѣлалось съ намѣреніемъ показать, что дружба Россіи съ Америкой такъ крѣпка, что даже частныя лица пользуются здѣсь милостивымъ вниманіемъ.

Въ назначенный часъ за нами прибыли экипажи, и мы, проѣхавъ три мили, очутились въ прекрасномъ саду передъ дворцомъ императора. Черезъ нѣсколько минутъ появилась Императорская Фамилія, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Государь и государыня улыбались и привѣтливо кланялись. Въ немногія привѣтственныя слова, сказанныя намъ императоромъ, онъ сумѣлъ вложить ту искреннюю сердечность, которая такъ хорошо характеризуетъ русскихъ и заставляетъ васъ вѣрить, что это не обычныя, ничего не значащія фразы, а идетъ прямо отъ сердца. Мы всѣ сняли шляпы, и консулъ прочелъ адресъ, который государь, принявъ, передалъ одному изъ офицеровъ. Затѣмъ государь благодарилъ насъ за адресъ и сказалъ, что ему очень пріятно видѣть насъ, особенно, когда между Россіей и Соединенными Штатами существуютъ такія дружескія отношенія. Императрица сказала, что въ Россіи любятъ американцевъ, и она надѣется, что и въ Америкѣ также относятся къ русскимъ. Этимъ закончился офиціальный пріемъ, а потомъ императоръ, императрица и сопровождавшіе ихъ герцоги, князья, адмиралы и фрейлины (они всѣ хорошо

говорятъ по-англійски) разговаривали съ нами, обращаясь съ вопросами то къ тому, то къ другому. Нѣкоторые изъ нашихъ набрались смѣлости и заговорили съ маленькой великой княжной Маріей, царской дочерью. Ей всего четырнадцать лѣтъ, у нея бѣлокурые волосы, голубые глаза, она очень красива и держитъ себя очень просто. Императоръ былъ въ простомъ бѣломъ кителѣ, безъ орденовъ. Онъ высокаго роста, стройный. Выраженіе лица у него строгое и въ то же время очень симпатичное. Видно было, что, несмотря на эту кажущуюся строгость, онъ очень добръ и привѣтливъ. Въ выраженіи его лица есть что-то очень благородное; въ его глазахъ нѣтъ того лукавства, которое замѣтно у Луи-Наполеона. Императрица и маленькая великая княжна были въ простыхъ фуляровыхъ платьяхъ (или шелковыхъ фуляровыхъ, не знаю, право), съ маленькими синими крапинками; платья были отдѣланы синимъ съ такими же синими поясами; полотняные воротнички и муслиновые галстучки; соломянныя шляпы съ низкими полями отдѣланы синимъ бархатомъ; зонтики и перчатки тѣлеснаго цвѣта. У великой княжны башмаки были безъ каблуковъ. Я не замѣтилъ этого, но мнѣ говорила такъ одна изъ нашихъ дамъ. Я не смотрѣлъ на ея башмаки, но зато я съ радостью обратилъ вниманія, что у нея были свои собственные волосы, заплетенные въ толстыя косы, вмѣсто безобразнаго шиньона.

Послѣ получасовой оживленной бесѣды ихъ величества повели насъ сами осматривать свой дворецъ, который намъ очень понравился не только убранствомъ, но и своей удивительной уютностью. Затѣмъ ихъ величества милостиво простились съ нами, предложивъ намъ передъ отъѣздомъ осмотрѣть дворецъ отсутствовавшаго наслѣдника престола, расположенный недалеко отъ царскаго дворца. Въ началѣ второго часа мы покинули лѣтнюю резиденцію царя и отправились къ великому князю Михаилу, который жилъ всего въ мили разстоянія. Черезъ двадцать минутъ мы были у великаго князя; онъ вышелъ къ намъ вмѣстѣ съ супругой. Церемонія представленія прошла такъ же просто, какъ и у императора, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ разговаривали уже совершенно непринужденно. Въ это время на верандѣ появилась императрица съ великой княжной, а черезъ нѣсколько минутъ прибылъ верхомъ и самъ императоръ. Государь казался очень веселымъ и былъ съ нами удивительно любезенъ. Тѣ, кому приходилось представляться царствующимъ особамъ, поймутъ и какъ слѣдуетъ оцѣнятъ значеніе послѣдняго факта. Великій князь—третій братъ императора; ему на видъ лѣтъ тридцать семь, и онъ очень представителенъ. Ростомъ онъ еще выше царя, держится прямо,

какъ индѣецъ, и всей своей фигурой удивительно какъ напоминаетъ тѣхъ рыцарей крестоносцевъ, о которыхъ приходилось читать въ романахъ. Великій князь, желая, по всей вѣроятности, чтобы американцы сохранили возможно болѣе пріятное воспоминаніе о посѣщеніи Ялты, инкогнито сопровождалъ насъ отъ пристани до самаго царскаго дворца, обнаруживая удивительную предупредительность и заботливость о прибывшихъ иностранцахъ, и мы, не зная и не подозрѣвая даже, съ кѣмъ имѣемъ дѣло, бесѣдовали съ нимъ довольно-таки фамильярно. Это, конечно, не могло не возвысить его еще болѣе въ нашихъ глазахъ. Великій князь носитъ очень красивую и нарядную казачью форму, а великая княгиня была въ бѣломъ альпака платьѣ. Она еще молодая, очень недурна собой, симпатична и держитъ себя удивительно просто. Здѣсь мы тоже осматривали весь дворецъ, а около половины третьяго насъ пригласили къ завтраку, который былъ поданъ на верандѣ. Вышло нѣчто въ родѣ пикника. Чай у великаго князя подавали превосходный. Здѣсь пьютъ его съ лимономъ, который рѣжутъ ломтиками и кладутъ въ чай, или же съ холоднымъ молокомъ. Этотъ чай привозится сухимъ путемъ изъ Китая, и знатоками онъ цѣнится выше чая, привозимаго моремъ.

Наконецъ наступилъ часъ отъѣзда, и мы, проведя большую половину дня въ кругу царской семьи, очаровавшей насъ своимъ ласковымъ вниманіемъ, не безъ сожалѣнія отправились въ обратный путь къ пристани, а оттуда на пароходъ, гдѣ на другой день насъ посѣтилъ со своей семьей генералъ-губернаторъ, котораго мы встрѣтили пушечнымъ салютомъ. Слѣдомъ за нимъ прибылъ князь Долгорукій и адмиралы, съ которыми мы познакомились наканунѣ. Потомъ пріѣхалъ баронъ Врангель, русскій посланникъ въ Вашингтонѣ, баронъ Унгернъ-Штернбергъ, завѣдующій всѣми желѣзными дорогами въ Россіи, генералъ Тотлебенъ (прославившій себя защитой Севастополя) и довольно большое число другихъ менѣе знатныхъ лицъ, а также не мало пріѣхало и дамъ взглянуть на нашъ пароходъ. Нечего и говорить, что шампанское лилось рѣкой и тосты слѣдовали за тостами.

XXXVIII.

Мы вернулись въ Константинополь и, проведя тамъ два утомительныхъ дня въ бѣготнѣ по городу и въ разъѣздахъ въ каикахъ по Золотому Рогу, направились черезъ Мраморное море и Дарданеллы къ берегамъ Азіи, съ которой мы лишь мелькомъ познакомились, побывавъ въ Скутари. Мы прошли между

островами Лемносъ и Мителены; но, благодаря туману, видѣли только безформенныя массы земли, а затѣмъ повернули къ югу и пошли напрямки къ Смирнѣ.

Смирна—морской портъ. Въ ней считается до ста сорока тысячъ жителей. Въ ней, какъ и во всѣхъ городахъ Востока, кривыя узкія улицы, близко стоящіе одинъ къ другому дома, неприглядные снаружи и неуютные внутри; вся коммерческая жизнь сосредоточена на крытыхъ базарахъ, очень похожихъ на громадный улей, раздѣленный на безчисленное множество ячеекъ-лавочекъ съ узкими проходами между ними и весь пропитанный тѣмъ ужаснымъ зловоніемъ, которое распространяется на востокѣ всюду, гдѣ есть большое скопленіе народа. Смирна очень древній городъ; о ней неоднократно упоминается въ священномъ писаніи. За время своего существованія Смирна подвергалась шесть разъ разрушенію. Одна часть города занята исключительно турками; затѣмъ въ отдѣльныхъ кварталахъ живутъ евреи, франки (т.-е. иностранцы) и армяне. Армяне всѣ христіане; дома у нихъ просторные, свѣтлые, полы и дворы красиво вымощены шашками бѣлаго и чернаго цвѣта; во многихъ домахъ среди внутренняго двора разбитъ цвѣтникъ съ фонтаномъ посрединѣ. Большинство женщинъ отличается очень красивыми лицами; онѣ очень общительны и не прочь поболтать и посмѣяться вечеромъ у пороговъ своихъ домовъ.

Проѣзжая черезъ Дарданеллы, мы издали видѣли караваны верблюдовъ, но вблизи увидали этихъ животныхъ только въ Смирнѣ. Здѣсь верблюды несравненно крупнѣе тѣхъ, которыхъ приходилось видѣть въ звѣринцахъ. Мы видѣли здѣсь цѣлые караваны верблюдовъ, которые вереницей, штукъ по десяти, по двѣнадцати, медленно проходили по узкимъ улицамъ съ тяжелыми вьюками на своихъ горбатыхъ спинахъ.

XXXIX.

Намъ сказали, что въ Смирнѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ развалины древней крѣпости, остатки которой все еще грозно смотрятъ съ вершины холма, носящаго названіе въ священномъ писаніи, если не ошибаюсь, горы Пагусъ; затѣмъ мѣсто, гдѣ стояла одна изъ семи церквей Апокалипсиса въ первомъ вѣкѣ христіанской эры, и, наконецъ, мѣсто страданій мученика Поликарпа, который пострадалъ за вѣру въ Смирнѣ восемнадцать вѣковъ тому назадъ.

Мы наняли ословъ и прежде всего посѣтили могилу св. Поликарпа, а затѣмъ отправились къ „семи церквамъ“, какъ го-

ворять здѣсь для краткости, куда намъ нужно было тащиться мили за полторы, и увидѣли маленькую греческую церковь, построенную будто на томъ самомъ мѣстѣ; мы заплатили какіе-то пустяки, и сопровождавшій насъ церковный служитель далъ намъ на память о посѣщеніи по маленькой восковой свѣчкѣ; но я положилъ свою свѣчку въ шляпу, и она тамъ растаяла подъ горячими лучами солнца, такъ что у меня остался одинъ фитиль. Но затѣмъ мы узнали, что та церковь, которую мы искали, стояла въ самомъ городѣ, а не тамъ, гдѣ мы были.

Проѣзжая по городу, мы ясно различали слѣды шести погромовъ, которые пережила Смирна то во время уничтожавшихъ ее пожаровъ, то во время землетрясеній. Холмы и утесы мѣстами разсѣлись, и въ разсѣлинахъ видны обломки существовавшихъ нѣкогда каменныхъ зданій, а низенькіе дома и ограды современной Смирны, точно мозаикой, испещрены втиснутыми тамъ и сямъ обломками колоннъ и скульптурныхъ украшеній, добытыми изъ развалинъ дворцовъ древней Смирны.

Подъемъ на холмъ, гдѣ стоитъ крѣпость, очень крутъ. Въ одномъ мѣстѣ высота его достигаетъ пятисотъ футовъ надъ уровнемъ моря, а подошва его надъ дорогой поднимается отвѣсной стѣной высотою въ десять-пятнадцать футовъ, и тутъ совершенно ясно можно было различить три слоя устричныхъ раковинъ, залегавшихъ тамъ, какъ у насъ, въ Невадѣ, или въ Монтанѣ залегаетъ кварцевая руда. Эти слои имѣли до восемнадцати футовъ толщины, залегая одинъ надъ другимъ на разстояніи двухъ или трехъ футовъ, и тянулись книзу на протяженіи футовъ тридцати, если не больше, а затѣмъ исчезали тамъ, гдѣ ихъ пересѣкала дорога. Я нагнулся и сталъ разсматривать устричныя раковины, ничѣмъ не отличавшіяся отъ обыкновенныхъ раковинъ за исключеніемъ развѣ того, что здѣсь ихъ было удивительно много. Тутъ же среди раковинъ не мало было черепковъ старинной глиняной посуды и это окончательно поставило насъ втупикъ. Будь тутъ однѣ раковины, можно было бы думать, что этотъ холмъ былъ нѣкогда дномъ морскимъ и затѣмъ впослѣдствіи выступилъ изъ воды, но присутствіе посуды опровергало это предположеніе. Въ путеводителяхъ тоже сказано, что въ этомъ мѣстѣ есть раковины, но какъ онѣ попали сюда—неизвѣстно.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ у насъ, въ Америкѣ, стали готовиться къ свѣтопреставленію, прощались со своими родными и знакомыми и только ждали трубы архангела, чтобы летѣть на небо. Наконецъ наступилъ назначенный день, но предсказанное Миллеромъ свѣтопреставленіе не состоялось. Я и не подозрѣвалъ, что господа, подобные Миллеру, могутъ

имѣть успѣхъ не въ одной только Америкѣ, пока одинъ господинъ не разсказалъ мнѣ, что года три тому назадъ въ Смирнѣ тоже ожидали конца міра. Въ назначенный для этого торжества день множество народа, предварительно покончивъ всѣ свои заботы о земномъ, съ ранняго утра отправилось на холмъ, гдѣ помѣщается крѣпость, чтобы тамъ провести время, когда будетъ происходить всеобщее разрушеніе. Но что всего удивительнѣе, такъ это то, что въ то самое время (часа въ три дня), когда разсказывавшій мнѣ это господинъ обѣдалъ въ отелѣ со своими пріятелями, вдругъ разразилась буря съ громомъ, молніей и проливнымъ дождемъ, которая продолжалась цѣлыхъ три часа. Гроза въ такое время года было явленіе, въ высшей степени необычайное для Смирны, и это заставило повѣрить въ возможность свѣтопреставленія многихъ даже изъ самыхъ невѣрующихъ. По улицамъ вода текла рѣками; крыша въ отелѣ дала течь, столъ залило водой и обѣдъ пришлось прервать. Когда, наконецъ, буря прекратилась, промокшіе насквозь вѣрующіе спустились съ горы, откуда они слѣдили за тѣмъ, что творилось у нихъ на глазахъ, увѣренные, что видятъ начало конца міра.

Желѣзная дорога въ Азіи—нѣчто такое, что плохо вяжется съ понятіемъ о дремлющемъ сказочномъ Востокѣ; а между тѣмъ тутъ уже существуетъ одна желѣзнодорожная линія и строится другая. Дорогу эту построила англійская компанія, но барышей она пока получаетъ отъ нея немного. Полотно желѣзной дороги подходитъ почти къ самымъ воротамъ Эфеса, этого древнѣйшаго изъ городовъ, упоминаемыхъ въ св. писаніи, и завтра мы ѣдемъ туда осматривать этотъ знаменитый городъ.

XL.

Управляющій желѣзной дорогой не только представилъ въ наше распоряженіе цѣлый поѣздъ, но даже самъ сопровождалъ насъ въ Эфесъ. Мы везли съ собою, въ товарныхъ вагонахъ, шестьдесятъ штукъ маленькихъ осликовъ для поѣздокъ по окрестностямъ. Въ древнемъ Айасалукѣ мы проѣзжали между длинными рядами развалившихся акведуковъ и другими остатками массивныхъ сооруженій, что служило доказательствомъ, что мы подъѣзжаемъ къ городу, бывшему нѣкогда столицей. Мы вышли изъ вагоновъ и сѣли на осликовъ вмѣстѣ съ приглашенными нами офицерами съ нашего американскаго военнаго корабля. Солнце пекло немилосердно, и отъ его горячихъ лучей нисколько не защищали ни платки, ни вуали, ни зонтики, которые прида-

вали намъ всѣмъ только странный, если не смѣшной видъ. Тутъ я кстати замѣчу, что наши дамы ѣхали на осликахъ безъ сѣделъ, потому что сидѣть бокомъ на нашихъ неудобныхъ сѣдлахъ было невозможно. Затѣмъ не мало мученія намъ доставили и наши упрямые ослики.

Тутъ я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ Эфесѣ. На высокомъ, крутомъ холмѣ, лицомъ къ морю, видны сѣдыя развалины построенныхъ изъ мрамора зданій, гдѣ, по преданію, восемнадцать вѣковъ тому назадъ находился въ заточеніи св. Павелъ. Съ этихъ же самыхъ стѣнъ открывается видъ на всю ту мѣстность, гдѣ стоялъ нѣкогда древній Эфесъ, знаменитый, между прочимъ, своимъ храмомъ въ честь Діаны, считавшимся однимъ изъ семи чудесъ свѣта. Если стоять лицомъ къ городу, позади у васъ будетъ море, прямо передъ вами ровная зеленая долина (на самомъ дѣлѣ это болото), которая тянется до самой подошвы горъ; справа отъ васъ будетъ старинная крѣпость Айасалукъ, стоящая на высокомъ холмѣ; неподалеку отъ нея на равнинѣ мечеть султана Селима (она построена надъ могилой св. Іоанна и раньше была христіанской церковью). Затѣмъ ближе къ зрителю холмъ Піонъ, вокругъ котораго и до сихъ поръ еще видны уцѣлѣвшія до сего времени развалины древняго Эфеса, и тутъ же рядомъ, отдѣленный отъ него только узкой долиной, виденъ утесистый горный хребетъ Коресусъ. Если бы не развалины, окружающія холмъ Піонъ, никому бы и въ голову не могло прійти, что тутъ, среди этой дикой пустыни, существовалъ нѣкогда городъ, съ которымъ связано столько преданій. Зайдетъ рѣчь объ Аполлонѣ и Діанѣ — они, такъ сказать, родились тутъ; о превращеніяхъ наяды Сиринксъ въ тростникъ— это происходило здѣсь; о великомъ богѣ Панѣ — онъ жилъ тутъ въ пещерахъ Коресуса; объ амазонкахъ—здѣсь было ихъ излюбленное мѣстопребываніе; о Бахусѣ и Геркулесѣ—оба они сражались тутъ съ воинственнымъ женскимъ войскомъ; о циклопахъ—это тутъ они сооружали свои постройки изъ громадныхъ глыбъ мрамора; о Гомерѣ—это одно изъ многихъ мѣстъ его рожденія; о Кимонѣ Аѳинскомъ, о Лизандрѣ, объ Алкивіадѣ, объ Агезилаѣ—всѣ они тутъ побывали; то же самое можно сказать объ Александрѣ Великомъ, о Ганнибалѣ, объ Антіохѣ, о Сципіонѣ, о Лукуллѣ, Брутѣ, Кассіи, Помпеѣ, Цицеронѣ и Августѣ; Антоній былъ здѣсь судьей и покинулъ свое судейское кресло во время рѣчи адвоката, когда увидѣлъ проходившую Клеопатру. Здѣсь проповѣдывали христіанство апостолы Павелъ и Іоаннъ въ то время, когда были еще живы многіе изъ видѣвшихъ Христа. Здѣсь умерла Марія Магдалина и здѣсь же жила до

своего успенія Пресвятая Дѣва Марія. Здѣсь же, всего какихъ-нибудь шестьсотъ или семьсотъ лѣтъ тому назадъ, проходили по улицамъ черезъ городъ войска крестоносцевъ.

Въ Константинополѣ, въ Пизѣ, во многихъ городахъ Испаніи не мало мечетей и храмовъ, въ которыхъ стоятъ великолѣпныя колонны, вывезенныя изъ храмовъ и дворцовъ Эфеса, а между тѣмъ стоитъ только немного порыться въ землѣ, чтобы добыть еще сколько угодно такихъ колоннъ. Мы видѣли здѣсь такой совершенный образчикъ скульптуры, который привелъ насъ всѣхъ въ восхищеніе; это сокровище обрѣтается въ томъ самомъ древнемъ театрѣ, который прославило возмущеніе народа противъ апостола Павла; это сокровище—фигура мужчины, безъ головы, въ латахъ и со щитомъ, украшеннымъ головой медузы.

А какіе замѣчательные строители были люди древняго міра! Массивныя арки уцѣлѣвшихъ до нашего времени сводовъ лежатъ на четырехугольныхъ столбахъ изъ цѣлыхъ глыбъ мрамора, имѣющихъ видъ правильной четырехугольной призмы, сторона основанія которой равняется пятнадцати футамъ. Даже землетрясенія не могли ихъ разрушить, и онѣ стоятъ на удивленіе и поученіе нашимъ инженерамъ и архитекторамъ. Какая-то англійская компанія предпринимаетъ здѣсь раскопки, и тогда свѣтъ увидитъ, вѣроятно, не мало еще такихъ же замѣчательныхъ сооруженій.

А теперь я позволю себѣ разсказать довольно интересную легенду, которая носитъ названіе: „Сказаніе о семи спящихъ юношахъ“.

На горѣ Піонъ существуетъ пещера, которая и до сихъ поръ называется пещерой семи спящихъ юношей. Тысячи полторы лѣтъ тому назадъ въ Эфесѣ жили, недалеко одинъ отъ другого, семь юношей, принадлежавшихъ къ презираемой всѣми сектѣ христіанъ. Въ одинъ прекрасный день добрый царь Максиміліанъ (я разсказываю эту легенду для маленькихъ благонравныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ)... Итакъ, въ одинъ прекрасный день добрый царь Максиміліанъ воздвигъ гоненіе на христіанъ, и по его повелѣнію ихъ стали всюду преслѣдовать. Тогда семеро юношей рѣшили покинуть городъ и отправиться путешествовать. Они ушли потихоньку, не попрощавшись ни съ отцомъ, ни съ матерью, ни со своими друзьями-пріятелями. Они взяли съ собой только деньги, какія были у ихъ родителей, и одежду, какую могли стащить у своихъ пріятелей, чтобы вспоминать о нихъ, когда они будутъ странствовать по чужимъ краямъ; затѣмъ они взяли съ собой еще собаку Кетмера, принадлежавшаго ихъ сосѣду Малхѣ, но и

то потому только, что собака случайно попала головой въ петлю веревки, которая была въ рукѣ у одного изъ юношей, а имъ некогда было развязывать веревку; потомъ они захватили съ собой еще нѣсколько штукъ бродившихъ по улицѣ цыплятъ, а проходя мимо лавки бакалейщика, захватили съ собой нѣсколько бутылокъ съ какимъ-то чудеснымъ напиткомъ, выставленныхъ на продажу торговцемъ. Затѣмъ они покинули городъ и благополучно добрались до горы Піонъ, зашли въ волшебную пещеру отдохнуть, выпили, закусили и бодро и весело пошли дальше, но уходя позабыли захватить съ собой остальныя бутылки съ напиткомъ. Они странствовали долго, побывали во многихъ странахъ и, какъ добродѣтельные юноши, старались не упускать случая захватить все, что могло имъ такъ или иначе пригодиться. Лѣтъ черезъ пять, однакоже, имъ стало надоѣдать шататься по чужимъ землямъ; ихъ потянуло домой, тѣмъ болѣе, что къ этому времени и добрый царь Максимиліанъ обратился въ новую вѣру, и христіанамъ нечего было уже бояться гоненій. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, когда солнце уже клонилось къ западу, они снова подошли къ волшебной пещерѣ въ горѣ Піонъ; и они рѣшили зайти въ нее переночевать, а затѣмъ утромъ уже итти домой. Войдя въ пещеру, они прежде всего увидѣли забытыя ими бутылки, обрадовались находкѣ и передъ отходомъ ко сну какъ слѣдуетъ выпили. Когда они проснулись, одинъ изъ нихъ, по прозвищу Іоаннъ Смутьянъ, сказалъ своимъ товарищамъ: „Мы наги“. И это была правда. Вся бывшая на нихъ одежда исчезла, а деньги, захваченныя ими дорогой у одного незнакомца, оказались сильно попорченными ржавчиной. Собаки тоже не было, и отъ нея остался одинъ только ошейникъ. Это ихъ очень удивило; но они подобрали съ земли деньги, смастерили себѣ подобіе плащей изъ листьевъ и стали взбираться на гору. Тутъ ждало ихъ новое открытіе. Храмъ Діаны куда-то исчезъ; въ городѣ появилось множество невиданныхъ ими зданій, а по улицамъ двигались люди въ какихъ-то странныхъ одеждахъ. Изумленные юноши долго разсматривали развертывавшуюся передъ ними картину, а затѣмъ вошли въ городъ и прежде всего пріобрѣли для себя подходящую одежду. Но, когда они, уходя, отдали торговцу деньги, тотъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на монеты, попробовалъ ихъ на зубъ и, наконецъ, бросилъ на прилавокъ, прислушиваясь къ тому, какъ онѣ звенятъ, а потомъ спокойно объявилъ, что эти деньги фальшивыя. Юноши въ одинъ голосъ послали его въ преисподнюю, въ Гадесъ, и, хлопнувъ дверью, вышли изъ лавки. Подойдя каждый къ своему дому, юноши обрадовались,

что хотя тутъ все осталось по-старому, только дома сильно осѣли за время ихъ отсутствія. Они стали стучаться, но имъ отворили какіе-то незнакомые люди и на вопросы: „Гдѣ мой отецъ? Гдѣ моя мать? Гдѣ Діонисій и Серапіонъ, гдѣ Периклъ и Децій?"—удивленно отвѣчали: „Мы такихъ не знаемъ и никогда не слыхали о нихъ ничего ни отъ нашихъ отцовъ ни отъ нашихъ дѣдовъ". Юношамъ не оставалось ничего, какъ уйти, и они отправились бродить по городу, съ удивленіемъ разсматривая встрѣчавшихся имъ незнакомыхъ людей. Наконецъ они остановили одного изъ прохожихъ и спросили, кто теперь царствуетъ въ Эфесѣ. Тотъ удивленно посмотрѣлъ на нихъ и отвѣтилъ, что теперь царствуетъ великій Лаэртъ. „А гдѣ же добрый царь Максимиліанъ?" спросили юноши и услышали въ отвѣтъ, что этотъ царь умеръ двѣсти лѣтъ тому назадъ. Тогда какъ бы чешуя спала у нихъ съ глазъ, и они узнали, что подъ вліяніемъ выпитыхъ ими чудесныхъ напитковъ они проспали цѣлыхъ двѣсти лѣтъ... Они рѣшили умереть, и всѣ семеро пошли вмѣстѣ, легли и умерли; а на ихъ могилахъ до сихъ поръ еще значатся ихъ имена: Іоаннъ-Смутьянъ, Козырь, Дарованіе, Гордость, Обманъ, Плутовство, Праздность. Вмѣстѣ съ юношами погребены и бутылки, въ которыхъ были волшебные напитки; а на бутылкахъ до сихъ поръ сохранились этикетки на древнемъ языкѣ: „Пуншъ ромовой", „Джинъ", „Пиво".

Я нѣсколько видоизмѣнилъ эту легенду; но волшебная пещера и на самомъ дѣлѣ существуетъ, и находятся такіе люди, которые серьезно боятся остаться въ ней на ночь, чтобы не заснуть на цѣлыхъ двѣсти лѣтъ.

XLI.

Мы теперь въ Сиріи и стоимъ лагеремъ въ горахъ Ливанскихъ. Изъ Эфеса намъ ничего не удалось увезти съ собою на память. Мы, само собой разумѣется, усердно собирали все, что попадалось подъ руку, и даже отбивали куски мрамора отъ орнаментовъ внутри мечети; но когда мы привезли все это на станцію желѣзной дороги, у насъ отобралъ всѣ наши сокровища правительственный чиновникъ, которому изъ Константинополя было приказано слѣдить за нами и не разрѣшать увозить ничего. Всѣ наши были страшно огорчены, но это огорченіе перешло въ сильнѣйшее раздраженіе, когда узнали, что подобное приказаніе послѣдовало по просьбѣ англійской компаніи, пріобрѣтшей право на производство раскопокъ, и

даже было прислано съ нарочнымъ чрезъ англійское посольство.

Мы выѣхали изъ Смирны въ состояніи сильнаго нервнаго возбужденія, потому что главная цѣль нашей поѣздки на востокъ—Святая земля была уже близко. Мнѣ нечего говорить, какъ всѣ у насъ дѣятельно готовились къ предстоящему путешествію и какъ заботливо запасались всѣмъ необходимымъ для дороги. Теперь все это уже прошлое, и мы, разбившись на группы человѣкъ по шести, по восьми, разсѣялись по всей Сиріи. Но только одна наша группа рискнула избрать длинный окружный путь чрезъ Баальбекъ и Дамаскъ. Насъ всѣхъ очень тревожилъ вопросъ о путяхъ сообщенія въ Сиріи, и мы еще изъ Константинополя просили телеграммами нашихъ консуловъ въ Александріи и Бейрутѣ дать намъ соотвѣтствующія указанія и заготовить для насъ проводниковъ и лошадей; а затѣмъ изъ Смирны мы, по телеграфу же, просили взять для насъ заранѣе мѣста въ дилижансѣ, который ходитъ въ Дамаскъ, а затѣмъ лошадей для поѣздки въ Баальбекъ. Наши запросы консуламъ вызвали большіе толки въ Сиріи и въ Египтѣ и тамъ распространился слухъ, что безчисленное множество американцевъ ѣдетъ во Святую землю, и поэтому, когда мы вчера прибыли въ Бейрутъ, мы увидѣли на площади цѣлую толпу драгомановъ (переводчиковъ), предлагавшихъ намъ свои услуги. Въ то время, какъ трое изъ нашей группы, избранные уполномоченными, занимались хлопотами по снаряженію экспедиціи, мы всѣ остальные разгуливали по Бейруту, раскинувшемуся по берегу моря и по склонамъ окружающихъ его Ливанскихъ горъ. Между тѣмъ наши уполномоченные выработали при содѣйствіи консула слѣдующій маршрутъ: Баальбекъ, Дамаскъ, Тиверіадское озеро; затѣмъ къ югу—къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ Іаковъ видѣлъ во снѣ лѣстницу и гдѣ совершались и другія важныя событія, упомянутыя въ Библіи, а затѣмъ Іерусалимъ. Оттуда, если успѣемъ, проѣдемъ къ Красному морю, а оттуда прямо къ океану, съ такимъ расчетомъ, чтобы недѣли черезъ три, черезъ четыре быть уже въ Яффѣ и сѣсть на пароходъ. Условіе—по пяти долларовъ съ человѣка въ день и за это драгоманы принимали на себѣ всѣ расходы и обѣщали насъ содержать такъ же хорошо, какъ въ отелѣ. Я, впрочемъ, не особенно довѣрялъ этому и прихватилъ съ собой на всякій случай одѣяло и пледъ, а также взялъ трубку, табаку, штуки двѣ или три шерстяныхъ рубашекъ, портфель, путеводитель, Библію и кусокъ мыла. Въ три часа нашъ проводникъ привелъ лошадей, чтобы каждый могъ выбрать себѣ, какая ему больше понравится; но выбирать было не изъ чего: это были не лошади, а

жалкія, искалѣченныя клячи. Мы сначала посердились, а потомъ все-таки выбрали себѣ каждый по лошади; мнѣ досталась самая бодрая,—она могла даже пугаться.

Въ шесть часовъ мы сдѣлали привалъ на вершинѣ горы, гдѣ дулъ освѣжающій вѣтерокъ, и оттуда открылся видъ на море и на живописную долину, гдѣ нѣкогда жили тѣ самые финикіяне, о которыхъ намъ столько приходилось читать. Вся эта мѣстность входила нѣкогда въ составъ владѣнія тирскаго царя Хирама, доставлявшаго Соломону для постройки храма знаменитые ливанскіе кедры. Вскорѣ послѣ шести часовъ подошелъ нашъ караванъ, состоявшій изъ двадцати шести вьючныхъ муловъ и девятнадцати погонщиковъ, которые въ одну минуту распаковали вьюки и разбили пять красивыхъ въ восточномъ вкусѣ палатокъ, поставили въ нихъ восемь складныхъ желѣзныхъ кроватей, приготовили постели, привинтили умывальники и даже постлали у постелей ковры! Удивленію моему не было границъ, когда вслѣдъ за тѣмъ въ сумерки раздался звонъ колокола, сзывавшій къ обѣду, и мы, усѣвшись за столъ, накрытый на восемь приборовъ, съ аппетитомъ принялись уничтожать жареную баранину, жареныхъ цыплятъ, жаренаго гуся, картофель, хлѣбъ, чай, пудингъ, яблоки и великолѣпный виноградъ; жаркое было приготовлено гораздо лучше того, какое намъ подавали за послѣднія нѣсколько недѣль, сервировка стола безукоризненная, и намъ не оставалось ничего, какъ благодарить нашего драгомана Авраама, хотя онъ, кланяясь, и извинялся, что не могъ устроить для перваго раза все какъ слѣдуетъ, и обѣщалъ, что въ будущемъ этого уже не повторится. Однако теперь уже полночь, а мы выступаемъ въ походъ завтра въ шесть часовъ утра.

XLII.

Мы расположились бивуакомъ возлѣ Темнинъ-эль-Фока. Я спалъ прошлую ночь очень крѣпко; но, несмотря на это, я прекрасно слышалъ и звонокъ нашего драгомана и его крикъ: „Прошу вставать, чрезъ десять минутъ завтракъ!“ Когда я вышелъ совсѣмъ одѣтый, палатка-столовая была уже открыта съ боковъ, и мы, сидя за столомъ, могли однимъ взглядомъ окинуть панораму горъ, моря и долинъ. Телячьи котлеты, цыплята, яичница, жареный картофель и кофе не оставляютъ желать ничего лучшаго. Въ то время, какъ намъ подавали кофе, я оглянулся: нашихъ палатокъ какъ не бывало. Въ половинѣ седьмого мы снялись съ лагеря и тронулись въ путь,

и съ нами же, казалось, тронулись въ путь и всѣ жители Сиріи. По дорогамъ тянулись длинными вереницами караваны муловъ и верблюдовъ. Мы долго думали, на что похожъ верблюдъ, и, наконецъ, разрѣшили эту задачу. Когда онъ опускается на колѣни для навьючиванія, онъ похожъ на плавающаго гуся, а когда онъ стоитъ, онъ похожъ на страуса съ лишней парой ногъ на всякій случай. Верблюдъ очень некрасивъ, его отвислая нижняя губа придаетъ ему даже глупый видъ; у него громадныя ноги съ безобразными ступнями; но онъ неоцѣнимъ въ пустынѣ. Онъ выносливъ и очень неприхотливъ относительно корма; тутъ растетъ особый видъ колючаго терновника, который благоразумно стараются обходить подальше не только люди, но и всѣ вообще животныя, а верблюды преспокойно жуютъ себѣ эти иглы и, повидимому, ему это даже нравится. Вообще мнѣ кажется, верблюдъ можетъ безнаказанно глотать все, даже камни.

Весь этотъ день мы провели въ исторически извѣстной области. Въ полдень мы сдѣлали остановку на три часа въ Мексе, близъ того мѣста, гдѣ Ливанскія горы сливаются съ горами Джебель-эль-Кюнеишъ, и любовались видомъ на Ливанскую долину. Эту ночь мы проводимъ близъ упомянутой равнины и намъ видна гора Ермонъ. Дальше въ зрительную трубу видны развалины Баальбека, который въ св. писаніи упоминается подъ названіемъ Ваалъ-Гада, который разрушилъ Іисусъ Навинъ во время переселенія израильтянъ въ землю Ханаанскую. Тутъ же недалеко, всего въ разстояніи часа пути, расположена грязная арабская деревушка, гдѣ находится гробница Ноя, который въ своемъ ковчегѣ носился надъ этими самыми мѣстами. Гробница Ноя сооружена изъ камня и надъ нею выстроено какое-то тоже каменное зданіе. „Бакшишъ“ далъ намъ доступъ въ это святилище. Первоначально зданіе, должно-быть, имѣло продолговатую форму, потому что самая могила этого почтеннаго мореплавателя имѣетъ двѣсти десять футовъ въ длину и всего четыре фута въ ширину и въ высоту. Доказательствомъ того, что Ной погребенъ именно здѣсь, служитъ то, что Симъ, старшій сынъ Ноя, присутствовалъ при погребеніи Ноя и затѣмъ указалъ это мѣсто своимъ дѣтямъ, а тѣ, въ свою очередь, приводили къ этой могилѣ своихъ дѣтей, и вотъ, благодаря этому, намъ и могли жители деревушки, прямые потомки Ноя, указать могилу своего знаменитаго предка.

Населеніе Сиріи страшно бѣдствуетъ благодаря тому, что оно отягощено налогами, взиманіе которыхъ къ тому же здѣсь сдается на откупъ, а ужъ откупщики дерутъ и съ живого и

съ мертваго, а между тѣмъ при другихъ условіяхъ этотъ добродушный и неглупый народъ могъ бы благоденствовать.

XLIII.

Намъ пришлось совершить утомительный пятичасовой переходъ подъ палящими лучами солнца по Ливанской долинѣ. Она оказалась далеко не такимъ земнымъ раемъ, какою казалась съ вершины холма. Это была пустыня, поросшая дикими сорными травами и вся усѣянная камнями въ кулакъ величиною. Койгдѣ мѣстами жители поцарапали, какъ умѣли, поверхность почвы и засѣяли ее хлѣбомъ; но хлѣбъ растетъ здѣсь плохо, а всѣмъ остальнымъ пространствомъ владѣютъ пастухи, стада которыхъ съ трудомъ находятъ здѣсь себѣ пропитаніе. Плуги здѣсь такіе же, какіе были и во времена Авраама; это—просто-напросто заостренная палка, которой не пашутъ, а царапаютъ землю; хлѣбъ вѣютъ тоже примитивнымъ способомъ—обмолоченную пшеницу таскаютъ на крышу и тамъ подкидываютъ вверхъ, чтобы вѣтеръ отвѣялъ мякину.

Въ одиннадцать часовъ мы увидѣли, наконецъ, стѣны и колонны развалинъ Баальбека. Онѣ стоятъ тутъ уже тысячи лѣтъ и служатъ предметомъ удивленія для путешественниковъ; но кто и когда соорудилъ все это—на этотъ вопросъ пока еще нѣтъ отвѣта. Несомнѣнно только одно, такой величавости въ замыслѣ и такого совершенства въ исполненіи, какое приходится наблюдать въ храмахъ Баальбека, не удавалось открыть еще нигдѣ въ свѣтѣ. Величественный храмъ Солнца, храмъ Юпитера и другіе меньшіе храмы стоятъ теперь всѣ вмѣстѣ среди жалкой сирійской деревушки, и какъ-то странно видѣть ихъ въ такой не подходящей для нихъ обстановкѣ. Всѣ эти храмы построены на такихъ массивныхъ фундаментахъ, которые могли бы выдержать тяжесть даже цѣлой горы; они сложены изъ камней величиною съ омнибусъ, и только очень немногіе изъ камней меньшихъ размѣровъ; всюду въ фундаментахъ имѣются проходы, такіе широкіе, что тутъ свободно могъ бы пройти цѣлый желѣзнодорожный поѣздъ. Это объясняетъ, почему всѣ эти сооруженія Баальбека сохранились такъ долго. Храмъ Солнца имѣетъ около трехсотъ футовъ въ длину и сто шестьдесятъ футовъ въ ширину. Вокругъ него шло пятьдесятъ четыре колонны, изъ которыхъ шесть стоятъ еще и до сихъ поръ, а всѣ остальныя лежатъ въ живописномъ безпорядкѣ вокругъ него. Эти уцѣлѣвшія шесть колоннъ съ коринѳскими капителями представляютъ собою чудо совершенства.

Храмъ Юпитера размѣрами меньше предыдущаго, но онъ все-таки очень великъ и довольно хорошо сохранился. Одинъ рядъ, въ которомъ девять колоннъ, даже совсѣмъ уцѣлѣлъ. Эти колонны имѣютъ шестьдесятъ футовъ въ высоту, и на нихъ лежитъ фронтонъ крыши изъ массивныхъ каменныхъ глыбъ, нижняя сторона которыхъ украшена барельефами такой художественной работы, что у зрителя невольно вырываются крики восторга. Вся отдѣлка храма внутри отличается такимъ же точно художественнымъ исполненіемъ. Какъ удивительно прекрасенъ долженъ былъ быть этотъ храмъ въ то время, когда онъ стоялъ только что еще отстроеннымъ. Но онъ и теперь еще дивно хорошъ при лунѣ, когда она обливаетъ своимъ мягкимъ свѣтомъ его и стоящій съ нимъ рядомъ храмъ Солнца!

Какъ ни велики глыбы, изъ которыхъ сооружали эти храмы, онѣ ничто въ сравненіи съ гигантскими размѣрами глыбъ, изъ которыхъ сооружена веранда или платформа, окружающая главный храмъ. Одна часть этой платформы, длиною двѣсти футовъ, сооружена изъ глыбъ размѣрами съ вагонъ конно-желѣзной дороги. Но и эти камни ничто въ сравненіи съ тѣми глыбами, изъ которыхъ сооружена другая часть веранды; тутъ было всего только три камня, но зато длина каждаго камня равнялась837 тремъ вагонамъ, поставленнымъ рядомъ. Въ общей сложности эти три камня имѣютъ около двухсотъ футовъ въ длину и до тринадцати футовъ въ ширину; они вдѣланы въ стѣну на высотѣ около двадцати футовъ отъ земли. Всѣ эти стѣны сложены такъ же аккуратно, какъ и наши стѣны, построенныя изъ маленькихъ кирпичей. Въ то время въ Баальбекѣ, вѣроятно, жило цѣлое племя боговъ или великановъ.

Затѣмъ мы отправились осматривать расположенныя въ четверти мили отъ развалинъ каменоломни, изъ которыхъ добывали камни для построекъ, и тамъ нашли камень такой же громадный, какъ и тотъ, который пошелъ на сооруженіе веранды; онъ лежитъ тамъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ его обтесали тысячи лѣтъ тому назадъ великаны. Онъ четырнадцать футовъ въ ширину и семьдесятъ футовъ въ длину.

По маршруту мы должны были ѣхать до Дамаска три дня; но трое изъ нашихъ спутниковъ не хотѣли быть въ дорогѣ въ праздничный день и требовали, чтобы мы доѣхали туда въ два дня. Какъ ни доказывали мы нашимъ товарищамъ, что лошади измучены въ конецъ и имъ необходимъ отдыхъ, что, наконецъ, и для насъ самихъ не совсѣмъ безопасно ѣхать не отдыхая подъ палящими лучами солнца,—они не хотѣли ничего слышать и настойчиво требовали, чтобъ мы двигались какъ можно быстрѣе. Но они не только принудили насъ ѣхать быстрѣе, а

еще и заставили свернуть въ сторону съ большой дороги, чтобы осмотрѣть какой-то источникъ Фиджіа, изъ котораго будто бы пила когда-то воду Валаамова ослица. И цѣлый день до поздней ночи ѣздили мы подъ палящими лучами солнца, разыскивая лужу, изъ которой пила Валаамова ослица, покровительница набожныхъ паломниковъ въ родѣ насъ. Наконецъ, измученные и усталые, мы расположились лагеремъ возлѣ какой-то сирійской деревушки и повалились спать.

XLIV.

Слѣдующій день былъ одинаково мучителенъ какъ для людей, такъ и для лошадей. Мы совершили тридцатичасовой переходъ, съ остановкой всего на одинъ часъ для завтрака. Мы снялись съ лагеря въ семь часовъ утра и совершили утомительный переходъ черезъ долину Зебъ Дана и по крутымъ горамъ. Въ полдень мы останавливались на отдыхъ у источника Фиджіа, который мы, наконецъ, разыскали въ одной ложбинѣ, густо заросшей гранатовыми, фиговыми и оливковыми деревьями. Вода въ источникѣ прекрасная и холодная, какъ ледъ. Двое изъ насъ пробовали купаться, но пробыли въ водѣ всего одну секунду,—такъ холодна вода. Въ часъ дня мы покинули источникъ, ради котораго свернули въ сторону часа на два пути, и направились по дорогѣ къ тому пункту, откуда Магометъ смотрѣлъ на Дамаскъ, и прибыли какъ разъ во-время, чтобы успѣть бросить взглядъ на этотъ городъ передъ тѣмъ, какъ въѣзжать въ него. Я гдѣ-то читалъ, что Магометъ, бывши еще простымъ погонщикомъ верблюдовъ, пришелъ сюда и, глядя на развертывавшуюся передъ нимъ картину Дамаска, высказалъ сдѣлавшееся потомъ общеизвѣстнымъ замѣчаніе. Онъ сказалъ, что человѣкъ можетъ только одинъ разъ войти въ рай, и потому онъ предпочитаетъ войти въ рай небесный. И онъ сѣлъ на этомъ мѣстѣ и услаждалъ свои взоры видомъ на рай земной, т.-е. на Дамаскъ, а потомъ ушелъ, не входя въ городъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, впослѣдствіи соорудили башню.

Дамаскъ, если на него смотрѣть съ горы, прекрасенъ. Но, если мнѣ когда-нибудь придется опять ѣхать въ Дамаскъ, я остановился бы на горѣ Магомета, посмотрѣлъ бы оттуда на городъ, а затѣмъ уѣхалъ бы, не заглядывая въ городъ. Магометъ, самъ того не подозрѣвая, поступилъ весьма мудро, когда рѣшилъ не спускаться съ горы въ предѣлы земного рая, т.-е. въ Дамаскъ.

Существуетъ старинное преданіе, что окруженный садами Дамаскъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ садъ Эдема, и современные ученые подыскали даже не мало доказательствъ, подтверждающихъ это преданіе, и увѣряютъ, что протекающія черезъ Дамаскъ двѣ рѣки Фарфаръ и Авана,—тѣ самыя рѣки, которыя орошали земной рай. Можетъ-быть, это и вѣрно, но теперь Дамаскъ нисколько не похожъ на земной рай. Онъ такъ тѣсенъ и грязенъ, что какъ-то не вѣрится даже, что это тотъ самый городъ, который такъ манитъ къ себѣ издали. Сады почти не видны за высокими грязными глинобитными стѣнами, а грязи всюду столько, что хоть отбавляй. Въ Дамаскѣ обиліе чистой проточной воды, и этого достаточно, чтобы арабъ находилъ его прекраснымъ, потому что воды мало въ пустынной Сиріи. Рѣки Фарфаръ и Авана (собственно это ручьи) протекаютъ черезъ весь городъ, и потому въ каждомъ домѣ, въ каждомъ саду устроены фонтаны и водоемы съ чистой проточной водой. Дамаскъ, благодаря обилію воды и садовъ, долженъ казаться чудомъ изъ чудесъ бедуинамъ пустыни; но, на самомъ дѣлѣ, онъ не что иное, какъ оазисъ.

Дамаскъ—старѣйшій городъ въ мірѣ, и основаніе его относится къ тѣмъ временамъ, когда еще не было Авраама. Его основалъ Узъ, внукъ Ноя. Дамаскъ видѣлъ все, что совершилось на землѣ, и се еще существуетъ; и онъ больше, чѣмъ какой-нибудь другой городъ, имѣетъ право присваивать себѣ названіе вѣчнаго города.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ мы вступили въ городъ, стало совсѣмъ темно и мы въ потемкахъ долго пробирались по узкимъ (шириною отъ восьми до десяти футовъ), кривымъ улицамъ между двумя рядами толстыхъ глинобитныхъ стѣнъ, которыми обнесены сады. Наконецъ вдали показались огоньки фонарей, свидѣтельствовавшіе, что мы добрались до центральной части этого удивительнагс древняго города. Мы слѣзли съ лошадей въ маленькой узкой уличкѣ, загроможденной нашими вьючными мулами и окружавшей ихъ толпой грязныхъ арабовъ и сквозь какую-то дыру въ стѣнѣ пробрались въ гостиницу. Мы очутились на большомъ, вымощенномъ плитами дворѣ, обсаженномъ цвѣтами и лимонными деревьями и съ водоемомъ посрединѣ, въ который струилась вода изъ нѣсколькихъ трубъ. Мы пересѣкли дворъ и вошли въ приготовленныя для насъ комнаты. Въ большой обложенной мраморомъ нишѣ съ каменнымъ поломъ, помѣщавшейся между двумя отведенными намъ комнатами, помѣщался бассейнъ съ прозрачной холодной водой, постоянно мѣнявшейся, какъ проточной, благодаря полдюжинкѣ проведенныхъ въ него трубъ; ничто не могло произвести бо-

лѣе освѣжающаго впечатлѣнія въ этой палимой солнцемъ, безотрадной странѣ, какъ видъ прозрачной воды, сверкавшей при свѣтѣ огней. Наши комнаты были большія, хорошо обставлены, и даже полы въ нихъ были застланы мягкими яркихъ цвѣтовъ коврами. Очень широкій обитый пестрой матеріей диванъ, футовъ двѣнадцати-четырнадцати длиной, стоялъ у одной стѣны, а у противоположной стѣны стояли односпальныя кровати съ мягкими матрацами. Затѣмъ меблировку комнатъ дополняли большія зеркала и мраморные столы. Такая роскошь не могла не вызывать чувства благодарности въ путешественникахъ, не ожидавшихъ найти что-либо подобное въ турецкомъ городѣ даже и съ населеніемъ въ четверть милліона жителей

Я не знаю навѣрное, но мнѣ кажется, что водой изъ бассейновъ здѣсь пользуются также и для питья; но я подумалъ объ этомъ уже послѣ того, какъ окунулъ мою разгоряченную голову въ воду, и это до такой степени смутило меня, что я рѣшилъ пойти сказать объ этомъ хозяину. Но вдругъ откуда-то выскочилъ завитой пудель и пребольно укусилъ меня за ногу; я въ ту же минуту схватилъ его и швырнулъ въ бассейнъ, а затѣмъ, увидя приближавшагося слугу, удалился въ свою комнату. Послѣ ужина мы долго лежали на диванахъ, покуривая трубки съ длиннымъ чубукомъ и наслаждаясь отдыхомъ послѣ утомительнаго путешествія.

Утромъ мы послали за ослами. Здѣсь непремѣнно нужно за всѣмъ посылать. Во всякомъ другомъ мѣстѣ насъ осадила бы толпа погонщиковъ, проводниковъ и прочаго люда съ предложеніемъ услугъ, но въ Дамаскѣ такъ ненавистенъ видъ чужестранца-христіанина, что его избѣгаютъ; всего года два тому назадъ ему не совсѣмъ безопасно было даже и показываться на улицахъ. Здѣшнее населеніе самое фанатичное во всей Аравіи. На каждаго хаджи съ зеленой чалмой (знакъ того, что онъ побывалъ въ Меккѣ) въ любомъ мѣстѣ въ Дамаскѣ ихъ найдется цѣлая дюжина. Жители Дамаска—самые отчаянные плуты и негодяи, какихъ только можно себѣ представить. Женщины ходятъ по улицамъ съ закутанными головами, оставляя открытыми только одни глаза; но при видѣ насъ онѣ закрывали чернымъ покрываломъ даже и глаза. Нищіе не просили у насъ милостыни, а купцы на базарахъ не зазывали насъ въ свои лавки.

Узкія улицы были запружены толпами мужчинъ и женщинъ въ странныхъ восточныхъ костюмахъ, и наши ослики, нещадно подгоняемые мальчишками-погонщиками, съ трудомъ прокладывали себѣ дорогу въ этой толпѣ, поминутно спотыкаясь и заставляя насъ задѣвать ногами за всѣ встрѣчавшіяся на пути препятствія.

Мы такъ боялись свалиться на землю и попасть подъ ноги верблюду съ вьюкомъ, что почти ничего не видѣли и не замѣтили, какъ проѣхали половину города и выбрались на такъ называемую Прямую улицу, гдѣ стоялъ домъ Іуды, куда привели ослѣпшаго Савла, ставшаго потомъ апостоломъ Павломъ, и куда къ нему, по внушенію свыше, явился Ананія, обратившій его въ христіанство. Эта Прямая улица, конечно, прямѣе штопора, но все-таки не такъ пряма, какъ радуга, и мнѣ понятно, почему и въ писаніи прибавлено „такъ называемая" прямая. Мы проѣхали большую часть Прямой улицы, а затѣмъ свернули къ дому Ананія, и я тутъ напился изъ колодца Ананія воды, которая показалась мнѣ удивительно чистой и вкусной. Затѣмъ мы направились въ сѣверную часть города взглянуть на то мѣсто, гдѣ ученики апостола Павла спустили его ночью съ городской стѣны, такъ какъ озлобленные жители хотѣли убить его за слишкомъ ревностное проповѣдываніе новаго ученія,—и онъ бѣжалъ изъ Дамаска въ Іерусалимъ. Оттуда мы направились къ могилѣ дѣтей Магомета, а затѣмъ мы видѣли могилу, въ которой будто бы погребенъ св. Георгій Побѣдоносецъ, побѣдившій дракона, пещеру, гдѣ скрывался отъ преслѣдованія апостолъ Павелъ, и мавзолей, воздвигнутый надъ общей могилой пяти тысячъ христіанъ, убитыхъ въ 1861 году въ Дамаскѣ турками; но рѣзня не ограничилась тогда однимъ Дамаскомъ, а и за предѣлами его до самыхъ горныхъ возвышенностей Ермона и Анти-Ливана было изрублено еще болѣе двадцати пяти тысячъ христіанъ. Вотъ какъ ненавидятъ здѣсь христіанъ.

XLV.

Послѣднія сутки нашего пребыванія въ Дамаскѣ я провелъ въ постели, благодаря холерѣ; это дало мнѣ удобный случай поваляться на постели и поотдохнуть. Все это время я прислушивался къ однообразному шуму фонтановъ, принималъ лѣкарство и въ промежутки глоталъ снѣгъ съ горы Ермонъ.

Мы покинули Дамаскъ въ полдень, проѣхали по равнинѣ часа два, а затѣмъ остановились отдохнуть подъ тѣнью фиговыхъ деревьевъ. Солнце пекло немилосердно, и вся пустыня была до такой степени раскалена, что глазамъ было больно смотрѣть. У всѣхъ нашихъ были бѣлые зонтики съ темнозеленымъ подбоемъ. Эти зонтики истинное благодѣяніе. У меня тоже былъ такой же зонтикъ, но только онъ былъ упакованъ и ѣхалъ на десять миль впереди. Мнѣ еще въ Бейрутѣ говорили, что по Сиріи нельзя путешествовать безъ зонтика, и я

поэтому и купилъ его. Но вотъ странно: арабы, напримѣръ; носятъ даже феску безъ козырька и нисколько не боятся солнца; но зато они и не представляютъ такого смѣшного вида, какъ мы съ этими зонтиками. Мы ѣдемъ, вытянувшись въ одну линію; вокругъ шляпъ обмотаны бѣлыя вуали, концы которыхъ болтаются за спиной; глаза защищены темно-зелеными очками съ боковыми стеклами, а въ рукахъ у всѣхъ знаменитые зонтики; стремена у всѣхъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, слишкомъ коротки, и всадники съ трудомъ держатся на своихъ лошадяхъ, которыя трусятъ легкой рысцей, подогнувъ колѣни и размахивая растопыренными локтями, точно насѣдка крыльями... Я не позволилъ бы странствовать никакому каравану по моимъ владѣніямъ... А когда солнце станетъ клониться къ горизонту, и наши путешественники засунутъ сложенные зонтики подъ мышки—картина нѣсколько мѣняется, но во всякомъ случаѣ не къ лучшему.

Часахъ въ трехъ или четырехъ отъ Дамаска мы проѣхали черезъ то мѣсто, гдѣ совершилось обращеніе Савла... Мы тутъ остановились на минуту и бросили прощальный взглядъ на тонувшій въ зелени садовъ Дамаскъ. Когда совсѣмъ уже стемнѣло, мы добрались до своихъ палатокъ, разбитыхъ возлѣ грязной арабской деревушки, носившей такое мудреное названіе, что его никому не выговорить. Въ Сиріи всѣ деревушки миль на пятьдесятъ кругомъ Дамаска удивительно похожи одна на другую. Арабская деревня—это улей, состоящій изъ хижинъ, величиною въ ростъ человѣка. Всѣ эти хижины глинобитныя и выбѣлены известкой. Одна общая кровля тянется иногда чуть не черезъ всю половину деревни, покрывая также и переулки, шириною не болѣе ярда. Если вамъ случится проѣзжать черезъ такую деревушку въ полдень, первое, что вы увидите собаку, которая только посмотритъ на васъ и не тронется съ мѣста, затѣмъ мальчишку безъ всякихъ признаковъ одежды, который протянетъ руку и скажетъ „бакшишъ", потомъ женщину съ закутанной головой и обнаженнымъ бюстомъ; потомъ множество дѣтворы всевозможныхъ возрастовъ; потомъ жалкую искалѣченную фигуру, прижавшуюся гдѣ-нибудь у стѣны—и больше никого. Все остальное населеніе или спитъ, или пасетъ своихъ козъ по долинамъ или по горамъ. Деревня строится всегда около какого-нибудь ручейка, и тутъ видна кой-какая растительность. А на цѣлыя мили кругомъ покрытая пескомъ и мелкими камнями пустыня, гдѣ растетъ только жесткій, колючій кустарникъ. Я не сталъ бы такъ распространяться о сирійскихъ деревушкахъ, если бы въ одной изъ нихъ не былъ погребенъ знаменитый охотникъ Нимвродъ, построив-

шій будто бы четыре тысячи лѣтъ тому назадъ городъ Вавилонъ, а также принимавшій участіе въ постройкѣ вавилонской башни, отъ которой въ настоящее время уцѣлѣло лишь два яруса изъ первоначальныхъ восьми.

Мы покинули нашъ бивуакъ рано утромъ и до самаго полудня ѣхали по обожженной солнцемъ пустынѣ, а въ полдень добрались до арабскаго городишки Эль-Юба-Данъ и хотѣли раздобыть тамъ хотя бы воды, но нашъ переводчикъ сказалъ намъ, что тамошніе жители не любятъ христіанъ и могутъ напасть на насъ. Мы, скрѣпя сердце, тронулись дальше и, два часа спустя, добрались до подошвы уединенной горы, на которой стоитъ замокъ Баніасъ—самая величественная изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ развалинъ этого рода на землѣ. Онъ имѣетъ тысячу футовъ въ длину и двѣсти футовъ въ ширину. Массивные башни и бастіоны имѣютъ больше тридцати футовъ въ высоту, а раньше были и въ шестьдесятъ футовъ. Его башни выше окружающихъ его вѣковыхъ дубовъ и оливковыхъ деревьевъ. Онъ такой древній, что никто не знаетъ, кѣмъ и когда онъ былъ построенъ. Доступъ къ нему возможенъ только по узкой извилистой тропинкѣ, которая доходитъ до самыхъ подземныхъ воротъ. Мы цѣлыхъ три часа бродили по опустѣлымъ заламъ и подземельямъ замка и удивлялись, какая сила могла разрушить это удивительное сооруженіе. Но этой силой оказались попавшія въ пазы между камнями сѣмена, изъ которыхъ затѣмъ выросли деревья, извилистые корни которыхъ проникаютъ всюду, постепенно разрушая твердыню крѣпости. Мы смотрѣли со стѣнъ замка на виднѣвшуюся вдали зеленую равнину со множествомъ мелкихъ озерковъ и ручейковъ, служащихъ источниками рѣки Іордана.

Въ виду того, что недалеко уже было до вечера, мы стали спускаться съ горы черезъ рощи библейскихъ дубовъ Башана, такъ какъ мы вступали уже въ предѣлы Святой земли и стали бивуакомъ у подошвы горы, въ оливковой рощѣ, чрезъ которую протекаетъ небольшой ручеекъ, по берегамъ котораго росли фиговыя и гранатовыя деревья и олеандры. Если бы не раскинувшаяся тутъ же рядомъ отвратительная деревушка Баніасъ, это мѣсто можно было бы назвать земнымъ раемъ.

Наши коллекціонеры неутомимо продолжаютъ таскать на память все, что попадется подъ руку. Они отбивали куски отъ гробницы Ноя; отбивали камни во храмахъ Баальбека, притащили по камешку отъ домовъ Іуды и Ананія, отъ гробницы Нимврода, изъ замка Баніасъ; уѣзжая изъ Іерусалима, они захватятъ съ собой по камешку съ Голгоѳы.

Сама по себѣ эта мѣстность не представляетъ ничего особеннаго, но въ ней произошло событіе, которое дало поводъ римскимъ папамъ присвоить себѣ власть, будто бы преемственно перешедшую къ нимъ отъ апостола Петра, которому Христосъ сказалъ тутъ: „Ты Петръ (камень) и на семъ камнѣ Я создамъ церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ея. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго; и что свяжешь на землѣ, то будетъ связано на небесахъ, и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ“.

Сегодня во время завтрака кругомъ нашего бивуака сидѣло цѣлое племя аборигеновъ страны и терпѣливо ждало, не перепадетъ ли имъ что-нибудь отъ насъ. Среди окружающаго насъ люда не мало высокихъ и статныхъ мужчинъ; но женщины и дѣти казались всѣ сильно истощенными и голодными; кромѣ того, между дѣтьми очень много съ больными глазами и когда арабы узнали, что въ нашей партіи есть докторъ, къ нему со всѣхъ сторонъ стали тащить больныхъ. И нужно было видѣть, съ какимъ вниманіемъ всѣ слѣдили, какъ нашъ добрѣйшій докторъ Б. сначала составлялъ примочку, а затѣмъ промывалъ больные глаза ребятишекъ, дающихъ впослѣдствіи такой громадный процентъ слѣпыхъ, какой можно встрѣтить только на Востокѣ.

Мы исполнили желаніе нашихъ паломниковъ и совершили въ два дня трудный переходъ отъ Баальбека до Дамаска, но лошади Дэна и Джека такъ вымотались, что ихъ пришлось бросить и взять вмѣсто нихъ свѣжихъ лошадей. Я тоже разстался со своей лошадью и купилъ себѣ другую, но нисколько не лучше, если не хуже прежней. Не знаю, кто это выдумалъ, что арабы любятъ и холятъ своихъ лошадей... Если это и можетъ относиться къ арабамъ, то только не къ здѣшнимъ, потому что у нашихъ людей нѣтъ не только любви, но даже и состраданія къ несчастнымъ животнымъ; кромѣ того они и не умѣютъ совсѣмъ ухаживать за лошадьми. Сирійское сѣдло не что иное, какъ стеганый матрасикъ, толщиною въ два или въ три дюйма. Этотъ матрасикъ не снимается ни днемъ ни ночью; онъ покрывается грязью и волосами, пропитывается потомъ и разъѣдаетъ спину лошади, которая покрывается ссадинами. Они никогда не промываютъ спину лошади и, какая бы ни была погода, никогда не подумаютъ о томъ, чтобы укрыть лошадь въ палатку.

XLVI.

Приблизительно черезъ часъ ѣзды по неровной скалистой дорогѣ, наполовину залитой водой и по дубовому лѣсу Башанъ, мы добрались до Дана. Здѣсь изъ-подъ горы вытекаетъ широ-

кій ручеекъ, который, благодаря запрудѣ, образуетъ большой мелководный прудъ, а затѣмъ стремительно течетъ дальше, становясь все больше и больше отъ впадающихъ въ него ручейковъ. Этотъ прудъ одинъ изъ значительнѣйшихъ источниковъ, дающихъ начало рѣкѣ Іордану. Кругомъ пруда, какъ и по берегамъ ручья, все заросло олеандрами, которыя теперь въ полномъ цвѣту; но съ моей точки зрѣнія это мѣсто все-таки не настолько красиво, какъ его описываютъ въ путешествіяхъ по Сиріи.

Отъ того мѣста, о которомъ я говорю, всего на разстояніи пушечнаго выстрѣла проходитъ граница Святой земли. Мы всего какой-нибудь часъ въ ея предѣлахъ и уже все время только и слышимъ названія памятныхъ историческихъ мѣстъ: Данъ... Башанъ... Озеро Гулэ... Истоки Іордана... Озеро Галилейское. Озеро Гулэ—не что иное, какъ упоминаемое въ Библіи озеро Меромъ. Данъ было сѣверной, а Вирсавія—южной границей Палестины. Палестина имѣетъ въ ширину всего шестьдесятъ миль. На небольшой насыпи возлѣ плотины, о которой я говорилъ, стоялъ нѣкогда финикійскій городъ Лаиса. Небольшая шайка головорѣзовъ изъ Зораха и Эсхола завладѣли этой мѣстностью и жили себѣ тутъ спокойно, поклоняясь богамъ своего собственнаго издѣлія и воруя боговъ у своихъ сосѣдей, когда свои боги приходили въ негодность. Здѣсь Іеровоамъ соорудилъ золотого тѣльца для своего народа, чтобы отвлечь его отъ путешествія въ Іерусалимъ, которое могло повлечь за собою возвращеніе его подданныхъ къ своему законному государю. Сюда же, послѣ разгромленія Содома арабами изъ Месопотаміи, былъ приведенъ въ числѣ плѣнниковъ и Лотъ, но Авраамъ напалъ ночью со своими слугами на Данъ и освободилъ своего племянника.

Мы все продолжаемъ подвигаться впередъ. Теперь мы уже въ зеленой долинѣ, въ пять-шесть миль шириною и пятнадцать миль въ длину. Ручьи, носящіе названіе истоковъ Іордана, протекаютъ чрезъ озеро Гулэ, мелкій прудъ, діаметромъ въ три мили, и уже изъ южной его части беретъ собственно начало рѣка Іорданъ. Чѣмъ ниже спускались мы въ долину Дана, тѣмъ ровнѣе становилась мѣстность. Всюду виднѣлись полосы воздѣланной плодородной земли, и намъ сталъ понятенъ восторгъ израильскихъ соглядатаевъ, прибывшихъ сюда послѣ многолѣтняго странствованія по пустынѣ. Наконецъ передъ нами резвернулась гладкая, какъ скатерть, равнина и мы, обрадованные, пустили вскачь своихъ лошадей. По берегамъ протекавшаго невдалекѣ ручья паслись стада козъ и овецъ, подъ охраной рослыхъ, мускулистыхъ, смуглолицыхъ

бедуиновъ съ черными, какъ смоль, бородами. У нихъ рѣзко очерченныя губы, смѣлый взглядъ и гордая, величественная осанка. На нихъ надѣты страннаго фасона шапки и широкіе плащи съ затканными черными полосами. У нихъ сохранились те же нравы, тѣ же обычаи, та же одежда, какъ и у древнихъ и такую же, какъ и тѣ, ведутъ они пастушескую жизнь. Сегодня ночью они пробовали напасть на нашъ бивуакъ, и это не могло, конечно, расположить меня особенно къ нимъ. Тутъ же пасутся и ихъ малорослые ослики, которыхъ мы всюду видимъ здѣсь и которые хорошо знакомы всѣмъ по картинамъ, изображающимъ бѣгство въ Египетъ; но только здѣсь верхомъ на ослѣ, съ ребенкомъ на рукахъ, ѣдетъ мужчина, а женщина скромно плетется пѣшкомъ, хотя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ здѣсь, повидимому, ничто не измѣнилось со временъ Іосифа.

Мы ѣхали часа два или три безостановочно за неимѣніемъ мѣста, гдѣ бы мы могли остановиться на отдыхъ, хотя и ѣхали все время вдоль береговъ какого-то ручья; но дѣло въ томъ, что тутъ нигдѣ не было даже и признаковъ тѣни. Наконецъ мы нашли дерево (недалеко отъ воды), остановились подъ нимъ и позавтракали, а затѣмъ снова тронулись въ путь и прибыли въ Аинъ Меллахъ, гдѣ нашъ драгоманъ рѣшилъ провести ночь, такъ какъ дальше намъ будто бы грозила опасность нападенія со стороны арабовъ-кочевниковъ. Я, признаюсь, не очень боюсь этихъ страшныхъ съ виду арабовъ, вооруженныхъ ржавыми никуда негодными ружьями и такими же громадными сѣдельными пистолетами, заткнутыми за поясъ; это оружіе, если и грозитъ опасностью, то прежде всего самому стрѣлку, потому что оно можетъ разорваться у него въ рукахъ и поранить его. Что же касается разсказовъ путешественниковъ о кровавыхъ схваткахъ съ кровожадными бедуинами, то это все, на мой взглядъ, плодъ пылкой фантазіи и желанія поразить читателя картиннымъ описаніемъ боя, который могъ бы быть и котораго не было на самомъ дѣлѣ.

Тысячи за полторы лѣтъ до Р. Хр. мѣсто нашей стоянки при водахъ Мерома было полемъ битвы, закончившейся полной побѣдой войскъ Іисуса Навина. Іавинъ, царь Асорскій встрѣтилъ тутъ приближавшихся израильтянъ и сразился съ ними. Іисусъ Навинъ стремительно напалъ на враговъ и уничтожилъ ихъ. Въ этихъ же мѣстахъ, но только не знаю точно, гдѣ именно, израильтяне снова одержали блестящую побѣду сто лѣтъ спустя. Вавакъ, по внушеніи пророчицы Деворы, спустился съ горы Ѳаворъ (миляхъ въ двадцати-двадцати пяти отсюда) съ десятитысячнымъ войскомъ и напалъ на войска

царя Іавина, которыми командовалъ Сисара. Израильтяне побѣдили и въ то время, какъ они, по своему обычаю, избивали всѣхъ оставшихся въ живыхъ, Сисара бѣжалъ пѣшій и скрылся въ шатрѣ Іаили, жены Хетеянина Хевера, которая даже угостила его молокомъ, а затѣмъ убила его соннаго. Подвигъ этой достойной женщины воспѣваетъ „пѣснь Деворы и Варака". Въ наше время такіе патріархальные нравы можно встрѣтить развѣ только у команчей. Теперь ужъ такія сцены тутъ не повторяются больше, даже и сражаться тутъ было бы не съ кѣмъ, потому что тутъ нѣтъ ни одного селенія, нѣтъ постоянныхъ жителей, за исключеніемъ двухъ-трехъ становищъ кочующихъ бедуиновъ.

Въ дѣтствѣ, посѣщая воскресную школу, я воображалъ себѣ Палестину такой же большой, какъ и Соединенные Штаты, а жившіе въ ней и по сосѣдству разные цари казались мнѣ такими же могущественными царями, какъ владыки Англіи, Франціи, Испаніи, Германіи, Россіи и другихъ государствъ. Я представлялъ ихъ себѣ важно шествующими въ блестящихъ одеждахъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями, съ короною на головѣ и скипетромъ въ рукѣ; но теперь, пройдя чрезъ всю Сирію, я вижу, что я жестоко ошибался, и что всѣ эти цари были просто-напросто вождями племенъ самое большее тысячи въ двѣ душъ и жили такъ же скромно, какъ живутъ теперь самые заурядные шейхи.

Теперь семь часовъ утра, и, такъ какъ мы не въ городѣ, на травѣ должна была бы блестѣть роса, въ воздухѣ разливаться благоуханіе цвѣтовъ, и на деревьяхъ должны были бы распѣвать птицы; но увы! здѣсь нѣтъ ни росы, ни цвѣтовъ, ни птицъ, ни деревьевъ. Здѣсь равнина, а на ней озеро, кругомъ котораго не растетъ ни одного деревца, а дальше виднѣются безлѣсныя горы... Палатки снимаются, арабы кричатъ и бранятся, вьюки одинъ за другимъ взлетаютъ на муловъ; мы садимся на лошадей, раскрываемъ зонтики и снова трогаемся въ путь.

XLVII.

Мы проѣхали нѣсколько миль по пустынной мѣстности, заросшей сорными травами, хотя почва тутъ по качеству и очень хорошая и лишь нуждается въ обработкѣ. На всемъ пути мы встрѣтили только трехъ арабовъ, на которыхъ не было ничего, кромѣ длинныхъ холщевыхъ рубахъ наподобіе тѣхъ, какія носятъ мальчишки-негры на южныхъ плантаціяхъ. Эти арабы были пастухи и все время неутомимо играли на традиціон-

ныхъ пастушескихъ свирѣляхъ, издававшихъ такіе адскіе звуки, которые могли выносить уши развѣ только однихъ арабовъ. Часть пути намъ пришлось ѣхать не по мягкому грунту, а по скаламъ сливочнаго цвѣта, которыя время сгладило и выровняло, какъ вода. Сѣрыя ящерицы, которыхъ всегда видишь тамъ, гдѣ есть развалины, гробницы и вообще слѣды какого бы то ни было разрушенія скользили по скаламъ или спокойно грѣлись на солнышкѣ. Тутъ же суетилось нѣсколько штукъ муравьевъ, но они проводили тутъ только лѣтній сезонъ и принесли съ собой запахъ провизіи изъ Аинъ Меллаха, за одиннадцать миль.

Часовъ вь десять утра мы остановились отдыхать у такъ называемаго рва Іосифа. Тутъ стоитъ полуразвалившійся ханъ и въ одномъ изъ боковыхъ дворовъ его дѣйствительно существуетъ ровъ съ водой, окруженный высокой стѣной со сводами, и этотъ-то ровъ и есть будто тотъ самый, куда бросили Іосифа его братья. По другому преданію, заслуживающему большаго вѣроятія еще и вслѣдствіе чисто-географическихъ особенностей мѣстности, ровъ этотъ находится въ Дофанѣ, въ двухъ дняхъ пути отсюда. Но такъ какъ многіе считаютъ настоящимъ именно этотъ ровъ, онъ тоже представляетъ извѣстный интересъ.

Какъ разъ передъ тѣмъ, какъ подъѣхать ко рву Іосифа, мы поднимались на холмъ и оттуда видѣли священное озеро Галилейское, которое отдѣляетъ отъ насъ открытое пространство всего въ нѣсколько миль. Поэтому мы пробыли возлѣ рва ровно столько времени, сколько нужно было, чтобы дать передохнуть лошадямъ, которыхъ мы, къ сожалѣнію, не могли напоить за неимѣніемъ воды; т.-е. вода-то собственно была въ этомъ самомъ рву, но двое или трое хмурыхъ арабовъ съ длиннѣйшими ружьями довольно нелюбезно заявили, что тутъ воды нѣтъ нигдѣ даже и поблизости. Не могли же они въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы собаки-христіане пили изъ того самаго рва, гдѣ былъ въ заключеніи ихъ предокъ. Но нашъ проводникъ все-таки добылъ для насъ немного воды изъ священнаго рва, и мы, утоливъ жажду, тронулись въ путь; а спустя немного времени мы уже стояли, спѣшившись, на берегу, освященномъ стопами Спасителя. Въ полдень мы выкупались въ Галилейскомъ озерѣ (настоящее благодѣяніе въ такую жару), а затѣмъ завтракали подъ старымъ фиговымъ деревомъ у источника Аинъ-Эль-Тинъ, всего въ какой-нибудь сотнѣ ярдовъ отъ развалинъ Капернаума. Наши паломники энтузіасты были въ такомъ восторженно счастливомъ настроеніи съ той самой минуты, какъ мы ступили на землю. что отказывались даже отъ ѣды

за завтракомъ, до такой степени имъ хотѣлось проѣхаться въ лодкѣ по тому самому озеру, по которому ѣздили въ лодкахъ апостолы. Какъ только убрали со стола, они бросились къ озеру; я тоже пошелъ слѣдомъ за ними и, завидя проѣзжавшую невдалекѣ лодку, тоже энергично принялся махать шляпой и кричать во всю силу своихъ легкихъ, требуя, чтобы лодка подъѣхала къ берегу. Старанія наши увѣнчались успѣхомъ; лодка повернула въ нашу сторону и подошла къ берегу.

— Спросите его, сколько онъ возьметъ свезти насъ восьмерыхъ и васъ въ Виѳсаиду?.. потомъ къ устью Іордана... потомъ туда, гдѣ свиньи бросились въ воду... Скорѣе!.. Мы хотимъ побывать всюду!.. всюду!.. Наймите его на цѣлый день!.. Я готовъ цѣлый годъ ѣздить по этому озеру!.. Скажите ему, что мы хотимъ видѣть Магдалу, а потомъ Тиверіаду!.. Спросите его, сколько онъ возьметъ?.. Это все равно... все равно, сколько бы онъ ни запросилъ!.. Скажите ему, что мы заплатимъ ему, сколько онъ захочетъ!

Проводникъ, выслушавъ отвѣтъ лодочника, сказалъ намъ:

— Онъ проситъ два наполеондора... восемь долларовъ.

Кой у кого изъ нашихъ видно недовольное выраженіе на лицѣ. Наступаетъ пауза.

— Это слишкомъ дорого!.. Предложите ему одинъ долларъ!

Я никогда въ жизни такъ и не пойму, какъ это произошло, но только лодка въ одно мгновеніе вдругъ оказалась шагахъ въ двадцати отъ берега и затѣмъ, точно испуганная, стала быстро удаляться! Восьмеро людей, только что обѣщавшіе заплатить, сколько бы ни запросили, стояли раздраженные на берегу и бѣсновались... а затѣмъ вмѣстѣ съ драгоманомъ принялись звать лодку и сулили уже не только восемь долларовъ, но даже больше. Но лодочники не слушали ихъ и спокойно продолжали себѣ уходить все дальше и дальше, а мы стояли на берегу и проклинали ихъ.

Намъ не оставалось ничего другого, какъ ѣхать кружнымъ путемъ къ Генисарету, и мы сѣли на лошадей и поѣхали въ Магдалу, развлекаясь перебранкой и взаимными упреками нашихъ набожныхъ паломниковъ, которымъ такъ и не удалось поплавать по озеру Галилейскому. Мы оставили далеко за собой Капернаумъ, представляющій одну только руину. Отъ него не осталось ничего похожаго на городъ, ничего такого, что давало бы поводъ предполагать, что здѣсь былъ нѣкогда городъ. Но, несмотря на то, мѣсто это все-таки имѣетъ важное историческое значеніе. Здѣсь пустило ростки древо христіанства, вѣтви котораго въ настоящее время раскинулись такъ

далеко по всему свѣту. Христосъ, послѣ искушенія дьяволомъ въ пустынѣ, пришелъ сюда и здѣсь началъ проповѣдывать Свое ученіе; потомъ Онъ прожилъ тутъ года три или четыре, исцѣлялъ больныхъ, и слава о Немъ скоро распространилась такъ далеко, что страждущіе приходили къ Нему изъ Сиріи, изъ-за Іордана и даже изъ Іерусалима. Здѣсь Онъ исцѣлилъ слугу центуріона, тещу Петра и множество хромыхъ, слѣпыхъ и одержимыхъ бѣсами; здѣсь же Онъ воскресилъ дочь Іаира, здѣсь Онъ сѣлъ въ лодку со Своими учениками, а когда поднялась буря и ученики разбудили Его, Онъ усмирилъ вѣтеръ и приказалъ улечься волнамъ. Затѣмъ Онъ перешелъ на другой берегъ и изгналъ изъ двоихъ людей бѣсовъ, которые перешли въ свиней. Вернувшись назадъ, Онъ призвалъ Матѳея-мытаря, совершилъ еще нѣсколько чудесъ и вызвалъ противъ себя раздраженіе тѣмъ, что ѣлъ вмѣстѣ съ мытарями и грѣшниками. Послѣ этого Онъ опять ходилъ по Галилеѣ, проповѣдывая и исцѣляя больныхъ, и доходилъ даже до Тира и Сидона. Здѣсь Онъ избралъ двѣнадцать учениковъ и послалъ ихъ въ разныя мѣста проповѣдывать новое вѣроученіе. Онъ совершалъ чудеса въ Виѳсаидѣ и Харазинѣ — селенія, лежавшія въ двухъ или трехъ миляхъ отъ Капернаума. Близъ одного изъ этихъ селеній совершился чудесный уловъ рыбы, а въ пустынной мѣстности близъ другого селенія совершилось чудо насыщенія тысячъ людей остатками хлѣба и рыбы. Онъ проклялъ оба эти селенія, а съ ними вмѣстѣ и Капернаумъ за то, что они не покаялись даже и послѣ всего того, что Онъ совершилъ посреди нихъ, и Онъ пророчески предсказалъ ихъ судьбу. Теперь всѣ они представляютъ однѣ развалины, что доставляетъ большое удовольствіе нашимъ паломникамъ, такъ какъ это даетъ имъ возможность примѣнить слова божескія къ непрочности всего земного; тогда какъ Христосъ, нѣтъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду скорѣе жителей, а не ихъ жалкія селенія и хижины. Онъ сказалъ, что имъ будетъ горе „въ день суда", а это, конечно, не могло относиться къ глинобитнымъ хижинамъ. И значеніе пророчества нисколько бы не умалилось (оно не подтверждалось бы и не опровергалось бы) даже и въ томъ случаѣ, если бы эти селенія были бы теперь великолѣпными городами, а не развалинами. Христосъ былъ также въ Магдалѣ, лежавшей недалеко отъ Капернаума, а также и въ Кесаріи Филипповой. Ходилъ Онъ также и на свою родину, въ Назаретъ, видѣлъ тамъ своихъ братьевъ: Іосію, Іуду, Іакова и Симона, тѣхъ самыхъ людей, которые называются его братьями, но имена которыхъ рѣдко упоминаются какъ съ каѳедры, такъ и въ писаніяхъ. Кому приходило въ голову изслѣдовать, какъ про-

вели они свои юношескіе годы, пребывая въ постоянномъ общеніи съ Христомъ, относясь къ Нему, какъ къ обыкновенному мальчику, и даже и не подозрѣвая тогда, кто Онъ такой? Никто не поинтересовался узнать, что думали они, когда Онъ, прославленный, вернулся въ Назаретъ, и долго всматривались въ ставшее уже чуждымъ имъ лицо, говоря „Онъ—Христосъ". Кто интересовался сестрами Христа? А у Него были и сестры, и Онъ долженъ былъ часто вспоминать о нихъ, когда Ему приходилось терпѣть отъ чужихъ людей, когда Онъ былъ бездомнымъ скитальцемъ и говорилъ, что Ему негдѣ преклонить главу, когда Его покинули всѣ, и даже Петръ, и Онъ стоялъ одинъ, окруженный врагами.

Христосъ сотворилъ немного чудесъ въ Назаретѣ и оставался тамъ недолго. Тамошніе жители говорили о Немъ: „Это Сынь Божій! Но его отецъ простой плотникъ. Мы знаемъ всю Его семью. Мы видимъ ихъ всѣхъ каждый день. Развѣ такіе-то и такіе-то не братья Его, а такія-то и такія-то не сестры Его, развѣ не Его мать та женщина, которую зовутъ Марія? Этого не можетъ быть". Онъ не проклялъ свой родной городъ, но отряхнулъ прахъ отъ ногъ Своихъ и ушелъ.

Капернаумъ расположенъ на берегу маленькаго озера въ небольшой замкнутой равнинѣ, имѣющей пять въ длину и одну или двѣ мили въ ширину и довольно густо заросшей олеандрами, видъ которыхъ тѣмъ пріятнѣе для глазъ, что онѣ составляютъ рѣзкій контрастъ съ безлѣсными скалами и дикой пустыней, которая ихъ окружаетъ; но онѣ вовсе не такъ уже восхитительно прекрасны, какъ ихъ описываютъ.

XLVIII.

Магдала — мѣсто далеко непривлекательное. Это настоящій сирійскій уголокъ, а это значитъ, что этотъ уголокъ безобразенъ, постройки скучены, всюду грязь, отсутствіе понятій объ удобствахъ жизни и, въ-пятыхъ, это значитъ, что этотъ уголокъ ничѣмъ не отличается отъ селеній, существующихъ въ этой странѣ чуть ли еще не со временъ Адама, какъ это утверждаютъ ученые. Улицы въ Магдалѣ шириною отъ трехъ до шести футовъ и очень грязны. Дома высотой отъ пяти до семи футовъ и всѣ выстроены по одному образцу — въ видѣ большого ящика; снаружи всѣ эти дома выбѣлены и сверху донизу всѣ облѣплены кругами верблюжьяго помета, выставленными на солнцѣ для просушки, а на плоскихъ крышахъ устроены цѣлые склады этого топлива. Въ сирійскихъ хижи-

нахъ нѣтъ ни оконъ ни трубъ. Когда я читалъ о томъ, какъ въ Капернаумѣ спустили разслабленнаго черезъ крышу къ ногамъ Спасителя, я воображалъ, что это сопряжено было съ большими хлопотами, но теперь я вижу, что это не могло представить никакихъ затрудненій, и при этомъ убѣждаюсь, что въ Палестинѣ ничто не измѣнилось съ того времени: ни нравы, ни обычаи, ни постройки, ни самые люди.

Когда мы ѣхали въ Магдалу, на улицахъ не было видно ни души; но стукъ лошадиныхъ копытъ взбудоражилъ жителей, и они выскочили на улицу и окружили насъ, прося милостыни: „Ховаджи, бакшишъ! Ховаджи, бакшишъ! Бакшишъ, бакшишъ!“ Я еще никогда въ жизни не видалъ такого бурнаго натиска нищихъ, калѣкъ и всякаго рода попрошаекъ, изъ которыхъ тутъ состоитъ, кажется, все населеніе. Мы медленно пробирались сквозь толпу, раздавая бакшишъ дѣтямъ съ больными глазами и темнолицымъ веселымъ дѣвушкамъ съ безобразно татуированнымъ ртомъ и подбородкомъ, и, наконецъ, добрались до обросшей терновникомъ загородки, внутри которой стояли развалины въ духѣ римскихъ построекъ, которыя были жилищемъ св. Маріи Магдалины, друга и послѣдовательницы Христа. Наши паломники взяли тутъ по своему обыкновенію на память по камешку изъ стѣны, а затѣмъ мы тронулись дальше и стали лагеремъ у самыхъ стѣнъ Тиверіады. Мы еще засвѣтло ходили въ городъ посмотрѣть жителей, но не заходили въ дома, потому что здѣшнихъ жителей гораздо лучше созерцать на извѣстномъ разстояніи. Населеніе тутъ состоитъ изъ удивительно безобразныхъ евреевъ, арабовъ и негровъ. Молодыя женщины носятъ свое приданое на головѣ на тонкой проволокѣ, которая спускается съ макушки головы до самаго подбородка и на которой висятъ турецкія серебряныя монеты, полученныя ими въ наслѣдство или же скопленныя ими тѣмъ или инымъ способомъ. Большинство невѣстъ небогато, но я видѣлъ одну счастливицу, у которой висѣло монетъ на девять съ половиной долларовъ. Говорятъ, что эти длинноносыя, тощія, съ болѣзненными лицами фигуры, въ какихъ-то странныхъ шапкахъ и съ длинными пейсами, болтающимися съ каждой стороны возлѣ уха, будто бы потомки знаменитыхъ фарисеевъ, о которыхъ мы знаемъ изъ священнаго писанія. Судя по выраженію ихъ лицъ, въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго.

Тиверіада была построена Иродомъ Антипой, убійцей Іоанна Крестителя, и названа такъ въ честь императора Тиверія. Существуетъ предположеніе, что она стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ нѣкогда большой городъ, воспоминаніемъ о существованіи котораго служатъ колонны изъ порфира, кото-

рыя попадаются всюду не только въ Тиверіадѣ, но даже и по берегамъ озера, особенно на южной сторонѣ. Существующая теперь Тиверіада упоминается только въ Новомъ завѣтѣ, а въ Старомъ о ней нѣтъ ни слова. Здѣсь въ послѣдній разъ собирался „синедріонъ", и въ продолженіе трехсотъ лѣтъ Тиверіада была метрополіей евреевъ въ Палестинѣ. Она — одинъ изъ тѣхъ четырехъ городовъ, которые для евреевъ имѣютъ такое же значеніе, какъ Мекка для магометанъ и Іерусалимъ для христіанъ. Она служила мѣстопребываніемъ многихъ еврейскихъ ученыхъ и раввиновъ.

Знаменитое озеро Галилейское въ сущности очень невелико. Если вы хотите видѣть озеро, по берегамъ котораго нѣтъ и признаковъ жизни, отправляйтесь на озеро Галилейское. Это настоящая пустыня; палимые лучами солнца дикіе, обнаженные горы и холмы, которые сливаются въ туманной дали на горизонтѣ; унылыя развалины Кароагена; селеніе Тиверіада, которое мирно дремлетъ подъ кроной широколиственныхъ пальмъ; вдали отлогій холмъ, съ котораго въ озеро бросилось стадо свиней; раскаленное безоблачное небо; тихая гладь озера, на которомъ не видно ни одной лодки, ни одного паруса,—все это производитъ удручающее впечатлѣніе на человѣка. Но въ то же время другіе, какъ, напр., Вил. Ч. Грайсъ, приходятъ въ восторгъ отъ этого озера и посвящаютъ описанію его цѣлыя страницы, хотя изъ всего этого описанія, если отбросить все лишнее, къ сказанному мною можно прибавить только то, что озеро Галилейское имѣетъ шесть миль въ ширину, вода въ немъ безцвѣтная и что къ сѣверу отъ него лежитъ гора Ермонъ со снѣжной вершиной; а затѣмъ еще надо прибавить, что на берегу его растетъ одно единственное дерево. Но другой авторъ увлекается еще болѣе и яркими красками изображаетъ, какъ Галилея была нѣкогда раемъ земнымъ, а затѣмъ... затѣмъ, забывая свои предыдущіе восторги, грустно говоритъ, что теперь этотъ рай—мѣсто скорби и нищеты. По ихъ примѣру восхищаются Галилеей и другіе попадающіе сюда писатели и не щадятъ красокъ при описаніи всѣхъ ея прелестей. Такими же восторженными фразами будутъ описывать Галилею и наши паломники, которые черпаютъ свои восторги изъ книгъ и которые теперь всѣ мирно почиваютъ; спятъ и арабы-погонщики, и только я одинъ еще не сплю и, сидя у своей палатки, уже съ полчаса смотрю на озеро. Ночь—самое лучшее время для того, чтобы восхищаться Галилеей. Озеро Генисаретское при мерцающемъ свѣтѣ звѣздъ не только не имѣетъ ничего отталкивающаго для глазъ, но даже чаруетъ взоръ, и я почти жалѣю, что мнѣ пришлось видѣть его днемъ. При свѣтѣ звѣздъ

Галилея кажется такой же безграничной, какъ и раскинувшійся надъ нею небесный сводъ, а шопотъ ночи навѣваетъ на васъ воспоминаніе, о прошломъ и вы мысленно уноситесь въ тѣ далекія времена, когда здѣсь, въ этой колыбели христіанства, жилъ и училъ Христосъ.

XLIX.

Мы опять купались въ озерѣ Галилейскомъ вчера въ сумерки и раннимъ утромъ сегодня. Намъ не удалось поплавать по озеру въ лодкѣ, но три купанья, думается мнѣ, стоятъ одного катанья въ лодкѣ. Въ водѣ мы видѣли много рыбы, но у насъ не было съ собой никакихъ рыболовныхъ снарядовъ; этимъ же, т.-е. неимѣніемъ рыболовныхъ снарядовъ, вѣроятно, объясняется, почему мы не могли купить рыбы и въ Тиверіадѣ. Мы, впрочемъ, видѣли двоихъ или троихъ оборванцевъ, чинившихъ какое-то подобіе сѣти, но поймать что-нибудь такой сѣтью нечего было и думать.

Наши не ѣздили осматривать древнія теплыя бани въ двухъ миляхъ отъ Тиверіады. Не ѣздилъ туда и я, потому что меня предупредилъ Плиній и описалъ эти самыя бани. Я вообще чувствую извѣстнаго рода непріязнь къ Плинію и къ апостолу Павлу, потому что, куда бы я ни собрался, оказывалось, что апостолъ Павелъ тамъ бывалъ, а Плиній описалъ это мѣсто.

Послѣ купанья мы позавтракали, а затѣмъ тронулись въ путь, и тутъ я, къ удивленію своему, сдѣлалъ открытіе, что впереди нашего каравана ѣдетъ какое-то страшилище въ образѣ человѣка. Это былъ высокаго роста сильно загорѣлый арабъ, лѣтъ тридцати отроду, въ фантастическомъ восточномъ костюмѣ, съ длиннѣйшимъ ружьемъ, торчавшимъ изъ-за спины, громадными старинными пистолетами, заткнутыми за поясъ, и цѣлымъ арсеналомъ ятагановъ.

— Кто это такой? Что это значитъ?—спрашивали всѣ дрожавшими нѣсколько отъ страха голосами.

— Нашъ защитникъ! Отъ самой Галилеи и до мѣста рожденія Спасителя по всей странѣ бродятъ свирѣпые бедуины, которые нападаютъ на беззащитныхъ христіанъ и убиваютъ ихъ. Аллахъ да хранитъ насъ отъ нихъ!

— Тогда пошлите цѣлый полкъ! Если намъ и въ самомъ дѣлѣ грозитъ опасность, нельзя же полагаться на защиту этого пестраго франта!

Нашъ драгоманъ улыбнулся и какъ-то особенно подмигнулъ. Затѣмъ онъ уже совершенно серьезно объяснилъ намъ, что для

охраны насъ отъ нападенія бедуиновъ достаточно и одного такого человѣка, какъ нашъ провожатый. Я попробовалъ было замѣтить, что разъ насъ можетъ защитить одинъ этотъ фантастическій воинъ, значитъ мы могли бы защитить себя и сами безъ его помощи. На это драгоманъ сомнительно покачалъ головой. Я опять возразилъ, что такая ничтожная охрана не можетъ насъ охранить ни отъ какой опасности и послужитъ только предметомъ для насмѣшекъ у насъ, въ Америкѣ, когда мы станемъ разсказывать, какъ мы путешествовали по Святой землѣ; но проводникъ опять молча покачалъ головой. Я проѣхалъ тогда впередъ, вступилъ въ бесѣду съ нашимъ провожатымъ и узналъ отъ него, что онъ состоитъ на службѣ у шейха тиверіадскаго, который заставляетъ путешественниковъ обязательно нанимать этого стража для охраны каравановъ отъ нападеній самого шейха прежде всего, и эта операція приносила казначейству шейха иногда до тридцати пяти долларовъ въ годъ.

Когда мы добрались до средины возвышеннаго плато, поднимающагося на высоту тысячи двухсотъ футовъ надъ уровнемъ озера (тутъ я считаю нужнымъ замѣтить, что самое озеро лежитъ на высотѣ шестисотъ футовъ надъ уровнемъ Средиземнаго моря), передъ нами развернулась необъятная картина дикой, безотрадной пустыни, какую только можетъ себѣ представить человѣческое воображеніе. А между тѣмъ вся окружающая насъ мѣстность имѣла глубокій историческій интересъ: мы видѣли гору Ермонъ, холмы, окружающіе Кесарію Филиппову, Данъ, истоки Іордана, Меромъ, Тиверіаду, озеро Галилейское, колодецъ Іосифа, Капернаумъ, Виѳсаиду, мѣсто, гдѣ, по предположенію, Христосъ говорилъ нагорную проповѣдь, мѣсто, гдѣ совершилось чудо насыщенія толпы пятью хлѣбами, мѣсто, гдѣ совершился чудесный уловъ рыбы, холмъ, съ котораго бросилось въ воду стадо свиней, Сафедъ—одинъ изъ четырехъ священныхъ еврейскихъ городовъ, въ которомъ долженъ явиться ожидаемый ими настоящій Мессія, часть поля сраженія при Хаттинѣ, гдѣ крестоносцы въ послѣдній разъ сражались съ невѣрными и, наконецъ, гору Ѳаворъ, гдѣ совершилось Преображеніе. Затѣмъ дальше къ юго-востоку виднѣлось мѣсто, гдѣ эфраимиты недовольные раздѣломъ добычи, доставшейся послѣ битвы съ аммонитянами, сразились съ Іевоаемъ, судіей израильскимъ, но потерпѣли пораженіе и обратились въ бѣгство, при чемъ во время переправы черезъ Іорданъ воины Іевоая убили сорокъ двѣ тысячи бѣглецовъ.

Мы, наконецъ, спустились съ плато и, слѣдуя по дорогѣ, которая ведетъ изъ Дамаска въ Іерусалимъ и въ Египетъ, про-

ѣхали мимо Ливіи и другихъ сирійскихъ селеній, окруженныхъ живой изгородью изъ кактусовъ, что свидѣтельствуетъ о безплодіи почвы, и, наконецъ, добрались до поля битвы при Хаттинѣ.

Здѣсь Саладинъ сразился съ войсками христіанъ семьсотъ лѣтъ тому назадъ и навсегда подорвалъ ихъ владычество въ Палестинѣ. Миръ между христіанами и язычниками свято соблюдавшійся обѣими сторонами долгое время, былъ нарушенъ (такъ говоритъ путеводитель) Рейнольдомъ де-Шатильонъ, лордомъ Керакскимъ, который напалъ на караванъ изъ Дамаска и отказался, по требованію Саладина, выдать не только товары ограбленныхъ купцовъ, но и самихъ ихъ. Оскорбленный такимъ поступкомъ Саладинъ поклялся убить Рейнольда своей собственной рукой и двинулъ свои войска на христіанъ. Битва началась рано утромъ, а къ вечеру Саладинъ былъ уже побѣдителемъ. Король іерусалимскій, великій магистръ ордена храмовниковъ и Рейнольдъ де-Шатильонъ оказались въ плѣну у султана. Къ двумъ изъ своихъ плѣнниковъ Саладинъ относился съ удивительною предупредительностью; но когда король сталъ передавать Рейнольду шербетъ, султанъ сказалъ: „Это даешь ему ты, а не я“; онъ исполнилъ свое обѣщаніе и собственными руками задушилъ Рейнольда.

Наконецъ мы благополучно достигли горы Ѳавора, которая стоитъ одиноко, какъ стражъ-исполинъ, надъ долиною Эздрилона. Она поднимается приблизительно на тысячу четыреста футовъ надъ окружающей равниной и имѣетъ видъ симметричнаго зеленаго конуса. Мы взобрались на гору по извилистой, крутой тропинкѣ, пролегавшей между зарослями терновника и дубняка. Съ вершины горы открывался удивительно красивый видъ на долину Эздрилонъ, всю занятую правильно раздѣленными квадратами обработанной земли. Съ вершины горы, кромѣ того, виденъ Наинъ, гдѣ совершилось чудо воскрешенія сына вдовы, а затѣмъ—Эндоръ, гдѣ жила знаменитая эндорская волшебница. На востокѣ видна долина рѣки Іордана и горы Галоадскія; на западѣ—гора Кармилъ; на сѣверѣ—гора Ермонъ, городъ Сафедъ, озеро Галилейское, Хаттинъ и гора „Блаженствъ“, съ которой, по преданію, была сказана нагорная проповѣдь.

Затѣмъ относительно горы Ѳаворъ мнѣ остается сказать еще, что на ней имѣются какія-то очень древнія развалины и стоитъ греческій монастырь, гдѣ подаютъ очень хорошій кофе, но гдѣ нѣтъ никакихъ святынь, безъ которыхъ немыслимъ былъ бы католическій монастырь.

Долина Эздрилонъ—это поле битвы народовъ, и, глядя на нее, вамъ приходятъ на память имена Іисуса Навина, Венадада, Саула, Гедеона, Тамерлана, Танкреда, Ричарда Львиное

Сердце, Саладина, воинственныхъ персидскихъ царей, героевъ Египта и Наполеона, потому что всѣ они сражались тутъ.

Внизу, у подошвы Ѳавора, раскинулось маленькое селеніе Деворія, гдѣ жила нѣкогда пророчица Деворра.

L.

Мы спустились съ горы Ѳаворъ, переѣхали черезъ глубокій оврагъ и направились по холмистой и каменистой дорогѣ въ Назаретъ, до котораго считается два часа пути. На востокѣ всѣ разстоянія измѣряются часами а не милями. Хорошая лошадь дѣлаетъ въ среднемъ по хорошей и дурной дорогѣ три мили въ часъ, и поэтому часъ пути здѣсь все равно, что три мили. Первое время этотъ счетъ на часы ставитъ въ большое затрудненіе, пока не привыкнешь переводить часы на мили. Разстояніе, проходимое пѣшеходами, тоже опредѣляется здѣсь часами и минутами, хотя я не знаю, по какому это дѣлается расчету. Если вы спросите въ Константинополѣ: „Далеко ли до консульства?“, вамъ отвѣтятъ: „Минутъ десять ходу“.—„А далеко ли до агентства Ллойда?„—„Четверть часа“.—„А далеко ли до моста?“—„Четыре минуты“.

Отъ горы Ѳаворъ до Назарета два часа ѣзды по узкой извилистой дорогѣ, на которой поминутно встрѣчаются караваны верблюдовъ и ословъ изъ Назарета. Встрѣча съ ослами не представляетъ особенныхъ неудобствъ, потому что въ крайнемъ случаѣ лошадь могла бы даже перескочить черезъ ослика; но встрѣча съ верблюдомъ—другое дѣло, потому что верблюдъ фута на два или почти на три выше человѣка высокаго роста. Встрѣча на узенькой дорожкѣ съ такимъ колоссомъ, да еще нагруженнымъ двумя торчащими по бокамъ громадными вьюками,—явленіе очень непріятное, потому что верблюдъ не свернетъ въ сторону даже для самого короля и требуетъ, чтобы, наоборотъ, все уступало ему дорогу. При этомъ надо замѣтить, что верблюды еще и очень злы, потому что одного изъ нашихъ, неуспѣвшаго во-время свернуть въ сторону, верблюдъ пребольно укусилъ за плечо.

Въ Назаретѣ мы стали лагеремъ въ оливковой рощѣ близъ источника Пресвятой Дѣвы Маріи, и тутъ нашъ грозный проводникъ потребовалъ съ насъ бакшишъ за сопровожденіе насъ отъ Тиверіады и заботы объ охраненіи насъ отъ какихъ-то воображаемыхъ опасностей. Драгоманъ заплатилъ уже, что слѣдовало за охрану самому шейху, но это не мѣшало требовать ему награду и себѣ лично.

Мы отправились въ большой католическій монастырь, построенный будто бы надъ домомъ, въ которомъ жило святое семейство, и тамъ, спустившись по лѣстницѣ, ступеней въ пятнадцать, очутились въ маленькой убранной коврами часовнѣ со множествомъ лампадъ и исписанныхъ масляными красками иконъ. Мѣсто, отмѣченное крестомъ на мраморномъ полу, подъ алтаремъ, по преданію, то самое, гдѣ стояла Пресвятая Дѣва, когда ей явился ангелъ-благовѣститель. Это то самое мѣсто, гдѣ совершилось Благовѣщеніе; то самое событіе, въ память котораго сооружено столько роскошныхъ храмовъ по всему міру; то самое событіе, которое изображалось на полотнѣ чуть не всѣми великими художниками. Тутъ же намъ показали разбитый надвое гранитный столбъ, висѣвшій съ крыши, и сказали, что этотъ столбъ былъ разбитъ завоевателями-магометанами, въ тщетной надеждѣ, что это заставитъ обрушиться кровлю святилища; но столбъ остался чудеснымъ образомъ висѣть въ воздухѣ и поддерживать кровлю.

Католическіе монахи ничего не любятъ дѣлать вполовину. Если бы они стали показывать мѣднаго змѣя Моисея, можете быть увѣрены, что они показали бы вамъ и шестъ, на которомъ онъ висѣлъ, и мѣсто, гдѣ онъ стоялъ. Они завладѣли „пещерой“ Благовѣщенія, и у нихъ сейчасъ же явилась, какъ это не странно, и кухня, и комната, гдѣ Пресвятая Дѣва Марія и престарѣлый Іосифъ проводили время съ Младенцемъ Христомъ восемнадцать вѣковъ тому назадъ. Все это подъ одной кровлей, все это поражаетъ чистотой, просторомъ и удивительнымъ удобствомъ расположенія. Но мы все-таки должны быть благодарны католическимъ монахамъ за ихъ умѣнье раскапывать и хранить въ неприкосновенномъ видѣ всѣ такія мѣста. Будь это въ рукахъ протестантовъ, тутъ не было бы такихъ великолѣпныхъ храмовъ надъ каждой пещерой и мы, пожалуй, въ концѣ-концовъ, не могли бы найти даже мѣсто, гдѣ стоитъ Іерусалимъ, а на человѣка, который сумѣлъ бы показать мѣсто, гдѣ стоитъ Назаретъ, смотрѣли бы какъ на чудо.

Мы посѣтили тѣ мѣста, гдѣ Христосъ работалъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ въ качествѣ плотника и гдѣ онъ пытался учить въ синагогѣ и былъ узнанъ народомъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ стоятъ католическія часовни и охраняютъ уцѣлѣвшіе остатки стѣнъ. Наши паломники отбиваютъ всюду по камешку. Мы посѣтили также и недавно выстроенную среди города часовню, сооруженную надъ камнемъ футовъ въ двѣнадцать длины и фута въ четыре ширины; нѣсколько лѣтъ тому назадъ монахи сдѣлали открытіе, что ученики Христовы

отдыхали однажды на этомъ самомъ камнѣ по пути въ Капернаумъ, и они, конечно, поспѣшили сохранить эту святыню.

Источникъ Пресвятой Дѣвы, по преданію, тотъ самый, куда Марія въ дѣтствѣ разъ по двадцать въ день ходила за водой, которую носила домой въ кувшинѣ, держа его на головѣ. Вода струится изъ разсѣлинъ обложенной камнемъ скалы, расположенной недалеко отъ селенія. Молодыя дѣвушки изъ Назарета дюжинами собираются къ источнику поболтать и весело провести время. Юныя назаретянки не представляютъ ничего необыкновеннаго. У нѣкоторыхъ изъ нихъ большіе выразительные глаза, но красивыхъ лицъ среди нихъ совсѣмъ нѣтъ. Онѣ ходятъ босикомъ и такъ же, какъ и тиверіадскія дѣвушки, носятъ на головѣ монеты, а также мѣдные серьги и браслеты. Но, повторяю, имъ недостаетъ миловидности.

А между тѣмъ наши энтузіасты-паломники на перебой восхищаются ими, не скупясь на похвалы. Я справился съ книгами, и оказалось, что всѣ свои восторги они позаимствовали изъ описанія путешествія по Святой землѣ Вил. Ч. Граймса, который не только умѣлъ видѣть то, чего даже и не было, но умѣлъ описывать все это такъ картинно, такъ поэтично, что и другіе, начитавшись его книги, начинали видѣть его глазами.

LI.

Назаретъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что онъ и теперь имѣетъ такой же видъ, какъ и въ то время, когда его покинулъ Іисусъ Христосъ, и вамъ все время вспоминается тутъ: „у этихъ дверей стоялъ отрокъ Христосъ... на этой улицѣ Онъ игралъ... до этихъ камней Онъ дотрогивался руками... Онъ бродилъ по этимъ холмамъ“. Если бы кто-нибудь сумѣлъ талантливо описать отрочество Христа, тотъ написалъ бы книгу, одинаково интересную какъ для юношества, такъ и для людей взрослыхъ. Я сужу такъ, сравнивая тотъ интересъ, который представляетъ для насъ Назаретъ послѣ Капернаума и озера Галилейскаго, гдѣ только смутно встаетъ въ вашемъ воображеніи величавый образъ Того, Кто ходилъ по гребнямъ бушующихъ волнъ какъ по твердой землѣ, Кто однимъ прикосновеніемъ воскрешалъ мертвыхъ, и они вставали и начинали ходить.

Въ Назаретѣ насъ заставили взять другого пирата, другого непобѣдимаго тѣлохранителя-араба. Мы бросили послѣдній прощальный взглядъ на городъ, бѣлые домики котораго лѣ-

пятся по склону холма, какъ осиное гнѣздо, и въ восемь часовъ утра тронулись въ путь пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу по крутой узенькой тропинкѣ, которая шла внизъ винтомъ. Не разъ на этой узенькой тропинкѣ лошадямъ нашимъ, спускаясь, приходилось принимать почти перпендикулярное положеніе головой внизъ, и можно было только удивляться, какъ ни одна изъ нихъ не сорвалась и не свалилась въ пропасть. Наконецъ утомительный длинный спускъ кончился, и мы рысью тронулись черезъ великую равнину Эздрилона.

Нѣкоторые изъ насъ будутъ убиты раньше, чѣмъ мы окончимъ наше странствованіе. Наши паломники читаютъ Граймса и то и дѣло стрѣляютъ изъ своихъ револьверовъ въ воображаемыхъ бедуиновъ-разбойниковъ или же воинственно грозятъ имъ кинжалами... Я не боюсь бедуиновъ, даже если бы они и вздумали напасть на насъ, но очень боюсь, какъ бы наши неумѣлые спутники не подстрѣлили меня, потому что они то и дѣло разряжаютъ свои револьверы.

Переѣхавъ черезъ равнину, мы поднялись на холмъ и очутились въ Эндорѣ, гдѣ жила знаменитая волшебница и гдѣ теперь живутъ ея потомки, полуголая орда дикарей, какихъ только намъ приходилось видѣть. Они, точно пчелы, роями вылетали изъ своихъ глиняныхъ ульевъ, изъ пещеръ въ скалахъ. Черезъ какія-нибудь пять минутъ кругомъ насъ бѣсновалась цѣлая толпа, лѣзла подъ ноги лошадямъ и во всю мочь орала: „Бакшишъ! бакшишъ! бакшишъ! ховаджи, бакшишъ!“ Это было то же самое, что и въ Магдалѣ, но только здѣсь въ глазахъ сверкало еще больше ненависти къ собакамъ-христіанамъ. Населеніе Эндора состоитъ изъ двухсотъ пятидесяти душъ, и большая половина его живетъ въ пещерахъ въ скалахъ. Грязь, запустѣніе и дикость—характерная черта этого мѣстечка. На голомъ, утесистомъ эндорскомъ холмѣ не видно ни одной травинки, и только у входа въ пещеру волшебницы растетъ въ разсѣлинѣ между скалами одинокая смоковница. Въ этой пещерѣ, по преданію, царь Саулъ видѣлъ вызванную волшебницей тѣнь умершаго пророка; Саулъ приходилъ въ эту пещеру ночью, чтобы узнать, какая судьба ждала его въ предстоявшей на другой день битвѣ, и ушелъ опечаленный, навстрѣчу позору и смерти.

Въ самой глубинѣ этой мрачной пещеры изъ скалы бьетъ ключомъ вода, а намъ очень хотѣлось пить; но жители Эндора не соглашались впустить насъ въ пещеру. Ихъ нисколько не смущаетъ, что они грязны, что они въ лохмотьяхъ, что они похожи на пресмыкающихся гадовъ, что они только что не умираютъ съ голода, но они желаютъ сохранить себя въ чистотѣ и непорочности

передъ своимъ богомъ, и поэтому они приходятъ въ ужасъ оттого, что уста христіанина могутъ осквернить источникъ, который долженъ поить водой только ихъ однихъ. У насъ не было ни малѣйшаго желанія оскорблять ихъ религіозныя чувства; но у насъ не было воды, мы умирали отъ жажды... и мы вошли въ пещеру и напились воды. Затѣмъ мы сѣли на лошадей и поѣхали, провожаемые всѣмъ населеніемъ, неутомимо продолжавшимъ кричать: „Бакшишъ! бакшишъ!"

Черезъ часъ мы уже подъѣзжали къ Наину, гдѣ Христосъ воскресилъ сына вдовы. Наинъ—та же Магдала, только въ меньшихъ размѣрахъ. Ярдахъ въ ста отъ него существуетъ кладбище, настоящее кладбище, но, сколько я знаю, и на этомъ кладбищѣ могильныя плиты лежатъ плашмя на землѣ, потому что мусульмане не позволяютъ евреямъ ставить памятники стоймя. Мусульманскіе же памятники, наоборотъ, высокіе камни, украшенные грубо сдѣланными орнаментами. Въ городахъ очень часто не бываетъ даже и намека на могильную насыпь, а мѣсто погребенія обозначаетъ только одинъ мраморный могильный камень, испещренный позолоченными надписями и увѣнчанный чалмой, отдѣланной соотвѣтственно положенію, которое занималъ умершій при жизни. Намъ показали остатки древней стѣны и сказали, что тутъ будто бы были тѣ самыя ворота, чрезъ которыя выносили изъ города сына вдовы, когда Христосъ встрѣтилъ похоронную процессію.

На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ, по преданію, домъ вдовы, стоитъ теперь мусульманская мечеть. Двое или трое арабовъ сидѣли у дверей. Наши паломники откололи себѣ на память по кусочку отъ стѣны, хотя имъ пришлось для этого касаться и молитвенныхъ ковровъ и даже становиться на нихъ. Это было все равно, что если бы они стали отбивать кусочки отъ сердца у стариковъ-арабовъ. Стать обѣими ногами на молитвенные ковры (это не позволилъ бы себѣ сдѣлать ни одинъ арабъ) значило жестоко обидѣть людей, которые ничего не сдѣлали намъ дурного. Что если бы какая-нибудь компанія вооруженныхъ чужестранцевъ забралась у насъ, въ Америкѣ, въ деревенскую церковь и стала бы изъ любопытства отбивать украшенія съ алтаря, топтать ногами Библію и подушку на каѳедрѣ? Сказали бы, что это большая разница: это было бы оскверненіе святыни, а тутъ, если и было оскверненіе, то языческаго капища.

Мы опять спустились въ долину и на минутку остановились у колодца, существующаго, вѣроятно, еще со временъ Авраама. Это было пустынное мѣсто. Колодецъ этотъ былъ обложенъ камнями, образовавшими подобіе сруба фута въ три вы-

сотою, какъ это изображается на библейскихъ рисункахъ. Кругомъ колодца стояли и лежали верблюды. Тутъ же толпилась группа смиренныхъ осликовъ, окруженная толпою смуглолицыхъ ребятишекъ. Такія же смуглолицыя, черноглазыя дѣвушки въ пестрыхъ лохмотьяхъ, съ мѣдными браслетами на рукахъ и томпаковыми серьгами въ ушахъ, стояли съ водоносами на головахъ или же доставали воду изъ колодца. Тутъ же толпилось стадо овецъ, дожидаясь, пока пастухи наполнятъ водой каменныя колоды, отполированныя губами сотни поколѣній животныхъ, утолявшихъ здѣсь жажду. Немного дальше живописно расположилась группа арабовъ, которые важно курили трубки съ длинными чубуками, тогда какъ другіе арабы наполняли водой козьи мѣха. Передо мной была большая картина изъ жизни Востока—одна изъ тѣхъ картинъ, которыми я всегда съ восторгомъ любовался на гравюрахъ; но на гравюрахъ не было замѣтно ни этой пустынной безлюдности, ни грязи, ни лохмотьевъ, ни блохъ,ни безобразныхъ лицъ, ни больныхъ глазъ, ни мухъ, ни болтовни на чуждомъ языкѣ, ни ужаснаго запаха отъ верблюдовъ, ни всего того, что отравляетъ пребываніе въ толпѣ народа на Востокѣ.

Вдругъ одинъ изъ арабовъ, вьючившій своего верблюда, поднимаетъ голову, всматривается въ лицо нашего драгомана, узнаетъ въ немъ своего стариннаго пріятеля, бросается къ нему, и они начинаютъ обниматься и цѣловаться.

Эта сцена сейчасъ же дала мнѣ возможность уяснить себѣ нѣчто такое, что я раньше считалъ исключительно восточной манерой выражаться образно. Мнѣ припомнилось, какъ Христосъ сказалъ фарисею: „Ты цѣлованія Мнѣ не далъ“. Каждый день пребыванія здѣсь даетъ мнѣ возможность уяснять себѣ многое изъ того, что казалось мнѣ не совсѣмъ яснымъ и понятнымъ при чтеніи св. писанія.

Мы объѣхали кругомъ гору „Малый Ермонъ“, проѣхали мимо стариннаго замка крестоносцевъ въ Эль-Фулэ и прибыли въ Сунамъ. Это была до мельчайшихъ подробностей вторая Магдала съ разукрашенными верблюжьимъ пометомъ стѣнами и всѣмъ остальнымъ. Здѣсь, по преданію, родился пророкъ Самуилъ, и здѣсь же одна сунамитка построила маленькій домикъ на городской стѣнѣ для пророка Елисея. Послѣдній спросилъ ее, что она за это ожидаетъ получить. Вопросъ этотъ былъ вполнѣ естественный, такъ какъ у этого народа не въ обычаѣ дѣлать что-либо для другого, не имѣя въ виду получить за это приличную мзду. Поэтому-то и Елисею, хорошо знавшему этотъ народъ, не вѣрилось, чтобы кто-нибудь сталъ строить для него жилище просто только изъ-за одного уваже-

нія къ нему. Женщина отвѣтила ему, что она не ожидаетъ за это ничего. Въ награду за такую доброту и безкорыстіе пророкъ объявилъ ей радостную для женщины вѣсть, что у нея родится сынъ. Это и въ самомъ дѣлѣ была высокая награда, потому что рожденіе дочери во всѣ времена не доставляло никакой радости родителямъ. У женщины родился сынъ, выросъ, возмужалъ и затѣмъ вдругъ умеръ; но Елисей силой молитвы воскресилъ умершаго.

Тутъ мы нашли цѣлую рощу лимонныхъ деревьевъ, обвѣшанныхъ созрѣвшими плодами, и мы обрадовались случаю посидѣть въ тѣни и отдохнуть. Мы всѣ имѣемъ привычку восхищаться тѣмъ, что составляетъ большую рѣдкость; но мнѣ эта роща показалась восхитительной только потому, что она въ самомъ дѣлѣ восхитительна. Я всегда съ благодарностью буду вспоминать Сунамъ, какъ такое мѣсто, которое дало намъ возможность отдохнуть подъ тѣнью зеленой листвы послѣ долгаго утомительнаго странствованія подъ лучами знойнаго солнца. Мы позавтракали, отдохнули, поболтали, покурили и черезъ часъ сѣли на лошадей и тронулись въ дальнѣйшій путь.

Въ то время, какъ мы рысцой трусили по долинѣ Израйля, мы увидѣли дюжину индѣйцевъ-копателей (бедуиновъ), которые гарцовали кругомъ насъ, размахивая длинными копьями, какъ бы поражая ими невидимыхъ враговъ. Мы, наконецъ, увидѣли „дикихъ, свободныхъ сыновъ пустыни, которые летѣли, какъ вѣтеръ, на своихъ чудныхъ арабскихъ коняхъ“, о которыхъ всѣмъ намъ приходилось читать. Мы увидѣли, наконецъ, и надѣтые на нихъ живописные яркихъ цвѣтовъ костюмы. Мы увидѣли шайку жалкихъ оборванцевъ, а ихъ „арабскіе скакуны“— жалкія клячи. Увидѣть настоящаго сына пустыни—значитъ отнять у него все то очарованіе, которымъ надѣлила его ваша фантазія, а увидѣть его лошадь—значитъ почувствовать непреодолимое желаніе снять съ нея, изъ состраданія, всю сбрую и дать ей возможность разсыпаться впрахъ.

Вскорѣ послѣ того мы добрались до холма, на которомъ видны развалины стариннаго города Іезраель, гдѣ царствовалъ нѣкогда Ахаавъ, женатый на Іезавели, которая такъ іезуитски помогла ему завладѣть виноградникомъ Навуѳея, а затѣмъ, по предсказанію пророка Иліи, такъ трагически покончила свою жизнь въ этомъ самомъ виноградникѣ.

Осмотрѣвъ развалины, мы вернулись обратно въ долину и направились съ источнику Аинъ-Іелудъ, который носитъ также названіе и источника Іезавели. Это собственно лужа, размѣрами футовъ въ сто квадратныхъ, а глубиною фута въ четыре, образовавшаяся изъ ключа, который бьетъ изъ-подъ горы.

Здѣсь нѣкогда стояли лагеремъ Гедеонъ со своимъ войскомъ, а за Сунамомъ расположились „мадіанитяне, амаликитяне и дѣти востока“, которыхъ было „такое множество, какъ кузнечиковъ; имъ самимъ и верблюдамъ ихъ не было числа, какъ песку прибрежному, такъ было ихъ много“. Попросту же это значило, что ихъ было сто тридцать пять тысячъ, и что съ ними было соотвѣтствующее количество вьючныхъ животныхъ. И Гедеонъ, напавъ на нихъ ночью съ тремястами людей, вызвалъ среди нихъ такое смятеніе, что они начали убивать другъ друга и при этомъ погибло сто двадцать тысячъ человѣкъ.

Мы добрались до Дженина еще засвѣтло, а затѣмъ, послѣ отдыха, въ часъ ночи тронулись дальше. На разсвѣтѣ мы прошли недалеко отъ того мѣста, гдѣ находился другой (самый настоящій) ровъ Іосифа, и около полудня добрались уже до границы Самаріи, оставивъ за собой цѣлую цѣпь горъ съ зеленѣвшими на нихъ рощами фиговыхъ и оливковыхъ деревьевъ, а затѣмъ, спустя немного, уже въѣзжали на высокій холмъ, на которомъ стоялъ городъ Самарія, гдѣ Христосъ бесѣдовалъ у колодца Іакова съ женщиной-самаритянкой. Иродъ Великій, говорятъ, создалъ на этомъ мѣстѣ великолѣпный городъ, что будто бы подтверждаетъ также и обиліе тутъ грубо обдѣланныхъ колоннъ изъ известняка, высотою въ двадцать и толщиною въ два фута... Осматривать тутъ намъ было нечего, и мы ограничились тѣмъ, что купили горсть старинныхъ римскихъ монетъ по франку за дюжину да заглянули въ разрушенную греческую церковь, гдѣ было погребено тѣло Іоанна Крестителя; но эта святыня давнымъ давно увезена въ Геную. Затѣмъ мы не безъ удовольствія покинули это знойное и пыльное старинное селеніе и въ два часа остановились отдохнуть въ древнемъ Сихемѣ, между горами Гаризимъ и Гевалъ.

LII.

Долина, гдѣ стоитъ Неблосъ или Сихемъ, вся тщательно обработана, чему не мало способствуетъ, конечно, и то, что здѣсь удивительно плодородная черноземная почва, а также и обильное орошеніе, благодаря близкому сосѣдству горъ. Одна изъ этихъ горъ носитъ названіе „Гора Благословеній“, а другая—„Гора Проклятій“.

Сихемъ извѣстенъ, какъ одно изъ мѣстопребываній патріарха Іакова, а также и какъ мѣсто жительства тѣхъ племенъ, которыя отдѣлились отъ своихъ братьевъ-израильтянъ, потому

что разошлись съ ними во взглядахъ по религіознымъ вопросамъ. Цѣлыя тысячи лѣтъ жили они тутъ въ Сихемѣ отлученными, не имѣя никакихъ сношеній съ другими племенами. Ихъ осталось теперь всего душъ двѣсти пятьдесятъ, но, несмотря на это, они твердо продолжаютъ держаться своей вѣры, своихъ древнихъ обычаевъ и обрядовъ.

Въ числѣ другихъ старинныхъ документовъ у этой интересной общины хранится древній списокъ еврейскаго закона, который считается самымъ стариннымъ рукописнымъ документомъ на землѣ. Онъ написанъ на тонкомъ пергаментѣ пять—шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ. Ничто, кромѣ бакшиша, не можетъ заставить показать этотъ документъ. Въ послѣднее время документъ этотъ, впрочемъ, началъ утрачивать свое значеніе, благодаря наброшенной на него тѣни сомнѣнія нѣкоторыми путешественниками по Палестинѣ.

Здѣсь, въ долинѣ Сихемской, Іисусъ Навинъ прощался передъ смерью съ народомъ израильскимъ и взялъ съ него обѣщаніе, что онъ никогда не отступитъ отъ Закона Божія, и здѣсь же, подъ вѣковымъ дубомъ, онъ схоронилъ тогда тайно несмѣтныя сокровища. Суевѣрные сихемцы убѣждены, что сокровища эти охраняютъ отъ людей злые духи, и потому никогда даже и не дѣлали попытокъ разыскать зарытыя сокровища.

Миляхъ въ полутора отъ Сихема мы остановились у подошвы горы Гевалъ передъ небольшой четырехугольной площадкой, обнесенной высокими каменными стѣнами, чисто выбѣленными. Въ одномъ углу этой площадки имѣется могила, устроенная на магометанскій манеръ; это могила Іосифа, кости котораго евреи взяли съ собой во время исхода изъ Египта для погребенія въ землѣ Обѣтованной, согласно данной Іосифу клятвы ихъ предками. Тутъ же, неподалеку, и знаменитый колодецъ Іакова, у котораго Христосъ бесѣдовалъ съ самаритянкой; колодецъ вырытъ въ каменистомъ грунтѣ и имѣетъ девяносто футовъ глубины при ширинѣ въ девять футовъ.

Постоявъ немного у колодца, мы снова тронулись въ путь и ѣхали, почти не отдыхая, до восьми часовъ вечера, а затѣмъ усталые спѣшились возлѣ одной арабской деревушки и, хотя мы и далеко обогнали наши вьюки, мы все-таки не рѣшились просить гостепріимства въ домѣ у кого-нибудь изъ жителей и предпочли спать на голой землѣ, подальше отъ паразитовъ, которыхъ всегда такое множество въ домахъ у сирійцевъ. Но спалось намъ плохо, благодаря тому, что кругомъ насъ всю ночь почти шумѣли арабы, тѣснымъ кольцомъ обложившіе нашъ бивуакъ и разсматривавшіе насъ, какъ рѣдкую диковинку. Поэтому мы поднялись до свѣта, а когда всходило солнце, мы

проѣзжали уже милю Силома, гдѣ въ теченіе трехсотъ лѣтъ находился кивотъ Завѣта, и гдѣ у вратъ Скиніи Свидѣнія умеръ престарѣлый первосвященникъ Илій, котораго вѣсть о томъ, что израильтяне потерпѣли пораженіе въ битвѣ съ филистимлянами и что охранявшіе кивотъ Завѣта сыновья его убиты, а самая святыня взята, повергла въ такое горе, что онъ упалъ навзничь со стула и переломилъ себѣ спину. Но намъ Силомъ показался не особенно привлекательнымъ, можетъ-быть, потому, впрочемъ, что мы дрогли отъ холода, и намъ страшно хотѣлось спать. Спустя немного времени, мы подъѣхали къ руинѣ, носящей названіе Веѳиль, гдѣ, по преданію, Іаковъ видѣлъ во снѣ лѣстницу. Наши коллекціонеры забрали все, что еще оставалось отъ развалинъ Веѳиля, и затѣмъ мы направились къ недалекой уже цѣли нашего паломничества—къ Іерусалиму.

Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ сильнѣе пекло солнце и тѣмъ безотраднѣе становилась мѣстность, по которой мы ѣхали. Куда ни посмотришь, всюду камень и камень, и только изрѣдка попадалось одинокое дерево или кустикъ; даже оливковыя деревья и кактусы, которые встрѣчаются почти всюду въ пустынѣ, и тѣ, казалось, не хотѣли расти здѣсь.

Когда мы проѣзжали чрезъ Рамаѳу и Бероѳу, справа отъ насъ была могила пророка Самуила, погребеннаго на самомъ верху горы. А Іерусалима все не было видно. Мы нетерпѣливо погоняли лошадей и только на одну минуту останавливались у древняго источника Беира... Наконецъ совсѣмъ уже среди дня мы увидѣли съ одного изъ холмовъ озаренный солнцемъ Іерусалимъ... Мы спрыгнули съ лошадей и, по крайней мѣрѣ, часъ молча созерцали развернувшуюся передъ нами картину... Затѣмъ мы опять сѣли на лошадей и часу въ первомъ дня медленно вступили, чрезъ Дамасскія ворота, въ Іерусалимъ... Мы здѣсь уже нѣсколько часовъ, а я все еще не могу освоиться съ мыслью, что я нахожусь въ древней столицѣ Соломона, гдѣ Авраамъ бесѣдовалъ съ Богомъ, и гдѣ до сихъ поръ стоятъ еще стѣны, бывшія свидѣтелями распятія Христа.

LIII.

Хорошій ходокъ могъ бы въ одинъ часъ времени обойти кругомъ стѣнъ Іерусалима. Я не могу себѣ представить, какъ иначе могъ бы объяснить, до какой степени онъ малъ, да и характеръ его какой-то особенный. Когда на него смотришь издали, онъ кажется весь усаженнымъ куполами, точно тюремная дверь головками болтовъ. На каждомъ зданіи отъ одного

до шести каменныхъ, выбѣленныхъ, широкихъ, низкихъ куполовъ, поставленныхъ или по рединѣ или сбитыхъ въ кучу. Издали кажется, что весь городъ какъ бы стоитъ подъ одной крышей съ безчисленнымъ множествомъ куполовъ. Однообразіе вида нарушаетъ только мечеть Омара, башня Гипія и еще два-три другихъ зданія, которыя черезчуръ замѣтно возвышаются надъ всѣмъ остальнымъ.

Дома въ этомъ городѣ большей частью двухъэтажные, каменные, выбѣленные или же оштукатуренные снаружи; каждое выходящее на улицу окно загорожено выступающей впередъ деревянной рѣшеткой, благодаря чему улицы имѣютъ такой видъ, будто передъ каждымъ окномъ виситъ клѣтка дли цыплятъ. Улицы вымощены камнемъ, но оченьплохо. Въ каждомъ домѣ на высотѣ нижняго этажа устроенъ навѣсъ, который настолько далеко выдается впередъ, что кошки, пользуясь этими навѣсами, перескакиваютъ черезъ улицу; кошка, впрочемъ, могла бы, пожалуй, перескочить и черезъ вдвое большее пространство въ случаѣ надобности, потому что улицы здѣсь очень узкія.

Населеніе Іерусалима состоитъ изъ мусульманъ, евреевъ, грековъ, католиковъ, армянъ, сирійцевъ, коптовъ, абиссинцевъ, православныхъ и незначительнаго числа протестантовъ. Послѣднихъ живетъ теперь всего какая-нибудь сотня душъ въ этой колыбели христіанства. Я перечислилъ живущіе въ Іерусалимѣ народы по вѣроисповѣданію, но если называть ихъ по національностямъ, то въ числѣ четырнадцати тысячъ жителей оказались бы представители всѣхъ народовъ со всего свѣта. Грязи, лохмотьевъ и нищеты, этихъ символовъ мусульманства, здѣсь, пожалуй, еще больше, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Прокаженные, калѣки, слѣпые и идіоты осаждаютъ тутъ на каждомъ шагу и, протягивая руку, повторяютъ неизмѣнное „бакшишъ".

Нечего и говорить, что всѣ прибывшіе прежде всего стремятся ко Гробу Господню. Онъ въ самомъ городѣ близъ западныхъ воротъ и, какъ и мѣсто распятія, и какъ и всякое другое мѣсто, тѣсно связанное съ этимъ событіемъ, все соединено подъ одной и той же кровлей — подъ куполомъ храма Гроба Господня.

Первое, что бросается въ глаза при входѣ въ храмъ—это турецкая стража, потому что христіане различныхъ вѣроисповѣданій не только ссорятся, но даже и дерутся въ этомъ святомъ мѣстѣ. Прямо передъ вами мраморная плита, которая прикрываетъ каменъ помазанія; на него было положено снятое съ креста тѣло Спасителя, когда совершались приготовленія

къ погребенію. Плита эта наложена для того, чтобы лишить возможности паломниковъ отбивать кусочки отъ камня и увозить ихъ съ собой. Тутъ же рядомъ обнесенное рѣшеткой мѣсто, гдѣ стояла въ это время Божія Матерь.

Переходя затѣмъ изъ предверія въ главный храмъ, мы вступаемъ въ самое священное мѣсто въ храмѣ — тутъ Гробъ Господень. Онъ въ самомъ центрѣ храма, какъ разъ подъ самымъ куполомъ. Онъ заключенъ какъ бы въ небольшой храмъ, сооруженный изъ желтаго и бѣлаго камня. Внутри этого маленькаго храма помѣщается часть того самаго храма, который былъ отваленъ отъ двери Гроба, и на которомъ сидѣлъ ангелъ, когда Марія пришла ко Гробу рано утромъ. Мы низко нагибаемся и входимъ въ пещеру, т.-е. въ самый Гробъ Господень. Онъ всего въ шесть футовъ ширины и въ семь футовъ длины и во всю длину его тянется мраморное ложе, на которомъ лежало тѣло Спасителя; оно тоже прикрыто мраморной плитой, которая вся истерта губами паломниковъ. Теперь эта плита служитъ престоломъ. Надъ нею виситъ штукъ пятьдесятъ золотыхъ и серебряныхъ неугасаемыхъ лампадъ.

Христіане всѣхъ вѣроисповѣданій (за исключеніемъ протестантовъ) имѣютъ свои капеллы подъ кровлей храма Гроба Господня, и никто не имѣетъ права вторгаться въ чужія владѣнія. Они, къ сожалѣнію, не могутъ всѣ вмѣстѣ мирно поклоняться Гробу Господню. Сирійская капелла не особенно красива, а капелла коптовъ одна изъ самыхъ скромныхъ по отдѣлкѣ. Она не что иное, какъ простая пещера, высѣченная въ скалѣ Голгоѳы. Съ одной стороны въ ней днѣ гробницы—Никодима и Іосифа Аримаѳейскаго.

Проходя между большими столбами и колоннами въ другой части храма, мы вдругъ увидѣли цѣлую толпу итальянскихъ монаховъ въ черныхъ одеждахъ и со свѣчами въ рукахъ, которые пѣли что-то такое на латинскомъ языкѣ и ходили кругомъ вдѣланнаго въ полъ бѣлаго мраморнаго диска, который обозначалъ мѣсто, гдѣ Спаситель явился Маріи Магдалинѣ; а недалеко отсюда такой же камень въ видѣ звѣзды обозначаетъ мѣсто, гдѣ стояла въ это время Марія Магдалина.

Потомъ намъ показали мѣсто, гдѣ Господь явился Матери Своей послѣ Своего воскресенія. Тутъ же поблизости мраморной плитой обозначено мѣсто, гдѣ св. Елена, мать царя Константина, обрѣла животворящій Крестъ триста лѣтъ спустя послѣ воскресенія Христа. Затѣмъ церковнослужители показывали намъ помѣщающійся за рѣшеткой обломокъ столба бичеванія, къ которому былъ привязанъ Христосъ, когда Его бичевали; но въ нишѣ было такъ темно, что мы немогли ни-

чего разсмотрѣть. Недалеко отъ этого мѣста есть еще ниша, гдѣ хранилась часть древа Креста Господня, но теперь ея тамъ уже нѣтъ. Католическіе священники сказали намъ, что она много лѣтъ тому назадъ похищена священниками другого вѣроисповѣданія. Но этому, признаюсь, что-то плохо вѣрится, особенно, если вспомнить, что мы видѣли частицы креста во многихъ церквахъ Италіи и Франціи.

Тутъ же намъ показывали знаменитый мечъ Готфрида Бульонскаго, короля Готфрида Іерусалимскаго. Ни одинъ клинокъ во всемъ христіанскомъ мірѣ не обладалъ такими особенными свойствами, какъ этотъ заколдованный мечъ, и ни съ однимъ изъ мечей, хранящихся въ родовыхъ замкахъ и дворцахъ Европы, не связано столько удивительныхъ легендарныхъ сказаній. Онъ не только рубилъ сотнями враговъ, но обладалъ еще способностью предупреждать своего хозяина о грозившей ему опасности, ударяя въ щитъ и поднимая тревогу среди ночной тишины. Когда бы его ни обнажали, будь это даже въ темную непроглядную ночь, онъ всегда умѣлъ найти враговъ и, порываясь впередъ, указывалъ дорогу своему господину. При этомъ онъ умѣлъ еще отличать даже переодѣтыхъ христіанина отъ мусульманина и въ то время, какъ онъ отказывался разить перваго, второго онъ убивалъ безпощадно.

Медленно пробираясь въ полумракѣ, царствовавшемъ въ храмѣ Гроба Господня, мы подошли къ маленькой пещерѣ, высѣченной въ скалѣ, которая много вѣковъ уже носитъ названіе „Темницы Господней". По преданію, Спаситель былъ заключенъ въ нее передъ тѣмъ, какъ Его повели на распятіе. Подъ алтаремъ, у самой двери, стоитъ пара каменныхъ подпорокъ для ногъ; эти подпорки носятъ названіе „Узы Христа".

Греческая часовня самая обширная, самая богатая и самая величественная въ храмѣ Гроба Господня. Алтарь въ ней, какъ и вообще вездѣ въ греческихъ церквахъ, отдѣленъ высокой загородкой, которая тянется поперекъ всей часовни и вся сверкаетъ золотомъ и иконами. Передъ ней виситъ безчисленное множество золотыхъ и серебряныхъ лампадъ, которыя тоже представляютъ значительную цѣнность.

Но самое замѣчательное здѣсь—это поднимающійся изъ средины мраморнаго пола столбъ, который обозначаетъ центръ земли. Всѣ извѣстныя относительно этого столба преданія подтверждаютъ, что это мѣсто считалось центромъ земли съ незапамятныхъ временъ, и что будто бы во время бывшихъ какихъ-то переворотовъ столбъ этотъ уже трижды перемѣщался соотвѣтственно измѣненію центра земли. Затѣмъ существуетъ еще преданіе, что столбъ этотъ будто бы стоитъ также и на

томъ мѣстѣ, откуда была взята земля, изъ которой былъ сотворенъ Адамъ, погребенный будто бы тоже подъ куполомъ этого храма. Въ заключеніе разсказывавшій намъ все это проводникъ показалъ намъ алтарь, сооруженный въ память того римскаго воина, который стоялъ на стражѣ у креста и, при видѣ знаменій, совершившихся въ ту минуту, когда Іисусъ испустилъ духъ Свой, сказалъ: „Воистину Онъ былъ Сынъ Божій". Солдатъ этотъ стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь алтарь, и тутъ же онъ былъ и обезглавленъ іудейскими священниками за произнесенныя имъ богохульственныя слова. Алтарь этотъ замѣчателенъ еще и тѣмъ, что въ немъ хранилась мѣдная пластинка съ надписью: „Сей есть Царь Іудейскій", которая по приказанію Пилата была прибита на крестѣ Спасителя. Теперь эта пластинка въ одной изъ церквей въ Римѣ.

Мы прошли еще нѣсколько шаговъ и увидали еще алтарь, сооруженный на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по увѣренію католическихъ священниковъ, воины дѣлили одежды Спасителя.

Затѣмъ мы спустились въ пещеру, которая раньше была цистерной, а теперь это часовня св. Елены. Эта пещера имѣетъ пятьдесятъ одинъ футъ въ длину и сорокъ три фута въ ширину. Въ ней стоитъ мраморное сѣдалище, на которомъ сидѣла Елена въ то время, какъ рабочіе дѣлали раскопки, разыскивая Крестъ Господень. Тутъ же есть еще алтарь въ честь раскаявшагося разбойника. Тутъ же находится и бронзовая статуя св. Елены, пожертвованная такъ трагически погибшимъ императоромъ Максиміаномъ передъ его отъѣздомъ въ Мексику.

Изъ цистерны мы, спустившись на двѣнадцать ступеней, вступили въ большую пещеру, высѣченную въ скалѣ. Въ этой пещерѣ св. Елена нашла терновый вѣнецъ, гвозди, которыми былъ пригвожденъ Спаситель ко кресту и, наконецъ, самый Крестъ Господень и крестъ раскаявшагося разбойника. Католическіе монахи называютъ эту пещеру „Пещерой обрѣтенія Креста Господня". Въ эту пещеру имѣютъ доступъ священники всѣхъ вѣроисповѣданій для вознесенія молитвъ Милосердому Искупителю; но въ виду постоянныхъ ссоръ между духовенствомъ, не разрѣшается входить въ пещеру одновременно духовенству хотя бы двухъ разныхъ исповѣданій.

Мы сначала шли по храму Гроба Господня слѣдомъ за толпою поющаго духовенства въ страннаго фасона рясахъ и въ сандаліяхъ, а потомъ смѣшались съ толпою паломниковъ всевозможныхъ національностей и, слѣдуя по слабо освѣщеннымъ переходамъ, подошли, наконецъ, къ небольшой часовнѣ, носящей названіе „Часовни Надруганія". Тутъ подъ алтаремъ

намъ показали обломокъ мраморной колонны; это, по преданію, и есть самое сѣдалище, на которомъ сидѣлъ Христосъ, облеченный въ багряницу и въ терновомъ вѣнцѣ, а кругомъ Него бѣсновалась озвѣрѣвшая толпа, издѣваясь надъ Нимъ.

Мы пріостановились на минуту у гробницъ, въ которыхъ покоились кости Готфрида Бульонскаго и его брата Бальдуина, перваго короля іерусалимскаго; а теперь обѣ эти ниши были пусты, такъ какъ греки, которымъ принадлежитъ это мѣсто, не могли примириться съ тѣмъ, чтобы кости католиковъ покоились въ греческой часовнѣ.

Слѣдуя дальше, мы пріостановились затѣмъ на минуту у могилы библейскаго царя Мельхиседека, священника Бога Вышняго, который привѣтствовалъ Авраама послѣ освобожденія имъ изъ плѣна Лота.

Когда входишь въ храмъ Гроба Господня, первое, что хочется увидѣть, это самый Гробъ Господень, а затѣмъ мѣсто, гдѣ былъ распятъ Спаситель, и только потомъ уже припомнятся и другія мѣста, гдѣ совершались тѣ или иныя событія, имѣющія отношеніе къ этимъ двумъ главнымъ. И если во время хожденія по храму относительно многихъ событій приходилось слышать, что оно, по преданію, совершилось именно тутъ, то относительно самаго мѣста распятія не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Къ словамъ, что это совершилось на Голгоѳѣ, нѣтъ надобности прибавлять „по преданію". Я взобрался по лѣстницѣ на вершину утеса и долго смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ крестъ Распятаго. Я не могъ быть увѣренъ, что три углубленія на вершинѣ утеса—именно тѣ самыя ямы, въ которыхъ стояли кресты, но для меня довольно было и одного сознанія, что они во всякомъ случаѣ стояли близко къ этимъ ямамъ, и нѣсколько футовъ разницы не имѣли для меня никакого значенія. Когда стоишь на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ распятъ Спаситель, необходимо помнить, что Христосъ былъ распятъ не въ католической церкви, но подъ открытымъ небомъ и не въ тѣсной маленькой келліи, богато убранной золотомъ и драгоцѣнными камнями, сверкающими при яркомъ свѣтѣ множества восковыхъ свѣчей и находящейся въ какомъ-то уголкѣ этого обширнаго храма, куда нужно взбираться по лѣстницѣ. Подъ мраморнымъ алтаремъ наподобіе стола въ мраморномъ полу видно круглое отверстіе, которое приходится какъ разъ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ крестъ Господень. Каждый паломникъ опускается тутъ на колѣни и, держа въ рукѣ свѣчу, заглядываетъ въ отверстіе; затѣмъ паломникъ съ тою же свѣчей въ рукѣ осматриваетъ висящее на стѣнѣ за алтаремъ гравированное на золотой доскѣ изображеніе Спаси-

теля, все сверкающее брильянтами, а затѣмъ онъ встаетъ и видитъ прекрасно исполненныя фигуры Спасителя и разбойниковъ на крестахъ и фигуры стоящихъ около нихъ Пресвятой Дѣвы и Маріи Магдалины. Потомъ взоры его опять приковываетъ къ себѣ мѣсто распятія, то мѣсто, гдѣ стоялъ крестъ Господень, и онъ уже не отрывается отъ него во все время пребыванія его въ этой части храма.

LIV.

Мы стояли въ узкой улицѣ возлѣ башни Антонія. „На этихъ камняхъ, которые уже разсыпаются,—сказалъ намъ проводникъ,—сидѣлъ Спаситель и отдыхалъ передъ тѣмъ, какъ взять и нести Свой крестъ. Это начало „Скорбнаго Пути". Потомъ мы прошли подъ аркой „Ecce Homo" (Се человѣкъ) и видѣли то самое окно, чрезъ которое жена Пилата просила своего мужа не дѣлать ничего дурного Этому Праведнику. Намъ показали затѣмъ мѣсто, гдѣ Христосъ отдыхалъ опять и гдѣ народъ отказался отпустить Его, крича: „кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ". Французскіе католики строятъ на этомъ мѣстѣ церковь и, съ цѣлью сохранить все, что еще можно, отъ дальнѣйшаго разрушенія, заключаютъ въ стѣны новаго храма остатки старой стѣны. Идя дальше, мы увидѣли мѣсто, гдѣ Христосъ упалъ подъ тяжестью креста. Въ то время на этомъ мѣстѣ лежала большая гранитная колонна изъ какого-то древняго храма, и тяжелый крестъ ударился о нее съ такой силой, что разбилъ ее надвое по самой серединѣ. Такъ разсказывалъ нашъ проводникъ, когда мы подошли къ этой разбитой колоннѣ.

Мы пересѣкли улицу и подошли къ бывшему жилищу св. Вероники. Когда Спаситель проходилъ мимо, она, по преданію, вышла изъ дому и, не обращая вниманія на угрозы толпы, со словами утѣшенія отирала Ему потъ на лицѣ своимъ платкомъ, на которомъ запечатлѣлись черты Христа, подобно тому, какъ онѣ запечатлѣлись на Нерукотворенномъ образѣ Спасителя.

Затѣмъ, медленно подвигаясь впередъ, мы подошли, наконецъ (послѣ многократныхъ остановокъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по пути останавливался Христосъ), къ дому, гдѣ жилъ тотъ несчастный, который вотъ уже восемнадцать вѣковъ несетъ кару за свое жестокосердіе, мы подошли къ дому „Вѣчнаго жида". Въ тотъ памятный день онъ стоялъ у двери своего дома и, когда изнемогшій подъ тяжестью креста Христосъ хотѣлъ остановиться у его дома отдохнуть, онъ оттолкнулъ Его и сказалъ:

„Иди!“ Господь сказалъ ему: „Иди и ты!“—и вотъ, съ той поры онъ ходитъ, не смѣя остановиться, потому что какъ только онъ останавливается отдохнуть, онъ слышитъ голосъ, который говоритъ ему: „Иди!“—и онъ идетъ. Въ легендарныхъ сказаніяхъ о немъ, между прочимъ, упоминается, что онъ долженъ непремѣнно появляться въ Іерусалимѣ черезъ каждыя пятьдесятъ лѣтъ. Всего только годъ или года два тому назадъ онъ былъ здѣсь уже въ тридцать седьмой разъ послѣ того, какъ Христосъ былъ распятъ на Голгоѳѣ. Его видѣли многіе старожилы, которые видали его уже и раньше. Онъ все такой же,—старый, истощенный, со впалыми глазами, взглядъ у него блуждающій, хотя по лицу его все-таки видно, что онъ иногда какъ будто высматриваетъ кого - то, ждетъ кого - то, можетъ-быть, друзей своей юности. Онъ всегда бродитъ по старымъ улицамъ, дѣлая какія-то помѣтки на стѣнахъ то тутъ, то тамъ и съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ разсматривая самыя старинныя зданія... Его видали также стоящимъ по ночамъ близъ церкви Гроба Господня, какъ бы ожидая момента, когда ему можно будетъ войти туда получить прощеніе, а съ нимъ вмѣстѣ и право на отдыхъ. Но какъ только онъ приближался къ храму, двери съ шумомъ захлопывались передъ нимъ, земля дрожала, и всѣ огни въ Іерусалимѣ начинали горѣть мертвенно синимъ огнемъ... Все это мнѣ разсказывалъ нашъ проводникъ, и я не прибавилъ отъ себя ни одного слова.

Величественная мечеть Омара и мощеный дворъ кругомъ нея занимаетъ четвертую часть Іерусалима. Она стоитъ на горѣ Моріа, гдѣ стоялъ храмъ Соломона. Эта мечеть—самое священное мѣсто для магометанъ, за исключеніемъ Мекки. Всего годъ или два тому назадъ туда не пускали христіанъ, но теперь „бакшишъ“ открылъ намъ доступъ въ мечеть.

Главное, что обращаетъ на себя вниманіе въ мечети Омара, это—утесъ, находящійся въ самой серединѣ мечети. На этой скалѣ Авраамъ собирался принести въ жертву сына своего Исаака, и на этой же скалѣ стоялъ ангелъ, когда Давидъ умолялъ его пощадить городъ. Съ этого же камня, по магометанскому сказанію, и Магометъ поднимался на небо, куда за нимъ хотѣлъ послѣдовать и камень, но его удержалъ архангелъ Гавріилъ, доказательствомъ чего служатъ видимые и до настоящаго времени на камнѣ какъ бы слѣды пальцевъ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Магометъ, виденъ отпечатокъ ноги. Проводникъ, кромѣ того, сказалъ намъ, что въ полу пещеры подъ скалою имѣется заваленное камнемъ отверстіе, которое ведетъ въ преисподнюю, гдѣ томятся души магометанскихъ грѣшниковъ въ чаяніи, пока Магометъ извлечетъ ихъ оттуда и отправитъ въ рай.

Женщинамъ уже много вѣковъ воспрещенъ входъ въ пещеру, потому что, какъ повѣствуетъ преданіе, одна изъ нихъ разсказывала грѣшникамъ все, что дѣлалось на землѣ, и хотя виновницу за это и казнили, но въ виду возможныхъ смутъ въ преисподней рѣшили не пускать женщинъ въ пещеру.

Здѣсь тоже имѣются свои святыни. Проводникъ показалъ намъ боевые доспѣхи великаго зятя и преемника Магомета и щитъ дядя Магомета.

Въ этой мечети, богато отдѣланной внутри разноцвѣтнымъ мраморомъ и мозаикой, повсюду видны обломки колоннъ, части жертвенниковъ и разныхъ украшеній изъ Соломонова храма. Все это было добыто во время раскопокъ на горѣ Моріа и все это заботливо хранится мусульманами, какъ святыня. Къ этой части стѣны Соломонова храма, которая зовется у евреевъ „Мѣстомъ скорби", они приходятъ каждую пятницу прикладываться къ священнымъ камнямъ и оплакивать великолѣпіе разрушеннаго Сіона, и тутъ не можетъ быть и рѣчи о сомнѣніи въ подлинности этихъ лежащихъ одинъ на другомъ громадныхъ камней. Части колоннъ и различныхъ украшеній изъ храма Соломонова имѣются также и въ мечети Эль-Акза, гдѣ много такихъ обломковъ даже вдѣланы въ стѣны для лучшей сохранности. Затѣмъ не мало уцѣлѣло и сводчатыхъ арокъ, а во дворѣ мечети, гдѣ цвѣтутъ оливковыя и апельсиновыя деревья, уцѣлѣли даже цѣлые ряды столбовъ древняго храма, и по этимъ остаткамъ можно довольно безошибочно представить себѣ, какъ велики были размѣры великолѣпнаго храма, созданнаго Соломономъ.

Затѣмъ мы видѣли прудъ Езекіи, гдѣ Давидъ увидалъ жену Уріи, выходившую изъ воды, и влюбился въ нее. Потомъ мы вышли изъ города чрезъ Яффскія ворота и отправились осматривать Гиппіеву башню, о которой намъ столько говорили. Мы проѣхали чрезъ долину Гиннома, между двумя прудами Гіона и мимо построеннаго Соломономъ водопровода, который и до сихъ поръ еще снабжаетъ городъ водою. Мы поднимались на гору „Злого Совѣта", гдѣ Іуда получилъ свои тридцать сребренниковъ, а затѣмъ останавливались на одну минуту у того дерева, на которомъ, по преданію, онъ потомъ повѣсился.

Затѣмъ мы опять спустились въ долину и слушали, какъ проводникъ называлъ намъ одно за другимъ историческія мѣста: „Вотъ это „село крови"; въ этихъ углубленіяхъ въ скалахъ стояли алтари и капища Молоха; здѣсь приносили въ жертву дѣтей. Тамъ—Сіонскія ворота; Тиропейская долина; гора Офель; тутъ начало долины Іосафатовой". Проводникъ про-

должалъ разсказывать: „Это—Масличная гора; это—гора Искушенія; тѣ лачужки — селеніе Силоамъ; тутъ вотъ кругомъ были царскіе сады; подъ этимъ большимъ деревомъ былъ убитъ первосвященникъ Захарія; тамъ—гора Моріа и стѣны храма; это—могила Авессалома; тамъ—могила св. Іакова, могила Захаріи; тамъ дальше—садъ Геѳсиманскій и могила Пресвятой Дѣвы Маріи; тутъ—Силоамскій прудъ, а тамъ“...

Мы сказали, что хотимъ слѣзть съ лошадей, отдохнуть и утолить жажду. Солнце пекло немилосердно, и ѣхать дальше не было никакихъ силъ. Прудъ, или „купель“, какъ его называютъ, довольно глубокъ, обнесенъ стѣнами, въ разсѣлины между которыми течетъ струя холодной прозрачной воды откуда-то изъ Іерусалима и, протекая чрезъ источникъ Богоматери, а можетъ-быть, принимая въ себя его воды, дальше течетъ уже по выложенному камнями тоннелю. Знаменитая купель имѣла, вѣроятно, точно такой же видъ и во времена Соломона, и такія же, какъ и тогда, смуглолицыя женщины приходятъ сюда, по восточному обычаю, за водой съ водоносами, которые онѣ носятъ на головѣ.

Отсюда мы направились къ колодцу Богоматери; но тамъ вода была нехороша, и потомъ тамъ не дала намъ отдохнуть спокойно окружившая насъ толпа мальчишекъ и дѣвчонокъ, требовавшихъ „бакшишъ“. Затѣмъ мы осматривали Геѳсиманскій садъ и гробницу Богоматери. Но я не стану ничего говорить ни о томъ ни о другой, какъ не стану ничего говорить о Масляничной горѣ съ ея видомъ на Іерусалимъ, на Мертвое море, на горы Моавитскія, ни о Дамасскихъ воротахъ, ни о деревѣ, посаженномъ королемъ іерусалимскимъ Готфридомъ. Не въ состояніи я теперь сказать что-либо и о той колоннѣ, которая смотритъ на Іосафатову долину со стороны храма, за исключеніемъ того, что мусульмане увѣрены, что Магометъ будетъ сидѣть на ней, когда онъ придетъ судить міръ. Тутъ же неподалеку видны и Золотыя ворота, въ которыя въ древнія времена первосвященникъ іудейскій выпускалъ въ пустыню козла отпущенія съ грѣхами всего города за цѣлый годъ. Мусульмане зорко слѣдятъ за Золотыми воротами, потому что у нихъ существуетъ повѣрье, что когда эти ворота падутъ, съ ними вмѣстѣ падетъ исламизмъ, а съ нимъ падетъ и Оттоманская имперія.

LIV.

Мы видѣли въ Іерусалимѣ все, что можно было видѣть, побывали всюду, гдѣ можно было побывать, и насъ потянуло

взглянуть на Іорданъ, на Іерихонъ, на Мертвое море. Какъ только состоялось это рѣшеніе, мы сейчасъ же дали знать о немъ нашему проводнику, и въ девять часовъ утра караванъ стоялъ уже передъ отелемъ, а мы сидѣли за завтракомъ. Вдругъ съ площади до насъ донесся какой-то шумъ. Мы прислушались и узнали, что тамъ идутъ толки о набѣгахъ и кровавыхъ схваткахъ. Въ долинѣ Іордана и въ пустынѣ Мертваго моря бедуины снова взялись за оружіе, и, благодаря этому, всякое сообщеніе въ той мѣстности прекратилось. Турецкая кавалерія имѣла уже съ ними столкновеніе, но должна была отступить, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми. Разбойники окружили одно селеніе и турецкій гарнизонъ въ одной старой крѣпости и держатъ ихъ въ осадѣ. Они хотѣли также напасть на лагерь нашихъ туристовъ возлѣ Іордана, но тѣ успѣли во-время скрыться отъ нихъ подъ покровомъ ночи и теперь спѣшатъ въ Іерусалимъ. На другую часть нашихъ бедуины напали даже среди дня. Перестрѣлка была горячая, но, къ счастью, все обошлось безъ кровавыхъ жертвъ. Мы разговаривали съ однимъ изъ паломниковъ, принимавшихъ участіе въ этой битвѣ, и узнали отъ него, что только хладнокровіе паломниковъ, ихъ численное превосходство и готовность встрѣтить съ оружіемъ въ рукахъ опасность спасли ихъ отъ вѣрной гибели. Говорили, что консулъ просилъ, чтобы паломники не ѣздили на Іорданъ, пока будетъ продолжаться такое положеніе дѣлъ; а потомъ говорили, что онъ настойчиво просилъ тѣхъ, кому почему-нибудь нельзя отложить поѣздку, брать съ собой непремѣнно внушительный военный конвой. Насъ это, само собой разумѣется, всѣхъ сильно встревожило; но мнѣ кажется, едва ли нашелся бы хоть одинъ человѣкъ, который открыто заявилъ бы, что онъ боится ѣхать изъ-за бедуиновъ... Наоборотъ, онъ сказалъ бы, что его не испугаетъ даже и милліонъ бедуиновъ... и онъ наскоро написалъ бы свое духовное завѣщаніе и мысленно далъ бы себѣ клятвенное обѣщаніе держаться все время въ хвостѣ каравана.

Мнѣ думается, мы всѣ порѣшили про себя держаться той же самой тактики въ походѣ, потому что намъ, казалось, никогда не суждено было добраться до Іерихона. У меня была удивительно лѣнивая лошадь, а между тѣмъ я никакъ не могъ заставить ее итти въ арьергардѣ, хотя отъ этого, можетъ-быть, и зависѣло спасеніе моей жизни. Она все время какимъ-то чудомъ оказывалась впереди. Я нѣсколько разъ нарочно останавливалъ ее, соскакивалъ на землю и начиналъ подтягивать сѣдло, но и это нисколько не помогало; другіе тоже спрыгивали съ лошадей и подтягивали подпруги. До этого намъ ни-

когда не приходилось такъ мучиться съ сѣдлами. Я вздумалъ было пройтись пѣшкомъ, поразмять ноги, точно имъ мало было бѣготни въ Іерусалимѣ, но и тутъ неудача,—всѣ наши тоже захотѣли итти пѣшкомъ, и я опять очутился впереди другихъ. Это могло привести въ отчаяніе кого угодно.

Этимъ ограничились всѣ наши приключенія на пути къ Виѳаніи, до которой всего часъ ѣзды отъ Іерусалима. Намъ показали гробницу Лазаря. Я согласился бы жить въ ней съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ въ любомъ домѣ въ городѣ. Потомъ намъ показали колодецъ Лазаря и расположенное въ самомъ центрѣ селенія жилище Лазаря. Судя по всему, Лазарь былъ человѣкъ состоятельный, а между тѣмъ изъ разсказовъ о немъ въ воскресной школѣ получалось такое впечатлѣніе, что онъ былъ бѣднякомъ. Но это происходило, вѣроятно, оттого, что его смѣшивали съ тѣмъ Лазаремъ, у котораго не было никакихъ другихъ достоинствъ, кромѣ его добродѣтели, а добродѣтель никогда не внушала такого почтенія, какъ деньги. Домъ Лазаря — трехэтажное каменное зданіе; но виденъ одинъ только верхній этажъ, а два остальные засыпаны землей. Мы взяли свѣчи и спустились внизъ въ тѣ самыя комнаты, гдѣ Христосъ говорилъ съ Мароой и Маріей объ ихъ братѣ.

Съ вершины горы намъ видно было Мертвое море, которое лежало точно синій щитъ въ долинѣ Іорданской, а потомъ мы спустились въ скромное ущелье, гдѣ не могло бы жить ни одно живое существо, за исключеніемъ развѣ только саламандры. Это была та самая ужасная пустыня, гдѣ жилъ и проповѣдывалъ Іоаннъ Креститель, носившій шкуру верблюжью на чреслахъ своихъ; но теперь ему не найти бы тутъ ни акридъ ни дикаго меду, да и народа тоже онъ тутъ не нашелъ бы теперь. Мы медленно тащились по этому страшному мѣсту, стараясь каждый держаться позади остальныхъ. Наши конвоиры, два юныхъ арабскихъ шейха съ цѣлымъ арсеналомъ оружія, лѣниво ѣхали впереди.

„Бедуины!“

Всѣ вздрогнули и моментально скрылись въ своихъ плащахъ, какъ черепахи подъ своимъ щитомъ. Моимъ первымъ побужденіемъ было ринуться впередъ и разгромить бедуиновъ, моимъ вторымъ побужденіемъ было броситься въ арьергардъ узнать, не грозитъ ли намъ опасность и съ той стороны. Я исполнилъ мое второе побужденіе, но точно такъ же поступили и всѣ остальные. Если бы какой-нибудь бедуинъ осмѣлился приблизиться къ намъ съ этой стороны, ему пришлось бы дорого заплатить за свою дерзость, такъ, по крайней мѣрѣ,

говорили потомъ всѣ, потому что въ насъ слишкомъ велико было ожесточеніе противъ бедуиновъ, и безъ кровопролитія дѣло не обошлось бы ни въ какомъ случаѣ. Къ счастью, наша тревога оказалась напрасной. Къ намъ приближались не бедуины, а смиренные босоногіе арабы, которые должны были держаться все время впереди нашего каравана и спугивать бедуиновъ, если бы тѣ вздумали устроить намъ засаду. Но всѣ эти предосторожности оказались напрасными: за все время нашего странствованія мы не видали ни одного разбойника-бедуина; что же касается нападенія на другія партіи паломниковъ, то, какъ говорили, все это было дѣло рукъ самихъ проводниковъ, которые отправляли впередъ своихъ пріятелей, переряженныхъ бедуинами, а затѣмъ, послѣ нападенія разбойниковъ и горячей схватки съ ними (ни убитыхъ ни раненыхъ никогда не бывало) храбрые проводники получали хорошій „бакшишъ“ съ паломниковъ и дѣлили его поровну между всѣми участниками предпріятія.

Мы посѣтили источникъ Иліи, куда воронъ приносилъ пророку хлѣбъ, а затѣмъ направились къ Іерихону, развалины котораго не имѣли въ себѣ ничего живописнаго. Послѣ разрушенія Іерихона Іисусомъ Навиномъ одинъ царь хотѣлъ было, не обращая вниманія на клятву, возстановить городъ, но былъ жестоко наказанъ за свою дерзость. И съ той поры мѣсто это остается незаселеннымъ, а между тѣмъ по своему положенію оно, пожалуй, одно изъ самыхъ лучшихъ для города во всей Палестинѣ.

Нашъ драгоманъ, желавшій опередить своего соперника, другого драгомана, поднялъ насъ во второмъ часу ночи. Намъ оставалось всего два часа пути до береговъ Іордана. Мы ѣхали молча, потягиваясь отъ одолѣвавшей насъ дремоты и пробуждаясь только въ тѣ минуты, когда кто-нибудь говорилъ: „Не растягивайтесь... Не забывайте о бедуинахъ!“ И мы на нѣкоторое время сбивались въ кучу, а потомъ опять растягивались въ длинную линію.

Мы достигли береговъ знаменитой рѣки часа въ четыре утра, но темно было такъ, что лошади наши могли бы войти въ воду, и мы не замѣтили бы этого. До наступленія разсвѣта приходилось ждать еще долго, и нѣкоторые изъ насъ рѣшили воспользоваться этимъ временемъ, чтобы соснуть часокъ-другой, улеглись прямо на землѣ подъ кустами и схватили простуду, конечно, но зато подкрѣпили силы.

При первыхъ же проблескахъ зари всѣ были уже на ногахъ и, наскоро сбрасывая съ себя платье, шли къ рѣкѣ и съ пѣніемъ псалма входили въ воду. Но имъ пришлось не долго

распѣвать; вода была до такой степени холодна, что они сейчасъ же выскакивали вонъ и съ грустными, опечаленными лицами стояли на берегу, дрожа отъ холода. Еще одна несбывшаяся мечта, которую они лелѣяли такъ долго! Они давно еще дали обѣтъ перейти черезъ Іорданъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ переходили черезъ него израильтяне, когда они вступали въ предѣлы земли Ханаанской послѣ сорокалѣтняго странствованія по пустынѣ. Кромѣ того, каждый далъ обѣтъ, что онъ, а не другой кто-нибудь, первымъ перейдетъ черезъ Іорданъ, но вода была слишкомъ холодна, а теченіе слишкомъ быстро!

Но Джэкъ вывелъ насъ всѣхъ изъ затрудненія и, со свойственной юности пылкостью, смѣло бросился въ воду и пошелъ черезъ Іорданъ. Мы всѣ, конечно, послѣдовали за нимъ и, спустя немного времени, стояли уже на другомъ берегу. Рѣка была неглубока; вода никому не доходила даже до груди, но этому можно было только радоваться, потому что иначе намъ очень трудно было бы бороться съ быстрымъ теченіемъ. Перебравшись на другую сторону, мы усѣлись на берегу съ намѣреніемъ дождаться восхода солнца, но это оказалось намъ не по силамъ,—было слишкомъ холодно; и мы, наполнивъ водой изъ священной рѣки всѣ, какіе у насъ были, сосуды и нарѣзавъ порядочное количество растущаго по берегу камыша, взобрались на лошадей и тронулись въ путь въ надеждѣ, что быстрая ѣзда хоть немного согрѣетъ насъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ мы тронулись въ путь, взошло солнце, а затѣмъ часа черезъ два мы подъѣзжали уже къ берегамъ Мертваго моря. Въ этой спаленной солнцемъ пустынѣ не растетъ ничего, кромѣ плевелъ и свойственныхъ только берегамъ Мертваго моря яблоковъ, которыя, какъ говорятъ поэты, прекрасны на взглядъ, но разсыпаются впрахъ, какъ только ихъ разломишь. Тѣ яблоки, которыя мы видѣли, далеко не были прекрасны, но зато горьки на вкусъ и не разсыпались впрахъ, можетъ-быть, впрочемъ, потому, что они недостаточно еще созрѣли для этого.

Мертвое море не велико. Вода въ немъ прозрачная, дно его усѣяно голышами, и оно мелко даже на довольно большомъ разстояніи отъ берега. Изъ него добывается много асфальта, который лежитъ мѣстами даже на берегахъ и распространяетъ довольно непріятный запахъ.

Судя по тому, что намъ приходилось читать, попытка выкупаться въ Мертвомъ морѣ должна была сопровождаться крайне непріятными болѣзненными ощущеніями. Но на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго съ нами не случилось. Наши восьмеро

паломниковъ отправились купаться вмѣстѣ съ другой партіей богомольцевъ, и никто не вскрикнулъ ни разу отъ боли. Все ограничилось ощущеніемъ легкихъ уколовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были ссадины на тѣлѣ. У меня чувствовалась жгучая боль на лицѣ въ теченіе двухъ часовъ, но это потому, что меня сильно пекло солнцемъ, пока я стоялъ въ водѣ, и потомъ я купался такъ долго, что весь оказался покрытымъ толстымъ слоемъ соли. Наше купанье было только забавно. Мы не могли погрузиться въ воду, не могли нырнуть. Тутъ можно было лежать на водѣ, вытянувшись во весь ростъ и скрестивъ руки на груди; можно было и совсѣмъ поднять голову, но ни въ какомъ положеніи нельзя было продержаться долго, потому что равновѣсіе очень скоро утрачивалось, и невольно начинаешь повертываться сначала на бокъ, потомъ лицомъ внизъ, потомъ опять на спину и такъ далѣе. Тутъ можно даже сидѣть въ водѣ, согнувъ колѣни, прижавшись къ нимъ подбородкомъ и обхвативъ ихъ руками, но при этомъ все время надо вертѣться, потому что иначе вы перекувырнетесь. Тутъ можно забраться даже и на глубокое мѣсто, не боясь утонуть, потому что вода очень скоро подниметъ ваши ноги и заставитъ васъ самихъ выбраться на поверхность. Тутъ нельзя плавать на спинѣ, потому что чуть вы опустите руки въ воду, ваши ноги окажутся въ воздухѣ; но если попробовать плыть попросту, лежа внизъ лицомъ, будете плыть не впередъ, а назадъ, точно лодка, которая идетъ кормою впередъ. Корпусъ лошади тоже слишкомъ тяжелъ для того, чтобы она могла тутъ плавать или стоять въ водѣ, она повертывается на бокъ и ложится на воду. Нѣкоторые изъ насъ купались больше часу и, когда вышли на берегъ, оказались всѣ покрыты солью, которая сверкала на солнцѣ. По берегамъ тутъ всюду видны кристалы соли, а мѣстами ея такъ много, что земля кажется какъ бы скрытой подъ снѣжнымъ покровомъ.

Когда я былъ мальчикомъ, я воображалъ себѣ Іорданъ очень большой рѣкой, а на самомъ дѣлѣ онъ имѣетъ всего девяносто миль въ длину, но такъ извилистъ, что никогда не знаешь навѣрное, на какомъ именно берегу стоишь въ данную минуту. Отъ его истоковъ и до устья по прямой линіи всего пятьдесятъ миль, что же касается его ширины, то она совсѣмъ незначительна и не больше Бродуэя въ Нью-Йоркѣ.

Мы долго искали глазами, но нигдѣ не могли найти ни одного соленаго кристаллика отъ жены Лота. Это для насъ было большимъ разочарованіемъ... Мы всѣ съ ранняго дѣтства знали постигшую ее участь и жалѣли ее, какъ жалѣютъ всякаго, съ кѣмъ случилось несчастье. И вотъ, теперь ея тутъ нѣтъ;

она исчезла, и ея поэтическій образъ не напоминаетъ уже больше объ уничтоженныхъ городахъ.

Никакими словами нельзя описать, какъ мучителенъ былъ дневной переѣздъ отъ береговъ Мертваго моря до монастыря св. Саввы. Солнце жгло немилосердно, и кругомъ ни одного дерева, ничего, кромѣ утесовъ и скалъ. Какимъ раемъ показался намъ послѣ того монастырь св. Саввы, когда мы издали увидали монастырскія башни и стѣны обители, въ которой, по приглашенію гостепріимныхъ монаховъ, мы даже остались ночевать. Монастырь св. Саввы—это гигантское гнѣздо, которое свили себѣ люди на самой вершинѣ горы; монастырскія стѣны и зданія идутъ одни надъ другими террасами, которыя поднимаются все выше и выше у васъ надъ головой. Монастырь, стоящій на скалѣ, основанъ много вѣковъ тому назадъ однимъ святымъ отшельникомъ, который жилъ сначала въ пещерѣ въ горѣ; пещера эта теперь заключена въ монастырскихъ стѣнахъ, и намъ съ благоговѣніемъ показывали ее монахи. Этотъ отшельникъ, питавшійся хлѣбомъ и водой, удалившійся отъ суеты мірской и проводившій все время въ молитвахъ, нашелъ себѣ подражателей, и его ученики, по примѣру своего наставника, тоже стали рыть для себя пещеры и жить въ нихъ, ведя такую же строгую отшельническую жизнь, какъ и св. Савва. Въ настоящее время въ обители св. Саввы около семидесяти иноковъ, которые тоже ведутъ отшельническую жизнь. Они ходятъ босякомъ, носятъ одежду изъ грубой матеріи, безобразную высокую шапку безъ полей, питаются только хлѣбомъ съ солью и не пьютъ ничего, кромѣ воды. Они никогда не выходятъ за ограду монастыря и никогда не видятъ женщинъ, потому что женщинамъ ни подъ какимъ предлогомъ не дозволяется входить въ монастырь св. Саввы. Нѣкоторые изъ монаховъ живутъ въ обители уже по тридцать лѣтъ и за все это время они ни разу не слыхали ни дѣтскаго смѣха ни женскаго голоса. Уйдя сюда изъ міра, они порвали съ нимъ всякую связь,—они умерли для него. Но ихъ непонятное для меня отреченіе отъ міра, отъ его горестей и радостей не погасило, однако, въ нихъ чувства любви и состраданія къ ближнему, и я считаю себя обязаннымъ упомянуть объ этомъ. Они знали, что мы не только иностранцы, но еще и протестанты, но ихъ любовь къ ближнему не придавала этому значенія; они видѣли въ насъ людей, которые изнемогали отъ усталости, были голодны, хотѣли пить, и этого для нихъ было совершенно достаточно, чтобы радушно принять насъ. Они ни о чемъ не разспрашивали насъ, не выставляли на показъ своего гостепріимства и не напрашивались на благодарность. Они спокойно дѣлали свое дѣло, накрывая

намъ столъ, приготовляя для насъ постели, принося воду для умыванія, и не обращали никакого вниманія, когда мы говорили, что нѣтъ никакой надобности дѣлать это самимъ, когда у насъ есть люди, которые взяли на себя обязанность прислуживать намъ. Мы привели себя въ порядокъ, отдохнули, пообѣдали, а потомъ, побродивъ вмѣстѣ съ отшельниками по монастырю, долго сидѣли на крѣпостной башнѣ и курили, наслаждаясь свѣжимъ воздухомъ и любуясь красивымъ видомъ и заходомъ солнца. Двое или трое изъ насъ ушли въ приготовленныя для насъ уютныя спальни, а всѣ остальные легли спать на широкомъ диванѣ, который тянулся вокругъ большой залы, потому что это было больше похоже на спанье на открытомъ воздухѣ и казалось намъ гораздо веселѣе и привлекательнѣе.

Когда мы вышли утромъ къ завтраку, мы были совсѣмъ другими людьми. За все это гостепріимство съ насъ не потребовали ровно ничего. Мы могли дать, сколько хотѣли, но могли и не давать ничего, если мы были бѣдны или скупы. Нищій и скупой пользуются одинаковыми правами въ католическихъ монастыряхъ въ Палестинѣ. Я по своему воспитанію былъ враждебно настроенъ ко всему католическому и, вслѣдствіе этого, мнѣ иногда легче бывало находить въ католикахъ недостатки, чѣмъ достоинства; но тутъ есть нѣчто такое, о чемъ я никогда не забуду и о чемъ не могу умолчать,—это искренняя благодарность, которою не только лично я, но и всѣ вообще паломники обязаны монастырской братіи въ Палестинѣ. Ихъ двери всегда открыты, и они всегда одинаково радушно принимаютъ какъ бѣдняка въ лохмотьяхъ, такъ и богача. Католическіе монастыри—неоцѣненное благодѣяніе для бѣдняковъ. Паломникъ, будь онъ протестантъ или католикъ, можетъ исходить всю Палестину вдоль и поперекъ, не имѣя въ карманѣ ни одного цента и всегда находя здоровую пищу и чистую постель на ночь въ монастыряхъ. Даже люди состоятельные—и тѣ часто ищутъ убѣжища въ монастыряхъ, особенно, если ихъ поражаетъ солнечный ударъ, или они заболѣваютъ мѣстной лихорадкой. Не будь здѣсь этихъ гостепріимныхъ убѣжищъ, путешествіе по Палистинѣ было бы возможно только для очень сильныхъ, выносливыхъ людей.

Итакъ, отдохнувъ и освѣжившись, мы выстроились въ линію и потянулись по обнаженнымъ горамъ Іудеи по скалистымъ гребнямъ и по безплоднымъ ущельямъ, гдѣ царили вѣчное безмолвіе и уединеніе. Здѣсь не было даже и тѣхъ вооруженныхъ пастуховъ, которыхъ мы видали раньше вмѣстѣ съ ихъ стадами тонкорунныхъ козъ. Мы не видѣли никакихъ живыхъ существъ, кромѣ двухъ газелей. Онѣ казались совсѣмъ еще

молоденькими, но это не мѣшало имъ нестись съ быстротою курьерскаго поѣзда.

Часовъ въ девять или въ десять утра мы добрались до Долины пастуховъ и здѣсь пробыли нѣсколько минутъ въ обнесенномъ стѣнами масличномъ саду, гдѣ пастухи стерегли свои стада въ ту памятную ночь, восемнадцать вѣковъ тому назадъ, когда ангелы возвѣстили имъ о рожденіи Спасителя. Въ четверти мили отъ этого мѣста находился Виѳлеемъ іудейскій, и наши паломники, захвативъ на память камешковъ изъ ограды, поспѣшили дальше.

Въ громадномъ храмѣ Рождества Христова въ Виѳлеемѣ, сооруженномъ пятнадцать вѣковъ тому назадъ усердіемъ св. Елены, насъ повели въ подземелье въ пещеру, высѣченную въ подошвѣ скалы. Это—„ясли", въ которыхъ родился Христосъ. Серебряная звѣзда, вдѣланная въ полъ, имѣетъ соотвѣтствующую надпись на латинскомъ языкѣ. Здѣсь, какъ и въ храмѣ Гроба Господня, тоже видны слѣды зависти и враждебности. Монахи и вѣрующіе греческой и латинской церквей не могутъ ходить по одному и тому же коридору на поклоненіе священному мѣсту рожденія Искупителя; для нихъ, во избѣжаніе ссоръ и споровъ, устроены различные ходы.

Пребываніе въ пещерѣ не вызвало у меня никакихъ „размышленій", внушенныхъ этимъ мѣстомъ, откуда распространился по всему міру обычай поздравлять „съ праздникомъ Рождества Христова", и откуда другъ моего дѣтства, Санта Клаусъ, отправился въ свое первое путешествіе, чтобы радовать въ это зимнее утро людей во многихъ отдаленныхъ странахъ. Я съ благоговѣніемъ прикасаюсь къ тому самому мѣсту, гдѣ лежалъ Младенецъ Іисусъ, но я ничего не думаю.

Впрочемъ, въ Палестинѣ нигдѣ нельзя сосредоточиться, ни здѣсь ни въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ, хотя тутъ, казалось бы, и должно было именно явиться желаніе уйти въ себя и отдаться размышленіямъ. Нищіе, калѣки, монахи тѣснятся вокругъ васъ и заставляютъ васъ думать только о бакшишѣ, какъ бы ни хотѣлось вамъ думать о чемъ-нибудь другомъ, болѣе соотвѣтствующемъ характеру этого мѣста.

Я искренно обрадовался, когда мы, наконецъ, окончили осмотръ пещеръ, гдѣ писалъ Евсевій, гдѣ Іеронимъ постился, гдѣ Іосифъ приготовлялся къ бѣгству въ Египетъ, и дюжину еще другихъ замѣчательныхъ пещеръ. Церковь Рождества Христова почти такъ же полна священными мѣстами, какъ и храмъ Гроба Господня. Тутъ даже есть пещера, гдѣ были избиты, по приказанію Ирода, двадцать тысячъ младенцевъ, когда онъ искалъ смерти Младенца Спасителя.

Мы побывали, конечно, и въ такъ называемой Молочной пещерѣ, гдѣ нѣкоторое время скрывалась Пресвятая Дѣва Марія передъ бѣгствомъ въ Египетъ. Когда Она вошла въ пещеру, стѣны ея были черны, но когда Она стала кормить Дитя, капля молока упала на полъ и тотчасъ же превратила мрачныя стѣны въ бѣлоснѣжныя.

Вскорѣ послѣ полудня мы уѣхали изъ Виѳлеема и тѣмъ избавились отъ толпы нищихъ и продавцовъ различныхъ реликвій и, проведя нѣсколько времени на могилѣ Рахили, отправились обратно въ Іерусалимъ. Никогда до этого не радовался я такъ возвращенію домой. Путешествіе къ Мертвому морю, на Іорданъ и въ Виѳлеемъ продолжалось недолго, но было очень утомительно.

Самое простое благоразуміе подсказывало мнѣ, что я долженъ сказать обычную пріятную ложь, сказать, что я съ трудомъ отрывался отъ всѣхъ замѣчательныхъ мѣстъ въ Палестинѣ. Всѣ говорятъ такъ, но я, безъ малѣйшаго опасенія быть уличеннымъ въ лжи, могу сказать, что я сомнѣваюсь въ искренности словъ тѣхъ, кто это говоритъ. Я готовъ поклясться, чѣмъ угодно, что ни разу не слыхалъ, чтобы кто-нибудь изъ нашихъ сорока паломниковъ говорилъ что-нибудь подобное, а они во всѣхъ отношеніяхъ ни чѣмъ не хуже другихъ побывавшихъ здѣсь людей. Да и странно было бы предположить, что людямъ было бы жаль покинуть тѣ мѣста, гдѣ жизнь имъ отравляютъ толпы нищихъ и торговцевъ, которые хватаютъ за руки и за фалды человѣка и кричатъ ему въ уши, пугая его ужасными ранами и увѣчьями, которыя они выставляютъ на показъ.

LVI.

На обратномъ пути мы посѣтили всѣ остальныя святыя мѣста въ окрестностяхъ Іерусалима, въ которыхъ намъ не удалось побывать передъ отъѣздомъ на Іорданъ, а затѣмъ около трехъ часовъ пополудни мы цѣлой процессіей отправились къ величественнымъ воротамъ Дамаска, и ворота Іерусалима навсегда закрылись за нами. Мы постояли на вершинѣ отдаленнаго холма, бросили послѣдній взглядъ и сказали послѣднее прости благочестивому городу, гдѣ мы чувствовали себя такъ же хорошо, какъ дома.

Мы почти цѣлыхъ четыре часа ѣхали по узкой тропинкѣ, которая шла, пересѣкая горныя ущелья, и, когда могли, сворачивали въ сторону при встрѣчахъ съ длинными вереницами нагруженныхъ верблюдовъ и ословъ, а когда не могли, то они

прижимали насъ къ скаламъ и давили наши ноги. Джэкъ попался раза два или три и столько же разъ попадались Дэнъ и Маультъ. Одна лошадь у насъ очень несчастливо упала на скользкихъ скалахъ, а другія отдѣлывались благополучно. А между тѣмъ эта дорога была ни чуть не хуже, если не лучше всѣхъ вообще горныхъ дорогъ въ Палестинѣ, а потому воркотни было немного.

Иногда въ долинахъ мы нападали на роскошные фруктовые сады съ фигами, абрикосами, гранатами и другими плодами, но гораздо чаще картина природы была угрюмая, гористая, безъ признаковъ зелени и въ общемъ ужасная. Тамъ и сямъ виднѣлись башни, которыя стояли высоко надъ обрывами и казались почти неприступными.

Мы перебрались черезъ ручей, изъ котораго Давидъ добылъ тотъ камень, которымъ онъ убилъ Галіафа, и, конечно, осмотрѣли и самое мѣсто, гдѣ происходилъ знаменитый поединокъ. Мы проѣхали мимо живописныхъ старыхъ готическихъ развалинъ, принадлежавшихъ нѣкогда доблестнымъ крестоносцамъ, а затѣмъ проѣхали чрезъ ту мѣстность, гдѣ, какъ намъ сказали, жилъ нѣкогда Сампсонъ.

Мы провели ночь у добрыхъ монаховъ въ монастырѣ Рамлэ, а рано утромъ сѣли на лошадей и галопомъ проѣхали довольно порядочную часть пути по дорогѣ къ Яффѣ, потому что передъ нами была гладкая, какъ скатерть, равнина, безъ камней, и, кромѣ того, это было наше послѣднее путешествіе по Святой Землѣ. Черезъ какіе-нибудь два или три часа мы и наши усталыя лошади будемъ отдыхать и спать сколько намъ угодно. Это была та самая равнина, гдѣ Іисусъ Навинъ сказалъ: „Солнце, остановись надъ Гаваономъ, а ты, луна, надъ долиною Элонскою“. Чѣмъ меньше намъ оставалось ѣхать до Яффы, тѣмъ энергичнѣе паломники пришпоривали лошадей.

Наконецъ мы добрались до необъятной апельсинной рощи, среди которой раскинулась столица востока—Яффа; какъ только мы въѣхали въ ворота, передъ нами снова развернулась хорошо знакомая намъ картина узкихъ, кривыхъ улицъ, запруженныхъ шумной толпой оборванцевъ въ пестрыхъ яркихъ цвѣтовъ лохмотьяхъ, но мы не увидѣли тутъ ничего новаго, ничего привлекательнаго для насъ. Здѣсь мы въ послѣдній разъ слѣзли съ лошадей, такъ какъ недалеко отъ берега стоялъ, покачиваясь на якоряхъ, нашъ пароходъ. Наше долгое паломничество было кончено, и мы, повидимому, всѣ были рады этому.

(Описаніе Яффы смотри у Универсальнаго Газетчика). Тутъ жилъ когда-то Симонъ-Кожевникъ, и мы отправились осматривать его домъ. Всѣ паломники посѣщаютъ домъ Симона-Ко-

жевника. Тутъ было видѣніе апостолу Петру, когда онъ молился на кровлѣ дома Симона-Кожевника, и отсюда же отплылъ на кораблѣ пророкъ Іона, когда ему велѣно было итти на проповѣдь въ Ниневію, и, вѣроятно, неподалеку отъ этого города его выбросилъ китъ. Бревна, употреблявшіяся при постройкѣ храма Соломонова, доставлялись къ Яффѣ на плотахъ, и узкій проходъ между рифами, которымъ проходили плоты къ берегу, не былъ ни на одинъ дюймъ уже и нисколько не опаснѣе, чѣмъ теперь. Такова сонная натура населенія этого единственно хорошаго порта въ Палестинѣ какъ теперь, такъ и раньше. У Яффы есть своя исторія и даже очень бурная, но о ней ничего не говорится въ этой книгѣ.

Таковъ конецъ нашего паломничества. Мы можемъ только радоваться, что предприняли его не съ цѣлью насытить наши взоры очаровательными картинами природы, потому что тогда намъ пришлось бы разочароваться, по крайней мѣрѣ, въ это время года.

Палестина, по-моему, должна быть поставлена первой среди всѣхъ остальныхъ мѣстъ, извѣстныхъ безотраднымъ видомъ природы. Обнаженные холмы бѣдны красками и не живописны. Долины представляютъ собой неприглядныя пустыни съ чахлой растительностью, которая имѣетъ печальный и унылый видъ. Мертвое море и море Галилейское спятъ среди обширнаго пространства холмовъ и равнинъ, гдѣ взоръ не встрѣчаетъ ничего пріятнаго для глазъ. Каждое очертаніе рѣзко, каждый контуръ вырисовывается ясно; здѣсь нѣтъ перспективы, разстояніе не имѣетъ тутъ никакого значенія. Это—унылая, мрачная, надрывающая душу страна.

Нѣкоторые небольшіе клочки земли должны быть однакоже очень красивы во время полнаго расцвѣта весны, особенно какъ контрастъ съ далеко простирающимся безотраднымъ пространствомъ, окружающимъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Мнѣ очень хотѣлось было увидѣть долину Іордана весной, а также Сихемъ, Ездрилонъ, Аялонъ и берега Галилеи,—но даже и тогда эти мѣста имѣли бы видъ просто игрушечныхъ садовъ, разбросанныхъ въ далекомъ разстояніи одинъ отъ другого среди безграничной пустыни.

Палестина облечена во вретище и голова ея посыпана пепломъ. Надъ нею тяготятъ чары проклятія, которое изсушило ея поля и сковало ея силы. Тамъ, гдѣ стояли нѣкогда храмы и башни Содома и Гоморры, тамъ теперь Мертвое море, въ горькихъ водахъ котораго не живетъ ни одно живое существо, надъ ровной поверхностью котораго виситъ неподвижный и безмолвный воздухъ, по берегамъ котораго не растетъ

ничего, кромѣ плевелъ, рѣдкихъ пучковъ тростника и вѣроломнаго плода, который сулитъ прохладу пересохшимъ устамъ, но распадается впрахъ при прикосновенiи. Назаретъ въ запустѣнiи; на той сторонѣ Iордана, откуда израильтяне съ пѣснями и ликованiемъ вступали въ Землю Обѣтованную, теперь только грязное становище бедуиновъ пустыни; преданный проклятiю Iерихонъ лежитъ въ развалинахъ въ томъ самомъ видѣ, какимъ его сдѣлало чудо, совершенное Iисусомъ Навиномъ болѣе трехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ; Виѳлеемъ и Виѳанiя не имѣютъ теперь ничего, что напоминало бы о томъ, что тутъ нѣкогда жилъ Спаситель; святое мѣсто, гдѣ пастухи ночью стерегли свои стада и гдѣ ангелы пѣли „на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволенiе", не обитаемо ни однимъ живымъ существомъ и не отмѣчено ни одной благословенной чертой, прiятной для глазъ. Самъ Iерусалимъ и тотъ утратилъ свое прежнее величiе и сдѣлался бѣдной деревушкой; тамъ нѣтъ больше богатствъ Соломона, чтобы возбуждать восхищенiе царицъ Востока; нѣтъ удивительнаго храма, который составлялъ гордость и славу израильтянъ, и турецкiй полумѣсяцъ стоитъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ былъ воздвигнутъ Святой Крестъ. Знаменитое море Галилейское, гдѣ нѣкогда стояли на якоряхъ римскiя суда, и гдѣ плавали на лодкахъ ученики Спасителя, теперь окружено безмолвной пустыней; Капернаумъ—безформенная развалина; Магдала—пристанище нищенствующихъ арабовъ; Виѳсаида и Хоразинъ исчезли съ лица земли, а окружающiя ихъ „пустынныя мѣста", гдѣ нѣкогда тысячи людей слушали голосъ Спасителя и насыщались чудеснымъ образомъ хлѣбами, спятъ въ безмолвномъ уединенiи пустыни, населенной хищными птицами да лисицами.

Палестина пустынна и непривлекательна. Да почему бы и быть ей иною? Развѣ можетъ проклятiе Божiе украсить землю?

Палестина больше не принадлежитъ къ нынѣшнему мiру, — это страна грезъ, у которой все въ прошломъ, которая живетъ одними лишь преданiями.

LVII.

Какъ прiятно было очутиться снова на пароходѣ и почувствовать себя, такъ сказать, дома.

Мы сняли съ себя синiя шерстяныя рубашки, тяжелые сапоги со шпорами и замшевыя рейтузы, побрились и снова появились въ своихъ христiанскихъ костюмахъ, за исключенiемъ

Джэка, впрочемъ, который не пожелалъ разстаться со своими замшевыми рейтузами; поэтому его фигура въ короткой гороховой курткѣ, съ длинными тонкими ногами, представляла довольно любопытный предметъ для наблюденія, когда онъ стоялъ на бакѣ и смотрѣлъ на океанъ.

Совершивъ пріятный переходъ по морю и отдохнувъ, какъ слѣдуетъ, мы передъ вечеромъ подошли къ Египту и увидѣли освѣщенные мягкимъ свѣтомъ заходящаго солнца куполы и минареты Александріи, какъ бы выходившіе изъ воды. Какъ только бросили якорь, мы съ Джэкомъ взяли лодку и поѣхали къ берегу. Къ этому времени стало уже темно, и потому остальные пассажиры предпочли остаться на пароходѣ и отправиться осматривать древній Египетъ на другой день послѣ завтрака. Такъ же точно они поступили и въ Константинополѣ. Они живо интересовались новыми странами, но ихъ школьническое нетерпѣніе уже истощилось, и они по опыту знали, что всего благоразумнѣе не горячиться и спокойно продолжать свой путь съ возможными удобствами—эти старыя страны не убѣгутъ за ночь, онѣ будутъ на томъ же мѣстѣ и послѣ завтрака.

Когда мы вышли на берегъ, мы тамъ увидѣли цѣлую армію египетскихъ мальчишекъ съ ослами, ростомъ не больше ихъ самихъ; они тутъ ждали пассажировъ, потому что въ Египтѣ ослы замѣняютъ экипажи. Намъ хотѣлось пройтись пѣшкомъ, но мы не могли поступить по-своему. Мальчишки толпились вокругъ насъ, шумѣли и загораживали своими осликами намъ дорогу, куда бы мы ни повернули. Это были добродушные плутишки и такіе же были у нихъ и ослы. Мы сѣли и мальчишки побѣжали за нами и погнали своихъ ословъ бѣшенымъ галопомъ, какъ это бывало и въ Дамаскѣ. Мнѣ гораздо больше нравится ѣзда на ослахъ, чѣмъ на другихъ какихъ-либо животныхъ. Оселъ бѣжитъ проворно, не поднимаетъ носа, послушенъ, хотя и упрямъ. Самъ сатана не могъ бы его испугать, и потомъ, когда вы устанете ѣхать, вы можете опустить ноги на землю и дать ему ускакать изъ-подъ васъ.

Мы нашли отель и взяли себѣ комнаты, при чемъ имѣли счастье узнать, что здѣсь нѣкогда останавливался принцъ Уэльскій. Объ этомъ были всюду выставлены объявленія; но съ тѣхъ поръ здѣсь не останавливались знатныя особы, пока не явились мы съ Джэкомъ. Затѣмъ мы отправились осматривать городъ и всюду видѣли громадныя зданія и широкія красивыя улицы, залитыя свѣтомъ газовыхъ фонарей. Вечеромъ это что-то въ родѣ Парижа.

Утромъ на берегъ явились кочевники изъ Америки, наводнили гостиницы и завладѣли всѣми ослами и всѣми откры-

тыми экипажами, какіе только имъ предлагали, а затѣмъ отправились живописной процессіей къ американскому консулу, къ большимъ садамъ, къ Игламъ Клеопатры, къ Помпеевой колоннѣ, къ дворцу египетскаго вице-короля, къ Нилу, къ великолѣпнымъ рощамъ финиковыхъ пальмъ. У одного изъ самыхъ ярыхъ нашихъ собирателей вещицъ „на память" былъ съ собой молотокъ, и онъ пробовалъ имъ отбить кусокъ отъ Иглы, которая стояла, но потерпѣлъ неудачу, затѣмъ онъ пробовалъ отбить кусокъ отъ лежачей, но тоже неудачно; тогда онъ взялъ тяжелый молотокъ у одного каменщика и снова потерпѣлъ неудачу. Потомъ онъ пыталъ счастья у Помпеевой колонны, но и та обманула его надежды. Кругомъ могущественнаго монумента стояли сфинксы, высѣченные изъ египетскаго гранита твердаго, какъ сталь; на ихъ величественныхъ чертахъ не замѣтно было и признаковъ, что они стоятъ уже пять тысячъ лѣтъ. Собиратель коллекцій упорно колотилъ по нимъ молоткомъ, но они смотрѣли на него съ величественной улыбкой, которая, казалось, говорила: „Долби, бѣдная букашка; намъ нечего бояться такихъ, какъ ты; въ теченіе многихъ десятковъ вѣковъ мы видѣли такихъ, какъ ты, больше, чѣмъ у тебя песчинокъ подъ ногами; а развѣ они причинили намъ какой-нибудь вредъ?

Но я совсѣмъ забылъ о яффскихъ колонистахъ. Въ Яффѣ мы взяли на пароходъ человѣкъ сорокъ членовъ очень извѣстной общины. Тутъ были мужчины и женщины, младенцы, молодые люди и молодыя дѣвушки, молодые супруги и такіе, которые перешли уже за границы весны своей жизни. Я говорю объ яффской колоніи Адамса. Остальные члены колоніи дезертировали раньше. Въ Яффѣ мы покинули м-ра Адамса, его жену и пятнадцать несчастныхъ, у которыхъ не только не было денегъ, но которые не знали даже, какъ имъ быть и за что имъ приняться. Такъ намъ объяснили ихъ положеніе. Наши сорокъ человѣкъ тоже казались существами очень несчастными. Во все время переѣзда они лежали вповалку, страдая морской болѣзнью, и это, думается мнѣ, довершило ихъ бѣдствія. Впрочемъ, двое или трое изъ молодежи оставались на ногахъ, и мы, путемъ неустанныхъ разспросовъ, добыли отъ нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Они сообщали ихъ неохотно и очень отрывочно, потому что, будучи безсовѣстно обмануты своимъ пророкомъ, они чувствовали себя униженными и несчастными. А при такихъ условіяхъ люди обыкновенно не особенно охотно пускаются въ разговоры.

Колонія потерпѣла полное фіаско. Я уже говорилъ, что всѣ тѣ, кто могъ, одинъ за другимъ уѣхали раньше. Пророкъ

Адамсъ (сначала онъ былъ актеромъ, потомъ еще кѣмъ-то, потомъ еще кѣмъ-то, затѣмъ сталъ мормономъ и проповѣдникомъ, но не отказался отъ жажды приключеній)—очутился, наконецъ, въ Яффѣ съ горстью своихъ несчастныхъ послѣдователей. Тѣ сорокъ, которыхъ мы взяли съ собой, были преимущественно бѣдняки, хотя и не всѣ. Они хотѣли ѣхать въ Египетъ. Что съ ними будетъ дальше,—они не знали да вѣроятно и не заботились объ этомъ; они думали только о томъ, чтобы выбраться изъ ненавистной имъ Яффы. У нихъ было мало надежды на это, потому что въ Новой Англіи, куда они обратились за помощью чрезъ посредство газетъ, въ пользу ихъ, по подпискѣ, поступилъ всего одинъ долларъ. Генеральный консулъ въ Египтѣ показалъ мнѣ газетную статью, въ которой сообщалось объ этомъ, а также и о прекращеніи пріема пожертвованій. Очевидно, Новая Англія желала просто избавиться отъ такихъ личностей и не имѣла ни малѣйшаго желанія хлопотать о возвращеніи ихъ на родину. Поэтому-то поѣздка въ Египетъ все-таки была нѣчто въ глазахъ несчастныхъ колонистовъ, какъ ни казалась безнадежной перспектива когда-нибудь двинуться дальше.

При такихъ-то обстоятельствахъ они сошли на берегъ въ Александріи съ нашего парохода. Одинъ изъ нашихъ пассажировъ, м-ръ Б., справившись у консула, что отправка этихъ несчастныхъ домой въ Мэнъ черезъ Ливерпуль будетъ стоить тысячу пятьсотъ долларовъ золотомъ, выдалъ чекъ на эту сумму, и этимъ положилъ конецъ бѣдствіямъ яффскихъ колонистовъ.

Александрія слишкомъ похожа на европейскій городъ и потому не могла интересовать насъ какъ новинка и скоро надоѣла намъ. Мы рѣшили покинуть ее и отправились въ древній Каиръ, который могъ служить настоящимъ образцомъ восточнаго города. Въ немъ мало такого, что могло бы ввести въ заблужденіе человѣка и заставить его подумать, что онъ находится не въ самомъ сердцѣ Аравіи. Величавые двугорбые верблюды и одногорбые дромодеры, смуглые египтяне, такіе же смуглые турки и черные эѳіопы въ тюрбанахъ, поясахъ, обращаютъ на себя вниманіе богатымъ разнообразіемъ восточныхъ костюмовъ всѣхъ оттѣнковъ яркихъ цвѣтовъ,—вотъ что видишь тамъ, на узкихъ улицахъ и на многолюдныхъ базарахъ. Мы остановились въ гостиницѣ Караванъ-Сарая, хуже которой не можетъ быть во всемъ мірѣ, за исключеніемъ развѣ той, въ которой я останавливался нѣкогда въ одномъ маленькомъ городкѣ въ Соединенныхъ Штатахъ. Что это была за гостиница, можно судить по тому, что мнѣ (мы пріѣхали поздно вечеромъ) стоило большого труда раздобыть лампу вмѣсто двухъ

огарковъ сальныхъ свѣчей, которые только чадили, но не давали ни капельки свѣта. Затѣмъ кровать въ моей комнатѣ съ ободранными обоями, умывальникъ и треснувшее по срединѣ кривое зеркало,—все это было такое, какого мнѣ не приходилось видѣть нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.

На другой день утромъ меня разбудилъ доносившійся съ улицы гомонъ мальчишекъ—египтянъ, которые собрались у подъѣзда нашей гостиницы, кажется, со всего свѣта... Мы еще наканунѣ объявили, что имѣемъ намѣреніе отправиться осматривать знаменитыя египетскія пирамиды, и доносившіеся съ улицы крики обозначали, что тамъ происходитъ осмотръ и выборъ ословъ моими спутниками. Я быстро одѣлся и отправился выбрать осла и для себя.

LVIII.

Ослы были всѣ хорошіе, всѣ красивые, сильные, въ хорошемъ состояніи, проворные и всѣ видимо горѣли желаніемъ доказать это. Такихъ хорошихъ ословъ намъ еще не случалось видѣть. Нѣкоторые изъ нихъ были нѣжнаго мышинаго цвѣта, другіе бѣлые, затѣмъ были еще черные и пестрые. Всѣ они побывали утромъ у ослиныхъ парикмахеровъ, которые постригли и побрили ихъ, а нѣкоторые изъ бѣлыхъ ословъ были даже раскрашены, какъ зебры, во всѣ цвѣта радуги синей, красной и желтой красками. Дэнъ и Джэкъ выбрали себѣ ословъ изъ этой категоріи, потому что они напоминали картины италіанскихъ „старыхъ мастеровъ". Сѣдла были высокія, мягкія, похожія на лягушекъ,—съ такими сѣдлами мы познакомились уже въ Ефесѣ и въ Смирнѣ. Мальчики-погонщики были живые, молодые египтяне, которые могли, не уставая, полдня бѣжать за осломъ и гнать его все это время рысью. Въ началѣ пути у насъ были не совсѣмъ пріятныя столкновенія со встрѣчными верблюдами, дервишами, эффенди, ослами, нищими и всѣмъ прочимъ, что представляло дли упрямыхъ осликовъ удобный случай къ столкновенію. Но когда мы свернули на широкую дорогу, которая ведетъ изъ города къ старому Каиру, тутъ намъ былъ уже полный просторъ. Стоявшія по обѣ стороны дороги величественныя финиковыя пальмы, которыя огораживали сады и окаймляли дорогу живой изгородью, отбрасывали тѣнь и давали намъ пріятную прохладу.

Иногда во время этого пути намъ приходилось видѣть картины чисто восточнаго характера. Вотъ, напримѣръ, дѣвочка, на взглядъ лѣтъ тринадцати,—она шла по большой дорогѣ въ

костюмѣ Евы до грѣхопаденія. Мы дали бы ей тринадцать лѣтъ у себя на родинѣ; но здѣсь дѣвочки, выглядывающія тринадцатилѣтними, часто имѣютъ въ дѣйствительности всего девять лѣтъ. Иногда мы видѣли прекрасно сложенныхъ, сильныхъ голыхъ мужчинъ, которые купались, не пытаясь укрыться. Впрочемъ, часовое знакомство съ этими обычаями примирило съ ними паломниковъ, и тогда они перестали даже обращать на все это вниманіе. Такъ легко привыкаютъ къ поразительнымъ новшествамъ пресыщенные зрѣлищами путешественники!

Пріѣхавъ въ Старый Каиръ, погонщики взялиословъ и стащили ихъ въ небольшую лодку съ четыреугольнымъ латинскимъ парусомъ; мы послѣдовали за ними и двинулись въ путь. Палуба была биткомъ набита ослами и людьми; двое служащихъ на лодкѣ матросовъ должны были лазить черезъ людей иословъ, чтобы повернуть парусъ, а рулевой долженъ былъ отталкивать четырехъ или пятерыхъ словъ, когда хотѣлъ повернуть руль. Но мы точно не замѣчали этихъ неудобствъ и спокойно отталкивали словъ, когда они становились намъ на ноги и мѣшали любоваться Ниломъ.

На островѣ, справа отъ насъ, стояла машина, которая называлась Нилометръ; это—каменная колонна, обязанность которой заключалась въ томъ, чтобы отмѣчать поднятіе воды въ рѣкѣ и предсказывать, достигнетъ ли она только тридцати двухъ футовъ и повлечетъ за собою голодъ, или же поднимется до сорока футовъ, затопитъ берега и дастъ урожай, или же, наконецъ, поднимется до сорока трехъ футовъ и повлечетъ за собою смерть и гибель стадамъ и урожаю, но какъ именно она дѣлаетъ все это, этого намъ не могли объяснить такъ, чтобы мы могли понять. На этомъ же самомъ островѣ все еще показываютъ то мѣсто, гдѣ дочь фараона нашла Моисея въ тростникѣ. Тутъ же, неподалеку, жило Святое Семейство, когда переселилось въ Египетъ, пока Иродъ не докончилъ избіенія младенцевъ. Еще недавно тамъ существовало то самое дерево, подъ которымъ они отдыхали, но вице-король египетскій отослалъ его недавно императрицѣ Евгеніи. Онъ сдѣлалъ это какъ разъ во-время, иначе его увезли бы съ собою наши паломники.

Нилъ въ этомъ мѣстѣ грязенъ, течетъ быстро, берега его низменны и по ширинѣ онъ немногимъ уступитъ Миссисипи.

Мы взобрались на крутой берегъ городка Гизеха, снова сѣли на словъ и поѣхали дальше. На разстояніи четырехъ-пяти миль дорога шла вдоль высокой насыпи, которая, говорятъ, полотно желѣзной дороги, которую султанъ намѣревается

построить для того, чтобы, когда сюда прiѣдетъ императрица французская, ей можно было бы съ комфортомъ проѣхать къ пирамидамъ. Это настоящее восточное гостепрiимство; но я радъ, что мы имѣемъ привилегiю пользоваться ослами вмѣсто вагоновъ.

Передъ нами, въ разстоянiи нѣсколькихъ миль, показались пирамиды, поднимаясь надъ пальмами. Онѣ стояли точно окутанныя дымкой тумана, который отнималъ у нихъ всякiй намекъ на безчувственный камень и дѣлалъ ихъ похожими на что-то фантастическое, созданное игрой воображенiя.

Намъ снова пришлось покинуть своихъ осликовъ и сѣсть въ парусную лодку, чтобы переѣхать черезъ рукавъ Нила, и мы вышли на берегъ тамъ, гдѣ пески Великой Сахары оставили послѣ себя насыпь, прямую, какъ стѣна, вдоль всего берега рѣки. Трудное странствованiе подъ палящими лучами солнца привело насъ къ подошвѣ великой пирамиды Хеопса. Теперь она уже не была прекраснымъ видѣнiемъ. Это была сморщенная, невзрачная каменная гора. Каждый изъ ея чудовищныхъ боковъ былъ широкой лѣстницей, которая поднималась вверхъ, ступенька за ступенькой, суживаясь постепенно, пока не сходилась въ видѣ точки высоко въ воздухѣ. Пассажиры съ нашего парохода, мужчины и женщины, точно букашки, взбирались вверхъ, и одна маленькая черная кучка махала въ воздухѣ съ вершины почтовыми марками, т.-е. носовыми платками.

Насъ, конечно, осадила толпа мускулистыхъ египтянъ и арабовъ, которые предлагали намъ втащить насъ наверхъ, какъ это дѣлаютъ всѣ туристы. Шейхи говорили, что они единственныя отвѣтственныя лица, что всѣ условiя должны быть заключены съ ними, всѣ деньги надо платить имъ, и что мы не должны обращаться ни къ кому, кромѣ нихъ. Мы сторговались съ ними, заплатили имъ, и носильщики втащили насъ на пирамиды, за что мы, само собой разумѣется, заплатили имъ бакшишъ.

Каждая ступенька вышиною съ обѣденный столъ: такихъ ступенекъ тутъ очень, очень много; арабъ держитъ каждаго изъ насъ за обѣ руки и прыгаетъ вверхъ со ступеньки на ступеньку, таща насъ съ собою, заставляя насъ каждый разъ поднимать ноги наравнѣ съ грудью, дѣлать это быстро, такъ что мы готовы упасть въ обморокъ,—кто же посмѣетъ послѣ этого сказать, что восхожденiе на пирамиды не самое прiятное, веселое, самое полезное для развитiя мускуловъ, ломающее кости и въ высшей степени мучительное и изнурительное времяпрепровожденiе? Я убѣждалъ арабовъ не ломать всѣхъ

моихъ суставовъ сразу; я доказывалъ имъ, даже заклиналъ ихъ, что не желаю никого опередить и, что если я доберусь туда даже послѣднимъ, то все равно буду счастливѣйшимъ изъ людей и вѣчно буду благодаренъ имъ; я умолялъ ихъ дать мнѣ передохнуть хоть минуту, только одну минуту, но они только еще усерднѣе начинали тащить меня кверху.

Два раза за это время они все-таки дали мнѣ передохнуть по одной минутѣ, но и то за тѣмъ, чтобы взять съ меня бакшишъ, а потомъ потащили меня опять на пирамиду. Они хотѣли опередить остальныхъ. Ихъ нисколько не заботило, что я буду принесенъ въ жертву на алтарь ихъ честолюбія. Но среди печали расцвѣтаетъ и радость. Даже въ этотъ мрачный часъ у меня было отрадное утѣшеніе: я думалъ въ это время, что если эти магометане не раскаются, то они попадутъ прямо въ адъ, а они, навѣрное, не раскаются. Эта мысль успокоила меня, развеселила, и я опустился на вершинѣ вялый, изнуренный, но счастливый и довольный.

Съ одной стороны до самаго горизонта простиралось огромное море желтаго песку, торжественное, безмолвное, лишенное растительности; съ другой—подъ нами простирался египетскій Эдемъ, широкій зеленый коверъ, орошаемый извилистой рѣкой, пестрѣвшій деревнями. И все это точно погружено въ волшебный сонъ. Ни звука ни движенія. Въ срединѣ, подъ пальмовыми вѣтвями, поднимаются куполы и башни, сверкающіе сквозь нѣжный тонкій туманъ; на горизонтѣ двѣнадцать величественныхъ пирамидъ сторожатъ Мемфисъ, а у нашихъ ногъ кроткій, безстрастный сфинксъ смотритъ на эту картину со своего трона въ пескахъ такъ же спокойно и задумчиво, какъ онъ смотрѣлъ на нее и цѣлыхъ пятьдесятъ вѣковъ тому назадъ.

Никакое перо не въ силахъ описать, какія мы испытывали мученія отъ жадныхъ моленій о бакшишѣ, которыя сверкали въ глазахъ арабовъ и безпрестанно срывались съ ихъ устъ.

Одинъ изъ арабовъ предложилъ намъ, что онъ сбѣжитъ съ пирамиды Хеопса, пробѣжитъ одну восьмую мили по песку между нею и высокой пирамидой Хефрена, взберется на вершину Хефрена и вернется къ намъ на вершину Хеопса,— все это въ девять минутъ по часамъ, и за все это всего одинъ долларъ. Въ первую минуту я было отказался отъ его предложенія, но затѣмъ предложеніе его мнѣ показалось заманчивымъ. Верхняя треть пирамиды Хефрена обложена гладкимъ, какъ стекло, мрамомъ, и онъ долженъ былъ неминуемо сломать себѣ шею. Мы заключили съ нимъ дого-

воръ. Онъ отправился. Мы стали наблюдать. Онъ спускался по широкому склону прыжками, какъ ибисъ, и становился все меньше и меньше, пока не сдѣлался пигмеемъ-червячкомъ внизу, у основанія пирамиды, а затѣмъ исчезъ... Прошло сорокъ секундъ... восемьдесятъ секундъ... сто... О, счастье, онъ уже умеръ!.. Двѣ минуты... съ четвертью... Вотъ онъ! Горькая истина, слишкомъ горькая истина. Теперь онъ былъ еще очень малъ. Онъ бѣжалъ по песку... Но вотъ онъ снова началъ прыгать и карабкаться. Выше, выше, выше... наконецъ достигъ гладкой поверхности... Теперь на ней... Онъ цѣплялся за нее ногтями и пальцами, какъ муха. Онъ ползъ то въ ту, то въ другую сторону... То вправо, поднимаясь вверхъ, то влѣво, тоже карабкаясь вверхъ... и наконецъ остановился, какъ черная шпилька, на вершинѣ и, помахалъ, своимъ крошечнымъ платочкомъ. Затѣмъ онъ снова поползъ внизъ по ступенькамъ, потомъ спустился внизъ и побѣжалъ... Мы опять потеряли его изъ виду. Но скоро снова увидѣли его подъ собою, когда онъ сталъ карабкаться на пирамиду. Скоро онъ прыгнулъ къ намъ съ побѣднымъ военнымъ кликомъ. Прошло восемь минутъ сорокъ одна секунда. Онъ выигралъ. Я задумался. Я сказалъ себѣ, что онъ усталъ и долженъ былъ ослабѣть. Рискну-ка на второй долларъ.

Онъ снова побѣжалъ и снова совершилъ это путешествіе. Онъ скатился съ гладкой поверхности... Я чуть было не выигралъ. Но незначительная трещина спасла его. Онъ снова былъ съ нами... совершенно невредимъ. Прошло восемь минутъ сорокъ шесть секундъ.

Я сказалъ Дэну:

— Одолжи мнѣ долларъ... Мнѣ кажется, что я могу еще выиграть.

Хуже и хуже. Онъ снова выигралъ. Прошло восемь минутъ сорокъ восемь секундъ. Теперь я потерялъ терпѣніе. Я былъ въ отчаяніи. Мнѣ уже не жаль было денегъ. Мнѣ хотѣлось выиграть, и я сказалъ:

— Сынъ пророка, я дамъ тебѣ сто долларовъ, если ты бросишься съ этой пирамиды головою внизъ. Если тебѣ не нравятся условія, предлагай другія. Я не постою за издержками. Я буду стоять здѣсь и рисковать деньгами, пока у Дэна останется хоть одинъ центъ.

Теперь я имѣлъ прекрасный случай выиграть, потому что это былъ блестящій случай для араба. Онъ задумался на минуту и, я думаю, сдѣлалъ бы это, но тутъ появилась его мать и помѣшала. Ея слезы тронули меня, — я никогда не могу равнодушно видѣть женскихъ слезъ, — и я сказалъ, что

дамъ и ей сто долларовъ, если она тоже спрыгнетъ съ пирамиды.

Но и тутъ неудача. Арабы слишкомъ высоко цѣнятъ себя въ Египтѣ. Они напускаютъ на себя важность, которая неприлична для такихъ дикарей.

Мы сошли внизъ разгоряченные и не въ духѣ. Драгоманъ зажегъ свѣчи, и мы вошли въ отверстіе у подошвы пирамиды въ сопровожденіи шумной толпы арабовъ, которые непрошенно навязывали намъ свои услуги. Они потащили насъ по длинному наклонному спуску и капали на насъ свѣчнымъ саломъ. Этотъ спускъ былъ всего вдвое шире и выше сундука свѣтской дамы; его стѣны, крыша и полъ были изъ плитъ египетскаго гранита, шириною въ гардеробъ, но вдвое толще и втрое длиннѣе его. Мы продолжали пробираться въ подавляющемъ мракѣ, пока я думалъ, что мы должны быть возлѣ вершины пирамиды, а затѣмъ мы пришли въ усыпальницу царицы, а вскорѣ и въ усыпальницу царя. Эти огромные аппартаменты были могилы. Стѣны были сложены изъ чудовищныхъ плитъ гладкаго гранита, тщательно пригнанныхъ одн[illegible] къ другой. Нѣкоторыя изъ нихъ въ квадратѣ равнялись обыкновенной гостиной. Въ центрѣ усыпальницы царя стоялъ огромный каменный саркофагъ, похожій на ванну. Вокругъ него собралась живописная группа дикихъ арабовъ и засаленныхъ, оборванныхъ путешественниковъ, которые, разговаривая, высоко держали свои свѣчи, и мерцающія пятна свѣта распространяли тусклое сіяніе надъ головой одного изъ неудержимыхъ искателей рѣдкостей, который долбилъ саркофагъ своимъ кощунственнымъ молоткомъ.

Мы поспѣшили выйти на свѣжій воздухъ къ яркому солнцу и въ теченіе тридцати минутъ принимали оборванныхъ арабовъ парами, дюжинами и группами и платили имъ бакшишъ за услуги, которыя они будто бы оказали намъ, но о которыхъ мы даже и не подозрѣвали, при чемъ получившій деньги отступалъ и становился въ хвостѣ, а затѣмъ снова являлся за полученіемъ бакшиша.

Мы позавтракали подъ сѣнью пирамиды, а затѣмъ Дэнъ, Джэкъ и я отправились на прогулку. За нами послѣдовала толпа кричащихъ туземцевъ. Съ нами былъ и шейхъ, въ развѣвающемся бѣломъ бурнусѣ и яркомъ головномъ уборѣ. Онъ требовалъ съ насъ еще бакшишъ. Но мы ввели новый законъ,—милліоны тѣлохранителей, но ни цента бакшиша. Я спросилъ его, не можетъ ли онъ заставить остальныхъ уйти, если мы ему за это заплатимъ. Онъ сказалъ „да“ и потребовалъ десять франковъ. Мы приняли это условіе и сказали:

— Теперь заставьте своихъ вассаловъ уйти.

Онъ взмахнулъ длиннымъ жезломъ, и три араба упали на песокъ. Онъ метался въ толпѣ, какъ безумный. Его удары сыпались градомъ, и куда только попадалъ ударъ, тамъ падалъ одинъ изъ его подданныхъ. Мы бросились къ нему и сказали ему, что мы желаемъ только отдѣлаться отъ нихъ, а убивать ихъ не надо. Чрезъ двѣ минуты мы остались одни съ шейхомъ, и къ намъ больше никто уже не приставалъ.

Каждый склонъ пирамиды Хеопса имѣетъ семьсотъ съ чѣмъ-то футовъ. Когда я былъ въ первый разъ на Миссисипи, я думалъ, что самая высокая изъ скалъ на рѣкѣ между Сенъ-Луи и Новымъ Орлеаномъ (это близъ Сельмы, Миссури), вѣроятно, и высочайшая гора въ мірѣ. Она имѣетъ четыреста тридцать футовъ въ вышину. Но симметричная пирамида Хеопса, эта солидная каменная гора, воздвигнутая терпѣливыми руками человѣческими,—эта величественная могила забытаго монарха,—обращаетъ въ карлика дорогую мнѣ гору, потому что она имѣетъ четыреста восемьдесятъ футовъ высоты. Въ еще болѣе отдаленные годы „вакаціонный холмъ“ въ нашемъ городѣ былъ для меня величайшимъ твореніемъ Господа. Казалось, что онъ прорѣзаетъ небеса. Онъ имѣлъ около трехсотъ футовъ въ вышину. Въ тѣ дни я много думалъ надъ этимъ, но не могъ понять, почему онъ не сольетъ своей вершины съ облаками и не увѣнчаетъ свое великое чело вѣчными снѣгами. Я слышалъ, что таково было обыкновеніе великихъ горъ въ другихъ частяхъ свѣта. Я припомнилъ, какъ я трудился съ другимъ мальчикомъ въ послѣобѣденное время, которое урывалъ отъ занятій, за что получалъ розги, чтобы выкопать и сдвинуть съ мѣста огромный камень который лежалъ однимъ концомъ на вершинѣ этого холма; я помню, какъ однажды въ субботу, послѣ полудня, мы цѣлыхъ три часа добросовѣстно трудились надъ этимъ, пока увидѣли, что конецъ нашихъ трудовъ уже недалекъ. Я помню, какъ мы тогда сѣли, чтобы отереть потъ и пропустить общество, отправлявшееся на пикникъ внизъ по дорогѣ, а затѣмъ сдвинули камень. Это было великолѣпно. Онъ катился внизъ по склону холма, вырывая кусты и траву, разрывая, давя и сокрушая все на своемъ пути. Но этотъ сдвинутый нами камень былъ ничто въ сравненіи съ пирамидой Хеопса. Я не могу подыскать никакого сравненія, которое могло бы дать удовлетворительное понятіе о величіи груды чудовищныхъ камней, которые покрывали тринадцать акровъ земли и простирались вверхъ на цѣлыхъ четыреста восемь-

десятъ футовъ, и я отказался отъ своего намѣренія и пошелъ къ сфинксу.

Огромное лицо было такъ серьезно, такъ печально, такъ задумчиво, такъ терпѣливо. Въ немъ было неземное достоинство, а въ выраженіи лица его было такое благодушіе, которое никогда не бываетъ у человѣка. Оно было каменное, но, казалось, могло чувствовать. Если каменное изображеніе можетъ думать, то онъ думалъ. Онъ смотрѣлъ на границы ландшафта, но не видѣлъ ничего,—ничего, кромѣ пространства и пустоты. Онъ провидѣлъ будущее, и въ то же время взоръ его былъ устремленъ въ далекое прошлое. Онъ думалъ о войнахъ прошедшихъ вѣковъ, о царствахъ, которыя у него на глазахъ создавались и рушились, о радости и горѣ, жизни и смерти, величіи и паденіи,—обо всемъ, что совершалось въ теченіе пяти тысячъ долгихъ лѣтъ.

Сфинксъ великъ въ своемъ уединеніи; онъ внушителенъ своимъ величіемъ, онъ подавляетъ своей таинственностью, которой окутано его прошлое.

Въ то время, какъ мы стояли и смотрѣли на сфинкса, на подбородкѣ у него появился какой-то наростъ, въ родѣ бородавки, и въ ту же минуту мы услыхали хорошо знакомый намъ стукъ молотка и сразу поняли въ чемъ дѣло. Одинъ изъ нашихъ собирателей коллекцій взобрался туда и старался отбить кусочекъ отъ лица самаго величественнаго изъ твореній, созданныхъ руками человѣческими. Но величественный сфинксъ продолжалъ смотрѣть въ прошлое такъ же спокойно, какъ и всегда, видимо, даже и не замѣчая, что какая-то маленькая букашка ползетъ у него по щекѣ. Мы послали шейха арестовать виновнаго, если шейхъ имѣетъ на это право, а въ противномъ случаѣ сказать ему, что по египетскимъ законамъ совершаемое имъ преступленіе карается тюремнымъ заключеніемъ или палками. Преступникъ пересталъ тогда колотить молоткомъ и ушелъ.

Намъ что-то помѣшало побывать на Красномъ морѣ и проѣхаться по пескамъ Аравіи. Я не буду описывать великую мечеть Магомета-Али, стѣны которой внутри облицованы гладкимъ, блестящимъ алебастромъ; я не буду говорить о томъ, какъ маленькія пташки вьютъ гнѣзда въ шарахъ большихъ люстръ, висящихъ въ мечети, и какъ онѣ наполняютъ все это мѣсто своей музыкой и никого не боятся, потому что ихъ смѣлость не ставится имъ въ вину, ихъ права уважаются, и никому не позволяется мѣшать имъ, хотя бы даже мечети грозила опасность остаться неосвѣщенной; я не стану, конечно, разсказывать и о позорномъ избіеніи мамелюковъ, потому что

я радуюсь, когда убиваютъ беззаконныхъ негодяевъ, и не желаю нисколько вызывать сочувствіе у другихъ къ нимъ; я не буду разсказывать, какъ одинъ мамелюкъ спрыгнулъ, сидя верхомъ на лошади, благополучно съ укрѣпленій цитадели, съ высоты ста футовъ, потому что не придаю этому значенія, такъ какъ я и самъ могъ бы продѣлать то же самое; я не буду говорить ни о колодцѣ Іосифа, вырытомъ имъ самимъ въ скалѣ цитадели, и до сихъ поръ еще находящемся въ прекрасномъ состояніи, ни о томъ, что мулы, таскающіе изъ этого колодца воду (при помощи безконечной цѣпи) изнуряются на этой работѣ такъ же, какъ и въ то время; я не буду говорить о житницахъ Іосифа, которыя онъ построилъ, чтобы складывать въ нихъ хлѣбъ, запасая его ко времени наступленія голода; я не буду ничего говорить о странномъ, престранномъ городѣ Каирѣ, потому что это было бы только повтореніе, большею частью преувеличенное о восточныхъ городахъ, о которыхъ я уже говорилъ; я ничего не буду говорить о караванѣ, который ежегодно отправляется въ Мекку, потому что я не видалъ его; не скажу я ни слова о существующемъ будто бы обычаѣ ложиться на землю и образовывать изъ себя мостовую изъ человѣческихъ тѣлъ, чтобы по ней проѣхалъ начальникъ каравана на обратномъ пути, такъ какъ это очень важно для спасенія души, потому что этого я тоже не видалъ; я не буду говорить о желѣзной дорогѣ; потому что она похожа на всякую другую желѣзную дорогу, замѣчу только, что на топливо для локомотива они употребляютъ муміи, которыя съ этой цѣлью покупаются на тонны, а то и цѣлыми кладбищами; я не буду говорить о тѣхъ конусообразныхъ кучахъ грязи, которыя остаются послѣ спаденія воды въ прилегающихъ къ рѣкѣ деревушкахъ и селеніяхъ; я не буду говорить о безграничной широкой равнинѣ, гдѣ зеленѣютъ роскошные хлѣба, которые радуютъ взоръ; я не буду говорить о томъ, какое чудное волшебное зрѣлище представляютъ пирамиды, если смотрѣть на нихъ издали съ разстоянія отъ пяти до двадцати миль; я не буду говорить о тѣхъ смуглыхъ женщинахъ, которыя толпились у нашихъ вагоновъ во время остановокъ на станціяхъ, чтобы продать намъ глотокъ воды или румяную сочную гранату; я не буду говорить о пестрой толпѣ въ яркихъ восточныхъ костюмахъ, которую мы видѣли на ярмаркѣ близъ одной изъ станцій; я не буду говорить, какъ мы лакомились свѣжими финиками и наслаждались пріятнымъ ландшафтомъ во время пути; ни о томъ, какъ мы прибыли въ Александрію и, выскочивъ изъ вагоновъ, полетѣли на веслахъ къ пароходу, при чемъ потеряли одного товарища (который долженъ былъ вернуться въ Европу, а от-

туда уже ѣхать домой), снялись съ якоря и поплыли въ обратный путь домой послѣ долгаго путешествія; ни о томъ, какъ вечеромъ Джэкъ и Маультъ всю ночь оплакивали въ курилкѣ потеряннаго товарища. Я ни слова не скажу обо всемъ этомъ, не напишу ни строчки.

Мы были рады, что побывали въ странѣ, которая была колыбелью цивилизаціи, которая обучала Грецію азбукѣ, а чрезъ посредство Греціи обучила Римъ, а чрезъ посредство Рима—и весь міръ,—страну, которая могла бы смягчить и цивилизовать злополучныхъ сыновъ израиля, но позволила имъ оставить свои предѣлы едва не дикарями. Мы были рады, что видѣли страну, которая имѣла просвященную религію съ вѣрою въ загробную жизнь, между тѣмъ какъ вѣрованія Израиля не заключали въ себѣ никакихъ обѣщаній о загробной жизни. Мы были рады, что видѣли страну, которая знала, что̀ такое стекло, за три тысячи лѣтъ до появленія его въ Англіи и умѣла расписывать его лучше, чѣмъ это дѣлается гдѣ бы то ни было и теперь; страну, которая три тысячи лѣтъ тому назадъ знала медицину и хирургію не хуже, чѣмъ это знаютъ теперь; которая имѣла всѣ тѣ любопытные хирургическіе инструменты, которые наука „изобрѣла“ недавно; которая имѣла бумагу на много вѣковъ раньше, чѣмъ она появилась у насъ; которая имѣла совершенную систему общественныхъ школъ задолго до того, какъ мы стали хвалиться своими подвигами въ этомъ направленіи; которая такъ бальзамировала своихъ покойниковъ, что тѣло дѣлалось почти безсмертнымъ,—чего мы не можемъ сдѣлать; которая созидала храмы, которые смѣются надъ всеразрушающимъ временемъ; эту древнюю страну, которая знала все, что мы знаемъ теперь, а можетъ-быть, и больше; которая шла широкой дорогой цивилизаціи за много много вѣковъ до нашего рожденія

LIX.

Теперь мы опять въ морѣ и должны совершить очень длинное путешествіе,—намъ надо проѣхать вдоль всего Востока, вдоль всего Средиземнаго моря, а затѣмъ пересѣчь во всю ширину Атлантическій океанъ,—это путешествіе, требующее нѣсколькихъ недѣль. Мы, конечно, установили очень тихій, домашній образъ жизни, рѣшили быть спокойными, примѣрными людьми, потому что мы устали и нуждались въ продолжительномъ отдыхѣ.

Теперь мы всѣ были лѣнивы и довольны, что доказываютъ скудныя замѣтки въ моей записной книжкѣ, этомъ вѣрномъ

указателѣ состоянія моего духа. Какой, однако, же глупой вещью становится въ концѣ-концовъ записная книжка на морѣ. Обратите, пожалуйста, вниманіе на слогъ:

„*Воскресенье.* — По обыкновенію богослуженіе въ четыре склянки. Вечеромъ опять то же самое. Картъ нѣтъ.

„*Понедѣльникъ.*—Прекрасный день, но сильный дождь. Скотъ, купленный въ Александріи на мясо, надо бы зарѣзать или откормить. Вода стоитъ въ глубокихъ впадинахъ у него за лопатками, а также и по всей спинѣ. Хорошо еще, что это не коровы, она просочилась бы и испортила молоко. Бѣдный сирійскій орелъ во время дождя имѣетъ жалкій видъ и смотритъ уныло, сидя на переднемъ шпилѣ. У него какъ будто свое собственное мнѣніе о морскомъ путешествіи.

„*Вторникъ.*—Въ окрестностяхъ острова Мальты. Тутъ нельзя пристать къ берегу. Холера. Погода очень бурная. Многіе пассажиры страдаютъ морской болѣзнью, и ихъ не видно.

„*Среда.*—Погода все еще очень бурная. Буря занесла двухъ сухопутныхъ птицъ въ море, и онѣ опустились на палубу парохода. Загнало также и ястреба. Онъ кружился надъ кораблемъ, желая сѣсть, но боялся людей. Впрочемъ, онъ такъ усталъ, что ему оставалось или сѣсть, или погибнуть. Онъ нѣсколько разъ садился на формарсъ, но его сдувалъ оттуда вѣтеръ. Наконецъ Гарри поймалъ его. Море полно летучихъ рыбъ. Онѣ поднимаются стаями по триста рыбъ и летятъ черезъ вершины валовъ на разстояніи двухсотъ или трехсотъ футовъ, затѣмъ падаютъ и исчезаютъ.

„*Четвергъ.*—Стали на якорь въ Алжирѣ, въ Африкѣ. Красивый городъ, а за нимъ красивый зеленый холмистый ландшафтъ. Мы простояли полдня и уѣхали. Не позволяютъ высаживаться, хотя мы предъявили совершенно чистый списокъ больныхъ. Они боятся египетской чумы и холеры.

„*Пятница.*—Утромъ домино. Послѣ обѣда домино. Вечеромъ прогулка по палубамъ. Затѣмъ—шарады.

„*Суббота.*—Утромъ домино. Послѣ обѣда домино. Вечеромъ прогулка по палубѣ. Затѣмъ—домино.

„*Воскресенье.* —Утромъ служба въ четыре склянки. Вечеромъ служба въ восемь склянокъ. Однообразіе до полуночи. Затѣмъ—домино.

„*Понедѣльникъ.*—Утромъ домино. Послѣ обѣда домино. Вечеромъ прогулка по палубѣ. Затѣмъ шарады и чтеніе доктора Ч. Домино.

„*Безъ числа.*—Стали на якорь у живописнаго города Кальяри въ Сардиніи. Стояли до полуночи, но эти безсердечные иностранцы не позволили намъ высадиться. Они нехорошо пахнутъ, они не моются,—они не смѣютъ бояться холеры.

„*Четвергъ.* — Стали на якорь у красиваго города Малаги въ Испаніи. Ѣздили къ берегу въ капитанской шлюпкѣ, впрочемъ, не къ берегу, потому что намъ не позволили высадиться. Карантинъ. Я отдалъ на корабль свою газетную корреспонденцію, которую взяли щипцами, окунули въ морскую воду, пробили дырочки, а затѣмъ стали окуривать скверными парами, пока не запахло испанцами. Я спросилъ, можно ли прорвать блокаду и посѣтить Альгамбру въ Гренадѣ. Слишкомъ рискованно, могутъ повѣсить. Днемъ вышли въ море.

„И такъ далѣе и такъ далѣе, въ теченіе нѣсколькихъ дней. Наконецъ стали на якорь въ Гибралтарѣ“.

Это напоминаетъ мнѣ дневникъ, который я давно когда-то, еще бывши мальчикомъ, началъ было вести съ новаго года. Вотъ что я записалъ въ него тогда:

„*Понедѣльникъ.*—Всталъ, умылся, пошелъ спать.

„*Вторникъ.*—Всталъ, умылся, пошелъ спать.

„*Среда.*—Всталъ, умылся, пошелъ спать.

„*Четвергъ.*—Всталъ, умылся, пошелъ спать.

„*Пятница.*—Всталъ, умылся, пошелъ спать.

„*Слѣдующая пятница.*—Всталъ, умылся, пошелъ спать.

„*Пятница черезъ двѣ недѣли.* — Всталъ, умылся, пошелъ спать.

„*Слѣдующій мѣсяцъ.*—Всталъ, умылся, пошелъ спать“.

На этомъ я и остановился въ отчаяніи. Выдающіяся событія случались въ то время въ моей жизни слишкомъ рѣдко для того, чтобы заводить для этого дневникъ, хотя это и даетъ мнѣ возможность съ гордостью замѣтить, что даже и въ томъ раннемъ возрастѣ я всегда умывался по утрамъ. Этотъ дневникъ доканалъ меня. Съ тѣхъ поръ у меня никогда не хватало духу вести его. Слишкомъ рано я утратилъ вѣру въ самого себя въ этомъ отношеніи.

Корабль долженъ былъ простоять недѣлю или больше въ Гибралтарѣ, чтобы запастись углемъ для обратнаго пути.

Было бы очень скучно провести здѣсь все это время, а потому мы вчетверомъ прорвали блокаду и провели семь восхитительныхъ дней въ Севильѣ, Кордовѣ, Кадиксѣ, среди пріятныхъ картинъ деревенской природы Андалузіи,—этого сада древней Испаніи.

LX.

Въ Кадиксѣ, когда мы часовъ въ десять или одиннадцать утра сошли внизъ къ завтраку, намъ сказали, что пароходъ уже два или три часа какъ стоитъ на якорѣ въ бухтѣ; надо, слѣ-

довательно, торопиться, такъ какъ по случаю карантина пароходъ не могъ оставаться долго. Мы направились къ пристани, и черезъ часъ бѣлый городъ и красивые берега Испаніи потонули въ волнахъ и исчезли изъ вида.

На общемъ собраніи въ каютъ-кампаніи давнымъ-давно уже было рѣшено не заходить въ Лиссабонъ, потому что тамъ насъ, навѣрное, посадятъ въ карантинъ. Мы все рѣшали на общихъ собраніяхъ, начиная съ замѣны одного государства другимъ въ программѣ путешествія, до жалобъ на кухню и недостатокъ салфетокъ. Я вспоминаю теперь объ одной изъ этихъ жалобъ на стряпню со стороны одного пассажира. Въ теченіе трехъ недѣль кофе становился все болѣе и болѣе противнымъ, пока, наконецъ, пересталъ совсѣмъ походить на кофе и принялъ видъ простой подцвѣченной воды, какъ говорилъ этотъ человѣкъ. И вотъ однажды утромъ онъ рѣшилъ обратиться по этому поводу съ жалобой къ капитану Дункану и, торжественно поставивъ передъ нимъ чашку съ кофе, сказалъ:

— Попробуйте-ка эту микстуру, капитанъ Дунканъ.

Капитанъ понюхалъ, попробовалъ, добродушно улыбнулся и сказалъ:

— Для кофе это было бы очень нехорошо... но для чая даже очень недурно.

Пристыженный бунтовщикъ понюхалъ, попробовалъ и вернулся на свое мѣсто. Онъ выставилъ себя набитымъ дуракомъ передъ всѣмъ пароходомъ, но зато больше уже никогда не жаловался и былъ доволенъ. Человѣкъ этотъ былъ я.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы вышли въ открытое море, на пароходѣ потянулась обычно монотонная жизнь; всѣ дни были удивительно похожи одинъ на другой, пока мы не увидѣли опять землю, и пока нашъ пароходъ не бросилъ якоря на Функульскомъ рейдѣ знаменитаго острова Мадеры.

Видъ на горы былъ восхитительный. Среди яркой зелени и гребней лавы всюду виднѣлись бѣлые коттэджи, освѣщенные, какъ и горы, яркими лучами солнца.

Но мы тутъ не могли съѣхать на берегъ. И мы провели весь этотъ день въ томъ, что смотрѣли съ палубы на островъ и бранили того, кто выдумалъ карантинъ, но этимъ и ограничивались всѣ наши попытки поближе познакомиться съ островомъ, а вечеромъ мы снялись съ якоря и поплыли дальше.

Мы снова видѣли одинъ только безграничный океанъ... Проходили дни... ночи, пока, наконецъ, передъ нами не выступили изъ моря прекрасные Бермудскіе острова. Мы вступили въ извилистый каналъ и, осторожно пробираясь между островами, стали, наконецъ, на якорь подъ гостепріимнымъ флагомъ Англіи.

Здѣсь мы не были страшнымъ пугаломъ, здѣсь царила цивилизація вмѣсто испанскаго и итальянскаго суевѣрія, грязи и страха передъ холерой. Мы провели здѣсь нѣсколько дней среди прохладныхъ рощъ, цвѣтущихъ садовъ, коралловыхъ гротовъ и безчисленнаго множества каналовъ, которые, то исчезали за густой, вѣчно-зеленой стѣной, то вдругъ опять появлялись передъ изумленными взорами, возстановили силы, истощенныя долгой ѣздой по океану, и стали готовиться къ послѣднему путешествію или, вѣрнѣе, къ короткому переѣзду всего въ тысячу миль до Нью-Йорка, до Америки, до дому.

Мы простились съ „нашими друзьями бермудцами“, какъ они были названы въ программѣ путешествія (большинство изъ тѣхъ, съ которыми мы познакомились, были негры), и снова вышли въ открытое море. Я сказалъ большинство потому, что намъ приходилось имѣть дѣло больше съ неграми и, главнымъ образомъ, по части мытья и стирки; но и среди бѣлаго населенія мы завязали не мало дружескихъ знакомствъ съ людьми, о которыхъ навсегда сохранимъ пріятное воспоминаніе.

Какъ только пароходъ вышелъ въ открытое море, у насъ закипѣла такая лихорадочная работа по укладкѣ сундуковъ, чисткѣ каютъ, какой не бывало съ тѣхъ поръ, какъ мы снялись съ якоря въ Бейрутѣ. Всѣ были заняты. Надо было составить списокъ покупокъ и обозначить цѣны, чтобъ облегчить дѣло въ таможнѣ. Пріобрѣтенное оптомъ распредѣлялось между покупщиками, сводились счеты, уплачивались долги, а сундуки, ящики и чемоданы снабжались соотвѣтствующими надписями. Въ теченіе цѣлаго дня не прекращались суета и суматоха.

Этотъ переѣздъ ознаменовался однимъ очень важнымъ событіемъ. Въ одну бурную ночь одинъ изъ пассажировъ проходилъ по коридору между палубами и попалъ ногой въ желѣзную скобу у двери, которую по неосторожности оставили открытой, и сломалъ себѣ ногу въ щиколоткѣ. Это было у насъ первое серьезное несчастіе. Мы проѣхали больше двадцати тысячъ миль по сушѣ и по морю иногда при самыхъ неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, и за все это время не случилось ни одного несчастія, не было даже ни одного случая серьезнаго заболѣванія и смерти среди шестидесяти пяти пассажировъ. Мы считали себя удивительно счастливыми, хотя въ Константинополѣ одинъ матросъ и свалился ночью за бортъ; но тогда это объясняли намѣреніемъ бѣжать, и потомъ тогда у всѣхъ насъ была надежда, что ему во всякомъ случаѣ удалось добраться до берега. Но въ спискѣ пассажировъ не произошло за все время никакихъ перемѣнъ.

Наконецъ въ одно прекрасное утро мы на всѣхъ парахъ вошли въ гавань Нью-Iорка; всѣ мы были на палубѣ, всѣ одѣты въ христiанское платье (по специальному приказу, такъ какъ у нѣкоторыхъ было желанiе явиться одѣтыми турками), и въ то время какъ встрѣтившiе насъ друзья махали въ знакъ привѣтствiя платками, обрадованные паломники замѣтили, что пароходъ дрогнулъ, какъ бы обмѣнявшись рукопожатiемъ съ палубой послѣ долгаго и удивительно интереснаго путешествiя.

LXI.

Я помѣщаю здѣсь статью, которую написалъ для нью-йоркской газеты „Герольдъ" вечеромъ въ тотъ же день, какъ мы вернулись. Я дѣлаю это частью потому, что къ этому понуждаетъ меня мой договоръ съ моими издателями, частью потому, что она представляетъ собою довольно точный и обстоятельный отчетъ о путешествiи на пароходѣ и о дѣянiяхъ паломниковъ въ чужихъ странахъ, а частью еще и потому, что нѣкоторые изъ пассажировъ бранили меня за то, что я написалъ ее, а я хотѣлъ бы, чтобы публика видѣла, какой это неблагодарный трудъ взять на себя обязанность прославлять людей, не умѣющихъ этого оцѣнить. Я писалъ иногда сообщенiя въ видѣ писемъ для „Герольда", но когда я зашелъ въ тотъ день въ редакцiю, я ничего не говорилъ о томъ, чтобы писать прощальную статью. Я заходилъ въ „Трибуну" узнать, не можетъ ли понадобиться тамъ такая статья, потому что я принадлежалъ къ постояннымъ сотрудникамъ этой газеты, и это было моей простой обязанностью. Редактора не было, а потому я такъ и не могъ переговорить объ этомъ. Вечеромъ ко мнѣ явились отъ „Герольда" съ просьбой дать статью; я сначала хотѣлъ было отказаться, потому что не чувствовалъ тогда желанiя писать комплименты и боялся писать о путешествiи, чтобы не заговорить другимъ языкомъ, не льстивымъ. Но затѣмъ я рѣшилъ, что справедливость требуетъ, чтобъ я сказалъ доброе слово о нашихъ хаджи (хаджи — это правовѣрные, совершившiе паломничество въ Мекку), потому что незаинтересованные люди не могутъ сдѣлать это такъ сочувственно, какъ я, ибо я тоже „хаджи", и потому я написалъ прощальную статью. Я прочелъ ее, затѣмъ снова перечелъ и не нашелъ въ ней ни одной фразы, въ которой не было бы похвалы или капитану, или пароходу, или пассажирамъ. Если эта глава не можетъ служить доказательствомъ, что всякое общество должно гордиться тѣмъ, что въ средѣ его имѣется такой человѣкъ, ко-

торый могъ написать это, значитъ все мое писанье никуда не годится. Съ этими оговорками я довѣрчиво отдаю ее на судъ непредубѣжденнаго читателя.

Возвращеніе путешественниковъ изъ Святой Земли.—Исторія ихъ путешествія.

Редактору „Герольда“:

Пароходъ „Городъ Квакеровъ“ закончилъ, наконецъ, свое необычайное путешествіе и снова присталъ къ старой набережной у подошвы Уолль-Стрита. Въ нѣкоторомъ отношеніи это путешествіе имѣло успѣхъ, а въ нѣкоторомъ нѣтъ. Первоначально оно было названо „увеселительной поѣздкой“. Можетъ-быть, въ виду и въ самомъ дѣлѣ имѣлась только увеселительная поѣздка, но въ дѣйствительности она не была похожа на таковую, да и совершилась она не при такихъ условіяхъ. У всѣхъ и каждаго понятіе объ увеселительной поѣздкѣ заключается въ томъ, что члены ея необходимо должны быть молоды, безразсудны и хвастливы. Большею частью они танцуютъ, много поютъ, влюбляются, но очень мало молятся и слушаютъ проповѣди. На похоронахъ, и въ особенности хорошо обставленныхъ, какъ всѣмъ извѣстно, долженъ быть не только покойникъ, но и траурная колесница, удрученные горемъ (хотя бы только показнымъ) плакальщики, много стариковъ, много торжественности, никакого легкомыслія и при этомъ молитвы и проповѣдь. Три четверти пассажировъ нашего парохода были въ возрастѣ между сорока и семьюдесятью годами! Самое подходящее общество для пикника! Можно бы предположить, что остальная четверть состояла изъ молодыхъ дѣвушекъ. Но нѣтъ. Она состояла, главнымъ образомъ, изъ старыхъ холостяковъ и шестилѣтняго ребенка. Возьмемъ среднее число лѣтъ паломниковъ, и получится цифра пятьдесятъ. Едва ли найдется такой полоумный, который могъ бы вообразить себѣ, что принимавшіе участіе въ нашей поѣздкѣ старцы пѣли, влюблялись, танцовали, смѣялись, разсказывали анекдоты и вообще поступали легкомысленно! Насколько помнится, они мало грѣшили въ этомъ отношеніи. Здѣсь, у насъ дома, можетъ-быть, думали, что эти игривые ветераны смѣялись, пѣли и рѣзвились цѣлый день, изо дня въ день, и поддерживали шумное возбужденіе отъ одного конца парохода до другого, что они играли въ жмурки, танцовали кадрили и вальсы въ лунные вечера на шканцахъ, а въ остальное свободное время записывали одну и двѣ лаконическія фразы въ дневники, для которыхъ, уѣзжая изъ дому, они тщательно составили планъ, а затѣмъ спѣшили къ своему висту и шахматамъ и за полночь играли при свѣтѣ каютныхъ лампочекъ.

Если у насъ такъ думали, то это предположенiе было ошибочное. Достопочтенные путешественники не были ни веселы ни рѣзвы. Они не играли въ жмурки, не играли въ вистъ, не вели скучнаго дневника, потому что,—увы!—большая часть ихъ писала ихъ даже книги. Они никогда не рѣзвились, говорили, но очень мало, никогда не пѣли, за исключенiемъ вечерней общей молитвы. Увеселительный пароходъ былъ синагогой, а увеселительная прогулка—похоронной процессiей безъ покойниковъ. (Нѣтъ ничего веселаго въ похоронной процессiи безъ покойника). Веселый, чистосердечный смѣхъ былъ звукомъ, который можно было слышать не чаще одного раза въ теченiе семи дней на этихъ палубахъ или въ этихъ каютахъ, а когда онъ и слышался, то онъ не вызывалъ ни въ комъ сочувствiя. Путешественники танцовали три раза по вечерамъ, но не подъ рядъ, давно, давно тому назадъ (кажется, цѣлую вѣчность) кадриль, только ввосьмеромъ, три дамы и пять кавалеровъ (послѣднiе съ перевязанными носовыми платками руками, что должно было обозначать ихъ полъ), которые топали ногами подъ торжественные звуки скрипѣвшаго мелодiума; но даже и это невинное развлеченiе было объявлено грѣховнымъ, и танцы прекратились.

„Паломники играли въ домино, когда слишкомъ сильныя дозы Джозефуса или изслѣдованiя Святой Земли Робинзона, или записной книги требовали непремѣнно отдыха (домино почти такая же прiятная и невинная игра, какъ и крокетъ; это игра, гдѣ вы не загоняете шаровъ въ лузу, а слѣдовательно не заботитесь ни о чемъ важномъ, а когда вы кончите, то никто не платитъ, не видно никакого угощенiя, а слѣдовательно, въ ней нѣтъ никакого удовольствiя), въ домино играли, пока не устанутъ, а затѣмъ исподтишка придирались другъ къ другу до самой молитвы. Когда не было морской болѣзни, то всѣ необычайно спѣшили, когда раздавался звукъ обѣденнаго колокола. Такова была наша ежедневная жизнь на пароходѣ, — торжественность, декорумъ, обѣдъ, домино, молитвы и сплетни. Теперь все это прошло; но когда я оглядываюсь назадъ, мысль объ этихъ достопочтенныхъ ископаемыхъ, отправившихся на шестимѣсячный пикникъ, кажется мнѣ удивительно освѣжающей.

„Гдѣ бы мы ни были, въ Европѣ, въ Азiи или въ Америкѣ, мы производили сенсацiю, и, я полагаю, можно прибавить, производили голодъ. Никто изъ насъ раньше не бывалъ нигдѣ; мы всѣ явились изнутри страны; путешествiе было для насъ дикой новинкой, и мы вели себя согласно нашимъ природнымъ инстинктамъ. Мы всегда старались дать понять,

что мы американцы, — американцы! Когда мы узнали, что большинство иностранцевъ едва ли слышали когда объ Америкѣ, а что еще большее число знали ее только какъ варварскую область гдѣ-то тамъ, далеко, которая недавно вела съ кѣмъ-то войну, мы пожалѣли о невѣжествѣ Стараго свѣта, но не сбросили съ себя важности ни на одну іоту. Очень многія мелкія деревушки на Востокѣ цѣлые годы будутъ вспоминать о вторженіи чужеземной орды въ лѣто отъ Рождества Христова 1867 г., которая называла себя американцами и, казалось, воображала, неизвѣстно почему, что имѣетъ право гордиться этимъ. Вообще мы создавали голодъ частью потому, что кофе у насъ на пароходѣ было нестерпимо, и часто самые необходимѣйшіе припасы не первой свѣжести, а частью потому, что естественно надоѣдаетъ долго сидѣть на одномъ и томъ же пароходѣ и ѣсть одни и тѣ же блюда.

Люди въ этихъ чужихъ странахъ очень, очень невѣжественны. Они съ любопытствомъ разсматривали костюмы, въ которыхъ мы прибыли изъ дикой Америки. Они замѣчали, что иногда мы громко разговаривали за столомъ. Они замѣчали, что мы искали, на чтобы истратить деньги, и старались пріобрѣсть какъ можно больше на свой франкъ, и удивлялись, откуда мы явились. Въ Парижѣ они широко открывали глаза и удивлялись, когда мы заговаривали съ ними по-французски! Намъ никогда не удавалось заставить этихъ идіотовъ понять ихъ собственный языкъ! Одинъ изъ нашихъ пассажировъ сказалъ одному приказчику въ магазинѣ, предлагавшему ему купить пару перчатокъ: „Allong, restay, trankeel, may be we coom Moonday“ *); и повѣрите ли вы, этотъ приказчикъ, прирожденный французъ, спросилъ, что онъ такое говоритъ. Мнѣ кажется, что между французскимъ языкомъ парижанина и тѣмъ языкомъ, на которомъ говорятъ пассажиры „Города Квакеровъ“ есть какая-то разница.

На насъ всѣ и всюду таращили глаза, и такими же глазами смотрѣли и мы на всѣхъ. Вообще мы заставляли ихъ чувствовать себя ничтожными въ нашемъ присутствіи, потому что мы подавляли ихъ своимъ американскимъ величіемъ. Но въ общемъ мы, однакоже, довольно снисходительно относились къ нравамъ и обычаямъ и въ особенности къ костюмамъ народовъ, которыхъ намъ приходилось видѣть. Когда мы покидали Азорскіе острова, мы всѣ носили ужасные капоты и съ успѣхомъ употребляли гребенки съ тонкими зубцами. Когда мы возвращались изъ Танжера въ Африку, то носили кроваво-

*) Это фактъ. *Примѣч. автора.*

красныя фески, увѣшанныя кисточками, какъ индѣйскіе скальпы. Во Франціи и въ Испаніи мы обращали даже на себя вниманіе въ этихъ фескахъ. Въ Италіи насъ естественно приняли за недовольныхъ гарибальдійцевъ и даже посылали канонерскую лодку поискать чего-нибудь подозрительнаго у насъ на пароходѣ, благодаря нашему переодѣванью. Мы заставили возопить Римъ! Мы могли бы заставить вопить всюду, гдѣ стали бы надѣвать наши наряды. Въ Греціи мы не могли раздобыть національныхъ костюмовъ, потому что тамъ у жителей насчетъ одежды вообще очень бѣдно. Но зато какими мы вернулись изъ Константинополя! Тюрбаны, пояса, фески, пистолеты, туники, кушаки, шаровары, желтыя туфли. О, мы были великолѣпны! Знаменитыя константинопольскія собаки лаяли на насъ отъ удивленія до того, что разодрали себѣ пасти! Теперь онѣ всѣ поколѣли. Мы задали имъ столько хлопотъ, заставили ихъ такъ потрудиться, что онѣ, само собой разумѣется, не могли остаться въ живыхъ. Въ Смирнѣ мы накупили ковровъ изъ верблюжьяго волоса и другихъ вещей изъ Персіи; но въ Палестинѣ... Ахъ, въ Палестинѣ насъ ждало полное разочарованіе въ этомъ отношеніи. Тамъ туземцы не носили никакой такой одежды, о которой стоило бы говорить. Мы не пробовали надѣвать ихъ одеждъ, но зато мы удивили обитателей той страны. Мы удивили ихъ такой эксцентричностью въ одеждѣ, какую только могли придумать. Мы пронеслись по Святой Землѣ, отъ Кесаріи Филипповой до Іерусалима и Мертваго моря, волшебной процессіей паломниковъ, не стѣснявшихся издержками, торжественныхъ, пышныхъ, въ зеленыхъ очкахъ, съ синими зонтиками, верхомъ на болѣе жалкихъ лошадяхъ, верблюдахъ и ослахъ, чѣмъ тѣ, которые вышли изъ Ноева ковчега послѣ одиннадцати мѣсяцевъ морской болѣзни и плохого питанія. Если эти сыны Израиля забудутъ когда-нибудь, какъ чрезъ Палестину прошло прибывшее изъ Америки войско Гедеона, ихъ надо будетъ опять предать проклятію и умертвить. Это было, безъ сомнѣнія, самое рѣдкое зрѣлище, какое только могло представиться глазамъ смертныхъ.

Въ Палестинѣ мы были, какъ дома. Съ перваго раза было замѣтно, что это именно и была главная цѣль нашего путешествія. Мы ничѣмъ такъ не интересовались въ Европѣ. Мы промчались чрезъ Лувръ, Питти, Уфицци, Ватиканъ (по всѣмъ галлереямъ) и чрезъ украшенные живописными фресками храмы Венеціи, Неаполя и каѳедральный соборъ въ Испаніи; нѣкоторые изъ насъ утверждали, что извѣстныя, великія произведенія старыхъ мастеровъ слѣдовало считать знаменитыми, геніальными твореніями (мы нашли это въ путево-

дителѣ, хотя иногда мы нападали и не на ту картину), а другіе утверждали, что это была просто старая мазня. Мы разсматривали новѣйшую и старинную скульптуру критическимъ окомъ во Флоренціи, въ Римѣ и всюду все расхваливали, если знали, что нужно хвалить, а если не знали этого, то, не стѣсняясь, говорили, что предпочитаемъ индійскихъ божковъ на выставкахъ въ табачныхъ магазинахъ въ Америкѣ. Но Святая Земля вызвала настоящій энтузіазмъ. Мы восхищались голыми берегами Галилейскаго моря, задумывались передъ Ѳаворомъ и Назаретомъ; вдавались въ поэзію при созерцаніи красотъ Ездрилона; размышляли въ Израилѣ и Самаріи по поводу миссіонерскихъ подвиговъ Іисуса Навина; мы возмущались турками, положительно возмущались въ священныхъ мѣстахъ Іерусалима; мы погружались въ воды Іордана и Мертваго моря, не заботясь о томъ, не будетъ ли это грозить какой-либо опасностью для нашего здоровья, и вывезли столько кружекъ драгоцѣнной воды изъ обоихъ мѣстъ, что вся страна отъ Іерихона до Моавитскихъ горъ будетъ страдать въ этомъ году отъ засухи, по моему мнѣнію. Но, несмотря на это, нѣтъ никакого сомнѣнія, что паломничество ко святымъ мѣстамъ служило главной цѣлью нашего путешествія. Послѣ унылой, мрачной Палестины прекрасный Египетъ имѣлъ мало прелести для насъ. Мы просто только взглянули на него и стали готовиться къ возвращенію домой.

Намъ не позволили высадиться на Мальтѣ по случаю карантина; не позволили намъ затѣмъ высадиться ни въ Сарданіи, ни въ Алжирѣ, ни въ Африкѣ, ни въ Малагѣ, ни въ Испаніи, ни въ Кадиксѣ, ни на островѣ Мадерѣ. За это мы обидѣлись на всѣхъ иностранцевъ, повернулись къ нимъ спиной и отправились домой. Я думаю, что мы останавливались на Бермудскихъ островахъ только потому, что они стояли въ программѣ, но сами мы уже не интересовались ничѣмъ. Мы хотѣли ѣхать домой. На пароходѣ явилась болѣзнь—тоска по родинѣ; это была эпидемія. Если бы власти въ Нью-Йоркѣ знали, какъ намъ было плохо, они засадили бы насъ здѣсь въ карантинъ.

Великое паломничество кончено. Я совершенно искренно могу сказать ему прости и выразить надежду сохранить о немъ пріятное воспоминаніе. Я не питаю никакой злобы, никакого недоброжелательства ни къ чему, что было связано съ нимъ, ни къ пассажирамъ ни къ служащимъ. То, что я не любилъ вчера, мнѣ очень нравится сегодня, когда я дома. Мы выполнили все, что было обѣщано по программѣ, и мы всѣ должны, конечно, быть довольны исполненіемъ долга.

Маркъ Твэнъ.

Я называю это любезностью. Да это и на самомъ дѣлѣ любезность, и все же я не получилъ ни одного слова благодарности отъ нашихъ хаджи; напротивъ, я не скажу ничего, кромѣ истинной правды, если сообщу, что многіе даже обидѣлись на меня за эту статью. Стараясь угодить имъ, я, какъ невольникъ, работалъ надъ этой статьей цѣлыхъ два часа, но все-таки не заслужилъ награды. Никогда не буду больше великодушнымъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Прошло около году съ тѣхъ поръ, какъ кончилось знаменитое паломничество, и я, сидя теперь у себя дома, въ Санъ-Франциско, долженъ признаться, что съ каждымъ днемъ воспоминанія объ этомъ путешествіи становятся все болѣе и болѣе пріятными, между тѣмъ какъ всѣ непріятныя случайности путешествія, которыя заграждали пріятныя, одна за другой улетучиваются изъ моей головы, и теперь, если бы „Городъ Квакеровъ“ стоялъ опять на якорѣ, собираясь снова совершить такое же путешествіе, ничто не могло бы быть для меня пріятнѣе, какъ попасть на него въ число пассажировъ съ тѣмъ же капитаномъ и даже съ тѣми же добродѣтельными паломниками и съ тѣми же грѣшниками. Я былъ въ превосходныхъ отношеніяхъ съ восемью или девятью путешественниками (они и до сихъ поръ еще мои закадычные друзья) и даже разговаривалъ съ остальными шестьюдесятью пятью. Я достаточно долго побывалъ на морѣ, чтобы знать, что это очень хорошее среднее число, потому что продолжительное морское путешествіе не только выдвигаетъ всѣ мелочные недостатки и преувеличиваетъ ихъ, но поднимаетъ еще и другіе, о присутствіи которыхъ иной и самъ-то никогда даже не подозрѣвалъ, а иногда даже и само создаетъ новые. Двѣнадцатимѣсячное путешествіе по морю сдѣлало бы изъ обыкновеннаго человѣка настоящее чудо по обилію всевозможныхъ недостатковъ. Съ другой стороны, если человѣкъ и обладаетъ какими-либо достоинствами, на морѣ онъ очень рѣдко даетъ случай замѣчать другимъ эти достоинства. Теперь я убѣжденъ, что наши старички-паломники въ сущности люди очень пріятные на берегу, я убѣжденъ также, что при вторичномъ путешествіи по морю они будутъ нѣсколько пріятнѣе, чѣмъ во время нашего знаменитаго путешествія; итакъ, я говорю безъ колебанія, что былъ бы радъ снова поговорить съ ними. Я могъ бы, по крайней мѣрѣ, насладиться жизнью съ горсточкой моихъ старыхъ друзей. Да

и они могли бы насладиться жизнью со своими пріятелями,— пассажиры всегда дѣлятся на партіи на всѣхъ пароходахъ.

Тутъ я долженъ замѣтить, что скорѣе согласился бы принять участіе въ путешествіи съ партіей Маѳусаиловъ, чѣмъ постоянно мѣнять пароходъ и товарищей, какъ это дѣлаетъ тотъ, кто путешествуетъ обыкновеннымъ образомъ. Послѣдніе всегда сожалѣютъ о томъ или другомъ пароходѣ, который у нихъ былъ, а теперь нѣтъ, и о другихъ товарищахъ, съ которыми разлучили ихъ разные пути. Они научаются любить пароходъ какъ разъ въ то время, какъ мѣняютъ его на другой, и привязываются къ пріятнымъ спутникамъ только тогда, когда разстаются съ ними. Они испытываютъ это мрачное ощущеніе быть на незнакомомъ суднѣ, среди незнакомыхъ людей, которые нисколько о нихъ не заботятся, и должны переносить обычную грубость незнакомыхъ имъ морскихъ офицеровъ и дерзость незнакомыхъ служителей, что снова и снова повторяется чуть не каждый мѣсяцъ. У нихъ есть еще другое несчастье — складывать и раскладывать сундуки, проходить сквозь строй гостиницъ, хлопоты о сохранности багажа и доставки его въ цѣлости съ одного пункта на другой. Я скорѣе согласился бы ѣхать съ цѣлой бригадой патріотовъ, чѣмъ переносить все это. Мы только два раза укладывали наши сундуки, когда отправлялись изъ Нью-Йорка и когда возвращались туда. Когда бы мы ни совершали сухопутной поѣздки, мы высчитывали, сколько дней проѣздимъ и какой запасъ платья намъ нуженъ, высчитывали это съ математической точностью и сообразно съ этимъ брали съ собой одинъ или два чемодана, а остальное оставляли на пароходѣ. Мы выбирали себѣ компаньоновъ изъ старыхъ, испытанныхъ друзей и отправлялись. Мы никогда не зависѣли отъ незнакомыхъ въ этомъ случаѣ. Мы часто находили случай пожалѣть американцевъ, которыхъ находили мрачно путешествующими среди чужихъ, безъ друзей, съ которыми можно было бы подѣлиться горестями и радостями. Когда бы мы ни возвращались обратно изъ сухопутнаго путешествія, наши глаза искали вдали только одно—пароходъ, и когда мы видѣли его покачивающимся на якорѣ съ флагомъ наверху, мы чувствовали то, что чувствуетъ странникъ, когда видитъ свой домъ. Когда мы вступали на пароходъ, наши заботы кончались, нашимъ безпокойствамъ наступалъ конецъ, потому что пароходъ былъ для насъ домомъ. У насъ всегда была та же самая знакомая гостиная, и мы снова чувствовали миръ, спокойствіе и удобство.

Я не нахожу никакого недостатка въ системѣ, по которой велось наше путешествіе. Его программа тщательно выполнялась;

вотъ что меня удивляло, такъ какъ подобнаго рода предпріятія обыкновенно обѣщаютъ гораздо больше, чѣмъ исполняютъ. Хорошо было бы, если бы такое путешествіе могло устраиваться ежегодно, и программа путешествія опубликовывалась заблаговременно. Путешествія ведутъ за собой гибель для предразсудковъ, изувѣрства, узкости взглядовъ, а очень многіе изъ насъ нуждаются въ такомъ средствѣ въ этомъ отношеніи.

Путешествіе кончилось и отошло въ область прошедшаго, но разнообразныя сцены его и многочисленные случаи пріятно будутъ жить въ нашей памяти еще много лѣтъ. Всегда на лету и останавливаясь лишь на короткія мгновенія, чтобы бросить взглядъ на чудеса Стараго свѣта, мы не могли, конечно, разсчитывать увидѣть все, а тѣмъ болѣе удержать живыя впечатлѣнія всего, что мы имѣли счастье видѣть. Однако наше праздничное путешествіе было не напрасно, потому что изъ массы неопредѣленныхъ воспоминаній нѣкоторыя изъ наиболѣе цѣнныхъ картинъ запечатлѣлись рѣзко и будутъ сохраняться въ памяти еще долго послѣ того, какъ все остальное поблекнетъ.

Мы будемъ помнить кое-что о милой Франціи, кое-что и о Парижѣ, хотя онъ промелькнулъ передъ нами, какъ великолѣпный метеоръ и снова исчезъ. Мы всегда будемъ помнить, что видѣли величественный Гибралтаръ, сверкавшій богатыми красками испанскаго заката и купавшійся въ радужномъ морѣ. Мы снова увидимъ Миланъ въ своемъ воображеніи и его величественный соборъ съ мраморными шпилями; увидимъ Падую, Верону, Комо, сверкающія какъ звѣзды; увидимъ патриціанскую Венецію, плывущую по своимъ стоячимъ водамъ, молчаливую, безмолвную, высокомѣрную, презирающую свое униженное положеніе, драпирующуюся въ воспоминанія о своей минувшей славѣ.

Мы не можемъ забыть ни Флоренціи, ни Неаполя, ни Греціи, ни Аѳинъ и разрушенныхъ храмовъ Акрополя. Не забудемъ мы, конечно, ни Рима, ни простирающуюся вокругъ него зеленую Кампанью, представляющую рѣзкій контрастъ своею яркостью съ сѣдыми развалинами, ни разрушенныя арки, которыя стоятъ отдѣльно одна отъ другой на равнинѣ и прячутъ свою ветхость подъ одѣвающими ихъ виноградными лозами. Мы будемъ помнить храмъ св. Петра, не такъ, какъ его ви дитъ тотъ, кто ходитъ по улицамъ Рима и воображаетъ, что всѣ его главы одинаковы, а такъ, какимъ онъ кажется на разстояніи нѣсколькихъ миль, когда всякое меньшее зданіе блекнетъ, и только одинъ куполъ его великолѣпно сверкаетъ при солнечномъ закатѣ, рѣзко выдѣляясь, какъ гора.

Мы будемъ помнить Константинополь и Босфоръ, колоссально величественный Баальбекъ, египетскія пирамиды, удивительную форму и добродушное выраженіе лица сфинкса, восточную Смирну, священный Іерусалимъ, Дамаскъ, „жемчужину Востока“, гордость Сиріи, сказочные сады Эдема, родину принцевъ и геніевъ арабскихъ ночей, древнѣйшую столицу на землѣ, единственный городъ во всемъ мірѣ, который удержалъ за собой свое названіе и свое мѣсто, тогда какъ за время его существованія, въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ, не мало сошло со сцены и забыто государствъ, у него на глазахъ достигшихъ расцвѣта и пышности и у него же на глазахъ пришедшихъ въ упадокъ.

КОНЕЦЪ.